ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

—

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик **Н. М. Дружинин** *(председатель),*

доктор исторических наук **А. Л. Сидоров** *(зам. председателя),*

академик **А. М. Панкратова;**

члены-корреспонденты АН СССР:
М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин;

доктора исторических наук:
М. П. Ким, А. А. Новосельский, П. Н. Третьяков, Л. В. Черепнин;

кандидат исторических наук
Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1954

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

РОССИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕТРА I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

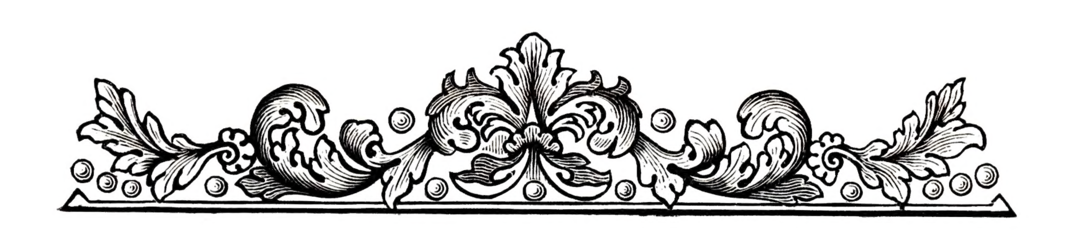
доктора исторических наук ***Б. Б. Кафенгауза,***

кандидата исторических наук ***Н. И. Павленко***

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1954

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей книге поставлена задача — на основе марксистско-ленинской науки вскрыть основные стороны исторического развития нашей Родины в конце XVII и в первой четверти XVIII в. Изложение начинается с характеристики производительных сил — развития сельского хозяйства, промышленности и торговли, затем анализируется состояние производственных отношений, то есть положение крестьянства и трудящихся города, а также история эксплуататорских классов — дворянства и купечества. Вслед за изучением базисных явлений в настоящих «Очерках» освещаются развитие классовой борьбы, реформы государственного устройства и вооруженных сил и блестящие достижения во внешней политике того времени. Наконец, большое место отведено истории культуры — росту просвещения, развитию науки, литературы и искусства. В «Очерках» показаны также связи русского народа с другими народами нашей страны, но более подробно история отдельных народов за это время освещается в следующей книге, где будут изучены процессы, происходившие во второй четверти XVIII в.

Результаты преобразований первой четверти века должны были сказаться в последующее время, тем более что крупнейшие успехи приходятся на последние пятнадцать лет первой четверти XVIII в. Следующее поколение многое пересмотрело и изменило, но, несмотря на это, реформы выдержали испытания времени, и период с конца XVII до середины XVIII в. представляет известную цельность. События, следовавшие за временем преобразований, непосредственно связаны с первой четвертью века. В это время продолжала развиваться крупная промышленность на той же основе крепостного права и зарождавшихся буржуазных отношений; происходившее облегчение дворянской службы явилось прямым результатом военных успехов и обеспечения независимости страны в начале столетия. Дворцовые перевороты были тесно связаны с борьбой дворянских группировок и осуществлялись возникшими при Петре I гвардейскими полками, дворянскими по своему составу. Внешняя политика России во второй четверти XVIII в., войны с Турцией и Швецией продолжали внешнеполитическую линию предше-

ствующего времени. Наконец, та же связь прослеживается в области культуры, деятельность М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, А. Д. Кантемира развертывалась на основе достижений первой четверти столетия. С начала 50-х годов резче обозначаются новые явления (отмена внутренних торговых пошлин, рост буржуазных отношений, обострение классовой борьбы и др.); с этого времени начинается следующий период исторического развития страны. Таким образом, время с конца XVII до середины XVIII в. составляет один период, его можно расчленить, в свою очередь, на два этапа: время преобразований (конец XVII и первая четверть XVIII в.) и последующая вторая четверть века.

При изучении событий конца XVII и первой четверти XVIII в. (1689—1725) следует иметь в виду, что история Российской империи XVIII в. является непосредственным продолжением исторического развития России в XVII в. Это то же общество, те же классы, но в разные моменты своего развития. Преобразования не были переворотом и тем более не являлись революцией, реформы в известной мере были продолжением и углублением процессов, назревших в предшествующем периоде.

Еще в XVII в. сельское хозяйство России приобрело устойчивые черты, которые развивались и в последующие полтора столетия существования феодально-крепостнической системы. Господствовало трехполье, отчетливо проявились особенности хозяйства нечерноземной полосы, потребляющей и промысловой, где в значительной степени была распространена оброчная система, в отличие от черноземной полосы, преимущественно сельскохозяйственной, где преобладала барщина. Несмотря на господство натуральных форм, отдельные крупные крепостнические хозяйства были вовлечены в товарно-денежные отношения.

Вместе с тем широко распространенное ремесло перерастало в мелкое товарное производство. В XVII в. появилось крупное производство в форме мануфактуры, имелись отдельные железоделательные заводы в Москве и под Москвой, в Тульско-Каширском районе и в Карелии, стекольные, бумажные и другие мануфактуры. В них использовалась двигательная сила воды, применялось разделение труда, осваивалась передовая для того времени техника. Выпускавшаяся мануфактурами продукция еще не соответствовала хозяйственным потребностям страны, в основном удовлетворявшимся товарами, изготовленными мелкой промышленностью.

В экономической политике русского правительства в XVII в. уже проявились новые черты. Торговый устав 1653 г. и Новоторговый устав 1667 г. вводили покровительственные меры по отношению к русскому купечеству и применяли повышенное обложение иностранных товаров. Заводчикам предоставлялись привилегии и монополии.

В. И. Ленин указал, что примерно с XVII в. внутри феодально-крепостнического строя происходит образование всероссийского рынка и зарождение буржуазных связей, это время отличается «постепенно растущим

товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»[1].

Таким образом, экономическое развитие в XVII в. характеризуется господством крепостного строя и возникновением буржуазных отношений. Россия отставала в хозяйственном отношении от передовых стран Западной Европы, имела слабую, преимущественно мелкую промышленность, немногочисленные мануфактуры и редкое население; отсутствие выхода к морям мешало развитию торговли и задерживало рост производительных сил страны.

Политическая жизнь XVII в. отличалась резкими проявлениями классовой борьбы, обострением основного противоречия между господствующим классом феодалов и трудовой закрепощенной массой. Крестьянская война под руководством Степана Разина являлась антифеодальным стихийным восстанием народных масс.

В русском городе XVII в. происходит имущественное и классовое расслоение: немногочисленная богатая верхушка противостоит мелким ремесленникам и торговцам. Посадская масса проявляет политическую активность. Городские восстания в середине столетия в Москве, Новгороде, Пскове и других городах, так же как и крестьянская война под руководством Степана Разина, предшествовали восстаниям XVIII в.

В государственном устройстве России в XVII в. происходил переход к абсолютизму. В Западной Европе — это время Людовика XIV, провозгласившего лозунг: «государство — это я»; там прекращается созыв представительных средневековых учреждений — генеральных штатов и сеймов. В Русском государстве с середины XVII в. уже не созываются земские соборы, Боярская дума начинает утрачивать свой исключительно аристократический характер, частично заполняется дьяками, то есть чиновниками, и неродовитыми дворянами. В административном аппарате проявляются процессы централизации и бюрократизации, из многочисленных приказов выделяются ведущие учреждения, начальники которых объединяют в своих руках целые группы приказов. Из полутораста уездов, на которые делилась в административном отношении страна, выделяются в пограничных районах и в Сибири крупные местные центры, воеводы которых управляют группой уездов — далекие предшественники губернского административного деления.

Русская армия была до некоторой степени реформирована еще в XVII в., и притом в направлении, в каком она окончательно преобразовалась при Петре I. Наряду с дворянской конницей в XVII в. создаются лучше обученные солдатские, драгунские и рейтарские полки; делаются попытки к созданию флота на Каспии и на Западной Двине во время войны со Швецией.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137—138.

Во внешней политике второй половины XVII в. после войны с Польшей за Украину наряду с русско-польскими отношениями большое значение имели русско-турецкие и русско-шведские отношения. Однако Кардисский мир со Швецией в 1661 г. не дал России выхода к морю. Чигиринские походы при царе Федоре Алексеевиче и Крымские походы при царевне Софье явились предтечами Азовских походов.

В области политической мысли вырабатываются своего рода программы будущих реформ (А. Ордын-Нащокин, Ю. Крижанич, В. Голицын). Новшества в области культуры проявились в деятельности высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии, где, однако, обучение носило церковно-схоластический характер; в литературе появляется жанр светской повести.

Таким образом, к концу XVII в., накануне реформ, Россия несмотря на отставание, развивалась в том же направлении, в каком она быстро двинулась вперед в первой четверти XVIII в.

Переходя к рассмотрению исторического развития нашей Родины в конце XVII и в первой четверти XVIII в., следует прежде всего вскрыть классовую основу реформ и выяснить, какое значение имели преобразования для трудовых масс. В социально-экономическом строе России в конце XVII и в первой четверти XVIII в. не было коренных изменений. Происходившие сдвиги можно определить как сочетание двух процессов — дальнейшего укрепления господствовавшей феодально-крепостнической системы и наметившегося одновременно с этим усиления буржуазных отношений.

Рассматриваемое время характеризуется укреплением феодальной собственности на землю, являвшейся основой феодализма. Указ о единонаследии 1714 г. оформил процесс слияния двух видов феодального землевладения — вотчины и поместья. Они были подчинены единому правовому режиму и стали называться «недвижимыми вещами». Указ о единонаследии отражал новый этап в формах феодальной собственности на землю, он в известной мере способствовал превращению земли в товар, так как владельцам поместий разрешено было их продавать и передавать по наследству. Этот важный шаг еще не превращал феодальную собственность в буржуазную, так как право распоряжения было ограничено сохранением права выкупа со стороны родственников, запрещением отчуждения имущества последним в роде, землевладение оставалось привилегией дворянства.

Вместе с тем увеличивался принадлежавший дворянству земельный фонд и росла численность крепостных крестьян. Только за первую половину царствования Петра I было роздано дворянам 43 тыс. десятин и около 175 тыс. чел. мужского пола дворцовых крестьян.

В первом десятилетии XVIII в. происходит некоторое расстройство сельского хозяйства под влиянием войны, но затем наблюдается его восстановление. Расширялись посевы технических культур — внедрялась

культура табака, увеличивались посевы льна и конопли, некоторое распространение получили улучшенные способы уборки хлебов; принимались меры и создавались учреждения по охране лесов. В это время происходит освоение и распашка новых земель на юге и на востоке страны, и вместе с процессом колонизации еще более усиливаются хозяйственные различия между черноземной и нечерноземной полосами. Первая, преимущественно земледельческая, отличается расширением барщинного хозяйства, вторая, нечерноземная, характеризуется развитием промыслов и торговли и все более становится потребляющей, а в отношении организации крепостного хозяйства — оброчной.

Убыль населения, наблюдавшаяся в первом десятилетии XVIII в., в дальнейшем, в последнее десятилетие петровского царствования, была восполнена. Тезис об огромном разорении страны и обезлюдении при Петре не может быть принят, как это было показано еще в исследовании М. В. Клочкова о населении России того времени.

В мелкой промышленности в некоторых отраслях, как в металлических промыслах, происходил процесс перехода к укрупненным мастерским. Ремесленники дали кадры мастеров для крупных заводов. Строительство крупной промышленности в форме мануфактур является одним из важнейших достижений этого времени. Насколько значителен был рост промышленности, хотя и подготовленный предшествующим экономическим развитием, видно из таких данных: на рубеже XVII и XVIII вв. было полтора десятка заводов, а в первой четверти XVIII в. основано около 200 мануфактур, в том числе до 40 металлургических предприятий, 15 суконных, 9 полотняных и т. д. Выросли новые промышленные районы и центры, как Урал и Петербург. Благодаря росту крупной промышленности была ликвидирована прежняя зависимость от ввоза из-за границы, и к концу первой четверти XVIII в. Россия становится экспортером промышленных изделий — железа и парусины. Заводы являлись крупными предприятиями с сотнями рабочих. Они принадлежали крупным предпринимателям— купцам или казне; на них применялось разделение труда, нередко использовалась двигательная сила воды при помощи мельничного колеса. Создание крупной промышленности — одно из самых прочных и прогрессивных явлений изучаемого времени.

Россия вступила в мануфактурную стадию экономического развития, осложненную, однако, господствовавшими в стране феодально-крепостническими отношениями.

Для выяснения социальной природы мануфактуры того времени следует отметить сложный состав рабочей силы. На заводах, наряду с крепостными и приписными крестьянами, были и вольные или пришлые рабочие, не являвшиеся собственностью заводовладельца. Организационный строй промышленного предприятия — крупные размеры мануфактуры, разделение труда, передовая техника — соответствовал тому, что имелось уже в капиталистических странах. Заводчики получали приви-

легии, им предоставлялись ссуды из казны, производство охранялось высокими таможенными пошлинами. Заводская продукция шла на казенные нужды по принудительным ценам, но часть ее шла на рынок. Мануфактура того времени являлась переходной, сочетая феодально-крепостнические отношения с зарождавшимися буржуазными связями. Вместе с тем вопрос о природе мануфактуры этого времени еще остается дискуссионным. С ним связана также проблема первоначального накопления в России.

В первой четверти XVIII в. происходит дальнейшее развитие товарного производства и всероссийского рынка. Усилившееся общественное разделение труда и специализация районов находили свое выражение в товарообороте страны: сельскохозяйственные товары направлялись с юга к центру России, это были прежде всего грузы хлеба из заокских районов, шедшие водой и гужом в Москву, и сельскохозяйственное сырье (кожи, воск, хмель, шерсть). Из центральных, северных районов и с востока шли изделия мелкого товарного производства и мануфактур: полотно, железо, металлоизделия. Значительная роль на рынке принадлежала скупщику — купцу и разбогатевшему крестьянину. В этот период возникает острая проблема урегулирования крестьянской торговли, конкурирующей с купеческой.

Во внешней торговле следует отметить рост оборотов в связи с присоединением балтийских портов и достижение активного баланса (вывоз из Петербурга, Риги и Архангельска составлял в 1726 г. свыше 4 млн. руб., а ввоз — 2 млн. руб.). Таможенный тариф 1724 г. имел ярко выраженный покровительственный характер: высокие пошлины взимались за привозные товары, производство которых уже развертывалось на русских мануфактурах. Казенные монополии на продажу ряда товаров, многочисленные в первые полтора десятилетия XVIII в., затем частично ликвидируются в интересах купечества. Строительство каналов также способствовало расширению торговли. В результате присоединения балтийских портов к России морские державы — Голландия и Англия — оказались зависимыми от русского экспорта льна, пеньки, парусины, каната и леса—товаров, необходимых для флота. В первой четверти XVIII в. начался экспорт русского железа, которое через два-три десятилетия стало одной из главных статей вывоза России. Экономическая политика была проникнута началами меркантилизма. Дальнейшее развитие внутренней и внешней торговли, промышленное строительство и сдвиги в размещении населения способствовали созданию «общности экономической жизни», являющейся одним из признаков складывавшейся нации. Проблема формирования нации привлекает внимание советских историков, но остается еще недостаточно разработанной.

И. В. Сталин отметил известную прогрессивность экономической политики этого времени: «Когда Пётр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения

армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»[1]. Таким образом, основное значение преобразований состояло в борьбе с отсталостью страны. Но прогрессивность петровской экономической политики относительна и ограниченна. Классовый характер преобразований выразился в том, что от них преимущественно выиграли господствующий класс — дворянство, а также зарождавшаяся буржуазия, тогда как положение трудовых масс ухудшалось.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что некоторый рост производительных сил, экономические и культурные успехи, достигнутые в изучаемый период, сопровождались, однако, усилением крепостного гнета. Энгельс отметил, что со времени Петра I до Екатерины II вместе с расширением внешней торговли России развивалось и крепостное право, и царское законодательство «позволяло помещикам все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»[2]. И. В. Сталин указывает, что «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»[3].

Тяжелое положение крестьянства было связано с рядом явлений. Происходила широкая раздача в частные руки дворцовых земель и крестьян, чрезвычайно увеличился разряд приписных, то есть государственных крестьян, обязанных работать на заводах; заводчики получили право покупать деревни с крестьянами на ограниченном праве (поссессионные крестьяне). Эти меры приводили к расширению применения крепостного труда. Войны того времени привели к росту бюджета и к новым налогам. Государственный бюджет увеличился втрое по сравнению с бюджетом конца XVII в. К этому прибавились рекрутские наборы и мобилизация крестьян на строительство новых городов, каналов и заводов. Усиление крестьянских побегов, против которых были изданы десятки указов, также свидетельствует о тяжелом положении крестьянства. Вместе с тем рост товарно-денежных отношений способствовал уже возникшему классовому расслоению в деревне, увеличивался отход в города, где крестьяне заполняли ремесленные цехи и отчасти входили в состав рабочих мануфактур.

Вместе с введением указа о единонаследии, раздачей земель с крестьянами, окончательным слиянием холопов с крепостными после введения подушной подати, усиливалась власть помещика. Дворяне попрежнему занимают командные должности в армии, во флоте и в новых

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 248—249.

[2] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1950, стр. 332.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 105.

учреждениях. «Табель о рангах» упорядочила прохождение службы — военной и гражданской — по служебной лестнице из 14 ступеней или рангов (от прапорщика в военной службе или коллежского регистратора в гражданской службе до высшей ступени — фельдмаршала и действительного тайного советника). Был открыт некоторый доступ в ряды дворянства для выходцев из других классов, выдвинувшихся на гражданской службе или в армии и дослужившихся до офицерского чина.

Промышленная и торговая политика в первой четверти XVIII в. привела к обогащению верхушки купечества. Меры экономической политики содействовали укреплению купечества. Новые городские и купеческие органы, ратуша и земские избы, а позднее магистраты, были отданы в руки богатейшей части купечества. Но дворянское государство видело в них подчиненные органы, исполняющие поручения властей и отвечающие за сбор податей. Вместе с купечеством активно выступают в промышленности и торговле выходцы из деревни; разбогатевшие крестьяне нередко переходят к торговле и промышленности и переселяются в посады. Из верхушки посадских людей и отдельных представителей крестьянства начинает складываться буржуазия, в своеобразных условиях протекает процесс первоначального накопления.

Усиление крепостного гнета, сыск беглых крестьян для возвращения их прежним владельцам, рост налогов и повинностей привели к обострению классовой борьбы, выразившейся в массовых восстаниях. Толчком к восстанию в Астрахани были новые сборы, грубое проведение бытовых новшеств, бесцеремонная эксплуатация стрельцов и солдат местного гарнизона для личного хозяйства воеводы. Восстание на Дону было вызвано действиями отряда Ю. Долгорукого, посланного на Дон для сыска беглых крестьян. Основной силой восстания на Дону в 1707—1708 гг. была казацкая голытьба, недавние крестьяне, бежавшие от закрепощения. Одновременно с этим крестьянские волнения охватили центр страны. Вместе с тем в восстании на Дону была и другая сторона, далекая от народных интересов: К. Булавин, получив власть в Черкасске, выступал за «автономию» Дона, против централизации государственного управления на местах; он грозил в случае наступления правительственных войск уйти с казаками, отложиться от России.

В этот период возникают новые формы классовой борьбы, связанные со строительством мануфактур. Уже в 1703 г. на Урале разразилось восстание крестьян, мобилизуемых на заводские работы. Бегство крестьян с Урала приняло такие размеры, что начальник уральских заводов В. Геннин стал применять смертную казнь за побег. Рабочие московских мануфактур боролись против своего закрепощения, против понижения заработной платы и вычетов.

В соответствии с указанными основными чертами социально-экономической жизни должен быть решен вопрос о характере государственной власти в России в результате административных реформ Петра I.

В. И. Ленин рассматривал развитие русского государственного строя за три века (XVII—XIX вв.) как поступательное движение к буржуазной монархии. Изучаемый период (конец XVII и первая четверть XVIII в.) должен быть определен как время создания «чиновничье-дворянской империи». Отличительные черты империи XVIII в. раскрыты Лениным в следующей характеристике исторического развития Русского государства: «...русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян...». В. И. Ленин устанавливает здесь три этапа развития русского государственного строя (самодержавие XVII в. с боярской Думой и боярской аристократией, государство XVIII в. с бюрократией и служилыми сословиями и, наконец, самодержавие XIX в. с капитализмом и земскими местными учреждениями). Этому замечательному высказыванию В. И. Ленина предшествует его указание на «диалектику истории», заключающуюся в данном случае в том, что переход от одной формы государства к другой нисколько не устраняет господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке[1]. Таким образом, следует признать, что «чиновничье-дворянская империя» первой четверти XVIII в., являясь определенным этапом в движении к буржуазной монархии, в то же время продолжала оставаться формой господства дворянства.

Утверждение абсолютизма тесно связано с отмеченными социально-экономическими процессами. Феодально-крепостнический строй укреплялся при Петре I, но вместе с тем продолжался процесс создания «буржуазных связей», характерных для «нового периода». «Капиталисты-купцы», стоявшие во главе всероссийского рынка, смогли расширить объем торговли, внешней и внутренней, и переходили к крупному производству.

Зарождающаяся буржуазия вступает в некоторое противоречие с господствующим классом, хотя в силу слабости купечества это противоречие проявляется преимущественно в хозяйственной жизни и еще не приобрело острого характера. Купечество, например, сталкивается с дворянством в вопросе о праве торговли. Дворянство защищает торговлю крестьян, конкурирующих с городскими купцами. Правительство в конце концов останавливается на компромиссном решении, разрешает крестьянскую торговлю с записью крупных торговцев из крестьян в посад. Формируется идеология купечества, о которой можно судить по трудам И. Т. Посошкова. Его проекты заострены против знати и дворянства, он предлагал меры к некоторому ограничению крепостного права, но еще не был противником феодально-крепостнического строя.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 308.

Абсолютная монархия, как указывает К. Маркс, возникает, когда старые феодальные сословия разлагаются и сословие горожан складывается в класс буржуазии, «...и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой»[1]. В России XVIII в., в отличие от передовых стран Западной Европы, еще не было равновесия между обоими классами, но между ними уже выявлялись противоречия, и в условиях феодально-крепостнического строя начиналась борьба за использование внутреннего рынка, за участие в крупной промышленности, за право обоих классов эксплуатировать крестьянство. Дворянское правительство должно было в интересах укрепления своего господства принять ряд мер, способствующих росту буржуазии, в виде политики поощрения торговли и промышленности. Кроме того, дворянство нуждалось в аппарате абсолютистского государства для подавления народных восстаний, для укрепления своего господства над крестьянством. Абсолютизм в России являлся формой господства дворянства при наличии нарождавшейся буржуазии.

Абсолютизм оформился в первой четверти XVIII в., в это время возникают дворянско-бюрократические учреждения, какими были Сенат, коллегии и губернские учреждения на местах. Их деятельность была связана с системой мелочного контроля, для чего созданы были «фискалат» и прокуратура, возглавлявшаяся высшим бюрократическим органом — генерал-прокурором Сената, «оком царевым». Новые учреждения в большей степени, чем прежний аппарат, обеспечивали господство дворянства над эксплуатируемым крестьянством.

В Русском государстве в первой четверти XVIII в. церковь заняла подчиненное место в результате отмены патриаршества и создания Синода. «Духовная коллегия», или Синод, наравне с другими высшими учреждениями была подчинена Сенату. Идеологом абсолютизма явился Феофан Прокопович, обосновавший в «Духовном регламенте» необходимость подчинения церкви светским государственным учреждениям; в «Правде воли монаршей» он определил абсолютную власть как не ограниченную никаким законом и ни перед кем не отвечающую. Впрочем, еще ранее основной принцип абсолютизма был сформулирован в «Воинском уставе». Связь абсолютизма с реформированной армией и с дворянством выразилась также в создании Семеновского и Преображенского полков, дворянских по своему составу, причем император стал гвардейским полковником. Так при Петре I была создана постоянная вооруженная сила дворянства — гвардия, распоряжавшаяся после его смерти императорским престолом. Абсолютистское государство должно было обеспечить выполнение двух функций классового государства, при этом удержание в узде эксплуатируемого большинства населения являлось его наиболее важной задачей. Вместе с тем политике этого времени свойственны отдельные проявления так называемого «просвещенного абсолютизма». Проблема государства этого периода, однако, недоста-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. V, стр. 212.

точно освещена в советской специальной литературе и нуждается в дальнейшей разработке.

Наряду с функцией обеспечения господства дворянства внутри страны государство должно было обеспечить выполнение и второй функции — внешнеполитической. Как переплетались обе задачи, видно из того, что ядром новой победоносной армии явились те же два гвардейских полка, которые служили опорой власти в борьбе с политическими противниками внутри страны. В военной реформе Петр I опирался на опыт XVII в., когда были организованы обученные солдатские, рейтарские и драгунские части — зародыши регулярной армии. Рекрутская система комплектования армии, введенная в это время, состояла в регулярных наборах солдат с определенного числа дворов или душ мужского пола крестьян и посадских людей; тем самым была создана хорошо обученная регулярная армия.

На вооружении русской армии было гладкоствольное ружье (фузея)— лучшее по скорострельности ружье в Европе; новая промышленность обеспечила создание отличной артиллерии немногих калибров. Воинские уставы в русской армии отличались простотой и целесообразностью, устав 1716 г. придавал особое значение воспитанию войска. В соответствии с феодально-крепостническим строем офицерский состав был дворянским. Но в отличие от XVII в. была введена систематическая подготовка офицеров в военных школах. Величайшим достижением явилось строительство русского флота. Молодой русский военно-морской флот одержал победы над шведским флотом в морских сражениях при Гангуте в 1714 г. и Гренгаме в 1720 г.

Важнейшей задачей при освещении изучаемого периода является анализ его больших внешнеполитических достижений. В результате их были разрешены проблемы, поставленные и отчасти подготовленные еще в XVI и XVII вв. Азовские походы 1695—1696 гг. были продолжением Крымских походов В. В. Голицына. Завоевание Азова было крупным событием большого международного значения, положившим начало превращению России в морскую державу. В последующее время правительство отлично воспользовалось тем, что крупнейшие державы на Западе были отвлечены войной за испанское наследство, и сумело энергично и настойчиво довести до конца долгую Северную войну.

Маркс отметил, что «ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого». Девизом петровской политики, по мнению Маркса, могли служить слова: «России нужна вода». С приобретением берегов Балтийского моря, в результате русских побед в Северной войне, Россия «получила лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны»[1]. Энгельс

---

[1] *K. Marx.* Secret Diplomatic history of the 18th century. London, 1899, p. 87.

также подчеркивал внешнеполитические успехи России при Петре I: «Этот действительно великий человек,— великий совсем не так, как Фридрих «Великий», послушный слуга преемницы Петра, Екатерины II,— первый вполне оценил изумительно благоприятную для России ситуацию в Европе. Он ясно увидел, наметил и начал осуществлять основные линии русской политики как по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше..., так и по отношению к Германии»[1].

Северная война велась за возвращение искони принадлежавших русскому народу балтийских берегов, силою отнятых шведами, за изгнание захватчиков, вторгшихся на территорию нашей страны в 1708—1709 гг., за создание условий для дальнейшего экономического развития. Война началась с неудачи под Нарвой, но, как правильно указывал Энгельс, «Нарва была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы»[2]. Полтавская победа привела к изгнанию шведских захватчиков из пределов нашей Родины и показала всем неуязвимость России.

Полтавская битва коренным образом изменила весь ход Северной войны. Основание Петербурга и приобретение Риги и Ревеля, а также Выборга, выход русских войск в Померанию, наконец, занятие Финляндии заставили шведское правительство искать мира. Стойкость и искусство русской дипломатии, опиравшейся на возросшую военную мощь, привели к блестящему Ништадтскому миру. Россия твердо стала на берегах Балтийского моря. Победа над сильнейшей армией в Европе, какой была армия Карла XII, явилась плодом напряженных усилий и героизма народных масс, результатом успехов в экономическом строительстве и преобразованиях.

Успешное завершение тяжелой войны оказало влияние на все стороны общественной жизни. Победа над грозным врагом, фактически достигнутая уже к 1715—1716 гг., дала возможность более полно развернуть экономическое строительство и более планомерно разработать и провести административные преобразования. С 1716 г. возобновляется после десятилетнего перерыва строительство заводов на Урале и в центре страны. В 1718—1719 гг. вводятся в жизнь новые центральные учреждения, коллегии, осуществляется вторая реформа областного управления, проводится реформа Сената, издаются обширные регламенты.

После определившегося перелома в войне, примерно с 1714 г., особенно возрастает «литература проектов», то есть записок с проектами реформ, подававшихся правительству. Политическая мысль господствующего класса, дворянства, отразилась в «Рассуждении» о причинах войны со шведами, написанном П. П. Шафировым и снабженном послесловием Петра (1717). В конце царствования Петра написаны трактаты Ф. Прокоповича («Правда

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 12.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. X, стр. 227.

воли монаршей» и «Духовный регламент»), где защищались преобразования; собирается материал по истории царствования, готовится «История Свейской войны». Наряду с дворянскими публицистами выступил представитель нарождавшегося купечества И. Т. Посошков. Его первым произведением была записка «О ратном поведении». Написанная под впечатлением нарвского поражения в 1700 г., она проникнута горячим патриотизмом и содержит проект улучшения армии. Военная реформа Петра во многом вышла за узкие рамки этого раннего проекта. Шире развернулась мысль публициста в конце царствования Петра. «Книга о скудости и богатстве» Посошкова (1724) содержит обширный и разносторонний план реформ, где, исходя из интересов нарождавшегося купечества, автор предлагал созыв выборных для составления нового Уложения, ограничение права помещиков на крестьянский труд и т. п. Книга Посошкова является одним из наиболее ярких произведений в мировой экономической литературе меркантилизма.

В первой четверти XVIII в. были основаны общеобразовательные и специальные учебные заведения (Навигацкая школа, артиллерийские и гарнизонные школы, Морская академия, медицинская школа и др.). Но привилегированные учебные заведения были недоступны народным массам, в них учились дети дворян, чиновников и духовенства. Издается литература по математике, технике, военному делу, географии и т. п. Замечательны географические открытия этого времени и развитие картографии, изучение Каспийского моря, подготовка экспедиции В. Беринга и А. И. Чирикова. Основана была Академия наук, стала выходить печатная газета, появляются замечательные произведения портретной живописи и архитектуры, возникает театр. Однако отрицательную роль сыграло чрезмерное увлечение части господствующего класса и самого Петра западноевропейской культурой. Распространившееся среди части русского дворянства низкопоклонство перед Западом и наплыв иностранцев особенно отрицательно сказались в событиях следующей четверти века, во время «бироновщины».

В. И. Ленин отметил «европеизацию» России, начиная с Петра I, но в понятие «европеизация» В. И. Ленин не вкладывал непременно положительной оценки, указывая, что реакция также приобретала более «европейские» формы[1]. При этом В. И. Ленин указал, что перенимание даже передовых явлений проводилось грубыми средствами, что Петр не останавливался «перед варварскими средствами борьбы против варварства»[2].

В культурной жизни этого периода резче, чем прежде, проявились классовые различия культуры народных масс и культуры господствующего класса. Культурные новшества почти не затронули крестьянства. Но

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 526.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 27, стр. 307.

в фольклоре первой четверти XVIII в. отразилось правильное понимание событий: в солдатских песнях нашла свое выражение национальная гордость героизмом русской армии, сознание, что победы явились результатом народных усилий и народных жертв. Стихийная революционность выразилась в прокламациях вождей народных восстаний, призывавших к восстанию против бояр и чиновников. Положительное значение имело также некоторое приобщение солдат и мастеровых к передовой военной и промышленной технике в армии и на вновь построенных заводах.

Марксистско-ленинское учение о роли выдающихся исторических личностей помогает понять значение деятельности Петра I. Народ творит историю, и значение великих людей заключается в правильном учете тех условий, которые они застали, в правильном понимании, как изменить эти условия.

Человек исключительных способностей, сильной воли и неиссякаемой энергии, Петр был великим русским государственным деятелем, выдающимся полководцем, дипломатом и законодателем. Он оставался, однако, представителем господствующего класса. Деятельность Петра основана на мысли о «службе» царя государству, об «общем благе», которое на деле являлось прежде всего благом для дворянства и купечества. Для него характерен отказ от церковной пышности, окружавшей прежних царей, он предстал перед народом в виде гвардейского офицера, облеченного самодержавной властью. А. С. Пушкин, высоко ценивший Петра, вместе с тем отметил его классовые дворянские черты, подчеркнув, что многие из его указов как будто «писаны кнутом» и «вырвались у нетерпеливого и самовластного помещика».

Российская империя в момент своего создания уже была многонациональным государством. В ее состав входили Украина, Эстония, Латвия, Карелия, народы Поволжья и Сибири.

Россия играла прогрессивную, цивилизующую роль по отношению к народам Востока, для народов Поволжья, Кавказа и Средней Азии. Влияние русского народа на развитие других народов сказывалось в распространении земледелия у народов Сибири, в строительстве промышленных предприятий на территории Украины, Карелии, Татарии и Башкирии, в постепенном втягивании народов этих районов в складывавшийся всероссийский рынок.

Прогрессивная роль России для этих народов состояла также в том, что мощное государство обеспечивало безопасность их территории, тем самым способствовало развитию их производительных сил. Украина была защищена от иноземного захвата благодаря братской помощи русского народа. Молдавский, грузинский, армянский и азербайджанский народы поднялись против турецкого и персидского гнета при содействии России.

В истории народов Российской империи в большей или меньшей степени, в зависимости от уровня их развития, наблюдались явления и

процессы, общие с русским народом: осуществлялась консолидация господствующего класса феодалов, развивались товарные отношения, усиливалась крепостническая эксплуатация трудовых масс народов, населявших нашу Родину. Колониальная политика царизма проявилась особенно отчетливо в усилении эксплуатации народов Поволжья и Сибири, в росте налогов и других повинностей. Вместе с тем, вопреки колониальной политике самодержавия, на почве экономического и культурного сближения и общности классовых интересов устанавливалась дружба между великим русским народом и другими народами нашей страны.

Итак, события и процессы конца XVII и первой четверти XVIII в., будучи тесно связаны с предшествующим периодом, содействовали борьбе с отсталостью, явились известным сдвигом на пути экономического, культурного и государственного развития. Мануфактурная стадия развития началась в России еще в рамках феодально-крепостнического строя, уже сочетавшегося с отдельными явлениями буржуазного характера. Экономическая политика первой четверти XVIII в. была политикой меркантилизма. Не упадок и разорение явились результатом реформ, а хозяйственные и культурные достижения, которые, не снимая отсталости страны в целом, были прогрессивными, насколько это возможно в тесных рамках феодально-крепостнического строя, когда отдельные успехи достигались за счет усиленной эксплуатации крепостного крестьянства.

* * *

Едва ли имеется другой вопрос в дореволюционной историографии, который возбудил бы столько споров, как вопрос о сущности и значении событий начала XVIII в. Историография этого периода обширна. Различия в оценке реформ объясняются тем, представителями какого класса они высказывались. Историческая литература и публицистика восходящего класса давали положительную оценку процессам первой четверти XVIII в. Напротив, историки и публицисты из лагеря отживающих классов и социальных групп относились к реформам враждебно. Дворянская, точно так же как и буржуазная, историография на различных этапах существования своего класса по-разному относилась к преобразованиям— приветствовала их во время укрепления дворянства и буржуазии и осуждала в период упадка этих классов.

Первая попытка осмыслить происходящие события и подытожить их результаты была сделана современником, подканцлером П. П. Шафировым, автором «Разсуждения» о причинах Северной войны, послесловие к которому написано Петром I. Наряду с доказательством прав России на Прибалтику в «Разсуждении» подчеркивается значение достигнутых успехов в военном деле, в экономическом, политическом и культурном развитии страны. Шафиров говорит, что создание флота следует «за

чудо принять». Он останавливается на регулярной армии, которая «между лутчих войск в Европе почитается». Прежде о России писали как о далеких странах, как об Индии или Персии, а ныне ни одно дело в Европе не обходится без нашего участия. Шафиров отметил «умножение художеств и рукоделия», то есть развитие промышленности, устройство каналов, установление «порядочного купечества», успехи в просвещении, административные преобразования, создание Сената. При этом указывается, что мирное строительство велось в условиях непрерывной войны, вопреки «присловию латинскому: под звон оружия права гражданские молчат». По словам Шафирова, Петр «может за лучшего политика почтен быть»[1].

В этом сочинении проявилось достаточно отчетливое для современника понимание значения происходящих событий, в первую очередь выдвинуто значение создания армии и флота и военных побед, затем культурных реформ, развития промышленности, административных преобразований. Другой современник Петра I, Феофан Прокопович, в своих трактатах и в «Словах и речах», сказанных в разные годы, начиная с Полтавы, также проявил отчетливое понимание событий. В своих проповедях он защищал необходимость реформ; так, в слове на день Александра Невского (1718) он справедливо говорил о необходимости строительства сильного флота и указывал на связь войны за возвращение балтийского побережья с деятельностью этого знаменитого героя XIII в.; в слове на празднование Ништадтского мира (1722) Феофан Прокопович дал высокую оценку военных и дипломатических успехов России и коснулся истории вековой балтийской проблемы[2].

Тогда же было положено начало собиранию материалов по истории царствования Петра I, и в подготавливавшуюся в 1713 г. «Книгу Марсову» должно было войти собрание реляций о всех крупных сражениях. В 1722 г. Петр отметил в своей записной книжке: «Вписать в историю, что́ в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских, обоих путей регламентов и духовных, також строения в Питербурхе и на Котлине и в прочих местах». В результате при участии Петра была составлена хроника событий под названием «Гистория Свейской войны», изданная лишь в 1770 г.[3] Вместе с тем ставилась и более широкая задача — написание цельной истории царствования. Эта задача частично была осуществлена Ф. Прокоповичем в его доведенной до Полтавской

---

[1] «Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский..., к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел...». СПб., 1717; изд. 2-е. СПб., 1722.

[2] *Ф. Прокопович.* Слова и речи, ч. I—II. СПб., 1760—1761; «Духовный регламент». Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. (ПСЗ), т. VI, 1830, № 3718, стр. 314—346; «Правда воли монаршей». ПСЗ, т. VII, № 4870, стр. 602—643.

[3] «Журнал или поденная записка Петра Великого...», ч. 1. СПб., 1770; ч. 2. СПб., 1772.

битвы «Истории императора Петра Великого»[1], в которой были использованы «Гистория Свейской войны» и «Разсуждение» Шафирова.

Спустя два года после смерти Петра I, в 1727 г., было написано замечательное сочинение сенатского секретаря и будущего видного администратора 30-х годов И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства». Оно является первым опытом статистико-географического описания нашей Родины и содержит общие итоговые данные о развитии промышленности, торговли и административных учреждений петровской России. Его характерное название отражает высокую оценку, данную автором петровским реформам[2]. Также указывал на положительное значение преобразований публицист, администратор и историк — представитель передового дворянства В. Н. Татищев[3].

Современники Петра I, передовые представители господствующего класса положили, таким образом, начало собиранию и обработке исторических источников этого времени. Представители буржуазии в XVIII в. также давали высокую оценку преобразованиям.

В конце XVIII в. страстным поклонником Петра явился И. И. Голиков, сын курского купца, сам занимавшийся торговыми операциями и откупами. Им изданы «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России», составившие вместе с Дополнениями к ним 30 томов (1788—1797). Это произведение — слабое как исторический труд — представляет ценность как сборник материалов; оно тщательно изучалось Пушкиным и Белинским и было переиздано вторично в XIX в. Голиков особенно подчеркивает заслуги Петра в отношении экономического развития страны, прославляет его за мероприятия, способствующие торговле и промышленности. В личности преобразователя он отмечает бережливость, «экономию» и трудолюбие, то, что «он не терпел праздности как в себе, так и в других»[4]. Историк видит в Петре идеального, с точки зрения купечества, монарха, как бы олицетворявшего союз самодержавия с буржуазией, зарождавшейся внутри феодально-крепостнического строя.

Другим ранним проявлением интересов представителей буржуазии к истории преобразований могут служить труды архангельского «гражданина» В. В. Крестинина. Для изучения этого периода, наряду с его «Историей города Архангельского», имеет значение изданная Академией наук его книга «Исторический опыт о внешней торговле... Петра Великого», являющаяся одной из первых монографий по экономической

---

[1] *Ф. Прокопович.* История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии... М., 1788.

[2] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1—2. М., 1831.

[3] *В. Н. Татищев.* История российская..., кн. 1, ч. 1, М., 1768, стр. XVI.

[4] *И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого..., ч. I. М., 1788, стр. 39; ч. VII. М., 1789, стр. 32, 191; ч. IX. М., 1789, стр. 257 и др.

истории [2], в ней использованы местные архивные источники. Крестинин говорит, что «Петр Великий был из россиян первенцем и руководителем в делах внешней торговли».

Дворянские историки в период восходящего развития своего класса относились положительно к событиям того времени и высоко оценивали личность Петра I. Однако во второй половине XVIII в., в связи с началом разложения феодально-крепостнической системы и с усилением буржуазных отношений, оценка петровских реформ в сочинениях дворянских историков приобретает иной оттенок. Не отрицая значения реформ первой четверти XVIII в., они вместе с тем видели в них причину утраты некоторых дворянских позиций и высказывали сожаление об исчезновении порядков, существовавших в допетровской Руси.

Эта мысль ярко выражена в сочинениях сенатора и историка князя М. М. Щербатова. В прениях в Уложенной комиссии 1767 г. он защищал крепостное право и выступал против купечества, требуя предоставления помещикам монопольного права на заведение мануфактур по переработке сельскохозяйственного сырья. Сторонник аристократической конституции, он изложил свои общественные идеалы в дворянском утопическом романе «Путешествие в землю Офирскую», где будущая идеальная, с его точки зрения, Россия остается страной крепостного труда. Его многотомная «История Российская от древнейших времен» не была доведена до времени Петра (она заканчивается событиями, относящимися к началу XVII в.). Но Щербатов разбирал архивы начала XVIII в. и издал «Гисторию Свейской войны» с приложением дипломатических документов. В своих суждениях об этом времени он признает реформы необходимыми для того, чтобы догнать другие народы, и с этой точки зрения он оправдывает «самовластие» Петра. В сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов даже «вычислил», будто без крутых и насильственных мер Россия могла бы дойти до уровня, достигнутого в то время, лишь с черепашьей медлительностью, через семь поколений, к концу XIX в. Вместе с тем Щербатов усматривает и ряд отрицательных сторон в преобразованиях.

Разорение дворянства во второй половине XVIII в., дробление имений, задолженность являлись, по его мнению, прямым результатом «повреждения нравов», начало которого он видел в петровской поре, когда дворянство перешло к новому быту с непомерными тратами на роскошь и т. п. Особенно недоволен аристократ Щербатов проникновением в ряды дворянства разночинцев, выслуживших вместе с чинами и дворянское звание согласно «табели о рангах» Петра I. Щербатов с сожалением вспоминал те времена, когда «почти всякой по состоянию своему без

---

[1] *В. В. Крестинин.* Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого, от 1693 г. по 1719 г. «Месяцослов исторический и географический на 1795 г.». СПб., 1795.

нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное», восхваляет надменность и гордость боярской аристократии и т. п.[1]

Наибольший интерес представляет отношение к преобразованиям представителей передовой мысли XVIII в.— Ломоносова и Радищева.

Гениальный русский ученый, горячий патриот, борец за русскую национальную культуру, Ломоносов проявлял несомненное сочувствие к интересам крестьянства. «Слово похвальное Петру Великому», написанное великим ученым-демократом в 1755 г., дает замечательную оценку преобразований. В этом произведении чрезмерно восторженно превозносится. Петр I, который назван человеком «богу подобным», но Ломоносов не ограничивается выражениями восторга, а стремится разобраться в том, что было прогрессивного в изучаемое время[2].

В изображении Ломоносова Петр I — идеальный монарх, в духе так называемого «просвещенного абсолютизма». Ломоносов начинает «Слово» с указания на распространение знаний при Петре, который назван «великим России просветителем», признававшим «за необходимо нужное дело, чтобы всякого рода знания распространить в отечестве, и людей искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить...»

Ломоносов указывает на заслуги Петра в создании регулярной армии и флота, на победы в длительных войнах: на всех морях «видим распущенные российские флаги», и «новые Колумбы» направляются к не известным еще берегам. Великий ученый останавливается на административных реформах, на учреждении коллегий и Сената и «умножении финансов». Ломоносов говорит также о «страшных и опасных препятствиях», имея в виду как внешних врагов (Швецию, Турцию и др.), так и внутренних (стрельцов, раскольников и царевича Алексея). Если бы путешественник прибыл в Россию после долгого отсутствия, то увидел бы «новые в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новый флот и войско...»

Ломоносова привлекают те стороны в личности и в деятельности Петра, в которых он усматривал его близость к народным массам. Этим объясняется идеализация внешнего «демократизма» Петра, подчеркивание его личного участия в сражениях, в строительстве и законодательстве. Ломоносов говорит, что армия видела «лицо его пылью и потом покрытое», что он работал «как мастер» и «как рядовой солдат», «с простыми людьми как простой работник трудился». Насколько эта характеристика была далека от господствовавших в дворянстве того времени взглядов, видно из того, что младшая современница Ломоносова, княгиня Е. Р. Дашкова, близкий человек к Екатерине II, назначившей ее президентом Академии

---

[1] *М. М. Щербатов.* Соч., т. I—II. СПб., 1896—1898.

[2] *М. В. Ломоносов.* Соч., т. 4. СПб., 1898, стр. 361 и сл.

наук, упрекала Петра именно за то, что вызывало горячее сочувствие великого ученого. Княгиня Дашкова считала излишним и роняющим достоинство царя занятие физическим трудом и высказывала недовольство, что Петр делал «из дворян каких-то садовников, кузнецов, рудокопов».

Патриотизм Ломоносова проявился также в критических замечаниях на труд Вольтера «История Российской империи в царствование Петра Великого», написанный по заказу русского правительства и вышедший в двух томах в 1759 и 1763 гг. Вольтер полон сочувствия к преобразованиям, однако он преувеличивал отсталость допетровской Руси, рисовал преобразования как полный разрыв со стариной, как переворот, и придваал чрезмерное значение «европеизации» России, заимствованиям у Западной Европы. Ломоносов указывает на фактические ошибки Вольтера в русской истории и географии, справедливо возражает против представления Вольтера о России конца XVII в. как о варварской стране.

В конце XVIII в. великий революционер А. Н. Радищев дал оценку этому периоду с точки зрения интересов угнетенных народных масс.

Радищев — враг крепостного права и самодержавия. В «Путешествии из Петербурга в Москву» брошен призыв к народной революции. Революционное мировоззрение привело его к своеобразной и новой оценке реформ первой четверти XVIII в. Вместе с положительными последствиями преобразований Радищев отмечает их отрицательные стороны, и его критические замечания сильнее, чем похвалы. Замечательное произведение Радищева «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», содержит описание торжественного открытия памятника Петру I в Петербурге в 1782 г. Радищев называет Петра «учредителем» армии, «обновителем и просветителем» России, «мужем необыкновенным, название Великого заслужившим правильно»; Радищев говорит, что он дал первый «стремление столь обширной громаде» («стремление» здесь означает движение вперед), таким образом, Радищев отмечает прогрессивность реформ. Наряду с этим он утверждает, что Петр «победитель бо был прежде, нежели законодатель», то есть что внутренняя политика отставала от военных успехов. Он раскрывает свою мысль еще полнее, говоря, что Петр был «властным самодержавцем, который истребил последние признаки дикой вольности своего отечества. Он мертв, а мертвому льстити неможно! И я скажу, что мог бы Петр славнее быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную...» Упрек Петру в уничтожении свободы сопровождается общим выводом, направленным против самодержавия: «Нет, и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, седяй на престоле». Радищев также упрекает Петра в подражательности, в излишнем заимствовании из Западной Европы «без всякой иногда сообразности

с местными обстоятельствами»[1]. Революционный смысл этой критики преобразований отлично поняла Екатерина II, заметившая по поводу радищевского «Письма к другу», «что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила себя определить в России первым подвизателем»[2].

Таким образом, еще в XVIII в. в исторической и публицистической литературе выявились три основных направления в оценке изучаемого времени. Одно из них было дворянским, второе отражало зарождавшиеся буржуазные отношения, третье связано с революционно-демократическими взглядами.

Эти направления и оценки сохранились и в XIX в. Взгляды дворянских историков получили дальнейшее развитие у Карамзина и славянофилов. Защиту преобразований продолжает буржуазная историография. Передовые взгляды на события первой четверти XVIII в. в домарксистской историографии были высказаны дворянскими революционерами — декабристами и затем революционными демократами.

Преемственность во взглядах вместе с тем не исключает их эволюции. Обострение классовой борьбы, изменение расстановки классовых сил, а также развитие исторического знания, накопление материалов вызывали изменение в оценке реформ, даваемых представителями одного и того же направления. Так, отношение к ним С. М. Соловьева существенно отличалось от взглядов П. Н. Милюкова, хотя оба они являлись представителями буржуазной историографии на разных этапах ее развития.

Критика петровских реформ с реакционной дворянской точки зрения, начатая М. М. Щербатовым, была развернута крупнейшим историком первых десятилетий XIX в. Н. М. Карамзиным. В молодости он питал еще симпатии к идеям «просвещения» XVIII в. В его «Письмах русского путешественника» (1791) высказано сочувствие к реформам начала века. «Россия без Петра не могла бы прославиться»,— говорил Карамзин. Позднее, в условиях падения феодализма в ряде стран Западной Европы в результате буржуазной революции и в связи с обострением классовой борьбы в России, дворянский историк ставил своей задачей укрепление и оправдание самодержавия, защиту дворянства и крепостного права. Этими идеями проникнута «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Эти же взгляды проводятся в «Записке о древней и новой России», поданной Карамзиным в 1811 г. Александру I. Записка содержит осуждение намечавшихся реформ Сперанского, в которых Карамзин

---

[1] *А. Н. Радищев.* Полное собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, стр. 150—151 и др. См. также *Б.Б. Кафенгауз.* А. Н. Радищев об истории России. «Ученые записки МГУ. Труды кафедры истории СССР», вып. 156. М., 1952, стр. 66—80; *Э. С. Виленская.* Исторические взгляды А. Н. Радищева. «Вопросы истории», 1949, № 9, стр. 51.

[2] *Д. С. Бабкин.* Процесс А. Н. Радищева. М.—Л., 1952, стр. 164.

усматривал потрясение монархии и «излишнюю любовь к государственным преобразованиям». Теперь он отнесся отрицательно и к петровским преобразованиям, хотя признавал, что победы в Северной войне и реформы привели «к новому величию России». Но, исходя из реакционных взглядов, Карамзин усматривает вместе с тем другую «вредную сторону его блестящего царствования». Он считает ошибкой «основание новой столицы на северном крае государства среди зыбей болотных», по его мнению, были не нужны и бытовые реформы, как, например, изменение одежды. Карамзин обвиняет Петра в «ужасах самовластия», которые он усматривает в том, что тот «уничтожил достоинство бояр» и установил «зависимость духовной власти от гражданской». Этот период рисуется им как потрясение или переворот, он предпочитает Русь XVI—XVII вв., когда, по его словам, «изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»[1].

Те же взгляды развивали в 30—40 годах XIX в. славянофилы. Они сознавали необходимость ликвидации крепостного строя, чем отличались от реакционнейших идеологов «официальной народности». Но они соглашались лишь на умеренные условия освобождения, напуганные революциями в Западной Европе, считали русскую культуру и русскую историю, по крайней мере до конца XVII в., ничего общего не имеющими с западноевропейской культурой. Господство церковного мировоззрения, сельскую общину, самодержавие, в лучшем случае соединенное с земским собором, устранение народа от какого-либо участия в управлении государством славянофилы рассматривали как исконно русские начала и стремились к сохранению их и в будущем. С этих реакционных позиций они отрицательно относились к преобразованиям начала XVIII в., видя в них «переворот», резкий и вредный разрыв со стариной. Эту точку зрения наиболее последовательно развивал К. С. Аксаков. В «петербургском периоде», по его мнению, «государство совершает переворот, разрывает союз с Землею и подчиняет ее себе, начиная новый порядок вещей. Оно спешит построить новую столицу, свою, не имеющую ничего общего с Россиею, никаких русских воспоминаний. Изменяя Земле русской, народу, государство изменяет и народности...»[2] Чрезмерно преувеличивая происходившие при Петре I заимствования из западноевропейской жизни, Аксаков отвергал положительное значение реформ.

Взгляды обуржуазившейся части дворянства — «западников» с наибольшей отчетливостью в 40-х годах высказал К. Д. Кавелин. Историю России он делил на общинный период, затем родовой и пришедший ему на смену государственный быт. Накануне преобразований, по его мнению, у нас были лишь «зачатки государства и начала личности». Они в более полной мере развиваются только во время реформ, и в этом Кавелин ви-

---

[1] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 22 и сл.

[2] *К. С. Аксаков.* Сочинения исторические, т. I. М., 1889, стр. 30, 53.

дел их отличительные черты. Для него характерно представление о всеопределяющей роли государственной власти в русской истории. Он справедливо отрицал резкий разрыв между эпохами, говорил об органическом развитии, но вместе с тем преувеличивал «глубокое невежество» древней Руси[1]. В. И. Ленин приводит слова Герцена о Кавелине, который считал «...русский народ скотом, а правительство умницей»[2]. Это должно быть отнесено и к его пониманию преобразований первой четверти XVIII в.

Историческая концепция Карамзина, включавшая отрицательную оценку преобразований, встретила отпор со стороны декабристов. При выходе первых томов его «Истории» будущие декабристы, «молодые якобинцы,— по выражению Пушкина,— негодовали». Будущий декабрист Никита Муравьев написал критический разбор введения к «Истории» Карамзина, где называл самодержавие «азиатским деспотизмом»[3]. Декабристу-историку А. Корниловичу принадлежит ряд очерков о петровском царствовании, а в Петропавловской крепости он написал историческую повесть («Андрей Безыменный»), проникнутую горячим сочувствием к преобразователю. В письме из крепости к брату Корнилович называет Петра «алмазом под грубой корою» и восклицает: «Да и что такое все недостатки Петра? Пятна на солнце, тени, придающие еще более блеска картине!»[4].

Более сложное понимание изучаемого времени проявил в своих записках декабрист М. А. Фонвизин. Как победитель шведов и реформатор государства Петр, по его мнению, «стяжал бессмертную славу, возвеличил Россию». Но вместе с тем декабрист указывает на отрицательные черты этого времени. К ним он относил прекращение земских соборов, в которых декабристы видели проявление древней русской свободы. Фонвизин говорит, что Петр оставил без внимания «внутреннее благополучие» страны, называет его деспотом, который «не только ничего не сделал для освобождения крепостных, но... еще усугубил тяготившее их рабство». Эта оценка классовой природы петровского царствования связывает дворянского революционера Фонвизина с Радищевым[5].

К этой оценке в известной мере был близок Пушкин. Он сумел преодолеть ограниченность дворянских революционеров, которые, по словам Ленина, были «страшно далеки» от народа. Великий поэт считал народные массы основным фактором истории. Смерть прервала его работу над историческим сочинением «История Петра I». Оставшиеся обширные

---

[1] *К. Д. Кавелин.* Взгляд на юридический быт древней России. Собр. соч., т. 1. СПб., 1897, стр. 56—60.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 13.

[3] *А. С. Пушкин.* Полное собр. соч., т. VIII. М.— Л., 1949, стр. 67—68; *Н. М. Дружинин.* Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 103.

[4] «Декабристы и их время», т. II. М., 1932, стр. 337; «Русская старина», изд. А. Корниловича. СПб., 1824.

[5] «Общественные движения в России в первую половину XIX в.», т. I. СПб., 1905.

подготовительные материалы после смерти поэта были запрещены к опубликованию Николаем I ввиду резкости суждений Пушкина о Петре I.

Пушкин называет отдельные указы Петра «тиранскими», «варварскими», отмечает его «жестокость», даже говорит о «железной душе» Петра. Но с особенным вниманием и одобрением Пушкин остановился на военных успехах того времени. Основная мысль пушкинской «Истории Петра I» выражена в следующих словах, которые он предполагал, «обдумав», внести в окончательный текст: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика»[1]. Сложное и двойственное отношение к реформам сочетается здесь с замечательным указанием на классовую природу деятельности Петра, как «самовластного помещика».

Мысль о тесной связи петровских реформ с народными потребностями, признание их необходимыми и закономерными, а не случайными и подражательными, была развита в статьях великого революционера-демократа В. Г. Белинского. Это означало, что на первый план выдвигалась не личность Петра, а народ, совершивший преобразования. Этим был нанесен удар представлению, будто национальная культура коренится лишь в «допетровской старине», как думали славянофилы.

Белинский признавал начало XVIII в. «коренным переворотом» и «ужасной бурею», явно заменив этими словами невозможное по цензурным условиям слово «революция». В замечательном письме к П. В. Анненкову, не предназначенном, разумеется, для печати, Белинский говорил о будущем освобождении крестьян и в этой связи восклицал: «для России нужен новый Петр Великий...»[2]

Наиболее ценным в этих высказываниях Белинского является указание на необходимость реформ и тесную связь с предшествующим периодом. Он понимал, что только связь с народом (Белинский говорил, что «Петр был полным выражением русского духа») обеспечила успех его деятельности, иначе «его преобразования как индивидуальное дело сильного средствами и волею человека не имели бы успеха». Белинский говорил, что «потребность преобразования сильно обнаружилась еще в царствование Алексея Михайловича».

Особенно ярка и красноречива защита Петра в двух статьях Белинского о сочинении Голикова «Деяния Петра Великого». Продолжение

---

[1] *А. С. Пушкин.* Полное собр. соч., т. IX.М.—Л., 1949, стр. 413.

[2] *В. Г. Белинский.* Полное собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. VI. СПб., 1903, стр. 193; Письма, т. III. СПб., 1914, стр. 339.

этих статей в журнале было прервано цензурой, так как в них явно сквозило осуждение николаевской реакции и призыв к возобновлению преобразований, понимаемых как переворот.

У Белинского содержится уже в зародыше представление о борьбе с отсталостью, как основной исторической задаче петровских реформ. Он отмечает отсталость древней Руси в отношении промышленности, административного устройства, военных сил. При этом с особым вниманием Белинский останавливается на военной реформе и на историческом значении блестящих успехов России в Северной войне. В пику своим противникам, славянофилам, Белинский восклицает: «Да, господа защитники старины, воля ваша, а Петру Великому мало конной статуи на Исаакиевской площади: алтари должно воздвигнуть ему на всех площадях и улицах великого царства русского...»[1]

Несмотря на неправильное представление о петровском царствовании как о революции, отдельные суждения Белинского являются весьма ценными. Мысль об исторической обусловленности и закономерности преобразований, о значении их для политической независимости страны, признание их прогрессивности и, в особенности, борьба против реакционных славянофильских идей являются заслугой великого критика.

Воззрениям А. И. Герцена и Н. П. Огарева свойственна идеализация реформ начала XVIII в. Они усматривали в них революцию сверху. По словам Герцена, «к концу XVII века на престоле царей появился смелый революционер, одаренный обширным гением и непреклонной волей». Он называет Петра «коронованным революционером» и говорит, что «революционер в Петре просвечивал везде сквозь порфиру». Герцен усматривал революционность в разрыве со старинным бытом и в новых петровских учреждениях. Герцен не вкладывал в понятие революции представления о смене господствующих классов; он ближе подходил к истине в других высказываниях, когда говорил о передовом образованном дворянстве, как опоре Петра.

Герцен правильно отметил классовую природу преобразований, как соответствующих интересам широкой массы дворянства. Вместе с тем Герцен видел в преобразованиях народные черты: «Петровский период сразу стал народнее периода царей московских... С этим периодом связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста, нашей славы и наших бедствий...[2]» Это утверждение народности петровских реформ явно заострено против славянофилов, считавших, подобно Карамзину, преобразования изменой национальным началам. Герцен и Огарев усматривали близость и преемственность своей революционной

---

[1] *В. Г. Белинский.* Полное собр. соч., т. VI, стр. 190.

[2] *А. И. Герцен.* Полное собр. соч. и писем, т. VI. Пг., 1919, стр. 325—326, 328—329; т. VIII. Пг., 1919, стр. 432—433.

деятельности с реформами начала XVIII в.: «времена Петра... великого царя прошли; Петра же, великого человека, нет более в Зимнем дворце, *он в нас*»[1].

Эти же воззрения проявились в статье Огарева под характерным названием «Что бы сделал Петр Великий?», не появившейся в печати при жизни автора. Он подробно перечисляет то, что было бы сделано, по его мнению, если бы Петр жил в XIX в.: «Да! В наше время Петр Великий с неутомимой деятельностью и гениальной быстротою уничтожил бы крепостное право, преобразовал бы чиновничество и возвысил бы значение науки»[2]. Здесь ставится знак равенства между революционной программой Герцена и Огарева и деятельностью Петра, от которого ожидалась, в иных, конечно, условиях, даже отмена крепостного права. Это в корне неправильное суждение связано с игнорированием классовой природы государства того времени. Однако впоследствии Герцен отказался от подобной идеализации и сумел критически отнестись к реформам. Он писал в 1860 г., что для Петра «государство было все, а человек — ничего», что он «хотел создать сильное государство с пассивным народом», что он «еще крепче стянул цепь крепостничества»[3].

Замечательное освещение этого периода дано великими революционерами-демократами Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. К этому времени были опубликованы новые исторические материалы. На первом месте следует поставить многотомное Полное собрание законов (1830), в которое вошло законодательство конца XVII и начала XVIII в. (тт. III—VII). В 1858—1859 гг. вышли пять томов «Истории Петра Великого» Н. Г. Устрялова, представителя реакционного направления «официальной народности», прислуживавшего крепостническому правительству Николая I. С научной, методологической стороны труд Устрялова совершенно беспомощен, он мог только пересказать документы и изложить события, выдвигая на первый план личность Петра I. Вместе с тем им был собран обширный новый материал, впервые извлеченный из русских и заграничных архивов и целиком напечатанный в приложениях. Критическому разбору труда Устрялова посвящены статьи Н. А. Добролюбова.

Высказывания Добролюбова и Чернышевского проникнуты следующими идеями: во-первых, носителем исторического процесса является народ, а не государство и не великие люди, которые лишь выражают запросы народа; второй особенностью их взглядов является отказ признать время преобразований революцией или резким разрывом с предыдущим

---

[1] Курсив Герцена.

[2] *Н. П. Огарев.* Что бы сделал Петр Великий? «Литературное наследство», № 39-40. М., 1941, стр. 321.

[3] См. *В. Е. Иллерицкий.* Исторические взгляды А. И. Герцена. «Вопросы истории», 1952, № 10, стр. 49—50.

периодом; в-третьих, реформы должны оцениваться с точки зрения интересов трудовых народных масс. Этим был сделан значительный шаг вперед по сравнению с суждениями предыдущего времени, включая исторические воззрения Герцена и Белинского.

По словам Н. А. Добролюбова, Петр решал «вопросы, давно уже заданные правительству самою жизнью народной,— вот его значение, вот его заслуги». «Он был сильным двигателем, направление же движения было не от него... оно задавалось, как всегда, ходом истории... Нововведения Петра не были насильственным переворотом в самой сущности русской жизни; напротив, многие из них были вызваны действительными нуждами и стремлениями народа и вытекали очень естественно из хода исторических событий древней Руси». Добролюбов отказывается от всякой идеализации «простоты» Петра. «Он сбросил старинные, отжившие формы, какими облекалась высшая власть до него; но сущность дела осталась и при нем та же в этом отношении. В матросской куртке, с топором в руке, он так же грозно и властно держал свое царство, как и его предшественники, облеченные в порфиру и восседавшие на золотом троне, со скипетром в руках»[1]. Вместе с тем в исторических статьях Добролюбова еще отсутствует классовая характеристика деятельности Петра, народ он представлял себе в целом, без четкого членения на классы[2].

Н. Г. Чернышевский неоднократно высказывался об изучаемом времени. Он писал, что «для нас идеал патриота—Петр Великий; высочайший патриотизм — страстное, беспредельное желание блага родине, одушевлявшее всю жизнь, направлявшее всю деятельность этого великого человека». Вместе с тем Чернышевский в своих воспоминаниях о Н. А. Некрасове указывал на расхождение с ним и вообще с людьми 40-х годов в оценке петровских реформ[3]. Он отказывался видеть в них революцию или решительный переворот к лучшему в народной жизни. Он ставил вопрос, легче ли стала жизнь крестьянства в результате петровского царствования, и отвечал на него отрицательно. Чернышевский считал, что народная жизнь не изменилась после реформы: «Петра Великого иные порицают за то, что он ввел к нам западные учреждения, изменившие нашу жизнь. Нет, жизнь наша ни в чем не изменилась от него, кроме военной стороны своей, и никакие учреждения, им введенные, кроме военных, не оказали на нас никакого нового влияния. Имена должностей изменились, а должности остались с прежними атрибутами и продолжали отправляться по прежнему способу... Напрасно думают, что реформа

---

[1] *Н. А. Добролюбов.* Полное собр.соч., т. 3. М., 1936, стр. 137, 195. («Первые годы царствования Петра Великого»); т. 4. М., 1937 («Сведения о жизни и смерти царевича Алексея Петровича»).

[2] *В. С. Кружков.* Мировоззрение Н. А. Добролюбова. М., 1950, стр. 391—392.

[3] *Н. Г. Чернышевский.* Полное собр. соч., т. III. М., 1947, стр. 136; т. I. М., 1939, стр. 746—747.

Петра Великого изменила в чем-нибудь состояние русской нации. Она только изменила положение русского царя в кругу европейских государей. Прежде он не имел в их советах сильного голоса, теперь получил его, благодаря хорошему войску, созданному Петром»[1]. О том же говорил Чернышевский в письме к Пыпину в 1886 г. Его основная мысль состояла в требовании ввести в анализ вопроса классовую точку зрения, он хочет знать, что сделано было при Петре для народа. Ленин говорил, что от сочинений Чернышевского «веет духом классовой борьбы». Чернышевский считал, что реформы легли тяжелым бременем на народные массы. Существенное значение имел его отказ видеть в преобразованиях того времени революцию[2]. Добролюбов и Чернышевский сделали значительный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками в понимании преобразований.

Главная роль в буржуазной историографии XIX в. принадлежала С. М. Соловьеву. Из 29 томов его «Истории России с древнейших времен» шесть томов (тт. XIII—XVIII) посвящены времени Петра I. Представитель государственно-юридической школы С. М. Соловьев в этих томах «Истории России» дает последовательное изложение политических событий, начинающееся с обширной характеристики состояния страны накануне реформ. К двухсотлетнему юбилею рождения Петра I Соловьев выпустил «Публичные чтения о Петре Великом» (1872), где его взгляды получили более четкое выражение. Соловьев начинал период преобразований с последней четверти XVII в., с царствования Федора Алексеевича, подчеркивая тем самым отсутствие внезапности и указывая на подготовленность реформ. В «Истории России» Соловьева дается высокая оценка деятельности Петра. «Никогда,— писал он,— ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII в.»[3]; он признает Петра «величайшим историческим деятелем». Значение этого времени, по словам Соловьева, заключается в том, что «народ, после осьмивекового движения на восток, круто начал поворачивать на запад», при этом подчеркивается значение реформ для просвещения и для выхода «из экономической несостоятельности», для чего необходимо было пробиться к морю. Внешняя политика России начала XVIII в., по его мнению, имела мировое, общечеловеческое значение, так как привела к объединению обеих половин Европы. Соловьев называет вместе с тем

---

[1] *Н. Г. Чернышевский.* Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928, стр. 67.

[2] *И. Морозов.* Н. Г. Чернышевский и вопрос о петровских реформах. «Литературное наследство», № 25-26, М., 1936, стр. 199; *А. Л. Шапиро.* Вопросы русской истории в произведениях Чернышевского. Сб. статей «Н. Г. Чернышевский». Саратов, 1939, стр. 167 и сл.

[3] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общественная польза», кн. 4, стб. 859.

это время «страшным потрясением», «нашей революцией в начале XVIII века», он сравнивает ее с французской буржуазной революцией, от которой она отличается тем, что возглавлял ее царь [1].

Ставя в основу исторического развития государство и правительственную деятельность, Соловьев не мог дать научного анализа народных восстаний. Так, в восстании на Дону он видел не проявление классовой борьбы, а «открытую борьбу казачества с государством». Поражение восставших в борьбе с господствующим классом Соловьев неправильно рассматривал как «торжество государства».

Позднее, в «Публичных чтениях о Петре Великом» Соловьев вносит значительное уточнение в это понимание преобразований: исчезает сопоставление с революцией, в основу кладется более последовательно проведенная мысль об «органическом» развитии, которое понимается, как постепенная эволюция, исключающая революционные взрывы. «Все органическое подлежит развитию», и реформы объясняются как «естественное и необходимое явление в народной жизни», как переход из одного возраста в другой, «из возраста, в котором преобладает чувство, в возраст, в котором господствует мысль». Теперь Соловьев сопоставляет преобразования не с французской революцией, а с западноевропейским Возрождением XV—XVI вв.

Существенной чертой концепции Соловьева является признание им значения экономических реформ. «Дело должно было начаться с преобразования экономического; государство земледельческое должно было умерить односторонность своего экономического быта усилением промышленного и торгового движения и для этого прежде всего добыть себе уголок у северного Средиземного (Балтийско-Немецкого) моря...» По его мнению, экономические преобразования начались с «сознания» народом своей недостаточности: «Бедный народ сознал свою бедность и причины ее чрез сравнение себя с народами богатыми...» [2]

Ученик Соловьева и крупнейший буржуазный историк конца XIX в. В. О. Ключевский проследил, как постепенно Боярская дума путем промежуточных форм, сокращаясь в своем составе, превратилась в «консилию министров», которая в свою очередь была заменена Сенатом. Он выяснил, таким образом, постепенную подготовку административной реформы [3]. Но вместе с тем буржуазный историк игнорировал явления классовой борьбы. Рассматривая XVII в. как время подготовки реформ, Ключевский подходил к их освещению идеалистически, считал, что «программа» Петра «была вся готова еще до начала деятельности преобразователя» и даже шла тогда будто бы «дальше того, что он сделал». Недостатки

---

[1] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 3, стб. 803—806, 1055.

[2] *С. М. Соловьев.* Собр. соч., изд. «Общ. польза», стб. 980, 993.

[3] *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. Пг., 1919, стр. 426—448.

концепции Ключевского особенно выявляются из пренебрежительного отношения к внешнеполитической и военной истории этого времени. Полтавскую победу Ключевский рисует лишь как результат ошибок Карла XII; дипломатия Петра велась, по его мнению, «плохо» и разменялась на «пустяки». Промышленное строительство этого периода он расценивает как средство увеличить доходы казны, а не как борьбу с народнохозяйственной отсталостью. Несмотря на то, что Ключевский ставил своей задачей не только изучение истории государства, но и освещение истории «общества» или «общественных классов», при оценке реформ он исходит из типично буржуазных воззрений «государственной» школы. Ключевский признавал движущими силами реформ войну и финансы: «война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа — ее начальным моментом, устройство финансов — ее конечной целью» [1].

Эти взгляды частично отразились в работах идеолога империалистической буржуазии П. Н. Милюкова. Основным фактором преобразований он признает Северную войну; лишь под давлением военных потребностей, по его мнению, проводились административные реформы, рушилась приказная система и заменялась коллегиями, Сенатом и новыми губернскими учреждениями. При этом Милюков отрицательно оценивал влияние войны, преувеличивал экономическую отсталость страны и ее разорение в результате военных действий. Основываясь на переписи 1710 г., Милюков считал, будто население страны к этому времени резко сократилось. Неправильность этих подсчетов показал М. В. Клочков в своем исследовании о населении России в первой четверти XVIII в., где он критикует выводы Милюкова и считает, что население страны осталось примерно на прежнем уровне, во всяком случае, не убыло [2]. В своей книге Милюков сделал характерные для буржуазного историка выводы, будто задачи внешней политики решались Россией в такой момент, когда страна не обладала еще достаточными средствами для их выполнения. «Политический рост государства опять опередил его экономическое развитие» [3]. Эта мысль об отрыве государства и политики от экономики является грубым извращением истории.

Милюков дал резко отрицательную общую оценку реформ и личности Петра. Он заострял внимание на Нарвском поражении, объяснял Полтавскую победу не столько высоким военным искусством русской армии, сколько ошибками Карла XII, даже строительство мануфактур

---

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. IV. М., 1937, стр. 64.

[2] *М. В. Клочков.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. 1. СПб., 1911, стр. 256.

[3] *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 546.

признавал непрочным и эфемерным. Милюков отрицал у Петра черты выдающегося государственного деятеля, подчеркивал грубость его натуры и «отсутствие плана и системы» в его деятельности[1]. Здесь Милюков значительно отступил от своего учителя В. Ключевского. Эта злобная, отрицательная характеристика обнаруживает совпадение взглядов буржуазного историка периода загнивания капитализма, стадии империализма, с реакционными воззрениями Карамзина и славянофилов, давших отрицательную оценку преобразований.

В своих монографических работах буржуазные историки преимущественно разрабатывали историю административных реформ и военную историю того времени. Наибольший интерес возбуждали у буржуазных историков создание Сената, коллегий, губернская реформа (работы С. А. Петровского, А. Н. Филиппова и др.). Этому способствовала довольно широкая публикация источников, особенно по политической истории. Таковы «Доклады и приговоры правительствующего Сената» (тт. I — VI), ряд томов «Сборника русского исторического общества», содержащих дипломатические донесения иностранных послов из России своим правительствам[2], многотомные «Материалы для истории русского флота», «Письма и бумаги императора Петра Великого» (тт. I—VII), «Архив Куракиных» (т. I). Кроме того, были изданы мемуары современников Петра, переиздана первая газета «Ведомости»; материалы Тайной канцелярии изучались Г. В. Есиповым, материалы по истории науки и литературы — П. П. Пекарским, Н. С. Тихонравовым и др., «литература проектов» была опубликована Н. П. Павловым-Сильванским. Большое внимание привлекала военная история этого времени (Г. А. Леер, А. З. Мышлаевский и др.). Но при этом, например, П. О. Бобровский занимался преимущественно выяснением «влияния» немецких военных уставов на воинский устав 1716 г.[3] Вместе с тем военные историки подчеркивали выдающееся значение Петра I как полководца и выявили высокий уровень русского военного искусства. В военном искусстве этого времени справедливо видели основу дальнейшего расцвета русского военного искусства при Румянцеве, Суворове и Кутузове.

Экономическая история этого времени частично затрагивалась в работах И. X. Гамеля и А. Семенова, но лишь в конце XIX в. отдельные буржуазные историки (Н. Н. Фирсов, А. С. Лаппо-Данилевский и М. И. Туган-Барановский) обратились к истории русской промыш-

---

[1] *П. Н. Милюков*. Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 1. СПб. 1909, стр. 163—164.

[2] «Сборник Русского исторического общества» (Сб. РИО), тт. 34, 39, 40, 49, 50, 52, 61. СПб., 1881—1888.

[3] *П. О. Бобровский*. Военное право в России при Петре Великом, ч. II, вып. 1, СПб., 1882; вып. 2, СПб., 1886.

ленности первой четверти XVIII в.[1] О теоретической слабости буржуазных ученых свидетельствует, например, то обстоятельство, что М. И. Туган-Барановский видел источник крупной промышленности в пресловутом «торговом капитализме». Накопление фактического материала, его систематизация и освещение частных вопросов не сопровождались глубокой теоретической разработкой, буржуазная историография оказалась беспомощной в своих оценках реформ.

Между тем еще в конце XIX в. в исторической науке произошел переворот, связанный с появлением трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Были поставлены задачи изучения развития производительных сил и производственных отношений, истории классовой борьбы, истории трудящихся масс; учение о базисе и надстройке и их взаимодействии раскрывало для науки новые пути.

Буржуазная историческая наука в период империализма показала свою неспособность в объяснении исторического процесса. Последний буржуазный историк, пытавшийся дать общую концепцию русского исторического развития, Н. П. Павлов-Сильванский, в оценке реформ лишь повторил типичные для буржуазной историографии суждения. Отрицая наличие «коренного перелома», он вместе с тем сглаживал отличия этого времени от предыдущего периода и принижал его достижения. Наиболее важное значение он придавал военной реформе и утверждению абсолютизма в начале XVIII в. Даже внешняя политика этого времени не привлекала его внимания[2]. Буржуазная историография периода империализма, накануне падения буржуазного строя в России сделала шаг назад по сравнению с Соловьевым, признававшим, например, несмотря на свой идеализм, значение экономических преобразований и внимательно по архивным материалам изложившим внешнеполитическую и военную историю изучаемого времени.

Для дворянско-буржуазной историографии характерны преклонение перед иностранщиной и преувеличение роли находившихся на русской службе иностранцев в осуществлении реформ.

С позиций государственно-юридической школы ее последней формации подошел к изучению этого времени М. М. Богословский, ближайший ученик Ключевского. Темой его монографии явилась реформа областного управления при Петре I. Он систематизировал

---

[1] *И. Герман.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810; *И. Х. Гамель.* Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826; *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го ст. по 1858 г., ч. 1—3. СПб., 1859; *Н. Н. Фирсов.* Русские торгово-промышленные компании в 1-ой половине XVII ст. Казань, 1896; *А. С. Лаппо-Данилевский.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII ст. СПб., 1899; *М. И. Туган-Барановский.* Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I, СПб., 1898.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, стр. 143—144.

большой новый материал и дал подробную конкретную историю реформы местных учреждений. В обширном введении к своему исследованию автор отмечает проявление идеи «общего блага» и рационализм административных реформ. Ни классовая борьба, ни экономическая жизнь, за исключением воззрений меркантилизма, не привлекли внимания историка [1]. В последней своей работе «Петр I» (тт.I—V), названной им «материалами для биографии» Петра I, Богословский ставит своей задачей проследить, буквально «день за днем», жизнь Петра. В «материалы» включены также ценные частные исследования о городской реформе и др., близкие к ранней монографии М. М. Богословского, но в основном эта работа является обширным и полным сводом фактических данных по биографии Петра. В этом отношении она имеет свое значение, но психологизм вместо научного анализа и отказ от обобщения свидетельствовали о кризисе буржуазной исторической мысли [2].

Н. А. Рожков и М. Н. Покровский явились представителями «экономического материализма». Ошибочные суждения меньшевиствующей историографии наглядно показывают, что отход от марксизма-ленинизма в политической борьбе и в революционной теории неизбежно приводит к буржуазной идеологии. Н. А. Рожков развивал мысль о дворянской революции, будто бы растянувшейся почти на два столетия, начиная с середины XVI в. По его мнению, в первой четверти XVIII в. происходил последний этап дворянской революции. Вместе с тем он заимствовал у Покровского определение этого периода как времени торгового капитализма. Ошибкой Рожкова, связанной с отходом от марксизма, наряду с признанием ведущей роли торгового капитала, является резкое противопоставление боярства и дворянства, которые на деле не были разными классами, а являлись двумя слоями одного класса феодалов. В связи с этим ошибочной является и концепция дворянской революции [3].

Исторические взгляды М. Н. Покровского были отчетливо выражены еще до революции в его четырехтомнике «Русская история с древнейших времен» (1911—1914) и лишь дополнялись в советское время. Покровский пытался восстановить на другой основе старую мысль о революционном характере петровского царствования, о резком разрыве со стариной. Он видел в нем «весну торгового капитализма» в России, а в Петре I — «символическую фигуру», которую будто бы можно «заменить торговым капиталом». Даже крепостное хозяйство Покровский рассматривал как проявление торгового капитала. Реформы и внешнюю политику он также объяснял нуждами торгового капитала, который заставил

---

[1] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902.

[2] *Его же.* Петр I, тт. I—V. М., 1940—1948.

[3] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. V. М.— Пг., 1923, стр. 269—274.

Петра «биться 20 лет за Балтийское море». Эта мысль, заимствованная Покровским у А. А. Богданова и М. И. Туган-Барановского, коренным образом противоречит марксизму-ленинизму. Не понимая того, что определяющая роль в истории принадлежит в действительности способу производства, а не сфере обмена, Покровский игнорировал марксистско-ленинское учение об общественных формациях и их смене.

Представление об определяющей роли торгового капитала привело его к столь же ошибочному представлению о классовой природе преобразований. Покровский говорил о «диктатуре торговой буржуазии» в начале XVIII в. и видел в создании новых учреждений, таких, как Ратуша, Сенат и др., переход власти в руки буржуазии. В этом он усматривал революционный характер преобразований. К ошибкам Покровского относится также резко отрицательная характеристика результатов реформ. Вслед за Милюковым он говорил о неудаче промышленного строительства и усматривал даже «крах» или «кризис» промышленности в первой четверти XVIII в. С пренебрежением отнесся он к военной реформе и к внешней политике этого времени, которой отвел весьма мало места в своей «Русской истории». Покровский совершенно умалчивал о мощных восстаниях, в частности о восстании на Дону. Мрачными красками рисовал он культуру и общество этого периода, а в личности Петра I не видел ни одной черты крупного исторического деятеля и игнорировал марксистско-ленинское учение о роли выдающихся личностей в истории. В целом концепция Покровского, в значительной мере заимствованная у буржуазных историков, находится в противоречии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма [1].

Под влиянием буржуазной литературы оказался и Г. В. Плеханов. В его «Истории русской общественной мысли» имеются интересные характеристики отдельных деятелей этого времени, как Прокопович, Татищев и публицист Посошков. Последний правильно показан как идейный представитель среднего купечества. Но в обширном введении к этому труду Плеханов дал неверную характеристику русского исторического процесса. Допетровскую Русь он рассматривал как восточную деспотию и считал крепостное право восточным институтом. В событиях и преобразованиях начала XVIII в. Плеханов видел борьбу Востока и Запада в русской истории; европеизация охватила лишь государственную власть и дворянство, а крестьянство, по его мнению, продолжало существовать в условиях восточной деспотии. Поэтому Плеханов отрицательно относился к народным восстаниям при Петре, считая, что они не имели значения для движения вперед, а тянули назад, на восток. Между тем крепостное право и абсолютизм в действительности существо-

[1] Сб. «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II. М.— Л., 1940. Статьи Б. Б. Кафенгауза «Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского» и М. В. Джервиса «Внешняя политика русского самодержавия в XVIII в. в изображении Покровского.

вали и в Европе и в Азии, как явления определенной общественной формации. Для понимания этого периода нет нужды выводить Россию за пределы европейской культуры и истории.

Подводя итоги наследству, оставленному дворянско-буржуазной историографией, следует отметить, что в XVIII—XX вв. был опубликован обширный материал первоисточников, как законодательство Петра и документы учреждений, дипломатическая переписка, мемуары, личная переписка и т. п.; имеются также монографии по отдельным реформам, сохраняющие некоторое значение по систематизированному материалу и отдельным наблюдениям. Но это наследство неудовлетворительно в методологическом отношении и даже по характеру собранного материала не отвечает новым научным запросам. В буржуазной литературе не было сделано ничего существенного по истории классовой борьбы,по изучению экономики этого времени, по истории отдельных народов России.

Советские историки, изучающие этот период, исходят из учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Осуществление их указаний означает новый этап в разработке проблем истории России конца XVII и первой четверти XVIII в. Маркс и Энгельс указали на экономические достижения этого периода. В особенности они подчеркивали значение внешнеполитических достижений России в начале XVIII в., а также ее успехи в области культуры. Но вместе с тем они отмечали ограниченное значение этих достижений в силу классового дворянского характера Русского государства того времени. В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России» поставил перед историками задачу изучения экономического развития страны и выяснения феодальных и капиталистических элементов в ее экономике.

Партия и правительство осудили ошибки «школы» Покровского и помогли советским ученым выйти на путь подлинной науки. Вслед за постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в советских школах партия и правительство вскрыли антимарксистский, антиленинский характер взглядов Покровского. В замечаниях товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспектов учебников по истории СССР и новой истории были даны четкие указания по разработке важнейших исторических проблем [1]. В Кратком курсе истории ВКП(б) поставлена перед советскими историками задача изучения истории производства, истории производителей материальных благ, истории народов. И. В. Сталин в своих работах неоднократно подчеркивал значение надстройки — общественных идей, теорий, политических учреждений, служащих укреплению базиса, — воздействующей на развитие материальных условий жизни общества.

Труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» имеют большое значение для

[1] Сб. «К изучению истории», М., 1946.

исторической науки, в том числе для истории феодальной формации. Советским историкам на конкретном историческом материале предстоит раскрыть марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил дает возможность глубоко понять прогрессивные моменты в истории нашей Родины, в частности в истории петровского времени. Указания о значении феодальной собственности на землю при феодализме, о роли товарного производства вооружают советских историков против вульгаризаторских извращений в вопросе о развитии буржуазных отношений в недрах феодально-крепостнической системы.

Важнейшее значение имеет указание И. В. Сталина на прогрессивность экономической политики Петра I, как попытки «выскочить из рамок отсталости». При этом И. В. Сталин подчеркивает, что ликвидировать отсталость страны может только пролетариат, эта задача была не под силу ни феодальной аристократии, ни буржуазии. Классовая сущность реформ состоит в том, что было сделано много для «возвышения класса помещиков», а также для развития нарождавшегося купеческого класса, при этом преобразования шли за счет дальнейшего угнетения крестьянства. Государство того времени было «национальным государством помещиков и торговцев» [1].

В советской исторической литературе, наряду с критической переработкой оставленного дворянско-буржуазной литературой материала, были поставлены новые проблемы. К ним относится изучение экономической истории, опубликованы новые источники по истории промышленности и истории сельского хозяйства при Петре I [2]. Монографическая разработка экономической истории этого периода позволила выяснить численность и размещение заводов, установить размеры продукции, технику и организацию производства, показать положение заводских крестьян, наконец, уяснить экономическую политику этого времени (работы акад. С. Г. Струмилина, В. В. Данилевского, П. Г. Любомирова, Б. Б. Кафенгауза, Е. И. Заозерской и др.).

В советской литературе остро поставлена и подвергалась обсуждению проблема социальной природы русской мануфактуры. Вопрос состоит в том, в какой мере можно видеть здесь явления капиталистического порядка, представляли ли мануфактуры своеобразное проявление феодально-крепостнических отношений или же являлись сочетанием тех и других процессов. Рабочие на мануфактурах в основном были крепостными или приписными крестьянами, но частично состояли из наемных, впрочем, в послепетровское время также закрепощенных.

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 248.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. V (Московский Суконный двор). Л., 1934; «Крепостная мануфактура в России», ч. IV (Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.). Л., 1934; *В. де-Геннин.* Описание уральских и сибирских заводов, М., 1937; Материалы по истории крестьянской промышленности, т. II. М.— Л., 1950.

Разработка вопроса приводит к признанию переходного или смешанного характера мануфактуры того времени, сочетавшей капиталистические элементы с феодально-крепостническими отношениями. Однако вопрос этот еще нельзя считать вполне решенным, он нуждается в дальнейшем освещении.

Углубленного изучения требует история крестьянства и сельского хозяйства при Петре I. В буржуазной литературе освещалось главным образом законодательство о крестьянах. В советской литературе преимущественное внимание привлекали вопросы оформления крепостного права в XVI—XVII вв. Некоторый сдвиг в отношении этой проблемы наблюдается в последнее время в связи с выходом ценного сборника документов по истории крепостного хозяйства в начале XVIII в.[1] Сборник этот, составленный К. В. Сивковым, содержит подробное описание помещичьего и крестьянского хозяйства в имениях, конфискованных в изучаемое время, и дает материалы о распространении трехполья, о барщине и оброке, и т. п.

Заслугой советской исторической науки является разработка вопросов классовой борьбы; при этом много сделано в отношении публикации нового документального материала, изданы источники по восстанию на Дону в 1707—1708 гг. и др. В работах Н. С. Чаева и В. И. Лебедева изучен ход народных восстаний и выявлен их антифеодальный характер. Но до сих пор еще отсутствуют монографии, раскрывающие эту тему с должной полнотой[2].

В изучении вопросов надстроечного характера особенно важно освещение природы государства, сущности административных реформ и влияния новых учреждений на развитие базиса. Монографии Д. С. Бабурина и Н. И. Павленко отчасти восполняют значительный пробел, заключавшийся в неразработанности вопроса о возникновении коллегий и их деятельности. Сборник документов «Законодательные акты Петра I», изданный под редакцией Н. А. Воскресенского, интересен тем, что в нем опубликованы черновые варианты и редакции «Главного регламента», «Должности генерал-прокурора» и других законодательных памятников, имевших важнейшее значение для создания абсолютной монархии[3].

Вопрос о характере государства начала XVIII в. также подвергался обсуждению в связи с выходом книги Б. И. Сыромятникова о «регулярном» государстве при Петре I. В этой книге повторены ошибки Покровского, автор приписывает абсолютизму Петра I буржуазный антифеодальный характер и утверждает, что его социальная политика направлялась

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.», подготовил к печати К. В. Сивков. М., 1951.

[2] «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». «Труды Историко-археографического ин-та АН СССР», т. XII. М., 1935; *В. И. Лебедев.* Булавинское восстание. М. — Л. 1934; *Н. С. Чаев.* Булавинское восстание (1707—1708 гг.), М., 1934.

[3] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I. М. — Л., 1945;

в защиту крестьянства. Он неправильно считает Петра выразителем интересов двух классов, будто бы одинаково господствовавших,— дворянства и буржуазии[1]. Эта точка зрения должна быть отвергнута. Исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, советские ученые отмечают в русском государственном устройстве в первой четверти XVIII в. при господстве феодально-крепостнического строя некоторые буржуазные черты и указывают на своеобразие русского абсолютизма того времени по сравнению с тем «равновесием» между дворянством и буржуазией, которое наблюдалось в странах Западной Европы в период абсолютной монархии. Вместе с тем и этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

Внимательно изучалась советскими историками военная и дипломатическая история петровского времени. С историей Северной войны связаны вышедшие в 1946—1952 гг. томы «Писем и бумаг Петра Великого». Здесь напечатаны документы, относящиеся преимущественно к полтавскому периоду Северной войны[2]. Советские историки изучали организацию армии и флота, высокое военное искусство русской армии и ход Северной войны (работы В. А. Панова, Л. Г. Бескровного, К. В. Базилевича, Н. В. Новикова, Б. С. Тельпуховского и др.). Следует отметить разработку вопросов дипломатии. Выход в свет «Истории дипломатии» явился толчком для пересмотра и детального освещения с марксистско-ленинских позиций этой важной стороны событий конца XVII и начала XVIII в. В книге Л. А. Никифорова «Русско-английские отношения при Петре I» вскрыта враждебная позиция Англии по отношению к утверждению России на Балтийском море и успешная борьба России против английской агрессии. В работах Е. В. Тарле, В. Д. Королюка, В. П. Лысцова, Т. К. Крыловой показано высокое искусство русских дипломатов на протяжении Северной войны.

Вопросы истории культуры, особенно существенные при освещении этого времени, изучались в трудах литературоведов, историков искусства и историков науки. На первом месте следует поставить вопросы истории географических открытий. Изданы новые документы и заново освещены экспедиция Беринга, путешествия в Тихом океане и картографические работы русских исследователей того времени[3]. Заслугой советских историков является разработка вопросов истории геологических исследований при Петре. Открытие каменного угля на Дону и в Подмосковье, нефтяных месторождений в Поволжье и на реке Ухте, разведки железных руд на Урале, серебряных руд под Нерчинском явились крупными

---

[1] *Б. И. Сыромятников.* «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология, ч. 1. М.— Л., 1943.

[2] «Письма и бумаги императора Петра Великого» (П и Б), т. VII, вып. 1. Пг., 1918; т. VII, вып. 2. М.—Л., 1946; т. VIII, вып. 1.М.—Л., 1948; вып. 2. М., 1951; т. IX, вып. 1—2. М.—Л., 1950—1952.

[3] «Экспедиция Беринга». Сб. документов. М., 1941; *Д. М. Лебедев.* География в России петровского времени. М.— Л., 1950.

достижениями, впервые освещенными в работах советских историков [1]. История литературы и публицистики первой четверти XVIII в. освещается в общих работах по истории литературы, в многотомной «Истории русской литературы», издаваемой Академией наук СССР и др.

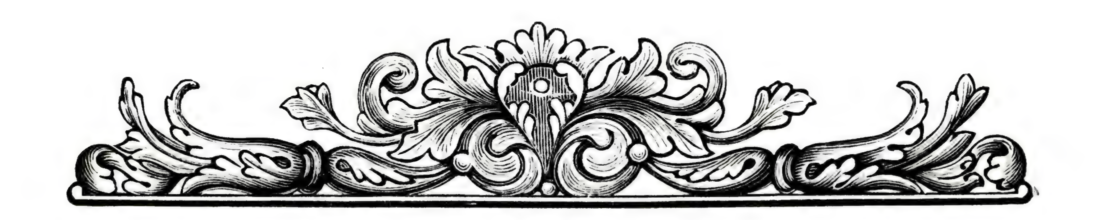
Советские историки, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, должны показать, как складывалась экономическая общность, а также общность языка и культуры русского народа, являющиеся важными признаками складывания нации. Собранный историками хозяйства, литературы, а также языковедами, историками искусства и общественной мысли материал и имеющиеся в этой области наблюдения должны еще быть обработаны и обобщены.

Советская историческая наука впервые разработала историю отдельных народов СССР, историю Украины, Белоруссии, Прибалтики, Башкирии, а также народов Средней Азии и Кавказа. Наряду с отдельными монографиями следует отметить главы, относящиеся к первой четверти XVIII в., в учебниках и общих работах по истории отдельных народов СССР.

Советская наука признает прогрессивность реформ начала XVIII в. и вместе с тем вскрывает ограниченность их результатов в силу дворянско-чиновничьего характера государства. Реформы начала XVIII в., как и каждое историческое явление, должны изучаться и оцениваться в тесной связи с историческими условиями далекого прошлого, избегая модернизации истории.

[1] *В. В. Данилевский.* Русская техника. Л., 1948; *П. М. Лукьянов.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в., тт. I—III. М.— Л., 1948—1951.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

1

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

В конце XVII и особенно в начале XVIII в. в России продолжалось освоение новых земль, распахивались и заселялись пустоши, расширялось применение трехпольной системы, увеличился ассортимент сельскохозяйственных культур. Отчетливее стала проявляться начавшаяся специализация отдельных экономических районов. Вместе с тем сельское хозяйство развивается главным образом не за счет его интенсификации, а путем усиления эксплуатации крепостного крестьянства и распространения земледелия на новых территориях.

В первое десятилетие XVIII в. сильно страдало сельское хозяйство районов, близких к театру военных действий. Содержание огромной действующей армии требовало колоссальных средств, а для ее формирования и постоянного пополнения из деревни систематически изымалась рабочая сила. Деревня, кроме того, поставляла рабочих для промышленности, для строительства городов и каналов, которое, несмотря на войну, не прерывалось.

Но созданные войной условия были противоречивы: с одной стороны, происходило отвлечение производительного населения от сельскохозяйственных занятий (рекрутские наборы, мобилизации на строительство флота и Петербурга); с другой стороны, увеличивался спрос на сельскохозяйственные продукты со стороны военных ведомств; растущие потребности в сырье для развивающейся промышленности способствовали развитию сельского хозяйства. В последующий период после полтавской победы экономика страны начинает преодолевать трудности первых военных лет.

В европейской части России в начале XVIII в. господствовала паровая трехпольная система земледелия наряду с существованием в отдельных районах страны подсечной системы и перелога. Для освещения этого вопроса в дальнейшем использованы указания отписных книг, составлявшихся по конфискованным казной имениям. Из 106 владений, внесенных

в изданные за первую четверть XVIII в. отписные книги, расположенных в 74 уездах страны, только в шести случаях встречаются наряду с трехпольем «пашни перелогом» и в девяти случаях отмечено наличие пашни, «от леса расчистной». В остальных 91 владении существовала трехпольная система[1]. В описании владений имеются указания на «паровое поле», «яровое поле» и вспашку под озимь—это позволяет говорить о преобладании более или менее правильного трехпольного севооборота, что, однако, не исключает существования других систем земледелия.

Указания в отписных книгах на перелог и пашни в «диком поле» относятся к южным уездам (Орловскому, Новосильскому, Данковскому, Елецкому, Ефремовскому и Тамбовскому), следовательно, наряду с трехпольем в южной части России, где шел процесс освоения новых земельных массивов, перелог был распространенным явлением. Подсечная система встречается преимущественно в северных уездах страны, где наряду с землей, «в полях паханой», имелись участки, «только что от леса расчищенные», и «ляды», «огнищы» и «новины». Перелог и подсека сохранялись в лесистых местах Арзамасского, Нижегородского и Пензенского уездов, также отмечены на западе Московского уезда и в изобилующем лесами Кашинском уезде. На северо-западе, в старых земледельческих районах (в Новгородском, Вяземском, Смоленском уездах), также применялись перелог и подсека. Указания отписных книг в этих уездах на «пашню лесом поросшую», «пашенный лес», «большой пашенный лес», «малый пашенный лес», существование «пустошей, что были деревни», связаны с тем, что северо-западные районы больше других пострадали в результате военных действий в первое десятилетие Северной войны. На Украине с древних времен существовало трехполье. В Приуралье и в Западной Сибири в конце XVII и начале XVIII в. земледелие по своим формам приближалось к сельскому хозяйству центра России. И если в первые десятилетия XVII столетия в Москве утверждали, что в Сибири пашут «не против русского обычая», разумея под последним трехполье, то в течение века, при всей пестроте форм полеводства, сибирские поселенцы успешно осваивали этот «обычай». В Восточной Сибири в конце XVII и начале XVIII в. основной системой полеводства было двухполье с начатками трехпольного чередования на отдельных участках[2].

Под непосредственным влиянием русского хлебопашества земледелие стало проникать к туземному населению Сибири. Первыми приобщились к земледельческой культуре якуты, среди которых хлебопашцы появились еще в XVII в. Общение с русскими переселенцами привело к внедре-

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.», подготовил к печати К. В. Сивков. М., 1951.

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв. М. — Л., 1946, стр. 136; *В. Н. Шерстобоев.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, стр. 307—308.

нию земледелия у бурят и эвенков. Правительственная администрация оказывала бурятам, наравне с русскими переселенцами, «подмогу» семенами и инвентарем при заведении пашенного хозяйства. В начале XVIII в. отдельные представители этих народов уже числились среди пашенных крестьян.

У народов Среднего и Нижнего Поволжья (чуваши, мордва, удмурты, мари, татары) ведущей системой земледелия в начале XVIII в. было трехполье, хотя на севере Казанского края, где местность изобиловала лесом, встречалась подсека, а на юге — перелог. Позже других народов Поволжья перешли к земледелию башкиры, занимавшиеся до этого кочевым скотоводством. Они заимствовали у русских, татар и чувашей сельскохозяйственные орудия, навыки обработки почвы, уборки урожая и переработки продуктов зернового хозяйства. Это ускоряло переход башкир к оседлому образу жизни.

Имеются отдельные сведения, что в первой четверти XVIII в. начинают применяться посевы кормовых трав, прежде всего вики, которую сеяли по пару, а также тимофеевки, которая высевалась с начала этого столетия в районе Великого Устюга [1].

Важнейшее значение должно было иметь расширение пахотных угодий, распашка пустующих земель и образование новых селений как в центре, так и на окраинах. По отписным книгам, с 1702 г. по 1725 г. в 80 владениях, расположенных в 52 уездах, числилась 631 пустошь [2]. Их распашка начинается с 1709 г. и особенно усиливается с 1715—1716 гг. Из 631 пустоши к 1723 г. только 9 оставались неиспользованными, остальные значились под регулярной пашней, покосами, новыми селениями. Расширение запашки наблюдается не только в частных владениях, но и в монастырских, так, Чудов монастырь в подмосковных вотчинах в 1710 г. «пашни и сенные укосы против прошлых лет прибавил» [3].

Заселение пустующих земель происходило не только на окраинах, но и в центральной части России и на юге, в Орловском, Данковском, Ефремовском, Елецком и других уездах. Для заселения и обработки своих южных владений помещики переводили крестьян из многолюдных центральных и северных районов. Приобретение помещиками земель в XVII в. на плодородном юге, уже отмеченное исследователями относительно XVII в., продолжалось и в первой четверти XVIII в. М. П. Гагарин в 1721 г. продал пустоши в Коломенском уезде и в том же году приобрел землю в Михайловском уезде. Так же поступил Г. И. Вол-

---

[1] *А. В. Советов.* О разведении кормовых трав. М., 1859, стр. 188, 195.

[2] По остальным 22 уездам в 26 владениях, значащихся в отписных книгах, подсчеты произвести не удалось, так как пустоши там замерены в общий земельный фонд владельцев.

[3] Сб. «Документы из дел Монастырского приказа». Подготовлен С. С. Гадзяцким и А. Л. Шапиро. Институт истории АН СССР, рукописный отдел, стр. 269.

конский. Он продал в 1708 г. имение в Московском уезде с тем, чтобы приобрести и заселить пригодные для пашни земли «в диком поле» в Тамбовском уезде. Учащаются случаи сдачи пустующих земель в аренду, «чтобы впусте не лежали». Так, у А. В. Кикина в Новгородском уезде в 1718 г. 30 пустошей были сданы в арендное пользование[1].

Таким образом, в начале XVIII в. шло неуклонное освоение и заселение земель, но этот процесс протекал неравномерно, повидимому, быстрее в центре и на юге страны и несколько медленнее на северо-западе и западе. Расширение запашки можно наблюдать на Украине, в Сибири и у народов Поволжья. В Илимском крае крестьянские посевы в 1699 г. составляли 3200 дес., а к 1722 г. они увеличились до 4258 дес.[2] В целом освоение новых земель, по крайней мере в европейской части, идет интенсивно до 1700 г., затем, вероятно, наступает некоторый перерыв, и дальнейшее оживление связано уже с переломом в ходе Северной войны.

Основными видами хлебов в европейской части России на рубеже двух столетий оставались рожь и овес. Кроме того, сеяли ячмень, пшеницу яровую и озимую, ярицу (яровая рожь), гречиху, горох, просо, полбу, копопляное семя, лен и мак, но количественное соотношение этих культур в различных районах было неодинаково. В нечерноземных центральных уездах[3] после ржи и овса наибольшую посевную площадь занимал ячмень, затем шли пшеница и гречиха. В Архангельской губернии ячмень считался главным видом хлеба, площадь его посевов превышала посевы ржи от двух до двенадцати раз[4]. На юге и юго-западе от Москвы, в Каширском и Карачевском уездах, третье место занимала гречиха, а не ячмень. С 20-х годов XVIII в. посевы гречихи в этих районах сокращаются за счет увеличения посевов пшеницы. Дальше на юг, в черноземных уездах[5], посевы пшеницы преобладают над изредка встречающимися посевами ячменя, но в этих уездах пшеница еще не превышает, за редким исключением, посевов гречихи. Наряду с указанными культурами в южных районах повсеместно высевалось просо.

Из технических культур широко распространен был лен, а также конопля, особенно в северных и северо-западных районах страны, издавна славившихся этими культурами.

Названные выше системы земледелия, существовавшие в центральной России, и распределение культур относятся преимущественно к барской

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 185, стр. 214—235.

[2] *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 326—328.

[3] В Московском, Коломенском, Дмитровском, Тарусском, Касимовском, Суздальском, Костромском, Ярославском, Владимирском, Юрьевец-Польском, Кашинском, Новгородском, Смоленском, Вологодском и др.

[4] *А. Я. Ефименко.* Исследования народной жизни, вып. 1. М., 1884, стр. 201.

[5] В Кромском, Соловском, Бельском, Михайловском, Елецком, Веневском и Епифанском.

запашке. Состав культур в крестьянском хозяйстве значительно беднее. Это касается в первую очередь «красных хлебов» (пшеницы), которые медленно внедрялись в крестьянское хозяйство. Правда, на юге и у крестьян имелись посевы пшеницы, но еще сеются полба и просо, в то время как эти хлеба, особенно полба, в помещичьем хозяйстве были заменены пшеницей. У крестьян южных уездов посевы гречихи незначительны, а на западе и северо-западе они почти отсутствуют; широко были распространены в крестьянском хозяйстве посевы гороха.

В Сибири первоначально возделывались обычные для центральной и северной частей России сельскохозяйственные культуры. В восточной части Сибири сеяли прежде всего рожь и овес, третье место по размерам посева занимал ячмень[1], затем шли полба, греча, горох. В западных районах Сибири к началу XVIII в. ячмень и полба уступили свое преимущественное положение ржи, а последняя — пшенице. Вытеснение озимых хлебов яровыми было связано с особенностями сибирского земледелия и с суровым климатом края[2]. Технические культуры (конопля и лен) в Сибири начинают внедряться в XVII в. и делают успехи к началу следующего века.

У народов, населявших европейскую часть России, соотношение возделываемых культур было таким же, как и у соседивших с ними русских: карелы, как и русское население Архангельской губернии, больше всего возделывали рожь, затем ячмень; у латышей и эстонцев, подобно населению Псковщины и Смоленщины, большое место занимали технические культуры — лен и конопля. Более мягкий климат способствовал широкому распространению здесь пшеницы. Среди народов Поволжья лишь башкиры, начинавшие переходить к оседлой жизни, еще не освоили всего ассортимента сельскохозяйственных культур. Башкиры Осинской и Казанской дорог высевали «всякий хлеб», но башкиры Сибирской дороги рожь не возделывали, а сеяли только ячмень и просо.

На Украине, в особенности в ее южных районах, наряду с общими для юга европейской части России культурами, распространялись посевы табака и возделывание шелка-сырца.

В технике земледелия не произошло существенных изменений ни в помещичьем, ни в крестьянском хозяйстве. Основными земледельческими орудиями, как и прежде, оставалась соха с ее многочисленными разновидностями[3], борона, борона-суковатка, серп и коса. Но данные отписных книг позволяют говорить о том, что в начале XVIII в., помимо сохи с па-

---

[1] *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 332—335.

[2] *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 109—111; *его же.* «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII в. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952, стр. 226—245.

[3] *Д. К. Зеленин.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 121—131.

лицей, сохи с железным лемехом, встречается и плуг. В описи инвентаря крестьян сельца Лихинки Владимирского уезда в 1724 г. имеется рубрика «железная збруя», где, помимо сох с железным лемехом, кос и серпов, значится «плуг з железы». У помещика Ф.В. Безобразова (1724) во Владимирском же уезде при перечне имущества наряду с разным сельскохозяйственным инвентарем отмечено «плужно»[1].

Указом 1721 г. предписывалось производить уборку хлебов косами и граблями вместо серпов[2]. Имеются основания полагать, что уборка косами была в известной мере распространенным явлением. В 1723 г. во владении В. Ф. Стремоухова в Кромском уезде в Добринском стане (село Шеблыкино) из четырнадцати дворов в тринадцати убирают хлеб косами и только в одном пользуются серпами; среди инвентаря этих дворов серпы даже не значатся. Во владении того же помещика В. Ф. Стремоухова в том же уезде (деревни Наздрачева и Савостина) крестьяне употребляют только косы, серпов в хозяйстве нет; примечательно обилие кос — от четырех до шести во дворе[3]. По официальным, вероятно, не вполне точным, данным за пять лет (1721—1726) было обучено кошению хлеба 13 299 крестьян, а также изготовлено 16 210 кос и 10 140 грабель. Но раздача сельскохозяйственного инвентаря крестьянам применялась лишь в целях расширения земледелия на дворцовых землях[4].

Примитивные способы ведения сельского хозяйства вызывали истощение земель, и без того нуждавшихся в удобрении. В центральных и северных уездах значатся «худые земли», «плохие земли», пашни «средние и худые», требующие навоза. Крестьяне часто указывали на отсутствие навоза для удобрения, вследствие чего «хлеб на полях не родит вовсе».Помещики на своих полях пытаются проводить глубокую вспашку, удобрять выпаханные поля навозом и золой. Были также попытки провести улучшения на дворцовых землях. В инструкции управителю дворцового села Коломенского с деревнями в 1724 г. предписывалось оставлять на семена лучший хлеб, проводить глубокую вспашку, удобрять поля навозом «с конюшенного и с воловенного дворов и с пригонов, а буде недоставало и вдобавку с крестьянских тягол». Особое внимание обращалось на подготовку почвы для посевов пшеницы и ячменя — «а под пшеницу и ячмень... землю велеть весьма довольствовать, и как гной вывозят, того ж дни разметывать и запахивать, чтоб был весь покрыт землею». Если земля предназначалась для посева без удобрения, то ее следовало

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 34, стр. 49.

[2] ПСЗ, т. VI, № 3781, стр. 388; т. VII, № 4912, стр. 668—669.

[3] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 133, стр. 148—157.

[4] ПСЗ, т. VII, № 4912, стр. 668; *Н. В. Пономарев.* Исторический обзор правительственных мероприятий к развитию сельского хозяйства в России от начала государства до настоящего времени. СПб., 1888, стр. 239.

«вспахивать в зиму», зимою раскладывать на этой земле пуки хвороста, весною их сжигать и землю заборанивать, после чего сеять пшеницу или ячмень. В инструкции предусматривалась охрана посевов в низинных местах от воды, для чего велено копать «рвы глубокие и воду спускать»[1]. Однако, как отмечается в той же инструкции, земли продолжали возделываться «с нерадением», удобрений нехватало.

В Западной Сибири к концу XVII в. и к началу XVIII в. устанавливается трехполье. Сибирский приказ неоднократно требовал от местной администрации унаваживать поля и в Восточной Сибири, илимскому воеводе в 1700 г. было предписано: «А которые десятинные пашни выпахались, велеть, хотя в Сибири необычно, однакож — изнавозить и приложить всякой промысл...»[2]

Нуждались в удобрении земли эстонцев, латышей, карел. У карел так же, как и у русских северных земледельцев, помимо навоза, поля удобрялись древесной золой. Латыши в качестве удобрения использовали ил. Плодородные земли Башкирии и юга Украины не требовали удобрения.

Следствием истощения и плохой обработки была большая засоренность полей. В некоторых хозяйствах делались попытки организовать борьбу с сорняками. В инструкции Н. Г. Строганова вотчинному приказчику Соликамского уезда предлагалось проводить прополку хлебов[3]. Однако почти повсеместно посевы страдали от сорных трав, значительно снижавших урожайность полей.

Показателем состояния земледельческой культуры является урожайность полей, однако этот вопрос для первой четверти XVIII в. изучен недостаточно. Данные отписных книг содержат некоторые сведения об урожаях на помещичьих полях. Средняя норма высева на десятину в европейской части России, а также в Западной Сибири, была, примерно, для ржи 2 чтв., для овса — 4 чтв., для ячменя — 2,5 чтв., для пшеницы 2 чтв. и гречихи — 1,5 чтв. В Восточной Сибири норма высева была значительно выше[4].

При разнообразии почв и климата урожаи сильно колебались. В Волоколамском уезде (деревня Крюково) в 1714—1718 гг. урожай ржи был сам-4 — сам-1,5[5]. Высокими можно признать урожаи в Восточной Сиби-

---

[1] *А. Волынский.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях. «Памятники древней письменности», т. XV. СПб., 1881, стр. 12—14; *С. И. Волков.* Инструкция 1724 г. управителю дворцового села Коломенского с приписными деревнями (рукопись).

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., стр. 118—127; *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 315.

[3] *Н. В. Устюгов.* Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в. «Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 174.

[4] *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 317—318.

[5] Урожайность ржи в Тульском уезде в 1719 г. определялась примерно сам-2,2, овса — сам-1,7, ячменя — сам-2,6, гречихи — сам-1,2. Правда, нужно учитывать,

Молотьба. Миниатюра из рукописи XVIII в.
Государственный Исторический музей.

ри, где в среднем с десятины снимали ржи озимой 65 пудов, пшеницы — 53 пуда, ярицы — 77 пудов, ячменя — 48 пудов, овса — 44 пуда.[1]

Феодальная собственность на землю, низкий уровень развития сельскохозяйственной техники, принудительный труд крепостных крестьян не могли обеспечить высокой и устойчивой урожайности

что данные отписных книг, по всей вероятности, занижены, так как допрашиваемые не были заинтересованы в сообщении подлинных цифр собранного урожая, однако и другие источники указывают, что урожай был невысоким. Для центра и северо-запада урожай сам-5 — редкость. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 52, стр. 59—60; № 271, стр. 338—341. При исчислении урожайности взята средняя норма высева.

[1] *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 350.

полей. Стихийные бедствия и неблагоприятные климатические условия вызывали частые неурожаи. Недород был в 1704—1706 гг., особенно тяжелыми были два неурожайных года — 1722—1723. Так, в Московской провинции в неурожайный 1723 г. крестьяне «толкут льняное семя и дубовые желуди и мешают с мякиною, пекут и едят». В том же 1723 г. в Орловской провинции, как сообщали местные власти, крестьяне «пришли в совершенную скудость, дня по два и по три не едят, покиня домы свои, ходят по миру и питаются травою и ореховыми шишками, мешая с мякинами» [1]. Неурожаи этих лет охватили большую территорию. Крестьяне голодали, жаловались на отсутствие семян для посевов, просили ссуды у помещиков и отказывались вносить оброк. Цены на хлеб неурожайного 1723 г. вдвое превышали цены конца 20-х годов [2].

На севере яровые часто страдали от холодного дождливого лета и утренних заморозков. В самой северной земледельческой полосе считалось, что на каждые десять лет приходится по три года неурожаев, три года посредственных урожаев и только четыре хороших, урожайных года[3].

В общем урожаи при низкой технике в конце XVII и первой половине XVIII в. были невысоки, отличались неустойчивостью, годы средних урожаев чередовались с годами неурожаев. В неурожайный 1723 год при Камер-коллегии была устроена специальная контора для наблюдения за хлебопашеством [4].

* * *

О товарности сельского хозяйства можно судить по тому, что уже исследователями хозяйства XVII в. отмечалось существование крупных хлебных рынков — Москва, Вологда, Вятка, Нижний-Новгород, Архангельск и др., а с начала XVIII в. сюда же должен быть отнесен и Петербург. В начале XVIII в. хлебная торговля несомненно расширилась. Из русских портов по особому разрешению хлеб вывозился за границу [5].

Много хлеба давали южные уезды и Поволжье, где имелись крупные помещичьи хозяйства, поставлявшие продукты сельского хозяйства для рынка, и, в частности, хлеб. У М. П. Гагарина в 1721 г. по преимуществу в Шацком и Михайловском уездах площадь посева равнялась 1664 дес. Во владениях Г. И. Волконского в Соловском, Данковском, Чернском,

---

[1] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, М., 1902, стр. 464.

[2] *Б. Б. Кафенгауз.* Хлебный рынок в 20—30 годах XVIII ст. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР», стр. 461.

[3] *А. Я. Ефименко.* Указ. соч., вып. 1, стр. 199; «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 157, стр. 182.

[4] ПСЗ, т. VII, № 4175, стр. 27.

[5] О торговле сельскохозяйственными товарами и о роли их во внутренней и внешней торговле см. главу I, § 4 «Торговля».

Тамбовском, Новосильском, Ефремовском и Елецком уездах в 1715 г. было в наличии обмолоченого хлеба 2477 чтв. и 3134 немолоченые копны. Конечно, хлеб в таких количествах не мог идти только для удовлетворения личных нужд владельца, часть его шла на продажу. Из Шацкого и Михайловского уездов из владений М. П. Гагарина везли хлеб к Москве на подводах либо на стругах по Цне, Оке и Москве-реке. На доставке хлеба для продажи в Москве из веневских вотчин П. П. Шафирова были заняты более полутораста подвод, из его пензенских вотчин «хлеб отправлялся на стругах в Санкт Питербурх повсягодно...» [1]

Часть привозимого хлеба, вероятно, расходовалась на содержание живших в столицах сановников и их многочисленной дворни, но некоторая доля его поступала в продажу.

Товарный хлеб давали и монастыри. Петербургский купец Иван Карташев по распоряжению Монастырского приказа в 1710 г. получил для продажи из патриарших и монастырских вотчин, находящихся в шести уездах Казанской губернии, 30 тыс. чтв. ржи, овса и ячменя [2].

К началу XVIII в. в Приуралье и в Западной Сибири имелись значительные запасы товарного хлеба для продажи в других районах, а земледелие Восточной Сибири уже снабжало хлебом свой край [3].

Расширение помещичьей запашки происходило за счет приобретения земли в новых, мало заселенных районах, путем аренды пустошей у государства, монастырей и маломощных владельцев, а также за счет сокращения размеров крестьянских полей. Крестьяне принадлежавшей П. П. Шафирову Ломовской слободы Пензенского уезда жаловались в 1723 г., что до 1720 г. они пахали на своего владельца по 30 дес. в одном поле, а с этого года «прибавлено на нас на помещика земли пахать», именно, стали пахать по 150 дес. в поле и под коноплю 9 дес. Если в Пензенском уезде П. П. Шафиров расширил свою запашку, не уменьшая крестьянского надела, то в Каширской вотчине этот помещик увеличил посевную площадь за счет крестьянской земли. Крестьяне указывали, что они в 1723 г. засеяли владельцу 80 дес. ранее обрабатываемой для себя земли [4].

Таким образом, развитие товарно-денежных отношений сопровождалось стремлением помещика увеличить количество товарного хлеба, что в свою очередь в некоторых случаях вызывало расширение помещичьей запашки и сокращение крестьянских наделов. Такое сокращение

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 283, стр. 352; № 28, стр. 44; № 200, стр. 247.

[2] «Документы из дел Монастырского приказа», стр. 390.

[3] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв., стр. 165.

[4] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 200, стр. 247; № 108, стр. 126.

наблюдалось и в предшествующее время, но в первой четверти XVIII в. оно приняло, вероятно, большие размеры.

Крестьянский хлеб также поступал на рынок в значительном количестве. В 1723 г. в Москве продавали хлеб крестьяне, уроженцы 34 уездов[1]. Продажа крестьянами хлеба и других продуктов сельского хозяйства вызывалась рядом причин: зажиточные крестьяне продавали излишки, отдельные крестьяне-скупщики сбывали хлеб, купленный на местах, масса же крестьян, задавленная оброком и разного вида налогами, вынуждена была продавать последнее.

Большое количество хлеба шло на винокурение, которое было широко распространено уже в середине XVII в. В первой четверти XVIII в. эта отрасль хозяйства приобретает большее, чем прежде, промышленное значение, помещики строят винокуренные заводы. У В. А. Апухтина в Болховском уезде в деревне Нагая в 1715 г. работал большой винокуренный завод, владели винокуренными заводами помещики В. С. Наумов, Ф. М. Безобразов и др.[2]

Зачатки специализации сельского хозяйства проявлялись в выделении хлебных районов, а также районов, в которых был велик удельный вес технических культур. В качестве уездов, известных льноводчеством в XVII в., следует отметить прежде всего Псковский, Смоленский, Новгородский, Владимирский; для конопли — уезды Вяземский и Брянский.

В начале XVIII в. технические культуры стали возделываться и в других районах. Чтобы удовлетворить легкую промышленность сырьем, в 1715 г. предписывается «размножать» льняные и пеньковые промыслы и увеличивать посевы льна и конопли, а в губерниях, где крестьяне ранее не сеяли эти культуры, велено их этому обучать[3]. В инструкции управителю дворцового села Коломенского в 1724 г. предписано расширить посевы льна и конопли, «где сеяно четверть, прибавить в год четверик, и сеять вновь лен и пеньку на государевой пашне»[4].

Лен и пенька в большом количестве поступают на рынок. Из вотчин ярославского Спасского монастыря было вывезено в 1704 г. в Петербург 1000 пудов пеньки. Из вотчин Троице-Сергиевой лавры Московского уезда в 1715 г. поставлено в Петербург 1820 пудов пеньки[5]. Только с 1717 по 1720 через Архангельский и Петербургский порты было вывезено 238 780 пудов льна и 1 549 120 пудов пеньки, не считая

---

[1] *Б. Б. Кафенгауз.* Указ. соч., стр. 464.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 14, стр. 31; № 115, стр. 131; № 21, стр. 37; № 22, стр. 39; № 201, стр. 248 и др.

[3] ПСЗ, т. V, № 2966, стр. 185.

[4] *С. И. Волков.* Указ. соч. (рукопись).

[5] «Документы из дел Монастырского приказа», стр. 285, 451.

холста, пряжи и других изделий из льна и пеньки [1]. Большой торг льном и пенькой был в Риге, Пскове, Смоленске, Калуге [2].

Посевы льна и конопли в первой четверти XVIII в. встречаются не только в уездах нечерноземной полосы, но и на юге — в Брянском, Карачевском, Кромском, Елецком, Орловском, Епифанском, Рыльском, Чернском, Данковском, Веневском и других уездах, причем конопля здесь явно преобладала над льном. Из отписных книг видно, что в помещичьих хозяйствах южных уездов высевалось от 4 до 17 дес. конопли и от 1 до 9 дес. льна. По тем же сведениям, в Курмышском и Пензенском уездах посевы составляли по 9—10 дес. конопли и 1—4 дес. льна. Лен и конопля высевались и на крестьянских полях вышеупомянутых районов, и хотя посевы были невелики и часто исчислялись в нескольких четвериках, но они значатся во всех дворах. Об этом свидетельствует и натуральный оброк, который в местах распространения технических культур взимался с крестьян льном, пряжей или холстом. В имении В. А. Апухтина в сельце Семеновском Владимирского уезда крестьяне в 1715 г. платили с тягла по 20 аршин льняных холстов, а крестьяне деревни Сулово были «изоброчены льном» и давали с тягла по 20 фунтов. В Орловском уезде у того же владельца в 1715 г. крестьяне вносят оброк посконным холстом по 10 аршин с двора [3] и т. д.

Табак в небольшом количестве выращивался и в XVII в. В первой четверти XVIII в. расширяются табачные посевы на Украине и частично заводятся в Нижнем Поволжье [4]. Заботы по разведению табака имели некоторый успех, и в начале 20-х годов XVIII в. существовали мануфактуры для обработки табака. Одна из таких «табашных мануфактур» действовала в 1722 г. в Алатыре [5].

Отмечались также успехи в шелководстве. Первые опыты по организации в России шелководства относятся к середине XVII в. В петровское время эти мероприятия получили больший размах. Кроме существовавших уже посадок шелковицы в 1689 г. под Москвой, заводятся новые плантации в Киеве, Астрахани и на Северном Кавказе. Правительство предписывало в 1700 г., «вновь приискав угожия места для шелкового промыслу, велеть тутовые сады заводить большие, чтоб шелкового дела, перед прежними годами, многим было больше». Все тутовые деревья, даже у частных лиц, брались на учет; за порубку тутового дерева указы грозили смертной казнью [6]. В целях поощрения шелководства практи-

[1] Государственный исторический музей (ГИМ), отдел письменных памятников, из материалов к таможенному тарифу 1724 г., Щукинское собрание, 1083, № 292, л. 41.

[2] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, 1831, М., стр. 37, 117, 127.

[3] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», №№ 29—30, стр. 45—46; № 193, стр. 242.

[4] ПСЗ, т. VII, № 4381, стр. 182.

[5] *Д. С. Бабурин.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, стр. 39.

[6] ПСЗ, т. IV, № 1792, стр. 42.

ковалась раздача казенных земельных участков частным лицам. В 1720 г. положено начало устройству первого шелкового «завода» при реке Ахтубе, в 25 верстах от Царицына. Из Италии в 1724 г. были выписаны мастера, «которые около червей ходят и шелк строить по итальянски умеют»[1].

Садоводство в отдельных районах приобретало промысловое значение. Во владениях касимовского царевича Ивана Васильевича в районе города Касимова и в пригородной Пушкарской слободе имелись сады, в которых были посажены яблони и вишни[2]. В Коломенском, Московском и Звенигородском уездах помещики также разводили обширные сады. В 1715 г. у В. А. Апухтина в сельце Жучках Московского уезда было два сада, где насчитывалось 289 деревьев яблонь и груш. Он же владел двумя садами в Звенигородском уезде, в сельце Селище Новое, с общим количеством деревьев 1041. У некоторых помещиков южных уездов Московской губернии было по четыре-пять садов. Садоводством занимаются не только землевладельцы, но и крестьяне. Например в 1723 г. в Кромском уезде в сельце Рассоховец из 15 дворов в 8 дворах имелись яблоневые сады от 3 до 70 яблонь[3]. О том, что садоводство приобрело важное значение в сельском хозяйстве, свидетельствует наличие в инструкциях приказчикам специального пункта по уходу за садами.

Образцовые сады были заведены в Киеве, Чугуеве, на Дону, в Астраханской губернии, в Красном яре. В Астрахани разводили виноград[4]. По словам сенатского секретаря И. К. Кирилова, автора первого географо-статистического описания России, там было «арбузов, дынь, огурцов множество, также и винограду и прочих садовых и грядных деревьев довольно»[5].

Кроме фруктовых садов, разводили сады и огороды, где возделывались лекарственные растения. Число их значительно возросло. Помимо Измайловского «аптекарского огорода», заведенного еще при Алексее Михайловиче, были устроены «аптекарские огороды» в Астрахани, лекарственные сады в Москве, Петербурге и Лубнах[6].

Огородничество в начале XVIII в. в отдельных, особенно близких к большим городам местах, приобретало торговый характер, например, в Ростовском уезде. Б. П. Шереметев, владелец села Вощажникова в Ростовском уезде, в 1718 г. получает овощи из этой вотчины к своему мо-

---

[1] ПСЗ, т. XXIV, № 18240, стр. 793; т. VII, № 4600, стр. 372.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 98, стр. 104.

[3] Там же, № 161, стр. 187—191; № 93, стр. 98; № 132, стр. 146—148; № 133, стр. 148—154.

[4] ПСЗ, т. IV, № 1792, стр. 42.

[5] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 2, М., 1831, стр. 27.

[6] ПСЗ, т. VI, № 3668, стр. 251; *Н. С. Стромилов.* Очерки сельскохозяйственной деятельности Петра I, «Сельское хозяйство и лесоводство», 1879, ч. 110, № 7, стр. 323—324.

сковскому двору; даже оброк в этой вотчине частично вносился овощами [1]. Торговое огородничество складывалось и близ Петербурга, удовлетворяя растущие потребности новой столицы. В Копорском уезде собирали обильные урожаи репы и капусты. Земля перед посевом тщательно возделывалась, перепахивалась и забоpанивалась не менее четырех раз и удобрялась навозом или золой. Копорская капуста имела большой спрос, и к 30-м годам XVIII в. ею снабжались почти весь Петербург и Кронштадт [2].

* * *

Животноводство в вотчинном хозяйстве находилось в зависимости от размеров пашни и форм эксплуатации, применяемых в хозяйстве.

В барщинных вотчинах не было нужды в большом количестве рабочего скота, так как весь труд по возделыванию земель был переложен на крестьян, работавших на барщине со своим скотом. В пензенской вотчине П. П. Шафирова барская запашка превышала 400 дес., а лошадей числилось всего 13, во владениях М. П. Гагарина посев составлял 1664 дес. и было только 52 лошади. Из 106 отписных владений более половины хозяйств, преимущественно крупных, не были обеспечены собственным рабочим скотом. Ведение хозяйства переложено было на крестьян, особенно на юге, где господствовала барщина. В северных оброчных имениях, где разведение скота нередко было выгоднее хлебопашества, где была нужда в удобрении полей, рабочий скот иногда в достаточном количестве содержали и сами помещики. П. П. Шафиров повелел приказчику своей арзамасской вотчины лишать «месечины» скотниц и скотников за отсутствие или утрату приплода от коров, овец, свиней и птиц. Б. П. Шереметев предупреждал старосту своей ростовской вотчины, «чтоб на скотном дворе в скотине умаления не было, но токмо еще надлежит скота и больше прибавливать» [3]. Владельцы некоторых оброчных владений получали оброк продуктами животноводства, которые продавали на рынке. Они находили сбыт как на внутреннем, так и на внешнем рынке. За три года (1717—1719) через Петербург и Архангельск было вывезено: юфти и кож — 403 218 пудов, сала говяжьего — 338 985 пудов, за те же годы только через Архангельск вывезено мяса говяжьего 16 579 пудов, щетины—12 262 пуда. В больших количествах экспортируется овечья шерсть, сермяжные сукна, пух и перо, предметом вывоза в это время становится и коровье масло, ранее почти не вывозившееся [4].

---

[1] «Архив села Вощажникова», вып. 1, М., 1901, стр. 18—19, 24—26, 38, 43—44, 52, 130—131.

[2] «Труды Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства, 1767 года», ч. VI, стр. 38—55.

[3] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 8, стр. 18—19; «Архив села Вощажникова», вып. 1, стр. 39.

[4] ГИМ, отдел письменных памятников, из материалов к таможенному тарифу 1724 г., Щукинское собрание, 1083, № 292, лл. 41—46.

Количество скота у крестьян также зависело от форм феодальной ренты. В селениях, где крестьяне состояли на барщине или натуральном оброке, как правило, скота содержалось больше, и наоборот, оброчные крестьяне владели меньшим количеством скота. В барщинном селе Ермолове (Касимовский уезд), принадлежавшем касимовскому царевичу Ивану Васильевичу, на 321 чел. имелось 113 лошадей, 52 коровы, 217 овец и 73 свиньи.

Крестьяне села Которова того же уезда и того же владельца были на денежном оброке, у них на 397 душ насчитывалось всего 49 лошадей, 34 коровы, 124 овцы и 24 свиньи [1]. Таким образом, у крестьян барщинного села почти вдвое больше скота, чем у крестьян-оброчников, хотя оба села расположены в одном уезде. Но и в барщинных деревнях, где крестьяне обязаны были держать рабочий скот, имелось большое количество дворов бескоровных. Нередки случаи, когда половина деревни не имела коров. В барщинном селе Засешное (владение Скорнякова-Писарева) в Пензенском уезде в 1723 г. значилось 50 дворов, из них у 25 дворов не было коров, у 9 дворов не было скота и посева, 9 дворов имели по одной лошади и по одной корове, но в семи зажиточных дворах насчитывалось от двух до шести и от двух до восьми лошадей. В оброчной вотчине П. П. Шафирова Пензенского уезда из 225 дворов было 64 бескоровных, 32 двора безлошадных, 29 дворов с одной лошадью и с одной коровой, 34 двора без скота и посевов, но здесь же было 68 дворов, у которых было более двух лошадей и две-три коровы на двор [2].

Налицо имущественное неравенство и в барщинных и в оброчных селениях. Наряду с хозяйствами безлошадными и бескоровными имелись обеспеченные ничтожным количеством скота, а также многолошадные и многокоровные дворы.

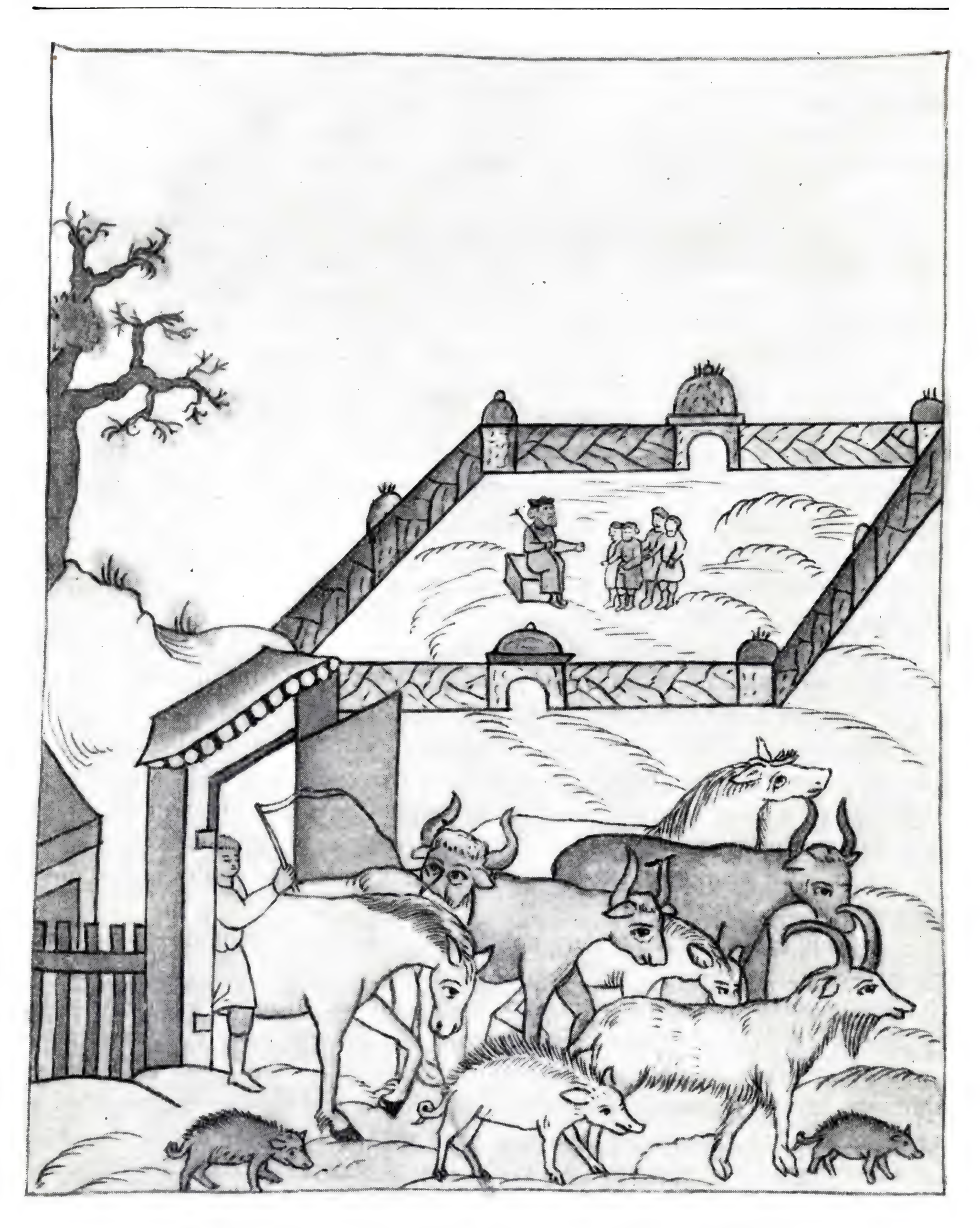
Уже в XVII в. выделяются будущие районы товарного животноводства, которые в дальнейшем вырисовываются еще более четко. Большое количество товарной животноводческой продукции дают северные и северо-западные уезды. Широко практикуется разведение овец романовской породы и рогатого скота в районах Ярославля и его окрестностях. У крестьян Вологодского уезда основной отраслью животноводства являлось разведение крупного рогатого скота. Поголовье рогатого скота в два-три раза превышало поголовье лошадей. Так, в деревне Ерденево 14 дворов владели 19 лошадьми и 45 коровами; в деревне Копыловой 4 двора владели 2 лошадьми и 6 коровами и т. д.

Большое количество кожи и шерсти поступало на рынок из Юрьев-Польского, Суздальского, Ярославского, Романовского, Касимовского уездов.

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 98, стр. 107—114.

[2] Там же, № 202, стр. 252—274.

Выгон скота в поле. Миниатюра из рукописи XVIII в.
Государственный Исторический музей.

Стремлением правительства Петра I обеспечить суконную промышленность отечественным сырьем следует объяснить мероприятия по развитию в России овцеводства. В 1724 г. было предписано создавать овчарные заводы в губерниях со «способным воздухом к размножению овец

и доброй шерсти...»[1] Особое внимание было обращено на развитие тонкорунного овцеводства. Для улучшения породы овец правительство выписывало из Силезии шленских, а из Испании мериносных баранов. Были разосланы особые «правила» о кормлении, содержании, лечении, стрижке и разведении овец. Кроме того, правительство само приступает к организации овчарных «заводов» с тем, чтобы, подобно промышленным предприятиям, передать их потом в частные руки. Указом от 11 мая 1722 г. овчарные заводы, содержимые «казенным коштом», повелевалось передать под опеку «многовотчинным людям»—Меншикову, Шереметеву, Голицыну. Раздача должна была производиться даже в тех случаях, когда сами вотчинники не желали принимать овец. Под страхом жестокого наказания помещиков обязывали содержать овец так же, как они содержались на государственных овчарных заводах[2]. Однако, несмотря на принуждения, казенные овчарные заводы лишь частично удалось передать в частные руки. В 1726 г. только на Украине в овчарных заводах было 130 тыс. овец[3].

Преобладала местная порода овец, называемая «черкасской», встречаются овцы русские, ордынские и романовские.

В наибольшей степени овцеводство было развито в южных уездах страны и на Украине. В Елецком уезде в 1715 г. у Г. И. Волконского в деревне Козинки был овчарный завод, где содержалось 795 овец. Для них был построен специальный двор, находившийся под наблюдением наянтых скотников из «черкас», и шерсть с овец отправляли в Москву. Много овец было и у крестьян: в Кромском уезде на крестьянский двор в среднем приходилось от 13 до 20 голов, в Елецком уезде на двор приходилось 10—12 овец; встречаются крестьянские дворы, где количество овец превышало 20—30 голов[4].

Чтобы обеспечить лошадьми войска, правительство принимало меры к развитию коневодства, потребность армии исчислялась в 60 тыс. лошадей. Конные заводы были организованы в Казанской, Киевской и Азовской губерниях; в 1720 г. было велено учредить такой же завод в Астрахани[5], где бы содержались персидские жеребцы и черкасские кобылы. Рослую крепкую породу лошадей, известных под названием «обвенки», разводили в строгановских владениях Соликамского уезда на реке Обве[6]. В частных владениях в первой четверти XVIII в. имелись лошади «ногайские», русские, «немецкие» и «аргамаки», а также персидские[7]. Большое коли-

[1] ПСЗ, т. VII, № 4532, стр. 310.

[2] Там же, т. VI, № 4002, стр. 676.

[3] *И. Н. Чернопятов.* Исторический очерк развития тонкошерстного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его. М., 1873.

[4] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 74, стр. 78—79; №№ 132—134, стр. 144—164; № 76, стр. 79—84.

[5] ПСЗ, т. IV, № 2467, стр. 779; т. VI, № 3668, стр. 252.

[6] *Н. В. Пономарев.* Указ. соч., стр. 130; *Н. В. Устюгов.* Указ. соч., стр. 178—181.

[7] «Архив села Вощажникова», вып. 1, стр. 9.

чество лошадей разводили башкиры; у старшин Ногайской дороги табуны иногда доходили до двух и пяти тысяч[1]. Башкирские лошади под названием «ногайских», крепкие, выносливые, издавна были известны в России, их покупали или «выменивали» для нужд государства, а также для частных владений. Разводили свиней «чюцких» и русских. У крестьян были частые «падежи скота», отмечалось наличие «худой скотины». Условия содержания скота даже у помещиков были плохие — хлева холодные, грубые корма.

Таким образом, развивавшиеся рыночные связи ускоряли процесс специализации сельского хозяйства.

Широкое распространение имело бортничество как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве. При дворянских усадьбах везде существовали пчельники, размеры которых колебались от 20 ульев до 100 и выше. Пасечный «завод» в 100 ульев существовал в 1723 г. в Рыльском уезде в имении И. С. Сазонова. В крестьянском хозяйстве часто встречаются пчельники размером от 2 до 10 ульев. В пензенской слободе Ломовской у П. П. Шафирова из 225 дворов треть владела пчельниками. Наиболее крупные пчельники насчитывали 100—150 ульев[2]. Продукты пчеловодства имели большой спрос внутри страны и на внешнем рынке. С 1717 по 1720 через Архангельский и Петербургский порты было вывезено 29 843 пуда 13 фунтов воску[3].

В XVII в. не было ни лесного управления, ни организации лесного хозяйства. Но строительство флота, мануфактур, каналов и т. п. заставило поставить вопрос о сбережении и учете лесных богатств. Указ 1703 г. предписывал составить опись лесов, находившихся от больших рек в сторону на 50 верст, а от малых рек, впадавших в эти большие реки,— на 20 верст. При этом запрещалось рубить твердые породы деревьев: дуб, клен, вяз, карагач, лиственницу и сосну (в 12 вершков). За сруб дерева указанных пород назначался 10-рублевый штраф, а за большую порубку корабельного леса грозила смертная казнь[4]. Указы правительства ограничивали отпуск леса для нужд населения, разрешали рубить липу, ясень, ольху, орешник, иву.

Особо выделялись леса, употреблявшиеся для строительства флота и на продажу за границу. Они специально описывались и объявлялись государственными заповедниками. Указом 1712 г. было запрещено рубить леса в Новгородском, Старорусском, Луцком и Торопецком уездах, по берегам Мсты, Свири и других рек. В 1715 г. петербургским жителям

---

[1] «Материалы по истории Башкирской АССР», т. III. М.— Л., 1949, № 568, стр. 526—527.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 202, стр. 252—274.

[3] ГИМ, отдел письменных памятников, из материалов к таможенному тарифу 1724 г., Щукинское собрание, 1883, № 292, лл. 41—46.

[4] ПСЗ, т. IV, № 1950, стр. 228; № 2017, стр. 283—284.

запрещалось рубить леса по реке Неве. С 1720 г. под особый надзор были взяты леса побережья Невы и Финского залива, объявлены заповедными леса псковские и великолуцкие. Но, несмотря на это, леса охранялись плохо и учет не налаживался. Главное заведывание лесами было передано в 1719 г. одному из наиболее заинтересованных ведомств — Адмиралтейской коллегии. В целях охраны и учета лесов были созданы лесные округа во главе с выборными надзирателями. Следующим важным шагом по устройству лесного дела было учреждение в 1722 г. должности вальдмейстеров в Петербурге, Москве, Казани, Воронеже, Брянске и других городах[1].В инструкциях вальдмейстерам предписывались меры по охране лесов. В лесах, предназначавшихся на сруб, запрещалось вырубать все деревья подряд, следовало «рубить так, чтобы оставался семенной лес». Предпринимались попытки разведения лесов в степных местах. В указе астраханскому губернатору Волынскому о заведении в Астрахани аптекарского огорода предписывалось «при Астрахани и в других местах, где степи, сеять дубовые желуди для лесов...»[2] Хотя эти указы далеко не всегда выполнялись, но заслугой является постановка задачи сберечь и разумно использовать лесные богатства страны.

Подводя итоги, следует отметить, что в изучаемое время происходил рост общественного разделения труда, наметилась специализация отдельных районов сельского хозяйства на основе различий черноземных и нечерноземных районов, развиваются районы животноводства, технических культур. Создание регулярной армии и флота, обширные строительные работы, возникновение крупной промышленности повысили спрос на сельскохозяйственное сырье и продовольствие и, таким образом ускорили процесс развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Часть светских и духовных феодалов производит сельскохозяйственные продукты для продажи на рынок, в связи с этим владельцы увеличивают запашки, осваивают новые земли. Одновременно с помещичьей колонизацией продолжается процесс освоения новых земель крестьянами, бежавшими от феодально-крепостнической эксплуатации на окраины государства.

В рыночные отношения было втянуто и крестьянское хозяйство. Но продажа крестьянами сельскохозяйственных продуктов являлась не только показателем товарных излишков хлеба, но и показателем роста их эксплуатации со стороны помещиков и феодально-крепостнического государства.

Подчеркивая эти изменения, вместе с тем не следует забывать, что рыночные отношения в сельском хозяйстве не являлись системой, что хозяйство в целом сохранило черты патриархальной замкнутости, харак-

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2607, стр. 875; т. V, № 2890, стр. 150; т. VI, № 3646, стр. 240; т. V, № 3391, стр. 716—717; т. VI, № 3941, стр. 641.

[2] Там же, т. VI, № 3668, стр. 252.

терной для феодально-крепостнического строя. Низкая урожайность и частые голодовки свидетельствуют о тяжелом состоянии крестьянского хозяйства.

Крепли экономические связи русского народа с другими народами, входившими в состав Российской империи. Под влиянием русского земледелия появилось пашенное земледелие у народов Сибири, Поволжья, происходил постепенный переход от оседлости к земледелию у башкир. Вместе с тем русские покупали лучшие породы скота, например, ногайских лошадей у башкир, черкасских овец у украинцев и т. д. Вопреки колониальной политике самодержавия по отношению к народам, входившим в состав России, укреплялись хозяйственные связи между трудовыми массами.

Чтобы уменьшить зависимость зарождавшейся крупной промышленности от привозного сырья и обеспечить армию продовольствием, правительство проводило некоторые мероприятия по усовершенствованию сельскохозяйственной техники, улучшению пород скота, поощряло развитие овцеводства и технических культур, устанавливало надзор за использованием лесных богатств и т. д. Эти мероприятия входили как составная часть в экономическую политику того времени. Однако не следует преувеличивать их значение: в условиях господства феодальной собственности на землю и внеэкономического принуждения крестьян сельскохозяйственные улучшения внедрялись чрезвычайно медленно.

2

МЕЛКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Конец XVII и начало XVIII в. — знаменательный период в развитии русской промышленности: в это время получает распространение крупное производство мануфактурного типа, возникновение которого относится еще к XVII в. Однако значение крупного производства было еще ограниченно, потребности населения попрежнему удовлетворялись преимущественно за счет продукции повсеместно распространенных мелких промыслов и домашней промышленности.

С ростом общественного разделения труда уже в XVII в. наметились районы распространения важных в хозяйственной жизни страны производств: железоделательного — районы Устюжны, Белоозера, Тихвина, Олонца — на северо-западе страны, районы Галича, Нижнего-Новгорода, села Павлова и далее на северо-восток — Приуралье, южнее Москвы — Тула, Серпухов, Дедилов, Елец с их уездами; текстильного — Ярославль, Кострома, Суздаль, в частности село Иваново, Вязники, Вологда; кожевенного — Ярославль, Кострома, Владимир, Казань, Чебоксары; мыловаренного — Ярославль, Кострома, Шуя, Борисоглебск.

Однако количественный рост мелкого производства не поддается учету, и о численности даже городских производителей до конца XVII в. нет сведений. По данным регистрации ремесленного населения 1720-х годов, в городах России было учтено 15 907 ремесленников, работавших на сторону, из них в Москве значилось 6885 чел., в Петербурге 2534 чел., то есть на долю обеих столиц приходилось 9319 чел., или более 58% от общего числа. Остальное количество городских ремесленников распределялось между губерниями следующим образом: Петербургская — 699 чел., Киевская—1901 чел., Сибирская — 1140 чел., Казанская — 1006 чел., Астраханская — 847 чел., Архангельская — 409 чел., Нижегородская—261 чел., Смоленская — 215 чел. [1], но эти данные не являются полными: в них отсутствуют сведения по Московской губернии, не учтены ремесленники сел, которые уже тогда имели промышленное значение; многие ремесленники, кроме того, стремились уклониться от регистрации.

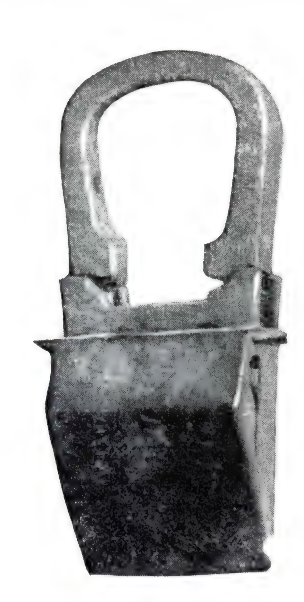
Развитие мелкой промышленности в первой четверти XVIII в. проявилось не только в ее количественном росте, но и в дальнейшей специализации и появлении новых отраслей производства. Товарно-денежные отношения все шире охватывали своим влиянием население страны и способствовали дальнейшему отделению мелких промыслов от земледелия и постепенному превращению части крестьян в сельских ремесленников, а затем и в мелких товаропроизводителей. Развитие этих отношений сопровождалось значительными изменениями в социально-экономической структуре мелкого производства и готовило почву для выделения из его среды владельцев позднейшей капиталистической мануфактуры на одном полюсе и лишенных средств производства продавцов квалифицированной рабочей силы — на другом.

В черной металлургии в изучаемое время в связи с развитием крупной промышленности роль мелкого производства несколько меняется. Строительство крупных вододействующих предприятий, выпускавших высокосортное железо, вызвало некоторое сокращение добычи металла в сыродутных горнах. В целях более рационального использования источников сырья правительство в некоторых районах запрещало строительство ручных горнов. Так, органами Берг-коллегии были закрыты ручные горны в районах деятельности казенных заводов на Урале и в Олонецком крае. Многочисленные кузнецы-крестьяне Урала переходят на работу на новые уральские заводы. Но ручные горны продолжали существовать, хотя, вероятно, и в меньших масштабах, и в центральном металлургическом районе, где были частные заводы, и в особенности там, где заводы отсутствовали. Примером такого района является Галицкая провинция, в ко-

---

[1] Центральный государственный исторический архив Ленинграда (ЦГИАЛ). ф. Комиссии о коммерции, оп. 1, д. 89, лл. 38, 89 и об.; Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), дела Сената, кн. 907, лл. 421—423.

Железные замки.

Государственный Исторический музей

торой в 1724 г. было зарегистрировано у крестьян 507 горнов и ручных домниц[1].

Продукцией ручных горнов обслуживались нужды крестьянского населения Левобережной Украины, где не было металлургических заводов. Однако, благодаря установившимся экономическим связям, на Украину уже в 1720-х годах поступало из России заводское железо и изделия из него.

Большую живучесть, несмотря на запретительные указы, обнаружил крестьянский промысел по выплавке железа в Карелии. Частных заводов здесь не было, казенные работали на удовлетворение государственных нужд, поэтому местный рынок продолжали обслуживать крестьянские ручные домницы. Олонецкий «уклад» славился еще в XVII в. за пределами края. Он продолжал вывозиться и в первой половине XVIII в. в разные города и на ярмарки — от Старой Руссы до Ирбита[2].

Кузнечный промысел существовал повсюду и в центре России и на окраинах, но наиболее развит был в пунктах сосредоточения сырья. В таких небольших городах, как Зарайск и Переяславль-Рязанский (оба находились в районах, имевших «рудные места»), кузнецы насчитывались

---

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 610, лл. 124—143.

[2] *Я. А. Балагуров.* Крестьянские железоделательные промыслы в Карелии в середине XVIII в. «Известия Карело-Финского филиала АН СССР», 1949, № 4, стр. 98—107.

в количестве пяти-шести десятков. В то же время в Москве в кузнечном цехе числилось 137 чел.[1].

Вне городов образовались такие крупные центры железоделательной промышленности, как село Павлово; уже в это время оно являлось своего рода рассадником соответствующих технических навыков. По данным 1707 г., в селе насчитывалось всего 19 мастеров, остальные разбрелись в поисках заработка: 14 чел. кормились «рукодельем своим» в Москве, 15 чел.— в других местах, главным образом на Украине[2].

То же самое можно сказать о северо-восточных окраинах. В городах и слободах Приуралья и Сибири, находившихся в рудоносных районах, кузнецы составляли большой процент в составе местных мелких производителей. В Верхотурье из 196 ремесленников разных специальностей было 82 кузнеца; в девяти уральских слободах, находившихся в районе заводов, кузнецов насчитывалось 131 чел., а в пригородных слободах Тобольска их было 55[3].

О судьбе мелкого производства в условиях развивающейся мануфактуры Маркс писал: «Уничтожая эти побочные промыслы и городское ремесло в одной их форме, в известных отраслях промышленности, на известных пунктах, она вызывает их снова к жизни на других...»[4].

Так, в металлопромышленности некоторых районов изменение форм мелкого производства состояло в дальнейшем расширении металлообработки за счет сокращения промыслов по выплавке железа.

Самую многочисленную группу металлистов после кузнецов составляли медники, но они встречаются значительно реже,— или в крупных городах, прежде всего в Москве, или в местах, близких к выплавке меди. В Москве было 300 чел. цеховых[5], вырабатывавших разные медные изделия, в других пунктах медники насчитывались в лучшем случае десятками. В большинстве случаев они переделывали «ветошную медь», вырабатывали предметы домашнего обихода: котлы, подсвечники, солоницы, перечницы и другую «мелкую рухлядь».

В крупных городах сосредоточивались специалисты по обработке драгоценных металлов — серебра и золота. Наибольшее количество их было в Москве, где в 1720-х годах в серебряный цех записалось 267 чел.; но в Петербурге подобных специалистов-мастеров было всего 35 чел.[6]. Серебряное дело в Москве было развито с давних пор. Однако серебряники встречаются также во многих городах центра России — в Калуге, Курске, Зарайске и на окраинах, в том числе в Сибири; центра-

---

[1] «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II. М.— Л., 1950, стр. 64—65.

[2] ЦГАДА, дела Ингерманландской канцелярии, д. 103, л. 21.

[3] Там же, ф. Берг-коллегии, кн. 634, лл. 1045—1056; кн. 614, лл. 39—40, 291—300.

[4] *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 751.

[5] «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II, стр. 54—57.

[6] ЦГАДА, дела Сената, кн. 907 л. 421.

Медная луженая чеканная посуда начала XVIII в.: братина и чайник, переделанный из братины.

Государственный Исторический музей.

ми данного мастерства оставались с XVII в. Устюг Великий и Новгород. Серебряники вырабатывали на заказчика и на продажу кресты и оклады к иконам, а также украшения — серьги и перстни. Давним центром сосредоточения золотых дел мастеров была Москва, в провинциальных городах они не встречаются. В московских цехах 1720-х годов значилось: «золотого» мастерства — 58 чел.; «золотарного» (вероятно, по металлу) — 49 чел.; «золотарного по дереву» — 39 чел.; «золотопрядного» — 31 чел. Цехи «золотарей» и «золотильщиков» имелись также в Петербурге, но в значительно меньшем количестве, всего 50 чел. К тому же можно думать, что значительная часть их была раньше связана с Москвой, так как из состава ее ремесленников переводились в Петербург прежде всего наиболее редкие и квалифицированные специалисты. Редко встречавшимися мастерами были «оловянишники». Оловянная посуда XVIII в. ввозилась, поэтому оловянишники даже в Москве в XVII в. насчитывались единицами, но в 1720-х годах в этот цех в Москве записалось уже 84 чел., тогда как в Петербурге их было всего 8; в провинциальных городах представители данной профессии не встречаются.

Особых квалифицированных навыков требовало производство оружия, но так как спрос на него был большой, специалисты-оружейники были в составе ремесленников многих городов. В наибольшем количестве они сосредоточивались в крупных промышленных центрах (Москва, Ярославль, Тула) или в городах, близких к сырьевой базе, например,

Серебряная резная кружка с чернью и позолотой, начало XVIII в.
Государственный Исторический музей.

в Тобольске. В оружейном цехе в Москве состояло 45 чел., в Туле было 40 чел. только казенных мастеров, которые работали также на продажу. Производством огнестрельного и холодного оружия в начале XVIII в. славились мастера Северного Кавказа.

Данные о распространении мелкого производства в разных областях металлургии трудно сопоставить с материалами предшествующего столетия, чтобы получить более ясное представление о происходивших количественных изменениях. Но несомненно, что в первые десятилетия XVIII в., несмотря на создание крупной металлургической промышленности, мелкое производство имело широкое распространение. Изделия из железа, употреблявшиеся в домашнем хозяйстве, попрежнему готовились мелкими товаропроизводителями, мануфактура же поставляла на рынок преимущественно полуфабрикаты из железа или чугунное литье.

Рост мелкого товаропроизводства наблюдается также в текстильной промышленности. Как и в XVII в., в первой четверти XVIII в. производство узкого более тонкого холста или полотна и более грубого холста — хряща, крашенины, пестряди и простого «серого», то есть неокрашенного,

Серебряный ковш с резьбой, начало XVIII в.
Государственный Исторический музей.

сукна широко практиковалось преимущественно по деревням, заметно концентрируясь в отдельных районах. Однако в начале XVIII в. сравнительно с предшествующим эти изделия все больше вырабатываются на рынок и прежде всего на внутренний, о чем свидетельствуют данные таможен середины 1720-х годов[1].

Название товара	Вывезено из губерний:							
	Московской	Новгородской	Архангельской	Воронежской	Смоленской	Нижегородской	Сибирской	Всего
Холста (арш.) . . .	60 126	16 450	—	338	—	—	10 760	87 674
« (концов) . .	42 619	150	—	—	—	—	—	42 769
Холста-хряща (арш.)	1 188 833	26 313	135 246	88 681	—	139 785	153 594	1 732 452
Крашенины (арш.) .	533 245	6 348	49 825	3 633	6 167	—	1 900	601 118
Пестряди (арш.) . .	141 110	400	1 869	—	—	2 200	—	145 579
Сукна серого (арш.)	2 150	126	2	933	—	2 302	6 485	11 998

По размерам вывоза и полноте ассортимента явно выделяется тогдашняя обширная Московская губерния, где находились такие районы текстильной крестьянской промышленности, как Ярославский, Суздальский,

[1] ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, оп. 1, № 105.

Шуйский, Романовский и Московский уезды. Зато в других губерниях вырабатывалось меньше текстильных изделий, так что эти губернии нуждались в их ввозе. Производством тонкого полотна, так называемого «олонецкого», славилась Карелия, отсюда оно поступало за пределы местного рынка.

Таможенные книги конца XVII и начала XVIII в. пестрят записями о провозе в Сибирь больших партий не только холста, но также крашенины и сукна. Холстами и крашениной торговали в Москве и в любом провинциальном городе, на крупных ярмарках и торжках. Так, например, на Троицкой ярмарке в селе Пертоме Пошехонского уезда в 1725 г. трое московских купцов купили 39 356 аршин «льняных ровных холстов».

Указом 1715 г. было запрещено ткать на узких бердах, что неблагоприятно отразилось на крестьянском ткачестве, так как в обычной избе крестьянина невозможно было поместить широкий стан. Но не следует преувеличивать отрицательную роль этого указа. Во-первых, уже в 1718 г. правительство ограничило действие указа 1715 г. и разрешило изготовлять на узких бердах холсты двух образцов [1], и, во-вторых, узкие холсты запрещенных образцов также производились крестьянами «утайкою» в широких масштабах и обращались на рынке при прямом попустительстве таможенных властей.

Среди миллионов аршин полотна, которые в конце первой четверти XVIII в. подвозились к молодому петербургскому порту, весьма значительная доля падала на крестьянские холсты. Благодаря своей дешевизне они находили широкий сбыт в Петербурге, и в странах Западной Европы, и на востоке. Возросший спрос на сукно, необходимое для солдатского обмундирования, также использовался в известной мере крестьянами-промышленниками. Правда, военные потребности в большей мере удовлетворялись крупной мануфактурой, но и у крестьян по уездам подряжалось «число не малое белых сукон, которые употребляют в солдатские сукна». Спрос на обработанную пеньку, сильно возросший в связи с созданием большого парусного флота, удовлетворялся главным образом крестьянами. Недаром купечество так настойчиво жаловалось на конкуренцию крестьян, занятых первичной переработкой конопли и льна. В то же время крестьянский холст служил предметом экспорта. Об этом дает представление прошение Тамеса, одного из крупных экспортеров, хорошо знавшего русский рынок. Ссылаясь на то, что ввиду запрещения продавать узкий холст у крестьян оказались на руках «многие ста тысячи аршин деланных холстов», Тамес обещал, в случае позволения, скупить в течение года «20 сот тысяч аршин и больше...» [2]

---

[1] *П. Г. Любомиров.* Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв. Л., 1930, стр. 103.

[2] Центральный государственный архив военно-морского флота, дела Апраксина, № 398/253, л. 4—5; «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II, стр. 21 и 23.

Насколько большое значение этот промысел имел для самих крестьян, особенно в промышленных районах, свидетельствует жалоба шереметевских крестьян села Вощажникова, что они разорились не столько от недорода хлеба, сколько от запрещения ткать узкие холсты. «А паче, государь,— писали они,— пришла нам великая тягость и всеконечное разорение, что за указом купецкие люди не покупают у нас узких холстов».

Втягивание крестьянского хозяйства в товарное производство носило самые разнообразные формы. Производственные навыки, приобретенные в домашней промышленности, использовались в крупном производстве. Среди крестьян подмосковной Измайловской волости было много специалистов по выработке парусного полотна, и измайловские крестьяне целыми группами нанимались на работу в качестве ткачей и шпульников не только на парусную мануфактуру Филатова в Малоярославецком уезде, но и на аналогичные предприятия Рагузинского [1],— таким образом подмосковные текстильщики несли свои навыки на Украину.

В селе Тайнинском и смежных деревнях вплоть до Александровой слободы получило широкое распространение производство позументов; оброчные крестьяне этих мест составляли значительную часть квалифицированных рабочих московской позументной мануфактуры Корчагина [2]. В других случаях домашние промыслы и работа на мануфактуре являлись подготовительными этапами к превращению крестьянина в мелкого товаропроизводителя, иногда прибегавшего к использованию наемного труда. Оброчный крестьянин села Тайнинского Алексей Пузиков, обучившись позументному делу, «через свои труды» купил инструменты, объединился с компанейщиком суконной фабрики Сериковым и с 1728 г. «оное мастерство отправляет собою», имея трех работников.

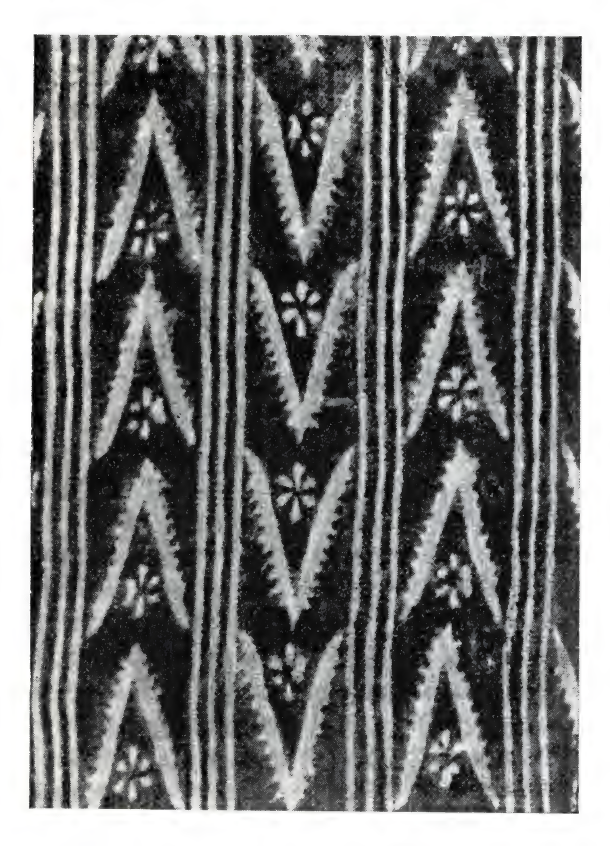
Разнообразнее становилось мелкое текстильное производство, особенно в крупных городах. Едва успели возникнуть первые в России мануфактуры по выработке шелка и тонкого цветного сукна, как появились соответствующие специалисты-ремесленники: штофного (шелкового) дела в Москве (четыре) и в Петербурге (три); суконного (семь) и каразейного (семь) в Москве, семь «каразейников» работали в далеком Кунгуре. Характеристику этого мелкого производства оставили современники-мануфактуристы, боровшиеся с ним: «являются в Москве многие ремесленные люди маломочные русские и иноземцы полоненики, и имеют у себя без указов, в наемных и в своих домех, самовольно по одному и по 2 и по 3 стана, и ткут каразеи ж самоучкою...»[3]

Позументы и ленты стали употребляться только при Петре, а уже в начале 1720-х годов фабриканты жаловались, что «простые ткачи» и

[1] ЦГАДА, ф. Юстиц-коллегии, Жилые книги, № 1200, лл. 1041—1042; № 1199, лл. 124 об.— 127.

[2] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-конторы, связка 116, кн. 1, ч. 1, лл. 9—13, 22—29.

[3] «Московский Суконный двор». «Крепостная мануфактура в России», ч. V, Л., 1934, № 15, стр. 41.

Набойка начала XVIII в.
Государственный Исторический музей.

«всяких чинов люди» вырабатывают «самовольно» плохие ленты и позументы у себя на дому. При записи в цехи мелких мастеров-позументщиков было зарегистрировано в Москве 84 чел., но это производство, как говорилось выше, распространялось и под Москвой и даже шире. В Казани пять местных жителей показали, что делают «галуны и мелкие позументы, також ленточки с кованью из змейки золотцом самыми малыми струменты»[1], что с несомненностью свидетельствует о влиянии новых производств, развивавшихся в центре.

Текстильные промыслы, особенно по выработке сукна, были широко распространены в связи с развитием овцеводства в Поволжье, на Украине и в Башкирии. На Украине были устроены овчарные заводы. Господствующей формой существовавших в этих районах крестьянских промыслов, возможно, являлась домашняя промышленность, однако уже в начале XVIII в. на Украине скупались белые и серые сукна для военного ведомства. Занятия и навыки, распространенные среди населения, были той базой, на которой возникли в 1720-х годах первые суконные и парусно-полотняные мануфактуры на Украине.

Выработка льняных тканей была распространена также в Прибалтике, особенно в Латвии. Так, в Риге среди одиннадцати латышских цехов существовали цехи трепальщиков, прядильщиков и ткачей, причем в первом числилось 99 человек.

Сукна домашней выработки широко употреблялись на Северном Кавказе, но они так же, как войлоки и ковры, местами вырабатывались и на продажу.

Южнее, «в Терках», и далее в Армении и Грузии, было распространено

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Коммерц-коллегии, экспед. 2, д. 7, л. 105.

шелкоткачество. На Терек еще в XVII в. посылались нарочные «для доброго шелкового семени», а также в поисках «шелковых» мастеров. В дальнейшем армяне появляются в Москве не только в качестве мастеров, но, подобно Игнатию Шериману, и в качестве владельцев шелковых мануфактур, принося сюда знания в незнакомом русским людям деле.

Поливной изразец начала XVIII в.
Государственный Исторический музей.

Повсеместно распространенным с давних пор было кожевенное производство. Оно распадалось на собственно кожевенное, то есть переработку или «передел» сырых кож, производившийся обычно в крестьянской избе или в специальных кожевнях, и производство из полученного фабриката готовых изделий, которым были заняты сапожники и другие мастера. Кожи, особенно высший сорт — юфть, являлись видным предметом экспорта. Обработкой кож особенно славились Ярославль, Суздаль, Владимир, Кострома. Кожевенное производство было развито также в районе Казани — Чебоксар, где кожи перерабатывались и крестьянами и на купеческих «заводах» и затем огромными партиями отправлялись для «отпуска» за границу[1]. «Кожевни» в городах встречаются повсюду: в Зарайске, Калуге, Курске, Каргополе и Новгороде, в Соликамске, Вятке, Верхотурье. Десятками они насчитываются в животноводческих районах Сибири: в Тюмени 49, в Тобольске 60 и т. д.[2]

На Украине обрабатывались кожи яловочные, конские, козловые и бараньи, а затем окрашивались в разные цвета.

---

[1] *Е. И. Заозерская.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. Сб. «Петр Великий», т. I. М.— Л., 1947, стр. 214—245.

[2] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, лл. 152 и сл., 135—136; кн. 634, лл. 876, 976.

Широко был распространен кожевенный промысел в Поволжье, на территории современных Татарской, Чувашской и Башкирской АССР. Крупнейшие торговые люди Казани и Чебоксар скупали тысячами пудов кожи в ближайших и более отдаленных местах, давая вперед деньги и ставя тем самым в зависимость от себя непосредственных производителей. В Башкирии кожевенный промысел существовал преимущественно в форме домашней промышленности.

На месте, по деревням и городам, вырабатывались разных сортов обувь и рукавицы, поступавшие также на рынок и прежде всего в Москву. В целях распространения кожевенного промысла в 1716 г. в Москве организуются своего рода «курсы» для обучения московских и иногородних кожевников производству «новоманерных» кож. Последние высылались по очереди в Москву, а после обучения должны были распространять новый метод на местах. В результате уже в 1719—1720 гг. новый способ выделывания кожи применялся в Курске, Каргополе, Соликамске, Тюмени; в Тобольске был «кожевник московского обучения»[1].

Не менее широко была распространена выработка готовых изделий из кожи; она сопровождалась очень дробной специализацией, причем первое место занимали сапожники. Они встречаются всюду, но особенно много их было в столицах: в сапожном цехе в Петербурге зарегистрировано 205, а в Москве — 1416 чел. Несомненно, столь большое число сапожников работало не только на московского обывателя, а на более широкий рынок: из Москвы обувь вывозилась, например, в Новгород и в большом количестве — в Сибирь. Если в деревне и в провинциальном городе мастерство обычно ограничивалось сапожным, то в столицах насчитывалось более десяти цехов по выработке различных кожевенных изделий: кошельков, конской упряжи, ремней, портупей и перевязей, седел. Специализация имела место и в крестьянском кожевенном промысле. Крестьяне села Воскресенского Угличского уезда в 1707 г. показали, что они сдавали седла для окончательной отделки специальным мастерам[2].

Достигнутый уровень специализации в кожевенном производстве, а также значительная концентрация производителей в отдельных пунктах свидетельствуют о том, что и в этой отрасли мелкой промышленности работа на рынок была распространенным явлением.

В форме мелких промыслов, городских и деревенских, распространено было мыловаренное и гончарное дело. Среди гончаров различались кувшинники и горшечники. Мыловарением особенно славились Кострома и Шуя[3]. На Украине салотопенным и мыловаренным производством был

[1] *Е. И. Заозерская.* К вопросу о зарождении капиталистических отношений в мелкой промышленности России начала XVIII в. «Вопросы истории», 1949, № 6, стр. 82.

[2] *А. Л. Шапиро.* К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. «Исторические записки», кн. 31, 1950, стр. 140.

[3] «Архив села Вощажникова», вып. 1. М., 1901, стр. 3.

известен Стародубский уезд. Те же промыслы, особенно салотопенный, были распространены в Татарии и Чувашии; сало в большом количестве вывозилось из Казани и Чебоксар местными экспортерами[1].

Среди мелких производителей города и даже деревни постоянно встречаются скорняки, которые «подделывали белку, заячину, куницы, лисицы, бобры и всякую мягкую рухлядь», портные, шившие «всякое ношебное русское платье», плотники, рубившие хоромы и делавшие «всякую нутряную избную поделку». Число последних было особенно велико в северных и северо-западных уездах. Среди 93 иногородних плотников, зарегистрированных в Москве в 1726 г., 52 чел. пришли из Олонецкого, Галицкого, Ростовского и Костромского уездов; остальные 41 чел. пришли из 17 других уездов[2].

Крупнейшими пунктами сосредоточения разнообразного мелкого производства были обе столицы, особенно Москва, являвшаяся старым экономическим центром страны. В 1720-х годах при организации цехов в Москве записалось 6885 чел. Значительное по тому времени количество мелких производителей говорит, с одной стороны, о промышленном характере данного города, а с другой — о роли мелкого производства даже в Москве, ставшей к этому времени, как увидим ниже, важнейшим центром крупной промышленности. О значении ремесла в удовлетворении разнообразных потребностей населения свидетельствует также широкая специализация московских ремесленников: было намечено 153 цеха, соответствовавших объявленным «мастерствам», главным образом, из областей обрабатывающих промыслов.

В Петербурге мелких производителей, кроме казенных мастеров, было зарегистрировано 2,5 тыс. человек, они составили 124 цеха. В обеих столицах, кроме перечисленных выше широко распространенных профессий, имелись специалисты по изготовлению предметов роскоши или изделий, вызванных новыми потребностями. Особенно показательно наличие в Петербурге, центре кораблестроения, таких цехов, как «корабельного дела», «галерных дел», «шхипоров», «компасного дела», «блокового и ботового и шлюпочного мастерства». Состав каждого из этих цехов очень немногочисленен, но тем не менее их наличие свидетельствует о появлении новых видов ремесла.

Изменения в быту и убранстве жилища объясняют появление в Москве значительного количества зеркальных мастеров (25), специалистов по выделке тюфяков, стульев, карет и каретных гвоздей, париков, бумажных цветов, фряжских листов, золотарей по дереву.

Наиболее значительными центрами мелкого производства на Украине были такие города, как Киев, Нежин, Стародуб, Чернигов, Новгород-

---

[1] *Е. И. Заозерская.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв., стр. 214—245.

[2] *С. И. Сакович.* Московские ремесленники 1720 г. (рукопись).

Северский. В каждом из них сосредоточивались сотни ремесленников различных специальностей, объединенных в цехи[1].

В Прибалтике такое же значение имели Рига, Нарва, Ревель. По данным 1719 г., в Риге сосредоточивалось 440 ремесленников, составлявших 48 цехов.

По ведомости 1720 г., в Тобольске и Томске насчитывалось около 400 ремесленников в каждом, в Тюмени 280, в Енисейске больше 100 чел. Многие специальности появились здесь, несомненно, под влиянием развитого ремесла центра.

Количественный рост и все бóльшая концентрация мелкого производства в определенных центрах, так же как появление новых его видов,— показатели растущего отделения промышленности от сельского хозяйства. Однако крестьянские промыслы в огромной массе еще не отрывали крестьянина от его основного занятия, являясь лишь добавлением к нему. При перечислении ремесленников Кайгородского уезда оговаривается, что это «пашенные тяглые крестьяне» и платят подати «вместе» с крестьянами. Относительно крестьян-кузнецов Алексинского уезда в ведомости добавляется: «А работают де они на тех заводах (своих.— *Ред.*) времянем зимнею порою, а в летнею рабочею пору не работают». Эти данные о крестьянских промыслах первой четверти XVIII в. являются конкретной иллюстрацией положения В. И. Ленина, основанного на более поздних материалах, о том, что «уже самое мелкое товарное производство в крестьянских промыслах начинает отделять промышленность от земледелия, хотя промышленник от земледельца на этой стадии развития в большинстве случаев еще не отделяется»[2]. Но выделение промышленников в это время происходило и в более ясной, законченной форме отхода на заработки из своей деревни в другие местности.

В Петербурге, при записи в цехи, было зарегистрировано всего 17 петербургских «жителей», все остальные были пришельцами, что естественно для нового, только что возникшего города. Из числа пришлых больше половины (55 %) оказались ремесленниками из крестьян — помещичьих (470), дворцовых и монастырских (368); 20 % — из посадских людей разных городов и 6,6 %—из вновь присоединенных,близких к Петербургу мест[3]. Таким же являлся социальный состав московских ремесленников. В старом торгово-промышленном центре страны с многолюдным посадом только 22 % ремесленников назвали себя природными москвичами и около 80 %— иногородними. Выходцы из крестьян и здесь заняли первое место — 3189 чел., или 46,3 % общего числа записавшихся в цехи (6885); иногородние посадские люди составляли почти

---

[1] *Г. И. Подлуцкий.* Развитие мануфактурной промышленности на Левобережной Украине в 20—80-х годах XVIII ст. (рукопись), стр. 116.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 289.

[3] ЦГАДА, дела Главного магистрата, св. 5, д. 18. (Подсчет произведен автором.)

одинаковое количество с москвичами (21,7 %); иностранцы в Москве составили значительно меньший процент (5,1%), чем в Петербурге (13,0%)[1].

Отсутствие данных о социальном составе ремесленников других городов центральных уездов не позволяет расширить вывод, только что сделанный для Москвы. Что касается процесса формирования ремесленного населения южных городов, то здесь он проходил главным образом за счет мелкого служилого люда — непременного элемента любого города,— сохранившего в течение всего XVII в. военное значение. Уже в Мценске ремесленники из стрельцов и «затинщиков» (30 чел.) преобладали над ремесленниками из посадских людей (24). В Белгороде последних насчитывалось всего 7 чел., в то время как ремесленников из «городовой службы» было 49 чел. К таковым же принадлежали почти все ремесленники мелких военных городов — Вольного, Пронска, Карпова. Мелкий служилый люд всегда кормился побочными «промыслами», между тем как идти «своею волею» в поисках работы в эти маленькие окраинные города с незначительным населением вряд ли было заманчиво.

Таким же способом пополнялось ремесленное население сибирских городов. Среди ремесленного населения шести городов (Тара, Тюмень, Верхотурье, Тобольск, Томск, Енисейск) самую многочисленную группу, именно 639 чел. (67,3%) из всего числа ремесленников (949 чел.), составляли выходцы из мелких служилых людей и казаков; посадских было значительно меньше (25,3%), по численности они занимали второе место.

Но казаки сибирских городов — это пришлый элемент, почти равнозначащий гулящим людям центральных и южных городов империи. В общем же и те и другие, гулящие люди и казаки, чаще всего были выходцами из крестьянской среды, бежавшими от царившего в деревне гнета. Самая возможность уйти в город и найти здесь заработок свидетельствует о развитии городов и торгово-промышленной деятельности в связи с ростом товарно-денежного хозяйства и складыванием всероссийского рынка.

От вопроса о распространении и дальнейшем отделении мелкого производства от сельского хозяйства перейдем к анализу его организации и товарности.

О крестьянских промыслах начала XVIII в. сохранилось мало данных, но, несомненно, в подавляющем большинстве они имели характер мелкого производства. Текстильные промыслы крестьян даже наиболее развитой в промышленном отношении Московской губернии в преобладающей своей части находились на стадии домашней промышленности. Но и в мелком товарном производстве крестьян наемный труд использовался редко. На такой же стадии развития находилось производство крестьянского холста и сукна на Украине, в Поволжье, в Карелии

[1] «Материалы по истории крестьянской промышленности», т. II, стр. 57.

и Башкирии; появление скупщика и нужда в деньгах заставляли крестьянина продавать холсты и другие изделия, изготовлявшиеся для удовлетворения нужд своей семьи.

Такой же мелкий, домашний характер имели и другие крестьянские промыслы. Крестьяне Галицкой провинции, занимавшиеся железоделательными промыслами, копали в «лесных болотах» руду «по малому числу» и выковывали кричного железа «малое число». О кожевниках Севского уезда прямо говорится, что они «делают по-русски самое малое кожевное дело в тех же избах, в которых сами живут». В Тобольском уезде было 28 кожевен, но все это мелкие заведения на один чан, где работал владелец со своими домашними с продукцией в несколько десятков кож [1].

Но и городское ремесло характеризуется мелкими размерами. Городские ремесленники чаще всего обходились без наемного труда и даже без учеников. В ведомостях 1720 г. при перечислении ремесленников постоянно оговаривается: «учеников нет» или «учеников и работников нет»; в Верхотурье на 196 ремесленников приходилось 9 учеников [2]. Даже в Москве, где ремесло было наиболее развито, оно в массе своей носило мелкий характер, с незначительным применением наемной рабочей силы. При записи в 1722 г. в цехи 71% записавшихся назвали себя мастерами и 29% — подмастерьями и учениками. О мелком характере производства говорят и те часто ничтожные средства, которые находились в руках московских посадских людей для организации «промысла», то есть на закупку инструментов и сырья, когда работа производилась на рынок [3]. Шапочники — двое из Садовой слободы и один из Мещанской — в разное время показали в своих сказках, что у каждого «в промыслу» всего по рублю; в «монатейном ремесле» Устюжской полусотни у Афанасия Степанова 2 руб.; в «портяном деле» той же полусотни у Ивана Степанова 5 руб. и т. д. В редких случаях рядовой ремесленник показал в своем промысле 7—10 руб.; на более крупные суммы (от 25—60 руб.), вложенные «в дело», указали только серебряники, которые и в XVII в. являлись наиболее состоятельными. Ограниченность средств делала затруднительной закупку материалов за наличный расчет, и поэтому выработалась практика брать материал в долг, до продажи товара. Пирожники, калачники и хлебники берут в долг муку у мучников и струговщиков; другой «берет у купецких людей воск в долг и делает свечи вощаные» и т. д.

Мелкий промысел, конечно, давал и мелкий доход. Некоторые из московских ремесленников указывали, что никакого «прибытка» от заработка не получают — «только что сыт бывает»; другие называли приблизи-

---

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1, л. 188; кн. 610, л. 124 и сл.; кн. 634, л. 840 и сл.

[2] Там же, кн. 634, л. 989.

[3] *Е. И. Заозерская.* Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. «Исторические записки», кн. 17, 1945, стр. 245—264; ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, вязка 219, №№ 11, 57, 69; вязка 220, №№ 47, 52; вязка 221, № 57.

Деревянная посуда начала XVIII в.: ковшик и братина.
Государственный Исторический музей.

тельно выручаемую от промысла сумму. Мещанской слободы Иван Аникиев «делает башмаки немецкие, прибытку бывает в год по 30 рублев»; Иван Евтропов чинит старые серьги, от чего в год получает 20 руб. Проверкой показаний ремесленников отчасти может служить та оценка, какую давали финансовые органы того времени их доходам и состоянию. Размер десятой деньги с ремесленников, а это был подоходно-поимущественный налог того времени, колебался от гривны до рубля; наиболее же распространенными окладами были 13 алт. 2 д. (40 коп.) или 16 алт. 4 д. (50 коп.). Указ 31 мая 1704 г. устанавливал «с мастеровых людей разного ремесла» даже более низкий оклад—в 10 алт., то есть 30 коп. [1] Таким образом, средний годовой доход ремесленника официально исчислялся в сумме 3—5 руб., что в известной степени совпадает с показаниями самих ремесленников. Все это свидетельствует о мелком характере даже московского ремесла.

Однако состав ремесленников в имущественном отношении был не однородным. Часть мелких производителей разорялась и теряла свою самостоятельность. Например, Алексей, серебряник из Мещанской слободы в Москве, в 1697 г. занял у тяглеца Садовой слободы Патокина «товару», то есть материала для своего производства, на 19 руб. 10 алт. 5 д. Но «за скудостью» долг не был возвращен; за сына отстоял на правеже поручитель — отец, а затем последовал указ об оценке двора и об отдаче должника «взажив» Патокину [2]. В случае, если не грозила кабала, недавний ремесленник, теряя свою самостоятельность, становился наемным рабочим. Огородной слободы Петр Сусальников «живет в селе Покровском у хозяина и делает с ним сусальное дело»; мещанин с характерной

[1] ЦГАДА, дела Ингерманландской канцелярии, № 98.
[2] Там же, Приказные дела старых лет, 1698, № 45.

для бывшего ремесленника фамилией Котельников кормится тем, «что на пушечном государеве дворе таскает пушки, а ино бьет молотком». При расследовании в 1716 г. о выходцах из московских слобод оказалось, что из 1000 обнаруженных 300 чел., или 30%, превратились в рабочих крупных казенных производств — Денежных дворов, Оружейной палаты, Артиллерии, Суконного, Шляпного и Полотняного заводов. Эти 300 чел. еще недавно имели собственные «промыслы». Разорившиеся москвичи искали работы и вне Москвы: так, на игольной фабрике Рюмина в Переяславском уезде в 1720 г. из 124 чел. 77 оказались из разных слобод Москвы. Параллельно этому характерному для первоначального накопления процессу разорения и отрыва наиболее слабых ремесленников от средств производства шел процесс расширения производства в руках более сильных представителей ремесла, превращение их в мелких товаропроизводителей, владельцев мастерских с использованием наемного труда.

В Курске, например, горшечник Юрий Гончар работает с двумя сыновьями, «наемщиком» и учеником; у портного Семена Пучеглазова два сына, два ученика и два наемщика—однодворцы того же уезда. Среди кожевников Тюмени были двое, у которых работало по два «наемщика»; один из кузнецов Зарайска имеет трех работников и двое — по одному работнику, такие же случаи имеются среди кузнецов Тулы и Алексинского уезда. Но все же в провинции это — единичные случаи. Надо думать, что в столице, где спрос на промышленные изделия был выше, более крупные ремесленные мастерские встречались чаще. Например, у позументщика Степана Попова было пять наемных мастеров. Алексей Логинов имел семь учеников. Под Москвой в 1720-х годах находилось два стекольных «завода». Один из них, «завод» Гаврилова и Логинова, являлся новинкой по выделке хрустальной посуды; на нем работали два работника и ученик, а за мастеров — сами хозяева. На втором «заводе» — Сергея Аксенова, в двух печах вырабатывались оконичные и зеркальные стекла и работало шесть мастеров, работник и ученик; продукция продавалась на месте и посылалась за границу[1] — это уже почти производство мануфактурного типа.

Стекольные «заводы», воскобойни и маслобойни с двумя-тремя мастеровыми людьми имелись в Белгороде, Севске, Мценке, Орле, Трубчевске, Карачеве, а также в городах Левобережной Украины, где стекольное производство имело широкое распространение. Стекло с Украины в большом количестве вывозилось на ярмарки и в города центральной России; иногда на Украине искали специалистов для вновь организуемых стекольных заводов в Москве.

Значительная часть многочисленных кожевенных и мыловаренных «заводов», существовавших повсеместно, принадлежала к типу расширенной мастерской.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 2, д. 1794, лл. 39—40.

В Курске было 14 кожевенных «заводов», в том числе 11 — на тех же дворах, где жили сами хозяева, три — «от жилых своих дворов особливо»; работали сами хозяева, а кожи продавали в розницу в Курске. В Каргополе было четыре кожевенных «завода», принадлежавших местным посадским людям, на самом крупном из них работали 7 чел., временно пришедшие из Ярославля, давнего центра кожевенных промыслов, и четверо местных крестьян; за летние месяцы вырабатывалось до 2000 кож, часть которых отправлялась в Архангельск. В Соликамске было 17 кожевенных «заводов», из них на пяти применялся труд наемных людей, все остальные работали «собою без наемщиков», так что эти предприятия были не крупнее любой ремесленной мастерской. Приведенные данные свидетельствуют о наличии укрупненного производства с применением наемного труда, что представляло собою переход к более высокой форме промышленности.

Наличие имущественной дифференциации и даже зачатков разложения в сфере мелкого, преимущественно городского, производства наблюдается также на территории Украины и Прибалтики. В начале 20-х годов XVIII в. в городах Украины мелкие производители распадались на четыре статьи или разряда: «можнейшие», или зажиточные, средние, но самостоятельные производители и члены цеха, бедные, составлявшие наиболее многочисленный разряд, и, наконец, «весьма убогие». Не говоря о последних, значительная часть «бедных» уже не имела собственных средств производства, не состояла в цехах и работала по найму у более зажиточных мастеров.

В городах присоединенной Прибалтики процесс дифференциации цеховых ремесленников осложнялся национальным моментом. Эстонцы и латыши составляли беднейшую часть промышленного населения и эксплуатировались немцами — цеховыми мастерами.

В металлургии особо явственно процесс расслоения наблюдается среди мелких производителей Тулы как центра вековой промышленной культуры. Из 38 чел. тульских оружейников, подавших сказки в 1721 г., только единицы имели по одному-два горна; большая часть имела по три-пять горнов, а некоторые даже по семь-восемь. При таком количестве требовалась вспомогательная рабочая сила; тульские оружейники пользовались и наемным и принудительным трудом. Хотя хозяева называли наемщиков «всяких чинов работными людьми», но в большинстве это были крестьяне, уходившие на летние работы в деревню. Тульские же мастера, за скудостью утерявшие положение самостоятельных производителей, определялись администрацией слободы принудительно на работу к «своей же братии», но более зажиточной и начинавшей эксплуатировать чужой труд. Таким образом, здесь ясно выступает и расслоение среди мелких производителей, и процесс перерастания ремесленной мастерской в более крупное предприятие, а затем в мануфактуру. Родоначальник известной промышленной династии Демидовых Никита Антуфьев происходил из тульских оружейников. В начале XVIII в. Тульская оружейная

слобода выделила из своей среды еще двух крупных предпринимателей: Родиона Баташова и Семена Красильникова; кроме того, значительная часть кузнецов превращалась в рабочих мануфактуры здесь же в Туле, нанимаясь у более крупных ремесленников и заводчиков или переходя на заводы Урала.

Если процесс перерастания мелкого производства в мануфактуру в металлопромышленности прослеживается более или менее отчетливо, то этот же процесс едва заметен в текстильных промыслах. Это объясняется тем, что текстильным промыслом занималось преимущественно сельское население. Тормозящее влияние феодально-крепостнических отношений сказывалось сильнее в деревенской промышленности, чем в городской. Медленность перерастания мелкого производства в более крупное — явление вполне закономерное, указанное Марксом[1].

Городской мелкий производитель работал и на заказчика и на рынок. Даже в Москве, при наличии значительного рынка сбыта, ремесленники продолжали работать непосредственно на заказчика-обывателя, по их выражению, «на всяких чинов людей». Тяглец Мещанской слободы Федор Степанов «делает на людей шапки», а Иван Наум «цепошное дело». Тяглец Садовой слободы Федор Спирин «делает басменные серебряные оклады, кто что даст со стороны», и т. д. Работа на заказчика была еще распространеннее в городах, где рынок сбыта был уже московского. Овчинники города Слободского делали овчины «разным людям на шубы про домовый обиход»; то же самое отмечено для кожевников и чоботников, — последние шьют разную обувь «из готового товару из найму», то есть по заказу, а возможно даже на дому заказчика. В то же время изготовлялись изделия и на продажу. Ремесленники в Москве, например, часто сами продавали свои изделия: мелкота — «походя», более состоятельные снимали специальное помещение. Масляники Яков Масленик и Елисей Савостьянов били масло и сами продавали его в наемных лавках; то же самое делал солодовник Иван Евреинов.

Но рядом с такой практикой получила широкое распространение другая форма реализации изделий ремесленника, а именно — реализация при посредстве скупщика.

Средние торговые люди Москвы, не имея наличных средств на скупку товаров, брали их у ремесленника как бы на комиссию до продажи, расплачиваясь с ним по окончании операции. Указания на такую практику многочисленны, что является показателем дальнейшего развития товарного производства и расширения рынка. «При ничтожном развитии товарного производства, — пишет В. И. Ленин, — мелкий производитель ограничивается сбытом изделий на мелком местном рынке, иногда даже сбытом непосредственно в руки потребителя... По мере расширения рынка такой мелкий раздробленный сбыт (находившийся в полном соответствии

---

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. I, стр. 753.

с мелким, раздробленным производством) становится *невозможным*»[1]. Скупка и есть начальная форма «крупного, массового» сбыта. При данной системе сбыта начинается и другой важный процесс — отделение ремесленника от рынка, когда между ним и потребителем все чаще встает фигура посредника-купца. В дальнейшем это приводит к тому, что мелкий производитель оказывался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала. Особенно велика была роль скупщиков и подрядчиков при выполнении правительственных заказов.

Подрядчики из купцов и крестьян обязывались ставить в казну десятки тысяч аршин холста, сукна, крашенины и десятки тысяч пар сапог и башмаков, чулок и шляп. Но почти всегда подряды не выполнялись полностью ввиду недостатка промышленных изделий на местах. Подрядчики скупали в Москве, ездили по городам и деревням и все же не могли достать нужного количества даже широко вырабатывавшихся изделий. Секретарь Ингерманландской канцелярии Щукин доносил Меншикову в апреле 1708 г.: «В покупке русских белых и серых сукон надежда малая... не токмо в других которых, но и в самых украинных и в заоцких городех купить их довольного числа в розницу вдруг не чаять»[2]. Шляпы разыскивали в Смоленске, Могилеве, Шклове и нашли вместо 600 всего 100 штук, «и те дорожатца»[3]. Но и полученные изделия часто не удовлетворяли своим качеством и видом, так как для армии требовались предметы обмундирования определенного фасона. Мелкому производителю приходилось приноравливаться и учиться на ходу. Все чаще он работал по указке подрядчика-скупщика, из его материала или беря вперед деньги для его закупки. Отсюда усиление роли торгового капитала в мелких промыслах того времени и более ускоренное накопление капиталов у скупщиков и подрядчиков.

Представитель торгового капитала часто становится не только скупщиком, но и заказчиком для мелкого производителя. Устюжской полусотни братья Осиповы лили мелкие колокола по заказу и из материала торговцев колокольного ряда. Серебряные изделия, шелковые галуны, немецкие сапоги и башмаки также делались «на ряд» или «в ряд». Случалось, что скупщик отдавал скупленный товар местным специалистам в обработку (например, кожи) или в дополнительную отделку (крашение холста или сукна). Эти данные свидетельствуют не просто о скупке, а о соединенной с ней работе на скупщика, то есть об отношениях, складывавшихся не только в сфере обращения, но и в сфере производства. Подобная практика работы на скупщика, по словам В. И. Ленина, «есть именно *особая форма производства*, особая организация экономи-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 312—313.

[2] Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде (ОДРиА), бумаги Меншикова, карт. 7, №№ 245, 282.

[3] Архив Артиллерийского музея, 1706, Штаб генерал-фельдмаршала, № 6.

ческих отношений в производстве...»[1] Перед нами только зародыш этой «особой формы производства» и первые шаги ремесленника по пути его зависимости от купца. Но отсюда один шаг до систематической раздачи работы на дом, организации крупного производства в форме рассеянной мануфактуры и превращения недавнего самостоятельного производителя в ее работника.

Отношение правительства к мелкому производителю, к которому ему постоянно приходилось обращаться в поисках разнообразных изделий, выражено в регламенте Главного магистрата. «Купечество и мануфактуры размножать (сии мануфактуры разумеются не те, которые большие яко всякие, например: суконные, парчевые, также железные, медные заводы и прочие сим подобные), но на ряду необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебреники и им подобные»[2]. Здесь ясно подчеркивается значение мелкого производства наряду с крупным. Указы не раз касались практических вопросов, строго регламентируя состояние и организацию мелкого производства. Таковы указы, запрещавшие вырабатывать кожи по старому способу с дегтем и ткать узкие холсты. Указы требовали немедленного и беспрекословного исполнения, независимо от того, имеет ли возможность мелкий производитель, особенно крестьянин, сразу переключиться на новый метод работы. Отсюда жалобы не только самого опекаемого, но и учреждений, проводивших в жизнь соответствующий указ, на застой производства, а также торговли. Для того чтобы указ о «новоманерных» кожах практически мог быть выполнен, пришлось организовать специальное обучение кожевников.

В целях содействия развитию «необходимо нужных» производств правительство приняло меры к организации цехов. Первое упоминание о будущей реформе относится к 1715 г. В заметках Петра, датированных 14 января этого года, среди других лаконичных записей значится — «о цехах»[3]. Однако до 1721 г. нет сведений о каких-либо мероприятиях в этом направлении; с этого же года началось проведение реформы с учетом ремесленного населения прежде всего в столицах; предписывалось «всех ремесленных людей росписать каждого художества и ремесла порознь по имяном в цехи»[4].

Наконец, указ 27 апреля 1722 г. предписывал являться для записи тем, «которые похотят вечно или временно» состоять в цехе, независимо от социального происхождения. Мало того, указ разрешал всякого чина людям, включая дворовых и «поселян», пожелавшим в дальнейшем заниматься мастерством, уходить в города, «где кто похочет жить», и «являться того цеха старшине». Но этот пункт должен был задеть интересы земле-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 402.

[2] ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 292, 295.

[3] Сб. РИО, т. 11, стр. 285.

[4] ЦГАДА, дела Сената, кн. 907, л. 406; ЦГИАЛ, ф. Комиссии о коммерции, оп. 1, д. 89, л. 46 об.

владельцев, так как крепостные могли использовать его для освобождения от крепостной неволи путем ухода в город. Поэтому 16 июля 1722 г. «в дополнение» к первому указу последовала специальная оговорка, касающаяся дворовых и крестьян: из них разрешалось записывать только тех, кто являлся мелким товаропроизводителем, работал «на продажу, или на посторонних людей...»[1]

Вслед за тем, повидимому в том же 1722 г., изменен был и принцип добровольности записи в цехи. Об этом свидетельствует указ[2], предлагавший, «чтоб все ремесленные и мастеровые люди каждого художества и ремесла, какова б оные звания не были.., також и иноземцы, московские жители и приезжие, явились в Главном магистрате немедленно и объявили о себе, кто какова художества и ремесла имянно. А последнее с нижеписанного числа в месяце, под опасением за умедление, а наипаче кто не явится, штрафа и воспрещения художеством и ремеслом промысла».

В указе нет намека на прежнюю формулу — «которые похотят», напротив предписывалось записываться всем «ремесленным и мастеровым людям». Момент обязательности был вызван, очевидно, имевшим место «умедлением», а, возможно, и явным нежеланием становиться цеховым, о чем свидетельствует последняя фраза указа. Этим обстоятельством, быть может, объясняется небольшой процент (11,0%) московских посадских людей, зарегистрированных в цехи на протяжении пяти лет, и чрезвычайно большая доля записавшихся из крестьян.

Более древнее происхождение имела цеховая организация в городах Украины и Прибалтики, где она имела целью ограждать городских ремесленников от конкуренции крестьянских промыслов и регулировать количественный состав городских ремесленников, регламентировать организацию самого производства и т. д. Подобные цели ни в какой степени не ставились при введении цехов в России в период уже значительно развитого товарного производства и складывания всероссийского рынка. Поэтому в учредительных документах отсутствовало самое характерное для средневековых цехов: всевозможные ограничения инициативы и конкуренции среди мелких производителей[3].

Проведением в жизнь цеховой организации правительство стремилось, во-первых, поднять и упорядочить мелкое производство, о чем мечтали передовые экономисты того времени, как Посошков, а во-вторых, подчинить это производство правительственным органам. Вместе с тем имели место мероприятия, прямо ущемлявшие мелкое производство или косвенно способствовавшие утрате самостоятельности мелкими производителями. Теоретически признавая важность мелкой промышленности

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3980, стр. 664—665, № 4054, стр. 746.

[2] ЦГАДА, дела Сената, кн. 907, лл. 409—409 об. Указ, до сих пор неизвестный, датируется мною 1722 г.

[3] См. *К. А. Пажитнов.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952, стр. 43—55.

наряду с крупной, правительство в то же время, в целях обеспечения наиболее благоприятных условий для развития казенных заводов, немедленно принимало меры к ее ликвидации в пунктах создания казенной промышленности [1]. Так было в Олонецком уезде и на Урале, где вместе со строительством первых казенных заводов запрещено было под страхом смертной казни производство железа «ручными печками».

Итак, в первой четверти XVIII в. мелкое производство было широко распространенным явлением и в городе и в деревне как центральной России, так и присоединенных к ней областях. При этом между центром и окраинами прослеживаются экономические связи и взаимовлияния, особенно со стороны более развитой промышленности центральных районов России. Следует отметить развитие стекольного и суконного производства Украины, кожевенного — в Татарии, ювелирного и оружейного — на Северном Кавказе, укладного — в Карелии.

В. И. Ленин устанавливает три этапа в развитии мелкой промышленности: домашнюю промышленность, ремесло и мелкое товарное производство. Домашние промыслы составляют неотъемлемую часть натурального хозяйства. Изделия этих промыслов потребляются непосредственным производителем. Следующей стадией развития промышленности является ремесло, то есть производство изделий по заказу потребителя. Эта форма промышленности предполагает полный или частичный отрыв производителя от патриархального земледелия. На третьей стадии развития мелкой промышленности ремесленник продает товары на рынке, непосредственно или через скупщика [2].

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в изучаемое время сосуществовали все три формы, причем третья, или высшая форма развития мелкой промышленности, была уже распространенным явлением. Связи товаропроизводителей выходят за пределы местных рынков. В сбыте изделий мелкого производителя все большее значение приобретает скупщик — представитель торгового капитала, становящийся нередко заказчиком, на которого работает мелкий производитель. В связи с ростом рынка и спроса мелкое производство становится значительно специализированнее и разнообразнее. Помимо старых центров ремесленного производства, во главе которых была Москва, образуются новые и, что особенно важно, — мелкое производство развивается вне городов. Промышленный характер приобретают такие села, как Иваново и Павлово.

В связи с ростом товарности мелкого производства внутри его наблюдается все большая имущественная дифференциация производителей, разорение одних и укрупнение производства в руках других при использовании наемного труда. В отдельных случаях мастерские перерастают в довольно крупные предприятия типа простой кооперации или даже

[1] *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 457.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 285—288.

мануфактуры. Но процесс первоначального накопления капиталов и разорения производителей в этих условиях происходил медленно. Приведенные выше факты использования наемного труда в мелком товарном производстве носили еще спорадический характер.

3

МАНУФАКТУРА

Крупное производство типа мануфактуры возникло в России задолго до изучаемого времени. В XVII в. оно имело место прежде всего в металлургии, а также в некоторых других отраслях промышленности — текстильной, силикатной, кожевенной и бумажной. Однако небольшие заводы, сохранившиеся к началу XVIII в. в количестве полутора десятков предприятий, не могли удовлетворить неотложных потребностей в обстановке начавшихся войн. В строительстве крупных заводов в первой четверти XVIII в. был широко использован опыт сооружения вододействующих металлургических заводов центра и их обученные кадры[1]. Казенное строительство заводов облегчалось также тем, что государство располагало правом феодальной собственности на средства производства (землю и богатства недр, топливо) и на неквалифицированную рабочую силу (приписка к заводам казенных крестьян). Это право обеспечивало возможность быстрого строительства казенных металлургических заводов с середины 90-х годов XVII в. и в особенности с первых лет XVIII в. Особенно интенсивно оно развернулось на Урале, а также в Карелии, где до этого времени царило мелкое производство и делались лишь отдельные попытки заводского строительства.

На крупных вододействующих заводах, доменных и металлообрабатывающих, выстроенных в предшествующее время в Тульско-Каширском, Малоярославецком, Московском и Олонецком районах и принадлежавших русским и иностранным предпринимателям, выполнялись главным образом казенные заказы. На них использовалась передовая техника и применялось разделение труда. В 90-х годах XVII в. к ним прибавились новые предприятия: доменный и ружейный завод под Тулой Никиты Демидова (первый из заводов будущего уральского промышленника), доменный завод Борина в Липецком районе, доменный и ружейный завод Избранта и ружейный завод Акина, расположенные под Москвой. В 1696 г. были начаты изыскания на Урале для намечавшегося строительства крупных заводов. Начало Северной войны ускорило эти работы. Первыми уральскими заводами явились Невьянский и Каменский, пущенные

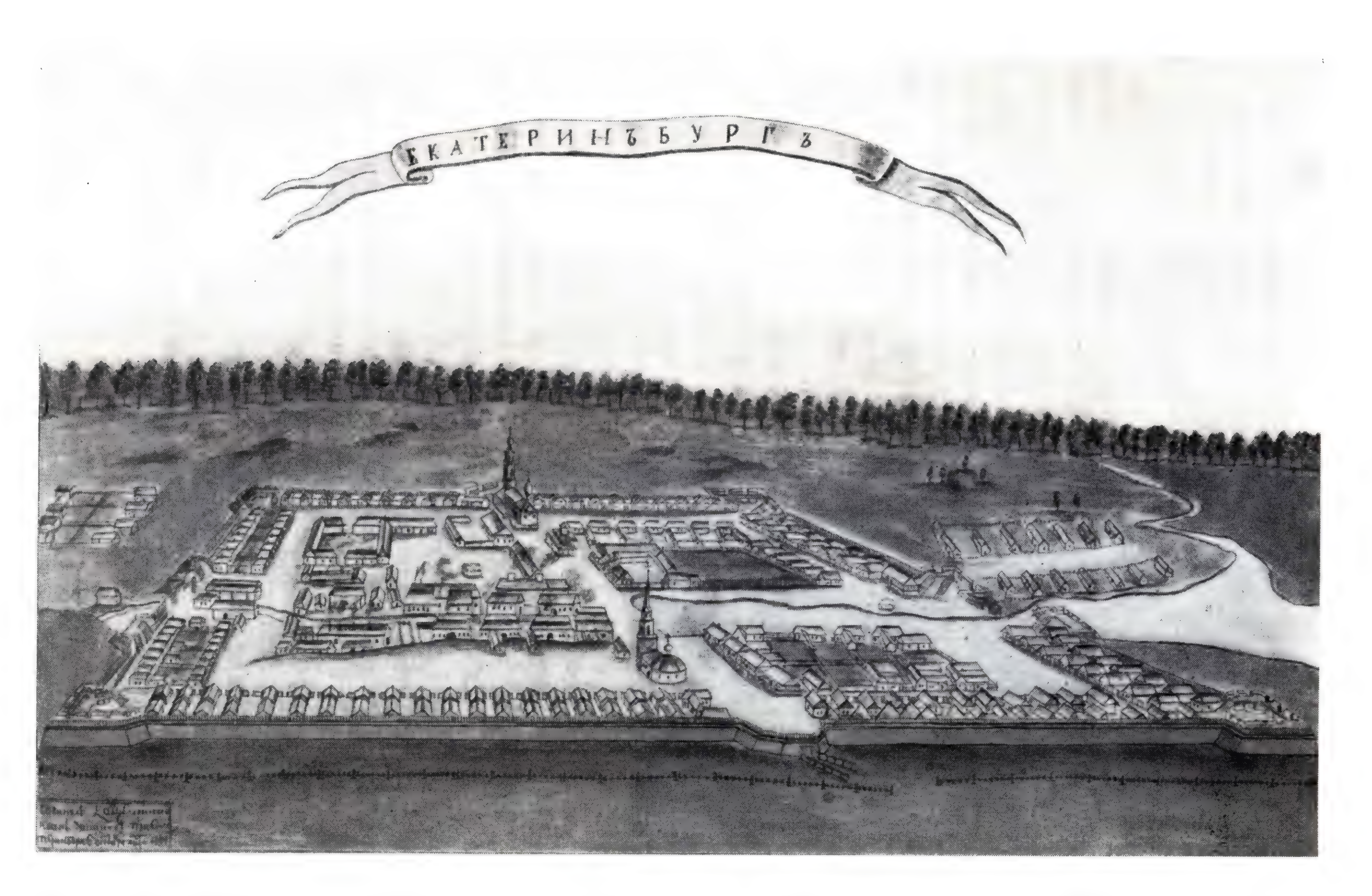
[1] *Б. Б. Кафенгауз.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.— Л., 1949, стр. 45—81; *А. П. Глаголева.* Олонецкие металлургические заводы при Петре I. «Исторические записки», кн. 35, 1950, стр. 176.

Чугунная пушка, отлитая на олонецких заводах в 1723 г. (деталь).
Государственный Исторический музей.

в 1701 г. Они находились в районе Среднего Урала, богатом рудой и лесом, где издавна была развита мелкая металлургия с ручными горнами. Кузнецы и рудоплавщики Урала помогли строительству первых заводов и дали кадры рабочих, причем им пришлось переучиваться, чтобы работать «по-московски», то есть так, как работали на заводах центра. Отсюда на Урал была перенесена техника, освоенная на тульских и подмосковных вододействующих заводах, а также переведены опытные мастера из Тулы и с подмосковных доменных, пушечных и ружейных заводов. В 1702 г. Невьянский казенный завод был передан Никите Демидову, который еще усилил перевод мастеров из центра на Урал. Вслед за тем были выстроены на Урале в 1702 г.— Уктусский и в 1704 г.— Алапаевский казенные заводы. Уральские руды оказались «весьма преизрядны и прибыточны в плавлении на железо», и к речным путям с уральских заводов потянулись обозы с железом, пушками, мортирами, гаубицами, ядрами, бомбами, картечью. Но отдаленность уральских заводов от фронта заставила правительство одновременно завести заводы и на северо-западе, где хуже была руда, но ближе театр военных действий и Балтийское море. В 1702—1707 гг. строятся заводы около Устюжны (Устюженский), Тырпецкий — в Белозерском крае, а также в Карелии — Петровский, самый крупный, при впадении реки Лососинки в Онежское озеро, Алексеевский, Повенецкий и Кончезерский. Для края, где до того времени практиковалась примитивная ручная плавка и обработка металла, это строительство имело большое значение. Правительство не упускало из вида также южного района: тогда же в Воронежской губернии возникли Липецкий и Кузьминский казенные заводы.

В результате этой интенсивной деятельности государство в короткий срок получило в свое распоряжение 11 крупных казенных заводов. После этого наступило затишье в строительстве казенных металлургических заводов. Оно возобновилось только в конце изучаемого времени, когда прекращение военных действий и выход России к Балтийскому морю позволили казенной промышленности перейти от выпуска военной про-

Город Екатеринбург. Акварельный рисунок из «Описания уральских и сибирских заводов 1735 г.» В. де-Геннина.

Государственный Исторический музей.

дукции к изготовлению железа для продажи за границу. В это время был пущен гигант своего времени — Екатеринбургский металлургический и металлообрабатывающий завод (1723—1725). В отличие от остальных казенных предприятий Урала, имевших, как правило, доменное и молотовое производство, на Екатеринбургском заводе действовали разнообразные цехи, или «фабрики», для изготовления проволоки, жести, уклада, стали, разрезного железа и т. д.

Одновременно с казенным развертывалось частное строительство металлургических заводов. В середине 90-х годов XVII в., как сказано выше, в связи с военными действиями на юге возникли два завода: Борина и Аристова—в Романовском уезде и завод Никиты Демидова—около Тулы. Следующий вододействующий завод в том же районе на реке Дугне Демидов построил в 1707 г., а двумя годами раньше возник в Оболенском уезде также доменный «Меньшовский» завод Меллеров.

Но особенно интенсивно частное строительство начинается с 1713 г., так что за последние 12 лет царствования Петра возникло 12 вододействующих частных заводов. Из них пять были сооружены в старом районе, близ Тулы[1], и два на юго-восток от нее, уже в степной полосе[2]; пять были построены Демидовым во вновь осваиваемом районе Урала[3]. Кроме того, за тот же период было построено не меньше десяти более мелких заводов с ручными горнами, и было дано разрешение на постройку еще 14 предприятий. Из последних пять не были построены, а в отношении семи сведения отсутствуют, так что их существование сомнительно; два вступили в действие после 1725 г. Таким образом, с уверенностью можно говорить о 16 частных вододействующих заводах. Вместе с четырьмя заводами Нарышкина и двумя Меллеров, возникшими в XVII в., это составляет в общем 22 частных завода, действовавших на протяжении первой четверти XVIII в. Большинство частных заводов было одновременно чугунолитейными и железоделательными.

Производство уклада, стали, листового железа, проволоки и других изделий из железа было организовано на казенных заводах олонецкого металлургического района. В конце первой четверти XVIII в. железные изделия стал выпускать Екатеринбургский завод, куда были переведены не только рабочие, но и перевезена часть соответствующего оборудования олонецких заводов. Игольный завод Рюминых в Переяславском уезде выпускал свои изделия не только на внутренний рынок, но иглы экспортировались также на восток — «в Персиду и в другие дальние места»[4].

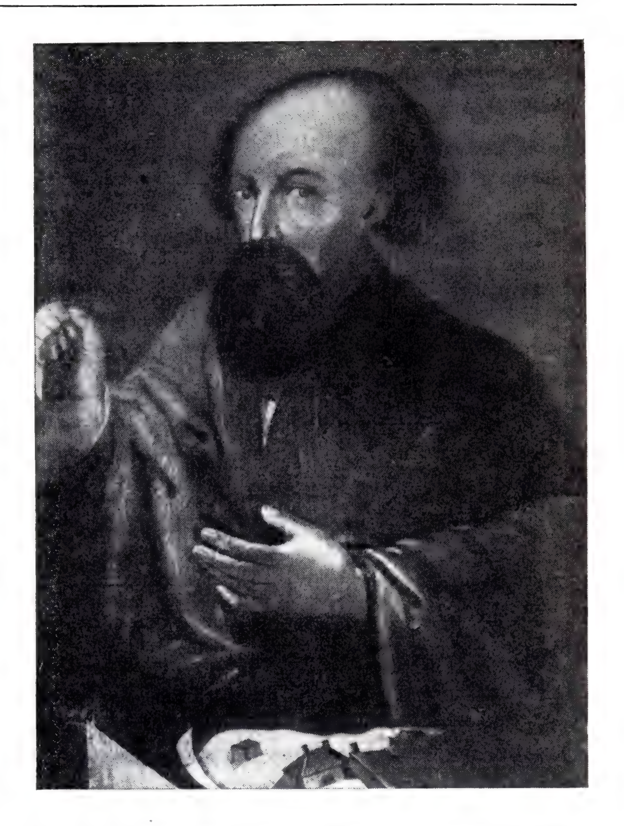
[1] Истенский и Улутский — Рюминых, Верхне-Тулицкий — Демидова, Ивана Баташова и Льва Логинова.

[2] В Краснослободском уезде завели доменный завод братья Миляковы и в Козловском уезде Вас. Озеров.

[3] Шуралинский, Выйский и Быңговский, Верхне- и Нижне-Тагильский.

[4] ЦГАДА, Гос. архив, разр. XIX, кн. 379, л. 104.

Из частных заводчиков по размаху промышленной деятельности совершенно исключительное место занимали Демидовы, к 1725 г. им принадлежало восемь заводов, которые по размерам могли конкурировать с правительственными.

Н. А. Демидов. Портрет маслом неизвестного художника начала XVIII в.
Музей в Нижнем Тагиле.

В центральном металлургическом районе размеры заводов ограничивались недостатком лесов, необходимых для добычи древесного угля. В Олонецком металлургическом районе лесов было достаточно, но слабыми были рудники. И там и здесь заводы не отличались крупными размерами. Предприниматели предпочитали строить мелкие заводы в разных местах, рассредоточивать производство, чтобы приблизить его к источникам сырья и тем самым уменьшить транспортные расходы. Так, завод Льва Логинова выпускал ежегодно 3,5—4 тыс. пудов чугуна. Максимальная производительность Петровского завода в Карелии в 1715 г., когда на нем «непрестанно» действовало 4 домны, составляла 33,5 тыс. пудов чугуна.

Иными были уральские предприятия. Здесь налицо имелось удачное сочетание всех условий, необходимых для металлургического производства: обильные леса находились рядом с высококачественными рудными месторождениями. На казенном Каменском заводе уже в первые годы его существования выплавлялись десятки тысяч пудов чугуна,—так, в 1704 г. выплавка чугуна составляла 56,5 тыс. пудов[1].

---

[1] На Каменском заводе, построенном в 1701 г., была плотина длиною в 50 саж., шириною в 20 саж. Около нее расположены две доменные печи и «малая домница» с тремя горнами «для дела кричного железа», а рядом молотовая кузница с двумя горнами. Обычно работала одна домна, вторая оставалась запасной на случай аварии. Подле плотины находилась «водяная вертильня со всякими деревянными и железными припасы и снастьми для сверления пушек», водяная энергия применялась в этом процессе еще в XVII в. Рядом располагались другие производственные пост-

Некоторые уральские заводы Демидова были крупнее казенных, самыми большими были Невьянский и Верхне-Тагильский. На первом в 20-х годах было четыре домны и семь молотов, а ежегодная выплавка чугуна составляла от 105,8 тыс. пудов до 201,3 тыс. пудов; продукция Верхне-Тагильского завода при двух домнах составляла от 26 тыс. до 96 тыс. пудов в год[1].

Продукция металлопромышленности в 20-х годах XVIII в. устанавливается в следующих размерах:

	Выплавка чугуна (в пудах)	
	1724	1725
Государственные заводы Урала и Сибири	212 440	206 882
Заводы Демидова	247 717	369 220
Частные заводы центра	120 093	120 061
Всего	580 250	696 163

Продукция черной металлургии, таким образом, достигла в 1725 г. 700 тыс. пудов. С учетом продукции казенных Олонецких и Липецких заводов и возможной утайки некоторой доли продукции в показаниях частных владельцев, продукция металлургических мануфактур в 1725 г. вероятно достигала 800 тыс. пудов чугуна[2].

В конце первой четверти XVIII в. уральский металлургический район выдвинулся на первое место, в то время как в XVII в. там делались лишь отдельные попытки организации заводов. За четверть века там возникло на средства казны пять крупнейших заводов. Туда же, на Урал, перенес свою деятельность из тульских мест такой крупный делец, как Демидов, основав на Урале пять крупных заводов. Отсюда новая форма промышленного предприятия и технические приемы стали распространяться дальше на восток — в Сибирь. Старые металлургические районы — Тульский и Олонецкий — сохраняли лишь второстепенное значение. В 1720-х годах

ройки: три избы «для пушечного дела», из них одна для изготовления пушечных форм, пять кузниц, изба токарная «для точки пушечных болванов» и ряд подсобных помещений.

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 980, лл. 109—110.

[2] *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 84—85. Цифра продукции в 6 600 000 пудов чугуна, приводимая Голиковым (*И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого, т. VII, стр. 28), должна быть отнесена к 1778 г., а не к 1718 г., как сказано у Голикова, и явилась в результате опечатки. *С. Г. Струмилин.* Черная металлургия в России и в СССР. М.—Л., 1935, стр. 174; *В. К. Яцунский.* Судьба одной опечатки (к вопросу о количестве выплавки чугуна в России в XVIII в.). «Исторические записки», кн. 39, 1952. Сильно преувеличены также подсчеты Д. Кашинцева — 1 617 000 пудов (*Д. Кашинцев.* История металлургии Урала, т. 1. М.— Л., 1939, стр. 58).

в Карелии временно закрылись казенные заводы. Ни тульские, ни тем более олонецкие железорудные месторождения не обеспечивали выплавки высокосортного чугуна; к тому же район Тулы не имел таких лесных пространств, какие оставались нетронутыми на Урале. Тем не менее, в изучаемое время на Урале владели заводами только два предпринимателя — казна и Демидов. Это объясняется тем, что организация промышленного производства в отдаленном от центра районе требовала значительных средств, которыми не всегда располагали другие промышленники.

Добыча и обработка меди также впервые широко развертываются в это время. Попытки, сделанные в этой области в XVII в., потерпели неудачу, но они дали представление о месторождениях медной руды. На основании их уже на грани XVII—XVIII вв. правительство организует первый «медный» завод в Казанской губернии на реке Вятке. Так было положено начало добыче и обработке меди на Урале, в пределах Татарской АССР. Позднее, в 1720-х годах, на реке Сарани возник новый казенный завод, а на реке Давыдовке — частный Тряпицына. Заводское строительство в данной области так же, как и в черной металлургии, способствовало экономическому развитию края.

Такое же значение имело заводское строительство в области черной и цветной металлургии на северо-западе и на северо-востоке. В современной Карелии на рубеже XVII—XVIII вв. был построен казенный медеплавильный завод в Фоймогубской волости, а позднее медные плавильни существовали при Кончезерском железоделательном заводе.

Еще шире казна развернула деятельность на Урале, причем не только на западных, но и на восточных его склонах. Первым возник медеплавильный завод близ Кунгура, а затем медеплавильные цехи строились при Уктусском железном заводе. Значительно шире строительство медеплавильных заводов стало в 20-х годах XVIII в., когда на Урале было построено еще пять казенных заводов[1]. Из частных заводов можно назвать еще только два — Выйский (Демидова) и Таманский (Строганова). Таким образом, роль частного капитала в распространении медеплавильных заводов была незначительна; медь поставлялась почти исключительно с казенных предприятий. Продукция их благодаря строительству на Урале заметно увеличивалась и составляла в 1724 г. 2336 пудов чистой меди, в 1725 г.—5533 пуда.

Медь с казенных заводов поступала главным образом на денежные дворы, находившиеся в Москве и в Петербурге. Медные деньги стали систематически чеканиться с первых лет XVIII в. До этого времени в Москве имелось два денежных двора, в 1701 г. к ним прибавился

[1] Медеплавильные заводы в 1724 г. были построены в Кунгурском уезде на реке Ягошихе и в Соликамском на реке Камгорке; последний был построен на купленной у Пыскорского монастыря земле, а потому и назывался Пыскорским. На восточных склонах Урала в последние годы первой четверти XVIII в. возникли три медеплавильных завода: Екатеринбургский, Полевский и Лялинский.

Кадашевский монетный двор. Монетные дворы представляли собой крупное производство, основанное на разделении труда. Здесь чеканились медные копейки, гривенники и полтинники[1]. Медь употреблялась также на литье колоколов, которое производилось в Москве на старом Пушечном дворе, находившемся попрежнему в центре города на Неглинке. Литье колоколов, а также «меднопосудное дело» налаживалось в конце изучаемого периода также на Екатеринбургском заводе[2].

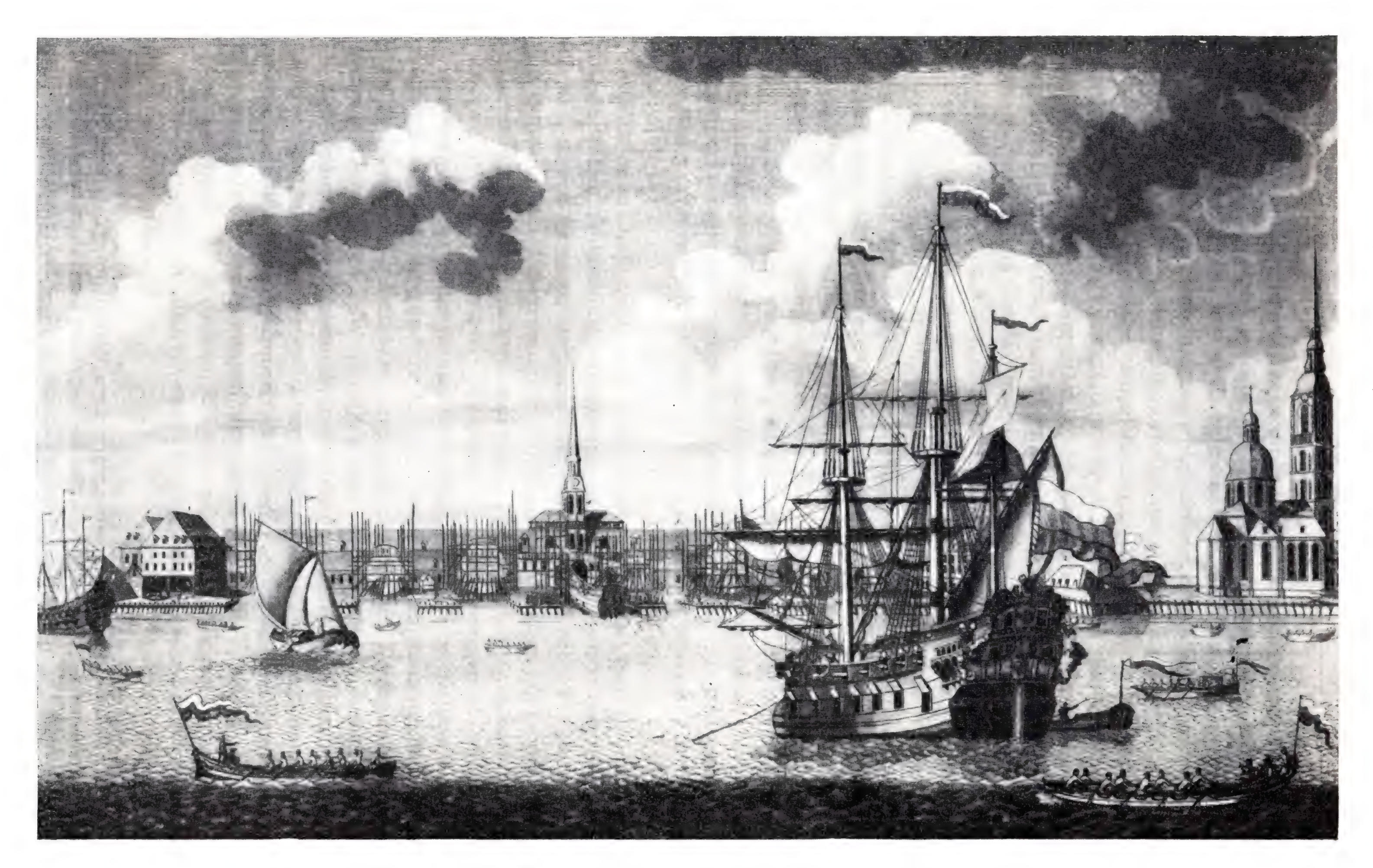
В начале XVIII в. была организована промышленная добыча серебра. Его поиски энергично производились в течение всего XVII в. и еще более настойчиво при Петре. Первые сведения о местонахождении серебряной руды в районе Нерчинска были получены в последние годы этого столетия; тогда же были организованы разведывательные работы. В результате их, несмотря на большие трудности работ в отдаленном и мало заселенном крае, в 1704 г. был построен казенный завод со специальными печами, а в следующем, 1705 г., началась добыча серебра. Однако добыча серебра развертывалась медленно, и казна получала от 1,5 до 11 пудов в год, но начало добычи благородных металлов было положено.

Таковы размеры промышленного строительства в области металлургии. Крупным центром военной промышленности в связи с Северной войной стал Петербург и ближайший к нему район. Одновременно с основанием Петербурга был заложен крупнейший промышленный комбинат военного значения — Адмиралтейская верфь для строительства военных кораблей, а затем Арсенал для производства разного вида вооружения. Строительство Адмиралтейской верфи было начато в 1704 г., а весной 1706 г. был спущен на воду первый корабль, построенный на ней. Верфь обслуживалась целым рядом вспомогательных предприятий: пильными мельницами, кирпичными заводами, «смольным двором», гонтовым заводом на Охте, изготовлявшим особый вид дранки. Верфь быстро расширялась: до 1712 г. здесь строились небольшие суда — галеры, скампавеи, яхты, а с 1712 г. ежегодно стали закладываться крупные корабли до фрегатов включительно. Всего было построено (1706—1725) не менее 59 крупных кораблей и свыше 200 мелких, те и другие вошли в состав Балтийского флота. О размерах данного предприятия свидетельствует количество рабочих, достигшее в 1711 г. — 4700, а в 1715 г. — 10 тыс. человек. Раньше Адмиралтейской были организованы верфи в Воронеже и Таврове, галерная верфь в Москве в селе Преображенском, верфь в Архангельске, а с первых лет Северной войны для строительства Балтийского флота возникли верфи на Олонце и реке Сяси в Карелии. На всех этих верфях работали мастеровые и крестьяне, присланные по разнарядке из губерний.

---

[1] *И. Г. Спасский*. Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX века. Л., 1949.

[2] *В. де-Геннин*. Описание уральских и сибирских заводов, 1735. М., 1937, стр. 423—431.

Адмиралтейство в Петербурге. Гравюра Эллингера с рисунка Марселиуса 1725 г.

Петербургский арсенал был также значительным промышленным предприятием. Арсенал возник в 1711—1713 гг. для производства пушек и сначала назывался «пушечным двором». При нем находились различные мастерские, обслуживавшие основное производство: кузницы, слесарная, токарная, лафетная, столярная. Этот сложный комбинат находился в районе нынешнего Литейного проспекта, самое название которого напоминает о значении данного района в прошлом. О небольших размерах производства петербургского Пушечного двора до 1714 г. говорит количество рабочих — всего 37 чел.; но со следующего года предприятие стало расширяться, сюда переведены были мастера с Пушечного двора в Москве, мастера из Тулы и других городов. В 20-х годах в петербургском Арсенале было занято до 200 мастеров и рабочих разных специальностей [1].

Возросшие потребности военного времени побудили правительство организовать производство легкого оружия в форме крупного предприятия, для чего с 1712 г. в Туле начали строить оружейный завод. Позднее, в 1721 г., под Петербургом был построен крупнейший по тому времени Сестрорецкий оружейный завод, на котором работало более 600 чел.

В XVII в. порох поставлялся в казну владельцами небольших заводов — пороховыми «уговорщиками», сера же и селитра частично ввозились из-за границы. Теперь возникли крупные пороховые казенные заводы, причем казна организовала их в том же Петербурге, поближе и к фронту и к стоянке военного флота. В Петербурге было три пороховых завода, из которых на двух охтенских в 1721 г. работало 125 чел. Пороховые заводы имелись под Москвой, сера добывалась в Поволжье и других местах. В производстве пороха большое значение имела Левобережная Украина, изобиловавшая запасами селитры. Последняя закупалась здесь еще в середине XVII в., с начала же Северной войны вся добывавшаяся на Украине селитра должна была вывозиться в Москву. Селитренный промысел всячески поощрялся, в связи с чем отдельные предприятия, принадлежавшие обычно представителям казацкой старшины, в первой четверти XVIII в. превращаются в «заводы», на которых примитивным способом вываривалось от 500 до 1,5 тыс. пудов селитры в год. Левобережная Украина в данный период являлась важнейшим районом, поставлявшим селитру, необходимую для обороны страны [2]. Кроме того, близ Бахмута и по берегам Днепра были организованы поиски каменного угля и руды. Так укреплявшиеся связи с Россией способствовали экономическому развитию Левобережной Украины и разработке ее недр, получившей такое огромное значение в будущем.

---

[1] *В. Г. Гейман.* Мануфактурные предприятия Петербурга. Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 52—59; *его же.* Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени. Сб. «Петр Великий». М.— Л., 1947, стр. 259.

[2] *Г. И. Подлуцкий.* Развитие мануфактурной промышленности на Левобережной Украине в 20—80-х годах XVIII ст. (рукопись), стр. 136—140.

ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
БЕЛОЕ МОРЕ
Поной
Умба
Варзуга
Кереть
Окладникова слоб. (Мезень)
Лампожня
Соловецкий мон.
Кемь
Мезень
Архангельский город
Холмогоры
Сумский посад
Онега
Повенецкий (каз.)
Кончезерский (каз.)
Петровский (каз.)
оз. Онежское
Сев. Двина
Шенкурск
Ништадт
(к России с 1721 г.)
Выборг
оз. Ладожское
Свирь
Каргополь
Соль Вычегодск
Кронштадт
С.-ПЕТЕРБУРГ
Лодейное Поле
Вел. Устюг
Ревель
Н. Ладога
Нарва
ЭСТЛЯНДИЯ
Тихвин
оз. Белое
Белоозеро
Сухона
Юг
(к России с 1721 г.)
Волхов
Тырпицкий
ЛИФЛЯНДИЯ
Новгород
Мста
Устюжна
Вологда
Солигалич
Псков
Весьегонск
Шексна
Рига
Ст. Руса
Молога
Галич
Великая
Ловать
В.-В.
Кострома
Унжа
Ветлуга
Тверца
Углич
Ярославль
Кашин
Волга
Зап. Двина
Тверь
Ростов
Иваново
Юрьевец
В. Луки
Ржев
Переяславль
Царево-Са
Полоцк
Дм.
Балахна
Вильно
В. Л.
Тр.
Н. Новгород
Макарьев мон.
Ветлуга
Гжатск
Москва
Владимир
Клязьма
Павлово
Лысково
БЕЛОРУССИЯ
Смоленск
Вязьма
Муром
Арзамас
Неман
Минск
Днепр
Серпухов
Дединово
Калуга
Переяславль Ряз.
Темников
Алатырь
Могилёв
Лесная
Рославль
Ока
Тула
Мокша
Ряпкинский
Симбирск
Сож
Брянск
Дон
Шацк
Саранск
Сура
Свенский мон.
Инсар
Припять
Цна
Надеин Усол
Стародуб
Орел
Лебедянь
Пенза
Елец
Липецкие з-ды
Чернигов
Десна
Романов
Тамбов
Глухов
Курск
Коренная пустынь
Батурин
Сейм
Нежин
Путивль
Воронеж
Тавров
Киев
Ромны
Хопер
Саратов
Хоперская креп.
Гадяч
Белгород
Урюпинская станица
Миргород
СЛОБОДСКАЯ УКРАИНА
Павловская креп.
Харьков
Полтава
Дмитриевск (Камышин)
ПОЛЬСКАЯ УКРАИНА
Днестр
Южн. Буг
ЗАПОРОЖЬЕ
(к Турции)
Северский Донец
ДОНСКИЕ

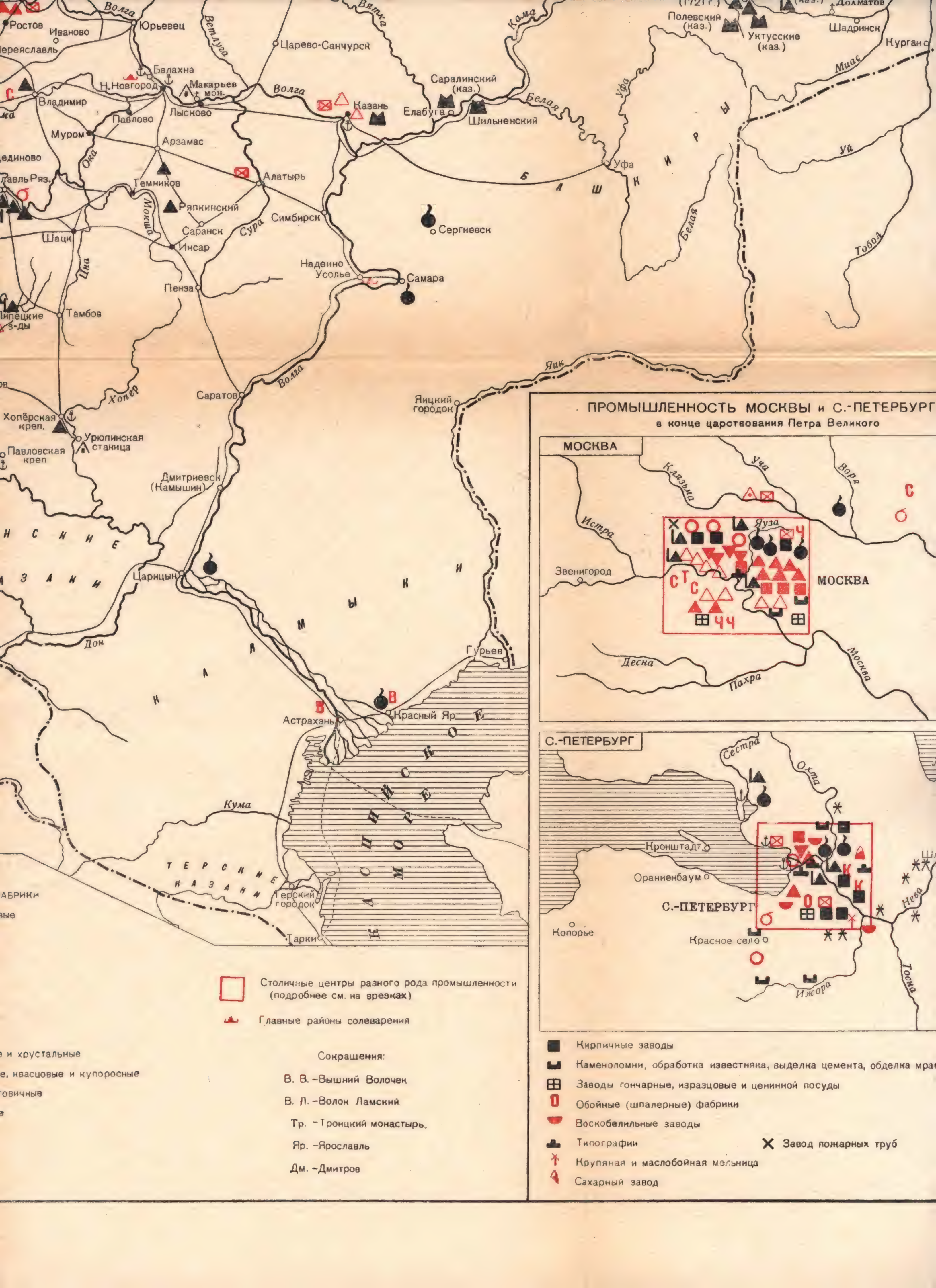
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
в ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ К
(приблизительная схема по неполным данным
Составил И. А. Голубцов
Границы Российской империи в 1725 г.
(к России с 1721 г.)
Примерные границы земель, отошедших к России по Ништадскому миру 1721 г
Важнейшие пути сообщения (сухопутные)
Каналы
Ярмарки
100 0 100 200 300 км
Окладникова слоб. (Мезень)
Лампожня
Усть-Цильма
Цильма
Мезень
Печора
Архангельский город
Холмогоры
Онега
Сев. Двина
Шенкурск
Каргополь
Вычегда
Соль Вычегодская
Вел. Устюг
Сухона
Юг
Вологда
Кайгородок
Кама
Соль Камская
Пыскорский (каз.)
(Строгоновых)
Лозьва
Сосьва
Тавда
Ляля
Верхотурье
Тура
Тагил
Туринск
Синячихинский
Алапаевский
(Демидова)
Ница
Ирбит
Тюмень
Чусовая
Егошихинский (каз.)
Ниж.-Тагильский
Выйский
Невьянский
Бынговский
Шуралинский
Верх.-Тагильский
Кунгур
Пышма
Исеть
Екатеринбург (1721 г.)
Каменский (каз.)
Долматов
Полевский (каз.)
Уктусские (каз.)
Шадринск
Курган
Миас
Солигалич
Галич
Кострома
Ростов
Иваново
Унжа
Волга
Юрьевец
Ветлуга
Хлынов (Вятка)
Вятка
Царево-Санчурск
Балахна
Н. Новгород
Макарьев мон.
Владимир
Лысково
Павлово
Муром
Арзамас
Казань
Елабуга
Саралинский (каз.)
Шильненский
Белая
Уфа
Уй
Темников
Алатырь
Ока
Мокша
Ряпкинский
Саранск
Сура
Симбирск
Шацк
Инсар
Сергиевск
Надеино Усолье
Самара
Пенза
Тамбов
Цна
Тобол
Яик
Саратов
Хопер
Хопёрская креп.
Урюпинская станица
Павловская креп
Яицкий городок
Дмитриевск (Камышин)
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГ
в конце царствования Петра Великого
МОСКВА
Клязьма
Уча
Воря
Истра
Яуза

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
в ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ к 1725 г.
(приблизительная схема по неполным данным)
Составил И. А. Голубцов
Границы Российской империи в 1725 г.
к России с 1721 г.
Примерные границы земель, отошедших к России по Ништадскому миру 1721 г
Важнейшие пути сообщения (сухопутные)
Каналы
Ярмарки
100 0 100 200 300 км
Печора
Окладникова слоб. (Мезень)
Лампожня
Усть-Цильма
Цильма
Мезень
Вычегда
Соль Вычегодская
Вел. Устюг
Юг
Кама
Кайгородок
Соль Камская
Пыскорский (каз.)
(Строгоновых)
Лозьва
Сосьва
Тавда
Ляля
Верхотурье
Тобольск
Иртыш
Тагил
Тура
Туринск
Синячихинский
Алапаевский
(Демидова)
Ница
Ирбит
Тюмень
Тобол
Чусовая
Ниж.-Тагильский
Выйский
Невьянский
Быньговский
Шуралинский
Егошихинский (каз.)
Хлынов (Вятка)
Верх.-Тагильский
Кунгур
Пышма
Исеть
Екатеринбург (1721 г.)
Каменский (каз.)
Долматов
Полевский (каз.)
Уктусские (каз.)
Шадринск
Курган
Ветлуга
Царево-Санчурск
Вятка
Миас
Макарьев + мон.
Лысково
Волга
Казань
Саралинский (каз.)
Елабуга
Шильненский
Белая
Уфа
Арзамас
Алатырь
Башкиры
Уй
Ряпкинский
Саранск
Сура
Симбирск
Сергиевск
Инсар
Надеино Усолье
Самара
Пенза
Белая
Тобол
Яик
Саратов
Яицкий городок
Дмитриевск (Камышин)
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА
в конце царствования Петра Великого
МОСКВА
Клязьма
Уча
Воря
Истра
Яуза

РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ к 1725 г.
Заводы металлургические
" металлообрабатывающие
" медные
" пороховые, селитренные (поташные) и серные
" игольные
Места распространения ручных горнов и домниц
Места добычи слюды
Крупные центры кузнечно-слесарного ремесла
Лесопильные мельницы
Верфи
ЗАВОДЫ и ФАБРИКИ
Полотняные, каламенковые
Парусные
Шелковые
Суконные, каразейные
Канатные
Кожевенные
Бумажные и карточные
Стеклянные, зеркальные и хрустальные
Красочные, скипидарные, квасцовые и купоросные
Чулочные, шляпные, пуговичные
Позументные, ленточные
Табачные
Винодельные
(Каждый знак на карте обозначает одно предприятие)
МОСКВА
Тверь
Кашин
Ростов
Иваново
Юрьевец
Переяславль
Ржев
В. Луки
Полоцк
Вильно
Смоленск
Вязьма
Гжатск
Владимир
Н. Новгород
Балахна
Макарьев мон.
Лысково
Павлово
Муром
Арзамас
Алатырь
Серпухов
Калуга
Дединово
Переяславль Ряз.
Тула
Минск
Могилёв
Лесная
Рославль
Брянск
Свенский мон.
Стародуб
Темников
Ряпкинский
Саранск
Инсар
Симбирск
Шацк
Пенза
Орел
Лебедянь
Елец
Липецкие з-ды
Романов
Тамбов
Чернигов
Глухов
Коренная пустынь
Курск
Батурин
Нежин
Путивль
Киев
Воронеж
Тавров
Ромны
Гадяч
Белгород
Хопёрская креп.
Урюпинская станица
Саратов
Миргород
Харьков
Полтава
Павловская креп.
Дмитриевск (Камышин)
Бахмутское
Царицын
Бендеры
Сечь (до 1709 г.)
Черкасск
Азов
Бахчисарай
Астрахань
Терский городок
Тарки
Царево-Санчурск
Б Е Л О Р У С С И Я
Р Е Ч Ь П О С П О Л И Т А Я
У К Р А И Н А
С Л О Б О Д С К А Я У К Р А Й Н А
Д О Н С К И Е К А З А К И
З А П О Р О Ж Ь Е (к Турции с 1711 г.)
К Р Ы М С К О Е Х А Н С Т В О
Т Е Р С К И Е К А З А К И
Ч Е Р Н О Е М О Р Е
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Волга
Ока
Днепр
Дон
Десна
Сейм
Сож
Припять
Неман
Зап. Двина
Днестр
Южн. Буг
Северский Донец
Хопер
Кубань
Кума
Мокша
Цна
Сура
Ветлуга
Клязьма
Столичные цент
(подробнее с
Главные районы
Сокр
В. В. – Выш
В. Л. – Вол
Тр. – Тро
Яр. – Яро
Дм. – Дми

Ростов
Иваново
Юрьевец
Волга
Ветлуга
Вятка
Кама
Царево-Санчурск
Полевский (каз.)
Уктусские (каз.)
Долматов
Шадринск
Курган
Миас
Балахна
Н.Новгород
Макарьев мон.
Лысково
Владимир
Павлово
Муром
Арзамас
Ока
Саралинский (каз.)
Елабуга
Шильненский
Казань
Белая
Уфа
Темников
Мокша
Ряпкинский
Саранск
Сура
Инсар
Алатырь
Симбирск
Шацк
Ина
Сергиевск
Надеино Усолье
Самара
Пенза
Тамбов
Липецкие з-ды
Б а ш к и р ы
Уй
Тобол
Хопер
Хопёрская креп.
Урюпинская станица
Павловская креп
Саратов
Яицкий городок
Яик
Дмитриевск (Камышин)
Царицын
К а л м ы к и
Дон
Гурьев
Астрахань
Красный Яр
Кума
Терские казаки
Терский городок
Тарки
Каспийское море
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГ
в конце царствования Петра Великого
МОСКВА
Клязьма
Уча
Воря
Истра
Яуза
Звенигород
МОСКВА
Десна
Пахра
Москва
С.-ПЕТЕРБУРГ
Сестра
Охта
Кронштадт
Ораниенбаум
С.-ПЕТЕРБУРГ
Копорье
Красное село
Нева
Тосна
Ижора
Столичные центры разного рода промышленности (подробнее см. на врезках)
Главные районы солеварения
Сокращения:
В. В. –Вышний Волочек
В. Л. –Волок Ламский
Тр. –Троицкий монастырь
Яр. –Ярославль
Дм. –Дмитров
е и хрустальные
е, квасцовые и купоросные
товичные
Кирпичные заводы
Каменоломни, обработка известняка, выделка цемента, обделка мра
Заводы гончарные, изразцовые и ценинной посуды
Обойные (шпалерные) фабрики
Воскобелильные заводы
Типографии
Завод пожарных труб
Крупяная и маслобойная мельница
Сахарный завод

Ветлуга
Вятка
Кама
Царево-Санчурск
Макарьев
Лысково
Арзамас
Волга
Казань
Саралинский (каз.)
Елабуга
Шильненский
Белая
Уфа
Полевский (каз.)
Уктусские (каз.)
Шадринск
Курган
Миас
Уй
Тобол
Б А Ш К И Р Ы
Алатырь
Рянкинский
Саранск
Инсар
Сура
Симбирск
Сергиевск
Надеино Усолье
Самара
Пенза
Саратов
Яик
Яицкий городок
Дмитриевск (Камышин)
К А Л М Ы К И
Гурьев
Астрахань
Красный Яр
Кума
Терский городок
Тарки
Т Е Р С К И Е К А З А К И
К А С П И Й С К О Е М О Р Е
Столичные центры разного рода промышленности (подробнее см. на врезках)
Главные районы солеварения
Сокращения:
В. В. – Вышний Волочек
В. Л. – Волок Ламский
Тр. – Троицкий монастырь
Яр. – Ярославль
Дм. – Дмитров
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ МОСКВЫ и С.-ПЕТЕРБУРГА
в конце царствования Петра Великого
МОСКВА
Клязьма
Уча
Воря
Истра
Яуза
Звенигород
МОСКВА
Десна
Пахра
Москва
С.-ПЕТЕРБУРГ
Сестра
Охта
Ладожское озеро
Кронштадт
Ораниенбаум
Шлиссельбург
Нева
Назья
С.-ПЕТЕРБУРГ
Копорье
Красное село
Ижора
Тосна
Кирпичные заводы
Каменоломни, обработка известняка, выделка цемента, обделка мрамора
Заводы гончарные, изразцовые и ценинной посуды
Обойные (шпалерные) фабрики
Воскобелильные заводы
Типографии
Завод пожарных труб
Крупяная и маслобойная мельница
Сахарный завод

На севере Григорий Черепанов, разыскивавший в Мезенском и Пустозерском уездах руды и минеральные краски, нашел в 1721 г. на реке Ухте нефтяной ключ. Берг-коллегия донесла об этом Петру I, который предписал продолжать обследование; были затребованы дополнительные сведения о местонахождении нефтяного источника, качестве нефти, близости лесов и т. п. Эти сведения были доставлены, но попытки практического освоения ухтинской нефти сделаны лишь двадцать лет спустя, в 1745 г., когда здесь был поставлен «нефтяной завод»[1].

Военные нужды ускорили строительство крупных предприятий и в области легкой промышленности, причем инициатива в этом деле, как и в металлургии, принадлежала казне. Начало строительства флота в 1690-х годах вызвало к жизни первую крупную парусную мануфактуру — Хамовный двор в Москве, а также канатные заводы. Потребности обмундирования армии требовали создания суконных и полотняных мануфактур, снабжавших военное ведомство, а также кожевенных заводов, вырабатывавших материал не только для обуви, но также для перевязей и портупей, сумок и ремней.

В текстильной промышленности, во всех ее трех видах — полотняно-парусной, шерстяной или суконной и шелковой, — мануфактурная форма производства в изучаемый период вводилась заново, так как ни одна из мануфактур, заведенных в XVII в., не сохранилась до начала следующего столетия.

Наиболее благоприятные условия в отношении сырья и рабочей силы, особенно квалифицированной, имелись в Москве[2]. Здесь возникли первые крупные казенные мануфактуры — Хамовный двор на Яузе (1696), Полотняный скатертный завод (1707), переданный в 1711 г. компании Андрея Турчанинова, Суконный двор (1705), отданный в 1720 г. компании купца Щеголина. Частное строительство текстильных мануфактур начинается лишь с середины второго десятилетия, при этом первые фабриканты вышли как из купечества, так и из придворного круга: А. Д. Меншиков в 1714 г. заводит парусную «фабрику» на реке Клязьме, кабинет-секретарь А. В. Макаров в 1718 г. строит первую частную суконную и каразейную мануфактуру, а годом раньше была построена шелковая, совладельцами которой были видные государственные деятели — Апраксин, Шафиров и Толстой. Вслед за этим появляются купеческие мануфактуры, занявшие по количеству к концу изучаемого времени первое место.

Всего было создано 32 текстильных мануфактуры, из них 18 находились в Москве. Вследствие раздела некоторых более крупных мануфактур в 20-х годах XVIII в. общее количество их увеличилось до 40, в том

[1] *А. Е. Пробст.* Из истории организации в России добычи и переработки нефти. «Известия АН СССР. Отд-ние экономики и права», 1950, № 4, стр. 286—287.

[2] *Е. И. Заозерская.* Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.

числе до 24 в Москве. Таким образом, Москва превращается в центр крупной текстильной промышленности, сохраняя этот промышленный профиль в течение XVIII — XIX вв. Очевидно, московское и подмосковное ткацкое ремесло и Кадашевский хамовный двор, действовавший в течение XVII в., подготовили соответствующие условия, дав первые кадры рабочих.

Центрами меньшего значения были Ярославль, где полотняная мануфактура также возникла на базе мелкого местного текстильного производства, и Казань, где на базе распространенных городских и крестьянских промыслов по обработке кожи и шерсти были построены первые в Татарии суконные и кожевенные мануфактуры, созданные по образцу московских. Отсюда были заимствованы не только приемы организации и техника оборудования, но и обученные рабочие кадры. Суконные мануфактуры появились также на юге, в районе Воронежа, а затем и на Украине. На севере Левобережной Украины в конце второго десятилетия существовала полотняно-парусная мануфактура Саввы Рагузинского в Тапальске. Связи ее с центром обнаруживаются вполне определенно — квалифицированная рабочая сила для нее нанималась в Москве. Первой в суконной промышленности Украины была построена Путивльская мануфактура, основанная в 1719—1722 гг. генералом Корчминым и Дубровским, несомненно, на базе местных крестьянских промыслов. С середины 20-х годов северные уезды Украины становятся значительным районом текстильной мануфактурной промышленности.

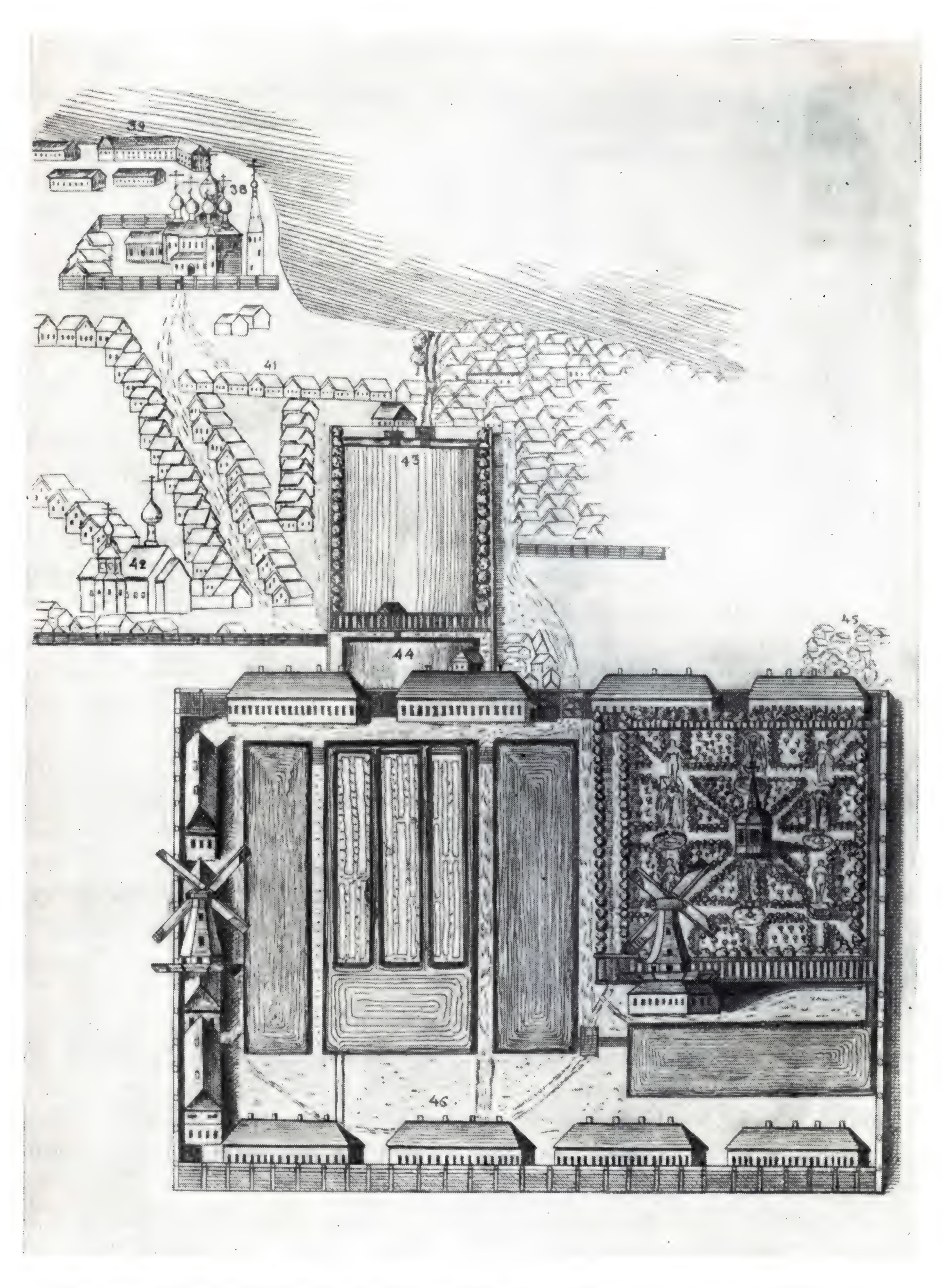
Крупное текстильное предприятие того времени представляется сложным сочетанием различных производственных построек. По условиям строительной техники того времени крупные предприятия размещались в ряде отдельных зданий, которые были частями одного целого и являлись как бы цехами данного предприятия. О крупных размерах текстильных предприятий говорят также их штаты и количество вырабатывавшейся продукции. На Хамовном дворе, по описи 1719 г., было больше 300 станов и на них работали 1362 мастеровых и работных людей; на московском Суконном дворе в 1724 г. при 155 станах работало 1016 чел. [1] Из частных самой крупной была полотняная мануфактура (бывшая казенная) Тамеса (336 станов и 761 чел. рабочих) [2]. Вообще же крупных частных мануфактур, основанных на собственные средства, было немного; примерами их могут служить шелковая графа Апраксина в Москве (203 стана и 749 чел.), парусная купца Филатова в Малоярославецком уезде (140 станов и 482 чел.) [3]. На большинстве текстильных мануфактур было от 8 до 20 станов и по два-три десятка рабочих.

---

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 614, л. 43 и сл. «Московский Суконный двор». «Крепостная мануфактура в России», ч. V. Л., 1934, стр. 228, 337.

[2] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, оп. 2, д. 1793, лл. 42—43 об.

[3] ЦГАДА, Гос. архив, XIX разр., кн. 379, лл. 10—13, 70—71.

Вид-план Большой Ярославской мануфактуры. Деталь гравюры «Ярославль» А. П. Ростовцева 1731 г.

39. Мельница бумажная за рекою Которослью. *40*. Ветряная мельница. *41*. Мануфактурная слобода. *43*. Пруд и бумажная мельница. *44*. Мануфактурный пруд. *46*. Полотняные и прочие мануфактуры Затрапезновых.

На полотняных мануфактурах изготовлялась парусина, а также полотна разных сортов (голландское и фламандское полотно) и другие льняные ткани — канифас, тик, пестрядь, скатерти и салфетки. На суконных — производились сукна, каразея, стамед, каламенка; на шелковых — атлас, тафта, платки, ленты и др. Определить общее количество продукции текстильных предприятий по имеющимся материалам не представляется возможным. Но отдельные данные показательны: например, в 1725 г. на «фабрике» Тамеса было «в готовности» 28 738 арш. разных тканей и 2500 арш. лент; на 13 суконных мануфактурах оказалось налицо около 300 000 арш. разных шерстяных тканей.

Новые мануфактуры возникли и в других отраслях промышленности. В 1705 г. на средства Монастырского приказа был построен под Москвой, в селе Богородском на Яузе, «бумажный завод». Это небольшое предприятие первое время обслуживалось семью работниками из пленных шведов и крестьянами пяти приписных дворов. В 1722 г. мануфактура перешла в частные руки, была расширена и заново оборудована. Позднее возникли казенные «бумажные мельницы» в Петербурге. Небольшими по размерам были кожевенные заводы, принадлежавшие казне и «купецким людям». Также невелики были стекольные заводы, на них работало обычно от 15 до 25 человек.

Развитие перечисленных видов промышленности влекло за собой возникновение других новых видов производства. Для текстильной и суконной промышленности требовались квасцы и краски, для кожевенной промышленности — купорос, для монетного дела — азотная кислота и т. д. В 1720 г. начал действовать первый в России химический завод, построенный ландратом Савеловым и купцами Томилиными в Московском уезде, выпускавший купорос, краску мумию, скипидар, канифоль и др.[1]

В первой четверти XVIII в. в России были впервые построены цементные заводы. Производство цемента было вначале организовано на казенных заводах, находившихся в ведомстве Канцелярии от строений и Адмиралтейства, а в 1725 г. начал действовать в Копорском уезде частный завод купца Г. Пустынникова. Продукция его завода находила применение в городовом и «канальном» строительстве[2].

Совершенно новым заведением был сахарный завод Вестова, основанный иностранной компанией в 1719 г. в Петербурге. Не только мастера, но и сахар-сырец и оборудование выписывались из-за границы[3].

---

[1] *П. М. Лукьянов.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в., т. I. М.— Л., 1948. стр. 57—61.

[2] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 768, лл. 144—145.

[3] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, связка 47/116, кн. 2 (по старой описи), лл. 50—65.

Такой же новинкой была шпалерная (обойная) фабрика в Петербурге, на которой в 1718 г. работало пять французских шпалерных мастеров и два красильных и четыре ученика из русских людей. По сведениям 1720 г., было сделано 25 шпалер «разными фигурами и мерами», в том числе портрет Петра I «с Полтавскою баталиею». Шпалеры, по данным ведомости Мануфактур-коллегии, «в продажу не употребляются, а делаются в дом его императорского величества».

Кубок граненого стекла с матовыми рисунками, начало XVIII в.
Государственный Исторический музей.

В течение царствования Петра, по имеющимся в настоящее время данным, возникло 178 предприятий мануфактурного типа. Следующая таблица дает их распределение по типу владения (казенные и частные) и по отраслям промышленности (см. стр. 102).

Вместе с оставшимися от XVII в. 13 предприятиями общее число известных нам мануфактур при Петре составляет 191. Наибольшее число предприятий (около 31%) возникло в металлургии и 18,4% — в текстильном производстве. Из последних по количеству первое место занимали суконные мануфактуры, что, особенно вначале, вызывалось потребностью казны в сукне, зато шелкоткацкие с самого начала целиком работали на вольный рынок[1].

В отношении характера вложенного капитала половина мануфактур возникла на казенные средства и половина их числа — на частные. В первое время в металлургии и в текстильной промышленности ведущая роль принадлежала казне. затем в последней отрасли стало реши-

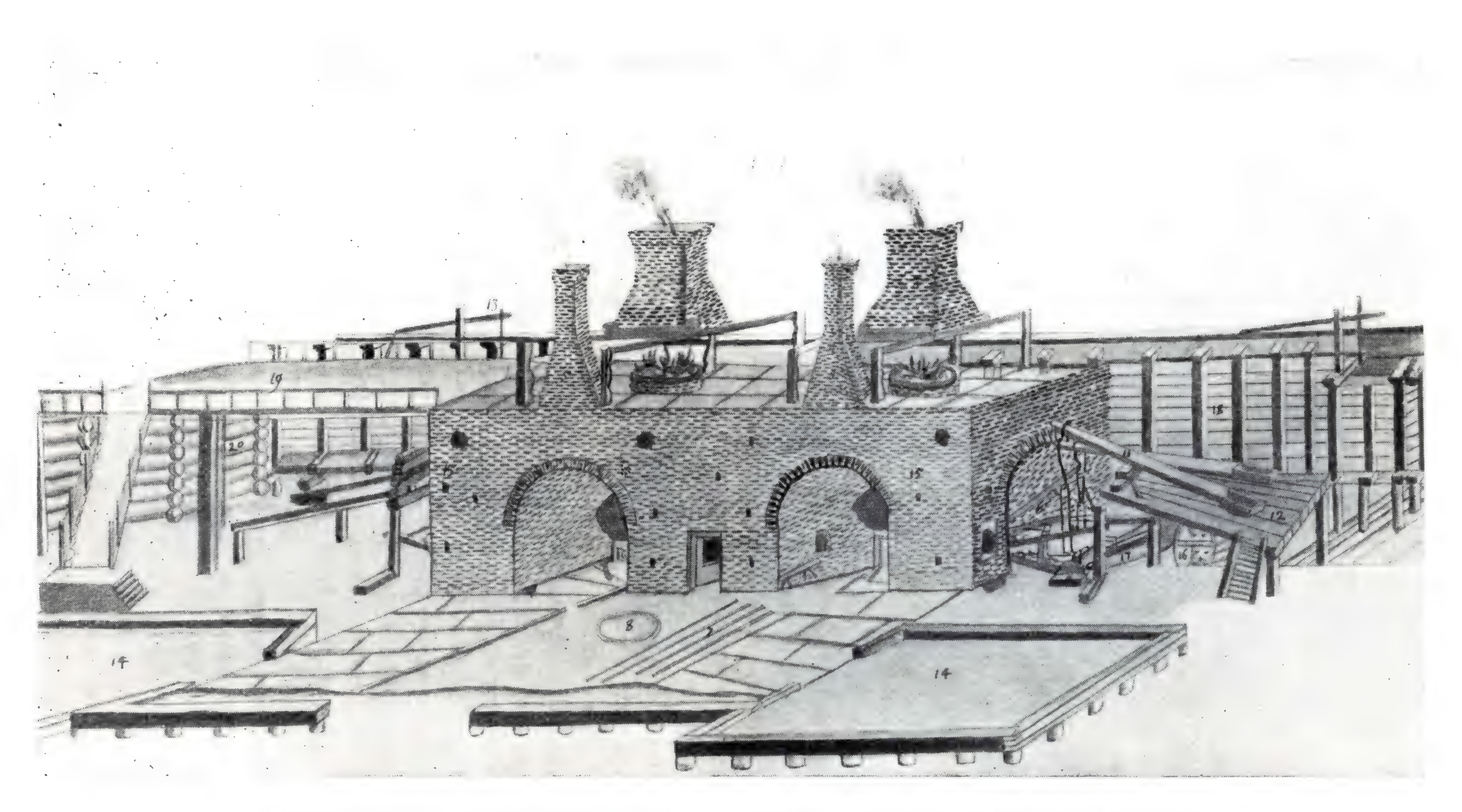
[1] *С. Г. Струмилин* (Петровская мануфактура. Стенограмма лекции, читанной 3 марта 1945 г. М., 1945) по основным отраслям промышленности выделяет 79 крупных предприятий типа мануфактуры с общим числом рабочих 17 504 чел.

тельно преобладать частное строительство. Если учесть, что большинство казенных мануфактур легкой промышленности (за исключением металлургических и военных) перешло в частные руки, то можно сказать, что в ней к концу первой четверти XVIII в. частная мануфактура являлась преобладающей.

Отрасли промышленности	Число мануфактур[1]		
	Всего	В том числе	
		казенных	частных
Черная металлургия и оружейные заводы	40	22	18
Цветная металлургия	15	12	3
Верфи	7	7	—
Суконная	15	5	10
Полотняно-парусная	9	4	5
Шелкоткацкая: тканей	3	—	3
Лент и позументов	6	—	6
Писчебумажная	6	3	3
Кожевенная	13	7	6
Стекольная	6	2	4
Пороховое производство	13	8	5
Лесопильная	23	7	16
Прочие	22	12	10
Всего	178	89	89

Размещение крупной промышленности свидетельствует о том, что в процессе возникновения она следовала за мелким производством. Крупнейшие казенные и частные (демидовские) железные заводы возникли в Верхотурском и Тобольском уездах, где руды, как мы видели выше, разрабатывались и прежде местным населением. Тульский и Олонецкий районы, где строились металлургические заводы, отличались не только распространением с давних пор мелких промыслов, но и существованием в этих местах первых вододействующих заводов уже в предшествующем столетии. На этой производственной базе развернулось промышленное строительство в первой четверти XVIII в. То же происходило в обрабатывающей промышленности: больше половины текстильных, писчебумажных и силикатных мануфактур возникли в Москве и под Москвой,

[1] Расхождение в цифрах по черной металлургии данной таблицы с работой *Е. И. Заозерской* («Мануфактура при Петре I». М.— Л., 1947, стр. 10) на 12 заводов объясняется тем, что в настоящую таблицу не включены крупные ручные заводы, по мнению автора, типа мануфактуры или простой кооперации.

Доменный цех. Акварельный рисунок из «Описания уральских и сибирских заводов 1735 г.» В. де-Геннина.

Государственный Исторический музей.

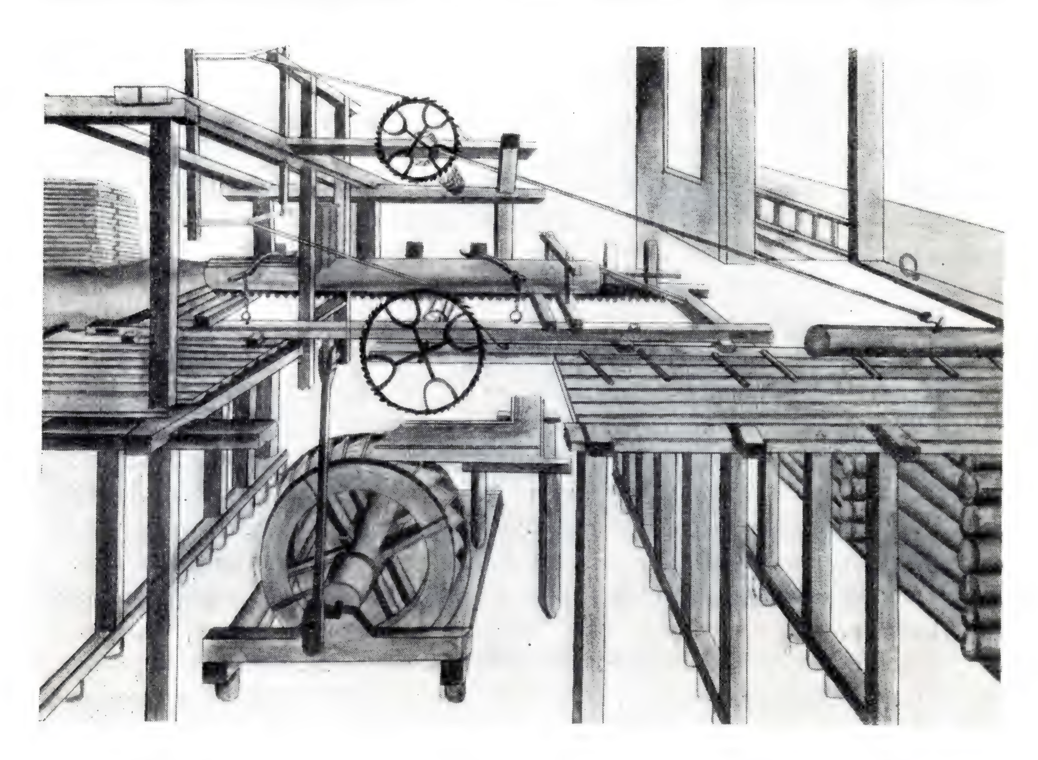
то есть в районе наибольшего распространения ремесла и крестьянских обрабатывающих промыслов. Также не случайно появление первых кожевенных и особенно суконных мануфактур в районах Казани, Воронежа и севера Украины, где, в связи с распространением овцеводства, среди местного населения была широко развита обработка шерсти и кожи. Возникновение полотняных мануфактур Тамеса и Затрапезного в Ярославле также обусловлено наличием здесь не только сырья, но и навыков у населения в выработке холста и полотна, о чем в свое время говорилось. Непосредственная связь мануфактуры с местной мелкой промышленностью, с экономическим профилем района, где она возникала, несомненна. Только промышленность Петербурга возникла на новом месте. Здесь было выстроено не менее 20 предприятий. Но и петербургские предприятия, подобно уральским заводам, использовали опыт и кадры старых ремесленных и мануфактурных центров: в новую столицу были переведены рабочие с московских предприятий и ремесленники из разных городов.

Мануфактура начала XVIII в., как всякая мануфактура, основывалась на ручной технике. Этот «узкий» технический базис сказывается в примитивном оборудовании как металлургических, так и текстильных мануфактур. На первых в огромном количестве употреблялись ручные клещи, пешни, тиски, зубила, топоры, кочерги, крюки, наковальни и молоты ручные. Рост техники выразился в расширении ассортимента этих инструментов, что является показателем развивающегося разделения труда. На уральских заводах в список инструментов входило более 600 названий, тогда как на заводах XVII в. он ограничивался 77 названиями. Увеличилось количество цехов.

Но рост техники выразился не только в этом. Производственная мощность уральских предприятий была значительно выше металлургических заводов центра. Если среднесуточная выплавка расположенных в районе Тулы доменных печей равнялась 100—120 пудам чугуна, то уральские домны давали чугуна в два с лишним раза больше — от 240 до 270 пудов. Это достигалось не только использованием более высококачественной руды, но и усовершенствованиями в конструкции самой доменной печи. Домны XVII в. были меньше домен уральских заводов: первые имели размер 4 × 4 саж., вторые выкладывались размером 5×5 саж.[1] Некоторые усовершенствования заметны в таком важнейшем сооружении каждого вододействующего завода, как плотина. Плотина создавала напор воды, необходимый для приведения в действие мехов и молотов. Она являлась самым громоздким и дорогостоящим сооружением на заводе. Плотины уральских заводов были более крупными, прочными и

---

[1] *Н. Б. Бакланов.* Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.— Л., 1935, стр. 64.

Пильная мельница. Акварельный рисунок из «Описания уральских и сибирских заводов 1735 г.» В. де-Геннина.
Государственный Исторический музей.

обеспечивали более эффективное использование энергии воды, чем подобные сооружения на заводах XVII в.

Технику уральских заводов начала XVIII в. следует считать не только самой передовой в России, но и одной из лучших в Европе. Достаточно указать на то, что среднегодовая выплавка чугуна на английских домнах около 1720 г. лишь немного превышала 17 тыс. пудов [1], в то время как на уральских казенных заводах в 1725 г. она составляла 51,5 тыс. пудов.

Такая же картина разделения труда и многообразия инструментов наблюдается на мануфактурах легкой промышленности и прежде всего на текстильных. Наряду с ручными самопрялками и ткацкими станами на тех же предприятиях имелось усовершенствованное и даже механизированное оборудование. На суконных мануфактурах приводились в действие водой сукновальные «мельницы», употреблялись особые прессы для прессования сукна и дрогшейдерские ножницы с механическим приспособлением для подстрижки ворса. Последним достижением техники в прядильном деле были самопрялки, имевшиеся на русских мануфактурах

[1] *П. Манту.* Промышленная революция XVIII ст. в Англии. М.—Л., 1925, стр. 198.

в большом количестве. На шелковых мануфактурах применялись крутильно-мотальные аппараты, называвшиеся крутильными «мельницами». Техника на мануфактурах первой четверти XVIII в., остававшаяся в основном ручной, стояла наравне с европейской. Петр I настойчиво требовал следить за тем, «нет ли каких нововымышленных машин и инструментов, и буде есть, такие выписывать же»[1]. Однако в мануфактурный период таких машин и на Западе и у нас было немного, и они не колебали примитивного технического базиса мануфактуры.

В мануфактурах изучаемого времени вполне проявилось усовершенствование производства путем разделения труда. «На базисе ручного производства,— пишет В. И. Ленин,— иного прогресса техники, кроме как в форме разделения труда, и быть не могло»[2].

Повсюду на мануфактурах наблюдается значительная специализация профессий. На металлургическом заводе работал доменный, фурмовой, молотовый мастер с подмастерьями, кузнецы, плотинный мастер, плотники, рудокопатели, засыпщики, дровосеки, углежоги и т. д. Штат любой суконной мануфактуры состоял из ткачей, прядильщиков, шпульников, кардовщиков, скробольщиков, сновальщиков, мытовщиков, красильных мастеров (не везде). Таким образом, продукт переходил при обработке из рук в руки. При более сложном и тонком процессе специализация достигла еще большей расчлененности. В изготовлении солдатского оружия на Петровском заводе принимали участие следующие специалисты: ствольные заварщики, ствольные отдельщики, присетчики и багинетные ковщики, замочные и приборные ковщики и отдельщики, станочные отдельщики, ефесные ковщики, ефесные отдельщики, палерные ковщики, палерные точильщики.

По своей организационной структуре большинство известных мануфактур были централизованными предприятиями. К этому типу мануфактур относились все предприятия черной и цветной металлургии, так же были организованы текстильные мануфактуры. На территории Хамовного двора находились специальные помещения для обработки пеньки — толчейные амбары, чесальни и мылярни, светлицы, в которых пряли самопрядчики основу и утошники уток, и 60 ткацких светлиц, в которых размещалось до 300 станов. В стенах предприятия проходил весь производственный процесс на Екатерингофской полотняной мануфактуре, на мануфактуре Тамеса в Москве[3] и даже на парусной мануфактуре Филатова, находившейся в Малоярославецком уезде.

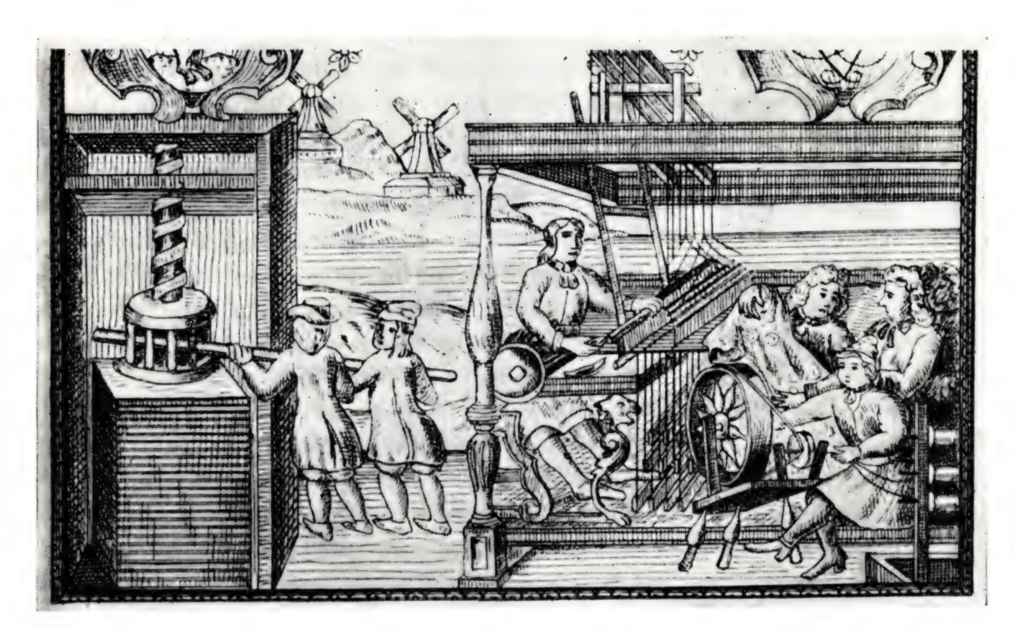
Иначе было организовано производство оружия в Туле: только часть оружейного дела была сосредоточена на заводе, другая часть работ, а именно мастерство замочное и приборное, производилась попрежнему в домах

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4381, стр. 182.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 375.

[3] *Ф. В. Берхгольц.* Дневник, ч. 2. М., 1902, стр. 63—66.

Деталь фабричной марки Большой Ярославской мануфактуры: изображение ткацкого станка и пресса для писчей бумаги.

кузнецов Оружейной слободы[1]. Это — типичная форма смешанной мануфактуры, в которой соединялись черты централизованного производства с раздачей работы на дом.

Попытка частично организовать работу на дому у крестьян была сделана Тамесом, когда по его просьбе правительство приписало к его мануфактуре село Кохму (Суздальского уезда), славившееся производством полотна. Крестьяне должны были ставить пряжу на московскую полотняную фабрику, но воспротивились этому, и приписка Кохмы была отменена[2]. Владелец позументной мануфактуры Корчагин доносил, что от его предприятия кормится до двух тысяч мастеров и мастериц, между тем штат постоянных работников исчислялся шестью-семью десятками человек, остальным, очевидно, работа давалась на дом.

Таким образом, в большинстве случаев, мануфактура первой четверти XVIII в.— более или менее крупное централизованное предприятие с применением разделения труда внутри мануфактуры. Наряду с такой формой, возможно, существовала «в уездах» рассеянная мануфактура с раздачей работы на дом.

Казенные мануфактуры в большинстве случаев были построены в конце XVII — начале XVIII в., частное же строительство заметно

---

[1] *Н. Е. Бранденбург.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876, стр. 376—377.

[2] «Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода», т. I. СПб., 1868, стб. 243—246.

проявляется с середины второго десятилетия, усиливаясь в 20-х годах. Одним из приемов вовлечения частного капитала в промышленность была практика передачи казенных мануфактур в частные руки, имевшая место во всех областях промышленности. Однако мануфактуры, в продукции которых правительство было заинтересовано непосредственно, как металлургические, пороховые, парусные, оставались большей частью государственными. Кроме стремления путем передачи втянуть в промышленность частный капитал, было еще обстоятельство, вынуждавшее правительство отказываться от части своих мануфактур — на многих казенных мануфактурах производство хирело и было убыточно. Так было на олонецких и уральских заводах до их переустройства в 1720-х годах. Убыточными оказались Суконный двор, чулочная мануфактура, а также бумажная — в Москве. Липецкая суконная казенная мануфактура три года «за неимением суммы стояла без действа»[1]. Подобные затруднения должны были сыграть роль в общем решении правительства, выраженном в регламенте Мануфактур-коллегии: «Которые мануфактуры и фабрики заведены и впредь заведутся казною его величества, такие, приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям»[2].

Казенные предприятия передавались обычно на очень льготных условиях для будущих владельцев.

По своему социальному положению состав предпринимателей был разнородным, но среди них преобладали представители купечества. Предприниматели из дворян были немногочисленны; в металлургии — князь А. М. Черкасский и провинциальный дворянин Колмовский; в других отраслях — Меншиков, Макаров, Апраксин, Шафиров и Толстой, компанейщик путивльской суконной фабрики генерал-майор Корчмин и владелец красочных заводов стольник Савелов. Предприниматель-иноземец — также редкое явление; можно назвать лишь пять-шесть небольших предприятий, заново основанных иностранцами[3]. Немногочисленны и владельцы мануфактур из крестьян, что совершенно естественно в условиях расцвета крепостничества, когда накопление для крестьянина было затруднено, когда его имущество принадлежало помещику и могло быть отчуждаемо по малейшему произволу или желанию последнего. Источником первоначального накопления для крестьян-мануфактуристов было не земледелие, а торговля, откуда капитал переходил в промышленность. Таковы братья Миляковы, владельцы железного завода, крестьяне села Дедилова, имевшие лавки в Москве; крупный подрядчик — крестьянин Строганова — Сидор Белопашинцев; торговец кожевенным товаром Василий Зайцев — оброчный крестьянин

---

[1] ЦГАДА, ф. Гос. архив, XIX разр., кн. 379, л. 37.

[2] ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 171.

[3] Сахарный завод Вестова с товарищами, три каразейные фабрики — Пранга, Фибиха и Фишера, карточная мануфактура Фондерстама, замшевая — Лоренца.

села Покровского под Москвой. Вопреки их формальной принадлежности к крестьянству, по роду деятельности их можно отнести к торговому миру.

Вследствие «необычайной медлительности» накопления средств в руках непосредственного производителя — ремесленника и товаропроизводителя перерастание мелкой (ремесленной) мастерской в мануфактуру, как указывалось выше, наблюдается более отчетливо преимущественно среди металлистов Тулы. Из тульских кузнецов вышел крупнейший заводчик Демидов; к ним же принадлежал Баташов — родоначальник известных в XVIII в. горнозаводчиков; из бывших мастеров Измайловского стекольного завода вышли владельцы мастерских, приближавшихся к мануфактуре,— Гаврилов и Логинов, а также Сергей Аксенов, на предприятии которого в Можайском уезде вырабатывалось оконное и зеркальное стекло, продававшееся в Москве и посылавшееся за границу [1]. Некоторые из кожевенных мануфактур также принадлежали недавним ремесленникам — мастерам. Иначе обстояло дело в новых текстильных производствах — суконном, шелковом, по выработке широкого и тонкого полотна, мало знакомых даже мелкому производителю Москвы.

Основной контингент заводчиков вышел из купеческой среды. Но даже крупные торговые люди (Микляев, Турчанинов, Щеголин, Хвастливый и др.) не всегда по доброй воле входили в промышленную сферу, этому мешал прежде всего недостаток крупных денежных средств, требовавшихся для заведения мануфактуры. В целях восполнения этого недостатка торговые люди и в XVII в. имели «складные» торги и промыслы. Правительство всячески поощряет образование компаний для учреждения и содержания промышленных предприятий.

Необходимый в некоторых случаях солидный капитал составлялся из индивидуальных паев, что облегчало финансовую сторону дела. Кроме того, компанейские предприятия отличались большей устойчивостью, на них меньше могло отражаться разорение отдельных лиц. В то время считали целесообразным на первых порах даже «принуждать... строить компании» и подыскивать компанейщиков, «буде волею не похотят, хотя в неволю». По царскому указу была создана в 1711 г. первая компания Андрея Турки с товарищами для передачи им полотняной мануфактуры. Так же, «учиня» другую компанию во главе с Щеголиным, правительство в 1720 г. передало ей Московский суконный двор. При этом указ предоставлял Щеголину право «прибрать по рассмотрению» в компанию еще несколько человек. «Прибранные» компанейщики, однако, в Москву не ехали, так что пришлось посылать за ними солдат из московского гарнизона. Наряду с этим имеется ряд указаний на добровольное принятие в содержание казенных мануфактур как со стороны отдельных лиц, так и компаний. Мало того, на протяжении последних десяти лет

---

[1] ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии, кн. 2, д. 1794, лл. 39—40.

нередко наблюдаются факты заведения «своим коштом» новых компанейских и единоличных предприятий.

Важным обстоятельством, ускорившим приток частного капитала в промышленность, являлось проведение в жизнь протекционистской промышленной политики, проникнутой началами меркантилизма. Два законодательных акта, в которых изложены основы промышленной политики правительства Петра I, — Берг-привилегия 1719 г. и Регламент Мануфактур-коллегии — создавали благоприятные условия для частного предпринимательства. Большое значение имело заявление в Берг-привилегии о том, что заведенные мануфактуры у промышленников и их наследников «отняты не будут». Возможность конфискации, практиковавшейся в XVII в., предполагалась в исключительных случаях — «разве самая какая важная причина из них показана будет или сами в состоянии оных содержать не будут».

Берг-привилегия облегчала предпринимателям недворянского происхождения доступ к разработке полезных ископаемых, провозгласив принцип «горной свободы». Права вотчинника распространялись лишь на поверхность земли, а ее недра объявлялись собственностью монарха, который разрешал «во всех местах как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы...»[1] Вотчиннику предоставлялось преимущественное право постройки завода в своих владениях, но в случае, если он этого «не возможет или не похощет», предприятие мог строить всякий, «какого б чина и достоинства кто ни был». Такому предпринимателю отводились под рудники определенного размера участки земли. Берг-привилегия провозглашала свободу сбыта продукции предприятий черной металлургии, оставив за государством преимущественное право в приобретении лишь цветных и благородных металлов.

Регламент Мануфактур-коллегии распространял такие же льготы на владельцев предприятий легкой промышленности. Оба документа ставили заводовладельцев в привилегированное положение. Промышленники были изъяты из ведомства местной администрации и переданы специально организованным учреждениям: Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии, а также освобождены от служб и постоев.

Следует подчеркнуть, однако, что перечисленные права и привилегии осуществлялись дворянским государством и что вследствие этого декларированная «свобода» предпринимательства носила условный характер и на практике была ограничена господствовавшими в стране феодально-крепостническими отношениями. Прежде чем разрешить заведение предприятия, Мануфактур-коллегия была обязана «вначале смотреть о пожитках и достоинстве» просителя[2], что давало возможность отклонять

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3464, стр. 760; *Н. И. Павленко.* Указ. соч., стр. 104—106.

[2] ПСЗ, т. VII, № 4378, стр. 169; *Д. С. Бабурин.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, стр. 95.

прошения менее состоятельных лиц, вышедших из среды крестьян и ремесленников. Классовый характер экономической политики государства помещиков и торговцев очевиден.

Особыми привилегиями пользовались предприниматели, вкладывавшие свои капиталы в такую отрасль производства, которой до этого в России не было. Государство предоставляло им монопольное право на сбыт изделий, например, владельцам красочного завода Савелову и Томилиным было обещано «никому нигде оных материй, кроме сделанных на их заводах, не покупать и не торговать». В некоторых случаях правительство оказывало материальную и техническую помощь. Особо привилегированная компания Апраксина получила огромную по тому времени субсидию в 36 тыс. руб., а также в Москве — бывший Посольский двор «с каменным строением» и в Петербурге — двор Голицына; Никону Волкову был отдан каменный двор в Москве, пять станов, 100 пудов шерсти, трое работников и три тыс. руб. деньгами. Но, как правило, денежная помощь оказывалась не часто. Случаев выдачи крупных субсидий можно отметить два — Щеголин при приеме Суконного двора получил 30 тыс. руб. с обязательством выплатить долг сукнами, и компания Апраксина получила указанную выше сумму. Обычно правительственная субсидия выражалась в три-четыре тыс. и даже в сотнях рублей.

Материальная помощь оказывалась не только деньгами. Иногда правительство помогало в части оборудования предприятия, а также снабжало его сырьем. Вопрос с сырьем был особенно сложным в отношении суконной и шелковой промышленности. Так как в это время в России не было тонкорунного овцеводства, приходилось пользоваться импортной шерстью, что обходилось чрезвычайно дорого. Выход из затруднительного положения был найден в заведении овчарных заводов, причем казна взяла это дело на себя, затратив большую сумму денег. «Заводы» были устроены в разных местах, но самые крупные находились в Азовской губернии, а также на Левобережной Украине и в Казанской губернии. Шерсть шла прежде всего на казенные суконные мануфактуры; остающуюся предлагалось покупать частным предпринимателям, «кто с торгу за оную больше станет давать».

Шелковые мануфактуры работали на привозном с Востока и поэтому дорого обходившемся шелке. И в этом случае правительство не раз приходило на помощь «шелковым фабрикантам», особенно владельцам крупной компанейской «фабрики», близко стоявшим к царю. Так, в 1724 г. из Китая была привезена большая партия шелка, из которой 72 пуда были отданы компании Апраксина. Позднее компанейщики просили отдать им остальной шелк, и Петр наложил на их прошение резолюцию: «Шелк отдать и денег ни за первый, ни за последний не спрашивать, дабы оная фабрика размножилась» [1].

---

[1] ЦГАДА, Гос. архив, XIX разр., кн. 379, 1727 г., лл. 10—13.

Подобная практика вовлечения торгового капитала в промышленность характерна не только для России. В соответствовавший период возникновения крупной промышленности правительства западноевропейских стран пользовались теми же приемами принуждения и протекционизма: заведение и передача казенных мануфактур, привилегии и субсидии частным лицам являлись характерными чертами экономической политики меркантилизма.

Отдельные меры были подытожены в Берг-привилегии 1719 г. и регламенте Мануфактур-коллегии, создавших купечеству льготные условия для строительства новых фабрик и заводов. Покровительственный таможенный тариф 1724 г. обеспечил благоприятные условия для успешной конкуренции русских промышленных товаров с импортными. Размер пошлин на ввозимые из-за границы товары зависел от того, в какой мере отечественные предприятия могли удовлетворить спрос на внутреннем рынке: чем больше тех или других товаров выпускали предприятия России, тем выше на них были ввозные пошлины[1]. Покровительственная политика правительства, кроме того, выражалась в требовании «сколь возможно употреблять» изделия русских мануфактур, которое относилось прежде всего к казенным учреждениям, снабжавшим армию и флот необходимым обмундированием.

С тех пор как вступили в действие сначала казенные, а затем частные централизованные мануфактуры, значительная часть их изделий шла в казну и тем самым хотя не прекращалась, но до некоторой степени сокращалась нужда в привозных товарах, прежде всего военного назначения. Ускоренное строительство металлургических заводов оправдало себя. С первых лет XVIII в. государство стало получать с казенных и наиболее крупных частных заводов железо и военные припасы в нужных количествах. То же самое имело место в части сукна, парусины, полотна и других изделий.

С середины второго десятилетия казенное железо становится предметом вывоза за границу, преимущественно в Англию. Высокое качество уральского железа быстро обеспечило ему сбыт за границей. В 1726 г. было вывезено 55,1 тыс. пудов железа через Петербург[2]. При этом на внешний рынок поступали не изделия из железа, а полуфабрикаты, главным образом связное и полосовое железо, подлежавшее дальнейшей переработке на металлообрабатывающих предприятиях Англии и Голландии.

Вывозилась за границу также продукция полотняных мануфактур, так, с середины второго десятилетия XVIII в. систематически вывозится продукция московского Хамовного двора. В то же время полотно продавалось внутри государства, на внутреннем рынке расходились также изделия прочих мануфактур. При этом оптовым покупателем многих

[1] Подробнее об этом см. главу I, § 4 «Торговля».

[2] *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го ст. по 1858 г., ч. 3. СПб., 1859, стр. 23.

из них являлась казна. Сукно, каразея и льняная каламянка десятками тысяч аршин ставились в мундирную, кавалерийскую и инфантерские канцелярии и непосредственно в разные полки. Для них закупались с казенных и частных мануфактур, кожаные штаны, камзолы, портупеи, перевязи, пуговицы, пряжки и т. д. По подрядам в казенные учреждения шла бумага, табачные трубки, стеклянная посуда. Спрос казны на самые разнообразные промышленные изделия имел место на протяжении всей первой четверти XVIII в. Этого нельзя забывать, говоря о связи мануфактур с внутренним рынком, с потребностями государства. Кроме того, усилился спрос представителей высших классов на разные бытовые изделия и предметы роскоши, особенно в связи с изменениями в костюме в частном и общественном быту. С этим связано возникновение ленточных и позументных, шляпных, чулочных, табачных, шпалерных и карточных мануфактур. Но изделия мануфактур распространялись и шире, среди массы населения. Таковыми являлись изделия ленточных мануфактур, стекольных, игольного и других заводов. Большим спросом пользовалась продукция металлургических предприятий, особенно находящихся в центральном районе. Связь этих заводов с внутренним рынком была значительно шире, чем у демидовских и казенных предприятий Урала. Последние тяготели к оптовому сбыту и продавали большую часть изделий либо казенным подрядчикам, либо за границу. Продукция небольших металлургических мануфактур почти полностью потреблялась внутри страны. Таковы котлы, плиты, печные задвижки и прочее чугунное литье, а также изделия из железа: лопаты, топоры, прутья, дверные ручки и др.

Однако емкость внутреннего рынка была еще ограниченной, на что указывали многие владельцы мануфактур. Сахарный заводчик Вестов жаловался, что сахар плохо распродается, в противном случае он мог бы расширить производство и «сахаром Российское государство удовлетворить бы весьма можно». Щеголин сообщал, что в год может выработать до 90 тыс. арш. сукна и каразеи, «а ежели расход будет, то и больше зделать можно»[1].

Реализацию изделий первых русских мануфактур на внутреннем рынке осложняли два обстоятельства: во-первых, конкуренция с этими изделиями товаров иностранного происхождения, а также вышедших из рук русского мелкого товаропроизводителя, и, во-вторых, недостаточно высокое на первых порах качество мануфактурных изделий и высокая цена на них. На первое обстоятельство имеются неоднократные указания. Так, владельцы полотняной мануфактуры в Москве в 1720 г. писали, что они «тягости несносные себе принимают... того ради, что о ввозе из-за моря таких товаров не заказано, также на многих боярских и протчих дворех делают всякие полотна и салфетки»[2]. О том же свидетельствуют

---

[1] ЦГАДА, Гос. Архив, XIX разр., кн. 379, лл. 24—25, 104.

[2] ЦГИАЛ, ф. Коммерц-коллегии, 2-я экспедиция, оп. 1, д. 44.

жалобы суконных фабрикантов: «и от... мелких разных ремесленных людей тем нашим указным большим фабрикам... чинятся великие повреждения и остановки» [1].

В целях преодоления конкуренции импортных изделий правительство охотно шло навстречу отечественным фабрикантам. Покровительственный таможенный тариф 1724 г. устанавливал высокую пошлину на те товары, которые в значительном количестве вырабатывались или могли вырабатываться на русских мануфактурах.

Фабриканты требовали аналогичных мер борьбы с изделиями русских «ремесленных людей», «которые без указу делают», «самоучкой». Однако правительство в этом вопросе обнаруживало колебания и некоторую противоречивость, с одной стороны, признавая мелкое производство «необходимо нужным», а с другой — урезывая его в интересах некоторых отраслей крупного производства. Но преследование безуказного производства развернулось лишь в 30-х годах XVIII в.

Качество изделий мануфактур было различно: прекрасное качество русского железа быстро завоевало ему почетное место в русском экспорте. На мануфактуре Тамеса вырабатывалось полотно «от грубого до самого тонкого», прекрасные скатерти и салфетки. Некоторые шелковые ткани, а также ленты вполне удовлетворяли потребности и вкусы тогдашнего покупателя, так же как несомненные успехи имели место в производстве сукна. Но все же эти ткани уступали импортным, что объясняется прежде всего тем, что шелковая и суконная промышленность Италии, Англии, Франции насчитывала не десятилетия, как в России, а столетия своего существования.

Учреждения, руководившие промышленностью, стремились воздействовать на качество продукции, требовали введения новых улучшенных приемов выработки изделий, например, широких полотен, кожи, свечей. Регламент Мануфактур-коллегии сделал обязательным представление в коллегию в начале каждого года образцов производившихся изделий, что и выполнялось владельцами мануфактур.

Казенные и частные предприятия требовали значительного количества рабочих рук. Источником более или менее квалифицированной рабочей силы на первых порах было городское ремесленное население, и правительство использовало, например, тульских кузнецов не только на тульском, но и на первых уральских заводах. Бывшие ремесленники работали также на других, неметаллургических мануфактурах. На новых мануфактурах использовался также опыт старых предприятий, возникших в XVII в. Мастера с них привлекались к работе прежде всего на казенных заводах начала XVIII в. Но оба эти источника квалифицированной рабочей силы и количественно и качественно были недостаточны. Отсюда возникла нужда в иностранных специалистах для временного

---

[1] «Московский Суконный двор», № 15, стр. 41.

технического руководства при заведении новых крупных предприятий. Однако на большинстве мануфактур штат, начиная с мастеров, состоял из русских людей. Только русскими людьми обслуживались в 1720-х годах Каменский и Уктусский казенные заводы, Ченцовский Нарышкина, заводы Милякова и Логинова. Из полотняных мануфактур только у Тамеса был мастер голландец. По мере того как обучались русские мастера и ученики, число иностранцев уменьшалось. Уже в 1708 г. на Суконном дворе из 46 иностранцев оставалось только 17 чел., так как «достальные к суконному делу неугодны и можем,— доносила администрация фабрики,—без нужды управлятца рускими ремесленными людьми, ис которых есть искусны от начала до окончания сукно сочинить...»[1]

Постоянное ядро, представлявшее квалифицированную часть рабочих мануфактуры, было немногочисленно: на Верхнем Каменском заводе числилось 33 мастера, 26 подмастерьев и 22 работника разных специальностей, на заводах Нарышкина — 62 чел. и т. д.

Почти на всех мануфактурах начала XVIII в. была особая категория работников — ученики, которые обычно состояли при мастерах и овладевали новым производством, чтобы в дальнейшем получить квалификацию мастера. На некоторых предприятиях они исчислялись десятками, а срок обучения, позднее узаконенный, равнялся семи годам. Ручное мастерство приобреталось путем длительной выучки, поэтому мануфактура связана с развитием ученичества. По возрасту учениками были и подростки и взрослые люди. Обычно они состояли на хозяйском содержании, получая даже обувь и одежду. Денежное жалованье учеников было различно, колебалось от нескольких рублей до 12 — 17 руб. в год. Обучение заканчивалось своего рода испытанием, в результате которого ученик мог получить соответствующую квалификацию. Положение ученика было зависимым, но все же по окончании установленного срока он считался свободным, хотя свобода вообще в крепостной России могла быть лишь очень относительной.

Работы, не требовавшие особой квалификации, на казенных заводах выполнялись приписными к ним крестьянами, на частных — большей частью временными наемными работниками, которые, по выражению заводчика Логинова, «работают понедельно и сходят на другие заводы и в домы свои». Главной обязанностью приписных крестьян были многочисленные подсобные работы вне завода: рубка и возка дров, заготовка угля, ломка и доставка руды. На олонецкие заводы каждый крестьянский двор должен был вырубить 15 саж. дров, сложить в кучи и вывезти уголь на завод — все это расценивалось в шесть руб. с двора и зачислялось в подворную подать.

На практике нормы крестьянской работы постоянно нарушались. Жалуясь на злоупотребления заводской администрации в этом отношении,

[1] «Московский Суконный двор», № 40, стр. 86.

крестьяне указывали, что они «всегда бывают в заводских работах беспрестанно», жалобы же их на произвол администрации в денежных расчетах заставили правительство издать в 1724 г. указ, которым вводилась повсеместно одинаковая поденная плата — крестьянину с лошадью десять коп., без лошади—пять коп. Приписные крестьяне работали в счет подушной подати, они получали на руки деньгами в том случае, если вырабатывали сверх подушной подати. На частных заводах крестьянами выполнялись аналогичные работы. У Меллеров приписные крестьяне ежегодно должны были вырубать по 1200—1300 саж. дров; у Нарышкина «у угольного зжения» бывало в год по 400 чел. конных и пеших, другие вывозили на заводы руду.

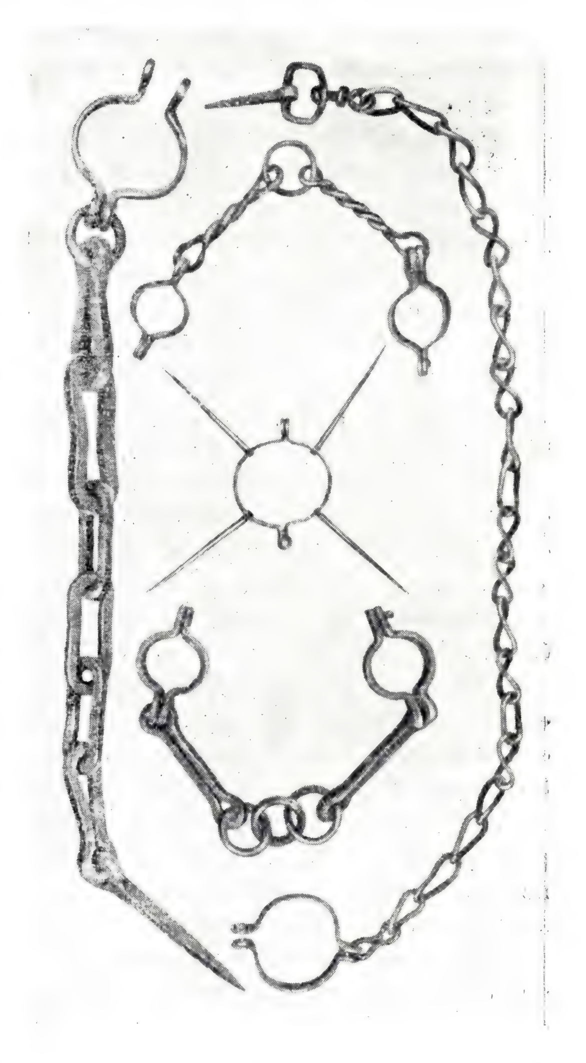
Работные люди получали заработную плату. Окладное жалованье давалось сравнительно редко и то наиболее квалифицированным мастерам; большинство работников получало сдельно, временные работали поденно или понедельно.

Годовые оклады русских мастеров в металлургии колебались от 10 до 120 руб., в текстильном производстве — от 10 до 50 руб.; иностранные специалисты — мастера и подмастерья в металлургии получали от 70 до 800 руб., в текстильном производстве — от 30 до 200 руб. Оклады квалифицированных русских работников при домне или в кузницах равнялись 15—18 руб. в год. На текстильных мануфактурах квалифицированные работники получали сдельно, «понеже из задельных денег каждой тщится для себя зделать больше». Дневная производительность прядильщика шерсти на Суконном дворе определялась в два фунта, скробольщика и кардовщика при расческе шерсти — в пять-десять фунтов, ткача — в четыре аршина. При переводе этих норм на сдельную оплату годовой заработок прядильщика колебался от 8 руб. 85 коп. до 19 руб. 75 коп., ткача—от 17 руб. 70 коп. до 23 руб. 50 коп.[1] В полотняной промышленности нормы оплаты были ниже, поэтому годовой заработок работников разной квалификации колебался от 6 до 15 руб. и в исключительных случаях бывал выше. Показателем реального значения этих окладов до некоторой степени может служить следующая справка. Фабриканты, дававшие своим рабочим, кроме денежного жалованья, «хлебное», определяли содержание рабочего в год — «хлеб и харч» — в 8 руб. Исходя из этой суммы, получаем, что прядильщик зарабатывал только на содержание одного человека, доменный работник,— в лучшем случае, на двух. Если предположить семью из четырех человек, то даже заработка ткача нехватало, чтобы ее прокормить. Отсюда, с одной стороны, жалобы самих рабочих, что семьи их «питаются миром», а сами они существуют «с великою нуждою и долгами», а с другой — замечания

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 558, лл. 6, 57, 87—91; кн. 559, лл. 20—21, 30, 34—39, 40, 46—61; кн. 610, лл. 285—316; кн. 612, лл. 1—35; кн. 614, лл. 180—187, 313—317, 318—332, 333—334.

современников вроде Посошкова: «но токмо учинят ему корму, чтобы он токмо душу свою пропитал»[1].

На больших предприятиях, как, например, у Тамеса, рабочие получали одно денежное жалованье. На других — кроме денег, полагался «харч», или «корм»; например, Вестов в отчетных ведомостях лаконично добавлял: «а пьют и едят хозяйское».

Кандалы, ошейник и цепь для приковывания — орудия наказания работных людей на уральских заводах первой четверти XVIII в.
Государственный Исторический музей.

За невыполнение или за плохое выполнение работы брались многочисленные штрафы и пени, убавлявшие и без того низкую заработную плату. Вместе с этими формами экономического воздействия широко применялись приемы и методы внеэкономического принуждения, присущие эпохе первоначального накопления. Телесные наказания были обычным явлением, особенно на казенных предприятиях, и применялись не только к принудительным, но и к наемным рабочим. На заводах Демидова телесные наказания были узаконены правительством. «Ослушников и ленивых, — читаем в царской грамоте Демидову, —смотря по вине, смирять батогами и плетьми и железами...»[2] Демидов, широко использовавший это право, прославился своею жестокостью.

Условия труда на мануфактуре были тяжелы. На уральских заводах, по инструкции Геннина, работа начиналась и кончалась по звону колокола, так было и на фабриках Апраксина и Щеголина. С 10 марта по 10 сентября работали с 4 час. 30 мин. утра, кончали же в 7 час. с обе-

[1] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 144.

[2] *Ю. Гессен.* История горнорабочих СССР, т. 1. М., 1926, стр. 55.

денным перерывом от 11 час. до 12 час. 30 мин. дня; в летние жаркие месяцы обеденный перерыв был 2 час. 30 мин., но зато работа кончалась в 8 час. вечера. Таким образом, весной и летом, по инструкции, нормой был тринадцатичасовой рабочий день. В осеннее и зимнее время работа начиналась за час «перед восхождением солнца» и кончалась за час «по захождении солнца» при часовом перерыве на обед. Фактически же рабочий день удлинялся еще на полчаса, так как предписывалось являться для уборки «всегда до указных часов за полчаса перед работою». Сверх того, по субботам после работы подмастерья чистили инструменты. За недоработку рабочих оставляли на ночную смену. По воскресеньям и праздникам всем вменялось в обязанность ходить в церковь. Тринадцати, вернее, четырнадцатичасовой рабочий день становился еще более тяжким в силу внешних условий, в которых он проходил. Заводские помещения бывали иногда таковы, что даже правительственные органы признавали их негодными. В 1721 г. берг-советник Михаэлис, осматривавший мануфактуру Щеголина, дал следующее заключение: «весь двор и нижние полаты и светлицы более годны употребить х конюшням и сараям, ибо в них такавая вонь, что нельзя в них быть...» [1]

Кончая работу и расходясь по домам, многие рабочие и после работ оставались на глазах администрации или владельца, так как часть их обычно жила при мануфактуре. При Екатеринбургском заводе было 80 казенных изб для мастеровых и работных людей и 350 собственных. В связи с этим при крупных, особенно казенных, предприятиях бывали разные заведения, обслуживавшие нужды заводского населения. При некоторых заводах вырастал целый поселок, крепко связанный с жизнью завода,— с лавками, церковью, торговыми банями и т. п.

Городские работные люди большей частью жили при предприятии или снимали углы; большинство из них были семейными людьми. Получая гроши, к тому же часто с запозданием в несколько месяцев, они не могли покупать пищу в городе и пользовались, к выгоде предпринимателя, заводской лавкой и харчевней, где пища бывала дороже и хуже. Не лучше были харчи и в тех случаях, когда рабочие получали их от хозяина. Известен случай, когда рабочие позументной мануфактуры Коргачина возмутились тем, что их кормили гнилой рыбой. Жестокая эксплуатация и тяжелые условия жизни, особенно подневольных работников, вызывали среди них постоянное недовольство, которое выражалось в разнообразных формах борьбы [2].

С вопросом о социальном составе русских мастеровых и работных людей и о характере труда на мануфактурах связано освещение более

---

[1] «Московский Суконный двор», № 36, стр. 78.

[2] О борьбе мануфактурных рабочих см. главу II, § 4 «Классовая борьба на мануфактурах».

широкой проблемы о социальной природе ранних русских мануфактур. Непременным условием, при котором товарное производство приводит к капитализму, является существование системы эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Поэтому степень распространения наемного труда — важнейший показатель развития капиталистических отношений.

Наемный труд эксплуатировался уже на мануфактурах первой четверти XVIII в. В каждой привилегии, дававшейся при учреждении мануфактуры, правительство требовало от будущего владельца содержать предприятие «своими наемными людьми», «платя им за труды достойную плату». Это требование в значительной степени осуществлялось на практике. Даже на казенных заводах, которые могли быть неограниченно обеспечены рабочей силой путем внеэкономического принуждения, работали наемные рабочие. Больше того, правительство временами считало более выгодным заменять принудительный труд наемным. Об этом говорят указы 1710-х годов, касавшиеся Хамовного двора, серного Сергиевского и Уктусского железного заводов[1].

Фабриканты не раз выражали желание иметь право свободного найма мастеровых и работных людей: «Чтоб нам у того дела мастеров-иноземцев, также и русских, иметь свободным наймом, кого похотим»,— писали компанейщики бывшего полотняного завода в 1718 г.[2] Насколько велика была роль наемных рабочих даже на уральских казенных заводах, к которым было приписано 25 тыс. крестьян, свидетельствует следующее сообщение начальника уральских горных заводов Геннина: «В прошлом году,— пишет он в 1726 г.,— вольных работников было множество», и от них «в заводских и горных работах великая была помощь, и в то время заводы можно было управлять с приписными крестьянами»; теперь же, когда запрещено нанимать, «все прекратилось... хотя при заводах числится 25 тысяч крестьян, но годных к работе не более 6 тысяч»[3]. По мере обучения заводскому делу, из числа приписных крестьян составлялись квалифицированные кадры, работавшие уже в 1720-х годах внутри завода — в молотовых, кузницах, при домне. Но все же основная масса приписных крестьян была занята подсобными работами по рубке леса, выжигу угля и т. п.

Тем более заметной силой являлись наемные рабочие на частных мануфактурах, даже на металлургических.

О своих заводах на Урале Демидов писал, что «для работы приходят на те заводы наниматца с Волги и из русских и сибирских городов и слобод всякие люди, которых мы нанимаем повольною ценою в урок

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. III. СПб., 1866, стр. 423; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 609, лл. 14—15, 331 и об.

[2] ПСЗ, т. V, № 3174, стр. 547.

[3] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 750, лл. 342—343.

и поденщиною»[1]. То же самое наблюдалось на текстильных мануфактурах, даже принадлежавших крупным землевладельцам. На парусной мануфактуре Меншикова в Московском уезде, кроме небольшого штата в 24 постоянных работника, видимо, из собственных крепостных, работали «посторонние из разных чинов крестьян по 250 человек и больше»[2]. На купеческих мануфактурах наемные составляли основную рабочую силу.

На частные мануфактуры приходили преимущественно городские ремесленники, дети солдат и «церковников», в меньшем числе крестьяне, особенно помещичьи, так как их запрещалось принимать. Однако при общей малочисленности городское население того времени не могло обеспечить рабочей силой растущую промышленность, а тяжелые условия работы вряд ли делали ее соблазнительной для ремесленника. Крепостная деревня не давала людей, свободно располагавших своим трудом и временем. Крестьяне «с отпусками» были еще незначительной и кратковременной рабочей силой, а уходившие без отпусков или паспортов рассматривались как беглые. Между тем дворянство и дворянское государство вело усиленную борьбу, особенно к концу изучаемого периода, с бегством крестьян и незарегистрированным, самовольным отходом на заработок. Начиная с 1715 г., был издан ряд указов о возвращении помещикам беглых крестьян, в том числе работавших на мануфактурах,— указов, вызвавших жалобы со стороны как администрации казенных заводов, так и частных владельцев. В результате введения подушной переписи численность крепостного населения увеличилась за счет новых разрядов лиц, включенных в перепись. Одновременно передвижение оброчных крестьян было ограничено пределами одного уезда и радиусом в 30 верст. Все эти мероприятия, означавшие усиление крепостного гнета и стеснявшие крестьян еще больше, вызывали в 20-х годах XVIII ст. недостаток рабочих, ощущавшийся не столько в Москве, куда в поисках заработка стекалось больше народа, сколько в других местах. На затруднения с набором рабочей силы по найму жаловались даже управители казенных заводов. «Ко оным заводам к прииску серы,— доносили с казенного Сергиевского серного завода,— охотников рабочих людей во иных городах бирючи по многие дни кликали и в уездах о том сказывали, и к тому серному прииску из найму работников никого не явилось»[3].

Еще труднее было разрешить этот вопрос для частных предпринимателей, с чем связаны и жалобы на дороговизну рабочей силы. «И за умалением те работные люди,— писал Демидов,— весма дорого нанимаютца, отчего во отправлении означенных припасов чинится не малая остановка».

---

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 625, лл. 179—179 об.

[2] Там же, кн. 614, лл. 169—173.

[3] Там же, кн. 618, лл. 15 и об.

Другой заводчик, Рюмин, жалуясь на «малолюдство работных людей», писал: «А требую к игольной работе для мастерства и для науки русских людей, из каких впредь повелено будет». Между тем казна сама нуждалась в квалифицированной рабочей силе, так что Берг-коллегия должна была откровенно признаваться, что «мастеров иноземцев и русских от государственных заводов дать ныне еще некого, ибо и на государственных заводах ныне в оном есть некоторый недостаток» [1].

Итак, требование правительства обслуживать частные предприятия наемными людьми оказалось в условиях господства крепостничества трудно выполнимым. В изучаемый период, под воздействием жалоб со стороны промышленников, дворянское государство разрешало вопрос о рабочей силе феодальными методами: оно допустило заводчиков к эксплуатации крепостного труда. В некоторых случаях это достигалось путем приписки к мануфактурам, в частности к металлургическим заводам, государственных крестьян и передачи квалифицированной рабочей силы с казенных предприятий.

Еще в XVII в. правительство нашло выход из затруднительного положения с рабочей силой в приписке для работы к железным заводам казенных крестьян. При Петре, особенно в начале его царствования, также широко практиковалась приписка к казенным заводам. При всех олонецких и уральских заводах были приписные крестьяне. К Липецкому и другим южным заводам были приписаны три города — Романов, Сокольск и Белоколодск, к Сергиевскому серному — 167 дворов [2].

В начале изучаемого времени приписывали крестьян и к частным металлургическим заводам: в 90-х годах к заводам Бутенанта был приписан Кижский погост и в 1702—1703 гг. около 2,5 тыс. крестьян к Невьянскому заводу Демидова, но другие частные заводчики не имели приписных. Общая численность крестьян, приписанных только к металлургическим частным и казенным заводам, к 1725 г. превышала 54 тыс. душ мужского пола.

Из частных текстильных предприятий только при одной парусной мануфактуре Филатова, расположенной в гуще крестьянского населения (Малоярославецкий уезд), имелось приписное село Товарково и то первоначально в количестве пяти дворов. Зато в это время возникает другой способ обеспечения крестьянским трудом частных промышленных предприятий — покупка крестьян владельцами мануфактур. Не только Демидов, но и некоторые другие, даже некрупные промышленники, имели до 1721 г. в виде единичных случаев купленных крестьян. 18 января 1721 г. был издан указ, разрешавший «для размножения таких заводов как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать невозбранно», при том условии, однако, «дабы те деревни

---

[1] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, л. 88; кн. 614, лл. 331—332; кн. 1010, л. 82.
[2] Там же, кн. 1017, лл. 103—134.

всегда были уже при тех заводах неотлучно». Заводовладелец мог продать купленных крестьян только вместе с заводом[1]. Так был создан особый разряд крестьян, получивший в конце XVIII в. название поссессионных.

Однако закон 1721 г., может быть в силу недостатка свободных средств, в первое время был использован лишь владельцами металлургических заводов. Ни один из владельцев текстильных заводов, в том числе московских, не воспользовался при Петре данным им правом. Объяснение этому следует искать прежде всего в том, что трудно было найти поблизости от города подходящую деревню и использовать крестьян, не отрывая от хозяйства, на городском предприятии. В принципе же закон 1721 г. в известной степени открывал для владельцев мануфактур доступ к земле- и душевладению и тем самым способствовал расширению крепостного труда на мануфактуре. Юридически между купленными и приписными крестьянами была разница: первый, как крепостной, являлся собственностью владельца, и труд его полностью мог быть использован на заводской работе; приписной же оставался государственным крестьянином, выполняя определенную норму, или урок, на заводе, он должен был отдавать предпринимателю только часть своего времени. Но, конечно, в жизни границы между приписными и крепостными крестьянами постоянно нарушались.

В некоторых случаях правительство, уступая жалобам мануфактуристов, разрешало, хотя временно, держать беглых не отдавая их по требованию помещиков. Такой смысл имел указ от 22 июля 1722 г., последовавший в ответ на донесение фабрикантов о том, что «по последнему указу о беглых» по требованиям помещиков с их мануфактур стали отдавать учеников и работников. По указу предписывалось впредь до возвращения царя из Персидского похода «учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся, не отдавали, и взятых возвратили»[2]. Несомненно, однако, что этим указом владельцы мануфактур пользовались в качестве основания для насильственного удержания нужных им работников. На подобное задержание имеются прямые указания в источниках; так, компанейщики Суконного двора сами заявляли, что по истечении указанных сроков, за недостатком рабочих рук, «ремесленых людей от фабрики отпустить было невозможно...»[3] В целях закрепления работников за мануфактурой практиковалась уже в то время выдача авансов и ссуд, ставившая работника в условия долговой кабалы. Последняя вела и к личной зависимости, что сознавали мастеровые и работные люди Суконного двора, говоря о надвигающейся на них «неволе». Кроме того, переписи мастеровых и работных людей, предпринимав-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3711, стр. 311—312.
[2] Там же, т. VI, № 4055, стр. 746.
[3] «Московский Суконный двор», № 53, стр. 120.

шиеся в период «генерального свидетельства душ», а также освобождение рабочих от уплаты подушного оклада также стесняли право ухода с мануфактуры и делали наемных рабочих полувольными. Указ, устанавливавший семилетний срок ученичества, по истечении которого ученик обязан был проработать еще три года на данном предприятии, фактически закреплял его на десять лет, и уход с предприятия в таком случае рассматривался как бегство.

Разрешая предпринимателям набирать учеников «из бедных и малолетних» и направляя осужденных женщин на частные полотняные мануфактуры, правительство тем самым вводило практику принудительного труда в частной мануфактуре.

Таким образом, при анализе рабочей силы выделяются две основные группы: наемные рабочие, то есть те, кто шел на мануфактуру «волею» «для прокормления», иначе в силу экономического принуждения, и те, кого привлекали к этой работе посредством внеэкономического принужния,— это приписные и крепостные крестьяне.

Особенно явственно это наблюдается в металлургической промышленности Урала. Существовавший здесь строй промышленности начал складываться в первой четверти XVIII в. «В основе „организации труда" на Урале издавна лежало крепостное право...», — писал В. И. Ленин[1]. Однако и здесь на первых порах нельзя было обойтись без наемных специалистов, но если до 20-х годов XVIII в. значительная часть квалифицированных рабочих уральских заводов, повидимому, являлись наемными, а приписными крестьянами выполнялись лишь вспомогательные операции, то с 1720-х годов для работы на заводах стали использовать принудительную рабочую силу рекрутов, ссыльных и мобилизованных по указу из числа приписных крестьян.

Аналогичную картину замены вольнонаемного труда принудительным, происходившую, правда, менее быстрыми темпами, можно наблюдать и на предприятиях другого монополиста на Урале—Демидова, при заводах которого имелись и приписные и купленные крестьяне. На этой же основе создавались казенные заводы в Карелии и в Казанской губернии. Преимущественно на крепостном труде работали первые дворянские крупные мануфактуры, возникшие в текстильной промышленности Украины,— полотняная Саввы Рагузинского и суконная генерала Корчмина и Дубровского.

Что касается купеческих мануфактур,— а они преобладали в обрабатывающей промышленности,— то на них, как правило, в первой четверти века преобладал наемный труд. Закон 1721 г. о покупке к мануфактурам деревень открывал путь к эксплуатации крепостного труда, но, как указывалось выше, в изучаемый период он был слабо использован мануфактуристами.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 424.

В отношении наемных мастеровых и работных людей надо учитывать, что наем того времени имел особые черты, отличавшие его от найма капиталистической эпохи. С рабочих часто бралась особая запись с поручительством, которое чрезвычайно связывало нанимавшегося и почти лишало его возможности уйти до срока. Мало того, в случае такого ухода разрешалось принудительно вернуть ушедшего, подвергнув наказанию.

Телесные наказания, как указывалось выше, распространялись и на наемных людей; в записях же оговаривались не только «безленостная» работа, но и послушание «без всякого прекословия» хозяину, его жене, детям, приказчику. Самый срок найма, обязательный для рабочего, не являлся таковым для предпринимателя. Выше приводилось заявление компанейщиков Суконного двора о невозможности отпустить «ремесленных людей» за отсутствием желающих работать на мануфактуре. Стремлению владельцев мануфактур закрепить работников, особенно квалифицированных, правительство шло навстречу, отступая от своего первоначального требования содержать частные мануфактуры наемными людьми.

Сами рабочие прекрасно улавливали тенденцию к стеснению их свободы: «И стали мы быть им компанейщиком вместо подданных работников невольных, а не учеников тому суконному мастерству...»,— жаловались рабочие Суконного двора[1] Щеголина.

Таким образом, крепостной строй оказывал большое влияние на организацию и характер использования труда в крупной промышленности начала XVIII в., но он не убивал новых отношений, завязывавшихся в крупном производстве, означавшем большой сдвиг в сфере производительных сил. Капиталист-купец становился все более заметной фигурой в качестве организатора мануфактурной промышленности, сосредоточивавшего в своих руках средства производства; а рядом с крепостным или поссессионным крестьянином продолжали работать наемные работники, работавшие на основе договора или купли-продажи рабочей силы.

В организацию многих мануфактур вложены были значительные средства, в том числе частные, в большинстве случаев купеческие, нажитые на торговле и ростовщичестве. В составе капитала имеется переменная часть, так как не только наемные, но и принудительные работники получали заработную плату.

Для определения социально-экономической природы мануфактур первой четверти XVIII в. недостаточно располагать цифровыми данными о соотношении наемного и принудительного труда. Необходимо также учитывать реальные взаимоотношения предпринимателя с рабочим

[1] «Московский Суконный двор», № 53, стр. 99—102; 107—117.

и характер эксплуатации, отличавшиеся грубыми, крепостническими формами.

Сделанные наблюдения показывают, что в изучаемый период средства промышленного производства лишь начинают концентрироваться в частных руках, в том числе в руках обладателей денежного богатства. Эксплуатация наемного труда не превратилась еще в систему. Анализируя мануфактурное производство 20-х годов XVIII в., можно говорить лишь о начале складывания условий, необходимых для позднейшего перехода к капиталистическому производству. Мануфактура этого времени — переходная форма, сочетавшая новые явления со старыми, крепостническими, она связана с начавшимся процессом первоначального накопления.

Общие итоги развития крупной промышленности, и прежде всего металлургической, выразительно характеризуются следующими цифрами: в 1700 г. Московская таможня зарегистрировала привоз из Швеции 34 672 пуда полосного и дощатого железа [1]. Построенные заводы не только освободили Россию от необходимости ввоза иностранного железа, но и позволили продавать русское железо за границу. В 1726 г. было вывезено через Петербург и Ригу за границу свыше 55 тыс. пудов железа. Рост металлургической промышленности создал материальные предпосылки для организации регулярной армии, позволил обеспечить ее едиными образцами вооружения отечественного производства. Последняя по счету закупка оружия была произведена в 1712 г. [2] К концу первой четверти XVIII в. Россия по выплавке чугуна занимала третье место в Европе (после Швеции и Англии).

В других отраслях, и прежде всего в текстильной промышленности, крупное производство сделало также значительные успехи. Они были отмечены в 1723 г. Мануфактур-коллегией: 1) «некоторых товаров и заморский вывоз пресечен»; 2) «от суконной мануфактуры отдаются на армейский мундир, что прежде сего покупалось в Европе, а ныне деньги остаются в России, а со временем и всю российскую армию удовольствовать могут»[3]. Особенно значительным был рост полотняных мануфактур.

Крупная промышленность работала, как указывалось выше, и на внутренний рынок, обогащая его новыми товарами и заменяя импортные отечественными. В пределах складывавшегося всероссийского рынка наряду с разнообразными товарами мелкого производства изделия мануфактур проникали все дальше — в Поволжье, на Украину, в Прибалтику и в Сибирь. Но и оттуда в центр поступала продукция добывающей и обрабатывающей промышленности: из Сибири—меха, из Башкирии и Татарии—кожа и шерсть, а также изделия из них, с Украины — селитра, поташ, шерсть, а также готовые изделия мелкого и крупного производства —

---

[1] *Б. Б. Кафенгауз.* Указ. соч., стр. 42.

[2] *Л. Г. Бескровный.* Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 111.

[3] *Д. С. Бабурин.* Указ. соч., стр. 203.

стекло, сукна. Развитие промышленности на местах происходило под влиянием экономически более развитых центральных районов, недаром наиболее промышленными уездами на Украине были северо-восточные, пограничные с Россией. На вновь возникавших украинских, так же, как и на казанских, мануфактурах работали мастера, получившие квалификацию в Москве, и в центре, при организации, например, стекольных заводов, учитывались опыт и достижения производства стекла на Украине. Так крепли широкие экономические связи не только в сфере обмена, но и производства.

К концу изучаемого периода в пределах Российской империи общее количество предприятий мануфактурного типа приближалось к 200. Эти итоги свидетельствуют о том, что в первой четверти XVIII в. в промышленном развитии России произошел значительный скачок. Не следует при этом забывать, что мероприятия правительства по строительству новых мануфактур опирались на материальные предпосылки, существовавшие в мелкой промышленности, на опыт крупного производства предшествующего времени. Протекционистскими приемами, характерными для меркантилизма и эпохи первоначального накопления, правительство ускорило приток частных капиталов в промышленность.

По своим размерам и техническому уровню русские мануфактуры не уступали европейским, но по социально-экономической природе они были сложнее. В передовых европейских странах, где давно было уничтожено крепостное право, мануфактура развивалась в капиталистической форме, хотя и там эксплуатировался принудительный труд. В России господствовало крепостничество, и поэтому мануфактура представляла из себя явление переходного характера. Капиталистические элементы — частичное применение наемного труда, значительные капиталовложения, связь с рынком, организующая роль капиталиста-купца — переплетались с крепостническими, использованием принудительного, в частности, крепостного труда, распространением приемов внеэкономического принуждения в процессе эксплуатации наемных работников. Соотношение тех и других элементов зависело прежде всего от социальной принадлежности предприятия: казенные мануфактуры, а также принадлежавшие дворянам строились в основном на праве феодальной собственности на средства производства и на рабочую силу; в купеческих мануфактурах капиталистические элементы были представлены сильнее. В борьбе этих противоречивых элементов в условиях происходившего первоначального накопления и развивалась русская мануфактура в XVIII в.

Достигнутые успехи в строительстве промышленности уменьшили отсталость России от передовых капиталистических государств Европы, но отнюдь не преодолели ее. И. В. Сталин указывал, что ни один из старых классов, ни феодальная аристократия, ни буржуазия, не мог разрешить задачу ликвидации отсталости нашей страны, и эти классы даже не были способны поставить удовлетворительно эту задачу.

4

ТОРГОВЛЯ

Рост мелкого и крупного производства в первой четверти XVIII в. свидетельствует об углублении общественного разделения труда. В сельском хозяйстве оно выражалось в некоторой хозяйственной специализации районов, на этой основе происходит дальнейшее укрепление межобластных связей, развивается внутренний рынок. Вместе с тем расширялась торговля России с Западной Европой и с Востоком. Углубление общественного разделения труда привело к росту городского населения. Это время является важным этапом в развитии купечества и русского города.

Центром складывавшегося всероссийского рынка являлась Москва. Об этом дает представление материал делопроизводства внутренних таможен Москвы, лишь в отрывках дошедший до нас. Торговые связи Москвы с районами страны различались в значительной мере в зависимости от особенностей торговли тем или иным товаром. Привоз хлеба в Москву в основном происходил из центрально-черноземного района, преимущественно из ближайшей к старой столице его части. Из Украины даже в конце XVIII в. хлеб почти не шел в Великороссию, ввиду дороговизны дальних перевозок, но оттуда к центру страны поступали водка, скот, овчина и другое сельскохозяйственное сырье[1]. В 20-х годах XVIII в. большая часть хлеба поступала в Москву водным путем по Оке — из Орла, Мценска, а также из Переяславля-Рязанского, Зарайска и других городов. Главную роль в подвозе хлеба водой играли орловские и калужские крупные купцы, здесь преобладала крупная оптовая торговля. Крестьяне и помещики участвовали в гужевом подвозе хлеба в Москву. В 1723 г. только за октябрь, ноябрь и отчасти декабрь в Померной таможне, ведавшей в Москве привозом хлеба, было зарегистрировано 716 крестьян, доставивших гужем 10 606 четвертей хлеба на сумму 16,2 тыс. руб.[2] Среди этих крестьян, привозивших хлеб в Москву, были уроженцы 34 уездов. Около половины всего привоза (47,8%) производилось крестьянами Московской провинции, при этом наибольшее значение имели южные уезды — Коломенский и Каширский, следующее за ними место принадлежало Переяславль-Рязанской (17,8%), а также Тульской (8,3%) и Шацкой (3,3%) провинциям. Таким образом, в 1723 г. преобладал привоз из ближайших к Москве уездов, расположенных к югу от Оки, но приезжали также крестьяне и более отдаленных районов, из Тамбовской и Нижегородской провинций. Среди крестьян-

---

[1] *М. М. Щербатов.* Неизданные сочинения, М., 1935, стр. 7.

[2] ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, таможенные книги, вязка 14, кн. 48; *Б. Б. Кафенгауз.* Хлебный рынок в 20—30-х годах XVIII ст. Сб. «Материалы по истории земледелия СССР». М., 1952, стр. 465.

ского привоза были обычными партии в 3—5 возов, но рядом с ними были крестьяне, привозившие по 15—20 возов. В первых можно видеть непосредственных производителей, привозивших хлеб собственного производства, тогда как крупные партии доставлялись скупщиками из крестьян — деревенскими богатеями. На долю дворян приходилась также значительная часть привоза гужем. За осенние месяцы и начало зимы 1723 г. дворяне привезли около 12% всего доставленного гужем хлеба, но по более поздним данным, за сентябрь-декабрь 1728 г. помещичий хлеб составлял более $1/_3$, именно 36% всего привоза в Москву. Таким образом, следует отметить активность на хлебном рынке дворянства.

Большое количество хлеба привозилось купцами, в руках которых находился подвоз водой. По Оке и Москве-реке шел главным образом хлеб из Орла, Мценска, Калуги; крупную роль в этом привозе играли орловские и калужские купцы, делавшие обороты на значительные суммы. О роли орловских купцов в снабжении хлебом Москвы и Петербурга свидетельствует современник И. К. Кирилов. «В Орловской провинции,— говорит он, — великое довольство хлеба, и торг больше состоит хлебный, понеже из многих других городов в город Орел для закупки хлеба приезжают, и многочисленно покупая, реками в судах отвозят в Москву, также в Нижний-Новгород и в Санкт-Петербург». Другим районом хлебной торговли являлось уже в то время Поволжье. Кирилов пишет: «В Симбирском уезде самые хлебородные места, из которого уезда хлеба многочисленно вверх по Волге до Нижнего и в Астрахань отпускается...»[1]

О торговле Москвы другими товарами дает представление таможенная книга по привозу товаров за первые три месяца 1726 г. В старую столицу было доставлено за январь, февраль и март этого года 387 партий товаров более чем на 5 тыс. возах, общей стоимостью по продажным ценам 89,2 тыс. руб. (около 800 тыс. руб. на деньги конца XIX в.)[2]. Большая часть этого привоза, именно 60%, относится к продовольственным товарам, основной его частью является привоз рыбы, второе место занимает сырье — кожа, шерсть и т. п. Рыбопродукты поступали преимущественно из Нижнего Поволжья (36,1 тыс. руб.), Самары, Саратова и др., в значительно меньшей степени из центрального района и северо-запада (Белозеро, Ростов, Псков), с севера (Вологда, Холмогоры). Например, сызранец, посадский человек Семенов привез в Москву из Черного Яра на 156 подводах рыбы и зернистой икры на общую сумму 2088 руб. по продажным московским ценам. Москвич Лука Зверев скупил у саратовских ловцов 9000 стерлядей, 424 осетра, 50 пудов зернистой икры и привез этот груз в Москву на 44 подводах.

[1] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1, М., 1831, стр. 147; кн. 2. М., 1831, стр. 36.

[2] *Б. Б. Кафенгауз.* География торговли и специализация районов в 20—30-х годах XVIII в. Сб. «Вопросы географии», вып. XX. М., 1950, стр. 164—165.

Из других продовольственных товаров следует отметить привоз масла льняного и топленого из Вязников, из Калужского, Козельского, Воротынского уездов, а также с Украины. Масло шло не только на потребительские цели, но и в переработку на московские мануфактуры. Из Брянска посадский человек Кольцов доставил 20 бочек конопляного масла (360 ведер), закупленных им «в малороссийских городах». Из них 6 бочек, или 108 ведер, было продано им в Москве владельцу завода парусного полотна Плавильщикову. С Украины поступало также сало говяжье; мед и хмель поступали в Москву из центрально-черноземного района—из Касимовского, Алексинского, Землянского уездов, из Козлова, Тамбова, Арзамаса и Саранска.

Среди непродовольственных сырьевых товаров значительное место занимала кожа, поступавшая в Москву со всех концов, как из близких к ней районов, так и из более отдаленных. Выделяются крупными поставками кожи Казань, Петербург, Украина. Дешевые сорта мехов (овчина, зайчина, белки, лисицы и др.) поступали из многих районов Европейской части страны.

Иной была география привоза в Москву промышленных товаров, производство которых сосредоточивалось в центре страны и к северу от Москвы. Холсты поступали из Вологодского, Костромского, Пошехонского уездов, Углича и Романова, сукна из Кинешмы и Романова. Сукно шло также из южных районов, богатых шерстью, например, было привезено 1000 аршин «суконца монатейного» (то есть для монашеской одежды) из «малороссийских городов», и 60 аршин «суконца тонкого» поступило из Ельца. Из Ярославля везли чулки, носки, войлок и попоны. Железный товар доставляли владельцы мануфактур центрального района, а также мелкие товаропроизводители Устюжны, Уломы, Норской слободы (у Ярославля) и др. Продукция деревообделочников, ложки и деревянная посуда, привозилась из Белозерского и Костромского уездов. В одной партии было 32,2 тыс. штук ложек деревянных и 1050 ковшей, в другой—21 тыс. ложек и т. п.

Эти данные показывают производственную и торговую специализацию районов. Из черноземных районов поступали в Москву продовольственные продукты и сельскохозяйственное сырье, а из центральных и северных районов преимущественно шли изделия крестьянских промыслов и мелких городских товаропроизводителей, а также продукция мануфактур. Наличие всероссийского рынка проявляется в том, что Москва притягивала потоки товаров как из ближайших, так и отдаленных районов. Показателен в этом отношении привоз сибирских товаров за те же первые три месяца 1726 г.[1] Привоз в Москву из Сибири за это время составил огромную сумму 136,3 тыс. руб. (свыше 1,2 млн. руб. на деньги

[1] ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, книги таможенные, кн. № 54.

конца XIX в.). Главное место в привозе из Сибири принадлежало китайским хлопчатобумажным тканям, «китайке», на долю которой приходится до $^{2}/_{3}$ всего оборота; за ней следует привоз шелковых тканей, камки, атласов, байбереков и др. Кроме того, следует отметить завоз в Москву чая (131 пуд на 3,4 тыс. руб.). Преобладание текстиля в составе привозимых из Китая товаров оставалось характерным для всего XVIII и начала XIX в. Иноземные ткани, восточные и западные, поступали также через Архангельск, Петербург, Астрахань и через Украину.

В крупной торговле 20-х годов XVIII в. следует отметить некоторую специализацию оптовых торговцев на определенном виде товаров. Купцы, привозившие зимой в Москву волжскую рыбу, в большинстве случаев везут вместе с ней только икру. Торговцы конопляным маслом не присоединяли к нему других товаров, так же как скупщики ростовского чеснока или торговцы медом, кожами и пушниной специализировались на однородных товарах. То же наблюдается и у торговцев промышленными изделиями.

Социальный состав торговцев, привозивших товары, зарегистрированных в таможенных книгах, свидетельствует о достигнутой уже значительной экономической мощи купечества. В Москву приезжали с разнообразными товарами не столько крестьяне и ремесленники, непосредственные производители, сколько преимущественно скупщики и торговцы-профессионалы, привозившие товары для их дальнейшей перепродажи. Нередко мелкий товаропроизводитель, например, кузнец и скупщик железного товара сочетались в одном лице. В привозе товаров в Москву участвовала наряду с купечеством богатевшая верхушка деревни и городских мелких товаропроизводителей, имеются указания на привоз железного товара «своего кузла», плодов «своего сада», рыбы «своего улова», конопляного масла «своего боя» и т. п. Но основная масса товаров привозилась купцами, занимавшимися систематической скупкой и продажей товара. Нередко в таможенной книге находим отметки, что товар куплен купцами у крестьян, например, москвич Марков привез 30 пудов муки из Верейского уезда, купленной им «у крестьян порознь». Из села Клушина у Гжатской пристани была доставлена партия белки в 10 тыс. шкурок, закупленных в «клушинских волостях врознь у крестьян». Имеются прямые указания на покупку всякого рода изделий на местных базарах. Сведения о способах приобретения товара, по данным московских таможенных книг 20-х годов XVIII в., позволяют установить, что непосредственные производители и мелкие промышленники играли незначительную роль в этой торговле, московский рынок был в руках торговцев-скупщиков.

Привоз товаров в Москву находился преимущественно в руках крупного купечества. В январе — марте 1726 г. из 346 купцов, доставивших товар в Москву, на группу торговцев, оборот которых составлял сумму

от 500 руб. и выше, приходится более половины всего оборота; в эту группу входят 47 купцов с общей суммой 46 тыс. руб., или 53%, тогда как на долю 157 купцов с суммой привоза до 100 руб. приходится лишь 8% всего оборота. Эти данные показывают достаточно отчетливо преобладание крупного купечества.

Четвертая часть всех партий товаров, привезенных в Москву за эти месяцы, приходится на долю москвичей. Среди иногородних купцов преобладало купечество городов Московской губернии, в которую тогда входили Ярославская, Костромская, Владимирская, Суздальская, Тульская и Рязанская провинции. В итоге на долю москвичей и купцов из Московской губернии приходится 247 случаев привоза (из 387) с оборотом в 48,7 тыс. руб., или 54,5% всей суммы. Купечество центральных городов, таким образом, держало в своих руках несколько более половины привоза товаров в Москву. Эти купцы ездили во все концы страны, скупали товар у крестьян и ремесленников или у местных купцов и везли его в старую столицу. Однако значительную поправку в эти данные следует ввести за счет привоза товаров из Сибири, который осуществлялся купечеством европейского севера и сибирскими купцами. Привоз товаров из Сибири и с севера за те же месяцы составлял 136,7 тыс. руб. и осуществлялся 89 купцами.

В таможенных книгах имеются также сведения о покупателях товаров, завезенных в Москву. Редко купец продавал весь привозный товар в Москве в одни руки, обычно он сбывал его многим купцам. Гостиной сотни Степан Третьяков в течение января и февраля 1726 г. распродал свой товар — китайские хлопчатобумажные и шелковые ткани, чай и др.— десяти москвичам (на 11,1 тыс. руб.), при этом бо́льшую часть товара купил «компанейщик» шелковой фабрики в Москве М. Евреинов (на 6,2 тыс. руб.). Поступавшие в Москву товары направлялись затем в различные города, нередко весьма отдаленные от центра. Яренский купец Суханов часть привезенного им из Иркутска товара послал с работником «из Москвы в малороссийские города». Значительное количество разнообразных товаров шло из Москвы в обратном направлении, в Сибирь.

Иногородние купцы, продав в Москве свои товары, скупали новые и везли их в обратном направлении. Эти сведения говорят об эксплуатации торговым капиталом, городским купечеством и торгующим крестьянством, непосредственных производителей. Купеческий капитал эксплуатировал деревню посредством скупки сельскохозяйственных товаров по низким ценам и продажи их по высоким ценам в городе[1].

В таможенные книги 1726 г. включены также сведения о крупной торговле солью. В Москву было завезено 350,5 тыс. пудов соли, в том

[1] *В. Н. Яковцевский.* Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 90—102.

числе на долю Строгановых приходилось 236 тыс. пудов. Москва являлась центром снабжения и распределения соли.

Особенно оживленный обмен внутри страны происходил на многочисленных ярмарках и торжках. Летняя ярмарка и торжки были в Белозерском уезде, у Кирилло-Белозерского монастыря; крупное торговое значение имели Устюг Великий, Вологда и Тотьма, на Ваге было три ярмарки. В Устюжно-Железопольском уезде славилась ярмарка в селе Весьегонском — центре крестьянских металлических промыслов; ярмарки были в Саранске, Козьмодемьянске, Симбирске и в их уездах, в вотчине Меншикова в городе Раненбурге. На северо-западе после Новгорода и Пскова выделялся по своему торговому значению Тихвинский посад с его ежегодной ярмаркой. Наряду с богатыми посадскими людьми большую роль в торговых оборотах Тихвина играли крестьяне-промышленники и скупщики. Они везли в Тихвин железо, железные изделия и «уклад», а также пеньку, лен, кожи, холст и другие товары. Тихвин был связан торговыми операциями скупщиков с огромной территорией, радиусом в 300—400 верст[1]. На левобережной Украине было 35 ярмарок. Нежинские купцы-греки служили посредниками между русскими и польскими купцами. Для торговли с Украиной большое значение имела Свинская ярмарка под Брянском.

Очень велико значение Макарьевской ярмарки (близ Нижнего-Новгорода), рост ее оборотов свидетельствует об укреплении всероссийского рынка. На ярмарке в 1720 г., по неполным данным таможенных книг, более 900 торговцев продали товаров на 224 тыс. руб.[2] (свыше двух млн. руб. на деньги конца XIX в.). Между тем в конце XVII в. (1697) привоз товаров на Макарьевскую ярмарку составлял 80 тыс. руб.[3] Таким образом, оборот Макарьевской ярмарки за 23 года почти утроился; если учесть общий рост цен в первой четверти XVIII в., то прирост ярмарочного оборота выразится в сравнимых ценах более чем на $^1/_3$.

Первое место в этом неполностью учтенном обороте по продаже на Макарьевской ярмарке принадлежало тканям, почти такое же место занимала пушнина, за ними шли рыба, металлы и металлические изделия, москательные товары, кожа и др. Сведения о привозе товаров на ярмарку свидетельствуют о тесных связях как с центром, так и с отдельными пунктами страны. На Макарьевскую ярмарку, по этим данным, в 1720 г. было завезено товаров более чем из 100 пунктов. Выделяются московские купцы (170 чел.), они везли ткани, галантерею, металлы и т. п. За ними

---

[1] *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 194—295.

[2] Подсчеты выполнены автором настоящего параграфа.

[3] *П. И. Мельников.* Исторический очерк Нижегородской ярмарки. Нижний-Новгород, 1850, стр. 8.

идут купцы из Астрахани (161 чел.), которые привозили рыбу и восточные товары. Следующее место принадлежит поволжским городам (Ярославль, Казань и др.). Особенно значителен привоз из Сибири (Тобольск, Верхотурье, Ирбит) и из северных городов. Напротив, города, расположенные к западу от Москвы, представлены в привозе на Макарьевскую ярмарку слабее; более значительна роль Севска и Курска, откуда шли украинские товары. В оборотах Макарьевской ярмарки, таким образом, господствовали купцы из Москвы и верхнего Поволжья, Севера и Сибири; завязываются связи с новой столицей — Петербургом.

Предыдущие данные дополняются сведениями об отвозе товаров с Макарьевской ярмарки, то есть о пунктах назначения товаров, закупленных на ярмарке. Такие сведения имеются о 323 торговцах, закупивших на ярмарке в 1720 г. товаров (кроме рыбы) на 93,5 тыс. руб. На первом месте здесь стоит отвоз на Свинскую ярмарку (близ Брянска), в Москву и Астрахань, а также в Смоленск и Петербург; следующее место в отпуске товаров с ярмарки принадлежало Сибири (Тобольск), а также югу страны.

Торговля Москвы и Макарьевской ярмарки свидетельствует о росте общественного разделения труда и об укреплении «буржуазных связей», на основе которых складывался всероссийский рынок.

В первые годы XVIII в. весьма расширились государственные монополии на ряд товаров для сбыта их на внутреннем и внешнем рынках. В период острой борьбы за балтийское побережье, когда финансы были до крайности напряжены, в целях пополнения казны многие товары были изъяты из свободной продажи.

С января 1705 г. продажа соли была взята в казну, и цена на соль возросла вдвое по сравнению с ценой, по которой доставляли ее в казну подрядчики. В том же 1705 г. была взята в казну продажа табака, вслед за тем в 1707 г. к казенным товарам были отнесены деготь, мел, рыбий жир, ворванное и квашенное сало, в 1709 г. — к ним добавлена была щетина. К «заповедным» товарам принадлежали также смола, поташ, ревень, клей и другие товары.

Но когда война стала приближаться к концу, были отменены почти все стеснительные для частной торговли ограничения. В 1719 г., «милосердуя к купечеству Российского государства», правительство указало «казенным товарам быть только двум: поташу и смольчугу (и то для бережения лесов), а прочие товары, которые продаваны были из казны, уволить торговлею в народ, токмо с прибавочною (сверх обыкновенной) пошлиною...»[1]

Торговля этого времени отличается также большими колебаниями в ценах на товары и общим ростом цен[2]. За первую четверть XVIII в.

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3428, стр. 734.

[2] Подробнее см. главу III, § 6 «Финансовая реформа и государственный бюджет».

цены увеличились приблизительно в два раза [1]. О том, как страдало население от роста цен; свидетельствуют сведения о колебаниях цен на хлеб. В задачах «Арифметики» Л. Ф. Магницкого цены на рожь колеблются от 96 коп. до 46 коп. за четверть, в среднем цена на рожь равнялась 71 коп. Между тем в голодный 1704 г. четверть ржи покупалась за 1 руб. 50 коп. и 1 руб. 80 коп., то есть вдвое выше. Насколько эта цена была высока, видно из того, что в 1704 г. был издан указ, запрещавший вывоз хлеба за границу, если в Московском уезде цена его поднимется выше рубля [2].

Двадцатые годы XVIII в. отличались неурожаями, и цены на хлеб сильно поднялись. В голодный 1723 г. рожь в Москве поднялась в цене в октябре-декабре до 1 руб. 75 коп. — 2 руб. за четверть (по данным таможенных книг), а пшеница стоила 2 руб. 36 коп.— 2 руб. 78 коп. Между тем пять лет спустя, осенью 1728 г. цена ржи составила 88 коп. за четверть, а пшеница стоила 1 руб. 52 коп. Резкие колебания и общий подъем цен больно ударяли по потребителям, по народной массе. За счет роста цен усиливалась эксплуатация купечеством покупательской массы, обострялись классовые противоречия.

Рост внутренней торговли шел в значительной мере за счет усиления торговых связей между народами, населявшими Россию. Укреплялся и расширялся товарооборот между великорусским центром и Украиной, происходивший преимущественно через Курск, Севск, Брянск и Свинскую ярмарку. В эти пункты направлялись русские купцы с товарами, предназначенными для украинского рынка, сюда же шел встречный поток товаров из «малороссийских городов». Торговая политика того времени была направлена к усилению экономических связей Украины с Россией. Правительство издавало распоряжения везти украинскую селитру только в Россию, так же как украинские пеньку, кожу, сало, поташ, воск разрешалось вывозить лишь в русские порты. Для освещения русско-украинских торговых связей остановимся на материале Курской таможни.

В 1720 г. через Курск прошло 1159 партии товаров. Русские купцы доставляли в Курск для отвоза в украинские города большое количество пушнины (белки, заячины и др.), но особенно следует отметить поступление на украинский рынок изделий ремесла и русских мануфактур: холста, крашенины, железа и изделий из него — кот-

[1] По подсчетам В. О. Ключевского, рубль первой четверти XVIII в. соответствовал 9 руб. конца XIX в., тогда как рубль XVII в. равнялся 17 руб. конца XIX в., то есть согласно этим расчетам, основанным на изменениях хлебных цен, цены возросли почти в два раза в первой четверти XVIII в. по сравнению с началом XVII в. *В. О. Ключевский.* Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Сб. «Опыты и исследования». М., 1912, стр. 198—203.

[2] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 201—202.

лов и т. п.[1] Кроме того, на украинский рынок направлялись из Москвы и других русских городов галантерея, зеркала, ножи и т. п.

Из Украины шли на север, в русские города, преимущественно скот, продукты животноводства, шерсть и кожа и частью транзитные восточные товары, а также селитра, отправляемая в Москву «на пороховое дело» для Приказа артиллерии[2]. Таким образом, из Украины шло сырье для ряда заводов, расположенных в Москве и в окрестностях ее[3].

Эти данные свидетельствуют о процессе включения украинского рынка в систему складывавшегося всероссийского рынка на основе общественного разделения труда между различными частями страны и народами, ее населяющими.

Торговые связи между различными народами России прослеживаются также на торговле Москвы и в оборотах Макарьевской ярмарки. Так, в 1720 г. на Макарьевскую ярмарку приезжали казанские и астраханские татары, привозившие мерлушку и другие меха, скупленные у башкир и калмыков, татарские и армянские купцы (14 армянских купцов) привезли шелк и восточные ткани из Шемахи. Ведущая роль в торговле принадлежала крупному купечеству, в особенности столичному.

В торговле на Макарьевской ярмарке также выделялись крупные купцы, нередко переходившие в это время от торговли к крупной промышленности. Выдающимся коммерсантом был, например, казанский купец гостиной сотни Иван Микляев. На Макарьевскую ярмарку в 1720 г. он доставил четыре партии товаров, из которых наиболее крупная включала большое количество шелка-сырца, восточных бумажных тканей и кружев, закупленных в Астрахани, а также медь в котлах и другие товары, завезенные на ярмарку из Архангельска. Сверх того им было привезено много пушнины, полученной, как отмечено в таможенных документах, путем «уездной покупки», то есть посредством скупки на местах. Микляев продал на Макарьевской ярмарке лишь часть завезенного товара. Из оставшейся непроданной части он отослал бумажные ткани в Казань, а шелк-сырец — в Москву; непроданную на ярмарке часть пушнины и восточных тканей Микляев отправил на Свинскую ярмарку. В торговых операциях этого казанского купца большое место занимала скупка товаров на местах (на севере и в других районах), покупка иностранных товаров в Архангельске и Астрахани; он отправлял товары на Макарьевскую ярмарку, в Москву, Казань и на Свинскую ярмарку. Вскоре Микляев перешел к крупной промышленности, стал компанейщиком полотняной мануфактуры в Москве и владельцем суконной мануфактуры в Казани, переданной ему из казны.

---

[1] ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, книги таможенные, вязка 11, кн. 37.

[2] Селитренное производство имелось в Киевской губернии и в Путивле.

[3] *Б. Б. Кафенгауз*. Экономические связи Украины и России. Сб. «Воссоединение Украины с Россией» М., 1954, стр. 421 и сл.

Также значительное место в оборотах Макарьевской ярмарки за 1720 г. принадлежало вязниковцу И. Рукавишникову, казанскому купцу Б. Пушникову и «санкт-петербургскому жителю» В. Щеголину. Подобно казанцу Микляеву, они вели торговлю разнообразными товарами и подобно ему переходили от торговли к крупному производству. Упомянутые купцы вошли в том же 1720 г. в состав компании, которой было передано из казны одно из наиболее значительных предприятий того времени — московский Суконный двор[1].

В строительстве мануфактур участвовало не только крупное купечество, но и богатая верхушка ремесленников и крестьян; например, тульский кузнец и поставщик оружия в казну Никита Демидов построил сперва завод под Тулой и затем получил казенный Невьянский завод на Урале и развернул там широкое промышленное строительство. Примером среднего предпринимателя, не всегда удачливого, может служить публицист И. Посошков, принадлежавший к семье серебряников из крестьян дворцового подмосковного села Покровского. Он был денежным мастером и состоял на казенной службе по винокуренному делу, брал на откуп таможенные сборы, наконец, приобрел деревню с крепостными крестьянами. Наряду с этим он занимался промышленными предприятиями; ему принадлежал винокуренный завод, он имел серный прииск, искал нефть и земляные краски и к концу жизни просил разрешение на открытие мелкой текстильной мануфактуры в Новгороде, которая, вероятно, была заведена после смерти публициста его сыном.

Об активном участии крестьянской верхушки в торговле и промышленности рассказывает тот же наблюдательный современник. В хорошо знакомом Посошкову Новгородском уезде, по его словам, «крестьян, кои торгуют, будет сто-другое... есть такие богачи, что сот по пяти-шти имеют у себя торгу...»[2] Крестьяне не ограничивались участием в хлебной торговле, а проникали в другие отрасли. Некоторые крестьяне, занимавшиеся торговлей, уже в XVII в. продавали товаров на тысячи рублей, выступали крупными подрядчиками, перевозили различные товары за сотни и тысячи верст[3]. Об «обидах и помешательствах», которые причиняет городскому купечеству конкуренция со стороны крестьян, писали, кроме Посошкова, авторы проектов, фискал Алексей Нестеров и Иван Филиппов. Не ограничиваясь заведением лавок в городах и торговлей на ярмарках и торжках, крестьяне брали подряды на поставку товаров в казну, которые значительно увеличились в связи с войной и проводившимися в стране реформами. Численно возросшая

---

[1] «Московский суконный двор». «Крепостная мануфактура в России», ч. V. Л., 1934, № 2, стр. 3.

[2] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 117—118.

[3] Текст до стр. 140 написан А. Л. Шапиро.

и реорганизованная армия довольствовалась провиантом и фуражом не только за счет натуральных поставок населения и реквизиций. Большую роль в ее снабжении играли закупки, производившиеся различными правительственными учреждениями; имеются сведения о подрядах на сотни тысяч пудов муки и крупы и десятки тысяч пудов мяса и ветчины «в полковые расходы». В числе таких поставщиков были и крестьяне; так, в петербургскую артиллерийскую контору крестьяне-подрядчики поставляли сено, овес, сало, муку, полушубки, холст, пеньку, деготь, колесную мазь, телеги, кирпич, железо, уголь[1]. В Приказ воинского морского флота и другие военно-морские учреждения крестьяне поставляли «корабельное и галерное гвоздье» и холст для парусов. Крестьяне-подрядчики снабжали мануфактуры строительными материалами, углем, дровами и различными видами сырья. В связи с перенесением столицы на Неву, здесь особенно усиливается строительная горячка. Каменные дворянские дома в новой столице нередко строили крестьяне-подрядчики «своим товаром» и «своими наймитами работными людьми». Среди подрядчиков были помещичьи, монастырские и дворцовые крестьяне нечерноземных уездов. Большинство этих подрядчиков принимало обязательства на мелкие поставки, но среди поставщиков артиллерийского ведомства, как и среди поставщиков, бравших подряды в Сенате, встречаются отдельные крестьяне, капитал которых исчислялся тысячами рублей[2].

Торговля крестьян приводила к борьбе между ними и городским купечеством. С этим связано было и обострение противоречий между купечеством и дворянством, так как за спиной торгующих крестьян нередко стояли их владельцы-помещики, повышавшие оброк с богатевших крестьян. Крестьяне, которым в отдельных случаях удавалось стать обладателями значительных денежных сумм, обычно не вкладывали их в производство, а оставляли в сфере торговли и ростовщичества, где помещику труднее было их учесть и экспроприировать. Феодальная рента продолжала носить характер «...нормальной формы прибавочной стоимости...»[3], поглощая почти целиком прибавочный продукт крестьянина. Помещик следовал правилу: «крестьянину не давай обрости, но стриги ево яко овцу до гола»[4]. Можно привести немало фактов, подтверждающих эти слова Посошкова; так, новгородский помещик Лихарев, «уведав торг и богатство» своего крестьянина, насильно взял у него 50 руб., лошадь и «судно-водовик», а самого крестьянина сковал и

---

[1] «Доклады и приговоры Сената», т. III, кн. 1. СПб., 1887, стр. 25; т. III, кн. 2. СПб., 1885, стр. 764—765, 880; т. VI, кн. 1. СПб., 1901, стр. 26 и др.

[2] Архив Военно-исторического артиллерийского музея в Ленинграде, ф. ШГФ, связки №№ 1, 18, 19, 22, 23, 47, 48, 49, 64.

[3] *К. Маркс.* Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 811.

[4] *И. Т. Посошков.* Указ. соч., стр. 177.

заточил в вотчинную тюрьму[1]. Однако, разоряя богатого крестьянина, помещик резал курицу, несущую золотые яйца, и нельзя сказать, что помещики этого не понимали. Вдова боярина Шереметева, например, требовала от своих приказчиков, чтобы они берегли «крестьян больших тягол», являвшихся «добрыми плательщиками». Но сама Шереметева, как и многие другие помещики, с такой жестокостью правила подати, что «добрые плательщики» сплошь и рядом оказывались разоренными дотла[2].

Помещик, владевший крестьянами-торговцами, был заинтересован в том, чтобы они брали подряды и вступали в торговые сделки только с санкции вотчинных властей, чтобы ни одна операция торгующих крестьян не ускользнула от обложения и контроля владельцев. Помещик с опаской смотрел на запись крестьян в посад, ибо такая запись могла ослабить вотчинную власть над ними. Наконец, дворянин, имевший крестьян-торговцев, был заинтересован в том, чтобы им не запрещали торговать в городах и чтобы с них брали меньше торговых пошлин, ибо чем менее казна облагала крестьянский торг, тем сильнее можно было его обложить помещику.

Иначе, чем помещики, реагировали на развитие крестьянской торговли купцы. В начале XVIII в. они также настоятельно добивались ограждения от конкуренции крестьян, как и в середине XVII в. Как и тогда, они готовы были согласиться на разрешение крестьянам торговли лишь при условии участия крестьян в посадском тягле и подчинения их посадским властям. В отношении крестьянской торговли и крестьянских подрядов правительство проявило некоторые колебания. В 1699 и 1700 гг. в соответствии с просьбами купечества было велено крестьянам, торгующим по городам в лавках и в отъезд, записаться в посад и нести городское тягло вместе с купечеством, а тем крестьянам, которых Ратуша не найдет нужным записывать в посад, приказано было в городах «никакими торгами никогда не торговать, и промыслов никаких не держать, и в лавках не сидеть, а жить им за помещики». Но указы 1699 и 1700 гг. содержали много неясностей. В них не говорилось, имел ли крестьянин право записываться в посад без разрешения помещика и каковы должны быть отношения между ними после записи. На практике были случаи, когда записанные в посад крестьяне выполняли вотчинные повинности, и, наоборот, случаи, когда они уклонялись от всяких повинностей в пользу помещика. Нередко вотчинникам отказывали в исках о возвращении записанных в посады крестьян, но все зависело от степени влиятельности помещика, и были случаи, когда такие иски удовлетворялись.

---

[1] Библиотека им. В. И. Ленина, отд. рукописей, собрание И. Д. Беляева, № 1642, д. № 8, л. 1; д. № 9, л. 1; ОДРиА, ф. Меншикова, карт. 11, № 222.

[2] ЦГИАЛ, ф. Шереметева, кор. 390, дело на 60 л., лл. 6—7.

Отношение правительства к крестьянской торговле в дальнейшем подвергается некоторым изменениям. 1 октября 1711 г. крестьяне и другие «иночинцы», не записанные в посад, получили право торговать в городах, они должны были помогать посадским людям в платеже «всех обыкновенных пошлин». В 1714 г. было разъяснено, что крестьяне, торгующие в городах, не подлежали весьма обременительным слободским службам[1]. Сенат издал указ о разрешении «всякого чина людям... имать всякие откупы и подряды с торга». Указы эти свидетельствуют о возрастании крестьянского торгового предпринимательства. Правительство считало необходимым, хотя бы отчасти, ослабить путы, сковывавшие крестьянскую торговлю, для того чтобы облегчить правительственные закупки, необходимые для армии, строительства мануфактур и т. п.

Предоставляя несколько большую возможность для торговли крестьян, правительство, конечно, не имело в виду освобождать их от крепостной зависимости. В 1714 г. был издан указ, согласно которому всем крестьянам, торгующим в Москве и других городах, велено «всякие помещиковы доходы платить в равенстве с своею братиею крестьяны»[2].

Однако, под влиянием требований купечества, правительство стало отходить в начале 30-х годов XVIII в. от того курса торговой политики, которого оно держалось в 1711 и последующих годах. После создания Главного магистрата, лицам, не записанным в посад, вновь запрещено было держать лавки в городах, а в 1723 г. было разрешено принимать в посад только тех крестьян, которые имели торгу на 300—500 руб.[3] Одновременно подтверждено было требование обязательной уплаты записанными в посад крестьянами обычных владельческих повинностей[4]. Вопрос о записи крестьян-торговцев в посад был, таким образом, решен в духе компромисса между интересами помещиков и купечества. Крестьян-торговцев обязали отбывать как все посадские, так и «обычные» вотчинные повинности. Опасаясь, что помещики не будут разрешать своим крестьянам записываться в посад, законодатель не требовал помещичьего согласия на такую запись[5]. Но высокий имущественный ценз, установленный для записывающихся в посад, позволял лишь немногим крестьянам легализовать свою торговлю в городах, у остальных же запечатывали лавки, и крестьяне жаловались на запрещение

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1666, стр. 530—531; № 1723, стр. 671—672; т. IV, № 1775, стр. 18—19; № 2327, стр. 642; № 2433, стр. 743; т. V, № 2770, стр. 81.

[2] Там же, т. IV, № 2349, стр. 663; т. V, № 2770, стр. 81.

[3] Ценз в 300 руб. был установлен только для крестьян, занимавшихся подвозом товаров к петербургскому порту. Все остальные крестьяне, чтобы записаться в посад, должны были иметь торг в 500 руб.

[4] ПСЗ, т. VII, № 4312, стр. 122—123.

[5] В этом отношении богатые крестьяне-торговцы были в более привилегированном положении, чем крестьяне-ремесленники, которым не разрешалось записываться в цехи без позволения помещика. ПСЗ, т. VI, № 3980, стр. 664—665.

торговых дел, которые «в прошедших годах» они вели «невозбранно»[1].

Колебания в политике, касающейся крестьянской торговли, показывают, что правительство понимало, каким препятствием для развития внутреннего рынка являются различные ограничения торговли. Но, стремясь удовлетворить сословные притязания дворян и купечества, оно не пошло по пути решительной ликвидации этих ограничений. Изложенные указы вместе с тем свидетельствуют о возросшей роли в торговле отдельных крестьян, наживавшихся на подрядах, скупке хлеба, изделий крестьянской промышленности и т. п. Происходило расслоение крестьянства, выделение группы крестьян, занятых торгами и мелкотоварным производством, то есть шел процесс первоначального накопления.

* * *

Внешняя торговля была тесно связана с задачей обеспечения экономической независимости и с проблемами внешней политики страны. В XVII в. развитию внешней торговли препятствовало отсутствие удобных морских портов. Далекий от центра страны Архангельск на Белом море был удален также от мировых океанских торговых путей того времени. В русской внешней торговле, вследствие отсутствия собственного морского флота и слабости русского купечества, господствовали иностранные торговцы. Русское правительство в торговых сношениях с передовыми западноевропейскими странами стремилось не допускать монополии для купцов одной нации, обеспечивая конкуренцию их между собой. Новоторговым уставом 1667 г. иноземцы были обложены более высокой пошлиной, нежели русские купцы. Во внешнеторговом обороте России с Западной Европой в XVII в. наибольшее значение имели вывоз из России сельскохозяйственного сырья (лен, конопля, кожи) и пушнины и привоз промышленных изделий, как лучшие сорта железа, цветные металлы, оружие, сукна.

Русское правительство с конца XVII и в начале XVIII в. ставит своей задачей решительное изменение условий, в которых протекала русская внешняя торговля. Приобретение гаваней на Балтийском море, развитие собственной крупной промышленности, новые организационные формы торговли в виде компаний, протекционистская таможенная политика должны были поднять русскую внешнюю торговлю на более высокую ступень. Вопросы внешней торговли остро ставились в публицистике того времени. О них писал Ф. Салтыков в своих записках, посылавшихся им из Лондона Петру I; заводчик Д. Воронов также, будучи за границей, писал царю о мерах, необходимых для развития торговли. Наконец, И. Т. Посошков в «Книге о скудости и богатстве», с точки зре-

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 780.

ния интересов зарождавшейся буржуазии, подчеркивал значение торговли, особенно внешней. Он настаивал на мерах по усилению вывоза русских товаров, в том числе готовых изделий, на сокращении вывоза промышленного сырья (льна), а также говорил о необходимости полного прекращения привоза предметов роскоши и тех товаров, которые уже производились на русских мануфактурах. При этом Посошков имел в виду достижение благоприятного торгового баланса. Русское купечество, по его мнению, должно объединиться в торговую компанию и его следует поставить в более выгодные условия при торговле с иноземцами, торговля должна вестись под опекой и руководством правительства.

Еще в 1693 — 1694 гг. во время двукратной поездки Петра и его ближайших сотрудников в Архангельск обсуждались вопросы внешней торговли и мореплавания. Петр осматривал корабельную верфь купцов Бажениных, распорядился о постройке русских кораблей в Архангельске и за границей и сам выходил в море. По словам местного историка В. Крестинина, Петр знакомился в Архангельске с «коммерческой практикой торговых людей»[1].

Война с Турцией в 1695—1696 г. должна была дать России выход к Черному морю. После взятия Азова начаты были работы по прорытию канала, соединяющего Волгу с Доном. На Карловицком конгрессе с турками в 1698 г. в связи с обсуждением мирного договора были подняты и вопросы торговли; в этот договор была включена статья о свободе торговых сношений морем и сухим путем: турецким купцам гарантировалась беспрепятственная торговля в пограничных и внутренних городах, в Азове, Киеве и Москве, а русским купцам обеспечивался приезд в Кафу, Синоп, Константинополь. В последующих мирных переговорах в Константинополе вновь обсуждались вопросы торговли, русские представители добивались свободного плавания для русских торговых кораблей через Черное море. Но они встретили решительный отпор турок, заявивших, что плавание иностранных кораблей по Черному морю будет свободно лишь тогда, «когда Турское государство падет и вверх ногами обратится»[2].

В Северной войне была поставлена задача возвращения России берегов Балтийского моря. С основания Петербурга в мае 1703 г. началась русская торговля на Балтийском море. В ноябре 1703 г. в устье Невы вошло первое голландское судно с вином и солью. Капитан этого судна был награжден 500 червонцами, а матросы получили по 300 ефимков[3]. Прорытие Вышневолоцкого канала и затем начало работ по Ладожскому каналу должны были способствовать подвозу товаров к новому порту.

---

[1] *В. Крестинин.* Исторический опыт о внешней торговле... Петра Великого. «Месяцослов исторический и географический на 1795 г.», СПб , 1795, стр. 23.

[2] *М. М. Богословский.* Петр I, т. V. М., 1948, стр. 153.

[3] «Ведомости времени Петра Великого», вып. 1. М., 1903, стр. 95.

Правительство стремилось перевести внешнюю торговлю с привычного пути через Архангельск на новый, более короткий путь через Петербург. Это делалось явно в интересах купечества, однако предпринятые крутые меры вызвали нарекания и просьбы об их отмене со стороны купцов, своих и заграничных, и возражения ближайших сотрудников Петра. В 1713 г. было приказано юфть и пеньку на экспорт везти из Москвы и ряда других губерний только в Петербург, в следующем году это правило распространено было на купцов всех губерний. В 1716 г. последовало новое распоряжение — впредь $^1/_6$ всех экспортных товаров приказано было везти в Петербург, а половину — в Архангельск. Эта обязательная для новой столицы доля не раз колебалась; в 1718 г. она составляла $^2/_3$, а затем была понижена—именно в 1719 г. было установлено, что $^1/_3$ всех грузов, направлявшихся за границу, должна идти к Петербургу[1]. Несмотря на все эти меры, Архангельск не сразу уступил Петербургу свое место во внешнеторговых оборотах страны. Полуторавековая первенствующая роль Архангельска во внешней торговле, а также страх перед шведскими пиратами, действовавшими по прямому наущению Стокгольма, препятствовали развитию балтийской торговли. На первых порах применялось насильственное переселение архангелогородских купцов в новую столицу. Вопрос — Петербург или Архангельск — был решен в пользу «парадиза» на Балтийском море только после 1719 г. Вывоз из петербургского порта в 1717—1719 гг. составил 268,6 тыс. руб., а ввоз 218 тыс. руб., тогда как соответствующие цифры для архангельского порта составляли 2 344 тыс. руб. вывоза и 597,6 тыс. руб. ввоза. Но к 1726 г. это соотношение коренным образом изменилось: в этом году экспорт из Архангельска составлял 285 тыс. руб., а импорт—36 тыс. руб., через петербургский же порт было вывезено товаров на 2 403 тыс. руб. и ввезено на 1550 тыс. руб. Петербург по торговым оборотам занял первое место в стране, оставив далеко позади Архангельск. Но даже после того, как Петербург занял первенствующее положение во внешней торговле, применялись дополнительные меры для закрепления этого положения. В этих целях в тарифе 1724 г. была установлена повышенная пошлина на товары, шедшие через Архангельск, в размере 25% сверх основной пошлины.

О возраставшем значении петербургского порта свидетельствуют данные о количестве посещавших новый порт кораблей. В 1714 г. в Петербург пришло 16 кораблей, а в 1724 г.— 180. Между тем число входивших в гавань Архангельска иностранных кораблей составляло: в 1701—1705 гг. в среднем 126, а в 1721—1725 гг. только 50 судов[2]. В 1726 г. экспорт по трем портам, Петербургу, Риге и Архангельску, оценивался в 4238

---

[1] *И. И. Любименко.* Торговля в Петербурге. Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 78.

[2] *И.М. Кулишер.* Очерк истории русской торговли, П., 1923, стр. 186.

тыс. руб., а импорт в 2 125 тыс. руб.[1] Внешнеторговый баланс, таким образом, был активным. Превышение вывоза над ввозом было достигнуто не только путем усиления вывоза сырья, но и в значительной мере посредством вывоза готовых продуктов. В состав экспорта входили наряду с сельскохозяйственным сырьем (лен, пенька, юфть, сало, лес, пушнина) также изделия новых мануфактур — железо и парусина. В немецком торговом справочнике Марпергера (1-е издание 1705 г., 2-е издание 1723 г.) указано, что через балтийские порты вывозили хлеб (52 тыс. ластов в год), лес (50 тыс. балок), льняную пряжу, льняное семя, коноплю, юфть и др.[2] Импорт состоял из напитков, сахара, кофе, шелковых и шерстяных тканей, красок, пряностей, стекла, цветных металлов и т. п., то есть главным образом из предметов потребления знати. Наряду с этим ввозились материалы, потребные для русской промышленности, например, красильные вещества, и предметы, необходимые для армии, как сукна.

Состав экспорта и импорта виден из следующих данных о торговле в 1726 г. через Петербург и Архангельск (вывоз на сумму 2 688,8 тыс. руб., ввоз на 1 585,5 тыс. руб.)[3]:

Вывоз:			Привоз:		
Пенька	494362	пуда	Напитки	141203	руб.
Лен	59424	«	Сахар	11339	«
Сало	49145	«	Кофе	494	пуда
Железо	55149	«	Шелковые товары	15464	руб.
Юфть	172009	«	Шерстяные «	662956	«
Шелк персидский	2192	куска	Бумажные «	28632	«
Льняные ткани	10319,3	тыс. арш.	Льняные «	935	«
Парусина	7747	кусков	Красильные вещества	275661	«

Кроме Петербурга, крупные внешнеторговые операции производились в таких портовых городах Балтики, как Рига, Нарва и Выборг. По Ништадтскому миру Россия приобрела 7 гаваней. И. К. Кирилов отметил «многий приход торговых кораблей» в Ригу, где в заморский отпуск поступали пенька, лен, поташ, смольчуг, хлеб, мачты и др. В Выборге заключались сделки преимущественно на лес, доски и смолу. Из Нарвы продавали за границу лес, а также лен, доставлявшийся из Псковской провинции[4]. Вместе с тем в интересах русского купечества запрещался привоз из Прибалтики во внутренние губернии некоторых товаров, как шелковых тканей и парчи, которыми разрешено было торговать лишь в

[1] *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1858 г., т. 3. СПб., 1859, стр. 23—25.

[2] *Н. Г. Маслаковец.* Немецкий торговый справочник-путеводитель начала XVIII века по России. Киев, 1914, стр. 19 (отд. оттиск из «Известий Киевского университета»).

[3] *А. Семенов.* Указ. соч., т. 3, стр. 23—25.

[4] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 1, стр. 56, 39, 37.

Риге и в других прибалтийских городах. Затруднялся вывоз леса, необходимого для русского флота, в неурожайные годы запрещался вывоз хлеба. Эти и ряд других мер приводили к некоторой торговой обособленности Лифляндии и Эстляндии[1].

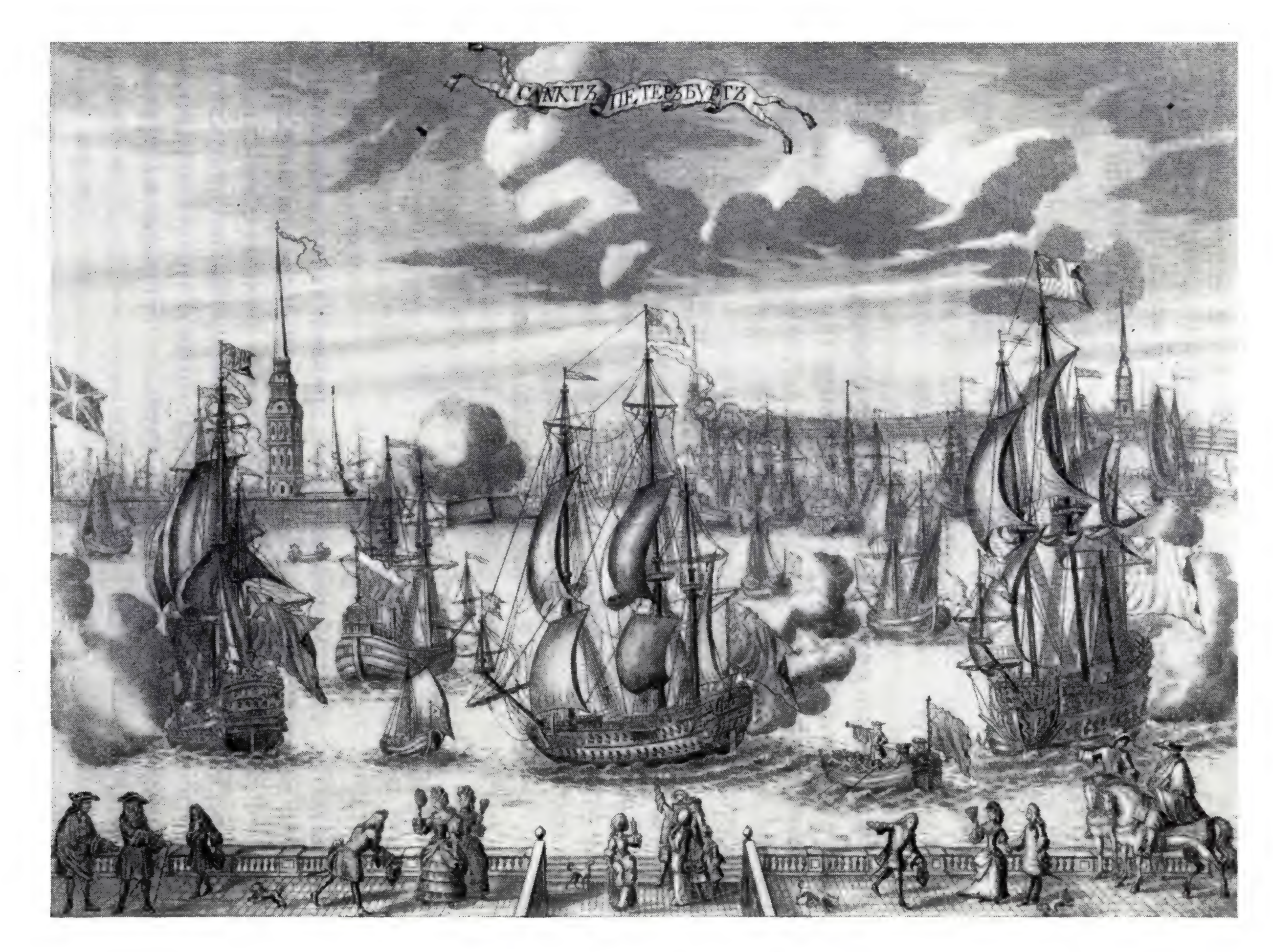
В русской внешней торговле большое место принадлежало сношениям с Англией и Голландией. Англия была весьма заинтересована в доставке английскому флоту предметов морского снабжения, привозимых из России, но этим не ограничились русско-английские торговые отношения. В 1698 г. был заключен контракт с англичанином Кармартеном на монопольный ввоз в Россию табака; английская компания обязалась ввозить определенное количество бочек табака и вносить в казну по 4 коп. с фунта. Русское правительство сделало затем ряд уступок этой английской компании и вместе с тем стремилось поставить у себя производство табачных изделий. Однако английский посол заставил уехать из России двух англичан—мастеров московской табачной мануфактуры и добился уничтожения ее оборудования, чтобы прекратить ее работу. Это надолго испортило русско-английские отношения. Все же в ответ на просьбы англичан русское правительство отменило ограничения, связанные с монополией отдельных купцов на вывоз из России смолы, и прекратило монополию на вывоз льна и пеньки, а также снизило пошлины с английских судов, приходивших в Архангельск. Правительство неоднократно предлагало договориться о торговле на Балтийском море, но Англия враждебно относилась к утверждению России на Балтике.

В 1713 г. было указано, чтобы русские купцы везли основные экспортные товары — пеньку, сало, юфть, поташ, смольчуг — только к Петербургу. Но шведский флот захватывал корабли на Балтийском море, и Карл XII издал «каперский устав» о конфискации всех судов, направлявшихся к балтийским портам. Английское адмиралтейство в связи с этим испытывало недостаток в снабжении флота необходимыми припасами.

Между тем позиция Англии в отношении России становилась все более враждебной по мере успехов русской армии и флота в войне со Швецией. Русско-английские отношения особенно обострились после разрыва Аландского конгресса и заключения Англией союза со Швецией. Однако, несмотря на прекращение дипломатических сношений, русское правительство щадило английских купцов, стремясь обеспечить необходимые условия для продолжения торговли. В 1719 и 1720 гг. было объявлено о позволении англичанам свободно торговать в России, что затруднило английскому правительству проведение враждебной кампании в Англии, направленной против России. В 1721 г. (21 января) Петр I издал декларацию, по которой английские купцы «были бы обнадежены и коммерцию свою отправляли без опасения». Однако враждебная позиция Англии и

---

[1] *Я. Я. Зутис.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937, стр. 35.

Набережная Петербурга со стороны реки Большой Невы. Гравюра А. Зубова. 1727 г.

посылка английской эскадры в Балтийское море не могли не повлиять на объем англо-русской торговли, особенно сократившейся после 1719 г. Английский вывоз из России составлял за пятилетие 1697—1701 гг. 494 тыс. ф. ст., в 1702—1706 гг.— 543 тыс. ф. ст., в 1707—1711 гг.— 758 тыс. ф. ст. и в 1712—1716 гг. составил 823 тыс. ф. ст.[1], но после этого происходит резкое снижение. Последующие колебания, связанные с политическими событиями, видны из следующих данных об английском вывозе из России:

1718 г.	—284 494 ф. ст.	1722 г.	—112 466 ф. ст.
1719	—140 549 » »	1723	—151 768 » »
1720	—169 932 » »	1724	—212 229 » »
1721	—156 258 » »	1725	—250 315 » »

Наиболее резкое снижение английского вывоза из России приходится на 1719—1723 гг., когда английское правительство порвало дипломатические отношения и посылало морской флот с враждебными целями в Балтийское море. Английский ввоз в Россию был значительно ниже, чем вывоз, Россия оказалась менее заинтересованной во ввозе из Англии, чем последняя во ввозе из России. Даже в 1719—1725 гг. английский вывоз из России оставался на высоком уровне, тогда как Россия резко снизила свой ввоз из Англии, и в 1725 г. русский ввоз был в 10 раз меньше вывоза в Англию. Это видно из следующих сведений об английском ввозе в Россию:

1715 г.	—105 113 ф. ст.	1721 г.	—95 179 ф. ст.
1716	—113 834 » »	1722	—54 733 » »
1717	—105 834 » »	1723	—56 696 » »
1718	— 79 625 » »	1724	—35 563 » »
1719	— 55 294 » »	1725	—24 847 » »
1720	— 92 229 » »		

Внимание русского правительства привлекала не только торговля с Западом, но и с Востоком. Еще в 1699 г., как отмечено выше, русский дипломат Е. И. Украинцев вел переговоры в Константинополе о праве русских торговых судов плавать по Черному морю, но получил решительный отказ. После Прутского похода, когда Россия возвратила Турции Азов, вопрос о плавании русских судов по Черному морю был снят с очереди. Для извлечения наибольших выгод из торговых сношений с Востоком предполагалось организовать компанию по торговле с Китаем—соответствующий указ был дан Сенату в 1711 г., прилагалось также немало усилий «персидский торг умножить». Правительство стремилось установить торговые отношения с Джунгарией и придавало большое значение казахским степям, видя в них путь на рынки Средней Азии и

[1] *Л. А. Никифоров.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, стр. 106.

Индии. Отправляя отряд Бековича в Хиву, Петр требовал разведать путь в Индию. Но привлечь русский купеческий капитал к торговле со странами Востока в сколько-нибудь заметной мере не удалось. Правда, в 1715 г. с Персией был заключен торговый договор, по которому русские купцы получили право свободно торговать в Персии, в частности, в неограниченном количестве закупать шелк; там было организовано русское консульство. Торговля с Персией и Закавказьем в основном находилась в руках армянских купцов. С ними было заключено специальное соглашение в 1711 г., по которому армянские купцы обязались продавать шелк в России или транспортировать его через Россию. За это они получили право монопольного торга шелком и ряд льгот в уплате пошлин. Привилегии армянских купцов, принятые в ответ на продажу армянскими купцами шелка в Турции, были уничтожены в 1719 г., но уже в 1720 г. эти привилегии были восстановлены. Торговля со странами Ближнего Востока шла через Астрахань. Здесь вели торг русское купечество, а также армяне, индусы, персы, бухарцы. Восточные купцы взамен проданного шелка покупали русские товары: пушнину, юфть и полотно[1]. В отдельные годы обороты астраханской торговли достигали весьма крупных размеров. Так, в 1716 г. было привезено в Астрахань бухарских и персидских товаров на 464 тыс. руб. В торговле с Китаем большое участие принимала казна; раз в два года русские караваны приходили в Китай. Обороты этой торговли непрерывно росли; в 1708 г. ценность отправленных в Китай товаров определялась в 47 тыс. руб., а в 1710 г. эта сумма достигла 200 тыс. руб. Но в 1722 г. отправка караванов была приостановлена в связи с возникшими с китайским правительством пограничными спорами.

Для достижения активного торгового баланса были приняты меры к установлению непосредственных связей русских купцов с заграницей, развитию собственного торгового флота, вывозу готовых изделий вместо сырья, что было связано с развитием мануфактур, применялась покровительственная таможенная политика. Она нашла свое наиболее яркое отражение в первом таможенном тарифе 1724 г. Этот тариф устанавливал различные пошлины на разные виды товаров вместо одинакового обложения почти всех товаров, практиковавшегося ранее в Русском государстве.

Тариф устанавливал для большинства импортных товаров пошлины в размере 37 $^1/_2$, 25 или 12 $^1/_2$ коп. с рубля. Однако пошлины взимались с иноземцев в иностранной валюте, «ефимками» (иохимсталерами), при этом курс ефимка принимался в 50 коп., тогда как рыночная цена его превышала рубль. В силу этого указанные ставки вырастали на деле до 75, 50 и 25%. При отнесении товара к той или другой группе тарифных ставок применялось следующее правило: если внутреннее производство данного товара равнялось $^1/_4$ привоза, то размер пошлины устанавливался

[1] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 2, стр. 26.

в 1/4 стоимости этого товара, если 1/2 привоза — то в размере 1/2 цены; в том случае когда внутреннее производство было выше 1/2 импорта, то пошлина устанавливалась в размере 3/4 ценности товара. Эта ставка, носившая по существу запретительный характер, распространялась на такие товары, как железо, иглы, парусина, скатерти, шелковые ткани и парча, поташ, купорос, крахмал, табачные трубки, которые уже производились в стране. Высокопокровительственная пошлина в 50% с цены была наложена на ввоз голландского полотна, бархата, золоченого серебра, карт, то есть на предметы роскоши. Умеренными покровительственными пошлинами в 25% были обложены шерстяные ткани (кроме сукон), полушелковые ткани, выделанные кожи, чулки.

Экспорт товаров из России облагался пошлиной фискального значения в 3% с цены. На некоторые товары, как на промышленное сырье, была наложена высокая пошлина[1], при этом преследовалась цель стимулировать внутреннее производство, переработку сырья внутри страны в готовые изделия. Так, невыделанные оленьи и лосевые кожи облагались вывозной пошлиной в размере 37,5% к объявленной цене, а выделанные — в 5%; пошлина на козлиные невыделанные кожи равнялась 37,5%, а на выделанные — 3%, на сапоги — 1%. Льняная пряжа облагалась пошлиной в 37%, а полотно — в 1%; шерсть была совсем запрещена к вывозу, так как русская суконная промышленность крайне нуждалась в сырье.

Для русских купцов пошлины понижались втрое, если они сами на русских судах везли товары за границу или оттуда в Россию. Не только пошлины взимались с иностранцев в иностранной валюте, но в тех же целях привлечения и удержания драгоценных металлов было объявлено, чтобы «тако ж и серебра всякого как в деле, так и лому... за рубеж отнюдь не отпускать»[2]. Казенные товары предписывалось продавать на иностранную валюту, «на тамошние серебрянные и золотые монеты». Таким образом, правительство ставило задачу привлечения денег в страну и затрудняло их вывоз.

Все это показывает, что внешнеторговая политика России была проникнута началами меркантилизма. Даже казенные заводы должны были обеспечивать не только нужды армии, но были рассчитаны также на экспорт своей продукции. В связи с выгодными ценами на железо Петр приказал в 1724 г. все казенное железо продавать за границу, и в инструкции начальнику уральских казенных заводов Геннину в 1725 г. предписывалось «сколько возможно тщиться» расширить вывоз «за море» уральского железа[3].

---

[1] ПСЗ, т. 45. Книга тарифов; *К. Н. Лодыженский*. История русского таможенного тарифа. СПб., 1886; *Е. В. Спиридонова*. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952, стр. 234—237.

[2] ПСЗ, т. V, № 2793, стр. 96.

[3] *Н. И. Павленко*. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 274

Внешняя торговля в значительной степени была монополизирована казной и приносила ей огромный доход. До 1714 г. постепенно расширялся круг казенных товаров, это были пенька, поташ, льняное семя, смола, смольчуг и, кроме того, юфть, деготь, меха, щетина, ревень, сало, икра, рыбий жир, корабельный лес. Часть этих товаров отдавалась на откуп виднейшим купцам, а также Меншикову. Для сбыта этих товаров за границу был назначен в Архангельск обер-комиссар Д. Соловьев, а в Амстердаме была устроена контора для их продажи. Но с 1719 г. монополия на эти товары была прекращена, за исключением поташа и смольчуга, остальные товары было разрешено «уволить торговлею в народ».

Непосредственные торговые связи стремились установить с теми странами, которые были богаты драгоценными металлами. Этим объясняются упорные попытки завязать торговые сношения с Испанией, которая еще оставалась богатой колониальной державой. В 1715 г. посланный во Францию «волонтер» Конон Зотов устанавливает связи с испанскими моряками и купцами. Сообщая в Петербург собранные им сведения о перспективах русско-испанской торговли, Зотов восклицает: «А пущее самое дело, что от сей торговли к нам также будут летать гишпанские пьястры, как и во Францию, от чего она так разбогатела»[1].

В Испанию был назначен русский резидент и консул. Для установления торговых сношений с Испанией 4 августа 1724 г. Петр подписал указ об учреждении компании русских купцов. Коммерц-коллегии поручалось заботиться о новой компании, «как мать над дитятем во всем, пока в совершенство придет». Три русских казенных корабля в 1725 г. были отправлены в Испанию с грузом купеческих и казенных товаров: полотном, уральским железом, пенькой и т. п. Их приняли там весьма любезно, и по распродаже товаров корабли с грузом вин отправились в том же году в обратный путь. Русские товары были посланы и в крупнейший итальянский торговый порт Ливорно. Осенью 1717 г. туда пошли из Архангельска два фрегата с казенной юфтью, а из Петербурга был отправлен военный корабль «Армонт» с грузом казенных товаров — воском, юфтью, смолой, железом. Эти попытки правительства взять в свои руки торговлю русскими товарами с Италией и Испанией остались единичными и больше не возобновлялись вплоть до 50-х годов XVIII в.

Таким образом, была поставлена задача достижения благоприятного торгового баланса путем расширения вывоза и некоторого ограничения ввоза; таможенные пошлины должны были охранять русскую промышленность от иностранной конкуренции; правительство руководило торговлей и промышленностью, применяя систему принуждения и опеки; принимались меры к привлечению драгоценных металлов в страну и ограничения их вывоза. Это соответствовало политике меркантилизма, которой были про-

---

[1] *Т. К. Крылова.* Отношения России и Испании в первой четверти XVIII в. Сб. «Культура Испании». М., 1940, стр. 339.

никнуты мероприятия русского правительства в его хозяйственной деятельности.

Рост внутренней и внешней торговли заставил приступить к улучшению торговых путей; впервые в России были проведены судоходные каналы. В связи с Азовскими походами начаты были работы по сооружению канала Волга-Дон посредством соединения реки Иловли, притока Дона, с рекой Камышенкой, притоком Волги, однако начавшаяся Северная война прервала это предприятие. Начаты были также работы по соединению верховьев Дона с бассейном Волги сооружением канала между озером Ивановским, из которого вытекает Дон, и рекою Шатью, притоком Упы, впадающей в Оку. Но возвращение Азова туркам после Прутского похода заставило забросить эти начинания.

Присоединение балтийского побережья и основание Петербурга вызвали работы по соединению Волги с Балтийским морем. Петербургский порт не был связан прямым водным путем с центральными районами страны; это не могло не задерживать роста его оборотов и значительно удорожало транспортировку грузов. Отсутствие прямого водного пути затрудняло и снабжение нового города необходимыми для его роста материалами и продуктами питания для населения. Связать Петербург и его порт с Волгой при помощи канала должна была Вышневолоцкая система. Эта система включала приток Волги реку Тверцу, Вышневолоцкий канал, реку Цну, озеро Мстино, реку Мсту. Через Мсту суда попадали в озеро Ильмень и далее по Волхову, Ладожскому озеру и Неве достигали Петербурга. Канал был создан в течение 1703—1708 гг. Однако судоходство по этому пути встретило ряд затруднений. Караван судов, вышедший из Казани весной 1711 г., лишь к осени дошел до Вышнего Волочка. Здесь он должен был остаться на зимовку и только в следующем 1712 г. прибыл в Петербург. Плавание по каналу затруднялось отсутствием водохранилищ, которые позволили бы поддерживать уровень воды, необходимый для свободного прохода судов. Только с 1720 г. под руководством новгородского купца Сердюкова развернулись работы по созданию водохранилища из вод Цны и Шлины. При прохождении судов встречались и другие трудности. Суда, шедшие через Вышневолоцкий канал, нередко терпели аварию на озере Ильмень и особенно в бурном Ладожском озере. В 1718 г. началось сооружение обводного канала от устья Волхова до истоков Невы. Ладожский канал длиной в 104 версты был окончен много позднее, в 1732 г.; что касается обводных каналов у озера Ильмень, то они были сооружены лишь в XIX в.

Благодаря системе каналов, тяжеловесные грузы, как уральское железо, перевозились по сплошному водному пути. С реки Чусовой караваны судов с железом спускались по Каме и затем шли Волгой, Тверцой и Вышневолоцким каналом, достигая Петербурга, или направлялись по Оке и Москве-реке к старой столице.

Были намечены и частью разработаны проекты ряда других каналов, осуществленные позднее — в XVIII—XIX вв., а некоторые лишь в наше время.

Ввиду порогов на реке Мсте, Петр приказал выяснить возможность соединения реки Тихвины и реки Сяси, впадающей в Ладожское озеро, с рекой Мологой — притоком Волги; было выбрано место будущего канала у озера Крупино. Таким образом, было намечено направление для будущей Тихвинской системы. По поручению правительства инженер Перри представил в 1710 г. проект канала между рекой Шексной и рекой Вычегдой, то есть соединения бассейна Волги с Балтийским морем через Белоозеро и Онежское озеро. Этот проект будущей Мариинской системы так же, как предыдущий, в то время не был осуществлен. В 1722 г. инженеру Геннину было поручено разработать проект канала для соединения Волги с рекою Москвой. Проектированная Генниным трасса через Яузу, Клязьму, Яхрому близка к направлению нынешнего канала имени Москвы. Но Геннин считал, что «сия работа будет зело велика», и проектировал сооружение 123 шлюзов (теперь имеется лишь семь шлюзов). Еще в 1702 г. Петр провел два небольших фрегата из Белого моря к Балтийскому, начиная с Сороки, через Выг-озеро в Онежское озеро и далее через Ладогу в Неву. Для перевозки судов волоком в олонецких лесах была прорублена просека[1]. Так был намечен путь, где лишь в наши дни, после Великой Октябрьской социалистической революции, проведен Беломорско-Балтийский канал.

Наличие рыночных отношений само по себе не изменяло господствовавшего в России феодального способа производства, так как товарное обращение способно обслуживать разнообразные общественно-экономические формации, как рабовладельческую, так феодальную и капиталистическую. К. Маркс отмечает, что «...развитие купеческого капитала влияет на производство таким образом, что все более придает ему характер производства ради меновой стоимости, все более превращает продукты в товары»[2].

Таким образом, процесс образования всероссийского рынка, начавшийся еще в XVII в., усилился в первой четверти XVIII в. Показательно в этом отношении развитие таких торговых центров, как Москва и Макарьевская ярмарка, притягивавших к себе купечество со всех концов страны, откуда товары расходились по всей территории. Рост торговли отражал развитие общественного разделения труда и усиление буржуазных отношений.

Торговые связи более развитого в промышленном отношении центра России с окраинами, населенными украинцами, карелами, башкирами, татарами и другими народами, способствовали развитию у них производи-

---

[1] «Красный Архив», 1937, № 6, стр. 138—147.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 339.

тельных сил. Внешняя торговля значительно выросла благодаря присоединению балтийских портов. Новые формы приняла покровительственная таможенная политика.

5

КРЕСТЬЯНЕ

Крестьянство составляло основную массу населения России, и его повседневная упорная и тяжкая работа имела решающее значение в подготовке и осуществлении реформ и военных побед. Освоение новых сельскохозяйственных районов, рост общественного разделения труда и складывание всероссийского рынка создали материальные условия для экономических и политических преобразований. А творческая изобретательность и трудовой опыт, приобретенные русскими людьми на пашне и в ремесленной мастерской еще в предшествующие века, позволили справиться с такими сложными задачами, как строительство новых мануфактур, городов, верфей, кораблей. Крестьянин, рекрутированный в армию и во флот, был главным героем сражений у Лесной и Полтавы, у Гангута и Гренгама.

Строительство нового мощного флота, сооружение городов, и прежде всего невской столицы, строительство портов, каналов и заводов производились главным образом трудом крестьян. Наконец, реформированное государственное управление и культурные учреждения, как и все вообще пребразования того времени, осуществлялись на средства, которые выколачивались из тех же крестьян.

По данным первой ревизии 1720-х годов, общая численность податного населения [1] России (без Украины, Эстляндии, Лифляндии и не положенных в подушный оклад народов Заволжья и Сибири) равнялась 5 570 458 чел. мужского пола. Из них на долю крестьян приходилось 5 401 042 души, или 96,9%, и на долю посадских людей лишь 169 426 душ, или 3,1% [2]. Это отнюдь не значит, что 96,9% податного населения России кормились только сельскохозяйственным трудом. Часть крестьян была занята неземледельческими промыслами, а некоторые из них даже вовсе порвали с сельским хозяйством. Но в условиях крепостнической системы запись крестьян-торговцев в посад была крайне затруднена, а выход их из-под власти поме-

---

[1] Дворянство и духовенство, как известно, не относились к податному населению.

[2] Численность податного населения России приводится по данным сенатской ведомости 1724 г. *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 476. К 1728 г., по более уточненным данным, значилось всего 5 655 953 души м. п., из них крестьян 5 472 516 душ м. п., посадских 183 437 душ м. п. *А. А. Кизеветтер.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 81.

щика или монастыря был еще, как правило, неосуществим. Процесс отделения промышленности от сельского хозяйства шел быстрее, чем процесс роста посадского населения, и ряд крепостных сел фактически превратились в промысловые поселки, хотя их население по своей сословной принадлежности оставалось крестьянским.

Как изменялась общая численность крестьянства, сказать трудно, хотя до ревизии 1720-х годов неоднократно производились подворные переписи податного населения. Дело в том, что переписи 1678, 1710 и 1715—1717 гг. по степени полноты далеко уступают ревизии и не дают итоговых данных, сопоставимых с только что приведенной цифрой численности крестьянского населения в 1720-х годах. В переписи 1710 г. была учтена весьма значительная убыль дворов сравнительно с 1678 г. По всей стране в целом эта убыль достигала 19,5%, а в ряде губерний (Архангелогородской, Петербургской и части Смоленской) она составляла 40—46%. Сокращение числа дворов помещичьих крестьян было еще выше, например, в Смоленском уезде оно достигало 52,7%. Прирост, отмеченный в Казанской и Сибирской губерниях и в незначительной степени в Киевской, не мог изменить общего итога[1]. Однако это отнюдь не позволяет говорить о действительной убыли населения, по крайней мере в подобных размерах. Сокращение учтенного населения отражает прежде всего значительное увеличение групп, не попавших по той или иной причине в переписи 1710-х годов. Помещики и приказчики, а также мирские старосты сводили по нескольку крестьянских хозяйств в один двор. Между тем это была еще перепись дворов, а не всего населения. А. Д. Меншиков в своих обширных имениях укрывал от государственного обложения целые села и деревни, в меньших масштабах то же самое проделывали и другие «высокие персоны». Это явление было отмечено тогдашними авторами проектов, подаваемых царю. Один из них, Иван Филиппов, обращаясь с доношением к Петру, писал, что переписчики «описывают крестьянские дворы не равно»: на дворцовых и патриарших землях они пишут в крестьянский двор по 10 и меньше человек, а в некоторых светских вотчинах по 20 и более человек[2].

Хотя в инструкции ландратам, производившим перепись, предупреждалось, «дабы никто не дерзал» сводить несколько дворов в один, но отписные

---

[1] Убыль числа дворов податного населения от 1678 к 1710 г. оказалась равной 19,5% (*П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 202). Клочков не соглашается с этой цифрой. Но и с цифрой, предложенной Клочковым (6,6% убыли), нельзя согласиться, так как при сопоставлении числа дворов он не учел, что в 1710 г. в перепись были включены некоторые категории населения, которые не учитывались в 1678 г. (*М. В. Клочков.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. 1. СПб., 1911, стр. 71—79).

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. «Записки историко-филологич. ф-та Санктпетерб. ун-та», ч. 42. СПб., 1897, приложение IV, стр. 61.

книги, составлявшиеся при конфискации имений, отметили немало крестьянских дворов с двумя-тремя избами. При этом семьи, проживавшие в одном и том же дворе, иногда не находились даже в родственных отношениях друг с другом.

В переписные книги 1710 г. часто не попадали крестьяне, переведенные помещиком из одного владения в другое, а также беглые крестьяне и прежде всего те из них, которые не успевали еще обзавестись на новом месте своим двором. Специальный указ, изданный в мае 1714 г., отмечал, что беглые крестьяне «не все... на Дон или в Сибирь ушли..., большая часть живут, ушед от своих помещиков, за иными помещиками...» Указ требует, чтобы при новой переписи учитывались все переселенцы, «хотя б за день до сего указу перешли куда жить...»[1] Однако и в перепись 1715—1717 гг. они попадали далеко не всегда. Крестьяне, отсутствовавшие в силу временного ухода на заработки, также иногда не учитывались переписью.

Авторы различных проектов, адресованных правительству, считали, что действительная численность податного населения значительно выше итогов переписей 1710-х годов и даже переписи 1678 г. Все это дает основание полагать, что переписи 1710-х годов отражали не столько убыль населения России, сколько его стремление уклониться от все возраставшего налогового бремени. В течение первой половины Северной войны, когда тяготы были особенно значительными, крестьянские побеги приобрели наиболее широкий размах.

К концу первой четверти XVIII в. население страны, как полагал М. В. Клочков посвятивший этому вопросу специальные работы, возросло. Во время производства первой ревизии было проведено сравнение полученных данных по 98 городам и уездам с итогами переписи XVII в. (1678). В них оказалось по ревизии 2 922 598 чел м. п. против 2 135 784 чел. м. п. в XVII в.[2] Поэтому тезис Милюкова о резком сокращении населения и чрезмерной убыли не может быть принят.

В первой четверти XVIII в., как и в XVII в., наиболее густонаселенной частью страны являлся московский центр. В пределах административного деления, установленного в начале XVIII в., в Московской губернии проживало 28,1% всего крестьянского населения (1 575 253 ревизские души).

Численность населения северо-западного и западного районов, которые прилегали к театрам войны и даже подвергались вражескому нашествию, отличалась резкими колебаниями. В Петербургской и Смоленской губерниях в 1710 г. была обнаружена значительная убыль дворов. После занятия русскими войсками Эстляндии, Лифляндии и Выборга плотность

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2807, стр. 104.

[2] *М. В. Клочков*. Очерки подушной переписи при Петре Великом. «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНПр), январь, 1915, стр. 150.

населения в губерниях, на территории которых происходили военные действия, несколько увеличилась. Ряд помещиков (А. Д. Меншиков, А. В. Кикин и др.) переводят в Ямбургский уезд крестьян из центра страны. Наблюдается прилив беглых и отходников в Петербург и прилегающие к новой столице уезды. По данным первой ревизии, крестьянское население северо-западного района (даже без учета беглых и отходников, проживавших в Петербурге) в 1720-х годах было сравнительно густым: в обширной Петербургской губернии проживало 15,8% всего крестьянского населения страны (885 340 душ м. п.).

На долю остальных восьми губерний (кроме Московской и Петербургской) приходилось около 56% крестьянского населения. Юг, а также Поволжье и Сибирь являлись районами наиболее интенсивной помещичьей и вольной крестьянской колонизации. В районе городов Орел, Елец, Белгород, Курск, Севск, Алексин, Брянск и др. в 1670—1680-х годах правительство усиленно раздавало земли помещикам. К концу XVII в. значительно возросли тамбовские владения Нарышкина и других крупных владельцев. На Украине расширялось землевладение украинских помещиков. До нас дошло немало известий о переселении помещиками своих крестьян в черноземные районы из других вотчин.

В то же время распространение помещичье-монастырского землевладения и рост владельческих и государственных повинностей приводили к усилению крестьянских побегов из Воронежского и Тамбовского уездов и Слободской Украины дальше на юг — на Хопер, Бузулук, Медведицу и Северный Донец[1].

Крестьяне бежали не только на Дон, но и в Поволжье. Многие из них занимались бурлацким промыслом, ловлей рыбы и добычей соли, работами на погрузке и разгрузке судов. Другие, несмотря на набеги Кубанской орды, осваивали новые земли на берегах реки Большой Черемшан и в районах Саратова и Царицына. После большого набега 1717 г., когда кубанцы дошли почти до Пензы, в 1718—1720 гг. была построена укрепленная черта между Царицыном и Доном. В результате к концу первой четверти XVIII в., по словам И. К. Кирилова, «не токмо прежнее жилье, но и в новых пустых местах селитьба умножается»[2].

В Сибирской губернии первая ревизия зарегистрировала 385 086 мужчин — крестьян всех возрастов (6,9% от крестьянского населения России). Для огромной территории Сибири это, конечно, небольшая цифра. Но следует отметить, что в конце XVII в. численность крестьян Сибири

---

[1] *А. А. Новосельский.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. «Исторические записки», кн. 4, 1938, стр. 21—40; *Н. С. Чаев.* Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., 1934, стр. 15—16, 33; «Дополнения к актам историческим», т. XII. СПб., 1872, стр. 124.

[2] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 2. М., 1831, стр. 29—30.

приближалась к числу служилых и превышала количество живших там торгово-промышленных людей. В южной части Тобольского разряда, где беглые оседали особенно густо, крестьян было уже во много раз больше, чем представителей других категорий русского населения и втрое больше сибирских народов. Большая часть пришлых в Сибирь крестьян, по данным конца XVII в., происходила из различных уездов Поморья. Вместе с тем, беглые крестьяне прибывали в Западную Сибирь и с территорий Верхнего и Среднего Поволжья и Прикамья[1]. Наиболее густо заселенной частью Украины были Черниговский, Киевский и другие северные ее районы. Но в первой четверти XVIII в. продолжается заселение и южных районов гетманской Украины, а также территории Слободской Украины.

Крестьянская колонизация имела большое народно-хозяйственное и культурное значение. Осваивая южные и восточные районы, крестьяне значительно увеличивали хлебные ресурсы страны. В Сибири русские крестьяне продолжали выполнять крупную цивилизующую роль распространителей земледельческой и ремесленной культуры. В то время как бюрократия, промышленные и торговые люди занимались выкачиванием из Сибири пушнины, подрывая часто самые основы промыслового хозяйства местного населения, крестьянство несло сюда производственные навыки и развивало здесь земледелие[2].

В начале XVIII в., так же как на более ранних этапах развития русского феодального общества, крестьянство делилось на различные разряды. Наиболее многочисленным из них был разряд крестьян, принадлежавших светским феодалам, или «помещичьи» крестьяне.

Другую многочисленную группу составляли крестьяне, принадлежавшие патриаршему дворцу, архиереям, монастырям и отдельным соборам и церквам. Несмотря на попытки ограничить церковное земле- и душевладение, которые предпринимались правительством в предшествующее время, оно продолжало увеличиваться. Духовенство, вопреки принимавшимся мерам, продолжало владеть громадными богатствами. По неполным данным на 1718 г., церковь владела около 25% всех крестьянских дворов России[3].

Дворцовых крестьян было значительно меньше, чем помещичьих и монастырских. По данным первой ревизии, их числилось 357 000 душ. м. п. Следует учитывать, что численность этого разряда крестьян постоянно менялась. Так, только в период 1682—1711 гг. было роздано 43 659 населенных дворов и свыше 506 тыс. дес. пахотной земли, принадлежавшей дворцовому ведомству. Одновременно, как об этом свидетельствуют отпис-

---

[1] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.— Л., 1946, стр. 45—56.

[2] Там же, стр. 226.

[3] *К. В. Сивков.* К истории землевладения в России в начале XVIII в. «Известия АН СССР. Отд-ние обществ. наук». Л., 1933, № 3, стр. 211.

ные книги, разряд дворцовых крестьян и земельный фонд дворцового ведомства пополнялись за счет имений, конфискованных у опальных помещиков.

Разряд государственных крестьян окончательно оформился в связи с военными и финансовыми преобразованиями, проводившимися в 20-х годах XVIII в. Вводя подушную подать, правительство обложило крестьян, «которые не за помещики», дополнительным подушным побором. «Сибирской губернии пашенные люди», черносошные крестьяне и половники северных губерний, ясашные татары, удмурты, чуваши, коми и мордва Поволжья и Приуралья, а также однодворцы должны были сверх общей для крестьян 74-копеечной подушной подати платить еще по 40 коп. с души, «вместо тех доходов, что платят дворцовые во Дворец, Синодскаго ведения в Синод, помещиковы помещикам...»[1] Крестьяне, платившие четырехгривенный оклад и находившиеся в феодальной зависимости не от частных светских или церковных владельцев, а от самодержавно-крепостнического государства, стали в конце петровского царствования именоваться государственными крестьянами[2].

По первой ревизии государственных крестьян числилось 1 049 287 душ м. п., что составляло 19,3% от всего крестьянского населения страны. Около половины государственных крестьян проживало в Сибирской, Казанской и Астраханской губерниях, 22% — в Архангельской, Нижегородской и Московской и 28% — в Киевской и Азовской.

Крестьяне, принадлежавшие светским и церковным владельцам, по своему положению были близки друг к другу. Но положение крестьян в немалой степени зависело от размеров земельных угодий феодала, от географического размещения его владений, от характера ренты и способа управления вотчинами.

Поскольку при барщинной системе крестьянский надел служил средством обеспечения помещика рабочими руками, часть пахотной земли должна была оставаться в пользовании крестьян; у них находилась также часть лесных угодий и лугов, необходимых для поддержания крестьянского хозяйства. Но размеры крестьянских наделов сильно колебались.

В Замосковном крае в 80-е годы XVII в. были поместья и вотчины со средним наделом в 12,8 дес. и в 1,8 дес. пахотной земли на душу мужского пола. В 1740-х годах В. Н. Татищев писал, что помещик, у которого «земли довольно», должен давать на каждое тягло (один взрослый мужчина и одна взрослая женщина) по 9 дес. пахотной земли. В случае же недостатка в земле, эта норма может быть сбавлена до 3 дес. и даже ниже, при этом в имениях с наделом более низким, чем 3 дес., следует

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4533, стр. 310—318; № 4536, стр. 329.

[2] *Н. М. Дружинин.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 1. М.—Л., 1946, стр. 24.

переводить крестьян на оброк[1]. О больших различиях в размере крестьянских наделов писал в 1720-х годах И. Т. Посошков[2].

Наделение помещичьих и монастырских крестьян землей и переверстка их земельных участков в небольших имениях осуществлялись самим феодалом или его приказчиком. В более крупных имениях в Великороссии мирская община принимала обычно участие в распределении и перераспределении надельной земли[3].

Имущественное расслоение и выделение из среды крестьян богатых торговцев и ростовщиков коснулось в меньшей степени помещичьих крестьян, чем крестьян дворцовых и государственных. В вотчинных документах этого времени мы находим противопоставление «первостатейных», «могущих» и «прожиточных» крестьян, с одной стороны, и «маломочных», «скудных», «убогих»—с другой. Но, как правило, под «первостатейными» понимались дворы, наделенные средствами производства, достаточными для поддержания крестьянского хозяйства и для отбывания всех повинностей, а под «маломочными» и «убогими» — дворы, не обладающие такими средствами.

В дошедших до нас подворных описях крестьянского имущества встречаются дворы с 8—10 лошадьми. Правда, в одном и том же дворе могло находиться по два-три хозяйства. Но, сопоставляя число лошадей с населением двора, легко заметить, что иногда тяглая сила превышала нормы, которые сами помещики считали обязательными для исправного отбывания повинностей и поддержания крестьянского хозяйства. Известны случаи, когда помещичьи крестьяне имели по 100 ульев. Можно отметить отдельные случаи применения наемного труда в хозяйстве помещичьих крестьян и аренду ими мельниц и других «оброчных статей». В условиях складывания всероссийского рынка подобные явления были вполне закономерны. Не случайно и то, что они сравнительно чаще отмечаются в источниках, относящихся ко второй половине Северной войны, когда военное напряжение несколько ослабело, вражеские войска были изгнаны с территории России и начали сказываться экономические последствия выхода к Балтийскому морю и строительства новых мануфактур и городов.

---

[1] *В. Н. Татищев.* Краткие экономические до деревни следующие заметки. «Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских», кн. 12, 1852, смесь, стр. 13. У Татищева речь идет о десятине размером в 3 200 кв. саж.

[2] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 178—183. Посошков считал необходимым, чтобы «целый двор», несущий обычное тягло, был наделен 6 дес. пахотной земли, но допускал и более высокий или меньший размер надела при условии повышения казенных и помещичьих повинностей.

[3] *А. Л. Шапиро.* Крестьянская община в крупных вотчинах первой половины XVIII в. «Ученые записки Саратовского Гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. 1 (XIV), 1939, стр. 49 и сл.

Усилившийся в эту пору процесс втягивания крестьянства в рыночные отношения не мог не приводить к появлению крестьян-богатеев. Но этот процесс протекал в начале XVIII в. еще очень медленно и постоянно наталкивался на значительные препятствия в помещичьих имениях.

Чем шире и многообразнее становилась хозяйственная деятельность крестьян, чем больше они связывались с рынком, чем чаще они уходили на отхожий промысел, тем сильнее помещики регламентировали крестьянское производство, крестьянскую жизнь и крестьянские передвижения. Владельцы стремились учесть и обложить каждую копейку крестьянского дохода, укрепить и расширить свою власть над крестьянами.

В качестве примера мелочной регламентации крестьянской жизни помещиком можно указать на имение А. Волынского. Крестьянин, чтобы отправиться даже на ближайший торжок, отстоявший не далее чем за десять верст от деревни, должен был накануне поездки явиться к десятскому и «объявить», зачем он едет и «что имеет продать». После этого десятский должен был испросить разрешение на поездку у приказчика. Последний же обязан был выделять для сопровождения крестьян на торжки специальных десятских, «дабы они (крестьяне.— *Ред.*) ничего без ведома десятских не покупали и не продавали» и «чтоб не лакомились по лабазням и не пили-б по кабакам...»[1] За «лакомство», как и за пьянство, приказчику предписывалось наказывать виновных в присутствии «знатных мужиков», чтобы никому не повадно было расходовать деньги на увеличение личного потребления, тогда как эти деньги должны были идти на увеличение доходов барина.

Перейдем к рассмотрению вопроса о владельческих повинностях помещичьих и церковных крестьян. Еще в XVII в. были случаи, когда вотчинники выгоняли крестьян и даже крестьянских детей на барщину «беспрестани», не оставляя для работы на своей «пашнишке» «ни по единому дню»[2]. Шестидневная барщина была, правда, редким явлением. В небольшом имении Посошкова на границе Новгородского и Кашинского уездов в 20-х годах XVIII в. применялась трехдневная барщина[3].

Уже в XVII в. тенденции к развитию барщинного хозяйства сильнее проявляются в районах, расположенных к югу от Москвы, а тенденции к развитию оброчной системы — на севере и северо-востоке от столицы[4].

---

[1] *А. Волынский.* Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях. «Памятники древней письменности», т. XV. СПб., 1861, стр. 6—8.

[2] Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников. Сб. «Старина и новизна», кн. X. М., 1905, стр. 382.

[3] См. письмо управляющего имением, племянника Посошкова. *Н. П. Павлов-Сильванский.* Соч., т. II, СПб., 1910, стр. 86; *Б. Б. Кафенгауз.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1951, стр. 191.

[4] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 343; *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.— Л., 1929, стр. 94.

Шереметевские вотчины, в которых в 1708 г. вовсе не собирался денежный оброк, лежали в Коломенском, Тульском, Ряжском, Чернском, Кромском и Рыльском уездах, а крупнейшие вотчины того же владельца, с которых взимался один оброк, находились в Ярославском и Ржевском уездах. Те же явления прослеживаются по хозяйственным документам монастырских вотчин.

Однако еще не было четкого разделения страны на оброчные и барщинные районы[1]. Различия между этими районами были налицо, но ни барщина на черноземном юге, ни оброк на севере и северо-востоке еще не заняли господствующего положения, хорошо выясненного по материалам второй половины XVIII в. и более позднего времени.

По данным отписных книг, составлявшихся при конфискации помещичьих имений, у 22 наиболее крупных помещиков, владевших в 55 уездах России 362 деревнями, считалось 3745 крестьянских дворов и 4137 задворных и деловых людей. Барщина в чистом виде отмечена в 95 владениях (26,2%) с 559 крестьянскими дворами (14,9%), чисто оброчными числилось 121 владение (33,4%), с 934 дворами (24,7%). Господствующей формой эксплуатации крестьян, охватывавшей 62,1% учтенных крестьянских дворов, была смешанная барщинно-оброчная система, в которой барщина сочеталась с натуральным и денежным оброком[2]. Владелец 25 деревень Г. Г. Скорняков-Писарев держал на барщине, соединенной с оброком, 70% принадлежавших ему крестьянских дворов. Князь М. П. Гагарин, самый крупный в изученной группе владельцев, больше половины своих деревень с 90% всех принадлежавших ему крестьянских дворов и задворных и деловых людей также держал на барщине и оброке, причем все они были расположены почти исключительно в черноземной полосе. Во владениях П. П. Шафирова, находившихся как в черноземной, так и в нечерноземной полосах, 78% крестьянских дворов находились на барщине, соединенной с оброком (Веневский, Каширский, Пензенский, Костромской, Московский уезды).

Оброк в чистом виде применялся преимущественно, но не исключительно в уездах нечерноземной полосы, где оброк отмечен в 14 уездах из 26, в черноземной полосе оброчные крестьяне зарегистрированы только в 4 уездах из 29.

При установлении оброчной системы помещик учитывал не только качество почвы, но и количество дворов; в малонаселенных деревнях он не считал для себя выгодным организовывать барщинное хозяйство. Поэтому на оброке оказались крестьяне двух деревень Болховского и Мценского уездов, в каждой из которых было по одному крестьянскому двору (владения В. А. Апухтина), крестьяне одной деревни с 20 дворами в Саранском

[1] Текст до 3 абзаца стр. 161 написан К. В. Сивковым.

[2] Доля имений со смешанной барщинно-оброчной системой фактически была еще выше, так как подводная повинность, работа на сенокосе и другие виды барщины не всегда упоминаются в отписных книгах.

уезде (владение князя Г. И. Волконского) и т. д. Учитывалась, конечно, также возможность реализовать на месте продукцию барщинного хозяйства и, наконец, трудность руководить хозяйством вдали от центра управления всеми владениями.

Барщина в чистом виде имела место главным образом в уездах черноземной полосы. К ним в виде исключения примыкал Московский уезд. В последнем барщинное хозяйство велось вследствие близости вотчин к столице, где жил барин, нуждавшийся в продовольствии и фураже для московского дома с его многочисленной дворней.

Очень обременительным видом барщины была подводная повинность, повсеместно отрывавшая от хозяйства множество рабочих рук и тягловой силы. В качестве примера можно привести имение Г. Г. Скорнякова-Писарева в Епифанском уезде. В нем было 26 дворов с 99 крестьянами и 9 деловыми людьми мужского пола, считая и детей. Три раза в год они должны были выставлять по 22 подводы и отвозить на них в Москву на барский двор «всякий запас»[1].

Натуральный оброк играл заметную роль не только в мелких поместьях, но и в хозяйстве крупных феодалов. Так, из большинства шереметевских вотчин поставлялись «про обиход» барского двора бараны, гуси, утки, куры, яйца, масло, орехи, грибы, вино, мед и другие «столовые запасы»[2].

Они почти неизменно фигурируют в перечнях повинностей в конфискованных вотчинах. В отдельных случаях «столовые запасы» взимались в весьма значительных размерах и, очевидно, предназначались не только «про обиход» господина, но и на продажу. В новгородских имениях А. В. Кикина собиралось в год по 552 барана, столько же уток и гусей, 4000 кур, 20 000 яиц.

Специализация сельского хозяйства находилась еще в зачаточном состоянии и слабо отражалась на составе натурального оброка. Можно отметить, что во владимирских, суздальских и некоторых других вотчинах сравнительно чаще и в бо́льших количествах вносился оброк льном и холстом. В составе оброка, который взимался с крестьян шереметевского села Вощажникова, лежавшего в районе, славившемся огородничеством, немалую роль играли различные овощи[3]. Кое-где в состав натурального оброка входила пшеница. Но в общем натуральные оброки в подавляющем большинстве помещичьих и церковных вотчин были однообразны и состояли из мяса, баранов, птицы, масла, холста.

---

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства». М., 1951, № 79, стр. 86—87.

[2] *К. Н. Щепетов.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). «Труды Останкинского дворца-музея», т. II. М., 1947, стр. 286—287.

[3] «Архив села Вощажникова», вып. 1. М., 1901, стр. 18—19; 24—25, 38, 44, 52, 130—131.

Начавшийся еще в предшествующее время перевод натурального оброка на деньги продолжался и в XVIII в. В документах монастырских вотчин часто упоминаются денежные сборы «за столовые запасы» и за «конюшенные припасы», за баранов, масло коровье, яйца, пеньку, холст и т. п.[1]

Перевод натуральных оброков на деньги ускорялся некоторыми условиями того времени. Такой перевод широко практиковался при проведении монастырской реформы и конфискации государством части церковных вотчинных доходов. Натуральный оброк переводился иногда на деньги в связи с переездом дворян в Петербург, так как доставлять сюда хлеб, мясо, масло, яйца или живую птицу из дальних вотчин было очень трудно. Денежный побор «за провоз санкт-петербургского хлеба» встречается, например, в шереметевских вотчинах[2]. Но основной предпосылкой постепенного перевода натуральных оброков на деньги было, конечно, общее развитие промышленности, товарного производства и денежного обращения в стране.

Характерным показателем роста связей крестьянского хозяйства с рынком являлись случаи, когда крестьяне сами заменяли натуральные оброки и «работизны» денежными сборами. Вместо того чтобы отвозить барину или казне хлеб, фураж, «столовые запасы», они нередко платили деньги подрядчикам, бравшим на себя поставку этих продуктов к месту назначения. Некоторые крестьяне или целые общины нанимали за деньги посторонних людей и посылали их на государево или барское «дело» вместо того, чтобы выполнять эту работу самим.

Если вспомнить, что в 1710-х годах правительство также стало на путь замены натуральных поборов и мобилизаций денежными налогами, то следует сделать вывод о возрастании в это время роли денежной ренты и денежных государственных повинностей, сравнительно с натуральной рентой и натуральными государственными повинностями. При этом денежная рента особенно быстро развивалась в промысловых нечерноземных районах, тогда как в черноземных районах дворяне больше стремились расширить барскую запашку.

Средние размеры владельческих повинностей крестьян трудно определить. Правительство в 1723 г. оценивало владельческие платежи дворцовых, монастырских и помещичьих крестьян в 40 коп. с души мужского пола или, иначе говоря, в 1 руб. 20 коп.— 1 руб. 60 коп. со двора. Эта цифра близка к денежному оброку, который встречается в ведомостях по некоторым светским и церковным вотчинам. Денежный оброк в крупных оброчных имениях Шереметева равнялся в 1708 г. 1 руб. 60 коп. — 1 руб. 90 коп. с переписного двора. Крестьяне одиннадцати погостов Иверского монастыря Старорусского уезда в 1706—1708 гг. должны были

[1] ЦГИАЛ, ф. Синода, 1721 г., № 95, лл. 1—17; 1726 г., № 3, лл. 5—8.

[2] Там же, ф Шереметева, кор. 390, дело на 57 л., л. 27 об.

платить денежный оброк в размере 1 руб. 80 коп. с двора. Крестьяне двадцати монастырей, приписанных к Синоду, должны были в 1720-х годах платить около 1 руб. оброка со двора [1].

Но в шереметевских и в иверских оброчных имениях производились различные натуральные поборы и мобилизации на барскую работу, которые не учитываются этими расчетами.

Судя по приходо-расходным книгам 1723 г. по сельцу Кутуково Переяславль-Рязанского уезда, П. П. Шафиров получал там с 60 дворов 100 руб. оброку, то есть с души мужского пола приходилось примерно 40 коп. в год. Но кроме денег, крестьяне сельца Кутукова сдавали ежегодно 100 аршин сермяжного сукна, 100 аршин холста и 10 пудов меду [2]. Во владимирских вотчинах В. А. Апухтина и И. В. Отяева также приходилось по 40 коп. денежного оброка на душу мужского пола. Но и здесь сверх денежного оброка крестьяне сдавали барину холст, лен, лапти, «столовые запасы» [3]. Крестьяне алексинской вотчины Г. И. Волконского платили по 60—63 коп. оброку в год [4]. Еще выше был денежный оброк в коломенском селе Хорошево, принадлежавшем М. П. Гагарину. Здесь в 1721 г. на крестьянский двор приходилось по 4 руб. 35 коп., а на душу мужского населения по 83 коп. денежного оброка. Выплачивая столь значительный оброк, крестьяне были избавлены от подводной повинности на помещика, но они должны были отбывать такой вид барщины, как работа на сенокосе [5].

Таким образом, действительную тяжесть всех владельческих повинностей следует оценивать в более высокую сумму, чем один-два рубля с двора или 40 коп. с человека мужского пола. К тому же данные о повинностях и имуществе крестьян, которые попали в отписные книги, следует рассматривать как минимальные и даже заниженные. Они основывались на «сказках» самих крестьян и мирских старост, которые прекрасно знали, что их показания лягут в основу дальнейшего их обложения.

Чтобы оценить, как трудно было крестьянам выплачивать каждый рубль оброчных денег, нужно учитывать, что по высоким московским ценам четверть ржи стоила в 1700—1715 гг. около рубля, а по еще более высоким петербургским ценам гусь стоил в 1723 г. 15 коп., утка — 12 коп., а курица — 7 коп. В провинции эти цены были значительно (иногда

---

[1] ОДРиА, ф. Иверского монастыря, кор. 1706—1708 гг., л. 65; *К. Н. Щепетов.* Указ. соч., стр. 286; *П. В. Верховский.* Населенные недвижимые имения св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909, стр. 157.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 225, стр. 293.

[3] Там же, № 29—32, стр. 45—48.

[4] Там же, № 5—6, стр. 16—18.

[5] Там же, № 116, стр. 131—132.

в несколько раз) ниже[1]. Согласно данным, которые привел В. О. Ключевский, четверть ржи стоила в верхнем и среднем Поволжье 48—56 коп. В нижегородской вотчине Скорнякова-Писарева (сельцо Пунери) на каждый крестьянский двор приходилось в среднем по 2 руб. 69 коп. оброчных денег. Чтобы выручить такую сумму, нужно было продать 5—5,5 чтв. ржи.

Крестьяне калужского имения И. М. Квашнина-Самарина заплатили ему в 1706 г. за два года за «столовые запасы» и другие оброчные статьи по 1 руб. 69 коп. с двора[2]. По сведениям о ценах, которые держались в это время в Калужском уезде, можно установить, что для выплаты такой суммы крестьянский двор должен был продать почти 7 пудов свиного мяса или 11 баранов или 85 кур.

Взимание владельческих повинностей отличалось свирепой жестокостью. В шереметевских вотчинах приказчики держали недоимщиков в «железах», выгоняли их босиком на снег и били «смертными побоями». Там, где не удавалось найти скрывавшихся от «правежа» взрослых крестьян, приказчики вытаскивали на мороз «младенцев в одних рубашонках», требуя, чтобы они указали, где скрываются их отцы и матери[3].

Вотчинные приказчики и управляющие всячески злоупотребляли своим положением, брали взятки и устанавливали поборы в свою пользу.

Государственные подати и мобилизации ложились на плечи крестьян еще более тяжелым бременем, чем владельческие повинности.

Война требовала ежегодно десятков тысяч людей для пополнения убыли и увеличения численности армии и флота. За 15 лет (1699—1714) было мобилизовано свыше 330 тыс. даточных и рекрут, в среднем, таким образом, армия ежегодно вбирала свыше 22 тыс. самых здоровых мужчин из трудящегося, главным образом крестьянского населения. Особенно напряженными были мобилизации в течение первой половины Северной войны. С 1705 г. до полтавской победы рекрутов брали ежегодно по одному от каждых 20 дворов. Кроме того, в этот период проводились чрезвычайные наборы даточных от различных категорий населения, в том числе из дворовых людей и монастырских слуг. Усиленные мобилизации проводились в 1711 г. в связи с Прутским походом. Лишь после Прутского похода чрезвычайные наборы становятся более редким явлением, и нормы постоянных рекрутских наборов снижаются. В 1714 г. одного рекрута надлежало ставить уже не от 20, а от 40 дворов, а в 1715 г.— даже от 75 дворов.

---

[1] *В. О. Ключевский.* Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. «Опыты и исследования». М., 1912, стр. 201—203. По подсчетам Ключевского рубль 1701—1715 гг. равнялся 9 руб. конца XIX в.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 184, стр. 213; № 96, стр. 102.

[3] ЦГИАЛ, ф. Шереметева, кор. 393, дело на 78 л., лл. 14—15.

С 1713 г. начинается также частичная замена рекрутской повинности денежными платежами.

Рекрутская система комплектования значительно усилила могущество вооруженных сил России. Но рекрутчина была тягчайшей повинностью населения. Рекруты несли службу пожизненно и навсегда отрывались от семьи. Первоначально поэтому приказано было принимать в рекруты только холостяков, но уже в 1708 г. разрешалось брать женатых, причем доля последних должна была все возрастать по мере изменения возрастного ценза мобилизуемых. Сначала велено было набирать людей в возрасте от 15 до 20 лет, но позднейшими указами возрастные рамки расширяются до 30 и 40, а во время Прутского похода и до 50 лет[1].

Создание флота, строительство новых городов, прежде всего новой столицы, и прорытие каналов производились главным образом крестьянским трудом. На строительстве Таганрогской гавани в 1701 г. было 7569 работных и ремесленных людей. В 1704—1707 гг. к Азову и Троицкому наряжалось ежегодно от 26 до 37 тыс. работных людей[2].

Производились мобилизации крестьян на судостроительные работы и на строительство городов и крепостей в Прибалтике. Ежегодно, начиная с 1704 г., для строительства Петербурга набирались в три приема 40 тыс. чел. Рабочих требовали со всей страны, в том числе и из Сибирской губернии[3].

Одновременно брали работников к «городовому делу» в Нарву, Тверь, Москву, Киев, Можайск, Серпухов и к «шлюзному делу» на Иван-озеро (район Тулы), на Малую Двинку и т. д.[4] Строительство на приневских болотах и на острове Котлине было тяжелой повинностью. Тысячи строителей погибали от изнурительного труда, тяжелых жилищных условий и плохого питания.

Уже в годы, предшествовавшие Северной войне, значительно увеличились денежные расходы государства. За первые десять лет войны расходы на армию удвоились, затраты на артиллерию увеличились в четыре раза, расходы на флот поднялись более чем в пять раз[5]. При таких обстоятельствах правительство все туже завинчивает податной пресс. Увеличивавшиеся расходы государства тяжелым бременем ложились на плечи податного населения, основную массу которого составляло крестьянство[6].

---

[1] *М. В. Клочков.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. 1, стр. 98, 119.

[2] *С. И. Елагин.* История русского флота, приложения, ч.II,СПб.,1864,стр.328,343.

[3] *П. Н. Петров.* История Санкт-Петербурга... СПб., 1885, стр. 57—62. С 1708 г. срок пребывания мобилизованных в Петербурге был увеличен с двух до трех месяцев, работа стала производиться в две смены в год. Таким образом, число рабочих каждой смены должно было возрасти с 13 до 20 тыс. чел.

[4] Там же; *М. В. Клочков.* Указ. соч., стр. 146.

[5] Цифры даны без учета изменения курса рубля.

[6] Подробнее об этом см. главу III, § 6 «Финансовая реформа и государственный бюджет».

В 1710—1711 гг. средний размер казенных сборов, падавших на двор помещичьих и церковных крестьян, приблизительно составлял:

Губернии / Группы крестьянства	Архангелогородская	Киевская	Казанская
Церковные . . .	4 руб. 77 коп.	4 руб. 67 коп.	5 руб. 97 коп.
Помещичьи . . .	3 руб. 85 коп.	3 руб. 99 коп.	4 руб. 78 коп

В приведенной таблице расчеты сделаны применительно к количеству дворов, переписанных в 1678 г., но к 1710 г. в ряде районов России количество дворов изменилось, поэтому действительные размеры денежных повинностей, например, в Архангелогородской губернии, были значительно выше указанных в таблице. К тому же, помимо денежных платежей, на плечи крестьян ложились еще различные натуральные повинности и мобилизации на работы, о которых только что шла речь. Повинности, натуральные поставки и мобилизации были обычно более обременительны для крестьян, чем денежные налоги. Особенно это относится к районам, лежавшим невдалеке от театра военных действий, от верфей и строившихся городов.

Крестьяне одиннадцати погостов Иверского монастыря Старорусского уезда должны были посылать работников к «городовому строению» в Новгород, к строительству таможни в Петербург, к корабельному строению, должны были строить «струги с парусами» и делать седельные луки для драгунских лошадей. Они обязаны были поставлять в Новгород дубовый и ясеневый лес и уголь для пушечного двора, выполнять множество требований на провиант и фураж и в то же время принимать к себе «на корм государевых лошадей», давать в разные места тысячи подвод, а также «суда под живность». В перечневой ведомости суммировались фактически уплаченные старорусскими крестьянами денежные подати и переведены на деньги поставки хлеба, фуража, работных людей и подвод. За 1700—1708 гг. общий среднегодовой итог платежей на двор выражается в 16 руб. 12 коп.

Эта огромная цифра еще не включает стоимости «стрелецкого хлеба» и стоимости сена и овса, затраченных на корм драгунских лошадей, которые стояли в монастырских старорусских вотчинах в течение трех лет[1]. В автобиографии Б. И. Куракина под 1707 г. сказано, что «со всякого письменного двора крестьянского сходилося слишком 16 рублев»[2].

---

[1] ОДРиА, ф. Иверского монастыря, кор. 1700—1705 гг., лл. 10—27.

[2] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 277.

Размер повинностей, считая сбор провианта, рекрут, работников и подвод, в Тамбовской губернии, по подсчетам местных властей, в 1711 г. равнялся 10 руб. с лишком в год на двор. При этом денежные налоги составляли из этой суммы всего 1 руб. 31 коп. В 1719 г. крестьяне в Кашинской вотчине П. Бутурлина платили по 15 руб., а в Воротынской и Перемышльской его вотчинах по 12 руб. в год казенных сборов [1].

Приведенные данные свидетельствуют о значительных колебаниях размеров государственных повинностей крестьян, выраженных в деньгах. В некоторых районах и в отдельные годы они опускались до 7 руб. и даже ниже. Но мы не ошибемся, если признаем, что наиболее распространенными были повинности, денежное выражение которых составляло 10—15 руб. на двор.

Чтобы оценить тяжесть такой подати, интересно сравнить ее с оплатой рабочего дня крестьянина. В селе Валдай мир нанимал иногда крестьян для отбывания барщины, в 1708 г. таким крестьянам-наймитам платили по 8 коп. в день [2]. Сопоставляя эту стоимость рабочего дня валдайского крестьянина со стоимостью государственных податей, которые ему приходилось платить в тот же самый 1708 г., можно оценить размеры этих повинностей в 125—187 рабочих дней на двор [3].

Новые казенные сборы следовали один за другим и всякий раз сопровождались злоупотреблениями администрации. В шереметевском селе Вощажникове в Ростовском уезде в 1719 г. деньги на уплату податей собирались «в восемьдесят в два побора», это значит, что платежи повторялись через каждые четыре-пять дней [4]. В отчетах мирских властей, собиравших с крестьян и сдававших правительственным учреждениям налоги и мобилизованных, значатся такие расходы, как подношение комиссару у сбора рекрут гуся, головы сахару, калачей и т. п. Высшие чиновники были так же повинны в лихоимстве и «лакомстве», как и низшие. Только им нужно было давать взятки и «подносить в честь» гораздо более солидный подарок, чем комиссару или подьячему.

Особенно были разорительны для населения сборы недоимок. Если мирские власти не могли во-время выполнить повинности, то для взимания недоимок прибывали различные гражданские власти и воинские команды. В 1709 г. в вологодскую вотчину ростовского архиерея Шуйский городок подьячие и солдаты выезжали для сбора недоимок 28 раз. Бывали случаи, когда в вотчине одновременно стояло несколько команд,

---

[1] *М. В. Клочков.* Указ. соч., стр. 182—183.

[2] По «плакату» 1724 г.,была установлена плата за заводскую работу в следующем размере: летом крестьянину с лошадью в день — 10 коп., без лошади — 5 коп.; зимой с лошадью 6 коп., без лошади — 4 коп. (*В. И. Семевский.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. II. СПб., 1901, стр. 308).

[3] По переписи 1678 г., на двор приходилось в среднем трое-четверо мужчин, включая стариков и детей.

[4] ЦГИАЛ, ф. Шереметева, кор. 390, дело на 23 л., лл. 1—8 об.

правивших недоимки по разным податям[1]; одно продовольствование этих команд было нелегким делом.

Крестьяне села Вощажникова жаловались на прибывшую туда в 1719 г. команду солдат и подьячего: «и правят они на всех крестьянах зело жестоко, без всякого милосердия и пощады; бьют на правеже босых, а на ночь сажают на съезжий двор под караул»[2]. В 1706 г. в монастырском селе Чернеево Шацкого уезда сборщики недоимок 5 недель сидели в вотчине и били «крестьян на правеже, разув босых», морили их в подполье «студеною и голодною смертью». Некоторые из крестьян после побоев лежали при смерти, «а у кого которая скотинишка и была, тое всю на корень многие крестьяне в те платежи испродали посторонним людем самою малою ценою и за долги отдали»[3].

В одном из сел Иосифо-Волоколамского монастыря при известии в 1709 г. о приближении сборщика недоимок убежали все крестьяне, кроме одного, побросав свои посевы и луга[4]. Конечно, далеко не всегда и не везде податной гнет приводил к полному разорению и повальному бегству крестьян. Но разорение и побеги от непомерных податных тягот, несомненно, были явлением, широко распространенным.

Размеры государственных повинностей были так велики, что помещику нелегко было увеличивать владельческие повинности, не подрывая вконец платежную способность своих крестьян. С этой целью они утаивали крестьян при переписях, сводили по нескольку крестьянских хозяйств в один двор или переселяли их на барский двор и выдавали за дворовых.

Заботясь о повышении доходов казны, изобретатели новых налогов — прожектеры и «прибыльщики» — неоднократно предлагали перейти от подворной системы обложения к подушной[5].

Оклад подушной подати был определен для помещичьих и монастырских крестьян в 74 коп. с ревизской души (так в связи с ревизией стали именовать переписанное мужское население). В 1725 г., когда новая система обложения была введена в действие, государственные доходы возросли по сравнению с предыдущими годами на 50%[6]. Таким образом, главная цель реформы была достигнута. Предполагали, что введение подушной подати приведет к реальному облегчению податного гнета и что помещики смогут повысить свои доходы в результате уменьшения государственных повинностей, падающих на их крестьян. Такого результата ждали, во-первых, потому, что общая сумма платежей разверстывалась между значительно бо́льшим числом налогоплательщиков, и, во-вторых, потому, что формально были отменены старые денежные и натуральные

---

[1] ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, вязка 249, д. № 29, лл. 3—6.
[2] ЦГИАЛ, ф. Шереметева, кор. 390, дело на 42 л., лл. 7—9 об.
[3] ЦГАДА, Монастырский приказ, вязка 229, д. № 5, лл. 1—6.
[4] Там же, вязка 246, д. № 6, лл. 1—2.
[5] Подробнее см. главу III, § 6 «Финансовая реформа и государственный бюджет»
[6] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 468.

поборы. Вводя подушную подать, правительство запретило брать бесплатно провиант, фураж и подводы, если на то не будет специального царского или сенатского указа. Однако в действительности натуральные поборы и мобилизации сохранились и после введения подушной подати. Кроме того, в последние годы царствования Петра по губерниям были расквартированы полки, которые и собирали подушную подать. Расквартированные полки вели борьбу со всякими проявлениями народного недовольства, подавляли выступления крестьян против крепостнического гнета. Солдаты и их начальники, расставленные по крестьянским домам, как и многочисленные представители гражданской администрации, по словам Меншикова, «не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, назваться могут»[1].

С введением подушной подати связаны изменения в положении холопов, с которых при подворной системе обложения государственные подати не взимались. В 1720 г. Петр повелел Сенату включить холопов в подушный оклад. Сенаторы, однако, всячески задерживали издание соответствующего указа, так как он был невыгоден крупным помещикам, державшим многочисленную дворню. Наконец, в 1723 г. велено было «положить в побор» все группы дворовых людей. Этот указ окончательно ликвидировал категорию холопства, не обложенного государственными податями. Вместе с тем возможность выхода на волю после смерти господина, сохранявшаяся ранее за некоторой частью кабальных холопов, также была уничтожена.

Юридические различия между крестьянами и холопами стирались уже в предшествующем XVII ст. После введения подушной уже не остается никакой юридической разницы между холопами и крестьянами, хотя сохраняется ряд особенностей в фактическом положении дворовых, остававшихся наиболее обездоленной группой крестьян.

У представителей высшей знати еще в конце XVII в. бывало по триста, четыреста и даже пятьсот человек дворни. Общей отличительной особенностью дворовых и деловых людей было отсутствие у них своих дворов, крайне низкий уровень имущественной обеспеченности и особенно обременительная регламентация личной жизни.

Торговля помещичьими крестьянами и дворовыми практиковалась еще в XVII в. В 1721 г. Петр I издал указ, в котором выражает недовольство обычаем дворянства продавать «врознь», «как скотов», крестьян и дворовых людей: «А наипаче от семей от отца или от матери дочь или сына помещик продает, от чего не малой вопль бывает». Сенат при составлении нового Уложения должен был «оную продажу людям пресечь» или разрешить лишь продажу крепостных целыми семьями. Однако в резолютивной части указа Петр ограничивается предложением изменить существующий порядок лишь тогда, когда будет «сочиняться» новое

[1] *М. М. Богословский*. Указ. соч., стр. 490.

Уложение[1], которое не было «сочинено» ни при Петре, ни при его преемниках, и розничная торговля крестьянами никогда не была запрещена. Больше того, правительство, разрешавшее мобилизованным в рекруты ставить за себя покупных людей, на деле потворствовало такой розничной торговле.

Помещиков, жестоко обращавшихся с крестьянами, было приказано в 1719 г. отдавать под опеку. Но и после этого указа помещики чувствовали свою полную безнаказанность и не останавливались даже перед убийством крестьян. Помещичий произвол был в сущности безграничен как в отношении личности, так и в отношении имущества крестьянина.

Правительство рассматривало крестьянское имущество как собственность господина. Поэтому все, что принадлежало крестьянам, можно было конфисковать в возмещение за излишнее жалованье, взятое их помещиком на государственной службе и т. п.; частные кредиторы помещика также могли взыскивать долги владельца за счет имущества его крестьян[2].

Указом 1713 г. правительственным органам велено было по жалобе помещика наказывать крестьян кнутом. Полицейский аппарат государства, таким образом, привлекался для приведения в исполнение приговоров помещика. Впрочем, как правило, крестьян наказывали сами вотчинные власти, применявшие при этом не только кнут, но и дыбу.

Повинности дворцовых крестьян не были столь тяжки, а уровень отработочной ренты был в дворцовых вотчинах не так высок, как у помещичьих и церковных крестьян. При сравнительно большем распространении оброчной системы и менее жесткой феодальной регламентации труда у дворцовых крестьян оставалось больше простора для хозяйственной инициативы. Поэтому положение дворцовых крестьян было лучше, чем крестьян помещичьих и монастырских, отчетливее здесь проявляется выделение богатых крестьян, торговцев и ростовщиков, свободнее развиваются неземледельческие промыслы.

Из числа государственных крестьян сибирские пашенные крестьяне обязаны были работать на государевой десятинной пашне и не имели права покидать свои наделы. Таким образом, они отбывали барщину и подвергались внеэкономическому принуждению. Правительство преследовало сибирских пашенных людей за побеги и связывало их круговой порукой.

Черносошные крестьяне на европейском севере не пахали государевой пашни, но они отбывали много других повинностей как в форме отработок, так и в виде натуральных поставок и денежных платежей. От гнета этих повинностей в XVII и в начале XVIII в. множество чер-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3770, стр. 377.

[2] Там же, т. V, № 3078, стр. 491—492.

Купчая на продажу крестьянина. 1716 г.

Государственный Исторический музей

носошных крестьян бежало «за Камень», то есть за Урал, в Сибирь. Еще в XVII в. правительство боролось с самовольными переходами черносошных крестьян, и эта борьба усилилась в 20-х годах XVIII в. Не приходится, таким образом, считать черносошных крестьян свободными, хотя, несомненно, они не были так сильно связаны в передвижении, как помещичьи или монастырские крестьяне.

Землю, на которой сидели черносошные крестьяне, они именовали «землей государевой, а нашего владения». Правительство еще в XVII в. запрещало крестьянам продавать, закладывать и отдавать в монастыри эту землю. Но запрещения не дали ожидаемого результата, и в рассматриваемое время черносошные крестьяне продолжали продавать, дробить и закладывать свои земельные участки. Крестьяне объединялись в общины, которые производили переделы земли. Но переделы у черносошных крестьян русского севера не носили уравнительного характера и не могли помешать земельной мобилизации. Крестьянин-богатей мог купить долю земельного владения своего оскудевшего соседа и при переделе сохранял эту долю за собой, получая соответственно больший участок.

Процесс выделения зажиточных крестьян, владеющих торгами и промыслами и скупающих земельные участки на черных землях севера, повидимому, протекал более интенсивно, чем в дворцовых, помещичьих и церковных владениях. При этом богачи из черносошных крестьян применяли кабальные полукрепостнические методы эксплуатации по отношению к работавшим на них беднякам.

Во время первой ревизии в Архангелогородской губернии было обнаружено 10 045 чел. м. п., принадлежавших к разряду половников. Половники не имели своих земельных участков и арендовали землю у монастырей и крестьян, выплачивая землевладельцу часть урожая. Не довольствуясь такими кабальными методами эксплуатации половников, землевладельцы при введении подушной требовали, чтобы половники были закреплены за ними и приравнены к помещичьим крестьянам. Однако правительство причислило половников к государственным крестьянам. Им разрешено было переходить с места на место, но только в пределах того уезда, в котором они были записаны в подушный оклад[1].

Серьезные изменения произошли в положении однодворцев. Однодворцы были потомками мелких служилых людей, некогда охранявших южные границы государства; они с давних времен наделялись земельными участками на поместном праве. Иногда они владели одним или несколькими крепостными, но чаще они вовсе не имели крепостных. В первой четверти XVIII в. однодворцы были превращены в государственных крестьян и, как другие группы государственных крестьян, они должны были платить подушную сорокакопеечную подать «вместо» оброка, кото-

[1] *М. М. Богословский.* Указ. соч., стр. 334.

рый помещичьи крестьяне платили своим владельцам. Однодворцы продолжали распоряжаться своими земельными участками, но правительство нередко стесняло их в этом отношении, урезывало и другие права однодворцев, распространяя на них указы, касающиеся остальных категорий государственных крестьян.

Стремясь привлечь к отбыванию государственного тягла как можно больше плательщиков и стараясь увеличить число крестьян, подвластных помещикам, правительство закрепостило при введении подушной подати различные группы свободных людей: вольноотпущенников, кабальных, вышедших на свободу после смерти своих господ, лиц, не помнящих своего происхождения, и заштатных церковнослужителей. Они стали помещичьими крестьянами, а часть из них превратилась в государственных крестьян.

Государственные крестьяне, являясь феодально-зависимой группой сельского населения, в то же время значительно отличались от крестьян помещичьих. Несмотря на правительственные ограничения, черносошные крестьяне и однодворцы сравнительно самостоятельно распоряжались своими земельными участками, чего не могли делать помещичьи крестьяне. Отработочная рента у государственных крестьян была не так велика, как у помещичьих. При развитии ренты продуктами, и особенно денежной ренты, производителю дается, «по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности». При этом создаются возможности для того, чтобы сильнее выступили «различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей»[1]. Они испытывали внеэкономическое принуждение в ослабленной сравнительно с помещичьими крестьянами форме. Пока правительство не отдавало их частным владельцам, ими не торговали, как вещью или скотом. Закон не лишал полностью государственных крестьян возможности перейти в другое податное сословие и переменить место жительства.

Значительно усилился отход крестьянства как легальный, так и нелегальный в форме побегов. Наем помещиками работников отмечается уже документами XVII в. Для первой четверти XVIII в. имеются многочисленные упоминания о наемных людях, «наемщиках» и «казаках», пасших скот у помещиков, «оравших» помещичью или монастырскую пашню, о конюхах и скотниках, живших «во услужении по контракту» или без контракта. Некоторых из них помещики и монастыри нанимали лишь для выполнения отдельных работ, и связь таких крестьян с нанимателем быстро порывалась.

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III. Госполитиздат, 1950, стр. 808.

Длительная работа по найму у помещика приводила часто наймита в крепостную зависимость. Требование Уложения 1649 г. отпускать работников из крестьян и бобылей по истечении срока найма часто нарушалось. Работники из вольных или бродячих людей легко могли закрепощаться феодалом-нанимателем. Наем оставался и в начале XVIII в. одним из каналов, по которым шло закрепощение.

Беглые крестьяне и крестьяне-отходники нанимались не только к помещикам и в монастырские хозяйства, в отдельных случаях встречаются упоминания об использовании наемного труда в хозяйстве богатых крестьян для обработки земли, арендуемой ими у помещиков [1]. В инструкции дворецкому Артемий Волынский писал в 1724 г., что его «заживные» крестьяне «чужих наймуют же себе в работу» [2]. Но использование наемного труда в крестьянском сельском хозяйстве не было еще частым явлением. Зато отход крестьян в города был широко распространен. Монастырские крестьяне села Федоровского Костромского уезда в 1708 г. сообщали в Монастырский приказ, что человек двести из них находятся у разных работ в Москве, на селе же остались только престарелые крестьяне. Федоровские крестьяне предпочитали даже платить причитающиеся с них подати не в Костроме, а в Москве, где они занимались промыслами. Столь большой отход мужчин, какой имел место в селе Федоровском, был еще для начала XVIII в. явлением из ряда вон выходящим. Но десятками и даже сотнями они еще в конце XVII в. покидали свои деревни, чтобы искать заработка в городах.

Многие из оброчных крестьян-отходников становились ремесленниками. Из 6885 мастеровых, записавшихся в 1722—1726 гг. в московские цехи, было 3189 крестьян. Они составляли около 50% всех принятых в эти ремесленные организации. Крестьяне были записаны в 84 цеха из 153 наличных. Разрешалось принимать крестьян в цехи только с согласия вотчинных властей и по предъявлению отпускного письма [3]. Доступ к ремесленному труду был для беглых крестьян сильно затруднен. И все же среди городских ремесленников мы встречаем не только отходников, но и беглых крестьян. Многие из беглых после поимки показывали на допросах, что работают в Петербурге и в других городах по найму в ремесленных мастерских, некоторым удавалось даже завести собственное «мастерство» или лавочку.

Значительное количество беглых и отходников работало на строительстве городов и каналов. Мобилизации крестьян на эти работы затрудняли исправное отбывание барщины и уплату оброка, поэтому ими были недовольны помещики. Мобилизации приводили также к задержке в уплате

---

[1] ЦГАДА, ф. Монастырского приказа, вязка 254, д. № 53, лл. 1—5; вязка 221, д. № 932, лл. 1—2.

[2] *А. Волынский*. Указ. соч., стр. 17.

[3] ПСЗ, т. VI, № 3980, стр. 664—665.

государственных податей. Производительность труда мобилизованных работников была низка, к тому же значительная смертность, побеги и опоздания прихода их из губерний приводили к хроническому недостатку в рабочей силе. В 1718 г., в связи с планами строительства Ладожского канала, Петр писал, что от мобилизации рабочих «больше разорения нежели пользы было»[1]. В том же 1718 г. был проведен последний общегосударственный принудительный набор работников в Петербург. Начиная со следующего 1719 г., эта повинность сохранялась только в Петербургской губернии, в остальных же губерниях она была заменена денежной податью в размере $31^3/_4$ коп. с двора[2].

На Ладожском канале работало 2—3 тыс. наемных работников, причем большинство из них были, повидимому, крестьянами. Впрочем, на строительстве, как и на мануфактурах и в сельском хозяйстве, наем мог привести к новому закабалению. Недаром правительство, стараясь привлечь рабочих на строительство Ладожского канала, обещало, что впредь им «на той канальной работе ни в чем никакой неволи и обиды не будет», и подрядчики «неволею и задержанием отнюдь никого работати не заставят»[3]. «Неволя и задержание», повидимому, были обычным явлением, если понадобилось специальное обещание впредь их не допускать.

Те из крестьян, кто бежал в город, на строительство каналов или к другому помещику, нередко принудительно задерживались на государственных объектах строительства или закрепощались помещиком.

Таким образом, в крестьянстве происходил процесс расслоения — обнищание одной части и выделение богатой верхушки крестьян — торговцев и подрядчиков, нередко переходивших в города[4].

Крестьянские побеги в конце XVII и начале XVIII в. были массовым видом протеста. Бежали крестьяне всех категорий — помещичьи, монастырские и дворцовые, а также дворовые люди, бежали в одиночку или с семьями и даже целыми селениями. Документы обычно говорят, что крестьяне, «покинув тяглые свои жеребьи, бежали з женами и детьми», или просто, что «крестьяне сошли». Но часто указывается на причины побегов. В 1706 г. крестьяне Чернеева монастыря Шацкого уезда писали: «От того побору и от большего провежу и бою, видя свою скудость, что им тех поборов платить нечем и продать нечего, многие крестьяне и вытчики, покиня жен своих и детей, бегут и укрываются».

Бегство крестьян особенно усилилось в неурожайные 1704 — 1706, 1722—1723 гг. Насколько значительными были размеры бегства, свидетельствуют официальные данные, которые, конечно, лишь частично отражают

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 159; «Статистические сведения о Санкт-Петербурге». СПб., 1836, стр. XV.

[2] *П. Н. Петров.* Указ. соч., стр. 144.

[3] ПСЗ, т. V, № 3247, стр. 598.

[4] Об этом см. выше, главу I, § 4. «Торговля».

действительность: в 1719—1727 гг. было зарегистрировано 198 876 душ беглых[1].

Для поимки беглых и возвращения их помещикам правительство издавало многочисленные указы. К первой четверти XVIII в. относится 46 различных указов, инструкций воеводам и т. п., касающихся беглых. За первое десятилетие XVIII в. было издано 6 указов, за второе — 10, а за 6 лет, с 1720 по 1725 г.,— 30 указов. Причем по строгости и жестокости указы 20-х годов XVIII в. далеко оставляют за собой соответствующие законы XVII в.

Сверх[2] денежного взыскания, определенного Уложением 1649 г., указом от 1 декабря 1682 г. положено было брать с держателей за каждого беглого четырех крестьян. Кроме этих «наддаточных» крестьян в 1698 г. было установлено за удержание беглых двойное против прежнего взыскание «пожилых» денег (вместо 10 руб. в размере 20 руб.)[3]. Крестьян за побег предписывалось бить кнутом, а помещиков за прием беглых подвергать наказанию, чего прежде не было. Указом 1699 г. снова «запрещается брать и укрывать беглых». В 1704 г. за укрытие беглых грозили конфискацией поместья. После ряда указов о возвращении и сыске беглых было предложено в 1710 г. выбрать сотских, пятидесятских и десятских специально для наблюдения, чтобы «беглые солдаты... и всякие пришлые люди... нигде не жили и пристанище чтоб не имели...»[4] В 1721 г. предписывалось возвратить беглых в течение одного и в крайнем случае полутора лет. В случае невозвращения беглого в срок пожилые деньги взыскивались в размере 60 руб. (в три раза больше, чем было установлено в 1698 г.), а за укрывательство виновные в будущем должны были ссылаться на каторжные работы. Приказчик, не представивший беглых в срок, лишался всего имущества, а если его не было, то ссылался в галерную работу. За прием беглых после опубликования указа налагался высокий штраф: за мужчин—100 руб., за женщин — 50 руб. За укрывательство беглых отнималось поместье, духовенство за принятие беглых лишалось духовного сана, доносчику о незаконном приеме помещиком беглых, если он был из крестьян, обещалась свобода. В апреле 1722 г. было указано крестьян, у которых не окажется владельцев, селить на государевых землях[5].

Несмотря на всю строгость законов, держание беглых крестьян практиковалось в широких масштабах. Об этом свидетельствует то, что нередко крупные землевладельцы «испрашивали» и получали царское разрешение

[1] ПСЗ, т. XI, № 8619, стр. 658.

[2] Текст до 3 абз. стр. 177 написан Е. И. Индовой.

[3] ПСЗ, т. II, № 972, стр. 481—483; т. III, №№ 1623, 1625, 1640, 1645, 1650, 1654, 1655.

[4] Там же, т. III, № 1738, стр. 686—687; т. IV, № 1972, стр. 251—252; № 1980, стр. 257—258; № 2092, стр. 341; № 2147, стр. 378—379; № 2271, стр. 493—494.

[5] Там же, т. VI, № 3743, стр. 358—361; № 3939, стр. 640.

на отсрочку платежа пожилых денег даже на несколько лет. Такая отсрочка была дана князю Куракину, жене фельдмаршала Шереметева, братьям Нарышкиным; в 1724 г. В. Л. Долгорукий просил об отсрочке, «чтоб ему в пожилых деньгах мочно платежом исправитьца...»

Осуществление указов о возвращении беглых ущемляло также интересы заводчиков, принимавших к себе беглых[1]. Поэтому указом 1722 г. разрешено было оставить беглых на заводах, чтобы в работах не «чинилась остановка». Также оказалось невозможным возвратить беглых из Петербургской губернии, и для нее было сделано исключение, допускавшее оставить беглых, живущих на дворцовых и помещичьих землях. Другие указы разрешали возврат беглых без уплаты пожилых денег из Украины и оставляли на местах беглых, живших в Казанской губернии и занимавшихся торговлей[2]. В 1723 г. истекал установленный в 1721 г. полуторагодичный срок сыска беглых, а беглые далеко еще не были и не могли быть водворены на прежние места, поэтому они оставлены были жить «за теми людьми, за кем они в бегах жили...»[3] В 1724 г. был определен порядок, обязательный для уходящих из деревень крестьян: они должны были иметь плакат (паспорт), удостоверяющий их личность, с указанием, на сколько времени и куда отпущен крестьянин. Без плаката или «покормежного письма» было запрещено нанимать крестьянина на любую работу [4].

Противоречивость законодательства в отношении беглых отражала соотношение классовых сил в это время, когда абсолютистское государство вынуждено было считаться как с интересами различных слоев помещиков, так и с выгодой заводчиков,— законодательство отражало борьбу за рабочую силу между ними. Вместе с тем указы о беглых связаны с усилением крепостной зависимости крестьян от помещиков и стремлением абсолютистского государства охватить все производительное население подушным обложением.

Но эти меры могли лишь затруднить, но отнюдь не прекратить крестьянские побеги и крестьянские волнения. Помимо крупнейшего восстания на Дону, в стране вспыхивало множество более мелких крестьянских волнений, причем иногда крестьяне «учиняли бой» с драгунами и солдатами. Возникавшие без всякой организованной подготовки и происходившие вне связи друг с другом, эти волнения повторялись не только в начале столетия, но и в 1710-е и в 1720-е годы.

---

[1] В 1722 г. опубликован ряд указов о сыске беглых из разных мест: ясачных волостей, городов и т. д. ПСЗ, т. VI, № 3958, стр. 648; № 4047, стр. 732—734; № 4130, стр. 804—806.

[2] ПСЗ, т. VI, № 4055, стр. 746; т. VII, № 4221, стр. 62—63; № 4282, стр. 99—100; № 4307, стр. 117—118.

[3] Там же, т. VII, № 4371, стр. 164—165.

[4] Там же, № 4518, стр. 291—292; № 4533, стр. 315—316; № 4622, стр. 387—388; № 4736, стр. 507.

Наряду с русским крестьянством, жестокой крепостнической эксплуатации подвергались крестьяне всех других народов, входивших в состав империи.

В Левобережной и Слободской Украине укреплялась феодальная собственность на землю, украинская старшина быстро расширяла свои земельные владения и закабаляла крестьян, а частично и казаков. Гетманы осуществляли массовую раздачу войсковых земель, предоставляя новым владельцам право требовать от сидевших на этих землях крестьян «обыклого послушенства». По далеко не полным данным, гетман Мазепа роздал старшине и духовенству свыше 1000 универсалов на имения. Кроме того, мобилизация земель осуществлялась представителями старшины и монастырями путем скупки и захватов отдельных крестьянских и казацких дворов и целых сел [1].

Среди крупных украинских землевладельцев первое место занимал Мазепа, захвативший за время своего гетманства более 20 тыс. дворов (около 100 тыс. чел. зависимого населения) на Левобережье. Он приобрел сверх того около 20 тыс. душ м. п. в соседних с Украиной уездах России. Крупными феодальными землевладельцами являлись многие представители генеральной и полковой старшины. Меншиков и другие русские вельможи также приобретали земельные владения на Украине.

Согласно данным «генерального следствия о маетностях», в семи полках гетманской Украины [2] в 1729—1730 гг. 17,2% всех крестьянских дворов состояли в монастырских имениях, 35,2% — в имениях светских владельцев (в большинстве из украинской старшины) и 11% — в ранговых имениях, которые находились в держании у той же старшины. Следовательно, около $^2/_3$ всех крестьянских дворов были уже в непосредственной зависимости от светских и церковных землевладельцев и лишь $^1/_3$ дворов оставалась на еще не расхищенных войсковых (и отчасти магистратских) землях.

Быстрое увеличение земельных владений старшины, сопровождавшееся жестокими насилиями и беззастенчивыми злоупотреблениями старшинской властью, было характерным и для Слободской Украины [3].

Крестьянские повинности на украинских землях, входивших в состав Российской империи, были значительно ниже, чем в имениях польских панов в Правобережной Украине. Но украинские землевладельцы неуклонно увеличивали бремя крестьянских повинностей. В 1701 г. гетман Мазепа издал универсал, который установил двухдневную барщину [4]. Однако на деле украинская старшина, особенно в северных полках, не

[1] *А. Лазаревский.* Описание старой Малороссии, т. 2. Киев, 1893, стр. 235—236.

[2] Всего в гетманской Украине было десять полков, но о трех из них нет полных данных.

[3] *З. К. Звездин.* К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII — начале XVIII вв. «Исторические записки», кн. 39, 1952, стр. 184—188.

[4] *А. Лазаревский.* Указ. соч., т. 2, стр. 119.

ограничивалась двумя днями барщины. В Слободской Украине к началу 1730-х годов преобладала барщина в размере 2—3 дней, но и здесь старшина часто превышала эту норму; были даже случаи, когда крестьяне работали на барщине по шесть дней в неделю [1].

Работу на барском поле крестьяне сочетали с обязанностью возить на помещичий двор дрова и сено и с другими видами отработочной ренты (например, вывоз вина из принадлежавших старшине винокурен), а также с платежом денежных и натуральных оброков. В обширных имениях гетмана крестьяне, помимо денег и хлеба, должны были сдавать «на булаву» и на кухню шубы, сапоги, козлины, чулки, рукавицы, полотно, сани, телеги, пряжу, а также яйца, баранов, гусей, уток, капусту [2].

Украинские крестьяне не были свободны от повинностей, налагавшихся царским правительством. Наряду с русскими крестьянами они были привлечены к строительству Ладожского канала. Ряд тягот был связан с пребыванием на территории Украины регулярных войск. И все же наиболее обременительными для крестьянства были тяготы, которые оно испытывало от все усиливавшейся эксплуатации со стороны старшины.

Проводившаяся в 1723 г. ревизия украинских полков зарегистрировала чрезвычайно большой процент «весьма убогих». В Переяславском полку к этой категории было отнесено 45,5% всех крестьян[3].

Весьма высокий процент оскудевших, убогих крестьянских хозяйств прежде всего объясняется захватами земель старшиной и усилением крепостнической эксплуатации, которой она подвергала украинское крестьянство. Этими же причинами объясняется и стремление многих крестьян покинуть насиженные места и искать спасения в переходах.

С помощью кабальных ссуд, а иногда и грубого насилия, старшины и монастыри в ряде случаев уже в начале XVIII в. лишали крестьян права перехода, запрещали им продавать свои земли и постройки при уходе в другую местность, хотя законом переходы еще не были запрещены.

Антинаучная буржуазно-националистическая концепция М.С. Грушевского о бесклассовости украинского общества и о перенесении на Украину крепостного права из России рассыпается в прах при соприкосновении с фактами. Как на территории Гетманщины, так и на территории Слободской Украины процесс закрепощения крестьян являлся внутренним процессом, вызвавшим обостренную классовую борьбу между эксплуататорской верхушкой украинского общества и украинскими крестьянами и сопровождавшимся жестокими насилиями старшины над крестьянами и казаками.

Крестьяне Украины, подобно русским крестьянам, постепенно охватывались рыночными отношениями. На севере Украины усиленно развивались крестьянские промыслы — выработка полотен, изготовление

---

[1] *З. К. Звездин.* Указ. соч., стр. 189.

[2] Сб. РИО, т. 11, стр. 511.

[3] *Е. П. Родакова.* О ревизиях в Малороссии в XVIII ст. М., 1901, стр. 9.

деревянной посуды, веревок. В некоторых украинских селах главным занятием населения было уже не сельское хозяйство, а промыслы, все чаще крестьяне-торговцы выступали на ярмарках и торжках. Продукты труда крестьян находили все более широкий сбыт по мере развития всероссийского рынка. В центральную Россию вывозились шерсть, крупный и мелкий скот, кожи, поташ, водка и табак. То обстоятельство, что Левобережная и Слободская Украина входили в состав России, несомненно, содействовало ускорению их экономического развития и, в частности, развитию основного производительного класса — крестьянства. Входя в состав Российской империи, Левобережная Украина была лучше защищена от опустошительных грабительских набегов турок и татар, чем когда бы то ни было ранее.

На присоединенных к России по Ништадтскому миру территориях Эстонии (Эстляндии) и Латвии (Лифляндии) уже давно господствовали феодально-крепостнические отношения. Эстонские и латышские крестьяне подвергались жестокой эксплуатации со стороны немецких помещиков и налоговому гнету со стороны шведского государства. В целях увеличения доходов казны и ограничения влияния шведской аристократии и автономии немецких помещиков Лифляндии и Эстляндии, шведский король Карл XI в последние десятилетия XVII в. осуществлял редукцию (возвращение) части помещичьих имений государству. В результате редукции в руки государства перешло большинство земельных владений в Лифляндии и немалая часть имений в Эстляндии и на острове Сааремаа (Эзель). В связи с редукцией были определены и записаны в «вакенбухах» размеры крестьянских повинностей, причем они устанавливались в соответствии с размерами земельных участков и имуществом крестьянских дворов.

Редукция причинила известный ущерб прибалтийским помещикам и увеличила поступления в шведскую государственную казну из колониальных владений; достаточно сказать, что около четверти своих регулярных доходов Швеция стала получать из прибалтийских провинций. Но, проводя редукцию, Карл XI отнюдь не собирался ликвидировать крепостническую эксплуатацию латышских и эстонских крестьян. Крестьянские повинности, установленные вакенбухами, оставались весьма обременительными и превосходили средние размеры повинностей русских крестьян. Мало того, крестьяне не избавлялись от гнета помещика, так как редуцированные имения сдавались, как правило, в аренду их бывшим владельцам. Поток жалоб на дворян-арендаторов и землевладельцев свидетельствует о тяжелом положении латышских и эстонских крестьян в последние десятилетия XVII в.

Но особенно ухудшилось положение крестьян в последний период шведского владычества, охватывающий годы, предшествующие Северной войне, и годы войны. Жестокий голод 1695—1697 гг., являвшийся следствием крепостнического строя и колониальной эксплуатации, привел к быстрому обнищанию крестьян и к массовому их вымиранию. Крестьяне

толпами уходили в Россию. Характерным показателем усилившегося крепостнического гнета в последний период шведского владычества является то, что создаваемые шведами для борьбы с русской армией местные вооруженные отряды из крестьян выступали против помещиков, отбирали у них хлеб, скот и другое имущество и опустошали их имения. В 1719 г., уже после изгнания шведов с территории Эстонии и Латвии, была издана королевой Ульрикой-Элеонорой жалованная грамота прибалтийскому рыцарству, которая отменяла редукцию и другие реформы Карла XI. Эстонские и латышские крестьяне были отданы на произвол помещикам; немецким феодальным землевладельцам предоставлялись такие привилегии, какими они никогда не пользовались при шведском господстве и о которых они не могли даже мечтать под властью русского царя[1]. К счастью для латышского и эстонского крестьянства жалованная грамота Ульрики-Элеоноры осталась клочком бумаги, так как шведам не удалось уже вернуться в Эстляндию и Лифляндию.

Но немецкие помещики сумели использовать историческую обстановку и, перейдя на сторону противников Швеции, добиться укрепления своей власти над латышскими и эстонскими крестьянами. О способности немецких дворян в Прибалтике прилаживаться к новой обстановке Маркс писал: «Эти *канальи*..., охотно продавшие, при переходе этих провинций от Польши к России, свою национальность за признание за ними законного права на эксплоатацию крестьян...»[2]

Стремясь привлечь на свою сторону местное дворянство и купечество, русское правительство в 1710 г. гарантировало им сохранение прежних прав и привилегий. После Ништадтского мира начала свою деятельность специальная комиссия, передавшая прежним владельцам и их наследникам весьма значительную часть государственных имений. Кроме того, в тех имениях, которые оставались в руках государства, хозяйничали дворяне-арендаторы. Арендная система эксплуатации казенных имений ставила государственных крестьян Эстляндии и Лифляндии в особенно тяжелое, сравнительно с государственными крестьянами внутренних великорусских губерний, положение.

В отличие от великорусских губерний, в Прибалтике почти отсутствовали оброчные имения. Работа на барском поле и другие виды отработочной ренты (подводная повинность, уход за барским скотом) сохранялись после присоединения Эстляндии и Лифляндии к России как в помещичьих, так и в государственных имениях, сдававшихся в аренду немецким дворянам.

Стремясь расширить барскую запашку, помещики присоединяли к ней земли запустевших крестьянских дворов, увеличивая одновременно размеры барщины, падавшей на плечи оставшихся в имении крестьян.

---

[1] *Я. Я. Зутис.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 100—103.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XXVI, стр. 41.

С требованием барщины помещики и арендаторы Прибалтики сочетали различные поборы натурой и денежные платежи, которые тоже имели тенденции к повышению.

Таким образом, в течение первой четверти XVIII в. как при шведском владычестве, так и после его окончания в Прибалтике возрастали владельческие повинности крестьян и прежде всего наиболее обременительная и затрудняющая развитие крестьянского хозяйства — барщина.

Если принять за 100 общую стоимость барщины, оброка и государственных повинностей, падавших в это время на частновладельческих крестьян Лифляндии[1], то на долю помещика придется 81—82%, а на долю государства лишь 18—19%. Соответствующие цифры для последнего периода шведского владычества равнялись 76 и 24%[2]. Эти примерные расчеты свидетельствуют о том, что, во-первых, доля государственных повинностей в Прибалтике была значительно ниже, а доля владельческих повинностей, налагавшихся немецкими помещиками, значительно выше, чем в центральных русских губерниях; во-вторых, доля государственных повинностей сократилась после изгнания шведов из Прибалтики.

Царское правительство отменило и сократило некоторые налоги, собиравшиеся шведами. Однако помещики не сократили размеры крестьянских повинностей, суммы же, оставшиеся в результате налоговых льгот правительства, они клали в свой карман[3].

В результате этого побеги приобрели столь широкие размеры, что имения некоторых мелких помещиков к середине 1710-х годов остались совсем без крестьян. Крупные помещики также лишились значительного количества крестьян, но отчасти компенсировали себя, привлекая беглых ссудами и временными льготами. Как мелкие, так и крупные помещики были заинтересованы в самых жестких мерах борьбы с побегами за государственные рубежи. По инициативе помещиков в 1719 г. был издан патент, предоставлявший помещикам и их управляющим право требовать, чтобы крестьянину, виновному в побеге в Курляндию или в польскую Лифляндию, выжигали каленым железом клеймо на лбу или отрезали уши и нос. И немецкие помещики пользовались этим гнусным правом, стараясь удержать крестьян в своих имениях. С большим упорством и настойчивостью немецкие дворяне добивались также отмены права города Риги, по которому крестьянин, проживший два года в этом городе, освобождался от помещичьей зависимости. Спор по вопросу о праве Риги на двухлетнюю давность продолжался целое десятилетие, и в 1726 г. Сенат отменил это

[1] Имеются в виду повинности, падавшие на каждый гак — окладную единицу, принятую при обложении крестьян.

[2] *А. Тобин.* Лифляндское аграрное законодательство в XIX ст., т. 1. Рига, 1900, стр. 62.

[3] *Я. Я. Зутис.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937, стр. 67—69.

право. Таким образом, помещики одержали еще одну победу, и города перестали быть убежищем для крепостных крестьян.

Усиление крепостнического гнета, который испытывали в 20-х годах XVIII в. латышские и эстонские крестьяне, буржуазно-националистическая историография пыталась рассматривать, как результат присоединения Прибалтики к России. Между тем немецкие помещики усиливали крепостнический гнет как в годы шведского владычества, так и после его окончания. «В ряде случаев,— пишет советский историк Прибалтики,— царское правительство далеко шло навстречу требованиям остзейского рыцарства, но под властью России привилегии последнего никогда не достигали такого широкого размаха, какой им был придан жалованной грамотой шведской королевы Ульрики-Элеоноры в 1719 г.»[1].

Основной категорией крестьянского населения Карелии в начале XVIII в. являлись черносошные крестьяне, вошедшие после установления подушной подати в разряд государственных крестьян. По данным переписи 1718 г., на долю черносошных крестьян приходилось в Олонецком уезде 78% всех крестьянских дворов, на долю монастырских крестьян приходилось 21%, помещичьих было всего 1%. По своему положению карельские крестьяне в конце XVII в. не отличались от черносошных и монастырских крестьян других северных районов России.

Существенные изменения в положении крестьян Карелии произошли в начале XVIII в. в связи со строительством олонецкой верфи и Петровских олонецких заводов. К заводам были приписаны черносошные, монастырские и даже помещичьи крестьяне всего Олонецкого уезда, а в первые годы XVIII в. и крестьяне трех соседних уездов. Они должны были производить заготовку и подвозку древесного угля, добывать и подвозить к заводу руду и известь. Приписные крестьяне некоторых олонецких погостов не выполняли этих работ, но взамен они должны были платить деньгами по шесть рублей с каждого двора; эта сумма показывает степень обременительности работ по заготовке сырья и топлива для завода.

Однако повинности крестьян, приписанных к Петровскому заводу, не ограничивались этими работами. Вне зависимости от того, участвовали ли крестьяне в заготовке сырья и топлива или платили вместо этой повинности деньгами, каждые девять дворов черносошных крестьян и каждые восемь дворов монастырских крестьян обязаны были ежемесячно высылать для работы на заводе по одному человеку. Кроме того, приписные крестьяне должны были поставлять заводу подводы, а когда производились крупные ремонтные работы, все они мобилизовывались на работу на один, два или три месяца.

Татарские, удмуртские, чувашские и мордовские крестьяне Поволжья относились в начале XVIII в. к разряду ясачных крестьян. Государство облагало их специальной натуральной податью, ясаком, в дополнение

---

[1] *Я. Я. Зутис.* Остзейский вопрос в XVIII в., стр. 99—100, 103—104.

к которому они отбывали другие повинности и платили денежный оброк. В этих повинностях сливались между собой феодальная рента и государственный налог. Как и карельские крестьяне, ясачные крестьяне Поволжья подвергались феодальной эксплуатации не непосредственно помещиками, а крепостническим государством.

Значительное усиление податного гнета было связано со строительством мануфактур. Ясачные крестьяне в начале XVIII в. были приписаны к Казанскому адмиралтейству и мануфактурам Поволжья и Урала. Вместе с мобилизациями на строительные работы в Петербург, Кронштадт, рижский порт, на Ладожский канал и т. д.; вместе с подводной и другими повинностями приписка к заводам тяжелым бременем ложилась на плечи крестьянства народов Поволжья.

Общность исторических судеб и одинаковый характер эксплуатации привели к совместной борьбе русских крестьян и крестьянства народов Поволжья против феодально-крепостнического гнета.

Народы Сибири — тунгусы, буряты, якуты и др., также были обложены ясаком, который взимался наиболее ценным мехом, вывозившимся за границу, — соболем. Хищническое уничтожение соболя уже в конце XVII в. привело к тому, что соболиный ясак стал фикцией, а соболь — условной единицей измерения. Вместо соболя «ясачные иноземцы» должны были сдавать в бóльшем количестве меха белок и горностаев. Упадок промысла привел к тому, что местное население, несмотря на огромный охотничий опыт, не могло полностью внести ясак, из года в год росли недоимки. Налоговый гнет вызывал бегство ясачных людей[1].

Таким образом, политика правительства Петра I в отношении крестьянства была направлена на усиление его крепостной зависимости. Это проявлялось прежде всего в увеличении контингента феодально-зависимого населения страны и усилении его феодальной эксплуатации.

Развитие феодальных отношений нашло свое выражение в изменении численности отдельных разрядов крестьян. Часть дворцовых и монастырских крестьян была пожалована в собственность светским феодалам. Многочисленная группа государственных крестьян была приписана к частным и казенным заводам. Крупным заводчикам было предоставлено право покупать крестьян к заводам, чем было положено начало новому разряду так называемых поссессионных крестьян. Эти мероприятия правительства ухудшали положение крестьян, так как крепостной режим в вотчинах светских феодалов был тяжелее, чем в дворцовых владениях. Однодворцы были низведены до положения государственных крестьян, а разряд холопов окончательно слился с крестьянами.

Наконец, усиление крепостного гнета сказалось в общем увеличении налогового бремени и различного рода повинностей как частновладельческих, так и государственных и дворцовых крестьян. Особенно тяжелым

---

[1] См. *В. Н. Шерстобоев*. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, стр. 545—550.

было бремя рекрутчины и государственных податей в первую половину Северной войны. Но с крестьян продолжали драть «три шкуры» и после завершения войны.

В то же время рост общественного разделения труда, выразившийся в развитии промышленности, а также выход России к берегам Балтики способствовали процессу складывания всероссийского рынка. В результате постепенно развивались связи крестьянского хозяйства с рынком, расширялись крестьянский отход и промыслы.

За рассматриваемый период наблюдается дальнейшее увеличение доли денежных государственных повинностей и денежной ренты при общем господстве отработочной ренты и широком распространении натурального оброка. Продолжается процесс географического размежевания оброка и барщины, что связано с развитием промыслов, разделением труда, со складыванием всероссийского рынка, ускоренного в результате реформ первой четверти XVIII в.

Помещики и государство, выражавшее прежде всего классовые интересы дворянства, усиливали крепостническую регламентацию крестьянских передвижений и крестьянского производства. Законодательство, касающееся крестьян, было направлено на то, чтобы укрепить господство помещиков и парализовать сопротивление крепостническому строю. Противоречия между классом помещиков и классом крестьян не только не смягчились, но, наоборот, обострились еще более.

На Украине и в Прибалтике, в Карелии и в Поволжье продолжался в это время процесс усиления крепостнической эксплуатации. Однако лживым является утверждение буржуазных националистов, что это усиление крепостнической эксплуатации было результатом присоединения Украины и Прибалтики к России. Оно являлось результатом внутреннего развития и осуществлялось украинской старшиной и немецкими баронами. Объединение с Россией способствовало развитию всей экономики, в том числе и крестьянского хозяйства, а восстановление прочной связи с великим русским народом имело огромное значение не только для экономического, но и для политического и культурного развития крестьянства всех народов, входивших в состав империи.

Как русское крестьянство, так и крестьянство других народов империи, испытывая феодально-крепостнический гнет, уже в XVIII в. нередко совместно вели борьбу против помещиков-крепостников.

6

ДВОРЯНСТВО

Феодальная собственность на землю являлась основой господства дворянства. В первой четверти XVIII в. дворянство расширяет права на огромный земельный фонд и эксплуатацию труда крепостного населе-

ния, укрепляет свое господствующее положение в чиновничье-дворянской монархии.

По сведениям, собранным правительством в 1700 г., было 15 041 светских владельцев населенными имениями[1]. Число крестьянских дворов, принадлежавших в это время светским феодалам, точно неизвестно. Источник 1699 г. называет цифру 378 662 двора, источник 1710 г., пользовавшийся данными 1700 г.,—363 371 двор, но и та и другая цифры неполны и должны быть повышены: они дают подсчет дворов по устаревшей к 1700 г. переписи 1678 г. и не охватывают всех землевладельцев[2]. Несмотря на то, что приведенные цифры не полны, преобладающая роль дворянского землевладения бесспорна: к концу XVII в. в руках остальных землевладельцев, вместе взятых, было значительно меньше дворов; духовные феодалы владели 126 934 дворами (по другим сведениям — 146 498 дворами), дворцу принадлежало около 100 000 дворов.

Земельные владения с их крестьянским населением распределялись между различными прослойками господствующего класса далеко не равномерно. Когда в 1696—1698 гг. землевладельцам, имевшим 100 дворов и выше, было указано складываться в «кумпанства» для постройки кораблей, то таких дворовладельцев было обнаружено всего 535 чел. Эта немногочисленная группа феодалов, преимущественно из столичных «чинов», владела 170 097 дворами, или примерно 45% всех дворов, находившихся в руках светских землевладельцев. Из этих 535 землевладельцев только 69 имели более 500 дворов, из них только 13 — от 1000 до 2000 и лишь пятеро — свыше 2000 дворов. Среди крупных владельцев выделялось боярство: 51 боярин и 11 боярынь-вдов владели в конце XVII в. 50 320 дворами. Княжеская прослойка еще сохраняла значительное место: среди бояр — 27, то есть более половины, являлись представителями княжеских фамилий. Боярин князь М. Я. Черкасский был крупнейшим землевладельцем — у него было 9083 двора. Более чем тысячью дворов владели князья: И. Т. Троекуров, Ю. Ю. и Я. Н. Одоевские, И. Ю. Трубецкой, П. И. и А. П. Прозоровские, П. М. Долгорукий, П. А. Голицын, Н. П. и А. И. Репнины, княгиня Барятинская. Однако уже к началу XVIII в. сказался в полной мере характерный и для XVII в. процесс продвижения в столичные чины неродовитых фамилий: выдвинувшиеся родством с царем трое Нарышкиных имели 7618 дворов, трое бояр Лопухиных — 1 835, четверо

---

[1] *П. И. Иванов.* Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших... М., 1836, стр. 229—251.

[2] *К. В. Сивков.* К истории землевладения в России в начале XVIII в. «Известия АН СССР, Отд-ние общест. наук», 1933, № 3, стр. 208—209; цифра 1699 г. дана здесь по «Запискам» И. А. Желябужского (СПб., 1840, стр. 132—133), цифра 1700 г. — по ведомости, составленной в Поместном приказе в 1710 г. по «сказкам» Генерального двора 1700 г., в которых сведения о количестве дворов давались по переписи 1678 г., но с учетом их перераспределения между владельцами (ЦГАДА, Приказные дела Вотчинного архива, № 5194/146, лл. 286—289); эти сведения ошибочно отнесены к 1710 г.

стольников Лопухиных — 1286 дворов и т. д.[1] Огромное большинство владельцев, около 14 500 из 15 000, принадлежало к среднему дворянству с дворовладением ниже 100 дворов, и к дворянству мелкому с владениями в несколько десятков, а то и в несколько дворов.

Землевладение бояр и других высших чинов отличалось не только своими размерами, но и юридическими особенностями: в то время как рядовое дворянство владело имениями преимущественно на условном поместном праве, крупные земельные владения столичных чинов были в большинстве случаев вотчинами. Многочисленная масса среднего и мелкого дворянства составила опору абсолютной монархии. В 20-х годах XVIII в. был проведен ряд мероприятий, укреплявших крепостническое землевладение дворянства в целом, в особенности же рядового дворянства.

Уже в XVII в. обнаружилась в полной мере тенденция к слиянию условной земельной дворянской собственности — поместья — с наследственной — вотчиной, появились «наследственные» или «родственные» поместья, и вошла в практику передача поместья после смерти помещика его детям. Запрещенная купля-продажа поместий совершалась путем «мены», фактически прикрывавшей продажу.

В начале XVIII в. мобилизация земельной собственности была широко распространенным явлением. Сохранившиеся «вотчинные крепостные книги» московских учреждений первого десятилетия XVIII в. раскрывают фиктивность «мены» поместьями и подробности такого рода сделок. Желавший продать поместье обычно «менял» его «со всеми угодьи», «со крестьяны и со всеми их крестьянскими животы», на полчетверика или полполчетверика «пустоши» или с крестьянином «в бегах», но при этом «за перехожие четверти», то есть за излишек земли в обмениваемом поместье против получаемого, брал деньгами[2]. Иной раз сделки заключались на крупные суммы в 300—500 и 1000 руб. Однако в первое десятилетие XVIII в. еще соблюдались стеснительные формальности, и указы 1701 и 1709 гг. подтверждали постановление Уложения о допросе участников «мены» при свидетелях в Поместном приказе[3].

Фактическое слияние поместий и вотчин было юридически закреплено указом о единонаследии от 23 марта 1714 г.[4] Родовые, выслуженные и купленные вотчины и поместья были объединены в указе под общим наименованием «недвижимых вещей» и уравнены в отношении порядка наследования. Но ограничение в праве распоряжения недвижимыми имениями—

---

[1] *С. И. Елагин.* История русского флота, приложения, ч. 1. СПб., 1864, стр. 181 и сл.

[2] Четверть или четь земли равнялась ½ десятины и заключала в себе 8 четвериков.

[3] ЦГАДА, ф. Юстиц-коллегии, книга крепостная вотчинная 1701 г., № 1/332, и книги за последующие годы; ПСЗ, т. IV, № 1854, стр. 167—168; № 2158, стр. 388; № 2231, стр. 451—452.

[4] ПСЗ, т. V, № 2789, стр. 91—94.

обязательная передача их только одному из сыновей, а в случае их отсутствия одной из дочерей, с удовлетворением других детей из движимого имущества,— оказалось нежизнеспособным и было отменено уже в 1730 г. Не вошло в жизнь и провозглашенное в указе запрещение продавать и закладывать недвижимые имения, смягченное разрешением продажи в случае нужды: оно решительно противоречило оживленной мобилизации земельной собственности, которая проявилась в достаточной степени еще в предшествующее время[1]. Зато слияние в правах поместных земельных владений с вотчинными прочно вошло в жизнь и передало в руки дворянства, в качестве наследственной собственности, наряду с вотчинами, огромный фонд поместных земель с их крестьянским населением. Принцип единонаследия, введенный указом 1714 г., отражал борьбу с дроблением и измельчанием дворянских имений и разорением дворянства [2].

Крупнейшим мероприятием, расширявшим права дворянства над крестьянским населением имений, было введение подушной подати.

Указ о подушной переписи 26 ноября 1718 г.[3] и последующие разъяснения к нему резко отделили дворянство в качестве привилегированного неподатного сословия от податных групп, в том числе и от включенных в подушный оклад однодворцев. Включение в «сказки» наряду с крестьянами и холопов расширяло господские права над населением вотчин. То же следствие имели указы о возвращении беглых и установленная законом ответственность помещика за уплату подушных. Эти меры привели к тому расцвету помещичьего произвола, который так характерен для XVIII в.

Еще в законодательстве XVII в. право владения населенными землями и людьми начало обращаться в сословную привилегию служилого класса. В течение XVIII в. это право оформилось окончательно, как исключительно дворянское; лишь в порядке исключения дворянское государство допускало некоторые отступления от общего правила. В законе 18 января 1721 г., которым разрешалась покупка деревень к заводам, подчеркнуто, что купленные к заводам крестьяне прикреплялись не к личности владельца мануфактуры, а к самому заводу, их можно было передать по наследству только вместе с заводом. Таких крестьян разрешалось использовать лишь на заводских работах и строго запрещалось применение их труда для личных услуг заводчику. В 1722 г. Сенат заявлял, что «беломестцам лавок за собою, а купцам деревень иметь не надлежит»[4]. Однако, когда при по-

---

[1] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права. Пг.— Киев, 1915, стр. 505 и сл.

[2] Проведение в жизнь указа 1714 г. вызвало и реорганизацию учреждений, ведавших поместными землями: Поместный приказ был в 1719 г. заменен «Канцелярией Вотчинных дел», а с 1722 г. — Вотчинной коллегией.

[3] ПСЗ, т. V, № 3245, стр. 597.

[4] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 780.

душной переписи переписчики столкнулись с наличием холопов у посадских, приказных, а также у церковных и монастырских служителей, они получили разъяснение записывать их в оклад за их хозяевами[1]. Так, обложенные подушным окладом посадские оказались в ряде случаев владельцами ревизских же душ.

Позднейшее законодательство устранило эту непоследовательность и окончательно оформило привилегированное положение дворянства в отношении владения крепостными.

Наряду с укреплением дворянских прав на землю, в первой четверти XVIII в. энергично шел процесс расширения территории дворянского землевладения. Он совершался несколькими путями — посредством пожалований за счет фонда дворцовых и черносошных земель, путем колонизации свободных земель на окраинах и насильственным захватом земель черносошных и ясачных крестьян.

Пожалование населенных имений за выслугу при Петре широко практиковалось не только из «выморочных» и «отписных деревень», но и из черносошных и дворцовых. За 28 лет, с 1682 г. по 1710 г., из фонда дворцовых земель было роздано 273 волости, 43 655 дворов и 338 960 четвертей пашни. Львиная доля этих пожалований—42 910 дворов — попала в руки светских феодалов. В 80-е годы и в начале 90-х годов XVII в. проводилась широкая раздача дворцовых волостей родственникам царской семьи и приближенным ко двору (например, Л. К. Нарышкин получил в 1691 г. в Шацком уезде огромную Конобеевскую волость с 2853 дворами и 34 485 четвертями пашни). Но с первых лет XVIII в. пожалования приобретают иной характер — Петр раздает дворцовые земли своим ближайшим помощникам, не считаясь с знатностью происхождения. А. Д. Меншикову в 1706 и 1709—1710 гг. было пожаловано 2157 дворов, в 1700—1710 гг. адмиралу Ф. А. Головину — 1106 дворов, адмиралу Ф. М. Апраксину — 1097, Б. П. Шереметеву — 2408, графу Г. И. Головкину — 705, В. Брюсу — 634 двора [2].

Многие раздачи были вызваны политическими соображениями: Петр щедро жаловал дворян-иммигрантов, выезд которых в Россию был связан с внешней политикой русского правительства. Становясь землевладельцами в России, такие иммигранты вливались в состав русского феодального класса, с которым их связывали общие классовые интересы, роднились со знатными русскими дворянскими семьями, занимали должности по военной и гражданской службе. В 1700 г. выехавшему из Грузии в Москву грузинскому царю Арчилу Вахтанговичу были пожалованы в Новгородском уезде 3284 двора и 20 464 чети пашни. Сын его Александр, ровесник Петра, воспитывался вместе с ним и стал первым в России генерал-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3999, стр. 675; т. VII, № 4373, стр. 165—166.

[2] *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. 1. СПб., 1858, приложение XII, стр. 390—399.

фельдцехмейстером. Новая волна дворян-иммигрантов из Грузии была вызвана Персидским походом и неудачей плана совместных действий русского и грузинского войск. В 1724 г. в Россию выехал картлийский царь Вахтанг VI, его приближенные — грузинские князья, духовенство, дворяне — всего 1185 чел. Они получали земельные пожалования в зависимости от знатности и влияния. В состав русского дворянства вошли грузинские князья Дадиановы, Багратионы, Цициановы, Баратаевы, Манвеловы и др.[1] В XVI в. и в течение всего XVII в. выезжали на службу при московском царском дворе, крестились и получали вотчины и поместья кабардинские князья, носившие в России фамилию Черкасских.

Князь М. Я. Черкасский был одним из крупнейших землевладельцев, в 1696 г. ему принадлежало более 9 000 крестьянских дворов, у двух его сыновей, породнившихся с Нарышкиными и Трубецкими, было более 7 000 дворов. Среди выехавших из Кабарды при Петре видное место и по службе и по земельным владениям занял известный князь Александр Бекович Черкасский, женившийся на Голицыной.

После Прутского похода 1711 г. из Молдавии в Россию выехали многие «волошские» дворяне во главе с молдавским господарем князем Дм. Кантемиром, ставшим впоследствии русским сенатором. Приехавшим с ним дворянам было роздано в Слободской Украине более 700 дворов ранее свободного крестьянства. На Украине также получали «маетности» выезжавшие на русскую службу сербские дворяне. Богатые имения были у вызванного в Россию серба Саввы Рагузинского, получившего титул графа.

По сделанным в 1732 г. подсчетам, дворцовое землевладение уменьшилось при Петре вдвое за счет раздачи, около 175 000 душ м. п. было превращено в крепостных частных владельцев[2].

С ослаблением в начале XVIII в. опасности татарских набегов землевладение русского дворянства распространяется далее на юг и на юго-восток, в Среднее Поволжье, захватывает Воронежскую и Белгородскую провинции. Здесь получают владения как средние помещики, так и видные лица, П. М. Апраксин, Б. П. Шереметев, Г. И. Головкин, которые заселяют слободы вызванными с Украины «черкасами». Полученные «дачи» расширяются путем насилия или незаконных сделок — вопреки указу 1711 г., запрещавшему покупку земель у однодворцев. Так, однодворцы Салтовского уезда жаловались на П. М. Апраксина, захва-

---

[1] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. 1, стр. 390—399, т. IV, ч. 1, стр. 62—68; *В. Л. Лысцов.* Персидский поход Петра I 1722—1723. М., 1951, стр. 239; *В. Л. Татишвили.* Грузины в Москве. Тбилиси, 1950.

[2] *Ю. В. Готье.* Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад, 1915, стр. 111.

тившего у них до пяти тыс. четвертей земли. Русское дворянское землевладение распространяется и по Левобережной Украине, где одновременно шел рост землевладения местной казацкой старшины, причем крестьяне, а отчасти и рядовые казаки оказывались в положении «подданных»[1].

Для колонизации Среднего Поволжья большое значение имела постройка двух новых оборонительных линий: в начале 1680-х годов от Нижнего Ломова к Пензе и от Пензы к Сызрани, и в 1718—1720-х годах, после крупного набега кубанских татар — от Царицына к Паншину городку на Дону. Кроме того, в самом конце XVII в. в Саратовском крае была построена небольшая крепость Петровск и заселены военные слободы.

Уже вскоре после постройки сызрано-пензенской черты колонизация вышла за ее пределы — за вал. Сначала заселялась северная и северозападная части Саратовского края — первая со стороны Симбирска и вторая — со стороны Пензы. Здесь получали «дачи» в «диком поле» провинциальные служилые люди — симбиряне, пензенцы, инсарцы и др., с возможностью расширить свой оклад «примерной землею» (то есть прибавленной сверх оклада). С постройкой Царицынской черты дворянское землевладение распространяется в ее пределах и далее на юг. Наряду с провинциальными дворянами в Саратовский край переводят крестьян из центральной части России видные столичные деятели: П. М. Апраксин, князья А. М. Черкасский, С. Б. Голицын, Б. И. Куракин и др. В первой четверти XVIII в. здесь начинаются насильственные захваты дворянами земель мелких служилых людей и нерусского населения[2].

Продвижение дворянского землевладения на восток, в сторону Башкирии, было затруднено башкирским восстанием 1705—1711 гг. Однако и здесь дворянское землевладение постепенно укрепляется[3].

В давно освоенных русской дворянской колонизацией областях, на территории бывшего Казанского ханства и в нижегородских местах росту дворянского землевладения помогала колониальная политика правительства. Указ 1713 г. запрещал некрещеным татарским мурзам и служилым людям владеть поместьями и вотчинами с крещеными крестья-

---

[1] *Ф. И. Лаппо.* Наказы однодворцев как исторический источник. «Исторические записки», кн. 35, 1950, стр. 241; *Д. И. Багалей.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства, М., 1887, стр. 377.

[2] *А. А. Гераклитов.* История Саратовского края в XVI—XVIII вв. Саратов, 1923, стр. 287—340; *Ю. А. Кузнецова.* К истории колонизации Сердобского уезда. «Труды Нижне-Волжского обл. научного об-ва краеведения», вып. 35, ч. 2. Саратов, 1928, стр. 59—82; *Е. П. Подъяпольская.* О помещичьем землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда. «Известия краеведческого ин-та изучения Нижне-Волжской области», т. II. Саратов, 1927; «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. II, Саранск, 1940, стр. 190—191, 220, 230—236.

[3] *В. И. Лебедев.* Башкирское восстание 1705—1711 гг. «Исторические записки», кн. 1, 1937, стр. 98—99; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. III. М.— Л., 1949, № 7, 10, 67, 69, 80, 110, 127, 136, 139, 159, 160 и др.

нами. В результате этого многие татарские имения были отобраны в казну с последующей раздачей татарским крещеным и русским помещикам.

Присоединение Прибалтики в результате Северной войны повело к появлению русского дворянского землевладения в Лифляндии, в Карелии, в окрестностях новой столицы.

Продвижение дворянского землевладения на новые территории способствовало росту землевладения рядового дворянства, расширяло его крепостное хозяйство, усиливало его экономически.

Одной из характерных особенностей дворянского землевладения, сложившейся к началу XVIII в., была его распыленность: обычно дворянин имел земли с крестьянами не в одной губернии или уезде, а в нескольких, иной раз небольшими частями. Примером могут служить владения В. Б. Змеева, у которого в 1700 г. было 16 дворов в Романовском уезде, 9 — в Мценском, 26 дворов в Ярославском, 119 — в Галицком, 31 — в Вологодском, 36 — в Костромском, 16 — в Данковском, всего 253 двора[1]. Эта особенность отражала постепенный рост земельных владений дворянина путем отдельных покупок или пожалований. По данным первой ревизии, к 1724 г. дворцу, духовным и светским феодалам принадлежало более 4 млн. крестьянских душ м. п.

Одновременно с изменениями в распределении земельного фонда изменялась организация прохождения службы дворянством.

К началу царствования Петра служилый землевладельческий класс еще сохранял пестрое деление на чины: думные, столичные и городовые (то есть провинциальные). Отмена в 1682 г. местничества и создание регулярной армии нанесли серьезные удары старой чиновной организации и принципу «породы», знатности происхождения. В первой четверти XVIII в. завершается характерный для эпохи абсолютизма процесс сплочения отдельных прослоек феодального класса. Старые чины постепенно отживали не путем их законодательной отмены, а путем прекращения пожалования в них. С 1695 г. в Разряде прекратили писать «в стольники» и «в стряпчие», а с 1703 г. в «нисший столичный чин — в жильцы», в 1711 г. жилецкое звание было вообще уничтожено[2]. В 1678 г. по так называемому «боярскому списку» в Боярской думе значилось 98 человек, в том числе из 42 бояр 31 носил княжеский титул, то есть получил чин боярина по знатности происхождения. К 1705 г. в думных чинах значилось только 59 лиц, и боярский список называет лишь 22 боярина (из них 11 — князья), из которых только половина оставалась в Москве, остальные были вне Москвы, на службах и в посылках. Ведомость 1700 г., наряду со старыми чинами, вводит новую номенклатуру военных чинов, связанную с регулярной армией: среди группы «начальных людей» названы под-

[1] ЦГАДА, Архив III Вотчинный, Приказные дела, кн. № 172, 1718 г., л. 204.

[2] *Н. Г. Устрялов*. Указ. соч., т. IV, ч. 2. СПб., 1863, стр. 487—488; *В. А. Евреинов*. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1888, стр. 11.

полковники, майоры, порутчики, прапорщики, ротмистры, среди дворян — «людей нижних чинов» — рейтары и драгуны[1].

С падением прежнего чиновного строя служилые землевладельцы объединяются в сословие под общим наименованием дворянства или (на польский лад) шляхетства. В указах первой четверти XVIII в. появляется обращение «ко всему шляхетству». Постепенно с созданием армии и бюрократического аппарата выработалась чиновная номенклатура, соответствующая стремлению дворянства укрепить свое положение в новых условиях. В этой обстановке на первый план был выдвинут принцип служебной годности, что позволяло назначить на командный пост и неродовитого дворянина, а также пополнить ряды дворянского класса выходцами из других слоев населения. Петр энергично участвовал в перестройке чиновной организации дворянства, ломая недовольство и сопротивление его родовитой прослойки. Руководствуясь бюрократическим принципом выслуги, Петр выражал пренебрежение к знатности происхождения и в указах, и в личных отношениях, так коробивших представителей родовой знати.

В пунктах Сенату — «что по отбытии нашем делать» — Петр предлагает собрать «для запасу в офицеры», наряду с «дворянами молодыми»; «также тысячю человек людей боярских грамотных»[2] (то есть холопов); но при обработке этих пунктов в указ 13 марта 1711 г. Сенат опустил это распоряжение Петра[3]. На вопрос, «каким образом знатное шляхетство щитать» для определения в гвардию, Петр ставит резолюцию: «знатное дворянство по годности щитать», объединяя, очевидно, в понятии служебной годности личные качества, достигнутый выслугой чин и материальную обеспеченность, но игнорируя признак знатности происхождения[4]. Знатному гедиминовичу князю Б. И. Куракину царствование Петра представлялось временем «падения первых фамилий», когда «имя князей было смертельно возненавидено и уничтожено»[5].

Бюрократический принцип выслуги нашел свое законченное оформление в изданной 24 января 1722 г. «табели о рангах». Наряду с указом о единонаследии «табель о рангах» была важнейшим мероприятием, укреплявшим диктатуру дворянского класса, обеспечивающим его господствующее положение в армии и во флоте, а также в бюрократическом аппарате абсолютной монархии.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. «Исторический архив», т. IV, 1949, стр. 88—149; *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 490—492; ЦГАДА, Приказные дела Вотчинного архива, кн. № 5194/146, 1710 г., лл. 286—287.

[2] ПСЗ, т. IV, № 2330, стр. 643; *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I. М.— Л., 1945, № 241, стр. 198.

[3] ПСЗ, т. IV, № 2337, стр. 648—649.

[4] Там же, т. VII, № 4589, стр. 360—362; *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., № 206, стр. 149—150.

[5] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 64.

В табели впервые было проведено деление на службу гражданскую и военную. Чины военные (морские, сухопутные, гвардейские) и гражданские были распределены на 14 классов, или рангов, от низшего XIV класса (коллежский регистратор по гражданской службе и прапорщик или корнет по военной) до высшего I ранга, к которому были отнесены чины и звания генерал-адмирала, фельдмаршала, генералиссимуса, действительного тайного советника и канцлера. Получение чинов обусловливалось постепенным прохождением этой служебной лестницы, начиная с низшего ранга. «Сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшого дворянства, такожде служителей знатнейшего ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы, или их отцов, знатных чинов в публичной асамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижняго чина...»,— писал Петр, но при этом указывал, что ранги даются не по знатности рода, а за службу, «однакож мы для того никому какого ранга не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оные характера не получат»[1].

В «табели о рангах» устанавливалось получение наследственного дворянства каждым, дослужившимся до VIII ранга, с тем, что их потомки «в вечные времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах... равно почтены (имеют.—*Ред.*) быть, хотя б они и низкой породы были». По пункту 15 дворянство давалось каждому военному, дослужившемуся до первого обер-офицерского чина, с передачей дворянского звания по наследству детям, родившимся после производства отца в этот чин[2]; гражданские и придворные чины XIV—IX рангов давали только личное дворянство. Кроме того, в табели говорилось о пожаловании в дворянское достоинство по воле государя.

При рассмотрении проекта табели сенаторами была представлена Петру особая записка. Сенат запросил, в каких рангах должны состоять «некоторые персоны», оставшиеся «в древних чинах», а именно: «бояре, кравчие, окольничие, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины», и предлагал назначить им чины, указывая, что «ежели ранги им будут не определены, то от подчиненных им будет не без противности». Но Петр оставил «мнение» сенаторов без внимания, подчеркивая этим, что «древние чины» потеряли всякое значение[3]. Родовитым дворянам табель предоставила лишь одно преимущество: если дворянскому роду было «не меньше 100 лет», то дворянин, и не служа, мог получить герб.

Таким образом, табель узаконивала заполнение всех должностей по военной и гражданской службе дворянством, открывая рядовому дворя-

[1] ПСЗ, т. VI, № 3890, стр. 490.

[2] Черновой набросок этого пункта показывает, что он был принят не без колебаний: первоначально предполагалось давать дослужившимся не из дворян до обер-офицерского чина только личное дворянство (Сб. РИО, т. 11, стр. 439).

[3] «История правительствующего Сената за двести лет 1711—1911 гг.», т. I, СПб., 1911, стр. 309—311.

нину возможности продвижения по службе до самых высших должностей. Пункты табели о даровании наследственного или личного дворянства дослужившимся до известных чинов выходцам не из дворян ни в какой степени не разрушали классовой дворянской основы империи, так как выслужившиеся в наследственные дворяне получали не только «патенты на дворянство», но обычно и населенные имения, входили в состав дворянского крепостнического класса и расширяли количественно его состав.

Вместе с постепенной выработкой служебной лестницы, окончательно оформленной «табелью о рангах», идет работа над составлением росписей окладов постоянного денежного жалованья как за военную, так и за гражданскую службу[1].

Основной службой дворян, как и в предшествующее время, оставалась военная служба. Дворянству принадлежало руководящее положение в армии и флоте. Эта служба требовала образования и выучки, знания «с фундамента» солдатского дела[2]. Правительство открывало перед дворянством путь образования и обеспечивало дворянам привилегированные по сравнению с солдатами не дворянами условия выслуги в офицеры. Указ 1714 г. вводил для дворянских детей («кроме однодворцев») обязательное обучение «цыфири и геометрии», в случае уклонения им грозило запрещение жениться[3]. Кроме этого, так сказать начального обучения, практиковалась посылка дворянских детей в специальные школы (Морскую, Инженерную и Артиллерийскую академии) и за границу для специального образования, которое давало право на офицерские чины без прохождения службы солдатом или матросом. Своеобразными дворянскими военными школами являлись гвардейские полки — Семеновский, Преображенский и созданный в 1719 г. конный лейб-регимент, которые имели целиком дворянский состав, куда дворянские недоросли зачислялись солдатами и откуда они выходили офицерами. «Воинский устав» 1716 г. указывал, что «шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии», начиная с «солдатства»[4]. Однако специальные школы и комплекты гвардейских полков не вмещали всех подраставших дворянских «недорослей», был необходим отбор. Оставшиеся за комплектом дворянские недоросли зачислялись солдатами «в другие полки», где должны были проходить службу в несравненно более тяжелых условиях, наряду с набранными из других сословий рекрутами.

Привилегированное положение гвардейских полков, как дворянских, было отмечено «табелью о рангах», в которой гвардейские чины идут

---

[1] Сб. РИО, т. 11, стр. 160—163, 455—457; ПСЗ, т. IV, № 2319, стр. 590—627; т. V, № 2673, стр. 27; № 2879, стр. 138—140.

[2] ПСЗ, т. V, № 2775, стр. 84—85.

[3] Там же, № 2762, стр. 78.

[4] Там же, № 3006, стр. 206.

ступенью выше армейских. Стоявшие близко к правительству и самому царю, квартировавшие в мирное время в столице, гвардейцы постоянно привлекались правительством к выполнению ответственных поручений не только на фронтах войны, но и по внутреннему управлению и являлись опорой абсолютизма и организованной военной силой дворянского класса, посредством которой он принимал прямое участие в политической жизни. Гвардия уже в это время начала играть ту выдающуюся роль в государстве, значение которой проявилось в полной мере в позднейших событиях XVIII в.

Дворянство, как правящий класс, получило в свои руки в виде бюрократических учреждений более совершенный, чем в XVII в., административный аппарат. Заполняя руководящие должности в центральном и местном управлении, дворянство бюрократизируется, привлекая в свои ряды выдвинувшихся представителей недворянской бюрократии. Изучение состава провинциального управления после областной реформы 1719 г. показывает, что ответственные должности — воевод в провинциях, земских комиссаров в дистриктах, судей в разных инстанциях — заполнялись сплошь дворянами. Для руководящей роли дворянства в центральном правительственном аппарате характерно назначение президентом Главного магистрата князя Трубецкого (только вице-президентом был купец Исаев), президентом Коммерц-коллегии — П. А. Толстого, затем И. И. Бутурлина, Мануфактур-коллегии — В. Я. Новосильцева, даже в обер-инспекторы Коммерц-коллегии предписывалось «выбирать из дворян» и лишь «в товарищи» к ним «из купецких людей»[1].

Так же как военная служба в регулярной армии, гражданская служба в сложной системе центральных и местных учреждений с их строгой отчетностью требовала образования и специальных навыков. Дворянство должно было овладеть ими для сохранения своего руководящего положения в новых условиях службы. В Генеральный регламент коллегиям 1720 г. было включено предписание обучать при коллегиях молодых дворян «ко всяким делам... дабы со временем могли производить в вышние чины по градусам»[2]. Указ 1724 г. предписывал набрать 100 человек из шляхетства, обучающегося в академиях, и распределить их по коллегиям[3]. Правительство заботилось о систематической подготовке образованных чиновников из дворянства. В регламенте предписывалось такое прохождение службы при коллегии «фамилиям знатным и шляхетским в укоризну не ставить»; эта оговорка показывает, что дворянство, охотно занимавшее руководящие посты в гражданских учреждениях, считало канцелярскую службу не соответствующей шляхетскому достоинству.

---

[1] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., № 265, стр. 219—220; *П. И. Баранов.* Архив правительствующего Сената, т. 1, СПб., 1872, № 950, стр. 83; ПСЗ, т. VI, № 3886, стр. 484—485.

[2] ПСЗ, т. VI, № 3534, стр. 154.

[3] Там же, т. VII, № 4457, стр. 250.

Необходимость заполнить многочисленные штаты новых учреждений заставляла обращаться к разночинцам и «подьяческим детям», открывая годным из них пути к бюрократической карьере и вводя обязательное обучение детей подьячих наряду с дворянскими в цифирных школах[1]. Кабинет-секретарь и один из самых приближенных к царю лиц А. В. Макаров был из посадских людей, два вице-губернатора — московский В. С. Ершов и архангельский А. А. Курбатов—из дворовых людей и крепостных Шереметева.

Однако продвижение не дворян по лестнице военных, а тем более гражданских чинов отнюдь не было легким, в обер-офицеры выходили из не дворян лишь за «долгую службу». Указ 1724 г. предписывал по гражданской службе в секретари, минуя низшие чины, не из дворян «не определять». В отношении лиц «подьяческого чина» производство сразу в высший чин разрешалось только за исключительные заслуги — «кто какое знатное дело покажет», — по свидетельству Сената и с пожалованием определенному в секретари не дворянину шляхетского достоинства[2].

Успешное разрешение стоявших перед чиновничье-дворянской монархией задач требовало напряженной, безотрывной службы дворянства, и дворянское правительство строго следило за исполнением дворянами их обязанностей по военной или гражданской службе и по обучению. Контроль осуществлялся периодическими смотрами как недорослей, так по временам и всего наличного состава дворянства. Наиболее крупный смотр был произведен в два приема — в 1721 и 1722 гг., когда явка в Петербург или в Москву предписывалась всем дворянам как служащим, так и отставным, последним — для проверки основательности данной им ранее отставки[3]. Обязанностью специального должностного лица при Сенате — герольдмейстера — был контроль за дворянской службой и наблюдение за тем, чтобы на гражданской службе «более трети от каждой фамилии не было, чтоб служивых на земле и море не оскудить»[4].

Бессрочность службы, особенно военной, и тяга дворян к расширению крепостного хозяйства в своих имениях нередко приводили к случаям «нетства» на смотрах, к стремлению части дворянства, особенно тех, кто отставал в чинах и был задет пренебрежением к принципу породы, уклониться от обязательного обучения, от посылок за границу. Правительство, выражая интересы дворянского класса в целом, не останавливалось перед мероприятиями, которые били по отсталым его элементам.

В течение всего царствования Петра издавались грозные указы о наказаниях за уклонение от службы, повторяемость которых говорит

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2778, стр. 86.

[2] Там же, т. VII, № 4449, стр. 226.

[3] Там же, т. VI, № 3810, стр. 411—412; № 3820, стр. 431—432; № 3825, стр. 434; № 3874, стр. 478; № 3897, стр. 499—500.

[4] Там же, т. VI, № 3877, стр. 479—480; № 3898, стр. 497—499.

о распространенности явления. Правительство грозило «нетчикам» то «жестоким наказанием и розорением», то конфискацией их поместий и вотчин, то тюрьмою и отдачей всего имущества и имения доносителю, «какого б оный низкого чина ни был», хотя бы собственный слуга «нетчика»[1]. Отписка дворянских имений за неявку и другие преступления по службе широко практиковалась, пополняя фонд земель, из которых шли дворянам же награды за те или иные заслуги. К угрозам материальных наказаний указ 1722 г. прибавлял позорящее честь дворянина «шельмование» и опубликование имен «нетчиков» на прибитых к виселицам листах. Отыскание их вменялось в обязанность фискалам. Обер-фискал Нестеров заявлял, что сыскал более тысячи человек «кроющихся от смотров и службы»[2]. Как поощрениями, так и «дубинкой» Петр стремился вербовать из среды дворянства кадры для военно-бюрократического аппарата империи.

Несмотря на эти строгие распоряжения, случаи безнаказанного уклонения дворян от службы оказывались возможными. Дворянин М. В. Данилов простодушно рассказывает в своих записках, как зять его, получивший большое наследство, нашел «милостивца» в полковом секретаре; тот постоянно давал ему годовые отпуска «за малые деревенские гостинцы», состоявшие из «душек двенадцать мужеска пола с женами и с детьми», за год освобождения от военной службы[3]. Не менее колоритные примеры дает в своей «Книге о скудости и богатстве» язвительный обличитель дворянских злоупотреблений И. Т. Посошков. Он перечисляет знакомых ему по новгородским местам дворян, успешно укрывавшихся от военной службы в своих деревнях то «юродством», то «дарами», то посылкой вместо себя «убогого дворянина», то «защищением» сильных «правителей».

В связи с мерами против уклонения дворян от службы нужно вернуться к уже упоминавшемуся выше указу о введении единонаследия, согласно которому недвижимые имения должны были переходить одному из сыновей, а в случае их отсутствия — одной из дочерей, по выбору завещателя.

Указ приводит три довода в защиту новых порядков наследования. Необходимость введения единонаследия недвижимых имений мотивируется интересами государства, так как при дроблении имений крестьяне, отягощенные поборами владельцев, лишаются возможности исправной уплаты податей. Вторая мотивировка — «фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут чрез славные и великие домы». Третий довод

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2111, стр. 352; № 2337, стр. 648; № 2466, стр. 776; т. V, № 2625, стр. 3; № 2663, стр. 22—23; № 2685, стр. 35—36; № 2845, стр. 125; № 2988, стр. 195.

[2] Там же, т. VI, № 3874, стр. 478; № 3897, стр. 499; *Н. П. Павлов-Сильванский*. Государевы служилые люди, Соч., т. 1. СПб., 1909, стр. 252.

[3] *М. В. Данилов*. Записки. «Русский архив». М., 1883, № 3, стр. 18—19.

заключался в том, что, при разделе имений между наследниками, каждый, «имея свой даровый хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простираться не будет, но ищет всякой уклоняться и жить в праздности», между тем при новых порядках не получившие недвижимости наследники «не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим». Последний довод указа, отражающий стремление вовлечь все дворянство в службу и практическую деятельность, был для законодателя едва ли не одним из самых главных.

Изданное через месяц дополнительное разъяснение к основному тексту указа поясняло, что покупка «деревень, дворов или лавок» «кадетами», то есть младшими сыновьями, не получившими в наследство имений, разрешается только после 7 лет военной службы, 10 лет — гражданской или 15 лет занятия купечеством или каким-либо мастерством; «а кто ни в чем вышеписанном не будет, тому никогда не вольно (купить. — *Ред.*), даже до смерти»[1]. «Пункты о вотчинных делах» 1725 г. показывают, что такое ограничение распространялось и на «мужних жен» (если их мужья-кадеты не служили), чтобы устранить возможность обхода закона покупкой имений на имя жены[2]. Обеспечение кадета женитьбой на невесте с приданым в виде недвижимого имения исключалось указом о единонаследии, по которому «впредь с недвижимым приданым уже никого не будет». Проектировалось, хотя и не было проведено, распоряжение —«кадетам, не получа чину и почесту, не женитца». Все эти повеления убеждают в том, что закон стремился отрезать «кадетам» всякую возможность иметь «даровой хлеб», что, убедившись в недостаточности строгих мер по части дворянской службы, правительство решило стимулировать поступление дворян на службу материальной заинтересованностью в ней[3].

Последовательное применение указа о единонаследии должно было направить часть дворян к военной службе, часть — к торговле, других — на путь бюрократической карьеры. Но эта сторона указа настолько противоречила основам господства дворян, как землевладельческого класса, что практическое применение указа потерпело неудачу. Вся система предшествовавшего XVII в. с выделом «прожиточных поместий вдовам и девкам», с наделением землею вступающих в службу сыновей, строилась на том, что владение населенными землями составляет основное обеспечение дворянских семей. Начался обход указа не только путем отдельных злоупотреблений, но и изданием распоряжений, которые нарушали его последовательное применение.

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2796, стр. 97; *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., № 17, стр. 40.

[2] ПСЗ, т. VII, № 4722, стр. 493—494.

[3] *М. В. Данилов.* Записки, стр. 8; *В. Н. Татищев.* Лексикон Российский..., ч. III. СПб., 1793, стр. 115; *П. П. Пекарский.* Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб. 1864, стр. 8—10.

Уже в ближайшие за опубликованием указа годы в Сенат стали поступать жалобы вдов на скудость и отсутствие средств к существованию. В 1716 г. был выработан проект указа о выделе вдове после мужа и мужу после смерти жены четвертой части движимого и недвижимого имения «в вечное владение». Петр, нехотя, должен был согласиться с ним, поставив резолюцию: «До времени быть по сему». Изданные в 1725 г. уже после смерти Петра, но разрабатывавшиеся ранее «пункты» разъяснили, что эта четвертая часть может быть дана матерью любому из детей, и вводили выдел четвертой части и жене умершего сына. Как эти меры, так и разрешение продажи имений «по нужде», конечно, нарушали строгое проведение принципа единонаследия. Тот же указ 1725 г., в несомненном противоречии с текстом указа о единонаследии, дозволил продажу части имения старшим братом-единонаследником меньшему, в том случае, если продается благоприобретенное, а не наследованное. Тогда же были отменены урочные годы для покупки деревень «кадетами», которая теперь обусловливалась только поступлением их на службу. Таким образом, еще до полной отмены указа в 1730 г. его значение в части проведения принципа единонаследия было сильно ограничено. И все же именно с начала XVIII в. возникает тип безземельного дворянина. Характерно распоряжение 1723 г. о выдаче жалованья в армии в первую очередь беспоместным офицерам [1]. Появление безземельных дворян надо объяснять не столько следствием указа 1714 г., сколько прекращением верстанья поместьями, введением жалованья за службу и мобилизацией земельной собственности, отражавшими развитие в стране товарно-денежных отношений.

Правительственные мероприятия по контролю за дворянской службой укрепляли аппарат государства и дворянство как правящий класс. Среди этих мер особое значение для дальнейшего «возвышения класса помещиков» имели дворянские смотры. Большие смотры, особенно смотр 1721—1722 гг., получали характер всероссийских дворянских съездов, собиравших дворян со всех концов России; смотры способствовали консолидации дворянства, как сословия, осознанию им своих классовых интересов. Кроме того, ряд мероприятий, имея целью ввести выборные дворянские должности в местном управлении, содействовал образованию дворянских корпораций и на местах. В 1702 г. [2] было предписано воеводам в городах «ведать всякие дела» с несколькими дворянами «по выбору тех же городов помещиков и вотчинников», «а одному воеводе, без них, дворян, никаких дел не делать и указу никакого по них (то есть без них.— *Ред.*) не чинить». Не менее широко намечалось участие выборных от дворян в губернском управлении указами, изданными 24 апреля 1713 г. и 20 января 1714 г. При губернаторах были учреждены ландратские советы из 8—12 членов, выбранных в каждом городе или провинции всеми дворянами, с тем чтобы

---

[1] *П. И. Баранов.* Указ. соч., № 1316, стр. 116.

[2] ПСЗ, т. IV, № 1900, стр. 189.

губернатор был у них «не яко властитель, но яко президент, и иметь оному только два голоса, а прочим по одному, и никакого дела без оных не делать»[1]. Правда, скоро выборные ландраты были заменены назначенными из Сената, но также из дворянской среды. Более реальным оказалось другое мероприятие, связанное с введением подушной подати, — поручение сбора подушных денег выбиравшимся на дистриктных дворянских съездах на один год «комиссарам от земли», ответственным перед теми же съездами. Первые выборы «комиссаров от земли» были проведены не без затруднений в 1723—1724 гг. Эта мера восстанавливала возникшие еще в XVI в. местные дворянские корпорации, привлекая их к участию в такой близкой интересам помещиков реформе, как введение подушного сбора[2].

Можно привести и другие примеры участия организованных групп дворянства в политических делах. Должность президента Юстиц-коллегии по указу 12 января 1722 г. становилась выборной, кандидатов намечали: двух или трех — Сенат, трех — офицеры, «которые здесь» (очевидно, находившиеся в это время в Москве, где происходили выборы), и трех — коллегия из ста «дворян... лучших», отобранных во время дворянского смотра 1722 г.[3]; окончательные выборы президента производились баллотированием, в котором участвовали все лица, намечавшие кандидатов. Те же «сто дворян» упоминаются и в документах 1723—1724 гг. Это была своеобразная, назначенная правительством, дворянская коллегия, которая вместе с офицерством, также сплошь дворянским по составу, оказывала влияние на замещение высших государственных должностей и воспоминание о которой всплыло в шляхетских проектах 1730 г. Конкретная деятельность этих «ста дворян» остается до сих пор не изученной.

Производство в военные чины проходило с участием полкового офицерства. 14 апреля 1714 г. и 24 июля 1719 г.[4] были изданы указы, согласно которым обер- и штаб-офицерские вакансии замещались баллотированием двух или трех кандидатов, в котором участвовали: при баллотировании в обер-офицеры — все штаб- и обер-офицеры полка и при баллотировании в штаб-офицеры — генералитет и все штабные офицеры дивизии. Этот порядок объединял полковое офицерство в своеобразные военные корпорации, в основном дворянские по составу. Однако дворянство в целом еще не получило в это время единой сословной организации.

Как указывалось выше, необходимость образования для дворянства, как правящего класса, была связана с новыми, более сложными задачами управления. В первой четверти XVIII в. правительство обращало главное внимание на практические стороны образования, приобретение необходимых навыков и знаний.

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2673, стр. 27; № 2762, стр. 78.

[2] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902.

[3] ПСЗ, т. VI, № 3877, стр. 479—480; № 3878, стр. 480.

[4] Там же, т. V, № 2795, стр. 96—97; № 3406, стр. 724—725.

В тесной связи с общим культурным развитием государства, ростом культурных запросов и потребностей, а также в связи с новыми формами организации дворянского класса, происходили значительные изменения в его быту[1].

Изменения в быту господствующего класса не представляли собой чего-то незнакомого ранее, привнесенного извне и насаждаемого только насильно. В течение XVII в., особенно во второй его половине, в среде феодальной верхушки были известны заграничные моды, устраивались театральные представления, собирались библиотеки и т. п. При Петре I все это стало постепенно распространяться среди более широких дворянских слоев, которые поддерживали самодержавную власть, выступившую против косности в быту.

Первые проведенные в законодательном порядке реформы в области быта коснулись внешней стороны и были направлены на уничтожение старинной одежды и против обычая отпускать бороду и усы. Отдельные представители столичной знати еще с середины XVII в. брились и одевались в польские костюмы, вызывая резкое осуждение патриархов Иоакима и Адриана. Указы Петра I об обязательном бритье бороды и усов, о ношении платья по западноевропейским модам (венгерским, французским, немецким)[2] по своему существу не вызывали в массе дворянства неудовольствия, но осуждение вызвала резкость и грубость, с которой проводились эти указы в жизнь.

Требования, предъявляемые правительством к господствующему классу в отношении некоторого минимума знаний как профессионального порядка, так и общеобразовательного характера привели к тому, что молодые дворяне регулярно посылались для изучения разных наук за границу или учились на родине в различных военных и других учебных заведениях. Новым явлением было домашнее обучение девиц. В среде дворянства, особенно крупного, за которым тянулось и среднее, печатная книга становилась обиходным явлением. У некоторых дворян составились довольно большие библиотеки, где были собраны книги на русском и иностранных языках (В. Татищев, Д. Голицын, А. Матвеев, Я. Брюс и др.). В личной библиотеке Петра I, переданной в Академию наук, к 1725 г. насчитывалось пять тысяч томов, причем ганноверский резидент Вебер считал ее одной из лучших библиотек в Европе. Произведения Гоббса, Локка, Декарта, Пуффендорфа распространялись одновременно с переводами древних писателей—Квинта Курция, Юлия Цезаря. Однако помимо знакомства с иностранной литературой и западноевропейскими странами, молодые дворяне, посланные в Западную Европу, нередко вместо обучения прокучивали там деньги, дрались на дуэлях, а возвращаясь в Россию, засоряли русский язык иностран-

---

[1] Текст до стр. 205 о быте дворянства при Петре I написан В. А. Александровым.

[2] ПСЗ, т. IV, №№ 1741, 1887, 2015.

ными словами и относились ко всему на родине с презрением. Примером засорения русского языка иностранными словами являются записки выдающегося дипломата князя И. Б. Куракина.

Изменения в домашнем быту дворянства наиболее ярко сказались в крупных городах, прежде всего в Петербурге и Москве. Это объяснялось тем, что на протяжении всего царствования Петра I большинство дворян лишены были возможности жить в своих поместьях, сосредоточиваясь в административных центрах и в армии. В 1727 г. бригадир Кропотов доносил, например, Сенату, что не был в своем родовом поместье 27 лет [1]. Проводником новшеств в быту и в материальной культуре оставался, конечно, царский двор. Не желая уступать в пышности и богатстве западноевропейской знати, русская феодальная верхушка стала с конца XVII в. в Москве, а затем в Петербурге руками крепостных возводить роскошные дворцы, великолепные сады с цветниками, правильно проведенными аллеями, гротами, статуями, фонтанами и даже с каналами для увеселительных прогулок. Таковы царский Летний сад с оранжереей, беседками и небольшим зверинцем, дворцы А. Д. Меншикова в Лефортове и Ораниенбауме с садами, галереями и богатым внутренним убранством, картинами и дорогостоящими безделушками.

Но сельские усадьбы даже крупного дворянства, не говоря уже о среднем и мелком, резко отличались от дворцов приближенных царя, сохраняя в целом типичный старорусский характер. Только изредка сельские усадьбы этого времени отражали проникавшую в дворянскую среду новую бытовую культуру. Примером может служить владение князя Г. И. Волконского в селе Селезневе Тульского уезда (1715 г.). Каменные палаты имели пять жилых комнат и четыре «нижних палаты», приспособленных под кладовые. Комнаты были убраны картинами итальянских, голландских и, вероятно, отечественных художников с видами Амстердама, Лондона, Нарвы и царскими портретами; большое количество разнообразной хрустальной посуды, многочисленные стулья, обитые красным сукном, золоченой кожей, сближали усадьбу Волконского со столичными домами знати [2].

Однако такие примеры были единичны. Более характерна для дворянства этого времени была конфискованная в 1718 г. у Лопухиных усадьба в селе Ясеневе Московского уезда. В ней не было затейливых статуй, фонтанов, картин и восточных тканей. Двухэтажный барский дом, построенный из соснового и елового леса и покрытый тесом на четыре ската, имел кроме чуланов и сеней пять жилых комнат в первом этаже и две — во втором. Стены в некоторых светлицах были обтянуты

---

[1] *М. М. Богословский.* Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1906, стр. 37.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951, № 267, стр. 328—333.

простым выбеленным полотном, в некоторых окнах стекло заменялось еще слюдой. Таким же скромным было и убранство; меблировка состояла из обычных лавок вдоль стен, липовых и дубовых столов, шкафов, 12 простых и 6 витых обтянутых кожей стульев. Стены украшались иконами, и только 30 «листов печатных фряжских» говорили о появлении предметов иноземного быта. С двух сторон к усадьбе подходил громадный на три с половиной десятины фруктовый сад с прудами и шатровой беседкой. В нем насчитывалось 1800 яблонь разных сортов, много сотен слив и вишен[1]. Рядовое дворянство довольствовалось гораздо более скромными жилищами, топившимися иногда даже по-черному.

Постоянная служба в армии, в гражданских учреждениях, походы и командировки способствовали общению дворян как между собой, так и с отдельными представителями бюрократии и купечества. При дворе устраивались маскарады, различные потехи, праздники в Летнем саду, катания по Неве, на которых можно было видеть наряду с дворянством представителей и других групп населения Петербурга[2]. Стремясь развить общение дворянства между собой и с лицами недворянского происхождения, помимо «подлых», Петр I с 1718 г. в указном порядке начал вводить в быт новый вид собраний, который должен был обеспечить «людскость»,— это были ассамблеи. В «объявлении» генерал-полицмейстера Девиера от 26 ноября 1718 г. указывалось о «порядке собраний в частных домах и о лицах, которые в оных участвовать могут»[3]. Такие ассамблеи собирались «не для только забавы, но и для дела, ибо тут может друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается, притом же и забава». Присутствовать на них имели право помимо дворян «знатные купцы», «начальные мастеровые люди» и «знатные приказные». Совершенной новостью было участие в ассамблеях женщин. Первоначально ассамблеи назначались у определенных домовладельцев. Гости могли прибывать и уезжать в пределах назначенного времени и ничем не стеснялись в выборе развлечений—танцах, играх в карты, шахматы и шашки. В 1723 г. состоялся указ первоприсутствующего в Синоде об устройстве ассамблей даже в московских монастырях. В знатных домах, у Меншикова, князя Черкасского, были заведены оркестры (литаврщики, флейтщики и др.), развивалась вокальная культура, вместе с тем, большим распространением пользовались русские песни, представления скоморохов и т. д.[4] Неизменным увлечением дворянства продолжала оставаться псовая и соколиная охота.

---

[1] *М. М. Богословский.* Быт и нравы русского дворянства, стр. 32—33.

[2] *А. В. Предтеченский.* Население и быт Петербурга. Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 147—150.

[3] ПСЗ, т. V, № 3246, стр. 597—598.

[4] *Ф. В. Берхгольц.* Дневник, ч. 1. М., 1902, стр. 70, 171; ч. II, стр. 211—212; *Ю. Юль.* Записки. М., 1900, стр. 113.

Дорогостоящие изменения в дворянском быту принесли широким народным массам, прежде всего крестьянству, новые материальные тяготы и вместе с тем резче отделили дворянство от «подлого народа», подчеркивая привилегированное положение европеизированного «благородного сословия».

* * *

Русское государство сложилось как многонациональное еще задолго до времени преобразований. Территориальные приобретения первой четверти XVIII в. еще более усложнили национальный состав империи. Внутри каждой из вошедших в состав России народностей шел процесс развития феодальных отношений, чаще всего отстававший от социально-экономического развития центральных областей страны. Политика дворянского правительства по отношению к феодальному классу иных народностей была проникнута стремлением укрепить господствующее положение феодальной верхушки, объединить ее с русским дворянством на почве общности классовых интересов, подавляя вместе с тем тенденции сепаратизма, противоречившие растущим экономическим связям и утверждавшемуся абсолютизму. Конкретные исторические условия определяли позицию местного дворянства в различных частях государства.

На территории Среднего Поволжья татарские князья и мурзы, потомки феодалов бывшего Казанского ханства, сохраняли, в случае признания власти русского царя, прежние земельные владения и даже увеличивали их в силу пожалования. Многие из них крестились и получили равные с русским дворянством права на земли и эксплуатацию труда крестьян как русских, так и татар, мордвы, чувашей. Такими были, например, князья Енгалычевы, имевшие поместья в Кадомском, Керенском и Шацком уездах. Яков Енгалычев в 1674 г. крестился, был произведен в стольники, его сыновья дослужились до чинов капитана и поручика. Князь Кугушев получил в 1682 г. «за крещение» вотчину в Кадомском уезде; грамота на эту вотчину была дана впоследствии его внуку, также крестившемуся; князь Девлет-Кильдеев служил драгуном и т. п.

Еще в XVII в., особенно в конце его, издавались указы, запрещавшие некрещеным помещикам владеть населенными землями. В первой четверти XVIII в. усиливается политика христианизации нерусских помещиков. В 1713 г. был издан указ, который предлагал мурзам и служилым людям, имевшим крещеных крестьян, креститься в течение полугода, под угрозой конфискации поместий. В результате количество нерусских помещиков края сократилось и укреплялось положение крестившихся, которые нередко получали конфискованные имения.

Наряду с этим мелкие служилые люди из татар, мордвы и чувашей лишились, подобно русским однодворцам, дворянских прав. Они были приписаны к Казанскому адмиралтейству под названием лашманов для

работ по заготовке корабельного леса, однако подушную подать они не платили[1].

В Башкирии процесс развития феодальных отношений к началу XVIII в. достиг значительных успехов и в течение первой четверти века еще усилился. В хозяйстве Башкирии, особенно в юго-восточной ее части, большое значение имело кочевое скотоводство, что налагало отпечаток на формы феодальной эксплуатации старшинами и тарханами рядовых башкир. Башкирским старшинам и тарханам принадлежало право распоряжаться общинными землями, прежде всего кочевьями, что вело к захватам общинных земель феодалами, укреплению феодальной собственности на землю, в особенности в земледельческих районах, и к возникновению разных форм зависимости рядового населения, прикрытой часто такими патриархально-родовыми пережитками, как «аш» — обычай угощения сородичей — или «саун» — помощь скотом в случае падежа.

В первой четверти XVIII в. усиливается приток в Башкирию пришлого населения — преимущественно из беглых крестьян Среднего Поволжья, русских и нерусских, которые оседали на общинных и вотчинных башкирских землях, что открывало возможность их эксплуатации башкирскими феодалами.

В своей политике в Башкирии дворянское правительство видело опору в феодальной верхушке башкирского общества и оказывало ей поддержку. Сбор ясака «мягкой рухлядью» и выполнение других сборов поручались старшинам, что усиливало зависимость от них башкирской массы. В конце XVII и в первой четверти XVIII в. правительство использовало башкирских феодалов в качестве иррегулярной конницы в Азовских походах и во время Северной войны, давая в награду за службу наследственное или личное «тарханство». Тарханы освобождались от уплаты ясака, имели право преимущественного пользования общинными угодьями за исключением охотничьих и бортных.

С возникновением на территории Башкирии крепостей и русских учреждений башкирские феодалы стали обращаться туда для закрепления всякого рода сделок. В первой четверти XVIII в. в Уфимской, Бирской и Каракулинской крепостных конторах башкирские старшины, тарханы и муллы, нередко оформляли купчие на землю, на угодья и людей, кабальные, жилые и другие записи. Это способствовало развитию различных форм феодальной зависимости внутри башкирского общества.

Оказывая поддержку башкирской знати в укреплении ее власти над феодально-зависимым населением, правительство, однако, не шло на ее

---

[1] «Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца», т. I. Казань, 1882, стр. 49; т. IV, Симбирск, 1904, стр. 57, 68, 218—219, 400—407; *И. И. Дубасов.* Очерки истории Тамбовского края, т. 1. М., 1883, стр. 183; т. 5. Тамбов, 1889, стр. 167; т. 6. Тамбов, 1897, стр. 73; *его же.* Из истории инородческого землевладения в России. «Русское обозрение», 1890, март, стр. 252—253.

уравнение в правах с русским дворянством — уровень развития социально-экономических отношений в Башкирии был иной, сильнее сказывались пережитки патриархально-родовых отношений, формы зависимости были своеобразны[1].

В еще большей степени это можно сказать в отношении народов Сибири. В XVIII в. большинство из них находилось еще на стадии первобытнообщинных отношений. В более развитом якутском обществе шел процесс феодализации, ускоренный связями с Россией и поддержкой, которую русское правительство оказывало якутским тойонам[2].

Совершенно иным было положение на Украине и в вошедших в состав империи Эстляндии и частях Латвии. Здесь местное дворянство имело издавна установившиеся широкие политические права и привилегии. Это значительно осложнило политику русского дворянского правительства, тем более что она складывалась в условиях тяжелой и затяжной войны, когда военные действия происходили на территории Украины, Эстляндии и Лифляндии и когда Карл XII всячески старался привлечь местное дворянство на свою сторону.

На Украине в конце XVII и в первой четверти XVIII в. происходил быстрый рост старшинского землевладения и наблюдалось усиление власти феодалов над крестьянством и обедневшей частью казачества. Земли, считавшиеся формально общественной собственностью украинского казачества, становились временной или постоянной феодальной собственностью представителей казачьей старшины. Во главе старшины стоял гетман; вокруг него группировался высший слой старшины — «бунчуковое товарищество», члены которого подчинялись непосредственно гетману; в полках — военно-территориальных единицах — высшим лицом был полковник, стоявший во главе «значкового товарищества», объединявшего полковую и сотенную старшину. К началу XVIII в. сложились уже целые старшинские династии, члены которых получали должности наследственно. Апостолы получали наследственно должности полковников в Миргородском полку, Горленки — в Прилуцком, Забелы — в Борзенской сотне. С получением должности было связано и получение «на ранг» имения из войсковых земель, так называемых «маетностей», во временное владение. Огромные владения числились «за гетманской булавой». Давались владения временно и за те или иные «войсковые услуги». Наконец, можно было получить маетности и в «спокойное», «вечное и полное владение». Пожалования имений оформлялись гетманскими универса-

---

[1] «Материалы по истории Башкирской АССР», т. III, стр. 9—231, 481—487; «Очерки по истории Башкирской АССР» (рукопись), глава IV, § 2 и 3; *В. В. Вельяминов-Зернов.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями, приложение к IV тому «Записок Академии наук», № 6. СПб., 1864.

[2] *Н. Н. Степанов.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 83; *С. А. Токарев.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945.

лами. Вместе с тем старшина расширяла свои земли путем скупок «грунтов» у обедневших крестьян и казаков, насильственных захватов, заселения оставшихся еще свободными земель «слободами».

Правительство укрепляло старшинское землевладение путем выдачи царских жалованных грамот на имения. Украинские феодалы искали поддержки у царского правительства и для подавления классовой борьбы крестьянства. Но политические права украинских феодалов к концу XVII в. были уже значительно урезаны. Смена гетмана и генеральной старшины могла происходить только по разрешению Москвы. Был введен контроль за внешними сношениями, в ряде городов появились русские гарнизоны и воеводы.

В связи с событиями Северной войны, произошло значительное перераспределение земель между украинскими феодалами; с другой стороны, автономные права их были еще более ограничены.

Карлу XII удалось склонить на измену гетмана Мазепу и его приближенных. Земли отъехавших в шведский лагерь были конфискованы. Наоборот, после полтавской победы последовали щедрые пожалования старшине, которая осталась верной России и оказала услуги в ходе войны. Чрезвычайно щедро был пожалован и новый гетман Скоропадский, который имел около 20 тыс. крестьянских дворов; за годы своего гетманства (1709—1722) он роздал по земельным универсалам 122 села с 3703 дворами. Земли на Украине, особенно на Слободской Украине, широко раздавались и русскому дворянству. Крепостной режим их имений способствовал усилению закрепостительных тенденций, которые явственно обнаруживались и ранее. Гетманские универсалы 1721 г., направленные в отдельные полки, запрещали переходы посполитых. В 1723 г. посполитым было запрещено продавать свои участки посторонним лицам «без державного ведому».

Хотя феодальное землевладение и господство украинской старшины над крестьянами расширились, но политические права старшины подверглись новым ограничениям. Общие тенденции централизации и бюрократизации государства, а также пограничное положение Украины побуждали правительство к серьезным мерам в этом направлении[1].

Некоторые лица, которым правительство не вполне доверяло, выводились из Украины. Так, полковник прилуцкий Дм. Горленко был вызван в Москву и там оставлен; сын миргородского полковника, будущего гетмана Данилы Апостола, воспитывался при Меншикове, внук также учился в Петербурге.

С 1709 г. при гетмане постоянно состоял царский резидент. В 1722 г. была учреждена Малороссийская коллегия во главе с бригадиром Вельяминовым. После смерти гетмана Скоропадского выборы гетмана были

---

[1] Подробнее об этом см. главу III, § 2 «Реформы местного управления».

отменены. Попытка части старшины организовать оппозицию, во главе которой стоял черниговский полковник Павел Полуботок, была решительно подавлена[1].

Иной была политика правительства по отношению к эстляндскому и лифляндскому дворянству. Здесь правительство, вынужденное внешнеполитической обстановкой, пошло на значительные уступки. Прибалтийское дворянство почти сплошь состояло из немцев. В правление шведского короля Карла XII в 80-х годах XVII в. в Прибалтике, находившейся тогда под властью Швеции, была произведена редукция имений, по которой бо́льшая часть имений признавалась государственными, но оставалась чаще всего в руках прежних владельцев на правах аренды. Их безраздельная власть над крестьянством была несколько стеснена.

Политика шведского правительства в Прибалтике при Карле XII с началом Северной войны изменилась. Оппозиция со стороны дворянства, переход ряда дворян на сторону противников Швеции заставили Карла XII пойти на ряд уступок дворянству, чтобы привлечь его на свою сторону. В апреле 1700 г. из Стокгольма в торжественной форме было сообщено о полном прекращении редукции. В представленной в 1700 г. петиции дворяне настаивали на восстановлении утраченного сословно-дворянского самоуправления.

В этой обстановке русское правительство после присоединения Лифляндии и Эстляндии пошло на значительные уступки дворянству. Местные привилегии были подтверждены «аккордными пунктами», подписанными русским командованием в 1710 г. при сдаче Риги и Ревеля, и условиями Ништадтского мира 1721 г. Имения, подвергшиеся редукции, возвращались дворянам при условии принятия русского подданства. Шведские дворяне, владевшие имениями в Прибалтике, но не желавшие принять русское подданство, должны были продать имения русским подданным в трехгодичный срок. Это постановление расширило землевладение местного дворянства за счет земель, пожалованных в свое время шведскими королями.

Укрепление землевладения местного дворянства привело к усилению крепостной зависимости крестьян, что наметилось уже с первых лет Северной войны.

Правительство пошло и на признание политических прав прибалтийского дворянства — была возобновлена деятельность ландтагов, исключительно дворянских по составу, и восстановлена коллегия ландратов. При образовании Рижской и Ревельской губерний были назначены

---

[1] *Д. И. Тищенко.* Экономическое и социально-политическое положение Левобережной Украины в первой половине XVIII в. «Ученые записки Московского гос. педагог. ин-та им. В. И. Ленина. Кафедра истории СССР», т. 60, вып. 2. М., 1949, стр. 101—134; *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, стр. 89, 329, 360—361, приложение, стр. 42—43; *А. М. Лазаревский.* Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII вв. «Русский архив», 1875, т. I, стр. 91—93, 311, 319, 439; т. II, стр. 248; т. III, стр. 297 и сл., 300 и сл.

русские генерал-губернаторы из приближенных к царю лиц, как А. Д. Меншиков, князь П. А. Голицын, Н. И. Репнин. В прибалтийских губерниях были расположены русские гарнизонные и армейские полки, в ряде городов находились русские коменданты. Но судебные и административные должности остались в руках местного немецкого дворянства, что обеспечивало его полное господство над латышским и эстонским крестьянством.

Правительство стремилось привлечь представителей местного дворянства на службу в армии и русских учреждениях. Одной из крупнейших привилегий прибалтийских дворян, подчеркивавшей их автономные права, было признание необязательности для них службы. Но указом 23 сентября 1723 г. было обещано, что лифляндские и эстляндские дворяне, служившие шведскому королю, при переходе на русскую службу сохранят свои чины, а молодые дворяне, ранее не служившие, будут определены, если пожелают служить в армии, в гвардейские полки, как «великороссийские шляхетские дети». Вместе с тем началось привлечение остзейских дворян на ответственные должности в бюрократическом аппарате империи[1].

Итак, общей линией политики дворянского правительства по отношению к феодальным слоям нерусского дворянства была полная поддержка их классовых интересов и стремление ассимилировать их наиболее развитые элементы. Однако русское дворянство по своему количеству, по объему землевладения и душевладения и по своей роли в армии и правительственном аппарате сохраняло господствующее положение.

Таким образом, дворянство расширило свое землевладение и душевладение. Указом о единонаследии закончился процесс слияния поместья и вотчины и превращения находившегося в руках дворянства земельного фонда в его наследственную собственность. Этим актом правительство укрепляло феодальную собственность на землю и в то же время способствовало в дальнейшем ее мобилизации, отражавшей развитие товарных отношений.

Дворянство превращается в единое сословие; существовавшее ранее внутри него деление на «чины» или группы, обладавшие особыми привилегиями, было устранено: вместо бояр, окольничих, стольников сложилось уравненное в своих правах дворянство или «шляхетство».

Посредством «табели о рангах» вводился новый принцип продвижения дворян по службе, выдвигалось среднее и мелкое дворянство, как опора абсолютизма.

---

[1] *Я. Я. Зутис.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 20—104; *его же.* Очерки по историографии Латвии, ч. 1. Рига, 1949, стр. 24—61; *его же.* Политика царизма в Прибалтике в первой половине XVIII в. М., 1937, стр. 13—69; *М. Яблочков.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876, стр. 336—337.

Указ о единонаследии и «табель о рангах» отвечали интересам укрепления дворянской диктатуры в условиях обострения классовых противоречий; создаются регулярная армия, флот и бюрократический аппарат абсолютизма, в которых обязанное безотрывной службой дворянство занимает повсюду командные должности. Дворянству обеспечивается получение образования, необходимого в новых, осложнившихся условиях господства. Привилегированные гвардейские полки являлись организованной силой дворянского класса, которая принимала прямое участие в политической жизни государства.

7
КУПЕЧЕСТВО. ГОРОДА

При феодально-крепостническом строе зарождавшийся класс буржуазии играл подчиненную роль, первое место принадлежало дворянству. Но изучаемое время отличалось более интенсивным, чем в предшествующий период, процессом формирования буржуазии, ее возросшей активностью.

Зарождение элементов буржуазной собственности, еще охваченных, однако, феодальными путами, проявилось, например, в гарантиях, которые предоставлялись владельцам промышленных предприятий, что «у них и у наследников их оные мануфактуры и фабрики в данные им годы отняты не будут»[1]. Эти гарантии не были безусловными, новый вид собственности, как промышленные предприятия, связан был с некоторыми ограничениями: мануфактуры должны находиться в действии, притом производство их должно соответствовать правилам, установленным государственной властью, в противном случае они могли быть отобраны в казну. Правительство, давая разрешение на открытие промышленных предприятий, принимало во внимание «пожиточность» просителя, то есть наличие денежных и других материальных средств, не считаясь с сословной принадлежностью. В Берг-привилегии 1719 г. сказано: «соизволяется всем, и каждому дается воля, какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы». То же самое повторено было в 1723 г. в регламенте Мануфактур-коллегии[2].

Состав промышленников пополнялся представителями различных социальных групп и классов. Среди них были посадские люди, переходившие от ремесла к крупному производству (Демидовы, Баташев), много купцов (Щеголин, Микляев, Исаев), отдельные выходцы из крестьян (Миляковы из села Дединова на реке Оке); наконец, в промышленном строи-

[1] ПСЗ, т. V, № 3464, стр. 762; т. VII, № 4378, стр. 171.

[2] *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 320—321.

тельстве принимали участие и представители высшей бюрократии (Меншиков, Толстой, Шафиров). В основном нарождавшаяся буржуазия пополнялась за счет верхов посада и крестьянства.

В своей «Книге о скудости и богатстве» И. Посошков, выходец из подмосковных крестьян-ремесленников и мелкий заводчик, отразил возросшее значение купечества: «А торг дело великое!.. купечеством всякое царство богатитца...»[1] Однако слабость зарождавшейся буржуазии приводила к тому, что, противопоставляя свои требования притязаниям господствующего класса, представители купечества облекали их в привычные формы сословных привилегий. Тот же Посошков, как и автор ряда проектов Иван Филиппов, настаивал на запрещении дворянству заниматься торговлей. Посошков предлагал предоставить только купечеству монопольное право на торговлю: «Буде кто, коего чина ни будь, аще от сигклита, или от офицеров, или от дворянства, или и из приказных людей или церковные причетники, или и крестяня похотят торговать, то надлежит им прежней свой чин отставить и записатца в купечество и промышлять уже прямым лицом, а не пролазом, и всякие торги вести купечески с платежем пошлин и иных каких поборов с купечества равно со всем главным купечеством»[2]. Так, пожелания идеологов буржуазии не выходили далеко за пределы привилегий посадских людей, то есть оставались в рамках феодальных сословных отношений.

Правительство также покровительствовало зарождавшейся буржуазии путем предоставления сословных привилегий. Оно создавало сословные органы купечества (Ратуша, магистраты), промышленники подлежали лишь суду Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии, купцы и ремесленники судились в магистратах и Коммерц-коллегии. Наибольшие льготы предоставлялись владельцам мануфактур, они освобождались от обязательных для посадских людей гражданских служб и получили право покупать деревни с крепостными крестьянами. Зарождавшийся новый класс использовал сословные привилегии, характерные для феодального строя, в целях укрепления своего влияния и расширения торговли и крупной промышленности.

По первой ревизии численность посадского населения равнялась 169 426 душам м. п.[3] Посадские люди составляли 3,1 % от всего населения. Число городов, согласно И. К. Кирилову, достигало 336, по другим данным, 339 пунктов, но не во всех городах было посадское население, так как в это число вошли также крепости и остроги. По сведениям о 269 городских поселениях только в 189 из них были населенные посады. Наиболее крупными посадами были: Москва (13 673 души м. п. посадского

[1] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 17.

[2] *И. Т. Посошков.* Указ. соч., стр. 114; *Н. П. Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897, приложение, стр. 64.

[3] По уточненным данным на 1728 г. посадских было 183 437 душ м. п.

населения), Ярославль (8484 д.), Калуга (6100 д.), Болхов (3746 д.), Олонец (3656 д.), Архангельск с Холмогорами (2875 д.), Тверь (2846 д.), Орел (2773 д.), Енисейск (2663 д.), Вологда (2622 д.), Углич (2576 д.), Новгород (2570 д.). Лишь 30 посадов имели более двух тыс. человек мужского пола; таким образом, преобладали мелкие посады.

Наиболее крупные посады сосредоточивались в центре страны. При переходе от центра к окраинам численность посадского населения уменьшалась. Это совпадало и с размещением основного населения страны, крестьянства, которое также скучивалось в центре и редело к периферии, что объясняется хозяйственными и историческими причинами.

Посадское население по первой ревизии распределялось по тогдашним губерниям следующим образом:

Московская	— 51 892	чел. м. п.	Архангелогородская	— 12 413	чел. м. п.
Петербургская	— 41 531	»	Сибирская	— 20 188	»
Нижегородская	— 7 749	»	Смоленская	— 8 292	»
Астраханская	— 7 016	»	Киевская	— 18 447	»
Казанская	— 1 888	»	Воронежская	— 11 277	»

Гуще всего посадское население было в обширных Московской и Петербургской губерниях, включавших центр и северо-запад страны. После двух столичных губерний следующее место по численности посадского населения занимала Сибирская губерния, куда входили не только собственно Сибирь, но и Урал и Приуралье с Вятской и Соликамской провинциями. Наиболее значительными городами здесь были Тобольск, Томск и Кунгур; в районах горной и соляной промышленности вырастали новые города, как Екатеринбург. На Украине важнейшее значение имел Киев, а также Нежин и города, являвшиеся центрами полков украинского казачества и вместе с тем торговыми и ремесленными центрами.

Те отдельные, далеко не исчерпывающие сведения, которые имеются о составе посадского населения, свидетельствуют о преобладании ремесленников и чернорабочих, тогда как торговцы составляли относительное меньшинство посадского населения — от $^1/_4$ до $^1/_3$. Так, в Твери (по данным 1728 г.) торговцев было 27,1%, ремесленников — 41,8%, чернорабочих — 31,1%. В Дмитровском посаде в 1715 г. из 188 домохозяев вели лавочные торги 24,4%, занимались ремеслом 15,4%, были заняты черной работой 60,2%. В Свияжске торговцев было 31,7%, ремесленников — 49,4%, чернорабочих — 13,5%. Таким образом, в начале XVIII в. бо̀льшая часть населения посада состояла из ремесленников и чернорабочих.

Вместе с тем были города без посадов, они имели военный характер, и население их состояло из драгун, солдат, стрельцов, казаков и пушкарей. В Киевской губернии по сведениям 1710 г. из 47 559 душ м. п. городского населения значилось 35 217 душ военных (74,1%), 10 912

душ м. п. посадских (22,9%) и 1430 подьячих (3%). Ливны и Старый Оскол совсем не имели посадов, в первом было 3825, а во втором — 3138 душ м. п. военного населения.

В первой четверти XVIII в. происходили значительные сдвиги в составе и численности городского населения. Войны, рекрутские наборы, рост налогов и повинностей вызвали временное сокращение посадского населения.

Перепись 1710 г. показала убыль населения на 10% против 1678 г., а по Москве даже на 53%. В действительности, в большей мере, чем реальное сокращение населения, имели место утайка от переписи, а также переход из посада в окрестные села, на мануфактуры и т. п. Имел значение также отлив населения в Петербург и переезд двора в новую столицу. Рабочее население Москвы возрастало в дальнейшем в связи с развитием мануфактур.

Наряду с крупными предприятиями, остававшимися от предшествующего периода, как Пушечный двор и монетные дворы, в Москве появился в первой четверти XVIII в. ряд новых промышленных предприятий, в том числе Суконный двор, на котором работали 1165 чел., и Хамовный двор в Преображенском с 1344 рабочими.

В составе населения новой столицы — Санкт-Петербурга также значительное место занимали работные люди мануфактур. В Петербурге находились Арсенал или Пушечный двор, пороховые заводы, текстильные и кожевенные предприятия. Не все они были крупными предприятиями, среди них были и мелкие заведения с несколькими рабочими. Промышленное строительство велось и в провинции. В Ярославле была основана полотняная фабрика Затрапезного, в Казани — суконная фабрика. Работные люди этих предприятий составляли новую группу городского населения, хотя и не приписанную к посаду.

Посадское население Москвы, сократившееся в 1710—1715 гг., затем возрастает путем массового пополнения посада за счет торгующих «беломестцев», живших на боярских, монастырских и церковных землях, и переселенцев из других городов. В 1725 г. насчитывалось 7783 главы семейств, входивших в состав московского посада, против 6568 посадских дворов в 1701 г. из общего числа 16 358 дворов.

Москва в начале XVIII в. была не только торгово-промышленным городом: почти такую же долю, как посадские люди, среди домовладельцев занимали дворяне, чиновники и военные. В Москве посадским людям принадлежало в 1701 г. 40,2% всего числа дворов. Крупнейший хозяйственный центр страны Москва была вместе с тем городом дворянства и служилых людей; также велик был удельный вес духовенства (9,1%). В таблице (на стр. 215) не учтена та часть населения столицы, которая не имела своих домов, а ютилась в качестве дворовых по боярским и дворянским городским усадьбам, а также не отмечены квартиранты. Это значит, что трудовое население составляло значительно более высокую долю

в населении города, чем можно судить по данным о дворах и двоовладельцах; в действительности основное население города составляли ремесленники, крестьяне, работные люди.

Число дворов в Москве в 1701 г.[1]

	Дворы	В % к итогу
Духовенство	1499	9,1
Дворянство, дьяки, дворцовые служители	6335	38,8
Посадские	6568	40,2
Мастера и ремесленники	335	2,0
Военные	660	4,0
Иноземцы	129	0,9
Городовые служители	161	1,0
Крепостные и проч.[2]	671	4,0
Итого	16 358	100,0

Москва, став второй столицей, не утратила не только своего экономического, но в известной мере и политического и культурного значения. В Москве оставались многие высшие учреждения или они имели здесь свои конторы. Москва была центром всероссийского рынка и вместе с тем она стала в это время центром крупной, преимущественно легкой промышленности. К концу первой четверти XVIII в. можно насчитать в Москве свыше 30 мануфактур. В их числе были пороховые заводы, две полотняные казенные мануфактуры, пять шелковых, семь суконных и каразейных, две канатных, одна шляпная. В Москве наряду с Славяно-греко-латинской академией находились также новые учебные заведения, именно Навигацкая школа, где учились 206 чел. из шляхетства и разночинцев, кроме того, школа для нешляхетских детей (цифирная школа) и Артиллерийская школа с 90 учениками; здесь было положено начало театру, имелась типография, был заведен госпиталь. Значение московского посада видно из того, что в 1701 г. из 65,5 тыс. руб. сбора «десятой деньги» с городов на долю Москвы приходилось 19 тыс. руб., или 29%. Все сборы с городского населения (окладные, неокладные и канцелярские) в 1709 г. составляли 372 тыс. руб., в том числе с Москвы — 171 тыс. руб., или 46%.

В результате блестящих успехов русской армии 16 мая 1703 г. в устье реки Невы началось строительство новой столицы и крепости — Санкт-Петербурга.

---

[1] *И. Е. Забелин.* Опыты изучения русских древностей и истории, ч. II. М., 1873, стр. 184—185.

[2] Таблица дает сведения лишь о двоовладельцах и поэтому не показывает всего крестьянского населения в Москве.

Город строился вначале солдатами и местными крестьянами, но вскоре, с 1704 г., для обширных строительных работ перешли к мобилизации населения[1]. Весьма энергично проводилось заселение Петербурга, например, в 1710 г. состоялся указ о наборе 4720 мастеровых по губерниям для отправки «на вечное житие» с женами и детьми в новую столицу. Среди них были каменщики, кузнецы, столяры, портные и т. п. В принудительном порядке переселялись дворяне и купечество. В 1712 г. Сенат утвердил список из 1212 бояр, дворян, генералов и офицеров, подлежащих переселению в Петербург. В 1714 г. предписывалось назначить из всех губерний 300 семейств купцов и 300 семейств мастеровых для переезда в Петербург. Переведенцы избирались из купцов первой и средней статьи, но не из маломочных людей.

В Петербурге находилось Адмиралтейство, где шло усиленное строительство кораблей для Балтийского флота, Арсенал, являвшийся артиллерийским заводом, пороховые заводы, шпалерная и полотняная мануфактуры, прядильный и канатный «дворы», кожевенный, кирпичный и черепичные заводы, пильные мельницы; ремесленники были объединены в цехи. Новый город стал крупным промышленным центром и важнейшим торговым портом.

С переездом двора в 1712 г. Петербург стал официально столицей государства, в следующем году туда был переведен Сенат. Вместе с тем новый город сделался культурным центром: здесь были учреждены Морская академия из старших классов московской Навигацкой школы, для духовенства была учреждена семинария в Александро-Невской лавре и школа при новгородском архиерее, имелись гарнизонная и Артиллерийская школы, типографии, здесь же стали печататься с 1711 г. «Ведомости», устроен музей (кунсткамера), велась подготовка к открытию Академии наук. В Петербурге находился госпиталь с доктором и персоналом в 86 чел.[2] При дворе сестры Петра I Натальи Алексеевны был устроен театр, где играла труппа из 10 русских актеров и 16 музыкантов, часто устраивались ассамблеи и маскарады.

Новая столица уже внешним своим обликом сильно отличалась от Москвы и других старинных городов. Строительство города велось по единому плану, Петербург стал «регулярным» городом с прямыми улицами, дома строились вдоль улиц, а не в глубине дворов, для поощрения каменного строительства в новой столице запрещалось строить каменные здания в других городах. В Петербурге, в первом из русских городов, заведено уличное освещение фонарями. Для замощения улиц каменной мостовой введен своеобразный налог — каждый извозчик при въезде в город был обязан привезти по три камня; принимались меры против пожаров[3].

---

[1] См. главу I, § 5 «Крестьянство».

[2] *И. К. Кирилов*. Цветущее состояние Всероссийского государства..., кн. 1. М., 1831, стр. 19—20.

[3] Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 25, 44—47, 128—140.

Однако новшества не ограничились Москвой, Петербургом и городами, вновь основанными вокруг заводов (Петровский завод, Екатеринбург). Старые города обзаводились новыми учреждениями — магистратом с выборными бургомистрами и ратманами, а также мануфактурами и ремесленными цехами, госпиталем и т. п. Так, торговое значение Новгорода Великого изменилось с основанием Петербурга и присоединением прибалтийских портов, через которые велась теперь внешняя торговля. Но вместе с тем Новгород оставался крупнейшим городом на главной дороге между Петербургом и Москвой. Проведение Вышневолоцкого канала сделало Новгород также важным пунктом на непрерывном водном пути, соединившем бассейн Волги с рекой Невой и Балтийским морем. В Новгороде появился магистрат из семи членов, при воеводе состояли три асессора и камерир. К новшествам в Новгороде следует отнести «школу для обучения разных чинов, кроме шляхетства, цифири и геометрии», и госпиталь при архиерейском доме «для приема и воспитания незаконнорожденных младенцев»[1]. В Твери находился химический завод Савелова и Томилиных (производство скипидара и гарпиуса), была устроена «школа для учения дьячиных и подьячиных и прочих чинов арифметике и геометрии». Даже при описании Торжка современный автор И. Кирилов отметил не только деревянную крепость, церкви и монастыри, но и магистрат в составе трех членов, а также железный завод местного купца.

Из северных городов исключительное значение имел Архангельск. Несмотря на перевод большей части внешней торговли в новую столицу, Архангельск являлся крупной крепостью (290 пушек и мортир), военным и торговым портом с верфью. «У города прежде была верфь,— говорит Кирилов,— на которой военные корабли и другие морские суда деланы. А с прошлого 1724 г. для китоловного нового промысла сделаны три корабля». Здесь находилась портовая таможня с штатом из 65 чел., в том числе были оберцолнер, ведавший сбором таможенных пошлин, 20 надсмотрщиков и переводчик.

При описании Соли Камской И. Кирилов отметил те же новые учреждения, вместе с тем он остановился особенно подробно на медных заводах, устроенных в Соликамской провинции. В отношении Кунгура он также не только перечисляет магистрат и двух фискалов из купечества, но указывает четыре медных рудника в уезде и железный завод, принадлежащий кунгурскому посадскому человеку У. Кузнецову. Новым городом был Екатеринбург, возникший в 1723 г. вокруг завода. Здесь было 411 мастеровых и служащих, во главе управления стоял инженер и генерал-майор Вилим Геннин. В Екатеринбурге была школа с 94 учениками при двух учителях. Урал в административном отношении входил в Сибирскую губернию с городом Тобольском, который Кирилов называет «столичным городом» Сибири. Под Тобольском находился казенный

---

[1] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 1, стр. 60.

оружейный завод, основанный суздальским оружейником Никифором Пиленком; на нем работали 154 оружейных мастера и работных людей. Даже в Иркутске, как сообщает Кирилов, Берг-коллегия распорядилась «построить железный завод». Таким образом, города в первой четверти XVIII в. развивались как центры крупного производства и торговли, обзаводились новыми городскими учреждениями и школами.

Центр страны вокруг Москвы был особенно богат городами, крупными и малыми. Из них в Переяславле-Рязанском тот же современник отметил наряду с 5 монастырями и 20 церквами цифирную школу, а в уезде — 9 мануфактур, полотняных, бумажных и железных. В Туле были слободы оружейных мастеров и «двор великий каменный оружейный, сделан замком», то есть казенный оружейный завод. Поблизости от оружейной слободы находился тульский завод Никиты Демидова с двумя домнами и молотовыми для отливки пушек и выковки железа. Города Орловской провинции, особенно Мценск, Белев, Орел, славились как центры хлебной торговли. Здесь «великое довольство хлеба и торг больше состоит хлебный, понеже из многих других городов в город Орел для закупки хлеба приезжают и, многочисленно покупая, реками в судах отвозят в Москву, также в Нижний-Новгород и в Санкт-Петербург».

В связи со строительством Азовского флота выросло значение Воронежа. К концу первой четверти XVIII в. здесь было 1656 посадских людей, имелись две мануфактуры, школы. В семи верстах от Воронежа при корабельной верфи находилась крепость Тавров с 329 пушками и 67 мортирами. В Таврове строились галеры и другие суда, была суконная мануфактура. После Прутского похода, когда Азов был возвращен туркам, на берегу Дона ниже Черкасска была выстроена крепость «Транжемент», куда «артиллерия и артиллерийские припасы и аммуниция из Азова и из Троицкого вывезены»[1].

Среди городов Поволжья торговое значение Нижнего-Новгорода усиливалось благодаря расположенной поблизости Макарьевской ярмарке. В Нижнем-Новгороде числилось 2259 чел. м. п. посадских и 188 купеческих приказчиков и их крепостных. Наряду с губернскими и городскими учреждениями здесь также имелась цифирная школа. Казань не только являлась губернским городом с соответствующими учреждениями, но здесь находились Адмиралтейство (39 мастеров) и суконная мануфактура.

Крупнейшее торговое значение имела Астрахань как посредница в торговле с Кавказом и Средней Азией. После описания астраханского кремля, городских канцелярий и магистрата Кирилов перечисляет «гостиные дворы каменные с лавками, а именно, первый Русский, другой Индейский, третий Армянский». Кроме того, на торговой площади находились торговые ряды, а также рыбные ряды. Отдельно за Татарскими воротами были расположены «юрты ногайских татар» с мечетями,

---

[1] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 1, стр. 160—165.

торговыми рядами и провиантским магазином. Далее находились «сады виноградные» и на берегу Волги «место, где с озер соль, привозя судами, выкладывают великими буграми». Среди астраханских купцов, наряду с русскими, было «многое число армян, индейцев, персов, бухарцев и ногайцев». Астрахань снабжалась хлебом по Волге, сюда же шли для сбыта на восток русские меха, кожи, полотна и сукна, а из Персии поступали шелк, шелковые и хлопчатобумажные ткани. Кирилов подчеркивает богатство Астрахани рыбой, которая в соленом виде отпускалась вверх по Волге. Поблизости от города были расположены рыбные и соляные промыслы и в устье Волги — гавань для морских судов и Адмиралтейство с 66 кораблями и персоналом в 1050 чел.

Таким образом, к концу изучаемого времени, несмотря на тяжесть непрерывных войн и растущих налогов, выросла новая столица, ставшая важнейшим морским и торговым портом, возникли вокруг заводов или в связи с кораблестроением новые города (Екатеринбург, Тавров и др.). В старых городах появились мануфактуры, вводятся новые учреждения, как бюрократические, так и выборные купеческие, появляются в наиболее крупных городах школы и госпитали.

В городах Эстонии и Латвии, присоединенных в результате Северной войны, сохранялись прежнее городское самоуправление и привилегии местных немецких феодалов и купцов. В Риге, по словам Кирилова, имеется «фортеция каменная старинная» с 314 пушками и 52 мортирами. Вместе с тем «при Риге славный порт и многий приход торговых кораблей, а Двиною из Польши и из российских городов с товарами судов, также изнутри Лифляндии и Курляндии приезд сухим путем, где главные товары пенька, лен, поташ, смольчуг, хлеб, семя, мачты...». В губернаторской рижской канцелярии, во главе с генерал-губернатором, заседали как русские, так и немецкие чиновники. Магистратская коллегия (четыре бурмистра и четыре ратмана) обладала широкими правами, имела большой штат, включая учителей гимназии, брандмейстера, часового мастера, ведавшего городскими часами, и т. п. Ревель, Нарва, Выборг также обладали каменными укреплениями, имели большое торговое значение как портовые города и к концу первой четверти XVIII в. оправились от войны. Город Дерпт — «во время бывшей войны раззорен и жители из него были вывезены; но еще до окончания той же войны позволено того города жителям по прежнему селиться...»[1]. В эти портовые города стекались местные и русские товары для торговли с Западной Европой.

В Карелии промышленное строительство, именно развитие металлургического и оружейного Петровского завода, побудило перенести административный центр из Олонца, построенного в середине XVII в., на Петровский завод. Туда перебрался олонецкий воевода со своим штатом,

[1] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 1, стр. 46—47, 56, 58.

так было положено начало городу Петрозаводску, ставшему административным и хозяйственным центром Карелии.

Левобережная Украина, или Гетманщина, была поделена в административном отношении на десять полков. Центрами каждого из них являлись города Лубны, Гадяч, Полтава, Миргород и др. Их окружали земляные валы, здесь находились дома полковника, писаря, казаков, а также купечества. Торговыми городами являлись Нежин и Чернигов, в составе населения которых Кирилов отмечает как украинцев и греков, так и русских купцов. В ближайшие великорусские города, в Севск, Брянск и Курск, приезжали русские купцы, направлявшиеся на украинские ярмарки, и через эти пункты переправляли к центру России украинский скот и другие товары.

На Правобережной Украине Киев был местом пребывания генерал-губернатора и значительного гарнизона; здесь имелись торговые ряды, «австерия», почтовый двор, устраивалась ярмарка, на которую съезжались как из украинских городов, так и из Польши. «Киевское купечество состоит большею частию в отъезжих торгах в Польшу, в Шлезию, в Гданск, в турецкие области. . .». Киев был крупным культурным центром, здесь помещались Киевская академия с 500 учениками украинцами и русскими, библиотека, два «госпиталя» для солдат и престарелых.

В центре Башкирии был расположен город Уфа, имевший деревянный острог, воеводскую канцелярию, магистрат и цифирную школу для детей приказных. В Сибири следует отметить на реке Лене «Якутск, рубленый город и кругом его острог», здесь же гостиный двор, торговые лавки, таможня, магазины. Вокруг острога расположились слободы посадских и служилых людей, «дворов с 300». Кирилов отметил мирные отношения с местным населением: якутские «князцы» привозили ясак без заложников (аманатов), из якутов набирались служилые люди, которые вместе с русскими посадскими людьми «ходят в строю» во время ежегодной церковной процессии в праздник крещения (6 января). Приезжавших в этот день для сдачи ясака якутских «князцов с их людьми ставят особливо смотреть, трактуют тех иноземцов казенным кормом и вином и пивом, аманатов от тех ясачных в Якутске не содержат. . .».

Города в первые десятилетия XVIII в., таким образом, приобретают новые учреждения, в них устраиваются мануфактуры, ремесленные цехи, школы. Наряду с новой столицей и городами, возникшими в связи с заводами и верфями, следует отметить включение в состав империи прибалтийских городов. На Украине, в Карелии, Башкирии, Нижнем Поволжье и в Сибири города являлись культурными, хозяйственными и административными центрами, способствовавшими установлению более тесных культурных и торговых связей русских с народами Прибалтики, с карелами, украинцами, татарами и другими народами.

К началу XVIII в. основной частью русского города продолжал оставаться посад с его слободами и сотнями, хотя по численности посадские

люди не всегда составляли подавляющую часть городского населения. Они образовали посадскую общину со своим самоуправлением и особыми повинностями, не распространявшимися на другие группы городского населения. Служилое население города — дворянство, военные и чиновники, а также многочисленное духовенство, были свободны от налогов и посадских служб и не входили в тяглую посадскую общину. Также не входили в посад крестьяне всех разрядов, жившие в городах. Часть городского населения занималась, кроме ремесла и торговли, также и сельским хозяйством, огороды и даже пашни и выгоны сливались с территорией города.

Посадское население было обременено службами и платежами. Посадская община должна была выделить из своей среды людей для службы в казенных и городских учреждениях и при различных сборах, в качестве счетчиков у приема денежной казны, ценовщиков в приеме казенных товаров, целовальников в кабаках и при казенных складах и браковщиков. Кроме того, «гражданские» службы посадских людей выражались в выборных должностях в органах посадского самоуправления, президентами, бурмистрами, ратманами, канцелярскими служителями, в магистратах, а также гильдейскими и цеховыми старшинами.

Служебное бремя посадского населения в первой четверти XVIII в. значительно возросло по сравнению с XVII в. в связи с усилением налогового обложения населения и появлением новых учреждений. О росте служб говорят, например, следующие данные. В Нижнем-Новгороде в 20-х годах XVIII в. все «отцы и дети и братья поголовно» состояли на службе у себя на посаде, а также на Макарьевской ярмарке и в уезде. В Дмитровском посаде в 1702 г. состояло на службе 40 чел., в 1704 г. — 81 чел. в марте и 156 чел. в июле, в 1706 г.—91 чел. При введении гербовой бумаги продажа ее была возложена на особых целовальников из посадских людей, и затем эта повинность была передана бурмистрам. В новой должности фискалов должны были служить не только дворяне, но и купцы. Казенные монополии, расширившиеся в это время, влекли за собой также новые службы для посадского населения. Казенная продажа соли с 1705 г. осуществлялась выборными головами и целовальниками, избиравшимися на год. Особенно тяжелы были «отъезжие» службы. Ряд указов установил обслуживание учреждений в Петербурге посадскими людьми со всей страны. В новые финансовые учреждения, как Камер-коллегия, а также в таможни и на ярмарки, вызывались купцы из разных городов. Так, в 1714 г. в Петербург были затребованы на службу из посадского населения всех губерний 27 бурмистров и 260 целовальников.

В результате ходатайства московского купечества указом 13 апреля 1722 г. было постановлено освободить по всей стране торговых людей от службы по сбору пошлин, кабацких и соляных доходов и заменить их офицерами, так как «купецким людям чинится великое разорение». Однако выполнение этого указа встретило сопротивление со стороны

военного ведомства. Изданный еще в 1714 г. (5 мая) указ об освобождении купецких людей от службы в качестве счетчиков в канцеляриях и губерниях, несмотря на подтверждение в 1722 г., также не был осуществлен.

На посадское население распространялась рекрутская, а также постойная повинность, из посадских людей наряду с крестьянами вербовались рабочие на строительство Петербурга и крепостей. Значительно усилились и казенные платежи. С посадского населения собирались «стрелецкие» деньги, «десятая деньга», установлено было множество оброчных статей — с бань, мельниц, постоялых дворов и других, входивших в состав так называемых канцелярских сборов. «Десятая деньга» становится основным подоходным или поимущественным налогом с городского населения, с торговцев и ремесленников. Именитый человек Строганов платил в 1701 г. десятой деньги 3300 руб., гости — от 1250 руб. до 20 руб., гостиная сотня от 60 руб. до 1 руб. или до 50 коп. О росте новых налогов свидетельствует челобитная московского посада 1716 г., где приведены сведения, что чрезвычайные сборы, сверх «табельного окладу» за 15 лет (1702—1716) составили свыше 300 тыс. руб. [1]

Подушная подать с посадского населения была установлена в размере 1 руб. 20 коп. с ревизской души, она заменила почти все эти сборы, но введение ее привело к дальнейшему усилению посадского тягла. Так, калужский посад платил до 90-х годов XVII в. всяких сборов в сумме 908 руб.; с 1695 г. в связи с Азовским походом оклад был повышен до 1705 руб., во время Северной войны он составил 2443 руб., а с введением подушной подати поднялся до 7243 руб. О тяжести подушной подати для широкой массы посада свидетельствует огромная задолженность посадов по ее уплате.

За первые четыре года введения новой подати (1724—1727) недоимка с посадов достигла 566,3 тыс. руб., что составляет 64,3% от оклада подушной всех посадов за указанные четыре года.

Некоторые посады, как, например, тихвинский, принадлежавшие монастырю, одновременно с уплатой государственных налогов несли обременительные владельческие повинности. Большинство жителей тихвинского посада давно порвало всякие связи с сельским хозяйством, превратилось в ремесленников и торговцев, однако монастырь принуждал их нести крестьянские повинности: обрабатывать монастырскую пашню, косить сено, поставлять подводы и т. д. Феодальные повинности (от которых посадские люди освободились в 1706 г.) задерживали рост города как торгово-промышленного центра[2].

---

[1] *Е. И. Заозерская.* Московский посад при Петре I. «Вопросы истории», 1947, № 9, стр. 24—25.

[2] *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 374 и др.

Большие изменения произошли в посадском самоуправлении, где также проявляется активность верхушки нарождавшейся буржуазии. В последние десятилетия XVII в. (по реформе 1679—1681 гг.) сбор стрелецкой подати был возложен исключительно на посад и воеводы были устранены от вмешательства в дела посадского мира. 1 марта 1698 г. правительство еще раз подтвердило этот порядок. Стрелецкие деньги должны были собираться «мимо воевод» земскими старостами и другими выборными властями в земских избах[1]. Купечество привлекалось к новой повинности — строительству флота. После завоевания Азова на торгово-промышленное население была возложена задача построить 14 кораблей за свой счет. Для этого была создана «Корабельная палата», в которую вошли пятеро гостей с президентом, гостем Иваном Панкратьевым во главе. В ней можно видеть первый зародыш новых городских учреждений. Мартовский указ 1698 г. был дополнен в 1699 г. в том отношении, что учреждалась Бурмистерская палата или Ратуша, которая совмещала в себе функции центрального финансового ведомства и органа посадского самоуправления. Позднее, в связи с областной реформой 1708—1710 гг., Ратуша потеряла значение центрального учреждения, ее местные органы — земские избы были подчинены областной администрации.

Задача собрать «рассыпанную храмину» городов и купечества возлагалась на новые учреждения, возникшие в 20-х годах XVIII в., — городовые магистраты с выборными президентами, бурмистрами и ратманами[2].

Магистраты, как до них земские избы и Ратуша, в системе посадского управления были лишь высшими органами. В посаде XVIII в., как и прежде в XVII в., существовал еще посадский сход — собрание населения всего посада или его составных частей — слобод, сотен и гильдий. Посадский сход избирал посадского старосту, своего председателя, который совместно с гильдейскими старшинами действовал от лица посада. Тот же посадский сход избирал членов магистрата, служивших передаточной инстанцией между правительственными органами и посадским миром. На посадском сходе выбирались должностные лица по службам у казенных сборов; в порядке круговой поруки посадский мир отвечал за них материально; здесь же решались вопросы местного благоустройства и мирского хозяйства. Посадский сход всего более сближает городское устройство XVIII в. с посадом предшествующего XVII в.

На посадском сходе влияние и власть принадлежали богатейшим купцам. Здесь кипела ожесточенная борьба, проявлялось приниженное положение мелких посадских людей, состоявших в зависимости от

---

[1] *М. М. Богословский.* Петр I, т. III. М., 1946, стр. 242.

[2] О городском самоуправлении см. главу III, «Введение» и § 1 «Реформа высших и центральных органов государственного управления».

немногих богачей. Городское управление находилось в руках богатейшей купеческой верхушки.

История города Архангельска, изложенная в XVIII в. местным историком В. В. Крестининым, дает яркий пример долголетнего господства кучки богатеев. В первое десятилетие XVIII в., когда в Архангельске действовала земская изба (по закону 1699 г.), во главе ее стояли богатые купцы (Попов, Лаптев и Самойлов), захватившие всю власть над мирскими делами; с учреждением магистрата в 20-х годах в Архангельске Лаптев попрежнему управлял всеми мирскими делами. Порою между этими богатыми посадскими людьми разгоралась борьба за овладение высшими должностями городского управления, при этом каждый из претендентов на власть опирался на зависевшую от него маломощную массу. В Брянске в 1723 г. при производстве выборов земский староста и магистратский бургомистр стали во главе двух враждебных группировок, каждая из которых выставила своих кандидатов. Обе группировки во главе со своими вожаками действовали не только словесным путем, но пускали в ход и силу, организовав нападение на Ратушу. Столкновение было прекращено лишь вмешательством солдат.

Противоречия в частновладельческом посаде были еще сложнее. Здесь наряду с борьбой внутри посадского населения велась борьба против вотчинника, облагавшего посад феодальными повинностями. Жители тихвинского посада, возглавляемые старостой, отказались в 1702 г. выполнять владельческие повинности и вышли из повиновения Тихвинскому монастырю. Самостоятельная жизнь этого посада продолжалась до 1716 г., когда был издан указ Петра I о переводе во вновь построенный город Новую Ладогу 30 или 40 семей «самых лучших торговых людей» из Тихвина. Посад, выступавший до этого сплоченно и организованно, получив указ, раскололся. «Лучшие торговые люди», 67 человек, от имени всего посада дали обязательство вновь быть послушными монастырю, лишь бы последний добился освобождения их от переселения в Новую Ладогу. Тихвинским посадским людям в 1723 г. удалось освободиться от власти монастыря [1].

По регламенту Главного магистрата 1721 г. городское население разделялось на разряды. В регламенте выделены «шляхетство, которое, в близости от городов, деревни и усадьбы свои имеет, а иные и сами в городах живут домами своими», затем духовенство, иноземцы-купцы и мастера [2]. Согласно регламенту все они «между гражданами не числятся», не подлежат посадскому тяглу и не входят в систему посадского самоуправления. Остальное посадское население регламент Главного магистрата делит на регулярных граждан в составе двух гильдий и «подлых» людей, или чернорабочих.

---

[1] *К. Н. Сербина*. Указ. соч., стр. 398—411.

[2] ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 295.

Отмирали старинные высшие разряды купечества — гости и гостиная сотня. В Москве в 1699 г. значится 34 гостя, а в 1713 г. осталось лишь 13 гостей; первая ревизия насчитала к 1725 г. всего четверых гостей и троих «гостиных внуков». Также сокращается в Москве состав гостиной сотни с 280 чел. в 1699 г. до 137 чел. в 1725 г., причем половина этого числа состояла из новых людей. Наиболее крупные из гостей и гостиной сотни (И. Исаев, М. Евреинов и др.) были назначены на житье в Петербург.

Гости и гостиная сотня сильно различались по капиталам, и эти звания стали заменяться делением по экономическому признаку на статьи или гильдии, согласно регламенту Главного магистрата. Деление на гильдии связано с имущественным цензом и различием профессий. К первой гильдии отнесены банкиры, купцы с отъезжими торгами и торгующие в рядах, а также доктора, аптекари, серебряники, живописцы. Во вторую гильдию должны были входить мелочные торговцы и ремесленники. Однако этот профессиональный принцип деления не привился на практике; деление на гильдии фактически производилось в зависимости от зажиточности. В связи с новым делением на гильдии потеряли значение и старинные разряды высших торговых чинов — гостей и купцов гостиной сотни. Гильдии имели свои гильдейские сходы и выбирали старшин, административные обязанности которых соответствовали обязанностям слободских старост. Общепосадский сход стал совокупностью не только слобод и сотен, но и гильдий. Ремесленники объединялись с 1720-х годов в цехи. Полноправными членами цехов являлись только мастера, они имели право держать подмастерьев и учеников; запись в цехи становилась обязательной для городских ремесленников.

Остальное посадское население, «обретающееся в наймах и в черных работах», названо в регламенте Главного магистрата «подлыми людьми». В противоположность регулярным гражданам или торгово-промышленным людям, они регламентом были поставлены вне городских корпораций и, следовательно, не могли участвовать в выборах в городские органы.

Преимущественное покровительство верхушке нарождавшейся буржуазии, в ущерб рядовой массе, наблюдалось во всех сторонах городской жизни начала XVIII в. Первостатейные купцы несли службу на руководящих должностях, часто связанных с серьезной финансовой ответственностью, но вместе с тем соединенных также с возможностью наживы. Наиболее тяжкие службы падали на плечи средних и мелких посадских людей, а богатое купечество имело возможность избавиться от неприятных служб. Основатели промышленных предприятий освобождались от служб указом 17 января 1721 г., так же как освобождены были от них откупщики и предприниматели-иностранцы.

Казенные платежи вносились в порядке круговой поруки. Установленная на каждый посад сумма платежей раскладывалась внутри посада в

зависимости от зажиточности по «пожиткам, торгам и земле». В глазах правительства первостатейные, богатейшие купцы прежде всего отвечали за уплату посадом подушного оклада и должны были отчасти платить за неимущих и многосемейных. Посадские верхи, однако, старались сбросить с себя это добавочное тягло, что им в известной мере удавалось, и размеры переплат обычно далеко не соответствовали экономической мощи богатых купцов и промышленников, то есть они наживались много больше, чем возрастали сборы с них.

Конец XVII и первая четверть XVIII в. имеют важное значение в истории русского города. Развитие всероссийского рынка связано с ростом промышленности и городов, с усилением общественного разделения труда. Создание Ратуши и земских изб и затем магистратов во главе с Главным магистратом, даже с учетом ограниченного значения новых выборных городских органов, подчиненных администрации, являлось средством содействия развитию и возвышению купечества. Возросшее значение богатейшей части посада выразилось в преимущественном участии ее в новых органах управления. Реформы составляют определенный этап в развитии городской буржуазии, в усилении ее значения. В городе протекал процесс расслоения, увеличивалась масса трудового населения, эксплуатируемого заводчиками и торговцами, обострялась классовая борьба. Вместе с тем происходило усиление противоположности между городом и деревней, углубление противоречий внутри города.

* * *

В экономическом развитии России[1] в конце XVII и в первой четверти XVIII в. наблюдаются новые явления. Наиболее отчетливо они прослеживаются в промышленности, где за этот период было построено около 180 крупных предприятий. Было положено начало освоению горнорудных богатств Урала, и этот промышленный район быстро выдвинулся на первое место. Относительно высокий уровень металлургии как в форме мелкого производства, так и крупных предприятий типа мануфактуры, обеспечивал металлом потребности страны и к концу изучаемого периода позволил значительное количество железа вывозить за границу. В легкой промышленности развивалась полотняная, парусная, суконная и другие отрасли, частью связанные с обслуживанием армии и флота. Вместе с тем были построены мануфактуры, рассчитанные на спрос господствующего класса и царского двора, как шпалерная и зеркальная мануфактуры, сахарный завод и т. п. Энергично поощряемое государством строительство мануфактур служило средством преодоления экономической отсталости страны и укрепляло ее военную мощь.

Менее ощутимые сдвиги прослеживаются в сельском хозяйстве. Здесь происходил медленный процесс освоения новых территорий, распашки зе-

[1] Текст до конца главы I написан Н. И. Павленко.

мель, запустевших в первые, наиболее тяжелые годы Северной войны, и специализации отдельных районов. Усиливавшийся спрос на лен, пеньку, а также шерсть, в связи с созданием крупной промышленности и ростом экспорта, приводил к ряду мер по развитию улучшенного овцеводства и технических культур. Однако попрежнему в большинстве районов господствовало трехполье, в лесных и лесостепных районах была распространена подсека, в степных районах — перелог. В условиях феодальной собственности на землю и крепостного права производительность труда в сельском хозяйстве не могла быть высокой, поэтому частым явлением были неурожаи, сопровождавшиеся голодом и разорением крестьян.

На основе общественного разделения труда, связанного с ростом мелкого и крупного производства и специализации районов, черноземных и нечерноземных, развивался внутренний рынок. Присоединение балтийских портов и сооружение Вышневолоцкого канала, соединившего бассейн Волги с северной столицей, способствовали росту как внутренней, так и внешней торговли.

Экономическая политика России того времени, в своей основе меркантилистическая, не была подражательной, отличалась самостоятельностью и своеобразием. Черты меркантилизма в экономической политике выражались прежде всего в мерах покровительства, принуждения и регламентации, проводившихся в целях создания крупного производства, расширения торговли и укрепления нарождавшейся буржуазии. Характерна также столь существенная для меркантилизма значительная роль государства в промышленном строительстве, в развитии торговли и т. п. Большинство мануфактур первоначально принадлежало казне, которая нередко передавала их затем в частные руки. Только с середины второго десятилетия XVIII в. наблюдалось более активное участие частного капитала в промышленном строительстве.

Своеобразие экономической политики России этого времени, отличающее ее до некоторой степени от западноевропейского меркантилизма, объясняется рядом конкретных условий и прежде всего связано с господством феодально-крепостнического строя. Экономические мероприятия в первую очередь проводились для преодоления отсталости страны, осуществлялось строительство крупной промышленности для укрепления обороны государства. Внешняя торговля не могла иметь в России того важнейшего значения, какое придавалось ей в практике и экономической литературе Западной Европы, особенно в Голландии и Англии. Таможенный протекционизм в России имел в виду подъем производительных сил, охрану крупного производства от иностранной конкуренции. Лишь на исходе изучаемого периода рост производства позволил вывозить за границу железо и другие промышленные товары.

Своеобразием отличается социально-экономическая природа русской мануфактуры того времени. Разрешение заводовладельцам покупать крепостных крестьян, приписка государственных крестьян к частным заводам,

закрепление за ними беглых положили начало «оригинальному строю» промышленности, основывавшейся на применении крепостного труда.

Изменения в производительных силах общества, являющихся наиболее подвижным и революционным элементом производства, вызвали изменения в производственных отношениях людей. Наряду с оформившимися ранее классами-сословиями — крестьянством и дворянством, — в первой четверти XVIII в. зарождаются элементы новых классов — работные люди (предпролетариат) и буржуазия, происходил процесс первоначального накопления. Вместе с тем крепостной гнет усилился, широко практиковалась раздача земель и крестьян, подушная подать также явилась важной вехой в развитии крепостного права вширь и вглубь. Значительно выросло бремя государственных налогов и натуральных повинностей крестьян в пользу государства, тяжело ложились на крестьян рекрутские наборы. Строительство Петербурга, крепостей и флота осуществлялось крестьянами, мобилизованными по определенной разверстке.

Дворянство являлось привилегированным классом-сословием. Развитие феодальной собственности завершилось слиянием поместий и вотчин в наследственные «недвижимые имения». Служба в гвардейских полках и введение «табели о рангах» оформили и укрепили политическую консолидацию класса. Дворянство занимало командные позиции в армии, во флоте и в администрации. Наряду с эксплуатацией крестьянского труда в его руки переходила часть государственных средств в виде жалованья за службу в армии и т. п. Дворянство находилось в стадии своего возвышения.

В связи со строительными работами и развитием промышленности несколько повысился удельный вес труда, не связанного с сельским хозяйством, и увеличился численный состав работных и мастеровых людей. Труд работных людей обычно был неквалифицированным, к мастеровым людям относились обученные рабочие, овладевшие мастерством. Феодально-крепостнические отношения препятствовали развитию рынка рабочей силы, поэтому наряду с вольнонаемными рабочими на мануфактурах широко применялся труд крепостных и приписных крестьян. В центре страны, в районах с развитыми товарно-денежными отношениями, труд вольнонаемных имел более широкое применение, причем в легкой промышленности в большей степени, чем в металлургии. На казенных металлургических заводах, а также на частных заводах Урала преобладал труд крепостных и приписных крестьян. Промышленники этого района являлись не только заводчиками, но и феодальными землевладельцами. Следует также учитывать, что вольный наем был еще опутан крепостническими отношениями, уменьшавшими различия между крепостными и наемными рабочими.

Нарождающаяся буржуазия складывалась из верхушки посадского населения, а также из отдельных разбогатевших крестьян, нередко порвавших связи с деревней и выступавших чаще всего в качестве скупщиков и подрядчиков. Купеческий капитал переходил отчасти в промышлен

ность. Владельцы мануфактур составили привилегированную группу этого класса — они освобождались от всех повинностей, получали привилегии и денежные ссуды, им передавались казенные предприятия, и, главное, они получили право на эксплуатацию крепостных крестьян, право, принадлежавшее дворянству. Вместе с возвышением нарождавшегося торгового класса в целом, и особенно той части его, которая вкладывала средства в промышленные предприятия, начинался процесс одворянивания верхушки этого класса-сословия, обусловленного не только их собственностью на средства производства, но и феодальной собственностью на землю и крестьян.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В КОНЦЕ XVII И В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

1

ВОССТАНИЯ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII В.

Усилившаяся борьба народных масс в конце XVII и в первой четверти XVIII в. носила антифеодальный характер. Она определялась существом феодализма, когда «крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков»[1], а также явлениями первоначального накопления. Восставали крестьяне, посадская масса и работные люди. Эксплуатация рабочих мануфактур в известной мере уже «держалась на дисциплине голода», хотя наряду с зарождавшимися капиталистическими отношениями здесь имело место и феодальное угнетение, так как заводчики стремились закрепостить рабочих. Рост антифеодальной борьбы народных масс и меры для ее подавления явились условиями оформления абсолютной монархии. Абсолютизм, как высшая форма политической организации феодального общества, связан с обострившейся классовой борьбой и стремлением правящего класса найти новые средства для подавления трудящихся.

Среди антифеодальных выступлений в России в этот период выделяются по своим размерам восстания в Сибири, Астрахани и на Дону.

Во второй половине XVII в. в Сибири феодальный гнет в виде десятинной пашни и других повинностей принял настолько широкий размах, что русский государственный и монастырский крестьянин-переселенец «находил в западно-сибирской слободе обстановку, очень близкую условиям жизни крепостной деревни центра... Сибирский крестьянин терял постепенно свободу перехода, которой вначале он, несомненно, обладал»[2]. Тяжесть феодальных повинностей вместе с произволом местных властей заста-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 387.

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М. — Л., 1946, стр. 209.

вляла крестьян бежать из Западной Сибири далее на восток, подобно тому, как в европейской части России крестьяне бежали от помещичьей эксплуатации на юг, на Белгородскую черту, на Дон, надеясь уйти в еще необжитые окраинные земли. В 1690 г. тобольский воевода с тревогой писал по поводу широкого бегства крестьян из Тобольского и других уездов: «...крестьяне воруют, чинят в тех слободах и в деревнях сходы... своим самовольством, и составляют неведомо какие письма и с теми составными письмами бегают»[1]. Особенно большие размеры приняло бегство в Даурию, на Амур, где правительственная администрация чувствовала себя в XVII в. еще неуверенно и гнет феодальной эксплуатации ощущался слабее[2]. Недаром среди старообрядцев было распространено убеждение о существовании где-то на Дальнем Востоке некоего Белого царства, олицетворявшего социальную справедливость.

Помимо сибирского крестьянства, пополнявшегося в некоторой степени за счет ссыльных, в том числе донских казаков, не меньший гнет со стороны феодального государства испытывали приборные служилые люди, комплектовавшиеся в большинстве случаев из тех же вольнопереселенцев. Подобно тому, как на южной окраине государства правительство стремилось перевести приборный служилый люд с денежного на земельное содержание и обязать его наряду с обороной границ нести феодальные повинности[3], в Сибири эта политика принимала еще более тяжелые формы.

Служилый люд Сибири обязывался не только охранять границы от постоянных набегов кочевников, но и выполнять ряд тяжелых повинностей по судовому делу, по доставке хлебных запасов в отдаленные остроги, на что уходили целые месяцы, искать месторождения полезных ископамых и т. д.[4] Там, где было невозможно перевести служилых людей на земельный оклад, они страдали от недостатка хлебных запасов, их дороговизны и постоянной недоплаты жалованья. Роспись сибирских городов в 1701 г. указывает многотысячную недодачу жалованья приборным людям за прошлые годы[5]. Бывали случаи, когда жалованье служилым людям выдавалось товарами, залежавшимися в воеводской казне или попросту негодными.

Рядовым служилым людям, прежде всего испытывавшим гнет феодального государства, противостояла верхушка гарнизонов, немногочисленные дети боярские, казачьи атаманы, а иногда и пятидесятники, получав-

---

[1] *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 215, 224.

[2] *Н. Н. Оглоблин.* Бунт и побег на Амур «воровского полка» М. Сорокина. «Русская старина», 1896, № 1, стр. 205—224; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, лл. 557—558; стб. 1355, лл. 270—271, 346.

[3] *В. А. Александров.* К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян. «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 86—95.

[4] «Якутия в XVII в.». Сб. под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953, стр. 321 — 327.

[5] ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1354, л. 406.

шие значительно бо́льшие оклады, имевшие возможность, несмотря на запрещение, покупать захваченных в плен и заставлять их работать в своих хозяйствах. Они имели на заимках много лошадей и рогатого скота. Еще в 1668—1669 гг. рядовые якутские казаки на смотре указали воеводе на невозможность служить им «в ряд» с детьми боярскими[1]. В рядовой казачьей среде, в свою очередь, шел процесс расслоения. Некоторые удачливые казаки участвовали в торговых операциях, в подрядах. После заключения Нерчинского договора 1689 г. казаки участвовали в развивавшейся русско-китайской торговле.

Почти полное отсутствие поместного землевладения в Сибири заставляло правительство искать опоры в верхушке немногочисленного посадского населения и особенно среди верхов служилого населения. Отдаленность сибирских гарнизонов вынуждала правительство в моменты обострения классовой борьбы вести осторожную политику по отношению к служилым людям.

Крестьянство, бежавшее от феодального гнета из центральной России, и рядовое приборное население, по своему происхождению также выходцы из крестьянства, сталкиваясь в Сибири с той же феодальной действительностью, нередко, не успевая даже обжиться на новых местах, готовы были идти еще дальше на восток.

Масса служилых людей, подобно крестьянам, пыталась бежать не только в Даурию. В 1688 г. большая группа служилых людей, пашенных крестьян, ссыльных и ясачных татар бежала из Красноярска в Киргизскую землю[2]. В Якутске в 1685 г. служилые люди во главе с Ф. Мартыновым составили заговор, намереваясь убить воеводу, захватить казну, оружие и бежать в дальние зимовья, однако заговор был открыт и побег не состоялся. Спустя пять лет, в 1690 г., якутские служилые люди вновь попытались осуществить свой замысел, но опять неудачно. Заговор, охватывавший несколько десятков активных участников, и в их числе даже представителей служилой верхушки, был снова раскрыт властями. Возглавлявшие этот заговор Ф. Щербаков, И. Поломошный, как и некоторые другие казаки, были сосланы в Якутск еще в 1654 г. вместе со своими отцами, участниками восстания в Томске в 1648 г.[3] Уже поэтому социальный протест якутских служилых людей нельзя считать случайной вспышкой возмущения; он являлся одним из проявлений развивавшейся классовой борьбы в Сибири, принявшей в 1690-х годах особенно широкий размах[4].

В 1690-х годах антифеодальные выступления можно отметить по всей территории Сибири. В Западной Сибири они проявились

---

[1] *Н. Н. Оглоблин*. Якутский розыск о розни боярских детей и казаков. «Русская старина», 1897, № 8, стр. 375—392.

[2] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1038, 1052.

[3] Там же, стб. 1044, лл. 167—177, 184; кн. 1225, лл. 359—423.

[4] См. стб. документов «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии». М., 1951, стр. 475—478.

в усиливающемся бегстве и в выступлениях крестьян против воеводской администрации. В 1693 г. крестьяне Новопышминской слободы Тобольского уезда «во всем отказали» своему приказчику Н. Албычеву. Крестьяне, по словам приказчика, караул сняли «сильно», городовое дело не делают, «ходят бунтуют и учинились сильны и не послушны»[1]. Тобольские воеводы в 1690 г. высказывали тревогу по поводу самовольных крестьянских сходок и «неведомо каких» составных писем. Воевода Салтыков отмечал в своих грамотах в уезды разряда, что от этих «воров составщиков» во многих слободах и деревнях различных уездов происходит «смута большая и раскол»[2].

Особенно большого размаха это движение в конце XVII в. достигло в Восточной Сибири. Недавно поселившееся в восточных уездах крестьянское население в этот период подвергается усиленной эксплуатации со стороны феодального государства. С окончанием льготных лет оно привлекается к отбыванию феодальной ренты в ее наиболее грубой форме — отработочной ренты. Сравнительно малочисленное крестьянство Восточной Сибири было принуждено отбывать сверх обработки десятинной пашни еще ряд тяжелых «изделий»: строительство и починка острогов, ямская гоньба. Еще хорошо помнившее свои попытки уйти от феодального гнета путем бегства на восток, получавшее в течение ряда лет льготы, оно с особой остротой воспринимало свое вновь подневольное положение. Не могло не сказаться и то обстоятельство, что в составе крестьянства Восточной Сибири было больше, чем в Западной, ссыльных людей, в той или иной форме уже принимавших участие в выступлениях против феодального гнета. Кроме того, в уездах Сибири было много служилых приборных людей, которых тяжесть положения толкала на борьбу за облегчение их участи.

Среди восставших были служилые приборные люди, крестьяне, посадские люди, иногда ясачное население. К концу XVII в. некоторые из городов (Иркутск, Якутск, Красноярск) экономически сильно развились, являясь местными хозяйственными центрами, притягивая окрестное население — пашенных крестьян, ясачных людей и промышленников. Поэтому сибирские восстания получали поддержку со стороны окрестного населения.

В организации восставших сочетались формы, характерные для казачьего самоуправления, — круг и мирские сходы; в кругах концентрировались наиболее радикальные, плебейские элементы, настроенные антифеодально, тогда как служилая и посадская верхушка стремилась захватить руководство в приказных избах и противодействовать плебейским элементам.

Восстания в конце XVII в. в Восточной Сибири начинались с того, что восставшие смещали «лихих» воевод и наивно ждали облегчения своей

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. № 34, лл. 7—64.

[2] Там же, ф. ВУС, стб. 19, лл. 31—35.

участи от новых правительственных администраторов. До некоторой степени в них отражались отзвуки крестьянской войны под руководством Степана Разина. Имеются сведения о неоднократных попытках восставших поддерживать связь друг с другом «грамотками» и личным представительством; восставшие мелкие служилые люди забайкальских острогов в целях объединения заключили даже договор между собой.

Первое и наиболее крупное восстание произошло в Бирюльской слободе 10 декабря 1691 г.[1] Пашенные крестьяне Бирюльской слободы, поддержанные крестьянами всей волости, разгромили двор местного приказчика Павла Халецкого, успевшего за несколько месяцев своего управления «вымучить» у крестьян кабалы, немало имущества, скота и хлеба. Разгром двора не остановил приказчика, и 4 февраля 1692 г. крестьяне «все в скопе» и «совете» осадили его в приказной избе и «отказали» от управления, заявив: «мы государеву указу послушны, а тебе, Павлу, не послушны». Весьма характерно, что один из предводителей — Степан Синьков имел прозвище «Стенька Разин». Осада приказной избы длилась целую неделю, пока, наконец, 10 февраля Халецкий был схвачен и избит. Разделив его имущество и уничтожив долговые кабалы, крестьяне поставили своим приказчиком Ивана Потапова, бывшего в этой должности до приезда Халецкого. В марте 1692 г. Потапов, опасаясь, повидимому, нового восстания, отказался по требованию иркутского воеводы арестовать и прислать в Иркутск «заводчиков» восстания, и следствие началось только в 1699 г.

Одновременно в Забайкалье с 1692 г. началась борьба бурят против русской администрации и местных нойонов во главе с бурятом Богачеем, которая упорно велась шесть лет.

В мае 1695 г. началось восстание в Красноярске[2]. Все население города после ряда казачьих «кругов», «дум и советов» выступило против воеводы Алексея Башковского, типичного представителя сибирской администрации, «грабителя и разорителя», бравшего взятки с приезжих бухарских, киргизских и калмыцких торговцев, что не раз вызывало набеги на русскую территорию калмыков и киргизов. Воевода бежал в Енисейск, и все его административные функции перешли к двум выборным «судьям», находившимся под контролем «совета» старшин, служилых людей и «думы» всех восставших. Восставшие направили в Москву жалобу на А. Башковского, обвиняя его в разорении населения и торговле запрещенным товаром — оружием и боеприпасами — с киргизами и калмыками. В августе 1695 г. в город был прислан новый воевода— Мирон Башковский, родной брат прежнего воеводы. Опасаясь с его стороны мести, многие жители города, в особенности служилые люди,

[1] *Ф. А. Кудрявцев.* Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939, стр. 38 — 45.

[2] *Н. Н. Оглоблин.* Красноярский бунт 1695 — 1698 гг. «Журнал МНПр», 1901, № 5, стр. 25 — 70; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, л. 240.

разъехались по заимкам и деревням. Но когда новый воевода начал расправу над жителями, угрожая «выжечь и вырубить» город, служилые люди вновь собрались в городе и вместе с посадскими и окрестными крестьянами и ясачными людьми 14 ноября 1695 г. подняли новое восстание против воеводской власти. М. Башковский, предчувствуя его, еще 11 ноября заперся в крепости («малом городе») с 50 поддерживающими его ссыльными во главе с Василием Многогрешным, братом опального украинского гетмана. Не имевший органической связи с сибирским населением, этот представитель господствующего феодального класса со своими товарищами стремился доказать свою преданность правительству. Вплоть до августа 1696 г., т. е. в течение десяти месяцев, М. Башковский сидел в своеобразной осаде; выйти из крепости он не мог, но восставшие позволяли родным снабжать его продовольствием; все его имущество на 18 тыс. руб. было конфисковано.

Власть в городе и уезде была сосредоточена в руках семи «судей», среди которых шли раздоры. Часть служилых людей стремилась к соглашению с правительством. В результате внутренней борьбы в апреле 1696 г. «судья», сын боярский Г. Ермолаев, был смещен и арестован. Но другой «судья», представитель служилых верхов, атаман М. Злобин в августе 1696 г. «совсем изменил миру», когда в Красноярск приехал присланный новый воевода С. Дурново, и помогал воеводе вместе с сыщиком начать весьма пристрастное следствие.

Однако среди восставших продолжала действовать выборная организация, до которой не смогли докопаться сыщики. Несмотря на многочисленные аресты, служилые люди Красноярска при поддержке уезда вновь вынудили воеводу сесть в осаду. В январе 1697 г. на воеводу С. Дурново было произведено неудачное покушение. После новой жалобы на воеводу прибывший в Сибирь с большими полномочиями думный дьяк Д. Полянский отстранил в феврале 1698 г. С. Дурново от воеводства и вызвал его для следствия в Енисейск, но уже в июле вновь отправил его обратно. В день возвращения в Красноярск С. Дурново едва не был убит восставшими. М. Башковский и С. Дурново требовали от енисейского воеводы Римского-Корсакова присылки в Красноярск служилых людей для подавления восстания, на что последний, конечно, не рискнул пойти. Д. Полянский пытался сам приехать в город для следствия, но восставшие не допустили его приезда. Только в апреле 1700 г. правительство, убедившись, что городская верхушка Красноярска держит в своих руках город, и стремясь вместе с тем к «совершению (т. е. прекращению. — *Ред.*) того красноярского дела», приняло решение всю вину возложить на «лихих» воевод и на ссыльных. Посланной комиссии давалось право самостоятельно вынести приговор, но «чтоб от тех дел тому городу и иным городам не навесть большого разорения»[1]. Внимание следователей было обращено на ссыльных подья-

[1] «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. 1. СПб., 1882, № 9, стр. 38—52

чих, которые в силу своей грамотности казались правительству опасными. Даже в случае их невиновности следователям указывалось повесить двух-трех человек «во унятие и страх впредь будущим ссыльным ворам».

Стремление правительства всеми мерами «утишить» Красноярск объяснялось тем, что восстание послужило толчком к новым восстаниям. Территория Восточной Сибири от Илимска до Нерчинска фактически в 1696 г. была охвачена восстанием.

В октябре 1695 г. в Нерчинске городское население арестовало воеводу Антона Савелова и поставило во главе управления двух выборных — сына боярского И. Аршинского и пятидесятника Ф. Свешникова, которые принимали даже дипломатическую переписку из Китая и монгольских выходцев в русское подданство, отправляли в Китай караваны прибывших в Нерчинск торговых людей. Скудные данные об этом восстании не позволяют подробно его охарактеризовать. Восставшие управляли городом и всей округой до 1699 г., причем ясачный сбор велся не по окладным книгам. Восстание имело широкий размах, участники его были тесно связаны даже с Читинской слободой. О размахе восстания свидетельствует приказная справка, в которой указывалось, что после восстановления в Нерчинске воеводской власти финансовая отчетность за 1696—1699 гг. не прислана в Москву, «для того что не зделаны за многими ево великого государя приказными и розыскными о измене и бунтовстве русских людей делами»[1].

Красноярское и нерчинское восстания, по свидетельству участников восстания в Братском остроге, начавшемся в 1696 г., явились для них образцами[2]. Направленное против приказчика Х. Кафтырева, сумевшего за короткий срок довести до отчаяния местное население — русское и ясачное, это восстание носило ярко выраженный социальный характер. Это понимал и сам Х. Кафтырев; он писал: «...Мне...отказали не за обиды и налоги, а для того чтоб им повольно было воровать», что на языке властей означало восстать и взять власть. Предводители восстания, многие из которых были ссыльными и с точки зрения властей являлись «ведомыми ворами и бунтовщиками», сумели не только объединить все население Братского острога и пашенных русских крестьян, кроме детей боярских, но и привлечь к активному выступлению окрестных бурят. Первоначально восстание имело формы казацкой организации; как писали сторонники Х. Кафтырева, «все пашенные крестьяне и всяких чинов люди ходят в Брацком остроге и по улицам и становятца кругами и величают друг друга атаманами молодцами, а собираются в трапезу неведомо для чего и заводят бунт».

---

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, лл. 211, 287; стб. 1292, лл. 1—37; Нерчинская изба, д. 51; Иркутская изба, д. 377, лл. 11, 15—16.

[2] *А. П. Окладников.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.). Л., 1937, стр. 139 — 169; *Ф. А. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 69 — 77.

6 января 1696 г. в Братский острог на местный престольный праздник съехались жители уезда для выбора старост и целовальников. На собравшийся «мирской совет» прибыли и представители бурят, за исключением родовой верхушки. Собравшиеся постановили отставить Х. Кафтырева от управления и передать власть «для всех дел» двум «судьям», казачьему десятнику Д. Кириллову и казаку Д. Терентьеву. Как и в Красноярске, для «судей» был составлен официальный «выбор», т. е. акт избрания, подписанный представителями населения, которые, повидимому, составили совет уполномоченных. Бурятское и тунгусское население беспрекословно вносило им ясак. Пытавшемуся оказать сопротивление Х. Кафтыреву восставшие заявили: «Как мир восстанет, так и царя ужаснет, а ты, Христофор, говоришь с нами».

В мае 1696 г. в Братском остроге уже был «сыщик» из Енисейска сын боярский А. Галкин, относившийся к восставшим явно сочувственно. Следствие тянулось до 1704—1706 гг., и Сибирский приказ вынужден был признать виновность Кафтырева и его подручных, один из которых был казнен. Кафтырева били кнутом и сослали на Лену в казачью службу[1].

Почти одновременно вспыхнуло восстание в Илимске. Как и в Красноярске и Братском остроге, это восстание характеризуется некоторой организованностью и тесной связью жителей города и уезда. Воевода стольник Б. Челищев, едва спасшийся от смерти, писал: «Илимские жители забунтовали и воровские письма писали и память в уезд для высылки уездных людей в круг под знамя посылали и иные воровские письма писали». В восстании участвовали «работные» люди, крестьяне «всем уездом», казаки и посадские. Выборное «мирское управление» просуществовало до конца 1699 г. Восстание в Илимске характерно одной замечательной особенностью — в нем принимали участие двое красноярцев, М. Алексеев и Ф. Матвеев. Весьма вероятно, что они являлись связующим звеном между восставшим Красноярском и Илимском, так как в результате сыска в конце 1704 г. оба были казнены и об их казни «за многие их воровские возмущения и за затейные дела» приказано было оповестить жителей Красноярска с тем, «чтоб впредь в Красноярске и повсюду всяких чинов люди жили смирно и никаких непотребных делов не касались»[2].

Волна восстаний охватила не только Нерчинск, но и другие забайкальские остроги — Удинский, Селенгинский, Ильинский и Кабанский. Особенности пограничной области придали этим восстаниям, вспыхнувшим в феврале-марте 1696 г., по преимуществу характер казацкого движения, причем с явно выраженным участием казацкой голытьбы, к которой присоединялись холопы, беглые служилые люди, представители мест-

---

[1] *А. П. Окладников.* Указ соч., стр. 169; *Ф. А. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 76—77.

[2] *Ф. А. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 80; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1422, лл. 155—156.

ных племен (буряты, монголы), попавшие в личную зависимость от верхушки служилых людей. Восстания крупнейших в Забайкалье гарнизонов, направленные против иркутского воеводы А. Савелова, самовольничавшего, разорявшего население и задерживавшего жалованье казакам и стрельцам[1], приняли широкие масштабы и имели определенные цели. В феврале 1696 г. началось восстание в Селенгинске, в марте — в Удинске, а в апреле оба острога заключили между собой договор о совместной борьбе за казачью автономию и самоуправление. Казацкая и стрелецкая новоприборная голытьба, а также старые «домовитые» казаки во время следствия упорно и согласно видели в составленном договоре «доброе дело». Содержание этого договора заключалось в том, чтобы не допускать насилий со стороны воевод, быть во всем «за одно», требовать от воевод наказания смутьянов в общем деле (т. е. не допускать экономического давления со стороны богатеющей верхушки), а в случае невыполнения этого воеводами — самим «смирять» «войсковым советом». Один из вероятных авторов этого договора, селенгинский казак Некрасов на следствии добавил, что их цель заключалась в недопущении образования около воевод казацких советчиков, конечно, из верхов служилых людей. Присланный из Иркутска «для уговариванья» сын боярский доносил иркутскому воеводе, что служилые люди намерены «жить особь».

Опасность восстания состояла не только в том, что восставшие продолжали в своей организации традиции донского казачества (совет всем войском, или круг под знаменем, самосуд, дележ конфискованного имущества на паи между всеми и т. д.), но они устанавливали связь с бурятами и их зайсанами, посылали к ним толмача, надеясь получить от них лошадей и непосредственную поддержку в момент выступления против иркутского воеводы.

Для своих нужд казаки завели «коробку», войсковую казну, которая составлялась из сумм, вырученных от продажи конфискованного имущества воевод и приказчиков. Состав восставших был довольно пестрым. Наряду с казачьей голытьбой в восстании принимали участие и домовитые казаки, пострадавшие от воеводского самоуправства, и совсем случайные люди, как, например, сосланный сын боярский Петр Арсеньев, «церковный раскольник и мятежник», знакомый одного из приближенных царя Алексея Михайловича боярина Ф. М. Ртищева. Первоначально «нарочитые» казаки на совете в Селенгинске решили поддержать казачью голытьбу[2]. Восстание перерастало масштабы других сибирских восстаний. Забайкальские казаки и стрельцы списывались с Иркутском, а в мае 1696 г. их крупный отряд появился уже на Ангаре, громил заимки детей боярских, подступил к Иркутску и установил

[1] ЦГАДА, Иркутская изба, д. 429, 467.

[2] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1697, лл. 11—32, 42—50, 55, 135, 159, 193, 194, 209 и др.; стб. 1397, лл. 15—24, 30; стб. 1422, лл. 381—386, 465; Нерчинская изба, д. 6, л. 73; Иркутская изба, д. 377, лл. 26—35, 60—64, 81—92.

связь с Братским острогом и с селениями в верховьях Лены (Тутурский острог). Он пополнялся беглыми холопами, иркутскими посадскими и служилыми людьми, представителями местного коренного населения.

Неудача под Иркутском, не поддержавшим восставших, не позволила им укрепиться в Предбайкалье. Восставшие вернулись за Байкал, где пытались организовать собственное управление во всех четырех острогах, но начавшаяся борьба между верхушкой и голытьбой, а также недостаток продовольствия, прежде всего хлеба, не позволили развиться восстанию. Таким образом, движение в Восточной Сибири оказалось не связанным с движениями в Западной Сибири и не смогло охватить одновременно все районы Восточной Сибири. Этот локальный характер движения в сочетании с внутренней борьбой среди восставших был причиной слабости восстания. Правительство, получив челобитную забайкальцев, как и в отношении Красноярска, перенесло всю вину на воеводу и расправилось только с тремя казаками, обвинив их будто бы в уголовном преступлении. Возложить вину на воеводу А. Савелова представлялось тем более удобным, что после ухода забайкальцев из Иркутска население его само «отказало» воеводе и «мирским советом» «утвердило» воеводой младенца, сына воеводы, посланного из Москвы на смену А. Савелова и умершего по дороге. В «товарищи» этому «воеводе» был выбран сын боярский И. Перфильев[1]. Восставшее иркутское население от имени младенца-воеводы утвердило весь новый приказной аппарат, созданный восставшими забайкальских острогов.

Неудача восстаний не означала ослабления классовой борьбы в Восточной Сибири. Не добившись самоуправления, широкие слои казачества Нерчинска, Удинска и Аргунского городка, промышленники и гулящие люди (всего несколько сот человек) решили в 1699 г. все же освободиться из-под власти воевод, поднять восстание и, снарядившись, уйти по Амуру на острова Тихого океана[2]. Расширение откупной системы в Восточной Сибири вызвало в 1699 г. новое волнение в забайкальских острогах. Служилые люди и крестьяне вступили в столкновения с приказчиками гостя Пивоварова и громили «питейные заведения»[3]. В начале XVIII в. отдельные вспышки возмущения служилых людей и промышленников имели место и в острожках на Камчатке[4].

В борьбе против выступлений угнетенных масс Сибири правительство попыталось опереться на служилое население. Вина за восстания была возложена правительством на воевод, непосредственно их вызвавших. Смещение этих воевод устраняло на время непосредственный повод к восстанию, служилым людям было обещано «всякое удовольствие».

---

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 1697, лл. 40—60; «Первое столетие Иркутска». Сб. документов. СПб., 1902; *А. П. Окладников.* Указ. соч., стр. 196—216.

[2] *Н. Н. Оглоблин.* Нерчинский заговор о побеге на Амур и острова Восточного океана. «Русская старина», 1896, № 10, стр. 121 — 129.

[3] ЦГАДА, Иркутская изба, д. 458.

[4] См. «Памятники Сибирской истории», XVIII в.», кн. 1.

Правительство ничего не обещало и ничего не сделало для облегчения положения русского крестьянства и ясачного населения. Одновременно правительство применило меры террора в отношении части восставших, с его точки зрения «ведомых воров и бунтовщиков». В условиях раздробленности и неорганизованности движений принятые меры оказались достаточными. При поддержке части служилых людей и посадской верхушки правительство сумело справиться с движениями[1].

2

АСТРАХАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1705—1706 ГГ.

Летом 1705 г. в юго-восточной части России вспыхнуло одно из крупнейших народных восстаний, продолжавшееся около восьми месяцев. Оно охватило Астрахань, Красный Яр, Черный Яр, Гурьев и Терки. Центром восстания была Астрахань.

В начале XVIII в. Астрахань являлась крупным торгово-ремесленным портовым городом и важным пограничным военно-административным центром. Через Астрахань шла оживленная торговля с Хивой, Бухарой, восточными областями Кавказа, Персией и Индией, в которой участвовали как астраханские и иногородние русские купцы, так и иностранные торговцы. Вокруг Астрахани располагались соляные и рыбные промыслы, принадлежавшие казне, монастырям и крупным рыбопромышленникам из посадских людей. Недалеко от города находились казенные селитренные заводы.

В Астрахани был большой посад, населенный плотниками, кузнецами, специалистами по постройке стругов и лодок, вязальщиками сетей, морскими кормщиками и рыбаками. Многие жители Астрахани занимались виноградарством. В городе жило много работных и гулящих людей, находивших себе работу на судах, в порту и на промыслах, число их особенно увеличивалось летом.

Значительной по своей численности, постоянной по своему составу частью населения Астрахани являлись служилые люди. Для охраны юго-восточной границы государства в городе размещался крупный гарнизон из стрельцов и солдат. Он состоял из шести стрелецких и двух солдатских полков, в которых числилось в общей сложности 3650 ратных людей. Среди них были два полка конных стрельцов (по 400 чел. в полку) и три полка пеших стрельцов (по 300 чел.), состоявшие в основном из местных жителей; пеший стрелецкий, так называемый Московский полк (650 чел.), переведенный на службу в Астрахань из Москвы после событий 1698 г.; солдатский Тысячный полк (1000 чел.), солдатский Яхтинский полк (250 чел.) и 50 пушкарей. Часть из них была взята на войну со шведами, и ко дню восстания в Астрахани было налицо 2475 солдат и стрельцов[2].

---

[1] Настоящий параграф дополнен В. И. Шунковым материалом, относящимся к Западной Сибири.

[2] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 394 (1144), лл. 301—311.

К началу XVIII в. стрельцы перестали являться существенной частью вооруженных сил Русского государства. Столичные стрелецкие полки частью были распущены после мятежей, частью высланы в окраинные города. Все это значительно ухудшило правовое и имущественное положение стрельцов. Снижение жалованья заставило стрельцов, стоявших по городам, еще шире чем раньше, заниматься ремеслом и торговлей. Отдельные стрельцы владели крупными лавками, речными и морскими стругами, держали откупы[1]. Большинство же стрельцов вели мелочную торговлю или занимались ремеслом. Таким образом, по своему имущественному положению часть стрельцов тяготела к верхушке посадского населения, а основная масса сближалась с рядовыми посадскими людьми.

Солдатские полки состояли главным образом из «даточных» крестьян, оторванных от дома, и «вольницы», то есть лиц, добровольно вступивших на военную службу, среди которых было немало беглых крестьян, работных и гулящих людей. Малое жалованье заставляло солдат искать дополнительных заработков, и многие из них в свободное от службы время нанимались на всякую поденную работу или «кормились своим ремеслом».

Население Астрахани, таким образом, и по своему социальному составу и по имущественному положению было весьма пестрым.

Восстание в Астрахани, начавшееся в ночь на 30 июля 1705 г., было вызвано общим усилением феодально-крепостнического гнета в начале XVIII в. Рост налогового бремени, введение новых повинностей, увеличение нажима со стороны помещиков и длительная война всей тяжестью ложились на плечи народа и вызывали глухое недовольство и брожение по всей стране. В Астрахани этот гнет усугублялся особенно жестоким произволом местных властей.

Астраханский воевода Т. Ржевский, сделавшись правителем крупного торгового города, начал с того, что обложил новыми сборами все виды городской торговли, начиная с крупных лавок и кончая мелочной продажей с рук. При этом сумма пошлин зачастую превышала цену самого товара. «А буде кто привезет лоткою про себя и на продажу травы или рыбы, или дров денег на шесть или на десять и с тех имали причальное со всякой лотки по гривне; а с походячим торгом, кто вынесет на две деньги, а поземельного заплатит алтын, а кто продаст на десять денег — заплатит гривну»[2]. Поземельный сбор взыскивался даже в тех случаях, когда товар оставался не проданным. С прибывавших в Астрахань судов собирали 5 руб. привальных и столько же отвальных. Кроме торговых пошлин,

---

[1] Так, например, астраханский пеший стрелец Тарас Дмитриев держал на откупу виноградные сады и давил вино. За откуп он заплатил 1210 руб. Городовой воротник Афанасий Мещеряк имел морской струг и вел торговлю мехами, ржаной мукой, крупой, солодом, хмелем, медом, а также брал на откуп некоторые сборы. ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 394 (1144), лл. 45, 160.

[2] Деньга = $\frac{1}{2}$ коп.

были введены налоги на бани, погреба и печи, за точку ножей и топоров, на «битье» хлопчатой бумаги, то есть на выделку пряжи, на варку пива и браги и др.[1]

Сбор всех налогов воевода передавал за взятки откупщикам из числа городской администрации и офицеров полков. Со многими из них Ржевский «вступал в долю» и после этого позволял откупщикам произвольно увеличивать размер налогов. Не довольствуясь этими доходами, Ржевский ввел ряд торговых монополий, отдавая «начальным людем» полков «кто что захватит». Он отдал на откуп «хлебной промысел во всей Астрахани, всякими хлебными запасы велел торговать одним откупщикам, а постороннему, как преж сего было, всякому свободно купить и продать, не велел».

Введение монополий и рост торговых пошлин резко повысили цены на товары. Астраханцы впоследствии показывали, что «наперед сего саженные дрова на берегу покупали» по 25—30 коп. за сажень, «а перед бунтом те же дрова покупали» по 50—80 коп. сажень, то есть цены поднялись более чем вдвое.

Налоги приводили к разорению рядовых посадских людей и стрельцов, занимавшихся ремеслом и мелкой торговлей. Многие «дворишки свои продавали и детей закладывали». Работные и гулящие люди с трудом находили себе работу и голодали, так как дважды был поднят налог на соль, что вызвало застой промыслов. Посадская верхушка, купцы и рыбопромышленники также были недовольны, потому что несли дополнительные расходы в виде высоких пошлин и на взятки воеводе. Особенно раздражала посадскую верхушку передача выгодных откупов и монополий в руки чиновников и офицеров.

Ощущая, как и посадские люди, всю тяжесть новых налогов, стрельцы и солдаты оказались в еще более трудном положении. В 1705 г. стрельцам было снова снижено хлебное жалование — вместо пяти четвертей ржи и такого же количества овса в год они стали получать только по три четверти плохой ржи на одного человека. На солдат и стрельцов была возложена новая обязанность — снабжать дровами селитренные заводы, а также увеличено было количество дров, обычно поставлявшихся ими на воеводский двор: вместо прежних двух-трех стругов Ржевский требовал пять-шесть стругов ежегодно с каждого полка.

Солдатские и стрелецкие командиры, так же как и воевода, стремились извлечь из своего служебного положения личные выгоды. В полках, где они являлись полными хозяевами, царили произвол, грубость и жестокость. Офицеры присваивали солдатское и стрелецкое жалованье, вымогали взятки, использовали рядовых для личного услужения. Особенную враждебность вызывали иностранные офицеры, высокомерно относившиеся к рус-

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. 4, изд. «Общ. польза», стб. 1385.

ским людям и жестоко их эксплуатировавшие. По словам астраханских солдат, иноземцы устанавливали «налоги горше иных начальных людей».

Непрерывный рост налогового гнета и безудержный произвол местных властей создали в Астрахани чрезвычайно напряженное положение. «Худо де в Астрахани делаетца... Быть де томаше, а даром не пройдет»,— говорили в городе.

Движущей силой разразившегося в Астрахани восстания стали стрельцы и солдаты, являвшиеся наиболее организованной частью населения города. Мысль о восстании как в стрелецкой, так и в солдатской среде зародилась задолго до его начала. В средине июля был организован заговор, активными участниками которого были стрелец И. Шелудяк, солдаты Г. Агеев, П. Жегало, Ф. Воробьев, А. Сапожник и стрельцы Прохор Носов и Т. Корешило. В каждом полку были созданы группы, связанные с центром через своих руководителей. Целью заговора были захват власти в городе, истребление ненавистных «начальных людей», отмена тяжелых сборов и повинностей. Заговорщики обсуждали и план похода вверх по Волге на Москву.

Назначение дня восстания было ускорено новыми насилиями со стороны воеводы Т. Ржевского, который, получив 23 июля 1705 г. из Земского приказа грамоты о запрещении ношения русского платья и бород, начал тут же варварскими приемами проводить их в жизнь. Позже астраханцы показывали, что «бороды резаны у нас с мясом и русское платье по базарам и по улицам и по церквам обрезывали ж... и по слободам учинился от того многой плач...». Насилия сопровождались и новыми поборами. По приказу Ржевского, «кого в русском платьи в воротах поймают», с тех брали пошлины «с пеших по четыре гривны, с конных по два рубли с человека»; брались пошлины и за бороды[1]. Не являясь сам по себе причиной восстания, указ о запрещении русского платья и ношения бород послужил поводом к выступлению.

Восстание началось ночью 30 июля 1705 г. захватом астраханского кремля. Отряд солдат и стрельцов численностью в 300 чел. ворвался в Пречистенские ворота, перебил дежуривших караульных офицеров и принялся истреблять «начальных людей» и иноземцев. Восстание сразу же приняло массовый характер, и к утру город оказался в руках восставших. Ночью было убито около 300 чел. начальных людей и иноземцев.

После расправы с начальными людьми восставшие организовали новое управление. На первое собрание круга, являвшегося традиционным выражением вольности, собрались стрельцы, солдаты, посадские люди, астраханские и иногородние купцы, гулящие и работные люди со всего города и ближайших окрестностей.

---

[1] ЦГАДА, Гос. архив, разр. VI, д. 17, лл. 10, 24—25.

Круг, одобрив все действия восставших, избрал совет старшин, в состав которых вошли астраханский рыбопромышленник «ярославец гостинные сотни первой статьи Яков Носов», астраханский земский бурмистр Гаврила Ганчиков и стрелец Иван Шелудяк. Затем на круг был приведен скрывшийся в курятнике воевода Ржевский, которого восставшие тут же закололи копьями.

В первые дни восстания почти ежедневно собиравшийся круг вынес немало важных решений: о захвате селитренных заводов, о походе вверх по Волге, о посылке делегаций с письмами, призывающими поддержать восстание, на Дон, в Черный Яр, Гурьев и Терки, о выдаче стрельцам и солдатам денежнего жалованья. Были отменены введенные при Ржевском налоги (собирались только таможенные и кабацкие сборы), уничтожены многие откупа и объявлена свободная продажа хлеба. Был отменен и указ об обязательном ношении немецкого платья и брадобритии. На одном из собраний круга восставшие составили и подписали «советное письмо», в котором изложили причины и цели восстания, установив круговую поруку среди восставших[1]. «Под советным письмом» имеется 127 подписей посадских людей, в том числе представителей как гостинной сотни, так и посадских низов, 13 подписей от солдатских и стрелецких полков и 6 подписей на татарском языке.

Все это является свидетельством того, что Астраханское восстание было массовым городским восстанием, на первом этапе которого имела место консолидация почти всех населяющих город социальных групп. Вместе с тем, «советное письмо» показывает, что восставшие несумели выработать четкой и ясной программы. Главное внимание они уделили вопросу о немецком платье и бритье бород и мимоходом упомянули о налоговом гнете и произволе властей. Такая же неясность в определении причин и задач восстания проявилась в письмах, посланных астраханцами на Дон, в Терки и Царицын.

Решения круга осуществлялись обычно исполнительным органом круга— советом старшин, основной опорой которого являлись стрельцы и солдаты, сохранившие свою полковую организацию. Стрельцы и солдаты несли охрану города и порядка, свозили в помещение бывшей воеводской канцелярии имущество убитых, арестованных и бежавших из Астрахани «начальных людей», захватили селитренные заводы и вывезли оттуда оборудование.

В августе восстание распространилось за пределы Астрахани. Первыми к ней присоединились Красный Яр и Черный Яр, а затем Гурьев и Терки.

Черный Яр и Красный Яр представляли собой небольшие укрепленные городки со стрелецкими гарнизонами и посадом, они были форпостами Астрахани на севере и востоке. Восстания в них произошли вслед за приездом в оба городка посланных из Астрахани солдатско-стрелецких от-

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 396 (1146).

Астрахань. Гравюра из «Путешествия» К. де-Бруина, изд. 1714 г.

рядов. В Черном Яру воевода Вашутин был отстранен от должности и посажен за караул. Вместо него управление городом черноярцы поручили выборным старшинам дворянину Кузьме Калентьеву и пятидесятнику Василию Пономареву.

Воевода Красного Яра С. Долгорукий, притеснения которого вызывали сильное недовольство у населения, был отослан в Астрахань и там казнен. Красноярскими старшинами были избраны стрельцы М. Мелетин и И. Евдокимов.

Город Гурьев, расположенный в устье Яика, являлся крупной пограничной крепостью и имел крепостную артиллерию из 17 пушек, гарнизон города насчитывал до 300 стрельцов. «Прелестные письма» из Астрахани нашли сочувственный отклик в Гурьеве. Захват власти в городе произошел без вооруженной борьбы, гурьевский воевода Ф. Дмитриев был отпущен в Астрахань вместе с семьей. Вместо него стрельцы избрали старшиной сотника Колтовского, но в сентябре 1705 г., по решению астраханской старшины, Колтовский был заменен стрельцом Макаром Ивановым [1].

Восстание в Терках началось по прибытии туда астраханской делегации. Стрельцы расправились с полковником И. Некрасовым, систематически отчислявшим в свою пользу часть стрелецкого жалованья. Восставшие города признали власть астраханского правительства и принесли ему присягу в верности. Астраханская старшина руководила внутренней жизнью и обороной городов, утверждала решения городских кругов, высылала стрельцам жалованье.

Астрахань пыталась привлечь к восстанию донских казаков. Однако члены делегации, посланной для этой цел ив Черкасск, были там схвачены, закованы в кандалы и отосланы в Москву [2]. Старшина «войска Донского» сохранила верность правительству и сумела удержать от присоединения

---

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 394 (1144), лл. 81, 177, 180—182.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 1383.

к восставшим низовые и верховые городки. Задача ее была значительно облегчена тем, что астраханская делегация прибыла в Черкасск — центр привилегированного казачества, являвшегося надежным оплотом правительства, и не сумела связаться с широкими массами беднейшего казачества, населявшего верховые станицы. Донской атаман Л. Максимов немедленно принял все меры к тому, чтобы изолировать Дон от района восстания. В помощь Царицыну был послан двухтысячный отряд казаков. Кроме того, во всех казачьих станицах была проведена новая присяга правительству, и казакам под угрозой смертной казни были запрещены всякие сношения с астраханцами. Меры, принятые донской старшиной, обеспечили спокойствие на Дону и лишили астраханцев возможных союзников. Известное влияние на настроение казаков оказала и нечеткость выдвинутых астраханцами требований, тем более, что указ о немецком платье на Дон не распространялся. Отказ донских казаков поддержать восстание и их активное выступление на стороне правительства оказали большое влияние на дальнейший ход событий.

Между тем из Астрахани вверх по Волге выступил составленный из восставших солдат и стрельцов отряд в 900 чел. во главе с походным атаманом стрельцом Иваном Дериглазом.

Вопрос о походе вверх по Волге и далее до Москвы обсуждался заговорщиками до начала восстания и являлся одним из пунктов намеченного ими плана. Как показало проводившееся после подавления восстания следствие, единого мнения о цели похода у восставших не было. Среди большей части восставших солдат, стрельцов и посадских людей были распространены царистские иллюзии. Виновниками всех своих бед они считали бояр и иноземцев. Наиболее распространенным в городе было мнение, что царя либо «в живе нет», либо он находится в плену в «Стекольном царстве», а от того «стали налоги великие». Поэтому главной задачей похода бо̀льшая часть восставших считала истребление бояр и «проведывание про государя».

Другая, меньшая часть восставших, главным образом стрельцы, когда-то жившие в Москве, стремились к восстановлению утраченных привилегий путем свержения Петра I. Среди них была популярна легенда о подмене царя еще в младенчестве иноземцем. Эта точка зрения не получила широкого распространения среди астраханцев, и круг официально провозгласил поход «за христианскую веру и за государя», но против иноземцев и бояр.

Все отъезжающие в поход получали оружие, боеприпасы и деньги. Источником для выдачи жалования послужила захваченная казна и поступавшие в распоряжение астраханского правительства налоговые сборы (кабацкий и таможенный)[1].

---

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 416 (1167).

В надежде на поддержку донских казаков, не зная еще о судьбе своей делегации на Дону, астраханская старшина снабдила атамана И. Дериглаза наказом, в котором предписывала ему идти к Царицыну и, послав туда письма с призывом к восстанию, действовать затем совместно с донскими казаками, но «промышлять Царицын боем» своими силами ему было запрещено[1]. Вследствие ограниченности полномочий, поход Дериглаза оказался безрезультатным. Миновав Черный Яр, в котором было оставлено 100 чел. для подкрепления черноярского гарнизона, отряд в двадцатых числах августа появился под Царицыном. В город была отправлена делегация с предложением присоединиться к восстанию, но в Царицыне она попала в руки воеводы. Он предупредил Дериглаза, что в город и мимо города вверх по Волге никого не пропустит, и предложил ему возвратиться в Астрахань.

Нерешительность повстанцев позволила царицынскому воеводе со служилыми людьми перейти от обороны к нападению. Воевода послал отряды калмыков вниз по Волге левым и правым берегами. Калмыки отрезали тыл походного войска и напали на Черный Яр. В конце августа походное войско отступило от Царицына. Полученный Дериглазом в Черном Яру новый указ астраханской старшины — «буде царицынцы добром к ним не пристанут, чтоб они над Царицыном чинили воинской промысел и взяли б Царицын боем», войско выполнить отказалось[2].

Между тем астраханская старшина, получив сообщения Дериглаза и его просьбу о подкреплении, сформировала в помощь ему другое походное войско численностью в 580 чел. во главе с терским стрельцом Андреем Прокофьевичем Хохлачом.

Встреча первого и второго походных войск произошла ниже Черного Яра. Первое войско отказалось от похода на Царицын и вынудило А. Хохлача повернуть к Астрахани. Самовольное возвращение Дериглаза вызвало подозрение у астраханской старшины. Только через три дня после проведения присяги войско было впущено в город. Затем отряд Дериглаза был распущен, а сам он лишен звания атамана[3].

Отступление астраханцев укрепило положение Царицына. Царицынский воевода Турчанинов, усилив гарнизон города и поставив вокруг города казачьи заставы, начал активные действия по Волге, используя главным образом калмыцкие отряды. Действия воеводы в первую очередь были направлены против Черного Яра. Есаул отряда, оставленного Дериглазом в Черном Яру, писал в Астрахань, что черноярцы бьются с царицынцами и калмыками день и ночь и что дальше держаться «мочи нашей не стало». В случае падения Черного Яра создалась бы непосредственная угроза Астрахани, поэтому круг принял срочные меры по оказанию ему помощи.

---

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 394 (1144), лл. 79—80.
[2] Там же, лл. 79, 84—86.
[3] Там же, стб. 394 (1144), л. 156, стб. 412 (1163), л. 14.

В двадцатых числах сентября из Астрахани выступило вверх по Волге новое походное войско численностью в 1000 чел. во главе с атаманом Андреем Хохлачом. Но и на этот раз войско не начало активных действий. Угроза нападения соединенных сил казачества, калмыков и царицынцев, значительно превосходивших силы походного войска, заставила А. Хохлача отступить от Царицына и вернуться в Астрахань.

Известное влияние на неудачу походов оказало участие в восстании посадской и стрелецкой верхушки, недовольство которой порождалось не всей системой управления, а только действиями местных властей. Отсутствие у астраханцев широких лозунгов явилось причиной слабого отклика на их призыв на Дону и в Царицыне, где правительство сумело сохранить всю полноту власти. Это усилило нерешительность астраханцев, заставило их отказаться от наступательных действий и перейти сначала к выжидательно-оборонительной тактике, а затем и к отступлению от Царицына.

В то время как царицынский воевода с помощью донских казаков и калмыков успешно сдерживал астраханские походные войска и тревожил Черный Яр, в Москве полным ходом шла подготовка к решительной борьбе с восставшими.

Известия об астраханских событиях и быстром расширении восстания вызывали у правительства острую тревогу. Астраханское восстание имело большое политическое значение, так как создавало непрочность тыла во время войны и отвлекало войска. Главная же опасность восстания заключалась в том, что в случае распространения его на приволжские области и Дон, куда постоянно двигался поток беглых крестьян, оно могло перерасти в серьезную крестьянскую войну.

В августе был отдан приказ сформировать для борьбы с астраханцами специальный полк из дворян. Местом сбора полка был назначен Симбирск, возглавил полк боярин П. И. Хованский; одновременно получил приказ выступить со своим полком на юг воевода Новгородского разряда П. М. Апраксин.

Петр I, находившийся в Гродно, получив известие об Астраханском восстании, приказал фельдмаршалу Б. П. Шереметеву выступить из Курляндии с двумя эскадронами драгун и батальоном солдат в Казань, а оттуда в Астрахань. В поход с Шереметевым также были назначены три полка солдат из Петербурга, Смоленска и Москвы.

Была послана грамота войску Донскому, в которой Петр похвалил казаков за верность, пожаловал им 20 тыс. руб. и обещал дать жалованную грамоту «на знак потомству», «на вечную хвалу и славу»[1]. Донским казакам предписывалось начать активные действия против астраханцев. Район восстания был блокирован, что лишило повстанцев источников снабжения продуктами и предметами обихода.

---

[1] «Материалы для истории войска Донского». Новочеркасск, 1864, стр. 130—132.

Царицын. Гравюра из «Путешествия» К. де-Бруина, изд. 1714 г.

Опасаясь, что астраханское движение найдет отклик в других районах, правительство распорядилось прекратить в ряде уездов сбор недоимок по налогам, а также снизило и даже отменило некоторые поборы. Было приостановлено проведение в жизнь указа о запрещении русского платья и о брадобритии.

Мобилизуя вооруженные силы против восставших, правительство одновременно предприняло попытку прекратить восстание мирным путем. В октябре с освобожденным для этой цели из-под ареста Кисельниковым, членом астраханской делегации на Дон, была послана в Астрахань царская грамота с предложением сложить оружие и прислать повинную челобитную, за что обещалось прощение.

В то время как правительство накапливало силы для разгрома восстания, положение повстанцев ухудшалось.

Калмыцкие отряды, орудовавшие по всему нижнему течению Волги, непрерывно осаждали Черный и Красный Яры, совершали систематические налеты на окрестности Астрахани, разоряли слободы и рыбные станы и угоняли скот. Борьба с калмыками отнимала у восставших много

времени и сил, но разбить калмыков им не удалось, так как повстанческие отряды боялись заходить далеко в калмыцкие степи и фактически только оборонялись[1].

Тяжело сказывались и последствия блокады. В Астрахани ощущался недостаток продовольствия, наступил застой в торговле, прекратилась работа на промыслах. Отказ донских казаков поддержать восстание лишил повстанцев союзников и не дал им возможности овладеть Царицыном.

В результате, в лагере восставших начались разногласия. Первыми отошли от восстания представители посадской и стрелецкой верхушки, которым застой торговли и прекращение работ на промыслах приносили убытки. Зажиточную часть посадских людей пугали начавшиеся в городе толки, что следует «дождався весны и взяв в Астрахани пушки и порох, и свинец, и разоря индейской и бухарской дворы и товары пограбя, утить из Астрахани на Аграхань или в иные крепкие места, где бы прилучилось, на вечное житье»[2].

Работными людьми и посадским Судоплатовым в сентябре 1705 г. был раскрыт замысел купца Сергея Обернибесова, который намеревался поджечь астраханские слободы и впустить в город калмыков. Круг судил Обернибесова; он признал свою вину и был казнен.

Осенью многие торговые люди, несмотря на запрещение старшины, покинули Астрахань, пробираясь вверх по Волге к Царицыну. В январе 1706 г. выяснилось, что бегству торговых людей содействовал старшина Г. Ганчиков, за взятки дававший им отпускные свидетельства. Ганчиков был смещен из старшин, а его имущество описано[3]. Разногласия среди восставших продолжали расти и особенно усилились после получения царской грамоты. Часть круга выступила за соглашение с правительством, и в Москву с тем же Кисельниковым была отослана повинная челобитная.

Углубление разногласий среди восставших, вызванное царской грамотой, явилось крупной удачей правительства и скоро принесло существенные результаты. 8 ноября пали Терки.

Разногласия в Терках начались с первых дней восстания, так как часть населения, в том числе старшина В. Авдеев, была настроена примиренчески. Оставленный восставшими в живых терский воевода Д. Молостов развернул среди местного посада и стрельцов разлагающую агитацию, перехватил посланные из Астрахани на жалование терским стрельцам 1200 руб. и, наконец, выманил за город руководителей восстания и арестовал их. После этого город, оставшийся без руководства, был взят приступом. Подавив восстание, Молостов казнил старшину

---

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 394 (1144), лл. 5, 10, 16, 114—115, 125, 169, 171, 230.

[2] Там же, Гос. архив, разр. VI, д. 17, л. 54.

[3] Там же, Сношения России с Персией, д. 3, л. 42.

С. Казака, писаря московского полка В. Страхова и других руководителей восстания[1].

Вторым следствием разногласий в лагере восставших была капитуляция Черного Яра.

Черноярцы, узнав о приближении шеститысячного войска фельдмаршала Шереметева, в середине февраля 1706 г. обратились за помощью в Астрахань. Но в ратных людях им было отказано, так как астраханцы, ждавшие ответа на свою повинную челобитную, опасались начинать новые военные действия. Тогда черноярцы решили сдаться и 2 марта без боя открыли городские ворота царским войскам[2].

Вслед за капитуляцией Черного Яра лагерь восставших окончательно раскололся. За оказание сопротивления правительственным войскам высказывались только солдаты, стрельцы, работные и гулящие люди и небольшая часть посадских людей Астрахани. На собрании войскового круга 10 марта 1706 г. стрельцы и солдаты составили и подписали «договорное письмо», которым обязывались не допускать царские войска в город. Из посадских людей к нему приложил руку только Михайло Синбирянин. На войсковом круге было решено привлечь к обороне города работных и гулящих людей, которые частично были приверстаны в полки, частично просто получили оружие[3]. Руководили обороной города И. Шелудяк, Прохор Носов, казак Елисей Зиновьев и атаман Яков Носов.

Полки Шереметева 12 марта 1706 г. подошли к Астрахани и на рассвете начали штурм. Астраханцы вышли из земляного города и встретили осаждающих огнем из пушек. После непродолжительного боя, теснимые превосходящими силами противника, астраханцы отступили и заперлись в «белом городе». Тогда Шереметев приказал «пускать бомбы». В крепости начался пожар, и восставшие были вынуждены сдаться.

Красный Яр и Гурьев были заняты без сопротивления.

После подавления восстания его участники, остававшиеся на свободе, «почали было собираться тайно, в скрытых местех и советовать, чтобы салдат подавить ночью». Был раскрыт новый заговор, организатором которого являлся стрелец Терентий Иванов. Он был немедленно казнен по приказу Шереметева[4].

В городе начались массовые аресты. Следствие по делу участников Астраханского восстания велось в Москве в Преображенском приказе около двух лет. Основную группу обвиняемых составили стрельцы и солдаты, признанные «пущими заводчиками бунту». Начальник Преображенского приказа Ф. Ю. Ромодановский по указанию Петра I стремился

---

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 395 (1145).

[2] Там же, Сношения России с Персией, д. 3, лл. 54, 73—76, 81—82, 114, 115.

[3] Документы по истории Астраханского восстания, опубликованные В. И. Лебедевым в «Ученых записках Моск. гор. педагог. ин-та. Кафедра истории СССР», т. II, вып. 1, 1941, стр. 3—32; «Историк-марксист», 1935, № 4, стр. 77—107.

[4] ЦГАДА, Сношения России с Персией, д. 3, лл. 167—168.

выяснить, не было ли вызвано Астраханское восстание происками реакционного боярства. Однако таких связей Ромодановскому найти не удалось. «А стрельцы винятся только в своем воровстве, в бунте»,— сообщал он Петру, — «в письмах же не винятся, говоря, что таких писем к ним возмутительных с Москвы ни от какого чину и из иных государств не присылывали»[1].

Правительство жестоко расправилось с участниками восстания. Шесть наиболее видных организаторов восстания (стрельцы П. Носов, И. Шелудяк, Г. Артемьев и др.) были колесованы, 73 участникам восстания были отсечены головы, 212 чел. были повешены по дорогам вокруг Москвы, 45 чел., в том числе Яков Носов, умерли от пыток. Менее активные участники восстания были сосланы в Сибирь и другие отдаленные места[2].

Астраханское восстание было народным, массовым городским выступлением, в нем принимали участие солдаты, стрельцы, посадские люди, работные и гулящие люди. С самого начала и до конца восстания его главной движущей и руководящей силой были солдаты и стрельцы, составлявшие основное, наиболее сплоченное ядро всего повстанческого движения. Они являлись организаторами заговора, руководили заседаниями круга, брали на себя выполнение всех ответственных и сложных поручений, занимали руководящие посты. Они же являлись инициаторами последнего сопротивления правительственным войскам. Кроме стрельцов и солдат, активное участие в восстании принимали посадские низы: мелкие ремесленники, рыбаки и мелкие торговцы, работные и гулящие люди — вся масса угнетенного населения. Они бывали в кругах, вступали в стрелецкие полки, принимали участие в походах и в обороне Астрахани от царских войск.

Восстание было вызвано ростом налогов и произволом местных властей и было направлено против бояр и начальных людей. Антифеодальный характер носили все действия восставших, но выдвинутая ими программа оказалась недостаточно четкой и ясной. Консолидация сил восставших была непрочной. Блокада Астрахани и нарушение торговой и промысловой деятельности ускорили отход от восстания посадской и стрелецкой верхушки. Эта часть восставших пошла навстречу переговорам с правительством и затем совсем отошла от восстания. В дальнейшем, по мере приближения к Астрахани царских войск, колебания охватили и средние слои посада. Наибольшую устойчивость проявили рядовые стрельцы, солдаты и посадские низы.

Одновременно с Астраханским восстанием началось восстание в Башкирии[3]. Башкирское восстание было ответом на усилившийся в стране

---

[1] *Н. Г. Устрялов*. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 1. СПб., 1863, стр. 507—508.

[2] ЦГАДА, Гос. архив, разр. VI, д. 17, л. 27.

[3] Подробнее о Башкирском восстании см. в следующем томе «Очерков истории СССР», в разделе истории отдельных народов в первой половине XVIII в.

феодально-крепостнический и колониальный гнет. В 1704 г. правительство обложило башкир новыми многочисленными сборами, потребовало мобилизации в армию 1000 чел. и поставки 5 тыс. лошадей.

Для взимания чрезвычайных налогов в Башкирию приехали «прибыльщики». Башкиры оказали им сопротивление, после чего в Уфу было направлено карательное войско. Бесчинства и насилия командовавшего карательным отрядом А. Сергеева вызвали восстание башкир, первоначально охватившее Казанскую дорогу, а затем перебросившееся на территорию Ногайской дороги. Руководителями движения выступили местные феодалы, использовавшие свое влияние в патриархально-феодальном обществе в ущерб интересам башкирского народа. За время восстания, длившегося с 1705 г. по 1711 г., башкирские феодалы организовали многочисленные набеги на пограничные уезды с русским населением, подвергая села и деревни опустошению и уводя в плен русских крестьян. Феодалы пытались оторвать Башкирию от России, они ориентировались на помощь султанской Турции. Движение в Башкирии было подавлено в 1711 г.

3

ВОССТАНИЕ НА ДОНУ В 1707—1708 ГГ.

Вслед за Астраханским восстанием вспыхнуло восстание на Дону среди казачества и беглых крестьян, уходивших в донские земли от феодально-крепостнического гнета. Восстание быстро охватило не только Придонье, но часть Украины, Поволжье и отразилось в центральных уездах страны.

Дон издавна был местом скопления беглых. В конце XVII и начале XVIII в., когда к хищнической эксплуатации крепостниками крестьянского земледельческого хозяйства в центральных районах России присоединялся значительный рост государственных налогов и повинностей, приток беглых на Дон еще более усилился. Сюда стекались большими группами крестьяне, стрельцы, мелкий посадский люд, солдаты и т. д. Они оседали сначала в верховьях Дона, перемещались оттуда на его притоки — реки Хопер, Медведицу, Бузулук и Северный Донец, в результате чего население войска Донского быстро увеличивалось. К началу восстания на Дону с притоками было 127 городков, население которых составляло 28 570 чел. На самом деле число их, вероятно, было значительно больше, так как беглое крестьянство, проживавшее на Дону, уклонялось от каких-либо переписей.

Уже в начале XVIII в. Дон все больше и больше вовлекался в систему крепостнического строя. С одной стороны, на вольные донские земли надвигались русские и украинские помещики, которые стремились захватить обильные природными богатствами земли и доходные промыслы. С другой стороны, из среды самого казачества, из низовых домовитых

казаков выделялась верхушка, захватившая в свои руки богатые низовья Дона и стремившаяся закабалить пришлое население.

Донское казачество делилось на низовых и верховых. Низовое, или старооседлое, зажиточное казачество было сосредоточено в административном центре войска Донского — Черкасске и в близлежащих к нему низовых станицах или городках. Низовое казачество получало царское жалованье — деньгами, продовольствием (хлеб, вино) и военными припасами (порох, свинец) и пользовалось этим жалованьем бесконтрольно. Из низовых зажиточных казаков избирались атаманы войска Донского, войсковые старшины и есаулы. Донских старшин называли «станичными боярами и воеводами». К концу XVII в. основными занятиями их были торговля и ростовщичество, промыслы и отчасти сельское хозяйство. В хозяйственных и торговых целях зажиточные низовые казаки эксплуатировали беглых крестьян, пользуясь их кабальным трудом, для охраны табунов и для домашних услуг[1].

Верховое казачество, то есть жившее в верховых городках, вербовавшееся из беглых крестьян и мелких посадских людей, распадалось на старооседлых, обычно зажиточных, и «новопришлых», или «голутвенных», казаков, зачастую формально даже не приписанных к казачеству. Для того чтобы стать казаком, нужно было иметь согласие войска и прожить на Дону пять-семь лет.

Донские казаки пользовались самоуправлением, они избирали на войсковом кругу старшин. «Работные люди» и «зажилые бурлаки» не допускались в войсковой круг. В начале XVIII в. войсковой круг стал терять прежнее значение, обычно собирался лишь старшинский совет. Царское правительство учитывало это и сносилось непосредственно со старшиной.

Укрепление абсолютистского государства изменило положение Дона, усилило влияние центральной власти на его внутреннюю жизнь. Это усиление влияния по-разному отражалось на населении Дона. Правительство упорно настаивало на возвращении беглых с Дона в прежние места жительства. Поэтому для беглых крестьян и неоформившегося верхового казачества наступление феодально-крепостнического государства на Дон означало их возвращение на прежние места жительства, влекло за собой возобновление помещичьего гнета. Кроме того, это наступление для верхового казачества как старожилого, так и новопришлого, сопровождалось лишением его права на землю, леса, луга, рыбные ловли, соляные промыслы. На обильные природными богатствами донские земли надвигались с разных сторон новые претенденты: с одной стороны, помещики Изюмского полка (с Ф. В. Шидловским во главе), заявлявшие свои права на Бахмутские соляные промыслы, с другой — русские помещики, получившие от государства хоперские и тамбовские вотчины. Правительство

[1] Сб. «Булавинское восстание» (1707—1708 гг.). «Труды Историко-археографического ин-та АН СССР», т. XII. М., 1935, стр. 14.

встало на сторону господствующего класса, в результате чего в начале 1700-х годов произошли первые вспышки восстания — столкновение на бахмутских соляных промыслах, причем во главе восстания был «солеварный атаман» К. А. Булавин. В то же время происходили волнения в хоперских вотчинах тамбовского епископа, продолжавшиеся несколько лет (1699—1704 гг.)[1].

Настойчивые требования правительства о выдаче беглых и прекращении рубки леса касались главным образом верхового казачества. Указ 31 июля 1705 г. о переселении самовольно поселившихся жителей из верховых городков Нового Айдара, Шульгинского и Тора в другие места для обслуживания почтового тракта тоже затрагивал интересы верхового казачества (восстание как раз и вспыхнуло в Шульгинской и Ново-Айдарской станицах). Ряд указов превращал разные промыслы донского казачества в оброчные статьи для государства и стеснял торговую деятельность казаков. Укрепление абсолютистского государства, усиление центральной власти суживало привилегии низового казачества, привыкшего бесконтрольно господствовать на Дону и обогащаться за счет пришлого населения.

Большой остроты достигла борьба казачества за право приема беглых. Идя навстречу требованиям помещиков, правительство издавало указы о возвращении беглых. В 1703 г. были посланы два стольника (М. Ф. Пушкин и М. Н. Кологривов) в казацкие городки «для разбора» и переписи казаков старожильцев и новоприхожих людей, которые в тех местах «по наезду явятся», причем всех жителей, появившихся на Дону после 1695 г., велено «с женами и детьми и со всеми их животы ссылать в те же городы, откуда они пришли». Поиски беглых с целью их возвращения помещикам затрагивали интересы не только верхового голутвенного казачества, но и низового. Последнее с уходом голытьбы лишалось рабочей силы. В связи с этим борьба за право убежища в значительной мере принимала форму борьбы зажиточных казаков за эксплуатацию крестьян на различных промыслах и на пашне. Поэтому домовитые казаки оказывали сопротивление реализации указов о возвращении беглых, и поездка стольников окончилась неудачей — «они не изъехали ни одного человека»[2]. Повеление о сносе верховых городков осталось невыполненным. Указы 1705—1706 гг., требовавшие, чтобы «новопришлых людей, которые пришли из наших великого государя указанных городов, бегая от службы и от азовских корабельных работ, распрося выслать с провожатыми»[3], также оказались безрезультатными.

Правительство в известной мере считалось с интересами низового казачества. Приехавшие в 1703 г. на Дон стольники не переписывали население городков в низовьях Дона.

---

[1] «Булавинское восстание», № 4, стр. 84—85.

[2] Там же, № 11, стр. 120.

[3] «Акты, относящиеся к истории Войска Донского». Собраны А. А. Лишиным, т. I. Новочеркасск, 1891.

Ход восстания на Дону можно разбить на три этапа, отличающиеся друг от друга составом участвовавших в восстании социальных групп и интенсивностью движения. Первый этап, связанный с началом деятельности карательного отряда по поимке беглых, привел к убийству Долгорукого в октябре 1707 г. Ко второму этапу восстания относятся события, происходившие с конца 1707 г. до начала июля 1708 г., когда после взятия повстанцами Черкасска (1 мая 1708 г.) они двинулись на Азов (сражение под Азовом 6 июля). К третьему этапу восстания относятся действия отдельных отрядов повстанцев и расправа с ними правительственных войск; он охватывает вторую половину 1708 и 1709 г.

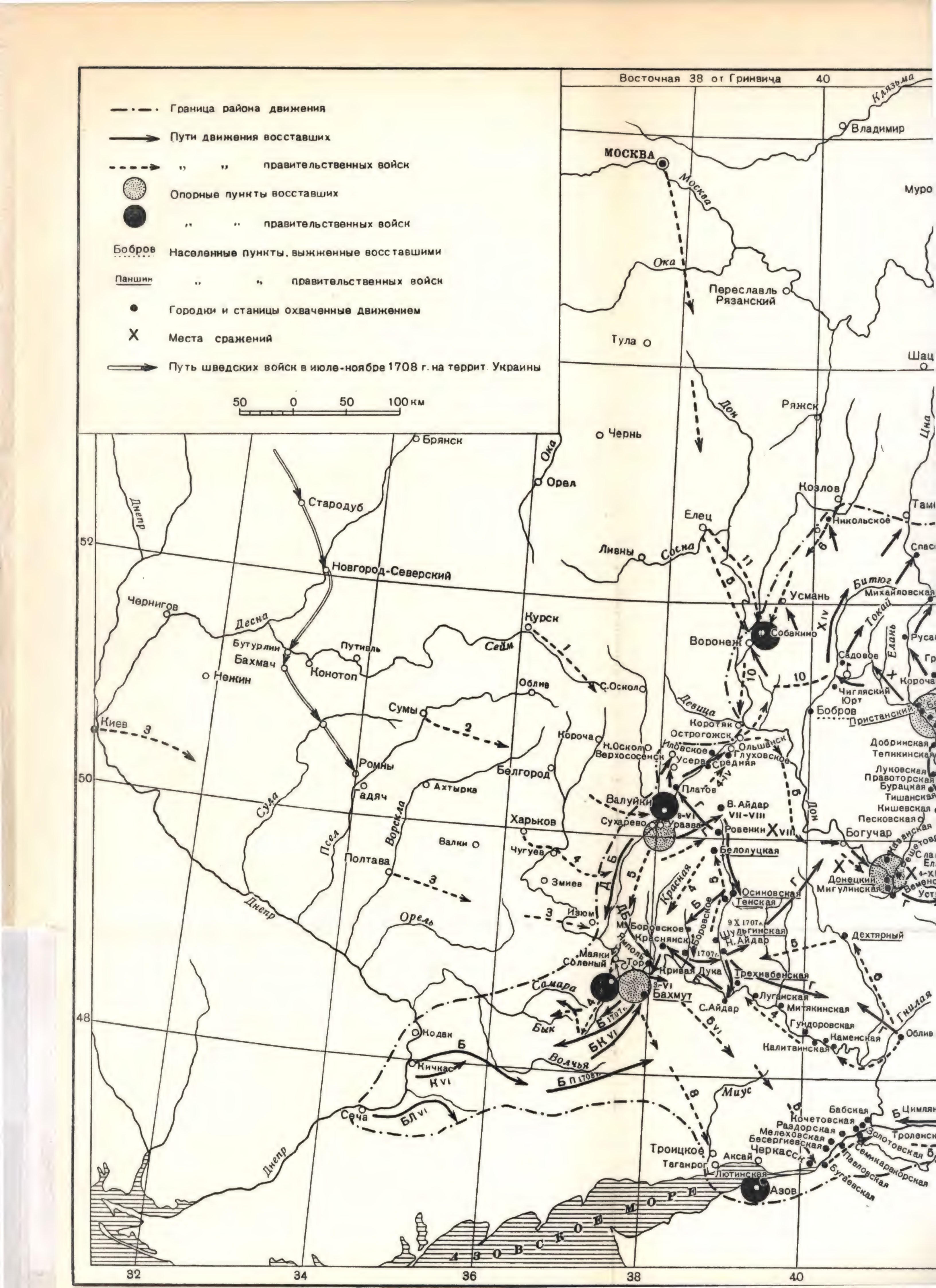
Для розыска беглых на Дон был направлен отряд Ю. В. Долгорукого. Царский указ (от 6 июля 1707 г.) предлагал Долгорукому беглецов «во всех казачьих городках, переписав, за провожатыми и з женами их и з детьми выслать попрежнему в те ж городы и места, откуда кто пришел»[1]. Войсковые старшины не дали «сыскивать» беглых в Черкасске, но прикомандировали к отряду Долгорукого «знатных старшин» для сыска новопришлых и беглых людей в верховых казачьих городках. Долгорукий двинулся в казачьи городки вверх по Дону. Он разделил свой отряд на четыре партии, отправив их по Дону, Хопру, Бузулуку и Медведице. Поход отряда Долгорукого и его партий сопровождался жестокостями: каратели «многие станицы огнем выжгли и многих старожилых казаков кнутом били, губы и носы резали и младенцов по деревьям вешали...»[2], а «беглые новопришлые люди» немедленно высылались с Дона. Однако атаманы верховых городков не выдавали пришлых; так, один из офицеров сообщал Долгорукому, что в станице имеется до 200 беглых, но атаман «новопришлых людей утаил»[3]. В одном из городков (Обливенском) атаман дал письменную сказку, что новопришлых людей в станице нет, что перед тем их было 20 чел., но они разбежались. Однако один из жителей донес Долгорукому, что на самом деле в этой станице 200 чел. новопришлых, а старых поселенцев всего 16 чел. Долгорукий жестоко расправился с атаманом и казаками, давшими ложные показания. И в других станицах Долгорукий обнаружил значительные группы беглых.

«Новопришлые люди, которые бежали из разных городков от розыску», собрались близ Ново-Айдарского городка. Их возглавил казак Трехизбянского городка К. А. Булавин, который еще в 1705 г. сжег бахмутские соляные промыслы. Его главными помощниками были казаки Иван Лоскут, бывший участник восстания Степана Разина, Григорий Банников и Филат Микифоров.

В ночь на 9 октября К. Булавин, во главе двухсот с лишним человек, напал на Долгорукого и сопровождавших его офицеров и солдат. Все они были убиты. С этого началось восстание.

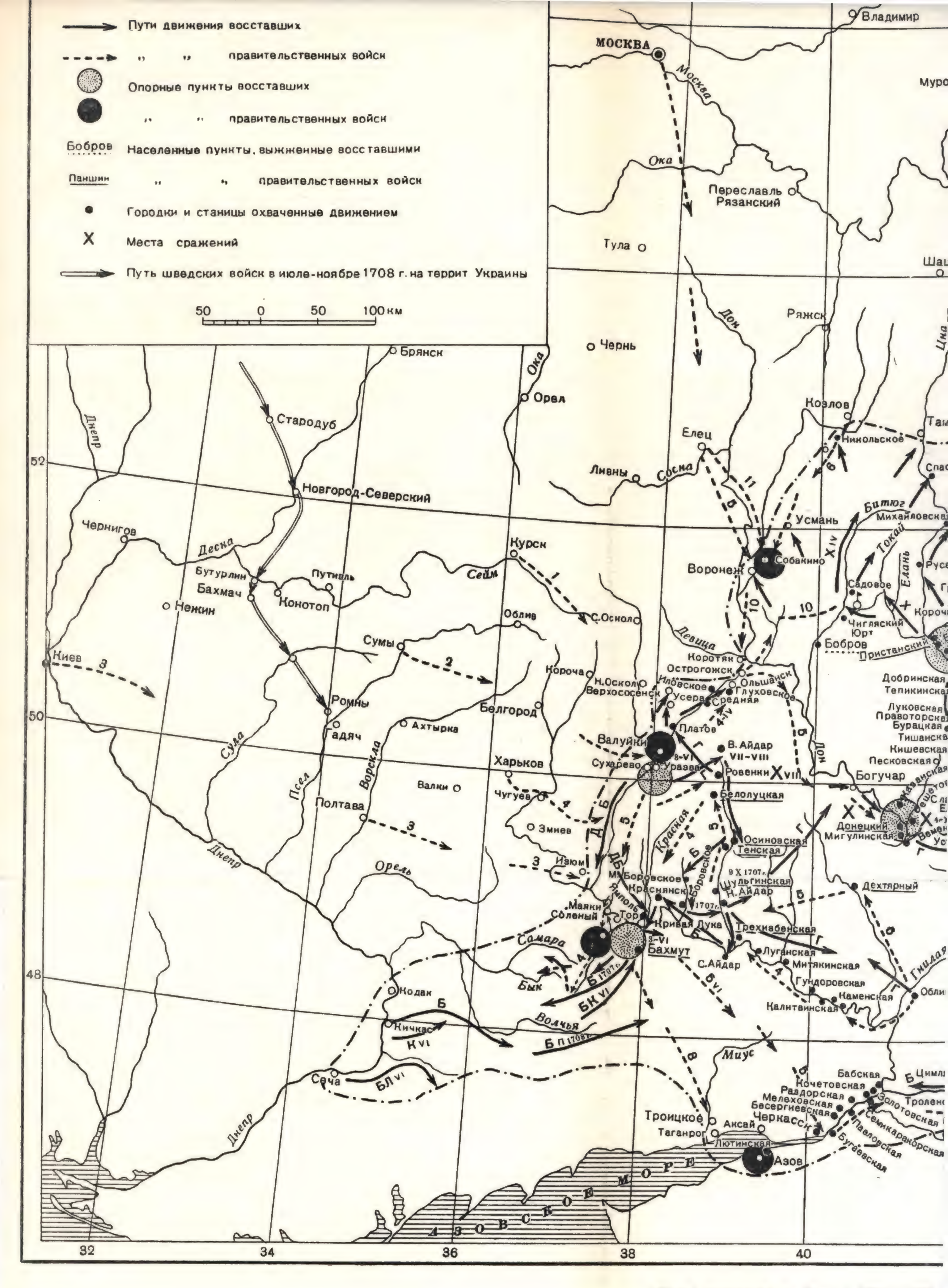
[1] «Булавинское восстание», № 17, стр. 113.
[2] Там же, № 17, стр. 137; № 246, стр. 461.
[3] *Н. С. Чаев.* Булавинское восстание (1707—1708 гг.). М., 1934, стр. 46.

Граница района движения
Пути движения восставших
„ „ правительственных войск
Опорные пункты восставших
„ „ правительственных войск
Бобров Населенные пункты, выжженные восставшими
Паншин „ „ правительственных войск
Городки и станицы охваченные движением
Места сражений
Путь шведских войск в июле-ноябре 1708 г. на террит. Украины
50 0 50 100 км
Восточная 38 от Гринвича 40
МОСКВА
Владимир
Тула
Переславль Рязанский
Ряжск
Чернь
Брянск
Орел
Стародуб
Новгород-Северский
Чернигов
Киев
Нежин
Бахмач
Конотоп
Путивль
Курск
Сумы
Ромны
Гадяч
Ахтырка
Белгород
Харьков
Полтава
Валки
Чугуев
Змиев
Изюм
Воронеж
Собакино
Елец
Ливны
Козлов
Усмань
Коротояк
Острогожск
Валуйки
Богучар
Бахмут
Азов
Таганрог
Черкасск
Троицкое
Аксай
Сеча
Кодак
Кичкас
Днепр
Десна
Дон
Ока
Москва
Сейм
Псел
Ворскла
Самара
Волчья
Миус
Донец
АЗОВСКОЕ МОРЕ
32 34 36 38 40

Нижний-Новгород
Чебоксары
Владимир
Казань
Муром
Арзамас
Алатырь
Переславль Рязанский
Темников
Симбирск
Шацк
Спасск
Ряжск
Н Ломов
Пенза
Самара
Козлов
Тамбов
Елец
Никольское
Спасское
Козьмидемьяновское
Усмань
Михайловская
Воронеж
Собакино
Русанова Поляна
Карай
Саратов
Садовое
Грибановка
Борисоглебск
Коротяк
Острогожск
Ольшанск
Чиглясктй Юрт
Бобров
Беляевский
Григорьевский
Пристанский
Михайловская
Котовская
Добринская
Тепикинская
Ивановский
Бузулук
Казаринский
Черновский
Луковская
Правоторская
Бурацкая
Тишанская
Кишевская
Песковская
Березовская
Мартыновская
Островская
Камышин
Платов
В. Айдар
Ровенки
Белолуцкая
Богучар
Казанская
Решетовская
Слащевская
Еланская
Букановская
Кепенский
Донецкий
Мигулинская
Вешенская
Усть-Хоперская
Усть-Медведицкая
Кременной
Арчагинский
Осиновская
Тенская
Распопинская
Клецкая
Новогригорьевская
Перекопская
Иловлянская
Староrригорьевская
Сиротинская
Качалинская
Шульгинская
Н. Айдар
Боровское
Краснянск
Дехтярный
Паншин
Царицин
Голубые
Сарпинский о.
Кривая Лука
Бахмут
Трехизбенская
Луганская
Митякинская
С.Айдар
Гундоровская
Каменская
Калитвинская
Облив
В.Чирская
Н.Чирская
В.Каргал
Кобылянская
Есауловская
Черный Яр
Зимовейская
Н.Курмоярская
В.Курмоярская
Филипповская
Гугинская
Середняя
Нагавская
Цимлянская
Терновская
Романовский
В.Михалев
Бабская
Кочетовская
Раздорская
Мелеховская
Бесергиевская
Черкасск
Троленская
Золотовская
Семикаракорская
Павловская
Бугаевская
Троицкое
Аксай
Таганрог
Лютинская
Азов
Путь Некрасова на Кубань
Астрахань
Волга
Ока
Дон
Хопер
Медведица
Сура
Мокша
Цна
Ворона
Битюг
Токай
Елань
Девица
Красная
Миус
Гнилая
Чир
Сал
Иловля
Клязьма
Москва
Сосна

Карта восстания на Дону в 1707 — 1708 г

Карта восстания на Дону в 1707 — 1708 гг.

Старшины, находившиеся при Долгоруком, ночевали в другой избе; они «едва ушли», «выскоча» «в одних рубашках». Восставшие гнались за ними, но «за темностью ночи не нашли»[1].

Вслед за тем Булавин разослал «прелестные письма» по реке Айдару и в Донецкий городок, в верховые городки, на Медведицу, Хопер, и велел «побить до смерти» отделившиеся от Долгорукого группы. Производившие розыск беглых по Хопру, Бузулуку и Медведице также были захвачены; все офицеры отрядов были казнены, а с сопровождавшими их старшинами восставшие расправились только в одном отряде[2]. Это показывает, что с самого начала восстания проявились противоречия внутри казачества.

Тогда войсковой атаман Лукьян Максимов разослал грамоты с обещанием 200 руб. награды за поимку Булавина. В Черкасске спешно сформировали надежное войско из «знатных» казаков и новокрещенных калмыков. Из Азова был послан на подмогу особый отряд. Это войско настигло повстанцев на Айдаре близ городка Закотного. Бой длился до поздней ночи. Несмотря на отчаянное сопротивление, повстанцы были разбиты, и Булавин с несколькими приверженцами бежал в Запорожскую Сечь.

После битвы на Айдаре многие схваченные участники восстания были казнены, биты плетьми, сосланы. Первые вспышки восстания были подавлены, и много беглых направлены в уезды к их владельцам. На Дон был послан подьячий (Крылов) с войсковым жалованьем; ему поручалось, приехав в Черкасск, привести казаков к присяге.

Однако восстание не было окончательно подавлено. Второй период восстания, с конца 1707 г. по середину 1708 г., ознаменовался небольшими успехами повстанцев. Булавин со своими единомышленниками перезимовал в Кодаке, был в Запорожской Сечи и призывал запорожских казаков соединиться с донскими. К запорожцам пришло письмо от гетмана Мазепы, предлагавшего арестовать Булавина. Войсковая рада решила выдать Булавина, однако, когда была созвана новая рада, то перевес оказался на стороне беднейшей части. Казаки «бранили» Мазепу, «изодрали» его грамоту и кричали, что надо сперва «побить панов и арендорей за их неправду, что Украйною завладели...»[3].

Запорожская старшина послала от себя в Кодак письмо, чтоб все «гультяйство», которое начал прибирать Булавин, было разогнано; старшина требовала от Булавина, чтобы он казаков «к себе не собирал и ничего враждебного и вредительного против ево великого государя не починал»[4].

Киевский воевода видел опасность в том, что восставшие «свое дело починают для льготы маломощных людей». Кошевой Запорожья на обвинение, будто запорожцы поддались на «прелесть» Булавина, возражал:

---

[1] «Булавинское восстание», № 13, стр. 128; № 16, стр. 131.

[2] Там же, №№ 15—16, стр. 129—135; № 19, стр. 145—148; № 24, стр. 158. Последняя группа из отряда Долгорукого была казнена 30 октября 1707 г.

[3] «Булавинское восстание», № 170, стр. 368.

[4] Там же, № 167, стр. 364—365.

«давние жители и зажилые на тое ево воровскую прелесть не покусились, только прихожие з городов и непромышленные по воровской прелести и по возмущению уходят из Сечи...» [1]

Различные слои запорожского казачества, как и казаков на Дону, поразному относились к начавшемуся на Дону восстанию. Рядовое казачество Запорожья сочувствовало восставшим, в то время как запорожская старшина сносилась со старшиной войска Донского в Черкасске. Наказный войсковой атаман войска Донского Илья Григорьев (Зернщиков) прислал в Сечь письмо, чтобы запорожское войско не верило письмам Булавина, он опровергал сведения, будто войско Донское отложилось, и сообщал, что войсковой атаман Л. Максимов выступил в поход против Булавина.

В феврале 1708 г. повстанцы начали сосредоточивать свои силы в урочище Вороновке, в двадцати верстах от Новобогородицкой крепости. Тогда же Булавин направил в Сечь 40 казаков, которым поручено было привлечь запорожских казаков к восстанию [2]. К Булавину немедленно присоединилось несколько сот украинцев.

Первым забил тревогу киевский воевода Д. М. Голицын, доносивший, что булавинцы находятся в урочище «с запорожцами» и хотят идти «разорять Тор, Мояки и Изюм, и взяв артилерию, итить на Русь бить бояр» [3]. В Москве были сведения, будто к Булавину присоединилось 9000 запорожских казаков.

Центром движения стал Пристанской городок, куда со всех сторон стекались восставшие. В Пристанском городке энергично действовали атаман Л. М. Хохлач и Булавин. Отсюда «прелестные письма» с призывом к восстанию рассылались не только по донским рекам, но и в Тамбовский, Козловский и Воронежский уезды, и велась переписка с саратовцами [4]. Воззвания предлагали, чтобы половина казаков из каждого куреня была готова к походу, и по 20 казаков из станицы съезжались на совет в Пристанской городок. Булавин писал, чтобы казаки «пришлых с Руси беглецов примали со всяким прилежанием», и «против прежней обыкности с них беглецов деньгами и животами и вином не брали, для того чтоб больше к ним... беглецов шло» [5].

Воззвания, направлявшиеся в русские села, призывали крестьян дворцовых волостей отказываться от посевов «на великого государя». Воззвания были полны жгучей ненависти к угнетателям, к «злым супостатам» — боярам и воеводам: «дела де им... (повстанцам. — *Ред.*) до

---

[1] «Булавинское восстание», № 188, стр. 390; № 190, стр. 393.

[2] Там же, № 171, стр. 369. По другим сведениям Булавин сам, вместе с 40 донскими казаками и со знаменем прибыл в Запорожскую Сечь. (Там же, № 172, стр. 370.)

[3] Там же, № 168, стр. 365; № 170, стр. 367—369.

[4] Там же, № 168, стр. 365; № 28, стр. 165—168.

[5] Там же, № 36, стр. 187.

бояр, да до него полковника князя Григорья Ивановича (Г. И. Волконский — козловский воевода.— *Ред.*), да до прибольщиков, да до подьячих, чтоб (их.— *Ред.*) перевесть»[1].

Помещичьи, монастырские, дворцовые села и деревни Тамбовского уезда были охвачены восстанием. Крестьяне деревень Корочаны и Грибановки Тамбовского уезда примкнули к восстанию, выбрали атаманов и есаулов и решили «быть им... послушным, а присланных ис Танбова посыльных побивать до смерти»[2]. В Воронежском уезде при помощи местных крестьян и городского мелкого люда был захвачен ряд сел и городов (Борисоглебск, Бобров)[3]. Повстанцы избивали воевод, подьячих, распускали колодников, избирали из местных жителей атаманов и есаулов. В Борисоглебском уезде во всех слободах и селах устанавливалось казачье самоуправление.

По письму Хохлача в Борисоглебском уезде была проведена мобилизация половины уездных и городских жителей. Границы восстания быстро расширялись. Повстанцы появились в Верхнеломовском и Нижнеломовском уездах. Восстание перебросилось на реки Медведицу, Хопер, Ворону и Цну. В июле повстанцы разорили Чембар и Мокшаны.

Тамбовцы, мобилизованные для заготовки лесных припасов к корабельному строению в Азове, под воздействием булавинцев прекратили работу и разъехались. Повстанцы старались привлечь на свою сторону угнетенные народности — татар[4] и мордву.

Однако у восставших не было единства и не было выработано общего плана действий. Одна войсковая грамота от имени Булавина назначила съезд в Туле[5]. Сам Булавин в кругу, созванном в марте в Пристанском городке, предлагал созвать съезд («по половине» «изо всех станиц») в Паншине для похода на Черкасск[6]. Часть повстанцев пошла под Саратов, а часть — против калмыков[7], но основная масса предприняла поход на Черкасск. Для этой цели были выбраны полковники, есаулы и знаменщики, доставлены пушки и пушечные мастера.

Правительство принимало срочные меры для подавления восстания. Сначала численность правительственных войск была невелика, и они сосредоточивались на линии Острогожск — Тамбов. С фронта был вызван в апреле 1708 г. брат убитого Долгорукого, гвардии майор Василий Долгорукий. Под его командование было передано около 7 тыс. регулярных войск, состав которых пополнялся вновь присылаемыми полками.

---

[1] *В. И. Лебедев.* Булавинское восстание. М.— Л., 1934, стр. 88; «Булавинское восстание», № 28, стр. 166.

[2] «Булавинское восстание», № 32, стр. 178.

[3] Там же, № 35, стр. 182—183; № 36, стр. 183—188; № 39, стр. 190—193.

[4] Там же, № 28, стр. 165.

[5] Там же, № 236, стр. 451; ПиБ, т. VII, вып. 1. П., 1918, стр. 602.

[6] «Булавинское восстание», № 29, стр. 169.

[7] Там же, № 29, стр. 168—169; ПиБ, т. VII, вып. 1, стр. 600, 556.

Правительство, испуганное размахом крестьянской войны, объявило мобилизацию всех служилых людей[1].

Наиболее надежной силой в руках правительства и господствующего класса могло быть дворянское ополчение, спаянное классовой солидарностью и ненавистью к восставшим. Техническая отсталость и непригодность этой армии в «большой войне» с лихвой искупались ее классовой однородностью в войне гражданской. В. В. Долгорукий просил царя немедленно прислать дворянское ополчение. «Они, государь, зело нужны на етех воров и на противников... На царедворцов мошно надееца, на шведов они плохи, а на этот народ зело способны»[2], — писал киевский воевода Д. М. Голицын.

Насколько серьезным представлялось правительству восстание, показывают размеры собранной армии. Под начальством Долгорукого было сконцентрировано 32 тыс. бойцов.

Восстание к этому времени охватило Слободскую Украину, повстанцы появились в Полтавском, Усердском, Валуйском уездах и, наконец, в харьковском районе, где они захватили город Ямполь. Киевский воевода Д. М. Голицын требовал присылки вооруженных сил и сообщал, что население ненадежно. «Многие украинцы,— доносил он, — с донскими казаками объявили свойство и дружбу, и опасно, чтобы оные украинцы какие бы шаткости не показали». В другом письме Голицын писал: «... многое нареченное есть в том Булавине и его единомышленниках, что они воры свое дело починают для льготы маломощных людей»[3].

Ненадежно чувствовали себя начальные люди и в других районах. В Тамбове при первом наборе тысяча человек бежали на Хопер. Из Каменного затона в мае 1708 г. бежало много солдат, а из Воронежа — драгун. Усилилось бегство сосланных стрельцов и работных людей из Азова, в Таганроге волновались матросы. Все эти люди уходили не с пустыми руками, а захватив оружие.

Классовая борьба развертывалась и на самом Дону. В Черкасске войсковой атаман Лукьян Максимов провел мобилизацию низового зажиточного казачества. К ним присоединился конный отряд полковника Васильева из Азова и калмыцкая конница. Армия направилась навстречу двигавшимся к Черкасску повстанцам.

Обе стороны встретились ниже Паншина на речке Лисковатке (9 апреля 1708 г.). Здесь мобилизованные казаки верховых городков изменили правительству и вступили в братание с повстанцами. Восставшие захватили четыре пушки, боеприпасы, 8000 руб. денег и т. д.[4] Одержав победу,

[1] ПиБ, т. VII, вып. 1, № 2334, стр. 132—133; *И. И. Голиков*. Деяния Петра Великого, т. 14. М., 1842, стр. 532.

[2] ПиБ, т. VII, вып. 2. М.— Л., 1946, стр. 693; «Булавинское восстание», № 78, стр. 255.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 7, лл. 483—484.

[4] «Булавинское восстание», № 43, стр. 199; ПиБ, т. VII, вып. 1, стр. 562, 612—620, 627.

Булавин во главе семитысячного отряда направился к Черкасску. По своему положению, вооружению и укреплениям (44 пушки, из них три по 150 пудов) Черкасск был почти неприступной крепостью, но Булавину не пришлось брать ее силой. Он подошел к нему 28 апреля 1708 г. Еще до осады Черкасска Булавин получил письмо от нескольких станиц, прилегающих к этому старшинскому центру. Станичники призывали Булавина ускорить вступление в Черкасск и предупреждали, что они будут стрелять по повстанцам не боевой картечью, а пыжами.

В самом Черкасске произошло восстание; старшины и войсковой атаман были выданы Булавину, их имущество конфисковано, войсковой атаман Максимов и пять старшин были казнены 6 мая 1708 г.; многих других старшин Булавин арестовал и отправил в ссылку по верховым городкам. Подверглась конфискации и церковная казна (20 тыс. руб.), деньги были распределены среди восставших [1]. Булавин установил пониженные цены на хлеб — по гривне мешок. 9 мая 1708 г. на кругу Булавин был избран войсковым атаманом. В этот момент отчетливо выявилась классовая борьба внутри казачества. Атаманы восставших, Некрасов и Драной, и голытьба говорили в кругу, что «черкасской природы казаков», которые были наиболее зажиточными, надо «всех побить и пожитки их разграбить» [2]. Однако тот же круг, который избрал Булавина, выбрал для него есаулов — С. Ананьина и Т. Соколова, впоследствии предавших войскового атамана. Тогда же из черкасских казаков выдвинулся Илья Зерщиков; предполагалось, что в случае ухода Булавина в поход он останется в Черкасске наказным атаманом.

Среди жителей Черкасска и прилегавших к нему станиц, перешедших на сторону Булавина и отдавших ему в руки знатнейших старшин, повидимому, оставалась не только голытьба, но и зажиточное казачество «черкасской породы», тесно связанное торговлей с Придоньем. Опасаясь бедноты, они временно приняли сторону повстанцев. В то же время верхушка низового казачества, видя производившиеся в Черкасске конфискации, казни и высылки старшин, вступает на путь организации заговоров и завязывает сношения с Долгоруким. Уже в середине мая к нему была послана тайная «ведомость» о положении в Черкасске и о намерениях Булавина [3]. На войсковом кругу Булавин предложил немедленно приступить к походу против Азова. Но казаки говорили, что нужно дожидаться подмоги из верховых городков, и просили отпустить их на сенокос. Поход был временно отложен.

Между тем Булавин развивал энергичную деятельность в качестве войскового атамана. В рассылаемых грамотах он сообщал, что Лукьян Максимов «воровал и разорял по всем рекам наши казачьи городки»,

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, № 8, л. 357; «Булавинское восстание», № 66, стр. 239.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, № 8, л. 358.

[3] «Булавинское восстание», № 70, стр. 244—245.

поэтому, «видев прежних своих старшин многие неправды» «и разорение и всякие нестерпимые налоги», казаки «всем войском» решили их «от дел отставить, их переменить, а иным по вине учинити казнь». Булавин сзывает всех казаков в Черкасск.

Он посылает азовскому губернатору И. А. Толстому (4 мая 1708 г.) требование прислать имущество казненных старшин и войскового атамана Лукьяна Максимова, которое находилось в Азове. Киевскому губернатору (12 мая) Булавин предлагает немедленно отпустить своего сына и жену, находившихся под арестом[1]. В Воронеж он посылает требование (5 мая) о срочной доставке «государева жалованья» в Черкасск. Наконец, Булавин отправил грамоту Петру I в Посольский приказ[2], а также «полководцам», которые двигались с полками на восставший Черкасск[3]. В этих письмах Булавин от имени донского войска просил приостановить поход «полководцев» и сопровождал свою просьбу угрозами: «А собралися мы не на войну, только для утверждения, чтоб у нас в войску Донском было по прежнему, как было при дедах и отцах наших. А неправды бы у нас и разорения отнюдь не было... И буде посланные полки будут наши казачьи городки войною разорять, и мы вам будем противитца всеми реками и с нами вкупе и кубанские»[4]. «А буде они, полководцы..., насилно поступят и какое разорения учинят, и... мы... войском реку Дон и со всеми заполными реками тебе, великому государю, уступим и на иную реку пойдем»[5].

Этими переговорами Булавин, очевидно, старался выиграть время для получения поддержки от запорожских и кубанских казаков.

Волнения в Сечи и агитация Булавина среди запорожских казаков продолжались. После того, как Булавин был избран 9 мая войсковым атаманом, в Сечи происходили многочисленные рады днем и даже ночью. Рядовые казаки хотели идти с Булавиным и требовали от кошевого пушек, знамени и полковника. Кошевой и куренные атаманы отговаривали казаков от присоединения к восставшим. Не дождавшись разрешения, запорожские казаки стали покидать Сечь, направляясь в Кодак «конницею с ружьем и з запасом о дву конь». Всего в войско С. Драного пришло свыше полуторы тыс. запорожцев[6].

---

[1] «Булавинское восстание», № 241, стр. 455.

[2] ПиБ, т. VII, вып. 2, стр. 659—660, стр. 650—652, 684—686, 694—697; «Булавинское восстание», № 239, стр. 452—454. Письма эти относятся ко времени 12—24 мая.

[3] ПиБ, т. VII, вып. 2, стр. 652—655, 687—689; «Булавинское восстание», № 239, стр. 452—454; № 242, стр. 455—457. Эти обращения относятся ко времени 12—24 мая. Донецкий атаман Викула Колычев пытался, по поручению Булавина, убедить в том же острогожского полковника. «Булавинское восстание», № 75, стр. 250.

[4] «Булавинское восстание», № 240, стр. 454—455.

[5] ПиБ, т. VII, вып. 2, стр. 696.

[6] По одним сведениям от Булавина в Сечь было послано 2, по другим 3 чел.; среди них был «русский человек» — вероятно, донской казак — с «письмом» («Булавинское восстание», № 183, стр. 383; № 184, стр. 385—386; № 187, стр. 389; № 186, стр. 387; № 185, стр. 386).

Булавин обратился за помощью к донским казакам-раскольникам, бежавшим от преследования царского правительства на Кубань и проживавшим там под именем кубанских казаков. Он предложил кубанским мурзам и очуевскому Хосяну-паше[1] сохранить дружеские и торговые отношения; повидимому, Булавин старался обезопасить Дон от калмыков, карательная роль которых в подавлении восстаний была хорошо известна на Дону.

Руководители восстания раздробили свои силы и этим допустили большую ошибку. На Изюм против царских войск были посланы из Черкасска отряды с атаманом Семеном Драным. К ним присоединились вышедшие из Запорожской Сечи казаки в количестве 1,5 тыс. чел. На Волгу под Саратов направился Игнатий Некрасов и отряд атамана Павлова[2]. В это время был взят город Дмитриевск на Камышенке (12—13 мая)[3]. И. Некрасов и Л. Хохлач осадили Саратов (26 мая).

Свыше полуторы тыс. запорожцев участвовало в разгроме Сумского полка на реке Уразовой в ночь на 8 июня. Руководили запорожцами атаманы Семен Драный, Никита Голый и Сергей Беспалый. Однако 30 июня и 2 июля отряды Драного и Беспалого, состоявшие из 5000 повстанцев и 1500 запорожцев, потерпели поражение. Они были дважды разбиты бригадой Шидловского и кавалерией бригадира Кропотова, под местечком Тором и в урочище Кривая Лука. В последнем сражении погибло около полуторы тыс. восставших. Шидловский послал карательный отряд в 1000 солдат, который преследовал повстанцев. Часть запорожцев с ранеными бежала в Сечь, но многие остались и продолжали действовать в районах восстания[4].

Основные силы Булавин направил против Азова. Имеются сведения, что в Азове был раскрыт заговор сторонников повстанцев, которых посадили в тюрьму[5]. Некоторые из заговорщиков успели, однако, перебежать к булавинцам и приняли участие в штурме Азова. Среди повстанцев были запорожцы, которые «плыли под Азов на 12 мореходных лодках и сухим путем»[6].

---

[1] «Булавинское восстание», № 245, стр. 460—461. О посылке на Кубань см. там же, № 70, стр. 244; № 88, стр. 270; № 245, стр. 460; № 246, стр. 463. Письмо на Кубань было перехвачено азовским губернатором И. А. Толстым. Там же, № 80, стр. 258.

[2] «Булавинское восстание», № 214, стр. 422. В донесении азовского губернатора о последних сообщалось: «Судовая сволочь подлинно пошла на Волгу, и дал им Булавин пушки, и черкасские бурлаки и кабацкие ярыжки с ним пошли. А Волгой итти им на них на Хвалынское море и на Астрахань». ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, л. 1277—1278; кн. 8, л. 367—368.

[3] «Булавинское восстание», № 213, стр. 421; № 227, стр. 436—439; ПиБ, т. VII, вып. 1, стр. 626—627; т. VII, вып. 2, стр. 752—755.

[4] «Булавинское восстание», № 107, стр. 290—291; № 193, стр. 397.

[5] *А. И. Ригельман.* История или повествование о донских казаках..., «Чтения ОИДР», кн. 3, № 4, 1846, стр. 98.

[6] ЦГАДА, Кабинет Петра I, Входящие бумаги 1707—1708, ч. 1, стр. 835.

Наступление булавинцев на Азов происходило 6 июля 1708 г. Пятитысячное войско восставших в первом часу дня под командованием Л. Хохлача, И. Гайкина и К. Казанкина «воинским поведением» подступили к Азову.

Против булавинцев был выслан конный казачий полк, донские казаки, жившие в Азове, и бывшие офицеры, сосланные в Азов. Произошел бой, но конница не сумела выбить булавинцев из занятых мест. Получив подкрепление, правительственные войска возобновили бой с участием артиллерии, которая действовала «непрестанно» из Азова и с кораблей морского флота. Под огнем артиллерии восставшие отступили, понеся большие потери убитыми и утонувшими. Было взято в плен 60 чел., в том числе два командира — атаманы Л. Хохлач и И. Гайкин. Командовавший конницей атаман Казанкин поскакал с известием о поражении в Черкасск и там принял участие в заговоре против Булавина [1].

Неудача повстанцев под Азовом сильно укрепила позицию зажиточного казачества, враждебно относившегося к восстанию. Еще до наступления на Азов в Черкасске возник заговор, в котором принимали участие до 30 знатных казаков. После поражения под Азовом заговорщики, выбрав удачный момент, подступили к куреню, где находился Булавин, и начали его обстреливать. 7 июля 1708 г. Булавин погиб [2].

Смерть Булавина вызвала радость в правительственных кругах. 18 июля 1708 г. происходило в Москве «рассуждение министров», и Мусин-Пушкин заявил, что «вор (Булавин. — *Ред.*) и товарищи побит..., и сего ради должны воздати благодарственный молебен и пушечной стрельбе быть». Однако «министры» не решились этого сделать, опасаясь волнений в столице [3].

Радость, однако, была преждевременной, восстание уже давно вышло за пределы Дона, охватив Придонье, Украину, Поволжье и центральные уезды страны. Из среды повстанцев выдвинулись талантливые организа-

---

[1] «Булавинское восстание», № 108, стр. 292—294; № 120, стр. 308—309; *И. И. Голиков*. Указ. соч., т. 14, стр. 557.

[2] Существуют две версии о гибели Булавина. По одним сведениям Булавин застрелился, защищаясь и видя безнадежность своего положения. По другим данным Булавин был убит старшинами. Последняя версия является более правдоподобной и подтверждается рядом документов («Булавинское восстание», № 249, стр. 467; № 121, стр. 310; № 111, стр. 296; ПиБ, т. VIII, вып. 2, М., 1951, стр. 463, 589). Убийцей Булавина был его есаул С. Ананьин. Версия о том, будто Булавин застрелился, исходила от Зернщикова, сообщившего об этом азовскому губернатору Толстому, и через Толстого она распространилась в правительственных учреждениях, попала в «Ведомости» и через иностранных послов проникла в заграничную печать («Булавинское восстание», № 108, стр. 292—294; № 113, стр. 298; «Русский архив», 1894, № 11, стр. 303—305; «Походный журнал». СПб., 1854, стр. 12; «Ведомости времени Петра Великого», вып. 2, М., 1906, стр. 5; «Сб. РИО», т. 50, стр. 30—31).

[3] ПиБ, т. VIII, вып. 2, стр. 479—480.

торы и полководцы — Н. Голый, И. Некрасов, С. Беспалый, И. Павлов, продолжавшие руководить отдельными отрядами восставших. В августе они созвали общий совет в Паншине.

Начался третий период восстания. Голытьба с атаманом Павловым и казаки Некрасова беспрепятственно двигались к Волге. Жители города Дмитриевска на Камышенке еще в мае 1708 г. без боя присоединились к восставшим, «посадили» в воду бурмистра соляной продажи и арестовали своего полковника. На Волге восставшие захватывали торговые суда, в результате чего сквозной путь по важнейшей торговой артерии был прерван. Восставшие двигались вверх по Волге, стремясь прорваться в Среднее Поволжье, где происходило выступление башкир.

Для подавления башкирского восстания подкупленный царскими подарками калмыцкий владетель Аюка послал 20-тысячную армию калмыков. В это время булавинцы осаждали Саратов. Часть калмыцкого войска, проходя мимо Саратова, внезапно напала на повстанцев, заставив их отступить. Атаман Павлов со своими людьми отплыл на лодках вниз по Волге, где вместе с Некрасовым осадил Царицын[1]. На выручку осажденному царицынскому гарнизону был послан Волгой из Астрахани полк солдат. В пяти верстах от Царицына, в Сарпинском урочище, полк был встречен восставшими, выехавшими на лодках. После продолжительного сражения солдаты были разбиты и отступили к Черному Яру. В результате ряды восставших пополнились присоединившимися к ним работными людьми с судов, державших путь к Астрахани. Вслед за этим повстанцы возобновили наступление на Царицын и овладели городом около 7 июня[2].

В Царицыне было установлено казачье самоуправление. Некрасов со своим отрядом направился в донской городок Голубые, но по дороге, узнав о гибели Булавина, вернулся в Царицын. Здесь был собран круг, на котором Некрасов предложил взять из Царицына артиллерию и идти к Черкасску[3]. Но голытьба во главе с Павловым не отдавала артиллерии и предлагала пока сидеть в Царицыне, а после «итти Волгою на море»[4]. Отсутствие единства среди восставших ослабляло их силы и ускорило подавление восстания.

Некрасов с отрядом ушел в Голубые. В Царицыне остался Павлов с 1000 чел. В середине июля из Астрахани подошел правительственный отряд с полковником Левингстоном. После отчаянного сопротивления повстанцы 20 июля оставили город и кинулись в лодках на Волгу, но, уходя от погони, они вынуждены были потопить лодки и пешком продвигаться к Дону. Вышедшее из Казани войско князя П. Хованского окончательно освободило волжский путь и направилось к Дону для подавления восста-

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, л. 882.

[2] ПиБ, т. VII, вып. 2, стр. 752—755; «Булавинское восстание», № 227, стр. 436—439.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 1287—1287 об.

[4] Там же.

ния. Другой отряд, во главе с полковником Болтиным, двигался из Казани по охваченным восстанием районам по направлению к Козлову.

Армия В. Долгорукого медленно продвигалась, ликвидируя в тылу партизанские отряды восставших. Еще в середине июня Долгорукий писал, что Воронежский край был «в великой шатости». Атаман Голый, отделившись от Драного, в ночь с 7 на 8 июня напал на Сумский полк на реке Уразовой. Офицеры были перебиты, солдаты перешли к повстанцам, была захвачена артиллерия. Отряды Драного 31 июня подступили к городу Тору и зажгли посад, но подоспевшие царские войска не допустили взятия города. В урочище Кривая Лука, близ Донца, Драный стал обозом и укрепился. 2 июля правительственные войска (бригадир Шидловский с войском и другие полки) начали наступление и ворвались в обоз. Было побито полторы тысячи, кроме тех, кто потонул в болоте и реке, и захвачены знамена и оружие. В этом бою погиб атаман Драный.

На соединение с Драным двигались из-под Бахмута 1500 запорожцев и отряд Тихона Белгородца. Однако после упорного боя под Бахмутом запорожцы были разбиты, а Бахмут сожжен (3 июля). Отряд бурлаков в 350 чел. был разбит после кровопролитного боя под Ровенками (26 июля)[1].

Одержав эти победы и отправив солдатский и драгунский полки с пятью сотнями изюмских казаков на помощь Азову, В. Долгорукий перешел Северный Донец и двинулся к Черкасску. 26 июля армия подошла к реке Аксай. Долгорукий не решался вступить в Черкасск и стал «со всеми полками обозным ополчением подле Черкасска». Новый войсковой атаман Зернщиков со всей старшиной и многими казаками «слезли с коней, пришли и знамена преклонили, и пали на землю, и просили прощенья». В знак своей верности атаманы привели в обоз Долгорукого брата Булавина и некоторых повстанцев. 28 июля 1708 г. казаки многих станиц целовали крест «не бунтовать, к возмущению никого не прельщать». По приказу В. Долгорукого, 200 булавинцев были казнены[2]. В Черкасске 4 августа были поставлены на колья голова Булавина, руки и ноги, тут же на виселицах вешали повстанцев, ходивших под Азов.

Долгорукий получил 5 августа сведения, что Некрасов и Павлов соединились в Голубых и рассылают письма по Дону, Донцу и другим рекам с призывом влиться в повстанческие отряды. Атаман Голый в это время был на Айдаре и в донецких городках.

Восставшие от имени «собранного войска» 8 августа потребовали от Зернщикова и всего войска «отповеди», за что был убит Булавин и арестованы его приверженцы. Некрасов назначил съезд повстанцев в Паншине, откуда он намеревался идти на Черкасск[3]. Его войско, по сообщениям правительственной стороны, значительно увеличилось. Калмыцким мурзам

---

[1] «Булавинское восстание», № 118, стр. 306—307.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 844—845 об.

[3] «Булавинское восстание», № 120, стр. 309; №№ 123—124, стр. 312—314; № 126, стр. 315; № 128, стр. 316; № 249, стр. 467.

был послан приказ выступить против повстанцев. Последним пришлось отступить из Паншина, так как вверх по Дону на них двигался Долгорукий, а от Волги шел Хованский.

Опасаясь соединения повстанцев в Есаулове, Долгорукий оставил пехоту и обоз и пошел с конницей к этому городку. После взятия Есаулова (20 августа) было казнено по одному человеку с каждого десятка и на плотах с виселицами пущены вниз по Дону более 200 повешенных.

Одновременно от Волги к верховым городкам двигался Хованский. Он разгромил ниже Паншина четырехтысячный отряд повстанцев, прикрывавший огромный обоз беженцев, уходивший от карательных отрядов. Хованский сжег 8 городков и 39 «привел к вере».

Некрасов со своим казачьим отрядом, услышав о поражении под Паншиным, направился за Кубань[1], надеясь найти убежище во владениях кубанской орды. Другой отряд во главе с атаманом Голым, которому не удалось соединиться с Некрасовым, ушел к Донецкой. 27—28 сентября ниже Донецкой булавинцы разбили флотилию полковника Бильса (100—170 будар с продовольствием, 8 тыс. денег, 1200 солдат), направлявшуюся в Азов[2].

Армия В. Долгорукого с пехотой и конницей «с большим поспешением» подошла 26 октября к Донецкой, где осталось до тысячи повстанцев. После обстрела из пушек и ружей правительственные войска пошли на приступ, выбили повстанцев и уничтожили их почти всех[3].

По дороге В. Долгорукий приводил к присяге казаков по станицам. Всего было «у креста» 1835 чел. Все новые городки, населенные беглыми крестьянами, были уничтожены[4]. Земли по Айдару были отданы Острогожскому казачьему полку, район вверх по Хопру присоединен к Воронежской губернии. За усмирение восстания В. Долгорукому была пожалована в Можайском уезде Старковская волость: «319 дворов, 13 776 четьи (земли), денежного дохода 1476 рублей».

Восстание на Дону было самым мощным из стихийных, локальных восстаний, охвативших в этот период многие районы страны.

Вслед за тем, в 1709—1710 гг. крестьянские волнения в центральных уездах не только не утихли, но, наоборот, расширялись, охватывая ближайшие к Москве районы. На Волге успешно действовал отряд повстанцев под предводительством Гаврюши Старченка. Он разбивал помещичьи усадьбы в ветлужских волостях, в Костромском, Кинешемском, Суздальском и Лухском уездах. Из Нижнего Новгорода воевода писал, что

[1] ПиБ, т. VIII, вып. 2, стр. 584; «Булавинское восстание», № 132, стр. 320—321; № 141, стр. 332.

[2] ПиБ, т. VIII, вып. 2, стр. 810—813; «Булавинское восстание», № 145, стр. 336—338; № 151, стр. 347.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 7, лл. 871—872 об.

[4] Согласно указу Петра I В. В. Долгорукову. ПиБ, т. VII, вып. 1, № 2334, стр. 132—133; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. 1, № 18, л. 650—658.

«Прелестное» письмо атамана Н. Голого 1708 г. (начало).

Центральный Государственный архив древних актов.

«Прелестное» письмо атамана Н. Голого 1708 г. (окончание).

Центральный Государственный архив древних актов.

«повстанцы с Старченком остановили на Волге суда с государевыми полковыми припасами» (28 пушек, 1000 ядер). Костромской воевода Воейков, по прошению помещиков, добился присылки военных сил; как сообщал воевода, «помещики и вотчинники костромские и кинешемские бежали в город». Старченок разбил богатые посадские дома и приказные избы в пригородах Унженского уезда[1]. Когда воевода с подьячими выехал из Луха в уезд для производства переписи, повстанцы напали на город, захватили губную избу и распустили колодников. Повстанцы появились в Муромском уезде[2]; в Галичском уезде действовал крестьянский отряд, разбивая помещичьи вотчины; отряды из помещичьих крестьян и беглых солдат громили помещиков в Тверском, Старицком, Новоторжском уездах. Посланные против них войска встречали вооруженный отпор. Повстанцы в количестве более 50 человек с рогатинами, ружьями, шпагами разъезжали не далее как в десяти верстах от Твери. В Ярославском и Каширском уездах громил усадьбы повстанческий отряд во главе с атаманом Боровиченком. Кроме того, случаи непослушания и отказа платить налоги отмечены в Серпуховском (село Щукино) и Тарусском (село Чириково) уездах. Происходили волнения в Веневе, где «новобранные солдаты с отцами, вышед в поле..., думали по-казачьи в кругу, а затем и ослушание учинилось, царскому чиновнику подводы выехать из города не дали».

Крестьянское движение охватило до 60 уездов, причем разгром помещичьих усадеб происходил в 25 уездах, избиение помещиков — в 20, поджог усадеб — в двух, порубки, потравы — в девяти, захват и запахивание земли — в четырех уездах, непослушание — в шести уездах[3].

Остатки булавинцев действовали еще на Средней и Нижней Волге. В марте 1709 г. повстанцы появились большим отрядом в Петровском уезде. Посланные против них войска разбили повстанцев в степи. Большинство взятых в плен оказались беглыми солдатами, крестьянами и работными людьми[4].

Для освещения задач антифеодального казацко-крестьянского движения ценный материал дают «прелестные» письма. Они распространялись в большом количестве по казачьим городкам и по городам, селам и уездам в районах восстания. О них сохранилось много упоминаний в официальных документах, излагавших кратко их содержание. Воззвания были направлены против «злых супостатов», «обидчиков», «злых бояр», «воевод и начальных людей», «прибыльщиков». В ряде воззваний называются определенные лица: начальник карательного отряда Ю. В. Долгорукий, козловский воевода Г. И. Волконский, претендент на бахмутские соляные

---

[1] ЦГАДА, Разрядные вязки, №№ 56, 53.

[2] Там же, № 53.

[3] ЦГАДА, Приговор Ближней канцелярии от 9 июня 1709 г. Дела Печатной конторы, 1709—1710 гг.

[4] «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», вып. 29. Саратов, 1912, стр. 82—83.

промыслы, помещик и бригадир Шидловский, А. Д. Меншиков, азовский губернатор И. А. Толстой, тамбовец, начальник над работными людьми на лесозаготовках Сидор Пешков, войсковой атаман Л. Максимов, воеводы и казацкая старшина.

Главная мысль «прелестных» писем состоит в том, чтобы «худым людям, князьям и боярам, и прибыльщикам, и немцам на зло не молчать и не спущать». Это повторяется во всех прокламациях восставших. Особенно ярко выражен классовый антифеодальный характер и цели движения в «прелестном» письме атамана Н. Голого: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы голотьва и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье... А вы стольники и воеводы и всякие приказные люди и заказные головы, не держите черни и по дорогам не хватайте, и пропускайте вы их к нам в донецкие городы. А хто будет держать чернь и не будут пропускать, и тем людем будет смертная казнь»[1].

На первом этапе восстания разгорелась жестокая борьба со знатными старшинами на самом Дону. С распространением движения в Придонье, Приволжье и центральных уездах России повстанцы не только расправлялись с боярами, помещиками и их приказчиками, но и спешили разрушить аппарат управления и заменить его своим. Они «сажали в воду» начальных людей, избивали подьячих и воевод, громили крепостные избы и сжигали документы. Вместо царских чиновников избирались из местных людей атаманы и есаулы, и заводились по казацкому обычаю круги.

Известную роль в развитии этого движения играла и борьба против официальной церкви, против тех, кто «вводит всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили». Упоминание о «доме пресвятой богородицы» и об искоренении эллинской веры имело большое агитационное значение среди крестьян и мелких посадских людей, у кубанских и яицких казаков, сторонников раскола. Однако нельзя преувеличивать значение религиозного момента в восстании; забота о «доме пресвятой богородицы» нисколько не мешала повстанцам «подуванить» церковные деньги в Черкасске и разгромить ряд церквей в Придонье.

Царистский элемент был и в Булавинском восстании, в котором, наряду с революционными мотивами, раздавались призывы стоять «за бога и за великого государя»[2]. Наконец, известны непосредственные обращения Булавина к царю и к «полководцам». Булавин со «всем войском Донским» обращается к Петру I: «и от тебя, великого государя,.... войском никуда не откладываемся... и желаем тебе, великому государю, служить по-прежнему... И чтоб твои... ратные полки с полководцы к городкам не ходили б. А буде они, полководцы,... насилно поступят и

[1] «Булавинское восстание», № 248, стр. 466—467.
[2] Там же, № 56, стр. 230.

какое разорения учинят..., мы.... на иную реку пойдем» [1]. В другом обращении к царю этот мотив пассивного сопротивления («мы... реку Дон и со всеми запольными реками тебе... уступим и на иные реки уйдем») сменяется угрозами: «И буде посланные полки будут наши казачьи городки войною разорять, и мы вам будем противитца всеми реками» [2]. Стоило правительственным войскам вступить на донскую землю, как отношение к царю тотчас же изменилось: теперь Булавин грозил смертной казнью за одно упоминание «государева имени» и за всякие речи о принесении повинной.

Восставшие принимали меры к закреплению за собой захваченной территории, вводилось казачье самоуправление, было налажено регулярное сообщение с Доном. Все дела решались на кругах, и вновь избранные атаманы и есаулы проводили военную мобилизацию. На Камышинке и в Дмитриевске выборная администрация проводила трудовую повинность при осаде Царицына.

При стихийном характере восстания действия повстанцев, благодаря участию военных людей-казаков, носили некоторые элементы организованности. Выставлялись дозоры и заставы, посылались лазутчики. Принимая бой, организовывали обоз и боевой порядок; выступали всегда войсковыми единицами с бунчуками и знаменами, в поход бралась артиллерия.

При осаде Царицына повстанцы сумели засыпать ров смоляным лесом, подожгли его, под прикрытием дыма пошли на приступ и взяли хорошо укрепленную крепость. При осаде Донецкой были выкопаны шанцы. Во всех случаях принимались меры к разложению армии противника, к привлечению на свою сторону «ненадежных» элементов царских войск.

Документы, характеризующие социальный состав повстанческих отрядов, ясно обнаруживают главную основу движения — крестьянство, к которому следует причислить и недавно осевших на Дону верховых казаков. Волконский доносил из Козлова царю, «что нынешней бунт и начался от таковых беглых крестьян, которые бегают из волостей и из-за помещиков, а паче ото взятья в рекруты, и от иных здешних крестьян есть в бунтовщиках братья или детей и свойственники, и чаю я, холоп твой, что прелесные письма... в ыные городы от них воров тайно разосланы» [3].

Большое участие в восстании на Дону принимали мелкие посадские люди. В одном из ранних известных нам воззваний Булавина содержится обращение к голытьбе: «А своих людей, посадских и торговых, не троньте, а буде кто напрасно станет кого обижать, и тому чинить

---

[1] ПиБ, т. VII, вып. 2, стр. 652 – 655, 684—689, 694—697.
[2] «Булавинское восстание», № 240, стр. 455.
[3] Там же, № 32, стр. 178.

смертную казнь»[1]. Тот же мотив повторяется и в другом обращении: «А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем опосайтесь..., худым людем князем и бояром и прибыльщиком и немцом за их злое дело... не пущать...»[2].

Работные люди поголовно переходили к восставшим. Так, работавшие по сплаву леса на Хопре 814 чел. примкнули к повстанцам, едва те показались, 500 чел., заготовлявших дуб на корабельное дело в лесах на реке Битюге, пристали к восстанию. Много было среди восставших бурлаков и беглых солдат. В бою при Паншине особенно «крепко стояли беглые драгуны и их полков солдаты».

Крестьянское антифеодальное движение на Дону, в Придонье, Поволжье, Украине и в центральных уездах страны носило стихийный и разрозненный характер. И. В. Сталин указывал: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими «разбойными» и неорганизованными, как у Степана Разина, ни к чему серьёзному не могут привести.

Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»[3]. Восставшие крестьяне выступали против помещиков, прибыльщиков, иноземцев и вместе с тем стояли за «хорошего царя», выдвигали задачу «борьбы за еллинскую веру». Но эти реакционные черты не умаляют значения антифеодального движения начала XVIII в. В нем выявилось содружество трудовых масс великого русского народа в первую очередь с братским украинским народом.

Борьба крестьян в начале XVIII в. была направлена против крепостнических пут, насилия и гнета царизма.

Дворянско-буржуазная историография, враждебно относившаяся ко всякому проявлению борьбы народных масс против угнетателей, оценивала восстание на Дону как проявление казачьего анархизма и «злого бунта», разгоревшегося в опасный для России предполтавский период Северной войны.

Патриотизм народных масс в борьбе за национальную независимость, ярко выразившийся в битвах против шведских захватчиков на Украине и Белоруссии, не исключал продолжения их борьбы против помещиков и феодального государства. Дворянство укрепляло свое господствующее положение и усиливало нажим на трудящихся, что вызывало активное сопротивление со стороны последних.

---

[1] *И. И. Дубасов*. Очерки из истории Тамбовского края, вып. 3. М., 1884, стр. 57. Ср. вариант «Булавинское восстание», № 235, стр. 450.

[2] «Булавинское восстание», № 236, стр. 450—451.

[3] *И. В. Сталин*. Соч., т. 13, стр. 112—113.

* * *

Восстаниями[1] в Астрахани и на Дону не исчерпываются выступления крепостных крестьян. Борьба против феодально-крепостнического гнета принимала разнообразные формы: в некоторых случаях она была пассивной и ограничивалась бегством, неповиновением вотчинной и коронной администрации или подачей жалоб на тяжелое положение и просьбами облегчить повинности; в других случаях стихийно возникшее недовольство выливалось в вооруженное выступление: крестьяне жгли помещичьи усадьбы, убивали помещиков и ненавистную вотчинную администрацию, отказывались от барщинных работ, уплаты оброков, налогов, самовольно рубили леса, косили луга, захватывали и распахивали землю. Такие выступления, как правило, подавлялись военной силой, причем крестьяне оказывали вооруженное сопротивление.

Примером крестьянских восстаний в начале XVIII в. могут служить волнения с 1702 по 1704 г. на северо-западе в вотчинах Тихвинского монастыря, где в движение оказалось вовлеченным зависимое население соседних вотчин, к восставшим примкнули их ближайшие соседи — крестьяне Введенского девичьего монастыря. Крестьяне отказывались от сельскохозяйственных работ на монастырь, и монастырские «хлебные пашни остались не паханы, и сенные покосы остались не кошены». Крестьяне захватывали пашенные земли, сенокосные угодья, а в 1704 г. подожгли Введенский монастырь, который от их «поджогу... сгорел весь без остатку». Движение приняло настолько угрожающие размеры, что монастырские власти просили прислать в Тихвин воинскую команду «для усмирения бунта»[2].

В неурожайные 1704—1706 гг., когда «глад был по деревням великой»[3], происходило множество крестьянских волнений. В феврале 1706 г. в Шацком уезде крестьяне Чернеева монастыря отказались вносить оброк, уверяя, что «от недороду и градобитья они голодают». Была вызвана воинская команда, и крестьян босых и голых сажали в подполье. В сентябре того же года в Окологородном стане Московского уезда крестьяне оказали сопротивление при сборе недоимок и изгнали команду солдат. В том же 1706 г. крестьяне Муромского и Рязанского уездов вотчин рязанского митрополита воспротивились рекрутскому набору, «не шли записываться и детей своих не пускали» и повиновались только после вызова солдат. Целое лето, с июля по сентябрь 1707 г., длилось восстание крестьян в Ярославском уезде в вотчинах Спасова Ярославского монастыря. Крестьяне отказались платить недоимки, за что их руководителя Аврамова

---

[1] Текст до конца настоящего параграфа составлен по материалам Н. Б. Голиковой, Е. И. Индовой, В. И. Самойлова.

[2] *К. Н. Сербина*. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.— Л., 1951, стр. 396—407.

[3] *И. А. Желябужский*. Записки, СПб., 1840, стр. 213.

«посадили за караул». Крестьяне созвали мирской сход, освободили Аврамова, выбрали его в сотские и послали с жалобой в Москву. Крестьяне «с кольем и дубьем и с рогатинами многолюдством расхаживали», сменяли старост, выгоняли приставов и подьячих. Осенью восстание было жестоко подавлено, «расправу чинили поголовную», били людей плетьми, разоряли дома и забирали пожитки. В 1707 г. в Мещевском и Вяземском уездах крестьяне Юхнова монастыря в течение ряда месяцев «посыльных людей за сборами всякими бьют и в деревни не пускают»[1].

В течение нескольких лет происходили волнения во владениях Симонова монастыря в Устюжской провинции в селе Весь Егонская. Крестьяне этого села в 1703 г. отказались платить подати и затем «все годы были непослушны, ничего не давали — ни провианту, ни податей и когда в 1706 г. стали сыскивать, учинили бунт». Неповиновение продолжалось весь 1707 г. Монастырские власти в 1708 г. решили взыскать всю накопившуюся за много лет недоимку и с этой целью в село Весь был отправлен приказчик и с ним десять драгун. Но крестьяне отняли у солдат лошадей, повозки, разбили и привели в негодность оружие, забрали скот и хлеб из амбаров, а документы вотчинной канцелярии уничтожили. Восставшие держали целовальника и старосту в кандалах, а драгун возили скованных по деревням «от села Веси верст за 60»[2]. Неповиновение продолжалось и в следующем, 1709 г., когда крестьяне отказались послать односельчан на работы в Петербург, не платили оброчных денег и оказали сопротивление сборщику провианта. В село была направлена воинская команда, и в марте 1709 г. восстание было подавлено.

События 1707—1708 гг., происходившие на Дону, сказывались и на крестьянах центральных уездов и особенно в южных уездах и в волжско-окском районе. К 1708 г. относятся сведения о появлении «воров» на Волге между Кинешмой и Юрьевцем и на Оке близ Нижнего.

Повстанцы с Дона сносились с крестьянами Казанского и Симбирского уездов. Восстанием были охвачены все уезды, граничившие с территорией войска Донского: Курский, Тамбовский, Михайловский, Одоевский, Веневский и др. В 1708 г. повстанческие отряды действовали в Звенигородском, Вяземском, Бежецком, Галицком, Тверском и других уездах[3].

Длительное сопротивление в 1708 г. оказали крестьяне Спасского монастыря в Ярославском уезде. Крестьяне монастырского села Медведки имели недоимочную задолженность трехлетней давности. В ответ на требование выплатить недоимки крестьяне в январе 1709 г. «учинили мятеж», а когда солдаты пытались их «взять за караул, крестьяне сломали житницы, взяли хлеб и ушли все в леса». В апреле неповиновение продолжа-

[1] «Материалы из дел Монастырского приказа». Подготовлены С. С. Гадзяцким и А.Л. Шапиро (рукопись Института Истории АН СССР), стр. 7—11, 20, 46, 180—181, 292.

[2] «Материалы из дел Монастырского приказа», стр. 276.

[3] *В. И. Лебедев.* Указ. соч., стр. 52 — 54.

лось, крестьяне, «бегая», жили в деревнях соседних помещиков; приезжающих сборщиков «многолюдством бьют и увечат, себя же увезти никого не дают». При этом помещичьи крестьяне оказывали помощь монастырским и совместно сражались с воинской командой[1]. Выступления крестьян в это время происходили в Смоленском, Дорогобужском и Вяземском уездах. Из этих уездов крестьяне массами, «человек по 100, по 200, по 300 и по 500 и больше, подняв села и деревни», уходят к Брянску, «якобы на жительство в новонаселяемую слободу, но перед уходом разоряют помещичьи дворы и животы и людей бьют до смерти...» Посланным солдатским отрядам крестьяне оказывали сопротивление.

Крестьянское движение продолжалось и в последующие годы. В 1710 г. происходили волнения в Переяславль-Залесском уезде, во владениях Покровского и Троице-Сергиевского монастырей. Крестьяне не дали собирать в вотчинах провиант для высылки в Нарву и, собравшись до 500 чел., с кольем и дубьем освободили 10 чел., ранее взятых под стражу за «буйство», а стражу избили[2]. Село Лысково Нижегородского уезда в 1713 г. отказалось повиноваться владельцу—грузинскому царю Арчилу; волновались крестьяне Меллера в Верейском уезде, монастырские крестьяне села Вознесенского (Новый Иерусалим)[3]. В 1712 г. в Копытовской волости Клинского уезда были убиты приказчик Меншикова на пильной мельнице, приказчик села Раменье Городецкого уезда — вотчины Троице-Сергиева монастыря и др. Выступления, подавленные военной силой, происходили в 1716 г. в Тульском уезде, в селе Хавкове, в 1719 г. в Дмитровском уезде крестьяне Кириллова монастыря сопротивлялись рекрутскому набору. В Новгородском, Можайском и Мещевском уездах в 1719 г. ходили «ватаги» «по 100 и по 200 чел. и больше верхами, вооруженною рукою, с порядком регулярным»[4]. Одна из «ватаг» сумела даже овладеть на время городом Мещовском и выпустить из городской тюрьмы содержавшихся в ней колодников. Были «ватаги», которые преследовали разбойничьи цели, однако в целом они являлись одной из форм борьбы крестьянства против феодального гнета.

Борьба крестьян вновь усилилась в 1720—1725 гг. Этому способствовало введение подушной подати и неурожаи 1722—1724 гг. Наряду с множеством «ослушаний» и «дерзостей крестьянских» следует отметить восстание помещичьих крестьян в 1721 г. в Кашинском уезде, в селе Никольском. Воинская команда расправилась с восставшими, но в 1723 г. волнения вспыхивают вновь с большей силой и охватывают

---

[1] «Материалы из дел Монастырского приказа», стр. 301—303.

[2] Там же, стр. 359.

[3] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 171.

[4] «Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции», кн. III. М., 1876, стр. 315—316.

владения многих помещиков. Крестьяне жгли усадьбы, уничтожали крепостные документы, рекрутские списки[1].

Ярким свидетельством обострения классовой борьбы народных масс являлись многочисленные процессы крестьян, привлекавшихся к судебной ответственности за высказывания против правительства и его деятельности.

Критика внутренней и внешней политики правительства, порицание приказных порядков, жалобы на рост налогов, осуждение образа жизни и поведения царя и другие «непристойные речи» уже в конце XVII в. расценивались как тягчайшее политическое преступление.

Основной, наиболее волнующей крестьян темой, всегда вызывавшей с их стороны самые резкие высказывания против властей, являлись налоговая политика правительства, введенные Петром I повинности и продолжительная война. «Годы де ныне стали голодные, а подати с нас великие, а ныне пришел указ с нас же взять за ветчинное сало по рублю. А промыслов у нас нет, бог знает, неведомо как и быть, чем платить...»; «годы де стали тугие, а в подводах только повертывайся». При этом нередко добавляли резкие суждения по адресу самого Петра: «Какой де это царь, мироедец, выел свое царство все, а если долго не изведетца и он де выест мирской и корень»; «какой де он государь, всех вытаскал в службу, все царство запустошил»; «разорили де нас указы, с естими бы де указами ево бы, государя, повесил»,— говорили дворцовые и помещичьи крестьяне Московского, Тульского, Переяславль-Рязанского и других уездов. «Какой де он царь, он де их, крестьян, разорил з домами, мужей их побрал в солдаты, з детьми осиротил и заставил плакать век»,— жаловались крестьянки московской вотчины Спасо-Андроньевского монастыря[2].

Резко осуждая и критикуя деятельность правительства и порицая Петра I, крестьяне все же продолжали сохранять наивные царистские представления. Политические процессы крестьян показывают, что им была свойственна патриархальная вера в справедливость царя и его готовность заботиться о благе всех своих подданных. Не вязавшаяся с этой верой деятельность правительства способствовала широкому распространению среди крестьян мнения, что Петр I не был «истинным» царем, а являлся узурпатором или антихристом. «Есть ли б де он был государь, стал ли б так свою землю пустошить»,— говорил крепостной крестьянин[3]. Особой популярностью пользовались среди крестьян легенды о пленении и заточении «настоящего» царя и легенды о подмене царской дочери немецким мальчиком. «Великого государя скрали немцы у мамок в малых летех»,—

---

[1] О крестьянских побегах в конце XVII и начале XVIII в., как массовом виде протеста, см. главу I, § 5 «Крестьяне».

[2] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 67 (694), 393 (1143), лл. 213—214; стб. 402 (1152); д. 34 и 275.

[3] Там же, стб. 300 (1030).

говорили одни; «государь семь лет в полону, а на царстве сидит немчин»,— рассказывали другие; царь «не русской породы и не царя Алексея Михайловича сын, взят в младенчестве из Немецкой слободы у иноземца на обмену» и «вместо царевны взяли ево»,— передавали третьи[1].

Доказательство и подтверждение всем этим рассказам невежественное, находившееся под властью религиозных верований, крестьянство видело в слухах о необычайном поведении царя, а также в таких его действиях, как казнь мятежных стрельцов, заключение царицы в монастырь, снятие колоколов, введение иноземного платья, брадобритие, разрешение курить табак и т. п. «Какой де он государь, царицу свою в ссылку сослал, а стрельцов всех перерубил, а ныне де стал и нас разорять, берет даточных»,— рассуждал крестьянин московской вотчины Новодевичьего монастыря Никитин. «Бороды велит брить, платье поганское носить, табак курить и пить явно», «а я де жив не хочу быть, есть ли у меня бороду обрить»,— заявил в Преображенском приказе костромской крестьянин Семенов, привлеченный к суду за публичное поношение Петра I[2].

Как показывают политические процессы, царистские представления крестьян находили свое выражение также в идеализации царевича Алексея. Ребенок, оторванный от матери, юноша, страдающий от отцовского деспотизма, приверженец старины, покровитель юродивых и нищих, Алексей представлялся многим крестьянам в ореоле страдания. Они награждали царевича совершенно несвойственными ему качествами, и в их рассказах Алексей, чье имя к концу десятых годов стало знаменем реакции, часто оказывался заступником народа и врагом бояр. В Тамбовском уезде, где крестьяне сочувствовали и помогали булавинцам, говорили, что царевич любит казаков, в Подмосковьи сообщали, что он не признает Петра I отцом, в Нижегородском уезде крестьяне три года прятали от властей и содержали авантюриста А. Крекшина, называвшего себя царевичем[3]. Крестьяне хранили живую память о восстании Степана Разина и возлагали большие надежды на донских казаков. В 1704 г. среди крестьян Нижегородского уезда ходили упорные слухи, что к Москве движутся казаки. «Пора де ево на копья,— говорили крестьяне о царе, — ужо де ему учинят указ, донские казаки идут к Москве по вестям, ужо де ево скончают». Сержанту Преображенского полка Новокщенову, явившемуся произвести аресты в Нижегородской вотчине Л. К. Нарышкина, крестьяне оказали активное сопротивление. «Той деревни староста,— писал в Преображенский приказ сержант,— собрався со крестьяны, многолюдством, з дубьем и з кольи и с поленьем ево, Фочку (одного из восставших.— *Ред.*) у меня отбивали и бросками меня поленьем били»[4].

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 294 (1025), 319 (1061), 444 (1201), д. 30, 102 и др.

[2] Там же, стб. 150 (814), 154 (818).

[3] Там же, д. 496, 788.

[4] Там же, стб. 281 (1003).

Политические процессы свидетельствуют о сочувствии крестьян восстаниям в Астрахани и на Дону. «Ныне емлют со всякой скотины и с поземельщины и всякую иную пошлину вновь», не думая «где де нам деньги будет имать», государь «весь мир выел», «поделом де отложились астраханцы»,— говорил московский крестьянин Галахтионов, приговоренный за свои слова в 1705 г. к битью кнутом, вырезанию ноздрей и пожизненной ссылке на каторгу. Летом 1708 г., по доносу приказчика помещика Ивинского, в Преображенский приказ была взята группа крестьян Тамбовского уезда, выражавших сочувствие восстанию на Дону.

Критикуя правительство, крестьяне часто и резко высказывались против бояр и дворян. Особой формой протеста против помещиков, получившей широкое распространение, стали доносы. Зная, что закон обещает за «правый извет» на помещика освобождение от крепостной зависимости, крестьяне, начиная с 1695 г. и в течение всей первой четверти XVIII в., систематически приносят как справедливые, так и ложные доносы на своих владельцев. Причиной доносов являлось либо желание освободиться от крепостной зависимости или кабалы, либо стремление отомстить за насилия и побои[1]. Такого рода доносы поступали в Преображенский приказ как от одиночек, так и от целых групп крестьян.

За критику правительства и оговор помещиков устанавливалось, как правило, самое тяжелое из всех определявшихся за «непристойные речи» наказание — ссылка на каторгу, чему предшествовало битье кнутом и урезание языка или ноздрей. Случаи оправдания крестьян были весьма редки; так, из 109 крестьян, привлекавшихся к суду в 1700—1702 гг., было оправдано всего два человека.

Выступления крестьян были вызваны усилением в стране феодального гнета. Несмотря на то, что стихийная и разрозненная борьба крестьян оканчивалась их поражением, ее значение было велико. Она являлась важным средством противодействия стремлению класса помещиков и абсолютистского государства к безграничной эксплуатации крестьянства. Несмотря на беспощадное, «в страх другим», подавление крестьянских выступлений, антифеодальная борьба не прекращалась.

4

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА МАНУФАКТУРАХ

С появлением и развитием крупной промышленности в России усложнились проявления и формы классовой борьбы. Суровая эксплуатация и плохие условия работы[2] делали пребывание на мануфактуре «тягостью» для работника любой категории, но особенно «несносной» она была для

[1] ЦГАДА, Преображенский приказ, стб. 10 (388), 241 (934), 41 (629), 87 (733), 419 (1142); д. 289, 231, 154 и др.

[2] См. главу I, § 3 «Мануфактура».

принудительно мобилизованных рабочих, крепостных и приписных крестьян. Проявления недовольства начались, можно сказать, вместе с появлением мануфактур и прежде всего на железоделательных заводах.

Наиболее ранние сведения о выступлении крестьян относятся к двум последним десятилетиям XVII в. Когда началось в Олонецком уезде строительство железного завода Бутенанта, крестьяне Поймагубской волости старались помешать его возникновению. Когда же в 1696 г. к заводам Бутенанта был приписан Кижский погост, крестьяне «учинились ослушны ж, переписаться и отказаться и наказанье ослушником учинить не дались...» Сопротивление оказалось настолько сильным, что для подавления его был послан отряд стрельцов в 335 чел., но и им крестьяне оказали сопротивление: по официальному донесению, они «учинили бунт», били в колокол «в сполох» и собрались из деревень «с дубьем и кольем»[1]. Сопротивление было подавлено при помощи стрельцов. В середине 1720-х годов крестьяне того же Кижского погоста отказались вывезти из леса 18 тыс. возов угля, несмотря на обещание оплаты в счет подушной подати. На повторные угрозы и посылку солдат крестьяне ответили открытым сопротивлением. «Пришед к той квартире, в которой стояли солдаты той же волости, с многолюдством более 200 человек с кольем и з дубьем, приступив к той квартире, ломили окна и ворота и каменьем в окна бросали, которыми многих солдат зашибли. Того их бою было больше двух часов»[2]. Сопротивление, как и в 90-х годах, было сломлено военной силой.

В своем донесении управитель олонецких заводов писал, что «некоторые здешние погосты для их противности и продерзостей ото многих лет уже славны». Итак, перед нами не случайный эпизод, а длительная борьба. Недовольство крестьян объяснялось тем, что они привлекались «многими солдатами силою к заводской работе...» Обострение недовольства вызывалось, кроме того, сбором «через милитарную экзекуцию» накопившихся недоимок. Изложив эти обстоятельства, управитель заводов сделал совершенно правильный вывод: «Того ради удивлятися не для чего, что крестьяне дерзнули присланным от Берг-коллегии указам противитца, видя мою недовольную мочь». Получив его донесение, коллегия решила послать на завод отряд солдат.

На Урале сопротивление крестьян началось с первых лет строительства казенных заводов.

Летом 1703 г. поднялись приписанные к Каменскому заводу крестьяне, использовавшиеся для работы на рудниках и заводе. Крестьяне с женами и детьми в количестве 200 чел. бежали с насиженных мест и направились в степь к верховьям реки Яика. Вооруженные луками и пиками восставшие подступили к городу Кунгуру, где находился в это время верхотурский воевода Алексей Калитин, который ведал также Кунгурским

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. II. Л., 1931, стр. 149—150.

[2] ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 795, л. 114 и сл.

уездом и руководил строительством казенных заводов. Крестьяне на «общей думе» постановили убить воеводу и захватить город. Узнав о приближении крестьян «во многолюдстве» к городу, воевода, опасаясь «межеусобия», пробовал их уговаривать, а затем направил пушки и «для пристрастия стрелял к ним ис пушек пыжами, и через них ядрами». Воевода со служилыми людьми и стрельцами больше недели отсиживались в Кунгуре. Крестьяне дважды нападали на город. В восстании принимало участие и нерусское население Кунгурского уезда. Только после того как воевода тайно бежал из Кунгура в Верхотурье, крестьяне ушли из-под Кунгура, но многие ли вернулись в приписные слободы, неизвестно. Выступление крестьян встревожило не только кунгурского воеводу, но и высшее начальство в Москве: в Сибирском приказе обстоятельно допрашивали стрельца, приехавшего с Невьянского завода и знавшего о происшедших событиях[1].

Сопротивление крестьян росло вместе с развертыванием заводского строительства и усилением их эксплуатации на заводах. При постройке Екатеринбургского завода привлеченные к этому делу крестьяне, а также солдаты, выполнявшие обязанности стражи, по словам Геннина, так «много от работы бегали», что «при строении едва не одного оставили»[2]. Побеги заводских работников на Урале и в Сибири, где кругом заводов были необозримые пространства, а рядом жили «башкирцы», укрывавшие беглецов, были распространенным проявлением растущего недовольства.

Особенно привлекала беглецов казачья река Сакмара, куда они уходили крупными партиями Несмотря на то, что Геннин расправлялся с беглецами чрезвычайно жестоко, вплоть до повешения, бегство усиливалось и приняло особенно значительные размеры в 1726—1727 гг. Крестьяне не являлись на заводские работы и либо прятались близ своих домов, либо бежали в Сибирь и Башкирию, вооружившись «огненным ружьем и разным орудием, оставя свой скот и хлеб». На поиски беглецов посылались солдаты, однако вернуть крестьян не удалось. У них появлялись руководители вроде «крестьянского сына» Ивана Гореванова, имевшего связи с местным населением — башкирами и каракалпаками[3]. Крестьяне находили сочувствие и помощь среди заводской охраны, состоявшей из солдат, недавно навербованных из тех же крестьян, и они совместно устраивали побеги. Об этом доносил Геннин, сообщая о принятых им жестоких мерах: «Того ради я принужден был для экзампля и страха другим... не описываясь в Тобольской или в Военную коллегию, их через военный суд казнить, а именно: атамана гренадера

---

[1] *Б. Б. Кафенгауз.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв. М.— Л., 1949, стр. 146—147; *А. А. Преображенский.* Крестьянская колонизация Кунгурского края в XVII—начале XVIII в. Автореферат канд. диссертации. М., 1953, стр. 13.

[2] *В. де-Геннин.* Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937, стр. 75.

[3] Там же, стр. 47, 55—58.

колесовать, а обоих мужиков повесить, а протчих вместо кнута гнать спицрутены»[1]. Беспощадность мер показывает, в какой тревоге находилось начальство казенных заводов.

Не менее напряженное положение отмечено на частных заводах, где эксплуатация была еще сильнее, а самоуправство заводчиков еще бесконтрольнее. На последнее особенно жаловались рабочие Невьянского завода Демидова. Уже с 1703 г. начали поступать жалобы по поводу не только тягчайшей эксплуатации, но и жестокого обращения Демидовых. Приписные крестьяне писали, что заводчик считает их своей собственностью, захватывает их имущество, а самих «морит голодною смертью, пить и есть не дает и бьет их батожьем и плетьми на смерть»[2]. В 1708 г. произошли волнения среди крестьян Вышегородской волости, приписанной к заводам Меллеров.

Крупные волнения происходили на предприятиях легкой промышленности. Самыми крупными из этих предприятий были Хамовный и Суконный дворы в Москве; на первом находилось свыше тысячи рабочих, на втором — около тысячи. Это скопление уже тогда вызывало у правительства опасения, рабочим же придавало сознание известной силы.

Роптать начали «матросы» Хамовного двора, принудительно работавшие на казенной мануфактуре вместо военной службы[3]. На этой московской текстильной мануфактуре положение принудительных рабочих было особенно тяжелым. В отношении их администрация Хамовного двора постоянно допускала злоупотребления: задерживала и без того скудное жалованье, привлекала на дополнительные работы, вроде стояния на карауле во дворе, применяла телесные наказания. Рабочие Хамовного двора жаловались не только в Адмиралтейскую канцелярию, но помимо нее с челобитьями обратились к самому царю. Однако челобитчиков в этих случаях ждало только наказание. Несмотря на этот горький опыт, рабочие Хамовного двора продолжали обнаруживать «противность». Особой остроты отношения достигли после назначения директором мануфактуры Тиммермана в 1720 г. Рабочие жаловались, что при увеличении норм выработки им убавлено жалованье, делаются постоянные вычеты, не выдается пособие больным, что их постоянно бьют так, что некоторые от побоев даже умирают.

На следующий год по назначении Тиммермана директором, в 1721 г., стала готовиться коллективная челобитная от имени сотен рабочих. Возглавляли это движение два матроса — Коньков и Лебедев; при допросе некоторые показали, что оба организатора приходили к рабочим в светлицу по ночам, говорили «о возмущении». Другие показали, что

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 62, лл. 1045—1046.

[2] *Б. Б. Кафенгауз.* Указ. соч., стр. 145.

[3] Центральный государственный архив военно-морского флота, ф. Канцелярии графа Апраксина, д. 153, 1716—1717 гг., лл. 208—210; д. 216, 1722 г., лл. 303—319.

Коньков и Лебедев собирали по копейке с человека на какое-то ходатайство. Сам Тиммерман, зорко следивший за поведением рабочих, захватил главарей и «держал заковавши в кандалы семь недель, дабы ни в чем никто не доносил». Затем он отправил их скованными на работу, предварительно избив кошками. Но это не остановило рабочих. Когда по жалобе рабочих началось расследование, 426 работников разных специальностей твердо заявили: «Вышеписанное де челобитье писали они и подавали с общего совету старост и делецких и всех мастеровых и работных людей до одного человека, а не одни собою». Рабочие обвиняли Тиммермана и его помощников во взятках, хищениях, заготовке «помоклой и негодной пряжи», задержке жалованья по шесть-восемь месяцев, наконец, в беспощадных и «напрасных» побоях.

Администрация казенной мануфактуры переносила в промышленность практику крепостных порядков не только в отношении принудительных, но и наемных рабочих. Тому же примеру следовал частный предприниматель из купечества. Это подтверждается историей борьбы рабочих Суконного двора с В. Щеголиным и другими владельцами, получившими эту мануфактуру в 1720 г.

Столкновения между рабочими и хозяевами начались в том же году и были вызваны прежде всего низкой заработной платой[1]. При передаче мануфактуры правительство обязывало «компанейщиков» увеличить ее на $^1/_3$ и заключить «согласие», или договор, с рабочими «повольно, по чему каждому за труд его воспринять». Щеголин же ограничился тем, что объявил рабочим о прибавке, выдал аванс, заставив их тем самым приступить к работе, а с договором медлил или, по словам рабочих, «отбегал». Но рабочие твердо настаивали, требуя «у него определения непрестанно», которое должно было урегулировать отношения, строящиеся на договорных началах. Позднее, объясняя промедление с договором, компанейщики сваливали свою вину на рабочих. Предприниматели называли рабочих, оказавших сопротивление, «непотребными людьми» и «бунтовщиками». Рабочие, по словам компанейщиков, «своим самовольством... чинили немалую противность, подобно бунтовщикам, и многие дни при фабрике работу все останавливали». Рабочие, наоборот, утверждали, что протестуют они не «по своему непотребству», как хочет изобразить Щеголин, а потому что в новых условиях им невозможно жить и работать, поэтому многие уже ушли с мануфактуры. Они написали жалобу в Берг-коллегию, но жалоба попала в руки хозяев и была уничтожена, а рабочие снова подверглись экзекуции. Однако это их не остановило. В течение всего 1721 г. продолжалось сопротивление рабочих натиску, который повели на них предприниматели. Наконец, в конце этого года они снова обратились в Берг-коллегию. Это совпало

---

[1] «Московский Суконный двор». «Крепостная мануфактура в России», ч. V. Л., 1934, № 53, стр. 99—123.

с посещением мануфактуры царем, и рабочие, «не дождавшись по тому их доношению (в Берг-коллегию.— *Ред.*) милостивой резолюции», 27 января 1722 г., «собравшись многим числом людей», жаловались царю «словесно» на владельцев мануфактуры. Это и дало ход делу. Берг-коллегия потребовала письменного объяснения от обеих сторон, кроме того, в коллегию вызывались для подачи сведений сотни рабочих.

В заявлениях рабочих не раз подчеркивалось, что кампанейщики действуют в ущерб «государственным интересам». Так, они покупают «для своей корысти» негодную шерсть, из которой выходят плохие сукна, отвлекают от «государственного дела» рабочих для своих домашних работ. Предприниматели ради «своей корысти» удерживали тем или другим способом часть заработной платы, а также превращали работников Суконного двора в «невольников». Рабочие писали, что хотя компанейщики, согласно указу, увеличили нормы оплаты труда, они вместе с тем прибавили «излишнюю работу», то есть одновременно увеличили норму выработки. Предприниматели широко практикуют вычеты из заработной платы. В результате рабочие пришли «в всеконечное разорение и в великую скудость», а жены и дети их просят милостыню.

Владелец стремился установить на мануфактуре крепостные порядки и превратить рабочих в свою собственность. Они быстро уловили эту тенденцию, считая ее нарушением своих прав: «И стали мы быть им, компанейщикам, вместо подданных работников невольных, а не учеников тому суконному мастерству». «Он, Щеголин, з двора нас никогда не спускал, — читаем в донесении рабочих,— и на дворе был колокол поставлен для уреченных часов; и как в колокол ударят, и в то время пойдем в харчевню того ради, чтоб другим з двора дале уреченных часов прогулять невозможно,— и то стало быть неволя». Рабочие протестовали против злоупотребления предпринимателями своей властью, и особенно, когда они «самовольно» наказывали рабочих, — побои были постоянным явлением на этой мануфактуре. В заключение рабочие заявляли, что «ежели впредь будут на нас они, компанейщики, находить и обижать занапрасно, и впредь будем ему императорскому величеству бити челом, где будет пристойно».

Движение рабочих на Суконном дворе носило массовый и довольно организованный характер: прошение в Берг-коллегию подписали 365 человек. Они не ограничились подачей заявления, намечался тот метод борьбы, который в дальнейшем превратился в массовые организованные стачки.

Борьба рабочих Суконного двора имела некоторые результаты: указ от 4 февраля 1723 г., последовавший за разбором дела, предлагал компанейщикам содержать работных людей «порядочно без всяких напрасных нападков и показано б было во всем справедливо...» Кроме этой общей благожелательной, но весьма мало действенной формулы, в указе содер-

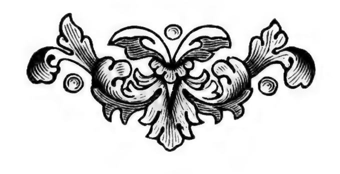
жались некоторые конкретные пункты, показывающие, что правительство должно было учесть жалобы рабочих[1].

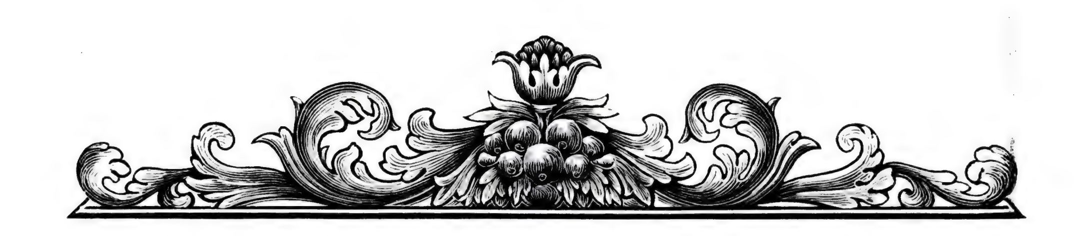
Недовольство рабочих проявилось в разных формах и на других мануфактурах. Работники каламенковой фабрики Волкова жаловались, что он содержит их «не против контракта». Но движение на Хамовном и Суконном дворах, в силу сосредоточения здесь большого количества работников, развернулось с наибольшей силой.

Так, новое явление в экономике страны в виде крупного промышленного предприятия повлекло за собой новые формы классовой борьбы.

Казна и частный предприниматель использовали труд приписных и купленных крестьян на праве феодальной собственности, поэтому борьба заводских крестьян близка к крестьянскому движению и носит антифеодальный характер. Крестьяне борются против приписки их к заводам и покупки их заводчиками, то есть против закрепощения и новой формы феодальной эксплуатации. Так же как крестьяне вообще, заводские крестьяне стремятся избавиться от нее путем бегства и в редких случаях оказывая открытое сопротивление. В борьбе работных людей московских мануфактур звучит тот же протест против надвигающейся на них «неволи», но они не признают себя «невольниками», а поэтому борются за сохранение договорного начала, заключения с ними «согласия». Но выступления мануфактурных рабочих связаны также с требованиями профессионального характера, направлены против увеличения норм выработки и снижения заработной платы, вычетов и штрафов; они противятся самовольному распоряжению ими вне производства и др. Наконец, движение рабочих отличается известной организованностью. Хотя они, как и крестьяне, прибегают прежде всего к челобитьям и жалобам, рассчитывая встретить наверху сочувствие и справедливость, наряду с этим они используют другой, более самостоятельный и действенный прием — прекращение работы.

[1] «Московский Суконный двор», стр. 121—123. Указ устанавливал новые нормы оплаты труда, запрещал использовать рабочих не на производстве, подтверждал необходимость разделения труда — «работать всякому свою настоящую работу».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ДВОРЯНСКО-ЧИНОВНИЧЬЕЙ ИМПЕРИИ. УТВЕРЖДЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В РОССИИ

ВВЕДЕНИЕ

В первой четверти XVIII в. в России завершился процесс создания новой политической формы господства класса феодалов — абсолютной монархии. «...*Абсолютная монархия* возникает в переходные эпохи,— писал К. Маркс,— когда старые феодальные сословия разлагаются, а средневековое сословие горожан складывается в современный класс буржуазии, и ни одна из спорящих сторон не взяла еще перевеса над другой»[1]. Ф. Энгельс, определяя классовую природу абсолютизма, писал: «В виде исключения встречаются однако периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков, которая уравновешивает друг против друга дворянство и буржуазию; таков бонапартизм первой и особенно второй французской империи, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата»[2].

Таким образом, первым условием возникновения абсолютной монархии является такая ступень исторического развития, когда в обществе начинает складываться современный класс буржуазии. Вторым условием возникновения абсолютизма являются происходившие внутри господствующего класса феодалов разложение, упадок, однако не настолько еще сильный, чтобы феодалы потеряли свое господство и уступили власть нарождающейся буржуазии. В другом месте Энгельс говорит, что основным условием абсолютной монархии является равновесие между земельным дворянством и буржуазией[3]. Вместе с тем абсолюти-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. V, стр. 212.

[2] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 178—179.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XV, стр. 52.

стское государство, как и предшествующая ему сословно-представительная монархия, появляется в результате развития противоречий между основными классами феодального общества — помещиками и крепостными крестьянами. Новое здесь состоит в том, что на этом последнем этапе своего господства класс феодалов не может не считаться с интересами подымающейся буржуазии. Более того, дворянство для сохранения своего господства поощряет развитие буржуазии, чем в конечном итоге, помимо своей воли, создает предпосылки собственной гибели. Именно эта особенность абсолютистского государства придает ему черты кажущейся посредницы между двумя эксплуататорскими классами, один из которых постепенно теряет свои командные позиции, а другой — их приобретает. В отношении же эксплуатируемых классов абсолютистское государство осуществляет свою главную функцию насилия над ними и подавления их сопротивления. Таковы в общих чертах условия зарождения и утверждения абсолютизма.

Еще в XVII в. русское купечество выступало в роли руководителя и хозяина складывавшегося всероссийского рынка. В первой четверти XVIII в. в стране возникла крупная промышленность, часть торгового капитала переместилась из сферы обращения в сферу производства. Верхушка посада и отдельные богатеи из среды крестьян владели значительными промыслами и вели крупные торговые операции. Скупщики и подрядчики выполняли многочисленные заказы правительственных учреждений на строительные работы, по снабжению армии продовольствием, снаряжением и обмундированием.

В то же время нарождавшаяся русская буржуазия вследствие своей слабости еще не покушалась на основы феодально-крепостнических отношений.

Феодальная собственность на землю и наличие крепостного права в России определили прочность позиций дворянства и острые формы проявления классовой борьбы со стороны закрепощенного крестьянства. Вместе с тем господство феодально-крепостнических отношений накладывало особый отпечаток на формирование зарождавшейся буржуазии. Одним из противоречий между дворянством и купечеством являлась борьба за рабочую силу. Но в условиях феодально-крепостнического строя в той сфере производства, которая находилась в руках буржуазии, производственные отношения не приобретали чисто капиталистического характера, рабочая сила на мануфактурах закрепощалась, а верхушка буржуазии постепенно одворянивалась. Наряду с зарождением буржуазии одной из предпосылок утверждения абсолютизма в России было обострение борьбы между основными классами — дворянством и крестьянством. Дворянство было заинтересовано в установлении мощной централизованной власти, способной держать в повиновении крестьянство.

В установлении абсолютизма было заинтересовано и купечество, так как сильная центральная власть могла способствовать развитию торговли

и промышленности и создать условия для жестокой эксплуатации рабочей силы в крупном производстве.

«Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия), — писал В. И. Ленин,— есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь издает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги *без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением.* Самодержавие есть поэтому самовластие чиновников и полиции и бесправие народа»[1]. Русский абсолютизм переживал различные этапы своего развития. В. И. Ленин отмечал, что монархия — очень гибкое учреждение, способное приспособляться к различным классовым отношениям господства[2].

В России абсолютизм начал складываться во второй половине XVII в. Уже в это время прекратили свою работу Земские соборы; к концу века отчетливо проявилась тенденция к сокращению числа приказов, что отражало процесс централизации государственного аппарата. Отменой местничества в 1682 г. выдвигался на первый план принцип выслуги, служебной годности вместо принципа породы. Однако самодержавие и на этом этапе своего развития еще не было полностью освобождено от влияния такого аристократического по своему составу учреждения, каким являлась Боярская дума.

Среди ее членов были еще сильны сепаратистские стремления, сказавшиеся в попытке в 1681 г. разделить государство на постоянные наместничества, возглавляемые боярами. Боярская дума являлась соучастницей монарха в его законодательной, судебной и административной деятельности.

Иной стала самодержавная власть в XVIII в. Сущность проведенных в первой четверти XVIII в. административных реформ состояла в создании нового чиновничье-дворянского аппарата, во главе которого стоял неограниченный монарх.

Положение и роль духовной власти в абсолютистском государстве также менялись: церковь из учреждения, претендовавшего на обособленное от государства существование и пытавшегося противопоставить себя светской власти, в первой четверти XVIII в. превратилась в послушное орудие абсолютного монарха. Российская империя первой четверти XVIII в.— светское государство, начавшее развиваться в направлении к буржуазной монархии.

Вместе с бюрократизацией аппарата проводилась его централизация — создавалась система иерархически подчиненных учреждений, ведавших точно определенной отраслью управления. Все управление было регламентировано, каждый шаг учреждений был обусловлен законодательством,

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, стр. 242—243.
[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 248.

зависимость местных учреждений от центральных была усилена. Гражданская администрация в своей деятельности опиралась на созданную абсолютизмом регулярную армию, полицию и карательные учреждения, как Преображенский приказ и Тайная канцелярия.

Возникшие при Петре I Сенат, коллегии и другие бюрократические учреждения вместе с армией, судом и полицией были призваны осуществлять две основные функции государства — «...держать эксплуатируемое большинство в узде...» и «расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств...» [1]. Для успешного выполнения этих основных функций государства было недостаточно усилий одного дворянства. Абсолютная монархия содействовала развитию промышленности, торговли и укреплению буржуазии, так как в них она видела необходимые предпосылки национального могущества и своего собственного блеска. Поощрение развивавшейся торговли и промышленности в первой четверти XVIII в. состояло в установлении покровительственного таможенного тарифа, в предоставлении заводчикам ссуд и монопольных прав, в приписке государственных крестьян к заводам, в разрешении промышленникам покупать крепостных крестьян, в организации специальных учреждений, ведавших промышленностью и торговлей и охранявших интересы нарождавшегося класса торговцев. Отдельным представителям этого класса присваивалось дворянское звание. Такими мероприятиями абсолютизм ставил верхи купечества в привилегированное положение. Эта политика нашла свое выражение в городской реформе и в делении городского населения на регулярных и нерегулярных граждан.

Начало XVIII в. характеризуется упрочением бюрократии, «...как особого слоя лиц, специализировавшегося на управлении и поставленного в привилегированное положение перед народом» [2].

Состав бюрократии в условиях первой четверти XVIII в. пополнялся преимущественно за счет дворянства, однако это не исключало притока в ее ряды выходцев из других слоев. В. И. Ленин неоднократно указывал на буржуазный характер бюрократии в XIX в., отмечал, что «всякая бюрократия и по своему историческому происхождению, и по своему современному источнику, и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение...» [3]

Представители эксплуататорских классов изображали государственную власть как защитницу общенациональных интересов, стоящую вне классов и над классами, пекущуюся «о добре общем народа», как формулировал эту идею в «Правде воли монаршей» Феофан Прокопович. В раз-

---

[1] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1952, стр. 644.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 312.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 400.

Большая государственная печать 90-х годов XVII в.
(3/4 натуральной величины).
Государственный Исторический музей.

личных вариантах эта же мысль настойчиво развивалась в манифестах и указах. В действительности абсолютизм под «всенародной пользой» понимал интересы и пользу прежде всего дворянства, а также нарождавшегося купечества.

Жестокие меры правительства против классовых выступлений народных масс переплетались с демагогической фразеологией об «общем благе» Частичная секуляризация монастырских вотчин, подчинение церкви государству, известная веротерпимость, организация школ и Академии наук, осуждение продажи крестьян, «яко скотов»,—все это свидетельствует, что государственная власть в России этого времени отчасти была проникнута элементами «просвещенного абсолютизма».

В. И. Ленин отметил, что переход от одной формы государственного устройства к другой «...нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке»[1]. Это относится

[1] *В. И. Ленин* Соч., т. 15, стр. 308.

также к России начала XVIII в. Чиновничье-дворянская империя продолжала оставаться формой господства дворянства, являясь вместе с тем начальным этапом на пути к буржуазной монархии.

Самодержавие являлось организованной политической силой, обладавшей в известной степени самостоятельностью, которая позволяла ему в интересах господствующих классов в целом применять насилие и террор к их отдельным представителям. Таковы казни руководителей мятежных стрельцов, участников дела царевича Алексея, князя Гагарина и других. К таким же мероприятиям относятся льготы промышленникам в ущерб некоторым преходящим интересам дворянства.

1

РЕФОРМА ВЫСШИХ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Административные преобразования первой четверти XVIII в. завершили изменения в центральном и местном государственном аппарате России, которые частично проводились еще в предшествующие годы. Сущность наметившихся ранее изменений состояла в упрочении самодержавной власти, в освобождении ее от влияния сословно-представительного учреждения, каким являлись Земские соборы, и боярской аристократии, группировавшейся в Боярской думе. В итоге преобразований Россия превратилась в чиновничье-дворянскую империю с неограниченным монархом во главе.

Мероприятия, вызывавшие изменения в структуре центральной и местной администрации, находятся в тесной взаимосвязи: реформа областных учреждений вызывала соответствующие изменения в устройстве центральных органов, и, наоборот, изменения в центральном аппарате сопровождались соответствующими переменами в устройстве местной администрации. Однако для удобства изложения весь комплекс преобразований центральной и местной администрации рассматривается в двух смежных параграфах настоящей главы.

Эволюция приказной системы в предшествующем XVII в. выражалась, во-первых, в бюрократизации центральных учреждений и, во-вторых, в централизации аппарата. Число приказов колебалось, в 1699 г. их было 44. Централизация проявлялась в передаче управления несколькими разнородными приказами одному лицу или в более тесном объединении нескольких, близких по своему характеру приказов. Административная практика второй половины XVII в. была хорошо знакома с усилением централизации аппарата. Так, тесть царя Алексея И. Д. Милославский в течение 17 лет (1651—1667 гг.) управлял пятью приказами: Иноземским, Рейтарским, Стрелецким, Аптекарским и Приказом

большой казны[1]. В самом конце XVII в. и в первых годах XVIII в. боярин Ф. А. Головин управлял Посольским приказом и вместе с ним группой палат (Оружейной, Золотых и Серебряных дел) и Ямским и Военным морским приказами. В это же время боярин Т. Н. Стрешнев ведал Разрядом и Приказом большого дворца и несколькими другими приказами.

Процесс централизации еще отчетливее выражался в объединении близких по своей компетенции приказов под одним руководством. В этом случае объединение было более постоянным и органическим. Так, с Посольским приказом объединились семь других приказов (Великороссийский, Малороссийский, княжества Смоленского, Новгородский, Галицкий, Владимирский и Устюжский), тесно связанных с ним по роду выполняемых обязанностей. Приказ большого дворца объединял еще три дворцовых приказа: Дворцовый судный, Приказ каменных дел и Конюшенный. Имеются и другие примеры соединения нескольких центральных учреждений[2].

Одновременно с объединением нескольких приказов в первые годы XVIII в. появлялись совершенно новые приказы.

Первым новым центральным учреждением был Преображенский приказ[3]. Он был создан в 1689 г. как орган управления бывшими «потешными»— Преображенским и Семеновским полками и первоначально являлся обычным судебно-административным учреждением, как и другие приказы. С течением времени круг его обязанностей значительно расширился. В середине 90-х годов ему было поручено, кроме управления Преображенским и Семеновским полками, проводить рекрутские наборы, руководить организацией полицейской службы в Москве, заниматься сбором табачных пошлин, управлять некоторыми дворцовыми волостями. В 1697 г., по окончании второго Азовского похода, Преображенскому приказу были переданы все дела по политическим преступлениям. В начале XVIII в. от него отпала часть старых функций, как проведение рекрутских наборов и руководство полицейской службой в Москве.

Преображенский приказ отличался от старых приказов тем, что в области политического сыска ему были даны такие полномочия, которые не ограничивались рамками какой-либо одной области, а простирались на все государство. Это ставило в подчиненное положение по отношению к Преображенскому приказу остальные центральные и местные учреждения, таких полномочий еще не имел ни один приказ.

Сосредоточение ранее распыленных по всем приказам политических дел в одном ведомстве было шагом к созданию системы отраслевых центральных учреждений, впоследствии совершенно заменивших громоздкие приказы XVII в.

---

[1] *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. П., 1919, стр. 397—398.
[2] *М. М. Богословский.* Петр I, т. IV. М., 1948, стр. 259—262.
[3] Текст до второго абзаца стр. 294 написан Н. Б. Голиковой.

Господствующий класс нуждался, в первую очередь, в создании и укреплении тех органов государственной власти, при помощи которых он мог бы держать в повиновении угнетенные народные массы. Преображенский приказ занимался главным образом преследованием лиц, относившихся к эксплуатируемым классам общества. Процессы крестьян, холопов, солдат и посадских людей, выражавших недовольство порядком управления и усилением крепостнического гнета, занимали в его судебной практике центральное место и составляли 70% всех судебных дел.

Судебно-следственная процедура строилась в Преображенском приказе на сугубо классовой, крепостнической основе. Принадлежность обвиняемого к низшим социальным группам рассматривалась как фактор, усиливающий степень его виновности, и случаи оправданий были редкими. Из 223 крестьян, привлекавшихся к суду за политические преступления в 1697—1709 гг., было оправдано всего 16, то есть 8%; из 105 посадских людей, привлекавшихся к суду в те же годы, было оправдано 9 чел., а из 44 солдат — один. Совершенно иную картину представляли собой процессы лиц, относившихся к господствующим классам: из 106 дворян, привлекавшихся к суду в 1697—1709 гг. за политические преступления, было оправдано 57, или более половины, а из 16 офицеров —13 чел.

В то время как обвиняемые крестьяне, холопы, солдаты или посадские люди приговаривались к жестоким телесным наказаниям, членовредительству и каторге или ссылке, большая часть дворян, состав преступлений которых часто бывал сложнее, присуждалась лишь к легким телесным наказаниям.

Особенно разительно проявлялся классовый характер деятельности Преображенского приказа при решении дел, в ходе которых крестьяне или холопы выступали против помещиков как доносители или свидетели. Подобные дела чаще всего кончались оправданием помещиков и суровым обвинительным приговором крестьянам.

Еще ярче сказывался классовый характер деятельности Преображенского приказа, когда к суду привлекались участники народных восстаний. Карательные меры Преображенского приказа принимали в таких случаях массовый характер и преследовали цель не только покарать виновных, но и устрашить широкие слои угнетенного народа. В качестве примера можно привести массовую расправу с участниками Астраханского восстания 1705—1706 гг., когда по приговору Преображенского приказа 375 чел. было предано жестоким публичным казням.

Преображенский приказ с первых лет своего существования являлся надежным орудием угнетения народных масс в руках господствующего класса феодалов и немало содействовал укреплению его власти.

Свое значение Преображенский приказ сохранял долго. Впоследствии он был подчинен Сенату и продолжал функционировать наравне с создан-

ными значительно позже отраслевыми центральными учреждениями — коллегиями.

Развитие промышленности и торговли, рост нарождавшейся буржуазии, обострение классовой борьбы, а также рост вооруженных сил и появление новых родов войск приводили к организации новых учреждений. В течение 1698—1701 гг. в центральном государственном аппарате возникли новые приказы, функции старых приказов расширились, иногда они сливались в один. Первым новым приказом, как отмечено выше, явился Преображенский приказ. Иноземный и Рейтарский приказы были объединены в 1701 г. в один, получивший новое название Приказа военных дел. Появление этого приказа повлекло упразднение потерявшего свое прежнее значение после подавления стрелецкого бунта Стрелецкого приказа, переименованного в Приказ земских дел. Обеспечение армии хлебными запасами и другими продуктами в это время было поручено окольничему С. И. Языкову, который получил звание генерал-провианта. При нем был образован Провиантский приказ. Вместо Пушкарского приказа был учрежден в 1700 г. Приказ артиллерии. В связи со строительством флота возникло два новых учреждения: Военный морской приказ (1698 г.), ведавший личным составом флота, и Адмиралтейский приказ (1700 г.), руководивший строительством флота. Был создан Приказ рудокопных дел (1700 г.), которому было поручено ведать поисками и добычей полезных ископаемых[1].

Возникновение перечисленных восьми приказов еще не вызывало серьезных изменений в системе приказов в целом.

Значительные перемены государственного аппарата вызвал приказ, получивший иностранное название, — Бурмистерская палата или Ратуша. Организация этого учреждения свидетельствует о возросшем значении купечества в жизни страны.

В учредительных указах 30 января 1699 г. об образовании Бурмистерской палаты выдвигались две цели организации нового учреждения. Посредством Бурмистерской палаты правительство пыталось, во-первых, улучшить общие условия торговли и промышленности и объединить управление городами с тем, чтобы торгово-промышленное население посада изымалось из-под власти воевод, во-вторых, имелось в виду обеспечить исправное поступление прямых податей и сбор косвенных налогов, а также создать центральную государственную кассу.

Одновременно с учреждением Бурмистерской палаты в Москве другим указом 30 января 1699 г. были организованы в местных посадах земские избы. Посадским людям предоставлялось право освободиться от воеводского управления, избрав для судебных дел и сбора налогов

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 1812, стр. 75; № 1815, стр. 79—80.

представителей из своей среды. За это они должны были платить окладные сборы в двойном размере. Городская реформа на местах, таким образом, была на первых порах объявлена не обязательной, а лишь факультативной, и при том обусловлена внесением двойного оклада. Но большинство городов отказалось от самоуправления на этих условиях. В результате 20 октября 1699 г. последовал указ, отменивший двойной оклад, но выборы бурмистров в земские избы стали обязательными для всех городов. Бурмистерской палате передавались сборы прежних 13 приказов. При этом выборные купеческие люди должны были заменить при казенных сборах воевод и других служилых людей. В отличие от остальных приказов Бурмистерская палата в Москве и подчиненные ей земские избы в городах являлись, таким образом, выборными учреждениями.

Бурмистерская палата приступила к своей деятельности с 1 сентября 1699 г., вскоре было приказано именовать ее Ратушей[1]. В ближайшие же годы Ратуша превратилась в финансовый орган — в центральное казначейство государства. К 1708 г. ее поступления составляли около половины всей доходной части бюджета. Помимо обязанностей по финансовому управлению, бурмистры должны были осуществлять суд над посадскими людьми.

Образование Ратуши и земских изб привело к изменениям в центральной администрации. Совершенно прекратили свое существование четыре областных финансовых учреждения: Костромская, Устюжская, Галицкая и Владимирская чети. Ряд других приказов — Новгородский, Малороссийский, Смоленский и Посольский, являвшиеся учреждениями со смешанным кругом вопросов, передали новым учреждениям всю финансовую администрацию. Частично финансовые вопросы были изъяты также из компетенции Разрядного приказа, а также приказов Казанского дворца и Большого дворца.

Доходы Ратуши стали основным источником, из которого покрывались все военные расходы. Однако реформа не закончилась полной централизацией финансовой администрации; наряду с Ратушей продолжали функционировать старые финансовые приказы, как Приказ большой казны, Приказ большого дворца и некоторые другие.

Губернская реформа 1708—1710 гг. с передачей финансового управления губернаторам превратила Ратушу в московское учреждение. Она была ликвидирована в 1720 г. в связи с организацией магистратов.

С 1704 г. начинается широкий пересмотр казенных статей, и отдельные виды оброка передаются в ведение особых учреждений: Мельничной, Банной, Рыбной, Медовой, Конской, Ясачной и других канцелярий. Все они были подчинены Семеновской приказной палате или

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1718, стр. 670.

Ижорской канцелярии, которую возглавлял Меншиков. Новое учреждение, формально не упразднив и не заменив ни одного из приказов, фактически нанесло системе приказов дополнительный удар, так как оно поглотило остатки их финансовой деятельности. Кроме оброчных сборов, оно ведало еще Ингерманландской губернией (поэтому называлось также Ингерманландской канцелярией), все сборы с которой поступали в непосредственное распоряжение ее губернатора Меншикова.

В результате учреждения Ратуши и проведения первой губернской реформы 1708—1710 гг. в системе приказов произошли серьезные изменения. Была ликвидирована значительная часть финансовых приказов, место которых заняла Ратуша, а с губернской реформой изменения коснулись и территориальных приказов, передавших свои финансовые функции губерниям, причем сама Ратуша потеряла значение центрального финансового учреждения.

Незавершенность перестройки аппарата привела к тому, что среди сохранившихся старых приказов и вновь созданных канцелярий не было учреждений, которые бы непосредственно руководили работой только что созданной губернской администрации. В дальнейшем вместо восстановления старых приказов или организации новых была начата подготовка к замене устаревшей приказной системы управления новой системой — коллегиальной. Преимущество последней состояло в том, что коллегии вводили единый строго ведомственный принцип разделения сфер управления и по сравнению с приказами обеспечивали более полную централизацию государственного аппарата.

Проекты об учреждении коллегий разрабатывались вскоре после образования Сената. В 1711 г. было подано предложение «рудокопного офицера» Иоганна Блиера об организации в России особой коллегии для управления горной промышленностью. В начале 1712 г. неизвестный автор подал предложение об организации Коммерц-коллегии и Ревизион-комиссии. Петр издал 12 февраля 1712 г. указ «Об учинении Коллегиума для торгового дела исправления». Обер-комиссару Д. Соловьеву в марте 1713 г. было приказано выбрать из московских знатных купцов несколько человек в эту коллегию. В 1715 г. Коммерц-коллегия уже действовала в Петербурге под управлением П. М. Апраксина.

Окончательное решение ввести коллегии повидимому созрело в 1715 г.[1] Русским резидентам при иностранных дворах было поручено составить подробные описания государственных учреждений тех стран, где они были аккредитованы. Так, В. Л. Долгорукову, послу в Копенгагене, было предписано прислать «весь аншталт экономии государства Датского, а именно... сколко колегиум, что каждай должность, сколко каких персон в коллегии каждой, како жаловане кому, какие ранги

[1] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого. М., 1902, стр. 29.

междо себя...» Такое же поручение получил А. П. Веселовский в Вене. В указе последнему Петр особое внимание обратил на необходимость приглашения на русскую службу в коллегии, в первую очередь, людей из славянских народов «из бемчан, из шленцов или из маравцов, которые знают по-словенски...» [1]

К концу 1717 г. были уже осуществлены некоторые практические меры: установлены штаты, подобраны и назначены президенты и вице-президенты коллегии [2], а также определено время вступления их в действие (1719 г.).

В 1718 г. был дан именной указ о составлении регламентов коллегий. Новые министры были предупреждены о недопустимости механического, рабского заимствования и копирования иностранных образцов. В июне того же года Сенату было указано: «надлежит шведской регламент во всех коллегиях с русскими сводить..., а что переменить и каким образом оному быть, оное поставя, приносить в Сенат, одну коллегию по другой» [3].

Несмотря на ряд принятых мер и повторные требования о более энергичных действиях по завершению всех подготовительных работ к открытию коллегий, желаемых результатов достигнуто не было. В декабре 1718 г. было предписано отложить открытие коллегий еще на один год: «в коллегиях дела управлять в будущем 1719 году старым, а с 1720 новым манером, понеже новым манером еще не управились» [4]. Этим же указом было установлено общее число коллегий и «должность» каждой, «что в которой управлять надлежит».

Генеральный регламент коллегий, обнародованный в 1720 г., устанавливал общие положения коллежского управления, штатные нормы и порядок делопроизводства в новых учреждениях.

Присутствие коллегии составляли президент, вице-президент, четыре-пять советников и четыре асессора. В штат коллегий входили секретари, нотариус, переводчик, актуариус, копиисты, регистраторы и канцеляристы [5]. При коллегиях состоял фискал, а позднее прокурор, осу-

---

[1] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I. М.— Л., 1945, № 25, стр. 44—45; № 32, стр. 47.

[2] ПСЗ, т. V, № 3133, стр. 527—528. В коллегии иностранных дел были назначены президентом канцлер граф Г. И. Головкин и вице-президентом подканцлер барон П. П. Шафиров, в Камер-коллегию — князь Д. М. Голицын, в Юстиц-коллегию — тайный советник граф А. А. Матвеев, в Ревизион-коллегию — кригс-комиссар князь Я. Ф. Долгоруков, в Военную коллегию — фельдмаршал А. Д. Меншиков и генерал А. Вейде, в Адмиралтейскую — граф Ф. М. Апраксин и вице-адмирал Крейс, в Коммерц-коллегию — П. А. Толстой, в Штатс-контору — граф И. А. Мусин Пушкин и в Берг-Мануфактур-коллегию — генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс.

[3] ПСЗ, т. V, № 3207, стр. 572—573.

[4] Там же, № 3255, стр. 601.

[5] Там же, т. VI, № 3534, стр. 151.

ществляющий надзор и контроль за деятельностью коллегии и подчинявшийся генерал-прокурору. Присутствия коллегий для рассмотрения и решения дел обязаны были заседать ежедневно [1].

Коллегии обязаны были выполнять сенатские указы, присылать в Сенат в копиях свои решения, представлять сведения и доклады о своей деятельности. Местные органы государственной власти, в том числе и губернаторы, подчинялись решениям коллегий и исполняли их предписания.

Между вновь созданными центральными учреждениями — коллегиями были распределены все основные отрасли государственного управления. Всего было учреждено 11 коллегий: Военная, Адмиралтейская, Иностранная, Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия, Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия, Ревизион-коллегия, Вотчинная, Юстиц-коллегия.

Три «первейшие государственные коллегии», Военная, Адмиралтейская и Иностранная, вступили в строй действующих центральных учреждений в 1718 г. примерно в одно время.

Иностранная коллегия заменила собою Посольский приказ или, точнее, Посольскую канцелярию, осуществлявшую почти с начала века функции внешних сношений и в 1716 г. переименованную в Посольскую коллегию. Во главе коллегии стоял канцлер, а в качестве его заместителя вице-канцлер. В управлении Военной коллегии находились армия, гарнизоны и «все воинские дела, которые... прилучаются во всем государстве». Адмиралтейская коллегия ведала «флот со всеми морскими воинскими служители, к тому принадлежащими морскими делами и управлениями». В апреле 1722 г. Адмиралтейская коллегия получила свой первый регламент —«Регламент о управлении адмиралтейства и верфи» и «Регламент морской», которыми на протяжении длительного времени она и руководствовалась в вопросах строительства военно-морского флота в России и в управлении вооруженными военно-морскими силами государства [2].

Кроме собственно военно-морских дел, Адмиралтейская коллегия занималась вопросами, имевшими к ней косвенное отношение. Одно время в ее подчинении состояли крупные полотняные мануфактуры, продукция которых шла на изготовление парусов для флота, она управляла военно-морскими артиллерийскими заводами и предприятиями, готовившими вооружение для флота, как, например, липецкими и олонецкими заводами. Ей была поручена общая забота о лесах. В этих целях в

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3887, стр. 485. В 1722 г. в Москве были учреждены конторы коллегий, одновременно в Москве была образована Сенатская контора, которая в отношении московских контор осуществляла ту же роль, что и Сенат в отношении коллегий.

[2] Там же, т. V, № 3255, стр. 601; т. VI, № 3937, стр. 525—637. См. ниже в настоящей главе § 4.

1722 г. под «ведением» Адмиралтейской коллегии была учреждена должность обер-вальдмейстера, а в Петербурге, Москве, Казани и в некоторых других городах — должности вальдмейстеров. Вальдмейстерам подчинялись на местах унтер-вальдмейстеры, последние в помощь себе выбирали надсмотрщиков из приказчиков вотчин или местных крестьян.

Следующую группу центральных учреждений составляли финансовые коллегии: Камер-, Штатс-контор- и Ревизион-коллегии.

Камер-коллегия, согласно ее регламенту, должна была осуществлять «вышнее надзирание и правление над окладными и неокладными приходы... всего... государства, которые ныне обретаются или впредь учреждены и назначены будут, какого б звания ни были б». Кроме того, она обязана была осуществлять «наблюдение за хлебопашеством» и для «продовольствования народа хлебом во время неурожая», ей должны были присылать рапорты со сведениями об урожае, она же собирала данные о рынке и ценах. В круг ее обязанностей входили заботы о содержании общегосударственных дорог, подряды вина и съестных припасов для военного ведомства, контроль за соляными промыслами, а также все монетное дело [1].

Для выполнения своих многочисленных обязанностей Камер-коллегия имела на местах разветвленную сеть своих органов: в провинциях конторы камерирских дел, а в дистриктах земских комиссаров.

Вторая финансовая коллегия — Штатс-контора — по регламенту 1719 г. обязана была осуществлять надзор за всеми государственными расходами, она составляла роспись расходов на содержание государственных учреждений, армии и флота, на дипломатию, церковь, просвещение, губернскую администрацию и т. п.[2] В подчинении у Штатс-контор-коллегии на местах находились казначеи-рентмейстеры, возглавлявшие провинциальное казначейство — рентерею.

Третье центральное финансовое учреждение — Ревизион-коллегия — должно было осуществлять финансовый контроль за использованием государственных средств центральными и местными органами. Деятельность коллегии из-за неналаженности финансовой отчетности ограничивалась проверкой отдельных счетов. Поэтому в 1722 г. Ревизион-коллегия как особое учреждение была упразднена, а ее аппарат и функции были переданы Сенату.

Большой интерес представляют новые центральные учреждения, вызванные к жизни развитием крупной промышленности и торговли и усилением купечества. Для руководства промышленностью и торговлей были созданы три учреждения: Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия и Коммерц-коллегия[3].

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3466, стр. 762—770; т. V, № 3407, стр. 725—726; т. VII, № 4175, стр. 27; № 4272, стр. 94; т. VII, № 5219, стр. 921—922.

[2] Там же, т. V, № 3303, стр. 651—660.

[3] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 10/914, л. 451. Берг- и Мануфактур-коллегии вначале проектировались как два совершенно самостоятельных учреждения. Однако вскоре

Мануфактур-коллегия осуществляла промышленную политику и управление крупной промышленностью страны (кроме горной и металлургической). Эта коллегия должна была давать разрешение на открытие мануфактур, обеспечивать выполнение правительственных заказов, следить за качеством продукции, а также оказывать содействие предпринимателям путем предоставления им ряда привилегий в виде освобождения от несения многочисленных государственных «служб», права на беспошлинную торговлю внутри страны, а иногда и на внешнем рынке продукцией данных мануфактур, предоставления займов и денежных пособий от государства и т. д.

Мануфактур-коллегия находилась в Москве — экономическом центре страны. Ей было отведено пустовавшее помещение Оружейной палаты. В Петербурге находилась подчиненная ей Мануфактур-контора. Мануфактур-коллегия состояла в постоянных сношениях с Коммерц-коллегией и Главным магистратом. Характерно, что Мануфактур-коллегия была тесно связана с полицейскими учреждениями — Главной полицмейстерской канцелярией и ее конторами. Отсюда присылали по требованию Мануфактур-коллегии для работы на мануфактурах беглых крестьян, «жонок», схваченных на улицах, и т. п. Через Мануфактур-коллегию ссылались на работу в промышленные предприятия осужденные по уголовным делам, мануфактуры заменяли каторгу, и владельцы несли ответственность за побеги осужденных.

В отличие от других коллегий Мануфактур-коллегия не имела своего аппарата на местах. Губернские власти должны были непосредственно обращаться к ней по вопросам промышленности. Так, в декабре 1720 г. казанский губернатор Кудрявцев обратился в столицу с просьбой прислать в Казань красильного мастера для крашения сукон[1].

В круг обязанностей Берг-коллегии входили вопросы металлургической промышленности; контроль над строительством казенных и частных заводов, геологическая разведка полезных ископаемых, обеспечение горных заводов рабочей силой и т. п. Берг-коллегия ведала также монетными и денежными дворами, которые были переданы из Камер-коллегии и полностью подчинены ей в 1720 г. Особенности горнорудного дела привели к необходимости создать разветвленную сеть местных органов Берг-коллегии, которые при том были изъяты из ведения местных властей. Это были Московский обер-берг-амт, Казанский берг-амт, Нерчинский берг-амт. Для управления уральской промышленностью были созданы Сибирский обер-берг-амт и Пермский берг-амт[2].

Берг-коллегия была объединена с другой промышленной коллегией — Мануфактур-коллегией по «сходству их дел и обязанностей». Берг-мануфактур-коллегия, как одно объединенное учреждение, существовала до 1722 г., а с этого времени Мануфактур-коллегия начала свою самостоятельную деятельность.

[1] *Д. С. Бабурин.* Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, стр. 175.

[2] *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 133—158.

Здание коллегий (слева) и часть здания Гостиного двора в Петербурге.
Гравюра М. Махаева 1743 г.

Коммерц-коллегия должна была осуществлять руководство торговлей, главным образом внешней.

К Юстиц-коллегии перешли дела семи старых приказов: Поместного, Сыскного, Земского и всех Судных приказов. Положение и значение Юстиц-коллегии в общей системе центральных учреждений было менее определенным, чем у других коллегий. Это зависело от того, что не удалось осуществить на практике принципа полного отделения административной власти от судебной. Наряду с Юстиц-коллегией, являвшейся центральным органом юстиции, судебные функции в отношении определенных сословий должны были осуществлять и другие коллегии, например, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия, Главный магистрат, Синод.

Юстиц-коллегия должна была руководить организацией и деятельностью губернских надворных судов, по отношению к которым она являлась высшим административным органом и судебно-апелляционной инстанцией. Решения Юстиц-коллегии могли быть обжалованы в Сенате.

Охрана правовых и экономических интересов дворянства привела к возникновению в 1721 г. Вотчинной коллегии, заменившей собой старый Поместный приказ [1]. Вотчинная коллегия имела уже несколько иной круг обязанностей, чем Поместный приказ. Она была центральным органом по всем юридическим вопросам в области землевладения, оберегая интересы помещиков, оформляла новые пожалования и разрешала земельные споры и тяжбы, возникавшие между помещиками.

Некоторые отрасли управления были поручены дополнительно организованным новым центральным учреждениям (Тайная канцелярия, Медицинская канцелярия) или старым сохранившимся приказным учреждениям.

Тайная канцелярия, или Канцелярия тайных розыскных дел, была образована в 1718 г. Это учреждение ведало при Петре сыском и преследованием по крупным политическим преступлениям. В год своего образования она занималась расследованием дела царевича Алексея и его сообщников. Тайная канцелярия действовала параллельно с Преображенским приказом, находившимся в Москве и возглавлявшимся Ф. Ю. Ромодановским. Под разными названиями этот орган политического сыска и борьбы с государственными преступлениями занимал в течение XVIII в. прочное положение в системе абсолютистского государства.

Почти одновременно с введением коллегий была проведена вторая губернская реформа, а также реформа городского управления. Ратуши были преобразованы в городовые магистраты, и для общего руководства деятельностью всех магистратов в 1720 г. в Петербурге был образован Главный магистрат [2]. В создании городских учреждений и Главного магист-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3881, стр. 481.

[2] См. главу I, § 4 «Торговля» и § 7 «Купечество. Города».

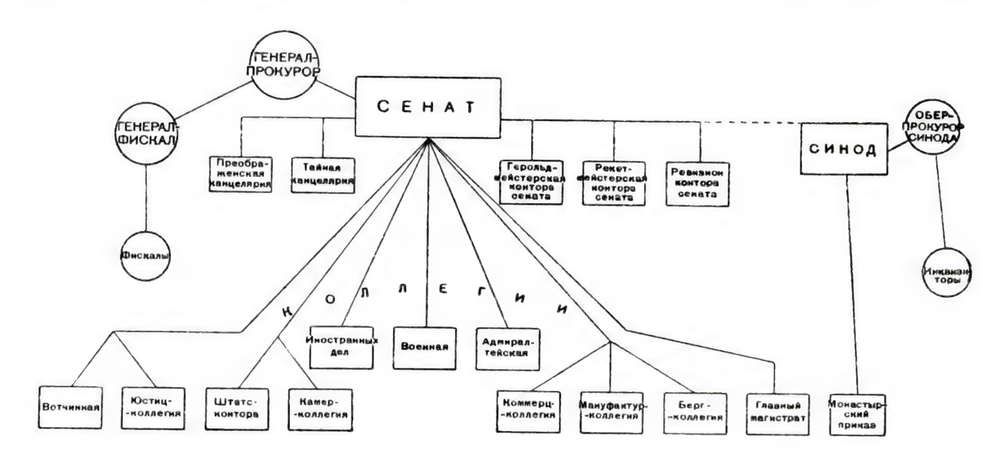

Схема центральных учреждений (1724 г.)

рата проявилась политика содействия нарождавшемуся классу купечества, руководства и надзора за его деятельностью.

В результате замены приказов немногочисленными коллегиями был создан ведомственный аппарат абсолютной монархии, более четко и правильно организованный. Коллегии отличались от приказов точным определением своих функций, каждая из них руководила определенным кругом дел и притом на всей территории страны; так, Камер-коллегия ведала сбором налогов по всей территории, Коммерц-коллегия — внешней торговлей и т. п. Впервые юстиция и финансы были сосредоточены в особых учреждениях. Приказы не имели строго ведомственного характера; часть их ведала отдельными округами по всем делам, то есть имела областной характер. Напротив, коллегии, четко отграниченные друг от друга точно определенной компетенцией, получили значение для всей территории страны, то есть приобрели всероссийский характер. Вместо около полусотни исторически возникших приказов с их разнообразной компетенцией были созданы 11 бюрократических коллегий, централизовавших и разделивших между собой основные функции государственного управления[1].

Новые центральные учреждения были коллегиальными органами. Решения принимались большинством голосов. Все члены коллегии, начиная с асессоров, должны были «мнение свое свободно и явственно объявлять, не взирая на персону».

Всю систему центральных учреждений возглавлял Сенат, заменивший Боярскую думу. К концу XVII в. состав и значение Боярской думы уже значительно изменились. Родовитые фамилии, издавна заседавшие в Боярской думе, частью уступили место дельцам, выходившим не из боярской среды. Думные чины получали неродовитые чиновники, выдвинувшиеся благодаря своим деловым качествам. Таковы А. И. Иванов,

[1] После ликвидации в 1722 г. Ревизион-коллегии осталось 10 коллегий.

Е. И. Украинцев, П. Б. Возницын и другие представители бюрократии, чья карьера начиналась со службы мелкими чиновниками в приказах. В думу, являвшуюся консервативным аристократическим учреждением, проникали представители бюрократии. Изменился также количественный состав думы. Старые ее члены вымирали, а новых пожалований в думные чины не производилось. Состав Боярской думы только за три года (1699—1701) уменьшился по списку с 112 до 86 чел., а участвовали в заседаниях 30—40 чел.; особенно поредел в составе думы старший чин бояр и чин окольничих[1]. Постепенное отмирание думы проявилось также в значительном сокращении числа вопросов, которыми она занималась. Все сколько-нибудь важные дела, в особенности связанные с реформами, например образование Ратуши, строительство регулярной армии, решались помимо думы новыми сановниками, большинство которых никогда не заседало в думе. Во время отсутствия Петра I совещаниями этих сановников руководили доверенные лица, подчас не имеющие думного чина.

В 1699 г. была учреждена Ближняя канцелярия как орган административно-финансового контроля над деятельностью государственных учреждений; она являлась канцелярией Боярской думы под начальством близкого царю Никиты Зотова. Заседания Боярской думы, все сокращавшейся в своем составе, стали происходить в Ближней канцелярии. В сентябре 1708 г. Боярская дума заседала в Ближней канцелярии в составе 14 чел. под председательством царевича Алексея. В большинстве это были начальники приказов, и четверо из них не имели думных чинов. В ноябре того же 1708 г. на заседании думы было 8 чел., все они управляли различными приказами, они получили название Консилии или Конзилии министров[2]. Этот совет, или Конзилия министров, превратился в верховный орган, который в отсутствие царя управлял не только Москвой, но и всем государством. Бояре и судьи оставшихся приказов должны были съезжаться в Ближнюю канцелярию непременно «по три дни в неделю» для решения дел[3].

Таким образом, эволюция Боярской думы в Конзилию министров протекала в двух направлениях: необычным становился ее состав, пополнявшийся за счет привлечения к участию в заседаниях в Ближней канцелярии недумных чинов, кроме того, необычными стали ее права и обязанности. В ее состав входили недумные люди, как С. П. Нелединский-Мелецкий, М. А. Головин, А. А. Курбатов, Ф. Ю. Ромодановский. Последний, будучи только стольником, являлся фактическим руководителем совета министров, а Курбатов, бывший дворовый человек Шереметева, состоял дьяком Оружейной палаты и инспектором Ратуши,

---

[1] *М. М. Богословский.* Петр I, т. IV, стр. 249, 256.

[2] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 440—442.

[3] ПСЗ, т. IV, № 2184, стр. 401; «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции», т. V, отд. II. М., 1888, стр. 44.

ведавшей финансами. Конзилия министров заседала, в отличие от Боярской думы, без царя и главным образом была занята выполнением его предписаний. Это был распорядительный совет, отвечавший перед царем. Созданием Конзилии министров был сделан шаг по пути бюрократизации высшего учреждения России.

По указу 25 января 1705 г. в Ближней канцелярии должна была находиться книга, куда записывались царские указы не только канцелярии, но и всем вообще учреждениям [1]. Ближняя канцелярия являлась не только хранительницей законов, она должна была и контролировать их исполнение. С 1707 г. в ней обязательно должны были вестись протоколы Конзилии, причем решения должны были подписывать все министры, «ибо сим всякого дурость явлена будет»[2].

Конзилия министров в Ближней канцелярии явилась переходной формой от Боярской думы к Сенату. С образованием Сената за Ближней канцелярией сохранилось право контроля за финансовыми операциями учреждений. В 1714 г. Ближняя канцелярия переехала в Петербург, а в 1719 г. прекратила свое существование.

Отправляясь в Прутский поход, Петр в день объявления манифеста о войне с Турцией 22 февраля 1711 г. подписал указ об организации нового высшего государственного учреждения — Сената: «Определили быть для отлучек наших правительствующий Сенат, для управления...»[3] В составе нового учреждения были назначены девять сенаторов: граф И. А. Мусин-Пушкин, Т. Н. Стрешнев, князь П. А. Голицын, князь М. В. Долгорукий, Г. А. Племянников, М. М. Самарин, В. Апухтин, князь Г. И. Волконский и Н. П. Мельницкий.

Сенат учреждался, таким образом, в качестве коллегиального правительствующего учреждения на все время отсутствия царя вместо его «собственной персоны».

Власть и компетенция Сената не были достаточно четко определены этим первым указом. Они были уточнены двумя другими указами, изданными 2 марта 1711 г.: правительствующему Сенату поручалось попечение о правосудии в государстве, устройстве государственных доходов, общем управлении, торговле и различных отраслях государственного хозяйства[4].

Учредительные указы свидетельствуют, что первое время Сенат являлся чрезвычайным и временным органом государственной власти, но очень скоро Сенат приобретает характер постоянного высшего учреждения.

Разнообразие вопросов, порученных Сенату, повело к тому, что на его рассмотрение стали поступать все даже второстепенные дела административно-судебного и финансового характера, которые должны были рассматриваться в соответствующих приказах. Сенат очень скоро стал высшим

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2022, стр. 285.

[2] ПиБ, т. VI. СПб., 1912, № 2027, стр. 129.

[3] ПСЗ, т. IV, № 2321, стр. 627.

[4] Там же, № 2328, стр. 642—643; № 2330, стр. 643.

судебным и административно-управленческим учреждением, а иногда его власть из пределов административной переходила в законодательную.

В первые годы деятельности Сената организационная структура его была очень простой. Присутствие Сената состояло из девяти сенаторов, которые рассматривали и решали дела на общем собрании, все члены которого имели «равные» голоса и обязаны были коллективно скреплять своими подписями все решения Сената[1]. Почти с первых дней деятельности Сената была образована Сенатская канцелярия во главе с обер-секретарем. Однако по мере развития вновь созданного учреждения и осуществления других административных преобразований структура его усложнялась, в его составе появлялись новые должностные лица. Абсолютизм приводил к сложной бюрократической системе, в которой управление осуществлялось через оторванных от масс, стоящих над ними привилегированных лиц.

Бюрократизация Сената выразилась также в создании института фискалов во главе с обер-фискалом Сената, руководившим целой иерархией фискалов в губерниях, городах и центральных учреждениях. Должность фискалов была учреждена указом 2 марта 1711 г. В задачу фискалов входило тайно проведывать, доносить и обличать все преступления, наносившие ущерб государству: нарушение законов, казнокрадство, взяточничество и т. п.[2]

В 1712 г. была восстановлена в видоизмененной форме Расправная палата, некогда состоявшая при Боярской думе. Расправная палата должна была рассматривать все доношения фискалов, ежемесячно отчитываясь перед Сенатом в разборе этих дел. Сенатским указом 4 сентября 1713 г. предписывалось все челобитные на неправильные решения губернаторов и судей первых инстанций рассматривать в Расправной палате[3].

Связь Сената с губерниями осуществлялась губернскими комиссарами. «Со всех губерний,— гласил указ,— в вышеписанном суду (то есть в Сенате.— *Ред.*) для спроса и принимания указов быть по два комиссара с губернии». В дальнейшем указами, изданными в том же 1711 г., в обязанность комиссаров было включено наблюдать и отвечать за исполнение губернскими властями правительственных распоряжений[4].

В рассмотренном выше составе Сенат просуществовал до указа об организации коллегий в 1718 г., когда в его состав были введены их президенты. Однако уже в 1722 г. Петр I признавал, что «сие сначала неосмотря учинено было», и вывел президентов из состава Сената, за исключением президентов трех главных коллегий: Военной, Адмиралтейской и Иностранной. Вхождение в состав Сената президентов коллегий, подчинявшихся Сенату, лишало последний возможности контролировать работу

[1] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., т. I, № 250, стр. 208—209.
[2] ПСЗ, т. IV, № 2330, стр. 643; № 2331, стр. 643—644; т. V, № 2786, стр. 89—90.
[3] Там же, т. V, № 2710, стр. 53—54.
[4] Там же, т. IV, № 2321, стр. 627; № 2339, стр. 649.

коллегий и противоречило принципу бюрократической подчиненности низших учреждений высшему. Это положение с 1722 г. было отменено, сенаторы должны были осуществлять надзор за работой коллегий «яко свободные от них»[1]. Таким образом, Сенат по мере вступления в строй центральных органов управления — коллегий все больше терял функции непосредственного управления, но сохранял и усиливал функцию высшего руководящего государственного органа, осуществлявшего руководство и контроль за деятельностью всех государственных учреждений. Этой же идеей установления всестороннего контроля за работой самого Сената и подчиненных ему учреждений были проникнуты и другие новшества, введенные в том же 1722 г. Они завершили оформление высшего правительственного органа как вполне законченного бюрократического учреждения.

При Сенате была установлена должность генерал-рекетмейстера, круг обязанностей которого был точно определен особым «Наказом рекетмейстеру» (1722 г.). Рекетмейстер обязан был принимать жалобы на неправильные решения коллегий и канцелярий и после личного расследования докладывать о своих решениях Сенату. За ложные челобитные он привлекал виновных к ответу.

Деятельность самого Сената также должна была подвергнуться строгому контролю и надзору. В этих целях еще в 1715 г. была установлена должность сенатского генерал-ревизора или надзирателя указов[2]. Эта должность скоро была упразднена, а обязанности надзора перешли к сенатскому обер-секретарю[3], что ослабляло контроль, поскольку обер-секретарь полностью зависел от Сената. С начала 1721 г. обязанности контроля над деятельностью сената были поручены штаб-офицерам гвардии, а указом Петра 12 января 1722 г. в Сенате были введены должности генерал-прокурора и его помощника обер-прокурора. Этим было положено начало образования в России прокуратуры.

В распоряжении и подчинении генерал-прокурора находились прокуроры при коллегиях и надворных судах, которые назначались генерал-прокурором и утверждались в должности Сенатом. Генерал-прокурор и его помощник обер-прокурор по указу 12 января должны были избираться Сенатом, но в действительности назначались царскими указами. 27 апреля 1722 г. был издан указ о должности генерал-прокурора, излагавший его права и обязанности. Отныне все дела, поступившие на рассмотрение Сената, проходили через руки генерал-прокурора. Он возглавлял Сенатскую канцелярию, контролировал правильность и оперативность работы как присутствия Сената, так и его аппарата. Генерал-прокурор обязан был «накрепко смотреть, дабы Сенат в своем

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3377, стр. 479.
[2] Там же, т. V, № 2957, стр. 183—184.
[3] Там же, т. VI, № 3519, стр. 131.

звании праведно и нелицемерно поступал», чтобы дела в Сенате вершились «не на столе», а «самым действом». Проверка исполнения решений Сената была одной из существенных функций генерал-прокурора. Ему было дано право опротестования и приостановления незаконных решений и действий Сената. Генерал-прокурор был совершенно независим от Сената, он и его помощник обер-прокурор не подлежали «ни чьему суду», кроме суда самого царя. Важнейшее значение этой высшей бюрократической должности видно из указания самого Петра, что «сей чин, яко око наше и стряпчей о делах государственных...» Генерал-прокурору были подчинены все прокуроры и фискалы империи [1]. Учреждение прокуратуры не предполагало упразднения фискалов, наоборот, значение фискалов юридически было усилено. Таким образом, генерал-прокурор являлся высшим должностным лицом в бюрократическом мире. Самостоятельно и посредством своих агентов он осуществлял всеобъемлющий контроль за деятельностью всех государственных учреждений. Гласный контроль прокуратуры сочетался с тайным надзором института фискалов. Этим способом абсолютизм стремился обеспечить четкую работу всего аппарата управления.

В том же 1722 г. при Сенате была введена должность герольдмейстера. Реорганизация Петром всей системы военного управления привела еще при самом основании Сената к упразднению Разрядного приказа, ведавшего ранее всеми служилыми людьми разных чинов. Его функции перешли с 1711 г. к разрядному столу Сената, который вел списки всех служилых людей, списки назначениям по армии, устанавливал смотры дворян, наблюдал за тем, чтобы никто из них не уклонялся от службы. Это был круг военно-административных вопросов, касавшихся только дворянства. Вопросами специально военными ведали особые учреждения. С. А. Колычеву, первому лицу со званием герольдмейстера, было поручено «ведать всего государства дворянство». На него возлагалось осуществление контроля за прохождением дворянами военной службы; представление свободных от службы дворян на гражданские должности; обеспечение молодым дворянам образования, необходимого для военной службы. Всех не дворян, дослужившихся на военной службе до обер-офицерского звания, и их детей («которые родятся в обер-офицерстве») он должен был вносить в списки дворян, а также вести списки дворян всего государства [2]. Позднее на герольдмейстера была возложена обязанность составления дворянских гербов.

Нетрудно установить тесную связь должности герольдмейстера с важнейшими законодательными актами первой четверти XVIII в., определявшими права и обязанности дворянства — указом о единонаследии 1714 г. и «табелью о рангах» 1722 г. Обязанности герольдмейстера сводились

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3877, стр. 479—480; № 3979, стр. 662—664.

[2] Там же, № 3896, стр. 497—499; № 3890, стр. 492—493.

к наблюдению за исполнением этих указов. Он должен был следить за продвижением дворянина по службе и одновременно принуждать его к ней.

Установление прокуратуры и других сенатских должностей совпадало во времени с введением в действие нового положения о Сенате (1722 г.), которым определялись компетенция Сената, сущность его основных функций и организационные условия его деятельности.

За Сенатом были твердо закреплены права высшего государственного учреждения, поставленного над всем центральным аппаратом управления и администрации, ему были подчинены все коллегии и канцелярии. Определен был круг обязанностей в области управления, установлен порядок назначения Сенатом высшей центральной и местной администрации. Особо подчеркивались роль и значение должности генерал-прокурора, который постепенно превращался в основное лицо сенатской деятельности[1]. Указ «О должности Сената» как бы подводил некоторый итог и закреплял положительный опыт деятельности за 11 лет этого важнейшего из всех новых учреждений.

В разрешении важнейших вопросов текущей внутренней политики Сенату были подчинены не только коллегии, но и вся губернская администрация. Таким образом, Сенат объединял, направлял и контролировал деятельность всего механизма государственного управления.

О том, как протекала деятельность Сената, можно судить по характеру рассмотренных на его заседаниях дел. Первоначально обсуждались самые разнообразные крупные и мелкие вопросы; например, на заседании Сената 10 ноября 1721 г. Петр объявил указ об устройстве школ для приказных людей, распорядился о вызове в Москву казанского губернатора, кроме того, обсуждалась «табель о рангах», а также вопросы о строительстве каналов, «доделании прешпективной дороги до Москвы», смотре воевод и дворян, заготовлении провианта и материалов в Адмиралтействе, клеймении лесов и т. д.; последними рассматривались вопросы о разделе имения после смерти генерала Вейде и Стрешнева[2].

Другим примером может служить заседание Сената 12 августа 1724 г., происходившее также с участием Петра I. Это заседание началось с рассмотрения хода работ по сооружению Ладожского канала. Петр распорядился выделить для работ на канале армейские полки и рассматривал чертежи канала. Вслед за тем подробно обсуждалась смета доходов и расходов государства, представленная президентом Камер-коллегии. В связи с этим Петр подтвердил указ о сборе «привальных и отвальных денег» с торговых морских судов и приказал представить ведомость о числе раскольников, обязанных нести подати в двойном размере. Наконец, обсуждался вопрос о назначении доходов с монастырских

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3979, стр. 662—664.

[2] «История правительствующего Сената за двести лет 1711—1911 гг.», т. I. СПб., 1911, стр. 98—99.

вотчин. Протокол этого заседания подписан четырьмя сенаторами (Г. Головкиным, П. Толстым, Д. Голицыным и Ф. Апраксиным). Таким образом, на этом заседании рассматривались немногие и действительно важные общегосударственные вопросы.

Сенат был учреждением, установленным законом, исходившим от верховного носителя государственной власти; в силу этого закона Петр не делился с Сенатом самодержавной властью и рассматривал его как свое послушное орудие. В отличие от Боярской думы Сенат был полностью подконтрольным учреждением. По организации, составу и существу деятельности Сенат являлся сугубо бюрократическим учреждением, как и вся система государственного аппарата, созданного в начале XVIII в.

Неограниченный характер царской власти неоднократно подчеркивался законодательством. Воинский устав 1716 г. под самодержавной властью разумеет следующее: «его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воли и благомнению управлять»[1]. Эта идея о неограниченной самодержавной царской власти, не подлежащей никакому контролю и суду человеческому, с наибольшей полнотой развернута в сочинении Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей». В нем Ф. Прокопович обосновывает произведенное Петром изменение в порядке престолонаследия, именно установление права монарха назначать себе преемника. В «Уставе о наследии престола» (5 февраля 1722 г.), появление которого было связано с делом царевича Алексея, указывалось, что неприязненное отношение царевича к делам отца «взросло, токмо от обычая старого, что большому сыну наследство давали...» Поэтому Петр объявил о праве монарха «кому оной хочет, тому и определит наследство...»[2] Этим актом, устанавливавшим принцип наследственности царской власти, завершилось оформление всеобъемлющих прав монарха. Мотивировка этого права была развернута в трактате «Правда воли монаршей». Наследником престола должен быть не старший, а лучший сын. Подобно тому как дворянин может отрешать сына от наследования имуществом за «злонравие» и «безчестие», так монарх может лишать наследия престола скудоумных, немощных и неспособных к правлению детей[3].

Хотя ни Петру, ни его ближайшим преемникам не удалось воспользоваться Уставом о наследии, значение этого документа, как и «Правды воли монаршей», в процессе образования абсолютистской монархии в Рос-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 325.
[2] Там же, т. VI, № 3893, стр. 496.
[3] Там же, т. VII, № 4870, стр. 602—643.

сии велико — он распространил власть монарха на последнюю, остававшуюся ранее вне его прав область — определение себе преемника.

Рост международного значения России и усиление власти монарха нашли выражение в принятии Петром I титула императора. 22 октября 1721 г. после заключения Ништадтского мира, закреплявшего успехи русского оружия, Сенат и Синод просили его принять титул императора.

Отметим основные этапы в реформах центральных административных учреждений России в первой четверти XVIII в.

Первый период (1699—1710 гг.) характеризуется частными изменениями в центральном аппарате, появлением новых учреждений и слиянием ранее существовавших приказов. Эти изменения не затрагивали существа приказной системы и проводились в ее границах. Большинство центральных учреждений возникло в это время на таких же основаниях, на каких в XVII в. учреждались многочисленные приказы: потребность в исполнении какого-либо поручения или в решении более сложных задач, требовавших продолжительного времени, вызывала появление нового учреждения, иногда именуемого по-старому приказом, иногда получавшего новое наименование — канцелярии. Таковы Ближняя канцелярия, Ингерманландская канцелярия, Рудный приказ.

Несмотря на ограниченный характер проводившихся в это время реформ центрального аппарата, приказная система была подвергнута серьезной реорганизации. Образование органов городского самоуправления и новой областной администрации привело к тому, что они, вклиниваясь в права центральных органов управления, иногда полностью поглощали их, иногда суживали их компетенцию или ограничивали ее определенной территорией. При всей сложности и пестроте административно-управленческого аппарата следует учитывать основную линию его развития, направленную на поиски путей к его усилению и централизации. Острые проявления классовой борьбы в этот период и напряженное внешнеполитическое положение России вынуждали самодержавие принимать срочные меры по усилению отдельных звеньев государственного аппарата.

Во второй период (1711—1717 гг.) был организован Сенат, а также осуществлялась подготовка к реформам центрального аппарата и местного управления, проводилось изучение и обобщение опыта своего и иностранного государственного строительства, определялась структура новых центральных учреждений. Хотя возникший в это время Сенат был связан со своими предшественниками — Боярской думой и Конзилией министров—он все же отражал новый этап в развитии русской государственности.

Третий период (1718—1725 гг.) начался со времени фактического вступления в строй коллегий. Начало работы центральных учреждений по «новому манеру» относится к 1718—1721 гг. Коллегии, являвшиеся преемниками соответствующих приказов, начали функционировать с 1718 г.

(Иностранная, Военная, Адмиралтейская), но большинство их переживало длительный организационный период, связанный с укомплектованием штатов, уточнением прав и обязанностей и т. д. Реформа связана была с предварительным собиранием материала, изучением вопроса; в этот период были разработаны регламенты большинства коллегий и реорганизован Сенат.

В результате преобразований центральных учреждений самодержавная власть усилилась. Вся полнота законодательной и высшей административной власти сосредоточивалась в руках царя. Сенат, занявший место Боярской думы, полностью зависел от самодержавной власти. Коллегии отличались от приказов строго ведомственным характером и четкой систематизацией вопросов, которыми каждая из них занималась, а также распространением своей компетенции на всю территорию страны.

Преобразованный государственный аппарат был призван укрепить господство дворянства. Вместе с тем абсолютизм способствовал развитию новых производственных отношений, росту промышленности, торговли и нарождавшейся буржуазии, оставляя, однако, ее на втором плане по сравнению с дворянством.

* * *

Своеобразная личность Петра I резко отличалась от царей XVII в., от его отца и деда[1]. Те следовали заведенному исстари обычаю, делили свое время между семьей, заседаниями Боярской думы, торжественными приемами и пирами, поездками на богомолье и соколиной охотой. В изменившихся условиях конца XVII и начала XVIII в., когда оформлялось абсолютистское государство, велись длительные войны, осуществлялись реформы армии, строительство флота, создание мануфактур,— Петр I при своих исключительных дарованиях стал выдающимся полководцем и государственным деятелем.

Петр I родился в ночь на 30 мая 1672 г. в Москве в Кремлевском дворце. Он был младшим сыном царя Алексея от его второго брака с Н. К. Нарышкиной. От первого брака у царя Алексея было двое сыновей Федор и Иван, оба болезненные, и шесть дочерей. Петр был рослым, здоровым ребенком. Смерть отца в 1676 г. и воцарение Федора Алексеевича не отразились на ходе его воспитания. В возрасте семи-восьми лет руководство воспитанием Петра перешло в мужские руки, к назначенным к нему боярину Р. М. Стрешневу, думному дворянину Т. Н. Стрешневу и другим[2]. Стрелецкое восстание 1682 г. (после смерти царя Федора) привело к объявлению царями обоих братьев, Петра I и болезненного Ивана Алексеевича; за них должна была править старшая сестра, царевна Софья.

---

[1] Стр. 312—317 написаны Б. Б. Кафенгаузом.

[2] *М. М. Богословский*. Петр I, т. I. М.— Л., 1940, стр. 33 и сл.

Петр I.
Портрет маслом работы И. М. Никитина. 1721 г.
Государственный Русский музей.

В первые годы правления царевны Софьи жизнь Петра не выходила из рамок прежнего придворного порядка. Он появлялся на торжествах, приемах послов и церковных церемониях, продолжалось его обучение грамоте, счету, начаткам истории и географии. Однако рано проявился интерес Петра к военному делу и ремеслам. При его дворе в селе Преображенском начали складываться «потешные», будущие гвардейские Преображенский и Семеновский полки, в которых проходил военное обучение и юный Петр. Впоследствии в предисловии к Морскому уставу (1720 г.) Петр рассказал о двух событиях своей юности, которым он придавал большое значение. Подаренная ему астролябия настолько привлекла внимание 16-летнего царя, что побудила его систематически заняться с помощью учителей математикой и фортификацией. Находка среди заброшенных дедовских вещей знаменитого в будущем ботика дала толчок к увлечению флотом. Он начал с плавания на ботике по реке Яузе, затем перебрался на Переяславское (Плещеево) озеро.

Петру и его сторонникам пришлось вести борьбу за власть. Стремясь закрепить за собой власть, Софья попыталась вновь поднять стрелецкое войско. В ночь с 7 на 8 августа 1689 г. в Преображенское прискакали два стрельца, принадлежавшие к сторонникам Петра, и предупредили его о готовящемся нападении. Той же ночью Петр помчался в Троице-Сергиев монастырь, куда стали стягиваться преданные ему войска. Противная группа не решилась выступить, сила оказалась на стороне Петра и его сторонников. Софья была заключена в монастырь, ее приближенные сосланы или казнены. Позднее, после стрелецкого мятежа 1698 г., он настоял на массовых казнях и сам отрубил головы пятерым стрельцам.

К 1689—1690 годам относится сближение Петра с иноземцами в подмосковной Немецкой слободе, особенно с женевцем Францем Лефортом и шотландцем генералом Патриком Гордоном. Для дружеских пиров затем создается «всешутейший и всепьянейший собор» во главе с шуточным «патриархом», бывшим учителем царя Никитой Зотовым.

Большие государственные задачи стали перед Петром уже во время двух его путешествий в Архангельск в 1693 и 1694 гг. Его сопровождали в этих поездках на север Б. А. Голицын, Ф. Ю. Ромодановский, И. И. Бутурлин, А. М. Головин, А. Д. Меншиков, П. Гордон; в Архангельске воеводой был Ф. М. Апраксин, в Устюге царя встречал воевода П. А. Толстой — все будущие ближайшие сотрудники Петра. В этой «компании» Петра, повидимому, подвергались обсуждению проблемы, связанные с созданием флота и с внешней политикой.

Первым самостоятельным шагом Петра были Азовские походы. Он выступил в поход в 1695 г. вместе с отрядом, отправлявшимся на судах по Москве-реке, далее по Оке и Волге до Царицына и затем на Дон к Азову. Здесь впервые проявились основные черты его характера — уменье смотреть вперед, настойчивость и твердость в выполнении намеченных планов. Неудачи не приводили его в уныние, а заставляли искать новые

средства для достижения поставленной цели. Первый Азовский поход показал, что взять Азов без флота нельзя. Петр решил немедленно строить флот, чтобы возобновить военные действия в следующем году, и сам руководил постройкой кораблей на верфях в Воронеже. Во втором походе 1696 г. главнокомандующим был боярин А. С. Шеин, фактически же командовал Петр. После взятия Азова войска торжественно входили в Москву через сооруженные триумфальные ворота, и царь, к большому удивлению народа, следовал с войсками пешком, через весь город в Преображенское. Вслед за тем по докладу Петра Боярская дума приняла решение строить большой морской флот. В 1697 г. царь отправился за границу в составе «великого посольства», изучал кораблестроение на верфях Голландии и Англии и руководил всеми дипломатическими переговорами. На обратном пути в глубокой тайне он вел переговоры с польским королем Августом II о совместной борьбе против шведов. В Москве, не посвящая на первых порах в дела даже начальника Посольского приказа, Петр ведет секретные переговоры с саксонским и датским посланниками о союзе против Швеции. Таким образом, вместо борьбы против Турции за берега Черного моря было решено начать борьбу со Швецией за возвращение берегов Балтийского моря.

В Северной войне, начавшейся в 1700 г., первая неудача под Нарвой привела к новому проявлению бурной энергии Петра. Были спешно набраны новые полки. Царь выехал в Курляндию, где в местечке Биржи в феврале 1701 г. был подписан новый союзный договор с польским королем Августом II. Петр участвовал в крупнейших сражениях Северной войны (осада Нотебурга-Орешка, осада Ниеншанца, битва под Лесной, Полтавская битва и др.). На следующий день после бомбардировки Ниеншанца, 1 мая 1703 г., Петр вместе с Меншиковым, посадив на лодки солдат, атаковал в устье Невы два шведских военных судна и овладел ими.

Петербург был первым и важнейшим русским портом на Балтике, колыбелью флота, и ничто не могло поколебать привязанности Петра к новой столице. Сообщая друзьям о наводнении, во время которого город и вместе с ним дворец были затоплены, Петр, тем не менее, пометил на письме: «из парадиза», то есть из рая.

В руководстве военными действиями Петр показал умение трезво учитывать особенности обстановки, сообразовать с ними действия войск. При отсутствии у русской армии в первые годы Северной войны боевого опыта и достаточной подготовки, он признавал необходимым избегать генерального сражения, чтобы измотать врага и накопить силы для нанесения решающего удара. Он умел находить новые формы ведения войны. В противовес кордонной стратегии, согласно которой войска равномерно располагались вдоль границ, Петр применял сосредоточение войск в направлении главного удара. Основным средством решения военных задач он считал бой с целью уничтожения армии противника, а не овладение его территорией, как это предусматривалось кордонной стра-

тегией. Как тактик, он также отказался от шаблонов, добивался от войск быстроты действий, выделял и использовал в бою резерв. Петр придавал большое значение моральному фактору и требовал от офицеров заботы о здоровье и материальных нуждах солдат, воспитания их в духе преданности Родине.

Под Гродно в 1706 г. русская армия была выведена из опасности окружения в результате действий, проводившихся по плану, разработанному царем. В сражении под Лесной в сентябре 1708 г. он непосредственно командовал «корволантом» (летучим отрядом), разбившим шведский корпус под начальством Левенгаупта. При подготовке Полтавской битвы по распоряжению Петра были построены не применявшиеся до того в военной практике полевые редуты. В наиболее опасный момент Полтавского сражения, когда шведы угрожали прорвать центр русских войск, Петр возглавил контратаку Новгородского полка.

Он проявил дарования флотоводца, руководил знаменитым морским сражением у мыса Гангут 27 июля 1714 г., закончившимся разгромом шведской эскадры адмирала Ватранга.

Значительна также роль Петра в дипломатии. Начиная с «великого посольства» в 1697—1698 гг., он непосредственно участвовал в важнейших переговорах или руководил ими. При его участии были заключены договоры в Преображенском в 1699 г. о создании Северного союза, соглашение в Биржах с польским королем, позднее Петербургский договор 1723 г. с Персией. В 1716 г. он выехал в Германию, Голландию, а затем во Францию вместе с виднейшими русскими дипломатами Б. И. Куракиным, П. П. Шафировым и другими. В результате этих переговоров был заключен Амстердамский договор 1717 г. с Францией о дружбе и посредничестве, а также была подготовлена почва для Аландского конгресса. В переговорах с французским послом в Швеции Кампредоном, приехавшим с целью посредничества в Петербург в феврале 1721 г., Петр проявил большое дипломатическое искусство. Он трижды беседовал с Кампредоном, убедив его, что Швеция должна торопиться заключить мир на предложенных русскими условиях. Переговоры на Ништадтском конгрессе протекали также под его наблюдением.

В беспощадных подавлениях крестьянских восстаний отчетливо проявилась роль Петра как представителя господствующего класса, призванного охранять классовые интересы дворянства. Когда разразилось восстание Булавина, царь намеревался во главе Преображенского полка отправиться на Дон, чтобы возглавить военные действия против повстанцев. Получив известие об убийстве Булавина в Черкасске, он послал благодарственное письмо начальнику карательного отряда В. В. Долгорукову [1]. В царской ставке это событие было торжественно отпраздновано

---

[1] ПиБ, т. VII, вып. 2, к № 2403, стр. 817; т. VIII, вып. 1, № 2493, стр. 36—37; вып. 2, к № 2498, стр. 479.

в июле 1708 г. с участием войск, а также отмечено салютом из 87 пушек и молебствием. Затем последовала жестокая расправа с восставшими.

Большое внимание Петр уделял законодательной деятельности. В «Полном собрании законов Российской империи» законодательным материалам петровского царствования отведено почти пять томов (тт. III—VII), содержащих 3314 указов, регламентов и уставов. Сохранились многочисленные черновики указов, написанные им самим или имеющие его вставки и поправки. С его участием был подготовлен обширный «Генеральный регламент», предназначенный для руководства коллегиям. Регламент подготовлялся настолько тщательно, что прошел 12 последовательных редакций из которых 9 содержат резолюции и поправки Петра. Другим примером его законодательной работы является указ о должности генерал-прокурора 27 апреля 1722 г. Указ имел шесть редакций, проводившихся при участии царя. Нередко в указах давалось обоснование принятых мер, законодатель стремился убедить подданных в необходимости и полезности нововведений, поэтому указы разрастались в публицистические произведения. Петр был проникнут сознанием своей неограниченной власти и вместе с тем стремился оправдать или обосновать абсолютизм указанием на «всенародную пользу», как на задачу самодержавной власти, хотя на деле «общее благо» обращалось прежде всего на пользу помещиков и верхушки купечества. Однажды, возмущенный безобразными формами торговли крепостными крестьянами, Петр указал сенаторам в 1721 г. на необходимость прекращения продажи детей отдельно от родителей, «как скотов». Однако он не решился применить «принуждение», и указ этот остался не выполненным Сенатом. В интересах дворянства на крестьян сыпались десятки указов о возвращении беглых со все возраставшей шкалой штрафов и даже с угрозой смертной казни за побег.

В своей законодательной деятельности он оставался «самовластным помещиком», отдельные указы которого, по словам А. С. Пушкина, как будто «писаны кнутом».

Петр принимал близкое участие в преобразованиях в области культуры, просматривал подготовленные к печати книги, нередко требуя их исправления, участвовал в разработке нового гражданского шрифта вместо церковно-славянского, редактировал подготовлявшуюся историю своего царствования, сотрудничал в первой русской газете «Ведомости». Издававшаяся литература предназначалась для дворянских юношей и учащихся различных общих и профессиональных, военных и морских училищ. Царь и дворянство стали одеваться по-иноземному, ездить за границу, говорить на иностранных языках или портить русский язык множеством иностранных слов и т. п. Этими заимствованиями Петр имел в виду главным образом поставить свою страну и господствующий класс в один уровень с передовыми государствами и с западноевропейским дворянством. Однако нововведения еще сильнее отрывали русское дворянство от народа.

Мать выбрала Петру, когда ему еще не было полных 17 лет, невесту, красивую, но неумную Евдокию Лопухину. Петр увлекся красавицей из Немецкой слободы Анной Монс. Во время первого заграничного путешествия он писал в Москву дяде Л. К. Нарышкину и боярину Т. Н. Стрешневу, поручая им добиться у царицы согласия на развод. Но Евдокия «упрямилась», и по возвращении из-за границы Петр распорядился сослать ее в Суздальский монастырь. Пленная лифляндская крестьянка, получившая впоследствии имя Екатерины Алексеевны, стала женой Петра, создала ему новую семью, сопровождала его в походах.

Несмотря на свой неудачный первый брак, Петр женил сына Алексея на выбранной им из политических соображений иностранной принцессе, к которой Алексей не имел никакой склонности и называл ее «чертовкой».

Придворные пиры того времени отличались грубыми сценами, в которых участвовал и царь, но вместе с тем он умел быть искренно веселым, располагать к себе собеседника, оживлять общество. На праздновании Ништадтского мира, радуясь окончанию долгой и тяжелой войны, он, по словам современника, «был чрезвычайно весел, много пил, даже танцовал по столам и пел песни». В Москве во время этих торжеств 70 маскарадных саней двигались через весь город, царь был на большом 86-пушечном корабле, который тащили 15 лошадей, и бил зорю в костюме корабельного барабанщика.

Кипучая натура Петра заставляла его лично участвовать в каждом деле. Он был искусным моряком и артиллеристом, мастером-кораблестроителем, работал за токарным станком, даже пытался заниматься хирургией, нередко к вреду своих пациентов[1]. Петр не любил роскоши, его дворец скорее был похож на дом голландского бюргера, как это видно из сохранившегося Летнего дворца в Петербурге. Царь перестал быть живой иконой, являлся перед народом в качестве полководца, гвардейского офицера, плотника и моряка, сохраняя, однако, грубую властность натуры и всю полноту самодержавной власти.

Осенью 1724 г. Петр осматривал работы на Ладожском канале, был на олонецких железных заводах и соляных промыслах в Старой Руссе, затем отправился на оружейный завод в Сестрорецк. В пути, увидев, как бот, шедший в Кронштадт, сел на мель, Петр стал помогать спасанию судна и солдат. На следующий день он заболел и принужден был вернуться в Петербург; вскоре он поправился, но вновь заболел в январе 1725 г. Не успев назначить преемника согласно своему указу о новом порядке престолонаследия, Петр скончался в ночь на 28 января 1725 г.

Петр I являлся представителем господствовавшего класса дворянства, и вместе с тем он принадлежит к выдающимся деятелям, которые умеют понять сложные исторические условия и находят пути для их изменения.

---

[1] *Ф. В. Берхгольц*. Дневник, ч. III, М., 1903, стр. 60.

2
РЕФОРМЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Реформы местного управления этого периода проникнуты стремлением усилить и укрепить власть господствующего класса на местах путем создания системы бюрократических учреждений, облеченных широкими полномочиями и снабженных детальными инструкциями. В отличие от XVII в. с его дробным и распыленным управлением, когда уезды, отдельные города, а подчас даже слободы и волости непосредственно подчинялись центру, а по занимаемой ими территории и числу населения уезды были чрезвычайно неравномерными, реформы первой четверти XVIII в. установили более правильное и четкое административно-территориальное деление. Вначале это были губернии и провинции (1709—1715 гг.), затем губернии и доли (1715—1719 гг.) и, наконец, провинции и дистрикты (1719—1727 гг.).

Областное управление XVII в. состояло из двух ступеней: первой было воеводское управление на местах, второй — приказное в центре. Приказы являлись органами центрального управления, но многие из них на практике выполняли функции областных учреждений (Сибирский, Казанского дворца и др.). На местах взаимоотношения между воеводами главного города и воеводами приписных к его уезду городов, а также с другой местной администрацией не были определены. При назначении воевод в крупные города предпочтение отдавали родовитости, знатности, а не деловым качествам. Сложность и громоздкость местного управления XVII в., складывавшегося постепенно на протяжении веков, отражала еще недостаточно тесные экономические связи между отдельными частями страны.

Эта система непосредственного управления областью из центра через приказы к началу XVIII в. была одной из самых слабых сторон государственного управления. Война и финансовые трудности, а главное восстания крестьянства и горожан вызывали необходимость укрепить аппарат государственного управления на местах.

В результате реформы областного управления были созданы на местах губернские органы. Областные учреждения подчинялись непосредственно Сенату, а в с 1719 г.— коллегиям и через них Сенату. Все стороны деятельности местных учреждений были регламентированы законодательством. Права и обязанности каждого учреждения и правителя определялись постоянной инструкцией (губернатору, воеводе, камериру, комиссару, фискалу и др.). В этой регламентации деятельности государственных учреждений и усилении ее подчиненности центральным органам ярко сказались характерные черты абсолютизма в отличие от предыдущего периода.

Реформа установила более четкое распределение дел между местными учреждениями. Были созданы специальные административные, финансовые, военные, судебные и контрольные органы. От общей администрации были обособлены органы специальных ведомств: городского (магистраты), управления церковно-монастырскими землями, дворцового (приказчики дворцовых вотчин), лесного (вальдмейстеры). Состав большинства учреждений комплектовался назначаемыми короной чиновниками, в соответствии со штатом и «табелью о рангах».

Административно-территориальное деление и местные органы управления терпели неоднократные изменения, довольно быстро следовавшие одно за другим. Можно установить три этапа в реформе областного управления: первый — до 1708 г., когда проводились лишь отдельные эпизодические изменения, второй — с 1709 по 1718 г. (осуществление первой областной реформы) и третий — с 1719 по 1725 г., когда осуществлялась вторая областная реформа.

На первом этапе реорганизация органов местного управления не носила всеобъемлющего характера, а касалась лишь некоторых сторон управления, и в основном сохранялась та форма местного управления, которая сложилась в XVII в.

С учреждением в 1699 г. Бурмистерской палаты и земских изб с бурмистрами в городах из ведения воевод было изъято посадское население. В 1702 и 1705 г. проводится попытка привлечь местных дворян к участию в воеводском управлении. Правительство пыталось придать местным административным органам коллегиальное устройство и поставить деятельность воевод и приказных изб под контроль дворянских корпораций. Это должно было положить конец единоначалию воевод и ввести институт выборных воеводских товарищей[1]. Первый из этих указов от 10 марта 1702 г., упразднив губных старост, предписывал дворянству «уездами», то есть уездными обществами, избирать из своей среды «добрых и знатных людей» в товарищи к воеводе от двух до четырех человек в зависимости от величины города. Избранным воеводским товарищам предписывалось «ведать всякие дела... и указ по них чинить с ними воеводы тем дворянам обще...» Воеводам запрещалось принимать единоличные решения. Таким образом, в 1702 г. устанавливалась коллегиальная форма областного управления, в котором воевода должен был играть роль председателя. Вместе с тем, вводя выборных представителей дворянства, правительство создавало сословно-бюрократические уездные учреждения, в которых чиновник по правительственному назначению управлял совместно с выборными дворянами, компетенция которых распространялась на все отрасли уездного управления.

Второй указ от 19 января 1705 г. свидетельствует о том, что реформа не была полностью осуществлена: воеводские товарищи не везде были

[1] В настоящем параграфе использованы материалы Д. С. Бабурина.

выбраны, и сфера их деятельности была ограничена только «челобитчиковыми», то есть частными, не казенными делами. Указ 1705 г. предлагал повсеместно ввести институт воеводских товарищей, распространив в то же время их компетенцию и на «государевы» дела, в которых важнейшее место принадлежало денежным сборам. Но основным в этом указе является то, что воеводе предлагалось самому назначить их. Правительство стремилось, хотя бы в принудительном порядке, привлечь местное дворянство к управлению уездом. Указ, возлагая ответственность за управление на уездную коллегию, одинаково грозил всем ее членам жестоким наказанием за «неправду», «замедление и понаровку».

«Выбранные» воеводами воеводские товарищи утверждались в Разрядном приказе. Отсутствие дворян на местах приводило на практике к тому, что Разряд сам назначал их из отставных военных. Таким образом, элемент выборности отпал, а воеводские товарищи ввиду отсутствия соответствующих кадров так и не были назначены повсеместно.

Первыми реформами местного управления правительство стремилось усилить администрацию на местах, органически слив ее деятельность с нуждами и интересами господствующего класса в целом, путем привлечения местного дворянства. Правительство пыталось сплотить дворянство вокруг представителей абсолютизма на местах.

Этими мероприятиями исчерпывается первый этап реорганизации органов местного управления. Так как привлечение дворянства к участию в работе местной администрации не дало ожидаемых результатов, то правительство усилило областные учреждения чиновниками и затем приступило к осуществлению областной реформы.

Время проведения первой областной реформы и годы, непосредственно предшествовавшие ей, были самыми напряженными из всего царствования Петра. Внутри страны нарастало недовольство и возмущение крестьянства, казачества, посадского населения и угнетенных народностей в связи с тяжелыми поборами, рекрутчиной, принудительным трудом на строительных и оборонительных работах, развернувшихся с небывалым размахом.

Восстания в Астрахани, на Дону и в Башкирии показали, что местный административно-полицейский аппарат при обострении классовых противоречий не в состоянии был проводить действенную борьбу с бегством и другими формами выступлений крестьян. Восстания вскрыли недостаток на местах вооруженных сил для их подавления. В связи с этим была поставлена задача создания сильной государственной власти на местах.

Новое административно-территориальное деление с новой областной администрацией было введено на основании указа от 18 декабря 1708 г., которым предлагалось «для всенародной пользы учинить 8 губерний и к ним росписать города». Губернаторы должны были целый год знакомиться с делами и приступить к отправлению своих обязанностей

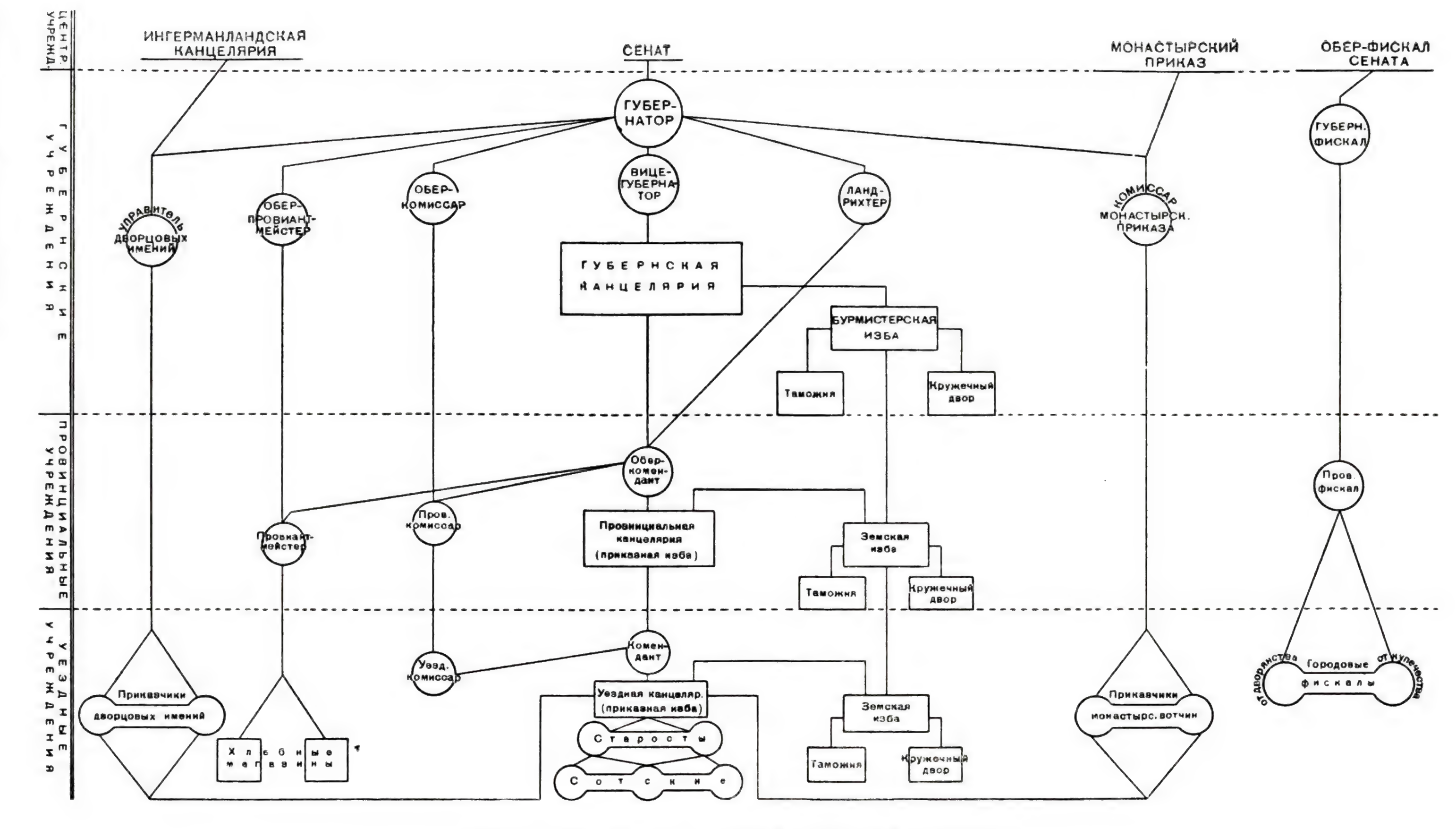

Схема учреждений по первой областной реформе

лишь в 1710 г.[1] Все города страны и уезды были расписаны по губерниям, которых вначале было образовано восемь, а затем в 1713—1714 гг. учреждено еще три[2]. По восьми губерниям было расписано 314 городов[3].

По территории и по населению губернии были не одинаковыми. Так, к Смоленской губернии было приписано 17 городов, а к Казанской—71. Территория Сибирской губернии (от Вятки, Перми и Оренбурга до Тихого океана) была в несколько десятков раз больше территории той же Смоленской губернии. В Петербургской губернии насчитывалось 179 тыс. дворов, в Сибирской — 61 тыс., в Казанской — 97 тыс. Во главе губерний были поставлены генерал-губернаторы (Петербург, Азов) и губернаторы. Они объединили в своих руках всю административную, судебную и военную власть. Помощником губернатора являлся вице-губернатор.

Губернаторами назначались доверенные и близкие к Петру I люди, облеченные большими полномочиями: в Петербургскую губернию был назначен А. Д. Меншиков, в Азовскую — адмирал Ф. М. Апраксин, в Киевскую — князь Д. М. Голицын, в Смоленскую — П. С. Салтыков, в Архангелогородскую — князь П. А. Голицын, в Казанскую — П. М. Апраксин, в Московскую — боярин Т. Н. Стрешнев и в Сибирскую — князь М. П. Гагарин. Они являлись одновременно главнокомандующими расположенных на территории губернии войск и высшими начальниками гражданского управления

Разработанная в законодательных актах система губернского устройства предполагала наличие у губернатора, стоявшего во главе огромной губернии, четырех помощников, ведавших определенными отраслями управления: обер-коменданта, возглавлявшего военное управление, обер-комиссара и обер-провиантмейстера, управлявших губернскими сборами, денежными и хлебными, а также ландрихтера, заведующего губернской юстицией. Губерния делилась на уезды. Во главе уездного управления стоял комендант, у которого сосредоточивались все отрасли управления[4]. Однако этот план полностью не был осуществлен.

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2218, стр. 436—438; № 2227, стр. 449—450; *П. Н. Мрочек-Дроздовский.* Областное управление России XVIII в. до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г., ч. I. М., 1876, стр. 27. О датировке первого указа о губернской реформе см. ПиБ, т. VIII, вып. 2. М., 1951, к № 2953, стр. 1080 и сл.

[2] Были образованы губернии: Московская, Ингерманландская (переименованная вскоре в Петербургскую), Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская и Сибирская. В 1714 г. из Казанской были выделены Нижегородская и Астраханская, и в 1713 г. учреждена Рижская, которая поглотила бо́льшую часть территории Смоленской губернии (ПСЗ, т. V, № 2703, стр. 49; № 2831, стр. 117; *П. Н. Мрочек-Дроздовский.* Указ. соч., ч. I, стр. 22).

[3] Кроме того, были приписаны к корабельным делам в Воронеже 25 городов, то есть всего было расписано 339 городов, а Копорье и Ямбург были отданы во владение А. Д. Меншикову.

[4] ПСЗ, т. IV, № 2097, стр. 343—344; № 2135, стр. 364—366.

Руководство из одного центра множеством уездов не могло быть четким, и потребовалось создание промежуточных территориальных единиц. Так появилась «провинция» во главе с обер-комендантом.

Деление губерний на провинции не было всеобщим. Однако в 1712—1715 гг. провинции являлись уже признанными административно-территориальными единицами — посредствующими инстанциями между губернией и уездом.

Обер-коменданту, возглавлявшему провинцию, подчинялись уездные власти, то есть все коменданты уездов. Кроме обер-коменданта в провинции находилось и другое должностное лицо — обер-инспектор, ведавший сборами налогов с городов и уездов и выполнявший некоторые административные функции, как «досмотр» и «сыск» пустых дворов.

Кроме указанных должностей имелась большая группа финансовых чиновников, получивших наименование комиссаров. В некоторых губерниях были обер-коммиссары и комиссары (как в Петербургской, Киевской), в других только комиссары[1].

В помощь губернатору были определены ландрихтеры, которые должны были выполнять судебные функции. Но так как административные функции не были отделены от судебных, то ландрихтеры на деле наряду с судом выполняли обязанности и по финансовому управлению, ведали также делами межевыми и розыскными. Впоследствии по второй областной реформе 1719 г. ландрихтеры ведали только судебными делами и были переданы в ведомство Юстиц-коллегии.

Таков многочисленный штат должностных лиц, созданный в губерниях по первой областной реформе. При этом была установлена строгая иерархия подчиненности: коменданты, ведавшие уездами, были полностью подчинены обер-коменданту, управлявшему провинцией, последний подчинялся губернатору. По сравнению с XVII в., помимо нового административно-территориального деления, централизации управления и более четкого распределения дел между новыми учреждениями и должностными лицами, в аппарате местного управления ярко проявилась бюрократизация. Если в XVII в. посылка на воеводство осуществлялась по челобитью, в известной мере рассматривалась как пожалование и награда и приравнивалась к пожалованию поместьем или вотчиной, то в начале XVIII в., напротив, посылка на губернаторство, комендантство, комиссарство оформлялась по назначению, независимо от желания служилого человека. Прекратилась срочность назначения областных правителей, должности комплектовались в соответствии со штатом. Служилый человек превратился в чиновника абсолютистского государства.

Деятельность губернаторов так же, как ранее воевод, правительство стремилось поставить под контроль местного дворянского общества. Ука-

---

[1] *П. Н. Мрочек-Дроздовский.* Указ. соч., стр. 99.

зом от 24 апреля 1713 г. предлагалось «учинить ландраторов», число которых в зависимости от величины губернии должно было равняться 8, 10 или 12. Сперва они должны были назначаться Сенатом из кандидатов, представленных губернатором, но в 1714 г. был издан указ, по которому предписывалось ландратов «выбирать в каждом городе или провинции всеми дворяны за их руками»[1]. Однако на практике должность ландратов никогда не была выборной.

Губернатору предписывалось все вопросы управления разрешать совместно с советниками — ландратами, членами ландратского совета. В указе подчеркивалось, что губернатор не начальник, «не яко властитель, а яко президент», то есть только председатель совета. Будучи членами губернского совета, ландраты одновременно занимали должности по административному, финансовому и судебному управлению.

Ландратские коллегии были кратковременными учреждениями и не успели развернуть свою деятельность. Уже в 1715 г.[2] был издан указ, по существу сводивший на нет ландратский совет при губернаторе и изменивший значение ландратской должности. Этот указ учреждал новую административную единицу — долю, начальником которой должен был стать ландрат. Следовательно, ландрат из члена губернского совета превращался в правителя более мелкой административной единицы. В губернской канцелярии всегда должны были находиться поочередно двое из ландратов, а в конце года все они вызывались в губернский город для отчетности и составления общегубернских ведомостей. Это изменение было связано со стремлением усилить аппарат по взысканию налогов и сбору рекрутов. Помимо этого, образование долей было связано с необходимостью проведения общей подворной переписи. Ландраты уже в 1714 — начале 1715 г. находились в уездах и занимались переписью дворов. Недостаток администраторов из среды дворянства, мобилизованных на военную службу, привел к необходимости совместить функции ландрата, как члена совета, с функциями начальника доли.

В течение всего 1715 г. проходило разделение губерний на доли; ею становился определенный территориальный округ, охватывающий собою приблизительно 5536 тяглых дворов. Он иногда имел границы старого уезда, иногда поглощал два уезда или более, а иногда и уезд делился на доли. Доля заменила собой уезд, а ландрат — коменданта. Административное деление губернии стало более единообразным. Ландрат на своей территории ведал административной, финансовой и судебной властью, а также был обязан проводить периодические переписи дворов и населения своей доли.

Ландраты управляли собственно сельским округом доли; сами города управлялись в большинстве случаев земскими избами. В городах,

[1] ПСЗ, т. V, № 2762, стр. 78.
[2] Там же, № 2879, стр. 138—140.

имеющих гарнизоны, были оставлены коменданты, которые одновременно выполняли обязанности ландратов. Воеводское управление было уничтожено.

Провинции как среднее областное деление продолжали существовать. Можно установить два типа организации управления провинциями. В одном случае в провинциальном городе находились ландраты всех долей этой провинции (например, Арзамасской), откуда они руководили своими долями, причем один из них носил название главного ландрата. В другом случае в провинциальном городе (например, Курске) находился только «ландрат такой-то провинции», а подчиненные ему ландраты находились на местах в долях.

Весьма показательны изменения в институте выборных представителей дворянства при коронной власти. По указам 1702 и 1705 г. выборным из дворян воеводским товарищам было поручено управление провинцией вместе с воеводой. Такую же задачу за выборными представителями от дворян при губернаторе сохранил и указ 1713 г. с той, однако, разницей, что они получили название ландратов. Однако в 1715 г. ландраты стали уже правительственными чиновниками — начальниками долей. Это превращение ландратов в коронных чиновников свидетельствует о бюрократизации областных учреждений и, кроме того, что не менее важно, оно указывает на бюрократизацию дворянства, поставлявшего из своей среды наиболее надежные кадры чиновников.

Упразднение ландратских коллегий и направление ландратов для непосредственного управления долями показывает также стремление правительства усилить значение местных органов государственного аппарата.

Исполнительным органом губернатора являлась губернская канцелярия, через которую осуществлялось управление губернией. Она занималась рекрутскими наборами, поставками провианта и обмундирования в армию, ведала поместными, межевыми и ямскими делами; охраняя интересы дворянства, она вела борьбу с беглыми, занималась расследованием преступлений, сыском и т. п.

Содержание армии, строительство флота, осуществление крупных преобразований во многих областях государственной и общественной жизни требовали огромных средств. Налоговый пресс работал неумолимо и жестоко. Опустошение, производившееся новой губернской администрацией, было иногда страшнее опустошений от эпидемий. Только за три года губернаторства П. М. Апраксина в Казанской губернии «учинилось впусте» более 33 тыс. дворов.

Таким образом, первая губернская реформа поделила страну на обширные губернии, разделенные на провинции и доли. Однако губернии оказались чрезмерно обширными по территории и создание их не обеспечило полноты власти дворянского государства на местах.

Ко времени проведения второй областной реформы обстановка в стране несколько изменилась. В связи с близким окончанием войны стал вопрос о содержании регулярной армии и флота в мирных условиях, обеспечении жалованием численно возросшей бюрократии, финансировании промышленности и торговли. Весь этот комплекс мероприятий осуществлялся в конце второго и в начале третьего десятилетий за счет усиления эксплуатации крестьянства, выражавшейся в переходе к подушному обложению, в многочисленных указах о возвращении беглых крестьян и т. п. В связи с этим была поставлена задача нового усиления местной администрации.

Вторая областная реформа проводилась с учетом того, что уже было сделано в перестройке центрального государственного аппарата. Осенью 1718 г. Сенат провел подготовительную работу — установил штаты и номенклатуру должностей для губернских учреждений[1]. Утвердив сенатские определения, Петр тогда же дал годичный срок для окончательного устройства губерний[2]. Управление «по новому» с 1719 г. должны были начать «для примера» в Петербургской губернии.

В мае 1719 г. было дано точное расписание губерний, провинций и городов по губерниям и провинциям. Деление на провинции существовало и раньше, но с этого года оно становится общим для всей территории государства. К этому времени уже насчитывалось 11 губерний, которые были поделены на 45 провинций, а в дальнейшем на 50[3].

Провинции становились основной единицей областного управления: «в тех провинциях велено быть — в порубежных, в знатных, генерал-губернаторам, а в других провинциях — губернаторам, вице-губернаторам, обер-комендантам, а в прочих, окромя Московской, внутренних во всех провинциях — воеводам». Однако губернии не были отменены, но

---

[1] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I, М.—Л., 1945, № 52, стр. 61; № 54—55, стр. 63.

[2] ПСЗ, т. V, № 3244, стр. 597.

[3] Петербургская губерния была разбита на 11 провинций: Выборгскую, Нарвскую, Великолуцкую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Ярославскую, Углицкую, Пошехонскую, Белозерскую и Петербургскую; Московская состояла из 9 провинций: Переяславль-Залесской, Тульской, Калужской, Владимирской, Юрьево-Польской, Суздальской, Костромской, Московской и Переяславль-Рязанской; Киевская—из 4 провинций: Киевской, Белгородской, Севской и Орловской; Архангельская—из Двинской, или Холмогорской, Вологодской, Великоустюжской и Галичской; Казанская — из Свияжской, Пензенской, Уфимской, Казанской; Азовская — из Воронежской, Елецкой, Тамбовской, Шацкой и Бахмутской; Нижегородская — из Арзамасской, Алатырской и Нижегородской; Рижская — из Смоленской и Рижской; Сибирская — из провинций Вятской, Соликамской и Тобольской, обнимавшей всю собственно Сибирь. Для Астраханской и Ревельской губерний провинции не были указаны. Вскоре из состава Астраханской губернии выделилась Симбирская провинция, а из Сибирской дополнительно— Енисейская и Иркутская. Таким образом, всего, учитывая 2 провинции в Астраханской губернии и Ревельской губернии, — 50 провинций (ПСЗ, т. V, № 3380, стр. 701—710).

губернаторская власть распространялась только на провинцию губернского города. Губернское деление сохранилось и в делопроизводстве; сводные данные, списки, ведомости составлялись в коллегиях по губерниям.

Таким образом, вместо старых 8 губерний было создано 50 провинций, являвшихся предшественницами губерний екатерининского времени. В этом усилении административной мощи разветвленного местного аппарата и заключался основной смысл реформ областного управления 1719 г.

Провинции, в свою очередь, делились на округа — дистрикты. Провинциальная администрация была подчинена непосредственно коллегиям и Сенату. Больше того, самостоятельность и независимость провинциального управления от губернского центра осуществилась на практике в гораздо большей степени, чем какая-либо другая черта реформы. Провинциальные воеводы подчинялись губернаторам только по делам военным (рекрутский набор и высылка на смотр недорослей) и судебным как апелляционной инстанции. Во всем остальном воеводы в своей деятельности не зависели от губернаторов.

Реформа местного управления носила печать бюрократизма: игнорировались социально-экономические и национальные особенности районов.

По инструкциям 1719 г.[1], воевода прежде всего обязан был «во всем царского величества интерес и государственную пользу тщательно остерегать»; особое внимание наказ уделял борьбе с гулящими людьми, с антифеодальными выступлениями крестьян. В области военной администрации на воеводу было возложено размещение войск и разрешение разного рода конфликтов между населением и расквартированным войском. Наказ или инструкция подробнейшим образом определял его обязанности в области судебной, финансовой, полицейской, торговой и т. п. Инструкция воеводам была столь широкой, что ряд ее требований провинциальными воеводами никогда не мог быть выполнен; таковы, например, предписания о народном здравии, «попечении о госпиталях», о сиротских домах, об академиях, которых на местах не было.

Провинция была наводнена учреждениями, из которых наиболее значительными были конторы камерирских дел и рентереи—казначейства.

Во главе конторы камерирских дел был поставлен камерир или надзиратель земских сборов. Основная задача камерира — «прилежное и крепкое надзирание иметь над всеми его царского величества доходы и сборы»[2]. Он назначался Камер-коллегией и был непосредственно ей подчинен, но фактически действовал под руководством воеводы, являясь его помощником по финансовому управлению. В ведении камерира были и провиантские магазины, а также хлебные запасы; он занят был поставкой

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 624—632.

[2] Там же, № 3296, стр. 638.

в казну провианта и фуража, наблюдал за обеспечением гарнизонов продовольствием. Контора камерирских дел производила раскладку податей по дистриктам. Она не занималась сбором податей, а только контролировала их поступление в рентерею или казначейство.

Во главе рентереи стоял рентмейстер, или казначей, назначаемый Штатс-контор-коллегией и фактически подчиненный камериру. В его обязанности входило: прием денежных поступлений от плательщиков и земских комиссаров, хранение их и выдача сумм по ассигновкам воеводы и камерира[1].

Во главе управления дистриктами (уездами) стояли земские комиссары. Основная обязанность земского комиссара состояла в своевременном сборе налогов с населения дистрикта. Он руководил сельской полицией, собирал налоги и передавал их в рентерею, ведал рекрутской и постойной повинностью и т. д. Судебной власти он не имел, «до юстиции дела нет», но на него возлагались поимка и задержание преступников, а также исполнение судебных решений. Его помощниками являлись нижние комиссары, ведавшие сбором податей с крестьян, мостовой надзиратель и служители для поимки воров, несения караула и для посылок. Этот административный аппарат в своей деятельности опирался на сотских и десятских, сельских старост и выборных, избираемых крестьянскими мирами.

В провинции, кроме того, находились: канцелярия вальдмейстерских дел (ведавшая лесами), канцелярия рекрутских дел, канцелярия розыскных дел, канцелярия свидетельства «душ» и расположения полков, провиантмейстерская контора, магистрат, таможенные избы и кружечные дворы, судебные комиссары в отдаленных местах, фискалы, комиссары синодальной команды, управители дворцовых имений и т. д.

В городах сохранились земские избы, подчиненные воеводам. Однако с образованием в 1721 г. Главного магистрата они перешли в его ведение, а в 1723—1724 гг. были реорганизованы в магистраты (в крупных городах) и ратуши (в мелких). Дела, касающиеся городского населения, были переданы магистратам, городское население исключалось из ведения провинциальной администрации.

Проведение переписи населения и новый порядок сбора налогов с введением подушной подати внесли существенное изменение в провинциальную администрацию, установленную в 1719 г.

Данные переписи, проведенной местной администрацией, показали огромную «утайку» душ. Это вызвало необходимость предпринять повсеместную ревизию переписи, которая была поручена военному командованию, тем более, что от точного учета душ мужского пола зависело расположение и содержание полков по губерниям. Генералы-переписчики образовали в каждой губернии свои штабы, получив-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3304, стр. 660—665.

шие различные названия: канцелярий переписных дел, канцелярий ревизии душ и расположения полков и т. п.

В провинциях местная администрация была отстранена от проведения ревизии и расположения полков. Были образованы провинциальные переписные канцелярии, а в уездах полковые дворы с штаб- и обер-офицерами, имевшими в своем распоряжении военные команды. Так, рядом с гражданской администрацией появилась параллельно ей военная, имевшая более гибкий и послушный аппарат во всех частях губернии. Переписные канцелярии стояли выше общей администрации, они имели право арестовывать губернаторов и воевод, могли отстранять от должности камериров и других должностных лиц, а также назначать новых по своему усмотрению.

Чрезвычайные полномочия, предоставленные переписным канцеляриям, свидетельствуют о том, какое важное значение чиновничье-дворянское государство придавало точному учету податного населения и подготовке налоговой реформы.

Ревизию переписи, превратившуюся в ряде мест во вторую перепись, удалось закончить лишь к маю 1724 г., что дало возможность уже в этом году приступить к сбору подушной подати.

Порядок сбора подушной подати и размещения полков на местах привел к образованию новых административно-финансовых округов. Вся Россия была разделена на полковые дистрикты, с полковым двором в центре, с особыми ратными слободами или деревнями, в которых по крестьянским дворам расселялись солдаты. Размер полкового дистрикта находился в зависимости от полка, на содержание которого собиралась подушная подать[1]. Поэтому в полковых дистриктах 1724—1727 гг. было различное количество податного населения. В целом полковые дистрикты были обширнее дистриктов 1719 г. Так, в Московской провинции на 19 административных дистриктов приходилось 11 полковых [2].

Полковые дворы следили за своевременным и полным поступлением подушной подати, оформляли документы крестьянам, уходившим из дистрикта на заработки. Полковые дворы, имея в своем распоряжении военную силу, выполняли и полицейские функции, на них возлагалось преследование беглых крестьян и возвращение их помещикам. Сеть военных поселений явилась надежным орудием для крепостников в борьбе со все усиливающимися побегами крестьян. Полковники имели и судебную

---

[1] На содержание пехотного гарнизонного полка требовалось в год 16 200 руб., следовательно, исходя из установленной цифры подушной подати в 74 коп., полковой дистрикт должен был включать в себя 21 892 ревизских души. Содержание пехотного гренадерского полка обходилось в 37 795 руб., а его дистрикт должен был иметь 51 075 душ, содержание полевого драгунского полка в 44 945 руб., а его дистрикт должен был состоять из 60 737 душ.

[2] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, М., 1902, стр. 425.

власть над населением по делам, где потерпевшей стороной являлись воинские чины.

Сбор подушной подати был возложен на особого выборного земского комиссара[1]. Эти земские комиссары «от земли» избирались помещиками на уездном съезде дворянства. По окончании года комиссар отчитывался перед своими избирателями, которые могли «судить и править им». Выборный земский комиссар был непосредственно подчинен полковому командованию и Камер-коллегии и был независим от местной администрации — воевод и камериров. По инструкции 1724 г. сбор подушной подати являлся исключительной обязанностью выборного комиссара. С 1725 г. земский комиссар «от земли» ведал и рекрутской повинностью[2], а также наделялся исполнительно-полицейской властью — взыскивал штрафы за «утайку» душ, за порубку леса и даже следил за бритьем бород, одеждой отставных военных и т. п.

Таким образом, проведение ревизии, осуществление податной реформы и размещение полков изменили всю структуру административного управления на местах. В губернии оказалось две власти — гражданская и военная, причем обязанности их во многом совпадали. Правительство, больше доверяя военной власти, постепенно отстраняло гражданскую от наиболее важных отраслей управления. Сбор подушной подати целиком перешел к выборным комиссарам, оказавшимся полностью в распоряжении военной власти. Другая важнейшая повинность — сбор рекрутов также была изъята из ведения провинциальной администрации. Более того, правительство поручило надзор за деятельностью гражданской администрации переписным канцеляриям и полковым дворам.

Но администрация 1719 г. продолжала существовать. За провинциальным финансовым управлением осталось взимание косвенных и «канцелярских» сборов, незначительных по своему удельному весу в новом бюджете 1724 г., а из прямых — сбор недоимок по прежним налогам. У воеводы осталась судебная власть. Выборные земские комиссарыне отменили старых земских комиссаров, которые продолжали свою деятельность в границах старых дистриктов. Таким образом, усиление налогового пресса сопровождалось укреплением органов дворянской диктатуры на местах, военизацией местных органов власти.

Реформа областного управления 1719 г. предусматривала также создание специальных судебных учреждений. Правительство Петра I пыталось впервые в России отделить суд от администрации. Во главе всех судебных учреждений был поставлен Сенат как высшая надзирающая и апелляционная инстанция. Затем шла Юстиц-коллегия — второй, после Сената, судебный трибунал. На местах были образованы две судебные инстанции — апелляционный надворный суд и нижние суды.

[1] ПСЗ, т. VII, № 4401, стр. 192.

[2] Там же, № 4224, стр. 64; № 4533, стр. 310—318; № 4536, стр. 327—330; № 4636, стр. 406—408; № 4687, стр. 440—441.

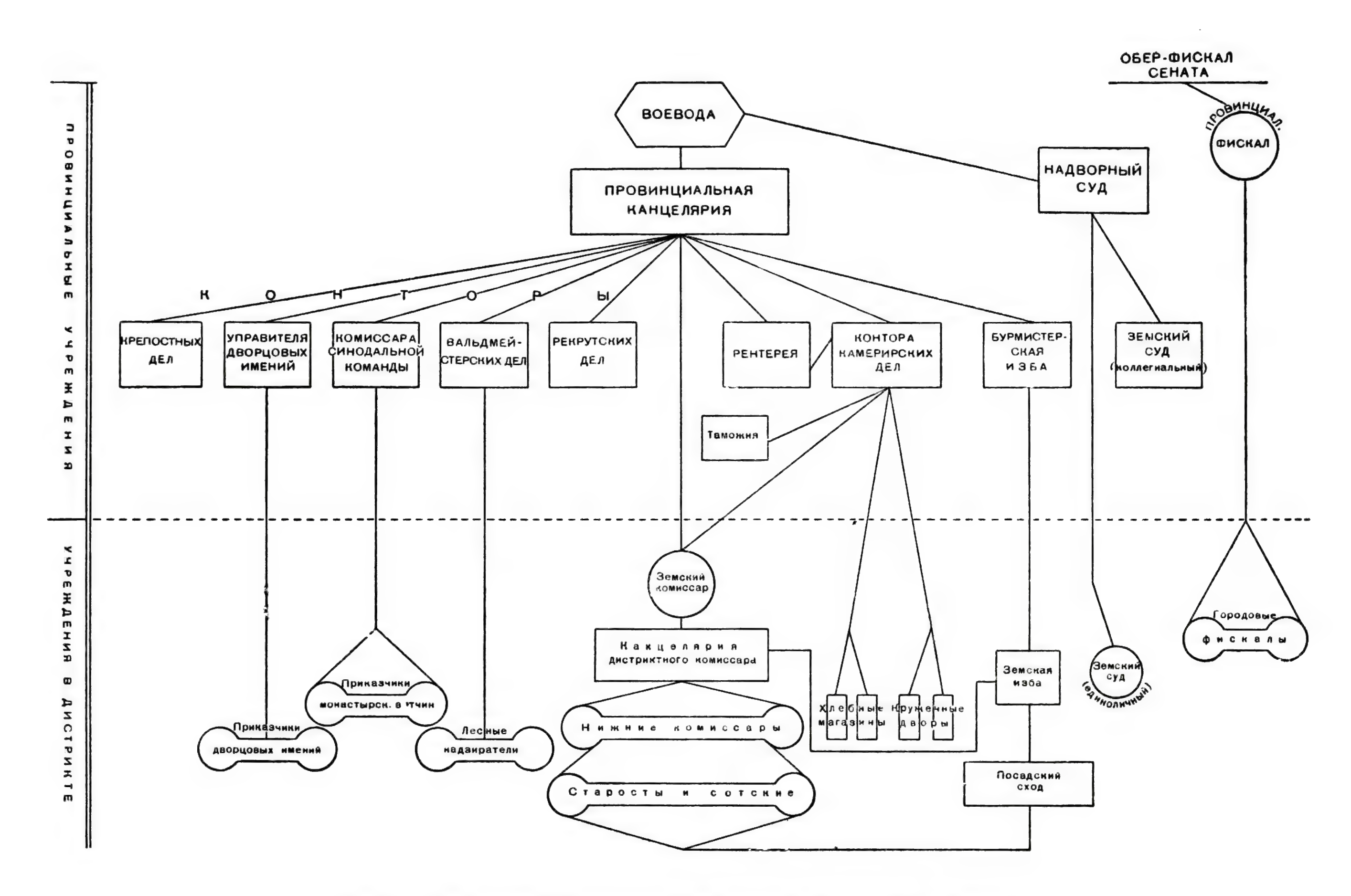

Схема управления провинцией по второй областной реформе

Гофгерихты, или надворные суды, должны были быть в Петербурге, Москве, Казани, Курске, Ярославле, Воронеже, Нижнем, Смоленске и Тобольске[1]. В действительности, кроме названных городов, надворный суд был образован в Енисейске, и был сохранен гофгерихт в Риге. Организация надворного суда строилась по образцу Юстиц-коллегии. Во главе суда ставился президент или вице-президент, в состав присутствия суда входило до шести асессоров, которые в основном комплектовались из военных и царедворцев (верхушка дворянства — бывшие московские чины). Так, в московский надворный суд были определены три полковника, один подполковник и два царедворца[2].

Несмотря на попытку правительства осуществить принцип отделения судебных органов от административных, надворные суды в действительности находились в зависимости от областного начальства, так как во главе их стояли губернаторы, вице-губернаторы и воеводы. Более того, губернаторы считали, что члены-асессоры этих судов должны помогать им в отправлении административных дел.

Надворные суды разрешали дела как «криминальные», то есть уголовные, так и гражданские. Большая часть дел была связана с охраной классовых интересов помещиков: тяжбы о крепостных, требования от суда закрепления за помещиками пойманных беглых крестьян и т. п. Дела рассматривались надворными судами не только в порядке второй инстанции — на неправильные решения нижних судов, но и первой инстанции,— возбуждаемые населением города, где находился суд.

Из компетенции надворных судов были изъяты дела политические, ими ведали Преображенский приказ и Тайная канцелярия, а также поземельные, которыми занималась Вотчинная коллегия. Кроме того, надворный суд был лишен права судить и отдельные общественные группы. Так, посадское население городов судили магистраты, а апелляцию на решения последних подавали в Главный магистрат, минуя надворный суд и Юстиц-коллегию. Офицеры и солдаты гвардейских полков судились только в Преображенском приказе. Преступления чиновников по должности рассматривались в соответствующей коллегии. Духовенство и население церковных земель по делам гражданским и мелким уголовным судили комиссары Синодальной команды и Монастырский приказ.

Надзор за деятельностью надворных судов с 1722 г. осуществлялся прокурорами надворных судов, непосредственно подчинявшихся генерал-прокурору. Обвинительного характера деятельность прокурора не имела, о замеченных недостатках он доносил генерал-прокурору, не возбуждая судебного дела.

Нижние суды были коллегиальными или провинциальными и единоличными или городовыми. Провинциальные суды находились только в не-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3269, стр. 607.
[2] Там же, № 3344, стр. 689—690.

которых крупных городах: Москве, Петербурге, Смоленске, Казани, Нижнем, Симбирске, Новгороде, Ярославле и Воронеже. Председателями провинциальных судов являлись обер-ландрихтеры, которые судили вместе с двумя-четырьмя асессорами. Провинциальные суды рассматривали дела гражданские и уголовные, важнейшие из которых шли на ревизию в надворные суды. Этим судам подлежали все сельские жители (исключая население монастырских вотчин), а из городских лишь те, которые не значились в числе посадских. Во всех остальных городах суд находился в руках единоличного городового судьи, называвшегося иногда и земским судьей. В порядке апелляции городовые суды подчинялись не провинциальному, а непосредственно надворному суду.

Отделение суда от администрации даже в нижних судах, где оно было сильнее выражено, являлось фиктивным. Воеводе было предоставлено право надзора за судебными органами [1], и он мог задержать исполнение приговора, если был с ним не согласен.

Развитие деятельности надворных и нижних судов уже в первые годы реформы шло в направлении слияния судебной власти с исполнительной. Это слияние было узаконено в 1722 г., нижние суды были ликвидированы, обер-ландрихтеры переведены членами в надворные суды, а в провинциях, где не было надворного суда, учреждался новый «провинциальный суд», уже целиком находившийся в руках администрации. Новые провинциальные суды возглавил воевода, судивший с помощью двух асессоров [2].

В городах, отдаленных от провинциального центра более чем на 200 верст, по усмотрению воеводы вводилась должность судебного комиссара. Он назначался воеводой и был ему подчинен; его компетенция ограничивалась суммой иска (до 50 руб.). Надворные суды сохранялись в качестве высшей инстанции над провинциальными судами. В провинциях, где были надворные суды, провинциальные не учреждались. Следовательно, надворные суды являлись судом первой инстанции для населения той провинции, в главном городе которой они находились.

Судебные учреждения носили ярко выраженный классовый характер. Абсолютистское государство пыталось представить суд в качестве защитника порядка, охранявшего «всенародную пользу» подданных. В действительности этот суд, как и суд буржуазного общества, был орудием беспощадного подавления эксплуатируемых.

Вместе с тем должно быть отмечено, что попытка разделения властей была обречена на неудачу. Местные и центральные органы государственного аппарата одновременным осуществлением административных и судебных функций по отношению к различным классам-сословиям и социальным группам действовали более оперативно, чем изолированные от адми-

[1] ПСЗ, т. V, № 3294, стр. 625; № 3295, стр. 637.
[2] Там же, т. VI, № 3917, стр. 515; № 3935, стр. 524—525.

нистрации судебные учреждения. Судебную реформу 1719 г. следует рассматривать как преждевременную попытку осуществления принципа разделения властей, свойственного более развитым общественным отношениям.

В целях содействия развитию нарождавшегося купечества и организации управления торгово-промышленным населением городов в 1699 г. была проведена городская реформа. Земские старосты, таможенные и кабацкие головы были названы бурмистрами. Для руководства ими было создано особое учреждение — Бурмистерская палата, или Ратуша. Реформа, как указывалось выше, преследовала две цели: улучшить общие условия развития торговли и промышленности и обеспечить исправное поступление прямых податей и сбор косвенных налогов. Осуществить это предполагалось путем передачи сборов выборным от посадского населения с устранением воевод от сборов. Вместе с этим, выборные люди в земских избах должны были ведать «всяких чинов купецким и... промышленным... людем... во всяких мирских росправных и челобитчиковых делах и в сборах...»[1] Следовательно, организация местного городского самоуправления предусматривала создание сословно-выборных органов, осуществлявших административные, финансовые и судебные функции. Таким образом, управление торгово-промышленным населением городов было централизовано в одном «пристойном приказе».

Выбирать бурмистров следовало из зажиточной верхушки посадского населения — людей «добрых, правдивых». Правительство использовало экономическую мощь купечества для укрепления финансового положения государства. Основная обязанность бурмистров состояла в том, «чтоб окладные сборы собирались без доимки, а таможенные, кабацкие и иные сборы — с пополнениями».

Губернская реформа 1708—1710 гг., усилив и укрепив органы дворянской диктатуры на местах, подчинила земские избы местной администрации и лишила московскую Ратушу значения центрального органа. Земские бурмистры были поставлены в полную зависимость от губернаторской власти; даже избрание бурмистров могло быть произведено лишь с ведома губернатора[2].

Таким образом, чиновничье-дворянское государство, оказывая содействие нарождавшемуся купечеству, предоставляя ему права суда и сбора налогов через свои выборные органы, одновременно подвергало своему полному контролю их деятельность.

Реформа центрального и местного аппарата управления в 1718—1720 гг. затронула и выборные городские органы. Их реорганизация проходила в том же направлении — централизации управления торгово-промыш-

---

[1] ПСЗ, т. III, № 1675, стр. 600.

[2] Там же, т. V, № 2879, стр. 138—140; № 3294, стр. 627.

ленным населением городов с более четким определением обязанностей городских учреждений и полным подчинением их местной государственной администрации.

Новые городские органы — магистраты создавались под руководством специально для этого в 1720 г. учрежденной коллегии — Главного магистрата. Главный магистрат должен был «ведать всех купецких людей», чтобы он «и сию (всего российского купечества) разсыпанную храмину паки собрал» через учреждаемые во всех городах магистраты.

Выборы в магистраты бурмистров и ратманов были возложены на губернатора. Выбранных «дельных и лучших в купечестве» посылали в Петербург в Главный магистрат на утверждение.

Компетенция магистратов была довольно широкой. По линии финансовой и административной они должны были вести учет дворам и проживающему в них населению (всех сословий), производить раскладку налогов и повинностей, руководить выборами на должности старшин и старост, устраивать ярмарки, заботиться о фабриках, размещать войска на постой по квартирам и т. д. По линии судебной они должны были разбирать вексельные претензии купцов и ремесленников между собой, а также разрешать иски уголовного и гражданского характера; по линии полицейской — осуществлять противопожарные мероприятия и следить за санитарным состоянием городов; наблюдать за торговлей, за правильностью мер и весов, искоренять кормчество и нищенство. Особенно тщательно рекомендовалось следить за беглыми солдатами. Каждый житель, желающий выехать из города, хотя бы на короткое время, должен быть получить в магистрате паспорт или пропускное письмо, которое по приезде должен был возвратить[1].

Городовые магистраты не являлись независимыми и самостоятельными учреждениями. Хотя регламент Главного магистрата указывал, что «понеже магистрат яко глава и начальство есть всему гражданству... того ради они губернаторам и воеводам не должны подчинены быть в том, что до градскаго суда и экономии касается», однако на практике независимость магистратов от общей администрации была фиктивной. Постоянное вмешательство администрации вызвало в 1725 г. указ Екатерины I, предлагающий воеводам «в дела их магистратские... отнюдь не вступать»[2]. Городовые магистраты просуществовали до 1727 г., когда были преобразованы в ратуши.

Городовые магистраты к концу первой четверти XVIII в. по своему классовому составу, способу избрания членов и особенно по своей компетенции и полученным правам входили составной частью в местные бюрократические органы управления. Этот государственный характер

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 291; т. VII, № 4624, стр. 388—397.
[2] Там же, т. VII, № 4811, стр. 555.

магистратов особенно подчеркивался тем, что члены городовых магистратов служили бессрочно, пожизненно и за «тщательное радение» они включались в состав господствующего класса — «могут быть пожалованы шляхетством»[1]. С изданием «табели о рангах» выборные члены магистратов получали соответствующие чины.

Одновременно с устройством городовых магистратов шло образование и специальных полицейских органов, не связанных с магистратами. Правительство дворянско-чиновничьей монархии не могло оставить в руках городских выборных органов полицию,— это основное орудие классового террора.

В начале XVIII в. полицией на местах ведали воеводы. В крупных городах они имели специальных агентов — объезжих голов и выборных от слобод и посадов по одному от десяти дворов. Десятские несли караульную службу, а объезжие головы их контролировали. В столице полицией ведал специальный Приказ земских дел, имевший в своем распоряжении исполнительные полицейские органы. С образованием Ратуши последняя явилась также исполнительным органом Приказа по полицейским делам. Бурмистры на местах вместе с воеводами должны были держать «крепкие караулы».

С проведением первой областной реформы руководство полицией перешло к губернаторам и комендантам[2]. Первое и наиболее широкое определение функций полиции дано в регламенте Главного магистрата. По регламенту «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобности». Одной из задач этого «фундаментального подпора» являлась изоляция в смирительные дома нарушителей «порядка»[3]. Магистраты должны были давать выборных людей и средства на содержание полиции, но руководство полицией администрация твердо держала в своих руках.

Полицейская деятельность губернаторов и комендантов была недостаточной для таких крупных городов, как Москва и Петербург. С точки зрения правительства, старая и новая столицы нуждались в специальном органе. Поэтому в Петербурге была учреждена должность генерал-полицеймейстера, а в Москве — должность обер-полицеймейстера, подчиненная петербургскому генерал-полицеймейстеру.

Особое внимание предлагалось обратить на беглых крестьян и «прочих воров» и чтобы никаких «гулящих» людей по улицам не ходило. Пойманных предписывалось «бить нещадно батожьем» и возвращать к хозяевам; пойманных вторично, «бив на площади кнутом, посылать в каторжную работу», а молодых ребят на Суконный двор и прочие мануфактуры.

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 300.

[2] Там же, т. IV, № 2225, стр. 448—449; т. V, № 3294, стр. 624—632; № 3381, стр. 710; *И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого, т. 14. М., 1842, стр. 269.

[3] ПСЗ, т. VI, № 3708, стр. 297, 301—302.

Не забыты и «винные бабы и девки», которых велено отправлять в Мануфактур-коллегию для определения на работу[1].

Особенно была усилена деятельность полиции на местах. Воеводы и земские комиссары получили в своих инструкциях специальные указания о борьбе с беглыми, о пресечении воровства, разбоев, убийств, об охране общественного порядка и т. п. Выборные старосты, пятидесятские и десятские являлись полицейской агентурой земских комиссаров. Рост классовой борьбы, увеличение числа беглых заставили правительство привлечь в помощь воеводе и земскому комиссару местное дворянство. Представитель последнего, выборный земский комиссар «от земли», опираясь на полковые дворы и переписные канцелярии, получил в свое распоряжение для поимки беглых военную силу. Абсолютизм, покрывший сетью многочисленной полицейской агентуры всю страну, стремился этим укрепить господство дворянства.

Утверждение абсолютизма в первой четверти XVIII в. не могло не отразиться на политике правительства по отношению к управлению народами как вошедшими ранее, так и вновь включенными в состав России. Правительство стремилось к распространению на территорию народов общего административного деления с бюрократическими учреждениями. Однако эта политика, более решительно осуществляемая на юге и востоке, была менее последовательной на западе страны, где было сохранено старое дворянское самоуправление.

Во главе управления Украины после ее воссоединения с Россией в 1654 г. стоял гетман, сосредоточивший в своих руках все функции власти и управления. Особенностью административной системы Украины явились формы ее военно-демократической организации, сложившиеся в процессе освободительной борьбы середины XVII в. против панской Польши. Характерной для этой организации явилась выборность должностных лиц всех трех урядов (генерального, полкового и сотенного) на общих собраниях казачества (радах).

Политика самодержавия ускоряла развитие феодальных отношений и содействовала, с одной стороны, политическому и экономическому усилению украинской старшины, а с другой — вела к ухудшению положения казаков, крестьян и мещан. Старшина, захватив в свои руки всю администрацию, использовала ее для увеличения своего богатства и для закрепления своего господствующего положения законодательным путем.

Усилилось вмешательство старшины и в дела городского самоуправления. В начале XVIII в. крупнейшие города Левобережья, в том числе все полковые центры, продолжали пользоваться правом городского самоуправления. Основные должности в магистрате (войтов, бурмистров) занимали купцы и богатые мещане. Старшина захватывала городские земельные угодья, нарушая торговые привилегии городов, взимая с

[1] ПСЗ, т. VI, № 4047, стр. 732—734.

населения незаконные сборы и т. п. Стремясь привлечь на свою сторону городскую верхушку, царское правительство подтвердило их привилегии, но в действительности это мало меняло положение.

Проводя реформы областного управления, правительство включило в новое административное деление и территорию Украины. В 1709 г. была образована Киевская губерния, а в 1719 г. основная территория Украины была включена в состав Киевской провинции[1].

Измена гетмана Мазепы и части старшин (1708 г.) привела к назначению специального резидента Измайлова, без согласия которого новый гетман Скоропадский не мог решать даже второстепенных вопросов. В 1722 г. была создана Малороссийская коллегия во главе с бригадиром Вельяминовым и шестью штаб-офицерами расквартированных на Украине русских полков. Управление Украиной сосредоточилось в Малороссийской коллегии. После смерти Скоропадского командование украинскими войсками было передано князю Голицыну, а непосредственное управление Украиной стала осуществлять Малороссийская коллегия.

Управление Карелией было тождественно с управлением районов с русским населением. Однако особое положение Карелии, как пограничной со Швецией области, которая вместе с тем была основной базой строительства флота и источником снабжения армии вооружением и боеприпасами, привело к созданию в ней сильного административного аппарата, получившего в свое распоряжение военную силу.

Карелия была подчинена ингерманландскому губернатору А. Д. Меншикову, а во главе Олонецкого уезда был поставлен комендант (Геннин), в руках которого была сосредоточена не только административная власть, но и управление заводами и верфями. После губернской реформы Карелия вошла в состав Петербургской губернии. Основным учреждением в уезде являлась Контора олонецких заводов. Опираясь на военную силу, администрация успешно могла выполнять свою функцию — принуждать население Олонецкого уезда вести напряженную работу на заводах и верфях.

По-иному решались вопросы управления Лифляндией и Эстляндией. Стремясь укрепиться в Прибалтике, правительство сохранило привилегии немецких баронов и помещиков. Были сохранены все сословные органы дворянского самоуправления: ландтаг, коллегия ландратов, конвент, рыцарство и другие. Немецкая администрация, судебные органы, церковь и школа полностью контролировались местным дворянством. Одновременно были сохранены и все привилегии городов и купечества. Магистраты и цехи были оставлены на прежних основаниях[2].

Государственным языком признавался немецкий. Представителем центральной власти в Прибалтике был назначаемый царем губернатор. Вме-

[1] В состав Киевской провинции были включены следующие города с уездами: Киев, Нежин, Переяславль, Переволочна, Чернигов и Полтава (ПСЗ, т. V, № 3380, стр. 705).

[2] ПСЗ, т. IV, № 2293, стр. 568—569; т. VI, № 3819, стр. 425.

сте с тем присоединение к России восстановило старые связи латышского и эстонского народов с русским народом.

Для управления народами Поволжья (татарами, башкирами, удмуртами, мари, чувашами) были установлены такие же органы управления, как и на основной территории России. При проведении первой губернской реформы национальные районы народов Поволжья были включены в состав громадной Казанской губернии. В 1713 г. в связи с выделением из Казанской новой Нижегородской губернии мари, удмурты и частично чуваши были включены в состав последней.

Особенности в управлении народами Поволжья состояли в том, что управление волостями было передано представителям местной феодальной верхушки. Эта политика царизма содействовала дальнейшему развитию феодальных отношений и усугублению классовой дифференциации среди населения Поволжья.

Территория Башкирии еще с XVI в. составляла Уфимский уезд. С 1703 г. в связи с введением губернского деления Башкирия составила Уфимскую провинцию, входившую до 1728 г. в состав Казанской губернии. Старое административное деление Башкирии на четыре дороги [1] при этом сохранялось; последние состояли из волостей, а волости — из тюбов.

Уфимской провинцией управлял воевода, волостями — выборные старшины. Последние отвечали за «порядок» в волости, разбирали спорные дела и имели право, руководствуясь адатом, наказывать виновных. Старшины также принимали активное участие в сборе ясака и выполняли различные указания царской администрации (разъезды по казенным надобностям, линейная служба и т. д.).

Двойной гнет, испытываемый населением народов Поволжья от царской администрации, русских помещиков, заводчиков и купцов и собственных феодалов, приводил к росту враждебного отношения рядового населения народов Поволжья к царизму. Вместе с тем общение туземной бедноты, работавшей на подсобных работах крупных заводов, с русскими работными людьми и крестьянами содействовало установлению единства классовых интересов.

Управление обширной территорией Сибири было централизовано. По первой областной реформе в 1709 г. была образована обширная Сибирская губерния с центром в Тобольске. В состав ее входила вся Сибирь и даже приуральская часть Европейской России. При этом Сибирский приказ был ликвидирован, а воеводы (коменданты) стали назначаться из Тобольска.

Вторая областная реформа привела к выделению из Сибирской губернии пяти провинций (Вятской, Соликамской, Тобольской, Енисейской и Иркутской) и появлению не только в провинции, но и в уездах новых долж-

[1] Казанская дорога — западная Башкирия, Ногайская — центр и юг, Сибирская—восточная Башкирия и Зауралье; Осинская—тянулась узкой полосой на север от Уфы.

ностных лиц: камериров, земских комиссаров, рентмейстеров и фискалов. Судебная реформа была также распространена на Сибирь. В Енисейске был учрежден «вышний надворный суд», а в провинциях и дистриктах появились судебные комиссары.

Непосредственное управление на местах многочисленными народностями Сибири и Крайнего Севера было передано царизмом родовой и феодальной знати. Она получила значительные привилегии в области местного управления и суда. Князьцы, нойоны, зайсаны, шуленги совместно с царской администрацией эксплуатировали туземное население Сибири и являлись опорой царизма.

Вместе с тем русские власти не стали на путь истребления подчиненных народов Сибири и Севера, как это делали западноевропейские завоеватели (испанцы, англичане, голландцы и др.). Правительство неоднократно запрещало закрепощать ясачных людей, а местные власти содействовали освобождению попавших в холопство туземцев и сажали их на пашню [1]. Культурные и экономические связи, установившиеся между народами Сибири и русскими, закреплялись смешанными браками [2].

Реформы местного управления в Сибири не могли уничтожить произвола и лихоимства, свойственных дворянско-чиновничьей монархии и особенно ярко процветавших в Сибири.

Дворянское правительство, осуществляя через свой государственный аппарат колониальную политику, одновременно способствовало разрушению старого общественного строя и содействовало развитию феодальных отношений у подвластных народов. Установление более или менее единой административной системы устраняло изолированность народов и содействовало включению их хозяйства в общую экономическую жизнь страны.

При подведении итогов областной реформы следует отметить, что в первый период укрепление местной власти абсолютистского государства осуществлялось путем привлечения к управлению выборных представителей местного дворянства. В дальнейшем на следующем, втором этапе эти выборные представители становились коронными чиновниками. На третьем этапе реформы на местах, помимо гражданских властей, административные функции выполняли военные органы — полковые дворы. На всех трех этапах дворянство, занимая должности воеводских товарищей, губернаторов, ландратов и полковых штаб-офицеров, сохранило за собой командные посты в аппарате областных учреждений.

Еще одно следствие реформы местного управления состояло в его бюрократизации. Инструкции 1719 г. не предусматривают выборных должностей, личный состав всех органов назначается правительством, а обязанности и ответственность каждого чиновника регламентируется законом.

---

[1] *В. Н. Шерстобоев.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949, стр. 556.

[2] *Н. Н. Степанов.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России. «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 74—88; Сб. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Якутск, 1950.

чиновниками общих органов администрации (исключение из них составляют органы купеческого самоуправления) становились дворяне. Высокооплачиваемая служба в государственном аппарате была дополнительным средством эксплуатации крестьян дворянством.

Созданный в результате реформы государственный аппарат вскрывает как нельзя лучше классовую сущность абсолютистского государства. Исполнительная власть гражданской администрации в центре была поделена между восемью коллегиями. Торгово-промышленную политику осуществляли три коллегии (Берг-коллегия, Мануфактур-коллегия, Коммерц-коллегия) и Главный Магистрат, налоговую, судебную и финансовую политику проводили три коллегии (Камер-коллегия, Штатс-контор-коллегия и Юстиц-коллегия), специальные интересы дворянства представляла Вотчинная коллегия. Только четыре последние коллегии располагали разветвленной сетью областных учреждений и своих агентов на местах. Многочисленные камериры, казначеи, земские комиссары и другие должностные лица должны были выкачивать налоги из податного населения. Они опирались на военную силу полковых дворов, полицейский аппарат в городах и судебные учреждения. Для управления посадским населением были созданы специальные учреждения, подчинявшиеся коронной администрации.

Отличительными чертами аппарата абсолютистского государства являлись: централизация управления, единство системы учреждений, однообразное административное деление и детальная регламентация законом устройства и деятельности органов управления.

Частые изменения структуры местных органов свидетельствуют о попытках построить наиболее надежный аппарат господства в условиях, когда наряду с обострением противоречий между основными классами феодального общества — крестьянством и дворянством — необходимо было считаться с интересами нарождавшегося класса купечества. Сменявшая друг друга система учреждений нередко выглядела стройно лишь на бумаге, ее проведение в жизнь затруднялось отсутствием подготовленных кадров из среды господствующего класса, отсутствием денег для выплаты жалованья и т. д. Не кто иной, как Меншиков, уже в 1725 г. заявлял в Сенате: «Теперь над крестьянами десять и больше командиров находится, вместо того, что прежде был один, а именно, из воинских, начав от солдата до штаба и до генералитета, а из гражданских — от фискалов, комиссаров, вальдмейстеров и прочих до воевод, из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, назваться могут»[1]. В ближайшие годы после смерти Петра областная реформа в значительной мере была отменена, были выведены из деревень расположившиеся в них полки, вернулась единоличная власть воеводы и т. д. Вместе с тем на протяжении XVIII в. сохранялось в той или иной степени

[1] *М. М. Богословский*. Указ. соч., стр. 490.

укрупненное деление на губернии и провинции так же, как продолжало развиваться то сочетание бюрократически-дворянских учреждений с привлечением выборного дворянского элемента, начало которому было положено в первой четверти века.

3

РЕФОРМА АРМИИ И СОЗДАНИЕ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Военные реформы начала XVIII в., как и другие преобразования, были подготовлены экономическим и политическим развитием России в предшествующем периоде.

Правительство, начиная с 30-х годов XVII в., пыталось создать более совершенную военную систему. Стрельцы и поместная конница являлись недостаточно надежным средством укрепления господства дворян. Поместная конница оказывалась слишком слабой, а стрельцы нередко сами принимали участие в восстаниях. Поэтому были созданы солдатские полки, на которые власть фактически и опиралась в момент социальных потрясений. Так, при подавлении восстания в Москве в 1662 г. правительство Алексея Михайловича использовало не стрельцов, а солдатские полки; то же происходило и при подавлении волнений в Новгороде, Твери, Курске и других городах. Недостаточная боеспособность поместной конницы и стрельцов выявилась также во время внешнеполитических конфликтов. Эти войска оказались неспособными силой оружия решать задачи внешней политики России.

Военные реформы XVII в. имели целью ввести новую организацию армии. Хотя отсталость России этого времени не позволила довести процесс реорганизации армии до конца, тем не менее начало было положено.

Уже в это время созданная в районе Москвы, Тулы, Устюжны металлургическая промышленность была использована в качестве базы для производства гладкоствольного стрелкового и артиллерийского вооружения, однако изготовлявшееся оружие еще не имело единых калибров и не было однотипным, что мешало переходу всей армии на единую систему боевой подготовки и единые способы ведения военных действий. Мало того, имевшаяся в стране промышленность не была в состоянии обеспечить все потребности армии, и правительство вынуждено было делать закупки ружей и пушек за рубежом, хотя иностранное оружие было значительно ниже по качеству, чем русское. Правительству удалось вооружить более или менее однообразным оружием поселенные войска и войска нового строя, что позволяло вести военные действия, основываясь на принципах линейной тактики.

Линейная тактика получила свое развитие на основе новой техники. Введение на вооружение кремневых ружей в 30—40-х годах XVII в.

повысило огневую силу и подвижность частей, что в свою очередь повлекло за собой введение новой, более совершенной организации войск. «...Виды войск,— указывал И. В. Сталин, — приспособляются обычно к формам и способам ведения войны. С изменением последних меняются первые»[1].

Накопленный опыт в области комплектования и организации войск нового строя явился важным условием для решения вопроса о создании в короткий срок большой регулярной армии в первой четверти XVIII в. Государству нужна была сильная армия, способная осуществлять защиту территории государства от нападений извне и подавлять выступления крестьян, боровшихся против феодальной эксплуатации. Таким образом, создание регулярной армии диктовалось как внутренними, так и внешнеполитическими задачами, стоявшими перед Россией на рубеже XVII—XVIII вв. Новая армия являлась опорой укреплявшегося абсолютизма.

Создание «потешных полков» в 1687 г. было не чем иным, как оформлением ядра новой армии. Эти полки проходили серьезную боевую подготовку. Большое значение имели маневры 1689—1694 гг. и особенно кожуховские маневры (1694 г.), на которых было разыграно сражение по всем правилам современного военного искусства. Сторонники Петра I, готовясь к борьбе за власть с Софьей, стягивали в Преображенское оружие и боеприпасы. Только в 1686 г. туда было отправлено из оружейной палаты более 6 тыс. ружей, доставлялось оружие и в последующие годы.

Азовские походы 1695—1696 гг. вскрыли слабые стороны боевой подготовки поместной конницы и стрельцов. Не отвечала также требованию войны устаревшая организация войск. Это заставило правительство уделить особое внимание укреплению вооруженных сил сразу же после Азовских походов.

Реорганизация армии началась еще в 1698 г., со времени подготовки коалиции против Швеции. Шведское правительство в расформировании стрелецких полков, роспуске ряда солдатских полков и начальных мероприятиях по организации новой армии увидело опасность для себя, и поэтому шведский посол Книперкрон «в сильных терминах предлагал (объяснить.— *Ред.*), для чего регулярные полки заводят, каких не бывало?»[2]. Австрийский посол Плейер также сообщил немедленно своему правительству о решении создать в России новую армию. Турция также делала запросы о назначении мероприятий по созданию новой армии.

Военная реформа была ускорена обострением противоречий между сторонниками Софьи и Петра. Реакционное восстание стрельцов, вспыхнувшее летом 1698 г., было подавлено главным образом силами Преображенского, Семеновского полков и Бутырского выборного полка. После

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 169.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1. СПб., 1770, стр. 3.

восстания часть московских стрелецких полков была расформирована[1]. В связи с этим правительство должно было ускорить создание новой армии, которая явилась бы более надежной опорой осуществления внутренней и внешней политики.

Создавая регулярную армию, русское правительство должно было решить вопрос о ее численности, способах комплектования и формах ведения боевых действий. Одновременно нужно было перестроить систему снабжения войск вооружением, боеприпасами и продовольствием, а также организовать боевую подготовку войск и, наконец, ввести новую систему управления. Все эти задачи были решены в процессе войны. Северная война явилась проверкой жизненности и целесообразности проводимых мероприятий.

Организация и устройство армии определялись теми способами ведения войны и военных действий, которые сложились в ходе Северной войны 1700—1721 гг. Русская стратегия исходила из учета конкретной политической обстановки. Отличительными чертами русской стратегии, решавшей жизненно важные для государства задачи, были—целеустремленность, активный характер военных действий, стремление нанести противнику решительное поражение. В эпоху господства кордонной стратегии на Западе, в основе которой лежало стремление прикрыть границы для защиты всех важных центров страны, русское командование разрабатывает и практически осуществляет новую для того времени концепцию сосредоточения сил на решающих направлениях и маневрирование ими на всех театрах войны. Главным средством решения стратегических задач русские полководцы того времени считали генеральное сражение с победоносным исходом, для достижения которого они сосредоточивали превосходящие силы (Полтава). Активными действиями русское командование изменяло обстановку и соотношение сил в интересах русской армии (Лесная, Полтава, Пелкина и др.).

Русские полководцы прекрасно понимали роль и место обороны и наступления в ходе военных действий. При этом оборона, как правило, рассматривалась в качестве средства для создания условий, необходимых

[1] Ликвидация стрелецкого войска происходила в течение многих лет. Под влиянием нарвского поражения 1700 г. правительство сперва замедлило, а затем прекратило начавшееся расформирование стрелецкого войска и даже организовало на прежних основаниях новые стрелецкие полки. Наиболее боеспособные из них участвовали в важнейших военных действиях Северной войны — под Нарвой в 1700 и 1704 г., в гродненском маневре, в Полтавской битве и Прутском походе. В процессе боевых действий часть стрельцов была поглощена регулярной армией путем переформирования ряда полков в солдатские, а также вовлечения более надежных стрельцов в регулярное войско. Большинство стрелецких полков было использовано для несения гарнизонной службы, охраны коммуникаций и на второстепенных театрах войны. Ряд московских стрелецких полков просуществовал до 1713 г., а процесс ликвидации городовых стрельцов был завершен лишь во второй четверти XVIII в. *М. Д. Рабинович.* Судьбы служилых людей «старых служб» и однодворцев в период формирования регулярной армии в начале XVIII ст. (рукопись. Гос. библиотека им. В. И. Ленина).

для перехода в наступление (гродненский маневр, Полтавское сражение и др.).

Командование русской армии умело правильно выбирать направление главного удара как в течение всей войны, так и на отдельных ее этапах. Стремление активными действиями ускорить окончание войны выражается в нанесении частых и сильных ударов, которые в конечном счете привели к истреблению основных сил шведской армии.

Активная стратегия повлекла за собой столь же активную тактику. Военачальники XVIII в. ставили задачу дальнейшей разработки и внедрения в боевую практику основ линейной тактики, господство которой определялось свойствами оружия и людского состава армии. Линейная тактика предусматривала ведение боя в линейных построениях, позволявших вести огонь и наносить удар по противнику. В армиях Западной Европы первенствующее значение было придано ведению огня и второстепенное — штыковому удару. Полководцы Запада избегали штыковых ударов из опасения, что при этом будет нарушен боевой порядок, и наемные войска могут разбежаться. Следствием этого было господство оборонительных тенденций.

Петр I и русские генералы не считали принципы линейной тактики неизменными канонами. В русской армии огневая подготовка являлась средством обеспечения решительного штыкового удара. В связи с этим на линейный боевой порядок в русской армии смотрели как на средство, обеспечивающее возможность ведения успешной атаки. Вот почему линейный боевой порядок видоизменялся в зависимости от конкретной обстановки. Русские войска при наличии меньших сил, чем у противника, строились в одну линию с поддержками (Лесная), при превосходстве сил — в две линии (Полтава), причем вторая линия служила резервом, а в особых условиях местности они строились в четыре линии (Лапполо).

Линейный боевой порядок нередко расчленялся по фронту и в глубину, что обеспечивало возможность маневра в ходе боя.

Активный характер русской тактики по-новому поставил вопрос об использовании местности. Если на Западе для боя в линейном боевом порядке искали ровную местность, то русская армия могла вести бой в любых условиях. Петр не раз говорил о преимуществах действий на пересеченной местности и предлагал вести бой «не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза». Впервые русские полководцы стали с помощью укреплений приспосабливать местность для ведения боя. Система инженерных укреплений, примененная на поле Полтавского сражения, прочно вошла в военную практику и впоследствии получила признание во всех армиях Европы.

В русской армии отсутствовали шаблоны в способах ведения боя. Петр I неоднократно подчеркивал, что в бою все «зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать (нужно) и потому свое дело

управлять надлежит». В свете этого Петр и давал указания своим генералам о правильном использовании каждого рода оружия.

От пехоты он требовал решительного штыкового удара, от кавалерии — стремительных ударов холодным оружием, для чего нужно было «искать неприятельскую инфантерию». От артиллерии — действовать главным образом на коротких дистанциях картечью, для чего пушки располагать там, где условия местности позволяют лучше всего их использовать. В связи с этим 3-фунтовые пушки предлагалось ставить впереди боевого порядка, а 6- и 12-фунтовые пушки «на высоких местах ставить».

Сложившиеся в ходе войны методы ведения военных действий способствовали развитию отдельных родов войск. В период войны не только окончательно оформились основные виды войск — пехота, кавалерия и артиллерия, но и было положено начало инженерным войскам. Русская армия стала регулярною во всех отношениях. Она получила единую систему комплектования, организации, тактического устройства, была вооружена типизированным оружием, одета в единую форму и обучена по единым уставам, наконец, она была переведена полностью на содержание государства. В процессе Северной войны сложилась также передовая русская военная теория; в уставах, инструкциях и наставлениях был обобщен богатый опыт войны. В них нашли свое отражение формы организации, устройства войск и их боевой подготовки, составлявшие национальные особенности русской регулярной армии, ее традиции, которые были закреплены и развиты в последующее время.

В основу комплектования новой армии был положен опыт наборов в солдатские и драгунские полки, сложившийся во второй половине XVII в. Прежде всего был использован отечественный опыт наборов даточных, оправдавший себя на практике еще в XVII в. Рекрутская система прочно закрепляла классовый принцип организации армии. С момента ее введения солдатский состав полевой армии и гарнизонных войск стал набираться из крестьян и других податных элементов, а офицерский состав из дворян. Военная служба была пожизненной.

Оформление рекрутской системы комплектования происходило в период с 1699 по 1705 г. Указ «О приеме в службу в солдаты из всяких вольных людей»[1] (1699 г.) положил начало наборам в новую армию. Набор проводила комиссия боярина Ф. А. Головина на Генеральном дворе в селе Преображенском. Комиссия затребовала из Разряда, а также из Стрелецкого, Ямского и Иноземного приказов росписи, перечни и сказки о всех служилых людях и затем, сверив все эти данные с переписными книгами, постановила провести набор даточных из числа помещичьих крестьян, дворовых людей и посадского населения. Московские и городовые дворяне должны были поставить по одному пешему даточному с 50 дворов и одного

---

[1] *И. А. Желябужский.* Записки. СПб., 1840, стр. 150.

конного даточного со ста дворов. В разработанных комиссией «статьях, состоявшихся на Генеральном дворе в Преображенском»[1], определялись правила набора. В результате деятельности комиссии в Москве и в Поволжье в новоприборные солдаты было записано 22 514 чел., из которых 10 727 являлись даточными и 11 787 входили в состав вольницы[2], и А. Головин набрал около 9000, кроме того, из Новгородского, Псковского и Смоленского разрядов было взято около 2800 чел. Из них было сформировано 27 новоприборных пехотных полков. Началом новой конницы явились два драгунских полка, укомплектованных боярскими детьми и дворянами. Последующие указы о наборах лишь повторяют положения «статей» 1699 г. Указ от 20 февраля 1705 г.[3] завершил складывание рекрутской системы. В этом указе впервые упоминается термин «рекрут». К указу прилагались «статьи, данные стольником о сборе даточных солдат или рекрут», которые содержали правила набора. Особенно важной была 12-я статья, установившая постоянные округа комплектования. Окончательно рекрутская система установилась в 1710 г.

Переход к единой системе комплектования не мог быть осуществлен без более или менее точного учета тяглого населения, из состава которого должны производиться наборы. Однако производившиеся переписи оказались неудовлетворительными, и поэтому при наборе рекрутов, как и при сборе податей, продолжали руководствоваться переписными книгами 1678 г. Подворная раскладка при наборе рекрутов проводилась до 1723 г. Только подушная перепись дала возможность более точно определить численность мужского населения и перейти с 1723 г. к раскладке рекрутов по числу душ м. п.

Всего за период с 1699 по 1725 г. было проведено 53 набора, из них 21 основной, производившийся среди податного населения всего государства, и 32 дополнительных. Дополнительные наборы производились либо по отдельным губерниям, либо относились к определенным разрядам крестьян. Эти 53 набора обеспечили поступление в армию 284 187 чел.[4]

Рекрутская система всей тяжестью ложилась на крестьянство и посадских людей, оказывавших сопротивление частым наборам. Главной формой протеста были побеги, число которых вначале было небольшим, но затем с 1705 г. в связи с увеличением наборов значительно возросло. Правительство, борясь с этими явлениями, прибегало к самым суровым мерам.

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 1820, стр. 92—94.

[2] *Д. Ф. Масловский.* Записки по истории военного искусства в России, вып. 1. СПб., 1891, стр. 68.

[43] ПСЗ, т. VI, № 2036, стр. 291—295.

Л. Г. Бескровный. Строительство русской армии в XVIII в. (рукопись. Гос. библиотека им. В. И. Ленина). М. В. Клочков (Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. I, СПб., 1911) приводит иные цифры.

Указы требовали, чтобы беглых рекрутов били кнутом, ссылали на каторгу и даже подвергали смертной казни. Одной из мер, к которым прибегало правительство, являлась круговая порука. Кроме поручившихся, несли ответственность за побеги родственники рекрутов. «Наборщики» заковывали рекрутов во время следования на сборный пункт или накалывали кресты на руках. В указе 1712 г. Петр запретил рекрутов «в дорогу ковать, в колодках весть и вязать» и предлагал лишь «в дороге весть с великою опасностью и без всякой тесноты»[1].

Проверка 1719 г. показала, что «оные указы от большей части не исполняются, и как в зборах по губерниям, так и в отправлениях и в приводе тех рекрутов всякие непорядки и поныне в некоторых губерниях продолжаютца... когда в губерниях рекрут зберут, то с начала из домов их ведут скованными, а приведючи в город держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам не по малу времени»[2]. В том же году Военная коллегия разработала специальную инструкцию — «Учреждение о содержании и довольствии рекрут»[3], в которой определялись правила набора рекрутов и порядок их доставки в армию. Принятые меры по улучшению порядка набора и следования рекрутов несколько уменьшили число побегов, однако, все же оно было велико.

Несмотря на крупные недочеты, рекрутская система в общем была положительным явлением. Она дала возможность иметь большую однородную по национальному составу армию, обладавшую лучшими боевыми качествами, чем наемные армии Западной Европы. Главным недостатком рекрутской системы являлась невозможность получения обученных солдат для армии. Отрицательные стороны постоянного вливания в войска необученных рекрутов были смягчены тем, что, начиная с 1719 г., в каждой губернии стали оставлять в гарнизонных частях для обучения не более $^1/_3$ призванных, а обученных гарнизонных солдат отсылали в полевые войска. Указ подчеркивал, чтобы из гарнизонов «не худых давали под жестоким штрафом... не от прихоти своей и не по прихотям генеральским и офицерским отдавали одних лучших в один полк, а в другие худых», а «со всякой части» (лучших, средних и худших.— *Ред.*) в каждый полк «по препорции давать»[4]. Эта мера лишь отчасти позволила решить вопрос об обученных резервах, в которых армия остро нуждалась, особенно во время войны.

Вместе с изменением способов комплектования войск изменялась также система их организации. Войска получили новую организацию в 1699 г. При формировании полевых полков были использованы кадры из гвар-

---

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), оп. 3, связка 3, кн. 23, стр. 682.

[2] Там же, ф. ВУА, оп. 1, связка 126, д. 1—76, лл. 250—251.

[3] Там же, ф. Воинских комиссий, оп. 121, связка 33, д. б/№, лл. 525—527.

[4] Там же, ф. Военной канцелярии, ч. IV, связка 126, д. 1—76, л. 250.

дейских и выборных полков. При организации новоприборных полков образцом послужили гвардейские полки. Из 27 пехотных полков 5 имели по 8 рот, а 22 — по 12 рот. Высшей тактической единицей в это время являлся полк. Сведение всех пехотных полков в три генеральства (дивизии) имело в своей основе не тактические основания, а административные. Полки при этом не теряли своей самостоятельности.

Первоначальная организация полевых войск, куда вошло 2 гвардейских, 27 пехотных и 2 драгунских полка, была закончена в конце 1699 г.

Вопрос о численности армии возник в первые же годы войны. По этому вопросу среди генералитета были существенные разногласия, в частности фельдмаршал Огильви, исходя из опыта западных наемных армий, считал необходимым иметь небольшую, но вымуштрованную армию, состоящую из 30 пехотных и 16 кавалерийских полков. Однако Петр не согласился с предложением Огильви и приказал увеличить число пехотных полков до 52 (из них 5 гренадерских) и кавалерийских полков до 33. До такого состава полевая армия была доведена в 1708 г. Необходимость увеличения армии вызывалась обстановкой на театрах войны. Только после полтавской победы 1709 г. стало возможным уменьшить численность армии и стабилизировать штаты; по новым штатам было «оставлено всей инфантерии 42 полка» численностью в 62 454 чел. Из них положено было иметь 2 гвардейских, 5 гренадерских и 35 пехотных полков. Согласно этим же штатам было установлено иметь 33 драгунских полка численностью в 43 824 чел. [1]

Установление твердых штатов явилось следствием тщательной проверки их целесообразности в боевой обстановке. Штаты 1711 г. продержались без изменения до 1720 г.[2], когда была введена новая табель полевой армии, согласно которой ее численность была увеличена. В части пехотных формирований было определено иметь 51 полк, в том числе 2 гвардейских, 5 гренадерских, 35 пехотных полков и, кроме того, 9 полков низового корпуса. В коннице было определено иметь попрежнему 33 драгунских полка, из них 3 гренадерских и 30 фузилерных полков, кроме того, оставалось 4 полка в низовом корпусе.

Штаты 1720 г. предусматривали также существование артиллерийского полка, фактически сформированного еще в 1700 г., но получившего твердый штат только в 1712 г. К 1725 г. полевая армия (пехота, кавалерия и артиллерия) насчитывала около 130 тыс. чел.[3]

Особое внимание было обращено на гарнизонные войска, обеспечивавшие «порядок» внутри страны. По своей численности они почти равнялись полевой армии. Службу в гарнизонных войсках несли главным образом стрельцы и солдаты. Увеличение числа войск и организационное

---

[1] ЦГВИА, ф. Кабинет е. и. в. (кабинетские дела), оп. 119, связка 26, д. 3, лл. 1, 2, 5.

[2] ПСЗ, т. VI, № 3511, стр. 127.

[3] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства . . ., кн. 2. М., 1831, стр. 202.

оформление их по типу и штатам полевых войск произошло после башкирского восстания и восстаний в Астрахани и на Дону в 1705—1708 гг. Однако и после подавления этих восстаний численность гарнизонных войск продолжала расти. Изменение штатов и числа гарнизонных войск продолжалось всю первую четверть XVIII в. В их составе насчитывалось 45 пехотных полков и 3 отдельных батальона, 4 драгунских полка и один эскадрон. Общая численность гарнизонных войск в это время достигала 68 тыс. чел.

Кроме того, нужно указать на образование в 1711 г. ландмилиции из людей «прежних служб», то есть солдат, рейтар, драгун, поместной конницы и т. д. Вначале было предложено иметь 5 конно-иррегулярных полков, но затем в 1723 г. их число было доведено до 6 по тысяче человек в каждом полку.

В 1723 г. было положено также начало гусарским полкам. Наконец, отдельную группу составили иррегулярные казачьи полки, украинские казачьи полки и национальные формирования общей численностью в 105—107 тыс. чел.

Принципы организации полевой армии изложены в «Уставе воинском» 1716 г. «Нужно есть,— пишет Петр,— сочинять армию свою, смотря неприятельской силы, или онаго намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть»[1]. Таким образом, организация армии приспособлялась к задачам, встававшим в ходе войны: дивизии состояли из нескольких бригад пехоты и конницы; особо был выделен «корпус резерва» и подвижной легкий корпус — «корволант», когда военные действия приняли маневренный характер. Состав дивизий, бригад и корпусов изменялся в зависимости от задач и потребностей. Так, например, в 1705 г. была создана конная армия, которой командовал А. Д. Меншиков.

Создавая большую по тому времени армию, следовало обеспечить ее оружием, боеприпасами, снаряжением, продовольствием и т. д. Все эти вопросы приходилось решать во время войны, и при этом возникало немало трудностей. Без собственной материальной базы нельзя было добиться победоносного завершения войны. Поэтому в период подготовки к войне и в особенности со времени ее начала правительство развивало исключительную энергию в строительстве промышленных предприятий для снабжения армии и усиления обороны страны.

В ходе войны было построено два крупных оружейных завода в Туле и Сестрорецке, а также ряд заводов по производству пушек и боеприпасов в центре страны, в Олонецком крае, на юге и на Урале. Эти предприятия полностью покрывали потребность армии в оружии и боеприпасах[2].

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 211.

[2] *Л. Г. Бескровный.* Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 101—141.

Ружье первой четверти XVIII в.
Государственный Исторический музей.

Имевшиеся накануне Северной войны пороховые заводы не могли обеспечить потребность армии в порохе, поэтому были построены крупные казенные заводы на Охте и в Петербурге. Русская армия, начиная с 1706—1708 гг., получала ежегодно по 30—40 тыс. пудов высококачественного пороха. Оружейные и пороховые заводы вполне обеспечили армию необходимым оружием и боеприпасами.

На вооружении русской армии было семилинейное гладкоствольное ружье (фузея) с удобным, слегка изогнутым прикладом. Это было лучшее в Европе ружье. Оно несколько уступало мушкетам в дальнобойности, но зато в два раза превосходило их в скорострельности и, главное, позволяло вести прицельный огонь. Дальность стрельбы из ружья была равна 300 шагам, а действительный огонь велся на 60 шагов. Для усиления скорострельности в 1714 г. был введен железный шомпол. Пехотное ружье еще с 1704 г. было снабжено улучшенным штыком, что позволяло использовать ружье не только для огня, но и для удара.

На вооружении пехотных полков состояла также полковая артиллерия в составе двух трехфунтовых орудий и четырех легких мортир. Кроме того, пехота имела на вооружении гранаты, которыми были снабжены гренадерские роты. Все это вооружение позволяло пехоте вести как дальний, так и ближний бой.

Драгунская конница была вооружена укороченными ружьями, длинными пистолетами и палашами. Одна рота в драгунском полку имела на вооружении гранаты. Каждый кавалерийский полк имел свою конную артиллерию в составе двух длинных гаубиц и четырех мортир. Наличное вооружение позволяло вести драгунам бой как в конном, так и в пешем строю.

Существенные изменения произошли в полевой артиллерии. Кроме артиллерийского полка, в составе полевой армии находилась полевая артиллерия. На ее вооружении состояли трех-, четырех-, шести-, восьми- и двенадцатифунтовые пушки, однопудовые и двухпудовые мортиры, четвертьпудовые и полупудовые гаубицы, стрелявшие ядрами и бомбами от 1200 до 3000 шагов и картечью от 200 до 400 шагов.

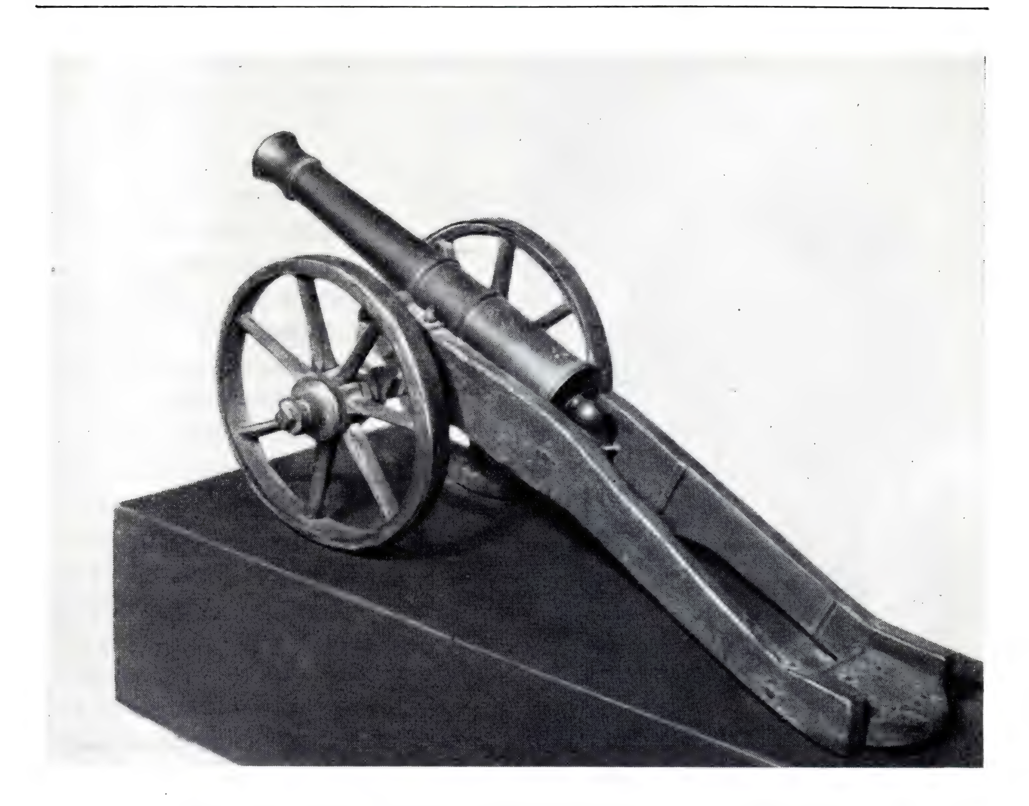
Для ружей и пушек были введены единые калибры. Отливка пушек производилась по русским конструкциям В. Корчмина. Этим были

созданы материальные предпосылки для установления единых принципов боевой подготовки войска. Новшества в вооружении, организации и тактике, которые вводились в русской армии во время Северной войны, спустя много лет заимствовались западноевропейскими армиями.

Одновременно с созданием типового вооружения совершался переход к единой военной форме. Еще в XVII в., на 40—50 лет раньше, чем в Западной Европе, в русской армии существовала форма, однако она не была единой, каждый полк имел свою форму, и это создавало трудности в управлении войсками во время боя. Введенная Петром унификация формы также способствовала улучшению боевой подготовки войск. Пехотные полки были обмундированы в зеленые кафтаны и черные шляпы, а кавалерийские — в синие кафтаны и черные шляпы. Россия в XVII в. не имела суконных мануфактур. Производилось грубое сукно, а тонкие сукна ввозились из-за границы. Задача обеспечения армии отечественным сукном была решена путем строительства суконных мануфактур. Во время войны было создано 15 предприятий (8 суконных, 5 каразейных и 2 каламяночных), которые выпускали в год до 300 тыс. аршин сукна и до 200 тыс. аршин подкладочного материала. Правда, этого количества нехватало и еще приходилось иногда делать закупки за границей, но это уже были единичные случаи. Для удовлетворения нужд армии в коже возникло более 20 предприятий, где изготовлялись сапоги, башмаки, пояса и другие предметы военного снаряжения.

Самым сложным вопросом обеспечения армии явилось снабжение войска продовольствием. В XVII в. для содержания армии взимались постоянные денежные и хлебные налоги, а также производились единовременные сборы. Неупорядоченность этого дела мешала нормальному обеспечению постоянной регулярной армии, находившейся на полном содержании государства и нуждавшейся в бесперебойном получении продовольствия и фуража. Одна из целей проведенной в 1710 г. переписи состояла в установлении табели с расписанием по губерниям числа дворов, в соответствии с которыми все доходы, получаемые в губерниях, были разделены на содержание армии и флота. В соответствии с переписью в 1711 г. была произведена раскладка полков на губернии. Уже в этом году правительство обязало губернаторов изыскивать средства «понеже на те полки спрашивано будет с декабря месяца на губерниях»[1]. Однако сразу перевести армию на такую систему обеспечения не удалось, так как имевшиеся в распоряжении правительства сведения требовали существенного уточнения. Поэтому пришлось вернуться к старым переписным книгам 1678 г. Сенат указал в 1712 г., чтобы налоги собирали деньгами и натурою, как в прошлое время. Существовавшая неупорядоченность учета объектов обложения исключала возможность регулировать бесперебойное поступление продуктов. Ничего не дала также так называемая

[1] ЦГАДА, ф. Сената, д. 4/4, 1711 г., л. 334.

Полевая пушка, отлитая на олонецких заводах в 1723 г.
Государственный Исторический музей.

ландратская перепись, проведенная в 1715—1717 гг.[1], но уже в это время правительство пришло к выводу о необходимости проведения подушной переписи, которая и была осуществлена в 1718—1724 гг. Весь расход на содержание армии был разделен на 5,4 млн. душ м. п., и с каждой души было велено собирать в год по 74 коп. с помещичьих крестьян и в несколько большем размере с казенных крестьян и посадских людей.

После проведения переписи войска перешли к снабжению по «плакату». Получаемые с населения денежные налоги шли в основном на закупку хлеба, круп и мяса для армии. Значительная часть продовольствия взималась с населения в форме натуральных поставок.

Вопросами продовольствия ведал генерал-провиантмейстер, в распоряжении которого находились продовольственные базы, откуда полки получали свои нормы. Однако наряду с этим практиковалась также система реквизиции и закупок в районе действия войск. В 1703 — 1705 гг. магазины пополнялись главным образом «от земли». В последующие годы полевая армия довольствовалась из ресурсов занятых районов, хлеб реквизировался или закупался в Польше или Литве. После Прутского похода войска снабжа-

[1] *М. М. Богословский*. Областная реформа Петра Великого, М., 1902, стр. 322.

Мундир Преображенского полка, принадлежавший Петру I.
Государственный Исторический музей.

лись преимущественно из магазинов. Наконец, после войны были развернуты главные магазины в Петербурге, Риге, на Дону, Днепре, Десне и в Астрахани, где были сосредоточены хлебные резервы, а войска получали деньги на покупку хлеба в местах их расположения [1]. Такая система снабжения не связывала маневренность войск, в то время как господствующая на Западе пятипереходная система сковывала действия войск [2]. Нормы снабжения были определены уставом 1716 г.

В ходе Северной войны сложилась русская национальная система боевой подготовки, отличавшаяся четкими организационными формами и методами, обеспечивавшими успех на полях сражения. Эта система определялась, с одной стороны, теми способами комплектования и организации, которые отражали существующие в стране социально-экономические отношения, а также определялась имеющейся на вооружении военной техникой, сложившимися способами ведения войны и военных действий. Наступательная стратегия и активная тактика нашли свое отражение в постановке обучения. Войска обучали тому, что было нужно на войне. Они не только обучались элементам строя и стрельбе, но и усваивали необходимые формы ведения боевых действий как в линейном, так и в других боевых порядках. Обучение было разделено на одиночное и совместное. Одиночное обучение состояло в изучении строев, приемов стрельбы и действий штыком. Совместное же

---

[1] В военное время в солдатскую дневную норму входило 2 фунта хлеба, 1 фунт мяса, 2 чарки вина, 1 гарнец пива; $1^1/_2$ гарнца крупы (на месяц), 2 фунта соли (на месяц).

[2] По этой системе армия зависела от дислокации баз снабжения. Полководцы Запада вынуждены были искать решения задач войны в кордонной системе. Русская же система обеспечивала широкий маневр на всем театре войны.

обучение имело целью привить навыки ведения боя на основе принципов линейной тактики.

Военные уставы начала XVIII в. обобщали опыт русской армии на каждом отдельном этапе войны. Разработка уставов началась в первые же годы проведения военных реформ, причем первые уставы были созданы Петром при участии Вейде и Головина: «Строевое положение», «Краткое обыкновенное ученье» и «Краткое положение об учении конного драгунского строю». Эти уставы отличались простотой и целесообразностью и решали вопросы боевой подготовки войск в духе линейной тактики. Построение войск в линию, вздваивание рядов и шеренг, самые необходимые ружейные приемы для стрельбы и приемы штыкового боя составляли основное содержание этих уставов.

В период с 1705 по 1716 г. был издан ряд инструкций и наставлений, в которых не только развиваются принципы линейной тактики, но и намечаются контуры новой тактики — тактики действия колоннами. Особенно важны в этом отношении «Учреждение к бою» и «Для военной битвы правила»[1]. Петр рекомендует использовать в бою не только линию, но и линию с поддержками, а также две линии, причем вторая линия служит резервом для первой, и, наконец, предлагает ставить столько линий, сколько место позволит «для проломления фронту». «Учреждение к бою» требовало от офицеров заниматься тактической подготовкой войск.

В 1716 г. был издан «Устав воинский»[2], который обобщил пятнадцатилетний опыт Северной войны. В уставе были закреплены все достижения русской армии в части ее организации, тактического устройства и боевой подготовки. Устав решительно отвергает шаблон в области тактики. Петр неоднократно указывал, что в уставе лишь «порядки писаны, а времян и случаев нет», то есть он не считал возможным подгонять к уставу богатую боевую практику.

«Устав воинский» состоит из трех книг. В первую книгу входят статьи, определяющие состав армии, ее организацию и устройство, здесь же дано описание обязанностей высших чинов в армии и определены основы полевой службы. Вторая книга — «Артикул воинский» — является военно-дисциплинарным и военно-уголовным кодексом. В ней приведена присяга и воинские артикулы с толкованиями. В «Артикуле воинском» рассматривались вопросы военного права, излагались и толковались законы в классовом духе. Основные преступления — измена, уклонение от военной службы, проявление опасной деятельности для государства и армии — жестоко карались. В то же время «Артикул воинский» значительно отличается от западноевропейских уставов. Хотя в нем имеется много статей, предусматривающих самые суровые наказания за нарушения службы

---

[1] *Л. Г. Бескровный.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947, стр. 152—154; сб. «Военные уставы Петра Великого». М., 1946, стр. 45—64.

[2] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 203—453.

(смертная казнь, шпицрутены и т. п.), однако «Артикул воинский» сочетает принудительные меры с мерами воспитательными, подчеркивая важность функций военной службы как «защиты интереса государственного». Третья книга содержит основные положения строевого и тактического обучения, дает характеристику походным движениям и определяет права и обязанности полковых чинов.

Огромное значение в уставе придавалось формированию высокого морального духа войск. Победу обеспечивают «добрые порядки», то есть дисциплина и военное искусство, «храбрые сердца» и «справное оружие». Устав подчеркивает, что «имя солдат просто содержит в себе всех людей, которые в войске суть, от вышнего генерала и даже до последнего мушкетера, конного и пешего». Этим подчеркивалось значение каждого в бою и указывалось на значение человека вообще как главной силы. Эта система обучения, несомненно, была самой прогрессивной системой того времени. Она легла в основу русской национальной системы, развитой впоследствии Румянцевым и Суворовым.

Громадное значение Петр придавал делу воспитания войск. В отличие от прусской школы, основанной на палочной муштре, русская система в основу воспитания кладет формирование высоких нравственных качеств— мужества, храбрости, взаимной выручки в бою. Этого требовали как «Воинские статьи», так и «Устав воинский». «Всякий начальный человек и солдат,—говорится в «Воинских статьях»,—должен и обязан быть имеет товарища своего от неприятеля выручать, пушечный снаряд оборонять и прапорец и знамя свое, елико возможно, боронить так, коль ему люб живот и честь его»[1].

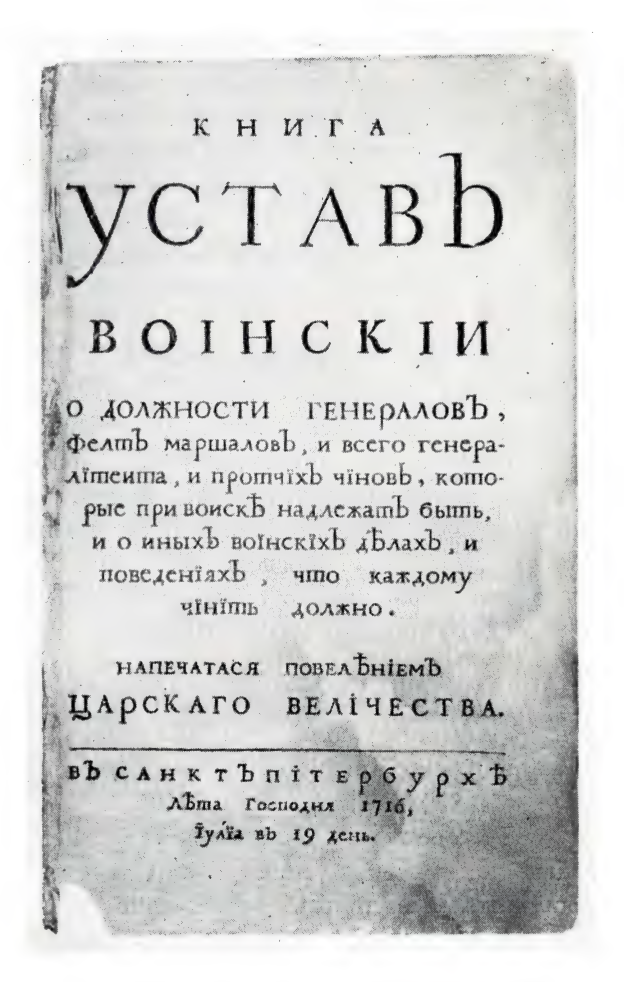
Все это обеспечивало воспитание высоких моральных качеств, помогавших солдатам переносить трудности войны. Вместе с тем это воспитание носило классовый характер, поскольку армия была призвана укреплять национальное государство помещиков и торговцев.

Успешная организация и дальнейшее развитие регулярной армии в значительной мере зависели от качества и своевременности подготовки офицерских кадров. В начале реформы правительство не располагало достаточным числом знающих военное дело офицеров и унтер-офицеров. Командные кадры распущенных стрелецких полков были неблагонадежными и от их использования временно воздержались. Некоторую часть русских и иностранных офицеров дали солдатские полки, однако их было мало. Для 27 пехотных и 2 драгунских полков потребовалось 1156 штаб- и обер-офицеров и 2320 унтер-офицеров. Только острая необходимость заставила правительство использовать числившихся на учете в Иноземном приказе 300 иностранных офицеров. Однако Петр вскоре убедился

[1] *А. З. Мышлаевский.* Петр Великий. Военные законы и инструкции. «Сборник военно-исторических материалов» («Сб. ВИМ»), вып. IX. СПб., 1894, стр. 23; *П. П. Епифанов.* Воинский устав Петра Великого. Сб. «Петр Великий», М.— Л., 1947, стр. 167—213.

в плохом их качестве. А. М. Головин, стоявший во главе одной из трех дивизий, сформированных из новобранцев в 1699 г., сообщал Петру: «Они своего дела не знают, сперва их нужно учить, и труды пропадают даром». Отослав большую часть направленных к нему офицеров, Головин попросил разрешения набирать офицеров из русских дворян, «лутче я их буду учить, нежели тех, которые присланы из Иноземского приказу: трудов к ним много положено, а иные и ныне за мушкет не умеют приняться»[1].

В конце мая 1700 г. были разосланы указы о явке дворян на смотр в Москву. В результате смотра на офицерские должности было направлено около 2 тыс. дворян. Таким образом, при устройстве новых полков большая часть офицерских должностей была замещена русскими, что Петр отметил в Поденной записке: «офицеры во всех тех дивизиях... из дворян набираны и учены; и тако удивительно сей корпус был, понеже как офицеры, так и солдаты все двоелетние суть были рекруты»[2].

КНИГА

УСТАВЪ

ВОІНСКІИ

о должности генераловъ, фелтъ маршаловъ, и всего генералітета, и протчіхъ чіновъ, которые при воискѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно.

НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА.

ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ
Лѣта Господня 1716,
Іулія въ 19 день.

Титульный лист книги «Устав воинский», 1716 г.

Поведение иностранцев под Нарвой еще более убедило правительство в необходимости комплектования офицерского корпуса русскими дворянами. Правда, сразу отказаться от использования иностранцев не представлялось возможным, но Петр I учитывал, что «чрез таких людей мы, несмотря толь много вотще издержанных проторей, желаемого и чаянного

---

[1] *М. М. Богословский.* Петр I, т. IV, М., 1948, стр. 183.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1. СПб., 1770, стр. 5.

намерения не возмогли достигнути» [1], и поэтому принял решительные меры по подготовке офицерских кадров из русских дворян. Для этого в 1699—1700 гг. была создана сеть военных школ.

Вначале офицеров готовили на практике. Всех молодых дворян обязывали пройти солдатскую службу в гвардейских полках, где они приобретали нужные знания и практические навыки. Это не исключало необходимости организовать специальную подготовку кадров. Регулярная армия требовала систематической подготовки офицеров в военных школах.

Военные школы в первой четверти XVIII в. носили ярко выраженный утилитарный характер. Первой военной школой была бомбардирская школа при Преображенском полку, учрежденная в 1698—1699 гг. В 1701 г. была открыта в Москве школа «математических и навигацких, то есть, мореходных хитростно искуств учения» [2], в которой готовились кадры для армии и флота. Штат учеников этой школы вначале был в 200 чел., а с 1710 г. определен в 500 чел. Это была первая в России реальная школа, свободная от схоластической учености и основанная на изучении точных наук. В 1701 г. Петр учредил артиллерийскую школу в Москве на 300 чел., а в 1712 г.— вторую артиллерийскую школу в Петербурге [3], в 1721 г. в петербургском лабораторном доме была открыта третья артиллерийская школа, где обучались артиллеристы, состоящие на службе. Кроме артиллерийских, были учреждены две инженерные школы, одна в 1709 г., а вторая в 1719 г [4].

В этот период организуются и другие специальные школы: хирургическая, по изучению иностранных языков и другие. Весьма важным мероприятием являлось учреждение в 1721 г. гарнизонных школ, где готовились унтер-офицерские кадры для армии, число этих школ было доведено до 50 [5].

Другой формой подготовки офицеров являлась командировка молодых дворян в Голландию, Италию, Францию и другие государства для изучения военного дела, посылали учиться также и офицеров. Так, во Францию в 1712 г. было отправлено «30 чел. от капитанов до прапорщиков добрых и молодых офицеров... имеющих доброе сердце и склонность и тщание к службе... для [изучения] всяких наук и порядков военных» [6].

---

[1] *А. Ф. Бычков.* Письма Петра Великого... СПб., 1872, стр. 97—98.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 7; *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852, стр. 5.

[3] *Н. Е. Бранденбург.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876, стр. 241; *М. Лалаев.* Исторический очерк военно-учебных заведений..., ч. 1. СПб., 1880, стр. 8—9.

[4] *Л. Г. Бескровный.* Военные школы в первой половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 42, 1953, стр. 293—294.

[5] ЦГВИА, ф. 23, оп. 121, д. 32, лл. 20—23.

[6] Там же, ф. ВУА, оп. 3, связка 3, д. 1, л. 5.

Эти мероприятия обеспечили получение для армии квалифицированных пехотных, артиллерийских и инженерных офицеров, что дало возможность отказаться в 20-х годах от приглашения иностранцев на русскую службу. Только решив вопрос о подготовке своих национальных кадров, можно было перейти к ограничению приема иностранцев на русскую службу, а затем и к полному отказу от их использования.

В 1711 г. число иностранцев в полках было ограничено до $^1/_3$, а через три года было решено проэкзаменовать всех иностранных офицеров и не знающих основ военного дела уволить со службы. В 1720 г. Военная коллегия опубликовала указ о запрещении приема иноземцев на русскую службу: «велено, чтоб приезжающих ис чюжестранных государств офицеров, которые будут приезжать и просить о принятии в службу е. ц. в. и оных не принимать, а отсылать их в прежние места, кто откуда приедет»[1]. Вслед за тем в 1721 г. было приказано в артиллерийские офицеры производить только из русских и повышать их «по достоинству и заслугам»[2]. Наконец, через год было повелено «ежели которые иноземцы в службе е. ц. в. похотят быть временно и таковых против российских рангом унизить. Разве кто даст такой реверс, что по смерть им здесь оставатца»[3].

Реорганизация армии сопровождалась изменением системы ее управления. В целях централизации управления были упразднены Иноземский и Рейтарский приказы. Управление военными делами осуществляли Разрядный приказ, ведавший служилым дворянством, и Приказ военных дел, ведавший полками нового строя. Вопросами обеспечения войск продовольствием, снаряжением и вооружением стали заниматься Приказ генерал-комиссара, Приказ артиллерии и Провиантский приказ. Делами рейтар стала ведать Золотая палата, а делами стрельцов — Приказ земских дел. Однако эта система оказалась недостаточно гибкой, и правительство в 1703 г. объединило управление Приказом военных дел с Приказом генерал-комиссара в одних руках, а в 1706 г. Приказ военных дел был преобразован в Военную канцелярию, подчиненную Комиссариату.

В связи с учреждением Сената в 1711 г. система управления военными делами несколько изменилась. При Сенате был образован Разрядный стол и Комиссариат, дела же артиллерии находились в ведении Артиллерийской канцелярии.

Процесс централизации военных дел продолжался и в последующие годы. В 1717 г. было положено начало организации Военной коллегии, которую возглавил А. Д. Меншиков. В ведомстве Военной коллегии должна

---

[1] ЦГВИА, ф. Воинских комиссий, связка 14, д. 12, л. 11. Экстракт о службе иностранных офицеров.

[2] Государственная библиотека им. В. И. Ленина, отдел рукописей, 126 ОПТ, экстракт из законов.

[3] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, ч. 4, связка 126, д. 1—76, л. 29.

была находиться армия, гарнизоны «и все воинские дела..., которые прилучаются во всем государстве»[1], окончательно устройство Военной коллегии было определено указом 1719 г.[2]

Полевое управление армией осуществлялось через полевой генеральный штаб, являвшийся вспомогательным органом главнокомандующего.

Особенностью полевого управления являлось установленное правило обсуждать все вопросы на военных советах — консилиях. Консилии являлись совещательным органом при главнокомандующем и не нарушали единоначалия. Петр понимал важность единоначалия и всячески укреплял его в войсках. Военные советы должны были облегчить командующему изучение обстановки и разработку планов военных действий. Петр I подчеркивал, что «дела воинские не в едином равном порядке обретаютца», а потому действовать необходимо, исходя из «случая и времен», «дабы отечеству прибыль, а неприятелю убыток сыскать».

Дивизии и бригады своих штабов не имели, они являлись временными военными соединениями. Высшей тактической единицей в армии являлся полк. Командир полка имел свой штаб, состоявший из трех старших офицеров и восьми младших офицеров.

Разработанные в это время формы управления армии были достаточно гибкими, они вполне отвечали требованиям времени, удержавшись почти в течение всего XVIII в. Элементы регулярности, имевшие место в армии XVII в., получили стройную систему в реформах первой четверти XVIII в.

Вновь созданная русская регулярная армия показала свои высокие боевые качества на полях сражений со шведскими войсками. Преимущества комплектования, обучения, вооружения и снаряжения русской армии проявились в битвах под Лесной, Полтавой и в других сражениях. В то же время эта армия служила оплотом абсолютизма в борьбе с народными движениями. Даже в наиболее напряженный предполтавский период войны численность гарнизонных полков, охранявших интересы господствующего класса против выступлений народных масс, приближалась к численности войск действующей армии.

* * *

Одновременно с созданием регулярной армии проходило строительство военно-морского флота. Его возникновение было продиктовано вставшими перед страной задачами — ни над Турцией, ни над Швецией нельзя было добиться окончательной победы и тем более закрепиться на морских берегах без сильного морского флота. Русский военно-морской флот со-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3133, стр. 528; № 3255, стр. 601.

[2] Там же, № 3383, стр. 712—713. Военной коллегии были затем подчинены Канцелярия главной артиллерии, Оружейная канцелярия, Канцелярия главной фортификации и Комиссариат. При коллегии состояли генерал-аудитор и генерал-фискал.

Ботик «Фортуна», входивший в состав Переяславской флотилии.
Музей в г. Переяславле-Залесском.

здавался не на пустом месте: уже в XVII в. был накоплен некоторый опыт, хотя русские моряки действовали главным образом на Белом море, не всегда доступном для мореплавания. От Балтики и Черного моря Россия была в это время отрезана. Экономическое развитие России со всей остротой ставило задачу завоевания выходов к морям и создания Балтийского и Черноморского флотов. Необходимость этого понимал уже Иван IV, который вел упорную войну против Ливонии. Однако ни Ивану IV в XVI в., ни его преемникам в XVII в. не удалось решить эту задачу, хотя в войне со Швецией в 1656—1661 гг. предпринимались попытки использовать военно-морские силы.

Для установления торговых связей с Востоком в 1667 г. было приказано «для посылок из Астрахани на Хвалынское (Каспийское) море делать карабли в Коломенском уезде в селе Дединове», где издавна делали речные корабли.

Под руководством русских и голландских мастеров и под присмотром А. Л. Ордына-Нащокина за два года в Дединове был построен трехмачтовый корабль «Орел», яхта, бот и несколько шлюпок[1]. По словам Петра, «от вышеупомянутого начинания, яко от семени, нынешнее морское дело произошло»[2].

[1] «Дополнения к Актам Историческим», т. 5. СПб., 1853, № 46, стр. 211—247.

[2] *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. II. СПб., 1858, прилож., стр. 398.

Первые мероприятия по созданию флота были осуществлены еще в конце XVII в. После первых опытов плаванья на найденном в Измайлове ботике Петр I перешел к созданию флотилии на Переяславском озере. К 1692 г. на переяславской верфи было построено несколько судов. С 1693 г. было начато строительство судов на Белом море. Уже к 1694 г. на воду был спущен один корабль и яхта, кроме того, еще один корабль был куплен в Голландии. Таким образом, к 1694 г. на Белом море была создана небольшая военная эскадра. К концу XVII в. относится также начало создания Азовского флота, который принял участие в Азовских походах.

Неудачные результаты первого Азовского похода заставили подумать о строительстве «морского каравана» для овладения крепостью. В связи с этим срочно началась закладка кораблей. На созданных верфях в Преображенском, Воронеже, Козлове и других местах, отовсюду вызванные мастера и плотники стали строить галеры, брандеры и струги.

К весне 1696 г. были закончены 36-пушечные корабли «Апостол Петр» и «Апостол Павел», 4 брандера, 23 галеры, 30 морских лодок и 1300 стругов. На строительстве работали десятки тысяч солдат и работных людей. Адмиралом флота был назначен Лефорт. Личный состав флота был укомплектован солдатами гвардейских полков (4251 чел.), из которых было сформировано 28 отдельных рот и отдельный отряд при адмирале. Четвертой ротой командовал «капитан Петр Алексеев», то есть Петр I. К 1696 г. относится составление первого морского устава «Указа по галерам», в котором определялись походный и боевой порядок и излагались основные тактические положения. Большое значение Петр придавал единству действий в походе и бою. «Под великим запрещением,— писал он,— должны друг друга не оставить». «А естли в бою кто товарыща своего покинет или не в своем месте пойдет, такова наказать смертью, разве законная причина к тому ево привела»[1].

Молодой флот не только целиком оправдал себя под Азовом, способствуя успеху второго Азовского похода, но сыграл свою роль и в последующие годы. Завоевание Азова еще не открывало путь в Черное море, за выход к нему еще предстояла борьба с Турцией. В октябре 1696 г. Петр I писал Боярской думе: «... К сему же потребен есть флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящей...» Боярская дума 20 октября 1696 г. постановила: «Морским судам быть, а скольким, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том выписать и доложить...»[2] Это значило, что численный состав флота должен быть определен в соответствии с доходами, поступавшими с крестьян по переписи дворов.

---

[1] ПиБ, т. 1, СПб., 1887, № 88—89, стр. 64—68; *С. И. Елагин.* История русского флота, приложение, ч. 1. СПб., 1884, стр. 58—60.

[2] ПиБ, т. 1, № 125, стр. 111—113.

Азовский флот в 1699 г. Гравюра из «Дневника» И. Корба 1698—1699 гг.

Это решение означало рождение русского регулярного военно-морского флота. Все духовные и светские землевладельцы были записаны в «кумпанства». Всего было образовано 17 духовных и 18 дворянских «кумпанств». Каждое «кумпанство», имеющее 8—10 тыс. дворов, должно было построить по одному кораблю. Кроме того, купечество, посадские люди и гости должны были построить 14 кораблей «своим иждивением». Наконец, на «пятинные деньги», собираемые с мелких землевладельцев, также строились 16 кораблей и 60 бригантин.

К весне 1698 г. было готово 52 корабля, которые следовало укомплектовать опытными кадрами. Великому посольству, отправленному за границу, было поручено одновременно изучать опыт кораблестроения в Голландии и Англии. Волонтерам, посылаемым для науки за границу, предлагалось изучать «чертежи или карты морские, компас, также и прочая признаки морские...», «владеть судном как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти, или инструменты к тому надлежащие»[1]. Великое посольство наняло на русскую службу иностранных моряков. Первый этап

[1] ПиБ, т. I, № 128—129, стр. 116—117.

был завершен, таким образом, созданием довольно большого Азовского флота. Одновременно правительство заботилось об укреплении Азова и строительстве гавани в Таганроге.

Еще более сложные задачи встали при создании Балтийского флота. Его строительство началось в первый период Северной войны, когда русские войска овладели выходом к Балтике. В 1702 г. стольнику И. Татищеву было поручено строить «с великим поспешением» шесть фрегатов на реке Сяси. В 1703 г. было начато строительство фрегатов, галер, бригантин и других судов в Лодейном поле на Свири[1]. Здесь 29 августа 1703 г. был спущен первенец Балтийского флота — 28-пушечный фрегат «Штандарт». К лету 1704 г. были готовы: шесть фрегатов, четыре шнявы, четыре галеры, 24 полугалеры, один галиот, один пакетбот. Кроме того, на реке Луге было сооружено 44 бригантины и в Селицком рядке на реке Волхове — две шнявы, десять шхун и одна тартана. Строились корабли также на реке Ижоре. Молодой Балтийский флот в октябре 1704 г. вошел в Неву, ему предстояло померяться силами со шведским флотом на просторах Балтики.

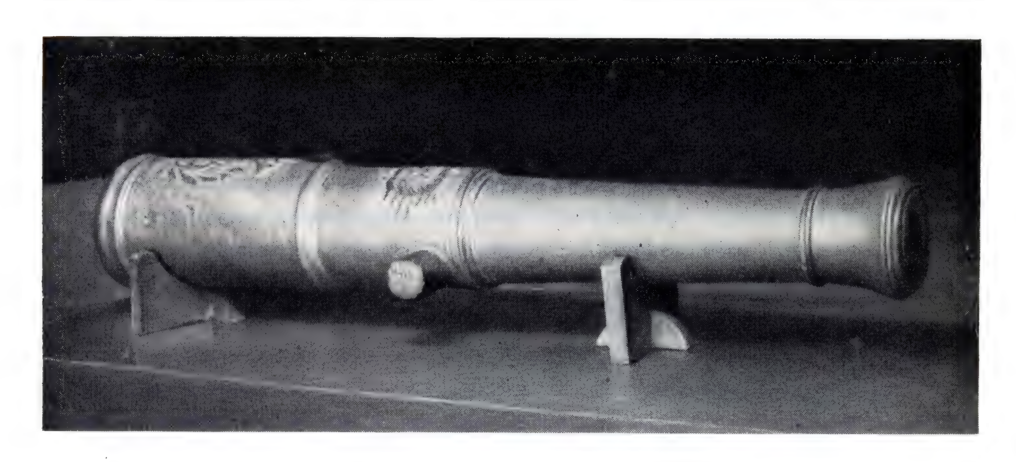
Флот был укомплектован из призываемых рекрутов. К этому времени относится и создание морской пехоты. Было приказано «учинить полки морских салдат (числом по флоту смотря) и разделить оных по капитанам вечно»[2].

В Петербурге была сооружена для строительства кораблей Адмиралтейская верфь. Одновременно продолжались работы по сооружению Кронштадтской крепости. В конце 1704 г. на южной отмели Котлина вступил в строй бастион из 14 орудий, а на самом острове установлена 60-орудийная батарея. Осмотрев крепость, Петр приказал «содержать сию ситадель, с божиею помощию, аще случится, хотя до последнего человека»[3]. Сооружение Балтийского флота потребовало затраты значительных денежных сумм. С 1701 по 1709 г. расходы на флот составили 6 296 287 руб.; по тем временам это была громадная сумма.

Шведы были сильно обеспокоены возникновением русского флота на Балтике, однако их попытки уничтожить его остались безуспешными.

К началу 1710 г. в состав Балтийского флота входило 12 линейных кораблей, 8 фрегатов, 8 галер, 6 брандеров, 20 бригантин, 2 бомбардирских корабля и довольно большое число мелких судов. Кроме того, завершалось строительство трех 45-пушечных кораблей. Галерный флот пока только зарождался и был слаб для выполнения самостоятельных заданий. Однако и этих сил было достаточно для обеспечения действий полевых войск под Выборгом. Русские войска по льду подошли к Выборгу и осадили крепость. В апреле к Выборгу подошел также флот, доставивший тяжелую артиллерию и дополнительные силы. Совместные действия войск и флота

[1] «Морской сборник», № 10. СПб., 1869, стр. 152.
[2] ПиБ, т. III, № 728, стр. 164.
[3] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. IV, ч. 1. СПб., 1863, стр. 250.

Чугунная крепостная пушка, отлитая на олонецких заводах в 1719 г.
Государственный Исторический музей.

ускорили сдачу города, гарнизон которого, «прийдя в отчаяние», капитулировал 13 июня 1710 г. Теперь Балтийский флот имел еще одну удобную гавань. В этом же году были достигнуты крупные успехи в Эстляндии и Лифляндии. В июле была взята Рига, а в сентябре Ревель, ставшие новыми базами Балтийского флота. Дальнейшее строительство флота на Балтике несколько задержалось в связи с начавшейся войной с Турцией в 1711 г. и было возобновлено после Прутского похода. Заключение мира с Турцией позволило сосредоточить внимание на финляндском театре. Основная задача состояла в овладении Финляндией как базой для дальнейшей борьбы против Швеции. В этих целях был сформирован Ингерманландский корпус. Для содействия полевым войскам с моря нужен был крупный флот.

На первом заседании Сената в 1711 г. было решено построить десять 60-пушечных кораблей, десять 50-пушечных кораблей, шесть 26-пушечных фрегатов и шесть 12- или 14-пушечных шняв [1]. Это строительство должно было проводиться в Петербурге. Кроме того, в Архангельске было заложено для Балтики три 52-пушечных корабля. Однако постройка этих кораблей требовала времени.

Выход из положения был найден в том, что решено было покупать корабли за границей. Уже в 1711—1712 гг. было куплено за границей восемь кораблей, которые и прибыли в Ревель и Петербург. В это же время было обращено внимание на создание флота для действий в шхерах. Петр считал необходимым к 1713 г. довести число бригантин и скампавей до 200 единиц. На реках Ижоре и Луге было вновь заложено 90 бригантин и 50 скампавей. Весною эти суда были построены [2].

---

[1] Сб. РИО, т. 61, стр. 224.

[2] «Материалы для истории русского флота», ч. I. СПб., 1865, №№ 489, 491, 494, 495, 523, 534.

Придавая большое значение гребному флоту, правительство не забывало также о корабельном флоте, без которого нельзя было добиться господства на Балтике. Корабли, купленные за границей, оказались хуже судов отечественной постройки. Осмотрев купленные в 1713 г. корабли, Петр нашел, что они «подлинно достойны звания приемышей, ибо подлинно столь отстоят от наших кораблей, как отцу приемыш от родного сына; ибо гораздо малы перед нашими, хотя и пушек столькое ж число, да не таких и не таким простором; а паче всего что французский и английский зело тупы на парусах...»[1]

Узнав об отрицательном отношении Петра к купленным кораблям, Ф. Салтыков, производивший эти закупки за границей, предложил строить новые корабли в Голландии. Петр согласился, но потребовал строить корабли по русским чертежам. «Сей способ зело изрядный...—писал он,— сделать против чертежа, каков к вам при сем послан, токмо одни корпусы»[2].

В 1714 г. русский флот имел 17 линейных кораблей, 4 фрегата, 5 шнява и большой шхерный флот в составе 186 полугалер и бригантин[3]. Теперь уже можно было ставить задачу утверждения на море. Это удалось сделать после славного Гангутского сражения (27 июля 1714 г.), в котором русский флот одержал полную победу. Матросы и офицеры в этом бою проявили исключительное мужество: «Воистину нельзя описать мужество российских войск, как начальных, так и рядовых» — указывается в реляции 1714 г.[4] Эта первая крупная морская победа имела исключительно большое значение.

В дальнейшем русское командование все более убеждалось в необходимости перенесения войны на территорию Швеции. В этих целях был усилен русский флот. В 1718 г. Балтийский флот состоял из 23 линейных кораблей, 5 фрегатов, 3 шнява и 2 бомбардирских судов, кроме галерного флота[5]. Английский посланник Д. Джефферис сообщил в Лондон, что русский флот представляет грозную силу и русские корабли не уступят построенным в Западной Европе.

Русский флот в это время мог уже активно действовать и в открытом море. Встречи со шведским флотом завершились полной победой. У острова Эзель эскадра Н. А. Сенявина нанесла шведскому флоту серьезное поражение и в качестве приза привела линейный корабль, фрегат

---

[1] *В. Н. Берх.* Собрание писем императора Петра I к разным лицам и ответы на оные, ч. 1. СПб., 1829, стр. 137; «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 607, стр. 391.

[2] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 2. СПб., 1891, стр. 54.

[3] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 766, стр. 478—479.

[4] *А. З. Мышлаевский.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг. СПб., 1896, стр. 401—404; *Н. В. Новиков.* Гангут. М., 1944, стр. 68.

[5] «Материалы для истории русского флота», ч. II. СПб., 1865, № 1725, стр. 271.

и бригантину. Это был, по выражению Петра, «добрый почин российского флота»[1].

Наличие флота позволило в 1719 г. осуществить высадку русских войск на шведском берегу. Вслед за тем предполагалось широко развернуть военные действия на территории Швеции, однако враждебная позиция Англии заставила отказаться от этого плана и обратить внимание на оборону своих крепостей: «Оборону флота и сего места (Кронштадта.— *Ред.*) держать по последней силе и живота, яко наиглавнейшее дело»,— писал Петр. Англо-шведский флот появился в виду Ревеля в мае 1720 г., но напасть на русские укрепления не решился.

Окончательное утверждение русского флота в Балтике относится ко времени разгрома шведской эскадры у Гренгама (27 июля 1720 г.). В бою были захвачены четыре шведских фрегата. Петр назвал эту победу «немалой викторией». Особенно его радовало то обстоятельство, что она была одержана «при очах английских, которые равно шведов обороняли каких земли так и флот»[2]. В этот момент русский флот уже вдвое превосходил шведский. Однако в России продолжали строить новые корабли. В 1721 г. в Петербурге было спущено еще три больших корабля. Балтийский флот уже имел 29 линейных кораблей, 6 фрегатов, 208 галер и другие суда[3].

Окончание войны не прекратило дальнейшего строительства флота. Балтийский флот пополнялся как линейными, так и галерными кораблями. В 1723—1724 гг. на воду было спущено четыре линейных корабля и несколько кораблей находилось на стапелях.

Для поддержания боевых традиций флот проводил каждый год празднование Гангутского сражения и заключения Ништадтского мира. На маневрах личный состав флота продолжал совершенствовать приобретенные боевые навыки. Особенно значительными были маневры 1723 г., в которых участвовало 24 линейных корабля и 5 фрегатов. В 1723 г. флот торжественно встретил «дедушку русского флота» — небольшой ботик, на котором Петр в юности плавал на Яузе под Москвой. Весь Балтийский флот был собран у Кронштадта и встретил ботик залпом из 1500 орудий. Ботик вели все флагманы, Петр и Меншиков в числе других адмиралов сидели на веслах.

В 1724 г. Балтийский флот был самым мощным в Прибалтике. Он имел 32 линейных корабля (от 50 до 96 пушек), 16 фрегатов, 8 шняв и 85 галер[4]. Французский посланник Кампредон писал в Париж: «Ништадский мир сделал его (то есть Петра.— *Ред.*) властелином двух лучших портов на

---

[1] *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк русской морской истории, ч. I. СПб., 1875, стр. 315.

[2] «Материалы для истории русского флота», ч. II, № 2208, стр. 512.

[3] Там же, № 2276, стр. 548—549.

[4] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 1. М., 1831, стр. 25—27.

Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих галер и внушает страх всем своим соседям»[1].

На Балтике выросла целая плеяда русских флотоводцев. К ней принадлежали Петр I, Ф. М. Апраксин, М. М. Голицын, Н. А. Сенявин и К. Н. Зотов. Они создали русскую морскую школу, традиции которой продолжали Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин и другие.

В 20-е годы XVIII в. возник русский Каспийский флот. Внимание к Каспийскому морю было приковано в связи с замыслами проникнуть вглубь Средней Азии. В 1714 г. началось создание военной флотилии. В конце года были сооружены 2 шхуны, один бус и 27 стругов. Однако этих сил было мало для предполагаемой экспедиции в Хивинское ханство. К концу 1716 г. в Астрахани было снаряжено 4 шнявы, 3 бригантины, 10 шхун больших, 18 малых плоскодонных шхун и 39 бусов. Однако после неудачного похода Бековича в Среднюю Азию Каспийская флотилия пришла в упадок.

Вопрос о создании Каспийской флотилии вновь возник в связи с Персидским походом. Для Каспийской экспедиции было сооружено 260 больших лодок. В 1722 г. 245 русских судов начали поход на Каспий от Нижнего-Новгорода. В Астрахани к ним присоединилось 45 мелких судов Каспийской флотилии. От Астрахани флотилия направилась к Аграханскому заливу, а затем к Дербенту, где было основано укрепление. «И тако можем мы,—писал Петр,—благодаря вышнего, сею кампанию довольным быть: ибо мы ныне крепкое основание на Каспийском море получили». В 1723 г. была предпринята новая кампания, результатом которой было овладение всем западным и южным побережьями Каспийского моря.

Особенно сложной задачей при создании морского флота явилась подготовка личного состава. Вначале, когда еще не было собственных обученных кадров, пришлось прибегнуть к найму за границей опытных моряков. В 1698 г. в Архангельск прибыло около 600 моряков, главным образом выходцев из славянских стран. Одновременно Петр направил большую группу молодых дворян в Голландию и другие страны изучать морское дело.

Матросский состав комплектовался из призываемых рекрутов. Азовский флот в 1696 г. был укомплектован солдатами и унтер-офицерами гвардейских полков. Для укомплектования новых кораблей, строившихся в Воронеже, в 1700 г. было использовано 1104 чел. из молодых солдат, то же было сделано и в 1702—1703 гг.[2] Затем перешли к наборам в матросы.

Первый специальный набор во флот был произведен в 1705 г., когда в Москве и в других городах была набрана тысяча человек. Наборы в матросы были проведены в 1706 и в 1710 гг. В 1712 г. во флот было переве-

---

[1] Сб. РИО, т. 52, стр. 144.

[2] *С. И. Елагин.* Указ. соч., ч. 1. СПб., 1864, стр. 200—201.

дено 1500 чел. из числа рекрутов и призвано 600 «недорослей» из дворян. В 1713 и 1715 гг. были проведены специальные наборы во флот, первый на 1200 чел., а второй на 1000 чел.[1] Эти наборы, однако, не покрывали действительной потребности флота в людях. Некомплект личного состава выражался примерно в 20—25%, поэтому с 1718 г. были проведены новые наборы. Эти меры позволили полностью укомплектовать флот русскими матросами.

Значительно сложнее было дело с подготовкой офицерских кадров. Попытка привлечь на русскую службу во флот иностранцев оказалась неудачной, из числа завербованных иностранцев многих приходилось отправлять обратно вследствие незнания ими морского дела. Петр неоднократно проводил экзамен иностранцам и оставлял только «достойных»[2].

Для того чтобы иметь отвечающий требованиям офицерский состав, молодые дворяне отправлялись для обучения морскому делу в Испанию, Италию, Францию, Англию и Голландию. Наряду с этим были приняты меры, чтобы обеспечить подготовку кадров у себя дома, в России. В этих целях в Азове в 1698 г. была учреждена специальная мореходная школа, вслед за ней, как указывалось выше, открылась в Москве школа «математических и навигацких, то есть, мореходных хитростно искуств учения». Указ о ней был опубликован в 1701 г.[3] Обращая внимание Апраксина на необходимость постоянного за ней наблюдения, Петр писал: «Сами можете видеть, какая в том есть польза, что не только к морскому делу нужна сия школа, но и артиллерии и инженерству». В 1715 г. в Петербурге была открыта Морская академия, готовившая морских офицеров. В 1716 г. было положено начало подготовке офицерских кадров через гардемаринскую роту.

Для обучения флота было подготовлено несколько инструкций и, в частности, в 1706 г. «Артикул корабельный», в 1710 г.— «Инструкция и артикулы военные Российскому флоту»[4] и другие. В 1718 г. Петр приказал: «Сделать две книги: первую, когда флот приготовить и что на оный людей и артиллерии, амуниции и прочего принадлежит по рангам, каждого ранга на один корабль. Также инструкцию как должность сию офицерам и рядовым знать, также и артикул воинский. ...Вторую, как содержать флот, в гаване и верфи с их вышними и нижними служители и какая их должность, также магазины и прочее»[5]. На выполнение этой программы ушло около четырех лет. Первая часть морского устава была подготовлена и издана в 1720 г. под названием «Книга Устав морской о всем,

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 2095, стр. 342—343; № 2273, стр. 497; № 2616, стр. 880; т. V, № 2693, стр. 45—46; № 2940, стр. 176 и др.

[2] «Материалы для истории русского флота», ч. III, СПб., 1866, № 312, стр. 215.

[3] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 7.

[4] ПСЗ, т. IV, № 2267, стр. 485—492.

[5] «Материалы для истории русского флота», ч. IV. СПб., 1867, стр. 351.

что касается доброму управлению, в бытность флота на море». Вторая часть была опубликована в 1722 г.[1]

О значении морского флота в уставе было сказано: «Только тот потентат обе руки имеет, который и войско сухопутное и флот имеет».

Устав определяет состав морского флота, ранги кораблей, а также взаимоотношения чинов флота и очерчивает их права и обязанности. Особенно четко определены права капитана корабля. В уставе даны военно-правовые нормы, соответствующие артикулу «Устава воинского» 1716 г. и отражающие классовую политику петровского правительства. Во второй части устава — «Регламенте адмиралтейском»— определен круг обязанностей чинов адмиралтейства и приведены правила содержания флота.

«Устав морской» и «Регламент адмиралтейский» являются выдающимся достижением русской военно-теоретической мысли. Основные идеи русских морских уставов сводились к требованию, чтобы все чины флота от матроса и до адмирала «со всяким тщанием и ревностью» защищали родину. Устав проникнут духом твердости, порядка и дисциплины. Символом чести экипажа являлся флаг корабля. «Все воинские корабли российские не должны ни перед кем опускать флаги, вымпелы и марсели под страхом лишения живота». Устав, обобщив огромный боевой опыт Балтийского флота, создавал прочные основания для боевых традиций, что и было доказано рядом славных побед русского флота. Этот устав стоял несравненно выше иностранных уставов того времени.

Управление флотом в первые годы его существования не имело четкой организации и осуществлялось либо старыми учреждениями, либо в порядке поручений отдельным исполнителям. Первая попытка создать самостоятельный орган управления флотом была сделана в 1698 г., когда А. П. Протасьеву, возглавлявшему Владимирский судный приказ, было поручено ведать также морскими делами. Протасьев был возведен в ранг «партикулярного адмиралтейца». В особой инструкции ему предписывалось: «Адмиралтейцу непрестанно о своем деле радеть, также и над кумпаниями смотреть и понуждать, спрашивать времянем же и досматривать, чтоб какой лености не было и в начатом деле препятия от того дела не учинилось»[2]. Этот приказ был преобразован в 1700 г. в Приказ адмиралтейских дел, который возглавлял Ф. М. Апраксин. Создавая это учреждение, Петр продолжал поручать руководство флотом и отдельным лицам. Так, управление Балтийским флотом было поручено непосредственно Меншикову: «Понеже сей флот суть новый и адмиралтейством еще не изправлен»[3].

В 1712 г. была создана в Петербурге «особливая канцелярия адмиралтейства», на которую возлагалось управление всем личным составом

[1] ПСЗ, т. VI, № 3485, стр. 2—116; № 3937, стр. 608—637.

[2] ПиБ, т. 1, № 128, стр. 117.

[3] *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк русской морской истории, ч. I, стр. 439—441.

флота. В 1715 г. был учрежден морской комиссариат, ведавший всеми доходами и расходами по адмиралтейству, а управление верфями возложено на «адмиралтейскую контору».

Управление флотом сложилось окончательно в 1718 г., когда были образованы коллегии. Морскими делами стала ведать Адмиралтейская коллегия во главе с президентом генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным. С образованием этого центрального органа управления была ликвидирована путаница в руководстве флотом. Флот получил управление, удержавшееся до середины XIX в.

Таким образом, конец XVII и первая четверть XVIII в. являются важным этапом развития вооруженных сил России. Русский военно-морской флот создавался в процессе войн с Турцией и Швецией, которые были в то время сильными морскими державами. Уже в первый период Северной войны флот охранял с моря строившуюся новую столицу — Петербург. В дальнейшем военно-морские силы были пополнены новыми боевыми единицами. Победами над шведским флотом под Гангутом и Гренгамом русский флот утвердил свое господство в Балтийском море. Боевой опыт флота был обобщен в уставах, отражавших развитие русской военно-морской науки.

Мощные регулярная армия и военно-морской флот обеспечили утверждение России на берегах Балтики и значительно подняли международный престиж России. Историческая задача выхода к удобным морским путям была решена, Россия стала морской державой.

Вместе с тем, армия и флот наряду с новым административным аппаратом составляли неотъемлемую часть абсолютистского государства, были орудием укрепления классового господства дворянства и нарождавшегося купечества. В военном деле, как и в гражданской администрации, были созданы своя бюрократия и централизованный аппарат управления вооруженными силами страны. В офицерские мундиры были облачены представители дворянства, в то время как рядовой состав армии и флота был укомплектован преимущественно крестьянами. Армия и флот являлись важнейшей опорой абсолютной монархии.

Создание регулярной армии и флота было прогрессивным явлением, однако оно осуществлялось за счет усиления гнета трудовых масс, несших бремя рекрутчины и возросших государственных повинностей.

4

РЕФОРМА ЦЕРКОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Преобразовательная деятельность правительства не могла не затронуть церковной организации в силу большого и разнообразного значения, какое имела церковь в государственной и общественной жизни России того времени. С одной стороны, в среде высшей церковной иерархии еще

живы были идеи сильной и независимой от государства церкви, идеи Никона, с другой стороны, недовольство рядовых священнослужителей проявлялось в многочисленных переходах в старообрядчество. Кроме того, вмешательство государства в церковные дела было связано с необходимостью использовать огромные богатства, которыми обладали церкви и монастыри.

Несмотря на ряд ограничительных мер, принятых в XVII в. по отношению к церковно-монастырскому землевладению, рост его, хотя и в замедленных темпах, продолжался до начала XVIII в. По сравнению с данными 1653—1654 гг. в 1718 г. отмечено увеличение числа крестьянских дворов в патриарших и архиерейских вотчинах на 37% (всего 28 823 крестьянских двора, увеличение на 11,5 тыс.), а в монастырских на 36% (всего 112 855 по 131 монастырю, увеличение на 29 806 дворов). Хотя этот рост и должен быть частично отнесен за счет более точных форм учета и естественного прироста, но в целом он свидетельствует, что экономическая сила духовенства к началу XVIII в. не только не уменьшилась, но заметно увеличилась[1].

Церковь являлась крупнейшим земле- и душевладельцем. Монастырский приказ считал, что в 1722 г. в его ведении находилась $^1/_5$ часть всего крестьянства в государстве[2]. Общее число дворов, находившихся во владении патриарха, архиереев, монастырей и церквей, достигло к началу XVIII в. 154 196 дворов. Надо полагать, что эта цифра близка к истине, так как она почти совпадает с данными (на 1721 г.) Камер-коллегии, показывающими 153 254 $^1/_2$ двора[3].

Реорганизация церковного управления определялась не только стремлением наиболее полно использовать материальные ресурсы церкви, но в значительной степени и той оппозицией правительству, которая сложилась в кругах реакционного духовенства и особенно ярко проявилась в деле царевича Алексея, которого поддерживал его духовник протопоп Яков Игнатьев. На следствии царевич признавался, что надеялся, даже будучи пострижен, стать государем после Петра: «Когда де будет мне время без батюшка, тогда де я шепну архиереом, а архиреи де приходским священником, а священники прихожаном, тогда де они, и не хотя, меня владетелем учинят»[4].

Учитывая влияние и силу своих политических противников из лагеря духовенства, правительство отлично понимало, что одним из самых силь-

---

[1] *К. В. Сивков.* К истории землевладения в России в начале XVIII в. «Известия АН СССР. Отд-ние общ. наук», 1933, № 3, стр. 214—217.

[2] При этом надо учесть, что с 1701 г. число монастырских крестьян уменьшилось в связи с передачей части церковных земель дворянству (см. *М. И. Горчаков.* Монастырский приказ (1649—1725 гг.). СПб., 1868, примечание 4, стр. 145—146).

[3] *К. В. Сивков.* Указ. соч., стр. 211; *М. И. Горчаков.* Указ. соч., стр. 145.

[4] «Московский вестник», 1829, ч. 5, стр. 67 («Объявление розыскного дела и суд на царевича Алексея...»)

ных средств борьбы в руках «старцев и попов» являлся институт патриаршества, в связи с этим ликвидация этого института, естественно, занимала важное место в подавлении оппозиции духовенства.

Но прежде чем подорвать политическое влияние церкви, необходимо было лишить ее экономической базы и этим поставить в зависимость от светской власти. Первым мероприятием в этой области было установление контроля государства над церковными доходами и расходами. Начало этому было положено в 1696 г., когда правительство обязало митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов «без его великого государя имянного указу» никаких неокладных расходов денежной казны не производить[1]. Необходимость пополнения государственной казны, истощенной Азовскими походами, привела (начиная с 1697 г.) к изданию ряда указов, запрещавших монастырям расходовать деньги, возводить новые постройки, а также предписывавших вести точный учет прихода и расхода денег и хлеба, а соответствующие книги присылать в Москву для контроля. Запрещалось строить новые монастыри, выдавать жалованье архимандритам, игуменам и священникам, у которых имелись вотчины[2]. Указами 1699 и 1700 гг. были отменены финансовые привилегии, которыми пользовались ранее церковные учреждения, и они обращены были в пользу государства[3]. Контроль за выполнением этих указов был возложен на Приказ большого дворца.

Но эти мероприятия лишь частично решали вопрос об использовании доходов церкви для государственных нужд.

Смерть патриарха Адриана в 1700 г. представила удобный случай приступить к реорганизации церковной администрации и, в частности, передать управление церковными имуществами государству. А. А. Курбатов рекомендовал Петру I «повременить» с избранием нового патриарха и поручить управление церковью одному из архиереев с несколькими монахами. Для управления монастырскими и архиерейскими имениями Курбатов предложил создать «особливый расправный приказ для сбора и хранения казны».

Была учреждена новая должность «местоблюстителя» патриаршего престола, которым был назначен скрытый сторонник патриаршества — рязанский митрополит Стефан Яворский. Одновременно было упразднено одно из центральных учреждений церкви — Патриарший разряд[4]. Стефан был противником реорганизации церкви, считал недопустимым вмешательство светской власти в церковные дела, однако не решался открыто возглавить церковную оппозицию. Петр, разочаровавшись найти в нем помощника, перестал доверять ему и проводил переустройство церкви без участия местоблюстителя. Власть местоблюстителя по сравнению с

[1] «Акты археографической экспедиции», т. IV. СПб., 1836, № 315, стр. 466—467.
[2] ПСЗ, т. III, № 1629, стр. 450; № 1664, стр. 529—530.
[3] Там же, № 1711, стр. 656; т. IV, № 1799, стр. 59.
[4] Там же, т. IV, № 1818, стр. 87—88.

патриаршей была ограничена. Важнейшие вопросы церковного управления он должен был разрешать совместно с другими епископами, поочередно вызывавшимися для этого в Москву, на «освященный собор».

Указом от 24 января 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ, во главе которого стояло не духовное лицо, а светское, бывший астраханский воевода боярин И. А. Мусин-Пушкин[1]. Монастырскому приказу передавалось управление недвижимым имуществом патриаршего и архиерейских домов и монастырей. Таким образом, в ведении местоблюстителя была оставлена лишь область духовных дел, но и в ней он не был полновластным правителем.

Монастырский приказ являлся центральным государственным учреждением, он распоряжался вотчинами церковных учреждений и должен был проводить преобразовательные планы правительства в отношении церкви. Деятельность приказа началась с отправки в архиерейские дома и монастыри большого числа стольников, дворян и приказных, которые должны были переписать земельный фонд и другие богатства церкви. В вотчинах переписывался каждый двор с обозначением количества относящейся к нему земли, размеров уплачиваемого оброка и поименного перечисления крестьян.

Монастырские владения были разделены на две группы: «определенные» вотчины, то есть вотчины, доход с которых поступал на нужды монастыря, и «заопределенные» вотчины, передававшие доходы Монастырскому приказу. «Заопределенные» вотчины управлялись агентами Монастырского приказа или прежними монастырскими властями, которые теперь стали не владельцами, а управителями, или, наконец, отдавались на оброк служилым людям. С 1701 по 1711 г. государство получило с монастырских вотчин свыше 1 млн. руб. дохода[2].

Монастырский приказ должен был устанавливать определенное число монахов и слуг в каждом монастыре. Пострижение в монахи было ограничено и допускалось лишь с разрешения Монастырского приказа. Указ от 31 января 1724 г. гласил, что «большая часть (монахов.—*Ред.*) тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность; то сколько забобонов, расколов, но и возмутителей произошло...»; что «в монахах все готовое, а где и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть... Прилежат же ли разумению божественного писания и учения? всячески нет. А что говорят, молятся, то и все молятся... Что же прибыль обществу от сего? во истину токмо старая пословица: ни богу, ни людям; понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть»[3].

---

[1] ПСЗ, т. IV, № 1829, стр. 133.

[2] *Б. В. Титлинов.* Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильно, 1905, стр. 331—347.

[3] ПСЗ, т. VII, № 4450, стр. 230.

Часть духовенства и церковнослужителей привлекалась для службы в полках и на различных государственных работах. Монахини, «которые не от благородных и честных родителей», обязаны были обучаться ремеслу и, в частности, прядению [1]. Затруднения военного времени привели к частичному изъятию ценностей из монастырских хранилищ; на военные и гражданские нужды использовались церковные здания, отбирались хлебные и денежные запасы, частью изымалась серебряная посуда и драгоценные привески к иконам [2]. В целях предотвращения оппозиционной деятельности монахам было запрещено держать в кельях бумагу и чернила, а письмо допускалось лишь в общей трапезе в присутствии настоятеля [3].

На Монастырский приказ была также возложена обязанность организации и содержания школ, в его ведение были переданы не только старые церковные школы (Заиконоспасская, Киевская и др.), но и вновь созданные (четыре светские «немецкие» школы). Приказ обязывал епархиальные власти заводить на доходы с вотчин школы, в ведении приказа также находилась типография. Содержание богаделен целиком было передано попечению Монастырского приказа. В Москве к 1721 г. было 93 богадельни, в которых находились 1411 чел. [4] Приказ обязывал монастыри, архиерейские дома и приходские церкви устроить богадельни, куда направлять в первую очередь отставных солдат, а затем увечных, престарелых и больных. На средства монастырских вотчин содержался и Московский госпиталь со школой при нем, выпускавшей лекарей. Монастырский приказ являлся и судебным учреждением, ему были подсудны духовенство, приказные люди, церковные крестьяне, учителя и ученики школ, типографские работники, нищие и содержащиеся в богадельнях. Он рассматривал и все иски посторонних лиц на духовенство и лиц его ведомства.

Губернская реформа 1708—1710 гг. оказала существенное влияние на деятельность приказа. Выполняя указы Сената о сборе податей со всей территории губернии, административные органы собирали их и с монастырских и церковных земель. Пытаясь отстоять свою автономию, Монастырский приказ добился указа о запрещении въезда воеводам и ландратам в его вотчины [5]. Образование коллегий еще более отразилось на деятельности приказа и в конечном счете привело к передаче его функций Штатс-конторе и Камер-коллегии.

В 1720 г. были отменены решения 1701 г. о передаче церковных вотчин Монастырскому приказу и выплате монастырям денежного жалования.

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 4089, стр. 770.

[2] *С. Г. Рункевич.* Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительствующего Синода (1721—1725 гг.). СПб., 1900, стр. 55—56.

[3] ПСЗ, т. VI, № 4022, стр. 712.

[4] *М. И. Горчаков.* Указ. соч., стр. 188.

[5] Там же, стр. 161—162; ПСЗ, т. V, № 3036, стр. 475—476.

Теперь было постановлено «монастырские вотчины, которыя от монастырей взяты, и всякими сборами ведомы были в Монастырском приказе... роздать в те монастыри, и ведать их тех монастырей архимандритам и игуменам по прежнему. А с тех вотчин оклад Монастырского приказа, и вновь всякие положенные доходы, сбирая, им платить бездоимочно; и о той раздаче разсмотрение и указ учинить в Камер-коллегии»[1]. В то же время судебные дела приказа отошли к Юстиц-коллегии, а духовные были переданы Синоду, что сделало ненужным существование Монастырского приказа как самостоятельного учреждения. Он был упразднен указом 17 августа 1720 г.[2]

Таким образом, в первый период Северной войны в России была осуществлена частичная и временная секуляризация. Вместе с тем светская власть постоянно вмешивалась в духовные дела, не ставя местоблюстителя об этом даже в известность. Даже исправление библии шло через Монастырский приказ, минуя местоблюстителя. С образованием Сената права главы русской церкви были еще более ограничены.

Самым видным деятелем среди духовенства этого времени был Феофан Прокопович. Широта образования, большие литературные способности и горячее сочувствие реформам позволили ему сделаться наиболее полным выразителем идей русского абсолютизма начала XVIII в. С 1718 г. Феофан становится ближайшим помощником Петра в осуществлении реформ церковного управления. По заданию и с помощью Петра им был составлен ряд сочинений и политических трактатов, в которых он дает законченную и стройную систему взглядов, ставших официальной политической теорией. «Правда воли монаршей» и Духовный регламент были приняты как государственные законодательные акты, трактовавшие природу власти абсолютного монарха.

Духовный регламент был утвержден 25 января 1721 г.[3] Особый интерес представляют манифест и введение к регламенту, являющиеся по сути дела полемическим документом, направленным против защитников патриаршества. В нем изложены права русского монарха по отношению к церкви. Царь называется не только «правоверия и церкви святой благочиния» блюстителем, но и «верховным пастырем» русского православного христианства.

В Духовном регламенте были изложены побудительные причины образования нового высшего учреждения — Коллегии духовных дел. Если при патриаршестве сохранялась автономия церкви, то теперь духовная администрация занимала подчиненное место в общей системе государственного аппарата. Звание патриарха уничтожалось, а духовные члены коллегии становились чиновниками, подобно советникам в других кол-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3659, стр. 248.

[2] *М. И. Горчаков.* Указ. соч., стр. 127—128.

[3] ПСЗ, т. VI, № 3718, стр. 314—346.

легиях. Церковь и духовенство становились в подчиненное, зависимое положение к абсолютистскому государству по всем своим делам, за исключением тех, которые связаны с церковными догматами и канонами. Члены Духовной коллегии, помимо общей присяги по церковному званию, по своему положению чиновников коллегии, приносили еще и особую присягу на верность государю.

В этом же регламенте дано и обоснование преимуществ коллегиального начала, которое проводилось в устройстве всех учреждений государства. В регламенте подчеркивается, что даже монарх обычно советуется с приближенными, что в коллегии меньше пристрастия, коварства и лихоимства; она «свободнейший дух в себе имеет к правосудию: не тако бо, яко же единоличный правитель гнева сильных боится...» Далее в регламенте откровенно высказана едва ли не самая существенная причина, почему единоличное управление церковью может быть опасно государству: простой народ, удивленный той честью и славою, которой окружен патриарх, может помыслить, что «то второй государь самодержцу равносильный, или и больше его, и что духовный чин есть другое и лучшее государство...» Объяснив таким образом опасность, которая связана с сохранением патриаршего сана, регламент указывал далее на то, что лишенная славы и «светлости» должность президента коллегии безобидна: «Самое имя президент не гордое есть, не иное бо что значит, только председателя; не может убо ниже сам о себе, ниже кто иный о нем высоко помышляти», и простой народ «весьма отложит надежду имети помощь к бунтам своим от чина духовнаго»[1].

14 февраля 1721 г. резолюцией Петра I Духовная коллегия была переименована в «святейший правительствующий Синод»[2]. В состав Синода входили (так же, как и в любой другой коллегии) президент, два вице-президента, четыре советника и четыре асессора. Президентом был назначен рязанский митрополит Стефан Яворский, бывший местоблюститель патриаршего престола; первым вице-президентом — Феодосий Яновский, новгородский архиепископ, вторым — Феофан Прокопович, псковский архиепископ. В 1722 г. была образована должность синодского обер-прокурора, возглавлявшего институт церковных фискалов, так называемых инквизиторов [3].

Синод являлся высшим органом государственного управления по делам православной церкви, назначал духовных лиц на должности, истолковывал догматы, ведал распространением христианства, вел борьбу со старообрядчеством и разного рода «ересями», заботился о преподавании вероучения. В области судебной Синод занимался рассмотрением случаев отступления от веры, брачных преступлений и некоторых преступлений, совершенных духовными лицами.

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3718, стр. 317—318.

[2] Там же, № 3734, стр. 355—356.

[3] Там же, № 4001, стр. 676; № 4036, стр. 721—722; № 3870, стр. 467—476.

Реформа церковно-административного управления в большей степени затронула высшие церковные учреждения и органы власти, в несколько меньшей мере — местные учреждения и органы управления церковью. Епархиальное управление было лишь незначительно видоизменено реформой. Глава епархии продолжал оставаться не только ее полным хозяином, но и законодателем в пределах своей компетенции.

Синод стремился вернуть под свое управление вотчины духовных учреждений. В день открытия Синода, 14 февраля 1721 г., Петру I был преподнесен доклад, в котором наряду с другими вопросами Синод запрашивал: «Патриарши, архиерейские и монастырские вотчины, сборами и правлением которые ведомы были в Монастырском приказе, в одной Духовной коллегии ведать ли,— того ради, что оныя от гражданских управителей пришли в скудость и пустоту... А в регламенте духовном положено, что такое правление подлежит до Духовной коллегии?» Петр I на этом пункте поставил резолюцию: «быть по сему». Отход от прежней политики в этом вопросе объясняется тем, что после того, как духовная власть была превращена в служанку абсолютизма и Синод стал частью государственного бюрократического аппарата, вопрос о монастырском землевладении терял прежнюю остроту. В соответствии с этим решением все вотчины церковных учреждений, которыми ранее ведал Монастырский приказ, были переданы в управление Синоду с обязательством отсылать в Камер- и Штатс-контор коллегии все табельные и запросные сборы.

Синод, как высшее церковное учреждение, считал неудобным для себя непосредственно руководить вотчинами и ходатайствовал перед правительством о восстановлении Монастырского приказа. Разрешение было дано, и Монастырский приказ вновь был открыт[1].

Правительство не изменило в принципе свою политику по отношению к монастырскому землевладению. Хотя управление церковными землями и было передано Синоду, но доходы с вотчин, а это было основное, продолжали поступать в общегосударственную казну. Попытки Синода добиться согласия правительства на передачу монастырям их вотчин с доходами, как было прежде, оказались безрезультатными. Таким образом, преобразованный Монастырский приказ и Камер-контора являлись по существу филиалами Камер-коллегии, будучи лишь внешне связаны с Синодом. В дальнейшем и эта внешняя связь была порвана при преобра-

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3749, стр. 366—367. Управление вотчинами было передано восстановленному в 1721 г. Монастырскому приказу. Во главе приказа был поставлен судья В. С. Ершов, бывший московский вице-губернатор. Но Монастырский приказ 1721—1724 гг. уже не являлся высшим правительственным учреждением. Это было центральное ведомство второстепенного порядка, подчиненное Синоду и действующее только от его имени. Он был также в зависимости от Сената и финансовых коллегий. В 1725 г. Монастырский приказ был переименован в Синодального правительства Камер-контору. ПСЗ, т. VII, № 4632, стр. 401.

зовании Камер-конторы в Коллегию экономии, превратившуюся в самостоятельное центральное учреждение, подчиненное Сенату.

Разграничив сферы деятельности светской и духовной власти, правительство в то же время поставило церковь в зависимость от абсолютной власти. В Синоде руководящую роль играл представитель светской власти — обер-прокурор Синода. В условиях того времени в этом заключалась прогрессивность реформ церковного управления первой четверти XVIII в.

Государство относилось более терпимо к старообрядцам по сравнению с XVII в. Правительство использовало старообрядцев на работе в металлургической промышленности, в снабжении западных областей хлебом; оно облагало их двойной податью. Но вместе с этим правительство учитывало, что в самом существе старообрядчества крылось резкое осуждение и противодействие его преобразовательной деятельности. По своему составу старообрядческие общины преимущественно были крестьянскими. Проповеди старообрядцев, трактующих догматы веры по-иному, чем официальная церковь, не могли не волновать крестьян и горожан. Поэтому антифеодальная народная борьба нередко проявлялась в форме борьбы различных религиозных направлений.

Участие раскольников во всех антифеодальных движениях этого времени подтверждает слова Ф. Энгельса, сказанные им по поводу движений XVI в., что если «...классовая борьба носила тогда религиозный отпечаток, если интересы, потребности и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени» [2].

Но вместе с тем в среде старообрядчества имели место резко выраженные реакционные течения. Ряды этой реакционной оппозиции пополнялись как выходцами из духовенства, не нашедшими себе места в перестраивавшейся церковной системе, так и бывшими стрельцами и отдельными представителями посадских слоев.

По указу 8 февраля 1716 г. было предписано взимать со всех старообрядцев государственные подати в двойном размере [3], в соответствии с чем они подлежали переписи. Но «добровольной» записью в «раскол» воспользовались очень немногие, и то с определенной целью, считая, что после оплаты повышенной подати они могут спокойно пребывать в «расколе» и агитировать за него.

Старообрядцы лишались существенных гражданских прав, в том числе права выбора на общественные должности, а браки, совершаемые по правилам старообрядческого культа, не считались действительными. Наконец,

---

[1] Текст о старообрядчестве до конца настоящего параграфа написан П. Г. Рындзюнским.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. VIII, стр. 128.

[3] ПСЗ, т. V, № 2991, стр. 196.

за отход от официальной церкви они подвергались прямому издевательству: раскольникам предписывалось под угрозой большого штрафа носить нелепое одеяние—нагрудник, ферез, крашеную с ожерельем однорядку и сермяжный зипун со стоячим клееным козырем из красного сукна[1].

История старообрядческих организаций показывает, что они были тесно связаны с процессом внутренней колонизации, ростом городов, развитием буржуазных отношений. Поселения старообрядцев-выселенцев превращались в слободы городского типа, а их население усиленно дифференцировалось. Эти прогрессивные явления в социально-экономической жизни привели к расхождениям как между различными направлениями старообрядчества, так и внутри отдельных религиозных общин.

Обуржуазившаяся верхушка старообрядческих общин отошла от радикальных позиций и склонялась к компромиссу с господствующей церковью и правительством, в то время как рядовая масса оставалась на непримиримых позициях. Борьбу течений, связанных с социальным расслоением общин, можно отметить во всех крупных пунктах старообрядческого движения: на Выге, в Стародубье, в Нижегородском крае, на Дону и в других местах.

Наиболее крупные и влиятельные старообрядческие организации, естественно, складывались в окраинных районах страны, куда устремлялись беглые люди и где более свободно, чем в центре, развивались новые социально-экономические формы. Главными районами распространения старообрядчества в первой половине XVIII в. были Заонежье, Среднее Поволжье, леса Белоруссии и Северной Украины, а также донские степи. В северной полосе преобладала беспоповщина, а в центре и на юге — поповщина.

На рубеже XVII и XVIII вв. более четко определилось разделение между этими двумя основными течениями в старообрядчестве. Беспоповщина, признающая возможность обходиться без установленной в обычном порядке церковной иерархии, не случайно получила преимущественное распространение на севере и северо-западе, где в большом количестве скапливалось беглое население. Первейшей из числа старообрядческих беспоповщинских общин была Выговская пустынь в северо-восточной части Прионежья на реке Выге, текущей через озеро Выг к Белому морю.

Деятельность этой общины чрезвычайно показательна. Правительство в первой четверти XVIII в. почти не подвергало ее гонениям, а, наоборот, в известной мере поддерживало ее хозяйственную и торговую деятельность, легализировало ее и даже предоставляло ей привилегии. Руководимая братьями Андреем и Семеном Денисовыми Выговская община в первой трети XVIII в. была в расцвете. Напряженная

---

[1] «Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству св. Синода», кн. 1. СПб., 1860, стр. 62—63, 79—80.

литературная работа главарей общины сделала ее признанной руководительницей всей беспоповщины, и ее авторитет среди старообрядцев был значительным и за пределами Олонецкого края.

Выговская пустынь завязала деловые отношения во всех концах России, где жили старообрядцы. Она вела большую торговлю хлебом, причем снабжала хлебом Петербург, что являлось делом большой государственной важности. В соседнем Каргопольском уезде были куплены и заарендованы большие пространства пахотной земли. Сама обитель обстроилась прочными зданиями, обзавелась библиотекой, школами, всякого рода ремесленными заведениями. В хозяйственной деятельности выговцев торговые обороты заняли первое место. Помимо доходов от перепродажи хлеба, пустынь получала большие средства от продажи рыбы и мехов; выговские промышленники доходили даже до Новой земли и Шпицбергена.

Со строительством в Олонце железных заводов А. Денисову был послан указ, чтобы раскольники шли работать на заводы, «были послушны и чинили бы всякое воспоможение по возможности своей», и за это правительство предоставляло им свободу жить в Выговской пустыни и отправлять службы по старопечатным книгам.

Руководитель общины Андрей Денисов посылал подарки и письма Петру, поддерживал хорошие отношения с Меншиковым, которому был подведомствен Олонец, и В. Генниным, управлявшим железными заводами. Меншиков запретил в 1711 г. чинить обиды и притеснения в вере А. Денисову и выговцам. Абсолютизм относился к старообрядчеству терпимо, если не встречал в нем противодействия своей деятельности, но проповедь старообрядчества была запрещена.

Феодально-крепостническое государство начала XVIII в. нуждалось в религии как в орудии укрепления абсолютистского государства. Проведенные реформы в области церковного управления и быта должны были способствовать выполнению церковью ее основной задачи — освящать и поддерживать государственный «порядок».

В реформе церковного управления, в подчинении церкви верховной светской власти, в первых попытках секуляризации, так же как в смягчении политики в отношении раскола, проявился светский характер Русского государства первой четверти XVIII в.

5

ФИНАНСОВАЯ РЕФОРМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ

Мероприятия первой четверти XVIII в., завершившиеся введением подушной подати, созданием новых финансовых учреждений и проведением регулярных переписей населения, составили новый этап в развитии финансовой системы в России. Изменения, происшедшие в финансовой

системе, были вызваны новыми явлениями в экономике страны, изменениями в организации господствующего класса, созданием регулярной армии и флота, нового дворянско-бюрократического аппарата, а также и непрерывными войнами. Это требовало крупных и постоянных финансовых поступлений и означало усиление нажима на трудовое население. Старая налоговая политика была не в состоянии решить эти задачи. Размеры налогов и организационно-технические средства их выколачивания из податного населения не могли обеспечить своевременных и достаточных поступлений в казну необходимых средств.

При существовавшем тогда подворном обложении крестьяне, пользуясь содействием помещиков, старались уклоняться от обложения, соединяя по нескольку дворов в один с одними воротами. Вместе с тем развитие товарно-денежных отношений приводило к изменению форм обложения и самой структуры государственного бюджета.

Уже в XVII в. происходили отдельные изменения в государственных финансах, предварявшие до некоторой степени преобразования первой четверти XVIII в. Древнее «сошное письмо», то есть система поземельного обложения, было заменено подворным обложением, при котором налоги взимались с крестьянского и посадского двора. Росли прямые налоги, доля которых в бюджете была особенно велика в военное время. В 1680 г. на долю прямых налогов приходилось 44% всех доходов, на косвенные — 56% бюджета. Значительно упростилась система сборов, разнообразные таможенные сборы были заменены основной «рублевой» пошлиной (5% с цены во внутреннем товарообороте), стрелецкая подать заменила собою большинство прежних прямых налогов. В финансовой администрации, хотя и продолжалось распыление кассы и сборов между многочисленными приказами, некоторая централизация уже была достигнута, и к концу XVII в. важнейшие виды доходов были сосредоточены в немногих учреждениях. Таможенными и кабацкими сборами ведал Приказ большой казны, стрелецкой податью некоторое время — Стрелецкий приказ, ямскими деньгами — Ямской приказ. С сохранявшейся еще раздробленностью приказного управления связана характерная черта бюджетного дела того времени — приурочение отдельных видов расходов к отдельным, специально создаваемым для них сборам и доходам, так называемая специализация государственных доходов. Кроме того, обнаруживается стремление до некоторой степени изъять из ведения воевод на местах сбор важнейших налогов и передать их выборным людям. Эти наметившиеся в XVII в. процессы проявятся в полной силе и в новых формах в первой четверти XVIII в.

Основной расход в бюджете XVII в. приходился на войско, за ним следовал расход на дворцовое управление, тогда как ассигнования на администрацию, просвещение и прочее были ничтожными. Общие цифры расходного бюджета 1680 г. составляли около $1^1/_2$ млн. руб., а вместе с остатком приближались к 2 млн. руб. Наличие крупных резервов в виде

денежных остатков также являлось характерной чертой государственного бюджета того времени.

Продолжительные войны первой четверти XVIII в., сооружение городов, каналов, строительство флота, заводов и реформы управления были связаны с огромным ростом государственного бюджета. Необходимые для этого материальные средства государство получало путем увеличения налогов, прямых и косвенных, использования регалий и т. п. Уже в начале Северной войны государственный бюджет вырос вдвое по сравнению с бюджетом конца XVII в. Рост доходов был достигнут в значительной мере за счет новых источников, в особенности использования монетной регалии, приведшей к порче монеты, что, однако, на первых порах дало казне значительную прибыль. На третьем году войны расходы превысили текущий доход, именно в 1703 г. расход составил 3,34 млн. руб. при доходе в 2,73 млн. руб. То же самое наблюдалось и в последующие 1704—1708 гг. Сведения о текущем расходе и доходах за 1701—1709 гг. дают следующую картину (в млн. руб.):[1].

	1701 г.	1702 г.	1703 г.	1704 г.	1705 г.	1706 г.	1707 г.	1708 г.	1709 г.
Приход	2,86	3,15	2,73	2,49	2,64	2,52	2,41	2,02	2,76
Расход	2,25	2,47	3,34	3,24	3,34	2,71	2,45	2,22	2,70

В бюджете этих лет следует отметить большую долю военных расходов, составлявших в 1702 и 1703 гг. 76,5 — 76,9%, достигших затем в 1705 г. 95,9%, а в последующие годы составлявших 80—83%.

Из бюджетных затруднений выходили благодаря наличию большого остатка, переходившего из года в год, остаток от предыдущего года к началу 1703 г. составлял 3,9 млн. руб. Однако эти ресурсы непрерывно сокращались, и к 1709 г. остаток снизился до 0,96 млн. руб. Смета на 1710 г. показывала расход в 3,83 млн. руб. при ожидаемом текущем доходе в 3,33 млн. руб. Этот дефицит был заполнен экстренными мерами в виде чрезвычайных сборов.

Меры по усилению доходов начали проводиться еще в конце 90-х годов XVII в. 23 января 1699 г. был издан указ о введении гербовой бумаги согласно проекту А. А. Курбатова. В указе отмечалась главная цель этого нововведения: «для пополнения своей, великого государя, казны»[2]. В казну взяли рыбные ловли, за которые стал взиматься повы-

[1] *П. Н. Милюков*. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великого, СПб., 1905, стр. 176.

[2] На гербовой бумаге должны были писать сделки на имущество, а также договоры, заемные обязательства, челобитья и т. п. Для сделок от 50 руб. и выше устанавливалась бумага под большим орлом ценою в 10 коп., на сделки менее 50 руб.

шенный оброк, кроме того, увеличили оброк с торговых бань, лавок и т. п. Домашние бани были переписаны, и с них установили оброк по 3 руб. с бояр и гостей, а с дворянства и купечества по 1 руб., с крестьянских бань по 15 коп. Постоялые дворы и мельницы были обложены налогом в $^1/_4$ их дохода. Для взимания этих налогов были учреждены канцелярии — банная, рыбная, мельничная, постоялая, медовая, конская, ясачная.

Необходимость в увеличении государственных доходов вызвала к жизни профессию «прибыльщиков», изобретателей новых налогов. Была обложена налогом древнерусская борода, дворяне платили за разрешение не брить бороды 60 руб., первостатейные купцы 100 руб., рядовые торговцы 60 руб., прочие горожане 30 руб., крестьянская борода оплачивалась лишь 2 деньгами (то есть 1 коп.) при въезде в город и выезде из него. Были установлены сборы со свадеб, с русского платья, извозчичьих хомутов, ледоколов и водопоев, перевозов, речных судов — привальные и отвальные и т. п. В Башкирию были посланы «прибыльщики» для сбора ясака и 72 новых сборов[1]. Эти сборы стали называться канцелярскими, ими ведала Ижорская канцелярия, возглавлявшая А. Д. Меншиковым. В конце царствования Петра I в бюджете 1724 г. значилось 40 видов канцелярских сборов. На деятельность «прибыльщиков» и на обилие сборов также указывал И. Т. Посошков: «И ныне многие вымышлиники, хотя зборы пополнить, вымыслили поземельные, подушные, хомутные, [приколные] с судов [водяных], посаженные, мостовые, пчелные, банные, кожные... и с подвотчиков десятые, и называют то собрание мелочным сбором. Обаче (то есть однако.— *Ред.*) ни теми поторжними зборы наполнитися казна может, токмо людям турбациа (турбация—беспорядок, смущение.— *Ред.*) великая, мелочной збор, мелок он есть»[2].

В 1705 г. была взята в казенную продажу соль, продававшаяся после этого по двойной цене. Казна брала себе не менее 12 коп. при цене в 24 коп., а где соль продавалась дороже, казне также шла половина цены. Казенная продажа соли давала от 300 до 660 тыс. руб. валового дохода (чистая прибыль составляла около 200 тыс. руб.). Современники указывали, что дороговизна соли привела к сокращению ее потребления, к тому же запустение варниц, эксплуатация которых становилась невыгодной промышленникам,

---

должна была употребляться бумага ценой в 1 коп., для прочих челобитных и сделок в $^1/_2$ коп. В 1702 г. гербовый сбор был повышен и цена на «орленую» бумагу была установлена в 2 руб., 1 руб. 40 коп., 4 коп. и 2 коп. (*М. М. Богословский.* Петр I, т. III. М., 1946, стр. 237—238).

[1] Впоследствии башкиры обвиняли сборщиков новых сборов, что среди последних был и налог на глаза: с черных глаз по 2 алтына, а с серых по 8 денег (4 коп.); но сборщики и местная администрация отводили это обвинение, называя его «лживством». Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1. М.—Л., 1936, стр. 111.

[2] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 209.

вызвало недостаток соли. Посошков говорил, что «ныне в деревнях такую нужду подъемлют, что многие и без соли ядят и, оцынжав, умирают. И от задержания соли во иных местех выше рубля пуд покупают, да и то не всегда, и от такой безсолицы напрасно люди помирают»[1].

Значительной статьей дохода являлась «питейная прибыль», или кабацкие сборы. Система продажи вина не раз менялась. В 1705 г. питейные сборы были отданы на откуп, но не повсюду, в отдельных местах вино продавалось казной с помощью целовальников, что называлось сбором доходов «на вере». В 1716 г. был установлен сбор с частновладельческих винокуренных кубов или котлов в размере полуполтины с ведра. Посошков считал этот сбор невыгодным для казны и отмечал, что дворяне, уплатив его, выкуривают по 100—400 ведер в год, внося лишь по 1 руб. с котла[2]. Право на винокурение было одной из дворянских привилегий.

Продажа табака была передана в 1698 г. английской компании с обязательством ввозить от 3 до 5 тыс. бочек американского табака с уплатой пошлины в 4 коп. за фунт. Но с 1705 г. табачная продажа стала казенной монополией. Затем в казенную продажу были переданы также деготь, мел, рыбий жир, ворванное сало. Одновременно продолжалась продажа старых казенных товаров — смолы, поташа, икры, ревеня, клея, щетины, хлеба. Для продажи казенных товаров за границу были учреждены конторы в Архангельске и Амстердаме. Большое значение для казны имела торговля с Востоком, также составлявшая казенную монополию. Время от времени в Китай посылался караван, возвращавшийся с китайскими товарами на сумму от 300 до 400 тыс. руб. Продажа казенных товаров дала 217 тыс. руб. прибыли в 1706 г., но в последующие годы доход уменьшился (в 1708 г.— 58 тыс. руб.). К концу первой четверти XVIII в. большинство этих товаров было изъято из казенной продажи. Кроме того, были повышены внутренние торговые пошлины путем установления «новоуравнительной» пошлины в размере 10 денег (5 коп.) с каждой сделки купца с крестьянами в уезде и в покупках друг у друга с целью перепродажи. Введена была пошлина на продажу вина в размере 2 денег (1 коп.) с ведра и полуведра и 1 деньги ($^1/_2$ коп.) при продаже четвертями и кружками. «Новоуравнительная» и поведерная пошлины составили в 1706 г. 143,4 тыс. руб., но затем доход этот упал до 28 тыс. руб.

Вместе с увеличением косвенного обложения происходил рост прямых налогов, это видно уже из перечня сборов, падавших на крестьянский и посадский дворы. Это были, во-первых, новые сборы — драгунские деньги, корабельные, рекрутские, подводные, во-вторых старые налоги, размер которых сильно сократился,— стрелецкие, ямские и полоняничные деньги. Кроме того, взимались экстренные или «запросные сборы», назначавшиеся по мере надобности, как сбор на

---

[1] *И. Т. Посошков.* Указ. соч., стр. 212.

[2] Там же, стр. 229.

жалованье мастеровым и работникам, отправляемым в Петербург, сбор на седла, портупеи и единовременные сборы на покрытие дефицита в бюджете. Наконец, взимались «запросные» сборы, собиравшиеся по мере надобности, и налоги натурой, провиант для Петербурга, на фураж подводам при отбывании подводной повинности и другие. По Архангельскому уезду в 1710 г. эти сборы в среднем составляли 8 руб. 55 коп. с посадского двора, 5 руб. 98 коп. с крестьянского двора у черносошных крестьян, 7 руб. 15 коп. у монастырских крестьян. Эти цифры, однако, сильно преуменьшают действительную тяжесть обложения. В действительности на двор приходилось еще больше — по 10—16 руб.[1]

В первые годы Северной войны наибольший прирост доходов дала эксплуатация монетной регалии. Монетные перемены начались в 1698 г. с установления пониженного содержания серебра в монете, с изменения монетной стопы. Счетный рубль в 100 коп. стал равняться $6^2/_3$ золотника серебра, тогда как раньше (1682 г.) рубль равнялся $9^{11}/_{12}$ золотника. В результате мероприятий 1698 г. рубль составлял несколько менее $^3/_4$, или 70% счетного рубля времени царевны Софьи, и лишь $^1/_3$ рубля XV в. При этом проба серебра не была установлена и осталась без изменения (около 84-й пробы). Передел 1698—1699 гг. сопровождался введением новых видов монеты: начали выпускать серебряные копейки по новой монетной стопе (по 15 коп. из золотника серебра), появились гривенники и с 1701 г. серебряный пятачок («десять денег»), затем стали чеканить серебряные алтыны (3 коп.), полтинники и полуполтины, а с 1704 г. начали выпускать рубли. От предшествующего времени эта система отличалась новыми номиналами, как мелкими, так и крупными. Совершенно прекратился выпуск серебряной деньги ($^1/_2$ коп.) и полушки, в связи с изменением монетной стопы они были заменены (согласно указу 11 марта 1700 г.) медной монетой того же достоинства. Эта операция дала казне значительный доход. При рыночной цене пуда меди в 6—8 руб. медная монета чеканилась сначала на 12 руб. 80 коп. из пуда, затем на 15 руб. 40 коп., а с 1704 по 1717 г. уже на 20 руб. из пуда меди.

За время с 1699 по 1711 г. было выпущено монеты на 19,7 млн. руб., при этом основная часть этого выпуска приходится на первые шесть лет, когда было начеканено 13,8 млн. руб. Прибыль от монетной операции только за 1701—1709 гг. составила 4,4 млн. руб.

В 1711 г. была проведена новая монетная операция, заключавшаяся в понижении пробы серебра в монете. До этого времени обычно монета имела 84-ю пробу. В 1711 г. была впервые точно определена проба серебра в монете, она была снижена до 70-й пробы. В результате, 100 руб., начеканенных до 1711 г., равнялись 120 руб. нового выпуска. Чеканка новой монеты в 1711—1717 гг. проходила медленно, тем более что населе-

[1] См. выше главу I, § 5 «Крестьяне».

ние неохотно сдавало старые деньги на передел, считая получаемую при сдаче надбавку в 10% недостаточной. Правительство, несмотря на заинтересованность в эксплуатации монетной регалии, опасаясь внутренних осложнений, проводило операцию по снижению пробы серебра с известной осторожностью. Наконец, в 1718 г. была окончательно установлена проба серебряной и золотой монеты. Указом 14 февраля 1718 г. предписывалось: «рублевики, полтинники и гривенники делать из серебра против 70-й пробы; алтынники и копейки делать с медью против 38-й пробы, а двухрублевики делать из золота против 75 пробы...»[1] С этого времени началось параллельное обращение серебряной и золотой монеты, впрочем имевшей слабое распространение. Согласно этому указу чеканились из серебра 70-й пробы монеты крупных номиналов, а также гривенники. Чеканка мелкой серебряной монеты, для которой была принята 38-я проба, на деле прекратилась с 1718 г. Взамен чеканились медные алтыны, копейки, денежки, полушки и полуполушки, а с 1723 г. и медные пятикопеечники. За семь лет (1718—1724 гг.) выпущено было на 4,9 млн. руб. серебряной монеты.

Таким образом, монетные мероприятия привели к выпуску серебряных денег новых номиналов, к выпуску медных денег и сопровождались понижением пробы в серебряной монете и снижением монетной стопы, то есть сокращением металла в деньгах. В результате с 1718 г. прекратила свое существование старинная русская денежная система: были изъяты из обращения мелкие серебряные монеты. Общий итог чеканок серебряной монеты при Петре I составил 38,4 млн. руб. (при переводе на 70-ю пробу) и медной монеты — 4,3 млн. руб.

Монетная реформа сыграла значительную роль в финансировании Северной войны, особенно ее начального периода, когда было выпущено наибольшее количество денег. Однако порча монеты оставила после себя серьезные последствия для народного хозяйства в виде усиленного роста цен. Русский рубль, по своей покупательной силе в XVII в. равнявшийся приблизительно 17 руб. конца XIX в., за петровское царствование снизился до 9 руб. Цены поднялись почти вдвое, в том числе и на предметы широкого потребления, что должно было ударить по трудовым массам.

В техническом отношении монетное дело имело ряд достижений. В Москве существовало в это время три денежных двора, и в конце царствования был открыт монетный двор в Петербурге. Впервые чеканились монеты правильной круглой формы. Вместо прежней ручной работы, когда резали серебряную проволоку на кусочки, плющили их и штемпелевали, теперь монетные прессы делались сплошь из чугуна или из меди и нажим штемпеля производился при помощи винта[2].

---

[1] *И. И. Кауфман.* Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в. СПб., 1910, стр. 141—142.

[2] *И. Г. Спасский.* Петербургский монетный двор от возникновения до начала XIX в. Л., 1949, стр. 34.

Монеты 1700 г.: а) серебряный алтын, б) серебряные копейки, в) медная копейка (натуральная величина).

Государственный Исторический музей.

Русская монетная система являлась передовой и наиболее совершенной, так как была десятичной, то есть основные монетные единицы относились друг к другу как 1 : 10 : 100. Только в самом конце XVIII в. десятичная монетная система появилась во Франции и Соединенных Штатах, в других странах она распространилась еще позднее.

Доходы от эксплуатации монетной регалии почти исчерпали себя к 1718 г. Косвенные налоги, несмотря на изобретательность «прибыльщиков», также не могли удовлетворить непрерывно увеличивавшиеся расходы. Но в распоряжении правительства находился еще источник доходов — прямые налоги.

Если взыскание различного рода новых косвенных налогов и использование регалии являлись более или менее завуалированными формами эксплуатации производительного населения, то повышение размеров прямых налогов означало открытое ущемление интересов трудящихся. «Прибыльщики» и прожектеры, изобретавшие новые виды дохода, обещали получать «вновь доходы великие» такими способами, что «людям ни малой тягости не будет», что, конечно, не могло быть выполнено. Правительство в напряженный период первого десятилетия войны и народных восстаний в Астрахани и на Дону не решалось в один прием увеличить прямые налоги, предпочитая удовлетворять потребности всякого рода чрезвычайными сборами.

Итоги переписи 1710 г. показали вместо увеличения сокращение числа дворов. Правительство считало пустоту лишь результатом укрывательства населения, а также попустительства со стороны местных властей и продолжало собирать налоги по старым данным. Недоверие к этим статистическим данным заставило провести новую перепись. Эта перепись, так называемая ландратская, была начата в 1715 г. и показала дальнейшее сокращение числа дворов. В действительности обнаруженная ландратской переписью пустота была явлением местным. Побеги крестьян приводили к передвижению населения к другим владельцам и на окраины

Серебряный рубль 1718 г. (натуральная величина).
Государственный Исторический музей.

страны, мобилизации изымали людей из деревень, но переносили их в армию, на верфи, в новую столицу, убыль от болезней и на войне в известной мере покрывалась вновь родившимися. Население в результате этих неблагоприятных условий, по расчетам М. В. Клочкова, к 1710 г., вероятно, оставалось на уровне 1678 г.[1] Но податная единица — двор, как показал опыт, не позволяла полностью охватить население налогами, и правительство стало на путь реформы всей податной системы. Было решено осуществить замену подворного обложения подушным, то есть изменить систему взимания прямых налогов.

Уже в 1710 г. в Азовской губернии было велено проводить сборы не с двора, а с лиц обоего пола (от 10 до 60 лет). Налоговая реформа в форме «поголовщины» ,или подушной подати, стала излюбленной темой прожектеров, подававших проекты и докладные записки правительству. Наконец, 26 ноября 1718 г. вышел указ о переписи всего податного населения мужского пола.

Петр торопил областных правителей с окончанием подушной переписи и в случаях задержки приказывал даже держать их в канцеляриях «на цепях и в железа скованных», пока не будет закончено дело[2]. У помещиков, которые утаивали число крестьян, велено было отбирать крепостных в два раза больше против утаенных. А приказчикам и старостам за неправильные сведения указы угрожали смертной казнью без всякой пощады. Даже священникам, покрывавшим утайку крестьян, Синод грозил лишением сана, беспощадным «на теле наказанием» и ссылкой в каторж-

[1] *М. В. Клочков.* Население России при Петре Великом по переписям того времени, т. 1. СПб., 1911, стр. 256.

[2] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, М., 1902, стр. 327.

ные работы [1]. Но никакие угрозы не помогали: сведения поступали крайне медленно, и вместе с тем приходили известия о «многой утайке» душ. В 1722 г. «ревизия» переписи была поручена генералитету с офицерами. Новые ревизоры, не успев еще полностью закончить свою работу, выявили к 1724 г. почти 2 млн. утаенных душ мужского пола.

Это была первая «ревизия», как стали с тех пор называть переписи мужского населения, производившиеся в налоговых целях в XVIII—XIX вв. Ревизия проводилась с большой строгостью и включала также тех, кто прежде не подлежал обложению: холопов и гулящих людей. Ревизская «душа» мужского пола стала новой податной единицей. Общее число налогоплательщиков составило 5 472 516 душ м. п. крестьянского населения и 183 437 душ м. п. посадских людей, всего 6 655 953 души м. п. [2] (без Украины и некоторых других районов).

Еще в 1717 г. Петр затребовал сведения о стоимости содержания армии и отдельного солдата (28 руб. 40 коп. пешего и 40 руб. 17 коп. драгуна в год); при этом был произведен расчет, сколько налогоплательщиков смогут содержать одного солдата, именно содержание одного пехотинца легло на плечи $35^1/_2$ душ м. п., а одного драгуна — на $50^1/_4$ душ м. п. Вместе с податной реформой устанавливался новый порядок размещения армии, весьма тяжелый для населения. Полки должны были занять «вечные» квартиры, расселившись в деревнях и городах по всем губерниям. Каждая рота селилась в округе, имевшем определенное число населения, не далее 5 верст друг от друга. Полковые штабы получали некоторые полицейские, а также финансовые функции на местах по сбору подушной подати. Солдаты размещались на постой у крестьян или в построенных крестьянами помещениях, полковые лошади паслись вместе с крестьянскими и т. п.

Расходы армии были подсчитаны в размере 4 млн. руб., эта цифра и составила всю сумму подушной подати. Подушный оклад был определен путем деления этой цифры содержания армии на цифру крестьянского населения (5,4 млн. чел.), что составило 74 коп. с души м. п. С государственных крестьян вместе с добавочной оброчной податью взималось 1 руб. 14 коп., а с посадских подушная составляла 1 руб. 20 коп. с души. С 1725 г. после смерти Петра I подушная была снижена до 70 коп. с души м. п. с владельческих крестьян и 1 руб. 10 коп. с государственных. Подушная подать должна была заменить все виды прежних прямых налогов.

---

[1] *В. О. Ключевский.* Подушная подать и отмена холопства в России. Сб. «Опыты и исследования». М., 1912, стр. 314—315.

[2] Предварительные цифры первой ревизии, использованные правительством в 1724 г., были несколько ниже: 5 401 042 души мужского пола крестьян и 169 426 душ мужского пола посадских людей, всего 5 570 468 душ мужского пола. *А. А. Кизеветтер.* Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, стр. 81.

Новая податная единица — душа мужского пола без различия возраста — далеко не соответствовала платежеспособным силам населения, так как облагались не только работоспособные мужчины, но и младенцы и дряхлые старики. Посошков, подвергая критике податную реформу, с иронией писал, что «душа вещь неосязаемая и цены неимущая, надлежит ценить вещи грунтованные». На практике сложился несколько иной порядок раскладки подушного налога. Число душ получило значение для определения общей суммы платежей на каждую деревню, а раскладка на отдельные крестьянские хозяйства производилась крестьянским миром и помещиком попрежнему, «по животам и промыслам», то есть далеко не в одинаковой сумме. Правительство не вмешивалось в раскладку подати по хозяйствам. Артемий Волынский в своей инструкции дворецкому Немчинову (1724 г.) предписывал в своих деревнях приказчику вместе с крестьянами, «разложа по тяглам, а не с душ собирать подати». Тягло — единица крепостного хозяйства—состояло в имении Волынского из двух работников мужского пола и двух женского в возрасте от 20 лет.

Государственный бюджет 1723 г. составил 6,5 млн. руб., а с введением подушной подати смета на 1724 г. равнялась 8,5 млн. руб., однако в таких размерах смета не была выполнена. В результате финансовой реформы, введения подушной, не только повысилась сумма государственных доходов, но изменился значительно состав бюджета, увеличилась доля прямых налогов и сократился удельный вес косвенных налогов (таможенных и кабацких сборов). Это видно из следующей таблицы:

	1680 г.		1701 г.		1724 г.	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
1. Прямые налоги	493,9	33,7	584,2	19,8	4731,1	55,5
2. Косвенные налоги . . .	650,2	44,4	1195,9	40,4	2128,6	24,9
3. Регалии	40,0	2,7	791,7	26,8	895,2	10,5
4. Промысловые сборы, оброки и откупы . . .	146,1	10,0	130,2	4,4	474,6	5,6
5. Пошлины	33,7	2,4	118,7	4,0	150,1	1,8
6. Сборы, нераспределенные	100,0	6,8	134,9	4,6	147,0	1,7
Итого . . .	1463,9	100,0	2955,6	100,0	8526,6	100,0

Из приведенной таблицы видно, что общая сумма государственного дохода в 1680 г. составляла 1463,9 тыс. руб., а по смете 1724 г. должна была подняться до 8526,6 тыс. руб.[1] Следовательно, за 45 лет сумма

[1] Действительный доход 1724 г. составил 6,2 млн. руб.

доходов увеличилась в 5,8 раза. Однако надо принять во внимание понижение стоимости денег и рост цен к концу царствования почти вдвое. С учетом изменения стоимости денег смета 1724 г. была втрое выше бюджета XVII в. Рост бюджета в неизменных рублях можно представить приблизительно в следующих цифрах: 1680 г. — 1,5 млн. руб., 1701 г.— 3,0 млн. руб., смета 1724 г. — 4,5 млн. руб.[1] Таким образом, налоговое бремя населения должно было увеличиться втрое.

Финансовые мероприятия изучаемого времени проходили два этапа. Первый этап продолжался с конца XVII в. до 1718 г. Он характеризуется ростом косвенных налогов и чрезвычайных прямых налогов, а также использованием монетной регалии. Второй этап начался со времени проведения подушной переписи и завершился в 1724 г., когда налог со двора был заменен налогом с мужской души. Эта реформа дала значительное повышение сбора прямых налогов, удельный вес которых в доходной части бюджета стал преобладающим. Оба этапа сопровождались соответствующей реорганизацией финансовой администрации, цель которой состояла в попытке централизовать взимание налогов и осуществить строгий контроль и учет за их поступлениями.

Решающее значение среди финансовых мероприятий первой четверти XVIII в. имело введение подушной подати. Она значительно повысила удельный вес прямых налогов в бюджете конца петровского царствования. В 1680 г. сумма прямых налогов равнялась 493,9 тыс. руб., что составляло 33,7% всех доходов, а в 1724 г. прямых налогов должно было быть собрано 4731,1 тыс. руб., что составляло 55,5% бюджета. Ревизия и введенная вслед за нею подушная подать не только усилили податную эксплуатацию трудового населения, но также привели к расширению крепостнических отношений. Один из прожектеров, А. Нестеров, в своем доношении об уравнительном платеже, поданном в 1714 г., среди других преимуществ подушной подати подчеркивал, что ее введение сократит число побегов так как в этом случае беглый, где бы он ни находился, будет лишен возможности уклониться от уплаты подати[2]. Холопы были обложены наряду с крестьянами и тем самым юридически приравнены к ним.

Изменилась также структура государственных расходов. Уже в бюджете 1701 г. обращает внимание большой удельный вес военных расходов, составлявших свыше $^3/_4$ общей суммы (78%); следующее место, как это было и в бюджете XVII в., занимают расходы на дворцовое управление, хотя удельный вес их теперь невелик (4,4%). По смете 1724 г.

---

[1] При пересчете на деньги конца XIX в. государственный бюджет 1680 г. составлял 24,9 млн. руб., 1701 г. — 50,2 млн. руб., 1704 г. — 76,7 млн. руб.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. «Записки историко-филологического факультета импер. С.-Петербургского университета», ч. 42. СПб., 1897, приложение III, стр. 60.

уменьшились по сравнению с первыми годами XVIII в. военные расходы. Теперь они составляли 62,8%. В то же время увеличились расходы на промышленное строительство, дипломатию, администрацию, появились, хотя и незначительные, расходы на школы и медицинские учреждения. Таким образом, бюджет 1724 г. как бы подводил итоги изменениям, происшедшим в России в течение первой четверти XVIII в. Финансовые мероприятия тесно связаны с усилением аппарата чиновничье-дворянского государства, дополнительных затрат требовали также экономические и культурные преобразования. Утроение бюджета, в котором важнейшая роль принадлежала подушной подати, свидетельствует о напряжении народнохозяйственных сил, об усилении эксплуатации основного налогоплательщика — крестьянина.

Финансовая политика являлась орудием господства правящего класса, дополнительным источником эксплуатации. Огромные расходы на гвардию, армию и флот связаны с высокими окладами высшему командному составу; крупные средства шли на выплату жалования высшим гражданским чинам. Значительной также была доля нарождавшегося купеческого класса. Подрядчикам за провиант и фураж в 1724 г. было ассигновано 1210 тыс. руб., винным подрядчикам за поставку вина — 720,1 тыс. руб.

Подушная подать оказалась по своей абсолютной величине намного тяжелее, чем обложение предшествующего времени. Тяжесть подушной подати еще усилилась вследствие того, что, вопреки указу 26 октября 1718 г., она не заменила полностью всех прежних сборов и повинностей. Продолжали взиматься «канцелярские» сборы с мельниц, с рыбной ловли, с мостов, бань и т. д.

Тяжесть подушной приводила к значительным недоимкам. Выполнение сметы на 1724 г. привело к недобору в 26,7%, то есть недоимка составила более $^1/_4$ всего оклада. Если выделить из сметы лишь сбор подушной, то в отношении ее недоимка окажется еще больше.

Одновременно с изменениями в структуре бюджета и формах налогового обложения происходили изменения в финансовой администрации.

Первым крупным мероприятием петровского правительства, связанным с усилением налогового гнета и упорядочением налоговых поступлений, было учреждение в 1699 г. Ратуши, которая являлась не только органом самоуправления посадского населения, но и центральной государственной кассой. Выборные купеческие бурмистры как в центре, так и на местах должны были, помимо приказов и воевод, ведать сбором большей части государственных доходов, поступавших теперь в Ратушу. Новому учреждению были переданы сборы, осуществлявшиеся 13 приказами, в том числе сборы Приказа большой казны и областных приказов, как Новгородский приказ, Казанский дворец и другие.

Сборы, переданные Ратуше, составляли 1302 тыс. руб., то есть подавляющую часть тогдашнего бюджета. Возникшей в том же 1699 г.

при Боярской думе Ближней канцелярии поручалось в централизованном порядке составление ежегодных ведомостей доходов и расходов государства.

Однако новые виды доходов поручались также вновь созданным учреждениям, которые не представляли финансовых отчетов Ближней канцелярии, ведавшей учетом и контролем всех приказов. Это нарушало складывавшуюся централизацию финансов[1].

Вслед за тем крупные изменения в финансовой администрации вызвала губернская реформа 1708—1709 гг. Возникновение губерний с новым губернским аппаратом привело к переводу финансовой работы из центра, то есть из Ратуши, на места, в губернии. В январе 1710 г. происходил съезд губернаторов с участием Петра для обсуждения бюджета.

Ратуша как центральное финансовое учреждение была ликвидирована, сохранив значение для купеческого самоуправления, и обер-инспектор Ратуши А. А. Курбатов получил другое назначение, стал вице-губернатором Архангелогородской губернии. Доходы ее были распределены по восьми губерниям. Армейские полки приписывались к губерниям, которые должны были их содержать. При каждом полку была учреждена должность комиссара от губернии, долженствовавшей содержать этот полк. Над ним стоял губернский комиссар, подчиненный Сенату. Денежные средства каждой губернии поступали на содержание полков и, кроме того, шли в учреждения («определенные места»). Расходы эти балансировались доходами каждой губернии, избытки и недостатки по губерниям должны были быть минимальными.

Последующие изменения в управлении финансами связаны также с административной реформой, с созданием коллегий. В 1719 г. были утверждены регламенты двух финансовых коллегий: Камер-коллегии и Штатс-конторы. Камер-коллегия ведала доходами, то есть всеми видами сборов, прямых и косвенных. Штатс-контора ведала всеми расходами и составляла «генеральный штат государства», то есть расходную смету бюджета. Кроме общего государственного бюджета, Штатс-контора должна была составлять смету расходов отдельных провинций, на которые делилась страна в административном отношении в результате второй областной реформы. Наконец, Ревизион-коллегия должна была получать для контроля ежегодно отчеты и «счетные выписи» по всем коллегиям. Позже Ревизион-коллегия стала конторой при Сенате.

Но, несмотря на создание центральных учреждений, в финансовом управлении сохранилась старая практика специализированных сборов. Расходы на содержание армии погашались сбором подушной подати, флот и гвардия содержались за счет питейных, таможенных и других сборов, расходы на дипломатию производились из прибыли монетных дворов. Это привело к тому, что некоторые статьи дохода были изъяты из ведения Камер-коллегии,— так, монетная и горная регалии были

[1] *Л. Н. Яснопольский*. Очерки русского бюджетного права, М., 1912, стр. 26.

подведомственны Берг-коллегии, доходы от продажи гербовой бумаги получала Мануфактур-коллегия.

Финансовые мероприятия правительства Петра I с фискальной точки зрения имели успех. Они втрое увеличили бюджет государства, способствовали военным и дипломатическим победам России, материально обеспечивали новые мероприятия правительства, реформу армии, строительство флота, создание мануфактур и т. д. Финансовые реформы были подготовлены всем предшествующим экономическим развитием страны. В свою очередь рост прямого обложения повышал товарность народного хозяйства. Ограбление населения при помощи налоговой системы являлось одним из источников первоначального накопления в России.

Но рост государственного бюджета использовался в интересах дворянства и купечества. Структура бюджета свидетельствовала о том, что он был подчинен решению двух основных функций государства: «держать эксплуатируемое большинство в узде» и «расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»[1]. Выполнение бюджета вызывало напряжение сил крестьянства, разорение трудящихся и вместе с тем приводило к росту доходов дворянства и нарождавшейся буржуазии.

6

ПРАВО И СУД

Право есть воля господствующего класса, возведенная в закон, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни господствующего класса[2].

Важнейшей частью права в России в первой четверти XVIII в. было право земельное, закреплявшее сословную собственность дворян на землю.

В этот период вотчины и поместья, по существу слившиеся еще в конце XVII в., официально были преобразованы в «недвижимые имущества» (указ 1714 г.). Важной частью феодального права было крепостное право, оформившееся к рассматриваемому времени. Право выступало как право-привилегия, в нем (как и в феодальном праве вообще) резко проявлялось формальное неравенство. Но в то же время абсолютистская монархия в известной степени опиралась и на крепнущих купцов и промышленников, поэтому абсолютизм должен был создать минимум правовых гарантий, необходимых для их деятельности, так как без этого купцы заводы строить «отважиться не хотели, опасаяся,

---

[1] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е. Госполитиздат, 1952, стр. 644.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. V, стр. 498.

дабы некогда те заведенные рудокопные заводы, егда от них добрая прибыль будет, от них заводчиков отняты б не были»[1].

Развитие товарно-денежных отношений, мануфактуры и ремесла привело к дальнейшему развитию гражданского права: в вещном праве начало различаться право собственности от права владения, регламентировалось залоговое право, в обязательственном праве развивались договоры купли-продажи, мены, даренья, найма имущества, подряда и поставки, займа, поклажи, разрешалось заключение договора личного найма не только для домашних услуг, но и для земледельческих, ремесленных, заводских работ, торговых и иных промыслов (крепостные могли наниматься с согласия своих помещиков), развился договор товарищества[2]. Так в недрах феодального права зарождались элементы права буржуазного.

Русское законодательство этого периода стремилось подчинить все стороны жизни интересам укрепления диктатуры дворянства. Идеолог самодержавия Феофан Прокопович доказывал, что монарх имеет право вмешиваться в любое дело, лишь бы это «к знатной пользе отечества своего потребно» было[3]. Правительство не только определяло характер производства крупных мануфактур, но и предписывало крестьянам ткать полотно лишь определенной ширины, запрещало выделывать кожу с дегтем, а приказывало обрабатывать ее ворванным салом, устанавливало образцы кос, граблей и речных судов; определяло устройство «ассамблей» в частных домах, запрещало игру на деньги; предписывало ходить в церковь, исповедываться и причащаться, а в церкви «стоять с безмолвием и слушать со всяким благоговением» под угрозой штрафа, «не выпуская из церкви, по рублю с человека». Таким образом, абсолютистское государство под предлогом «общей пользы» в действительности стремилось подчинить жизнь подданных строгим правилам, угодным господствующему классу, насадить «дух» повиновения даже в мелочных проявлениях личной и общественной жизни.

Преобразования проводились не на основе слагавшихся столетиями обычаев, игравших еще важную роль в XVII в. в качестве источника права, а путем издания актов верховной власти, устанавливавших новые юридические нормы, новые правовые понятия.

В первой четверти XVIII в. начали различать: 1) закон, или акт верховной власти, устанавливавший новые правовые нормы, 2) административное распоряжение органов управления на основе закона по частному вопросу и 3) судебное решение, то есть применение закона к конкретному случаю.

---

[1] ПСЗ, ч. V, № 3464, стр. 760.

[2] Указом 1698 г. разрешалось «купецким людям торговать так, как торгуют в иных государствах, компаниями».

[3] ПСЗ, т. VII, № 4870, стр. 628.

В это время установилось понятие о законе, как о воле императора, объявленной соответствующим образом. В предшествующем XVII в. актами верховной власти считались решения царя совместно с Боярской думой (начинавшиеся формулой: «царь указал, а бояре приговорили»). Но уже во второй половине XVII в. появились «именные» указы царя без одобрения их Боярской думой. В изучаемое время с оформлением абсолютизма стали считаться актами верховной власти исключительно повеления императора. Все законы издавались в форме «именных» указов, если же они имели иную форму (уставов, регламентов), то вводились в действие особым указом императора. Хотя проекты законов часто составлялись и обсуждались в различных центральных учреждениях (в Сенате, Синоде, коллегиях), но для того, чтобы они стали законами, обязательно требовалась санкция императора. Сенату предписывалось «чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тех мест, пока от нас оной апробован, напечатан и к регламентам присовокуплен будет»[1].

По Генеральному регламенту надлежало царские «указы в Сенат и в коллегии, також и из Сената в коллегии ж отправлять писменно, ибо как в Сенате, так и в коллегиях словесные указы никогда отправляемы быти не надлежат»[2].

Указы, регламентирующие «всякие государственные генеральные дела» (то есть законы.— *Ред.*), должны не только посылаться заинтересованным учреждениям и губернаторам, но и для «всенародного объявления... печатать и продавать всем», чтобы все были «о том сведаны»[3]. Указы прочитывались в церквах и на ярмарках, вывешивались на видных местах. Было установлено, что никто не может отговариваться незнанием закона. Закон, как правило, обратного действия не имел. Толкование закона, согласно указу от 17 апреля 1722 г.[4], могло быть дано только самим императором, лишь в его отсутствие толкование мог давать Сенат, но с последующим утверждением императором.

В это время сложились три основные формы законов: уставы, регламенты и указы. Уставы — это сборники законов, изданные для специальных ведомств (отраслей управления) и содержащие в себе наряду с инструкциями также и нормы процессуального и материального права. Первым из них являлся Воинский устав 1716 г. Он был не только сборником военного права, но и уголовным и процессуальным кодексом, действие которого распространялось на военных, а также и «до всех правителей земских»[5].

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3970, стр. 657.

[2] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I, т. I, М. — Л., 1945, № 401, стр. 484.

[3] ПСЗ, т. V, № 2785, стр. 88—89.

[4] Там же, т. VI, № 3970, стр. 656—657.

[5] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., т. I, № 38, стр. 52—53.

В 1720 г. был издан Морской устав. Уголовные статьи Морского устава в основном повторяют Воинский устав, но говорят о преступлении, совершенном на корабле.

Большое значение получил другой вид законов — регламенты, которые регулировали состав и организацию новых учреждений. Важнейший документ этого рода — Генеральный регламент (1720 г.), определял порядок службы во всех учреждениях империи и носил поэтому всеобщий характер; такое же большое значение имел регламент об управлении адмиралтейства и верфи (1722 г.). Ряд постановлений этого регламента (например, о подсудности контролеров, о компетенции прокурора коллегии и т. д.) был обязательным для всех учреждений. Остальные регламенты (регламент Кригс-комиссариату, Штатс-конторе, Коммерц-коллегии, Камер-коллегии, Главному магистрату) имели главным образом значение для своих ведомств. Несколько особое место занимал Духовный регламент (1721 г.), который, помимо определения состава и функций Духовной коллегии, содержал также нормы материального церковного права.

Подавляющее большинство законов издавалось в форме отдельных указов, причем некоторые из них близко примыкали к регламентам. Таковы указы об учреждении важнейших должностей: указ о должности сенаторов, о должности генерал-прокурора при Сенате, прокуроров при коллегиях, фискалов. Указы касались самых различных отраслей права. Наиболее важными указами, внесшими большие изменения в действовавшее законодательство, были указ о единонаследии 1714 г., «табель о рангах» 1722 г., указ 1723 г. о форме суда.

В течение первой четверти XVIII в. продолжали действовать Уложение царя Алексея Михайловича, Новоуказные статьи и целый ряд указов XVII и даже XVI вв. Указом от 15 июня 1714 г. Петр даже подтвердил действие Уложения: «повелел всякого чина судиям всякие дела делать и вершить все по Уложению»[1].

Но вместе с тем в ходе реформ было издано множество указов, регламентов и уставов, напластовавшихся на старое законодательство, которые, формально не отменяя его, на деле часто ему противоречили. Кроме того, они нередко противоречили друг другу, что сильно затрудняло деятельность судов. Поэтому в первой четверти XVIII в. предпринимались попытки кодифицировать право, свести его в единое Уложение. С целью пересмотра и исправления Уложения была создана в 1700 г. особая палата из бояр, окольничих, думных, дворян, стольников и дьяков (всего 71 чел.). Эта палата создала два варианта Новоуложенной книги, которые, однако, не были утверждены Петром. В 1714 г. была организована новая комиссия под председательством сенатора Апухтина, но и эта комиссия работала бесплодно. После этого была создана третья комиссия,

[1] ПСЗ, т. V, № 2828, стр. 116.

деятельность которой также не дала результатов (1720). Не дождавшись окончания работ этой комиссии, Петр предписал разобрать разные указы по одному и тому же вопросу и те, которые будут утверждены, печатать и присоединить к регламентам. Затем 11 марта 1724 г. предписано было новые указы печатать и присоединять к регламентам или к старому Уложению, а в случае разногласий решать дела на основании новых указов.

Неудача этой кодификации объясняется особенностями рассматриваемого периода. Законодательство непрерывно изменялось и дополнялось, новые формы его еще не устоялись. Поэтому попытки палаты по составлению Уложения приспособить Уложение 1649 г. к новым условиям, лишь подправив его, обречены были на неудачу, но и попытки создать новое Уложение также не имели успеха ввиду непрерывного потока новых законов.

На Украине в качестве источника права действовали местные обычаи, а также Литовские статуты[1]. Литовский статут, сложившийся под непосредственным воздействием «Русской Правды»,—кодекс феодального права. Вследствие развития феодальных отношений украинское шляхетство и казацкая старшина стремились заменить Литовским статутом нормы обычного права. Наряду с Литовским статутом в наиболее крупных украинских городах, пользовавшихся самоуправлением, действовало городское так называемое магдебургско-хелминское право. Применялось судьями также и обычное право. Городское право регулировало взаимоотношения городов и высших органов власти, а также защищало интересы усилившегося купечества и верхушки ремесленников. На Украине в качестве источника права имели также значение универсалы — законодательные акты, издаваемые гетманом; в первой четверти XVIII в. там действовали также указы, уставы и регламенты Российского правительства.

В Прибалтике ввиду сложившихся особых условий дворянству и купечеству было обещано сохранение прав и привилегий, которые они имели под шведским управлением. Остзейские привилегии отражены в «Аккордных пунктах», представленных от имени «шляхетства и земства» княжества Лифляндского, от г. Риги, и в таких же «пунктах» от «шляхетства и земства» герцогства Эстляндского, от г. Ревеля, представлявших собой договоры отдельных остзейских сословий с русским военным командованием по случаю перехода их в подданство России[2]. Это положение было закреплено в Ништадтском мирном договоре

---

[1] Действовали три редакции статута, но особенно широко был распространен III Литовский статут.

[2] ПСЗ, т. IV, № 2279, стр. 519—526; № 2278, стр. 515—519; № 2299, стр. 567—575; № 2298, стр. 560—567; № 2304, стр. 578—580; *Я. Я. Зутис.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, стр. 20—105.

со Швецией 1721 г. (статья 10-я). Поэтому на территории Прибалтики действовало местное право, составленное из указов и актов шведских и польских королей, постановлений местных ландтагов, актов рижского архиепископа, даже актов Ливонского ордена, а также обычаев. В Прибалтике помещики довели эксплуатацию крепостных, латышских и эстонских крестьян до последнего предела. Местное, остзейское право отражало особенно приниженное и бесправное положение крепостных.

В районах, населенных башкирами и татарами, казанскими и сибирскими, русское общеимперское право применялось в русских судах. Местные, туземные судьи использовали систему мусульманского права — шариат. Памятником мусульманского права был коран. Как и у всех мусульман, у татар и башкир наряду с шариатом действовал адат— местное обычное право. Адат главным образом регулировал земельные отношения и нормы уголовного права. Русские суды также считались с шариатом и адатом.

Уголовное право является одним из наиболее мощных рычагов диктатуры господствующего класса. Все то, что нарушает интересы господствующего класса и его государства, является преступлением. Этот взгляд на преступление как на нарушение «государственного интереса», выражен например, в указе 24 декабря 1714 г., где говорится, что «все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление»[1]. Поскольку воля господствующего класса выражалась в указах самодержавного царя, часто наказывались люди не только за действия хотя и не нанесшие никому материального или морального ущерба, но и за «ослушание указов».

Жестокими наказаниями пытались запугать широкие массы. Суды применяли пытку, служившую не только средством добывания доказательств, но и устрашающим наказанием. При помощи уголовного права поддерживался известный порядок и внутри самого господствующего класса, подавлялись самоуправные действия отдельных феодалов и их группировок, которые вредили интересам всего класса в целом. Чем выше по своему положению, чем знатнее был потерпевший, тем менее жестокое наказание постигало преступника. За одни и те же преступления люди низших сословий наказывались кнутом, батогами, дворяне же отделывались тюрьмой или лишением чина.

Так как преступление являлось нарушением «государственного интереса», то есть посягательством на господствующий правопорядок, то и преследовало за совершение преступления государство, а не потерпевший. Однако в первой четверти XVIII в. уже делалось различие между преступлениями, вызывающими преследование со стороны государства, и гражданскими правонарушениями.

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2871, стр. 135.

В уголовном законодательстве различаются понятия умысла, неосторожности и случайности, хотя четкого различия между этими понятиями еще не было.

Уголовное законодательство более подробно, чем Уложение, говорит о стадиях развития преступного деяния. Различается голый умысел, который наказывался наравне с оконченным преступлением в делах политических. «Такое же равное наказание чинится над тем, которого преступление хотя к действу и не произведено, но токмо его воля и хотение к тому было»,— говорится в Воинском уставе[1].

По делам политическим и при покушении солдата на офицера (а также крестьянина на помещика) покушение наказывалось так же, как оконченное преступление. В этом проявлялся феодальный характер законодательства, усиленно защищавшего существующий правопорядок, жестоко каравшего даже попытку поднять руку на феодала. За повторные преступления наказания усиливались.

Система наказаний по уголовному законодательству первой четверти XVIII в. носила открыто террористический характер. Главной целью наказания было удержать народные массы в повиновении господствующему классу. Воинский устав предлагает: «Всякой бунт, возмущение, и упрямство без всякой милости имеет быть виселицею наказано... дабы чрез то другим страх подать, и оных от таких непристойностей удержать...»[2] Указ 19 января 1721 г. предписывал: «всем беглым чинить жестокое наказание, бить кнутом, дабы вперед, на то смотря, другим никому бежать было неповадно».

Наказание, как правило, производилось публично, при стечении народа, с особой торжественностью, часто под звон колоколов.

Особенно показательна в этом отношении казнь мятежных стрельцов, трупы которых было запрещено убирать в течение пяти месяцев. По указу 1718 г. повелевалось «для большего страха по знатным дорогам, где проезд бывает, поставить виселицы», на которых вешать преступников.

При наказании также имелось в виду изолировать преступников, для чего служила ссылка и тюрьма, и облегчить опознание бежавших из заключения, чему способствовало клеймение преступников. В указе 9 июля 1698 г. предписывалось «смотреть по дорогам и рекам накрепко... ссыльных же беглых... и буде на осмотру на ком на спине объявится, что он пытан или приложено пятно (то есть клеймо. — *Ред.*), и таких пытанных и запятненных не пропускать и задерживать». «Подлым» людям, то есть представителям социальных низов, часто даже за малозначительные преступления назначалась каторга. На каторгу велено было ссылать всех нищих и гулящих людей, и «худых» людей за неплатеж долга (старинный «правеж» за долги был отменен).

[1] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 325.

[2] Там же, стр. 360.

Наказание в первой половине XVIII в. еще не сделалось в полной мере индивидуальным. Часто карался не только один преступник, но и его жена и дети; например, много стрельцов было сослано в Азов с семьями. Мера и вид наказания часто не были определены. Воинский устав и указы нередко употребляли такие угрозы, как «под опасением наказания», «быть в казни», «по суду наказаны быть имеют», иногда же «бить кнутом нещадно», «положены будут великие денежные штрафы», «жестоко шпицрутенами наказан будет». Эта неопределенность давала простор для деятельности классового суда, назначавшего наказания в зависимости от сословной принадлежности преступника.

Наиболее тяжелым наказанием являлась смертная казнь. Ее применяли за самые разнообразные преступления, предусмотренные как Воинским уставом, так и отдельными указами. В связи с обострением классовых противоречий применение смертной казни в первой четверти XVIII в. было значительно расширено[1]. Смертная казнь была обыкновенная и квалифицированная (то есть производимая особо мучительным способом). К первой относились отсечение головы, повешение, расстрел. В качестве квалифицированных видов казни применялись четвертование, колесование, сожжение, повешение за ребро на крюке, что особенно часто применялось при подавлении массовых восстаний, для особого устрашения. За смертной казнью следовали членовредительские (урезание языка, отсечение руки, клеймение и др.) наказания.

Следующим видом наказания являлась ссылка навечно или на определенный срок на работу в качестве гребца на галеру или «каторгу» (вид гребного судна, отсюда и название — каторжные работы), на тяжелую работу по постройке гаваней, городов, крепостей, на заводы, и рудники. Ссылали в Азов или в Сибирь. Женщин ссылали на работу на «прядильный двор». Применялась ссылка на житье, бессрочная и на определенный срок.

В первой четверти XVIII в. получило широкое применение тюремное заключение, бессрочное и на срок. Воинский устав знает арест у профоса (палача). Тюрьмы были очень плохо устроены, заключенные нередко должны были кормить себя подаянием, для чего их партиями водили по городам[2].

Применялись также позорящие наказания. К ним относились изгнание со службы с бесчестием, прибитие имени к виселице, повешение за ноги после смерти и т. п. Была введена новая форма позорящего наказания — шельмование. Объявление «вором (шельм)» означало лишение

---

[1] В Воинском уставе смертная казнь полагалась в 122 случаях, причем в 62 с обозначением вида, а в 60 без обозначения, в то время как по Уложению 1649 г. она полагалась лишь в 35 случаях (*В. Н. Латкин.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). СПб., 1909, стр. 493).

[2] *М. Н. Гернет.* История царской тюрьмы, т. 1. М., 1951.

чести, с ошельмованными никто под угрозой наказания не должен был иметь дела, их никуда не принимали, суда им не давали.

Последним видом наказания были имущественные наказания: конфискация имущества всего или части, вычеты из жалованья и штрафы.

К светским наказаниям прибавляли иногда церковное покаяние. Среди преступлений, перечисленных в Воинском уставе, важное место занимали преступления против религии. Поскольку религия была важнейшим идеологическим оружием и опорой абсолютизма, преступление против религии считалось не только посягательством на феодальную идеологию, но и преступлением против государства, оно становилось одновременно преступлением политическим. В законодательстве более тщательно разрабатывались уже имевшиеся ранее составы преступлений, как, например, богохульство (каралось прожжением языка и последующим отсечением головы). Введены были понятия идолопоклонства, чернокнижия, чародейства (например, заговаривание ружья и т. п.). Виновный в этих преступлениях «весьма сожжен имеет быть» [1]. Однако для сожжения требовалось, чтобы чернокнижник кому-либо вред учинил или он «действительно с диаволом обязательство имеет» [2].

Особо выделялось совращение в раскол. Старообрядцам разрешалось исповедовать свою веру при условии платы двойной подати, однако правительство заботилось о том, чтобы число раскольников не увеличивалось, и карало за совращение в раскол вечной каторгой и конфискацией имущества, а священников — колесованием (указы 1722 и 1724 гг.).

Важнейшими преступлениями были преступления политические, то есть посягательство на абсолютистское государство. Воинский устав говорит об оскорблении величества и определяет его как всякое действие, направленное против жизни и здоровья царя, его супруги и наследников. Устав вводит также в законодательство понятия словесного оскорбления величества и осуждение действия и намерений царя. В Уложении 1649 г. об этом не говорилось, хотя судебная практика XVII в. знала много дел о словесном оскорблении величества. За оскорбление величества действием полагалось четвертование с конфискацией имущества.

Дела о словесном оскорблении величества и осуждении замыслов государя разбирались в Преображенском приказе, и хотя артикул 20 и предусматривал за это смертную казнь, однако обычно суд приговаривал не к казни, а к различным другим наказаниям.

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 321. К преступлениям согласно Воинскому уставу и отдельным указам стали относить божбу и клятву именем бога, нарушение порядка в церкви, непосещение церкви, появление в церкви в пьяном виде. Все это наказывалось штрафом, краткосрочными арестами, заковыванием в железо. Судебной практике известны также «мятеж божественному пению», то есть нарушение богослужения, совращение из христианской церкви. Подобные дела решались на основании Уложения 1649 г. и карались смертной казнью или кнутом и каторгой.

[2] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 321.

К политическим преступлениям устав относит измену. Сюда же относятся сношения и переписка с неприятелем, открытие ему пароля, разглашение сведений о состоянии дел в армии или в крепости, распространение неприятельских прокламаций. Все это обычно каралось смертью. В случае сдачи врагу крепости, капитуляции воинской части без крайней необходимости, офицеры подвергались казни с конфискацией имущества, каждый десятый из рядовых подлежал повешению, а прочие — наказанию шпицрутенами. То же полагалось за бегство воинской части с поля боя. Такие наказания впервые были введены Воинским уставом.

Классовый характер Воинского устава ярко проявился в выделении дела о возмущении и бунте, для подавления которых предписывались самые крайние и решительные меры. Артикул 237 говорит, что «всякой бунт, возмущение и упрямство, безо всякой милости имеет быть виселицею наказано», а в толковании к этому же артикулу говорится о немедленном наказании на месте. Карался и тот, кто призывал к бунту, и тот, кто слышал такой призыв, но не донес. Запрещались всякие собрания, «хотя для советов каких-нибудь (хотя и не для зла) или для челобитья, чтоб общую челобитную писать, чрез что возмущение или бунт может сочиниться». Зачинщики таких собраний подлежали повешению.

Важным видом преступлений законодательство считало должностные преступления, особенно злоупотребления властью в корыстных целях и взяточничество. Эти преступления подрывали авторитет господствующего класса, государственный аппарат становился менее надежным в выполнении своего основного назначения — быть орудием укрепления господства своего класса.

В 1711 г. был создан институт «фискалов» специально для борьбы с должностными преступлениями. Многочисленные указы грозили «плутам (которые ни во что иное тщатся, точию мины под всякое добро делать, и несытость свою исполнять)», что каждый из них «весьма жестоко на теле наказан, всего имения лишен, шельмован, и из числа добрых людей извержен, или и смертию казнен будет»[1].

По доносам обер-фискала А. Я. Нестерова повешен был сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, который утаил хлеб, предназначенный для экспорта, употреблял казенные деньги и товары на свои нужды, а книги расходные и приходные приказал уничтожить, брал взятки и даже присвоил алмазы, купленные для царицы. В апреле 1715 г. был публично высечен кнутом московский вице-губернатор Корсаков, а сенаторам князю Г. И. Волконскому и В. А. Апухтину публично жгли языки раскаленным железом за казнокрадство и взятки[2], Волконского затем расстреляли, на А. Д. Меншикова был сделан громадный начет (около 300 тыс. руб.). Наконец, был казнен в ноябре 1722 г. и сам обер-

[1] ПСЗ, т. V, № 2871, стр. 135—136.

[2] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951, стр. 372—373.

фискал Нестеров, также уличенный во взятках и лихоимстве. Несмотря на это, лихоимство и взяточничество продолжали процветать, их порождали существовавшие социальные условия.

Среди должностных преступлений можно отметить неповиновение начальству, неисполнение приказа, также отказ от службы, который теперь наказывался вплоть до смертной казни, в то время как в XVII в. это влекло только лишение вотчин и поместий. Впервые в это время вводится новое понятие преступления — разглашение государственной тайны. В связи с этим был определен указом порядок содержания секретных дел, доступ к этим делам и т. д.

Среди воинских служебных преступлений встречались неподчинение командирам, обсуждение приказа командира, неявка на смотр, дезертирство, бегство с поля боя. В отношении таких беглецов Воинский устав говорит, что они должны «без процеса на первом дереве, которое прилучится, повешены быть»[1]. Преступлениями, строго каравшимися, были нарушения правил караульной службы и воинской дисциплины, потеря или отчуждение своего оружия, амуниции, мародерство.

Далее следуют преступления против порядка управления. Фальшивомонетчики наказывались сожжением. Подделка печатей и документов наказывалась смертной казнью, каторгой или наказанием «на теле» в зависимости от того, «обман велик или мал, или вредителен есть».К преступлениям против суда относились: лжеприсяга, лжесвидетельство и ложный донос.

Среди имущественных преступлений устав говорит о краже. Кража определялась как тайное похищение имущества. При цене украденного свыше 20 руб. полагалась виселица, ниже 20 руб. в первый раз — шпицрутены, во второй — наказание удваивалось, в третий — отрезали уши и нос, в четвертый — полагалась смерть. Квалифицированные виды кражи во время наводнения или пожара из склада или магазина, у своего господина, кража в церкви наказывались смертью.

Особо говорилось об утайке или растрате казенных денег, за что полагалось повешение.

Устав говорит о грабеже, причем разделяет его на невооруженный, определяемый как явный захват вещи, но без насилия и убийства, и наказуемый шпицрутенами, и вооруженный грабеж, который наказывался колесованием. Указы применяют также термин «разбой». Именным указом 7 февраля 1718 г. были приговорены несколько человек к колесованию за «надорожные» и «московские разбои»[2]. Но «разбой» нередко был одной из форм социального протеста, так называли и волнения крестьян. Указы предписывали «вящших воров и разбойников» вешать вдоль дорог на крюк за ребро[3].

---

[1] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 345.
[2] Там же, № 3154, стр. 539.
[3] Там же, № 3477, стр. 774.

Следующий вид преступлений — преступления против общественного порядка и спокойствия; число действий, которые назывались преступлениями этого рода, было очень велико. Сюда относились укрывательство преступников, содержание притонов, присвоение себе ложных имен и прозвищ, буйство и т. п. Как преступление против общественного порядка расценивались нарушения многочисленных указов о форме одежды, о порядке построения домов, организации зрелищ, праздников и т. д.

Преступления против нравственности (изнасилование, прелюбодеяние, кровосмешение, двоеженство и т. п.) наказывались очень строго, вплоть до смертной казни. Все это свидетельствует о том, что к этому времени в Русском государстве сложился аппарат, способный «...*принуждать* к соблюдению норм права» [1].

На протяжении первой четверти XVIII в. шла интенсивная перестройка этого аппарата — оформление его и приспособление к новым задачам. Судебная система, наиболее широко использовавшаяся для подавления эксплуатируемых, также претерпела серьезные изменения.

Во время народных движений, когда под угрозу ставилось самое господство дворянства, применялись непосредственное вооруженное подавление и внесудебная расправа. Без всякого суда расправлялись с восставшими при подавлении Астраханского и других восстаний [2]. Но в обычной обстановке для «повседневного» наказания использовались главным образом судебные органы. Классовая сущность суда была завуалирована, и он действовал якобы для «благоденствия подданных».

Судебная система, особенно во вторую половину царствования Петра, значительно усилилась, шел процесс ее дальнейшей централизации и бюрократизации.

Во главе всей судебной системы стоял царь. По сравнению с XVII в. роль царя в отправлении правосудия значительно усилилась. Если раньше высшим судом был суд царя в Боярской думе, то с укреплением абсолютизма почти все важные или сложные дела шли из Сената на личное утверждение царю. В качестве верховного судьи царь единолично разбирал многие дела по своему усмотрению. Так, Петр лично устным указом приговорил к смерти стрельцов, казненных в 1698—1699 гг. Начиная с 1714—1715 гг., он часто поручал следствие по крупнейшим делам штаб-офицерам гвардии. Так возникли «канцелярии розыскных дел» лейб-гвардии подполковника князя Голицына, лейб-гвардии майоров Дмитриева-Мамонова, Салтыкова, Волкова, Матюшкина и другие. Эти

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 442.

[2] Так, 15 мая 1708 г. князь Долгорукий, подавлявший восстание на Дону, доносил Петру: «Которые... воры взяты на бою 143 человека... и я, государь, по дороге к Пристанскому велел поставить 20 виселиц и буду их вешать 17-го числа, а некоторых из них... четвертовать и по кольям ростыкать» (Сб. «Булавинское восстание». М., 1935, стр. 240).

штаб-офицеры действовали по личному поручению царя, как особо доверенные лица. Они вели следствие, представляли материалы, а царь решал дело. Таким образом, офицерские «розыскные канцелярии» были лишь подсобным аппаратом, помогавшим царю лично выполнять судебные функции[1].

Следующим после царя высшим судебным органом являлся Сенат. Он считался высшей апелляционной инстанцией, давал разъяснения судам, разбирал дела, которые затруднялись решать коллегии, однако по наиболее важным делам Сенат определял только свое мнение, передаваемое на окончательное решение царя. Суду Сената подлежали за должностные преступления сенаторы. Но генерал-прокурор и обер-прокурор Сената подлежали суду только самого императора[2].

Специальным судебно-административным органом была Юстиц-коллегия. Судебная реформа, проведенная в 1719 г., значительно упорядочила, централизовала и усилила всю судебную систему. Основной идеей этой реформы было отделение суда от администрации, но это отделение все же не получило полного завершения. Юстиц-коллегия была апелляционным судом по отношению к надворным судам, она разбирала также некоторые дела и в качестве суда первой инстанции, в то же время являясь органом административного управления всеми судами империи.

Областные судебные учреждения после реформы 1719 г. состояли из надворных и нижних судов.

Дела переходили из нижнего суда в надворный в порядке апелляции по инициативе сторон, если суд решил дело пристрастно, «дружа и норовя» противной стороне «изо взятков», или по инициативе самого судьи, затрудняющегося решить дело, или же по распоряжению высшей инстанции. Наконец, дела, за которые полагалась смертная казнь или политическая смерть, не решались окончательно нижними судами, а передавались вместе с «мнением» суда на утверждение надворного[3].

Областные органы суда проектировались как чисто судебные учреждения, но и они в действительности попали в зависимость от администрации. Президентами надворных судов, как правило, были губернаторы или вице-губернаторы. Юстиц-коллегия в 1721 г. даже указала, что от этого произойдет «лучшее в тех делах отправление». Но и в местном управлении не только судьи имели судебную власть. По некоторым категориям дел судебные функции выполнялись и другими лицами. Так, камериры судили в тех случаях, когда затрагивались интересы казны. Ряд дел разбирали воеводы и земские комиссары, особенно часто рассматривались ими дела

---

[1] *В. И. Веретенников.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910, стр. 28—75.

[2] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., т. I, № 335, стр. 310.

[3] *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, М., 1902, стр. 164—256.

о побегах крестьян, близко затрагивавшие интересы дворянства. Эти дела разбирались в упрощенном и ускоренном порядке на месте (без отсылки в провинцию) земскими комиссарами. Никакого следствия обычно по этим делам не велось, после краткого допроса комиссар возвращал беглого помещику. Но комиссары решали и другие дела [1].

Порядок прохождения дел по инстанциям часто путался, тяжущиеся иногда рассматривали воеводу как высшую инстанцию над судьей и апеллировали к нему на решения судьи. Губернаторы и воеводы вмешивались в судебные дела, и, наоборот, судьи в ряде случаев участвовали в управлении. Отделение суда от администрации на практике повело к полной путанице во взаимоотношениях между судами и органами администрации. Поэтому была произведена новая реорганизация суда в 1722 г. Место «нижних» судов заняли провинциальные суды в составе воеводы и асессоров. Таким образом, провинциальный суд слился вновь с администрацией. Впоследствии указами 24 февраля и 15 марта 1727 г. надворные суды были ликвидированы и их функции перешли к губернаторам. Попытка отделить суд от администрации потерпела неудачу. Отделение суда от администрации, «разделение властей» сопутствовало феодализму в период его кризиса, феодализму гибнущему, разлагающемуся под напором буржуазии. В России в это время еще не сложились условия для такого разделения. Некоторое значение, обусловившее неудачу реформы, имели, конечно, излишняя сложность и дороговизна этих учреждений.

Из общей судебной системы некоторые категории дел были изъяты. Ввиду особой важности политических дел их приказано было из всех судов пересылать в созданные специально для этой цели Преображенский приказ и Тайную канцелярию.

Ведению Преображенского приказа подлежали дела «государственные», заключающиеся «в дурных словах, или деле к возмущению и тому подобных дел»[2]. В связи с делом царевича Алексея в 1717 г. образовалась Тайная канцелярия. Эта канцелярия «ведала» делами по так называемым «первым двум пунктам»[3], то есть компетенция Преображенского приказа (в области расследования политических преступлений) и Тайной канцелярии была примерно одинаковой, разграничение было чисто гео-

---

[1] В 1720 г. бежецкий земский комиссар В. Заборовский разбирал тяжбу о завладении землей. Гороховецкий комиссар вел процесс о займе, причем одного из поручителей продержал около года в тюрьме, пока тот не заплатил части долга, и т. п. (*М. М. Богословский*. Указ. соч., стр. 153—154).

[2] *Н. А. Воскресенский*. Указ. соч., т. I, № 307, стр. 254.

[3] Именным указом от 25 января 1715 г. повелевалось всем подданным доносить царю или караульному офицеру при «государевом дворе» по следующим пунктам: 1) «О каком злом умысле против персоны его царского величества или измены; 2) о возмущении или бунте; 3) о похищении казны». Дела по третьему пункту переданы были в общую юстицию; особое значение придавалось только делам «против первых двух пунктов» (указы 19 января 1718 г. и 22 декабря 1718 г.).

графическое: Преображенский приказ был в Москве, а Тайная канцелярия — в Петербурге.

Из общей юстиции были изъяты дела по искам к офицерам и солдатам гвардии, они разбирались в Преображенском приказе. Это была льгота дворянству, так как офицеры и солдаты гвардии были дворяне. Также были изъяты дела между горожанами (посадскими), которые разбирались в магистратах, а апелляционной инстанцией для них был Главный магистрат в Петербурге.

Крестьяне в судебном отношении подчинены были своим помещикам, за исключением тяжких уголовных и политических преступлений. Крестьяне монастырские и дворцовых владений подсудны были своим «комиссарам синодальной команды» и приказчикам (за тем же исключением, что и помещичьи крестьяне).

Дела духовных лиц разрешались епископами, апелляционной инстанцией для них являлся Синод.

На Украине была особая судебная система. Высшая судебная власть принадлежала гетману, которому помогал генеральный судья. Он разбирал дела главным образом в качестве второй или третьей инстанции. По первой инстанции он решал только крупные дела, а также дела должностных лиц. Основная масса дел разбиралась полковниками и полковой старшиной, а мелкие дела сотниками. Решения генерального судьи можно было обжаловать в организованную в 1722 г. для надзора за украинскими властями Малороссийскую коллегию из шести штаб-офицеров во главе с бригадиром Вельяминовым. Малороссийская коллегия подчинялась Сенату.

В отношении Прибалтики в «Аккордных пунктах» от 4 июля 1710 г. было сказано, что во всех уездах Лифляндии сохраняются существовавшие ранее судебные органы. На все вакантные должности назначаются судьи из дворян или из остального немецкого населения Лифляндии. Высшим местным судебным органом был гофгерихт (надворный суд) в Риге. В составе Юстиц-коллегии была организована особая Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел.

В мусульманских областях царские судьи разбирали наиболее серьезные уголовные дела, а также споры между русскими и местными жителями. Менее важные уголовные и гражданские дела местных жителей рассматривали татарские и башкирские старшины и судьи — кадии и бии, решавшие дела на основании шариата и адата. Их решения можно было обжаловать в царский суд.

Несмотря на преобразования, суд этого времени отличался взяточничеством и волокитой. Дела передавались из одной инстанции в другую и разбирались крайне медленно. Подчас недостаточно было целой человеческой жизни, чтобы дождаться окончания процесса. Низшие инстанции не только не слушались высших, но часто не считали нужным отвечать им.

Президент Юстиц-коллегии в июле 1719 г. говорил о Москве что «суд там до конца исчез и вопль безприкладный (беспримерный. — *Ред.*) на правительство губернское прежнее». Суды боялись задеть «сильных особ», и даже сам президент Юстиц-коллегии граф А. А. Матвеев вынужден был просить защиты у Петра от гнева «знатных особ», ссылаясь на свое «сиротство»[1]. Посошков в «Книге о скудости и богатстве» писал: «все пакости и непостоянство в нас чинитца от неправого суда...»[2]

Важное значение имели формы, в каких протекала деятельность суда. Уже в конце XVII в. наметилось преобладание розыска (инквизиционного процесса), причем не только расширилась сфера применения розыска, но элементы сыска проникали в «судебный» (обвинительный) процесс, который до тех пор отличался состязательностью и широкими правами сторон в процессе.

С появлением «Краткого изображения процессов» в 1716 г. резче определился розыскной характер всего процесса. Обвинительный и розыскной процесс слились, усилилась роль государства в преследовании преступников. Стороны в процессе были бесправны. Дело начиналось по инициативе суда даже без заявления потерпевшего[3]. Делались очные ставки, пытка применялась все шире и шире, судоговорение превратилось в расспрос. Рассмотрение политических и гражданских правонарушений в одной форме розыска с широчайшим применением пытки приводило к огромным злоупотреблениям судей.

Система формальных доказательств заключалась в том, что признавались лишь строго определенные доказательства, и сила и значение этих доказательств были заранее определены в законе. Эта система уже ставила некоторые пределы произволу судьи. Она обязывала основывать судебное решение не на личном и произвольном усмотрении судьи, а на объективных основаниях, вытекающих из закона.

Собственное признание обвиняемого считалось «лучшим свидетельством всего света»[4]. На основании этого признания судья мог выносить приговор. Если обвиняемый не хотел сознаваться, то его пытали. По более серьезным, особенно политическим делам, обвиняемого пытали, даже если он сознавался; по таким делам пытали и свидетелей. В вопросе о применении пытки ярко сказывался феодальный характер права, ибо от пытки часто освобождались дворяне и чиновники высших рангов. В случае пыток (по делам политическим и должностным), предписывалось «твер-

---

[1] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., т. I, № 387, стр. 382—384.

[2] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 92.

[3] Различия уголовного и гражданского суда в то время не было. Если «Краткое изображение процессов» и употребляет термин «гражданский» суд, то только в противоположность суду военному.

[4] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 394.

дых безстыдных и худых людей жесточае» пытать, чем «честных» и «благородных», под которыми разумели дворян. Если преступник не сознавался, применялась трехкратная пытка на «дыбе», а после этого «жжение огнем». Если обвиняемый давал разноречивые показания, то пытали еще раз для выяснения разногласий. Пытка была очень широко распространена. «Подлых людишек» — представителей эксплуатируемых масс — пытали по самым пустяковым делам. Пытка была главным рычагом всей системы формальных доказательств, всего инквизиционного процесса [1].

Важным доказательством считались показания свидетелей. Свидетелями могли быть только «добрые и беспорочные» люди, «которым бы мочно поверить». Свидетель должен был говорить только то, что видел и слышал лично, «знатным особам» и «шляхетским женам» предоставлялось право давать показания у себя дома.

Не все свидетели считались равноценными, мужчине отдавалось предпочтение перед женщиной, знатному перед бедняком, образованному перед необразованным и духовному лицу перед светским. У кого было больше «лучших» свидетелей, тот и выигрывал дело. Показания одного свидетеля (особенно не «лучшего») признавались лишь половинным доказательством. Согласные показания двух свидетелей, к тому же «лучших», были совершенным или «полным» доказательством.

Существенным видом доказательства считались письменные документы. Среди них особенно важными были расписки, выписки из городовых, судейских и других книг, духовные грамоты и прочие документы. Они считались полными доказательствами. Купеческие книги считались только половинным доказательством. Такое значение письменные документы получили в связи с развитием торгового оборота и товарно-денежных отношений. Присяга как вид доказательства потеряла свое былое значение, ей теперь не верили. Допускалась она лишь в незначительных делах и только при отсутствии других доказательств.

Наконец, в судебных делах того времени упоминается еще один вид доказательств, не вошедший в «Краткое изображение процессов»,— это судебно-медицинская экспертиза. В Воинском уставе по целому ряду преступлений впервые в русском праве требовалось проведение судебно-медицинской экспертизы. Толкование к артикулу 154 при убийстве требует «лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, что какая причина к смерти его была»[2]. На практике судебно-медицинская и судебно-психиатрическая экспертизы применялись довольно часто[3].

---

[1] *А. Я. Вышинский.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 83.

[2] ПСЗ, т. V, № 3006, стр. 364.

[3] См. *Н. Новомбергский.* Слово и дело государевы (материалы), т. II. Томск, 1909, стр. 28—32; *М. М. Богословский.* Областная реформа Петра Великого, стр. 152.

В изучаемое время происходил процесс усиления централизации и бюрократизации судебной системы. Одновременно получило свое дальнейшее развитие сословное правосудие, например дворяне судились в «нижних» и надворных судах, а дворяне—солдаты и офицеры гвардии имели привилегию судиться только в Преображенском приказе. Дела крестьян разбирались обычно помещиками или их приказчиками, и только по серьезным уголовным или политическим делам крестьяне судились в органах общей юстиции. Дела горожан подсудны были магистратам, а духовенства — епископам и Синоду.

Судебная система в целом служила интересам дворянства, укрепляла его диктатуру. Вместе с тем абсолютная монархия вынуждена была считаться с усиливавшимся купечеством, создавать минимум необходимых для его деятельности правовых условий. Развитие товарно-денежных отношений обусловило также появление и развитие правовых норм, которые регулировали эти отношения. В недрах феодального права появлялись и развивались элементы права буржуазного.

Среди народов, входивших в состав Российской империи, наряду с местными обычаями, правовыми нормами и судом в большей или меньшей степени действовали общероссийские нормы и суд. Усиление их влияния было следствием развития феодальных отношений среди народов, а также колониальной политики самодержавия, бюрократической централизации государственного аппарата всей империи.

7

БОРЬБА С РЕАКЦИОННОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

Абсолютизм в России складывался в процессе обостренной борьбы между антагонистическими классами феодального общества — помещиками и крестьянами, а также в условиях развития противоречий между эксплуататорскими классами: помещиками и торговцами. Немаловажное влияние на оформление абсолютизма оказывала борьба группировок внутри дворянства, ход которой привел к подавлению сил, враждебно относившихся к росту самодержавной власти и к преобразованиям.

Классовой опорой абсолютизма было среднее и мелкое дворянство, оно получало наибольшие выгоды от реформ первой четверти XVIII в. Военные и административные реформы создавали прочные материальные устои для этих групп дворян, открывали им широкие возможности для продвижения по службе. Напротив, для отдельных представителей высшего духовенства и светской знати утверждение абсолютизма с сильным бюрократическим аппаратом в центре означало потерю былых прав и привилегий. Под флагом борьбы за старину часть светских и духовных феодалов выступала против реформ. Но их противники

никогда не были объединены, и заговоры, составлявшиеся против Петра I, не были связаны каким-нибудь общим руководством.

В результате переворота в мае 1682 г. власть была захвачена родственниками первой жены царя Алексея Михайловича, Милославскими. Были провозглашены царями оба брата — малолетний Петр I и его больной брат Иван Алексеевич, но во главе нового правительства стала царевна Софья и князь В. В. Голицын.

Царевна Софья очень скоро отстранила от участия в государственном управлении виднейшего представителя победившей группировки — И. М. Милославского, которому она во многом была обязана в подготовке событий мая 1682 г., а затем расправилась с другим участником майских событий — руководителем Стрелецкого приказа князем И. А. Хованским.

Время с 1682 г. и до 1689 г. царевна Софья была занята заботами об упрочении своего положения. Для этой цели она и В. В. Голицын старались проводить активную внешнюю политику и вместе с тем строили планы устранения Петра I и его родни по матери, Нарышкиных.

Лица, группировавшиеся вокруг Нарышкиных и малолетнего Петра, в предвидении возможной борьбы за власть создавали свою вооруженную силу. Вместе с игрушечными атрибутами военного дела ко двору Петра его «потешным» доставляли настоящее боевое оружие. Это дало основание современнику событий Б. И. Куракину заметить: «так помалу привел себя теми малыми полками в охранение от сестры или начал приходить в силу»[1]. Среди людей, группировавшихся вокруг Петра, были представители таких фамилий, как Долгорукие, Стрешневы, Трубецкие и другие. Впоследствии более двадцати человек из них были известными сотрудниками Петра I. Из их среды вышли гвардейцы — штаб-офицеры и генералы — М. А. Матюшкин, И. И. Бутурлин и другие.

Вся деятельность по организации вооруженной силы, способной противостоять царевне Софье, осуществлялась, конечно, не двенадцатилетним Петром, а целой группой приближенных его матери, царицы Натальи Кирилловны, урожденной Нарышкиной. К этой группировке принадлежали Б. А. Голицын, Т. Н. Стрешнев, Г. И. Головкин и др.

К 1686—1687 гг. «потешные» уже представляли внушительную силу и были развернуты в полки. Данные о численности «потешных» в эти годы отсутствуют, но можно предполагать, что они достигали нескольких тысяч человек. К этому времени село Преображенское под Москвой превратилось в основную базу «потешных» войск[2].

Увеличение «потешного» войска не случайно совпало с первым походом на Крым В. В. Голицына со 100-тысячной ратью. В переписке с оставшимся

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 57.

[2] «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I. СПб., 1884, стб. 166.

в Москве Ф. Шакловитым он постоянно наставлял его следить за врагами. Особенно его беспокоил князь М. А. Черкасский, сопровождавший Петра I во всех его потехах. «Пожалуй, отпиши: нет ли каких дьявольских препон от тех»,— писал он[1]. Когда выяснилось, что поход на Крым не удался, Софья в августе 1687 г. попыталась окончательно устранить возможность фактического воцарения подраставшего Петра I. По ее указанию Ф. Шакловитый, начальник Стрелецкого приказа и ее ближайший помощник, вызвал к себе на дом 30 стрелецких начальных людей и предложил им написать челобитную с просьбой о том, чтобы царевна венчалась на царство. Маневр этот преследовал две цели: во-первых, узнать, как стрелецкое войско отнесется к этой затее, и, во-вторых, если стрельцы изъявят свое согласие, то предоставить инициативу в перевороте им, как это было сделано в мае 1682 г. Однако ни начальные люди, ни рядовая стрелецкая масса не поддержали это предложение и, следовательно, уклонились от участия в предполагаемом перевороте, не видя в нем никакой для себя выгоды. Они опасались, конечно, не Петра I, а вооруженной силы, готовой в то время уже «к прямой какой впредь ожидаемой с неприятелем войне». Однако мысль о перевороте не была оставлена, доверенные люди царевны попрежнему пытались возбуждать стрельцов и даже имели в виду убийство Петра и его матери[2].

В. В. Голицын прямо высказывал сожаление о том, что в событиях 1682 г. не «уходили» Наталью Кирилловну. Между тем с начала 1688 г. окружение Петра I сочло своевременным, учитывая возраст царя, поднять вопрос об участии в управлении как самого Петра I, так и приближенных к нему людей.

К осени 1688 г., по свидетельству П. Гордона, стали особенно заметны напряженные отношения между обеими группировками. Софья возлагала надежды на успех второго похода В. В. Голицына к Перекопу. Военный успех мог укрепить правительство Софьи и дать ей поддержку дворянства. Однако полное отсутствие воды в степях и на этот раз заставило русские войска, достигшие Перекопа, повернуть назад. Неудача похода (1689 г.) была для Софьи роковой. В грамоте по поводу возвращения войска из похода она пыталась объявить о каких-то победах над крымским ханом, но скоро вынуждена была убедиться, что подавляющая масса дворянства и противная ей дворцовая группировка не верит этому. Летом 1689 г. начались открытые столкновения между враждующими группировками.

В конце июля Петр I воспротивился раздаче наград за поход Голицыну и другим участникам его. Тогда же, 27 июля, Софья вновь попыталась, будучи в Новодевичьем монастыре, поднять стрельцов, уговаривая их собраться с оружием, как только начнется набат.

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 3, стб. 1005.

[2] «Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках», т. I, стб. 5—12.

Софья говорила стрельцам: «Годны ли мы вам? Буде годны, вы за нас стойте, а буде не годны, мы оставим государство»[1]. Однако стрельцы и на этот раз не проявили никакого желания поднимать восстание. С большим трудом Петра I уговорили согласиться на раздачу наград, но в приеме В. В. Голицына он отказал.

Вскоре Софья решилась выступить открыто. В Москве 7 августа было обнаружено подметное письмо, в котором говорилось о намерении «потешных» в ночь на 8 августа прийти из Преображенского и перебить царя Ивана, царевну Софью и их родственников. Однако стрельцы попрежнему не хотели вступить в открытую борьбу с «потешными». Более того, в наиболее привилегированном Стремянном полку образовалась группа сторонников Петра I, которая во главе с пятисотенным Л. Елизарьевым сочла все эти ночные приготовления опасными для Петра и дала знать о них в Преображенское.

Когда эти вести были ночью переданы Петру, он вскочил на коня и помчался к Троице-Сергиеву монастырю. Не может быть сомнения в том, что руководители нарышкинской группировки заранее решили в случае открытого столкновения занять эту сильную крепость. В Преображенском настолько были уверены в неизбежности столкновения с царевной, что, несмотря на растерянность 17-летнего Петра, были сделаны все необходимые распоряжения. 8 августа в монастырь пришли «потешные»— Преображенский и Семеновский полки, к ним присоединился также стрелецкий Сухарев полк, который, вероятно, не случайно оказался в то время в Преображенском.

Военный лагерь в Троице-Сергиевом монастыре явился для царевны Софьи неожиданностью. Складывалась ситуация, очень похожая на события борьбы Софьи с И. А. Хованским в 1682 г. Большинство дворян сразу отвернулось от скомпрометировавшего себя во внешней политике правительства. Отказ дворянства поддерживать Софью объяснялся также попытками царевны опереться в своей борьбе против Петра на чуждую ему в социальном отношении массу стрельцов. Ровно месяц шла открытая распря между двумя группировками господствующего класса. Еще 13 августа Софья послала к Петру боярина И. Б. Троекурова с тем, чтобы он уговорил его вернуться в Москву. Поездка осталась безрезультатной, а 14 августа во все полки были посланы Петром I грамоты с требованием явиться к 18 августа всему командному составу и представителям от рядовых. Вскоре в Троице-Сергиевом монастыре оказались патриарх Иоаким, прибывший к Петру под предлогом урегулирования конфликта, пять стрелецких полковников, более 500 начальных людей и множество других представителей стрельцов и посада, а также солдатский полк П. Гордона. Напрасно Софья вновь обращалась к оставшимся стрельцам и верхушке посадских людей, указывала на заслуги своего правления и

[1] *М. М. Богословский.* Петр I, т. I. М., 1940, стр. 80.

жаловалась на «злых людей», научивших Петра I «завести смуту» на нее и царя Ивана. 7 сентября Ф. Шакловитый был доставлен Петру и после короткого следствия 12 сентября был казнен. Выдача самого деятельного и энергичного сторонника Софьи Ф. Шакловитого означала конец дворцового переворота. В. В. Голицын был сослан в Пустозерск, царевна Софья заточена в Новодевичий монастырь. Был издан указ (7 сентября 1689 г.) об именовании попрежнему в официальных бумагах только двух царей, братьев Ивана и Петра. Новое правительство было составлено из родственников и ближайших сторонников царицы Натальи Кирилловны. Во главе его стал дядя Петра I Л. К. Нарышкин. Он возглавил Посольский приказ. Разрядный приказ, ведавший дворянской службой и войсками, был передан Т. Н. Стрешневу. И. Б. Троекуров получил в управление Стрелецкий приказ. Приказ казенного двора был поручен Г. И. Головкину, Московский судный — князю Я. Ф. Долгорукому, Владимирский судный и Челобитный — князю М. Г. Ромодановскому. Приказ большого дворца перешел в ведение дяди молодой царицы, жены Петра I, — П. А. Лопухина[1]. Это правительство, включая нескольких представителей родовитого боярства, просуществовало до первых серьезных государственных преобразований, то есть до 1699 г. Значительная часть его членов и в дальнейшем явилась деятельными помощниками Петра в проводимых реформах.

С момента прихода к власти Петра борьба за власть внутри господствующего класса не прекратилась[2]. В последующее время произошло более четкое размежевание сил, когда против Петра, стоявшего во главе основной массы дворянства, выступили отдельные представители бояр и реакционная часть духовенства.

Возбуждение общественной мысли в 90-х годах XVII в. отразилось в деле монаха московского Андреевского монастыря Авраамия. В начале января 1697 г. Авраамий подал Петру I свои «тетради», в которых воплотилась первая литературно оформленная критика нововведений. Будучи человеком «книжным», хорошо знакомым с богословской литературой, Авраамий выступил с публицистическим произведением, в котором обращал внимание царя на существующие «неправды» в стране, а также и на его «богонеугодные» поступки, пытался указать те мероприя-

---

[1] *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. II, СПб., 1858, стр. 97.

[2] С победой Нарышкиных розыск о замыслах царевны Софьи не прекратился. До 1691 г. велось следствие по делу ближайшего сотрудника царевны Сильвестра Медведева; по обвинению в сношениях с Шакловитым был казнен стольник Безобразов; окольничий Л. Р. Неплюев, близкий человек к Голицыным, был сослан в 1691 г. в Кольский острог. В 1694 г. монахи Кирилло-Белозерского монастыря были обвинены в сношениях с В. В. Голицыным. Повидимому, какие-то опасения в отношении намерений Софьи были еще тогда, так как имеется известие о том, что во время опасной болезни Петра I в 1692 г. Голицын, Апраксин, Лефорт и Плещеев готовили лошадей, чтобы бежать из Москвы (*Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. II, стр. 144).

тия, которые, по его мнению, были необходимы. «Тетради» Авраамия показывают, что их автор хорошо был осведомлен о событиях последних лет, но являлся противником начинавшихся новшеств.

Следствием было установлено, что, кроме разговоров на политические темы, в келии Авраамия ничего опасного не происходило. Однако время было напряженное, и участники кружка были высланы из Москвы. Главный виновник дела, Авраамий, был отправлен в Голутвин монастырь под Коломной, другие — биты кнутом и сосланы в Азов [1].

В самом ближайшем времени, накануне отъезда Петра I за границу, был открыт заговор на жизнь Петра.

Заговор И. Е. Циклера являлся первой попыткой недовольных кругов организовать новый дворцовый переворот. Раскрыт он был в самом начале, охватывал очень ограниченный круг лиц и организационно не был подготовлен. Среди участников кружка были представители старых боярских фамилий — окольничий А. П. Соковнин, стольник Ф. М. Пушкин, из выслужившихся начальных людей — И. Циклер и два стрелецких пятидесятника (В. Филиппов и Ф. Рожин) и донской казак (П. Лукьянов). Первые трое в прошлом являлись приближенными царевны Софьи и занимали во время ее правления крупные административные посты. Связанные между собой узами родства и прошлой политической деятельностью, они не пользовались расположением в новых правительственных сферах и, в частности, у самого Петра I. Назначение М. С. Пушкина на воеводство в Азов, а Циклера на строительство Таганрога (конец 1696 — начало 1697 г.) было справедливо расценено ими, как желание правительства убрать их из Москвы. Кроме того, эти назначения и предполагавшаяся посылка двух сыновей Соковнина за границу для навигацкой науки шли вразрез с представлениями о «боярской чести», умаление которой подталкивало их вступить на путь подготовки дворцового переворота [2]. В своих беседах они предполагали убить Петра и установить выборную монархию, причем кандидатами на престол выставлялись бояре А. С. Шеин и Б. П. Шереметев. Пятисотенный Стремянного полка Л. Елизарьев, которого Циклер попытался вовлечь в заговор, немедленно (23 февраля) сообщил об этом разговоре Л. К. Нарышкину, а последний послал его к самому Петру I. Следствие по этому делу установило намерения осколков родовитого боярства использовать для достижения своих целей донских казаков. Между помощниками

---

[1] *Ф. Сушицкий.* Из литературы эпохи Петра Великого. «Филологические записки», вып. II. Воронеж, 1914, стр. 263—280. Тетради Авраамия также напечатаны *Н. А. Баклановой.* «Тетради» старца Авраамия. «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 131—156. О процессе Авраамия см. *Б. Б. Кафенгауз.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М.—Л., 1951, стр. 20—36, 173—181.

[2] *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. I, стр. 390—391. Нельзя согласиться, однако, с автором, усматривавшим главную причину составления заговора лишь в личной обиде его участников, недовольных этими назначениями.

Циклера — стрелецким пятидесятником В. Филипповым и донским казаком П. Лукьяновым обсуждались далеко идущие планы: «Меж себя о бунте и о московском разорении говорили;а как к их воровству иной кто пристал бы, и им было такой бунт Московскому государству и разорение чинить: казакам было Москву разорять с конца, а им, стрельцам, с другого конца» [1]. Эти настроения среди донского казачества были известны Циклеру со слов казаков, сопровождавших донского атамана Ф. Миняева, приехавшего в то время в Москву. Конечно, ничего общего между донским казачеством и недовольными боярами не могло быть. Последние, не имея никакой реальной опоры для переворота, могли только использовать недовольство казачества как козырь в агитации среди московских стрельцов.

Петр не без основания усмотрел в заговоре продолжение борьбы Милославских за власть. А. П. Соковнин, И. Циклер, Ф. М. Пушкин и их помощники были приговорены к смертной казни, которая состоялась 4 марта 1697 г. Преследованию подверглись все, кто имел какое-либо отношение к казненным. Отправляясь в первое заграничное путешествие, тогда же в марте 1697 г., Петр приказал выслать из Москвы родственников Соковнина, Циклера, Пушкина и всех Лопухиных [2]. Ведать Москвой было поручено князю Ф. Ю. Ромодановскому. Все караулы в Москве ставились исключительно из гвардейских полков — семеновцев и преображенцев.

Эта предосторожность не была излишней. Именно на время отсутствия Петра приходится самая серьезная попытка вернуть к власти царевну Софью.

Оппозиционные группы, слабые в силу отсутствия социальной опоры, вынуждены были выжидать удобного момента. Реформа военного дела, начатая в 90-х годах XVII в., ставила вопрос о ликвидации стрелецкого войска. Оно не могло служить надежным оплотом дворянскому правительству ни в военном, ни в социальном отношении. Было решено вывести стрелецкие полки из Москвы и превратить их в провинциальные пограничные гарнизоны. С этим было связано последнее выступление стрельцов — восстание 1698 г., в котором имя царевны Софьи было лозунгом возвращения к старому. Толчком к выступлению явилось удаление стрельцов из Москвы, где все они имели свои хозяйства, а многие — торги и промыслы (ремесленные мастерские и т. п.). После взятия Азова (1696 г.) четыре полка московских стрельцов были оставлены там в качестве гарнизона крепости, а затем переведены на западную границу в Великие Луки; вслед за этим остальные московские стрелецкие полки были выведены в Азов и на юго-западную границу. Таким образом, стрелецкие полки превращались в регулярные полки на постоянном казарменном положении.

Ранней весной 1698 г. большая группа стрельцов (155 чел.) из полков, переводимых на литовскую границу, бежала в Москву, где они подали

[1] *М. М. Богословский*. Указ. соч., т. I, стр. 392.

[2] Там же, стр. 393; *С. М. Соловьев*. Указ. соч., кн. 3, стб. 1195.

жалобу на «бескормицу». Челобитчики были выпровождены из Москвы с помощью солдат Семеновского полка, но кормовые деньги им были выданы сполна. За время своего недолгого пребывания в Москве стрельцы (Тума, Проскуряков и др.) через царевну Марфу Алексеевну переслали Софье челобитную с изложением своих злоключений. В ответ стрельцы получили от Софьи и от Марфы письма, в которых они призывались в Москву. В этих письмах стрельцам указывалось освободить из заключения Софью и не пускать в столицу Петра I, которым «де вы (то есть стрельцы.— *Ред.*) не пожалованы». В случае если стрельцы не смогут одолеть новые солдатские полки, царевна призывала их возмущать «чернь». С этими письмами стрельцы прибыли в Великие Луки к своим полкам, куда вслед за ними (28 мая) пришел указ о высылке челобитчиков в украинские города вместе с семьями и о продолжении службы стрелецких полков в пограничных западных городах (Вязьма, Дорогобуж и др.). Этот указ раздул уже давно тлеющее возмущение стрельцов. Они не выдали своих челобитчиков, изгнали полковников и только под угрозой со стороны воеводы князя М. Г. Ромодановского применить вооруженную силу в виде дворянских поместных полков медленно двинулись к указанным городам. Этим маневром стрелецкие предводители обманули бдительность воеводы. Подходя к Западной Двине,в стрелецком кругу 6 июня они огласили письмо царевны, взбунтовали полки (2200 чел.) и направились к Москве.

17 июня они были встречены около Воскресенского монастыря на переправе через Истру четырехтысячным отрядом под командой боярина А. С. Шеина и генералов Гордона и Кольцова-Масальского. Стрельцы были разбиты. Последовавший розыск, однако, дал очень скудные материалы. Стрельцы не выдали тайны письма царевны и жаловались лишь на тяжелую службу в течение ряда лет, далеко от своих домов, что они «мразом и всякими нуждами утеснены», а также обвиняли Ф. Лефорта, будто он умышленно ставил их при осаде Азова «в самых нужных в крови местах» и т. д. Они выставляли себя ревнителями истинного благочестия, которому будто бы грозит «испровержение».

Сообщение о стрелецком бунте и розыске было послано Петру I Ф. Ю. Ромодановским в Вену, где в то время находился царь. В отличие от своих сотрудников, остававшихся в Москве, Петр сразу понял суть этого события. В ответном письме Ромодановскому он писал: «семя Ивана Михайловича (Милославского.— *Ред.*) ростет, в чем прошу быть вас крепких; а кроме сего ничем сей огнь угасить не мочно. Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, аднако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете»[1]. Петр прибыл из-за границы 25 августа и отдал приказ свозить в Москву стрельцов, захваченных 17 июня и разосланных по уездным городам и монастырям. Новым розыском было установлено, что стрельцы получили воззвания Софьи и намеревались, «придя к Москве, стать под Девичьим монастырем, царевну в управительство звать, бояр,

[1] ПиБ, т. I. СПб., 1887, № 252, стр. 266.

иноземцев и солдат побить»[1]. В случае успеха стрельцы предполагали поставить новое правительство, послушное им, и даже не считали невозможным переменить царствующую династию. Из кандидатов в цари называлось имя князя М. А. Черкасского, говорили о возможности «мыслить с народом, кого им выбрать на царство». Последнему, однако, вряд ли можно буквально поверить. Стрельцы выступали за свои привилегии, которые, как они считали, не соблюдаются новым царем и боярами. Московское население не поддержало стрельцов.

По мере хода следствия в течение всего октября большая часть стрельцов была казнена — всего 799 чел. Царевна Софья и ее сестра Марфа были пострижены. Софья должна была содержаться под строгим караулом в Новодевичьем монастыре без права связи с внешним миром[2].

После восстания стрелецкое войско было частично ликвидировано, что было уже неизбежно в связи с начавшимися военными преобразованиями. Московским стрельцам даже было запрещено поступать в армию солдатами. В то же время Петр I порвал последние нити, связывавшие его с оппозиционно настроенной группой Лопухиных. Между ним и царицей давно уже был разлад, царица Евдокия была сослана 23 сентября 1698 г. в монастырь в Суздаль, где и была пострижена. Окончательный разгром всего, что было связано с правительством Софьи и В. В. Голицына, разрыв с царицей и ее оппозиционно настроенными родственниками облегчали возможность начать преобразования.

Наиболее активные противники правительства, ревнители «старины», отжившего местничества, были уничтожены или обезврежены. Отдельные попытки сопротивления легко подавлялись. Такая попытка была раскрыта летом 1700 г. «Книгописец» Г. Талицкий вместе с тамбовским епископом Игнатием и князем И. И. Хованским был обвинен в «непристойных речах» против царя. Следствием было установлено, что эта группа намеревалась печатать и распространять антиправительственные листы. В этих листах Петр I объявлялся антихристом, которого нужно убить и просить на царство князя М. А. Черкасского. Талицкий был казнен, епископ Игнатий расстрижен и сослан в Соловки, Хованский умер в тюрьме.

События первых лет войны и в особенности народные выступления в Астрахани и на Дону привели к некоторому ослаблению внутриклассовых противоречий. В этот напряженный период решались более существенные вопросы, а именно вопрос о независимости Русского государства и сохранении в нем господствующего положения дворянства. Противоречия с новой силой разгорелись после того, как позади остались и выигранное русскими войсками сражение под Полтавой, и потопленные в крови восстания в Астрахани и на Дону.

---

[1] *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. III. М., 1946, стр. 97.
[2] ПиБ, т. I, № 254, стр. 268—269.

Реакционная оппозиция свила себе гнездо в боярстве и среди части духовенства. Недовольство возбуждал возобновленный в январе 1701 г. Монастырский приказ, который в отличие от одноименного учреждения, существовавшего в XVII в., не ограничил свою деятельность областью суда, а взял в свои руки и управление церковными и монастырскими вотчинами.

Царевич Алексей знал о недоброжелательстве, вызванном церковной политикой Петра. Алексей считал второй брак Петра незаконным, его симпатии принадлежали удаленной в монастырь матери; вокруг нее, в свою очередь, сложился кружок оппозиционеров, в основном из среды духовенства [1].

Царевич Алексей (родился в 1690 г.) до девяти лет находился под опекой матери, косневшей в предрассудках старины, затем в окружении людей, ненавидевших царя. Из заурядного подростка вырос праздный, себялюбивый и малодушный человек. В одном из своих писем к сыну Петр бросил ему в лицо справедливый упрек: «ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться...»[2]. Окружавшая царевича среда рано привила ему два порока, окончательно ослабивших его волю: склонность к ханжеству и привычку к пьянству.

Первый раз Петр столкнулся с Алексеем в 1704 г. во время Нарвского похода, в котором 14-летний царевич участвовал по распоряжению отца.

Отличаясь умением угадывать людей, проницательный Петр тогда же почуял неладное. Он требовал от Алексея, чтобы тот, не боясь трудов и опасностей, служил отечеству, следуя примеру отца. «Но если мои советы разнесет ветер,— предупреждал Петр,— и ты не захочешь делать того, что я желаю, я не признаю тебя своим сыном...»[3]

Десять лет прошло в борьбе, в которой отец проявил настойчивость, доходившую до жестокости, а сын — мелкую изворотливость, стремление обмануть отца и уклониться от всякого дела. Петр из политических соображений, не считаясь с его склонностями, женил сына на принцессе Софье-Шарлотте Брауншвейг-Вольфенбюттельской, первой из длинного ряда немок, прибывавших в царскую семью Романовых. Петр I этим браком преследовал дипломатические цели — сближение с ганноверским курфюрстом, будущим английским королем Георгом, родственником невесты, и с австрийским двором, так как на сестре ее был женат австрийский наследник, будущий император Карл VI. Брачный договор был подписан в апреле 1711 г.

Отношения между отцом и сыном особенно обострились после смерти Софьи-Шарлотты в 1715 г. Царевич представлял гораздо более бесцвет-

---

[1] Текст на стр. 422—430 написан Т. К. Крыловой.

[2] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. VI. СПб., 1859, приложения, стр. 348.

[3] Там же, стр. 306.

ную фигуру, нежели царевна Софья, но опасность заключалась в том, что энергичные сообщники и вдохновители царевича в напряженный для России момент наладили связь с иностранными дворами и считали, что в случае переворота большая часть старой знати будет на их стороне. На следствии царевич показывал, что он надеялся на сочувствие князей Долгоруких (один из них — В. В. Долгорукий — находился в прямой связи с царевичем), на князей Голицыных М. М. и Д. М., на Б. П. Шереметева, Б. И. Куракина и других[1].

В Петербурге в окружение Алексея входили А. Кикин, А. Лопухин и княгиня Троекурова (родные брат и сестра постриженной царицы Евдокии), князь Щербатый, княгиня Н. Голицына. К ним надо еще добавить бывшего духовника царевича протопопа Якова Игнатова, жившего в Москве.

Самым энергичным сообщником Алексея был А. В. Кикин, когда-то любимый денщик Петра, затем «адмиралтеец». Страсть к наживе и злоупотребления по службе сгубили Кикина. «Кикинские палаты» в Петербурге в 1715 г. были конфискованы, а сам он за взятки и злоупотребления был лишен чинов и сослан. Как способный человек, он был затем прощен и снова приближен к царю, но обиды своей не забыл и вошел в круг сообщников Алексея[2].

Эти лица были связаны с Суздалем, где жила в монастыре бывшая царица Евдокия. В ее кельях собирались епископ ростовский Досифей, духовник царицы, казначей монастыря и некоторые из монахинь. В Суздальском окружении Евдокии жили надеждами на воцарение Алексея и готовы были оказать посильную помощь в скорейшем выполнении его замыслов. Сам царевич видел в духовенстве, от архиереев до приходских священников, своих верных пособников в борьбе за власть. Если в этом случае он и ошибался относительно всего духовенства, то на окружение Евдокии он мог рассчитывать[3].

Царевич долго колебался принимать какие-либо определенные решения, пока Петр решительно не потребовал от него в корне изменить свое поведение, следовать примеру отца или отказаться от престола и постричься в монахи. Алексей выбрал последнее, по совету своих друзей, рассуждавших, что «клобук не прибит к голове гвоздем», «мочно-де его и снять»[4]. Заговорщики хотели выиграть время, и Петр I неосторожно пошел им навстречу.

---

[1] *Н. Г. Устрялов*. Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 505—512.

[2] Там же, стр. 456—458, 460—461; год конфискации «кикинских палат» указан неправильно (1716 г.). Царевич Алексей, вернувшись из-за границы в 1715 г., нашел Кикина уже на свободе; в начале 1716 г. Кикин снова был в милости; следовательно, конфискация была произведена не позднее 1715 г.

[3] *Н. Г. Устрялов*. Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 458—460.

[4] Там же, стр. 346—350, 446—456.

Царевич Алексей Петрович. Портрет маслом работы Таннауэра.
Государственный Эрмитаж.

Желая дать Алексею время одуматься, Петр I обещал ждать окончательного ответа полгода. В начале 1716 г., едва оправившись после тяжелой болезни, царь надолго уехал за границу, куда его призывали сложные международные дела. Вслед за ним выехал за границу Кикин с единственной, по его же словам, целью договориться с австрийским двором о бегстве царевича из России.

Император Карл VI дал убежище царевичу Алексею, очевидно, в целях вмешательства во внутренние дела России и Польши. Подобный прием был совершенно в духе того времени. Французский король Людовик XIV, образец для всех тогдашних государей, приютив у себя Якова II Стюарта и его сына, в течение десятилетий держал Англию под угрозой междоусобной войны.

При императорском дворе было известно о намерении Петра I лишить царевича права на престол, и Кикин при содействии русского резидента в Вене А. Веселовского, также решившегося на государственную измену, установил связь с вице-канцлером Шенборном. Австрийское правительство, намереваясь скрыть у себя до поры до времени царевича, преследовало далеко идущие цели, выжидая благоприятного момента. Из донесений австрийского посла Плейера явствует, что заговорщики установили какую то связь с гвардейскими полками, находившимися вместе с Петром I в Мекленбурге.

Плейер даже высказывал мысль о том, что Петр не скоро вернет гвардейские полки в Россию, чтобы лишить их возможности сноситься со сторонниками царевича в Москве [1]. К этому времени намечалось уже близкое окончание Северной войны, и иностранные дворы, в первую очередь Англии и Австрии, были заинтересованы в облегчении для Швеции условий мирного договора.

Использовать в такой момент царевича, домогавшегося короны, значило бы продемонстрировать внутреннюю слабость России. Трудно ска-

[1] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. VI, донесение Плейера от 11 января 1717 г. стр. 371.

зать, что в конце концов конкретно имело в виду австрийское правительство, но на обещания царевичу оно не скупилось. Ему были обещаны не только деньги (которых, однако, он не получил), но и войска. Саксонский посол в России впоследствии сообщал: «царевич с своей стороны признался на духу, что император обещал ему войска для действий против его отца и позволил ему надеяться на помощь со стороны короля Англии»[1]. Царевич воспользовался удобным случаем для того, чтобы бежать. Сложные военные и дипломатические дела заняли внимание Петра после его отъезда за границу.

К осени 1716 г. международное положение России весьма осложнилось. К этому времени резко обострились противоречия между Россией и ее союзниками в Северной войне, а также между Россией и державами Западной Европы (Англией, Австрией), что препятствовало подготовке военного союзного десанта из Дании в Швецию. Этот момент реакционная оппозиция и сочла удобным для того, чтобы нанести предательский удар.

Петр не забыл «домашнего» дела, 26 августа 1716 г. он написал сыну письмо, в котором приглашал его приехать в Копенгаген, чтобы принять участие в военных действиях, в противном же случае Алексей должен был назначить время и место для своего пострижения.

Царевич использовал это письмо, чтобы получить деньги и разрешение на выезд за границу. Находясь в пути, не доезжая Либавы, Алексей встретил возвращавшуюся из Карлсбада свою тетку царевну Марью, которая одобрила его намерение бежать. На этом же настаивал Кикин во время разговора с царевичем в Либаве[2].

Проехав Гданск, царевич свернул на юг и под вымышленным именем направился к Вене. С ним были его возлюбленная Ефросинья и несколько слуг. Последним он сказал, что едет в Вену с тайным поручением царя для заключения союза с императором против турок.

Поздно вечером 10/21 ноября Алексей появился у вице-канцлера Шенборна. Несмотря на малодушие и боязнь за свою личную безопасность, Алексей потребовал от Шенборна, чтобы его открыто приняли при австрийском дворе. Он надеялся, что император вооруженной рукой будет отстаивать его права на российский престол. Эту помощь царевич готов был принять на любых условиях, даже самых невыгодных и унизительных для России[3]. Однако венский двор не решился открыто бросить вызов Петру I

---

[1] Сб. РИО, т. 20, стр. 76.

[2] Кикин предусмотрительно принял меры, чтобы «очистить» себя в случае обнаружения заговора. Весной 1716 г. за границей он обратил внимание Петра и Екатерины на опасные замыслы царевича, а в феврале 1717 г. после своего ареста и первых пыток в собственноручном письме к царю он напоминал о своих «разоблачениях».

[3] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 529, 580—595.

и предпочел придерживаться выжидательной тактики, чтобы предварительно установить общую линию поведения с английским двором.

В середине апреля 1717 г. австрийскому послу в Лондоне графу Волкра было предписано самым секретным образом уведомить английского короля Георга I о прибытии царевича Алексея в Австрию и о намерении императора «защищать невинно гонимых»[1]. Волкра должен был сообщить о намерении Петра I требовать возвращения Алексея вплоть до применения вооруженной силы и спросить Георга I о его готовности защищать Алексея. Но к весне 1717 г. внешнеполитические дела Австрии осложнились.

Пребывание Алексея в имперских владениях неизбежно должно было повлечь резкое ухудшение отношений с Россией, в чем Австрия не была заинтересована.

В этих условиях вопрос о поддержке царевича приобретал для австрийского двора весьма щекотливый оттенок. Алексею было оказано тайное гостеприимство; его укрыли в тирольской крепости Эренберг, а затем, когда это местопребывание было открыто царскими агентами, перевели в крепость Сент-Эльмо близ Неаполя, захваченного австрийцами во время войны за испанское наследство. Он содержался под видом важного государственного преступника и жил, даже по признанию австрийских чиновников, «тесно и дурно». Между тем Кикин сулил ему привольное житье под покровительством императора с роскошным содержанием по 3 тыс. гульденов в месяц.

Во время своего пребывания в Австрии царевич поддерживал сношения с вице-канцлером Шенборном, обращался и к императору. По настоянию Шенборна царевич писал письма в Россию и пересылал их вице-канцлеру. Так, 8 мая 1717 г. он написал письмо сенаторам, в котором опровергал слухи о своей смерти, окончательно раскрывал свои карты относительно своего пострижения («едва было и в черную одежду не облекли меня нуждею») и просил их не забывать его[2]. Подобная деятельность далеко выходила за пределы прав и обязанностей министра дружественной державы, и русское правительство имело основания обвинять Шенборна в стремлении вызвать внутренние осложнения в России.

Получив известие об исчезновении царевича, Петр энергично принялся за поиски и вскоре выяснил его местонахождение.

Находясь за границей, Петр I подписал 1 июля 1717 г. инструкцию П. А. Толстому и А. И. Румянцеву, направлявшимся в Вену для переговоров о возвращении царевича. Петр I решительно требовал у императорского двора выдачи Алексея, в особенности, когда он убедился в благожелательном отношении французского правительства к

---

[1] *Н. Г. Устрялов*. Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 376.

[2] Там же, стр. 401, 446—456, 580—595, 380.

России, что, в свою очередь, выгодно отразилось и на русско-английских отношениях[1].

Если бы венский двор в конце концов отказался выдать беглеца, тогда Толстому и Румянцеву надлежало потребовать разрешения вступить с Алексеем в личные переговоры и в случае отказа угрожать войной. В переговорах с Алексеем инструкция царя рекомендовала обещать ему прощение при немедленном возвращении и вместе с тем угрожать, что в крайнем случае отец «вооруженной рукой» принудит императора к его выдаче.

Петр написал также 10 июля письмо сыну. В нем он упрекал Алексея в том, что тот, нарушив обещание, данное отцу, «ушел и отдался, яко изменник, под чужую протекцию». Он призывал сына немедленно возвратиться, обещая ему прощение. «Буде же сего не учинишь,— писал Петр,— то, яко отец... проклинаю тебя вечно; а яко государь твой, за изменника объявлю...»[2] В тот же день была подписана грамота к императору, в которой царь протестовал против вмешательства в отношения между отцом и сыном, извещал о полномочиях Толстого и просил, «дабы оный сын наш немедленно с ним был к нам отпущен».

Приезд Толстого и Румянцева в Вену был неожиданным для австрийского правительства. Выдать царевича оно отказалось. Но австрийские министры не преминули воспользоваться лазейкой, указанной им русскими дипломатами. Они разрешили Толстому вести личные переговоры с царевичем. Удерживать же последнего далее они считали опасным. Особенно опасались австрийцы вступления русских войск в Чехию, где всегда было много недовольных австрийским господством.

Однако, соглашаясь на переговоры Толстого с царевичем, имперское правительство полагало, что «в этих пересылках и переписках выиграется время, и смотря по тому, как кончится нынешний поход царя, можно будет говорить с ним смелее или скромнее»[3].

Во время первого свидания в Неаполе царевич решительно отказался возвратиться в Россию; от второй встречи он уклонился под предлогом болезни. Тогда Толстой подговорил подкупленного им секретаря Дауна уверить царевича, что император не сможет отстаивать его оружием, так как война с Турцией еще не кончилась и начинается война с Испанией. Одновременно он сообщил Алексею вымышленное известие, что Петр сам едет в Италию для свидания с сыном. Кроме того, он уверил австрийцев, что царь не остановится перед тем, чтобы вооруженной рукой добиваться возвращения царевича.

Все это подорвало уверенность Алексея в надежности императорского покровительства. Опасаясь быть выданным, он согласился возвратиться в

---

[1] *Л. А. Никифоров.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, стр. 158 и сл.

[2] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 383—389.

[3] Там же, стр. 392.

Россию. Через неделю после первого свидания, 3 октября 1717 г., царевич объявил Толстому и Румянцеву, что беспрекословно поедет с ними.

Со своей стороны Петр, чтобы предупредить возможность установления связи возвращавшегося в Россию Алексея с его сторонниками, распорядился задержать в Риге пять почт подряд. Эта предосторожность не была излишней. Узнав о возвращении царевича, Кикин пытался послать ему навстречу гонца с предупреждением, что отец предаст его суду и что с этой целью архиереи уже собраны в Москву. Но никто не согласился взяться за выполнение такого поручения, и Алексей без дальнейших задержек прибыл 31 января 1718 г. в старую столицу, где тогда находился царь.

Петр возвратился в Россию значительно раньше Алексея. Он знал, с какой жадностью прислушивались враги к известиям о внутренних осложнениях в России. Он стремился к миру и на открывшемся в мае 1718 г. Аландском конгрессе торопился заключить мирный договор с Швецией. Но шведские сенаторы удерживали Карла XII от принятия русских мирных условий, указывая на то, что Россия находится накануне «революции».

Знал Петр и о снисходительном отношении к побегу Алексея со стороны многих представителей знати и духовенства. Во время следствия царевич назвал имена своих сообщников. Они были привезены из Петербурга и Суздаля в село Преображенское под Москвой. Произведенный большой розыск подтвердил подозрения царя относительно сношений между петербургскими сторонниками Алексея и окружением бывшей царицы Евдокии.

5 марта 1718 г. в кругу сановников был прочитан манифест о царице Евдокии и ее сообщниках. Многие из них были приговорены к казням: Кикин был колесован, Глебов посажен на кол, другие были подвергнуты жестоким наказаниям и отправлены в ссылку. Евдокия была сослана в Новую Ладогу для строгого заточения в монастыре, где она находилась до воцарения в 1727 г. своего внука Петра II. Для того чтобы опровергнуть печатные и устные клеветнические слухи, распространявшиеся за границей в связи с делом царевича Алексея, материалы о нем опубликовывались и распространялись.

Рескриптом от 6 февраля 1718 г. русскому послу в Дании В. Л. Долгорукому предписывалось сообщить во всеобщее сведение, что Алексей, забывший свой долг и отдавшийся под покровительство императора, ныне возвратился и 3 февраля, представ перед собранием «наших подданных духовных и мирских», принес покаяние в своих преступлениях и отрекся от престола. Вторым рескриптом, датированным 16 июня, Долгорукому поручалось сообщить об открытии новых преступлений Алексея[1], сущность которых состояла в том, что царевич, получив из

[1] ЦГАДА, Датские дела, 1718 г., д. 4, лл. 8—10, 50—53.

писем Плейера преувеличенные сведения о бунте в русских войсках, стоявших в Мекленбурге, радовался и собирался встать во главе восставших.

В состав суда были введены представители духовенства, «также воинского и гражданского чину», особенно много было гвардейских офицеров (127 чел., из них 39 — гвардейских офицеров); в суде участвовали также губернаторы, вице-губернаторы, коменданты и судьи.

В обоих рескриптах подчеркивалось, что преступления Алексея были отданы на суд гласный и широкий, с участием представителей от дворянства. Еще более подробно об этом говорится в третьем рескрипте, от 27 июня 1718 г., написанном на второй день после смерти царевича. В нем указывалось, что замыслы Алексея были сообщены «нашим верным подданным, а имянно духовным на рассуждение, а министрам и Сенату, и воинским и гражданским чинам на суд нелицемерный». Духовенство в составе восьми архиереев и четырех архимандритов на основании «священного писания» и церковных правил признало его заслуживающим смерти. Такой же приговор вынесли, признав Алексея виновным в «бунтовном умысле», и светские судьи, собранные в числе 120 чел.

В связи с назначением нового суда над царевичем 13 июня 1718 г. царь в обращениях к духовенству, «министрам, Сенату и стану воинскому и гражданскому» передал в их руки решение участи Алексея. Петр приказывал судить его как простого подданного и призывал к справедливому, нелицемерному суду, «чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно»[1].

Царевич скончался в Петропавловской крепости 26 июня 1718 г. Полгода спустя, 8 декабря, были казнены духовник царевича Я. Игнатов и А. Лопухин. Вслед за этим последовали награды непосредственным участникам по разбору дела царевича. А. И. Румянцеву за «привезение по рождению моего сына, а по делу злодея и губителя отца и отечества» были отданы деревни А. Кикина и К. Нарышкина, и он был повышен в чинах (гвардии майор и генерал-адъютант). Награды «за верные труды в бывшем тайном розыскном деле» получили и другие участники розыска.

Кара не коснулась других деятелей, оговоренных Алексеем в той или иной степени,— Долгоруких[2], Голицыных, Б. И. Куракина. Однако тень на них была брошена, и доверие к ним Петра подорвано. Куракин, первым начавший переговоры со Швецией в 1716 г., не участвовал в их продолжении ни на Аландских островах, ни в Ништадте. Рижский губернатор П. А. Голицын был заменен Левенвольде.

---

[1] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. VI, приложения, стр. 516.

[2] Только В. В. Долгорукий был признан виновным в дерзких речах и сослан в Соликамск, где его приказано было содержать как простого ссыльного. Чины у него были отняты, имущество конфисковано. Петр I вынужден был пойти на уступки аристократии и под давлением Я. Ф. Долгорукого ограничился в отношении В. В. Долгорукого сравнительно мягким приговором.

Процесс царевича Алексея не мог не осложнить международных отношений России с другими странами. Русское правительство потребовало объяснений поведения Австрии. Веселовскому было запрещено вступать с вице-канцлером в какое бы то ни было общение. Австрийскому послу Плейеру запретили являться ко двору и потребовали отзыва его из России.

Разгром оппозиции укрепил положение правительства и содействовал в дальнейшем успешному заключению Ништадтского мира. Европейским державам пришлось убедиться в тщетности их надежд на недовольных представителей верхушки господствующего класса.

Стрелецкий бунт 1698 г. и дело царевича Алексея были различными формами борьбы реакционных элементов внутри господствующего класса против реформ.

В первом случае группировавшиеся вокруг царевны Софьи ревнители старины для осуществления своих целей пытались использовать стрельцов. Разгром стрельцов означал уничтожение вооруженного оплота оппозиции. В дальнейшей борьбе противники реформ ориентировались не столько на силы внутри страны, сколько на помощь извне, со стороны враждебных России государств. Предательство и измена были главными средствами борьбы реакции во время дела царевича Алексея.

Участники обоих событий: стрелецкого бунта 1698 г. и дела царевича Алексея опирались на отжившие свой век элементы господствующего класса — боярство. Этим объясняется обреченность рассмотренных выше реакционных выступлений. Поражение боярской оппозиции было вместе с тем и победой абсолютизма, опиравшегося на дворянство.

* * *

Реформа государственного аппарата феодально-крепостнической России в первой четверти XVIII в. является составной частью преобразований и была вызвана социальными и экономическими процессами, происходившими как в XVII в., так и в начале XVIII в.

Развитие товарного производства и мануфактур сопровождалось зарождением буржуазии и обострением классовой борьбы. Борьба народных масс против усиливавшегося феодального гнета и победы, одержанные в этой борьбе господствующим классом, вскрыли уязвимые места аппарата для подавления сопротивления угнетенных.

Степень достигнутой в XVII в. централизации управления обширным государством уже не соответствовала экономической общности между его отдельными районами и в то же время не обеспечивала мобилизации сил и средств, необходимых для подавления широких выступлений крестьян. Вместе с тем сложившееся в XVII в. государство не обеспечивало решения внешнеполитических задач. Неоднократно предпринимавшиеся до того попытки выхода к морю не дали должных результатов, так как ни орга-

низация армии, являвшейся важнейшим орудием государства, ни его дипломатические учреждения не могли обеспечить решительного перевеса в борьбе с более передовыми государствами Западной Европы. Следовательно, орудия государственной власти — армия, карательные органы, центральные и местные учреждения не могли должным образом выполнять две основные функции государства: внутреннюю и внешнюю. В государственном аппарате XVII в., кроме того, отсутствовали учреждения, учитывавшие специальные интересы зарождавшегося класса буржуазии.

Обострение классовой борьбы, экономическое развитие страны, появление в социальной структуре общества новых общественных сил вызвали необходимость изменить орудие господства дворянства — государственный аппарат. Создание регулярной армии и флота с централизованным управлением, с единообразным вооружением, снаряжением и обмундированием значительно повысило военную мощь «национального государства помещиков и торговцев». В государственном аппарате появились ранее не существовавшие учреждения со специальными карательными задачами — Преображенский приказ и Тайная канцелярия.

Реформа административного аппарата придала государству чиновничье-дворянский характер. Императорская власть была новым этапом в развитии самодержавия. Боярская дума, вместе с которой управляли предшественники Петра, была заменена послушным орудием императора — Сенатом. Были созданы новые исполнительные учреждения: в центре — коллегии, а на местах — губернские и провинциальные учреждения. Одна из существенных особенностей нового аппарата состояла в более четком распределении сфер управления между учреждениями. Многочисленные приказы были заменены 10 коллегиями, каждая из которых располагала исполнительной властью в определенной сфере управления. Была установлена иерархическая система подчиненности учреждений со строгой централизацией и регламентацией. Одновременно с аппаратом, осуществлявшим административно-полицейские функции, была создана сеть контролирующих органов — прокуратура, фискалат, Ревизион-коллегия и другие. Укрепление самодержавия сопровождалось значительным ограничением прав духовных учреждений, что означало торжество светской власти. Духовные учреждения были превращены в такие же органы общей администрации, какими являлись коллегии.

Государственной власти были свойственны отдельные элементы так называемого «просвещенного абсолютизма».

Правовые и политические учреждения, равно как религиозные, философские и прочие воззрения этого исторического периода, призваны были осуществлять политику дворянского правительства, направленную на возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев. И. В. Сталин, отмечая активную роль надстройки, писал: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис,

что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя»[1]. Местные и центральные учреждения России этого времени, ее армия, флот и карательные органы охраняли феодальную собственность на землю и защищали права помещиков и торговцев на присвоение ими прибавочного продукта крестьян. В то же время государство способствовало развитию производительных сил России.

Абсолютистское чиновничье-дворянское государство укрепило положение дворянства, оградив его от массовых крестьянских выступлений. Силами реорганизованного аппарата успешно осуществлялась внешняя политика России, этот же бюрократический аппарат способствовал развитию буржуазии.

Жестокая борьба с «преслушниками» указов даже из среды дворянства, суровое преследование казнокрадства, попытки искоренить «похищения лукавые государственные казны»[2], проводимые всякий раз под флагом забот о «всенародной пользе», создавали видимость надклассовости государства. В действительности административные реформы государства нисколько не изменяли назначения феодально-абсолютистского государства — защищать в первую очередь интересы господствующего класса, дворянства.

[1] *И. Сталин.* Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1953, стр. 7.
[2] ПСЗ, т. V, № 2707, стр. 51.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

ВВЕДЕНИЕ

Основными внешнеполитическими задачами, стоявшими перед Россией в изучаемый период, была борьба за выход к морям, Черному и Балтийскому, а затем борьба за укрепление на Каспийском море. В постановке этих задач Россия продолжала внешнюю политику предшествующего периода, но добивалась их решения более совершенными военными и дипломатическими средствами и притом с небывалой настойчивостью и энергией, приведшими к исключительным успехам.

Сношения России морем с Западной Европой в XVII в. осуществлялись через Архангельск. На Каспийском море Россия владела Астраханью, являвшейся воротами в Азию, русские владения на Востоке уже достигли Тихого океана, однако все это еще не создавало связей с мировыми торговыми путями того времени. Архангельск и Астрахань имели важное торговое значение, но они были удалены от хозяйственного и политического центра страны и не являлись достаточно удобным выходом к мировым торговым путям. К тому же Белое море замерзало более чем на полгода. В древности славяне спускались по Днепру, пересекали Черное море и достигали Константинополя и берегов Малой Азии. Но турки, завладев Константинополем и Балканским полуостровом в XV в., сделали Черное море закрытым. Они владели устьем Дона, где стояла сильная турецкая крепость Азов, в их руках находилось устье Днепра и берега Крыма, и крымский хан был покорным вассалом султана. Почти ежегодные разбойничьи нападения крымских татар на южные русские и украинские земли, угон на восток в рабство тысяч людей делали невозможным использование черноземных степных пространств. Задача достижения морских берегов диктовалась потребностями обороны России и была поставлена еще в XVI—XVII вв. Борьба на юге против татар и турок должна была оградить страну от нападений крымских татар и дать выход к степным пространствам, остававшимся необработанными, и к Черному морю; эти задачи были поставлены в Азовских походах 1695—1696 гг.

Берега Балтийского моря на протяжении столетий являлись ареной ожесточенной борьбы. Поблизости от моря в древности выросли русские города: Новгород, Псков, Полоцк, Юрьев (Тарту), все течение реки Невы с выходом к Финскому заливу принадлежало русским. Но с начала XIII в. в Прибалтику ринулись немецкие «псы-рыцари»; Ливонский и Тевтонский рыцарские ордены ставили своей задачей покорение эстов, латышей, а затем и русских. Они встретили серьезный отпор. Воспользовавшись ослаблением Руси в результате татарского нашествия, немецкие, шведские и датские феодалы под покровительством папского престола пытались оттеснить русских дальше от берегов Балтийского моря. Однако русские войска под начальством Александра Невского в 1240 г. разбили шведов на берегу Невы и в 1242 г. разгромили немцев на льду Чудского озера. Этими победами был поставлен твердый барьер немецкой и шведской агрессии. Но территория нынешних Эстонии и Латвии осталась под властью немецкого рыцарского ордена и епископов.

Образование централизованного Русского государства в XV в., присоединение Новгородской земли и освобождение от татарского ига восстановили против усилившейся России ее западных соседей и снова поставили ее лицом к лицу с балтийской проблемой. Война с Ливонским орденом закончилась в 1503 г. обязательством ордена платить ежегодную дань России за Юрьев, некогда принадлежавший русским. Насколько затруднены были сношения Русского государства с западноевропейскими странами вследствие блокады, в которой держали русских прибалтийские государства, видно из того, что в 1547 г. были задержаны в Любеке по проискам ливонских властей 123 специалиста, приглашенных русским правительством. В Ливонской войне, которая велась Россией в течение четверти века при Иване Грозном, была поставлена задача разорвать эту блокаду и приобрести гавани на Балтийском море. Рыцарский орден потерпел поражение, русские войска заняли Нарву, Дерпт (Тарту), осаждали Ревель и Ригу. Но за счет русских побед хотели поживиться территорией Ливонского ордена сильные соседи. Швеция захватила Эстляндию с Ревелем, Дания — остров Эзель и город Пернов, Польша — Курляндию. К концу Ливонской войны шведы отобрали Нарву и русские города Ивангород, Ям и Копорье. В 1590 г. вспыхнула новая русско-шведская война, завершившаяся через пять лет Тявзинским миром, по которому шведы вернули русским Ивангород, Ям, Копорье, а также Кексгольм, однако Нарва осталась у шведов.

Эти русские земли были вновь потеряны в результате шведско-польской интервенции в начале XVII в. По Столбовскому миру 1617 г. шведы полностью отрезали Россию от Балтийского моря. Они заняли все течение Невы, а также Кексгольм, Ивангород, Орешек и другие города. Во время Тридцатилетней войны Швеция завоевала Ригу, вытеснила Польшу с балтийского побережья, захватила Померанию с городом Штеттином. По Вестфальскому миру, закончившему Тридцатилетнюю

войну, шведы получили западную Померанию, Висмар, герцогства Бремен и Верден на территории Германии; Швеция владела Финляндией, всей Ливонией (Эстляндией и Лифляндией). Дания потеряла Голштинию и остров Эзель. Таким образом, вслед за захватом русских берегов шведы заставили потесниться Данию, Польшу, Бранденбург и другие германские государства.

Балтийский вопрос вскоре вновь был поднят в связи с русско-польской войной, которая велась за воссоединение Украины с Россией (1654—1667 гг.). Ослаблением Польши решило воспользоваться шведское правительство, и шведские войска вошли вглубь Польши. Тогда Россия вынуждена была, не закончив борьбы с Польшей, вступить в войну со Швецией. Русские войска заняли город Орешек на Неве, Дерпт, осаждали Ригу. Однако затянувшаяся русско-польская война не дала возможности закрепить эти успехи, был заключен со шведами Кардисский мир в 1661 г., по которому пришлось вернуть им берега Финского залива, течение Невы и возвратиться к границам, установленным Столбовским миром. Мир со Швецией позволил успешно закончить борьбу с Польшей и обеспечить воссоединение Левобережной Украины с Россией. Но Русское государство осталось отрезанным от Балтийского моря.

Уполномоченному в мирных переговорах со шведами А. Л. Ордыну-Нащокину предписывалось добиваться получения земель вдоль течения реки Невы, а сам он считал, что необходимо приобрести Ригу и составить с этой целью коалицию для борьбы со Швецией. Таким образом, во время войны и мирных переговоров был набросан план русских приобретений, осуществленный лишь в первой четверти XVIII в.

«Ни одна великая нация не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого»[1],— говорил Маркс. Азовские походы и Северная война велись за обеспечение экономической и политической независимости, за преодоление отсталости России, за возвращение принадлежавших ей прежде земель.

Россия первой четверти XVIII в. проводила внешнюю и внутреннюю политику в интересах дворянства, а также купечества. В изучаемое время дворянство еще способно было содействовать развитию производительных сил общества. Вместе с тем в России происходили некоторые сдвиги в классовой структуре общества — в недрах феодально-крепостнического строя возникали силы новой общественной формации: работные люди, являвшиеся предшественниками пролетариата, с одной стороны, и нарождавшееся купечество, с другой.

Основным содержанием внешнеполитической истории изучаемого времени была борьба за выход к морю. Сначала борьба развернулась на Азовском море, затем центр военных и дипломатических усилий перемещается на Балтику. В последние годы изучаемого периода Россия боролась за

---

[1] *K. Marx.* Secret diplomatic history of 18th century. L. 1899.

расширение морских границ на Каспийском море. Достигнутые результаты были весьма значительны. Азовские походы завершились победой над турками, Северная войны принесла блестящую победу и выход к Балтийскому морю, борьба за Каспийское море закрепила за Россией его западное и южное побережье.

Внешняя политика России конца XVII и первой четверти XVIII в. делится на два крупных периода — до Полтавской победы и после нее. Эти два периода, разграниченные 1709 годом, в свою очередь, можно подразделить на следующие этапы: 1) время Азовских походов, «великого посольства» в Западную Европу и подготовки к Северной войне — 1695—1699 гг.; 2) первые годы Северной войны — занятие русскими войсками течения реки Невы и городов Нарвы и Дерпта, основание Петербурга, победа под Лесной и, наконец, Полтавская победа, явившаяся переломным моментом всей войны (1700—1709 гг.); 3) последующие 1709—1715 гг., когда было закончено занятие Прибалтики, взяты Рига, Ревель и Финляндия, одержана морская победа при Гангуте, военные действия перекинулись в Померанию; 4) завершающий этап Северной войны — 1716—1721 гг., это время десантных операций на шведские берега, морской победы под Гренгамом, длительных и трудных дипломатических переговоров, закончившихся блестящим Ништадтским миром; 5) наконец, 1722—1724 гг., когда происходил Персидский поход, который должен был обеспечить благоприятное решение важных проблем на Каспийском море и в Закавказье, и были заключены союзный договор со Швецией и договоры с Персией и Турцией.

1

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 1695—1699 ГГ.

Одной из важнейших задач русской внешней политики на рубеже XVII и XVIII вв. была борьба за южные земли, за выход к Азовскому и Черному морям, борьба против татар и турок. Русские города и села на юге страны подвергались нападениям татар, уводившим население в плен, грабившим и разорявшим их. «Украинные» русские города Белгород, Тамбов, Козлов, Харьков, Валуйки, обнесенные рвом и валом, были заселены стрельцами и казаками и всегда должны были находиться в состоянии готовности к отражению татарских набегов. Остроги и сторожевые станицы были рассеяны по степи с богатым черноземом, недоступным для освоения вследствие постоянно угрожавших набегов врага.

Еще в 80-х годах XVII в. (во время правления царевны Софьи) были сделаны две попытки выйти к Черному морю и освободить южные границы

страны от постоянно угрожавших им набегов крымских татар. В 1683 г. Турция начала войну против Австрии, и через несколько месяцев турецкие войска осадили Вену. Император Леопольд I заключил союз с Польшей, и обе подписавшие договор стороны обязались сделать все возможное для привлечения к их союзу России. Но русское правительство отказывалось вступить в союз, пока Польша не заключит с ним постоянного мира, по условиям которого за Россией оставался бы Киев. Только под давлением императора и Венеции Польша заключила в 1686 г. «вечный мир» и союз с Россией против Турции и Крыма. Союзники дали России обязательство не вступать в переговоры с турками без ее согласия и не заключать мира без ее участия[1]. В 1689 г. особой грамотой император повторил это обязательство, подтвердив тем самым свой союз с Россией.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. были следствием участия русских в антитурецкой коалиции. Но оба эти похода были неудачны. Попытки заключить договор с крымским ханом оставались безрезультатными, так как Крым не соглашался на отказ от ежегодной присылки из Москвы казны и на возвращение без выкупа русских пленных. Таким образом, Россия продолжала оставаться в состоянии войны с Турцией и Крымом, хотя противники и не вели активных военных действий. Польша и император, с которыми Россия заключила союз, настаивали на возобновлении военных действий, и за спиной у русских вели переговоры с Турцией[2].

О тревожном состоянии на южных рубежах свидетельствует тот факт, что в 1692 г. 12-тысячное татарское войско появилось на Украине, выжгло предместья города Немирова и увело с собой множество пленных; опасались также нападения гарнизона турецкой крепости Азова. В 1694 г. в России начали подготовку к организации отпора против татар и турок.

В выборе момента для возобновления борьбы против Турции за выход к Черному морю имела значение международная обстановка. Русские представители в Варшаве и в Вене сообщали о существовавшей угрозе примирения Речи Посполитой и австрийского императора с Турцией без России и за ее счет, что развязало бы Турции руки для нападения на Украину. Эту возможность турецкой агрессии необходимо было предупредить, нанеся Турции удар и укрепив антитурецкую коалицию, фактически почти распавшуюся.

В 1693 и 1694 гг. Петр I с большой свитой совершил две поездки на Белое море, где он впервые познакомился с кораблестроением. После возвращения из второго путешествия на Белое море, в 1694 г., были подготовлены и проведены под Москвой у деревни Кожухово большие военные маневры, в которых новые полки показали свое военное искусство.

---

[1] *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. I. СПб., 1874, стр. XXII.

[2] *М. М. Богословский.* Петр I, т. I, М., 1940, стр. 207—208.

Вскоре после беломорских поездок обсуждались планы войны на юге, где турки и татары владели выходом в море из Днепра и Дона. Турецкие крепости Казыкермен на правом берегу Днепра, Арслан-Ордек на левом и Таван, или Соколиный замок, на острове между ними запирали выход в Черное море из Днепра. На южном протоке Дона в 15 верстах от впадения его в море на левом берегу стояла турецкая крепость Азов. Это была сильная крепость с тремя оградами: наружной в виде земляного вала четырехугольной формы, со рвом и палисадами, средней — каменной стены с бастионами и внутреннего каменного замка. В трех верстах выше Азова на обоих берегах Дона турки возвели две каменные башни—«каланчи»—с пушками; между ними через реку были протянуты три железные цепи. На северном протоке Дона, Мертвом Донце, был сооружен каменный замок Лютик. Таким образом, доступ к Азову на судах по Дону был закрыт, в то же время турецкий гарнизон крепости сохранял свободные коммуникации на море.

Крымские походы времени правления царевны Софьи показали трудность движения больших армий через степь, путь же к Азову шел частично по Дону и среди поселений донских казаков. Это новое стратегическое направление и было правильно выбрано русским командованием вместо прежнего направления на Крым.

В начале 1695 г. для похода на Дон были назначены Преображенский и Семеновский полки, Лефортов и Бутырский солдатские полки, московские стрельцы, городовые солдаты и царедворцы — всего 31 тыс. чел. Другая большая армия в 120 тыс. чел. под начальством Б. П. Шереметева была направлена к низовьям Днепра для диверсии и предотвращения помощи Азову со стороны крымцев.

Корпус, направленный под Азов, не имел главного начальника; руководство военными действиями возлагалось на совет из трех генералов: А. М. Головина, Ф. Я. Лефорта и П. И. Гордона. При этом дела должны были решаться с согласия самого царя, носившего в походе звание и имя бомбардира Преображенского полка Петра Алексеева. Корпус был разделен на две части: отряд под начальством Гордона должен был идти сушей к Дону, а второй отряд Головина и Лефорта с артиллерией и боеприпасами должен был выступить на судах Москвой-рекой, Окой и Волгой, чтобы соединиться с первым отрядом на Дону. В Черкасске Гордон должен был соединиться с отрядом в 5—6 тыс. казаков, чтобы двинуться дальше к Азову. В его отряде было 9400 чел. при 43 полковых орудиях и 10 мортирах. Только в последних числах апреля 1695 г. Гордон смог двинуться от Тамбова, где его задержал недостаток лошадей для обоза.

Главные силы под начальством Головина и Лефорта, составлявшие около 20 тыс. чел., с артиллерией и боеприпасами, были погружены 30 апреля на суда в Москве. Караван, насчитывавший до 250 судов, достиг 16 мая Нижнего-Новгорода. Затем плыли Волгой до Царицына, и 11 июня

главные силы пошли степью к Паншину, причем за недостатком перевозочных средств солдаты везли на себе артиллерию, боеприпасы и прочие грузы. От Паншина до Черкасска войско плыло на 1000 судах, построенных за зиму на реке Воронеже. 28 июня войско прибыло к месту расположения авангардного отряда Гордона, находившегося вблизи Азова. На военном совете в тот же день было принято решение не теряя времени «промышлять» Азов.

Турецкий гарнизон Азова в предвидении русской осады был увеличен с 3 до 7 тыс. чел. и ожидал подкрепления людьми, боеприпасами и продовольствием, которые должны были прибыть морем из Константинополя. Из-за отсутствия флота русские не могли препятствовать подвозу подкреплений. Кроме того, татарская конница, кочевавшая в степях, совершала нападения на осаждающих и затрудняла снабжение русского лагеря всем необходимым.

Гордон должен был начать осадные работы против середины наружной ограды крепости, состоявшей из трех бастионных фронтов[1]. Правее его располагался в виде резерва Головин, левее, в 120 саженях, Лефорт.

Отряд донских казаков во главе с Фролом Минаевым присоединился к осаждающим и расположился правее Гордона, близ реки Скопинки-Азовки. В течение нескольких дней Гордон выдвинул вперед на 100 саженей две траншеи из рва своего окопа, соединил их оконечности поперечною траншеей и устроил батареи. Лефорт подвигался вперед прямыми траншеями, а часть отряда Головина вела боковую траншею, охватывая юго-восточную часть крепости.

Русская артиллерия наносила осажденным большой ущерб. В первые дни июля замолкла бо́льшая часть крепостной артиллерии, была разрушена сторожевая башня и повреждены внутренние здания крепости.

Отряд в 200 казаков вместе с солдатами занял 14 июля каланчу на левом берегу Дона, причинявшую осаждающим большой урон; 15 орудий, установленных в ней, они обратили против другой каланчи, которую турки также принуждены были оставить. Это открыло русским свободное сообщение с обозами и облегчило проход судов с воинскими запасами в лагерь осаждающих.

Уже на этом этапе осады сказалось отсутствие единоначалия в русском лагере. Лефорт и Головин не сумели обеспечить взаимную связь и единство действий осадных войск. Между тем турки пользовались морем для получения подкреплений, они производили вылазки, исправляли причиненные русским огнем разрушения и усиливали свою оборону. Татары совершали нападения на русский лагерь и отвлекали этим силы осаждающих. Измена, гнездившаяся среди иностранцев, служивших в русской армии, еще более осложнила задачу взятия Азова: голландский матрос Якоб Янсен,

---

[1] *Ф. Ф. Ласковский*. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II. СПб., 1861, стр. 36—37.

перешедший на сторону турок, выдал им сведения о расположении русской армии, о состоянии осадных работ и, главное, указал, что траншеи Лефорта еще не соединены с траншеями Гордона и не защищены редутом. Это помогло туркам сделать 15 июля вылазку и добиться временного успеха, нанеся русским войскам немалый урон[1].

Несмотря на это, осадные работы и в дальнейшем велись тремя командовавшими генералами без взаимного согласования. В конце июля русские подступы приблизились к крепостному рву, и на правом берегу Дона был построен форт и установлена батарея для обстрела города.

Штурм, начавшийся 5 августа, окончился неудачей. Отсутствие взаимной поддержки в штурмующих частях, а также нападения татарской конницы на русский лагерь привели к значительным потерям.

После безуспешного штурма было решено продолжать осадные работы, подвести в трех местах мины под наружную ограду крепости и построить у каланчей земляные укрепления на случай отступления от Азова. Работы эти, за которыми наблюдал сам Петр, велись при постоянных вылазках турок и нападениях татарской конницы.

Тем временем Б. П. Шереметев успешно действовал в устье Днепра, взял приступом турецкие крепости Казыкермен и Таван и разорил оставленные турками крепости Арслан-Ордек и Шагин-Кермен. Известия об этом подняли дух русских войск под Азовом.

Подкопы и минные работы не дали желаемых результатов. Турки открыли и уничтожили одну минную галерею русских, а другая была повреждена самими осаждающими при взрыве неприятельской контрмины. В результате третьего подкопа осыпалась только часть вала, а крепостная стена осталась невредимой. Неудача минных работ, особенно производимых А. Вейде, вызвала недоверие к иностранцам, и Вейде некоторое время не смел показываться войскам[2]. Петр возлагал надежды на предстоявший штурм и писал 17 сентября в Москву А. А. Виниусу, что «в городе Марсовым плугом все испахано и насеено, и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброго рождения...»[3]

Новый штурм был проведен 25 сентября. После взрыва подкопов русские колонны под командованием Гордона двинулись в 20-саженную брешь и заняли правый бастион. Но они не были поддержаны колонной Лефорта и стрельцами, которые остановились на валу левого бастиона, и колонной Головина, проявившей пассивность. Войска должны были отойти в траншеи. Уже после отступления Гордона пошли на приступ казаки и войска Головина, которые вместе с Преображенским и Семеновским полками овладели береговыми укреплениями и ворвались в город. Гордон дважды возобновлял приступ, поддерживая наступавших каза-

---

[1] *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого, т. II. СПб., 1858, приложения, стр. 573.

[2] *A. Gordon.* Geschichte Peters d. gr. I Th. Leipzig, 1765, S. 108.

[3] ПиБ, т. I. СПб., 1887, № 65, стр. 51.

ков и Преображенский и Семеновский полки, несшие большие потери. Но солдаты и стрельцы Гордона оба раза были опрокинуты турками. Лишенные поддержки, преображенцы и семеновцы вернулись в лагерь.

После этого второго неудачного штурма решено было снять осаду. В каланчах был оставлен трехтысячный отряд, а остальные русские войска выступили из лагеря. Подвергаясь нападениям татар, страдая от недостатка воды, войска шли на север через Черкасск, Северный Донец и Айдар на Валуйки. Морозы и вьюги вызывали новые потери в отходившей армии, которая только в конце ноября вступила в Москву.

Основная причина неудачи похода 1695 г. заключалась в отсутствии флота у России, вследствие чего невозможно было отрезать Азов с моря, откуда турки получали подкрепления и припасы. Затем сказалось отсутствие единоначалия в армии и взаимной поддержки в штурмующих частях. Дали себя знать также недостаток в артиллерии, слабая подготовка войск, особенно стрельцов, и малочисленность конницы для борьбы со степными татарами.

Но неудача похода только заставила Петра I с новой энергией взяться за приготовления к возобновлению военных действий в следующем году. Задача приобретения выхода к морю оставалась одной из важнейших, новые усилия были направлены на ее решение.

Еще в конце того же 1695 г. началась подготовка ко второму походу под Азов. Для обеспечения единоначалия главнокомандующим или воеводою большого полка был назначен боярин А. С. Шеин. Усиление осадного корпуса шло за счет привлечения казаков и инженерных войск[1]. Но главные усилия были обращены на постройку флота и транспортных судов. На них возлагалась задача запереть Азов с моря и обеспечить бесперебойное снабжение по Дону осаждающих войск.

Непосредственное руководство строительством флота осуществлял Петр I. Лефорта он назначил адмиралом, поручив ему сформировать «морской регимент» в составе 28 рот, всего в 4119 чел., из которых были укомплектованы экипажи кораблей, галер и брандеров.

В конце ноября к предстоявшему весной второму походу были вызваны стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы. В декабре в Москве было объявлено, чтобы охотники всяких чинов шли в Преображенское и записывались на службу под Азов. Охотников из числа крепостных являлось очень много, их записывали в солдаты и стрельцы, а семьи их отбирали от господ и переводили в село Преображенское[2].

На Яузе в селе Преображенском была устроена корабельная верфь, на которой готовились части 23 галер и 4 брандеров, доставленных

---

[1] ПиБ, т. I, № 78, стр. 57—58.

[2] *И. А. Желябужский.* Записки. СПб., 1840, стр. 60—62; *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. I, стр. 283—284; *П. О. Бобровский.* История лейб-гвардии Преображенского полка, т. I. СПб., 1900, стр. 281.

затем на верфь на реке Воронеже, в 15 верстах от впадения ее в Дон. Здесь производились сборка кораблей и спуск их на воду. Одновременно для работы на верфях были собраны 26 тыс. чел. из Белгородского полка[1]. К весне 1696 г. были построены 1300 стругов, 300 морских лодок и 100 плотов. В апреле было окончено сооружение 36-пушечного корабля «Апостол Петр».

План войны предусматривал совместные действия сухопутных и морских сил под Азовом, и Петр стремился устранить все недочеты и промахи, обнаружившиеся во время первого похода.

В конце февраля 1696 г. Петр выехал в Воронеж[2] и там руководил сборкой галер и снаряжением каравана судов. С конца марта в Воронеж стали прибывать назначенные в поход сухопутные войска со своими начальниками.

Армия, находившаяся под командованием боярина А. С. Шеина, состояла из 75 тыс. чел. В нее входили 37 конных рот (3817 чел.), укомплектованных из числа ратных людей московского чина, стольников, стряпчих, дворян и жильцов, 30 полков солдатского строя (38 тыс. чел.), 13 стрелецких полков, 6 полков украинских (15 тыс. чел.) и донских (5 тыс. чел.) казаков, 500 конных стрельцов и яицких казаков.

Солдатские и стрелецкие полки делились на три отряда под начальством П. И. Гордона, А. М. Головина и К. А. Ригемана[3]; кроме того, из «морского регимента» составлялись команды на морских судах — на двух кораблях или галеасах, 23 галерах и четырех брандерах[4].

Сборными пунктами для войска были назначены Валуйки, Тамбов и Воронеж, а к 1 мая армия должна была собраться к Черкасску, откуда идти на судах к Азову.

Суда с войсками двинулись 23—26 апреля 1696 г. «плавным путем» по Воронежу и Дону. 3 мая выступила в поход галерная флотилия.

Наличие флота с самого начала оказало влияние на ход военных действий. При входе турецких судов с подкреплением в устье Дона казаки напали на них, отогнали гребные суда и сожгли турецкие грузовые суда[5]. Это была первая морская победа, хотя и одержанная не военным флотом, а казаками на их лодках. Празднуя ее, Петр вывел 27 мая всю флотилию в море и отметил это событие пушечной пальбой. Вслед за этим русская флотилия заперла для осажденного гарнизона Азова выход в море и лишила его помощи турецкого флота. Одно из важнейших препятствий для успешной осады было теперь устранено.

---

[1] Местность, простиравшаяся от Тулы до Изюма и от Курска до Тамбова; в нее входили части позднейших губерний Тульской, Орловской, Курской, Воронежской и Тамбовской.

[2] ПиБ, т. I, № 72, стр. 54.

[3] «Поход боярина... Алексея Семеновича Шеина к Азову...». СПб., 1773, стр. 1—2.

[4] Из двух строившихся кораблей один к походу готов не был.

[5] *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк русской морской истории, ч. I. СПб., 1875, стр. 91—92.

В течение мая и в начале июня войска сосредоточивались в Черкасске и под Азовом.

Уже на четвертый день от начала осады энергично поведенные траншейные работы и установка артиллерии позволили осаждающим войскам подойти к крепости на ружейный выстрел. Крымские татары, напавшие 10 июня на лагерь, были отбиты и преследуемы русской конницей на протяжении десяти верст до речки Кагалника.

14 июня на взморье против устья Дона появился и бросил якоря турецкий флот в составе 23 судов с войсками в 4 тыс. чел. для оказания помощи Азову. Но как только русская флотилия стала сниматься с якорей, турки подняли паруса и ушли в море[1]. Таким образом, попытка турок послать в устье Дона десант не увенчалась успехом.

В процессе осадных работ войска к середине июля соорудили подвижной вал. Он был подведен близко к крепостному валу и даже превосходил его по высоте, так что можно было стрелять с него по крепости сверху вниз. Артиллерия причиняла большие разрушения Азову.

Изолированный гарнизон крепости не мог рассчитывать на подкрепление. 17 июля часть наружного вала крепости перешла в руки атакующих русских войск. Тогда турки вступили в переговоры о сдаче. 18 июля 1696 г. Азов был занят русскими, а на следующий день, 19 июля, вышел из него турецкий гарнизон. Турецкие офицеры передали свои знамена боярину А. С. Шеину[2]. 21 июля сдался форт Лютик. В сдавшейся крепости и в форте было захвачено 136 орудий.

Взятие Азова было большим успехом. Надо вспомнить, что еще за полвека до того, в 1642 г., московское правительство отказалось принять его у захвативших Азов казаков по недостатку финансовых средств и военных сил для его удержания. После занятия Азова Петр I в сопровождении командования войск совершил выход в море, чтобы отыскать удобное место для устройства гавани и стоянки военного флота, так как выход из Азова донскими рукавами затруднялся вследствие мелей и был возможен только при противном ветре, когда подымался уровень воды в устье Дона. Было выбрано для гавани просторное глубокое место у высокого скалистого мыса Таганрог.

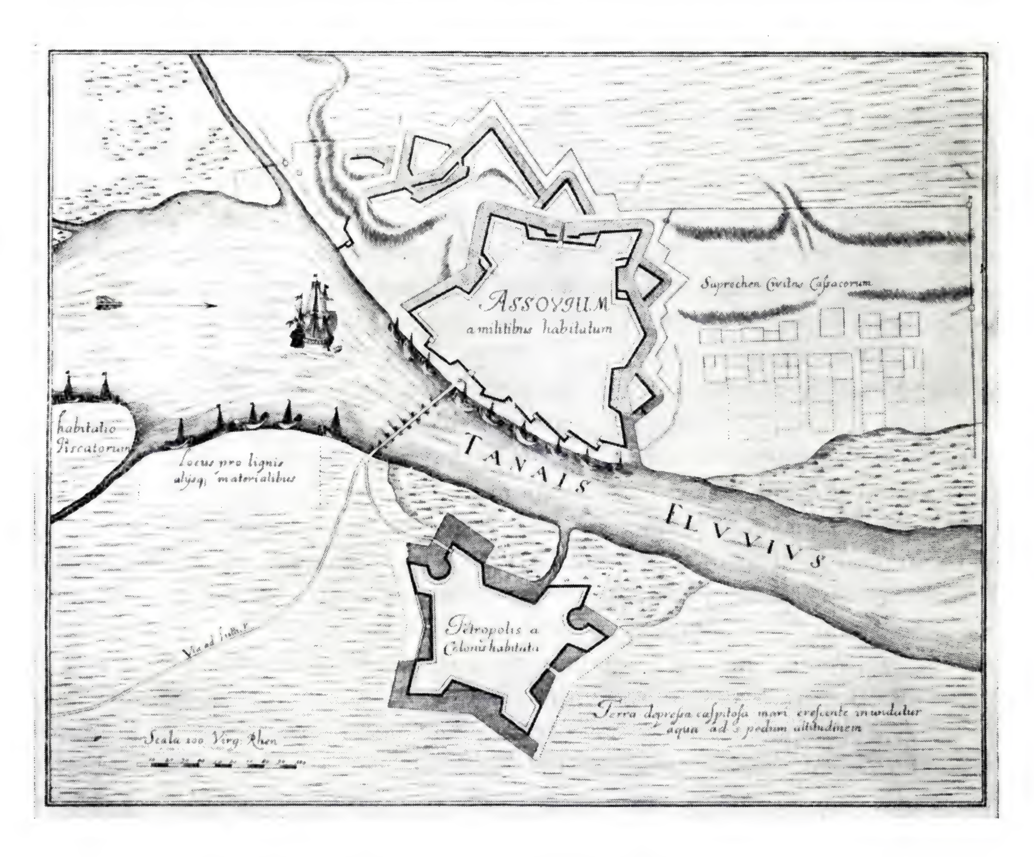
30 сентября войска возвратились в Москву, пройдя торжественным маршем через весь город. В Боярской думе рассматривался вопрос о заселении Азова и о постройке флота для Азовского моря. Большая судостроительная программа требовала громадных средств и введения новых повинностей. К заседанию думы Петр I составил записку: «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фартецыи от турок Азова»[3]. В них он предупреждал, что борьба не закончена и что неприятель, «паки прежнего гордостию взнявся, паче прежнего воевати будет».

---

[1] ПиБ, т. I, № 100, стр. 78.

[2] Там же, № 111, стр. 93—94.

[3] Там же, № 125, стр. 111—113.

План Азова с прилегающими к нему укреплениями.
Гравюра из «Дневника» И. Корба 1698—1699 гг.

Для продолжения войны нужен флот в 40 и более судов. Для этого наступил благоприятный момент, «понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда так к нам блиско на юг не бывала: блажен, иже иметца за власы ее»,— образно писал Петр об обстановке, создавшейся на юге после взятия Азова.

На заседании Боярской думы 4 ноября был установлен двухлетний срок для постройки военно-морского флота. Духовные землевладельцы, патриарх, архиереи и монастыри должны были выстроить в этот срок по одному кораблю с полным снаряжением и вооружением с каждых 8000 числившихся за ними крестьянских дворов. На светских землевладельцев была возложена обязанность соорудить по одному кораблю с каждых 10 000 крестьянских дворов, причем новая повинность заключалась не только в постройке, но и в содержании вновь построенных кораблей. Дворяне, имевшие меньше 100 дворов, освобождались от строительства флота своими силами и должны были вносить вместо того по полтине с крестьянского двора. Тогда же было принято постановление о заселении Азова.

Гарнизон крепости должен был состоять из 6000 чел. московских стрельцов и пехоты из низовых городов. Одновременно было решено направить на строительство города и гавани в Таганроге 20 000 чел. из украинных городов.

С сооружением большого флота на Азовском море Россия из континентального государства становилась морской державой. Речь шла о военном флоте из морских кораблей, предназначавшемся для борьбы с Турцией и Крымом и для обеспечения будущего русского торгового мореплавания на Азовском и Черном морях. Во время второго Азовского похода было положено начало воронежскому строительству судов, опыт которого впоследствии использовали для сооружения Балтийского флота.

Оборона приобретенного края требовала еще новых военных усилий. В июне следующего 1697 г. Азов подвергся нападению 27-тысячного отряда крымских татар и ногайцев. Русский корпус во главе с А. С. Шеиным, оберегавший Азов, дал сражение, нанес сильный урон нападавшим и вынудил их отступить. На море казаки на лодках имели стычку с турецкими галерами[1]. Эти события показывали, что Турция не примирилась с потерей Азова.

Взятие Азова явилось крупнейшим военным и внешнеполитическим успехом. Вместе с тем Азовские походы показали настоятельную необходимость организации в России регулярной армии, так как они выявили высокие боевые качества новых регулярных войск и отсталость старых воинских частей. Реорганизацией военной системы энергично занялись вскоре после взятия Азова. Первый опыт совместных действий сухопутных войск и флота, осуществленных в 1696 г. при взятии Азова, был затем успешно развит во время Северной войны, в Финляндской кампании 1712—1714 гг. и позднее во время русских десантных действий на побережье Швеции.

* * *

Две задачи возникли перед Россией в связи со взятием Азова: сооружение военного флота для Азовского моря и создание коалиции для продолжения борьбы с Турцией в целях открытия выхода из Азовского моря в Черное. Приобретение порта на Азовском море, запертом турецкой крепостью Керчью от Черного моря, не решало еще задачи выхода к южным морям. Для осуществления этой задачи было необходимо продолжать борьбу с Турцией, а для этого — укрепить и расширить антитурецкую лигу. Момент для этого был подходящий: в Западной Европе война коалиции в составе Англии, Голландии и Империи против Франции приближалась к концу, и русская дипломатия могла рассчитывать привлечь к активным действиям против Турции освобождавшиеся имперские войска.

[1] *С. И. Елагин*. История русского флота. СПб., 1864, стр. 102—103.

Еще после первого Азовского похода в Вену был отправлен посланником К. Н. Нефимонов с поручением заключить с императором наступательный союзный договор против Турции. Но австрийское правительство медлило с переговорами и настаивало на участии в них всех союзников. Тогда был привлечен к переговорам венецианский посланник в Вене Рудзини. После десяти конференций 29 января (8 февраля по н. с.) 1697 г. был заключен трактат между Россией, Австрией и Венецией о наступательном союзе против «общаго неприятеля турков и татар», о войне с ними на суше и море. Договор включал статьи о взаимной военной помощи, о действиях с «общего совета»; союз был заключен на три года [1]. Этот трактат, заключенный с огромным трудом, не получил большого значения. Но он показателен для тех целей, которые ставило перед собой русское правительство накануне отъезда Петра вместе с «великим посольством» за границу.

Великое посольство должно было решить задачи укрепления и расширения союза против Турции, кроме того, посольству вменялись в обязанность наем матросов, капитанов, корабельных и артиллерийских мастеров и ремесленников, заказ пушек, закупка снастей и инструментов [2].

С тремя великими послами, Ф. Я. Лефортом, Ф. А. Головиным и П. Б. Возницыным, отправлялись в путь больше 110 чел. дворян и всяких должностных лиц и служителей с их прислугой. К посольству был присоединен отряд волонтеров в составе 35 чел., отправлявшихся изучать морское дело. В предисловии к Морскому регламенту, написанному в конце царствования Петра и при его участии, Петр вспоминает, как началось в 1696 г. строение кораблей и галер на реке Воронеже, и добавляет: «И дабы то вечно утвердилось в России, умыслил искусство дела того ввесть в народ свой, и того ради многое число людей благородных послал в Голландию и иные государства учиться архитектуры и управления корабельного» [3].

В составе посольства ехал и Петр I. Выезд царя за пределы России являлся небывалым событием. Об отъезде Петра официально не сообщалось, он хотел сохранить инкогнито и, руководя деятельностью посольства, не принимал на себя представительства, требовавшего соблюдения стеснительного этикета, а ехал под именем Петра Михайлова. Весь состав посольства, включая солдат Преображенского полка, достигал почти 250 чел.[4]

Передовой отряд выступил из Москвы 2 марта 1697 г., а Петр со всем посольством выехал через неделю, 9 марта.

---

[1] *Ф. Ф. Мартенс.* Указ. соч., т. I, стр. XXII—XXIII, стр. 13 и сл.

[2] ПиБ, т. I, № 140, стр. 135—137.

[3] *Н. Г. Устрялов.* Указ. соч., т. II, приложения, стр. 400.

[4] Позднее в пути из Пруссии было возвращено домой 49 чел. *М. М. Богословский.* Петр. I, т. II, М., 1941, стр. 95.

В Риге шведские власти встретили посольство неприветливо и запретили осмотр крепости, что вызвало недовольство Петра. Об этом впоследствии он напомнил при объявлении войны шведам. Из Риги поехали в Курляндию.

В Митаве он вел переговоры с курляндским герцогом Фридрихом-Казимиром—вассалом польского короля — о союзе против турок[1].

Остановившись в Кенигсберге, Петр изучал артиллерийское дело и вел переговоры с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III о подтверждении дружбы и развитии торговых отношений[2].

В результате этих переговоров в июне 1697 г. был подписан договор между Россией и Бранденбургом[3]. Договор подтверждал старинную дружбу между двумя государствами и предусматривал установление свободы торговых сношений между ними. В договор не были включены статьи об оборонительном союзе и статьи, гарантирующие Бранденбургу владение Пруссией, хотя устное соглашение об этом было достигнуто. В существовавшей обстановке Петр считал неудобным вносить в текст договора эти статьи, которые могли возбудить подозрения со стороны Швеции.

Из Бранденбурга посольство направилось в Голландию, а Петр задержался некоторое время в Пилау в связи с выборами в Польше короля, имевшими большое значение для внешнеполитических планов русского правительства. Из кандидатов, боровшихся за престол Речи Посполитой, бурбонского принца Конти поддерживала Франция, а саксонского курфюрста Фридриха-Августа — русская дипломатия. Русское правительство считало неприемлемым французского кандидата, который вел бы в Польше, согласно указаниям Версаля, дружественную Турции политику.

На выборах короля, происходивших 17 июня, голоса разделились, но большинство провозгласило королем саксонского курфюрста Фридриха-Августа под именем Августа II. Все же положение оставалось неопределенным, так как, согласно известиям, полученным из Варшавы, «стоят одне при Деконтии (Де-Конти.—*Ред.*), другие при курфистре, и которая сторона силняе будет, тому впредь время покажет»[4].

Голландия, куда направлялось посольство, являлась, по словам Маркса, «образцовой капиталистической страной XVII столетия...»[5] Она была великой морской державой; из 20 000 торговых кораблей, которые имелись в европейских странах в конце XVII в., 16 000 принадлежали

---

[1] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», т. VIII. СПб., 1867, стб. 780; *Klopmann*, Aufenthalt Peters I in Kurland 1697. Arbeiten der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst, II Theil, Mitau, 1847, S. 47.

[2] «Памятники дипломатических сношений», т. VIII, стб. 814, 823, 828.

[3] *М. М. Богословский*. Указ. соч., т. II, примеч. 2, стр. 96.

[4] «Памятники дипломатических сношений», т. VIII, стб. 875.

[5] *К. Маркс*. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 755.

голландцам. Флот позволил им вести широкую захватническую колониальную политику в Азии, Африке и Америке, обогащавшую голландскую буржуазию. Однако уже начинался закат ее господства на морях, и первая роль стала переходить к Англии. Голландский штатгальтер Вильгельм Оранский стал в 1688 г. английским королем под именем Вильгельма III, и путем личной унии был достигнут союз двух морских государств для борьбы против Франции.

Ф. А. Головин. Портрет маслом неизвестного художника начала XVIII в.
Государственный Исторический музей.

К приезду великого посольства в Голландию там собрался в Рисвике близ Гааги международный конгресс для выработки договора, который должен был завершить войну против Франции. Русское посольство могло воспользоваться предстоящей встречей с видными западноевропейскими дипломатами для укрепления коалиции против Турции.

Часть посольства (12 чел.) направилась в Амстердам, а Петр поехал в Заандам, где строились всевозможные суда от больших кораблей до мелких барок. Здесь он осматривал верфи и мануфактуры и затем переехал в Амстердам, где стал работать вместе с волонтерами на верфи Ост-Индской компании. Но и тут он продолжал следить за международными отношениями, в частности за переговорами на Рисвикском конгрессе, достигшими в августе 1697 г. критического момента и находившимися перед угрозой срыва.

В Утрехте 1 сентября 1697 г. произошло свидание Петра с голландским штатгальтером и английским королем Вильгельмом III, который был душой антифранцузской коалиции. Во время этой встречи обсуждались также польские дела, причем Петр обещал оказать поддержку войсками новому польскому королю Августу II [1].

[1] Сб. РИО, т. 20, стр. 1.

Великое посольство подчеркнуло свое нерасположение к Франции, не известив ее посольство о своем прибытии в Гаагу[1]. Это было вызвано дипломатической поддержкой, которую Франция оказывала Турции против антитурецкой лиги, и выдвижением в Варшаве кандидатуры принца Конти на польский престол.

В связи с польскими делами великое посольство сносилось с послом Августа II в Гааге Х. Бозе, который настаивал на оказании Августу II помощи 60-тысячным русским отрядом, уже стоявшим у литовской границы. Русские послы требовали представления письменной просьбы о военной помощи от короля, сенаторов и всей Речи Посполитой, чтобы ввод русских войск в Польшу не рассматривался, как нарушение вечного мира между Русским государством и Польшей[2]. Эта позиция русской дипломатии показывает осторожность ее тактики и твердость в основных установках. Вопрос об оказании помощи Августу II был разрешен в начале октября 1697 г. Тогда была отправлена царская грамота М. Г. Ромодановскому с приказанием вступить с русскими войсками в литовские земли тотчас по получении об этом требования от Августа II для оказания ему помощи против принца Конти и его сторонников в Польше[3].

Переговоры с голландским правительством шли безуспешно. Посольство соглашалось предоставить Голландии льготы по транзитной торговле через Россию с Персией. Но голландское правительство решительно отказало России в помощи корабельными припасами в войне против Турции, ссылаясь на истощение казны в результате длительной войны против Франции, потерю Голландией военных и торговых кораблей и опустошение запасов морского снаряжения. Подлинной причиной отказа являлось нежелание Голландии после подписания мира с Францией оказывать России поддержку в ее войне против французской союзницы Турции и вместе с тем опасение голландцев за их средиземноморскую торговлю в случае военных действий против турецкого султана[4].

Посольство занималось также приглашением опытных моряков и кораблестроителей на русскую службу. Оно предпочитало привлекать для этой цели славян и отправило в славянские земли капитана Г. Г. Островского для найма матросов и офицеров.

Переговоры с Голландскими штатами окончились неудачей: в этом сыграла роль враждебная России французская дипломатия. Ф. Я. Лефорт писал шведскому канцлеру Оксенштерну, что русскому двору известны происки Франции, добивавшейся от Швеции поддержки французского кандидата на польский престол. Лефорт указывал, что «надобно

---

[1] *G. Vernet.* Pierre le Grand en Hollande et à Zaandam dans les années 1697 et 1717, Utrecht, 1865, p. 94.

[2] Сб. РИО, т. 20, № 1, стр. 7.

[3] «Памятники дипломатических сношений», т. VIII, стб. 1023—1024.

[4] Там же, стб. 1051—1054.

Въезд великого посольства в Амстердам 16 августа 1697 г.
Рисунок и гравюра Мушерона начала XVIII в.

на то бодрое око иметь и хитрые их замыслы предварять»[1]. Для получения выхода к южным морям нужно было обеспечить фланги Русского государства на севере и западе, чем объясняется особый интерес, проявленный великим посольством к отношениям со Швецией и к деятельности иностранных дипломатов в Стокгольме. В дальнейшем это облегчило задачи русской дипломатии при решении балтийского вопроса.

Между тем фрегат, над сооружением которого Петр работал на верфи в Амстердаме, был спущен на воду 16 ноября в присутствии великих послов[2]. Это был первый корабль под русским флагом, появившийся в океане и отправленный в Архангельск.

В это время были получены известия о военном столкновении на южно-русских границах с турками, напавшими в низовьях Днепра на Таван и Казыкермен, которыми владели русские. Командовавший русскими войсками кн. Я. Ф. Долгорукий послал таванскому гарнизону два

[1] Там же, стб. 1067—1068.
[2] «Походный журнал 1697 г.». СПб., 1911, стр. 27.

полка, с помощью которых гарнизон выдержал осаду. В стычке с турками им было нанесено 10 сентября поражение, принудившее их отступить к Очакову. Дипломатическая деятельность великого посольства получила, таким образом, подкрепление со стороны вооруженных сил.

Основная цель пребывания посольства в Голландии, состоявшая в получении субсидии от Голландских штатов для организации флота и ведения с турками войны на море, достигнута не была, и послам пришлось ограничиться закупкой морского снаряжения и наймом персонала для флота.

7 января 1698 г. Петр с 15 волонтерами покинул Амстердам и направился в Англию для более глубокого изучения кораблестроения. Английское правительство искало сближения с Россией ввиду предстоявшего возобновления борьбы с Францией.

После пребывания в течение месяца в Лондоне Петр посетил другие города Англии (Дептфорд, Вулич, Портсмут), где изучал теорию кораблестроения, осматривал артиллерийские заводы, присутствовал на морских маневрах. В Англии набирали на русскую службу специалистов, среди которых были Джон Перри, приглашенный для прорытия канала между Волгой и Доном, математик Форварсон, которого пригласили для будущей навигацкой школы, и другие технические специалисты.

Закончив эти дела, Петр отправился 20 апреля на континент, где посольство продолжало свою дипломатическую деятельность, закупало корабельные припасы для будущего черноморского флота и приобрело большую партию оружия: 5000 фузей (ружей), 3200 багинетов (штыков), палаши, мушкетоны и пистолеты. В это время возникла угроза распада антитурецкой лиги вследствие стремления австрийцев к миру с Турцией.

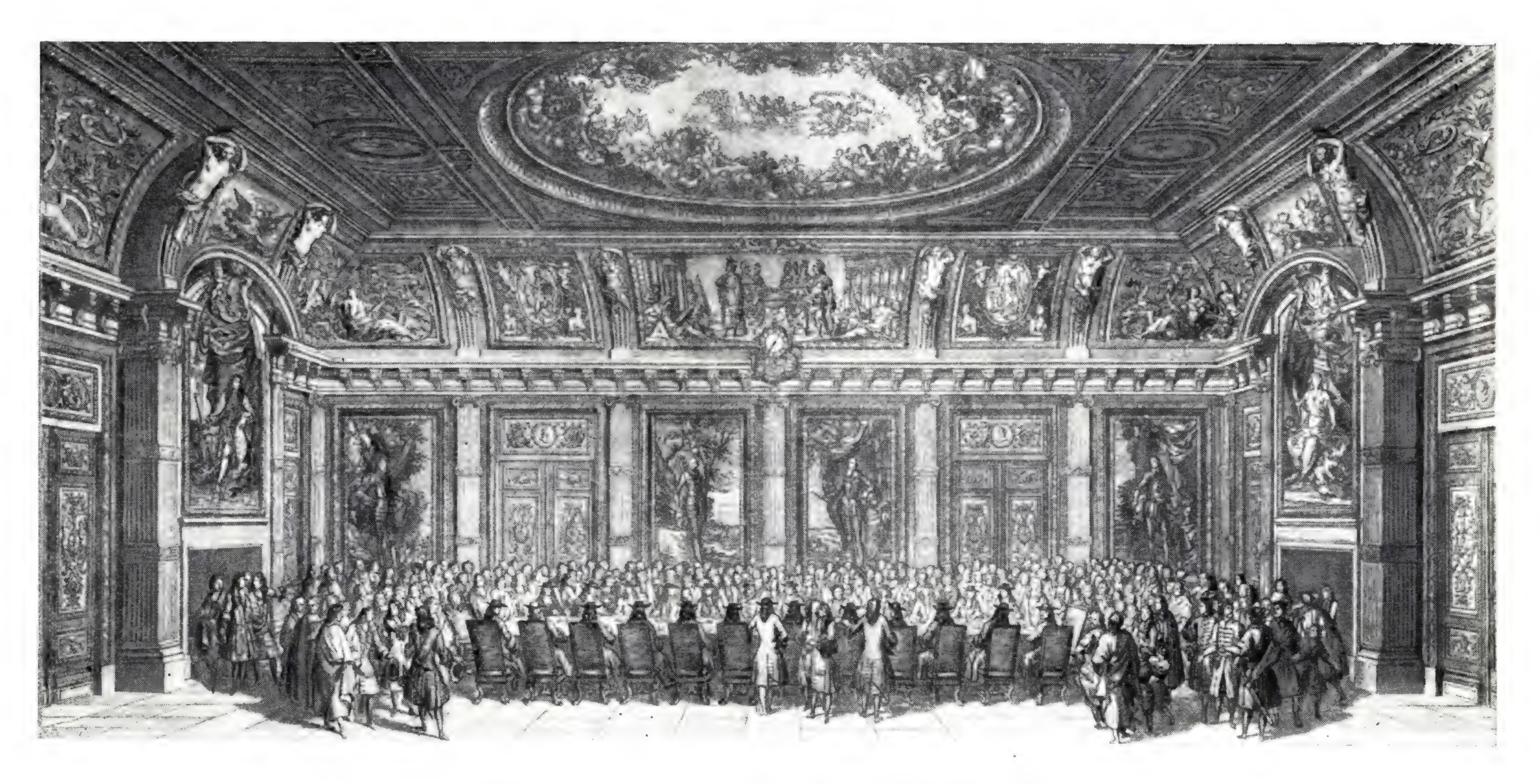
Причиной этого была предстоявшая война с Францией за испанское наследство, для вступления в которую император хотел иметь свободные руки. Русские решили всеми средствами препятствовать сепаратному австро-турецкому договору и просили, чтобы Август II оказал им поддержку в Вене.

Путешествие в Вену становилось ввиду этого для великого посольства настоятельно необходимым, и оно начало сборы к выезду из Голландии. Во время прощального визита амстердамских бургомистров к русским послам голландцы вынуждены были выслушать упреки за участие Голландских штатов в посредничестве между Турцией и Австрией.

В Вене, куда посольство прибыло 16 июня 1698 г., графу Кинскому, возглавлявшему ведомство иностранных дел, была послана записка с тремя краткими вопросами: Намерен ли император продолжать войну с Турцией или заключить с ней мир? Если император намерен заключить мир, то на каких условиях? Какие условия предлагает Турция при посредничестве английского короля и как будут обеспечены интересы союзников?[1]

---

[1] ПиБ, т. I, № 245, стр. 258.

Прием великого посольства в Гааге 25 сентября 1697 г.
Гравюра Маро начала XVIII в.

Русские вопросы были рассмотрены конференцией министров с участием венецианского посла в Вене Рудзини. Конференция предпочла задержаться с ответом и поставить русскую дипломатию перед совершившимся фактом. Ответ на вопросы был дан лишь после того, как австрийское правительство известило Константинополь о своем отношении к турецким предложениям. В ответе на вопросы Петра говорилось, что мир должен быть заключен на основании «uti possidetis», то есть на условии сохранения того, что уже завоевано, причем император выставил это требование от имени Австрии и ее союзников: России, Речи Посполитой и Венеции. Посредничество английского короля, утверждал Кинский, было принято до присоединения царя к союзу, о турецких предложениях союзники, включая и русских, были поставлены в известность[1].

Во время беседы с графом Кинским царь возражал против принципа «uti possidetis», положенного венским двором в основание переговоров с Турцией. Россия не могла признать себя удовлетворенной миром, заключенным по такому принципу. Без приобретения крепости на Черном море, которая обеспечивала бы Россию от турецкого нападения, она не может мириться с Турцией.

Кинскому были вручены в письменном виде статьи, содержавшие русские пожелания: для достижения прочного мира с Турцией надо уступить России Керчь, которая обеспечит страну от татарских и турецких нападений и устранит необходимость держать войска на южных русских границах; в случае отказа Турции удовлетворить это требование, война должна быть продолжена до 1701 г.; до этого срока можно рассчитывать на удовлетворение требований всех союзников[2].

В письменном австрийском ответе на русские статьи говорилось, что по вопросу о Керчи предвидятся непреодолимые трудности, поскольку турки «от того, чего они не потеряли, отступати не обыкли», то есть России предлагалось взять Керчь вооруженной рукой или отказаться от своего требования на нее. Относительно продолжения войны до 1701 г. было указано, что об этом можно будет договариваться после открытия мирного конгресса. Император соглашался без ведома царя ничего не предпринимать в турецких делах[3]. Великому посольству не удалось побудить императора отказаться от переговоров с Турцией и склонить его к продолжению борьбы с ней до удовлетворения требований России, и послы стали готовиться к отъезду в Венецию.

Великое посольство еще в Голландии просило посла Августа II, чтобы

---

[1] «Памятники дипломатических сношений», т. VIII, стб. 1340—1352; *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. II, стр. 480—481. Кинский утверждал, что Россия уведомлена о них через русского резидента в Варшаве, но так как царь, видимо, еще не получил соответствующего уведомления, то копии всей переписки по этому вопросу Кинский вручил послам.

[2] «Памятники дипломатических сношений», т. VIII, стб. 1358—1360.

[3] Там же, стб. 1363—1366.

последний прислал в Вену доверенное лицо для совместных с русскими послами переговоров с австрийским правительством в целях предотвращения австро-турецкого мира. В связи с этим Август II тайно прислал в Вену генерал-майора Карловича. Он сообщил, что польский король не доверяет императорскому двору. Переговоры с Карловичем в Вене способствовали сближению русской дипломатии с Августом II и последующей переориентации целевых установок внешней политики России с Черного моря на Балтийское.

Во время приготовлений к отъезду из Вены в Венецию 15 июля 1698 г. посольство получило почту из Москвы с известиями о стрелецком бунте. Ввиду этого Петр отменил путешествие в Венецию и решил спешно возвратиться в Москву. Лефорт и Головин уезжали с царем, а Возницын оставался в Вене для участия в конгрессе с турками.

Посольство выехало из Вены 19 июля и совершало свой путь с чрезвычайной быстротой, не останавливаясь даже для ночлега. В Кракове оно получило посланную вдогонку из Вены московскую почту со сведениями о подавлении восстания стрельцов.

А. Шеин и П. Гордон разбили стрелецкие полки под Воскресенским монастырем, не допустив их к Москве. Но Петр не изменил своего маршрута и продолжал путь, только замедлив темпы передвижения. Он прибыл 31 июля в Раву-Русскую в Западной Украине, где встретился с Августом II[1], шедшим с саксонскими войсками во Львов для дальнейшего движения к польской границе против татар. Во время этого свидания велись переговоры с Августом II в связи с наметившимся изменением в русской внешней политике.

Спустя год, в договоре Петра с Августом о Северном союзе против Швеции, заключенном 11 ноября 1699 г., было сделано прямое указание на эти переговоры в Раве. Во вступлении к нему сказано: «Мы при самом персональном разговоре с наияснейшим... Августом II... намеряли имети войну обще против короны свейской за многие их неправды».

Однако пока мир с Турцией не был заключен, нельзя было приступить к борьбе со Швецией. Возницын, оставшийся в Австрии, писал Петру: «буде турком Азов и поднепрские городы отдать, а хану казна, то тот мир всегда не ушел... А я как здесь вижу, естли б дойтить до Дуная, не токмо тысячи,.тмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают»[2]. Таким образом, внимание русской дипломатии в борьбе против турок уже обращалось к христианскому населению Турции.

25 августа посольство прибыло в Москву. Полуторагодичное путешествие Петра I и деятельность великого посольства имели важные дипломатические последствия. Выяснилась непрочность антитурецкой лиги, невозможность укрепить ее при предстоявшем новом столкновении

[1] «Походный журнал 1698», СПб., 1853, стр. 32.

[2] ПиБ, т. I, примечание к № 253, стр. 746.

императора и морских держав с Францией. Но, главное, русские дипломаты привезли с собой новые планы для решения первоочередной задачи выхода к морю.

Однако до того, как приступить к решению этой задачи, предстояло еще урегулировать отношения с Турцией. Для участия в конгрессе союзников с Турцией был назначен П. Б. Возницын. Он оставался в Вене после отъезда великого посольства в Москву и пытался склонить австрийское правительство к общим действиям с Россией, настаивая на заключении между союзниками предварительного соглашения об условиях будущего мира. Возницын ссылался на союзный договор 1697 г., который обязывал его участников заключать мир с турками сообща. Австрийцы в лице канцлера графа Кинского и вице-канцлера графа Кауница уклонялись, однако, от выполнения союзных обязательств и предоставляли каждому из союзников вести на будущем конгрессе отдельные переговоры с турками, основываясь на принципе «uti possidetis». Этот принцип вполне обеспечивал интересы Австрии, которая приобрела от Турции обширные территории, но Россия, сделавшая большие приготовления и истратившая огромные средства для продолжения войны, не могла удовлетвориться Азовом и днепровскими крепостями, занятыми ею. Мир на ее южных границах и выход в Черное море могли быть обеспечены только получением Керчи. На этом условии настаивал Возницын перед союзниками, отказавшимися поддержать русские требования[1]. Возницын напрасно напоминал назначенным на конгресс австрийским уполномоченным и венецианскому послу о помощи, оказанной союзникам Россией, войска которой принимали на себя удары турок, вследствие чего «...неприятелю недосужно было к ним ходить, но обращал все свои силы против войск царского величества»[2]. В течение августа и сентября Возницын убедился в том, что австрийцы путем тайных переговоров уже подготовили будущий мир с Турцией, что польский король Август II добивается только приобретения для Польши Каменца и что Венеция идет на поводу у Австрии в отношении мира с турками, и на совместные с ними действия рассчитывать не приходится.

Мирный конгресс открылся в середине октября 1698 г. Возницын, австрийцы — граф Эттинген и барон Шлык, венецианец Рудзини и польский посол Малаховский собрались под Карловицем близ Белграда для переговоров с турецкими представителями рейс-эфенди Рами-Магметом и Маврокордато. Возницын делал неоднократные попытки отклонить посредничество англичанина Пэджета и голландца Кольера, которое приняли союзники, но вынужден был, однако, согласиться на участие посредников.

Уклониться от участия в конгрессе для России было невозможно, так как это привело бы к возобновлению войны с укрепившейся Турцией,

---

[1] «Памятники дипломатических сношений», т. IX. СПб., 1868, стб. 43—57.

[2] Там же, стб. 115.

причем Россия оказалась бы без союзников, стремившихся за ее счет обеспечить свои приобретения. Возницын выработал проект русско-турецкого мира, по которому Россия сохраняла Азов и приднепровские городки Таван, Казыкермен, Гарсланкермен и Шангирей, а в возмещение за убытки, причиненные татарскими нападениями, получала Керчь. Кроме того, по проекту Возницына, к России переходило покровительство в делах веры над православным населением Турции и христианскими святынями в ее пределах[1]. Это составляло новый момент в истории русско-турецких отношений. Эти условия, особенно требование уступки России Керчи и приднепровских городков, были неожиданными для турецких уполномоченных, которые готовы были в результате сепаратных переговоров с Веной удовлетворить австрийские, но не русские требования. «И когда турские послы то услышали, в великое изумление пришли и вдруг во образе своем переменилися, и, друг на друга поглядя, так красны стали, что болши того невозможно быть, и не мало время молчав и с собою шептав, говорили, что они того не чаяли...», записано Возницыным в Статейном списке посольства[2]. Несмотря на решительный отказ турок удовлетворить русские требования, Возницын решил настаивать на сохранении Азова и приднепровских городков и рекомендовал Петру не ослаблять приготовлений для продолжения войны[3].

Твердость русского представителя на конгрессе вместе с известиями о военных приготовлениях России принудили турок признать переход Азова к России. Возницын, со своей стороны, отказался от требования Керчи, но оставался тверд в отношении приднепровских городков. Он говорил: «я не токмо города уступить, и единого камня свалить не могу...»[4]

Наконец, предложение Возницына заключить вместо мира краткосрочное перемирие спасло положение. Турки настаивали, чтобы после заключения перемирия русские представители прибыли в Константинополь для заключения «вечного мира». Возницын отказывался предрешать этот вопрос. Тогда англичанин Пэджет потребовал принятия английского посредничества, конечно, имея в виду интересы турок. Английский представитель советовал туркам требовать от русских запрещения строить и ремонтировать крепость. Видя «его наглость и делу поруху», Возницын решительно отверг все его притязания и потребовал от голландского посредника, чтобы он призвал к порядку своего английского коллегу.

Договор России с Турцией о перемирии был подписан 14/24 января 1699 г. обеими сторонами. Он устанавливал перемирие на два года и взаимное обязательство о ненападении. Вопрос о границах оставался открытым до будущего мирного договора, способ заключения которого не предре-

---

[1] «Памятники дипломатических сношений», т. IX, стб. 235—236, 238—239.

[2] Там же, стб. 258.

[3] Там же, стб. 276.

[4] Там же, стб. 326.

шался. Задняя мысль союзников, — удовлетворив свои требования, оставить Россию в одиночестве продолжать борьбу с Турцией, — не была реализована. Россия вышла из войны, фактически обладая Азовом, Таганрогом и днепровскими городками и сохранив свободу для дальнейших переговоров.

Через два дня после Возницына подписали свои договоры с Турцией остальные участники конгресса. Польша заключила вечный мир, по которому она приобрела Подолию с городом Каменцом. Австрия, заключившая 25-летнее перемирие, получила из всех союзников наибольшие приращения: Трансильванию, Венгрию и часть Славонии между реками Дунаем, Дравой и Савой. Венецианская республика приобрела по своему прелиминарному договору с Турцией полуостров Морею. При этом северный берег Коринфского залива оставался за Турцией. В Далмации, тоже переходившей к Венеции, турки сохраняли территорию для сообщения с приморской Рагузой, вследствие чего венецианская Далмация разделялась на две не сообщающиеся между собой части. Кроме того, к Венеции отходили из Ионических островов остров Левкада, а из островов Архипелага — Эгина.

Для России основное значение Карловицкого перемирия заключалось в том, что ей удалось отвратить опасность единоборства с Турцией в тот момент, когда перед ней выдвигалась новая задача — борьба за выход на Балтийское море. Россия сохраняла Азов в устье Дона и днепровские городки, открывавшие перед ней перспективу укрепления на Черном море. Русская дипломатия проявила на конгрессе твердость и настойчивость в решении своих первоочередных задач.

Но Карловицкое перемирие предстояло еще превратить в постоянный мир. Для переговоров о мире было решено отправить в Константинополь начальника Посольского приказа, думного дьяка Емельяна Ивановича Украинцева, родом из провинциальных дворян, и дьяка Ивана Чередеева, служившего до того подьячим Малороссийского приказа.

В июле 1699 г. П. Б. Возницын приехал в Азов, где под руководством находившегося там Петра были составлены два наказа посольству, официальный и секретный, для предстоявших переговоров. Украинцеву предписывалось заключить мир или перемирие на 25 лет или больше на условии сохранения за Россией Азова, а также Казыкермена и других днепровских городков и отмены ежегодных выплат крымскому хану.

Русские послы отправлялись из Азова морем на военном корабле «Крепость». Его сопровождала эскадра из десяти кораблей. На одном из них находился Петр. Корабли задержались в Керчи, потому что турки требовали, чтобы посольство ехало в Константинополь сухим путем. В этом им было решительно отказано, так как прибытие Украинцева в турецкую столицу на военном судне должно было иметь важное политическое значение и наглядно показать туркам новую роль России на море. «Крепость» ушла из Керченского пролива в Черное море (28 августа), а сопровождавшая ее эскадра во главе с Петром вернулась в Азов.

Корабль «Крепость». Изображение, помещенное на рукописной карте с наброском северо-восточной части Азовского моря, Керченского пролива и Босфора, составленным штурманом «Крепости» X. Отто.

Библиотека АН СССР в Ленинграде.

Русский корабль 6 сентября подошел к Константинополю и вызвал сенсацию и страх у турок и проживавших там иностранцев, недоверчиво относившихся к слухам об успехах русского кораблестроения. Султан и великий визирь приезжали взглянуть на «Крепость». По турецкой столице пошли толки о скором прибытии целого русского флота и толки эти усугублялись пушечной пальбой с «Крепости», раздававшейся по разным торжественным поводам и вызывавшей панику в султанском дворце.

В ноябре 1699 г. начались мирные переговоры. Турки сразу высказались за заключение постоянного мира, но не отказывались и от длительного перемирия; в итоге был установлен 30-летний срок действия договора. Самым сложным вопросом оказался территориальный, и его турки желали обсудить в первую очередь. Русская сторона отказывалась сначала даже от обсуждения вопроса об Азове и днепровских крепостях, считая их неотъемлемой частью России, подтвержденной за ней Карловицким перемирием.

Е. И. Украинцев предлагал вести переговоры о распространении постоянного мира на Крым и другие татарские орды, подвластные Турции,

об отмене ежегодных платежей крымскому хану, о размене пленных, об отдаче грекам христианских святынь в Иерусалиме и о свободе православного вероисповедания во владениях султана, то есть согласно своему наказу он пытался разрешить вопросы, остававшиеся открытыми после Карловицкого конгресса. В отношении границ он настаивал на сохранении за Россией Азова и Казыкермена с другими днепровскими городками и считал, что этот вопрос не подлежит обсуждению. Но именно на этом территориальном вопросе сосредоточились переговоры в Константинополе, так как турки возражали против принципа, принятого в Карловицах, и, оставляя за Россией Азов, превратили Казыкермен в камень преткновения. Длительные споры завершились только в марте следующего года, когда Украинцев получил в Константинополе инструкции согласиться на уступки в вопросе о днепровских городках, чтобы ускорить заключение мира[1]. Русская сторона согласилась на возвращение днепровских городков Турции, но в разоренном виде, то есть со снятием всех их укреплений. Это была уступка, ценой которой покупался необходимый длительный мир с Турцией.

Россия сохраняла Азов и для этого отказывалась от своих приобретений в устье Днепра, лишалась здесь подступа к Черному морю и опорного пункта против Крыма с запада. Но зато Азов являлся опорным пунктом с востока от Крыма. Границей приазовских земель с крымской стороны была определена река Миус, а с кубанской турки соглашались уступить территорию на один пушечный выстрел, то есть не более версты, в то время как Украинцев требовал уступку территории по реку Кубань. После многократных заседаний обе стороны согласились на переход к России территории с кубанской стороны от Азова на 10 часов конной езды.

Ежегодные платежи России Крыму были отменены, разрешен был вопрос об обмене пленных, но открытым остался вопрос о передаче грекам иерусалимских святынь и о вероисповедных правах православного населения Турции. Большие споры возникли относительно русского торгового мореплавания по Черному морю, против которого возражали турки.

Чтобы не затягивать переговоры по этому вопросу, Украинцев согласился на плавание русских кораблей только до Керчи. Неуступчивость Турции объяснялась, с одной стороны, слухами о начале войны России со Швецией, которые, опережая события, исходили от иностранных посольств в Константинополе, а с другой — противодействием английского и голландского послов долгосрочному русско-турецкому договору. Стремясь связать России руки в Константинополе, Англия и Голландия надеялись предотвратить столкновение ее со Швецией, которое шло вразрез с их интересами ввиду предстоявшей им войны с Францией за испанское наследство. Украинцев прямо писал царю, что «послы английский и

---

[1] *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. IV. М., 1948, стр. 165—166.

голландский во всем держат крепко турскую сторону, и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю»[1].

Переговоры с Турцией затянулись на девять месяцев, несмотря на все усилия русской стороны быстрее привести их к успешному концу. Петр готов был на серьезные уступки для обеспечения южных границ России и получения свободы действия на севере. Еще в феврале 1700 г. он писал Украинцеву: «Толко конечьно учини мир: зело, зело нужно»[2]. В итоге настойчивых усилий Украинцева 3 июля 1700 г. состоялся размен трактатов, а 8 августа гонцы с известием о заключении мирного договора прибыли в Москву. Россия, развязав себе руки на юге, получила возможность приступить к решению задачи выхода к Балтийскому морю.

Заключение мирного договора с Турцией завершило определенный этап борьбы русских вооруженных сил и дипломатии с Турцией за овладение берегами Азовского и Черного морей. С этой целью были организованы два Азовских похода, последний из которых завершился присоединением к России Азова. Однако овладение Азовом еще не открывало выхода России на морские просторы, так как Азовское море было заперто Керчью, принадлежавшей Турции. Но изменившаяся международная обстановка делала нецелесообразным продолжение борьбы на юге. На первый план выдвигается задача борьбы за выход к Балтийскому морю.

2

ПЕРВЫЕ ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И ПОЛТАВСКАЯ БИТВА (1700 — 1709)

На рубеже XVII—XVIII вв., накануне Северной войны, Россия занимала в Европе видное международное положение, обусловленное рядом факторов — экономических и политических. Прежде всего роль России в европейских делах была связана с важнейшими для нее русско-польскими, русско-шведскими и русско-турецкими отношениями.

Важным экономическим фактором международного значения являлась торговля России с Западной Европой и с восточными странами. Англия и Голландия получали из России кораблестроительные материалы — лес, смолу, пеньку, поташ, вывозили юфть, сало, воск, шелк-сырец, хлеб. Голландцы, вытесняемые английскими навигационными актами 1651 и 1665 гг. из американской торговли, стремились усилить свое влияние на Балтийском и Белом морях. Но торговля с Россией была слишком важна и для англичан.

Война за испанское наследство ускорила строительство английского военного флота. Кроме того, усилившийся еще с конца XVII в.

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 3, стб. 1234.

[2] ПиБ, т. I, № 294, стр. 333.

шведский протекционизм повлек за собою ухудшение условий, на которых английские купцы закупали в Швеции лес, смолу и железо. Старания англичан укрепить свои торговые позиции в России не остались безуспешными. Если в 1697 г. из 50 пришедших в Архангельск кораблей было шесть-семь английских, то через десять лет, в 1708 г., в Архангельск пришли 50 голландских судов и 68 английских. В целях расширения торговли с Россией в Англии была реорганизована старинная компания для торговли с Россией (Russian или Moscovy Company), и русским купцам, закупавшим английские товары, были предоставлены долгосрочные кредиты. Через Россию проходили пути транзитной торговли с Персией.

Торговля с Россией, помимо экономического, имела и большое политическое значение. Торговые интересы не раз оказывали сдерживающее влияние на проявление враждебности Англии. Еще больше была заинтересована в сохранении дружеских отношений с Россией голландская республика. Голландия нуждалась в привозном русском хлебе, для закупки которого нужно было ежегодно испрашивать особые разрешения русского правительства. Значительная группа богатых амстердамских купцов была тесно связана с Россией своими торговыми делами. Большое значение имело и англо-голландское соперничество, никогда не прекращавшееся и только временно отступившее на второй план перед общими интересами в борьбе с Францией. Видные голландские государственные деятели, как амстердамский бургомистр Н. Витзен, понимая значение русско-голландской торговли, оказывали услуги России. В этом они видели и один из путей, ведущих к преодолению английского господства[1].

Англо-голландский блок в северном вопросе никогда не был крепко спаянным. Терявшая свое первенство в области торговли и мореплавания Голландия испытывала еще более сильную, чем Англия, потребность в экономических и политических связях с Россией.

Основное противоречие, присущее Западной Европе того времени, заключалось в том, что политическое первенство принадлежало не передовым западноевропейским странам — Англии и Голландии, уже пережившим ранние буржуазные революции, а феодальной Франции. Стараясь удержать за собой первенствующее положение, французский абсолютизм прибегал к агрессии, и непрестанные войны заполнили продолжительное царствование Людовика XIV. В этой борьбе новые противоречия между морскими державами и Францией переплетались со старыми феодальными австро-французскими распрями. Во второй половине XVII в. в Западной Европе неоднократно создавались антифранцузские коалиции, главными участниками которых были Австрия и Голлан-

[1] *М. М. Богословский.* Петр I, т. II. М., 1941, стр. 123—124, 146—148, 162, 422—424 и др.; *P. I. Blok.* Geschichte der Niederlande vol. V. Gotha, 1912, S. 541, 562—563; *D. R. Reading.* The anglo-russian commercial treaty of 1734. Лондон, 1938, p. 33—35

дия, ближайшие соседи Франции; в конце века к ним присоединилась Англия. Острота конфликта была так велика, что временно отступили на второй план как англо-голландское соперничество, так и австро-голландские противоречия. В войне за испанское наследство 1701—1714 гг. основными участниками выступали Франция, с одной стороны, Англия, Голландия и Австрия, с другой. После окончания этой войны первенствующая роль в политической жизни перешла к Англии. Среди ряда причин, вызвавших войну,— экономических, политических и династических,— важнейшими были причины экономические. Морской торговле Англии и Голландии был бы нанесен тягчайший удар, если бы огромные владения одряхлевшей феодальной испанской монархии оказались под властью Франции.

Северная война разгорелась немногим ранее войны за испанское наследство, но затянулась намного дольше. Обе войны были тесно связаны друг с другом. Неоднократно поднимался вопрос об участии военных сил как России и ее союзников, так и Швеции в войне на Западе. Вместе с тем западные державы — участники войны за испанское наследство — не раз пытались задержать развитие успехов России в Северной войне.

Северная война велась Россией за возвращение отнятых шведами исконных русских земель, за прочное утверждение на Балтийском море.

Великое посольство, находившееся вместе с Петром за границей в 1697—1698 гг. для укрепления антитурецкой коалиции, вернулось в Россию с планами борьбы на Севере.

Новое направление русской внешней политики наметилось уже в Кенигсбергском договоре от 2 июля 1697 г. о взаимной дружбе между Россией и Бранденбургом — будущей Пруссией. Россия была заинтересована в помощи Бранденбурга преимущественно против Швеции, а берлинские политики искали русской поддержки главным образом против Польши. Дело ограничилось пока словесным обещанием о поддержке друг друга между царем и курфюрстом.

Немалое значение для подготовки Северной войны имела помощь, оказанная Россией саксонскому курфюрсту Августу для утверждения его на польском троне в 1697 г. после смерти Яна III. На обратном пути в Россию в Раве-Русской 3 августа 1698 г. между Петром I и Августом II было заключено тайное словесное соглашение о союзе против Швеции.

Объединению боровшихся против Швеции держав препятствовали разделявшие их противоречия. Исконный противник Швеции на море, Дания, обладавшая флотом, почти равным шведскому, соперничала с Бранденбургом в Померании. В свою очередь, Польша и Бранденбург, одинаково неприязненно относившиеся к Швеции, враждовали между собой из-за Гданска и Восточной Пруссии. Вступление Августа II на польский престол втянуло в эти споры и Саксонию, так как новый польский король рассчитывал вернуть Польше захваченную Швецией Лифляндию. Кроме того, все эти государства были в той или иной степени связаны с предстоявшей

войной за испанское наследство, что сильно уменьшало возможность осуществления их планов на севере. Только изменение курса внешней политики России вдохнуло действительную жизнь в эти планы.

Но прежде чем начинать борьбу со Швецией, надо было закончить войну с Турцией. Затяжка с установлением прочного мира на юге была еще одним затруднением, препятствовавшим созданию Северного союза. Общего юридически оформленного соглашения между северными союзниками не существовало; они ограничились заключением отдельных секретных двусторонних договоров.

Осенью 1699 г. в селе Преображенском под Москвой были подписаны договоры с Саксонией и Данией. Петр непосредственно вел переговоры и сам подписал эти договоры. Согласно договору с Саксонией, заключенному 11 ноября 1699 г., Август II обещал свое содействие России в ее борьбе за возвращение прежних русских владений на Балтийском море — Ижорской земли и Карелии. Для этого он обязался начать войну со Швецией и продолжать ее до получения Россией этих приобретений. Россия со своей стороны обязывалась начать войну, как только будет заключен мир с Турцией[1].

Договор с Данией был заключен еще в апреле, но ратификация его с утверждением дополнительных статей затянулась до 26 ноября 1699 г.[2] В нем говорилось о взаимной помощи в случае нападения с чьей-либо стороны на одно из договаривающихся государств. В сепаратной статье отмечено, что «его царское величество ныне никакого пристанища на Балтийском море не имеет» и что помогающая сторона должна действовать оружием против «нападателя и оскорбителя» вблизи от своих границ. Здесь имелась в виду Швеция, хотя она не была прямо названа в договоре. В другой сепаратной статье указывалось, что Россия приступит к исполнению договора по заключении мира с Турцией. При ратификации договора Петр потребовал включения дополнительной статьи, подтверждающей, что договор о «наступательном нападении» на врага имеет силу до окончания войны и заключения мира[3].

Все это совершалось под покровом глубокой тайны, в которую не удалось проникнуть шведским послам, прибывшим в это время в Москву для подтверждения Кардисского договора 1661 г., закреплявшего условия Столбовского договора 1617 г., по которому к Швеции переходили земли на побережье Финского залива, что преграждало России выход к Балтийскому морю.

В начале следующего 1700 г. союзники России, сначала Саксония, а затем Дания заключили договоры с Бранденбургом (Пруссией). Два последние договора, заключенные, как и первые, в глубокой тайне, связали Бранденбург с коалицией против Швеции. Но после первых же военных неудач

[1] ПиБ, т. I. СПб., 1887, № 282, стр. 304—310.
[2] Там же, № 284, стр. 317—318.
[3] *М. М. Богословский.* Указ. соч., т. IV. М., 1948, стр. 40—42, 158, 163—165.

северных союзников в 1700 г. бранденбургский курфюрст Фридрих II стал держать себя так, как будто он никогда в эту коалицию не входил[1].

Северная война началась выступлением Дании против Голштинии, союзника Швеции[2]. Сначала военные действия развертывались успешно для датчан. Они взяли Шлезвиг и Гузум, осадили сильную крепость Тонинген, куда шведское правительство прислало вспомогательные войска из Висмара. Последним обстоятельством воспользовался Август II, когда он без объявления Швеции войны и без согласия Речи Посполитой осадил Ригу в феврале 1700 г. Осада Риги вытекала из обязательств, взятых на себя Августом II по оборонительному союзному договору с Данией, против которой были посланы шведские войска.

Начало Северной войны было встречено недоброжелательно как Францией, так и морскими державами; обе стороны, готовившиеся к борьбе за испанское наследство, рассчитывали на шведскую военную помощь[3]. Под влиянием Англии в Берлине заняли выжидательную позицию, а тем временем дела северных союзников, лишенных помощи России в силу того, что русско-турецкие переговоры затянулись, приняли плохой оборот. Осада Риги Августом II, кроме взятия Динамюнде, не дала осязательных результатов. Тонинген держался против датчан, потому что туда прибыли свежие шведские подкрепления из Бремена. Между тем вспомогательные саксонские войска, шедшие на помощь Дании, не были пропущены Ганновером.

Франция ограничила свое вмешательство в северные дела дипломатическими мерами, но морские державы решили послать на помощь Швеции эскадру. Русский посол в Гааге А. А. Матвеев прилагал все усилия, чтобы помешать этому, но безуспешно.

Англо-голландская эскадра прибыла в Зунд и вместе со шведским флотом бомбардировала Копенгаген. После артиллерийской подготовки Карл XII высадил десант под стенами датской столицы. Датский король Фридерик IV вынужден был в августе 1700 г. заключить в Травендале мирный договор. Этот договор был гарантирован морскими державами, императором, Ганновером и Бранденбургом. Теперь шведы получили полную свободу дейст-

---

[1] *J. Karochowski.* Nowe opowiadania i studa historyczne. Варшава, 1882, стр. 255.

[2] Голштинский герцог Фридрих был женат на старшей сестре Карла XII и был его союзником. Голштиния нарушила датско-голштинское соглашение постройкой крепостей в запрещенном месте.

[3] Швеция в 1698 г. заключила оборонительные договоры с Францией, Австрией, морскими державами, Ганновером, Данией. В январе 1700 г. был заключен новый англо-шведский договор, к которому спустя некоторое время присоединилась и Голландия; были уточнены размеры помощи стороне, подвергшейся нападению. Этот последний договор был заключен под влиянием дошедших слухов о создании Северного союза. *F. F. Carlson.* Geschichte Schwedens, Bd. VI, Gotha, 1887, S. 53, 57, 71, 92; *J. F. Chance.* England and Sweden in the time of k. William III and k. Anne. «English Historical Review, vol. XVI».

вий на Балтийском море и могли не опасаться того, что война будет переброшена на собственно шведскую территорию, так как руки у Дании были связаны.

Между тем именно в это время Петр I, дождавшись, наконец, вестей из Константинополя о подписании 30-летнего перемирия с Турцией, в августе 1700 г. объявил Швеции войну и двинул русские войска к Нарве[1]. Направление на Нарву было выбрано с расчетом разъединить лифляндско-эстляндскую и карельско-финскую группировки шведских войск.

В сентябре 1700 г. русские войска[2] придвинулись к Нарве и обложили ее. Численность русских осадных войск равнялась 34 тыс. чел., из них до 10 тыс. нерегулярных; из регулярных войск было только три хорошо обученных боевых полка: Преображенский, Семеновский и бывший Лефортов.

Расположенная на левом берегу реки Наровы в 12 верстах от впадения ее в Финский залив, Нарва считалась в то время сильной крепостью. Ее наружная ограда состояла из пяти смыкающихся между собой бастионов и каменной стены, опоясывавшей город с южной стороны. Бастионы имели дополнительные укрепления в виде двойных фланков и равелинов. Перед каменной стеной был устроен по краю проходившего здесь оврага палисад, примыкавший у берега реки Наровы к блокгаузу. Внутренняя ограда, окружавшая старый город, состояла из четырех бастионов значительной высоты. Иван-город, лежавший напротив Нарвы, через реку, с его старинной каменной стеной, усиливал неприступность крепости, являясь для нее как бы предмостным укреплением.

Русский укрепленный лагерь на левом берегу Наровы полукругом охватил крепость. Он был устроен по правилам инженерного искусства того времени. Линия лагерных укреплений, обращенная к крепости, состояла из длинных участков прямолинейного вала, на котором были расположены бастионы, люнеты, флеши и редуты. На бастионах и люнетах помещались орудия; редуты служили опорными пунктами при обороне; флеши прикрывали и защищали выходы. В устройстве лагеря, как и в других осадных работах, принимал участие русский инженер В. Д. Корчмин.

При расположении лагеря был допущен, однако, существенный недостаток; против средней, главной, части укреплений находилась командная высота Германисберг, откуда неприятельские войска, пришедшие на выручку крепости, могли поражать внутреннюю часть лагеря. Кроме того, средняя его часть, ключ позиции, отличалась теснотой, затруднявшей сопротивление неприятелю. Левая же часть, где находились мосты через Нарову, вовсе не имела удобного сообщения с правой. В случае взятия

---

[1] *Н. Г. Устрялов.* История царствования Петра Великого. т. IV, ч. 1. СПб., 1863, стр. 1—10.

[2] Об организации русских войск см выше главу III, § 3 «Реформа армии и создание военно-морского флота».

Петр I.
Бронзовый бюст работы К. Б. Растрелли, 1723 г.
Государственный Эрмитаж.

центральной части лагеря неприятелем фланги русского войска оказывались разобщенными. Общая же протяженность лагеря была слишком велика и соответствовала не настоящему, а примерно вдвое большему составу осадного корпуса. Это обстоятельство дало повод иностранным писателям сделать преувеличенный вывод относительно численности русских войск под Нарвой.

Позднее время года было крайне неблагоприятно для осадных работ. Отрицательно повлияла также измена части иностранных специалистов, их низкая подготовка и несовершенство осадной артиллерии. За два месяца — с 16 сентября по 19 ноября — осаждавшие не успели ни произвести разрушения в крепостных укреплениях, ни подвести траншеи на близкое расстояние к крепостным стенам. В течение последнего месяца осады Петр переменил ее основное направление и пытался овладеть Иван-городом, но безуспешно.

Тем временем Карл XII отверг посреднические предложения западноевропейских держав, настаивавших на заключении северного мира с целью вовлечь Швецию в борьбу за испанское наследство, и перебросил шведскую армию в восточную Прибалтику. А так как Август II отступил от Риги, то шведский король из Пернау (Пярну) отправился в Ревель (Таллин), а оттуда с отборным войском в 12 тыс. чел. поспешил к Нарве. Русский конный отряд под начальством Б. П. Шереметева, высланный навстречу для разведки, после первых удачных столкновений со шведскими разъездами вынужден был отступить. Шереметев занял удобную позицию у деревни Пигаиоги и намерен был здесь упорно держаться, но Карл XII внезапным нападением сбил русскую конницу «старого строя» и принудил ее к отступлению.

19 ноября шведы атаковали русскую армию под Нарвой на ее растянутой и неудобной позиции. Через перебежчика капитана Преображенского полка шведа Гуморта Карл XII получил сведения о состоянии и расположении русской армии. План атаки короля заключался в прорыве центра. С этой целью шведская армия скрытно, лесом, подошла к горе Германисберг и укрепилась на ней.

Находившийся при армии Петр накануне боя уехал в Новгород. Дурная погода, сильный ветер с густым снегом, бивший в глаза русским, усилили впечатление, произведенное на них неожиданным нападением. Когда неприятель ворвался в русский лагерь, большинство командиров-иностранцев поспешили сдаться в плен. Шведы овладели средней частью лагеря, центром и ключом русской позиции, и стали теснить русскую армию с флангов. Часть русских войск была опрокинута и отступила в беспорядке. Только Семеновский и Преображенский полки, заняв укрепление у моста, отбили все атаки шведов, хотя последними предводительствовал сначала Реншильд (будущий фельдмаршал), а затем пришедший к нему на помощь с отборными войсками сам Карл XII. Стойкая оборона преображенцев и семеновцев дала возможность и другой части русского войска,

дивизии генерала А. А. Вейде, оправиться и частично перейти в наступление. Однако дворянская конница, бежавшая вплавь через Нарову, не поддержала Вейде. Русское командование решило приступить к переговорам, в результате которых русским было предоставлено право почетного отступления со знаменами и оружием (кроме артиллерии). Но когда лучшая часть русской армии удалилась, шведы, нарушив свое слово, напали на оставшихся и захватили в плен 7 тыс. человек, разграбив при этом весь обоз[1].

Однако успех Карла XII под Нарвой был лишь тактической победой, не сломившей сил русского народа. «Нарва была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы», — говорит Энгельс[2].

Напрягая все силы страны для создания регулярной армии, ее вооружения и обмундирования, вводя рекрутские наборы и новые налоги, основывая заводы, русские стремились воспользоваться каждым военным и дипломатическим промахом своего противника. После Нарвы ослепленный своими успехами Карл XII решительно отверг все мирные предложения Августа II. Шведский король стремился к захвату Курляндии, входившей тогда в состав Речи Посполитой, и к созданию в Восточной Европе зависимых от Швеции государств.

Воспользовавшись этим, Петр укрепил дружбу с единственным оставшимся у него союзником Августом II. 26 февраля 1701 г. в Биржах, в замке, расположенном в Курляндии, происходили переговоры Петра с Августом и был заключен новый договор, подтвердивший наступательный союз против Швеции. Русское правительство согласилось на выплату больших ежегодных субсидий, в том числе и польским вельможам для вовлечения Речи Посполитой в войну[3]. Кроме того, Петр рискнул своим резервом — 20-тысячным корпусом Н. И. Репнина, формировавшимся в Поволжье и не участвовавшим в Нарвском сражении; эти русские войска были отправлены к Августу II в качестве вспомогательного корпуса.

Биржeнский договор привел к тому, что в течение летней кампании 1701 г. шведская армия оказалась занятой военными действиями против саксонских войск. Однако саксонские генералы дробили свои силы и тем помогали Карлу XII наносить им поражения. Карл XII после Нарвы двинулся в Курляндию, где шведы наголову разбили саксонцев под Ригой летом 1701 г.

Успеху бирженских переговоров содействовали перемены в Западной Европе. Почти одновременно с нарвскими событиями умер последний

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1. СПб., 1770, стр. 13, 16, 18, 20—21.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. X, стр. 227.

[3] *В. Д. Королюк.* Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-русском союзе. «Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 50—52.

испанский король из династии Габсбургов, завещав свою корону внуку Людовика XIV Филиппу Анжуйскому. Это обстоятельство ускорило развязывание давно подготовлявшейся войны за испанское наследство. Официально она была объявлена в мае 1702 г., но фактически началась годом раньше. Эта война сделала международную ситуацию более благоприятной для России — непосредственное военное вмешательство морских держав в Северную войну прекращалось. По образному выражению Матвеева, им довольно было и «от гишпанского Геркулеса и французского Марса выстерегать себя самих». Но дипломатическое воздействие продолжалось, и до решающего успеха, одержанного «великим союзом» в битве при Бленгейме (Гохштедте) в 1704 г., деятельность по вовлечению Швеции и других европейских держав в войну за испанское наследство велась с неослабевающей энергией.

Дания и Пруссия скоро оказались втянутыми в войну против Франции, причем морские державы строго пресекали всякие попытки (с чьей бы стороны они ни исходили) привлечь часть датских или прусских сил на борьбу со Швецией. Остававшиеся свободными датские и прусские войска нужны были «великому союзу», как постоянная угроза против Швеции, которая, несмотря на оказанные ей под Копенгагеном услуги, уклонялась от вступления в антифранцузскую коалицию[1]. Поэтому и заключенный в январе 1701 г. русско-датский договор[2] о помощи России датскими кораблями и войсками остался неосуществленным.

Французская дипломатия стремилась привлечь на свою сторону Августа II как саксонского курфюрста, чтобы с его помощью затем вовлечь в войну против императора Речь Посполитую, а затем и Россию. Однако из этой попытки создать в тылу у Австрии восточный барьер, к которому предполагалось присоединить Турцию и Швецию, ничего не вышло. Август II отдал часть своих войск на императорскую службу, получив взамен гарантию неприкосновенности Саксонии от шведского вторжения[3].

В поисках союзника в начавшейся борьбе за испанское наследство взоры европейских государственных деятелей не раз обращались в сторону России. В начале 1702 г. через прусское посредничество велись переговоры

---

[1] В январе 1701 г. датский король Фридерик IV подписал оборонительный договор с морскими державами, предоставив им за плату 12-тысячное датское войско. Договор этот, содержавшийся в большом секрете, спустя полгода был подкреплен заключением нового трактата о дружбе и торговле. A. *Legrelle*. La diplomatie française et la succession d'Espagne, vol. IV, p. 151—155. В ноябре 1700 г. бранденбургский курфюрст Фридрих III заключил договор, по которому император Леопольд признавал его королем прусским, за что последний обязывался дать 10-тысячное войско для войны против Франции. *De Flassan*. Histoire generale de la diplomatie française, Paris, 1811, vol. IV, p. 182; *J. G. Droysen*. Geschichte der preussischen Politik, Th. IV, Ab. I, Leipzig, 1867, S. 236—238, 248—253.

[2] ПСЗ, т. IV, № 1824, стр. 129—131.

[3] *A. Legrelle*. Указ. соч., vol. IV, p. 241—249, 269—272.

с Россией о вступлении ее в «великий союз», чтобы воспользоваться русской помощью против Турции[1]. А осенью 1702 г. Людовик XIV направил посла Балюза в Москву, чтобы подготовить русскую диверсию в Венгрию, восставшую против австрийского владычества; официальной целью посольства было заключение франко-русского торгового договора. Длительное пребывание Балюза в России вызвало беспокойство в Гааге и Лондоне, где опасались русско-французского сближения[2].

Таким образом, северные дела испытывали воздействие со стороны западноевропейских держав, преимущественно Англии и Голландии, подкреплявших свои дипломатические планы военными и финансовыми мероприятиями. Англо-голландские субсидии Дании за отданные внаймы морским державам датские войска и пенсии датским министрам были средством, удерживавшим Данию от выступления против Швеции. При таких обстоятельствах большое значение получала деятельность русской дипломатии в Гааге, крупнейшем дипломатическом центре, где во время войны за испанское наследство было сосредоточено управление делами «великого союза». В голландской столице был учрежден первый постоянный русский дипломатический пост, на который был назначен А. А. Матвеев. Сын известного русского дипломата XVII в., А. А. Матвеев умело использовал не только уклончивую позицию, занятую Швецией в вопросах большой европейской политики, но и отрицательное отношение морских держав, особенно Голландии, к шведскому преобладанию на Балтике[3]. Летом 1702 г., когда Карл XII, вопреки ожиданиям голландцев, перебросил шведские войска из Померании в Польшу, в Гааге был создан проект объединенной англо-голландско-датской морской войны против Швеции, но в Лондоне уклонились от его осуществления.

Английский король Вильгельм III (Оранский) до конца своих дней стремился к прекращению Северной войны и вовлечению Карла XII в «великий союз». Убедившись в невозможности осуществить эти намерения, английская дипломатия в лице Д. Черчилля (Мальборо) создала в 1702—1703 гг. другой, еще более опасный для России, план. Он сводился к тому, чтобы, заключив сепаратный мир между Карлом XII и Августом II, получить на свою службу освободившиеся шведские и саксонские войска,

[1] *Т. К. Крылова.* Россия и «великий союз». «Исторические записки», кн. 13, 1942, стр. 104—105; *А. Д. Путята.* Вопрос о прусском союзе в первую половину великой Северной войны. «Сборник Московского главного архива министерства иностранных дел», вып. 1. М., 1880, стр. 117.

[2] *Т. К. Крылова.* Франко-русские отношения в первую половину Северной войны. «Исторические записки», кн. 7, 1940, стр. 124—126; *A. Legrelle.* Указ. соч., vol. IV, p. 319—320.

[3] Во время северных войн, происходивших в 50-х годах XVII в., Голландия выступала против Швеции. В 1656 г. голландская эскадра была послана в Гданск для защиты города от шведского нападения. Осенью 1658 г. голландский флот из 35 кораблей наголову разбил в Зунде шведский флот. *Blok.* Geschichte der Niederlande, Bd. V, S. 146—151.

А. А. Матвеев. Портрет маслом работы неизвестного художника начала XVIII в.
Государственный Исторический музей.

России же и Швеции предоставлялось истощать себя в длительном единоборстве. Замыслы Мальборо были опасны еще и тем, что они были встречены сочувственно в стокгольмских правящих кругах.

Однако Матвееву удалось возбудить у голландских руководителей неверие в возможность осуществить этот план и сомнения в его целесообразности. Кроме того, деятельность английского посла Робинсона, специально направленного в Польшу для заключения сепаратного мира, натолкнулась на сопротивление Карла XII, отвергавшего все проекты примирения с Августом II. Но и попытки шведской дипломатии заручиться согласием «великого союза» на осуществление агрессивных шведских замыслов в Польше оказались безуспешными. В связи с обращением Гданска к Голландии за помощью против Швеции в Гааге в 1704—1705 гг. снова началось обсуждение антишведских проектов о возможном вступлении не только Дании, но и Пруссии в Северную войну.

Русской дипломатии, боровшейся за сохранение Северного союза, удалось принудить Швецию рассредоточить свои военные силы. Из опасения

возобновления датско-шведской войны стокгольмское правительство не решалось посылать больших подкреплений генералу Шлиппенбаху в восточную Прибалтику и вынуждено было держать значительную часть своего флота в западной части Балтийского моря.

Эти обстоятельства были особенно важны после поражения саксонских войск Августа II под Ригой в 1701 г., когда Россия в борьбе со шведами была предоставлена собственным силам. Теперь русское командование изменило направление главного удара и выдвинуло новую задачу — овладеть линией реки Невы и укрепиться в Ингерманландии. Это был собственно новый способ решения прежнего стратегического замысла, заключавшегося в том, чтобы разъединить эстляндско-лифляндскую и карело-финскую группировки шведских войск.

Так как без своей речной флотилии нельзя было и думать об утверждении на Ладожском озере и Неве, то с начала 1702 г. приступили к строительству кораблей на олонецкой верфи и на реке Сяси.

Обеспечивая свой левый фланг, Петр приказал Б. П. Шереметеву посылать конные отряды в лифляндские области. Русские беспокоили неприятеля частыми набегами, первоначально приучая свои войска действовать против искусного врага превосходящими силами. 29 декабря 1701 г. у местечка Эрестфер, неподалеку от Дерпта (Тарту), Шереметев одержал победу над войсками генерала Шлиппенбаха. Передовыми русскими частями был уничтожен шведский авангард, и Шлиппенбах начал стягивать к Эрестферу весь свой отряд, но Шереметев подошел с главными русскими силами раньше, чем шведы успели сосредоточиться. После четырехчасового боя шведы побежали в беспорядке, потеряв почти половину отряда и шесть орудий.

Первая значительная победа над шведами при Эрестфере была торжественно отпразднована в Москве.

Вторая крупная победа Шереметева над шведами была одержана 17 июля 1702 г. под Гуммельсгофом. Первоначальный успех в этом сражении был на стороне шведов. Но с подходом главных русских сил положение изменилось. Шлиппенбах потерпел полное поражение и с несколькими сотнями кавалеристов вынужден был укрыться в Пернау. В августе 1702 г. Ф. М. Апраксин отбросил Кронгиорта с реки Ижоры на запад к крепости Ниеншанц, находившейся в устье реки Невы. Тогда же, в августе, флотилия Ивана Тыртова в Ладожском озере атаковала шведские корабли под командой вице-адмирала Нумерса и заставила их уйти в Финский залив.

Русское командование быстро оценило результаты этих побед и поспешило овладеть крепостью Нотебургом. Крепость эта по своему географическому положению на неприступной скале у истоков Невы из Ладожского озера являлась важным стратегическим пунктом для завоевания Ингерманландии. Укрепления Нотебурга состояли в то время из каменной стены в четыре сажени вышиной и около двух саженей толщины, усиленной

Б. П. Шереметев. Портрет маслом работы И. П. Аргунова 1753 г.
Музей-усадьба «Кусково».

семью башнями. В северо-восточном углу крепости находился замок, состоявший из каменной стены с тремя башнями. Островное положение крепости усиливало ее неприступность. На правом берегу Невы находилось отдельное укрепление.

Осадой Нотебурга руководил Петр. В конце сентября Нотебург был обложен большими русскими силами — около 30 тысяч чел. Чтобы прервать сообщение крепости с внешним миром водным путем, в реку Неву были спешно переведены суда русской флотилии, находившейся в Ладожском озере. 26 сентября русские войска под командой Шереметева и Репнина начали сосредоточиваться у крепости на левом берегу Невы. Главную атаку решено было вести на юго-западный участок крепостной стены, расположенный напротив мыса, образуемого берегами Ладожского озера и реки Невы.

Для полного обложения крепости 1 октября на правый берег Невы был переправлен отряд пехоты, который выбил шведов из укрепления. Под

защитою этого отряда у самого берега была установлена батарея, которая должна была разрушить южную башню и поражать внутренние укрепления крепости.

На следующий день после высадки русских на правом берегу Невы был разбит шведский вспомогательный отряд, пытавшийся пробраться в крепость.

Левобережные осадные батареи 1 октября начали обстрел крепости, продолжавшийся беспрерывно до самого дня приступа, затем к ним присоединилась правобережная батарея. К 5 октября две башни уже были разрушены и огонь осажденных сильно ослабел.

11 октября в два часа ночи в городе возник пожар. Воспользовавшись этим, осаждавшие начали приступ, вылившийся в 13-часовой жестокий бой. Шведы вынуждены были вступить в переговоры о сдаче крепости. Длительность приступа объясняется крутизной обвалов, произведенных обстрелом в крепостных укреплениях, недостаточной длиной лестниц и упорным сопротивлением осажденных[1].

На второй день после взятия Нотебурга Петр писал А. Виниусу: «Правда, что зело жесток сей орех был, ạднакạ, славу богу, счасливо разгрызен. Альтиллерия наша зело чудесно дело свое исправила»[2]. Благодаря успешным действиям русской артиллерии эта «чрезвычайная крепость» была взята «малою кровию», как писал Петр Николаю Витзену[3].

Нотебург был переименован в Шлиссельбург (то есть ключ-город), чем подчеркивалось, что его рассматривают как ключ к морю. Действительно, взятием этой крепости было заложено твердое основание для овладения всей стратегической линией реки Невы.

Подготовка к утверждению на прибалтийском побережье в устье Невы началась зимою 1702—1703 гг. В феврале 1703 г. в Лодейном Поле была заложена верфь для постройки крупных судов типа фрегатов, которые должны были действовать уже в море. Тогда же русские военные отряды на лыжах проникли вглубь Карельского перешейка, чтобы оттеснить шведов от Ниеншанца к Выборгу.

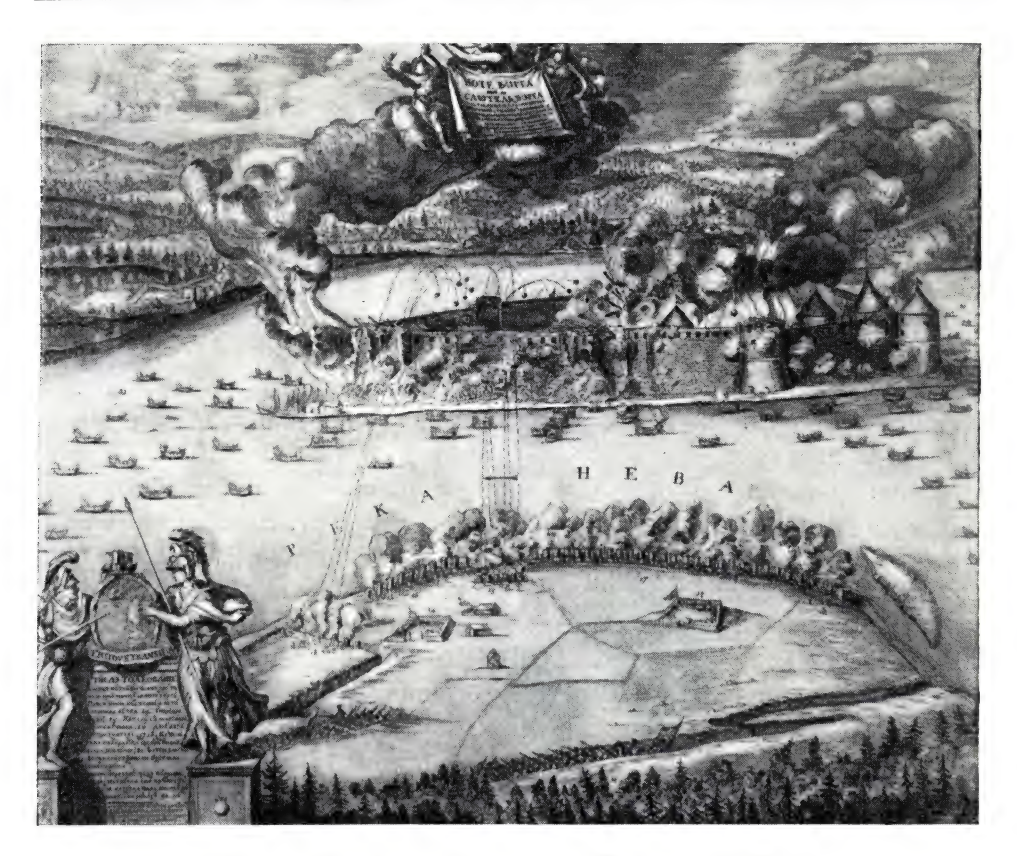
В конце апреля 1703 г. 16-тысячный корпус сухопутных войск под командой Б. П. Шереметева правым берегом Невы приблизился к Ниеншанцу, расположенному при впадении реки Охты в Неву. В тот же день, 26 апреля, туда прибыл Петр водным путем из Шлиссельбурга с транспортом, доставившим тяжелую артиллерию и осадный инструмент. Тотчас начались инженерные работы на подступах к крепости. 30 апреля вечером, после отказа коменданта Ниеншанца сдаться, начался артиллерийский

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», стр. 39—40, 43—44, 55—56, 59—61; *Ф. Ф. Ласковский.* Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. II. СПб., 1861, стр. 121 и сл.

[2] ПиБ, т. II. СПб., 1889, № 462, стр. 92. Нотебург принадлежал прежде новгородцам и носил русское название Орешек.

[3] Там же, № 483, стр. 119.

Взятие Нотебурга. Гравюра А. Шхонебека 1703 г.

обстрел крепости, продолжавшийся всю ночь. На рассвете 1 мая шведы заявили о своем согласии капитулировать. В руки победителей по условиям сдачи переходило все вооружение и военное имущество крепости. Несколько дней спустя два шведских судна, отделившиеся от подошедшей эскадры Нумерса, не зная о случившемся, вошли в устье Невы. Отряды русских гвардейцев на 30 лодках под командой Петра и Меншикова после жестокого боя на рассвете 7 мая овладели кораблями и доставили их к Ниеншанцу.

Из-за неудобства расположения этой крепости было решено основать новую ближе к морю. 16 мая 1703 г. была заложена Петропавловская крепость, положившая начало городу Санкт-Петербургу. Город, основанный в прифронтовой полосе, должен был выдержать жестокую борьбу за свое существование. В течение трех последующих лет ему пришлось отбиваться от наседавшего врага на суше и на море [1].

В Петербурге, едва ли не с момента его основания, Петр видел новую столицу. Об этом свидетельствует его письмо, написанное Меншикову

[1] *А. В. Предтеченский.* Основание Петербурга. Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 12 и сл.

с олонецкой верфи 28 сентября 1704 г.: «Мы чаем кончае во втором или третьем числе будущего месяца отсель поехать, и чаем, аще бог изволит, в три дни или четыре быть в столицу» (Петербург. — *Ред.*)[1].

В течение кампании 1703 г. внимание русского командования было сосредоточено на том, чтобы оградить подступы к Неве с запада и севера. Для обороны Петербурга со стороны Лифляндии русские еще в мае 1703 г. овладели старинными русскими крепостями — Ямы и Копорье. Для того чтобы обеспечить подступы с севера, Петр в начале июля выступил против Кронгиорта, стоявшего на реке Сестре; 7 июля он нанес поражение шведам и отбросил их к Выборгу.

Тем временем на лодейнопольской верфи начали строить корабли для Балтийского флота. Здесь уже в ближайшее время было заложено шесть фрегатов и девять шняв.

Шведская эскадра Нумерса, все лето простоявшая в бездействии на взморье, в октябре 1703 г. ушла на зимовку в Выборг. Воспользовавшись этим, Петр выбрал место для постройки морской крепости, чтобы отнять у шведов возможность проникнуть в Неву. Ранней весной 1704 г. во время ледохода, прежде чем мог появиться на море шведский флот, артиллерия была перевезена к крепости, названной Кроншлотом. В инструкции коменданту Кроншлота от 3 мая 1704 г. было сказано: «Содержать сию цитадель с божьей помощью, аще случится, хотя до последнего человека...»

В 1704 г. почти одновременно были осаждены Нарва и Дерпт.

Укрепления Дерпта, расположенного на болотистой реке Эмбах, отличались неравномерностью. Часть наружной ограды, обращенная к верхней равнине, состояла из смыкающихся между собою бастионов с двойными фланками. Его дополняла и усиливала старинная стена с башнями, составлявшая внутреннюю ограду. Эта часть крепостных укреплений была наиболее надежной. С северной же стороны, где находились болота, главная ограда состояла только из старинной каменной стены, сильно обветшавшей от времени.

Русская 23-тысячная армия подступила к Дерпту 9 июня и немедленно начала осадные работы; для охраны подступов от вылазок неприятеля были устроены редуты. 19 июня батареи открыли огонь. Однако направление главной атаки было выбрано неправильно — против самой сильной части крепости.

Прибывший к Дерпту из-под Нарвы Петр изменил направление главного удара и избрал участком для атаки северо-восточную оконечность крепостной ограды. Была усилена заречная атака; за реку было перевезено 31 пушка и 15 мортир. Новые батареи открыли огонь 6 июля и, беспрерывно действуя, успели к 12 июля пробить бреши в крепостных стенах Дерпта, прилегавших к болоту и к реке Эмбах. Битва у крепостных стен

---

[1] ПиБ, т. III. СПб., 1893, № 725, стр. 162.

Взятие в плен двух шведских судов в устье Невы 7 мая 1703 г.
Гравюра П. Пикара начала XVIII в.

продолжалась всю ночь с 12 на 13 июля и когда русские уже готовы были ворваться в город, крепость капитулировала.

Предпринимая осаду второй важной крепости — Нарвы, русское командование сочло необходимым предварительно занять устье реки Наровы, чтобы лишить осаждаемых возможности получать подкрепления морем. Поэтому еще в апреле 1704 г. русским отрядом под начальством Ф. М. Апраксина была занята позиция на левой стороне реки Наровы и устроена батарея.

30 мая, после соединения всех войск, назначенных для осады, крепость была обложена по обоим берегам Наровы. Четыре русских полка обложили собственно Нарву; остальные войска, в том числе и два гвардейских полка, расположились лагерем в двух верстах от крепости; два драгунских полка под командой Апраксина окружили Иван-город.

Выбор главного направления атаки — в том месте, где крепость прилегала к реке,— был чрезвычайно удачен. Намеченный участок был слабым звеном в цепи укреплений; осаждающие могли разрушать его с батарей, устроенных на противоположном берегу. Заречные же батареи в меньшей степени подвергались действию крепостной артиллерии; кроме того, они были ограждены от вылазок со стороны неприятеля.

Осадные работы подвигались медленно. Перелом наступил после взятия Дерпта, когда войска оттуда были направлены к Нарве, и русский осадный корпус был доведен до 45 тыс. чел. при 150 орудиях. 30 июля русские открыли огонь батарей, и за неделю непрерывного обстрела были пробиты бреши. Мортирные батареи частично вывели из строя крепостную артиллерию.

9 августа русские пошли на приступ, в котором участвовало 1600 чел., разделенных на три колонны. Он начался в два часа пополудни; осажденные подрывали атакующих на минах и сбрасывали штурмовые бочки. Ожесточенная борьба продолжалась около 45 мин.,после чего шведы побежали. На плечах отступающих русские ворвались в укрепления старого города и тем завершили победу. Вслед за Нарвой капитулировал Иван-город[1].

В итоге кампании 1704 г. было занято все побережье реки Невы: русские войска достигли моря. Были взяты города Дерпт (древнерусский Юрьев) и Нарва, рассеяны войска Шлиппенбаха, появившиеся в Лифляндии, отражены нападения шведов со стороны моря на Кроншлот и сухим путем на Петербург. Россия прочно утверждалась в восточной Прибалтике; к концу этого года за исключением нескольких крупных городов — Риги, Ревеля, Пернау — основная территория Лифляндии и Эстляндии находилась в руках русских.

Успешный в военном отношении 1704 г. закончился триумфом в Москве, где торжественно праздновали возвращение старых русских городов.

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», стр. 82—89; *Ф. Ф. Ласковский.* Указ. соч., ч. 2, стр. 129, 145, 147, 149—151, 155—159, 165—167, 169.

Бомбардировка Нарвы 9 августа 1704 г. Гравюра начала XVIII в.

В семь триумфальных ворот входили победители со знатнейшими пленниками и трофеями, отбитыми у неприятеля.

Взятие Нотебурга, Нарвы и Дерпта доказывает быстрый рост русского осадного и артиллерийского искусства за годы Северной войны. В осаде двух последних крепостей примечателен удачный выбор участка для главной атаки, в том месте, где оборона крепостей была наиболее слабой, а артиллерия осаждающих могла действовать почти без помех со стороны неприятеля. В эти же годы выработался своеобразный русский способ ведения атаки, который потом применялся в течение всей Северной войны. Как только подступы (апроши) достигали места расположения вражеских батарей, русские сейчас же устанавливали пушечные и мортирные батареи. Затем открывали массированный огонь, разрушавший укрепления и подавлявший артиллерию противника. Если после этого осажденные не соглашались на сдачу, русские войска шли на приступ. Чтобы уменьшить потери, штурмовые отряды предварительно сосредоточивались в траншеях.

Наряду с усовершенствованием военно-инженерного дела и значительным улучшением осадной артиллерии этот этап развития русского военного искусства отмечен применением конной артиллерии, неизвестной Западной Европе, где она появилась полвека спустя.

За эти годы обогатился боевой опыт русской регулярной конницы, и ее действия получили значение самостоятельных стратегических операций. Широко применялось взаимодействие между пехотой и речной флотилией; гребными судами пользовались как для боевых целей, так и для транспортировки военных грузов. Было положено начало созданию военно-морского Балтийского флота.

В области дипломатической положительные результаты дало назначение постоянных русских представителей за границей. Большое значение имела деятельность П. А. Толстого, состоявшего с 1702 г. русским послом в Константинополе. Он сумел наладить широкие связи в среде дружественного России славянского и греческого населения Турции. Его деятельность способствовала сохранению мирных отношений между русским правительством и Портой вплоть до 1710 г.[1]

* * *

Русские победы в Прибалтике имели большое значение для успешного развития антишведского движения в Речи Посполитой, где находились с конца 1701 г. главные силы шведской армии с Карлом XII во главе. По выражению Петра, «швед увяз в Польше». Внутреннее положение в Польско-Литовском государстве было очень сложным, потому что острый классовый антагонизм увеличивался здесь противоречиями национальными, религиозными и династическими. В начатой против Швеции войне Август рассчитывал после первых военных успехов втянуть в борьбу и Речь Посполитую в целом. Но поражения северных союзников под Копенгагеном, Ригой и Нарвой мешали этому в первые годы войны. Договор Польши с Россией 1699 г. был подтвержден на Бирженском съезде в 1701 г., но переговоры, которые вел там Ф. А. Головин с группой польских сенаторов, окончились неудачно. Последние потребовали пересмотра «вечного мира» 1686 г. В июне 1701 г. в Варшаву прибыл инкогнито Г. Ф. Долгорукий, впоследствии один из крупнейших русских дипломатов. Его миссия заключалась в том, чтобы содействовать укреплению и расширению Северного союза. Он должен был, с одной стороны, препятствовать заключению сепаратного мира между Августом II и Карлом XII, с другой, содействовать вовлечению Речи Посполитой в войну против Швеции. Долгорукому вменялось в обязанность неотлучно следовать за королем[2].

Ему пришлось действовать в трудной обстановке. Собравшийся накануне его приезда сейм был сорван, и русский дипломат опасался

[1] *Т. К. Крылова.* Русско-турецкие отношения во время Северной войны. «Исторические записки», кн. 10, 1941, стр. 252—270; *Л. А. Никифоров.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950, стр. 29, 33—41.

[2] ЦГАДА, Польские дела 1701 г., д. 21, лл. 1—2; *W. Konopczynski.* Polska a Szwecja. Варшава, 1924, стр. 35.

заключения не только мира, но и союза между Августом II и Карлом XII. Однако далеко идущие агрессивные замыслы Карла XII, его требование низложить Августа II с польского трона и вторжение шведов в Литву в конце 1701 г., сопровождавшееся репрессиями, изменили положение дел в Речи Посполитой. В Литве сторонники Огинского потребовали созыва посполитого рушенья, то есть всеобщего ополчения для обороны своего государства. 23 марта 1702 г. был заключен неофициальный русско-литовский договор, которым литовская шляхта отдалась под покровительство России[1]. Оказываемое в Литве сопротивление должно было побуждать Карла XII оставить эти беспокойные места и осуществить свой поход на Варшаву. При приближении неприятеля Варшава имела вид города, которому угрожает стихийное бедствие. «Истинно, мой государь,— писал Долгорукий Головину,— нынешнее время из Варшавы все бегут и вывозят свои пожитки власно так, как на Москве во время пожару»[2].

Занятие столицы шведами вызвало патриотический подъем в стране. Не дожидаясь королевских указов, шляхта собиралась на посполитое рушенье. Вновь назначенные коронные гетманы Любомирский и Синявский собирали войска. К июлю их насчитывалось около 30 тыс., кроме 20 тыс. саксонцев. Но глухая борьба между магнатскими группировками и равнодушие саксонцев к войне со шведами, затеянной их курфюрстом, ослабили значение этих усилий. В июле 1702 г. Август II потерпел тяжелое поражение в Клишовской битве, где потерял всю свою артиллерию.

После неудачной битвы при Клишове не только новая, но и старая столица Польши, Краков, оказалась во власти неприятеля.

Важнейшим событием в истории польской освободительной борьбы этого периода является создание Сандомирской конфедерации. В августе 1702 г. поляки из многих воеводств и поветов съехались на посполитое рушенье под Сандомир. Но принятые там решения носили компромиссный характер. Наряду с постановлениями об увеличении числа постоянного войска до 30 тыс. и о заключении союза с Россией было решено вступить в переговоры с Карлом XII.

Весной 1703 г. рада сената происходила в Мальборге, где Август искал убежища от шведов. Бурная мальборгская рада сената оказалась весьма неустойчивой. Она началась выступлениями сторонников союза с Россией, а затем превратилась в трибуну для прошведской агитации. Вместе того чтобы объявить войну Швеции, сенаторы снова ограничились полумерами и декларациями. Наоборот, созванная вслед за тем в апреле 1703 г. генеральная рада стала на прогрессивные позиции. Были выданы универсалы для созыва посполитого рушенья и назначен срок сбора всех воеводств и поветов. Генеральная рада высказалась также за немедленное заключение союза с Россией и вступление в переговоры с другими соседними державами.

[1] ПиБ, т. II, № 437, стр. 69—70 и примечание, стр. 365—376.

[2] ЦГАДА, Польские дела 1702 г., д. 7, л. 97; письмо Г. Ф. Долгорукого Ф. А. Головину от 10 апреля 1702 г.

Разногласия в решениях рады сената и генеральной рады, происходивших в Мальборге весной 1703 г., имеют свои социальные корни. Здесь проявились те противоречия, которые существовали между польскими реакционными феодальными верхами и средним шляхетством. Отрицательно сказалось и вмешательство иностранной дипломатии. По свидетельству Долгорукого, чужеземные послы стремились к заключению мира на севере и препятствовали официальному вступлению Речи Посполитой в войну со Швецией. Но особою активностью в этот период отличалась англо-голландская группировка.

Чрезвычайный сейм был назначен на 8 июня 1703 г. в Люблине, около которого находились тогда польские войска. Этот сейм отличался исключительным многолюдством и относительным единодушием. Во время сейма происходили официальные переговоры между Долгоруким, с одной стороны, сенаторами и послами от провинций Великопольской, Малопольской и Литовской, с другой. Польские представители требовали возвращения Белой Церкви, занятой украинскими казаками во главе с Палием.

Польские магнаты стремились воспользоваться Северной войной для пересмотра «вечного мира» 1686 г. и захвата Левобережной Украины. В этом отношении на них должно было отрезвляюще подействовать украинское восстание Палия. Восставшие — их число по некоторым сведениям в сентябре 1702 г. уже достигло 12 тыс.— добились крупных успехов. В ноябре были взяты Немиров и Белая Церковь, войска гетмана Синявского были разбиты наголову.

Люблинский чрезвычайный сейм закончился 30 июня. Последнее заседание длилось около полутора суток. Присутствие на нем Августа II, проявившего большую энергию, помешало попыткам некоторых послов сорвать сейм. По его окончании состоялась рада сената, на которой было принято решение объявить войну в случае, если неприятель не заключит мира в течение шести недель. Королю и министрам было дано тайное позволение заключить договоры с Россией и другими соседними государствами [1].

Разрешением заключать соглашения с другими державами воспользовалась Литва; 28 июня 1703 г. в лагере под Шлиссельбургом Ф. А. Головин заключил союзный русско-литовский договор, подтверждавший «вечный мир» 1686 г. Было постановлено воевать против Швеции, если даже Польша останется нейтральной. 13 декабря 1703 г. в Яворове русско-литовский союз был подкреплен заключением нового соглашения [2].

---

[1] ЦГАДА, Польские дела 1702 г., д. 7, лл. 152 и сл., 187, 210 и сл.; Польские дела 1703 г., д. 8, лл. 85, 86, 88, 92, 125, 139—140, 157, 161, 168, 181, 206—209, 213—215, 232, 249. Письма Г. Ф. Долгорукого Ф. А. Головину.

[2] ПиБ, т. II, № 545, стр. 184—193; № 608, стр. 300—305; *В. Д. Королюк.* Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. «Ученые записки Ин-та славяноведения», 1953, т. VII, стр. 211, примечание 1; *Y. Feldman.* Polska w dobie wielkiej wojny Polnocnej (1704—1709), Krakow, 1925, str. 10—12, 15.

Но осенью 1703 г. сильная крепость Торунь сдалась шведам, и после этого крепнет под шведским покровительством Великопольская или Варшавская конфедерация; в январе 1704 г. эта конфедерация объявила Августа II низложенным с польского престола.

Это событие настолько обеспокоило Петра, что он был намерен, отложив поход под Дерпт и Нарву, двинуть весной 1704 г. основные силы русской армии на помощь попавшему в беду союзнику. Однако низложение Августа вызвало новый взрыв негодования в стране, и большинство войска осталось верным королю. Поэтому Петр ограничился финансовой помощью и посылкой вспомогательных войск в Правобережную Украину. В июле 1704 г. в лагерь под Нарву прибыл для заключения договора между Россией и Речью Посполитой чрезвычайный польский посол Т. Дзялынский, хелминский воевода. В течение полутора месяцев он вел переговоры с Ф. А. Головиным. Заключение договора было ускорено известием о том, что в Варшаве под давлением шведских штыков выбран на польский престол познанский воевода Станислав Лещинский. По условиям Нарвского договора, подписанного 19 августа 1704 г., обе стороны обязались воевать против шведов и не заключать сепаратного мира. Русское правительство обязывалось склонить Палия к очищению Белой Церкви и некоторых других занятых им городов и предоставить Речи Посполитой 12 тыс. вспомогательных войск с артиллерией и снаряжением. Польско-литовское государство со своей стороны должно было выставить 26 200 чел. пехоты и 21 800 чел. конницы, за что Россия обязывалась выплачивать ежегодно до изгнания шведов с польской территории 200 тыс. руб. Содержание русских вспомогательных войск брала на себя Речь Посполитая. Нарвский союзный договор явился важным дипломатическим этапом на пути к полтавской победе[1].

В 1705 г. основные силы русской армии с Петром во главе вступили на польско-литовскую территорию для «удержания уже при падении сущей Речи Посполитой и оной волности и при детронизацыи обретающагося законного короля...»[2]

Несмотря на отдельные неудачи, русскому командованию удалось к осени 1705 г. укрепиться на стратегически выгодных позициях. От победы шведского генерала Левенгаупта над Шереметевым при Гемауертгофе шведы ничего не выиграли. По поводу этого шведского успеха Петр произнес знаменательные слова: «всегдашняя удача много людей ввела в пагубу». Левенгаупт должен был со своим ослабленным войском отступить к Риге; Митава и Бауск подпадают под власть русских.

Город Гродно был тогда же занят русскими и превращен в опорный пункт против шведов. Этим были нарушены коммуникации между войском

---

[1] ЦГАДА, Польские дела 1704 г., д. 27, лл. 75, 78, 80 и сл., 88 и сл., 104, 159 и сл.; ПиБ, т. III, № 706, стр. 129—135.

[2] Из русского ответа польским представителям во время гродненских переговоров. ПиБ, т. III, примечание к № 989, стр. 1045.

Левенгаупта и армией Карла XII, находившегося в Варшаве, где он короновал своего ставленника Станислава Лещинского. Эта коронация отняла у шведского короля целый год дорогого времени.

Силами русской армии с помощью польских и украинских войск к осени 1705 г. удалось очистить от шведов значительную часть территории Речи Посполитой; полностью были освобождены Литва и Курляндия, частично — Малопольша и Украина. Но не был осуществлен основной стратегический замысел северных союзников, заключавшийся в том, чтобы сжать противника в клещах двойного наступления — русских сил с востока и польско-саксонских с запада.

В Польше решения Люблинского сейма 1703 г. о создании сильного боеспособного войска и введении налога на его содержание не выполнялись, и ни один польский пехотный полк не участвовал в кампании 1705 г. На многолюдную гродненскую раду, собравшуюся поздней осенью этого года, Августу пришлось пробираться из Саксонии через прусские владения переодетым, под чужим именем.

Происходившие во время этой рады русско-польские переговоры вскрыли серьезные разногласия между союзниками по украинскому вопросу. Русские наотрез отказались возвратить Белую Церковь и другие забранные у Палия города до тех пор, пока не будет объявлена амнистия участникам палиевского восстания, на что поляки не соглашались. Расхождения обнаружились и по вопросу о запрещении торговли с Ригой для причинения экономического ущерба неприятелю. Еще за несколько лет перед этим русское правительство запретило своим подданным торговать с Ригою. Теперь в Гродно оно требовало распространить запрещение и на Речь Посполитую [1].

После одержанных в Прибалтике побед русское командование не считало более возможным удовлетворяться условиями предыдущих договоров, в силу которых к России отходили только Ингрия и Карелия. Еще в январе 1704 г. велись переговоры с польскими магнатами относительно уступки Эстляндии. Когда в декабре 1705 г. Август предложил «новый союз на старом основании учредить», то Петр ответил отказом [2].

Действия основных русских военных сил, боровшихся со шведами на территории Речи Посполитой, осложнялись тем, что одновременно приходилось заботиться о безопасности возвращенных приневских мест, и прежде всего Петербурга.

Над новой русской столицей действительно нависла серьезная угроза. Шведская эскадра в составе 22 вымпелов под командованием адмирала Анкерштерна должна была прорваться мимо Кроншлота в Неву и атаковать Петербург. Предполагалось, что одновременно с этим 10 тыс.

---

[1] ПиБ, т. III, примечание к № 989, стр. 1036—1052; *J. Feldman.* Указ. соч., стр. 157—164.

[2] ПиБ, т. III, № 620, стр. 5; примечание к № 620, стр. 555—572; № 997, стр. 529—532; примечание к № 997, стр. 1054—1055.

шведов под начальством И. Майделя атакуют город с суши. Шведские военачальники были настолько уверены в победе, что назначили встречу друг с другом в Петербурге. Но они жестоко просчитались. В течение июня и июля 1705 г. шведская эскадра тщетно пыталась овладеть Котлином, разрушить Кроншлот и уничтожить русский флот. Первый шведский десант на остров Котлин был успешно отражен полком Толбухина. Подпустив шведов на близкое расстояние, русские затем внезапным артиллерийским и ружейным огнем обратили неприятеля в паническое бегство. Попытка шведского адмирала напасть на русский флот окончилась столь же неудачно. Шведские корабли несколько раз приближались к Кроншлоту, но артиллерия русской крепости вынуждала противника к отступлению. Неудачными оказались и действия шведского сухопутного отряда Майделя, пытавшегося овладеть Шлиссельбургом. Майдель был разбит, отброшен на правый берег Невы и вынужден был затем уйти к Выборгу.

К осени 1705 г. было почти закончено строительство Адмиралтейской верфи и крепости, заложенных год назад. Это было не только место постройки судов, но и новый укрепленный пункт для обороны Петербурга при нападении на него с левого берега Невы[1].

В 1706 г. на литовско-белорусском театре военных действий разыгрались важные события, получившие название гродненского маневра. После окончания переговоров с представителями Речи Посполитой в декабре 1705 г. Петр уехал в Россию, передав Августу командование союзными войсками. Расположение последних было таково: авангард Меншикова, состоявший из 10 тыс. драгун и двух пехотных полков, находился у Тыкоцина; главные русские силы, насчитывавшие до 25 тыс. человек, куда входили два гвардейских и 23 пехотных полка, были расположены в районе Гродно; линия от Нура к Бресту была занята 10-ю тыс. саксонских и польско-литовских войск. Рассчитывали, что зима пройдет спокойно, так как в те времена военные действия в суровое время года обычно прекращались. Но в конце декабря Карл XII внезапно предпринял поход с берегов Вислы. Он обошел Тыкоцин, прорвал польско-литовский кордон на Буге, отрезал драгун Меншикова от главных сил и 13 января 1706 г. перешел Неман у Гродно. Узнав о приближении Карла XII, Август поспешил с частью кавалерии выбраться из Гродно, обещая скоро вернуться со вспомогательным корпусом. Ко времени подхода шведов в гродненском укрепленном лагере сосредоточилась вся русская пехота.

Расположенный на правом берегу Немана, на возвышении, город Гродно по своему местоположению занимал выгодную для обороны позицию. Устройство гродненского укрепленного лагеря свидетельствовало о быстром росте русского военно-инженерного и артиллерийского искусства

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 101 сл.; *А. В. Предтеченский.* Указ. соч., стр. 32—33.

за годы Северной войны. Лагерная ограда представляла собой линию, хорошо приспособленную к условиям местности. Помимо специальных сооружений, были приспособлены к обороне имевшиеся там строения. Юго-восточная часть лагеря, наиболее открытая для нападения, состояла из двойной линии укреплений, что увеличивало плотность огня. Кроме того, была заранее пристреляна господствовавшая над лагерем с северо-восточной стороны высота (так была устранена ошибка, допущенная в 1700 г. под Нарвой с Германисбергом). Чтобы обеспечить возможность сообщения с левым берегом, у северо-западной оконечности было создано мощное предмостное укрепление.

Карл XII пытался было атаковать гродненские укрепления, но, потерпев полную неудачу, отказался от этого намерения и начал блокаду. Непосредственная угроза миновала, но положение русской армии все же оставалось очень тяжелым. Русское командование на этом этапе войны еще не решалось противопоставить свою армию шведской в открытом бою. Все коммуникации русской армии были перерезаны, и она страдала от недостатка продовольствия.

Хорошо понимая опасность создавшегося положения, русское командование стремилось к одновременному разрешению двух задач: во-первых, облегчить положение гродненской армии и, во-вторых, подготовить оборону границ на случай вторжения шведов. Для осуществления первой из этих задач отряды регулярной кавалерии и украинских казаков тревожили тыл шведов, нападали на шведские сообщения с Варшавой, не допускали связи с Ригой, где стоял корпус Левенгаупта. На случай вторжения шведов в русские пределы были отданы распоряжения укреплять Псков, Смоленск, Великие Луки и самую Москву.

В феврале 1705 г. в битве при Фрауштадте Рейншильд, имевший не более 12 тыс. войск, наголову разбил 30-тысячное саксонское войско, двигавшееся из Саксонии на помощь Августу II. Это показало, что на помощь не приходится рассчитывать.

После битвы Петр отправил в Гродно приказание об отступлении с тем, чтобы, «как возможно, стараться, как бы людей спасти». Он решил вырвать русскую армию под Гродно из блокады и без боя оттянуть ее к своим границам. Против такого выхода возражал фельдмаршал Огильви, так как при этом необходимо было пожертвовать тяжелой артиллерией. Но русское командование заботилось в первую очередь о сохранении личного состава армии.

Вопрос об осуществлении марш-маневра был окончательно решен Петром в распоряжении от 12 марта, где он приказывал отступить на Волынь, прикрываясь болотами Полесья. Здесь же было указано и время для отступления.

Русское командование верно рассчитало, что ледоход на Немане даст ему выигрыш во времени. Действительно, временный мост через эту реку, находившийся в распоряжении шведов, был снесен в половодье

24 марта, тогда как русские войска благополучно переправились по постоянному мосту. Вырвавшись из шведской петли, русские войска 27 марта были в Тыкоцине. 8 мая русская армия почти без потерь подошла к Киеву. Карл XII смог перейти Неман несколькими днями позднее русских и двинулся наперерез русской армии, но настичь ее ему не удалось.

Действия под Гродно являются образцом русского военного искусства. Здесь была отлично выполнена поставленная Петром задача — спасти армию от угрозы разгрома и вывести ее без потери из расставленной неприятелем ловушки. Это было по существу первой крупной неудачей Карла XII, поставившего себе задачу разгромить и уничтожить укрывшуюся в укрепленном Гродно регулярную русскую армию[1].

Вслед за уходом основных русских сил из Гродно на Украину другие русские войска также оставили территорию Речи Посполитой. Не сдерживаемые больше ничьим твердым отпором, шведы сбросили дружескую личину, которой они пытались прикрывать свои агрессивные замыслы по отношению к Польше, и перешли к политике жесточайших репрессий. Во владения противников Карла XII посылались специальные карательные экспедиции, все предававшие огню и мечу. Сильно пострадали города в Литве и, особенно, на Волыни, где Карл XII простоял несколько месяцев перед тем, как отправиться в свой саксонский поход. Репрессии переплетались с политикой экономического подчинения Речи Посполитой Швеции. По договору, заключенному в ноябре 1705 г. между Карлом XII и Станиславом Лещинским, польский порт Поланген подлежал уничтожению, польская внешняя торговля подвергалась ряду ограничений[2].

Страх перед сильнейшим врагом парализовал сопротивление в Саксонии. Без боя 13/24 сентября 1706 г. в своей главной квартире в местечке Альтранштедт под Лейпцигом Карл XII предписал условия позорного мира саксонским уполномоченным. По условиям Альтранштедтского мирного договора Август II отказался от польской короны и от союза с Россией. Он обязался выдать русские вспомогательные войска, находившиеся в Саксонии; обещал сдать шведам польские крепости Краков, Тыкоцин и другие со всей артиллерией и военным снаряжением. Август II не только вышел из войны, но даже предоставил в полное распоряжение Карла XII свои саксонские владения, в которых шведский король мог беспрепятственно и бесплатно пополнить, обмундировать и вооружить свои войска. Этот мир был заключен в глубокой тайне, и когда месяц спустя Меншиков одержал под Калишем победу (18 октября 1706 г.) над швед-

[1] *В. А. Панов.* Петр I как полководец. М., 1940, стр. 36 и сл.; *Д. Ф. Масловский.* Записки по истории военного искусства в России, вып. I. СПб., 1891, стр. 98, 102—103; *Ф. Ф. Ласковский.* Указ. соч., ч. II, стр. 241—242. ПиБ, т. IV, ч. 1. СПб., 1900, № 1117, стр. 109—110; № 1143, стр. 148; № 1158, стр. 168.

[2] *W. Konopczyński.* Указ. соч., стр. 49; *J. Feldman.* Указ. соч., стр. 180 и сл.

ским генералом Мейерфельдом, то в битве на русской стороне еще участвовал Август II[1]. Год после этого Карл XII оставался в Саксонии, усиливая свою армию и готовя ее к новым захватам. Шведский военный лагерь в Альтранштедте временно стал средоточием политической жизни Европы. Туда спешили английские и французские представители, чтобы заручиться шведской поддержкой или, по крайней мере, обеспечить шведский нейтралитет в войне за испанское наследство.

Как только Петр узнал о заключении Альтранштедтского мира, он тотчас же оставил Петербург и в конце декабря 1706 г. прибыл в Жолкву, в Западной Украине близ Львова. Здесь находился штаб русских войск, где его ждали польские и литовские деятели, желавшие сохранить и укрепить союз с Россией. Здесь, в Жолкве, был выработан военный план, приведший два с половиной года спустя к уничтожению прославленной шведской армии. Вместе с тем, как только шведский король удалился за Одер, 60-тысячное русское войско вошло в Польшу, быстро продвинулось до Вислы, и Станислав Лещинский был вынужден бежать в лагерь своего шведского покровителя.

После заключения Альтранштедтского мира Пруссия, которая в 1706 г. в связи с уходом русских из Курляндии сблизилась было с Россией, снова стала усиленно искать шведской дружбы. Дания сохранила нейтралитет. Пережившая ужасы шведской оккупации Речь Посполитая осталась верна Нарвскому союзному договору, но была неспособна к объединенному отпору.

В трудных условиях, лишенное союзников, русское правительство искало посредников для заключения мира со Швецией, тем более что русские победы в Прибалтике давали основание требовать разумных мирных условий и, прежде всего, оставления за Россией Петербурга.

Русские дипломаты вели переговоры при всех значительных европейских дворах о посредничестве в северных делах, настаивая на том, что уклоняющегося от заключения мира Карла XII следует принудить к этому силой, так как рост шведского могущества становится опасным для всей Европы.

Русский посол в Голландии А. А. Матвеев был отправлен осенью 1705 г. в Париж, и в его наказ был включен и пункт о посредничестве. Но французское правительство было озабочено своими военными и дипломатическими неудачами и ограничилось заключением торговой конвенции. В марте 1707 г. Матвеев получил приказ отправиться в Лондон для переговоров о посредничестве и вступлении России в «Великий союз»[2].

---

[1] *G. Lamberty.* Memoires pour servir a l'histoire de XVIII siècle, v. VI, p. 279 сл. (текст Альтранштедтского договора).

[2] ПиБ, т. IV, ч. 1, №№ 1168, 1238, 1275, 1320, 1333; т. IV, ч. 2, примечания к №№ 1168, 1188, 1238; *Т. К. Крылова.* Франко-русские отношения в первой половине Северной войны, стр. 131—144.

Матвеев предлагал англичанам заключить союз с Россией, обещая помогать Англии войсками в ее войне с Францией и предоставить торговые выгоды в балтийской торговле. Матвеев должен был убедить англичан, что им невыгодно усиление Швеции, как союзницы Франции. Он предлагал склонить шведов к миру посредством угрозы послать английский флот в Балтийское море. Он должен был не скупиться на подкупы английских министров, в особенности герцога Мальборо. Однако миссия Матвеева не имела успеха. Англичане враждебно относились к усилению России на Балтийском море; они не желали, по словам английского посла в России Витворта, «отворить царю дверь к европейским делам и торговле». Англия ставила своей задачей полное удаление России из Прибалтики, ей было выгодно истощение в долгой войне как Швеции, так и России. Прекращение Северной войны даже при условии вступления России в «Великий союз» (то есть на стороне Англии, Голландии и Австрии) привело бы к выступлению Швеции на стороне Франции. В силу всех этих соображений миссия Матвеева в Лондоне была встречена недружелюбно. Однако английский представитель наряду с русским, австрийским и голландским принял участие в происходивших летом 1707 г. в Копенгагене переговорах с Данией о возобновлении датско-шведской морской войны. В качестве наиболее эффективного средства предлагалось прекратить полностью ввоз хлеба в Швецию. Поводом для начала этих переговоров послужил австро-шведский конфликт из-за силезских протестантов, которых взял под свою защиту Карл XII. Как только этот конфликт был улажен с помощью английской же дипломатии, копенгагенские переговоры были прекращены.

Но никакое посредничество не могло помочь вследствие чрезмерных требований Карла XII. Он настаивал на возвращении всего приобретенного Россией (включая и Петербург) и возмещении шведских военных издержек.

Для России главная задача после Альтранштедта заключалась в том, чтобы после потери союзника в лице польского короля сохранить союз с Речью Посполитой. Эта задача порождала вторую — настаивать на том, чтобы другие державы отказались признать королем шведского ставленника на польском троне.

Этого добивались П. А. Толстой в Константинополе, Б. И. Куракин — в Риме, А. А. Матвеев — сначала в Париже, а затем в Лондоне и Гааге и другие русские дипломаты при европейских дворах. В связи с этим шла подготовка новых выборов в Польше, и генеральный сейм собрался во Львове в январе 1707 г. Но от выборов нового короля сейм уклонился, и открывшаяся сессия была утверждена как рада Сандомирской конфедерации. Все время, пока длилась сессия, Петр находился в Жолкве, поддерживая лично отношения с деятелями Речи Посполитой. В качестве русского дипломатического представителя во Львове находился В. Л. Долгорукий.

19/30 марта 1707 г. были подписаны два польско-русских соглашения. Одно из них содержало подтверждение Нарвского договора 1704 г., другое — обязательство Речи Посполитой продовольствовать русские войска, находившиеся на ее территории[1].

Весною 1708 г. наметился новый перелом в политических настроениях внутри Речи Посполитой. Шведский гнет дал себя почувствовать с новой силой; шведы открыто попирали польские законы и обычаи, проводили жестокие военные поборы и репрессии, выражавшиеся и в расстрелах крестьян, отказывавших шведам в продовольствии, и в сожжении магнатских замков. Краковский воевода Януш Вишневецкий и польный гетман литовский Михаил Вишневецкий заявили о намерении соединить свои войска с войсками Синявского и вступили в переговоры с Украинцевым и Дашковым — русскими представителями в Речи Посполитой.

В конце мая 1708 г. гетман Синявский прибыл в Ниский лагерь на реке Сан; его сопровождали русские резиденты. В лагере уже находилась часть войск; подходили и другие хоругви — гусарские и панцырные, созываемые гетманскими универсалами[2].

Сторонники Станислава Лещинского в Польше терпели поражение: в конецпольской битве войска И. Потоцкого были разбиты соединенными отрядами Потея и Рыбинского. Усилиями Литовской и Сандомирской конфедераций Карл XII был лишен возможности получить помощь от своего ставленника на польском троне Станислава Лещинского. Таким образом, в Польше партия сторонников союза с Россией была настолько сильна, что Польша оказалась помехой на пути к осуществлению агрессивных целей Карла XII, а не его союзницей.

Тем временем русская дипломатия энергично работала над задачей восстановления Северного союза. В Копенгаген был послан в 1707 г. В. Л. Долгорукий. Цель его миссии заключалась в восстановлении русско-датского союза и в вовлечении Дании в войну со Швецией. Посланец царя объявил датчанам русские условия: для Дании немедленно начать войну со Швецией, для обеих сторон — не заключать сепаратного мира и гарантировать друг другу завоевания, для России — послать Дании 10 тыс. вспомогательных войск и дать субсидии. Но от определения размеров субсидии Долгорукий уклонился.

Датский король соглашался начать войну со Швецией, но предъявленные им к России требования были непомерно велики — 20 тыс. вспомогательных пехотных войск и 2 млн. ефимков (талеров) субсидий на вооору-

---

[1] ЦГАДА, Польские дела 1707 г., д. 8, лл. 69—70, универсал примаса Шембека от 22 декабря 1706 г. н. ст.; Польские дела 1707 г., д. 25, лл. 12—13. Письмо В. Л. Долгорукого Г. И. Головкину от 27 января 1707 г., лл. 176—177. Польское обязательство от 30 марта 1707 г. н. ст. (копия); *J. Feldman*. Указ. соч., стр. 211, 215 и сл., 220.

[2] ЦГАДА, Польские дела 1708 г., д. 18, л. 291. Письмо Е. И. Украинцева и А. И. Дашкова от 29 мая 1708 г.

жение флота единовременно и по 400 тыс. ефимков ежегодно, пока длится война. В ответ Долгорукий предложил субсидии в размере 300 тыс. ефимков одновременно и 100 тыс. ефимков ежегодно[1].

Сдержанность русской дипломатии в вопросе о субсидиях Дании объясняется тем, что в России считали первоочередной задачей восстановление русско-саксонского союза. Поэтому с Августом II велись усиленные переговоры относительно его возвращения в Польшу, ему была обещана субсидия[2].

Нависшая угроза военного выступления Дании и Саксонии против Швеции заставила стокгольмское правительство воздержаться от посылки подкреплений Карлу XII, испытывавшему в этом острую нужду после поражения под Лесной.

Накануне Полтавского сражения русская дипломатия сумела решить свою главную задачу — добиться, чтобы шведы, вторгшиеся на территорию нашей страны, не получили помощи ни из Польши, ни из Турции или Крыма. Это создало благоприятные предпосылки для разгрома интервентов, однако решающую роль в этом разгроме сыграла русская армия.

Итак, со времени Азовских походов по 1708 г. русская внешняя политика проделала большой путь.

Военные действия закончились крупным успехом — занятием Азова, закрепленным договором с Турцией. Международная обстановка, правильно учитывавшаяся русским правительством, однако, не позволила продолжать войну на юге, но способствовала войне со Швецией. Был создан Северный союз в составе России, Дании и Саксонии, но активным членом его была только Россия. Русское правительство сумело провести военную реформу и создать военную промышленность, русская армия показала большое военное искусство и шаг за шагом, проявляя осторожность и настойчивость, продвигалась в Прибалтике. Было занято все побережье реки Невы, основан Санкт-Петербург, занята бо́льшая часть территории Эстонии и Латвии с Нарвой и Дерптом. Русская армия сосредоточилась затем в Литве для помощи Августу II. В гродненском маневре русское командование во главе с Петром I вновь проявило выдающееся военное мастерство — армия была выведена из окружения, готовившегося шведами.

Русская дипломатия действовала рука об руку с армией. Впервые были созданы постоянные дипломатические представительства за границей. Правительство неоднократно предлагало мир и обращалось за посредничеством к западным державам, соглашаясь на умеренные

[1] ЦГАДА, Датские дела 1707 г., д. 15, лл. 35—36, 45—50, 57—58. Письма В. Л. Долгорукого Г. И. Головкину от 14 декабря 1708 г., 8 февраля и 23 апреля 1709 г. (копии, включенные в статейный список В. Л. Долгорукого, начинающийся с 1707 г.).

[2] Там же, Датские дела 1709 г., д. 3, лл. 7—8. Письма Г. И. Головкина В. Л. Долгорукому от 18 марта 1709 г.

условия — сохранение за Россией всей территории, расположенной по течению реки Невы с Петербургом, и выхода к Финскому заливу. Однако Карл XII отверг все мирные предложения, а интересы Англии требовали, чтобы Швеция была занята войной с Россией и не могла оказать помощь Франции, поэтому Англия побуждала Карла XII к походу на восток. Август II вслед за Данией заключил с Карлом XII позорный Альтранштедтский мир. Россия фактически оставалась одна, без союзников, накануне решающего столкновения со Швецией. Блестящая Полтавская победа в корне изменила международное положение в пользу России.

* * *

Полтавская битва[1] является одним из величайших событий в истории России и в мировой истории.

Начиная свой поход на восток, Карл XII ставил перед собой широкие агрессивные цели. Он мечтал покорить Россию, раздробить ее на отдельные княжества. Псков, Новгород и весь север России должны были отойти при этом под власть Швеции. Украина, Смоленщина и другие русские земли отдавались шведскому ставленнику на польском престоле — Станиславу Лещинскому[2]. Бредовый замысел Карла XII сводился, таким образом, к полному расчленению России, ликвидации ее как самостоятельного и независимого государства.

С осени 1707 г. шведская армия повернула из Саксонии на восток: Карл XII надеялся легко разбить русских, оставшихся без союзников. Главный удар он намеревался нанести в направлении Смоленск—Москва. «Король не рассчитывает на долгую войну... Поэтому война должна тотчас же с особенной силой быть направлена в сердце Московии и таким образом скоро и выгодно приведена к окончанию...», — говорил шведский тайный советник Цедергельм в феврале 1707 г.[3]

Этот план был насквозь авантюристическим. Шведский король явно переоценивал собственные силы и недооценивал силы противника. Швеция располагала довольно развитой для того времени промышленностью. Но ее экономические возможности были ограничены. Несмотря на ограбление населения Литвы, Польши, Саксонии, кампанию 1707 г. она начала с предельным напряжением всех ресурсов. Напротив, в трудных условиях ожесточенной войны со шведами в России очень быстро была создана военная промышленность, обеспечивавшая в достаточных размерах армию и флот вооружением, боеприпасами и снаряжением. В развитии материальных средств борьбы русская армия не только не уступала

[1] Текст на стр. 490—510 написан Ю. Р. Клокманом.

[2] *Е. В. Тарле.* Карл XII в 1708—1709 гг. «Вопросы истории», 1950, № 6, стр. 30.

[3] *В. Шутой.* Народная война на Украине против шведских захватчиков в 1708—1709 гг. «Вопросы истории», 1949, № 7, стр. 12.

шведской, но в отношении артиллерийского и стрелкового вооружения значительно превосходила ее[1]. К тому же Карл XII не учитывал патриотизма русского народа, развитого многовековой борьбой с иноземными захватчиками. Авантюристической также оказалась ставка Карла XII на презренного предателя украинского народа Мазепу. В кампании 1707—1709 гг., когда центр тяжести борьбы со шведами переместился на русский театр войны, зарвавшийся агрессор, мечтавший о покорении России, встретил здесь мощный отпор.

Для обсуждения плана дальнейшей войны со шведами в декабре 1706 г. Петр I собрал военный совет в местечке Жолкве (Галиция). Было решено при наступлении шведов сражения «в Польше не давать, понеже ежелиб какое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду (отступление.— *Ред.*); и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет, а в Польше на переправах, и партиями, так же оголоженьем провианта и фуража, томить неприятеля...»[2]

Русский стратегический план предусматривал, таким образом, отвод армии из Польши к границам России, ведение активной обороны с целью изматывания живой силы противника и последующего его полного уничтожения по частям. Временно уклоняясь от решающего сражения с главными шведскими силами, русская армия, отступая, должна была пользоваться всяким удобным случаем, чтобы наносить возможно бо́льший урон шведским захватчикам, задерживать их на водных рубежах, широко развернув одновременно партизанскую борьбу в тылу врага.

Этот план действий соответствовал условиям сложившейся обстановки борьбы со шведскими захватчиками. Позднее в своем обращении к украинскому народу Петр I указывал, что отступление русских войск к границам своей страны было предпринято с «доброго воинского разсуждения», «для утомления его (Карла XII.— *Ред.*) войск к побегу»[3]. Несвоевременное генеральное сражение Петр I рассматривал как «зело опасное дело» и потому готов был дать его лишь после длительной и тщательной подготовки.

В то же время стратегическим планом русского командования правильно учитывался и характер действий Карла XII. В погоне за внезапностью и стремительностью действий шведский король пренебрегал обеспечением коммуникаций, не заботился об устройстве своего войскового тыла, предполагая снабжать армию из местных ресурсов путем грабежа населения захваченной территории. Петр I приказал к весне 1708 г. во всех пограничных районах, тянувшихся широкой полосой свыше 200 км

---

[1] *Л. Г. Бескровный.* Производство вооружения и боеприпасов на русских заводах в первой половине XVIII в. «Исторические записки», кн. 36, 1951, стр. 123.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. I, стр. 144.

[3] ПиБ, т. IX, вып. 1. М.— Л., 1950, № 3029, стр. 63.

от Пскова к Украине, вывезти и спрятать в лесах и ямах хлеб и фураж, чтобы противнику ничего не досталось.

Для того чтобы еще больше затруднить движение шведских захватчиков, на всем протяжении государственной границы от Пскова через Смоленск к Брянску и далее к югу создавались оборонительные линии с помощью устройства засек и завалов в лесах, укреплялись перекрестки важнейших дорог. Одновременно были усилены укрепления Петербурга, Новгорода, Пскова, а также Смоленска, Киева, Великих Лук и особенно Москвы[1]. Готовясь к активной обороне своих государственных границ, русское командование отнюдь не собиралось следовать распространенной в XVIII в. на Западе так называемой кордонной стратегии, основным принципом которой было равномерное распределение всех сил и средств на театре войны для одновременного прикрытия своих коммуникаций и направлений, имевших сколько-нибудь важное значение. Основную часть войск русское командование держало в кулаке, решив действовать сосредоточенными силами против армии противника, широко применяя при этом стратегическое маневрирование на театре войны. Пограничная линия укреплений должна была облегчить русской армии свободу маневра.

К весне 1707 г. не было ясно, в каком направлении двинется Карл XII, пойдет ли он прямо на Москву или сначала в Прибалтику (для соединения с корпусом Левенгаупта, находившегося под Ригой), поэтому русское командование выдвинуло главные силы русской армии на северо-запад, к Полесью. С целью одновременного прикрытия путей на Петербург и Москву пехота заняла Минск, а кавалерия продвинулась еще дальше на реку Вислу. Вместе с тем это еще больше увеличивало глубину театра войны.

В конце августа 1707 г. Карл XII с армией в 54 тыс. чел. выступил из Саксонии в Польшу. В декабре 1707 г. шведская армия переправилась через Вислу. 28 января 1708 г. она заняла Гродно, а 8 февраля — Сморгонь. Здесь Карл XII вынужден был задержаться около месяца, и только в середине марта он продвинулся дальше на восток, но настигнуть отступающую русскую армию и разбить ее главные силы шведам не удалось.

Отступая, русская армия не оставляла ничего из того, чем мог бы воспользоваться вторгшийся враг. Значительную помощь русской армии оказывали партизанские отряды[2]. Наряду с армейскими партизанскими отрядами, состоявшими из регулярных и нерегулярных войск, возникали отряды из местного населения. Партизанские отряды литовских и белорусских крестьян вместе с русской армией оказывали стойкое сопротивление шведским захватчикам. На всем пути следования шведских

[1] ПиБ, т. VII, вып. 1. Пг., 1918, № 2139, стр. 3—4; № 2232, стр. 54—57.

[2] Там же, № 2187, стр. 36; № 2194, стр. 39; № 2196, стр. 40.

войск они сооружали завалы и засеки, устраивали засады, совершали нападения на отдельные воинские части врага.

Совершив искусный маневр, рассчитанный на отрыв от противника, русская армия успешно вышла из-под удара шведских войск и к весне 1708 г. сосредоточилась восточнее реки Уллы, группы Лепельских озер и реки Березины. Численность русских войск достигала 57 500 чел. Кроме того, в Ингрии для защиты Петербурга с севера со стороны Финляндии был оставлен корпус Ф. М. Апраксина, численностью в 50 тыс. чел. Наблюдение за Ригой было поручено 16-тысячному корпусу Боура. Гарнизонные части имелись в Киеве, Нежине, Чернигове и в ряде других городов.

Карл XII помимо армии, находившейся под его личным командованием, располагал еще корпусом Левенгаупта, стоявшим в Риге (16 тыс. чел.), корпусом Либекера, находившимся в районе Выборга (14 тыс. чел.), и отдельным корпусом Крассова (около 8 тыс. чел.), оставленным в Польше для поддержки ставленника шведов на польском престоле Станислава Лещинского.

В июне 1708 г. шведы возобновили наступление, заняли Минск и вышли на левый берег реки Березины.

Преграждая путь шведским захватчикам, русская армия заняла позицию у села Головчина вдоль реки Бабич. Позиция оказалась растянутой почти на 10 км, причем ее центр был совершенно отрезан от правого и левого флангов болотами и заболоченными лугами.

Воспользовавшись этим, Карл XII 3 июля атаковал русскую армию. Бой продолжался около четырех часов, после чего стоявшая в центре дивизия А. И. Репнина, под натиском значительно превосходящих сил противника, вынуждена была отступить. Вслед за ней отошли к Днепру и остальные части русской армии, не принимавшие участия в бою.

Шведские войска, понесшие большие потери убитыми и ранеными (особенно в офицерском составе), не преследовали русских. Бой остался незавершенным, приняв характер чисто арьергардного сражения, которое не принесло стратегических выгод шведам [1].

После боя у Головчина русская армия 5 июля переправилась на левый берег Днепра, прикрывая Смоленск.

Отряды русских войск, действуя совместно с партизанскими отрядами, постоянно тревожили шведскую армию, вступившую 8 июля в Могилев. Переправляясь через Днепр, они совершали частые нападения на отдельные воинские части шведов.

---

[1] Бой у Головчина обнаружил ряд недостатков в организации и управлении русскими войсками; части были слишком растянуты по линии фронта, дивизия Репнина оказалась полностью изолированной от других частей и соединений русской армии. В этой дивизии «многие полки пришли в конфузию, и не исправя должности своей и покинув пушки, непорядочно отступили»,— писал Петр I. Вскрыв все эти недостат-

Карл XII вынужден был выступить из Могилева, так и не дождавшись прибытия корпуса Левенгаупта, который следовал из Риги на соединение с основными силами шведской армии. Шведы стремились обойти главные силы русской армии, стоявшие у Горок, а затем свернуть к Мстиславлю и выйти, таким образом, на Смоленско-Московскую дорогу.

Но русское командование, разгадав этот маневр противника, успело своевременно перебросить главные силы из района Горок к Мстиславлю. 28 августа авангард русских войск в составе восьми батальонов пехоты под командованием генерал-майора М. М. Голицына был выдвинут к селу Доброму, где занял позицию на реке Белая Напа.

Между тем передовые части шведских войск, перешедшие в общее наступление на Смоленск, 29 августа достигли местечка Молятичи на реке Черной Напе и расположились лагерем не далее, чем в шести-семи км от русских позиций.

Авангард русских войск под командованием Голицына 30 августа атаковал шведов у села Доброго. Бой продолжался два часа. Авангард шведов, общей численностью свыше 5 тыс. чел., был разбит, и только подход главных сил Карла XII спас его от полного уничтожения. Сообщая Ф. М. Апраксину о результатах этого боя, Петр I писал: «Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такова огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал...»[1] Бой при Добром показал возросшее боевое мастерство русской армии, которая в ходе кампании постепенно овладевает инициативой, подчиняя противника своей воле.

После боя при Добром русская армия продолжала медленно отходить к Смоленску. Конница все время вела упорные бои с передовыми частями шведов, задерживая их продвижение[2]. Особенно сильное сопротивление шведские захватчики встретили у деревни Раевки (9 сентября), которую упорно защищал небольшой отряд русских войск под командованием бригадира Полонского[3]. Противник потерял одними только убитыми свыше 2000 солдат и офицеров и почти столько же ранеными; русские захватили шесть знамен, а также пленных, в числе которых едва не оказался Карл XII. Потери русских составили только 375 чел. убитыми и пропавшими без вести (многие из них потом вернулись в строй)[4].

10 сентября шведская армия подошла к русской границе у деревни Стариши, но продвинуться дальше на восток не смогла. Встретив

ки, Петр I отдал Репнина под суд, по приговору которого он был разжалован в солдаты. Такая суровая мера наказания должна была иметь большое воспитательное значение и для других военачальников.

[1] ПиБ, т. VIII, вып. 1. М.—Л., 1948, № 2592, стр. 106—107; № 2597, стр. 111.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 164—165.

[3] ПиБ, т. VIII, вып. 1, № 2619, стр. 126—127.

[4] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 164; ПиБ, т. VIII, вып. 1, № 2594, стр. 108—109.

упорное сопротивление, Карл XII вынужден был отказаться от своей попытки пробиться на Москву через Смоленск и решил пойти на Украину. Шведский король ставил своей целью обойти русскую армию на Стародуб, присоединить здесь или в районе Кричева корпус Левенгаупта, а затем двинуться на Брянск и Калугу, чтобы выйти, таким образом, к Москве с юго-запада.

В случае неудачи такого маневра Карл XII полагал продолжать движение на Украину, куда его давно уже звал Мазепа, оказавшийся предателем русского и украинского народов. Он обещал обеспечить шведскую армию продовольствием и предоставить ей спокойные зимние квартиры. Движением на Украину Карл XII рассчитывал, кроме того, ускорить переход Мазепы на сторону шведов, заставить его с украинскими войсками открыто выступить против России; он рассчитывал также влить в шведскую армию на Украине польские войска своего ставленника Станислава Лещинского, наконец, надеялся получить помощь от крымских татар и Турции.

В ночь с 13 на 14 сентября шведская армия выступила на Стародуб, стремясь занять в первую очередь Мглин и Почеп, — города, через которые русские от Смоленска могли прибыть в Северскую землю раньше шведов или одновременно с ними.

Провал попытки шведов достигнуть Москвы через Смоленск явился большим стратегическим успехом русской армии. Продолжая увеличивать свои стратегические преимущества, русское командование с большим мастерством организовало параллельное преследование уходящей на юг армии шведских захватчиков, решительно пресекая все попытки шведов пробиться к северо-востоку.

Когда главные силы шведов, форсировав реки Сож и Ипуть, вышли 25 сентября к Костеничам, Почеп был уже в руках русских. Не удалось шведам овладеть также и Мглином, так как высланный ими отряд был отбит местным гарнизоном, состоящим из 300 солдат и значительного количества вооруженных крестьян[1]. Таким образом, выход на калужскую дорогу оказался закрытым для шведских захватчиков.

В Костеничах Карл XII простоял до 10 октября, выжидая прибытия из Риги отряда Левенгаупта. Русское командование решило разгромить Левенгаупта еще до соединения его с главными силами шведов. С этой целью был организован легкий подвижной корпус — «корволант» в составе десяти батальонов пехоты, посаженной на лошадей, и десяти драгунских полков с приданными им орудиями конной артиллерии, перевозившимися на вьюках; во главе «корволанта» стоял Петр I. Общая численность корпуса достигала 12 тыс. чел.

Между тем Левенгаупт, переправившись 19—20 сентября через Днепр у Шклова, двигался на Пропойск. После боя с русским авангардом Левенгаупт укрепился у деревни Лесной.

[1] *А. Стилле.* Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. СПб., 1912, стр. 32.

28 сентября в направлении Лесной выступили русские войска, разделенные на две колонны. Продвинувшись на 2,5—3 км по труднопроходимой лесистой и болотистой местности, русские войска стали развертываться в боевой порядок. В это время противник стремительно атаковал

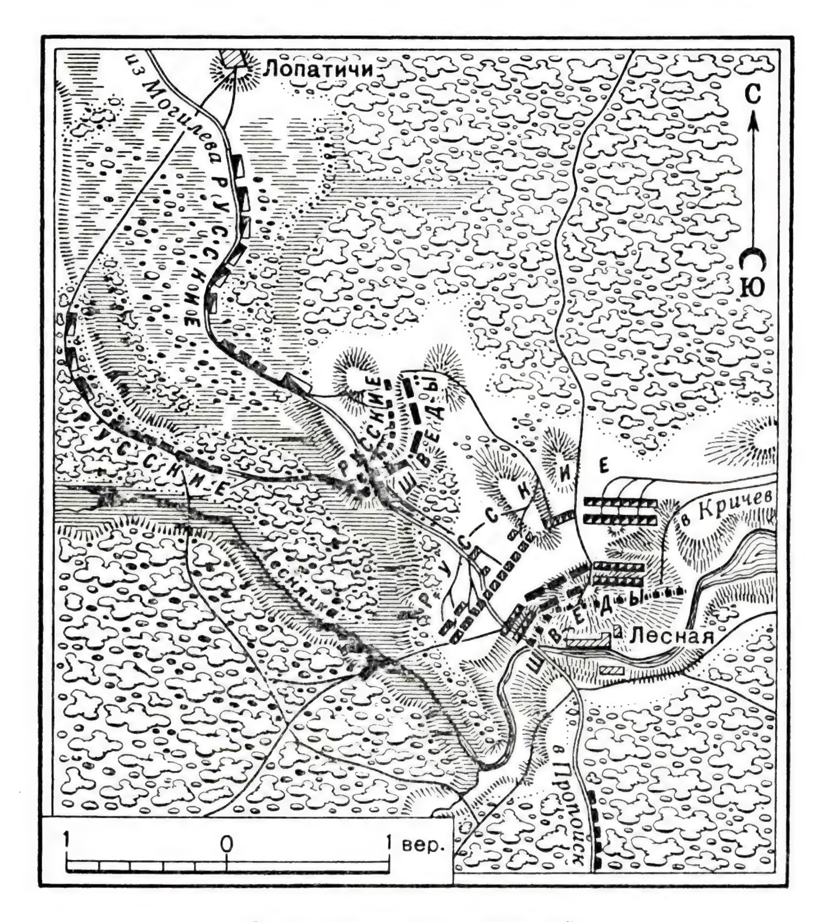

Схема сражения при Лесной

левую колонну русских войск. Тогда передовые части правой колонны — Семеновский и Преображенский гвардейские полки—нанесли сильный удар по фронту и левому флангу противника. В бой была введена также артиллерия. Боевой порядок русских был построен в две линии. Для усиления слабых флангов линейного боевого порядка были выдвинуты в промежутки между линиями с каждой стороны гренадерские роты, три пехотных и два драгунских полка.

В первом часу дня русские войска провели общую атаку на главные силы шведов. Противник встретил атакующих сильным артиллерийским и ружейным огнем, предпринимал неоднократные контратаки. Наконец,

Сражение при деревне Лесной 28 сентября 1708 г.
Цветная гравюра Лармессена с картины маслом работы Мартена Младшего первой четверти XVIII в.

«неприятеля с поля паки збили», и он отошел к своему вагенбургу, потеряв восемь орудий и несколько десятков знамен [1].

К пяти часам подошло подкрепление — пятитысячный драгунский отряд Боура, вызванный из-под Кричева. Возобновив после этого атаку, русские войска решительным ударом опрокинули левый фланг противника и захватили мост через реку Леснянку по дороге на Пропойск. Но в это время со стороны Пропойска подошел ранее посланный туда шведский авангард, что дало возможность Левенгаупту отбить мост. Однако почти половина корпуса Левенгаупта была уже перебита, и ночью он отступил к переправе через реку Сож у Пропойска.

Утром следующего дня было организовано преследование шведов. Русский конный отряд вскоре же настиг арьергард шведов и рассеял его [2]. Не удалось Левенгаупту воспользоваться и переправой у Пропойска. Русские драгуны отбросили авангард шведов и сожгли мост через реку Сож. Левенгаупт бежал с остатками своего разбитого корпуса вниз по течению реки Сож. Он привел к шведскому королю не больше 5—6 тыс. совершенно изнуренных, деморализованных и голодных солдат.

В сражении у Лесной русские войска нанесли шведам полное поражение. Противник потерял на поле боя до 8 тыс. убитыми и при преследовании еще свыше 700 чел. В плен было взято 45 офицеров и более 700 солдат. Русские захватили весь обоз (около 3 тыс. повозок) с большим количеством боеприпасов и продовольствия (в чем шведская армия испытывала особую нужду), 17 орудий и 44 знамени. Потери русских были значительно меньшими: 1111 чел. убитыми и 2856 чел. ранеными [3].

Победа в сражении у Лесной имела огромное значение. Она подняла моральное состояние русских войск. Это сражение Петр I впоследствии справедливо назвал «матерью Полтавской баталии», желая тем самым сказать, что победа у Лесной подготовила разгром шведской армии в битве под Полтавой.

Русское командование заставило шведов принять сражение на пересеченной лесисто-болотистой местности, правильно учитывая преимущества, которые дает русской армии (обладавшей более высокими моральными качествами, чем шведская армия) бой в условиях пересеченной закрытой местности. Петр I рекомендовал своим военачальникам давать сражения в лесистой местности. Его не удовлетворяет и распространенное в то время построение войск в две тонкие линии, ставшее на Западе шаблоном. В связи с этим он увеличивает глубину боевого порядка, выделяя частные поддержки на флангах, применяет резерв.

---

[1] ПиБ, т. VIII, вып. 1, № 2731, стр. 211.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 168.

[3] Там же, стр. 167, 169, 171; ТИРВИО, т. I, № 225, стр. 255—256; № 125, стр. 103; № 214, стр. 240—241; ПиБ, т. VIII, вып. 1, № 2681, стр. 168—169; № 2687, стр. 172—173; № 2689, стр. 174; № 2699, стр. 178—179.

Эффективным нововведением явилась организация легкого подвижного корпуса — «корволанта», состоящего из пехоты, посаженной на лошадей, и кавалерии с орудиями конной артиллерии. Марш-маневр «корволанта», завершившийся разгромом корпуса Левенгаупта в сражении у Лесной, служит блестящим примером реализации принятого русским командованием стратегического плана уничтожения противника по частям.

Шведская армия 10 октября выступила на Стародуб и Новгород-Северский. Это были важные стратегические пункты Северской области, через которые шли пути в центр страны и на Украину. Здесь были собраны большие запасы продовольствия, фуража и боевых припасов.

Но шведам не удалось овладеть ни Стародубом, ни Новгородом-Северским. Русские войска, действовавшие совместно с партизанскими отрядами, а также местное население, не желавшее покориться шведским захватчикам, дали им решительный отпор. Особенно сильное сопротивление шведы встретили под городом Стародубом. Местный гарнизон вместе с горожанами, окрестными партизанскими отрядами и подоспевшими русскими войсками отбили посланные Карлом XII для взятия Стародуба шведские войска. Противник потерял более тысячи человек убитыми и ранеными. Столь же неудачной была попытка шведов овладеть городом Мглином, защищавшимся казаками и окрестными жителями[1]. Мужественное сопротивление захватчикам оказало также население Новгорода-Северского, Почепа, Погар и других городов и местечек[2].

28 октября в расположение шведских войск прибыл украинский гетман Мазепа, который открыто перешел на сторону врага, изменив своему народу и России. Мазепа подготавливал измену уже давно. Воспитанный иезуитами, он долгое время жил в Польше, завязав там тесные связи с королевским двором и польскими панами. В дальнейшем, когда Мазепа стал гетманом Украины, эта связь еще более усилилась. Он заключил договор с Карлом XII и его ставленником в Польше — Станиславом Лещинским. Мазепа обещал шведам поднять восстание украинского народа против России и присоединить украинское казачье войско к шведской армии[2]. В сентябре 1708 г. Станислав Лещинский в инструкции своему резиденту при шведском короле рассказывал об этих сношениях Мазепы с ним и с Карлом XII: «Мазепа прислал ко мне нескольких гонцов с подтверждением данных мне раньше обещаний; он просил о помощи, уверяя попрежнему, что при моем приближении он возобновит со мной связь... его величество король шведский знает обо всем происшедшем по этому поводу»[4].

---

[1] ТИРВИО, т. I, № 33, стр. 29—30; № 94, стр. 81.

[2] ПиБ, т. VIII, вып. 1, № 2816, стр. 276—284.

[3] *В. Шутой.* Указ. соч., стр. 15.

[4] ТИРВИО, т. I, № 195, стр. 207—209.

Коварные замыслы гетмана состояли в том, чтобы с помощью шведских и польских захватчиков оторвать Украину от России, снова отдать украинский народ под иго иноземных захватчиков. Но украинский народ остался верен союзу с братским русским народом и единодушно выступил против Мазепы. Последний обманом привел в шведский лагерь лишь 4—5 тыс. чел., причем многие из них вскоре покинули изменника.

Карл XII рассчитывал занять Батурин, резиденцию Мазепы, где были сосредоточены большие запасы продовольствия, боевых припасов и значительная артиллерия, насчитывавшая до 70 орудий. Но уже 2 ноября Батурин был взят корволантом, штурмовавшим его под командованием Меншикова. Когда король подошел 11 ноября к Батурину, он нашел там одни развалины.

Петр I издал ряд воззваний-манифестов, в которых разъяснялась измена Мазепы. Обращаясь к патриотическому чувству украинского народа, он писал, что гетман перебежал на сторону шведов для того, чтобы с их помощью украинский народ «в полское и Лещинского, також и изменника Мазепы порабощение привесть», вконец разорить Украину непосильными поборами и восстановить в стране униатскую церковь[1].

Борьба народных масс Украины в период иноземного нашествия отнюдь не сводилась к борьбе со шведскими захватчиками, изменниками и предателями украинского народа — мазепинцами. Эта борьба была направлена и против «сребролюбивых и властолюбивых» панов, то есть имела классовый характер[2]. Она была вызвана усилением феодально-крепостнической эксплуатации трудящихся масс украинского народа в начале XVIII в. со стороны казацкой старшины.

Классовая борьба украинского крестьянства, мещан и казачества против своих угнетателей обострилась с самого начала вторжения шведов на Украину, но с момента открытой измены Мазепы она приобрела еще более острые формы, сделалась массовой. Современник происходивших событий Б. И. Куракин отмечал, что в конце октября и начале ноября 1708 г. «во всех местах малороссийских и селах были бунты, и бургомистров и других старшин побивали»[3]. Классовую борьбу на Украине в период шведской интервенции следует рассматривать как часть того мощного антифеодального движения, которое охватило народы России в начале XVIII в.

Таким образом, борьба украинского народа против шведов и мазепинцев тесно переплеталась с классовой борьбой; благодаря этому народная война приобрела еще более широкий размах.

В районах, занятых шведами, крестьяне прятали и уничтожали все запасы хлеба и фуража, покидали деревни и уходили в леса. Объеди-

[1] ПиБ, т. VIII, вып. 1, №№ 2767, 2771, 2794, 2816 и др.

[2] *В. Шутой.* Народна війна на Україні проти шведських загарбників у 1708—1709 рр. Київ, 1951, стр. 116.

[3] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 282.

няясь в партизанские отряды, они нападали на шведских фуражиров, захватывали обозы, уничтожали отдельные отряды врага. Адъютант Меншикова Федор Бартенев доносил ему: «А от черкаса худова ничево нет, служат верно, и шведам продавать ничего не возят, а по лесам собрася конпаниями ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают»[1].

Действия партизанских крестьянских отрядов поддерживались отрядами армейских частей, которые нередко проникали в глубокий тыл вражеского расположения и наносили противнику значительный урон.

Крестьяне выполняли большую разведывательную работу для русского командования: пробирались незамеченными в тыл шведам, доставали «языков», сообщали о передвижениях вражеских войск. Совместные действия крестьянских партизанских отрядов и русских войск становились особенно эффективными, когда они получали поддержку со стороны населения городов. Используя города как свои опорные пункты, русские войска и партизанские отряды успешно отражали крупные силы шведов.

Во второй половине ноября шведская армия выступила в направлении Ромны — Гадяч. Карл XII и на Украине не отказался от мысли о наступлении на Москву, намереваясь овладеть ею, двигаясь теперь через Курск—Тулу[2]. Но и это направление оказалось закрытым для захватчиков. Двигаясь параллельно шведам, русская армия преградила им путь на Харьков и Белгород и в конце ноября оттеснила их в район Ромны — Гадяч — Лохвица — Прилуки.

В январе 1709 г. шведы предприняли осаду Веприка, расположенного на левом берегу реки Псёл. Гарнизон Веприка, насчитывавший полторы тысячи солдат и несколько сотен казаков под командованием полковника Орлова, храбро защищался вместе с населением города, отбив несколько ожесточенных штурмов превосходящих сил противника. Веприк был взят только тогда, когда к городу подошли основные силы шведов. Но этот захват им дорого обошелся. В боях под Веприком противник потерял свыше 2 тыс. солдат и офицеров. Мужественная оборона города остановила наступление всей шведской армии и приблизила развязку под Полтавой[3].

В течение зимы 1708—1709 гг. Карл XII не сумел приобрести ни одного из ожидаемых преимуществ. Ему не удалось ни осуществить наступление на Москву по линии Белгород — Курск — Тула, ни дать отдых своим утомленным и истощенным войскам. На Украине все шире разгоралась народная война против шведских захватчиков и изменников. Возникали новые партизанские отряды. Наряду со Стародубом, Мглином и Веприком прославились мужественной защитой города Пирятин,

[1] ТИРВИО, т. I, № 125, стр. 103.

[2] *А. Стилле.* Операционные планы Карла XII в 1707—1709 гг., стр. 101.

[3] *А. Стилле.* Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг., стр. 67.

Зеньков, Недригайлов, Терны и другие. Современник-летописец рисует яркую картину партизанской борьбы народных масс Украины против шведских захватчиков: «...малороссияне везде на квартерах и по дорогам тайно и явно шведов били, а иных живых к государю привозили, разными способами бьючи и ловлячи блудящих..., и от того много войска шведского уменьшылося»[1].

Шведы с исключительной жестокостью относились к населению Украины. Мстя украинскому народу за упорное сопротивление и за помощь русской армии, шведы и мазепинцы сжигали города и села, истребляли их население, угоняли в плен женщин и детей.

Развивая и используя против шведов партизанскую войну, широко применяя тактику малой войны, русское командование в то же время создавало вокруг противника прочное стратегическое окружение. Важное значение в этом смысле приобретала Полтава, через которую проходили дороги, ведущие вглубь страны. Карл XII рассчитывал после овладения Полтавой открыть шведской армии путь для наступления на Харьков, Белгород и дальше на Москву. Полтава представлялась шведскому королю пунктом, удобным и для поддержания связей с крымскими татарами и Польшей.

В начале апреля шведы осадили Полтаву. Гарнизон Полтавы, насчитывавший 4 тыс. солдат и офицеров, вместе с вооруженными жителями (2500 чел.) под руководством коменданта полковника А. С. Келина стойко оборонял город, отбив в мае и в начале июня несколько ожесточенных штурмов шведов, несмотря на их огромное численное превосходство.

Героическая защита Полтавы помогла сосредоточить поблизости главные силы русской армии. На стороне русских теперь были стратегические и тактические преимущества. Шведская армия на Украине не могла рассчитывать на помощь извне, испытывала острый недостаток во всем необходимом и понесла большие потери от ударов русских регулярных войск и партизанских отрядов.

Блестяще была осуществлена внешнеполитическая изоляция шведов. Путем дипломатических переговоров с турецким правительством русскому правительству удалось предотвратить выступление Турции и ее крымского вассала на стороне Швеции. Для борьбы с войсками Станислава Лещинского и шведским корпусом Крассова, оставленным Карлом XII в Польше, был выделен отдельный русский корпус под командованием генерал-лейтенанта Гольца. Корпус этот действовал весьма успешно, и к моменту решительного сражения под Полтавой Карл XII не смог присоединить к себе войско своего ставленника Станислава Лещинского, равно как и корпус генерала Крассова. Русскому правительству удалось

[1] «Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси, изданный комиссиею для разбора древних актов». Киев, 1888, стр. 48.

также парализовать происки шведов и Мазепы среди запорожских казаков. После того, как кошевой атаман Гордиенко и высшая кошевая старшина перешли на сторону шведских захватчиков и Мазепы, в Запорожскую сечь были направлены русские войска. В начале мая 1709 г. восставшая группа изменников в Запорожской сечи была разгромлена, а приготовленные ею для шведов суда сожжены. В лагерь шведского короля Гордиенко привел лишь незначительную часть своих сторонников.

Русское командование считало теперь, что время для «генеральной баталии» наконец наступило. Решительное сражение становилось необходимым также и вследствие тяжелого положения осажденной шведами Полтавы, гарнизон которой испытывал большой недостаток в продовольствии и боеприпасах.

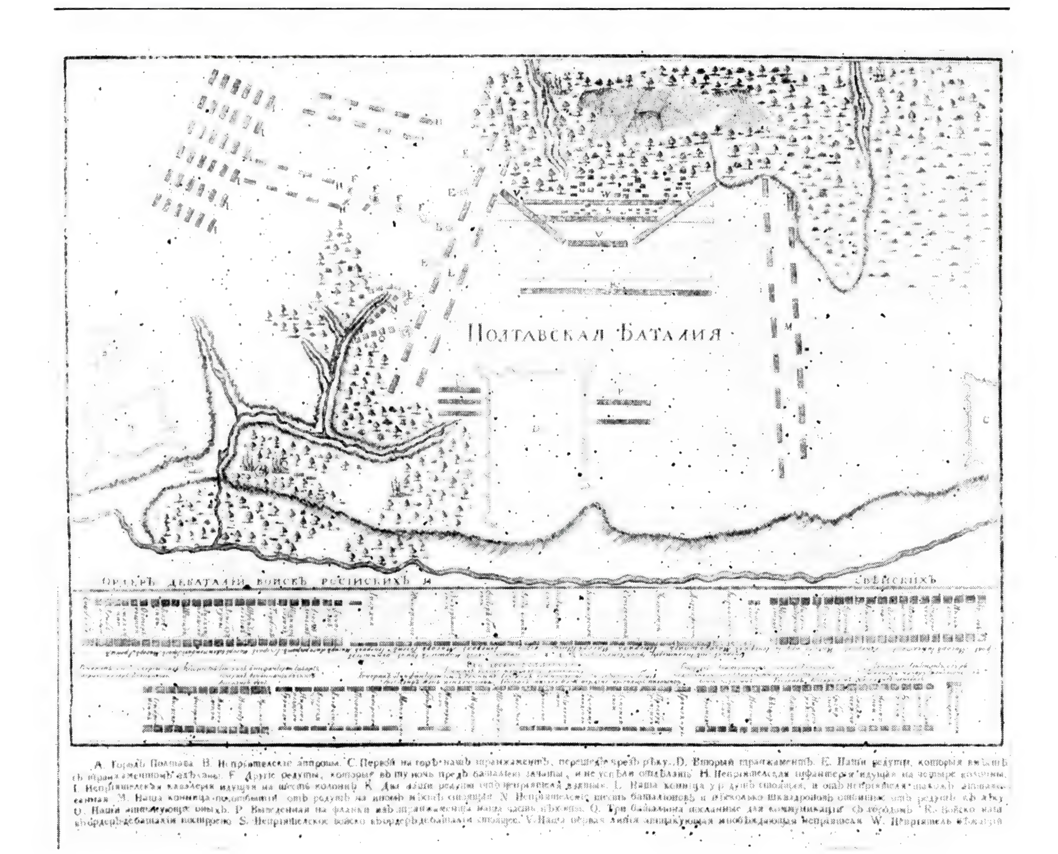
16 июня военный совет принял решение дать шведам генеральное сражение, после чего русская армия выступила на сближение с противником. 20 июня она перешла возле деревни Петровки на правый берег реки Ворсклы, заняв укрепленный лагерь у деревни Семеновки в восьми км от Полтавы. Здесь к главным силам русской армии присоединились украинские казачьи полки. Таким образом, шведская армия оказалась зажатой между Полтавой, которую она продолжала осаждать, и главными силами русской армии. Шведские войска два дня (21 и 22 июня) ожесточенно штурмовали Полтаву, но все штурмы были отбиты героическим гарнизоном и населением города с большими потерями для противника[1].

25 июня русская армия продвинулась еще на три км ближе к Полтаве, став в укрепленном лагере, обращенном тылом к реке Ворскле. Перед фронтом и на правом фланге укрепленного лагеря простиралась открытая равнина, ограниченная лесом на северо-западе, у села Малые Будищи. Левый фланг укрепленного лагеря упирался в густой, трудно проходимый лес возле села Яковцы, который тянулся почти до самой Полтавы[2].

Пересеченный, закрытый характер местности соответствовал избранной русским командованием тактике активной обороны с последующим переходом в наступление. Петр I учитывал особенности тактики шведской армии, ее способность стремительно атаковать противника, широко применять удар холодным оружием, поэтому при подготовке к сражению под Полтавой была проведена большая фортификационная подготовка поля сражения. Наряду с созданием укрепленного лагеря были сооружены шесть отдельных редутов (сомкнутые четырехугольные полевые укрепления) на расстоянии ружейного выстрела один от другого. Перпендикулярно к этой линии редутов в направлении вероятного движения противника были заложены еще четыре редута (два из них не успели закончить ко дню сражения). Их назначение состояло в том, чтобы задержать первый стремительный натиск противника, огнем расстроить его ряды и облег-

[1] ТИРВИО, т. III. СПб., 1909, стр. 271—272.

[2] *Л. Г. Бескровный.* Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946, л. 25; *Б. С. Тельпуховский.* Северная война. М., 1946, стр. 95 и сл.

План Полтавской баталии. Гравюра из Марсовой книги 1713 г.

чить русской армии переход в наступление. В истории военного искусства это был первый случай применения на поле боя системы отдельных сомкнутых укреплений. Столь же новой была идея создания передовой позиции в тактике полевого боя[1].

Ко дню Полтавского сражения русская армия состояла из 58 батальонов пехоты и 17 полков регулярной кавалерии при 72 орудиях, общей численностью около 42 тыс. чел. Шведская армия насчитывала 26 батальонов пехоты и 22 полка кавалерии, всего около 30 тыс. чел., в сражении же принимало участие 24 тыс. чел. при четырех орудиях. Остальные войска и большая часть артиллерии (последняя из-за недостатка боеприпасов) были оставлены Карлом XII под Полтавой.

Около двух часов ночи 27 июня конная разведка, высланная Меншиковым, обнаружила движение противника к русским позициям. Меншиков тотчас выдвинул свою кавалерию вперед за линию редутов и стремительно

---

[1] *К. В. Базилевич.* Петр I — основоположник русского военного искусства. «Большевик», 1945, № 11—12, стр. 41.

атаковал конницу шведов. Завязался упорный кавалерийский бой, в результате которого шведская конница была опрокинута и с потерей 14 штандартов и знамен вынуждена была укрыться за своей пехотой[1].

Увлеченный успехом Меншиков просил подкрепить его конницу полками пехоты. Но Петр I правильно считал, что кавалерия уже выполнила свою первую задачу, успешно выдержав бой со шведами на линии редутов. Дальнейшее ведение боя на передовой позиции не отвечало принятому им плану сражения и становилось опасным, так как русская армия в этом случае могла быть разгромленной по частям; поэтому было приказано отвести конницу на соединение с главными силами укрепленного лагеря.

Преднамеренный отход русской кавалерии за линию редутов шведы приняли за вынужденное отступление. Преследуя ее, они должны были прорываться между редутами и несли большие потери от перекрестного артиллерийского и ружейного огня русских укреплений. Их неоднократные попытки взять эти укрепления не имели успеха (были взяты только два первых не законченных еще редута). С большим трудом противнику удалось пробиться через систему русских укреплений. Но боевой порядок шведской армии был уже нарушен; шесть батальонов пехоты и несколько эскадронов кавалерии под командованием генералов Росса и Шлиппенбаха были отрезаны от главных сил Карла XII и укрылись в лесу у села Яковцы[1]. Эта изолированная группировка войск противника была почти полностью уничтожена.

Между тем главные силы шведской армии, двигавшиеся вслед за отходившей русской конницей, внезапно оказались своим правым флангом на расстоянии не более 60 метров от русского укрепленного лагеря. Русская артиллерия немедленно открыла сосредоточенный огонь ядрами и картечью по боевым порядкам шведов. Шведы несли огромные потери. Их боевой порядок был окончательно расстроен, и они в панике бежали по направлению к лесу села Малые Будищи[3].

Тогда Петр I решил атаковать противника. Его план состоял в том, чтобы охватить противника с обоих флангов. Бо́льшая часть русской армии была выведена из укрепленного лагеря и построена в боевой порядок. Войска приняли расположение в две линии: пехота в количестве 42 батальонов в центре и кавалерия на флангах. Пехота была построена таким образом, что за первым батальоном каждого полка в первой линии стоял второй батальон того же полка во второй линии и, следовательно, вторая линия боевого порядка была превращена в линию поддержек[4].

При таком построении все части и подразделения русской армии получали известную самостоятельность в общем боевом порядке, приобретали

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 195—196; ТИРВИО, т. III, стр. 276—278.

[2] ПиБ, т. IX, вып. 1, № 3297, стр. 258—259; ТИРВИО, т. III, стр. 277—279.

[3] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 196.

[4] ТИРВИО, т. III, стр. 280.

Полтавская баталия 27 июня 1709 г. Цветная гравюра
Симоно с картины маслом работы Мартена Младшего первой четверти XVIII в.

возможность маневра. Если учесть, что в обычном линейном построении некоторую тактическую самостоятельность имели только в целом линии, центр и фланги, то указанное нововведение приобретает тем большее значение[1].

Приближался второй, заключительный период сражения. К восьми часам утра шведская армия выстроилась вдоль опушки будищенского леса. Замысел Карла XII заключался в нанесении сосредоточенного удара по центру русского боевого порядка, прорыв которого, по его мнению, должен был принести победу шведам. Для удлинения фронта своего расположения Карл XII построил пехоту в одну линию, выделив только два батальона за фронт этой линии. Конница была поставлена в две линии и равномерно распределена по флангам боевого порядка шведской армии[2].

Петр I придавал большое значение моральному фактору. Объезжая накануне сражения полки русской армии, он обращался к войскам с короткими речами, в которых апеллировал к самому глубокому чувству— чувству патриотизма[3].

В начале девятого часа шведы перешли в наступление, и почти одновременно им навстречу двинулись русские полки. Вскоре вступила в бой русская артиллерия, поддерживая своим метким огнем наступление атакующих частей. Сблизившись, противники с расстояния 30 метров открыли сильный ружейный огонь по всему фронту. Затем закипел ожесточенный рукопашный бой.

Вначале шведы имели некоторый успех. Обрушившись превосходящими силами на стоявший в центре русского расположения Новгородский полк, они потеснили первый батальон этого полка, который мужественно сопротивлялся, однако не мог устоять против двойного числа шведов. Создавался опасный прорыв в первой линии боевого порядка русских. Обнаружив это, Петр I повел второй батальон новгородцев в контратаку на шведов и решительным штыковым ударом отбросил вклинившиеся части противника. Шляпа и седло Петра были прострелены в бою.

---

[1] *Л. М. Лещинский.* Военное искусство в начале XVIII в. М., 1951, стр. 57, 60—61.

[2] «Полтавская битва», изд. «Об-ва ревнителей военных знаний», вып. 3. СПб., 1909, стр. 168, 185, 221—222, 267—283.

[3] ТИРВИО, т. III, стр. 274—276. Эти обращения были впоследствии, по всей вероятности, обработаны Феофаном Прокоповичем, который дал им название приказа Петра I. ПиБ, т. IX, вып. 1, № 3251, примечание 1, стр. 226—227; т. IX, вып. 2, стр. 980—983. В дальнейшей обработке в литературе XIX в. этот приказ получил следующее оформление: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за род свой, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля,—говорит далее Петр I,—будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего».

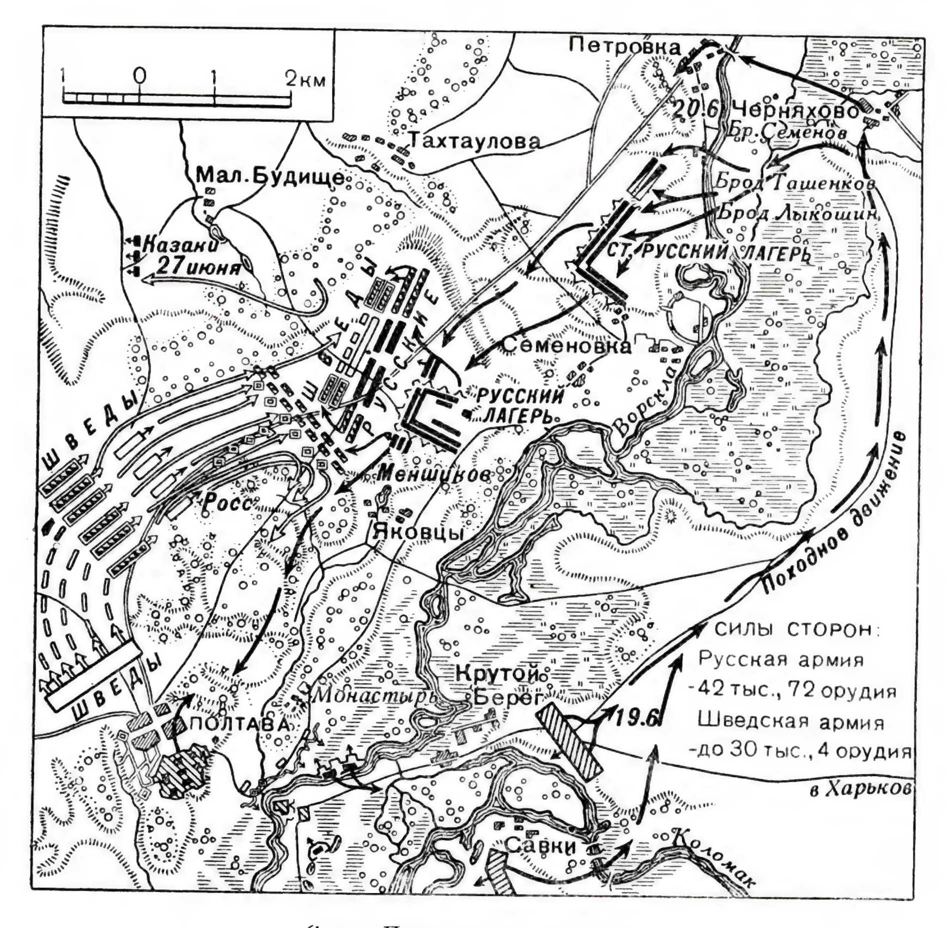

Схема Полтавского сражения

Отбив атаку шведов, русская армия перешла в общее наступление по всему фронту, и рукопашный бой разгорелся с еще бо́льшим ожесточением. Усиливая свой натиск, русская пехота решительно атаковала центр боевого порядка шведов, а кавалерия в то же время теснила противника на флангах, угрожая полным охватом всей армии Карла XII. На левом фланге энергично действовала конница Меншикова — шесть драгунских полков. Непрерывно атакуя, нанося сильные удары холодным оружием, она охватила правый фланг шведов. Шведы, не выдержав штыковой атаки пехоты и стремительного натиска кавалерии, дрогнули и стали отступать. Все попытки короля задержать свои расстроенные, отступавшие полки были напрасны.

К 11 часам утра вся шведская армия была уже окончательно опрокинута. Потеряв последние признаки организованности, она обратилась в беспорядочное бегство к будищенскому лесу. Русская кавалерия энергично преследовала противника.

На поле боя было подобрано 9234 трупа противника, 2864 шведских солдат и офицеров сдались в плен во главе с фельдмаршалом Рейншильдом. Общие потери русских в сражении составляли 1345 чел. убитыми и 3290 ранеными [1].

Преследование противника вне поля боя осуществлялось сводным отрядом в составе Преображенского и Семеновского гвардейских и Ингерманландского и Астраханского пехотных полков, посаженных на лошадей, и десяти драгунских полков. На следующий день, 28 июня, для преследования остатков разбитой шведской армии была послана кавалерия во главе с Меншиковым, за которой последовало несколько полков пехоты.

Шведы, бежавшие с поля боя под Полтавой, направились правым берегом реки Ворсклы к Днепру и вышли к нему 29 июня у Переволочны. Но 30 числа у Переволочны появился Меншиков с отрядом в 9 тыс. чел. кавалерии и конной пехоты. Деморализованные поражением шведские войска во главе с генералом Левенгауптом сложили оружие. Русские взяли здесь 16 947 пленных, а также 28 орудий, 127 знамен и штандартов [2]. Карлу XII и Мазепе за несколько часов до прибытия Меншикова удалось переправиться на правый берег Днепра с 2 тыс. шведов и казаков.

Дальнейшее преследование было поручено генерал-майору Волконскому с отрядом в составе четырех драгунских полков и пяти полков украинских казаков. Кроме того, Петр I приказал генерал-лейтенанту Гольцу, отряд которого находился на Волыни, отрезать путь Карлу XII к польской границе, не дать ему соединиться с корпусом генерала Крассова в Польше. 8 июля Волконский настиг шведов и мазепинцев на реке Буг и в происшедшей схватке перебил из них до 200 чел., а 260 чел. взял в плен. Но Карл XII и Мазепа успели бежать в пределы Турции.

Между тем русская армия, отдохнув после Полтавского сражения, выступила в поход. Главные силы (пехота и часть кавалерии) под командованием Б. П. Шереметева направились в Лифляндию для осады Риги. Другая часть армии, состоявшая в основном из регулярной кавалерии, с Меншиковым во главе, двинулась в Польшу для действий против корпуса генерала Крассова и войск шведского ставленника — Станислава Лещинского [3].

Полтавская битва явилась решающим сражением Северной войны, определив собой перелом и дальнейший исход войны. Русская армия одержала блестящую победу, разгромив на голову первоклассную для того времени шведскую армию. Военное могущество Швеции на суше было окончательно сломлено, и Швеция уже не могла оправиться после понесенного ею поражения.

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 198, 203, 222.

[2] Там же, стр. 219—220.

[3] Там же, стр. 224.

Полтавская битва явилась завершением кампании 1707—1709 гг., блестящим примером выполнения стратегического плана, основанного на новых принципах военного искусства. Исходя из реального состояния сил обеих сторон, русская армия некоторое время уклонялась от генерального сражения со шведами, постепенно истощая и ослабляя наступающего противника, систематически наращивая свои стратегические преимущества, а затем решительным и тщательно подготовленным ударом нанесла врагу полное поражение. Петр отлично понимал, насколько важно правильно выбрать время и место генерального сражения. «Искание боя генеральнаго суть опасно,— в единый час все испровержено,— того для лучше здоровое отступление, нежели безмерный газард» (риск)[1].

Пользуясь большой глубиной и протяженностью театра войны, Петр I широко применяет стратегическое маневрирование, причем его взгляды относительно роли и значения маневра на театре войны были противоположны тому самодовлеющему значению, какое эта форма военного искусства приобрела в то время в армиях других европейских стран. В Западной Европе XVIII в. маневрированию отдавали предпочтение перед боем. Избегая решительных сражений, армии совершали бесконечные марши и контрмарши, стремясь воздействовать на коммуникации друг друга. Под угрозой разрыва своих сообщений с базами снабжения и другими важными стратегическими пунктами противник вынужден был отходить, оставляя спорную территорию, и в результате должен был признавать себя побежденным, хотя и сохранял живую силу своей армии.

В русской армии маневр на театре войны рассматривался не как самоцель, не как единственный способ ведения войны, а как одно из средств поставить свои войска в наиболее выгодное положение по отношению к противнику и стеснить тем самым свободу действий врага, заставить его принять генеральное сражение в невыгодных условиях и облегчить, таким образом, разгром живой силы неприятельской армии.

Большую роль при маневрировании на театре войны сыграла регулярная кавалерия русской армии, крупные соединения которой с приданной ей конной артиллерией впервые в истории военного искусства выполняли самостоятельные задачи стратегического значения.

Весьма ценным и оригинальным нововведением оказалась организация подвижных «летучих» корпусов, «корволантов», для глубоких маневренных действий, требовавших особой быстроты.

Особого внимания заслуживает развитие партизанской войны, вовлечение в борьбу против шведских захватчиков местного населения. В тесной связи с этой формой военных действий стала и другая, получившая название «малой войны», то есть применение для партизанских дейст-

---

[1] *А. З. Мышлаевский.* Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901, стр. 16.

вий в тылу врага отрядов, созданных из регулярных частей армии. Такая форма военных действий применялась русской армией в Прибалтике в период 1700—1704 гг., а в данной кампании получила свое дальнейшее развитие.

А. Д. Меншиков. Гравюра Симона начала XVIII в.

Шведская армия не имела обеспеченного тыла, и это явилось одной из причин, обусловивших ее поражение. В период кампании 1707—1709 гг. шведская армия все время находилась во враждебном ей окружении, постоянно подвергаясь нападениям крестьянских партизанских отрядов и отрядов армейских частей. В процессе войны крепла, выковывалась в борьбе с общим врагом дружба между русским народом и народами Украины, Белоруссии, Литвы, Карелии и др. В состав русской армии входили украинские части, принимавшие деятельное участие в разгроме шведов под Полтавой.

Русское командование тщательно подготовило генеральное сражение и дало его шведам в стратегических условиях, невыгодных для них. Ко времени решительной схватки с врагом русское командование сосредоточило для этого все свои силы, какие только оно могло собрать.

На полях Полтавы русская армия показала не только свою отличную боевую выучку, но и новую тактику, которой не знала шведская армия. Впервые на поле сражения была применена система отдельных сомкнутых земляных укреплений — редутов, приспособленных к круговой обороне. В армиях других европейских стран такая форма полевой фортификации получила распространение лишь к концу века[1]. Не менее новой была также идея создания передовой позиции в тактике полевого боя. Создание такой передовой позиции и линии редутов вполне соответствовало принятой русским командованием тактике активной обороны в сражении, рассчитанной на то, чтобы затруднить маневрирование шведов,

[1] *Е. И. Порфирьев.* Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952, стр. 196.

нарушить стройность их боевого порядка и облегчить в последующем переход главных сил русской армии в наступление. Этому соответствовал боевой порядок русской армии. Принципиально по-новому разрешались вопросы тактики. Боевой порядок русских войск был приспособлен к условиям конкретной обстановки. Он имел большую глубину и сохранял одновременно маневренность своих составных элементов, предусматривал выделение значительного резерва, который не получил широкого распространения в линейной тактике, и, наконец, создавал возможность согласовывать действия отдельных родов войск.

Русские вынудили шведскую армию принять сражение на закрытой местности, что коренным образом расходилось с существовавшими тогда принципами линейной тактики.

В кампанию 1707—1709 гг. русская армия прошла суровую практическую школу войны и вышла из нее еще более сильной и окрепшей, став в подлинном смысле этого слова регулярной армией. Вместе со всей русской армией закалился и приобрел большой боевой опыт ее начальствующий состав. В ходе ожесточенной борьбы со шведами наряду с Петром I выросли такие талантливые полководцы и военачальники русской военной школы, как А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, М. М. Голицын и др.

Полтавская битва завершила собой целый период Северной войны, когда мощь Швеции на суше была сломлена и на очереди стала задача борьбы с ее морскими силами. Вместе с тем Полтавская битва явилась важным этапом в развитии русского военного искусства, показала его несомненное превосходство над военным искусством Западной Европы начала XVIII в.

Славные боевые традиции, приобретенные русской армией в ходе Северной войны, получили свое дальнейшее развитие во время войн второй половины XVIII в., в полководческом искусстве П. А. Румянцева и особенно А. В. Суворова.

3

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И ДИПЛОМАТИЯ В 1709—1716 ГГ.

С Полтавской победой[1] связаны коренные перемены в международном положении России. Сокрушительное поражение шведов, разгром и пленение всей шведской армии означали полный провал агрессивных планов Карла XII. Дальнейшее продолжение войны лишь окончательно расшатывало государственный организм Швеции. Энгельс писал: «Карл XII сделал попытку проникнуть внутрь России; этим он погубил Швецию и показал всем неуязвимость России»[2]. Швеция отныне была низведена на положение второстепенной державы, шведский король вместе с отвергнутым украинским народом изменником Мазепой едва сумел избежать плена.

[1] Текст на стр. 510—526 написан Л. А. Никифоровым.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 9.

В Западной Европе после Полтавы сильно возросли международный вес и значение России и вместе с тем рухнуло представление о Карле XII как о непобедимом полководце. Если до Полтавского сражения русское командование в ожидании глубокого вторжения шведов укрепляло Киев, Серпухов, Можайск, Тверь и даже Москву, то теперь Петр I испытывает уверенность в прочности утверждения России в Прибалтике.

В письме с поля битвы в день победы Петр сообщал Ф. Ю. Ромодановскому «о зело превеликой и неначаемой виктории» и не без иронии замечал, что «вся неприятелская армея фаэтонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ль или с отцы нашими обретается)»[1].

Правильно отмечая значение разгрома шведской армии для перспектив окончательного утверждения России на Балтийском побережье, он писал Ромодановскому, имевшему шуточный титул «князя-кесаря», после сдачи остатков шведской армии под Переволочной: «...Ныне уже без сумнения желание вашего величества [т. е. князя-кесаря.—*Ред.*], яже резиденцию вам иметь в Питербурхе, совершилось чрес сей упадок конечной неприятеля»[2]. Полтавская победа закрепляла за Россией ее завоевания в Прибалтике. Петербург теперь можно было считать обеспеченным от нападений, и русское командование готовилось к расширению военных действий против Риги, Ревеля, Выборга и других шведских городов и крепостей на южном и восточном побережье Балтийского моря.

Полтавская победа, полный разгром шведской армии должны были заставить даже Карла XII подумать о мире. И действительно, вслед за Полтавским сражением, но еще до сдачи шведской армии под Переволочной Карл XII сделал попытку заключить мир с Россией на условиях, предлагавшихся русским правительством накануне Полтавы. С этой целью в русский лагерь был прислан генерал Мейерфельд. Однако эти условия (оставление за Россией Ингрии с Петербургом, а также Нарвы «за эквивалент») были после разгрома шведов уже неприемлемы. Петр I сообщил свои условия, на которых он готов был заключить мир после Полтавы и до возобновления союзов с Данией и Августом II. Кроме Ингрии, он настаивал на уступке России части Карелии с Выборгом. В качестве «запроса», от которого предполагалось отказаться при переговорах, был назван Ревель.

С этими предложениями генерал Мейерфельд возвратился к Карлу XII, а находившийся в русском плену королевский секретарь Цедергельм был послан в Стокгольм к шведскому сенату[3].

Заключение мира на этих условиях положило бы конец войне и сделало бы ненужным возобновление Северного союза. Однако Карл XII

---

[1] ПиБ, т. IX, вып. 1. М.—Л., 1950, № 3252, стр. 227—228.

[2] Там же, № 3281, стр. 246.

[3] *П. П. Шафиров.* Разсуждение, какие законные причины его величество Петр Великий... к начатию войны против короля Карола 12 шведского 1700 году имел..., СПб., 1722, стр. 131—140.

ответил отказом на эти весьма умеренные предложения. Русскому правительству было ясно, что война далеко еще не закончена; перед ним стала задача восстановить Северный союз и создать сильный Балтийский флот, чтобы принудить Швецию к миру.

Огромны были последствия Полтавы и для дипломатических отношений России с западноевропейскими державами. Брак царевича Алексея с принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской (сестрой жены германского императора) был быстро устроен. Ганноверский курфюрст — будущий король Англии Георг I — изъявил желание сблизиться с Россией. В Ганновер был направлен для переговоров Б. И. Куракин, предложивший курфюрсту союз с Россией. Прусский король Фридрих I прислал к Петру I своего министра с поздравлением и пригласил его на свидание. Коронованный при помощи шведского оружия Станислав Лещинский бежал из Польши в Померанию, а польские сенаторы благодарили Петра I за освобождение Польши от шведского ставленника и восстановление Августа II на польском престоле. Август II прибыл для встречи с Петром в Торунь. Здесь 9 (20) октября 1709 г. был подписан новый оборонительный и наступательный союзный договор между Россией и Польшей, направленный против Швеции и шведского ставленника Станислава Лещинского. Стороны обязались действовать совместно против шведов, не заключать сепаратного мира, приложить усилия к привлечению в антишведский союз Дании и Пруссии[1].

Здесь же, в Торуни, был подписан особый секретный артикул, в котором говорилось, что Лифляндия должна перейти в наследственное владение к Августу II как курфюрсту саксонскому[2]. Одновременно было решено, что Эстляндия с Ревелем перейдет к России[3]. До этого по договорам с Августом II Россия должна была получить только Ингрию.

С Данией был возобновлен союзный договор 1699 г. До Полтавы (в 1708—1709 гг.) русский посол в Копенгагене В. Л. Долгорукий долго и безуспешно добивался восстановления союза с Данией. Датское правительство не решалось вступать в союз, выжидая, чем закончится поход Карла XII в Россию. Оно опасалось шведов, а также англичан и голландцев — гарантов Травендальского мира. Об этом датские министры без обиняков заявляли Долгорукому. Даже такой значительный успех русской армии, как победа при Лесной, не мог склонить датчан к возобновлению союза с Россией. После Лесной Долгорукий предлагал датскому правительству за возобновление союза 300 тыс. ефимков субсидии на первый год и по 100 тыс. ефимков ежегодно до окончания войны. В 1709 г., незадолго до получения известий о Полтаве, Долгорукий предложил, кроме указанных субсидий, значительное количество материалов для оснащения

---

[1] ПиБ, т. IX, вып. 1, № 3448, стр. 400—407.

[2] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 3, стб. 1561.

[3] *Б. Б. Кафенгауз.* Северная война и Ништадтский мир. М.— Л., 1944, стр. 42

датского флота, 2—3 тыс. матросов и 10 тыс. человек пехоты. Он получил полномочие предложить датчанам еще больше — 500 тыс. ефимков субсидии на первый год и не 10 тыс., а 20 тыс. солдат, но подоспевшие известия о Полтавской «виктории» побудили его воздержаться от сообщения этих предложений датчанам. После Полтавы Долгорукому было приказано добиваться заключения оборонительного и наступательного союза с Данией без всяких субсидий. Датчане некоторое время упорствовали, настаивая, чтобы им была оказана помощь людьми и деньгами, однако Долгорукий решительно отказал им в этом. Одновременно послы Англии и Голландии в Копенгагене, по выражению В. Л. Долгорукого, «двигали небо и землю», чтобы удержать датского короля от вступления в войну против Швеции в союзе с Россией; они угрожали датским министрам, что Англия и Голландия выступят на стороне Швеции, и одновременно обещали им добиться после окончания войны за испанское наследство крупных территориальных уступок со стороны Швеции в пользу Дании. Представители морских держав не скрывали от Долгорукого свое враждебное отношение к возобновлению Данией союза с Россией[1].

Русский посол в Гааге Матвеев, видя настойчивые усилия англичан и голландцев помешать вступлению Дании в войну против шведов, резко заметил на совещании с пенсионарием и с английским послом, «чтобы они в дела короля дацкого не мешались, а ежели будут мешатца, царское величество, будучи в союзе с королем дацким, воздаст им от своея стороны взаимно за такое от них зло, ежели что увидит»[2]. Несмотря на все усилия морских держав помешать восстановлению Северного союза, Дания заключила союзный договор с Россией 11 (22) октября 1709 г. и притом без всяких субсидий.

По этому договору Дания обязалась наступать на шведов со стороны Норвегии, а также высадить десант в Сконии, а Россия — действовать со стороны Финляндии и в Польше[3].

Полтавская победа не только обеспечила восстановление Северного союза в составе России, Польши, Саксонии и Дании, но и создала предпосылки для его расширения. Русская дипломатия стремилась привлечь к нему Ганновер и Пруссию. Оба эти государства, видя крушение Швеции и будучи заинтересованы в приобретении некоторых шведских владений на континенте Европы, шли, правда, пока еще с некоторой оглядкой, на сближение с Россией.

С Пруссией 21 октября 1709 г. был заключен оборонительный союзный договор в Мариенвердере, согласно которому Пруссия обязалась содействовать интересам Северного союза и не допускать прохода швед-

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, л. 192.

[2] Там же, л. 194.

[3] ПиБ, т. IX, вып. 1, № 3554, стр. 496—502. Договор был ратифицирован Петром I 30 декабря 1709 г.

ских войск через прусскую территорию. Договор предусматривал, что по окончании войны за испанское наследство Пруссия пойдет на дальнейшее сближение с Россией, Польшей и Данией[1].

Секретная статья договора с Пруссией содержала обещание России доставить прусскому королю за его обязательство не пропускать шведские войска через Пруссию город Эльбинг с окружающей территорией. Этот город предварительно следовало очистить от шведского гарнизона[2]. Тем самым Пруссия не только давала согласие на развертывание действий русских войск в Померании, но и сама оказывалась в этом заинтересована.

Завязавшиеся переговоры с Ганновером привели к подписанию 3 июля 1710 г. союзной конвенции сроком на 12 лет. Согласно этой конвенции русское правительство обязалось не нарушать мира в империи, если шведские войска, расположенные в германских провинциях Швеции, не предпримут враждебных действий против России и ее союзников. Ганноверский курфюрст обязался, в свою очередь, содействовать обеспечению безопасности немецких провинций союзников России — Дании и Августа II[3]. Это соглашение было важным шагом на пути сближения с ганноверским курфюрстом, которому вскоре предстояло стать королем Англии.

Известие о поражении шведов под Полтавой произвело огромное впечатление также и в Турции. Наиболее показательным в смысле влияния Полтавского сражения на русско-турецкие отношения было резкое изменение отношения в Константинополе к русскому послу П. А. Толстому. Султан лично принял Толстого и заверил его, что если Россия не нарушит мира, то он, султан, также не нарушит его. Необычно любезно говорил с русским послом также великий визирь[4]. В этот момент турецкое правительство не желало войны с Россией и ответило отказом на предложение Карла XII заключить союз со Швецией против России.

Французское правительство также начало искать пути сближения с Россией. Как высоко расценивалось в это время могущество России во Франции, видно из того, что во время закончившихся неудачей предварительных переговоров о мире между Францией и Великим союзом французские уполномоченные на первых же заседаниях предложили пригласить посредников для заключения мира, имея в виду русского царя, датского короля и польского короля Августа II[5].

В Россию был послан для переговоров чрезвычайный посланник де Балюз, который уже побывал в Москве в 1703—1704 гг. Ему было поручено предложить посредничество Франции в заключении мира между Россией и Швецией. В Париже было известно о готовности России за-

[1] ПиБ, т. IX, вып. 1, № 3466, стр. 420—425.

[2] Там же, № 3467, стр. 425—427.

[3] *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. V, стр. 71—75.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, л. 224.

[5] Сб. РИО, т. 34, стр. 430. Это предложение было отвергнуто представителями Англии и Голландии.

ключить мир, да и Карл XII заявил французскому посланнику в Константинополе, что ему было бы приятно посредничество Людовика XIV в примирении России и Швеции [1].

Французское правительство надеялось, что Россия и Швеция, заключив при помощи Франции мир, окажут затем давление на державы Великого союза и заставят их прекратить войну против Франции.

Балюз должен был попытаться убедить Петра I, что Англия и Голландия, дорожа своей торговлей с Россией, признают его посредником, в противном случае «и без оружия он может в один день причинить более вреда голландцам и преимущественно англичанам, которому они не подверглись бы, проиграв сражение». Французскому представителю было поручено добиваться получения поддержки со стороны России и Швеции, а также со стороны венгерских повстанцев, выступивших против императора. При этом ему следовало навести Петра I на мысль посадить царевича Алексея на венгерский престол [2].

Во Франции высказывалось мнение, что «нет никакой выгоды для Франции щадить теперь Швецию, так как она отказала ей в своем союзе в начале настоящей войны и предпочла заключить союз с Англиею и Голландиею...» [3] Отмечалось, что Петр I становится самым могущественным монархом в Европе, и это делает его грозным для соседей и возбуждает «весьма основательную зависть в императоре и в морских державах».

Французское правительство готово было предложить России торговый договор с Францией и Испанией, «равно выгодный как для этих двух держав, так и для Московского государства, откуда получаются мачты и лес, годный для постройки кораблей, деготь, смола, пенька, поташ, кожи, воск, мед, меха, шелк и разный персидский товар». Чтобы склонить Россию к союзу с Францией, считали необходимым предложить услуги французского правительства для получения согласия от султана на проход русских кораблей из Черного моря в Средиземное [4]. Одновременно предлагали установить торговлю с Францией также и через балтийские порты, закрепив их за Россией, и тем самым вырвать балтийскую торговлю из рук голландцев [5].

Морские державы и в особенности Англия были встревожены успехами России. Продолжение войны лишь расширяло приобретения русских на Балтийском побережье. К союзу с Россией стремился теперь ряд европейских держав, а Франция выдвигала ее в качестве арбитра в своей войне с Великим союзом, что еще более увеличивало значение и могущество

[1] Там же, стр. XVI—XVII.

[2] Сб. РИО, т. 34, стр. 431—432.

[3] Там же, стр. 420—421. Имеется в виду союзный договор, заключенный Швецией с морскими державами в начале 1700 г.

[4] Там же, стр. 418—424.

[5] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, 1710, л. 198. Об этом французский представитель в Дании заявил русскому посланнику в Копенгагене В. Л. Долгорукому еще в октябре 1709 г.

России. В создавшейся обстановке морские державы ничего не могли противопоставить России. В Европе не было такой державы, которая пошла бы на войну с нею, а выступить своими силами Англия и Голландия не решались. В результате англо-голландская дипломатия, желавшая добиться взаимного ослабления России и Швеции, основательно просчиталась. Правительства морских держав сожалели, что не приняли на себя посредничества в примирении России и Швеции, так как это дало бы им возможность быть в курсе всех переговоров между ними и держать в своих руках нити, ведущие к заключению мира.

Победа Швеции также не отвечала интересам Англии и Голландии до тех пор, пока не закончилась война за испанское наследство. Призрак возможного франко-шведского союза все же существовал, но победа России, да еще такая полная, также не соответствовала целям и намерениям морских держав, желавших прежде разбить Францию, а затем предписать свою волю северным державам.

Распространившиеся в Европе слухи о готовности шведского короля заключить мир с Россией заставили правительства морских держав принять меры к тому, чтобы подорвать возможность мирных переговоров между Россией и Швецией. При этом английские и голландские дипломаты не скупились на обещания Швеции, которые они не собирались выполнять. Об этом сообщал в конце октября 1709 г. русский посол в Дании В. Л. Долгорукий[1]. Единственная цель этих щедрых обещаний, расточавшихся англо-голландскими дипломатами, заключалась в том, чтобы, поддерживая у шведского правительства надежду на помощь со стороны морских держав, заставить его продолжать войну с Россией, несмотря на то, что после полтавского поражения, когда на шведов, кроме России, вновь поднялись Польша и Дания, перспективы этой войны оказывались для Швеции весьма мрачными.

Особенно остро ощущало недовольство сложившимся положением правительство Англии, отказавшееся в свое время принять на себя посредничество в примирении России и Швеции и строившее свои расчеты на их взаимном истощении в ходе Северной войны. Теперь в Лондоне считали желательными вступление России в союз с Англией и посредничество между Россией и Швецией.

В октябре 1709 г. министр королевы Анны лорд Сундерленд писал Витворту, что «и в видах ее величества, и в видах общего блага было бы большим счастием вызвать в северных державах желание посредничества со стороны Англии и Штатов». 1 ноября 1709 г. Сундерленд писал Витворту, что теперь желательно привлечь Россию в Великий союз[2].

Но удобный момент был упущен дипломатией морских держав. Если раньше, до Полтавы, русское правительство готово было поступиться важными политическими и торговыми преимуществами за одно только посред-

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, л. 198.
[2] Сб. РИО, т. 50, стр. 260, 264—265.

ничество, то теперь на намек английского посла в России Витворта о желательности обращения русского правительства к королеве с просьбой о посредничестве Петр I ответил, что он, как и прежде, готов заключить мир «на условиях, способных обеспечить безопасность и потребности его государства», и примет посредничество, если оно будет предложено в надлежащей форме. Несколько позднее русское правительство заявило о своем согласии вступить в Великий союз, причем Петр I заявил Витворту, что «такое предложение ему больше по душе, чем посредничество» [1], а также, что он готов со своей стороны оказать услуги при мирных переговорах между Францией и Великим союзом. Это русское предложение отражало сложившееся в то время в Европе соотношение сил, так как инициатором предложения об избрании Петра I посредником между Францией и Великим союзом был Людовик XIV.

Посредничество западноевропейских держав было теперь совсем нежелательным для России. Петр I и его министры полагали, что сумеют путем непосредственных переговоров добиться от Швеции гораздо большего, чем при помощи Англии и Голландии. Куракину, который направлялся в октябре 1709 г. в Ганновер и затем в Англию, было приказано всячески избегать предложения о посредничестве. Если такое предложение все же было бы сделано, Куракин должен был не отказываться от него, но предварительно узнать, какие выгоды может получить Россия от Швеции благодаря этому посредничеству [2].

Россия и ее союзники опасались теперь, что морские державы, заключив мир с Францией, окажут Швеции дипломатическую и материальную поддержку. Особенно опасались в России возможности враждебного выступления Англии, понимая подлинное отношение английского правительства к Северной войне после Полтавы, к русским завоеваниям на Балтике. Поэтому Б. И. Куракину, направлявшемуся к 1710 г. в Англию, было приказано действовать осторожно и осмотрительно, «не укрочаяся отнюдь на сладостные обещания и уветы от министерства», учитывая урок с признанием английским правительством Станислава Лещинского [3].

Война за испанское наследство связывала руки морским державам и препятствовала их (в первую очередь Англии) вооруженному вмешательству в борьбу на Балтийском море. Выявившийся в результате Полтавы огромный рост могущества России, превращение ее в решающую силу на Балтике побуждали их спешить с заключением мира с Францией, чтобы получить свободу рук для поддержки Швеции и выступления против России.

Члены Великого союза были в это время озабочены событиями на территории Германии. Шведские войска, находившиеся в Польше и Лифляндии, после Полтавы отступали в шведскую Померанию. В связи с этим

[1] Сб. РИО, т. 50, стр. 305—306, 344—345.
[2] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 2. СПб., 1891, стр. 28.
[3] Там же, кн. 4. Саратов, 1893, стр. 167.

Петр I направил Шереметева в Лифляндию для осады Риги, а Меншикова — в Польшу для действий против Станислава Лещинского и шведского корпуса Крассова.

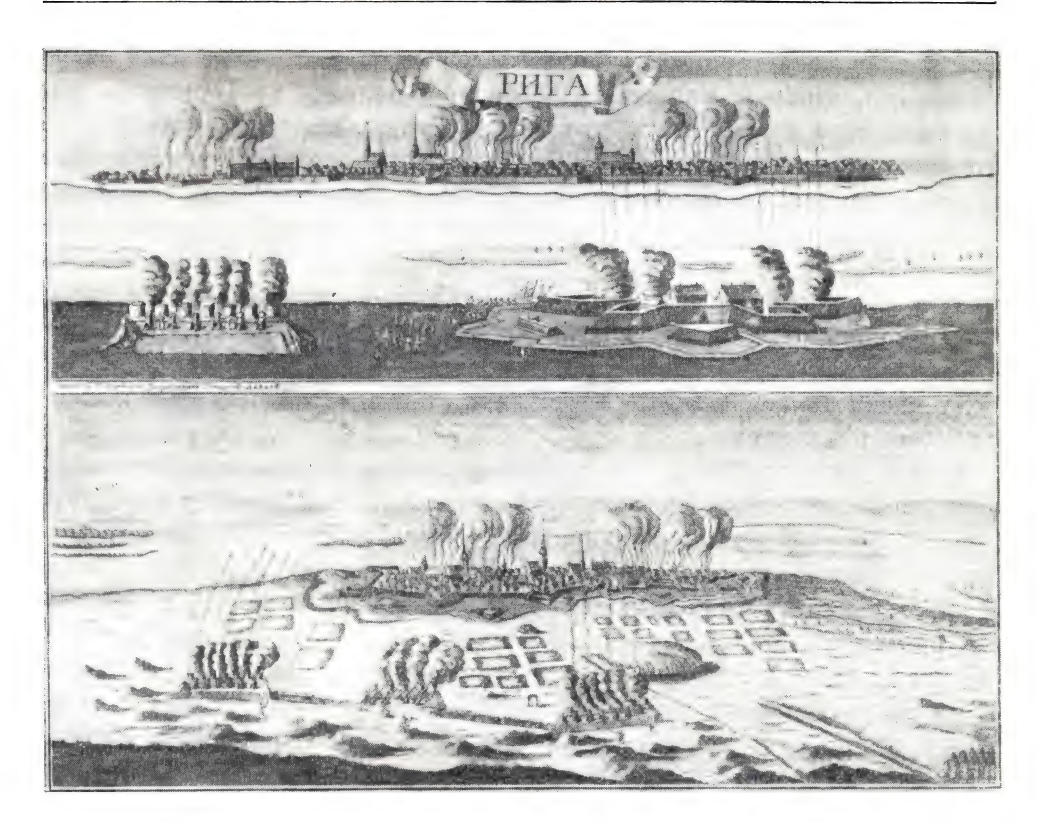
В результате энергичных действий русских вооруженных сил в 1710 г. были одержаны победы над шведскими войсками в Прибалтике. Крупные шведские крепости—Выборг, Рига, Кексгольм,Пернов и Ревель—перешли к России. Наибольшее значение имело взятие Выборга и Риги.

Выборг был приморской крепостью с сильным гарнизоном и многочисленной артиллерией. Овладение им было необходимо в целях обеспечения безопасности Петербурга. Петр, понимая стратегическое значение Выборга, называл его «крепкой подушкой Петербургу». Опираясь на Выборг, шведские войска постоянно угрожали этому новому русскому порту, а шведский флот из Выборгского залива мог развивать действия против молодого русского флота.

Попытка взять Выборг в 1706 г. успеха не имела. Русское командование убедилось, что для овладения крепостью необходимо отрезать Выборг от находившихся в Финляндии шведских сухопутных сил, а также предупредить возможность поддержки Выборга со стороны шведского флота. В 1710 г. операция выполнялась объединенными силами армии и флота. В марте 1710 г. корпус русских войск численностью в 13 тыс. чел. с легкой артиллерией под командованием Апраксина совершил поход по льду Финского залива от Котлина к Выборгу и осадил крепость. Затем, когда в заливе еще были пловучие льды, к Выборгу направился русский флот с подкреплениями и тяжелой артиллерией. Он сумел опередить шедшую на помощь Выборгу шведскую эскадру Ватранга. Чтобы беспрепятственно пройти в Выборгский залив, не понеся потерь от крепостной артиллерии, русский флот применил военную хитрость — на кораблях были подняты шведские флаги, а также был инсценирован бой с русскими батареями, находившимися на берегу. Выгрузив подкрепления, артиллерию и боеприпасы, флот вернулся к Котлину. Теперь русский осадный корпус мог не опасаться шведского флота—у входа в Выборгский залив были установлены сильные русские батареи, заставившие эскадру Ватранга держаться на почтительном расстоянии и ограничиться ролью наблюдателя.

Ввиду бесполезности сопротивления, шведское командование 13 июня 1710 г. сдало город, не ожидая штурма. «И тако чрез взятие сего города, Санктпитербурху конечное безопасение получено»,— писал Петр I. Падение Выборга решило судьбу Кексгольма, занятого в сентябре 1710 г. русскими войсками.

Осада Риги началась еще в 1709 г. Сюда после Полтавы были двинуты значительные силы русской армии под командованием Б. П. Шереметева. Однако осада сильно затянулась — шведы сумели подготовить город к осаде, создали запасы продовольствия и сосредоточили в городе значительные силы. На зиму 1709—1710 гг. основной задачей осаждающих было предотвратить получение Ригой подкреплений из Швеции. Весной 1710 г.

Бомбардировка Риги. Гравюра Г. де Витта начала XVIII в.

осада Риги возобновилась с новой силой. Среди осажденных свирепствовали голод и болезни и в частности чума, которая перебросилась и в русский лагерь. Русское командование подвергло город усиленной бомбардировке, и в результате 4 июля 1710 г. город был сдан русским войскам. Шведскому гарнизону было разрешено покинуть город.

Весной 1710 г. была начата осада Ревеля. Несмотря на попытку шведского командования оказать поддержку осажденному гарнизону с моря действиями шведского флота, Ревель в конце сентября 1710 г. был также вынужден капитулировать.

В результате успешных действий русских вооруженных сил к осени 1710 г. Эстляндия, Лифляндия и Карелия были очищены от шведских войск. Одновременно усилилось русское влияние в Курляндии. Внешним выражением этого явился брак между курляндским герцогом Фридрихом-Вильгельмом и племянницей Петра I Анной Ивановной.

На очередь вставал вопрос о разгроме сухопутных сил Швеции, находившихся в Померании, на континенте Европы.

Чтобы сломить сопротивление Швеции, лишить шведов плацдарма в империи, необходимо было направить крупные силы русских войск в Померанию. Но появление русской армии в Померании задевало инте-

ресы членов Великого союза. Англия, Голландия и Австрия были заинтересованы, чтобы пожар войны не распространился на Германию, ибо тогда возникла бы опасность, что датские, прусские, саксонские и голштинские отряды, сражавшиеся в Нидерландах на стороне Великого союза против Франции, могли быть отозваны. Морские державы воевали в основном чужими руками при помощи наемников, которых поставляли главным образом немецкие князья. Кроме того, развертывание военных действий в Германии заставило бы Австрию для обеспечения безопасности своих границ оттянуть часть войск, сражавшихся против Франции. Все это явилось бы сильнейшим ударом по антифранцузской коалиции, поэтому члены Великого союза настойчиво стремились к сохранению нейтралитета в Германии.

Еще в декабре 1709 г. представители Англии и Голландии пытались добиться от Августа II обязательства не распространять войну на Германию, обещая удержать от этого и шведов и не дать им вторгнуться в Польшу или напасть на Данию со стороны Германии. 31 марта 1710 г. в Гааге представителями Великобритании, австрийского императора и Соединенных провинций была подписана конвенция о сохранении в империи нейтралитета. Затем 4 августа 1710 г. была подписана конвенция, предусматривавшая создание нейтрального корпуса войск для обеспечения нейтралитета в империи. Все это делало вопрос о вступлении русских войск в Померанию весьма щекотливым.

Вместе с тем конвенция о нейтралитете была заключена не только с целью сохранения мира в Германии и устранения угрозы военным планам Великого союза, но также и для того, чтобы не допустить появления в Германии русской армии, соединения сил всех участников Северного союза и окончательного разгрома Швеции. В результате объявления нейтралитета в империи войска северных союзников не могли вступать в шведскую Померанию, и таким образом обладание ею было для Швеции гарантировано. Однако Карл XII с присущим ему упрямством безрассудно отверг эту конвенцию, несмотря на то, что она была одобрена шведским сенатом; он отказался признать конвенцию о нейтралитете, ибо она была заключена в его отсутствие и без его согласия[1]. В то же время русское правительство, а также союзники России — Дания и Август II — хотя и без энтузиазма, но все же заявили о своем согласии с конвенцией при условии, что они будут обеспечены от нападения со стороны шведских войск, находившихся в империи[2].

Конвенция 1710 г. о нейтралитете носила враждебный интересам России характер, имела целью оказать косвенную помощь шведам, задержать проникновение войск северных союзников в шведские провинции в Германии, сохранить эти провинции за Швецией и таким образом приостановить успехи России и ее союзников.

[1] *J. F. Chance.* George I and the Northern War, London, 1909, p. 15.

[2] «British Diplomatic Instructions», v. I. Sweden, London, 1922, p. XV.

Об этом имеется вполне авторитетное свидетельство вице-канцлера П. Шафирова. В известном «Рассуждении», излагавшем позицию русского правительства относительно причин, хода и событий Северной войны, Шафиров с полной ясностью показывает, что сохранения нейтралитета шведских владений в Германии добивались морские державы и что русское правительство относилось к этому резко отрицательно, хотя и было вынуждено согласиться на подписание конвенции о нейтралитете. Говоря о просьбах Англии и Голландии «покою в Германии вступлением во оную не нарушивать» и указывая, что «морские потенции» «час от часу в том домогательства свои умножали», Шафиров пишет: «И хотя сие весма противно было его царского величества и его союзников высокому интересу, однакож дабы всему свету свою умеренность показать, изволил согласитца с своими союзниками и склонить оных к восприятию того, хотя и неполезного их интересу, предложения»[1].

Когда Карл XII отверг конвенцию о нейтралитете, английское правительство заявило (в инструкции своему резиденту при Карле XII во время пребывания его в Турции): «Шведские министры настаивают, чтобы мы спасли их, и в то же время они отнимают у нас возможность сделать это, отвергая акт о нейтралитете, который является единственным средством, имеющимся в наших руках, чтобы оказать им эту услугу»[2]. Все это достаточно ясно свидетельствует, в чью пользу были направлены соглашения о нейтралитете.

В мае 1710 г. В. Л. Долгорукий сообщал о начале переговоров между представителями Франции, Австрии, Англии и Голландии о заключении прелиминарного мирного договора в целях окончания войны за испанское наследство. Он писал, что первое совещание этих представителей состоялось 19 мая 1710 г.[3]. Это заставляло русское правительство быть особенно внимательным к тому, что делалось в Западной Европе. Особенно пристально оно наблюдало за позицией Англии, проявлявшей в эти годы наибольшую враждебность по отношению к России. Русские послы — Б. И. Куракин, В. Л. Долгорукий, А. А. Матвеев — были твердо убеждены, что только война с Францией удерживает Англию от прямого выступления против России. Куракин писал в 1711 г. об отношении английского правительства к России: «Одним словом сказать, что есть всегда чаю из первых противных нашим интересам»[4].

Не сумев предотвратить восстановление Северного союза в 1709 г., Англия и Голландия пытались теперь вновь добиться его раскола и прежде всего отрыва Дании от России. В январе 1711 г. английский посланник в Дании сделал датскому королю предложение о посредничестве Англии в заключении сепаратного мира между Швецией и Данией. Статс-секретарь

[1] *П. П. Шафиров.* Указ. соч., стр. 148—151.
[2] «British Diplomatic Instructions», v. I, p. 52.
[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, 1710, л. 204.
[4] ЦГАДА, Дела английские, 1711, № 2, л. 14.

Сен-Джон предлагал датскому посланнику в Лондоне заключить со шведами перемирие на несколько месяцев, уверяя, что после этого найдется способ заключить сепаратный мир [1], а английский посланник в Копенгагене предлагал датскому королю посредничество Англии для заключения сепаратного мира со Швецией [2]. В июле 1711 г. А. Матвеев писал из Гааги: «Из всего видимо есть, что союзники, особливо же Англия, через всякие способы намерены есть всякие нам пакости впредь чинить, особливо же понуждением дацкого короля к партикулярному с шведским королем миру» [3].

Но попытки морских держав в 1709—1711 гг. расколоть Северный союз закончились неудачей. Союз с Россией отвечал интересам Дании, Саксонии и Польши, ибо только при наличии такого союза они могли надеяться одержать верх над Швецией.

Иначе обстояло дело на юге. Турецкое правительство оставалось нейтральным накануне Полтавского сражения. В Константинополе считали, что война со Швецией приковывает все силы России, и Турции остается лишь выжидать благоприятного для нее поворота событий, чтобы вернуть от России ее приобретения по Константинопольскому договору 1700 г.— Азов, Таганрог и другие города. Однако полнейший и неожиданный для турок разгром шведской армии вызвал тревогу в Константинополе. В связи с этим турецкое правительство начало усиленные военные приготовления.

К войне с Россией возбуждал турок Карл XII, находившийся в турецких владениях, а также представители западноевропейских держав, опасавшихся усиления России и желавших связать ей руки войной с Турцией. В письме к султану Карл XII просил его о защите и предлагал заключить союз между Швецией и Турцией против России. Он уверял, что усиление России представляет опасность для Турции и что самое лучшее средство против этой опасности — турецко-шведский союз. «В сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии»,— писал Карл XII султану [4].

В ноябре 1709 г. русскому послу в Константинополе П. А. Толстому удалось возобновить мирный договор с Турцией. По этому договору было решено препроводить Карла XII в Швецию. До турецких границ его должны были сопровождать турецкие войска, далее через польскую территорию — русский отряд. Мазепа к этому времени умер, и вопрос о его выдаче отпал, а казаков, которые были с Мазепой, турецкое правительство обязалось изгнать из своих владений.

Однако этому договору не суждено было осуществиться. Благодаря усилиям Карла XII и его агентов, заключивший этот договор визирь Али-

---

[1] ЦГАДА, Дела английские, 1711, № 3, лл. 2, 17.

[2] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 4, стр. 305.

[3] ЦГАДА, Дела голландские, 1711, № 4, л. 78.

[4] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 42.

паша в июне 1710 г. был свергнут. В Турции подогревались воинственные настроения, янычары требовали похода на Россию. Русское правительство, в свою очередь, настаивало в это время на высылке из Турции Карла XII.

П. А. Толстой. Портрет маслом работы неизвестного художника начала XVIII в.
Государственный Эрмитаж

Турецкие правящие круги зарились на украинские земли. Сильны были среди них и реваншистские настроения — желание отобрать у России Азов и земли, перешедшие по Константинопольскому договору 1700 г. В этих условиях усилия Карла XII, а также представителей западноевропейских держав, стремившихся разжечь войну между Россией и Турцией, не остались бесплодными. Турецкое правительство решило выступить против России. Русский посол был заключен в тюрьму, и Турция в ноябре 1710 г. объявила войну России.

В развязывании русско-турецкой войны, кроме усилий Карла XII, сыграли большую роль французская и английская дипломатия. Обычно в русской исторической литературе (С. М. Соловьев) отмечается лишь роль Франции в русско-турецких отношениях в 1710—1713 гг. Однако это, повидимому неверно: роль Англии в этих событиях была весьма значительной.

Обнаружив после Полтавы свой крупнейший политический просчет — недооценку военных возможностей России, английское правительство искало способ ослабить ее, связать силы России на Востоке, чтобы не допустить вступления русских войск в шведские владения в Германии. В Англии учитывали опасность для Великого союза распространения на Германию военных действий между Швецией и северными союзниками и старались эту опасность предотвратить. Понимали в Лондоне также и то, что без России другие участники Северного союза (Дания, Польша)

Б. И. Куракин. Гравюра Гунста с портрета маслом работы Г. Кнеллера начала XVIII в.

не смогут ни вести успешно военные действия против шведов в их немецких владениях, ни сопротивляться дипломатическому давлению морских держав и Австрии, настаивавших, чтобы войска северных союзников не нарушали нейтралитета в империи. Кроме того, война между Россией и Турцией обеспечивала спокойный тыл Австрии — союзницы морских держав в войне за испанское наследство. Все это побуждало английское правительство и его союзников искать способ разжечь войну между Россией и Турцией.

О желании английского правительства связать Россию и Турцию войной писал английский статс-секретарь Сен-Джон: «До тех пор, пока мы не закончим наше великое дело с Францией, в наших интересах без сомнения поддерживать пожар в этих краях» (то есть разжигать войну между Россией и Турцией.— *Ред.*)[1].

Известно, что Карл XII, перебравшись после Полтавы на турецкую территорию с жалкими остатками своей армии, скоро начал ощущать нужду в деньгах. Деньги нужны ему были не только на содержание армии, но главным образом на возбуждение войны против России путем подкупа влиятельных лиц среди турок. На помощь Карлу XII пришли банкиры английской Левантской компании. Английские банкиры решились оказать Карлу XII денежную помощь, конечно, не без ведома посланника и английского правительства.

Виднейший русский дипломат Б. И. Куракин 20 августа 1711 г. в беседе с вождем венгерских повстанцев Ракоци отмечал, что «потенции морские», а также император и венецианцы возбуждали турок к войне против России. Куракин считал, что участие в этом принимала и французская дипломатия, хотя пальму первенства в разжигании войны между Россией и Турцией он отдавал Англии и Голландии. Куракин излагал и мотивы, по которым державы Великого союза (Англия, Голландия, Империя) старались поднять Турцию против России: они стремились

---

[1] *J. F. Chance.* George I and the Northern War, p. 27.

поддержать Швецию в интересах сохранения «равновесия», а главное «их великий интерес был, чтоб им, быв в войне с Францией, не оставить так великую потенцию с свободными руки во 100 тысяч войск, не знав, куда бы та махина наклонилася» (речь идет о России.— *Ред.*). В заключение, как бы подводя итоги политики Великого союза по отношению к России, Куракин заметил: «Смотри топерь изо всех прошедших дел, какая несклонность потенций морских с их алиаты (союзниками.— *Ред.*) к интересам его царского величества, но великая жалюзия (зависть, ревность. — *Ред.*) и неприязнь, как каждому видимо, что не хотят его видеть в такой силе, каков есть»[1].

Таким образом, Куракин ясно видел враждебное отношение к России со стороны морских держав и понимал их роль в натравливании Турции на Россию. Хорошо понимал он также и мотивы их поведения — нежелание видеть Россию сильной, стремление восстановить пресловутое «равновесие» на севере Европы, намерение связать руки России, этой «махине во 100 тысяч войск».

Что касается роли Франции в развязывании русско-турецкой войны 1711 г., то у французского правительства в это время не было причин к тому, чтобы стремиться связать Россию войной с Турцией. 26 февраля 1711 г. Людовик XIV предложил Балюзу направиться в Россию, ибо, как он писал в своем письме, враги Франции пользуются задержкой его отъезда и пытаются приписать французским настояниям объявление Турцией войны России[2].

Не Франция, а Великий союз и прежде всего император были заинтересованы в развязывании войны 1711 г. Французское правительство исходило, разумеется, из собственных политических интересов. Оно в этот период возлагало большие надежды на помощь, которую Россия могла бы оказать венгерским повстанцам, причем в инструкциях Балюзу высказывалась мысль о том, чтобы предложить венгерскую корону Августу II, что позволило бы передать польскую корону Станиславу Лещинскому, а это устранило бы одно из препятствий на пути к примирению России со Швецией[3].

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 5. Саратов, 1894, стр. 9, 11.

[2] «...Враги Франции ложно приписывают ей причины войны, которую турки объявляют русским. Посланник императора при Порте более искренен, и если вы прочли написанное им письмо, копию которого я получил через барона Безенваля, вы могли видеть, что он очень ясно развивает причины, побудившие императора ускорить эту войну для того, чтобы отвратить ту, которая угрожала Венгрии». Несколько позднее, 2 июля 1711 г., Людовик XIV писал Балюзу по этому же поводу: «Я не употребил влияния на Порту, приписываемого мне министрами его (Петра I.— *Ред.*), видя что турки начали войну, из которой я не могу извлечь значительной пользы; между тем они могли мне оказать более важную услугу, подав помощь венгерским конфедератам, и этим способом принудили бы императора защищать свои наследственные владения, отозвав войска, которые он употребляет во Фландрии и в Италии». Сб. РИО, т. 34, стр. 443, 458.

[3] Там же, стр. 450.

После того как Турция уже объявила войну, но военные действия еще не начались, Петр I предпринимал неоднократные попытки побудить европейские державы оказать России помощь в заключении мира с Турцией. Поэтому в России внимательно отнеслись к предложениям Балюза. Русское правительство считало, что следует попытаться при помощи Франции заключить мир с Турцией и Швецией. Находившемуся в Лондоне русскому представителю Б. И. Куракину был послан 25 мая приказ немедленно выехать из Англии. В этом приказе говорилось: «А тот ваш отзыв из Англии сюда того ради, что при настоящих конжюнктурах его царское величество надеется свой интерес сыскать лучше при дворе французском, нежели у иных держав, и для того, надеяся, что вы ему тамо добрую услугу покажете, посылает вас туда...»[1] Назначение Б. И. Куракина, виднейшего из русских дипломатов, в Париж говорило о значении, которое в России придавали переговорам с Людовиком XIV.

Однако русскому правительству пришлось отказаться от мысли о тесном сближении с Францией. Ведя одновременно две войны — с Турцией и Швецией,— оно не могло рисковать еще больше ухудшить отношения с морскими державами, тем более что содействие, на которое оно могло рассчитывать со стороны Франции, было в основном помощью дипломатической. Рассчитывать на получение прямой военной поддержки со стороны разоренной войной Франции в это время не приходилось.

Учитывая трудности предстоявшей борьбы на два фронта — против Турции и Швеции, русское правительство весной 1711 г. пыталось побудить морские державы оказать России помощь в заключении мира. В феврале 1711 г. Куракин в Лондоне и Матвеев в Гааге по указу Петра I предлагали Англии и Голландии взять на себя посредничество в примирении России с обоими врагами — Швецией и Турцией. Если бы примирение с турками не удалось, посредникам следовало попытаться примирить Россию хотя бы с одной Швецией, а если бы Карл XII не пожелал мириться, принудить его к этому. В благодарность за примирение Россия готова была вступить в союз против Франции и дать союзникам 30 тыс. солдат. Условия, на которых русское правительство соглашалось заключить мир со Швецией, были следующие: за Россией остаются Ингрия, Карелия, Нарва, Эстляндия с Ревелем и Выборг, а также Финляндия до Гельсингфорса; Лифляндию с Ригой должна получить Польша, а королю датскому следовало дать то, на что он предъявит претензии[2]. Но в связи с начавшейся русско-турецкой войной, Карл XII не пожелал заключить мир.

Турция объявила войну России осенью 1710 г., но военные действия начались только в следующем, 1711 г.

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 4, стр. 416.
[2] Там же, стр. 347—349.

* * *

Военное положение[1] России в 1711 г. было далеко не благоприятным. Хотя Карл XII и был разбит и шведские крепости на балтийском побережье находились в руках русских войск, но война со Швецией еще не была окончена, и поэтому предстояло действовать, имея «очи и мысль» в обе стороны. В то же время враждебная политика Англии и Франции вынуждала русское правительство держать значительные контингенты войск на западных рубежах, что исключало их использование в борьбе с Турцией.

Ко времени разрыва с Турцией между Россией и Польшей возник ряд осложнений, связанных с пребыванием русских войск на польской территории. Оценивая политические отношения, установившиеся к 1711г. с союзной Польшей, в России допускали мысль, что при известных обстоятельствах поляки во главе с Августом II, а за ним, быть может, и саксонцы, «будут нам не надежны»[2].

Эти обстоятельства побуждали русское командование избрать в войне против Турции наступательный образ действий. Оборонительная война с Турцией была неприемлема, так как передавала инициативу в руки противника и театром военных действий делала Заднепровскую Украину и Польшу. Готовясь перенести действия на территорию противника, русское правительство тем самым избавляло свою страну от угрозы турецкого вторжения.

При подготовке стратегического плана войны с Турцией оно исходило также из общей идеи плана противника, которая состояла в следующем. Раннею весною в южные окраины Польши и России вторгаются татары; одновременно из Бендер через Подолию или Галицию прорывается в Польшу Карл XII, где он соединяется с враждебными России и Августу II группировками поляков, а главное, с померанским корпусом шведов под командой Крассова, который к этому времени должен был вторгнуться в Польшу. Пока будут происходить эти действия, медленно мобилизующаяся и медленно движущаяся, но громадная по своей численности турецкая армия должна была собраться на нижнем Дунае и оттуда, направляясь через Молдавию, пойти по тому операционному направлению, которое окажется наиболее выгодным.

План противника в главных чертах был разгадан русским командованием. Об этом свидетельствуют предпринятые им меры в самом начале 1711 г. С целью обезвредить татар на наиболее опасных операционных направлениях в Польше (в Галиции и частью в Подолии) размещается конница под начальством М. Голицына, а И. И. Бутурлину, с частью гарнизонных полков, указано отправиться на Украину и

[1] Текст до стр. 538 написан Н. И. Казаковым.

[2] *А. З. Мышлаевский.* Россия и Турция перед Прутским походом. «Военный сборник», 1901, № 2, стр. 18.

принять командование украинскими полками. Адмиралу Ф. М. Апраксину, с частью войск и флотом, приказано оборонять Азов, против которого в Константинополе готовился к выступлению флот (18 линейных кораблей, 21 галера, 100 плоскодонных судов, 100 галиотов и 120 шлюпок) с 70-тысячным корпусом десантных войск[1]. Между расположением войск Апраксина и Бутурлина на старинных путях татарских набегов выдвигаются: к Путивлю отряд детей боярских, а к Изюму и Харькову— слободские полки. Наконец, для действий против кубанских татар назначается с частью войск казанский губернатор П. М. Апраксин, к которому по пути присоединяется отряд калмыков. Все эти меры к весне 1711 г. были приведены в исполнение.

Военные действия против России открылись набегами татар. В начале января 1711 г. крымский хан вторгся в пределы России и проник до Харькова, но после нескольких неудачных стычек с русскими вернулся в Крым. Другое 30-тысячное татарское войско, предводимое сыном крымского хана (Давлет Гирея), к которому присоединились еще 3 тыс. поляков, сторонников Станислава Лещинского, и запорожские казаки под начальством Филиппа Орлика, вторглось на Правобережную Украину. Они проникли до Белой Церкви, где находился гарнизон, состоявший из 500 русских солдат и казаков. 26 марта неприятель овладел нижним городом, но все его усилия взять замок оказались тщетными и он принужден был отступить, потеряв при этом 2 тыс. чел.

Следовавшие на Украину драгунские полки под начальством М. Голицына разбили семитысячный отряд Потоцкого, от которого едва уцелело 2 тыс. чел. В этом бою было освобождено до 10 тыс. пленных русских и украинцев, которых татары вели в рабство. В результате этих успехов набеги татар и польских панов на русские пределы были отражены.

Оценивая силы сторон, следует учитывать, что, вступая в борьбу с Турцией, русская армия в 1711 г. резко отличалась от войск времени Азовских походов, теперь она являлась армией регулярного типа, ее военное искусство обогатилось славным боевым опытом, она приобрела талантливых военных руководителей. Созданные к этому времени заводы по производству артиллерии, ружей и боеприпасов, а также обмундирования для армии обеспечивали снабжение русских войск всем необходимым.

Вместе с тем русское командование понимало трудности предстоящей борьбы с турецкой иррегулярной армией и необходимость вследствие этого применять новую тактику, отличную от той, которая так блестяще оправдала себя в боях с регулярными шведскими войсками. Опыт предшествующих войн с Турцией, своеобразие военной системы противника и преобладание в рядах его армии иррегулярной конницы подсказали мысль о

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. I. СПб., 1770, стр. 308; *Д. П. Бутурлин*. Военная история походов россиян в XVIII ст., т. II, ч. 1. СПб., 1820, стр. 454—455.

необходимости противопоставить удару турецкой конницы, вооруженной главным образом холодным оружием, массированный артиллерийский и ружейный огонь русских войск. Исходя из этого, Петр I требовал от своих генералов «учить драгун и солдат огнем, а палашам покой дать, ибо с турками зело тако не надлежит воевать, как со шведами».

Союзниками России в предстоящей войне выступали угнетенные народы Балканского полуострова, которые уже с давних пор с надеждой ждали от нее помощи в борьбе с турецким игом. Еще в конце 1709 г. был заключен союз с валашским господарем Бранкованом, направившим с этой целью в Петербург своих представителей. Бранкован обязался в случае войны с Турцией перейти на сторону России, поднять против турок движение сербов и болгар, выставить вспомогательный корпус в 30 тыс. чел. и снабжать русское войско припасами[1]. Валахия должна была стать независимым княжеством под протекторатом России. Но в момент открытия военных действий Бранкован вероломно нарушил соглашение и выдал планы России турецкому визирю. Однако большая часть приближенных бояр Бранкована не поддержала его антинациональной политики и послала своего представителя (Фому Кантакузина) в Яссы к царю, чтобы разоблачить преступные замыслы господаря[2].

Что касается отношений России с Молдавией, то они в это время развивались успешно. Находясь 13 апреля 1711 г. в Луцке, Петр I выдал диплом молдавскому господарю Д. Кантемиру о принятии его в вечное российское подданство со всем его княжеством. В этом документе говорилось, что целью начатой войны является не только избавление России от гибельных замыслов турок, но и стремление «оружием нашим христианским и иные многие, под игом его варварским стенящие, христианские народы освободить...»[3]

Значительная роль в этой войне отводилась сербам. Еще в мае 1710 г. в Москве появился посланный от австрийских сербов Богдан Попович с челобитною, чтобы Россия приняла в свое подданство томящихся под турецким игом сербов. А когда началась турецкая война, около 20 тыс. сербов намеревались присоединиться к русским, но Бранкован, изменивший союзу с Россией, не пропустил их через Дунай. Серб Савва Рагу-

---

[1] *А. А. Кочубинский.* Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. М., 1872, стр. 21—22.

[2] *И. Чебан.* О взаимоотношениях Молдавии с Московским государством в XV—XVIII вв. «Вопросы истории», 1945, № 2, стр. 67. Измена Бранкована впоследствии существенным образом повлияла на стратегические планы русского командования и вынудила его отказаться от предложения форсированного марша к берегам Дуная. Убедившись в Яссах в невозможности получить продовольственные запасы, обещанные Бранкованом для питания армии на пути к Дунаю, русская армия вынуждена была замедлить свое наступление к югу, ожидая результата рейда посланного вперед корпуса генерала Ренне.

[3] *А. А. Пазухин.* Сборник грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству российскому в XVII—XIX вв., ч. I. Пг., 1922, стб. 212.

зинский и его агенты весною 1711 г. распространяли манифест Петра I с призывом к соплеменникам принять участие в борьбе с Турцией. Движение сербов внутри турецкой империи приняло значительный размах, и уже к лету 1711 г. в рядах сербских повстанцев насчитывалось до 30 тыс. чел. [1] Сербские отряды вели с турками активную борьбу и нанесли им ряд серьезных поражений. Однако в прутском лагере Петра I оказалась ничтожная группа сербов в составе 148 чел. во главе с несколькими офицерами.

Освободительное движение среди славянских народов Балкан, усилившееся в связи с русско-турецкой войной, весьма встревожило австрийского посланника при петербургском дворе барона Вельчка. В депеше в Вену (от 13 января 1711 г.) он обращал внимание своего правительства на опасность, которая возникнет для целостности австрийской империи, когда под влиянием выступления христианских подданных султана примет участие в борьбе за свободу и независимость и славянское население Богемии.

Исход предстоящей кампании в значительной мере зависел от того, удастся ли русской армии достигнуть Дуная раньше, чем противнику. Переправа через Дунай и вступление турецких войск в Молдавию и Валахию первыми не только лишали русскую армию значительного контингента войск, обещанных России господарями дунайских княжеств и сербскими полковниками, но и отнимали у них продовольственную базу. Таким образом, успех задуманного плана решался в зависимости от быстроты движения русских войск к нижнему течению Дуная. Поэтому Петр I настойчиво напоминал Б. П. Шереметеву о необходимости форсированным маршем двигаться к назначенным пунктам и достичь их не позднее 15 мая. Он просит Шереметева «не умедлить», «ибо и ныне от всех христиан паки письма получили, которые самим богом просят, дабы поспешить прежде турок, в чем превеликую пользу являют» [2]. В посланных вскоре к Шереметеву «пунктах» Петр I, объясняя необходимость организации быстрых маршей войск, говорит, что вступление русских войск в дунайские княжества побудит молдаван, валахов, сербов, болгар и другие балканские народы восстать против турок и присоединиться к русским войскам, «иные ж внутрь их турской области возмущение учинят, что увидя, турецкий визирь за Дунай пойти не отважится, и большая часть от его войска разбежится» [3].

Исключительное внимание русское командование уделяло также подготовке продовольственной базы предстоящего похода. В короткий срок были созданы три линии заблаговременно подготовленных магазинов, из которых магазин в Брацлаве должен был заключать в себе трехмесячный

---

[1] *С. К. Богоявленский.* Из русско-сербских отношений при Петре Первом. «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 29, 33.

[2] *И. И. Голиков.* Деяния Петра Великого, т. XV, М., 1843, приложения, стр. 198.

[3] Там же, т. 4. М., 1838, стр. 228.

запас продовольствия на всю армию [1]. Кроме того, Шереметеву было предписано ко времени приближения армии к Днестру (то есть к 15 мая) иметь при ней в колесном обозе запас провианта на месяц [2]. Следовательно, организация базы впереди на пути продвижения армии не входила в первоначальные расчеты. Если впоследствии все же сказался недостаток продовольствия на берегах Прута, то объяснение этому следует искать в условиях организации подвоза к армии под фланговыми ударами татарской орды. Кроме того, в этом году саранча уничтожила траву, лишив лошадей подножного корма.

Несмотря на приказы Петра I, движение пехоты от Риги на Волынь под начальством Б. П. Шереметева совершалось медленно. Шереметев выступил из Риги 11 февраля 1711 г. и вследствие бездорожья и распутицы прибыл в Луцк лишь 9 апреля [3]. Потерянное время (половина времени была истрачена на остановки) роковым образом сказалось впоследствии на результатах Прутского похода.

После свидания с царем в Луцке Шереметев вскоре получил новое задание. Понимая, что чрезвычайно важно занять Молдавию и предупредить появление турок на Дунае, Петр I приказал фельдмаршалу оставить главные силы на Днестре и с отрядом в 13 драгунских полков и с двумя пехотными, посаженными на коней (всего 14—15 тыс. чел.), быстро двинуться в Молдавию. Он должен был поднять местное население на борьбу против турок, сформировать из него вспомогательные отряды, а главное, захватить переправы турок на Дунае. При создавшихся условиях это было наилучшим решением.

Выполняя этот приказ, Шереметев двигался из Луцка на Дубно, Острог, Заславль и Любар и к 7 мая прибыл в Немиров. Вслед за тем началось его наступление к Днестру, которого он достиг 27 мая, подойдя к Рашкову.

Между тем в конце мая 1711 г. турецкая армия уже навела мосты через Дунай, но великий визирь медлил переправой, напуганный слухами о многочисленности русских и о переходе молдаван на их сторону. В это же время молдавский господарь Д. Кантемир в сопровождении нескольких бояр явился в лагерь к Шереметеву и обнародовал манифест, в котором призывал молдаван к восстанию против турецкого ига. Через две недели 17 полковников и 76 ротных командиров уже были приняты на русскую службу. Однако из-за краткости времени молдавские роты не были доведены до полного комплекта.

Вследствие полученного от Кантемира сообщения о значительных силах турок, сконцентрированных на Дунае, Шереметев решает (8 июня) отступить от указаний, полученных ранее, и вместо рискованного марша

---

[1] «Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев. Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг.», под ред. А. З. Мышлаевского. СПб., 1898, стр. 21.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. I, стр. 308.

[3] «Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг.», стр. 6—18.

к Дунаю медленно продвигается вниз по Пруту, в направлении к Фальчи, поджидая подхода главных сил русской армии. Петр I был чрезвычайно недоволен медлительностью и нерешительностью Шереметева: «Ежели бы по указу чинили, то, конечно, прежде турок к Дунаю были,— писал он,—ибо от Днестра до Дуная только 10 или по нужде 13 дней ходу»[1].

Несмотря на невыполнение Шереметевым этого замысла, Петр I не отказался от плана энергичного продвижения конного корпуса к Дунаю. Командование корволантом вскоре было поручено генералу Ренне, заменившему отстраненного Шереметева.

Главные силы русских войск, назначенные действовать против Турции и выступившие в феврале 1711 г. в поход из Литвы и Померании, к началу июня соединились на берегах Днестра в районе пункта Сороки (на правом берегу Днестра), превращенного в укрепленный лагерь.

Таким образом, сосредоточение 50-тысячной русской армии на берегах Днестра заняло около трех месяцев. К моменту прибытия Петра I (12 июня 1711 г.) было закончено наведение моста через Днестр.

На военном совете, обсуждавшем 14 июня план предстоящей кампании, победила точка зрения сторонников решительных наступательных действий. Военные и политические обстоятельства показали русскому командованию необходимость добиться победы в течение одной кампании. Продовольствие надеялись получить в дунайских княжествах и там же за счет восставшего против турок населения пополнить ряды своей малочисленной армии.

18 июня начался поход русских войск (от Сорок) к берегам Прута по голой и безводной пустыне. Из-за тяжелых условий похода по выжженным степям марш длился шесть дней. После остановки в лагере 29 июня были наведены два моста через Прут и войска потянулись на правую сторону реки.

К этому времени сведения о местонахождении главных турецких сил и о замыслах великого визиря были еще сбивчивы и неопределенны[2]. В ставке русского командования предполагали, что главные силы визиря все еще находятся на Дунае. Между тем армия визиря, 18 июня перейдя Дунай, быстро приближалась к Яссам, двигаясь по левому берегу реки Прут.

Вступление русских войск в пределы Молдавии и обращение Петра I и Д. Кантемира к населению княжеств с призывом подняться на борьбу с турками всколыхнуло всю страну. Молдавские хронисты Николай Костин (великий логофет) и Иоанн Некулчи (военный гетман) передают, что на призыв вступить в армию откликнулись тысячи простых людей, в огромном количестве стекавшихся в Яссы. «Кроме людей, бывших

---

[1] «Военно-походный журнал 1711 и 1712 гг.», стр. 44; *В. А. Панов.* Петр I как полководец. М., 1940, стр. 85.

[2] *М. Судиенко.* Материалы для отечественной истории, т. 2, Киев, 1855, стр. 189, 191.

когда-нибудь в бою, сюда явились слуги, сапожники, портные, меховщики» и др.[1]

Однако в Яссах, где находились главные силы русской армии, не оказалось запасов, обещанных молдавским господарем Кантемиром. На собранном там военном совете было высказано мнение о необходимости или возвратиться за Днестр или сделать остановку впредь до устройства магазинов. Петр приказал готовиться к продолжению начатого похода, рассчитывая на базу впереди и считая необходимым поддержать поднявшуюся против турок Молдавию. В подготавливавшейся впоследствии «Истории Свейской войны» (в первом варианте рукописи), в разделе о Прутском походе, написанном Петром I, он откровенно говорит, что «сей марш зело отчаяно учинен для обнадеживания господаря мултянского...»[2]

Движение русской армии на юг по течению реки Прут после перехода через реку происходило крайне медленно. Путь от переправ (на реке Прут) до пункта Станилешты в 85—90 верст занял 22 дня (с 26 июня по 17 июля).

7 июля вечером от генерала Януса, который со всей кавалерией следовал в двух милях впереди пехоты, было получено неожиданное сообщение о якобы состоявшейся переправе турок через Прут в районе Фальчи. Между тем генерал Янус имел задачу не допустить форсирования турками Прута и уничтожить построенные ими мосты близ Гура-Сарачи. Янус, отправив это сообщение и не дождавшись приказа Петра I, решил отступить к главным силам русской армии. Как выяснилось впоследствии, сообщение генерала Януса о форсировании противником реки Прут 7 июня оказалось ложным[3]. Но генерал Янус поспешным отходом позволил визирю беспрепятственно переправить свои войска на правый берег Прута и тем самым подготовить окружение русской армии. «Утверждают,— говорит один из участников похода,— что великий визирь достиг этого отступления Януса при помощи некоторой суммы денег...», то есть путем подкупа[4].

Турки, предупредив русских у Фальчи и заняв правый берег Прута, расстроили все первоначальные предположения Петра I. Даль-

---

[1] *А. И. Яцимирский.* Румынские рассказы и легенды о Петре Великом. «Исторический вестник», 1903, май, стр. 551. О том же см. «Fragments, tirés des chroniques Moldaves et Valaques pour servir a l'histoire de Pierre de Grand, Charles XII... par le major M. Kogalnicean. Jassi, 1845, partie II, p. 25—44.

[2] *Д. Ф. Масловский.* Записки по истории военного искусства в России, вып. I. СПб., 1891, приложение 1, стр. 22.

[3] *Д. Ф. Масловский.* Указ.соч., приложение 1, стр.20. Как это явствует из дневника Алларта, донесение генерала Януса о том, что турки стоят в урочище (Гура-Сараче) и уже успели по двум наведенным мостам переправить на правый берег реки до 3000 янычар, доставил Петру I подполковник Фейт. Посланный Петром I обратно к Янусу с приказом отступить к главным силам, Фейт и сопровождавшие его лица 8 июля были найдены убитыми вблизи лагеря. И так как приказ Петра I доставлен не был, отступление Януса не было результатом полученного им распоряжения, а явилось его личной инициативой (см. *Юст Юль.* Записки. М., 1899, стр. 362—364).

[4] *А. А. Кочубинский.* Указ. соч., стр. 63.

нейшее наступление армии было немыслимо как вследствие отсутствия на пути каких-либо запасов провианта, так и ввиду численного превосходства противника. Вначале явилась было мысль двинуться фланговым маршем к реке Серет, обойти слева армию визиря и открыть путь к Дунаю. Но бесплодная и почти безводная местность, отделявшая армию от Серета, при недостатке запасов в обозе заставила отказаться от этого плана. Военный совет решил отходить назад с целью отыскать выгодную позицию для боя. Чтобы облегчить марш, большая часть повозок была уничтожена, палатки сожжены, а бомбы зарыты в землю.

В ночь с 8 на 9 июля русская армия начала общее отступление в северном направлении.

8 июля корпус Репнина прибыл к селению Станилешти, но, несмотря на все усилия, не мог соединиться с главной армией. Тогда Петр I решил сам идти навстречу Репнину: войска главных сил, предав огню весь ненужный обоз, ночью оставили лагерь и возвратились на ясскую дорогу. На рассвете 9 июля все три корпуса соединились в Станилештах и расположились лагерем у подошвы холмов, образуя один огромный четырехугольник, одна из сторон которого примыкала к реке. Пехота укрепила позиции рогатками, а кавалерия и обоз поместились в середине.

«Царь передавал мне,— пишет датский посланник Юст Юль,— что сам видел, как у солдат от (действия) жажды из носу, из глаз и ушей шла кровь... Словом, бедствия (русской) армии не поддаются описанию. Если судить по слышанным мною подробностям, в положении более отчаянном никогда еще не находилась ни одна армия»[1].

9 июля за три часа до захода солнца визирь приказал начать атаку.

Слабая сторона тактики турок заключалась в том, что они «ту атаку в одном только месте чинили»[2], упорно штурмуя позицию дивизии генерала Алларта, которая по условиям местности расположилась выступом. Такая тактика противника давала возможность русским непрерывно подкреплять атакуемый участок свежими людьми и создать на его фронте сильный артиллерийский огонь.

Три часа продолжались ожесточенные, но безуспешные атаки противника. Наконец, с наступлением вечера, вследствие тяжелых потерь (7 тыс. убитых и раненых) турки в беспорядке отступили в свой лагерь. Это отступление турецкой пехоты представляло русским удобный случай преследовать ее с целью решительного истребления. Однако опасение за свои фланги и обоз вынудили русских отказаться от этой мысли.

Решающую роль в исходе сражения 9 июля сыграла русская артиллерия. В Прутском походе русская полевая артиллерия состояла из «полка артиллерии» (53 орудия) и из легких — трех- и двухфунтовых

---

[1] *Юст Юль.* Записки, стр. 372.

[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 318.

орудий в количестве 61, находившихся в пехотных и драгунских полках (два-три орудия на полк)[1]. Ее массированный огонь не только отразил упорные атаки противника, но и вообще надломил его наступательный дух. Впоследствии турки сообщали, что в первые три дня боев русская артиллерия «истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8000 убитых и 8000 раненых и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа»[2].

В результате успешных действий русской артиллерии ударная сила турецких войск — янычары — вышли из повиновения и устрашенные перспективой дальнейшей борьбы с русскими стали требовать, чтобы визирь начал мирные переговоры.

В сражении у реки Прут русские войска участвовали в следующем составе: пехоты — 6692, кавалерии — 31 554, итого 38 246 чел.[3]

Потери русских войск в этом сражении исчислялись в 2872 чел. убитыми, ранеными и взятыми в плен[4].

В состав турецких войск, действовавших против русской армии, входило 57 862 чел. конницы, 61 803 чел. пехоты и 70 тыс. крымских татар[5].

Таким образом, численность турецких войск (не считая татар) более чем в три раза превышала русскую армию, а вместе с татарами превосходила ее впятеро.

Выдающуюся роль в Прутском походе 1711 г. сыграли действия корпуса генерала Ренне. По прибытии русской армии к Рябой Могиле Петр I (27 июня) приказал генералу Ренне и бригадиру Чирикову во главе 12-тысячного конного корпуса совершить рейд к устьям Дуная. Генералу Ренне ставилась задача по пути следования захватить расположенные по течению реки Серет и на Дунае продовольственные магазины турок, овладеть опорным пунктом противника — крепостью Браилов и, перейдя Дунай, уничтожить мост, построенный визирем на этой реке. Рейд конного корпуса генерала Ренне должен был также содействовать усилению освободительного движения в дунайских княжествах. При успехе этого предприятия коммуникации турок были бы разорваны, и визирь терял возможность, в случае поражения, отступить за Дунай или получить новые подкрепления из Турции.

---

[1] *Н. Е. Бранденбург.* Русская артиллерия в Прутском походе 1711 г. «Артиллерийский журнал», 1897, № 1, стр. 5,8.

[2] *Моро-де-Бразе.* Записки (касающиеся до Турецкого похода 1711 г.); *А. С. Пушкин.* Полн. собр. соч., т. VIII. М.—Л., 1949, стр. 462.

[3] «Записки военно-топографического депо», ч. XIX, стр. 177. В это число не входит 7-тысячный корпус, состоявший из драгун, посланный под командой генерала Ренне к Браилову.

[4] Там же, стр. 178. Эти данные подтверждаются реляцией Петра I, посланной канцлером Головкиным гетману Скоропадскому. См. *М. Судиенко.* Указ. соч., т. 2, стр. 198—199.

[5] *М. Судиенко.* Указ. соч., т. 2, стр. 197.

В конкретной обстановке, сложившейся на театре войны, корпус Ренне, по плану русского командования, должен был сыграть решающую роль в исходе турецкой кампании. П. П. Шафиров, сообщая 30 июня адмиралу Апраксину о целях начатой Ренне операции, писал: «...его царское величество с главною армиею изволит переправиться реку Прут для прикрытия помянутой отправленной к Брагилову партии...»[1] В данном случае мы имеем редчайший в военной истории пример, когда на главные силы армии возлагается вспомогательная роль обеспечить успех отдельного корпуса войск, которому ставится ответственная стратегическая задача.

Пройдя кратчайшим путем к реке Серет, Ренне двинулся вниз по течению, прошел Фокшаны[2] и атаковал Браилов. Турецкий гарнизон, отрезанный от воды и окруженный со всех сторон, 7 июля сдался[3] на условии выхода его с оружием и имуществом, и русские заняли замок.

Заняв Браилов и готовясь к выполнению следующей задачи — разрушению построенного противником моста через Дунай у Исакчи, генерал Ренне отправил царю подробное донесение о всех своих действиях. Однако депеша эта была перехвачена и попала к визирю. Вследствие этого об успехе корпуса Ренне, коренным образом менявшем всю стратегическую обстановку на театре войны, Петр I узнал лишь после заключения мира.

Румынские хронисты, очевидцы описываемых событий, склонны утверждать, что не русские, а именно турки «первые запросили мира» не только вследствие огромных потерь, понесенных ими в боях 10 июля, но и по причине полученного визирем известия о взятии Браилова русскими. Следует принять во внимание, что эта крепость была взята не 13 июля, как обычно отмечалось в русских документах, а 7 июля, как это более точно устанавливают румынские источники[4].

В то время, когда определились успехи корпуса Ренне, главные силы русской армии находились в критическом положении. 10 июля Петр I снова собрал военный совет. Вследствие крайнего утомления войск, не отдыхавших более трех дней, и ввиду серьезного недостатка в боевых припасах и провианте, было постановлено предложить великому визирю прекратить военные действия и заключить мир.

Не получая ответа от визиря на посланное ему предложение вступить в мирные переговоры, русское командование решило, что настал момент пробиться вперед силой. Были отданы приказания о наступлении, и

---

[1] Сб. ВИМ, вып. XII. СПб., 1898, № 138, стр. 141.

[2] Даты движения корпуса генерала Ренне от Ясс до Браилова даются по «Летописи Молдавии», составленной бывшим гетманом молдавских войск И. Некулчи — участником Прутского похода и рейда генерала Ренне, а также на основе описания Прутского похода молдавским хронистом Н. Костиным.

[3] «Записки военно-топографического депо», ч. XIX, стр. 178.

[4] *Н. Г.* Петр Великий на берегах Прута. ЖМНПр., 1847, февраль, стр. 87—88, 100—101.

некоторые полки уже начали готовиться к походу, когда, наконец, от визиря пришло согласие на открытие мирных переговоров.

11 июля в турецкий лагерь был отправлен вице-канцлер П. Шафиров [1], а 12 июля мирный трактат был подписан на следующих условиях [2]: Турции возвращался Азов с округом; Таганрог и другие крепости, построенные на юге, подлежали уничтожению. Договором признавалось покровительство султана над запорожцами, и, наконец, Россия обязывалась не вмешиваться в дела Польши. В пользу Карла XII была выговорена статья о свободном пропуске его в Швецию.

Эти условия должны быть признаны сравнительно умеренными, учитывая критическое положение, в котором находилась русская армия в период с 7 по 12 июля.

Неудача похода явилась не следствием каких-либо общих причин, вытекавших из ошибок, допущенных в планах, а была главным образом результатом непредвиденных осложнений и трудностей, возникших в ходе их реализации.

На опыте Прутского похода стала очевидной вредность дальнейшего пребывания иностранных офицеров в русской армии, которые, по словам Петра, «объявили себя в первые люди в подлунной, а егда до дела дошло, то искусства — ниже вида» [3]. Недовольный их деятельностью, зачастую носившей изменнический характер, Петр тотчас после окончания похода дал многим из них отставку, были уволены 14 генералов (в том числе Янус), 14 полковников, 22 подполковника и 156 капитанов [4].

Продовольственные затруднения, пережитые русской армией, не имели решающего влияния на ход военных действий и представляли собой явление временное и частное. Во время похода от Днестра до Ясс русские войска испытывали серьезный недостаток, главным образом в воде, а не в пище. Неблагополучно было с кормами для кавалерии и скота, следовавшего за армией, так как появившаяся в эти месяцы саранча опустошила степь на огромном пространстве. Впервые особенно остро продовольственные затруднения дали себя чувствовать лишь после 7 июля, когда противнику удалось захватить значительную часть армейского обоза с запасами провианта.

Несмотря на неудачу Прутского похода, значение мирного договора 1711 г. состояло в том, что он позволил Петру I сосредоточить все силы

---

[1] Некоторые историки склонны придавать подкупу визиря решающее значение в деле заключения Прутского мира. Между тем хотя обещанные Шафировым визирю деньги и были в ночь с 15 на 16 июля привезены в турецкий лагерь, но визирь их не принял, опасаясь крымского хана, который ночевал в эту ночь у него в обозе. Не принял русских денег визирь и впоследствии из-за подозрений, которые против него возбуждал в Константинополе Карл XII (см. *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 78).

[2] ПСЗ, т IV, № 2398, стр. 714—715.

[3] *А. З. Мышлаевский.* Две катастрофы. Суворов в Швейцарии, Петр на Пруте. СПб., 1901, стр. 21.

[4] *Моро-де-Бразе.* Указ. соч., стр. 468—469.

на решении важнейшей исторической задачи — утверждения России на берегах Балтийского моря.

В письме к Апраксину Петр дал следующую оценку мирного договора, повлекшего за собой потерю Азова. «Хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однакож, чаю, сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть»[1]. Под «другой стороной» Петр разумел Прибалтику.

* * *

Исход русско-турецкой войны 1711 г., заключенный на Пруте договор означали, что результаты Азовских походов были потеряны для России. Однако вместе с тем планы вдохновителей войны Турции против России остались нереализованными. Русское правительство пошло на значительные жертвы на юге, чтобы получить свободу рук для продолжения военных действий против Швеции. В договоре не упоминалось о территориях, приобретенных Россией у Швеции, и русская армия могла продолжать действия в составе Северного союза. Недаром Карл XII был так взбешен, узнав об условиях Прутского договора. Эти условия были неприятны и для морских держав — Англии и Голландии.

Заключение мира между Россией и Турцией на Пруте вызвало сильнейшее недовольство английского правительства и его посланника в России Витворта. В донесении от 19 августа 1711 г. Витворт писал по поводу окончания войны между Россией и Турцией: «Все представляет для нас неутешительное зрелище и требует полной нашей осторожности и предусмотрительности»[2]. Вскоре после этого Витворт писал Сен-Джону, что следует предпринять меры, чтобы до начала следующей кампании «Северный союз или стал в дружеские отношения к Великому союзу, или лишен был возможности стать его врагом»[3]. Он требовал принятия самых срочных и решительных мер, считая положение угрожающим для Англии.

Карл XII, в свою очередь, жаловался султану на визиря, заключившего мир, и домогался нового объявления войны России. Между Россией и Турцией продолжался спор — что сделать прежде: передать туркам Азов или выслать шведского короля из турецких владений. В декабре 1711 г. турки предъявили требования, в случае невыполнения которых угрожали новой войной. В их числе были следующие претензии к русскому правительству: вывести русские войска из Польши и не вступать в нее, хотя бы туда и вошли шведы, и заключить перемирие со шведами на три года. Есть основания предполагать, что эти требования были подсказаны турецкому правительству морскими державами — Англией и Голландией, желавшими дать шведам возможность оправиться от

[1] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 75.
[2] Сб. РИО, т. 50, стр. 474.
[3] Там же, стр. 481.

поражения и крайне недовольными появлением русских войск на германской территории. В результате отношения между Россией и Турцией обострились до крайности, и Шафиров предлагал Петру I готовиться к новой войне с Турцией.

Турки разговаривали с русскими уполномоченными — Шафировым и Толстым — только при посредстве английского и голландского посланников[1]. Нетрудно догадаться, какой характер носило это посредничество. Правительства морских держав и Австрии желали продолжения войны между Россией и Турцией и делали все, чтобы содействовать дальнейшему разжиганию вражды между ними и помешать дальнейшим военным успехам России и ее союзников. Особенно враждебную позицию заняло английское правительство, недовольное строительством сильного русского военно-морского флота, — ежегодно все новые военные корабли сходили с русских верфей.

Русско-турецкая война 1711 г. привела к некоторому затишью в военных действиях против шведов в немецких землях, в Померании, так как основное внимание русского командования было отвлечено на юг.

Следует отметить, что конвенция о нейтралитете, подписанная в интересах Великого союза и одновременно в интересах Швеции, совершенно неожиданно для ее инициаторов в конце 1710 г. и в 1711 г., после того как Турция объявила России войну, оказалась для России весьма выгодной, ибо она в случае ее соблюдения обеспечила бы Россию и ее союзника — Польшу—от нападения с запада. В это время 10-тысячный шведский корпус Крассова, находившийся в Польше, был переведен в Померанию, где вырос до 18 тыс. человек. С объявлением Турцией войны России этот корпус стал представлять значительную угрозу Польше, поскольку основные силы русской армии были теперь отвлечены на юг, к Турции. Однако в соответствии с конвенцией о нейтралитете Англия, Австрия и Голландия должны были изгнать этот корпус из Империи или по крайней мере разоружить его.

В этих условиях русская дипломатия, проявив большую гибкость, постаралась воспользоваться конвенцией о нейтралитете в своих интересах. Русское правительство настойчиво добивалось от членов Великого союза выполнения конвенции о нейтралитете, сформирования специального 15-тысячного корпуса из английских, голландских и австрийских войск для наблюдения за сохранением нейтралитета. Однако теперь морские державы и Австрия не спешили с осуществлением конвенции.

Требования русского правительства о сформировании нейтрального корпуса холодно встречались державами Великого союза. В обстановке, при которой конвенция о нейтралитете оказывалась выгодной для России, они не желали эту конвенцию выполнять. Но зато немедленно по получении известий о заключении мира между Россией и Турцией представи-

[1] *С. М. Соловьев*. Указ. соч., кн. 4, стб. 82 и др.

тели императора и морских держав вновь стали твердить, что их правительства ожидают, что Россия не допустит дальнейшего расширения войны в Империи и в частности распространения ее за Эльбу, «чего союзники (Англия, Голландия и Австрия) для содержания покоя во Империи допустить не могут, но паче в таком случае иные меры принять принуждены будут»[1]. Таким образом, вновь сказывалась антирусская направленность конвенции о нейтралитете.

Разумеется, позиции держав — членов Великого союза были различными. Наибольшую активность в действиях, направленных против интересов России, проявляла в этот период Англия. Английские министры выступали с самыми резкими антирусскими заявлениями.

Несколько иной была позиция Голландии и Империи. Они проявляли больше склонности к выполнению своих обязательств по сформированию нейтрального корпуса. В этом сказалась бóльшая непосредственная опасность для Австрии и Голландии от возможного соединения шведских войск с войсками Франции, а также более лойяльное отношение этих стран к России. Однако без участия Англии и при ее сопротивлении корпус не мог быть сформирован.

Б. И. Куракин, который вел переговоры по этому вопросу в Лондоне, отмечал враждебную позицию английского правительства и в частности антирусскую позицию герцога Мальборо. В письме к Головкину результаты своих переговоров с английским правительством по вопросу о сформировании нейтрального корпуса Куракин резюмировал следующим образом: «Из всех слов здешняго министерия вижу, что они тем собранием корпа (корпуса. — *Ред.*) к содержанию нейтральства шведа раздразнить не хотят; к тому ж и коммерция великая и прибыточная сему государству с турки им весьма воспрещает». Роль Мальборо в отношении России в это время образно определил Матвеев в письме Куракину: «...По ответу, учиненному вам по приезде туда от дука Мальбурга, усмотрел я, что сей дук при своем падении еще скорпионовым хвостом в той своей фебре не минул нас язвить»[2]. В этой удачной характеристике действий герцога Мальборо, предка Уинстона Черчилля, отражены и злоба Мальборо и его бессилие, поскольку «язвил» он Россию уже при своем падении.

6 марта 1711 г. Куракин писал, что «алиаты (то есть члены Великого союза. — *Ред.*) ничего противного шведу не покажут, но будут его манить, и его во всем, где и как возмогут, удовольствовать». Поэтому в беседах и мемориалах русских министров все чаще выражается мысль, что если члены Великого союза не добьются разоружения или роспуска корпуса Крассова, то они не должны возражать против действий, которые будут предприняты против этого корпуса северными союзниками[3]. Узнав о протесте Карла XII против акта о сохранении нейтралитета в Империи, русское

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 4, стр. 298.

[2] Там же, стр. 298, 291.

[3] Там же, стр. 340, 364.

правительство стало требовать от членов Великого союза немедленного выполнения решения о создании корпуса для сохранения нейтралитета в Империи. Русское правительство считало, что если этот корпус не будет сформирован, то вступление русских войск с союзниками в Империю не должно быть сочтено государствами — членами Великого союза за враждебный акт. Так, например, в мае 1711 г. Куракин вручил в Лондоне мемориал, в котором говорилось следующее: так как король шведский отказался сохранять нейтралитет и спокойствие в Империи, а шведские войска, находящиеся в Померании, ожидают лишь сигнала, чтобы вторгнуться в Польшу или Саксонию, то русское правительство предлагает соединить предназначенные для сохранения нейтралитета в Империи войска Англии, Голландии и императора с войсками России и ее союзников для совместных действий[1].

В России, разумеется, не рассчитывали на то, что члены Великого союза согласятся на совместные действия с северными союзниками против шведов[2]. Это был шаг, направленный к устранению возможных возражений против появления русских войск в Империи и в первую очередь в германских владениях Швеции. Об этом свидетельствует заключительная часть мемориала, врученного Куракиным в Лондоне, где говорилось, что если члены Великого союза не согласны на соединение своих войск с войсками северных союзников, то Петр I выражает надежду, что они «не за зло примут» действия России и ее союзников против шведов в этих областях[3].

Правительства морских держав тянули с ответом, и Куракин, который стремился добиться «хотя тайно под рукою письменного обнадеживания и позволения входу в Померанию»[4], советовал принять «свои меры», то есть рассчитывать только на себя. Для русского правительства важно было уже то, что Великий союз, не соглашаясь выполнить требование о создании корпуса для сохранения нейтралитета, вместе с тем не заявлял протеста против возможного ввода русских войск в Померанию. Это было главное, и, очевидно, само требование русского правительства об участии Англии и Голландии в поддержании нейтралитета в Империи было лишь удачным дипломатическим ходом. Поскольку ни Голландия, ни Англия не возражали заранее против возможности ввода русских войск в Померанию, командование русских войск могло теперь действовать решительнее, и скоро русские отряды появились в германских владениях Швеции.

30 мая 1711 г. в Ярославле (Западная Украина) было заключено соглашение о кампании в Померании с польским королем Августом II.

---

[1] ЦГАДА, Дела английские, 1711, № 2, л. 16.

[2] Еще 3 апреля 1711 г. Куракин писал Петру I, что Англия и Голландия не смогут участвовать в этом, ибо для них «довольно будет и одних французов» (ЦГАДА, Дела английские, 1711, № 3, л. 12).

[3] ЦГАДА, Дела английские, 1711, № 2, л. 16.

[4] Там же, № 3, л. 23.

Решено было направить в Померанию соединенные русско-польско-саксонские силы. Август II обязался выставить 10 тыс. конницы, а также польские и литовские отряды. Русское правительство согласилось употребить для действий в Померании, кроме 6-тысячного русского войска, находившегося в Польше, еще отряд в 8—10 тыс. чел., которому уже было приказано выступать в Польшу. Россия должна была выплатить Августу 100 тыс. руб. субсидии, а также обязалась не вводить более в Польшу своих войск. При этом русское правительство заявило, что у него нет никаких претензий на Померанию. Было решено привлечь к участию в померанской экспедиции Данию[1].

Отказ Карла XII признать созданную в его интересах конвенцию о нейтралитете оказал существенную услугу русской дипломатии. Морские державы были вынуждены отказаться от возражений против перенесения северными союзниками войны в Померанию. Формальное соглашение по этому вопросу было принято в Гааге 14 августа 1711 г. Сен-Джон указывал в связи с этим, что виной всему — упрямство Карла XII[2].

Однако в обмен на отказ морских держав от возражений против военных действий в Померании правительства Дании и Саксонии вынуждены были согласиться не отзывать своих войск, находившихся на службе у Великого союза[3].

После заключения соглашения в Гааге уже не существовало формальных препятствий для развертывания действий русских войск в Померании. Однако правительства морских держав, подписывая это соглашение, еще не имели сведений о заключении мира на Пруте и, по-видимому, считали, что русские войска, занятые борьбой против турок, все равно не смогут появиться в Померании в сколько-нибудь значительном количестве.

Западноевропейские державы были встревожены успехами России и ее союзников в войне против Швеции. Они не смогли предотвратить эти успехи даже путем спровоцированной ими русско-турецкой войны 1711 г., ибо Прутский мир разрушил их антирусские планы. Сами вмешаться в борьбу на Балтийском море вооруженной рукой западные державы не могли до тех пор, пока продолжалась связывавшая их действия война за испанское наследство. Закончить эту войну, чтобы получить желанную свободу рук,— таково стремление правительств западных держав в 1710—1712 гг. Особенно спешило выйти из войны за испанское наследство английское правительство, начавшее в 1711 г. за спиной своих союзников секретные переговоры с Францией. Разумеется, были и другие причины, заставлявшие Англию искать путь к миру: рост воен-

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 14, 1711, л. 120; *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 59.

[2] «British Diplomatic Instructions», v. I, Sweden, p. XVII.

[3] *Т. К. Крылова.* Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г. «Исторические записки», кн. 19, 1946, стр. 59.

ных расходов, недовольство в стране затянувшейся войной и увеличение налогов, разногласия с союзниками по ряду вопросов и т. д. Но крупнейшей внешнеполитической причиной было желание английских правящих кругов освободить себе руки для действий на Балтийском море в целях сохранения выгодного для Англии «равновесия сил» на севере Европы. В октябре 1711 г. было уже заключено предварительное англо-французское соглашение об условиях будущего мира. Англия вела эти переговоры в тайне от своих союзников и за их счет, добиваясь, в первую очередь, удовлетворения своих притязаний и жертвуя интересами Голландии, Австрии и других участников Великого союза. Эти государства вынуждены были согласиться на участие в мирном конгрессе вследствие угрозы выхода Англии из войны. Конгресс должен был собраться в начале следующего, 1712 года в Утрехте.

Русское правительство и русские послы в западноевропейских странах внимательно следили за переговорами между Францией и Англией. 16 октября 1711 г., сообщая о возможности заключения общего мира между странами Великого союза и Францией, Матвеев предупреждал, что, «ведая англичан по всем опытам, и прежним и настоящим», следует ожидать от них благосклонного отношения к шведам[1]. 30 ноября Матвеев уже сообщал, что речь идет не просто о мире между Англией и Францией, но и о заключении между ними союза, причем он высказывал самые мрачные предположения о будущей позиции Англии и Голландии по отношению к Северной войне, после того как они заключат мир. Матвеев предсказывал, что «обе те короны, великою ненавистью дыша на успехи его царского величества», будут заботиться об интересах Швеции в ущерб интересам России. По его мнению, Англия и Голландия смогут принудить истощенных войной Данию и Польшу к заключению сепаратного мира со Швецией[2].

Шведское правительство, в свою очередь, всячески стремилось в это время добиться от Англии и Голландии выполнения их обязательств по союзным договорам со Швецией. В июне 1711 г. шведы заявили английскому посланнику о своем согласии принять посредничество для заключения мира, но при соблюдении трех условий: 1) Англия и Голландия заранее обещают Швеции выгодный мир; 2) король шведский отказывается от сохранения нейтралитета в Империи, ибо сохранять этот нейтралитет шведский сенат согласился без санкции короля; 3) король шведский никогда не допустит, чтобы впредь продолжалась торговля подданных морских держав с портами, завоеванными русскими войсками[3]. Однако на таких условиях правительства морских держав не могли принять на себя посредничество, ибо выполнить их они были не в состоянии.

---

[1] ЦГАДА, Дела голландские, 1711, № 4, л. 314.

[2] Там же, л. 409.

[3] Там же, л. 81.

Интересы России и ее союзников требовали скорейшего окончания войны со Швецией. С этой целью было решено активизировать военные действия в Померании.

Однако успешному ходу дел мешали разногласия между союзниками. Предпринятая осенью 1711 г. русскими, саксонскими и датскими войсками осада Штральзунда затянулась. Датчане хотели оставить под Штральзундом одних саксонцев, чтобы самим захватить город Висмар, который они надеялись сохранить за собой. Август II, в свою очередь, предлагал сосредоточить все усилия на захвате острова Рюген. Русские представители — Василий Лукич и Григорий Федорович Долгорукие — безуспешно пытались добиться единства действий союзников. В октябре 1711 г. в городе Кроссене состоялось совещание Петра I с датскими и саксонскими министрами, принявшее план действий на ближайшее время.

Было решено немедленно овладеть Штральзундом или в крайнем случае островом Рюген, а в будущем году начать кампанию в апреле месяце. Однако этот план не был выполнен. Простояв два месяца под Штральзундом, союзники подняли спор о том, куда отступать, так как стоять всю зиму под Штральзундом считали невозможным.

Нерешительность и вялость действий северных союзников (России, Дании, Польши и Саксонии) были для них весьма опасны, в особенности в связи с тем, что международная обстановка начинала складываться неблагоприятно. Война Англии, Австрии и Голландии против Франции за испанское наследство приходила к концу, и члены Великого союза, а также Франция получали возможность вмешаться в борьбу на Балтийском побережье.

В конце 1711 г. Куракин сообщал о готовящейся мирной конференции Англии, Франции и Нидерландов. Окончание войны за испанское наследство противоречило интересам России, ибо оно таило в себе угрозу вмешательства западноевропейских держав в Северную войну. Поэтому Головкин предложил Куракину склонять Штаты к союзу с Россией и обещать в случае продолжения войны за испанское наследство до 15 тыс. войска без всяких субсидий. Взамен этого Куракин должен был требовать, чтобы Англия и Голландия гарантировали России все завоеванное ею у Швеции и не только не мешали действиям русских войск в Померании, но и помогали бы им. Но Англию и Голландию трудно было склонить к союзу против Швеции.

«Союзники в Померании поступают выше всякой меры, — говорил статс-секретарь Сен-Джон,— сначала уверяли, что хотят только выгнать оттуда шведский корпус генерала Крассова, а теперь ясно видно, что их намерение выжить шведского короля из немецкой земли; это уж слишком!»[1]. Излагая позицию английского правительства в связи со сложившейся обстановкой, Сен-Джон писал Витворту 8 ноября 1711 г.: «Замыслы

---

[1] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 304.

северных союзников непрерывно возрастают, и хотя еще нельзя подробно определить последствий и неудобств этих замыслов, уже теперь несомненно, что они весьма опасны и особенно повредят нам, если нарушат ход нашей войны с Францией. Хотя в меньшей степени, но тоже неблагоприятны будут для нас успехи союзников, если им удастся значительно унизить Швецию, следовательно нарушить европейское равновесие на севере». Сен-Джон считал, что в этой обстановке для Англии «не остается ничего лучшего, как тянуть переговоры с северными монархами; разве счастье нам поможет выпутаться из настоящей войны с Францией, и мы в силах будем предписать свою волю и придать своим требованиям прежний вес»[1].

Русское командование совместно с союзниками намечало на 1712 г. широкие военные действия, имевшие целью сломить сопротивление Швеции. Предполагалось нанести Швеции одновременный удар в Померании силами русских, датских и саксонских войск и со стороны Финляндии — русскими войсками и флотом. Главный удар предполагалось нанести со стороны Померании. Вместе с тем, учитывая непрочность отношений с Турцией, необходимо было обезопасить южные границы России. В связи с этим большая русская армия (79 тыс. человек) под командованием Б. П. Шереметева была оставлена на Украине для наблюдения за Турцией. Для действий со стороны Финляндии было выделено 56 тыс. войск под командой Апраксина. Силы союзников, предназначенные для действий в Померании, составляли 85 тыс. человек, из них 10 тыс. саксонцев и 27 тыс. датчан. Для отправки в Померанию были отобраны лучшие части русской армии под командованием А. Д. Меншикова.

Одновременно русскому послу в Дании В. Л. Долгорукому было поручено добиваться дипломатическим путем координации действий союзников. Эта задача была исключительно трудной, ибо каждый из союзников заботился лишь о собственных выгодах.

В 1712 г. устанавливаются связи между Россией и Мекленбургом, занимавшим выгодное стратегическое положение по соседству со шведской Померанией. В результате переговоров Мекленбург обязался снабжать продовольствием русские войска, находившиеся в Померании, а русское правительство согласилось оказывать мекленбургскому герцогу всяческую поддержку и в частности не пропускать шведские войска в Мекленбург[2]. Это соглашение обеспечивало уже тогда важную базу для развертывания действий русских вооруженных сил против шведской Померании. Позднее произошло дальнейшее развитие и укрепление этих отношений.

В июне 1712 г. русская армия сосредоточилась в Померании и вместе с польско-саксонскими войсками блокировала Штеттин и Штральзунд[3].

---

[1] Сб. РИО, т. 61, стр. 76.

[2] *Ф. Ф. Мартенс*. Указ. соч., т. V, стр. 136—137.

[3] Текст до 4 абзаца стр. 550 написан Т. К. Крыловой.

Военные планы союзников заключались в том, чтобы, заняв остров Рюген десантом, принудить к сдаче отрезанный с моря и блокированный Штральзунд. Высаживающийся десант должна была защищать от шведского флота датская эскадра. Но дважды подготовлявшаяся высадка десанта окончилась неудачей вследствие того, что на море датчане не смогли противостоять шведам. Шведскому командованию удалось усилить гарнизон крепости транспортом с войсками под начальством Стенбока. Союзникам пришлось отказаться от намерения немедленно атаковать Штральзунд, и от осады они перешли к блокаде. Польско-саксонские войска отодвинулись от Штральзунда и заняли линию реки Пеены. Русские же отошли к реке Одеру и теснее окружили Штеттин.

Главнокомандующий шведской армии Стенбок в последних числах октября начал продвижение к Мекленбургу. Он взял Дамгартен и Росток, вследствие чего датчане отступили от Висмара. Затем саксонский главнокомандующий Флемминг, продолжая переговоры, начатые со Стенбоком еще во время его пребывания в Штральзунде, заключил со шведами перемирие[1]. Петр согласился начать переговоры со Стенбоком, рассчитывая подольше задержать его в Штральзунде, где шведы испытывали недостаток в продовольствии. Но заключение перемирия не входило в планы Петра, тем более что датчане, в свою очередь, начали сепаратные мирные переговоры со Швецией, и Северному союзу угрожал полный распад. Петру удалось убедить Фридриха IV в необходимости немедленных энергичных действий, и датские войска двинулись навстречу шведам, занявшим Мекленбург и вступившим в Голштинию. Однако, вопреки настояниям Петра, датчане приняли бой до соединения со своими союзниками и были разбиты шведами при Гадебуше в декабре 1712 г.

Победа не улучшила положения Стенбока, так как Петр во главе союзных войск шел за ним по пятам. Шведы были настигнуты у Фридрихштадта, где они укрепились на неприступных позициях. На плотинах, расположенных в болотистых местах близ моря, они устроили свои батареи, окрестные же поля залили водой, испортив шлюзы.

Наступление русских войск на Фридрихштадт было начато в ночь на 31 января 1713 г. Бой начался артиллерийской перестрелкой, но когда дело дошло до рукопашной схватки, шведы не выдержали и побежали, причем один шведский полк положил оружие и сдался в плен. Стоявшая распутица помешала русской коннице отрезать находившийся в Фридрихштадте отряд в 4 тыс. чел., который, оставив город, ушел на соединение с главными силами.

---

[1] ЦГАДА, Датские дела, 1712, д. 3, лл. 227—230. Краткая запись конференций, происходивших между Стенбоком и Флеммингом в октябре-ноябре 1712 г., «о силе дела кроме куплементов»,— как сказано в заголовке документа; *J. Feldman*. Polska a sprawa wschodnia, p. 99 и др.; *J. G. Droysen*. Geschichte der preussischen Politik, T. IV, Ab. 1, S. 426—429.

Разгром шведской армии после поражения при Фридрихштадте, казалось, был вопросом нескольких дней. Но голштинский герцог, вопреки своим обещаниям соблюдать нейтралитет, впустил шведов в крепость Тонинген и тем отсрочил гибель второй шведской армии.

Осажденный в Тонингене Стенбок надеялся в непродолжительном времени получить помощь извне. Однако Англия, вопреки своим обещаниям, сделанным летом 1712 г., не смогла послать английскую эскадру на помощь Швеции, так как Голландия тогда же заявила, что в таком случае голландская эскадра будет отправлена на помощь России. Между тем шведское войско в Тонингене сильно уменьшилось в численности и было изнурено осадой в чужом городе среди враждебного населения. После непродолжительных переговоров Стенбок, вопреки приказам Карла XII, согласился капитулировать. В мае 1713 г. шведские войска вышли из крепости и сложили свое оружие и знамена к ногам победителей[1].

После сдачи Стенбока командовавший русской армией Меншиков начинает обратный поход на восток, предварительно взыскав с Гамбурга и Любека контрибуцию за продолжение торговли со Швецией в годы Северной войны. Только небольшая часть русских войск была оставлена в Померании для помощи в осаде Штральзунда.

Русское командование было недовольно результатами кампании 1712 г., на которую оно возлагало такие большие надежды. «Кампания пропала даром»,— писал Петр I. Постоянные несогласия с союзниками, практическая невозможность добиться совместных действий с ними, помехи саксонских и датских генералов действиям русских войск — все это заставило Петра I придти к выводу, что «на померанские дела мало надежды». В связи с этим было решено в следующем, 1713 г. действовать самостоятельно, независимо от союзников, направить главные силы русской армии против Финляндии и через нее нанести решающий удар по Швеции.

Страны—участницы Великого союза с большой тревогой следили за действиями русских войск в Померании. Морские державы, вынужденные в 1711 г. согласиться на развертывание Северным союзом военных действий против шведов в Германии, теперь видели, что дело идет о лишении Швеции ее континентальных владений. В правящих кругах Англии и Голландии задумывались о средствах, которые могли бы помешать успехам русских вооруженных сил, и наиболее надежным из этих средств считали Турцию. Новая война между Россией и Турцией могла бы, по их мнению, заставить русские войска покинуть Германию. Такую войну и стремились разжечь правительства стран Великого союза и прежде всего Англии.

«Министерство Великобританское,— писал из Гааги Матвеев,— усмотря, что дела наши продолжаются в Померании и войска множатся, не только желают, чтобы мир наш, заключенный с турки, не устоял, но ищут

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 4, стр. 104, 106—108, 118, 126—128, 133—138, 173—177; кн. 7. Саратов, 1898, стр. 17, 37.

впредь, чтоб опять наша война с Портою в тех краях обновлена была и чтобы войска наши понуждены были выступить из Померании... Здесь по всему также вижу, что гораздо кисло на те наши померанские дела смотрят, опасаясь впредь больших успехов от тех наших войск»[1].

По сведениям, полученным русским посланником в Лондоне Литом, английское правительство в инструкциях своему посланнику в Константинополе поручило ему добиваться, чтобы Порта разорвала договор с Россией и объявила ей войну[2]. Через несколько месяцев, 1 июля 1712 г., такие же сведения получил Куракин. Он писал: «Англия указ дала министру своему при Порте трудиться в интерес швецкой и учиненной мир разрушить»[3].

Однако к этому времени отношения между Англией и Голландией, в связи с фактическим заключением Англией сепаратного мира с Францией, настолько обострились, что Генеральные Штаты дали своему послу в Константинополе Кольерсу инструкцию содействовать укреплению мира между Россией и Турцией. Несмотря на враждебную по отношению к России деятельность английского посла в Константинополе, русским уполномоченным удалось добиться возобновления мира с Турцией (12 апреля 1712 г.). Тем не менее английское правительство не оставляло надежды заставить Турцию вновь объявить войну России, с тем чтобы отвлечь русские войска от Померании. Турки требовали вывода русских войск из Померании. Переговоры между Россией и Турцией вновь шли при посредничестве английского посла, так что ясна и причина их неудачи.

В ноябре 1712 г. Турция снова объявила войну России. Военные действия должны были развернуться весной 1713 г., но султан, объявляя войну, повидимому, хотел лишь добиться некоторых уступок со стороны России и, столкнувшись с твердой позицией русского правительства, отказался от военных действий. С трудом добившись отъезда шведского короля из своих владений, турки летом 1713 г. заключили с Россией мир—Адрианопольский мирный договор, условия которого в основном совпадали с условиями Прутского договора 1711 г.

Английское правительство усиленно требовало в эти годы удаления русских войск из Померании. В конце 1712 г. Англия отозвала из России своего посла Витворта и два года не назначала ему преемника. Отношения между Россией и Англией настолько обострились, что приходилось опасаться открытого выступления Англии на стороне Швеции против России. В связи с этим в инструкции русскому посланнику в апреле 1713 г. говорилось, что он должен добиваться хотя бы сохранения Англией нейтралитета в войне между Россией и Швецией[4].

---

[1] ЦГАДА, Дела голландские, 1711, № 4, л. 344.

[2] Там же, Дела английские, № 345, л. 88. Донесение фон дер Лита от 14 декабря 1711 г.

[3] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 2, стр. 384.

[4] ЦГАДА, Дела английские, № 370, л. 1.

Французское правительство в эти годы также проводило политику, направленную в целом против интересов России.

Из того обстоятельства, что главная роль в разжигании войны 1711 г. между Россией и Турцией принадлежала не Франции, а Англии и императору, нельзя делать вывод, будто Франция в эти годы (1710—1715 гг.) дружественно или, по крайней мере, лойяльно относилась к России. Дело обстояло иначе. Французское правительство, несмотря на важнейшее историческое событие — Полтавскую битву, несмотря на желание русского правительства заключить с Францией союз, не могло отрешиться от традиционной ориентации на Швецию и Турцию — государства, враждебные России. Робкая попытка достигнуть соглашения с Россией была сделана французским правительством в 1710 г. (посольство Балюза). Именно к этому времени относится подготовка Турции к нападению на Россию, в которой Франция, как свидетельствуют об этом опубликованные французские документы, активного участия не принимала. Однако посольство Балюза имело целью не безоговорочный и решительный поворот Франции к союзу с Россией. Это была попытка добиться примирения России и Швеции с тем, чтобы использовать обе эти страны в интересах Франции. Когда эта попытка сорвалась, французское правительство вновь перешло к безнадежной и бесперспективной политике поддержки усилий шведского короля, направленных на срыв Прутского мирного договора и разжигание новой войны между Россией и Турцией. Французская политика в Турции в 1712—1713 гг. находила поддержку теперь и у Англии, заключившей с Францией соглашение о предварительных условиях мира.

Людовик XIV предлагал в это время Карлу XII французские суда для переезда из Турции в Швецию, и попытки шведов вызвать войну между Россией и Турцией не противоречили французской политике[1]. 1 сентября 1712 г. между Францией и Швецией был заключен договор, по которому французское правительство прямо обязалось склонить Порту порвать мир с Россией. По этому договору предполагалось, что в Польше будет восстановлен Станислав Лещинский, который возвратит туркам Каменец-Подольск, а Турция, в свою очередь, заставит Россию вернуть полякам Киев[2]. Французское правительство организовало помощь деньгами и хлебом шведскому корпусу генерала Стенбока, который в это время переправился из Швеции в Германию.

Наконец, в начале 1715 г. Франция заключила новый союзный договор со Швецией, обязавшись выплачивать ей субсидии в размере 600 тыс. талеров в год до окончания войны, несмотря на то, что французские финансы

---

[1] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France», v. Suede, p. LXXXIII—LXXXIV.

[2] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.), ч. 4, М., 1902, стр. 87.

находились в сильном расстройстве. Этот договор был заключен сроком на три года. Французское правительство обещало добиваться, чтобы Швеция получила обратно провинции, отвоеванные у нее северными союзниками. Только дальность расстояния помешала французскому правительству оказать Швеции поддержку войсками, заставив ограничиться посылкой крупных денежных субсидий[1].

Во Франции правящие круги не могли или не хотели понять того, что стало совершенно ясно позднейшим французским историкам,— а именно, что объективно рост сил России был в это время на пользу Франции, отвечал ее интересам[2].

Французское правительство проводило в эти годы недальновидную политику, наносившую серьезный ущерб национальным интересам страны. Вместе с тем эта политика французского правительства объективно содействовала враждебной по отношению к России политике Англии.

В этой новой и сложной обстановке, когда создалась опасность выступления против России крупных западноевропейских стран, русское правительство и его послы в Англии, Голландии и других странах стремились уловить признаки охлаждения и взаимного соперничества между теми странами, выступления которых против России приходилось опасаться. Разногласия привели к значительному ухудшению отношений между морскими державами. В дальнейшем Голландия отказалась безропотно следовать английской политике в отношении России и в целом относилась к усилению России и к ее утверждению на Балтийском море далеко не так ревниво, как Англия.

Когда военные действия были перенесены в Голштинию, куда русские войска вступили, преследуя шведский корпус Стенбока, английское правительство через своего посла в Гааге пыталось договориться с Генеральными Штатами о совместном отправлении эскадр в Балтийское море, с тем чтобы принудить датского короля к миру или заставить его вывести войска из Голштинии. Эскадра из 15 английских линейных кораблей была подготовлена к отплытию в Балтийское море. Узнав об этом, Петр I принял решительные меры и 12 февраля 1713 г. направил русскому посланнику в Лондоне для вручения королеве Анне грамоту, где говорилось, что, помня старую дружбу России и Англии, царь не хочет верить сообщениям, будто Англия намерена оказать шведам помощь в Голштинии. Если же Англия решится вмешаться в эту войну на стороне Швеции, то, как

---

[1] «Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France», v. Suede, p. LXXXV—LXXXVI.

[2] Французский историк Рамбо писал, показывая тем самым тесную связь событий Северной войны и войны за испанское наследство: «Не подлежит сомнению, что вмешательство Петра Великого в события, совершавшиеся на берегах Балтийского моря и в Германии, ускорило окончание утрехтских мирных переговоров. В этом случае он действовал в пользу Франции» (*Э. Лависс и А. Рамбо.* Всеобщая история, т. VI, Москва, 1899, стр. 732).

заявлялось в грамоте, Россия и ее союзники окажут Англии сопротивление всеми своими силами[1].

Куракин, направленный в это время для охраны интересов России на открывшийся 29 января 1712 г. Утрехтский конгресс, получил указание говорить с английскими представителями «в твердых терминах». В соответствии с этим Куракин, сообщив английским министрам содержание грамоты, предупредил их, чтобы английское правительство воздержалось от враждебных действий, указывая, что в противном случае будет нанесен ущерб торговле между двумя странами. Куракин, отличавшийся уменьем владеть собой, отмечал, что «в тех наших разговорах с обеих сторон довольно было угроз».

Отправленная Петром I грамота не была вручена королеве. Потребность в этом миновала, так как английское правительство, убедившись, что Генеральные Штаты его не поддержат, отказалось от намерения послать эскадру в Балтийское море[2].

Отношение Англии к Северной войне в начале 1713 г. было отчетливо сформулировано в заявлении английского посланника в Голландии и одновременно уполномоченного Англии на Утрехтском конгрессе лорда Страффорда Куракину: «Натурально, что Англия никогда не похочет видеть в разорении и безсилии корону шведскую. И подлинное есть намерение ее, Англии, чтобы потенции в севере содержать попрежнему в балянции (равновесии.—*Ред.*), в чем она, Англия, и резон имеет». Страффорд говорил, что, по его мнению, большая трудность заключается в намерении русского правительства удержать все свои завоевания, в то время как шведский король не хочет ничего уступать. Ливония, по мнению Страффорда, не может быть отнята у Швеции, и, как он надеется, Россия удовольствуется Петербургом. Нарва же, по его словам, одинаково нужна обеим странам[3]. Таким образом, английское правительство желало ограничить приобретения России Петербургом с областью. Как крайний возможный предел русских владений им мыслилась Нарва. Английское правительство уже сознавало, что совсем отодвинуть Россию от Балтики все же не удастся.

Однако обладание одним Петербургом не давало России достаточно надежного выхода к морю. Таким выходом мог стать только незамерзающий порт. Английское же правительство готово было допустить Россию к Балтике лишь в той мере, насколько это было выгодно и удобно Англии. Получение русских товаров для доставки в Англию через балтийские порты значительно удешевляло стоимость товаров; также удешевлялась и доставка английских товаров в Россию через балтийские порты на английских кораблях.

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 6, Саратов, 1896, стр. 68—69.

[2] Там же, стр. 70.

[3] Там же, стр. 168—169.

В то же время английский посол в Гааге Страффорд внушал голландскому правительству, что растущий русский флот нанесет вред торговым интересам морских держав. Одновременно группа английских купцов подала королеве петицию, в которой указывала, что если Россия будет иметь гавани на Балтийском море, то русские купцы заведут собственные корабли и будут на них сами вести торговлю, которая ранее была в руках англичан и голландцев. Таким образом, стремление сохранить торговые преимущества в своих руках являлось одним из сильнейших побудительных мотивов политики английского правительства по отношению к России.

11 апреля 1713 г. в Утрехте был заключен мир между Францией и ее противниками в войне за испанское наследство. Русское правительство должно было теперь опасаться возможного вмешательства держав Великого союза и Франции в Северную войну, тем более, что еще до заключения Утрехтского мира английское правительство неоднократно предлагало Генеральным Штатам «вступить в дела Северной войны и искать способ к утишению, чтобы войну в Европе повсюду прекратить»[1].

В качестве меры для прекращения Северной войны английское правительство предлагало направить в Балтийское море английскую и голландскую эскадры. Оно считало также, что Англия, Голландия и император должны осуществлять свои гарантии Травендальского договора[2].

Однако Генеральные Штаты решительно не желали следовать за Англией в северных делах. Куракин еще во время мирных переговоров в Утрехте убедился в нежелании Генеральных Штатов вмешиваться в Северную войну и даже в их заинтересованности в том, чтобы Россия имела выход к Балтийскому морю.

Русская дипломатия постаралась использовать в своих интересах противоречия между Англией и Голландией. Куракин не без успеха доказывал в Гааге, что Голландия не должна оказывать помощь Швеции, что приобретение Россией балтийских портов будет способствовать расширению русско-голландской торговли. В результате в ответ на английское предложение о посылке эскадры Штаты уклончиво отвечали, что, будучи сторонниками прекращения войны на севере, они уже делали соответствующие предложения воюющим, но что, по их мнению, посылать эскадру еще нет нужды, дело это сложное и требует времени.

Попытки французских и шведских уполномоченных во время Утрехтского конгресса побудить всех его участников вмешаться в северные дела в интересах Швеции, по сообщениям Куракина, были отклонены усилиями Генеральных Штатов и представителя императора[3].

Куракин постарался убедить голландское правительство не допускать переговоров о северных делах на Утрехтском конгрессе, так как это

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 7, стр. 28.

[2] По Травендальскому договору 1700 г. морские державы принудили Данию прекратить войну против Швеции и отказаться от союза с Россией.

[3] «Архив князя Ф. А. Куракина», Астрахань, 1901, кн. 9, стр. 141.

было бы выгодно лишь Франции. Повидимому, ему вполне это удалось. Куракин несколько раз ездил в Утрехт, однако неофициально, не объявляя своего «характера», то есть не объявляя о своем официальном звании уполномоченного России на конгрессе.

Куракин правильно отмечал, что на конгрессе державам было не до России, так как между ними имеются сильнейшие противоречия. Он писал, что Англия и другие страны «довольно имеют своих дел разбраживать, нежели в чужие вступать. Сие еще меня паче подтвержало, что делам северным в Утрехте вчатым невозможно быть»[1].

Германский император вместе с немецкими князьями все еще вел войну против Франции[2]; выявились также значительные противоречия между Генеральными Штатами и Англией. Этим объяснялись в значительной мере «склонные» к интересам России поступки Штатов. Куракин отмечал, что Генеральные Штаты крайне недовольны Англией «для того, что мир предосудительный с Франциею учинен чрез насилие аглинское, и чрез тот, как от Франции, так и от Англии принуждены быть беспокойны, понеже оныя Франция и Англия весьма согласны их (Штатов.— *Ред.*) коммерцию умалить»[3]. Куракин считал, что прочные дружественные отношения между странами должны основываться на взаимных выгодах, и сообщал, что Генеральные Штаты, надеясь увеличить свою торговлю, «весьма находят свой интерес, чтобы царское величество имел в Балтическом море свои пристани».

По словам Куракина, в сентябре 1713 г. Штаты «на домогательство Англии уже письменно декларировали своею резолюциею милорду Страффорду на его мемориал, что никаким насильным образом отнюдь в те северные дела мешаться не будут, но будут поступать добродетельными своими поступки чрез негоциацию»[4].

Позиция Генеральных Штатов приобретала особое значение потому, что Англия, следуя своей традиционной политике, вовсе не хотела выступить против России в одиночку. Она стремилась побудить к этому другие страны (и в первую очередь Голландию). Поэтому, когда Генеральные Штаты отказались добиваться прекращения Северной войны насильственными мерами, Куракин пришел к выводу, что одна Англия на войну против России не решится.

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 6, стр. 65.

[2] В 1711 г. после смерти Иосифа I германским императором стал претендент на испанский престол эрцгерцог Карл под именем Карла VI. Это возбудило опасения среди других членов Великого союза, что Карл VI соединит испанскую и императорскую короны. После Утрехтского конгресса, на котором мира между императором и Францией достигнуто не было, Франция смогла направить против императора большие военные силы, и в начале 1714 г. по Раштадтскому договору Карл VI принял условия Утрехтского мира.

[3] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 9, стр. 142.

[4] Там же, стр. 141, 143.

Английское правительство и после заключения Утрехтского мира продолжало свои попытки организовать объединенное выступление нескольких европейских держав против России. Оно пыталось поднять в 1713 г. против России Голландию, Пруссию, Австрию. Но ни одно из этих государств не желало в то время выступать против России. Австрия еще не закончила войны против Франции. Голландия, заинтересованная в развитии торговли с Россией и испытывавшая глубокое недовольство поведением Англии на заключительном этапе войны за испанское наследство, не желала идти в фарватере английской дипломатии[1]. Пруссию русская дипломатия сумела заинтересовать в принуждении Швеции к миру.

Пруссия долгое время после Полтавы занимала колеблющуюся позицию, не решаясь вступить в Северную войну. Вместе с тем она была заинтересована в приобретении части шведских владений в Померании — города Штеттина с округом. Русское правительство давно желало привлечь Пруссию к союзу против Швеции и готово было пойти на удовлетворение ее притязаний. В начале июля 1713 г. Меншиков осадил Штеттин. Русское правительство видело, что Пруссия не сможет остаться равнодушной к судьбе этого лакомого для нее куска. Поэтому Петр I хотел, чтобы после взятия город был передан Пруссии. Тем самым она фактически была бы привлечена к союзу против Швеции. В сентябре 1713 г. шведский гарнизон города капитулировал, и Меншиков по договору 6 октября 1713 г. передал его в секвестр Пруссии[2]. Этот акт ставил Пруссию во враждебные отношения со Швецией и объективно делал ее союзницей России.

В июне 1714 г. между Россией и Пруссией был заключен договор о союзе и гарантии. Россия гарантировала Пруссии обладание городом Штеттином. Пруссия, в свою очередь, гарантировала России владение Ингрией, Карелией с Выборгом, Эстляндией с Ревелем, а также обязалась содействовать удержанию Россией тех областей, которые будут отвоеваны у Швеции до окончания войны[3].

В этих условиях английская дипломатия попыталась организовать конгресс для переговоров о мире между Россией и Швецией с участием европейских держав, с тем чтобы на этом конгрессе оказать на Россию давление в интересах Швеции. Статс-секретарь Сен-Джон в 1713 г. заявил в беседе шведскому посланнику, что английское правительство готово принять разумные меры, чтобы спасти Швецию от нависшей над ней угрозы. Но шведы должны сами сделать первый шаг и заявить

---

[1] Союз между Англией и Голландией, которые всегда были соперниками, в особенности в торговле, не мог быть и не был прочным. Эти страны сделались временными союзниками в интересах общей борьбы против Франции Людовика XIV, обнаруживавшей стремление к господству в Европе. Поскольку Франция слабела, противоречия между Англией и Голландией обнаруживались все острее. Куракин верно подметил эти противоречия и старался их использовать в интересах России.

[2] *Ф. Ф. Мартенс.* Указ. соч., т. V, стр. 87—106.

[3] Там же, стр. 112—118.

о своей готовности вести переговоры[1]. Однако и этот шаг Сен-Джона, предпринятый в интересах Швеции, не оказал желаемого влияния на агрессивные круги Швеции, которые попрежнему не хотели и слышать о мире иначе, как при условии возвращения Швеции всего отвоеванного у нее северными союзниками.

Правительство Империи также пыталось в эти годы взять в свои руки контроль над установлением мира на севере. Император настойчиво предлагал созыв международного конгресса, на котором участвовали бы наряду с представителями России и Швеции также уполномоченные императора и его союзников. Русское правительство предпочитало двусторонние переговоры, но, чтобы показать свое миролюбие, соглашалось участвовать в конгрессе. Конгресс в Брауншвейге был назначен императором в 1713 г.[2] Однако Карл XII попрежнему считал, что предварительным условием переговоров должно быть возвращение Швеции всех отвоеванных у нее земель, и не пожелал принять участия в конгрессе. Вопрос о Брауншвейгском конгрессе много раз поднимался правительством Империи вплоть до 1720 г.[3] Но вначале конгресс не состоялся из-за отрицательной позиции Карла XII, а в последние годы Северной войны он потерял смысл для русской стороны, ибо на деле означал лишь желание австрийского правительства дать передышку шведам под прикрытием переговоров о мире.

* * *

Во время кампании 1710 г.[4] русские войска заняли Выборг, Ревель, Ригу и вышли на побережье Финского и Рижского заливов на всем протяжении между этими пунктами. Одновременно на северном берегу Ладожского озера был взят Кексгольм. Таким образом, была достигнута основная цель, которую Россия преследовала в Северной войне: возвращение старорусских земель, выходивших к Балтийскому морю, и обеспечение безопасности Петербурга с моря и с суши. Но, чтобы добиться мира, необходимо было довершить разгром Швеции, перенеся военные действия непосредственно на ее территорию.

В плане дальнейшей войны со Швецией занятие Финляндии имело особое значение. Русские войска, заняв Финляндию, не только приобретали выгодные стратегические позиции, опираясь на которые можно было перенести военные действия непосредственно на территорию самой Швеции, но лишали последнюю также и важной базы снабжения, откуда она получала продовольствие и сырье. Еще осенью 1712 г., высказывая свои

---

[1] British Diplomatic Instructions, v. I, Sweden, p. 57—58.

[2] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. 1. М., 1894, стр. 45.

[3] Там же, стр. 46—50.

[4] Текст до конца стр. 571 написан Ю. Р. Клокманом.

первые соображения относительно предстоявшей в Финляндии новой кампании, Петр I писал Ф. М. Апраксину: «Ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет»[1].

Финляндский театр войны был очень сложным. Русским войскам приходилось действовать здесь на пересеченной лесисто-болотистой местности, изрезанной многочисленными озерами, большими и малыми реками и холмами, в условиях почти полного бездорожья. В силу этого наиболее удобным стратегическим направлением для наступления в Финляндии было направление вдоль побережья от Выборга к Гельсингфорсу и далее на Або. Сухопутные войска в таком случае получали возможность вести борьбу против шведов совместно с галерным флотом, приспособленным для действий в прибрежных финляндских шхерах. Наоборот, наступление к побережью Ботнического залива через внутренние районы Финляндии, помимо того, что лишало сухопутные войска возможности взаимодействия с галерным флотом, было чрезвычайно затруднено отсутствием удобных путей сообщения. Русское командование остановилось на первом варианте, как наиболее полно отвечавшем особенностям театра войны и облегчавшем дело организации тыла и снабжения войск.

Военные действия в Финляндии, для которых был сформирован отдельный Ингерманландский корпус численностью в 55 500 чел. пехоты и 11 500 кавалерии, начались в 1712 г. Из состава Ингерманландского корпуса был выделен отряд под командованием генерал-адмирала Ф. М. Апраксина в числе 12 760 пехоты и 5383 конницы[2]. Затратив бо́льшую часть летнего времени на подготовку к походу, Апраксин 15 августа выступил из Выборга.

Шведский командующий Либекер, не принимая боя, отступил со своими войсками, насчитывавшими до 15 тыс. чел., на сильно укрепленные позиции за рекой Кюменью. Дойдя до этого рубежа, Апраксин не решился штурмовать укрепленные позиции шведов, равно как и оставаться там на зимовку, и отошел назад к Выборгу.

Более удачными были действия русского галерного флота. В начале августа эскадра галерного флота в составе 11 бригантин и 12 скампавей прорвалась из блокированного Кроншлота (Кронштадта) в северную часть Финского залива и произвела усиленную разведку финляндских шхер, захватив при этом 5 судов противника с 36 орудиями и экипажем численностью в 130 солдат и офицеров[3].

---

[1] *А. З. Мышлаевский*. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг. «Материалы для истории военного искусства в России». СПб., 1896, стр. 40.

[2] *А. З. Мышлаевский*. Указ. соч., стр. 37, 85.

[3] «Материалы для истории русского флота», ч. I, СПб., 1865, № 469, стр. 310—311; № 472, стр. 312—313; Сб. ВИМ, вып. V (Северная война на ингерманландском и финляндском театрах в 1708—1714 гг.). СПб., 1893, № 139, стр. 182—183.

Таким образом, кампания 1712 г. в Финляндии свелась к глубокой стратегической разведке. Она показала большое значение флота при действиях на данном театре, а также необходимость организации тесного взаимодействия военно-морских и сухопутных сил для достижения быстрой и решительной победы над врагом.

Согласно плану кампании, военные действия в Финляндии в 1713 г. должны были осуществляться сухопутными войсками совместно с судами галерного и корабельного флотов. Сухопутные войска численностью до 5 тыс. чел. получили задачу наступать от Выборга к Гельсингфорсу вдоль побережья Финского залива[1]. Галерный флот «при самом взломании льда» должен был доставить десант к Гельсингфорсу и овладеть этой сильной приморской крепостью шведов совместным ударом с моря и с суши. Таким же путем предполагалось овладеть затем городом Або, не переставая в то же время оказывать поддержку и сухопутным войскам на побережье[2]. Корабельный флот в течение всего этого времени должен был прикрывать действия галерного флота с левого фланга, то есть со стороны открытой части Финского залива.

В теории и практике военного дела Западной Европы того времени не было подобных примеров тесного взаимодействия сухопутных войск и военно-морских сил.

Петр I всемерно усиливал военный флот, в особенности галерный, новыми боевыми единицами. В частности, он считал совершенно необходимым к весне 1713 г. иметь 110—120 бригантин и скампавей, хорошо приспособленных для действий в финляндских шхерах. Они строились в Петербурге, на олонецкой верфи, а также на реках Ижоре и Луге[3].

В конце апреля 1713 г. русский галерный флот в составе 200 галер и других мелких судов с десантом в 16 050 чел. выступил из Петербурга к Кронштадту и оттуда 2 мая направился к Гельсингфорсу, следуя шхерами вдоль берегов Финляндии. Движение галерного флота прикрывал корабельный флот, который, ведя наблюдения за противником, должен был крейсировать около Березовых островов (Биорке).

Но Гельсингфорс можно было взять только совместными действиями сухопутных войск и флота. Галерный флот и сухопутные войска под командованием Апраксина в середине июля сосредоточились у Гельсингфорса. Шведская эскадра оставила рейд и поспешно отошла на запад. 15 июля Гельсингфорс без потерь был занят русскими войсками и флотом.

Взятие Гельсингфорса имело большое стратегическое значение. Шведский флот потерял свою последнюю базу в Финском заливе и,

---

[1] *А. З. Мышлаевский.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., приложения, № 22, стр. 22—23.

[2] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 514, стр. 343—344.

[3] Там же, №№ 489, 491, 493, 495, 514, 523, 531, 534.

Ф. М. Апраксин. Портрет маслом неизвестного художника начала XVIII в.
Государственный Эрмитаж.

следовательно, его действия в этой части Балтийского моря значительно осложнялись. Русские, владея Выборгом, Гельсингфорсом и Ревелем, сохраняли за собой господство в Финском заливе. Вместе с тем Гельсингфорс являлся удобной базой флота и сухопутных войск для развития дальнейших наступательных действий в Финляндии.

После взятия Гельсингфорса перед русскими встала задача овладеть городом Або, пробиться к Ботническому заливу и получить таким образом базу для высадки десантов на территории самой Швеции[1].

28 августа русские войска под командованием Апраксина, сбив

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 592, стр. 382—383.

арьергардные части противника, прикрывавшие Або, подошли к городу и заняли его. Но держать крупные силы в Або при ограниченных запасах продовольствия и фуража не представлялось возможным. Поэтому Апраксин, оставив в Або необходимый гарнизон, с остальными войсками отошел обратно к Гельсингфорсу.

М. М. Голицын. Портрет маслом неизвестного художника начала XVIII в.
Государственный Исторический музей.

Было решено в течение осени и зимы 1713—1714 гг. продвинуться как можно дальше на север Финляндии [1].

Наступательные действия русских войск, численностью в 14—16 тыс. чел. пехоты и конницы, возобновились в сентябре 1713 г. Совершив форсированный марш в 120 км по сильно пересеченной местности, русский корпус 27 сентября подошел к Тавастгусу, но противника там не застал. Командующий шведскими войсками генерал Армфельд, сменивший Либекера, при первом же известии о приближении русского корпуса, «нимало не противясь, пометав пушки в воду, оставя оную крепость, уступил» и отошел в северном направлении к реке Пелкине [2]. Здесь он приготовился к упорному сопротивлению наступающим русским войскам.

Русское командование решило атаковать укрепления противника с фронта и одновременно с этим значительными силами корпуса совершить глубокий обход расположения шведских войск. Для обхода был выделен особый десантный отряд в 6 тыс. чел. под командованием генерал-лейтенанта М. М. Голицына, одного из лучших военачальников русской армии.

На рассвете 6 октября после удачной ночной переправы через озеро Маллас-веси русские вышли в тыл укрепленной позиции шведов и

---

[1] «Материалы для истории Гангутской операции», вып. 1, ч. 1. Пг., 1914, № 29, стр. 40—41.

[2] Там же, № 53-а, стр. 70.

стремительно атаковали их, приняв боевое построение колонной. Противник не выдержал решительного штыкового удара русских войск и в беспорядке отступил в направлении Таммерфорса.

Одновременно с этим русские войска, стоявшие перед фронтом позиции шведов, перешли в наступление и при поддержке артиллерии форсировали реку Пелкине. Шведы дважды отбивали атаки русских войск, но в результате третьего натиска они «пришли в конфуз» и обратились в бегство, потеряв до 600 чел. убитыми, 224 чел. пленными и 8 орудий. Потери русских составили 118 чел. убитыми и 555 чел. ранеными.

В бою при реке Пелкине русские войска применили новые для этого времени способы ведения боя: глубокий обход фланга противника путем высадки десанта, решительный штыковой удар, атаку колонной. Обращает на себя внимание при этом большая четкость подготовки боя, согласованность действий всех родов войск[1].

После поражения при реке Пелкине шведские войска отошли в направлении города Вазы.

Для наступления на Вазу с целью окончательного разгрома войск Армфельда была выделена особая группа войск в составе 5588 чел. пехоты и 2907 чел. конницы под начальством М. М. Голицына. Для придания пехоте бо́льшей подвижности были сформированы отдельные команды лыжников. С той же целью повышения общей маневренности войск был сильно сокращен состав обоза[2].

Войска выступили на Вазу 7 февраля. Несмотря на жестокие морозы и бездорожье, отряд весь путь в 180 км прошел в течение семи дней.

Общая численность шведских войск, укрепившихся на благоприятной для обороны позиции близ Вазы (возле деревни Лаппола), достигала 12—14 тыс. чел. против 8495 чел. русских войск.

Русское командование, убедившись в трудности фронтальной атаки позиции шведов, приняло решение обойти противника справа. На рассвете 19 февраля русские войска двумя колоннами двинулись в обход шведской позиции. Шведы выстроили севернее реки Лаппола боевой порядок в две растянутые линии.

Русские имели глубокое расположение. Пехота была построена в две линии развернутых батальонов, расположенных в шахматном порядке (в первой линии пять батальонов, во второй линии три батальона). Позади пехоты также двумя линиями выстроились эскадроны и взводы кавалерии. Вся артиллерия была распределена двумя группами по флангам боевого порядка.

После часовой артиллерийской перестрелки шведы атаковали русских, нанеся удар в первую очередь по флангам. Вначале противник, обладав-

---

[1] *Л. М. Лещинский.* Военное искусство в начале XVIII в. М., 1951, стр. 74—75.

[2] *А. З. Мышлаевский.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., стр. 295.

ший численным превосходством, потеснил русские войска. Шведский командующий Армфельд ввел одновременно в бой все свои войска и остался совершенно без резервов. Поэтому, не получив подкрепления, шведы не смогли преодолеть упорное сопротивление русских войск и вынуждены были приостановить дальнейшее продвижение. Под воздействием сильного артиллерийского огня русских они несли большие потери, их боевой порядок расстроился.

М. М. Голицын не замедлил воспользоваться создавшейся благоприятной обстановкой для перехода в общее наступление против шведов. Русская пехота стремительно атаковала противника, охватывая его с обоих флангов, а спешенные драгуны нанесли одновременно удар в тыл шведам· Русская конница энергично преследовала разгромленного врага. Шведские войска потеряли 5133 чел. убитыми и 535 чел. пленными. Потери русских войск были также значительны, но гораздо меньше, чем у шведов: 421 чел. убитыми и 1047 чел. ранеными. Через два дня после боя русские войска заняли Вазу. Противник, не оказывая сопротивления, отступил дальше на север, к Якобштадту.

Победа, одержанная русскими войсками при Лапполе, имела крупное стратегическое значение. Разбитые наголову шведские войска были отброшены далеко на север Финляндии и не могли уже играть активной роли на данном театре войны. Русские войска заняли почти всю южную Финляндию с городами Або, Вазой и другими важными опорными пунктами на восточном берегу Ботнического залива и получили необходимые базы для развертывания наступательных действий против Швеции в 1714 г.

Для решения этой задачи требовалось перебросить в Або галерный флот, которому в 1713 г. не удалось туда проникнуть из-за сильной шведской эскадры, стоявшей у Гангута. Швеция, военная мощь которой на суше была окончательно сломлена, оставалась еще сильной на море. Ее флот значительно превосходил по числу крупных кораблей молодой русский Балтийский флот. Таким образом, решающего успеха в дальнейшем ходе Северной войны можно было добиться только на море, разгромив основные военно-морские силы шведов.

В Петербурге всю зиму 1713—1714 гг. шла усиленная подготовка к морскому походу: строили новые суда галерного и корабельного флотов, приводили в порядок старые, комплектовали и обучали экипаж и личный состав десанта, снаряжали боеприпасы и продовольствие для сухопутных сил и флота.

К весне 1714 г. Россия имела уже крупный галерный флот, который, по сведениям голландского посла де Би, насчитывал в своем составе до 186 судов с 870 орудиями[1]. Кроме того, Россия обладала сильным

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. 1, № 766, стр. 478—479.

корабельным флотом в составе 17 линейных кораблей, 4 фрегатов и 5 шняв, на вооружении которых находилось[1] 902 орудия.

План кампании 1714 г., как и в предшествующий ей период борьбы за Финляндию, предусматривал совместные действия флота с сухопутными войсками. Направлением главного удара был избран район Або — аландских шхер. Туда предполагалось перебросить галерный флот, который должен был доставить в Або десант. Сухопутные войска под командованием М. М. Голицына должны были одновременно развернуть наступление против шведов в Финляндии, очистить от противника все ботническое побережье между Умео и Вазой.

В дальнейшем галерный флот, базируясь на Або, должен был занять Аландские острова и развернуть действия десантов на территории Швеции. Корабельный флот получил задачу прикрыть переход галерного флота от Кроншлота до входа в финские шхеры, а затем сосредоточиться в Ревеле. Находясь в Ревеле, он должен был препятствовать проникновению шведского флота в Финский залив и оказывать помощь галерному флоту против линейного флота противника[2].

В Швеции также деятельно готовились открыть кампанию 1714 г. активными боевыми действиями на Балтике. Шведский флот, насчитывавший до 30 линейных кораблей, был разделен на две эскадры. Одна эскадра была выделена для действий в южной части Балтийского моря, где можно было ожидать выступления датского флота, другая под командованием адмирала Ватранга получила задачу прикрывать подходы к берегам Швеции со стороны Финляндии. К началу весенней навигации эта эскадра была доведена до 17 линейных кораблей, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей, 2 бригантин, 1 брандера и 6 галер. 25 апреля эскадра Ватранга в полном составе стояла уже у мыса Гангут. Отдельный отряд шведского галерного флота в составе одиннадцати галер и нескольких шхерботов занял позицию на Аланде[3].

Русский галерный флот под общим командованием Апраксина, приняв десант, вышел из Петербурга 9 мая и прибыл 29 июня в бухту Тверминде. 18 июля к месту расположения галерного флота приехал Петр I. Он произвел тщательную рекогносцировку местности и расположения противника и разработал план действий, который отличался большой оригинальностью и смелостью замысла.

Решено было устроить в наиболее узкой части полуострова Гангут (шириной в 1170 саженей) «переволоку» из бревен, перетащить по ней несколько легких галер на западную сторону и «тем бы неприятеля привесть в конфузию (замешательство.— *Ред.*), чтоб удержать неприятель никак

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 766, стр. 478—479.

[2] *Н. В. Новиков.* Гангут. М., 1944, стр. 25.

[3] Там же, стр. 27—28.

Сражение при Гангуте. Гравюра А. Зубова 1715 г.

не мог»[1]. Это мероприятие было задумано как диверсия, предпринятая с целью вызвать замешательство у противника, ввести его в заблуждение относительно действительных намерений русского командования и отвлечь часть шведской эскадры от мыса Гангут, чтобы помочь таким образом главным силам галерного флота прорваться в район абосских шхер.

Шведское командование, не поняв действительного значения «переволоки» как диверсии, раздробило свои силы, ослабило войска на главном направлении и этим допустило большую тактическую ошибку, которой русское командование не замедлило воспользоваться[2]. Было решено прорваться с галерным флотом мимо Гангутского мыса, обойдя Ватранга мористее, то есть подальше от берега. Прорыв предполагалось осуществить несколькими очередями.

После успешного прорыва первого отряда в 20 скампавей, состоявшегося 26 июля, тем же путем отправился второй отряд в 15 скампавей.

В течение ночи обе стороны энергично готовились к решительному сражению. Отряду адмирала Лиллье удалось присоединиться к главным силам шведского флота. Затем Ватранг, желая предупредить обход его эскадры со стороны моря, оттянул свой левый фланг дальше от берега и этим допустил новую серьезную ошибку: он обнажил шхерный фарватер вблизи самого мыса Гангут.

Русское командование сразу же заметило ошибку Ватранга. Ночью главные силы галерного флота были выдвинуты на линию сторожевого охранения и в четыре часа утра 27 июля 1714 г. выступили в поход. Суда следовали кильватерной колонной тремя отрядами. Шведы прилагали отчаянные усилия, чтобы приблизиться к русским судам, открыв одновременно ожесточенный артиллерийский огонь. Но «к нашему величайшему огорчению,— писал впоследствии Ватранг,— и эта масса галер прошла мимо нас, несмотря на то, что наши корабли довольно близко подошли к ним и обстреливали их из пушек»[3]. К 12 часам дня весь русский галерный флот уже соединился в абосских шхерах с ранее прорвавшимся туда авангардом. На очереди стояла задача уничтожить заблокированный отряд Эреншильда, положение которого стало теперь совершенно безнадежным.

Эреншильд расположил свои суда в строю полумесяца вогнутой стороной, обращенной к противнику, упираясь обоими флангами в каменистые островки Рилакс-фиорда.

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 843, стр. 516—517; № 853, стр. 522—523; № 868, стр. 529—530. «Материалы для истории Гангутской операции», вып. III. Пг., 1914, стр. 31.

[2] Часть корабельной эскадры под командованием вице-адмирала Лиллье была направлена на юго-восток для атаки русского галерного флота. Контр-адмирал Эреншильд получил задание выдвинуться к северо-западному концу строящейся переволоки. Третья группа кораблей под командованием Ватранга были оставлена на месте. «Материалы для истории Гангутской операции», вып. III, стр. 182.

[3] «Материалы для истории Гангутской операции», вып. III, стр. 184—185.

Узость залива Рилакс-фиорда не позволяла русским развернуть для боя со шведами весь свой галерный флот. Для атаки шведского отряда был выделен авангард, командование которым принял на себя Петр I. Авангард состоял из 23 скампавей, разделенных на три группы: в центре в одну линию стали одиннадцать скампавей бригадира Лефорта и капитана Дежимона, а на обоих флангах уступом вперед — по шести скампавей, расположившихся двумя рядами.

В два часа дня русские суда атаковали шведов. Две первые фронтальные атаки были отбиты сосредоточенным артиллерийским огнем шведских судов. Тогда русские изменили направление удара. Третья атака была направлена на фланговые суда Эреншильда.

Начальники отрядов скампавей, перейдя на шлюпки и обнажив шпаги, следовали впереди своих подразделений, как это делалось при сухопутных штурмах. При подходе к противнику солдаты десанта, находившегося на скампавеях, открыли сильный ружейный огонь по шведским артиллеристам. Это, а также направление главного удара на фланговые суда противника, снижало интенсивность артиллерийского огня шведов, не позволяло им в полной мере использовать свое превосходство в артиллерии.

Сблизившись с противником вплотную, скампавеи одна за другой сваливались на абордаж.

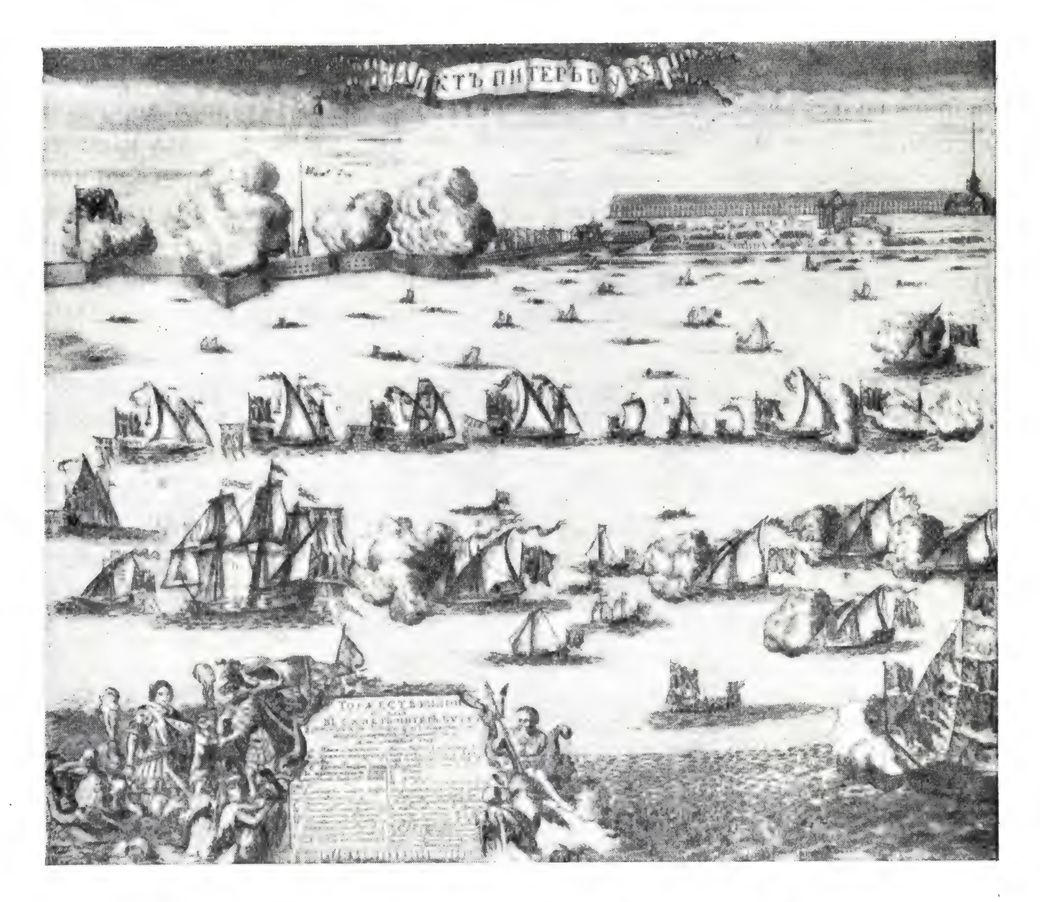
Ожесточенное сражение, продолжавшееся около трех часов, закончилось полной победой русского флота: «Воистинну,—отмечал впоследствии Петр I, — нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых, понеже абордированье так жестоко чинено, что от неприятельских пушек несколько солдат не ядрами и картечами, но духом пороховым от пушек разорваны»[1]. Победителям достался весь отряд контр-адмирала Эреншильда в составе одного фрегата, шести галер и трех шхерботов во главе с самим флагманом. Шведы потеряли убитыми 366 чел. и ранеными 590 чел., оставшаяся часть экипажа была взята в плен. Потери русских составили 124 чел. убитыми и пропавшими без вести и ранеными 341 чел.[2]

Гангутское сражение является примером правильного и всестороннего использования всех условий, обеспечивавших достижение победы над превосходными силами противника. Русское командование с исключительным мастерством организовало прорыв русского галерного флота тремя группами, закончившийся, в свою очередь, заблокированием и полным разгромом отряда кораблей Эреншильда. Противник был ошеломлен и в течение всего сражения проявлял полную растерянность, не успевал отвечать на удары, которые быстро следовали один за другим[3].

Еще большее значение имели стратегические последствия Гангутской победы. Русский галерный флот осуществил прорыв в або-аландский

---

[1] «Материалы для истории Гангутской операции», вып. III, стр. 35.
[2] Там же, вып. I, стр. 3—5.
[3] *Н. В. Новиков.* Указ. соч., стр. 94.

Ввод в Петербург шведской эскадры, взятой в плен при Гангуте.
Гравюра Г. де Витта по рисунку П. Пикара

шхерный район. Насчитывая в своем составе 98 галерных судов с 16 тыс. чел. десанта на них, он готов был развернуть теперь активные боевые действия непосредственно против шведских берегов.

В Швеции известие о прорыве русского флота в або-аландский шхерный район вызвало сильное смятение. Вокруг Стокгольма спешно возводили укрепления, перебрасывали туда войска. Охватившая шведскую столицу паника еще более усилилась, когда с Аландских островов и из района абосских шхер стали прибывать беженцы, в страхе бросавшие свои жилища, чтобы спастись от приближающегося «воинского пламени». Эскадра Ватранга была немедленно вызвана для прикрытия подступов к Швеции со стороны Аландского архипелага.

Русский галерный флот после сражения отправился в Або, куда и прибыл 3 августа. Простояв там два дня, он вышел затем к Аландским островам и в течение десяти дней занял их без сопротивления со стороны шведов.

Однако оставлять флот зимой на Аландских островах, отстоявших от берегов Швеции не далее, чем в 50 км, не имея там ни опорных пунктов, ни продовольственной базы, было рискованно и не вызывалось необходимостью. Поэтому было решено укрепить Аланды, чтобы держать Швецию под угрозой постоянного военного нападения, а главные силы галерного флота вместе с десантом направить к Вазе. Действуя совместно с русскими войсками, двигавшимися одновременно в том же направлении сухим путем, галерный флот должен был нанести удар остаткам разбитого шведского корпуса генерала Армфельда, еще державшегося на севере Финляндии. Было решено произвести также первую разведку берегов Швеции в районе города Умео, для чего был выделен отряд галерного флота в составе 9 скампавей и до 1000 чел. десанта под командованием генерал-майора Головина[1].

С Аландских островов русский галерный флот вышел 22 августа и прибыл в Вазу 11 сентября, откуда продвинулся затем до Нью-Карлеби. Но шведский генерал отошел без боя по направлению к Врагестаду. Русские войска беспрепятственно заняли Нью-Карлеби и Гамле-Карлеби. Галерный флот в труднейших условиях уже наступившей осенней непогоды был отведен на зимовку в город Ништадт.

Действия отряда галерного флота Головина также протекали в самых неблагоприятных метеорологических условиях. Выступив из Вазы 11 сентября, отряд, несмотря на штормовую погоду, благополучно перешел Ботнический залив, захватив встретившиеся на пути девять шведских торговых судов, и на следующий день достиг города Умео. Шведский гарнизон, не приняв боя, отступил[2]. Русский отряд около месяца действовал на побережье Ботнического залива, не встречая сопротивления со стороны войск и флота противника. 15 октября отряд присоединился к главным силам русского галерного флота.

Действия отряда Головина, впервые проходившие на территории самой Швеции, показали слабость ее береговой обороны.

Кампания 1714 г. закончилась. В начале сентября в Петербурге состоялось торжественное празднование победы русского флота при мысе Гангут. Все участники сражения были награждены медалями (офицеры золотыми, а солдаты и матросы серебряными) в честь Гангутской битвы. Петр I за победу при Гангуте был произведен в вице-адмиралы.

Гангутское сражение вошло в историю русского военно-морского флота как одна из наиболее блестящих ее страниц. Молодой русский военно-морской флот одержал в этом сражении свою первую крупную победу над шведским флотом, не имевшим до того времени поражений. Гангутская битва положила начало боевой славе русского военно-морского флота и могуществу России на Балтийском море.

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. I, № 929, стр. 565—567.

[2] *А. З. Мышлаевский.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712—1714 гг., приложения, № 128, стр. 120—124.

В результате Гангутской битвы инициатива действий на море полностью перешла в руки России, и хотя война продолжалась еще шесть лет, но былая морская мощь Швеции, ее преобладание на Балтийском море после этого сражения ушли в прошлое.

Гангутское сражение явилось завершением кампании 1712—1714 гг. в Финляндии, оно неразрывно связано с победами, одержанными там русскими сухопутными войсками.

Кампания 1712—1714 гг. служит классическим примером взаимодействия сухопутной армии и флота, во время которой Петр I, особенно в Гангутском сражении, проявил себя таким же выдающимся флотоводцем, новатором русского военно-морского искусства, каким не раз проявлял себя, будучи полководцем сухопутной армии. История войн Западной Европы и вся предшествовавшая военная история России не знали таких примеров совместных комбинированных действий сухопутных войск и военно-морского флота, какие имели место в кампании 1712—1714 гг. в Финляндии.

В тесной связи с этим стоит и выбор средства борьбы, при помощи которого удалось свести до минимума количественное и качественное превосходство шведского флота, вести активную борьбу с противником на море. Таким средством борьбы, получившим самое широкое применение в кампании 1712—1714 гг., был русский галерный флот. Галеры отличались простотой конструкции, совершенно не зависели от ветра и в одинаковой степени были пригодны как для действий против берега, так и в шхерной полосе. Россия, впервые применив в массовом масштабе этот новый для Балтийского моря класс боевых кораблей, получила большие преимущества в борьбе со Швецией[1].

В боях в Финляндии, в сражении у мыса Гангут русская армия и флот проявили высокие моральные и боевые качества, выносливость, мужество и отвагу.

В период кампании 1712—1714 гг. выросла целая плеяда талантливых военачальников. Среди них на первом месте следует поставить генерал-адмирала Ф. М. Апраксина и генерал-лейтенанта М. М. Голицына.

Кампания 1712—1714 гг., завершившаяся занятием Финляндии и разгромом шведского флота у мыса Гангут, свидетельствует о высоком уровне русского военного и военно-морского искусства в этот период.

Рост могущества России, успехи русских вооруженных сил в 1709—1714 гг., в том числе успехи на море, строительство сильного флота, рост русского влияния в Германии и угроза полного разгрома Швеции, а также призрак возможного торгового соперничества со стороны России — все это вызывало у правящих кругов крупных западноевропейских стран стремление ограничить «чрезмерное» усиление России и оказать поддержку Швеции. С окончанием войны за испанское наследство

[1] *Н. В. Новиков*. Указ. соч., стр. 92—93.

опасность вмешательства этих государств в Северную войну против России и ее союзников резко усилилась. В 1712—1714 гг. почти непрерывно идут переговоры между Англией и Голландией об отправлении их военных эскадр в Балтийское море на помощь Швеции. Франция оказывает Швеции материальную поддержку. Австрия с подозрением относится к расширению русских завоеваний. Противоречия по жизненно важным для этих стран вопросам пока удерживали их от совместного выступления против России. Однако весьма реальная угроза такого выступления продолжала существовать.

В этой обстановке задача русской внешней политики состояла в том, чтобы предотвратить угрозу выступления западноевропейских стран против России, сохранить с ними мир, успешно довести до конца войну против Швеции и закрепить за Россией ее приобретения. В этих целях русское правительство весьма умело использовало заинтересованность западных стран и прежде всего морских держав — Англии и Голландии — в торговле с Россией.

Торговля с Россией была весьма выгодна для коммерческих кругов Англии и Голландии. Кроме того, она была жизненно необходима для этих стран вследствие характера тех товаров, которые они получали из России. Сюда относились так называемые «морские припасы»—предметы для оснащения флота, без которых не могли обойтись военные и торговые корабли Англии и Голландии. Мачтовый лес, пенька, лен, смола и деготь, необходимые для оснащения судов, поступали в этот период в Англию и Голландию исключительно из стран Балтийского побережья.

До Северной войны значительная часть этих товаров шла из России через Архангельск, а также через порты на Балтийском побережье, находившиеся в руках шведов (Нарву, Ригу, Ревель и др.). Другим поставщиком этих товаров была Швеция.

В результате успешных действий русских вооруженных сил все южное побережье Балтийского моря к 1714 г. было очищено от шведов. Финляндия также оказалась отвоеванной. Число источников морских припасов, находившихся под контролем русского правительства, резко возросло. И, наоборот, резко сократилось количество морских припасов, которые могла вывозить теперь Швеция. Помимо того, война создавала помехи торговле. Шведские военные суда перехватывали английские и голландские корабли, шедшие в порты, занятые русскими войсками. Но остановка снабжения морскими припасами не могла быть терпима морскими державами.

В России правильно учитывали создавшееся положение и принимали меры к тому, чтобы обострить противоречия между Швецией и морскими державами. Русское правительство усиленно старалось развивать торговлю именно через балтийские порты. Оно давало всяческие льготы тем иностранным купцам, которые приходили за товарами к Петербургу. В конце 1713 г. был издан указ—«главные товары», в том числе пеньку,

сало, юфть, поташ, смольчуг русским купцам везти только к Петербургу. Внешняя торговля этими товарами через Архангельск была, таким образом, запрещена[1]. Иностранные купцы были поставлены перед выбором: либо приходить за этими товарами к Петербургу, либо отказаться от их получения. Это чрезвычайно обострило весь вопрос о балтийской торговле.

Учитывая заинтересованность морских держав в беспрепятственном получении припасов для флота, русское правительство, издавая этот указ, кроме чисто экономических целей, преследовало и политические цели, рассчитывая вызвать столкновение интересов морских держав и Швеции, стремившейся всячески помешать развитию балтийской торговли.

Англия и Голландия должны были попытаться найти выход из положения, созданного этим указом. Английское правительство задолго до его издания упорно добивалось от Швеции разрешения без помех торговать с балтийскими портами, находившимися в распоряжении России. В 1711 г. Англия и Голландия сделали совместное представление шведскому сенату, добиваясь, чтобы командирам шведских военных кораблей был отдан приказ не чинить препятствий английской и голландской торговле на Балтике[2]. Однако все это было напрасно. Карл XII заявил, что блокада балтийских портов будет продолжаться до тех пор, пока их будут занимать русские. Так же безуспешно закончилась попытка английского правительства в 1714 г. добиться разрешения на беспрепятственную торговлю для одних только английских судов[3].

К этому времени английским королем стал (после смерти королевы Анны в 1714 г.) ганноверский курфюрст Георг I. Это на некоторое время оказалось благоприятным для русских интересов. Сказалась дальновидность русской дипломатии, заключившей с Георгом I в 1710 г. союзную конвенцию.

Теперь, став английским королем, Георг I хотел округлить свое наследственное владение — Ганновер за счет шведских земель: герцогств Бремен и Верден. Получить эти земли он мог только при помощи России, так как на них претендовала Дания. Все это привело к началу новых переговоров между Россией и Ганновером о союзе, причем русская дипломатия была заинтересована в этих переговорах, надеясь привлечь к союзу против Швеции также и Англию.

Тем временем резко ухудшались отношения между Швецией и морскими державами из-за вопроса о балтийской торговле. Шведские военные корабли продолжали захватывать английские и голландские торговые суда в Балтийском море. Английские и голландские купцы требовали от своих правительств защиты торговли. Адмиралтейства этих стран также

---

[1] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 1, стр. 401—402.

[2] «British Diplomatic Instructions», v. I. Sweden, p. 47; ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 12, 1710, л. 273.

[3] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 10. М., 1902, стр. 55—56.

требовали устранения помех в доставке с балтийского побережья товаров, необходимых для оснащения флота.

В январе 1715 г. английский представитель в Стокгольме Джексон предъявил шведскому правительству формальное требование о возмещении убытков за захваченные шведами 24 судна и их груз на сумму более 65 тыс. ф. ст.

Карл XII не только не удовлетворил требования английского правительства о возмещении убытков и о разрешении свободной торговли в Балтийском море, но, наоборот, решил перейти к более суровым мерам пресечения этой торговли. 8 февраля 1715 г. он издал «Каперский устав», фактически запрещавший торговлю морских держав с Россией и с занятыми ею, а также поляками, датчанами и другими противниками Швеции балтийскими портами. Все суда, перевозившие какие-либо товары в порты противников Швеции или из этих портов, подлежали конфискации[1].

Устав вступил в силу немедленно, и уже к концу марта 1715 г. более 50 каперских судов отплыло из шведских портов. Большое число английских, голландских и других кораблей, направлявшихся с грузом в Россию или из России, было захвачено каперами и отведено в шведские порты. К маю, то есть еще до полного развертывания навигации, было захвачено более 30 английских и голландских кораблей.

«Каперский устав» и его применение вызвали сильнейшее возмущение в Англии и Голландии. Даже шведский посланник в Лондоне Гилленборг, видевший, к каким гибельным для Швеции результатам это может привести, сам ходатайствовал перед своим правительством о смягчении некоторых пунктов устава. Статс-секретарь Англии Тоунсенд, получив от Гилленборга известие об издании этого устава, писал, что «никакой договор, закон или причина не могут оправдать» имеющихся в уставе правил, и заявлял, что он не может считать предусмотренные уставом действия иначе, как пиратские[2].

Все это заставило английское и голландское правительства перейти для защиты своей торговли на Балтике к более эффективным мерам, чем словесные протесты в Стокгольме.

Захваты и конфискация английских торговых судов и их грузов шведскими каперами создавали настолько нетерпимое положение, что правительства морских держав не могли более оставаться безучастными. Английская и голландская эскадры были направлены в 1715 г. в Балтийское море, чтобы эскортировать торговые суда до мест их назначения и затем привести их обратно[3]. Русскому правительству было сообщено, что действия эскадры никоим образом не направлены против России и имеют

---

[1] *J. F. Chance.* George I and the Northern War, p. 58—67; «The annals of king George. Year the first». London, 1716, p. 429—430.

[2] «British Diplomatic Instructions», v. I, Sweden, p. 72; *J. F. Chance.* George I and the Northern War, p. 68.

[3] ЦГАДА, Дела английские, 1715, № 8а, л. 175.

целью лишь защиту торговли. Более того, английская эскадра должна была применить по отношению к шведским судам репрессии за захват английских торговых кораблей.

Английский адмирал Норрис имел приказ обеспечить защиту находившимся под его охраной торговым кораблям, а также «перехватить все суда, принадлежавшие королю шведскому или его подданным, а равно выполняющие его поручения». Эти суда Норрис должен был задержать впредь до получения английскими представителями в Стокгольме и Штральзунде (где среди осажденных шведов находился сам Карл XII) ответа на их требования о возмещении убытков английским купцам за захваченные у них шведами корабли, а также об обеспечении безопасности торговли на Балтике в дальнейшем[1]. Все это было в тот момент выгодно для России и ее союзников, и русское правительство могло лишь приветствовать прибытие английской эскадры в Балтийское море.

Появление английской эскадры в Балтийском море помогло России установить свое превосходство над шведами в эту кампанию, поскольку шведский флот был скован и укрывался в своих портах. Кроме того, переговоры о заключении союза с Георгом I позволяли надеяться, что английская эскадра в будущем предпримет вместе с русским флотом более эффективные действия против шведов.

Английское правительство поддерживало политику Георга I в отношении России и Швеции в тот момент, исходя из следующих соображений: во-первых, Англия была заинтересована в том, чтобы владельцем герцогств Бремен и Верден был Георг I, ибо Ганновер рассматривался английским правительством как опорный пункт Англии на европейском континенте; во-вторых, английское правительство в целях нормального снабжения английского флота необходимыми припасами стремилось устранить помехи торговле с портами балтийского побережья, завоеванными русскими войсками; в-третьих, предполагать возможность победы Швеции уже не приходилось. Представлялось несомненным, что мир скоро будет заключен и Швеция будет вынуждена уступить земли, перешедшие в распоряжение России.

17 октября 1715 г. в Грейфсвальде был заключен союзный договор между Петром I и Георгом I[2].

Великобританский король и ганноверский курфюрст Георг I обязался по этому договору обеспечить России приобретение от Швеции Ингрии, Карелии и Эстляндии с Ревелем. Петр I, в свою очередь, обязался обеспечить Георгу — курфюрсту Ганноверскому приобретение герцогств Бремен и Верден.

Георг I, получив Бремен и Верден, в уплату за это объявил войну Швеции и отправил 6 тыс. ганноверских солдат в Померанию.

---

[1] «British Diplomatic Instructions», v. I, p. 76.

[2] *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. IX (X). СПб., 1892, стр. 23—35.

Грейфсвальдский договор не оправдал всех надежд, которые возлагало на него русское правительство. Россия и Англия не стали союзниками в борьбе против Швеции, хотя некоторые выгоды этот договор все-таки принес. В это время русскому правительству не приходилось опасаться враждебного выступления Англии. Более того, присутствие английского флота в Балтийском море было в интересах России, так как шведский флот вынужден был укрываться в своих портах, и русские военные корабли получили полную свободу действий.

В соответствии с Грейфсвальдским договором Георг I скоро получил при помощи России Бремен и Верден. Теперь он хотел скорейшего прекращения войны против Швеции, чтобы мирным договором закрепить за собой новые владения. Его министр Бернсдорф в начале 1716 г. в беседах с русскими дипломатами не раз говорил о необходимости в будущую кампанию всеми силами обрушиться на шведов и сообщал о желании Георга I, чтобы русские и датские войска вступили летом 1716 г. в Швецию[1].

Русское правительство также желало заключить с Англией договоры о союзе, гарантиях и о торговле. Оно было готово принять все меры к тому, чтобы Дания и Пруссия были участниками этих договоров. Союз с Англией был наиболее желателен, ибо она могла оказать существенную помощь флотом.

Однако дальнейшие события показали, что английское правительство лишь временно, исходя из своих интересов, проводило лойяльную политику по отношению к России. На деле оно попрежнему хотело ослабления России. И это сказалось уже к осени того же 1716 г.

Русское правительство, несмотря на предпринимавшиеся им энергичные военные и дипломатические меры, не смогло в 1709—1715 гг. добиться завершения войны со Швецией. Этот период характеризуется возросшей активностью русской дипломатии, стремившейся не только возобновить союзные договоры с Данией, Саксонией, Польшей, но и привлечь ряд европейских государств к союзу против Швеции с целью принудить ее к миру. Восстановление Северного союза и привлечение в него Пруссии и Ганновера свидетельствуют о значительном успехе русской дипломатии.

Однако усиление России, успехи русских вооруженных сил, рост русского флота, действия русских войск в германских владениях Швеции, превращение России в решающую, руководящую силу Северного союза — все это вызывало тревогу и ревность у ряда европейских государств, а окончание войны за испанское наследство осложняло положение России, так как увеличивало опасность вмешательства крупнейших западноевропейских государств в Северную войну. Используя противоречия среди государств Западной Европы, русская дипломатия стремилась отвратить эту опасность. Выявившееся могущество России, заинтересован-

---

[1] ЦГАДА, Дела английские, 1716, № 5, лл. 9, 55.

ность стран Западной Европы в развитии торговых связей с русским рынком явились важными факторами, оказавшими значительное сдерживающее влияние на политику Англии, Голландии, Франции, Австрии. Тем не менее опасность выступления этих государств на стороне Швеции не только не миновала, но в ближайшие годы еще усилилась. Это побуждало русское правительство предпринимать дальнейшие энергичные меры военного и дипломатического характера, направленные на скорейшее достижение мира со Швецией.

4

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ И НИШТАДТСКИЙ МИР

Во вторую половину Северной войны, примерно с 1710—1711 гг., после того как русские войска заняли Ингрию и затем Эстляндию и большую часть Лифляндии с Ригой, главной целью русской внешней политики становится заключение мира. Русское правительство стремилось закрепить за Россией мирным договором со Швецией провинции на балтийском побережье, занятые русскими вооруженными силами. Однако Карл XII, несмотря на крайнее истощение Швеции и явную бесплодность дальнейшего сопротивления, долгое время не хотел и слышать о мире.

Стремясь сломить сопротивление Швеции, русское правительство готовилось осуществить крупное вторжение на ее территорию.

Военными победами и усилиями русской дипломатии к 1716 г. удалось добиться почти полной изоляции Швеции и значительного расширения антишведской коалиции.

1716 г. был временем наибольших внешнеполитических успехов России в Северной войне. В это время в составе руководимой Россией антишведской коалиции находились наряду с первоначальными ее участницами — Данией и Саксонией — также Польша, Пруссия, Ганновер. Кроме того, неофициально в связи с потребностью обеспечения свободы торгового судоходства на Балтийском море этой коалиции оказывали поддержку своими флотами Англия и Голландия. Соединенная эскадра России, Дании, Англии и Голландии находилась одно время под командованием самого Петра I, и шведский флот в это время вынужден был укрываться в своих гаванях под защитой береговых батарей. Другие европейские державы сохраняли строгий нейтралитет, а многочисленные германские князья добивались союза с Россией. Положение Швеции в этой обстановке стало безнадежным. Русские войска не только овладели провинциями на восточном побережье Балтики — Ингрией, Эстляндией и Лифляндией, они изгнали шведов из Финляндии, овладели Курляндией, Данцигом, находились в бывшей шведской Померании и Дании. Для обеспечения действий русской армии против шведов большое

значение имел заключенный в апреле 1716 г. договор с Мекленбургом, согласно которому русские корабли получали право пользоваться мекленбургскими портами, а русским войскам разрешался проход через территорию Мекленбурга и устройство складов[1]. В 1716 г. в Мекленбурге были расположены русские войска, и русское командование рассматривало это герцогство как важную базу. Значительная русская армия сосредоточивалась к осени 1716 г. в районе Копенгагена, чтобы оттуда совместно с датскими войсками и под прикрытием объединенного флота четырех держав (России, Англии, Голландии и Дании) совершить вторжение в южную Швецию.

Помехи торговому судоходству на Балтийском море, выражавшиеся в действии шведских каперов, захватывавших торговые суда любой державы, если они шли в порты восточной Балтики или из этих портов, и угроза полного прекращения балтийской торговли заставляли английское и голландское правительства выступать в 1715—1716 гг. против Швеции. Англия и Голландия, посылая свои эскадры в Балтийское море, имели прежде всего в виду устранение помех в доставке необходимых для морских держав материалов для кораблестроения. В силу этого, английское и голландское правительства оказывались заинтересованными в том, чтобы достичь соглашения с Россией и ее союзниками о совместных действиях против шведского флота. Это привело к тому, что в 1716 г. Англия и Голландия непосредственно содействовали успеху десанта северных союзников в южную Швецию. Об этом писал 3 июля 1716 г. статс-секретарь Стенгоп адмиралу Норрису, командовавшему английской эскадрой в Балтийском море[2]. Вскоре командующий английской эскадрой получил совершенно определенные инструкции своего правительства — совместно с датским флотом загнать шведскую эскадру в ее гавани и обеспечить свободу навигации на Балтике[3]. Тем самым становились возможными совместные

[1] Русское правительство давно оценило выгодное стратегическое и географическое положение Мекленбурга. Существовал проект прорытия канала, соединяющего Северное и Балтийское моря через территорию Мекленбурга. Осуществление этого проекта позволило бы русским судам миновать Зунд и освободиться от уплаты Дании зундской пошлины. Мекленбургский герцог был также заинтересован в установлении дружественных отношений с Россией. Такие отношения были установлены в 1712 г. С целью дальнейшего их укрепления в январе 1716 г. был заключен брак между герцогом Карлом-Леопольдом и племянницей Петра I Екатериной Ивановной. По брачному контракту Петр обещал герцогу содействие в получении Висмара и Варнемюнде, а в случае, если бы это почему-либо не удалось, должен был уплатить герцогу 200 тыс. руб. в качестве приданого. 8 апреля 1716 г. в Данциге был подписан союзный договор между Россией и Мекленбургом. Герцог получал известное количество русских войск, Петр I обязался поддерживать его при иностранных дворах, в особенности при дворе императора, обеспечить получение герцогом Висмара и Варнемюнде (*Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. V, СПб., 1880, стр. 136—151).

[2] «British Diplomatic Instructions», v. I, Sweden, London, 1922, p. 87.

[3] Там же, стр. 87—89.

действия русского, датского и английского флотов против шведов. Норрис сообщил, что он готов к таким совместным действиям, и заявил, что не примет никаких предложений от шведов [1]. Все это создавало объективные условия для вторжения в Швецию, для принуждения ее к миру и скорого завершения Северной войны.

Однако подготовка к десанту в 1716 г. задержалась по вине датчан, затянувших перевозку русских войск к Копенгагену до осени, что позволило шведам основательно подготовиться, возвести укрепления и сосредоточить войска в районе предполагавшейся высадки союзников. Петр I, дважды осматривавший шведские берега, убедился, что все удобные для десанта места хорошо защищены противником, и там, где союзники предполагали осуществить вторжение, шведское командование сосредоточило 20 тыс. солдат. Приближение зимы создавало дополнительные трудности для десанта. Все это заставило русский военный совет отказаться от вторжения в текущем году с тем, чтобы провести его летом следующего 1717 г. Русские войска, предназначенные для этой цели, должны были оставаться в Дании или поблизости от нее, чтобы быть готовыми для вторжения весной или летом 1717 г.

Однако отказ от десанта в 1716 г. и размещение русских войск на зимовку в Дании и Мекленбурге вызвали давно назревшее резкое обострение враждебности против России среди ее союзников. Эта враждебность увеличивалась с ростом могущества и влияния России, с расширением успехов русской армии, с развитием русского Балтийского флота. В Англии давно уже наблюдали за строительством русскими могучего Балтийского флота с подозрением и плохо скрываемой неприязнью.

Особенно тревожил Англию, Ганновер и Данию заключенный Россией договор с Мекленбургом. По условиям этого договора русские войска и флот получали прочную опору в Германии по соседству с Данией и Ганновером, который рассматривался английскими министрами как плацдарм и база Англии на европейском континенте.

Поэтому «союзники» России — датчане и ганноверцы, а также стоявшее за спиной Ганновера английское правительство энергично настаивали на отводе русских войск из Дании и Мекленбурга в Польшу, хотя это было явно нецелесообразно, так как крайне затруднило бы организацию десанта в следующем, 1717 г.

Английские и ганноверские агенты постарались разжечь ненависть и недоверие к России среди датчан и в германских княжествах. В Копенгагене распространялись провокационные слухи о намерении русских захватить датскую столицу. Английский король Георг I, опасавшийся за свои фамильные ганноверские владения, желал толкнуть Данию на вооруженное выступление против русских войск. Командующему английской

[1] ЦГАДА, Голландские дела 1716 г., № 2-в, лл. 21—22.

эскадрой, находившейся в Копенгагене, адмиралу Норрису был послан приказ Георга I напасть на русские войска и флот с тем, чтобы заставить их уйти из Дании и Германии. Однако этот приказ был послан из ганноверской канцелярии Георга I, и Норрис отказался его выполнить, заявив, что он не может взять на себя ответственность за подобные действия перед английским парламентом[1].

Английские министры, хотя и были настроены по отношению к России не менее враждебно, чем Георг I, не решились поддержать его приказ об открытом военном выступлении против русской армии и флота, опасаясь прежде всего ущерба английской торговле с Россией. Вместе с тем английские министры выражали опасение, что «если царь будет оставлен в покое три года, он будет абсолютным хозяином в этих морях» и что Петр I «намерен сделаться хозяином всего побережья Балтики»[2].

Обострению враждебности английского правительства по отношению к России способствовали также опасения английских торгово-промышленных кругов, что Россия станет для них серьезным конкурентом. На эту экономическую сторону русско-английских противоречий указывают и английские историки, основывающие свои выводы на английских документах[3].

Усилия английской дипломатии были направлены на раскол Северного союза и на изоляцию России. К этому времени английский король Георг I уже получил все, что он желал от союза с Россией. С помощью России ему удалось присоединить к своим ганноверским владениям Бремен и Верден, и поэтому союз с Россией отныне становился не нужен ни ему, ни английскому правительству, которое было заинтересовано в усилении и расширении Ганновера. Теперь Англия, Дания, Ганновер и Австрия непрерывно требуют отвода русских войск из Мекленбурга. Антирусская кампания англо-ганноверской дипломатии фактически раскалывает Северный союз, поскольку ни Ганновер, ни Дания не желают заключать с Россией соглашений о проведении военных операций против Швеции в следующем году. Английское правительство со своей стороны неоднократно заявляет, что оно готово оказать России помощь флотом против Швеции, но при непременном условии, что русские войска покинут территорию Мекленбурга и Империи[4].

Однако удаление русских войск с этих территорий было лишь начальной целью, которую ставили перед собой английские правящие круги. Их сокровенной задачей было разрушение растущей морской мощи России, уничтожение русского Балтийского флота. В связи с этим английское правительство желало создать широкую антирусскую коалицию евро-

---

[1] ЦГАДА, Английские дела, № 502, лл. 2—3.
[2] *Mahon*. History of England 1713—1789, v. I. London, 1858, p. 228—229.
[3] *J. F. Chance*. George I and the Northern war. London, 1909, p. 185—186.
[4] ЦГАДА, Голландские дела 1716 г., № 4, л. 273.

пейских держав и, возможно, Турции, целью которой был бы разгром России и возвращение ее к исходным рубежам кануна Северной войны. Английская дипломатия достигла частичного успеха, добившись фактического раскола Северного союза, оторвав от него Ганновер и Данию. Однако осуществить полностью свои планы английское правительство не могло. Помешали этому умелые действия русской дипломатии и позиция Карла XII, проявившего крайнее нежелание идти на сговор с Англией, а также позиция других европейских держав, не хотевших таскать из огня каштаны ради английских интересов.

К началу 1717 г. русское правительство убедилось, что благодаря усилиям английской дипломатии Северный союз раскололся, и ни Дания, ни Ганновер, ни тем более Англия не желают заключить с Россией никаких соглашений о дальнейших действиях против Швеции. Кроме того, русское правительство убедилось также в стремлении английских правящих кругов (при активном содействии ганноверских агентов) образовать общеевропейскую коалицию, направленную против России.

Даже Пруссия, долгое время занимавшая лойяльную позицию по отношению к России, начала колебаться. Чтобы ослабить значение враждебных шагов английской дипломатии, русское правительство решило совместно с Пруссией пойти на сближение с Францией, тем более что политическая обстановка этому благоприятствовала.

После Полтавы и последующих военных поражений Швеция была настолько ослаблена, что не могла являться сколько-нибудь ценным и надежным союзником Франции. И, наоборот, таким надежным союзником Франции на европейском континенте могла стать Россия, могущество которой все возрастало. Политические интересы заставляли правительство Франции, незадолго до этого потерпевшей поражение в войне за испанское наследство, искать дружественных отношений с Россией.

Заключение договора между Россией и Францией облегчалось тем, что в сентябре 1716 г. союзник России — Пруссия заключила тайный договор с Францией о гарантии Утрехтского и Баденского договоров. Этот договор предусматривал также содействие французского правительства в деле закрепления за Пруссией Штеттина, полученного ею из рук России. Пруссия была заинтересована в том, чтобы Россия являлась третьим участником этого договора. Франция в свою очередь также готова была заключить договор с Россией, надеясь заручиться ее поддержкой против своего исконного врага — Австрии. Поэтому французское правительство выражало желание, чтобы Россия утвердилась в Империи и постоянно держала там войска.

Прусское правительство, отчетливо понимавшее выгоды хороших отношений с Россией, также высказывало пожелание, чтобы русские войска оставались в Мекленбурге. В Пруссии совершенно справедливо опасались, что без русских войск ни Дания, ни Пруссия не смогут сопротивляться шведам, а на помощь со стороны Англии рассчитывать не приходилось.

Получив при содействии России значительные территориальные приобретения, Пруссия могла надеяться удержать их только с помощью русских войск, и это заставляло ее, исходя из собственных интересов, проводить в последние годы Северной войны лойяльную политику по отношению к России.

При свидании Петра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма в Гавельсберге в ноябре 1716 г. союз между Россией и Пруссией был подтвержден. После этого соглашение с Францией должно было явиться дальнейшим укреплением позиций России в Европе.

Французское правительство ставило условием соглашения гарантию Утрехтского и Баденского договоров, а условием русского правительства была гарантия со стороны Франции завоеваний, сделанных Россией в ходе Северной войны. Чтобы ускорить заключение договора, Петр I прибыл в Париж, где он вел переговоры с регентом Франции герцогом Орлеанским. Окончательно договор между Россией, Францией и Пруссией был заключен в Амстердаме 15 августа 1717 г.

Договором было предусмотрено взаимное обязательство России, Франции и Пруссии гарантировать трактаты Утрехтский и Баденский, а также договоры, которые будут заключены после окончания войны со Швецией. В случае нарушения кем-либо гарантированных договоров державы — участницы Амстердамского договора—были обязаны прийти на помощь потерпевшей стороне сначала дипломатическими средствами, а затем, если этого окажется недостаточно, деньгами или вооруженными силами.

Таким образом, это был союзный оборонительный договор, предусматривавший взаимную гарантию владений. Кроме того, в восьмимесячный срок по подписании этого договора стороны обязались прислать уполномоченных для заключения торгового договора.

Одна из секретных статей договора предусматривала посредничество Франции в заключении мира на севере. Кроме того, Франция обязалась по истечении срока своего договора со Швецией (апрель 1718 г.) не возобновлять его и не оказывать более помощи Швеции ни денежными субсидиями, ни военными силами[1].

Амстердамский договор лишил Швецию союзника, который давал ей ежегодно значительные субсидии — 1 800 000 ливров[2]. Политическое значение договора заключалось в том, что Франция была единственной страной, которая до этого на протяжении длительного времени поддерживала Швецию, а теперь отказывала ей в поддержке. Но самое главное заключалось в том, что Франция становилась отныне союзницей России и заранее гарантировала ее приобретения.

Амстердамский договор сыграл свою роль в принятии Карлом XII решения (1717 г.) пойти на непосредственные переговоры с Россией о мире.

---

[1] Сб. РИО, т. 34, стр. XXVI—XXVIII.
[2] Там же. стр. XXVIII—XXXII.

Они начались между русским послом в Голландии Б. И. Куракиным и находившимся на службе у Карла XII голштинским министром Герцем. Последний с согласия Петра I получил пропуск для проезда в Швецию через русские владения и вскоре сообщил, что Карл XII предложил вести переговоры на Аландских островах. 10 мая 1718 г. Аландский конгресс был открыт. Русскими представителями на конгрессе были Я. В. Брюс и А. И. Остерман.

В ходе переговоров на Аландском конгрессе выяснилось, что Швеция желала заключения мира со своим главным противником Россией, рассчитывая в дальнейшем с ее помощью разгромить остальных своих врагов и приобрести «эквивалент» уступленным России владениям за счет земель Дании и Ганновера.

Русскому правительству приходилось в значительной мере идти навстречу этим требованиям, тем более что еще до открытия Аландского конгресса в Швецию прибыли представители Ганновера и Англии, предлагавшие заключение мира за счет России. В ходе переговоров на конгрессе шведские представители неоднократно заявляли о выгодных предложениях, которые делают им «с другой стороны», намекая на Георга I и его министров. Представитель Карла XII Герц в июне 1718 г. сообщил Остерману, что «эквивалент», который Швеция хочет получить за территории, перешедшие к России, должен состоять из датских земель, причем Россия должна обязаться помогать Швеции[1]. Кроме того, Швеция хотела вернуть захваченные Георгом I Бремен и Верден и добиться от Ганновера известной компенсации за их удержание.

В августе 1718 г. на конгрессе был в основном согласован проект договора между Россией и Швецией, который Петр I одобрил. За Россией закреплялись Ингрия, Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с Выборгом. Занятая русскими войсками Финляндия и бóльшая часть Карелии подлежали возврату Швеции. Договаривающиеся стороны обязались охранять существующий государственный строй Речи Посполитой, а Россия обязалась предоставить в распоряжение Швеции 20-тысячный отряд русских войск для оказания помощи в отвоевании у Ганновера захваченных им Бремена и Вердена. В случае, если бы кто-либо из европейских держав попытался помогать Ганноверу против Швеции, Россия соглашалась «всею своею силою» оказывать Швеции помощь[2]. Этот пункт договора был направлен главным образом против Англии, ибо Ганновер был ее опорой на континенте Европы.

Правительства Англии, Ганновера и Дании были встревожены доходившими до них сообщениями о ходе переговоров на Аландском конгрессе. Особое беспокойство проявляло английское правительство, тем более что в Европе были широко распространены упорные слухи о соглашении

[1] ЦГАДА, дела Аландского конгресса 1718—1719 гг., № 24, лл. 47—48.
[2] Там же, № 11, л. 69.

России и Швеции с Испанией относительно совместного выступления против Англии. Эти слухи имели известное основание, ибо в августе 1718 г. испанский посол в Гааге Беретти обратился к русскому послу Б. И. Куракину с предложением испанского правительства заключить с Россией, Швецией и Пруссией союз, направленный против Англии. Испанское правительство готово было выставить 30 военных кораблей и 30 тыс. войск для действий против общих врагов. По замыслу кардинала Альберони, руководившего в эти годы внешней политикой Испании, первым действием замышлявшейся коалиции должно было стать изгнание из Англии короля Георга I и восстановление на английском престоле Стюартов.

Русское правительство сразу оценило значение помощи, которая неожиданно приходила к нему в трудном деле успешного доведения до конца мирных переговоров со Швецией.

Петр I, воздерживаясь до времени от конкретных обещаний испанским представителям, настаивал, однако, чтобы испанские агенты ускорили заключение мира между Россией и Швецией [1].

Вскоре в России узнали о разгроме испанского флота английской эскадрой в августе 1718 г. у острова Сицилия. Русское правительство опасалось, что Испания в этой обстановке может пойти на мир. Между тем война с Испанией связывала руки английскому правительству и не давала ему возможности активно вмешаться в дела северной Европы. В связи с этим Куракину было поручено сообщить испанскому послу «под высшим секретом» мнение Петра I, что испанскому правительству не следует торопиться заключать мир, ибо после разгрома флота большего ущерба враги ему причинить не смогут, так как на вторжение в Испанию они уже не решатся. Испании следует затягивать переговоры, выигрывая время, «пока у нас с королем швецким мир, а может быть, и ближайшее обязательство учинится». Далее Петр I намекал, что в случае успешного заключения мира между Россией и Швецией эти страны вступят в союз с Испанией [2].

Таким образом, русское правительство не отвергало возможности заключения союза с Испанией, однако лишь после установления мира со Швецией.

Между тем мир со Швецией в 1718 г. заключить не удалось. Шведы затягивали переговоры, «проволакивали» время, пытаясь добиться бóльших уступок. Тем временем международная обстановка складывалась таким образом, что русское правительство сочло необходимым временно воздержаться от обязательства участвовать «всеми силами» в войне на стороне Швеции ради получения ею «эквивалента». Это было связано с тем, что Франция, вступив в августе 1718 г. в направленный против Испании Четверной союз (Англия, Голландия, Австрия и Франция), могла теперь оказаться в числе врагов России и Швеции. Война в союзе со Швецией

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1. СПб., 1890, стр. 4—5.
[2] Там же, кн. 2. СПб., 1891, стр. 135—136.

могла, таким образом, вовлечь Россию в конфликт со всей остальной Европой. Именно поэтому русское правительство считало необходимым проявить большую осторожность.

Тем не менее мир и союз со Швецией, повидимому, все же удалось бы заключить в 1718 г., ибо главнейшие условия будущего договора были уже согласованы. Однако заключению мира помешало неожиданное событие — 30 ноября 1718 г. Карл XII был убит при осаде одной из крепостей в Норвегии. В Стокгольме взяли верх сторонники проанглийской ориентации. Уполномоченный Карла XII на Аландском конгрессе Герц был схвачен и казнен; переговоры на Аландском конгрессе были отныне обречены на провал.

Это хорошо понимали русские представители на конгрессе. Уже при получении первых известий о гибели Карла XII Брюс и Остерман в донесении Петру I высказывались за немедленную и решительную активизацию приостановившихся военных действий против Швеции, рекомендуя, не теряя времени, осуществить десант на шведскую территорию значительными силами с тем, чтобы заставить шведское правительство пойти на мир [1].

Русское правительство, стремясь к заключению мира, не желало прерывать переговоры на Аландском конгрессе, поэтому новые инструкции русским уполномоченным на конгрессе от 15 марта 1719 г. подтверждали условия мира, которые русское правительство выдвигало и ранее [2]. Однако, наряду с продолжением переговоров (новое шведское правительство также согласилось их продолжать), русское правительство решило готовиться к широкому вторжению в Швецию, справедливо считая, что лишь силою оружия оно сможет добиться желаемых условий мира.

Шведские уполномоченные на конгрессе теперь вели себя вызывающе, угрожая, что если Россия не примет их предложений, Швеция передаст вопрос на общеевропейский конгресс. Русское правительство решительно возражало против этого, оно учитывало враждебное отношение к России со стороны большинства европейских держав.

Особенно враждебную позицию по отношению к России занимало в эти годы английское правительство, ставшее душой всех антирусских замыслов, планов и коалиций.

5 января 1719 г. в Вене был заключен направленный против России договор между Георгом I (курфюрстом ганноверским), Августом II (курфюрстом саксонским) и Австрией, предусматривавший взаимную помощь подписавших его держав и отказ пропустить русские войска через территорию Польши в Германию. Участники договора согласились двинуть свои войска в Польшу в случае малейшего наступательного движения русских войск, находившихся в Литве и Польше. Договор был также направлен

---

[1] ЦГАДА, дела Аландского конгресса 1718 г., № 8, л. 134; «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 2. СПб., 1772, стр. 64—65.

[2] ЦГАДА, дела Аландского конгресса 1719 г., № 1, л. 35.

против Пруссии, поскольку она лишалась возможности получить военную помощь со стороны России. К договору была приложена декларация, содержавшая обязательство короля Георга I послать в Балтийское море английскую эскадру в случае «угрозы» со стороны России Данцигу или Эльбингу [1].

Дело не ограничилось заключением этого договора. Представители австрийского императора, Георга I и Августа II разработали план установления мира на Севере, согласно которому за Россией должны были остаться лишь Петербург, Кронштадт и Нарва. В случае, если Россия откажется принять эти условия, союзники силой принудят ее вернуть Швеции все завоеванное и сверх того заставят Россию уступить Польше Смоленск и Киев. Таким образом, этот проект предусматривал полное удаление России с балтийского побережья и, кроме того, частичное расчленение самой России.

Однако выполнить такой план было много труднее, чем его составить, ибо было ясно, что Россия без войны ничего не уступит. Вставал вопрос — кто же решится выступить против России, только что сокрушившей могущество Швеции.

Этот проект устраивал далеко не все европейские страны. Дания все еще желала доведения войны со Швецией до решительного конца, Пруссия, так много получившая от союза с Россией, хотела сохранить с ней хорошие отношения, а Франция была враждебна Австрии и вовсе не была расположена портить отношения ни с Пруссией, ни с Россией. Петр I, узнав о заключении Венского договора, заявил решительный протест. Он выражал сильнейшее недовольство враждебной политикой Англии по отношению к России.

Отовсюду в Россию приходили сообщения о враждебной деятельности английских министров и дипломатов. Об этом сообщал прусский король, рекомендовавший торопиться с заключением мира со Швецией, об этом доносил русский представитель в Лондоне Ф. П. Веселовский, об этом же писал и А. И. Остерман с Аландского конгресса.

Поскольку конгресс все еще продолжался, английское правительство, уже направившее в Швецию своего представителя Картерета, желало полного прекращения переговоров на Аландских островах. Английский резидент в России Дж. Джефферис предлагал даже своему правительству насильственно прервать Аландский конгресс, снарядив один-два английских фрегата под русским флагом для захвата шведских и русских уполномоченных [2].

Русское правительство делало в 1719 г. все возможное, чтобы добиться заключения мира со Швецией и вместе с тем отнять у правительств мор-

---

[1] *М. Полиевктов.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725). СПб., 1907, стр. 66—67.

[2] Сб. РИО, т. 61, стр. 506—509.

ских держав, и в частности у английского правительства, всякий предлог для отправления их военных эскадр в Балтийское море. Оно особо старалось подчеркнуть свое стремление уничтожить какие бы то ни было помехи торговле на Балтике, ибо английский флот ежегодно, начиная с 1715 г., приходил в Балтийское море именно под предлогом охраны торговых кораблей и торговых путей.

28 апреля 1719 г. правительство России обратилось ко всем державам и вольным городам, ведущим торговлю по Балтийскому морю с русскими и шведскими портами, с декларацией, обещавшей пропускать в Швецию все те товары, которые Швеция согласится пропускать в Россию (кроме тех, которые считались контрабандными)[1].

Вскоре, однако, русское правительство убедилось, что «оная корона (Швеция.— *Ред.*) на то по прежнему своему обыкновению мало рефлекции учинила»[2]. 8 июля 1719 г. вышла новая декларация России, разрешавшая английским и голландским подданным свободную торговлю с шведскими портами любыми товарами, не входящими в список контрабандных. Список же «контрабандных» товаров был очень невелик: «порох, свинец, селитра, сера, пенька и все, что ко флоту надлежит; хлеб всякой, соль»[3]. Вместе с тем в этом списке фигурировали товары, жизненно важные как для Швеции — боеприпасы и продовольствие, так и для морских держав — припасы для флота.

Издание этих деклараций показывало всей Европе стремление России найти приемлемый компромисс в отношениях с морскими державами, свидетельствовало об умеренности русского правительства по сравнению со шведским в вопросе о свободе торговли. Более того, Россия выступала как инициатор свободы торговли на Балтийском море и шла на такие уступки в этом вопросе, каких Швеция сделать не решалась. Все это несомненно давало морально-политический выигрыш России, привлекало на ее сторону торговые круги морских держав, заинтересованные в развертывании торговли со странами балтийского побережья. Не подлежит сомнению, что, издавая эти декларации и проводя в дальнейшем весьма умеренную и гибкую политику в вопросах торговли, русское правительство хотело прежде всего устранить возможность появления английского и голландского флотов в Балтийском море.

Летом 1719 г. Россия сделала еще один шаг, имевший целью добиться заключения мира со Швецией. В июле 1719 г. в Стокгольм был послан А. И. Остерман с русскими предложениями. Перед этим, учитывая несговорчивость нового шведского правительства, русское правительство приказало своим войскам осуществить опустошительное вторжение на

[1] ЦГАДА, Английские дела, № 479.

[2] То есть Швеция не реагировала на декларацию.

[3] *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. IX (X). СПб., 1892, стр. 35, 41—43.

шведскую территорию. Крупная русская галерная флотилия под прикрытием корабельного флота (всего 130 галер, 30 кораблей и 100 малых судов) высадила десантный отряд под командой Ф. М. Апраксина, который уничтожил шведские гарнизоны в городах и разрушил промышленные предприятия на значительной территории. Русские отряды приблизились к шведской столице, подойдя к ней на расстояние 15 миль. Среди населения Стокгольма распространилась паника. Находившийся в Стокгольме Остерман имел полномочия приказать русским войскам прекратить военные действия, если шведское правительство примет русские условия мира.

Остерман привез в Швецию несколько сот экземпляров манифеста, напечатанного на шведском и немецком языках, в котором говорилось, что русские войска вступили на территорию Швеции не для дальнейших завоеваний, а лишь для «получения чрез действа воинские пожеланного миру». Об этом манифесте и о целях десантных операций русских войск были также извещены русские дипломатические представители в различных странах с тем, чтобы они могли повлиять на общественное мнение стран, где они пребывали, и опровергать различные враждебные России лживые вымыслы[1].

Русским уполномоченным на Аландском конгрессе также было поручено сообщить Швеции, что военные действия предпринимаются русским флотом и армией не для того, чтобы присоединить к России какие-либо новые земли или разорить Швецию, а лишь с целью заставить шведов задуматься, как им лучше вести себя в дальнейшем, учитывая очевидные последствия. «Если же Швеция все сии наши благонамеренные о миротворении представления отвергнет и с нами миру чинить на основании сообщенных оной последних от нас кондиций не похощет, то уже мы, не вступая более со оною короною ни в какие негоциации, будем возпринимать против оной свои меры при помощи всевышнего бога чрез оружие и искать оным получить себе честный мир. И какое из того возпоследует Швеции зло или разорение, то мы тому не будем виновны, но имеют в том пред богом и всем светом ответ дать те, которые к сему причину подали»[2].

Предпринимая военные меры, чтобы склонить Швецию к миру, русское правительство готово было в 1719 г. пойти на некоторые уступки, чтобы облегчить соглашение. Остерману было поручено предложить шведам известную сумму за уступку Лифляндии. В крайнем случае он мог даже согласиться, чтобы Лифляндия переходила к России лишь временно — на 20—30 лет[3].

---

[1] ЦГАДА, Английские дела 1719 г., № 3. Рескрипт Веселовскому от 17 июня 1719 г.; «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 2. СПб., 1772, стр. 91.

[2] ЦГАДА, дела Аландского конгресса 1719 г., № 1, л. 214.

[3] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 516.

Однако заставить шведов согласиться на мир в 1719 г. не удалось. Посулы английской дипломатии, обещавшей шведам возвращение всех земель, завоеванных русскими, сыграли свою роль. Английский дипломат Картерет обещал шведам помощь английского флота, склоняя их к заключению мира и союза с Англией, Ганновером, Данией и Пруссией. Одновременно Картерет широко применил подкуп шведских министров [1].

Поездка Остермана в Стокгольм оказалась столь же бесплодной, как тянувшиеся в 1719 г. переговоры на Аландском конгрессе. Отчетливо понимая принятую шведскими представителями тактику затягивания переговоров, русские уполномоченные заявили им: «Мы хорошо понимаем, куда все эти ваши поступки клонятся; но время, быть может, вам покажет, что вы сами себя обманываете»[2].

22 июля 1719 г., после того как были истрачены изрядные суммы на подкуп и шведам дано письменное обязательство, что английский флот придет на помощь Швеции, Картерету удалось добиться подписания прелиминарной конвенции между Швецией и Ганновером. Швеция уступила королю Георгу I Бремен и Верден ради получения немедленной помощи против России со стороны английского флота.

Английская дипломатия еще до прихода английского флота стала побуждать шведов уступить ряд земель Дании и Пруссии и на этой основе организовать заключение мира Швецией с этими странами, а затем создать из них блок, направленный против России.

Враждебно относясь к России, ревниво следя за ростом ее могущества и в особенности за ростом русского Балтийского флота, английские правящие круги, следуя своей традиционной политике, стремились заставить другие страны сражаться против России, защищая английские интересы. Создание антирусского блока становится основной целью политики Англии на севере. Весь период 1719—1720 гг., который английские историки лицемерно называют периодом «умиротворения Севера», представляет непрерывную цепь упорных попыток английской дипломатии сколотить антирусскую коалицию в составе всех европейских государств и Турции.

Конвенция между Швецией и Ганновером являлась первым звеном той цепи мирных договоров, которые были заключены Швецией под давлением английской дипломатии. Вскоре после этого, 29 августа 1719 г., был заключен предварительный договор между Швецией и Англией.

Этот договор являлся центральным во всей цепи задуманных английской дипломатией соглашений и предусматривал выплату Англией денежных субсидий Швеции. Основное содержание договора заключалось в четырех секретных статьях: 1. Гарантия ранее заключенной конвенции

---

[1] «British Diplomatic Instructions», v. I, Sweden, p. XXVIII; «The Cambridge Modern History», v. VI, p. 36.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 518.

Швеции с Ганновером, включая уступку Швецией Бремена и Вердена. 2. Уступка Швецией Пруссии Штеттина и ряда земель. В обмен на эту уступку Пруссия должна обязаться ни прямо, ни косвенно не оказывать России помощи против Швеции. 3. Англия не ограничится «добрыми услугами», но окажет прямую помощь Швеции в борьбе против России, если Россия откажется принять английское посредничество и будет продолжать вести войну против Швеции. 4. Англия обязалась помочь Швеции получить значительные субсидии от Франции[1].

После заключения этого договора Англия становилась и формально союзницей Швеции. Враждебная политика, которую английское правительство проводило по отношению к России, нашла в нем свое завершение.

Заключив договор с Англией, шведское правительство считало теперь ненужными для себя переговоры с Россией, и Аландский конгресс был вскоре закрыт. В августе 1719 г., видя, что шведы умышленно затягивают переговоры, русские уполномоченные на конгрессе заявили, что в случае, если соглашение не будет достигнуто в трехнедельный срок, то они, выполняя приказание Петра I, покинут конгресс. Шведское правительство получило это сообщение после того, как оно уже заключило конвенцию с Ганновером и договор с Англией. В связи с этим шведским представителям было приказано прервать переговоры. 15 сентября русские уполномоченные покинули Аландские острова[2].

Английские дипломатические документы свидетельствуют о том, что правительство Англии еще до заключения договора со Швецией было готово на вооруженное выступление против России с тем, чтобы уничтожить русский Балтийский флот.

Летом 1719 г. английская эскадра адмирала Норриса прибыла в Балтийское море. Командующий эскадрой имел задание неожиданным нападением уничтожить русский флот. Существует ряд опубликованных английских документов, неопровержимо подтверждающих это. Так, еще 6 августа 1719 г. статс-секретарь Стенгоп писал командующему английской эскадрой адмиралу Норрису, чтобы он взвесил, располагает ли он достаточным флотом, чтобы рискнуть померяться силами с русскими. Норрису следовало соединить свои корабли с кораблями шведского флота и действовать совместно с ними «таким образом, какой по вашему мнению является наиболее эффективным, чтобы уничтожить царский флот»[3]. За короткое время Норрис получил несколько приказов, в которых сквозит стремление английского правительства добиться уничтожения русского Балтийского флота. Так, например, 21 августа статс-секретарь Стенгоп еще раз напомнил Норрису о приказе соединить силы англий-

---

[1] *J. F. Chance.* The Northern Pacification of 1719—1720 («English Historical Review»,1907, v. 22, p. 710).

[2] ЦГАДА, дела Аландского конгресса 1719 г., № 5, л. 571.

[3] «British Diplomatic Instructions», v. I, p. 113.

ской и шведской эскадр и «предпринять все, что в ваших силах, чтобы уничтожить русский флот»[1].

Английский посол в Швеции Картерет, добившись заключения англо-шведского договора, в письмах Норрису настаивал, чтобы тот как можно скорее осуществил предательское, без предупреждения и объявления войны, нападение на русский флот. При этом Картерет и Стенгоп изображали в своих письмах Норрису это черное дело как святую миссию, которая выпала на его долю. Картерет писал Норрису: «Перед вами теперь открыто славное поле деятельности, на котором вы покажете всему миру, что может сделать английская нация. Это самое честное дело, какое только случалось кому-либо выполнить. Самое главное заключается в том, чтобы перехватить царя, чтобы он не мог достичь Ревеля. Перережьте ему путь отступления... Бог да благословит вас, Джон Норрис. Все честные и справедливые люди воздадут вам справедливое одобрение. Многие будут завидовать вам, но никто не осмелится сказать против вас ни слова. Каждый англичанин будет вам обязан, если вы сможете уничтожить царский флот, что, я не сомневаюсь, вы сделаете...»[2] Почти в тех же выражениях было составлено и письмо Стенгопа Норрису от 10 сентября 1719 г.: «Вы должны употребить все усилия, чтобы нанести московитскому флоту всяческий ущерб,— услуга, больше которой не может быть оказана вашей родине и в выполнении которой я желаю вам всяческого успеха»[3].

Чтобы оценить по достоинству существо этой английской политики, необходимо помнить, что все приказы и инструкции о нападении на русский флот давались Норрису в то время, когда между Россией и Англией продолжали существовать нормальные дипломатические отношения и английское правительство уверяло русских в своих «мирных» намерениях.

Однако этот план потерпел неудачу вследствие бдительности, проявленной русским командованием, разгадавшим английские замыслы. Как только эскадра Норриса вошла в 1719 г. в Балтийское море, русский флот был стянут к Ревелю и все необходимые меры предосторожности были предприняты. Английский флот в 1719 г. не смог даже помешать операциям русской армии и флота против Швеции.

Эта неудача лишь усилила враждебность английских правящих кругов к России. В 1720—1721 гг., как и в предшествующие годы, России приходилось повсюду встречаться с деятельностью английской дипломатии, стремившейся склонить к участию в войне против России целый ряд государств — Австрию, Польшу, Турцию, Данию, Пруссию, Голландию, Францию и т. д.

---

[1] «British Diplomatic Instructions», v. I, стр. 125.

[2] *J. F. Chance.* The Northern Pacification of 1719—1720, p. 714.

[3] Там же.

Английскому дипломату в Австрии Кадогану инструкция предписывала побудить императора присоединиться с большим отрядом войск для действий против России. Кроме того, Кадоган должен был убедить императора повлиять на польского короля[1].

В Варшаву для возбуждения польской шляхты против России был прислан Джеймс Скотт, снабженный значительной суммой денег для подкупов. Инструкция предлагала этому английскому дипломату убеждать поляков, что у них никогда не будет лучшей возможности захватить Киев и Смоленск и что «жесткая» политика по отношению к России вызовет у последней желание заключить мир[2].

В Турции английский посол делал все возможное, чтобы помешать успешному исходу переговоров о подтверждении мира между Россией и Турцией, которые вел А. И. Дашков. Действуя подкупом и угрозами, английский посол требовал высылки Дашкова из Константинополя, а затем выдвинул предложение, чтобы султан принял на себя роль посредника между Россией и Швецией[3].

Данию, применяя запугивания и одновременно подкуп датских министров, заставили принять английское посредничество и заключить перемирие со Швецией.

Пруссия под давлением английского посла Витворта подписала 1 февраля 1720 г. договор со Швецией, обязавшись ни прямо, ни косвенно не оказывать России помощи.

В тот же день—1 февраля 1720 г.—был подписан окончательный союзный договор между Англией и Швецией на 18 лет, по которому английское правительство обязалось посылать на помощь Швеции суда и субсидии до окончания войны Швеции с Россией.

Политика английских правящих кругов по сколачиванию общеевропейской коалиции представляла огромную опасность для России. В случае успеха этой английской политики России угрожала бы опасность не только лишиться завоеваний, сделанных русской армией и флотом в годы Северной войны, но и потерять часть собственной территории (Киев, Смоленск).

Однако в конечном итоге все эти хитроумно разработанные английской дипломатией планы создания широкой антирусской коалиции провалились, так как русская дипломатия оказалась осведомленной о враждебных планах своего противника и в целях борьбы с ним сумела использовать противоречия, существовавшие между странами, которые английское правительство стремилось направить против России.

Глубокие противоречия имелись между Англией и Францией, между Турцией и Австрией, между Швецией и Данией, между Польшей и Тур-

---

[1] *J. F. Chance*. George I and the Northern War, p. 402.

[2] Там же, стр. 403.

[3] *С. М. Соловьев*. Указ. соч., кн. 4, стб. 590—595; *J. F. Chance*. George I and the Northern War, p. 407.

цией и т. д. Немалые противоречия существовали между этими странами и по отношению к исходу Северной войны. Англия не могла рассчитывать на Данию, как на надежного союзника в борьбе против России, так как по настоянию Франции, желавшей, чтобы Швеция сохранила земли на континенте Европы, у Дании были отняты области, отвоеванные ею с русской помощью в ходе Северной войны.

Австрийское правительство в противоположность Франции считало нежелательным сохранение Швецией плацдарма в германских землях. Кроме того, Австрия, учитывая постоянную угрозу возникновения новой войны с Турцией и натянутые отношения с Францией, не желала иметь в тылу враждебную Россию.

В Турции, несмотря на противодействие английского и австрийского послов, Дашкову все же удалось успешно завершить переговоры и заключить в ноябре 1720 г. договор вечного мира между Россией и Портой. Во время этих переговоров существенную помощь Дашкову оказал французский посол Бонак, что явилось наглядным выражением существовавших тогда сильнейших англо-французских противоречий.

В конце 1719 — начале 1720 г. англо-французские отношения обострились в связи с вопросом о мире с Испанией. Франция желала смягчить условия этого мира и в частности настаивала на возвращении Испании Гибралтара. Но англичане отказались это исполнить. Дело зашло так далеко, что во Франции начались военные приготовления. Английское правительство, в свою очередь, снарядило эскадру для защиты от возможного французского нападения. Чтобы восстановить добрососедские отношения, английский статс-секретарь Стенгоп вынужден был дважды ездить в Париж [1].

В то же время отношения между Россией и Францией обнаруживали тенденцию к улучшению. Весной 1720 г. регент Франции Филипп Орлеанский предложил русскому правительству заключить союз, предварительным условием которого явилось бы подписание мира между Россией и Швецией. В связи с этим регент предложил свое посредничество в примирении России и Швеции, сообщив, что у него нет никаких обязательств по отношению к другим державам, которые противоречили бы условиям Амстердамского договора 1717 г. или могли бы помешать ему относиться к своей роли посредника с полным беспристрастием [2]. Разумеется, в этих условиях английская дипломатия не могла рассчитывать, чтобы Франция выступила против России.

Голландия не желала вмешиваться в Северную войну, ибо такое вмешательство могло принести ей лишь убытки. Голландия давно вела обширную торговлю с Россией и, кроме того, как справедливо отмечал русский дипломат Б. И. Куракин, Голландия неоднократно убеждалась,

[1] «The Cambridge Modern History», v. VI, p. 38.

[2] С. М. *Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 586—587.

что участие в войнах ей добра не приносит, никаких выгод при заключении мирных договоров она не получала, в то время как все выгоды доставались Англии[1].

Что касается Польши, то английский представитель в Варшаве Скотт очень скоро убедился, что польские шляхтичи и магнаты охотно говорят об уступке им Ливонии и не менее охотно принимают английские субсидии, но воевать не желают. В результате все усилия Скотта и розданные им деньги пропали даром. В апреле 1720 г. он сообщил в Лондон, что втянуть Польшу в войну — дело неосуществимое[2].

Пруссия также не желала ухудшать своих отношений с Россией. В июне 1720 г. после заключения договора со Швецией прусский король Фридрих-Вильгельм специальной декларацией заявил, что его обязательства по договору со Швецией не имеют в виду земель, находящихся вне пределов Империи. Тем самым Пруссия указывала, что она предоставляет России полную свободу рук на остзейском побережье. В той же декларации прусский король торжественно заявил, что, примирившись со Швецией, он не взял на себя обязательств, направленных против русских интересов[3].

В самой Англии, являвшейся душой антирусских замыслов и центром готовящейся коалиции, идея войны с Россией находила все меньше сторонников. Этому в немалой степени способствовала гибкая политика русского правительства, принимавшего ряд мер, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение Англии и прежде всего использовать заинтересованность английских торговых кругов в мирных отношениях с Россией.

Русское правительство через своего резидента в Лондоне вело с 1717 г. «войну мемориалами», публикуя в Лондоне свои ноты (мемориалы) английскому правительству. В этих нотах русское правительство разоблачало враждебную политику короля Георга I и стремилось доказать, что английские министры, проводя эту политику, действуют вразрез с национальными интересами Англии в угоду династическим интересам Георга, как курфюрста ганноверского.

Кроме того, Петр I вновь использовал заинтересованность английских купцов в торговле с Россией. Русский резидент в Лондоне Ф. П. Веселовский часто обращался к купцам так называемой «Русской компании», призывая их оказать давление на свое правительство и указывая им, что политика английского правительства может привести к полному прекращению торговли между Россией и Англией и, следовательно, нанести этим купцам немалый ущерб. Ту же цель — использовать заинтересованность английских деловых кругов в сохранении мирных отношений с Россией—имела декларация русского правительства 19 апреля 1720 г. о позво-

---

[1] «Архив князя Ф. А. Куракина», кн. 1, стр. 335.

[2] *J. F. Chance.* George I and the Northern War, p. 404.

[3] *М. Полиевктов.* Указ. соч., стр. 91.

Сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г. Гравюра А. Зубова 1721 г.

лении англичанам торговать в России, несмотря на то, что Англия после заключения союза со Швецией становилась врагом России.

Эта осторожная мирная политика русского правительства приносила свои плоды, и в Англии находилось все больше сторонников мира с Россией.

Однако английское правительство в соответствии с англо-шведским союзным договором в 1720 г. вновь направило в Балтийское море свою эскадру в составе 30 кораблей[1] с задачей, как и в 1719 г., уничтожить русский Балтийский флот неожиданным нападением. Адмирал Норрис в соответствии с инструкциями своего правительства издал секретный приказ, обращенный к вице-адмиралам и капитанам его эскадры: «....во всякое время, когда вы нагоните какие-либо русские суда, вы должны принять все меры, чтобы захватить, потопить, сжечь или каким-либо иным способом уничтожить их»[2].

Однако русский флот, как и в предыдущем году, соблюдал большую

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, кн. 46, 1720 г., л. 279; дела английские 1720 г., № 5, л. 92.

[2] *J. F. Chance.* George I and the Northern War, p. 424.

осторожность, и Норрис не смог нанести ему никакого ущерба. В 1720 г. русские войска, высаженные на шведской территории под командой бригадира Менгдена, разорили город Умео и множество деревень, разгромили шведские гарнизоны, захватили и уничтожили различные запасы, несмотря на присутствие в Балтийском море английской эскадры.

27 июля 1720 г. русский флот одержал блестящую победу над шведским флотом при Гренгаме, захватив 4 фрегата, 104 пушки и 407 пленных. В России особенно гордились этой победой, поскольку английский флот, находившийся в Балтике, не смог предотвратить ни десантные операции войск, ни разгром шведского флота. В связи с победой при Гренгаме Петр писал Меншикову: «Правда, не малая виктория может почесться, потому что при очах господ англичан, которые ровно шведов оборонили, как их земли, так и флот»[1].

Кампании 1719—1720 гг. показывали шведам, как жестоко они обманулись, надеясь, что английская помощь избавит их от опасности вторжения и поможет им вернуть земли, завоеванные русскими вооруженными силами. Для самого шведского правительства становилось ясным, что политика отказа от соглашения с Россией в надежде на английские гарантии и на английскую помощь лишь истощает страну.

Летом 1720 г. шведский король заявил английскому посланнику, что если Англия или другие страны не окажут Швеции помощи сухопутными войсками, она вынуждена будет начать переговоры о заключении мира с Россией. Сознание этой необходимости заставило шведского короля воспользоваться пребыванием в Стокгольме А. И. Румянцева, приехавшего поздравить его с восшествием на престол, и передать через него предложение начать мирные переговоры.

Новый мирный конгресс решено было созвать в г. Ништадте (Финляндия). Перед созывом конгресса в Петербург прибыл французский представитель в Швеции Кампредон с целью содействовать установлению мира между Россией и Швецией.

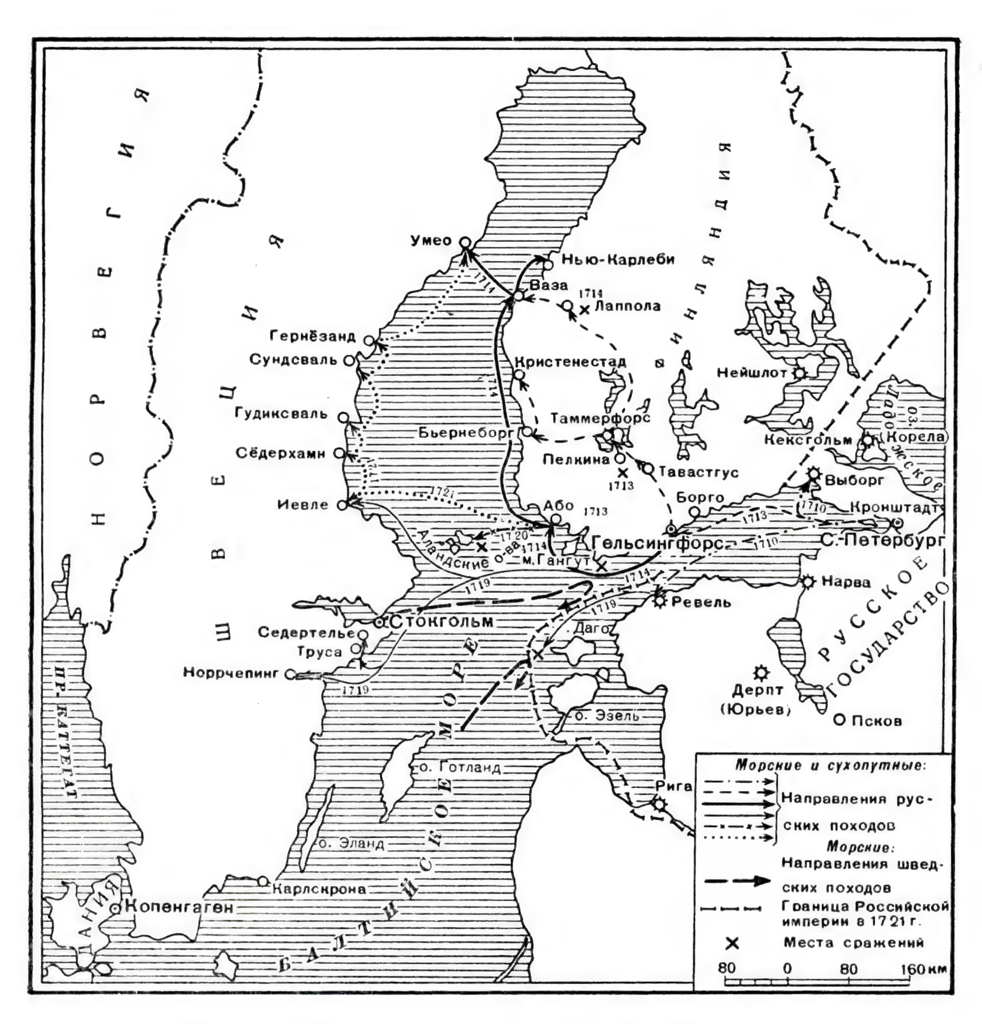
Познакомившись с состоянием России, ее финансов и вооруженных сил, Кампредон пришел к выводу, что шведам следует спешить заключить мир с Россией, ибо ресурсы России огромны и никаких шансов на успех борьбы у Швеции нет. Лишь по двум второстепенным вопросам удалось Кампредону добиться уступок русского правительства: Россия соглашалась выплатить шведам некоторую компенсацию за полученные владения и, кроме того, отказаться от поддержки герцога голштинского — претендента на шведский престол.

В конце апреля 1721 г. открылся Ништадтский конгресс. Представителями России на нем были Я. В. Брюс и А. И. Остерман, представителями Швеции — Лилиенштерн и Стремфельдт.

Открытие конгресса не означало прекращения военных действий.

---

[1] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 599.

Военные действия русского флота на Балтийском море.

Русское правительство рассматривало военные действия как средство заставить шведов быстрее согласиться на мир, ибо шведы еще не расстались полностью с надеждой добиться военных успехов с помощью английского флота. Пятитысячный русский десантный отряд под командой Ласси в 1721 г. вновь вторгся на территорию Швеции, где, продвинувшись вглубь страны около 300 км, уничтожил 13 заводов, в том числе один оружейный, захватил 40 небольших шведских судов и много военных материалов. Одновременно готовились к военным действиям главные силы мощного Балтийского флота.

Английское правительство разорвало в ноябре 1720 г. дипломатические отношения с Россией и выслало из Лондона русского резидента М. П. Бестужева, а весной 1721 г. оно вновь отправило в Балтийское

море эскадру под командой адмирала Норриса. В результате принятых русским командованием мер предосторожности английский флот и в 1721 г. не смог выполнить своей задачи — уничтожить русский флот или даже нанести ему какой-либо ущерб. Более того, несмотря на присутствие английского флота, русские суда вновь успешно высаживали десанты на шведской территории, наглядно показывая шведам бесплодность их надежд на английскую помощь. Да и само английское правительство испытывало в это время значительные финансовые затруднения (крах Компании южных морей) и встречало сопротивление своей антирусской политике со стороны части английского купечества, заинтересованного в торговле с Россией. Поэтому английское правительство уже в марте 1721 г. рекомендовало шведскому правительству заключить мир с Россией[1].

В результате действий русских десантов шведские уполномоченные на Ништадтском конгрессе стали «прилежнее о мире договариваться» и просили прекратить военные действия[2].

После того как эта просьба была выполнена, шведы вновь стали затягивать переговоры, что заставило Петра I дать приказ галерному флоту направиться к Аландским островам и действовать по указанию русских уполномоченных на конгрессе[3]. Это давало последним сильное средство давления на шведских представителей.

Русские требования на Ништадтском конгрессе остались теми же, какими они были и на Аландском. Шведы попытались возражать против этого, ссылаясь на изменение обстановки, указывая на то, что Пруссия и Дания уже заключили со Швецией мир, а Англия находится с ней в союзе, но эти возражения были отвергнуты Брюсом и Остерманом.

Далее шведы пытались некоторое время упорствовать в вопросе об уступке Выборга и Лифляндии, но и в этом случае они встретились с твердой позицией русских представителей. Несмотря на это, проволочки со стороны шведов не прекратились. Они пытались настаивать на возвращении Швеции островов Эзель и Даго «в обмен» на уступку Лифляндии — требование, которое в России считали неприемлемым.

В качестве дополнительного средства давления на шведское правительство Россия удачно использовала претендента на шведский престол герцога голштинского, с которым велись переговоры о женитьбе его на дочери Петра I Анне Петровне. Герцог был приглашен в Петербург, и здесь летом 1721 г. ему был оказан подчеркнуто любезный прием. Это заставило шведское правительство и прежде всего только что утвердившегося на шведском престоле мужа Ульрики-Элеоноры короля Фридриха опасаться, что Россия поддержит притязания голштинского герцога на шведскую корону и тем самым вызовет большие внутренние осложнения

---

[1] «British Diplomatic Instructions», v. I, p. 150.
[2] «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. 2, стр. 161.
[3] Там же, стр. 171.

РАТІФІКАЦІЯ

королевскаго величества свѣискаго, на трактатъ вѣчнаго мира, учиненнои съ его царскимъ величествомъ въ неиштатѣ, со внесеніемъ всего оного трактата.

Мы фрідріхъ божіею міlостію король шведскои, готскои, и венденскои, и протчая, и протчая, и протчая: объявляемъ, что понеже между нами и короною шведскою съ однои, и божіею міlостію съ пресвѣтлѣишимъ и державнѣишимъ царемъ, и государемъ, государемъ петромъ первымъ, всероссіискимъ самодержцемъ, и протчая, и протчая, и протчая, и съ государствомъ россіискимъ; съ другои стороны, соглашеноcь и постановлено по долгобывшеи и вредітелнои воінѣ, чтобъ съ обоіхъ сторонъ полномочные міністры съѣхаліcь въ ністатъ въ фінляндію, и въ конференціи вступіть, трактовать, и непрестанно пребываемои заключіть вѣчнои миръ между нами, и обоіми государствами, земляими, и подданными. и для того съ нашеи стороны, нашъ и государственнои совѣтнікъ, купно и канцеляріи совѣтнікъ благородныи графъ господінъ яганъ лілієнстетъ, и ландсъгевдінгъ заводовъ мѣдныхъ і въ ленѣ уѣздѣ даллернъ: благородныи баронъ отто реінъ

А голтъ

Ништадтский мирный договор 1721 г.

в Швеции, тем более что там имелась группировка сторонников голштинского претендента.

Русское правительство отклонило попытку шведов оттянуть окончательное решение вопроса о мире путем заключения прелиминарного

договора. Оно справедливо усматривало в этом попытку шведов выжидать дальнейшего хода событий.

Проявляя твердость в решении основных вопросов, русское правительство одновременно в целях облегчения соглашения приказало Брюсу и Остерману пойти на некоторые уступки по вопросам второстепенным: было дано согласие не строить крепостей на некоторых островах, переходивших к России, не заселять эти острова и сократить, по желанию шведских уполномоченных, сроки уплаты денег за уступленные провинции.

Положение Швеции не позволяло ей больше сопротивляться русским требованиям, и 30 августа (10 сентября) 1721 г. Ништадтский мир был подписан. Длительная война закончилась полной победой России.

По условиям Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией отныне устанавливался «вечный истинный и ненарушимый мир на земле и на воде» и «вечное обязательство дружбы». Военные действия прекращались. Провозглашались обмен пленными без выкупа и общая амнистия, из которой исключались лишь казаки — сторонники Мазепы. Швеция уступала России «в совершенное непрекословное вечное владение и собственность» Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с Выборгом и его округом, с городами Ригою, Динамюндом, Перновом, Ревелем, Дерптом, Нарвою, Кексгольмом и с островами Эзелем, Даго и Меном и всеми другими землями от курляндской границы до Выборга. Все архивы и документы, касающиеся этих земель, должны были быть переданы России.

Финляндия возвращалась Швеции. Россия обязалась выплатить Швеции два миллиона ефимков.

Швеция получала право покупать ежегодно в Риге, Ревеле и Аренсбурге на 50 тыс. руб. хлеба и вывозить его беспошлинно. Оговаривалось, однако, что это условие могло не соблюдаться в те годы, когда по каким-либо важным причинам (неурожай и т. п.) вывоз хлеба из России будет запрещен «всем нациям».

Россия взяла на себя обязательство не вмешиваться во внутренние дела Швеции.

Жители Лифляндии и Эстляндии, а также острова Эзеля сохраняли все имевшиеся у них ранее права и привилегии. В перешедших к России землях устанавливалась свобода вероисповедания.

В договоре предусматривалась защита интересов помещиков присоединенных к России областей. В частности, этим помещикам возвращались земли, отнятые у них шведским правительством накануне Северной войны.

Польша включалась в договор как союзник России. Договор предусматривал заключение мира между Швецией и Польшей при посредничестве России.

Восстанавливалась свободная торговля между Россией и Швецией. Принадлежавшие ранее купцам обеих сторон торговые дома подлежали возврату.

Значение этого договора, завершившего длительную тяжелую войну, было огромно. Договор закреплял за Россией «окно в Европу», выход к Балтийскому морю, столь необходимый нашей стране для ее нормального развития. Прибалтика, присоединенная к России в результате Северной войны, тяготела к ней и ранее. Маркс указывал, что «...прибалтийские провинции по самому своему географическому положению являются естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними». В связи с этим Маркс отмечал, что Петр I «завладел лишь тем, что было абсолютно необходимо для нормального развития его страны» [1].

В результате Северной войны Россия прочно утвердилась на побережье Балтийского моря. Она заняла важнейшее место среди европейских держав. Это явилось результатом огромных жертв, принесенных русским народом.

Одновременно эта победа имела большое всемирно-историческое значение. Приобретение выхода к Балтийскому морю укрепило обороноспособность нашей страны, содействуя таким образом сохранению ее независимости. Северной войной был решен не только вопрос о независимом существовании русского народа, но и об исторических судьбах других народов, вошедших в состав империи, — карел, латышей и эстонцев. В ходе войны с захватчиком, вторгнувшимся в пределы нашей Родины для ее порабощения, развивались дружественные связи с братскими украинским и белорусским народами, а также устанавливались более тесные отношения с Молдавией.

Окончание Северной войны, завершивший ее Ништадтский мир означали решение основной внешнеполитической задачи России в начале XVIII в. — приобретение выхода к Балтике. Это было одновременно выполнением одной из основных задач русской внешней политики, стоявших перед нашей Родиной на протяжении ряда веков, — задачи, выполнить которую русское государство пыталось неоднократно еще в конце XV, в XVI и XVII вв.

Высоко оценивалось значение Ништадтского договора и в Западной Европе. Французский дипломат Кампредон писал: «Ништадтский договор сделал его (Петра I.— *Ред.*) властелином двух лучших портов на Балтийском море. У него многочисленный военный флот, он каждый день увеличивает количество своих галер и внушает страх всем своим соседям... При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск, ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелятся ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска, как о том бывала речь при прежних обстоятельствах» [2].

---

[1] *K. Marx.* Secret Diplomatic History of the 18-th century. London, 1899, p. 87.
[2] Сб. РИО, т. 52, стр. 144—147.

В связи с заключением Ништадтского мира Сенат просил Петра I принять титул императора, что являлось внешним выражением возросшего международного значения России.

Заключение Ништадтского мира, закрепившее прибалтийские провинции за Россией, явилось, однако, лишь частичным выполнением задач русской внешней политики по отношению к Швеции, которые ставились в последние годы Северной войны. Уже с 1718 г. целью России стало заключение союза со Швецией, с тем чтобы превратить этого своего врага в лойяльного союзника.

Уже на Аландском конгрессе велись переговоры о союзе России и Швеции, но смерть Карла XII и последовавшая победа в Швеции сторонников проанглийской ориентации помешали тогда успешному исходу переговоров. Русская дипломатия не оставила этой цели и после Ништадтского мира добилась ее осуществления, воспользовавшись наличием внутри Швеции группировок, стоявших за союз с Россией.

22 февраля 1724 г. был заключен союзный договор между Россией и Швецией, предусматривавший взаимную помощь их друг другу в случае нападения на одну из них какого-либо европейского христианского государства.

Таким образом, война между Россией и Турцией не признавалась этим договором за casus foederis со стороны Швеции. Он означал, что Швеция отныне была вырвана из-под влияний, враждебных России, и из орудия антирусской политики английской дипломатии становится союзницей России. Заключение этого договора было крупным дипломатическим успехом России.

5

ПЕРСИДСКИЙ ПОХОД И ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С КИТАЕМ

Основной целью внешней политики России изучаемого периода было овладение выходами к морям. Россия вела войну со Швецией за Балтийское море, с Турцией — за Азовское море и черноморское побережье, а целью похода в Персию было овладение Каспийским морем. К началу XVIII в. Россия владела северным берегом Каспийского моря от реки Терека до реки Яика.

Восточный берег был занят туркменами-кочевниками, находившимися в вассальной зависимости от калмыцкого и хивинского ханов и персидского шаха. Земли по реке Аму-Дарье находились во владении узбекских феодалов, объединившихся в два сравнительно сильных государства — ханства Хивинское и Бухарское. Западный и южный берега оставались под властью Персии. Борьба за овладение берегами Каспия и установление протектората над соседними землями занимала первое место

в восточной политике России этого времени. Эта задача была обусловлена экономическими и военно-политическими интересами России[1].

Прикаспийские страны богаты полезными ископаемыми и ценным сырьем. Русское правительство располагало сведениями о золотых россыпях рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, о месторождениях меди, о залежах свинцовой руды и серебра в горах Кавказа, о нефтеносных источниках Азербайджана. Кавказ, Персия и Средняя Азия могли поставлять на внешний рынок большое количество шелка-сырца, хлопка, шерсти, шелковых и хлопчатобумажных тканей, красок, драгоценных украшений, фруктов, вин и пряностей[2].

Европейские колониальные державы — Англия, Голландия, Португалия и Франция — к 20-м годам XVIII в. захватили важные позиции в Индии и ближневосточных странах. Европейские колонизаторы под видом устройства торговых компаний проводили политику территориальных захватов, угнетения и ограбления отсталых народов Востока. Значительная доля персидской торговли была захвачена голландцами из Батавской компании, англичанами из Бомбейской компании и португальцами из компании в Гоа (Индия).

Самым ценным предметом персидского экспорта являлся шелк-сырец. Учрежденные в Исфагане английская и голландская торговые конторы посылали своих агентов в Шемаху для скупки шелка и отправки его в Европу через турецкие порты Алеппо и Смирну. Французские купцы имели право приезжать на своих кораблях в Персидский залив и вести торговлю через Бендер-Аббас. Голландцы вели торговлю с Батавией, а также имели «порт свой» в Бендер-Аббасе[3]. В случае необходимости европейцы прибегали к посредничеству восточных купцов. Армяне, греки и турки приезжали в гилянские города Решт и Кескер, скупали здесь шелк-сырец и увозили его к гаваням Персидского залива и Средиземного моря.

Западноевропейские колонизаторы захватывали в свои руки не только богатства далекой Индии, но и произведения Прикаспия, вторгаясь в районы, расположенные в непосредственном соседстве с Россией.

Русское правительство учитывало, что шелк, который поступал из Персии в Турцию и в Европу, производится близ берегов Каспийского моря в районах Шемахи, Гиляна и Дербента. В первой четверти XVIII в. предпринимаются энергичные меры, направленные на расширение торговых связей России с восточными странами. В 1715 г. в Персию

---

[1] *В. П. Лысцов.* Персидский поход Петра I. М., 1951.

[2] ЦГАДА, Реестры персидского двора (РПД), 1717—1718 гг., Журналы Волынского и Лопухина; *В. Комаров.* Персидская война 1722—1725. «Русский вестник». 1867, апрель.

[3] ЦГАДА, РПД, Журнал Волынского, лл. 580—581; *Д. Бель.* Путешествия, ч. 1, СПб., 1776, стр. 60; *А. Попов.* Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. СПб., 1853, приложения, стр. 108—130.

было отправлено посольство А. П. Волынского, которое добилось заключения русско-персидского торгового договора и учреждения русских консульств в Персии. Волынскому было поручено изучить возможность установления непосредственных торговых связей между Россией и Индией; согласно инструкции, посланник должен был узнать, «не возможно ль чрез Персиду учинить купечество в Индию»[1].

Русское правительство проявило заботу об улучшении судоходства на Каспийском море и на Волге. На волжских верфях должны были строиться суда, пригодные для речного и морского плавания. Непрерывный водный путь, образованный Вышневолоцким каналом, ильменской озерно-речной системой и рекой Волгой, связывал Петербург с Астраханью, Балтийское море — с Каспийским. Поставлена была задача — сделать Россию посредницей в торговых связях между Европой и Востоком.

Для осуществления этой задачи следовало овладеть важнейшими торговыми пунктами Прикаспья и удобными гаванями Каспийского моря.

Астрахань, крупный торговый город на Каспийском море, являлась средоточием торговых путей, соединявших Россию с прикаспийскими странами. Этот город был связан со среднеазиатскими ханствами двумя путями, один из которых проходил по северо-восточному берегу Каспия через город Гурьев, реку Эмбу и покинутое городище Старую Хиву; другой проходил через мыс Тюк-Караган (на восточном берегу), куда из Астрахани ездили по морю русские и татары, а из Хивы и Бухары приходили караваны азиатских купцов[2].

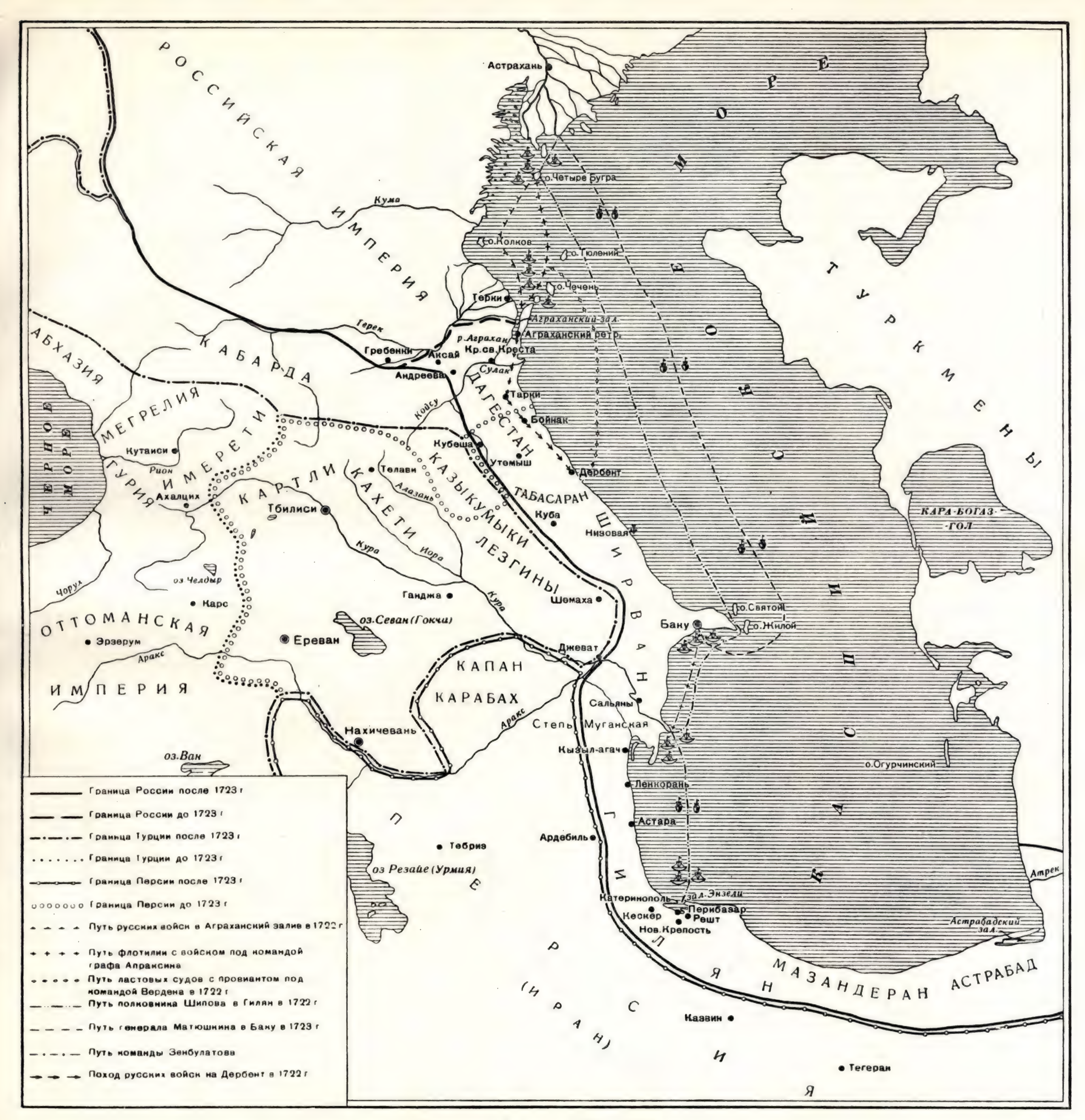
Торговлю с Персией и Кавказом Россия вела через западный и южный берег Каспия и прилегающий район, где стояли крупные города Дербент, Баку, Шемаха и Решт. По свидетельству современников, в Шемахе находилось «много пространных караван-сараев», а в Реште было множество рынков и больше 50 караван-сараев, в которых останавливались русские, турецкие, бухарские и индийские купцы[3]. На западном и южном берегах Каспийского моря были расположены удобные гавани: Апшеронский пролив, заливы Бакинский, Энзели и Астрабадский. Из них Апшеронский пролив и Бакинский залив имели достаточную глубину, хорошие якорные стоянки, надежные ориентиры, были обеспечены пресной водой и закрыты от ветров.

Россию интересовало Прикаспье не только с экономической, но и с военно-политической точки зрения. Юго-восточная окраина России была легко уязвима в случае нападения внешних врагов. Здесь простиралась равнин-

[1] ЦГАДА, РПД, 1715—1717 гг. № 1, л. 48.

[2] *И. К. Кирилов.* Цветущее состояние Всероссийского государства, кн. 2. М., 1831, стр. 32—33; *А. Семенов.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII ст. по 1858 г., ч. I. СПб., 1859; «Материалы для истории русского флота», ч. IV. СПб., 1867, стр. 291.

[3] *Д. Бель.* Путешествия, ч. 1, стр. 60; *Ф. И. Соймонов.* Описание Каспийского моря, СПб., 1763, стр. 118, 189—190.

Персидский поход 1722—1723 гг.

ная, открытая и слабо пересеченная местность, представлявшая собою чередование степей и пустынь. Характер местности, а также отвлечение военных усилий государства на северо-запад в связи с Северной войной затрудняли сооружение искусственных укреплений в Поволжье и Прикаспье.

Неблагоприятным было внешнее окружение. На юге и юго-востоке Россия граничила с землями кочевых народов, часть которых принадлежала к тюркам-мусульманам и состояла в персидском и турецком подданстве. Для феодалов-кочевников война являлась одним из важных источников обогащения. Русские города и селения подвергались постоянным нападениям. Казахи и кара-калпаки совершали набеги на яицкие городки и Самарский уезд, кубанский деллисултан подходил к Астрахани и опустошал Пензенский и Саратовский уезды, ногайцы нападали на Гребени и Терки. Вооруженные отряды сжигали селения, уничтожали посевы, захватывали имущество, угоняли скот, а жителей убивали или обращали в невольников [1].

Южные районы России находились в состоянии непрекращавшейся изнурительной пограничной войны. Нападения кочевников хотя и наносили большой ущерб населению и хозяйству и отвлекали известную часть военных сил, но сами по себе не представляли серьезной угрозы для территориальной целостности России. Однако обстановка легко могла измениться к худшему в случае вмешательства сильных держав — шахской Персии или султанской Турции, которые имели общие границы с Россией. В этих условиях скорейшее прекращение пограничной войны и усиление обороноспособности юго-восточной окраины выдвигались в качестве первоочередной задачи. Ее можно было решить путем присоединения к России прикаспийских земель с удобными морскими гаванями, усилением каспийско-волжской флотилии, установлением русского протектората над среднеазиатскими ханствами и феодальными владениями Кавказа.

Активизация русской политики в Восточном Прикаспье связана с экспедицией князя А. Бековича-Черкасского и посольством Ф. Беневени.

В распоряжение Черкасского были выделены незначительные сухопутные и морские силы, сосредоточенные в Астрахани: три пехотных и два казачьих полка, отряд драгун, отряд татар, около 70 морских судов различного типа. Общее число участников экспедиции достигало 5 тыс. чел. [2]. Перед Черкасским были поставлены следующие задачи: занять на восточном берегу Каспия гавань вблизи прежнего устья Аму-Дарьи (у Красноводского залива) и построить здесь крепость на 1 тыс. человек; склонить хивинского хана в российское подданство, а бухарского — к дружбе

[1] *Д. Бель.* Путешествие, ч. I, стр. 23—24; *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 4, стб. 662.

[2] *В. Иллерицкий.* Экспедиция князя Черкасского в Хиву. «Исторический журнал», 1940, № 7, стр. 46.

с Россией. Для этого следовало «тайным образом» построить крепость на реке Аму-Дарье (в пределах Хивы) и оказать ханам помощь в подавлении мятежей. «Хана хивинскаго,— сказано в инструкции,— склонять к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему гвардию к его службе и чтоб он за то радел в наших интересах... Будучи у хивинского хана, проведать и о бухарском: не мочно ль его хотя не в подданство... но в дружбу привести таким же манером»; Черкасский должен был послать разведывательную партию на поиски золота в среднеазиатских землях, построить плотину на реке Аму-Дарье, чтобы повернуть реку по старому руслу в Каспийское море, отправить в Индию посольство в составе нескольких купцов и поручика А. Кожина. Последнему хотя и предстояло ехать «под образом купчины», но было наказано «настоящее дело, дабы до Индии путь водяной сыскать»[1].

Таков был план полувоенного-полумирного подчинения Средней Азии с расчетом на феодальные усобицы и непрочность ханской власти в среднеазиатских государствах. Военные действия ограничивались занятием и укреплением опорных пунктов как на морском берегу, так и в глубинных районах. Чтобы избежать большой войны, решено было побуждать ханов вступить в российское подданство на выгодных для них условиях: ханы из сменяемых становятся наследственными владельцами и в их распоряжение предоставляются русские войска, которые могут быть использованы для установления наследственной ханской власти. Заинтересованные в усилении своей власти ханы добровольно или под некоторым нажимом примут царские предложения.

К практическому осуществлению этого плана Черкасский приступил в сентябре 1716 г., когда каспийская флотилия вышла из Астрахани и направилась вдоль восточного берега, делая остановки для высадки войск и рекогносцировки. В результате этого морского похода были заняты заливы Тюб-Караган, Александр-Бай и Красные воды, в которых началась деятельная работа по сооружению крепостей. Роль главной базы отводилась Красноводской крепости[2].

Для похода в Хиву весной 1717 г. в Гурьеве было собрано 2200 чел. Двигаясь в юго-восточном направлении, отряд Черкасского достиг берегов Аральского моря и долины Аму-Дарьи. У озера Айбугир, недалеко от Хивы, русский отряд подвергся нападению со стороны хана Ширгазы, имевшего в своем распоряжении многочисленное войско (15—24 тыс. чел.). В упорном бою, длившемся три дня, русские разбили хивинцев благодаря храбрости, искусному использованию укреплений и наличию артиллерии. Потерпев поражение в открытом бою, Ширгазы пошел на хитрость. Он вступил с Черкасским в мирные переговоры и добился разделения русского

---

[1] ПСЗ, т. V, №№ 2993—2994, стр. 197—198. Указы Черкасскому и Кожину от 14 февраля 1716 г.

[2] *Е. Л. Штейнберг.* Первые исследователи Каспия (XVIII—XIX вв.). М., 1949, стр. 12; *В. Иллерицкий.* Указ. соч., стр. 46—47.

отряда на пять отдельных частей, под предлогом лучшего обеспечения войска провиантом и квартирами. Черкасский принял коварное предложение хана и тем погубил всю экспедицию. Войска хивинского хана напали на разрозненные части русских и уничтожили их. Удержать крепости на восточном берегу Каспия оказалось невозможным ввиду постоянных нападений со стороны туркмен и неблагоприятных климатических условий. Уже в 1717—1718 гг. эти крепости были оставлены.

Неудача хивинской экспедиции заставила внести некоторые поправки в политические планы, касающиеся Средней Азии. Было решено, что главную роль в их осуществлении должна играть не Хива, а Бухара и что следует отказаться от немедленных вооруженных экспедиций, но необходимо обратить особое внимание на военную разведку и использование дипломатических средств.

В Бухару был отправлен посланник Ф. Беневени[1]. Он должен был склонить хана к заключению оборонительного союза против всех неприятелей, «а больше на хивинцев», предложить хану «в гвардию для его охранения несколько сот или и больше российских людей» и узнать, как отнесутся бухарцы, если русский царь пошлет войско в хивинские владения и построит там крепость. Посланник должен был собрать сведения о золотых россыпях Средней Азии и узнать,«не возможно ль в те краи российскаго купечества размножить и чрез какой канал».

Беневени выехал из Москвы в сентябре 1718 г., прибыл в Бухару в ноябре 1721 г. и оставался там до весны 1725 г. Ознакомившись со страной и обстановкой, он доносил, что бухарцы добывают много золота и серебра и ведут торговлю с индийцами и русскими, что в Средней Азии идет постоянная междоусобная война, в которой участвуют афганцы, персы, узбеки (хивинские и бухарские), киргизы, казахи, кара-калпаки и калмыки— они «все дженерально между собою драки имеют». Посланник советовал воспользоваться этими неурядицами и отправить в эти места русское войско, ибо «сила все резоны уничтожит»[2]. Однако в 20-х годах нельзя было предпринять поход в Среднюю Азию, так как военные силы России в это время были заняты важными действиями на персидских берегах Каспия во время Персидского похода и охраной границ от возможного нападения Турции. Усиление турецкой опасности на юго-восточных границах России было связано с упадком Персии в первой четверти XVIII в.

Господствующее положение в шахской Персии занимали персидские феодалы, исповедовавшие мусульманство в форме шиизма. Под властью Персии находились земли, коренное население которых имело другую этническую и религиозную принадлежность. На Кавказе жили дагестанцы-сунниты, Закавказье населяли азербайджанцы — шииты и сунниты, армяне и грузины-христиане, в Кандагаре и Герате обитали афганцы-

---

[1] *А. Попов.* Указ. соч., приложения, стр. 102—104.
[2] Там же, стр. 143.

сунниты. Усиление феодально-ростовщической эксплуатации и иноземного гнета привело к разорению крестьян и ремесленников, к обострению классовой и народно-освободительной борьбы. В условиях экономического упадка усилились сепаратистские стремления крупных феодалов, не желавших поступиться частью своих доходов в пользу шахской казны. Уменьшение государственных доходов Персии неблагоприятно сказалось на состоянии армии и положении центральной власти. Власть шаха Хусейна (1694—1722 гг.) становилась призрачной, она «оставалась в одном титуле, а не в действе»[1].

В разных местах обширной и разноплеменной страны происходили восстания, сопровождавшиеся набегами на персидские города. Одними из первых восстали афганские племена гильзаи (1709 г.) и абдали (1716 г.). В 1720—1721 гг. восстания вспыхнули в Курдистане, Луристане и Белуджистане. Белуджи вторглись в Южную Персию и опустошили Бендер-Аббас. Видя крайнюю слабость Персии, вождь кандагарских гильзаев Мир-Махмуд (1717—1725 гг.) решил предпринять поход во внутренние персидские провинции. Целью этого похода было завоевание и грабеж обессиленной Персии. В 1722 г. Мир-Махмуд нанес поражение шахской армии, занял столицу Персии город Исфаган и провозгласил себя шахом. Хусейн был свергнут с престола и заключен в темницу, а его сын Тахмасп отступил в северные провинции и продолжал борьбу с афганцами[2].

Султанская Турция стремилась использовать благоприятную обстановку для осуществления своих агрессивных целей в отношении Персии. Турецкое правительство предложило Мир-Махмуду военную помощь и заверило его, что «Порта не будет препятствовать ему овладеть Персиею, если он признает зависимость свою от султана»[3]. Визирь и рейс-эфенди заявили русскому резиденту в Царьграде И. Неплюеву, что Персия, как магометанская страна, лишившаяся своего законного государя, должна перейти к другому магометанскому государю — турецкому султану[4]. Турция стремилась захватить в первую очередь кавказские владения Персии — восточную Армению, восточную Грузию, Азербайджан и Дагестан. В Москве была получена в январе 1722 г. реляция посланника Беневени, в которой сообщалось, что турецкий посол требует у шаха уступки «провинции Эриванской» и что «шах весьма хотел турков удовольствовать»[5]. Неплюев официально был уведомлен в октябре 1722 г. о том, что Порта решила ввести в Картли 50-тысячное войско и захватить Тбилиси[6].

---

[1] ЦГАДА, РПД, Журнал Волынского, л. 578.

[2] Там же, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 59, лл. 707—708; кн. 63, лл. 662, 777—782.

[3] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 691.

[4] Там же, стб. 694—695, 698.

[5] *А. Попов.* Указ. соч., приложения, стр. 129—130.

[6] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 59, лл. 719—720.

Наиболее благоприятная обстановка для турецкой агрессии сложилась в Южном Дагестане и Ширване. Дагестанские феодалы Дауд-бек лезгинский и Сурхай-хан казыкумыкский в 1720—1721 гг. подняли восстание против шаха и захватили город Шемаху — крупный торговый и политический центр Ширвана. Для продолжения войны с персами и подавления народного антифеодального движения Дауд-бек и Сурхай-хан нуждались в помощи со стороны сильной державы.

Осенью 1721 г. астраханский губернатор А. П. Волынский узнал от кабардинских князей и сообщил Петру I, что «Дауд-бек и Сурхай, ребилизанты персидские (то есть персидские повстанцы. — *Ред.*) послали к турецкому султану через крымского хана, чтобы он их принял под свою протекцию и прислал бы свои войска для охранения Шемахи. И оные ведомости подлинные...»[1]. Под предлогом покровительства единоверцам султанская Турция в 1722 г. приняла Дауд-бека в свое подданство на правах хана, признала его владельцем двух провинций — Дагестана и Ширвана и обещала оказать военную помощь в борьбе с персами и русскими[2].

Сама Турция в начале XVIII в. являлась в социально-политическом отношении отсталой феодальной деспотией, а в религиозном отношении — страной, где господствующее положение занимало мусульманство суннитского толка. Протурецкая ориентация Дауд-бека и Сурхая объясняется стремлением дагестанских феодалов сохранить отсталые формы феодальной эксплуатации (открытый грабеж подвластного населения и институт невольничества) и сделать суннизм господствующим вероисповеданием.

В это же время большая опасность со стороны Турции и Крыма угрожала северокавказским землям, расположенным на южных границах России.

Уже в 1714 г. русскому правительству были хорошо известны старания Турции утвердить свое господство в Кабарде и Северном Дагестане. А. Бекович-Черкасский доносил царю, что по указу Порты Оттоманской крымский хан направил посланцев «к вольным князьям, имеющим владение близ гор между Черным морем и Каспийским, дабы оные князья со владениями своими склонились под власть салтана турского и послушны были б хану крымскому...»[3] Крымцы и кубанцы постоянно вмешивались в междоусобную борьбу кабардинских князей с целью подчинить Кабарду своей власти. В 1720 г. они вошли в Большую Кабарду, чтобы утвердить в старшинстве Ислам-бея, сторонника крымской ориентации[4].

Агрессивные планы Турции не ограничивались персидскими владениями, они распространялись и на юго-восточные земли России. Султанский

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 54, л. 667.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 694; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 59, лл. 661, 721—722, 780. Реляции И. Неплюева.

[3] ПСЗ, т. V, № 2815, стр. 108.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 54, лл. 657—659, 691—692.

визирь старался собрать сведения о народах, населявших Поволжье, и об отношении казанских татар к России.

Свои претензии на центральные и восточные области Кавказа Турция подкрепляла военными мероприятиями. Уже летом 1722 г. из армянских источников стало известно, что в Карсе и других пограничных с Персией городах «турки приготовления чинят и войски готовят». Осенью 1722 г. военные приготовления Турции приняли широкий размах. И. Неплюев доносил, что турецкие войска стягиваются к Эрзеруму и эрзерумскому паше приказано «маршировать с тем войском в Дагистанскую землю». Велено готовиться к войне янычарам и всем татарским ордам — крымской, буджацкой и кубанской[1].

Захват Турцией Восточного Кавказа и Закавказья неминуемо привел бы к следующим результатам: 1) к удлинению русско-турецкой сухопутной границы (от Кубани до Каспийского моря), причем Турция получала северокавказские земли, которые могли служить выгодным плацдармом для нападения на Россию; 2) к утверждению Турции на западном берегу Каспийского моря, что создавало угрозу северному берегу Каспия, находившемуся во владении России; 3) к подчинению власти турецкого султана многочисленных горских владельцев. Эти опасения были высказаны в донесении А. Бековича-Черкасского, поданном на имя царя еще в 1714 г.[2]

Россия в интересах своей безопасности не могла допустить утверждения Турции в Кабарде и на западном побережье Каспийского моря. Выступая в Персидский поход, Петр заявил шахскому правительству: «Когда турки вступят в Персию, тогда нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю овладеть, понеже... турок тут допустить нам невозможно»[3]. Коллегия иностранных дел считала, что вступление русских войск в западное Прикаспье и присоединение последнего к России необходимы ей «для приведения своих земель в надлежащую безопасность»[4]. На Кавказе сталкивались интересы трех держав — России, Персии и Турции. В борьбе с Персией и Турцией Россия опиралась на сочувствие и поддержку народов Кавказа, угнетаемых персидскими и турецкими феодалами.

Пользуясь военно-политической слабостью народов Кавказа, персидские и турецкие феодалы в XVI—XVII вв. захватили бо́льшую часть страны: причерноморские области попали под власть султанской Турции, прикаспийские и центральные (Дагестан, Азербайджан, восточные области Армении и Грузии)— под власть шахской Персии. Будучи отсталыми

---

[1] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 59, лл. 75, 721—722, 752.

[2] ПСЗ, т. V, № 2815, стр. 108—110.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 151. Указ. С. Аврамову от 25 июня 1722 г.

[4] Там же, отд. II, кн. 59, л. 716. Мнение тайного совета коллегии иностранных дел.

феодальными монархиями, Турция и Персия поддерживали феодальные войны и межплеменные распри, грабили подвластное население, захватывали пленников и продавали их в неволю.

Феодальная эксплуатация дополнялась чужеземным угнетением и религиозными гонениями. Завоеватели стремились уничтожить местную самобытную культуру и силой насаждали чужеземные обычаи, религию и язык.

Для успешной борьбы против персидского господства и турецкого нашествия народы Кавказа нуждались в помощи извне и могли получить ее со стороны России, которая стремилась отнять у Персии прикаспийские провинции и центральные области Закавказья и не допустить в них турок. У России и народов Кавказа были общие враги и общие политические интересы. Это послужило основой русской ориентации деятелей освободительного движения и создания военно-политического союза, объединявшего Россию и народы Кавказа.

В этот период росли и крепли дружественные связи между русским народом и народами Закавказья, имевшие глубокие исторические корни.

Деятели армянского и грузинского освободительного движения, обращаясь к России за помощью, неизменно заявляли о своей готовности признать верховную власть России. Еще в 1701 г. представитель армян Исраел Ори подал на имя боярина Ф. А. Головина «памятную записку», в которой был изложен план похода русской армии в Армению и Грузию и предусматривалась помощь русским со стороны армян и грузин.

В период подготовки к Персидскому походу в 1718—1722 гг. Россия вела оживленные переговоры с армянами, грузинами, кабардинцами и дагестанцами.

В ответ на запросы русского правительства относительно склонности армян к России гандзасарский патриарх Исайи писал Петру I: «Мы и весь народ армянский... от искреннего сердца, без премены, всею мыслию и чистою совестию по означенной нам воли вашей и обещанию, под державу вашего величества поклонитися желаем»[1].

Картлийский царь Вахтанг VI сообщил русскому посланнику А. П. Волынскому о своей готовности «принять службу» русскому царю. Волынскому было приказано картлийского царя «искать склонить так, чтоб он в потребное время был надежен нам». Вахтанг VI просил построить крепость в верховьях Терека, захватить Дербент и Шемаху и ввести русские войска в Грузию. В помощь русской армии Вахтанг обещал собрать 50-тысячное войско и послать 20-тысячный корпус за пределы своего царства[2].

---

[1] *Г. А. Эзов.* Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898, № 43, стр. 85—91; № 211, стр. 328.

[2] ЦГАДА, РПД, 1716—1718 гг., № 2, л. 357. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 123; отд. II, кн. 54, л. 640; «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770». СПб., 1861, стр. 223.

Советники Петра I отзывались о грузинском войске с большой похвалой. Волынский считал, что «во всей Персии лутчие войски — грузинские», против которых персидская кавалерия «никогда стоять не будет», хотя бы она и имела тройное численное превосходство[1].

В конце 1721 г. астраханский губернатор А. П. Волынский с небольшим отрядом отправился в казачьи Гребенские городки, где встретился с кабардинскими князьями и выступил в качестве посредника в примирении враждующих «партий». Почти все князья присягнули на верность России. Глава крымской партии Ислам-бей Мусостов был арестован и старшим князем поставлен его племянник Араслан-бек, сторонник России. «И тако, государь,— доносил Волынский Петру,— вся Кабарда ныне видитца под рукою вашего величества»[2]. Дагестанские князья— шамхал тарковский и владельцы Андреевской деревни (Эндери), согласно их просьбе, еще раньше были приняты в российское подданство[3].

Русское правительство придавало большое значение установлению протектората над Грузией и Арменией, занимавшими выгодное стратегическое положение, поскольку через них проходил кратчайший путь от турецких границ к берегу Каспийского моря. Проводя активную политику на Кавказе, Россия опиралась на народно-освободительное движение местных народов.

Переход под протекторат России обеспечивал народам Кавказа освобождение из-под персидского гнета, защиту от турецкого нашествия, политическое объединение и прекращение междоусобных войн, прекращение религиозных преследований христианского населения и относительно благоприятные условия для развития экономики.

События в Персии отразились на русской торговле. Дагестанский феодал Дауд-бек, поднявший восстание против Персии и захвативший Шемаху, ориентировался на Турцию. При взятии Шемахи Дауд-бек с отрядом в 4 тыс. чел. в августе 1721 г. напал на русских торговцев и разграбил их товары на сумму 500 тыс. руб. (около 5 млн. руб. на деньги конца XIX — начала XX в.); в том числе крупный московский купец М. Г. Евреинов потерял товаров на 170 тыс. руб.

Астраханский губернатор А. П. Волынский, донося об этих событиях, указывал, что интересы России необходимо защищать вооруженной рукой. Петр соглашался, чтобы «сего случая не пропустить», и отвечал Волынскому, что уже войскам приказано двигаться к Астрахани[4].

Летом 1722 г. в Прикаспье были сосредоточены значительные морские и сухопутные силы. Каспийская флотилия имела в своем составе более 80 судов морских и множество лодок[5]. Пехота и конница насчи-

[1] ЦГАДА, РПД, Журнал Волынского, лл. 609—610.

[2] Там же, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 54, лл. 659, 664; кн 59, лл. 424, 440.

[3] ПСЗ, т. V, № 3190, стр. 557—558; т. VI, № 3545, стр. 165—168; № 3617, стр. 220.

[4] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 671—672

[5] *Ф. И. Соймонов.* Указ. соч., стр. 64.

Дербент. Гравюра из «Путешествия» де Бруина, изд. 1714 г.

тывали около 50 тыс. воинов. Для участия в походе Петр выехал из Москвы 13 мая 1722 г. С ним отправились видные государственные и военные деятели — П. А. Толстой, Ф. М. Апраксин и др.

Военные действия начались в июле. Русское командование проявило высокое искусство в организации взаимодействия между сухопутными войсками и морской флотилией. Конный корпус под командой бригадира Ветерани, следуя сухим путем через Гребени, с боем овладел Андреевой деревней. Каспийская флотилия, имея на борту морских судов провиант и артиллерию, а на лодках пехоту, оставила Астрахань, и по выходе в море взяла курс к Аграханскому заливу. Вскоре пехота высадилась на Аграханском полуострове и приступила к устройству укрепленного лагеря. Соединившись в районе рек Аграхани и Султа, кавалерия и пехота в начале августа двинулись к Дербенту, куда также должны были следовать все суда, груженные провиантом, артиллерией и боеприпасами. На реке Султа к русской армии присоединились отряды кабардинских князей, принявшие участие в походе на Дербент.

Русская армия без боя прошла Тарки и Буйнаки, но 19 августа на реке Инчке-Аус была атакована 10-тысячным отрядом султана утемышского Махмута. Русская кавалерия опрокинула неприятеля и, преследуя его на расстоянии 20 верст, сожгла несколько деревень, в том числе и резиденцию султана — Утемыш[1].

Испытывая постоянную угрозу со стороны дагестанских феодалов, дербентцы нуждались в помощи и надеялись получить ее от русской армии. При вступлении русских войск в персидские владения был выпущен манифест, и жители Дербента «на оное отозвались, что ждут с радостию»[2].

---

[1] «Походный журнал 1722 г.», СПб., 1855, стр. 117—119.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 197.

Русские войска 23 августа без боя вступили в Дербент, откуда должны были идти через Низовую пристань к Баку и Шемахе.

Первоочередной целью кампании 1722 г. являлось овладение Дербентом, Баку и Шемахой, причем Дербент и Баку русская армия должна была занять самостоятельно, а Шемаху — при возможном содействии армянских и грузинских войск. В то время, как русской армии предстояло продвигаться к Дербенту, Вахтанг VI должен был открыть военные действия против Дауд-бека лезгинского, присоединить к своему войску армян, занять Шемаху и пробиться к берегам Каспийского моря на соединение с русской армией, что могло бы состояться на пути между Дербентом и Баку. В этом смысле Петр дал указания Вахтангу, отправив к нему в июле 1722 г. курьера с письмом и устными распоряжениями, а в августе того же года известил Вахтанга о вступлении русской армии в пределы Персии и предстоящем походе на Тарки, Дербент и Баку[1].

Получив известие о вступлении русской армии в персидские владения, Вахтанг VI с 30-тысячным войском и армянский патриарх Исайи с 8-тысячным войском подошли к Гяндже и начали военные действия против Дауд-бека лезгинского. Вахтанг VI в письме Петру I выражал уверенность в том, что к грузинскому войску присоединятся гянджинские татары (азербайджанцы)[2]. В Капане и Карабахе широко развернулось народно-освободительное движение. Персидское господство в этих провинциях было уничтожено.

Предводители грузино-армянского войска, стоявшего под Гянджей, были намерены идти на Эривань вместе с русской армией. Вахтанг VI хотел соединить свое войско с русским для того, чтобы овладеть «всеми землями до Еривана и... взять самый Еривань»[3]. Армянский архиепископ Минас Первазиан просил Петра I ускорить приход русской армии в Шемаху, заявляя, что «наше намерение токмо, чтоб нам взять Ериван»[4]. Русские военные планы и планы предводителей грузино-армянского войска предусматривали соединение всех армий в районе Шемахи и поход объединенных сил до Эривани и Тбилиси.

Однако этим планам не суждено было осуществиться. Вскоре после занятия Дербента русская армия оказалась в тяжелом положении.

В конце августа—начале сентября русская флотилия потерпела крушение, ввиду чего армия лишилась морских судов, провианта и артиллерии. Массовый падеж лошадей привел конницу в полное расстройство,

---

[1] *А. А. Цагарели.* Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII ст., СПб., 1891, стр. 29; Переписка грузинских царей, стр. LXXVI; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, лл. 181—186.

[2] *П. Т. Арутюнян.* Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х годах XVIII в. за присоединение к России. «Ученые записки Ин-та востоковедения», т. III. М., 1951, стр. 117.

[3] «Переписка грузинских царей», стр. 143.

[4] *Г. А. Эзов.* Указ. соч., № 217, стр. 339—340.

близилось наступление осени. От лишений и тягот походной жизни, усугубленных непривычным климатом Прикаспья, среди солдат быстро росло число больных[1].

Эти неблагоприятные обстоятельства заставили русское командование отказаться от продолжения похода. Оставив гарнизоны в Дербенте, Аграханском ретраншементе и во вновь заложенной на реке Сулак крепости Святого Креста, основные силы русской армии возвратились в Астрахань.

Вахтанг VI и патриарх Исайи около двух месяцев стояли под Гянджей, ожидая известий о приходе русской армии в Шемаху, но, узнав о прекращении Персидского похода, возвратились с войсками в свои резиденции.

Отход русской армии от Дербента послужил сигналом для активного выступления дагестанских феодалов против России. Их подвижные иррегулярные войска неоднократно нападали на Дербент и отдельные части русской армии, но успеха не имели. В этих нападениях принимали участие Дауд-бек лезгинский, Сурхай-хан казыкумыкский, уцмий (владетель) кайтагский Ахмет-хан, владельцы Табасарани и Эндери.

В последующее время русские не возобновляли сухопутного похода и ограничились морскими экспедициями, с помощью которых можно было быстро и легко перебрасывать небольшие вооруженные отряды, достаточные для захвата и удержания отдельных пунктов на морском берегу. Так в течение 1722—1723 гг. были заняты административный центр Гиляна город Решт, Баку и Сальяны.

Опасность афганского нашествия и лезгинских набегов заставила жителей Гиляна обратиться к русской помощи. Осенью 1722 г. в Астрахани было получено письмо от рештского визиря на имя губернатора Волынского с просьбой, «чтоб пришло российское войско и приняло их в защищение»[2].

Не желая упускать благоприятной обстановки, русское командование решило немедленно отправить в Гилян небольшой отряд войска.

За короткий срок в Астрахани были подготовлены к плаванию 14 судов и приведены в боевую готовность два батальона солдат с приданной им артиллерией. Отрядом судов командовал капитан-поручик Соймонов, а отрядом пехоты — полковник Шипов. Петр поставил перед Шиповым задачу овладеть Рештом и удерживать его, укрепив редутами окрестные дороги[3]. В декабре флотилия Соймонова вошла в Энзели и стала на якорь при устье реки Перибазар. Пехота на лодках и шлюпках поднялась вверх по реке и высадилась в деревне Перибазар, а затем сухим путем продвинулась до города Решта и вступила в него без боя. Его пришлось защищать от персидских войск, для чего понадобилось построить ряд новых укреплений.

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. IV, № 166, стр. 331; «Походный журнал 1722 г.», приложения, стр. 144, 153.

[2] *Ф. И. Соймонов.* Указ. соч., стр. 104.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 313.

Главное место в военных планах России продолжали занимать стремление овладеть западным берегом Каспийского моря и поход русской армии в Закавказье. Россия не отказалась от своих планов в отношении Азербайджана, Грузии и Армении, но перенесла их выполнение на 1723—1724 гг. Извещая предводителей армянского и грузинского войска о прекращении похода, Петр заверил их, что он, «зачав сие дело, покинуть не изволит»[1].

На западном берегу Каспия Россию интересовал прежде всего Баку. Отвечая на просьбу Вахтанга VI о помощи, Петр заявлял: «Когда Баку взят будет, и мы на Каспийском море укрепимся, то ему тогда в помощь войски наши, сколько потребно будет, прислать не оставим»; «наш первой интерес, дабы оснаватца на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя»[2].

Политическая обстановка в самом Баку была довольно сложной. Бакинские жители, возглавляемые Магомет-кули-беком и Дерга-кулибеком, получив манифест Петра I, отвечали согласием ему «служить и в послушании пребыть». Однако бакинский султан Магомет-Хусейн, опираясь на персидский гарнизон города, наотрез отказался впустить русские войска, вступил в тайные сношения с Дауд-беком лезгинским и хотел сдать ему город[3]. Хотя обстановка требовала быстрых действий, но отправить русские войска в Баку до закрытия навигации 1722 г. оказалось невозможным.

Между тем шахское правительство принимало меры для подавления освободительного движения в Закавказье. Дагестанские феодалы совершали грабительские набеги на армянские и грузинские земли, а Турция стягивала войска к картлийской границе. Вахтанг VI и армянский патриарх просили у России помощи.

Узнав о сосредоточении турецких войск на картлийской границе, русское командование решило немедленно отправить из крепости Святого Креста в Грузию 2 тыс. драгун с четырьмя полковыми пушками. Русским войскам предстоял трудный путь через горы Большого Кавказа (Кабарду), чем и объясняется сравнительная малочисленность отряда. Командование отрядом было поручено гвардии капитану А. Баскакову[4].

Однако поход Баскакова в Грузию пришлось отменить ввиду того, что весной 1723 г. картлийское войско было разбито сторонником Персии кахетинским царем Константином. В этих условиях русское командование не могло получить от грузин достаточной помощи для того, чтобы отбить нападение турок. В то же время Россия не имела возможности отправить

---

[1] «Материалы для истории русского флота», ч. IV, № 166, стр. 332.

[2] ЦГАДА, ф. Царские подлинные письма, т. XII, 1723, № 2, лл. 72—73.

[3] *Ф. И. Соймонов.* Указ. соч., стр. 93—94; ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 61, лл. 865—866; кн. 62, л. 656; кн. 63, лл. 744, 753.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 364. Указ Баскакову от 19 апреля 1723 г.

в Закавказье многочисленное войско, так как русская армия была занята военными действиями в Прикаспье и охраной южных границ от возможного нападения Турции.

Владея западной Грузией (Имерети) и западной Арменией, Турция располагала выгодным плацдармом в Закавказье, имела стратегическое преимущество по сравнению с Россией, отделенной от Закавказья Каспийским морем и Кавказскими горами. Летом 1723 г. многочисленная турецкая армия вторглась в Картли, овладела Тбилиси и направилась в Азербайджан с целью захвата Гянджи, Шемахи и Баку. На помощь туркам выступил из Шемахи Дауд-бек лезгинский. Позднее турецкое нашествие захватило Эриванское и Тебризское ханства. Турецкие захватчики и дагестанские феодалы производили страшные опустошения и чинили насилия над мирным населением, угрожая жителям поголовным истреблением. Однако туркам не удалось запугать народы Закавказья. Грузины, армяне и азербайджанцы вели самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками. Особенно упорными и кровопролитными были бои за Гянджу и Эривань, в которых турки понесли большие потери. Длительное время продолжалась партизанская война в горных районах Кахети и Карабаха.

Стремясь задержать продвижение турок к Каспийскому морю и оказать помощь народам Закавказья, русские войска летом 1723 г. активизировали свои действия в западном Прикаспье.

К лету 1723 г. гекботы, построенные на казанской верфи, прибыли в Астрахань, и генерал Матюшкин решил немедленно идти к Баку. Три отряда русских судов 17 июля вошли в Бакинский залив. На предложение принять русский гарнизон бакинский султан ответил отказом, хотя жители были готовы отдаться под покровительство России[1].

Русские войска стали готовиться к штурму. Высадив на берегу десант и построив гекботы в боевой порядок, Матюшкин подверг город сильному артиллерийскому обстрелу с моря и с суши. После четырехдневной бомбардировки гарнизон Баку капитулировал, не дожидаясь штурма. Русские войска 28 июля вошли в город строем с распущенными знаменами, барабанным боем и с музыкой[2].

Баку был использован для подготовки экспедиции в Сальянский уезд. Осенью 1723 г. отряд русских войск под командой подполковника Зенбулатова был отправлен из Баку на судах к устью реки Куры. Не встречая сопротивления, русские войска поднялись вверх по реке на 50 верст и стали лагерем близ резиденции сальянского наиба[3].

В июне 1723 г. русское правительство послало в Карабах армянина Ивана Карапета, поручив ему «обнадежить» патриарха и меликов в готов-

---

[1] *В. Н. Левиатов.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, стр. 79—84.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 63, лл. 740—741.

[3] *Ф. И. Соймонов.* Указ. соч., стр. 178—179.

ности России принять их «в протекцию свою»[1]. Прибыв в Карабах, Карапет не ограничивался одними обнадеживаниями, но выступал в качестве лица, облеченного властью: он приводил армян к присяге на верность России, разбирал их взаимные ссоры, примирял враждующие партии и т. п.[2]

Карабахские армяне в марте 1724 г. заключили с гянджинскими азербайджанцами договор о дружбе, взаимной военной помощи и совместном подданстве российскому императору. В связи с заключением этого договора азербайджанцы написали два «прошения», в которых выражено желание жителей Гянджи и Карабаха признать власть России и получить себе «в помощь победоносное русское войско»[3].

Действия русских войск в Дербенте, Баку и Сальянах и сильной русской флотилии на Каспийском море оказывали большое влияние на военно-политическую обстановку в Закавказье. Турки боялись столкновения с русскими и были вынуждены замедлять темпы наступления. Грузины, армяне и азербайджанцы, рассчитывая на русскую помощь, поднимались на борьбу с турецкими захватчиками и их союзниками.

Борьба с турецкой опасностью в Прикаспье в значительной мере обусловила и политику России в отношении Персии.

Переживая состояние упадка и распада, шахская Персия в 20-х годах XVIII в. не могла собственными силами оборонять Прикаспье от турок и их союзников. Россия обещала оказать Персии вооруженную помощь против афганцев. Для того чтобы воспрепятствовать осуществлению агрессивных замыслов Турции, Россия и Персия вступили в военный союз.

Одновременно с военными действиями в Прикаспье Россия вела переговоры с шахским правительством по территориальным вопросам. Летом 1722 г. консулу С. Аврамову было поручено просить у персов «некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции»[4]. Через год, когда персидский посол Измаил-бек приехал в Петербург, Петр точнее сформулировал свои требования: он хотел «от посла уступления тех провинций», в которых уже были российские войска (Дербент, Баку, Гилян), а также Шемахи, Мазандерана и Астрабада[5].

Выдвинутые с русской стороны предложения легли в основу статьи 2 Петербургского договора от 12 сентября 1723 г.: «Его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку, со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции Гилянь, Мазондран и Астрабат; и имеют оные от сего времени вечно в стороне его императорского величества всероссийского остаться и в его подданстве

[1] *Г. А. Эзов.* Указ. соч., № 229, стр. 354—356.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, лл. 512, 550.

[3] *П. Т. Арутюнян.* Указ. соч., стр. 119, 136—137.

[4] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 151.

[5] ЦГАДА, ф. Царские подлинные письма, т. XII, № 10, лл. 101—102. Инструкция коллегии иностранных дел от 29 августа 1723 г.

быть...»[1]. Таким образом Россия закрепила за собой западный и южный берега Каспия.

Турция стремилась захватить Персию и ликвидировать независимое персидское государство. Россия не могла допустить усиления Турции за счет страны, непосредственно примыкавшей к Каспийскому морю. Наш «собственный интерес того требует,— писал Петр,— ...дабы целость персицкого государства содержана была, и турки в те места не вселились»[2]. Опасение, что Мир-Махмуд вступит в турецкое подданство, укрепляло русскую дипломатию в намерении принять «противную сторону», то есть сторону шаха Тахмаспа. Перед Персидским походом (летом 1722 г.) русское правительство предложило шаху вооруженную помощь и выразило готовность «очистить» Персию от «всех их неприятелей и паки утвердить постоянное владение персицкое»[3].

По Петербургскому договору 1723 г. Россия взяла на себя обязательство оказать Персии помощь в войне против афганцев. Статья 1 этого договора гласила: «Его императорское величество всероссийское обещает его шахову величеству Тахмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков; и для усмирения оных и содержания его шахова величества на персидском престоле, изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск конницы и пехоты в Персидское государство послать, против тех бунтовщиков его шахова величества действовать»[4].

Действия русской армии в Прикаспье в 1722—1723 гг. были тесно связаны с афгано-персидской войной и политикой России в персидском вопросе. В этом отношении наиболее показательна гилянская операция, цель которой заключалась в том, чтобы не допустить афганцев в Прикаспье, для чего русским войскам следовало укрепиться на подступах к Гирканскому горному проходу[5]. Присутствие русских войск в Гиляне оказывало влияние на военно-политическую обстановку во всей северной Персии. Сдерживая устремления афганцев к Каспию и принуждая их к осторожности, русские помогали шаху сохранять за собой ряд провинций, а «ежели бы российских войск в Гиляне не было, то б от ребелизанов (восставших.— *Ред.*) и самому ему шаху в Персии едва бы место нашлось»[6].

В плане возможной русско-афганской войны занятие русскими войсками провинции Гилян имело немаловажное значение. Провинция Гилян

[1] ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 111.

[2] ЦГАДА, ф. Царские подлинные письма, т. XII, № 12, л. 47. Инструкция Петра I И. Толстому от 28 сентября 1722 г.

[3] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 151.

[4] ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 111.

[5] *Е. С. Зевакин* и *М. А. Полиевктов.* К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933, стр. 36.

[6] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 63, л. 720. Донесение Левашова от 9 июля 1723 г.

была расположена на удобнейшем и кратчайшем пути из России в Персию. Этот путь проходил через Астрахань, Каспийское море, Решт, Казвин и Исфаган; он был водным на огромном протяжении волжско-каспийской системы и позволял производить быструю переброску войск из Астрахани в Решт. Благодаря этому обстоятельству, провинция Гилян являлась удобным местом для сосредоточения войск и могла быть использована в качестве плацдарма при подготовке к походу из Прикаспья во внутренние провинции Персии, занятые афганцами. Согласно Петербургскому договору, русское войско, предназначенное для похода в Персию на помощь шаху, должно было быть «в так отделенные краи морем перевезено»[1]. Здесь имеется в виду морской путь от Астрахани до Решта.

Поддерживая Персию в войне с афганцами, Россия тем самым косвенно препятствовала успехам агрессивной турецкой политики. Не ограничиваясь этим, Россия предпринимала такие меры, которые прямо и непосредственно были направлены против турецких притязаний на Персию.

Зимой 1722/23 гг. русское правительство заявило турецкому посланнику, что «войск своих российских внутрь Персии не пошлет, только б взаимно и блистательная Порта войск своих ни в Жоржию, ни внутрь Персии не посылала»[2]. Делая это заявление, русское командование стремилось предотвратить вступление турецких войск в Грузию и во внутренние персидские провинции. Когда же летом 1723 г. турецкая армия перешла границу Персии и начала продвигаться вглубь страны, ответом на это явилось заключение русско-персидского военного союза.

Военный союз России и Персии был оформлен Петербургским договором 1723 г. «И обещает его императорское величество,— говорилось в статье 5 договора,— что он всегда будет приятелем тем, кто шаху и Персидскому государству приятель, и неприятелем тем, которые шаху и Персидскому государству неприятели, и противу оных имеет чинить вспоможение»[3].

Турецкое правительство понимало, что русско-персидское соглашение о военном союзе затруднит реализацию захватнических планов Турции, поэтому известие о подписании Петербургского договора было встречено в Константинополе с крайним раздражением. Рейс-эфенди заявил русскому резиденту, что, поскольку, согласно договору, российский император должен помогать Тахмаспу «против всех его неприятелей, следовательно, и против турок», постольку «вечный мир у России с Портою нарушен»[4].

В правящих кругах Персии происходила борьба между двумя группировками, одна из которых относилась к предложениям России благожелательно, другая отвергала их. Поездка в Россию посла Измаил-бека и подписание им Петербургского договора выражали политику той

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 112.

[2] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. I, кн. 30, л. 381.

[3] ПСЗ, т. VII, № 4298, стр. 112.

[4] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 4, стб. 698.

группировки, которая считала возможным пойти на некоторые территориальные уступки ради получения помощи. Однако вскоре после отправки посла перевес получила группировка, враждебно настроенная к политике России, и шахское правительство отказалось ратифицировать Петербургский договор.

Борьба России с турецкими притязаниями на Прикаспье, Кавказ и Персию привела к обострению русско-турецких отношений, которое к концу 1723 — началу 1724 г. достигло большого напряжения. Подстрекаемое Англией турецкое правительство угрожало России войной.

Главную роль в мирном разрешении русско-турецких противоречий сыграла твердая политика русского правительства. Россия не дала запугать себя угрозами, но, приняв необходимые меры по обороне южной границы, продолжала твердо и последовательно отстаивать свои интересы. Турция не решалась начать войну.

12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор[1], согласно которому Грузия, провинции Эриванская, Тебризская и Казвинская, а также вновь образованное Шемахинское ханство оставались за Турцией. Однако последняя не имела права вводить в ханство свои войска и укреплять Шемаху, кроме особых случаев, предусмотренных договором. За Россией оставались города и провинции, полученные ею по Петербургскому договору от 12 сентября 1723 г., то есть западный и южный берега Каспия. При этом устанавливалось разграничение между турецкими и российскими владениями в Закавказье; ширина побережья, оставшегося за Россией, была неодинаковой: против Дербента пограничная линия проходила в 119 верстах, а против Шемахи — в 43,5 верстах от моря. Далее к югу граница шла через слияние рек Аракса и Куры[2].

При этом было оговорено, что если персидский шах Тахмасп не согласится на уступку земель в пользу России и Турции, то обе державы должны совместно усмирить «персидское смятение» и восстановить на престоле «достойнейшего из персиян».

Константинопольский договор свидетельствует об известных успехах русской политики, поскольку Турция, согласно этому договору, признала за Россией прикаспийские провинции и отказалась от своих намерений покорить Персию. Однако русское правительство вынуждено было пойти на существенные уступки, признав за Турцией почти все Восточное Закавказье. Эта уступка была временной, так как Россия не могла примириться с турецким господством в Восточном Закавказье. Пока Эривань, Тбилиси и Шемаха находились под властью Турции, положение России на Каспийском море не могло считаться обеспеченным. Несмотря на заключение Константинопольского договора, Россия не оставила своего намерения оказать помощь и покровительство Грузии и Армении.

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4531, стр. 303—309.

[2] *П. Г. Бутков.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 1. СПб., 1869, стр. 58—60.

Успехи русских войск на Каспийском море оказались непрочными. Россия не смогла удержать за собой завоеванные земли. В 30-х годах XVIII в. прикаспийские провинции были возвращены Персии, русские войска отошли на северный берег Терека. Но это не значит, что Персидский поход был безрезультатным. Действия русских войск в Прикаспье в 20-х годах XVIII в. обеспечили безопасность юго-восточной окраины России. Построенная в 1722—1724 гг. крепость Святого Креста прикрывала непосредственные подступы к Астраханской губернии. Занятый и укрепленный русскими войсками Дербент позволял России контролировать узкий проход между Каспийским морем и Кавказскими горами, который вел из Закавказья в северное Прикаспье. Владея этими пунктами, Россия могла усилить свое влияние в Кабарде и подчинить своей власти дагестанских владельцев, а тем самым добиться прекращения изнурительной пограничной войны и отодвинуть южную границу до Кавказских гор, служивших хорошим естественным прикрытием. Установив протекторат над Кабардой, Россия получала возможность преградить крымско-кубанским татарам путь в Прикаспье.

Занятые и укрепленные русскими войсками Баку и Решт давали возможность России контролировать удобные морские гавани (Апшеронский пролив, заливы Бакинский и Энзели). Имея сильную флотилию на Каспийском море и владея всеми важными в стратегическом отношении пунктами на западном и южном берегах, Россия могла пресекать агрессивные стремления Турции в Прикаспье. Действия русских войск и политика России сыграли положительную роль в сохранении независимого Персидского государства. Россия оказывала персам поддержку в борьбе против афганских и турецких захватчиков. Русское правительство заставило Турцию признать персидского шаха в качестве суверенного государя.

Благодаря Персидскому походу укрепились военно-политические связи России с народами Кавказа: в Кабарде, Дагестане, Азербайджане, Армении и Грузии усилилась и окончательно оформилась русская внешнеполитическая ориентация; освободительное движение в 20-х годах XVIII в. достигло наивысшего подъема, вылившись в вооруженную борьбу против персидских, турецких и дагестанских феодалов.

* * *

Присоединение Западной и значительной части Восточной Сибири в XVI—XVII вв. ставило перед Русским государством новые внешнеполитические проблемы в Азии[1]. Маньчжурская династия, воцарившаяся в Китае и поработившая китайский народ и Монголию, в конце XVII в. стала готовиться к завоеванию некоторых областей Восточной Сибири; отдель-

[1] Текст до конца настоящего параграфа написан В. А. Александровым.

ные монгольские феодалы претендовали в свою очередь на Прибайкалье. Русское правительство стремилось ликвидировать противоречия с Китаем и Монголией, в чем, однако, не смогло сразу достигнуть успеха. Распространение русской колонизации на северный приток Амура — Зею явилось в 1680 г. поводом к началу русско-маньчжурской войны, в которой маньчжурам удалось склонить на свою сторону часть северомонгольских феодалов. В ходе этой войны русское правительство сорвало захватнические планы богдыхана Канси.

В этой борьбе основное значение имели русские небольшие гарнизоны, а также то обстоятельство, что в результате русской сельскохозяйственной колонизации в районе Прибайкалья[1] русские войска в Даурии снабжались местным хлебом, снастями и т. п. В 1688 г. богдыханское правительство спровоцировало нападение северо-монгольских ханов на Джунгарию, в результате чего разгорелся маньчжуро-монголо-джунгарский конфликт. В этой обстановке Россия выступила впервые активной политической силой на Дальнем Востоке и спасла сибирские племена и часть монгольских племен от истребления и худших видов порабощения. Настойчиво и последовательно стремясь установить доброжелательные отношения с Китаем, русское правительство в августе 1689 г. добилось начала мирных переговоров с маньчжурской делегацией, прибывшей в Нерчинск.

Маньчжурская делегация, состоявшая из семи сановников, предъявила требование на все Забайкалье. Глава русской делегации Ф. А. Головин упорно отстаивал право России на Амур. Маньчжуры попытались угрозой немедленного возобновления военных действий принудить русскую делегацию к уступкам. В этих трудных условиях Ф. А. Головин, согласившись передать Китаю все течение Амура, смог добиться установления границы по реке Горбице, Становому хребту, по реке Аргуни и ухода маньчжурских войск с реки Уди, а также разрешения русским торговым караванам ходить в Пекин[2]. Территория между рекой Удью и Становым хребтом оставалась неразмежеванной. Нерчинский мирный договор, несмотря на территориальные уступки, явился крупным успехом России, заинтересованной в закреплении за собой Восточной Сибири и в установлении официального соглашения с пекинским правительством. Это был первый договор с Китаем, заключенный европейским государством. Договор способствовал развитию русско-китайской торговли.

---

[1] Об этом см. работы: *В. И. Шунков.* Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в. сб. «Вопросы географии», вып. 20. М., 1950, стр. 203—238; *В. Н. Шерстобоев.* Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949; *его же.* Земледелие Северного Прибайкалья в XVII—XVIII вв. «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I. М., 1952, стр. 279—302.

[2] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами от 1619 по 1792 г. Казань, 1882, стр. 61—65.

Попытка джунгарского Бушукта-хана в 1690—1691 гг. склонить Россию на союз для продолжения борьбы с Китаем, чего очень опасалось богдыханское правительство, успеха не имела. Русское правительство честно соблюдало принятые в Нерчинске условия[1].

Нерчинский договор впервые дал возможность установить систематические и непосредственные торговые отношения между Россией и Китаем и в значительной степени подорвать посредническую торговлю среднеазиатских купцов. До этого китайские товары, главным образом различные ткани, конечно, были известны в России. В XVI — начале XVII в. они стали провозиться среднеазиатскими купцами через Астрахань (тафта, атлас, китайка)[2]; позднее значительное количество этих товаров проходило через Тобольск, скупалось русскими купцами у бухарцев на торжище у Ямыш-озера. Во второй половине XVII в. русские торговые люди нередко отваживались на свой страх и риск отправляться из Тобольска через Ямыш-озеро или через Селенгинск и через бескрайние монгольские степи в Китай. В тобольской редакции «Книги Большому Чертежу» (1673) подробно описан путь в Китай через Ямыш-озеро[3].

Московские гости и более мелкий торговый люд и даже служилые люди воспользовались сразу же после заключения Нерчинского мира представившейся возможностью для вывоза из Китая товаров. В декабре 1689 г. в Китай был послан сын боярский Г. Лоншаков с дипломатическим поручением[4]. С ним помимо конвоя, состоявшего из 13 чел., пошло 21 чел. торговых людей, среди которых были приказчики крупных гостей, как А. Филатьев, Г. Никитин, С. Лузин. Быстрота, с какой русские купцы сумели организоваться для нового предприятия, свидетельствует об их заинтересованности в русско-китайской торговле и о знании ее.

---

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 544, ч. 1, лл. 138—258, 265, 272, 303, 367, 387, 388, 414, 416.

[2] *С. Б. Бахрушин.* Научные труды, т. I. М., 1952, стр. 181.

[3] «Книга Большому Чертежу». М.—Л., 1950, стр. 187. В 1679—1787 гг. через Ямыш-озеро из Тобольска ходил в «Китай и в орды» ссыльный поляк Павел Иванов. В 1682 г. трое предприимчивых тобольских торговых людей со своими работниками прошли в Китай от Ямыш-озера, причем в приказных документах нет ни одного намека, позволяющего считать смелых тобольцев первыми русскими «землепроходцами» в этом направлении. О знакомстве русских с этими путями в Китай совершенно определенно писал еще Н. Спафарий. Известно, что в 1674 г. от Селенгинска в Пекин прошел русский караван, возглавляемый И. Поршенниковым и приказчиком гостя А. Филатьева Г. Никитиным (с 1681 г. Г. Никитин стал гостем). В наказе приказчику Иркутска 1679 г. говорилось, чтобы в Китай для торговли мехами и другими товарами никого не пропускать и следить за тайным проездом туда русских торговцев. По свидетельству Невилля, с 1680-х годов китайские ткани довольно широко употреблялись в России, конечно в среде господствующего класса. ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 355, ч. II, лл. 409—411; *Н. Бантыш-Каменский.* Указ. соч., приложения, стр. 523 и сл.; ЦГАДА, ф. Иркутской избы, д. 9, лл. 12—24; д. 84, лл. 46—52.

[4] ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. № 544, ч. I, лл. 80—82.

Вывезенный товар был однообразен — камка, атлас, китайка и небольшое количество бархата, что можно объяснить уже установившимся спросом русского рынка. Всего было вывезено товаров на 14 473 руб. Наибольшее количество товаров принадлежало гостю А. Филатьеву (на 9720 руб.), повидимому, лучше других знакомому с китайской торговлей.

Уже в последующие годы ассортимент привоза резко расширяется, определяется и русский экспорт. В 1691 г., используя дипломатические командировки пятидесятников А. Плотникова и А. Казаринова, в Китай пошли 19 торговых людей и в их числе приказчики гостей А. Филатьева, С. Лузина, Г. Никитина, Ушаковых. Они повезли русских товаров на 7562 руб., доставили китайских товаров на 23 951 руб., что за вычетом пошлин дало им прибыли 15 000 руб. Русские товары состояли в основном из мехов (соболь, горностай, белка, песцы, рыси, лисицы), значительного количества крашенины и холста, моржевых клыков и выделанной кожи. Ассортимент китайских товаров увеличился за счет шелка, чая, бадьяна, яшмовой и ценинной посуды.

В начале 1693 г. в Китай через Нерчинск вновь ходил торговый караван. Подавляющая масса товаров шла с приказчиком гостя В. Филатьева — более чем на 4500 руб. В середине 1693 г. в Китай прошел с дипломатическим и торговым поручениями Е. Избрант. В состав его каравана входили 23 служилых человека, 22 приказчика и торговых людей и 130 работников и промышленных людей[1]. Посольство Избранта упрочило условия Нерчинского мирного договора.

С этим караваном послали свои товары гости А. Филатьев, С. Лузин, Г. Никитин, И. Ушаков, гостиной сотни С. Лянгусов, вывезшие товаров более чем на 12 тыс. руб. Наряду с пушниной они везли изделия русского ремесла — зеркала, кожи, топоры, холст-хрящ.

В Россию, помимо китайки, камки и т. п., было вывезено значительное количество красок, чая и бадьяна. Подробный отчет Е. Избранта о возможностях китайского рынка побудил русское правительство в 1698 г. начать государственную торговлю с далекой восточной державой и подчинить ей иниациативу отдельных торговых людей. Во главе каравана 1698 г. стоял уже побывавший в Китае гостиной сотни С. Лянгусов. Некоторые торговые люди, помимо Нерчинска, проводили крупные торговые операции с китайским рынком через Джунгарию, в частности приказчики гостей Филатьевых и греки. Торговля с Китаем приобретала большой размах, давая отдельным купцам и казне огромные доходы. С 1699 по 1717 г. в Пекин через Иркутск прошло семь больших караванов, кроме того, значительное количество торговых людей ходило на торг в Ургу[2]. Только в 1706 г. с купчиной П. Худяковым, вышедшим из приказчиков А. Филатьева, было послано казенных

[1] ЦГАД , Сибирский приказ, кн. 1063, лл. 170—260.

[2] «Первое столетие Иркутска». Изд. В. П. Сукачева. СПб., 1902, стр. 120—134.

товаров на 203 000 руб.[1] Верхушка господствующего класса России предъявляла заказы на произведения китайского художественного ремесла. Гвардейский капитан Л. Измайлов, ездивший в Пекин в 1719—1721 гг., вывез оттуда лакированную мебель, фарфоровую посуду, китайские обои и др.

Нерчинский мирный договор, закрепивший за Россией Восточную Сибирь и давший возможность присоединить Камчатку, не означал отказа России от активной внешней политики и на юго-восточных рубежах. После завоевания маньчжурами Монголии в 90-х годах XVII в. русское правительство в целях противодействия дальнейшим завоевательным планам Канси неуклонно проводило дружественную политику по отношению к самостоятельной Джунгарии и северомонгольским племенам, что вызывало резкое раздражение пекинского правительства. Северные монголы неоднократно пытались откочевать в русские пределы и спастись от разорительных маньчжурских поборов и повинностей[2]. В связи с этим внешнеполитические трения не прекратились, и по инициативе маньчжур торговые сношения России с Китаем и Монголией неоднократно прерывались. Русское правительство, как и в 1689 г., вновь выступило инициатором дипломатических переговоров.

В 1719 г. в Китай чрезвычайным послом был отправлен Л. Измайлов, которому было поручено добиться установления постоянного русского представительства в Пекине и других крупных торговых городах Китая и разрешения для русских купцов свободно проводить торговые операции в Китае. Однако маньчжурское правительство, попрежнему препятствуя развитию широких экономических связей с Россией, согласилось только на временное пребывание в Пекине русского агента (Л. Ланга) и в свою очередь подняло вопрос об определении границы между Россией и захваченной маньчжурами Монголией. Поэтому в 1725 г. в Китай был отправлен чрезвычайным посланником и полномочным министром С. Л. Владиславич-Рагузинский, которому поручалось урегулировать все спорные вопросы с маньчжурским правительством. В этих переговорах основными были вопросы, касавшиеся установления границы с Монголией.

В результате переговоров С. Рагузинского с китайскими представителями в 1727—1728 гг. был окончательно урегулирован вопрос о русско-китайской границе на всем ее протяжении и определены условия дальнейших торговых и дипломатических отношений. По условиям Кяхтинского договора устанавливался «вечный мир», граница проводилась от Кяхты до верховий Енисея на западе и до реки Гарбицы на востоке, перебежчики впредь подлежали возвращению, русские караваны получили право

---

[1] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 373.

[2] *И. Я. Златкин.* О роли России в борьбе монголов за независимость против маньчжурских завоевателей во второй половине XVII — первой половине XVIII в. «Краткие сообщения Ин-та востоковедения», VI. М., 1952, стр. 49—51.

раз в три года ходить в Пекин, а для пограничной торговли учреждались два пункта — около Нерчинска в Цурухайтунской слободе и на реке Кяхте, где возникли слободы. Однако вскоре же основным пунктом русско-китайской торговли в XVIII — первой половине XIX в. стала Кяхта, наиболее удобно расположенная на торговых путях [1].

Таким образом, на Дальнем Востоке в первой четверти XVIII в. было достигнуто устойчивое политическое положение и созданы благоприятные условия для торговых сношений с Китаем. Кяхтинский договор 1728 г. закрепил успехи, достигнутые в Нерчинске в 1689 г., и на 130 лет, до середины XIX в., определил взаимоотношения между обоими государствами.

6

ИТОГИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Внешняя политика России конца XVII и первой четверти XVIII в. привела к большим успехам. В ходе Северной войны была окончательно решена в пользу России балтийская проблема, была поставлена и частично решена задача продвижения к южным морям и обеспечения безопасности южных границ.

Северная война велась за возвращение России выхода к Балтийскому морю, захваченного шведами в начале XVII в. [2] В ходе этой войны шведы вторглись на территорию нашей Родины, ставя себе целью отторгнуть Украину, проникнуть вглубь России до Москвы и покорить народы нашей страны. В этот период, в 1708—1709 гг., борьбу вели не только вооруженные силы России, но и народные массы — русские, украинские и белорусские партизаны выступали на всем пути шведов с запада на восток, защищая свои земли от иноземных захватчиков.

В течение многолетней войны Россия приобрела перевес над своим противником. Значительные людские резервы позволили создать мощ-

---

[1] *Е. П. Силин.* Кяхта в XVIII в. Иркутск, 1947.

[2] Врагами России была пущена в ход фальшивка в виде так называемого «завещания Петра Великого», будто бы оставившего своим преемникам завоевательные планы —покорение Европы и достижение вслед затем мирового господства. Впервые эта фальшивка была опубликована в 1812 г. в книге Лесюра («De progrès de la puissanee Russe...»), задачей которой являлось оправдание разбойничьего похода Наполеона против России. Эта фальшивка печаталась за границей в 30—40-х годах и во время Крымской войны (в 1854—1860 гг.), в 1876 г. накануне русско-турецкой войны и в 1912 г. во время балканской войны, затем в первую мировую войну и в фашистской Германии. Ее вытаскивали всякий раз для оправдания агрессии против России и для запугивания стран Западной Европы мнимой «русской опасностью». Русские историки неоднократно разоблачали эти фальшивки. См. *Е. Н. Данилова.* «Завещание» Петра Великого. «Труды Историко-архивного института», т. II, М., 1946, стр. 205—270.

ную регулярную армию, национальную по своему составу. Созданная за время войны крупная промышленность обеспечила эту армию достаточным количеством вооружения и снаряжения. Блестяще действовал вместе с армией военно-морской флот. В ходе войны умножались боевые успехи русского оружия: победы на суше и на море, под Лесной и Полтавой, при Гангуте и Гренгаме завершились победоносным Ништадтским миром.

Регулярная армия и военно-морской флот, созданные накануне и в ходе Северной войны, явились важнейшими средствами в осуществлении целей русской внешней политики. В ходе Северной войны русская армия и флот приобрели боевую закалку. Были созданы кадры русских офицеров, овладевших передовым для своего времени военным искусством, выдвинулись выдающиеся полководцы А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, М. М. Голицын и др. Совершенствуя русскую армию и флот, русское командование и Петр I внесли много нового, прогрессивного в военное искусство, в развитие стратегических и тактических форм борьбы, заложив основы новой системы воспитания и обучения войск. Стратегия и тактика русской армии оказались выше стратегии и тактики армии Карла XII, а боевой дух русских солдат, их выучка превосходили боевой дух и выучку шведской армии. Воинский устав 1716 г., дополнительный артикул (статьи к Воинскому уставу 1722 г.) и морской регламент обобщили опыт, накопленный русскими вооруженными силами, и закрепили их организацию и оперативно-тактические и стратегические принципы ведения войны.

Наряду с вооруженными силами значительную роль в успешном выполнении внешнеполитических задач сыграла русская дипломатия, искусно закреплявшая победы русских вооруженных сил и умело расстраивавшая планы противников России, стремившихся уничтожить достижения, добытые громадным напряжением народных сил.

Внешняя политика России этого периода развивалась в сложных условиях. Северная война шла одновременно с войной за испанское наследство в Западной Европе. Русская дипломатия умело использовала благоприятное положение, когда западные державы, занятые войной за испанское наследство, не могли вмешаться в ход событий на востоке Европы.

Остановимся кратко на отдельных периодах развития внешнеполитических событий этого времени. Азовские походы, «великое посольство» и русско-турецкие переговоры, закончившиеся подписанием мира в Константинополе, составляют первый этап (1695—1700). В результате Азовских походов было приступлено к созданию военно-морского флота и была сознана необходимость реорганизации военных сил. Но международная обстановка оказалась неблагоприятной для укрепления и расширения антитурецкой коалиции, участником которой была Россия. Европейская политическая обстановка, однако, позволила русскому правительству изменить направление своей внешней политики

и перейти от войны с Турцией к борьбе со Швецией, к решению балтийского вопроса.

Следующий, второй этап внешнеполитической истории изучаемого времени совпадает с началом Северной войны, идет от Нарвы до Лесной и приводит к Полтаве (1700—1709). В это напряженное время «подымающаяся» Россия, по словам Энгельса, сумела извлечь уроки из первой неудачи под Нарвой. Армия была реорганизована и закалилась в ходе войны, молодая русская промышленность сумела снабдить ее отличной артиллерией и ручным оружием, создались новые кадры русских военачальников и дипломатов. Все это привело к ряду успехов в Прибалтике. К 1704 г. русскими войсками было занято все течение реки Невы, основан Петербург, затем русские войска овладели Нарвой и Дерптом. Вслед за этим русские войска вошли в Литву для помощи польско-литовскому государству, боровшемуся против шведской агрессии в союзе с Россией; был выполнен блестящий гродненский маневр. Последовавшее вторжение шведской армии в пределы России вызвало мощный отпор со стороны русского и украинского народов и привело к победе под Лесной, подготовившей Полтавскую победу — величайшее историческое событие международного значения. Полтавская победа привела к коренному перелому в ходе Северной войны в пользу России. Основные силы шведской армии, возглавлявшейся Карлом XII, были уничтожены и территория нашей Родины освобождена от врага.

В течение третьего этапа Северной войны (1709—1715) были завершены военные действия в Эстляндии и Лифляндии, занята Финляндия и часть Карелии. Русский флот одержал блестящую победу у мыса Гангут. В результате действий русских войск в Померании и Мекленбурге Швеция потеряла свои владения в Северной Германии. Неудачный Прутский поход не смог умалить значения побед русской армии и успехов русской дипломатии.

Достигнутые успехи позволили на следующем, четвертом этапе (1716—1721), перейти к дипломатическим переговорам, сперва с Францией и Пруссией, затем на Аландском конгрессе — со шведами. Англия, враждебно относившаяся к утверждению России на Балтийском море, добилась срыва конгресса и распада Северного союза. Но вслед затем мощный русский флот смог осуществить ряд десантов на берега Швеции. В 1721 г. был заключен, наконец, Ништадтский мир, закончивший войну и полностью удовлетворивший Россию. Балтийская проблема была отныне решена в пользу России, и Швеция потеряла значение великой державы.

Последний, пятый этап (1722—1724) связан с борьбой за укрепление на Каспийском море и в Закавказье, с Персидским походом Россия заняла восточное и южное побережье Каспийского моря, не позволила Турции усилиться за счет Персии, оказала содействие грузинскому, армянскому и азербайджанскому народам в их национально-освободитель-

ной борьбе против турецкого и персидского гнета. Вслед за мирным договором с Персией 1723 г. был заключен в 1724 г. союзный договор со Швецией, в результате которого вчерашний враг превратился в союзника России.

Искусство русской дипломатии в эти годы не отставало от грандиозных военных достижений. Дипломатический аппарат, ведомство иностранных дел были реорганизованы. Вместо Посольского приказа была создана Коллегия иностранных дел. Расширились и укрепились дипломатические связи России с другими государствами. Были введены постоянные дипломатические и консульские представительства России в различных западноевропейских государствах. Одновременно, учитывая рост могущества и влияния России, западноевропейские государства основывают свои постоянные дипломатические и консульские представительства в нашей стране.

В ходе Северной войны русское правительство широко применило систему союзов, договоров, соглашений — дипломатическую подготовку и обеспечение своих внешнеполитических актов и военных действий. Умелое сочетание военных и дипломатических средств, их взаимодействие обеспечили успех внешней политики России. Русская дипломатия учитывала и хорошо использовала в своих интересах наличие противоречий в стане врагов России. Разъединить силы Швеции и Турции, Турции и Персии, Англии и Франции и т. д. было постоянной задачей русской дипломатии, старавшейся не допустить создание антирусского блока.

Немаловажным средством было также использование внутренних противоречий во враждебных странах. В Персии и Турции русская дипломатия уже в этот период опирается на православных подданных персидского шаха, а также на православное и славянское население Турецкой империи. Константинопольский патриарх вел тайную переписку с русским правительством и с русским послом в Турции. В Швеции после заключения Ништадтского мира Россия поддерживала партию сторонников мирных, дружественных союзных отношений с Россией.

Русская дипломатия учитывала также и большую заинтересованность торговых кругов некоторых стран, прежде всего морских держав—Англии и Голландии, в торговле с Россией, в получении из русских владений материалов, необходимых для строительства и оснащения флота — основы материального благополучия и военного могущества этих держав. В результате Северной войны, в связи с тем, что в руки России перешло балтийское побережье, значение России как источника этих морских припасов еще более возросло. Маркс указывает, что морские державы «после этого завоевания стали зависеть от России в отношении морского снабжения»[1].

Русским дипломатам было ясно значение таких факторов, как печать

---

[1] *К. Marx.* Sekret Diplomatic History of the 18-th century, London, 1899, p. 89.

и общественное мнение, и они не без успеха старались использовать оба эти фактора в интересах России. Б. И. Куракин в Гааге, А. А. Матвеев, а позднее Ф. П. Веселовский в Лондоне боролись за влияние на общественное мнение.

Ряд существенных новшеств был введен в дипломатическую практику. Прежде всего это был отказ от существовавших ранее устарелых формальностей и некоторых дипломатических обрядностей, лишь затруднявших ведение переговоров. Была установлена взаимная информация русских представителей, находившихся за границей, что сокращало время получения ими важных политических новостей, сведений и т. д.

В это время выдвинулись такие блестящие дипломаты, как Б. И. Куракин, отличавшийся глубоким знанием международной обстановки, умением правильно оценить и анализировать события. Б. И. Куракин являлся одно время как бы заместителем канцлера за границей. Когда он находился в Гааге, другие русские посланники должны были писать к нему и от него получали указания по наиболее срочным делам. Даровитыми дипломатами были А. А. Матвеев—посол в Голландии и в Англии, П. А. Толстой — посол в Турции, В. Л. Долгорукий — посол в Дании, вице-канцлер П. П. Шафиров.

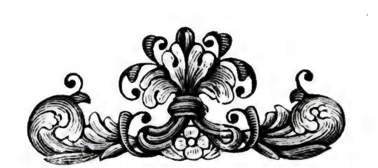
По Ништадтскому миру Россия приобрела берега Балтийского моря от Выборга и Петербурга до Риги. Этим была обеспечена безопасность страны и возможность дальнейшего экономического и культурного развития. В результате Персидского похода были укреплены позиции России на Каспийском море. Завоеванием Азова, несмотря на временное его возвращение туркам (после Прутского похода), был сделан важный шаг в направлении к берегам Черного моря и обеспечения безопасности южных границ. Уже в это время выдвигаются внешнеполитические задачи, решение которых относится к позднейшему времени, — задача освобождения Грузии и Армении от персидского и турецкого гнета и задача поддержки борьбы славянских народов и христианского населения Оттоманской империи от турецкого ига.

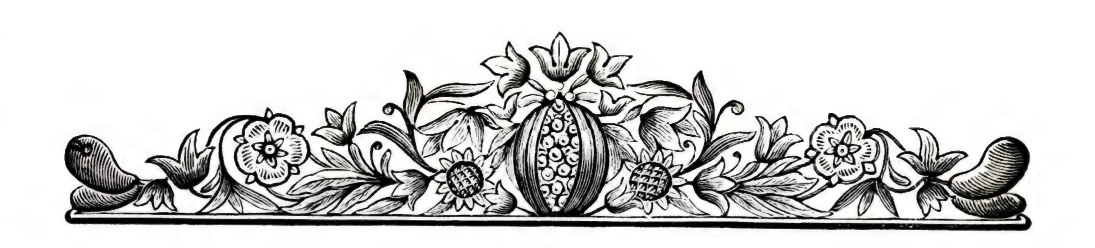
Международный вес России усилился в результате этих огромных успехов. Не только международные отношения на севере Европы, но отношения государств центральной и южной Европы, вплоть до Испании, не могли отныне решаться без участия России.

Эти внешнеполитические достижения осуществлялись за счет трудовых слоев населения — крестьянства, ремесленного населения городов и рабочих мануфактур. В области внешней политики, которая, так же как и политика внутренняя, диктовалась прежде всего интересами помещиков и торговцев, это сказалось с особой яркостью. Содержание огромной армии, строительство флота, городов, портов и крепостей в присоединенных областях, финансовая поддержка союзников (Дании, Саксонии, Польши), расходы на содержание дипломатического аппарата — все это требовало исключительного напряжения сил трудового населения страны и прежде всего крестьянства, приводило к усилению его эксплуатации.

Вместе с тем внешняя политика России, успешная борьба за овладение балтийским побережьем имела исторически-прогрессивный характер. Приобретение выхода к Балтийскому морю укрепляло обороноспособность страны, усиливало связи России с западноевропейскими государствами, способствовало сохранению независимости России, создавало условия для преодоления ее отсталости и для ее дальнейшего экономического и культурного развития.

Осуществление важнейших задач внешней политики сопровождалось расширением территории Российской империи. В ее состав вошли эстонцы, латыши, карелы. На основе борьбы с общим врагом — Турцией — расширялись политические и экономические связи России с Грузией, Азербайджаном, Арменией и Молдавией. Русское правительство по отношению к трудящемуся населению присоединенных территорий проводило такую же политику угнетения, как и по отношению к русским крестьянам и посадским людям, и за их счет укрепляло национальное государство помещиков и нарождавшегося класса буржуазии. Вместе с тем общие интересы трудовых масс России и присоединенных народов способствовали установлению дружественных отношений между ними. Защита малых народов от посягательств извне, а также установление более близких экономических, культурных и политических связей с великим русским народом создавали условия для роста производительных сил Карелии, Эстляндии, Лифляндии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ВВЕДЕНИЕ

Экономические достижения, успехи во внешней политике и изменения государственного аппарата послужили основой для нового подъема в области культуры. Технические знания были необходимы для промышленного строительства, другие отрасли знания обслуживали новые государственные учреждения, армию, флот, дипломатию и т. п., происходило развитие общественных наук, политической и художественной литературы, новшества появлялись в изобразительном искусстве и архитектуре. Церковная схоластическая ученость отступала перед светским образованием.

Политические и правовые взгляды дворянства и зарождавшейся буржуазии выразились в законодательстве и в публицистике. Трактаты Феофана Прокоповича служили обоснованием абсолютизма, разъясняли такие мероприятия, как уничтожение патриаршества и изменения в порядке престолонаследия. В своих проповедях, знаменитых «словах и речах», Прокопович защищал внешнюю политику, строительство военно-морского флота и т. п. В обширных регламентах, изданных для руководства новыми учреждениями, и в мотивировочной части ряда указов разъяснялось значение отдельных реформ. Развитие общественно-политической мысли отразилось также в «литературе проектов», то есть в разнообразных записках с проектами реформ, представленных правительству. Таково происхождение записок Ф. Салтыкова и сочинений И. Посошкова. Последний с наибольшей яркостью выразил интересы нарождавшегося купечества и частично отразил нужды крестьянства. Прокламации, распространявшиеся вождями восставших крестьян и казаков, направленные против господствующего класса и чиновничье-дворянского государства, и такие произведения, как челобитная холопов об их освобождении (1700 г.), являлись выражением стихийной борьбы угнетенных классов против феодально-крепостнического гнета.

Для овладения современной передовой наукой были созданы школы, специальные и общеобразовательные, проводились учебные командировки за границу, учреждена была Академия наук. Общественно-политическая и научная мысль начинает освобождаться от господства

церковного мировоззрения. Потребности развития производительных сил вызывают нужду в знаниях. «Если после темной ночи средневековья вдруг наново возрождаются с неожиданной силой науки, начинающие развиваться с чудесной быстротой, то этим чудом мы опять-таки обязаны производству»,— говорит Ф. Энгельс[1]. Русские ученые Л. Магницкий и Г. Скорняков-Писарев на основе русского опыта создали учебники по математике и механике. Широко и планомерно поставленная геологическая разведка привела к открытию Капустиным, Лодыгиным и другими изыскателями залежей каменного угля в районе будущего Донбасса и в Подмосковье, нефти на Севере и в Поволжье, железных, медных и серебро-свинцовых руд. Географические открытия выразились в изучении Каспийского и Аральского морей, в больших картографических работах, наконец, в подготовке экспедиции Беринга. Астрономия должна была обслуживать мореплавание, вместе с тем через книги, календари и газеты распространялись сведения о предстоящих затмениях солнца и луны и давалось правильное объяснение этих явлений. Точные науки внедрялись не без борьбы, учение Коперника о вращении земли вокруг солнца встречало возражения, как противоречащее церковным воззрениям. Посошков, передовой человек по своим общественным взглядам, писал: «Проклятый Коперник — богу суперник»[2].

Одновременно происходил рост общественных наук, связанный с укреплением дворянства и зарождением буржуазной идеологии. Основы науки международного права были заложены в «Рассуждении» о причинах Северной войны, написанном Шафировым с послесловием Петра I, вопросы государственного права обсуждались в трактатах Ф. Прокоповича, проблемы политической экономии — в сочинениях Ф. Салтыкова и И. Посошкова. Были изданы грамматика русского языка и словари иностранных языков, составленные Ф. Поликарповым и др., собирались материалы для составления истории царствования Петра I. Его современником и сотрудником был В. Татищев, написавший позднее «Историю Российскую». Последним звеном мероприятий в этой области было создание Академии наук. Указ об учреждении Академии был подписан Петром за неделю до смерти.

Художественная литература отразила происходившие изменения и вместе с тем служила пропаганде реформ. Осознание народом значения военных успехов и роли народных масс в победах под Азовом, Полтавой и в Прибалтике выразилось в фольклоре, в многочисленных солдатских песнях. В книжной литературе появилась светская повесть, изображающая новый быт и воззрения дворянской молодежи. Возникновение театра привело к драматургии Ф. Прокоповича и Журовского, пропагандировавшей нововведения. В изобразительном искусстве замечательным

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. XIV, стр. 439.

[2] *И. Т. Посошков.* Завещание отеческое. СПб., 1893, стр. 129.

художником И. Никитиным было положено начало русского портретного искусства. В гравюрах И. Зубова изображена новая столица Санкт-Петербург. В архитектуре на основе блестящих традиций древнерусского зодчества сложилось новое, главным образом гражданское зодчество в Москве и в особенности в Петербурге.

Общность психического склада людей, или «национальный характер», относится к одному из обязательных признаков нации. Эта общность проявляется в общности культуры. Национальный характер является отражением условий жизни, сгустком впечатлений, полученных от окружающей среды. Замечательные свойства великого русского народа, его ясный ум, стойкий характер и терпение вырабатывались в многовековой борьбе русского народа с внешними врагами — иноземными захватчиками, а также в борьбе с угнетателями русского народа. Герои художественных произведений того времени наделены национальными чертами русского характера. Величие достигнутых успехов, идея национального могущества и самосознания отражались в искусстве и архитектуре того времени. Развитие русской культуры в этот период явилось важным этапом в формировании русской нации.

1

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

События конца XVII и первой четверти XVIII в. нашли широкое отражение в общественной мысли того времени. Развитие общественной мысли проявлялось в разнообразных формах — в расцвете публицистической литературы, в многочисленных частных проектах, направлявшихся правительству, в церковных проповедях выдающихся духовных деятелей, а также в прокламациях восставших крестьян и казаков, в «подметных» письмах и тайных толках, нередко приводивших неосторожных собеседников в Преображенский приказ. Современники и участники блестящих побед русского оружия, реформ и вместе с тем усиления крепостного гнета и обострения классовых противоречий, люди того времени по-разному, в зависимости от классовой принадлежности, откликались на происходившие явления.

При анализе публицистики и общественной мысли того времени следует исходить из высказывания И. В. Сталина о значении общественных идей: «Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперёд. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперёд...» [1] В рассмат-

[1] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, 1952, стр. 585—586.

риваемое время были идеи отживающие, мешавшие развитию общества,— это идеи врагов реформ, однако наибольшее значение имели новые, передовые идеи, которые помогали продвижению общества вперед. В политических трактатах, в проектах и проповедях, вышедших из-под пера передовых представителей господствующего класса, обосновывались новщества, защищалась внешняя политика того времени и давалась оценка проводившимся мероприятиям.

К публицистическим произведениям, выражавшим интересы передовых слоев господствующего класса дворянства и отчасти купечества, относятся мотивировочная часть правительственных указов, трактаты Ф. Прокоповича и П. П. Шафирова, записки и проекты Ф. С. Салтыкова, А. А. Курбатова и др. Интересы зарождавшейся буржуазии всего отчетливее отразил Посошков, сторонник реформ, однако не отказавшийся от критики отдельных мероприятий. Антифеодальные, революционные идеи выражены в обращениях вождей восставшего крестьянства— К. Булавина и его атаманов. Наконец, реакционное течение представлено проповедями митрополита Стефана Яворского и легендами о царе-антихристе.

Укрепление дворянско-бюрократического государства шло за счет народных масс. Ропот в крестьянской среде был связан с ростом налогов и повинностей. «Как его бог на царство послал, так и светлых дней не видали, тягота на мир, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи, крестьянству, нет». Женщины говорили: «Какой он царь?— он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век». Другие толковали: «Мироед! Весь мир переел; на него, кутилку, переводу нет...»[1]

Ярко выраженный антифеодальный характер с требованием уничтожения основ крепостнических отношений — феодальной собственности на землю и феодальной эксплуатации—носили отдельные произведения, вышедшие из народных масс. От имени «людей барских», т. е. от холопов, была подана правительству около 1700 г. челобитная об их освобождении от власти господ. Это анонимное «подметное письмо» выразительно названо в тексте «гласом плача усердного». Холопы просят о свободе и жалуются на господ: «Сановники твои боляра и князи тебе, великому государю, станут возбранять, чтобы нам у них, яко в Содоме и Гоморе мучитися, яко лви зубы челюсти своими пожирают и яко же змий ехидный разсвирепся напрасно попирают и якоже волци (то есть волки.— *Ред.*) свирепии биют нас яко немилостивые Пилаты. Великий государь, смилуйся, пожалуй!» Возможно, что это обращение связано с указами 1699—1700 гг. о наборе в армию добровольцев из холопов[2].

Народные восстания, направленные против феодального гнета, сопро-

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 3, стб. 1368—1369.

[2] Напечатано в книге *С. А. Белокурова.* «Материалы для русской истории». М., 1888, стр. 491 и сл.

вождались письмами и обращениями, в которых отразились требования и чаяния восставших. «Прелестные письма» К. Булавина и его атаманов являются своеобразной публицистикой. В обращениях булавинцев ярко выражена ненависть к господствующему классу: восстание шло под лозунгом уничтожения бояр, воевод и приказных, оно превращалось в крестьянскую войну. Вместе с тем лозунги восставших носили царистский характер и революционные требования облечены были в религиозную оболочку, связаны с защитой старообрядчества и не лишены разбойных элементов. К марту 1708 г. относится воззвание Булавина, обращенное к «черным людям» и к «начальным добрым людям», с призывом «с нами стоять вкупе заодно». Воззвание начинается с заявления, что восставшие стоят за благочестивого «нашего государя, царя» и за Донское войско. Подлинные задачи восстания выясняются из следующих слов, обращенных к общественным низам: «А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опосайтесь и не сумневайтесь отнюдь. А которым худым людем князем и бояром и прибыльщиком и немцом за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать...». Здесь отчетливо указаны враги восставших — князья, бояре и находившиеся на царской службе прибыльщики и иноземцы[1].

После занятия Черкасска и избрания Булавина атаманом всего войска Донского он обратился к запорожцам с письмом, в котором объяснял возникновение восстания насилиями царских властей, возвращавших с Дона пришлых, то есть беглых, людей. Булавин напоминал запорожским атаманам их обещание совместно идти «на ваших рандарей и на панов...»

Тот же призыв к народным массам против угнетателей громко звучит в воззвании атамана Никиты Голого: «А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и которые неправду делают. А вы голотьва и вся идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье». Повстанческий полковник по прозвищу Лоскут, участвовавший еще в восстании Степана Разина, говорил: «Я де прямой Стенька, не как тот Стенька без ума своего голову потерял...»

В обширном обращении к кубанским казакам Булавин сообщает ход событий и оправдывает казни в Черкасске казацкой старшины. В нем говорится, что «много русские люди бегут к нам на Дон, денно и нощно, з женами и з детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей...»[2].

Булавин обратился также с письмом к Петру I. В нем отсутствуют, конечно, по тактическим соображениям лозунги борьбы с боярами и воеводами и защиты низов, черных людей. Булавин подчеркивает правомерность своей власти, которая облечена была в форму избрания его войсковым атаманом на казацком кругу после занятия им Черкасска. Он оправдывает

---

[1] «Булавинское восстание (1707—1708 гг.)». «Труды Историко-археографического ин-та АН СССР», т. XII. М., 1935, № 236, стр. 450—451.

[2] «Булавинское восстание...», № 243, стр. 458.

казнь казацкого атамана Лукьянова тем, что тот нарушил прежние обычаи. В этом обращении к царю сильнее всего подчеркнуто требование сохранения казацких вольностей, автономии Дона и проявились царистские черты движения. В «прелестных письмах» Булавина ярко выявилась идеология народных восстаний эпохи феодализма с характерными для них чертами, как ненависть к угнетателям, царистский характер, элементы разбойничества и т. п.

Прогрессивные стороны современных событий нашли положительную оценку в народных песнях и легендах. В них выражено верное понимание значения победы над шведами и вместе с тем в них сохранилась память о суровой стороне событий, о кровавых жертвах на полях битв. Фольклор выдвигает на первый план героизм народных масс, подчеркивая трусость бояр и их пороки.

Цикл песен прославляет победы над шведскими генералами в Прибалтике под начальством Шереметева. Песни о Полтавской победе проникнуты сознанием заслуг народа и печалью об огромных жертвах на войне. Запомнился тяжелый труд на строительных работах, особенно по устройству каналов, отразившийся в песне о Ладожском канале, интересен «плач» солдата по умершем царе[1].

Идеология господствующего класса выразилась в сочинениях Феофана Прокоповича и П. П. Шафирова, написанных по заданию правительства, в обширных регламентах и в предисловиях к указам. Эта «официальная» публицистика защищала реформы и разъясняла их значение.

Интересы дворянства и купечества получили отражение также в многочисленных записках, содержавших проекты отдельных мероприятий и реформ. Они подавались правительству лицами различного общественного положения и нередко служили материалом законодателю, являлись толчком для разработки реформ или отдельных указов. Наиболее яркие произведения «литературы проектов» принадлежат Ф. С. Салтыкову и И. Т. Посошкову; первый из них был представителем верхов дворянства, второй — выразителем интересов нарождавшейся буржуазии.

Ф. С. Салтыков принадлежал к боярской фамилии, родственной царской семье. В составе первой партии знатной молодежи он был отправлен за границу учиться мореходной науке. По возвращении в Россию Салтыков был зачислен в гвардию, участвовал в 1700 г. в битве под Нарвой и тогда же был послан к польскому королю Августу II с дипломатическим поручением. В чине корабельного мастера, что было почетным званием, он состоял на олонецких верфях и в Адмиралтействе. В 1711 г. Салтыков был направлен за границу с секретным поручением закупать корабли для русского флота. Он побывал в Дании, Голландии, Германии и Франции и, наконец, обосновался в Англии, где приискал до 20 кораблей, а также наблюдал за строительством судов для России на голландских и английских верфях. Салтыков умер в Лондоне в 1715 г. В первый же год своего

[1] См. ниже в настоящей главе § 4 «Литература и театр».

пребывания за границей Салтыков занялся составлением обширной записки с проектами реформ под названием «Пропозиции», т. е. предложения; он отправил ее в Россию в 1713 г. и год спустя прислал вторую записку — «Изъявления, прибыточные государству».

В сочинениях Салтыкова отчетливо проявилась классовая позиция автора как представителя аристократии. По его мнению, землевладение должно являться привилегией дворянства. Салтыков — сторонник резкого обособления господствующего класса от остального населения; в этих целях дворянам следует запретить заниматься купеческими промыслами и торговлей. Дворянство должно получать титулы, называться дуками или князьями, ландграфами, маркизами, графами, баронами или господами. Эти титулы связаны с размером имений; так, титул графа может иметь лишь владелец от 200 до 500 крестьянских дворов. Особое учреждение (риторгоус) должно ведать присвоением гербов и чинов, в нем можно видеть прототип герольдмейстерской канцелярии Сената. Салтыков предлагает перенести в Россию майорат, то есть установить право наследования недвижимого имущества только для старшего сына.

Салтыков рекомендует учредить при Сенате должности референдаря и государственного регента. На обязанности референдаря лежит «смотреть и рассуждать и советывать с Сенатом, предлагая им то, что принадлежит чинить в государстве о государственной прибыли». Регент государственный должен осуществлять контроль за государственными финансами и наблюдение за исполнением законов. Эти проектируемые Салтыковым должности напоминают по своим обязанностям позднейшего генерал-прокурора, также состоявшего при Сенате и являвшегося его руководителем и контролером по выполнению законов.

Вместе с защитой дворянских привилегий Салтыков идет навстречу интересам зарождавшегося купеческого класса. Большое место в записках Салтыкова отведено экономическим проблемам, которые он рассматривает в духе отчетливо выраженного меркантилизма. Он рекомендует устройство мануфактур, предлагает заводить на Украине и в Астрахани суконные мануфактуры, используя шерсть от местных овец, советует строить железные, бумажные, стеклянные и другие заводы. Салтыков — противник казенной промышленности. По его мнению, заводы должны строиться купечеством, которое может получать потребные средства путем «складки». Для развития торговли надо учредить во всех губерниях ярмарки, устроить купеческие компании и посылать купеческих сыновей за границу для выяснения, «какие их в том хитрости». Для расширения экспорта и сокращения ввоза товаров он предлагает расширить посевы льна, пеньки и табака, разводить шелк. Эти меры приведут к тому, что «великое число денег будет соблюдаться в российском государстве». Салтыков имел в виду таким путем достижение благоприятного торгового баланса и привлечение в страну драгоценных металлов, то есть он выражал основные принципы меркантилизма.

Для развития торговли с Востоком Салтыков рекомендовал отправить экспедицию от Архангельска вдоль берегов Ледовитого океана, чтобы выяснить, имеется ли свободный «проход до Китая и Японии». С этими экономическими задачами связаны и планы внешней политики на Востоке. Салтыков указывал на обилие золота и серебра в Китае и Ост-Индии и предлагал наладить с ними торговые связи, а также организовать экспедицию в Среднюю Азию и на Дальний Восток.

Салтыков придавал большое значение реформам в области культуры. Он предлагал «велеть во всех губерниях» учредить по две академии, под которыми понимал учебные заведения (с 2000 учащихся в каждом) с обучением древним и новым языкам, математике и «свободным» (гуманитарным) наукам. В каждой губернии следует учредить по библиотеке, разместив их в монастырях; он много говорит о пользе командировок «господских и дворянских детей» для обучения за границу. Отдельную главу своих «Изъявлений» Салтыков отвел составлению истории царствования Петра I. Он рекомендует соорудить триумфальные ворота и прежде всего поставить в Петербурге памятник Петру, который «довлеет вылить из меди или вырезать из мрамора».

Наряду с этим Салтыков писал о необходимости учреждения приютов для внебрачных детей и домов для сумасшедших, предлагал заменить по всей стране, в городах и деревнях, деревянные постройки каменными, замостить улицы каменной мостовой, одобрял введение иностранного платья и бритье бород, предлагал установить пассажирское движение на ботах по Неве, писал о вывешивании флагов в праздничные дни и т. п. Реформаторская мысль дворянского прожектера, столь близкая во многих отношениях к законодательству того времени, не распространялась, однако, на социальные и политические институты. Салтыков писал, что он старался выбрать из английских порядков лишь то, что «приличествует токмо самодержавию, а не так, как республикам или парламенту»[1].

Для проектов Ф. Салтыкова характерна подражательность, причем наряду с предложениями, имевшими целью развитие русской экономики и просвещения, Салтыков широко рекомендует заимствование внешних форм и особенностей английской жизни. Ф. Салтыков был одним из первых англоманов среди русской знати. При этом Салтыков был представителем той части боярской аристократии, которая понимала значение и необходимость реформ и вместе с тем настаивала на сохранении своих былых привилегий за счет остальной массы дворянства. Этим объясняется сложный характер «Пропозиции» и «Изъявлений», наличие в рекомендуемой программе реакционных черт.

---

[1] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Проекты реформ в записках современников Петра Великого. «Записки историко-филологического ф-та импер. С.-Петербургского университета», ч. 42. СПб., 1897; «Пропозиции Федора Салтыкова», под ред. Н. П. Тиханова, изд. «Общества любителей древней письменности». СПб., 1892.

Среди бюрократии этого времени интересным лицом был А. А. Курбатов, по происхождению крепостной Шереметева. В связи с его проектом введения гербовой бумаги, тотчас же осуществленным, Курбатов был назначен обер-инспектором Ратуши, являвшейся центральным финансовым учреждением и вместе с тем органом купеческого самоуправления, состоял дьяком Оружейной палаты, затем был вице-губернатором в Архангельске. Ему было поручено наблюдение за математической и навигацкой школой в Москве и «по его старанию» Леонтий Магницкий составил свой учебник математики. В Архангельске Курбатов основал школу для детей духовенства и солдат. Когда умер патриарх Адриан (1701), Курбатов советовал «повременить» с избранием нового патриарха, то есть был сторонником прекращения патриаршества.

Курбатову принадлежит обширная записка, содержащая проект нового учреждения — «кабинет-коллегиума», представленная правительству около 1721 г. Это учреждение, по мысли Курбатова, должно было объединить работу коллегий и явиться высшим законодательным, распорядительным и судебным учреждением, контролирующим администрацию. Кабинет-коллегиум возглавляется царем, а в его отсутствие самостоятельно решает вопросы, требующие именного указа, вообще ведет «всякие в государстве дела, кроме иностранных». Проект Курбатова не был осуществлен, но реорганизация Сената, проведенная в 1722 г., весьма сблизила его с проектируемым кабинет-коллегиумом.

В изложении функций этого высшего учреждения Курбатов проявил широту представлений о задачах государственной власти в духе законодательства того времени. Он начинает свою записку с указания на «лучшую всенародную пользу» как задачу государства. Кабинет-коллегиум, или, как выразительно Курбатов называет новое учреждение, «архиканцелярия», должен бороться с «неправдой» в судах и администрации, выявлять «обиды и разорения» и возглавить всю систему контроля. Наконец, перед ним ставится задача кодификации всего законодательства, «избирая приличное правление всероссийского самодержавия»[1]. Проектировавшееся Курбатовым высшее учреждение должно было наблюдать за строительством различных заводов, исследовать возможность прохода северным морским путем — можно ли пройти рекой Обью или Ледовитым океаном в Японию — и разыскивать новые земли «подобно как сыскана Камчатка».

Новые понятия и «обмирщение» мировоззрения проявились в предложении Курбатова строить госпитали вместе того, чтобы сооружать церкви. Он рекомендовал устроить в Петербурге и в Москве «академии свободных разных наук». Характерно, что при этом Курбатов считал необходимым для содержания академий пожаловать им вотчины с крепостными крестьянами.

---

[1] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Указ. соч., приложения, стр. 47, 50.

Таким образом, Курбатов ставил перед государственной властью задачи обеспечения «справедливого» суда, улучшения администрации, устройства светской школы и академий, развития промышленности и т. п. Вместе с тем бывший крепостной, превратившийся в крупного чиновника, не требовал таких перемен, которые затрагивали бы крепостнический и самодержавно-бюрократический строй.

На других классовых позициях стоит И. Т. Посошков. Его «Книга о скудости и богатстве», написанная как секретный доклад царю, является одним из крупнейших произведений русской публицистики, памятником политической и экономической мысли представителя нарождавшейся буржуазии. Яркий литературный талант, сильная мысль и отличное знание русской жизни возвышают знаменитую книгу Посошкова над «литературой проектов» того времени.

Иван Тихонович Посошков родился около 1652 г. Дед и отец Посошкова были «непашенными дворцовыми крестьянами» подмосковного села Покровского на реке Яузе, слившегося затем с московским посадом, и вместе с тем ремесленниками-серебрениками, работавшими на Оружейную палату. Будущий писатель состоял денежным мастером — профессия, тесно связанная с ремеслом его предков. Он работал над моделью денежного станка, предназначенного «в поднос» царю, и даже получил аудиенцию у Петра для демонстрации изобретенных им «огнестрельных рогаток», вносивших улучшение в ружейную стрельбу. Посошков завел винокуренный завод, серный прииск, искал нефть, пытался завести фабрику игральных карт. Эти промышленные начинания были малоудачны, и Посошков перешел на казенную службу по производству и продаже водки. К концу жизни он имел дома в Новгороде и в Петербурге, две деревни с 72 крепостными крестьянами в Новгородском уезде и винокуренный завод. Последней его затеей была попытка завести текстильную мануфактуру. Таким образом, Посошков в разное время состоял мастером, «купецким человеком», промышленником и мелким земле- и душевладельцем[1].

Первым выступлением Посошкова в качестве публициста и прожектера была подача им (до 1701 г.) «Письма о денежном деле», до нас не дошедшего; оно содержало проект монетной реформы. В 1701 г. он подал правительству записку «О ратном поведении», написанную под впечатлением нарвского поражения. Записка содержала ряд предложений по улучшению военного строя, проникнутых горячим патриотизмом, стремлением придти на помощь правительству в трудный момент. Посошков полон веры в огромные силы русского народа и вместе с тем проникнут недоверием к тем иностранцам, которые приглашались на русскую службу. Он написал обширное сочинение, направленное против раскола («Зеркало очевидное»), встреченное одобрением митрополита Дмитрия Ростовского. Посошкову принадлежит сочинение нравственно-поучительного содержания под названием «Завещание отеческое к сыну». Это произведение показывает, что

[1] *Б Б. Кафенгауз.* И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. Изд. 2. М., 1951.

Посошков еще оставался в плену старозаветного церковного мировоззрения, идущего от «Домостроя».

Наиболее известное из его сочинений — «Книга о скудости и богатстве» — написано в 1724 г., когда автору его было уже около 72 лет. В нем затронуты самые различные стороны государственной жизни. Являясь выразителем интересов нарождавшейся буржуазии, Посошков проникнут мыслью об огромном значении купечества. «А торг дело великое! — говорит он. — Купечеством всякое государство богатится». Право на торговлю должно принадлежать только купцам, а дворянам и крестьянству следует запретить занятие торговлей без записи в купечество. Большое внимание Посошков уделяет достижению наиболее выгодных условий для торговли с иностранцами. С этой целью он предлагает учредить единую купеческую компанию, которая под присмотром правительства объединила бы все русское купечество для внешней торговли. Посошков настаивает на сокращении ввоза иностранных товаров, в особенности предметов роскоши, и при этом указывает на необходимость увеличить русский вывоз, часто говорит о сбережении денег внутри страны, предлагая для этой цели строить железные заводы, полотняные, суконные и стеклянные мануфактуры.

Заглавный лист «Книги о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова.
Отделение рукописей библиотеки АН СССР в Ленинграде.

При этом Посошков высказывает общее принципиальное положение о желательности перерабатывать сырье на отечественных мануфактурах, вместо того чтобы вывозить его: «Сие бо велми нужно, еже кои материалы, где родятся, тамо бы они и в дело происходили. Аще бо лен и пеньку, за

море не возя, делать тут, где что родилось, то тые полотна заморского вдвое или втрое дешевле ставитца станут, а люди бы российские богатились». Как экономист Посошков является одним из крупнейших представителей меркантилизма не только в русской, но и в мировой экономической литературе [1].

Большой интерес представляют взгляды Посошкова на крестьянский вопрос. Он указывал, что «помещики на крестьян своих налагают бремена неудобоносимые» и многие дворяне говорят: «крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола». Посошков предлагал точно определить в законе размеры крестьянских повинностей, оброка и барщины в пользу помещика и настаивал на отделении помещичьей земли от крестьянской. Крестьянские повинности должны находиться в соответствии с размером земельного надела крестьянина. Эти меры, если бы они были осуществлены, облегчили бы положение крепостного крестьянства. Нельзя согласиться с некоторыми дореволюционными историками, видевшими в Посошкове противника крепостного права, — он говорил о регулировании и ограничении его, но не об уничтожении. Можно признать вместе с тем, что здесь Посошков делал шаг в направлении к буржуазным реформам [2]. В этих проектах Посошков до некоторой степени шел навстречу крестьянским интересам, не затрагивая, однако, существа крепостного строя.

Весьма интересна мысль Посошкова о созыве выборных от духовенства, дворянства, купечества, даже от солдат и крестьян, «кои в старостах и соцких бывали», для составления нового Уложения. Следует отметить, что в это время была учреждена комиссия из чиновников для составления нового Уложения. Проектируемое Посошковым учреждение можно сравнивать с земским собором или, может быть, правильнее было бы сопоставить его с будущей законодательной екатерининской Комиссией. Составленный депутатами проект Уложения, по мысли Посошкова, следует затем «всем народом освидетельствовать самым вольным голосом», именно, каждый может предлагать свои поправки и дополнения, после чего Уложение рассматривается и утверждается царем. Эти мысли Посошкова об участии населения в законодательстве, включая выборных от крестьянства, представлялись опасными даже в середине XIX в. и за изложение их была запрещена статья критика Аполлона Григорьева [3]. Но Посошков не ставит вопроса об ограничении самодержавной власти «народосоветием»; он — сторонник абсолютной монархии, хотя и знает

---

[1] *А. Г. Брикнер.* Иван Посошков, ч. 1. СПб., 1876.

[2] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. IV. М., 1937, стр. 106—107; *В. И. Семевский.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888, стр. 5—6.

[3] *А. А. Григорьев.* О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене. «Ежегодник петроградских государственных театров». Пг., 1920, где впервые напечатана запрещенная в свое время статья Григорьева.

о других формах государственного устройства. «У иноземцов короли власти таковые не имеют, яко народ, и того ради короли их не могут по своей воле что сотворити, но самовластны у них подданные их, а паче купецкие люди». В России, по его словам, дело обстоит иначе: «У нас самый властителный... монарх, а не ористократ, ниже демократ»[1]. Перед абсолютной властью Посошков ставит обширные задачи. Государство должно заботиться о народном хозяйстве, чтобы «весь народ... богат был», даже должны быть обеспечены такие правовые условия, когда «вражды и обиды вси истребятца». Он мечтает о том времени, когда «высокомнимые дворяня могут претворитися в кроткия овчата». Светская идея «всенародной пользы» как задача государства, однако, сочетается у Посошкова со средневековым теократическим представлением о власти монарха, как связанной с церковью. «Царь судья и подобен он богу»,— говорит он.

Проекты Посошкова должны были служить прежде всего интересам нарождавшегося купеческого класса. Он настороженно относится к знати, много говорит о злоупотреблениях «великородных» и предлагает назначать в администрацию «из ниских чинов»[2].

Посошков заботится о распространении знаний. В особенности заслуживает внимания мысль Посошкова об обязательном обучении крестьянства: «не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои десяти лет и ниже, отдавали дьячкам в научение грамоты и, науча грамоте, научили бы их и писать. И чаю, не худо бы так учинить, чтобы не было и в малой деревне без грамотного человека. И положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте...»[3]

В письмах к митрополиту Стефану Яворскому Посошков предлагал учредить для духовенства «великую патриаршую академию» с учителями, вызванными из Греции, советовал устроить при монастырях «грамматические школы». Посошков говорит также о техническом образовании, о том, что русские и иностранные мастера должны обучать учеников своему мастерству.

Сочинения Посошкова проникнуты горячим патриотизмом. Родина наша, по его мнению, не уступает ни в чем другим странам. Он приводит примеры успешной замены иностранных специалистов русскими «вымышленниками», как он называет изобретателей. С большим одобрением говорит он о военной реформе и создании флота. При должном военном обучении «от руских солдат бутто от лютого зверя, всякой бы неприятель бежал без оглядки»[4]. Посошков подозрительно относится к иностранцам, поступавшим на русскую службу, и к иностранцам-купцам, преследую-

[1] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 82—83, 239.

[2] Там же, стр. 91.

[3] Там же, стр. 171.

[4] Там же, стр. 48.

щим лишь собственную выгоду, нередко в ущерб России: «Я чаю, что и все европские жители не ради (то есть не рады.— *Ред.*) нашим кораблям, им то надобно, чтоб они одни славились и богатились, а мы бы от них из рук глядели»[1].

Неизвестно, дошло ли сочинение Посошкова до Петра I. «Книга о скудости и богатстве» с ее резкими выпадами против знати, вероятно, явилась одной из причин, приведших к аресту Посошкова. Спустя полгода после смерти царя, в начале царствования Екатерины I, когда новое правительство чувствовало себя неуверенно и шли многочисленные аресты, в августе 1725 г. Посошков был схвачен Тайной канцелярией. Он умер 1 февраля 1726 г в каземате Петропавловской крепости.

Среди многочисленных доношений, подававшихся правительству, приближались к проектам Посошкова записки, принадлежавшие выходцам из крестьян и посадских людей. Такова записка «обер-фискала» (возглавлявшего контроль и надзор за судами и финансами) А. Я. Нестерова, в прошлом крепостного человека, затем ведавшего сбором ясака в Поволжье и комиссара в Московской губернии. В своем доношении (1714 г.) Нестеров первый развил мысль о замене подворного обложения новой подушной податью. Он указывал, что писцы записывали в переписные книги в одних дворах по 20 чел., в других по 6—10 чел., нередко несколько семейств сбивались в одном дворе, чтобы избежать обложения налогами. Нестеров предлагал установить «уравнительный платеж», как он называл подушную подать, и советовал произвести перепись «наличных людей всех губерний». Посошков, напротив, был противником подушной подати, но отмечал те же недостатки подворного обложения, как и Нестеров.

Нестерова занимали также вопросы содействия купечеству. Подобно Посошкову, он указывал на вред для купечества от конкуренции со стороны дворянства и крестьян, свободных от купеческих повинностей и сборов: «Купечеству обиды и помешательство в торгах и в рядах, в лавках учинены вымышленными утаенными и безпошлинными торгами, как в Москве, так и в прочих городах и уездах, вотчинниковых и дворцовых и монастырских крестьян и церковников и других разных чинов». Нестеров предлагал приписать к посаду смежные деревни с торгующими крестьянами[2].

Указания на разорение крестьянства и неравномерность подворного обложения содержатся также в доношении Ивана Филиппова, относящемся к 1715—1717 гг. Иван Филиппов, вероятно, был монастырским крестьянином, затем служил провиантским надзирателем и надсмотрщиком на казенном житном дворе. Подобно Посошкову, он советовал не назначать в администрацию одних дворян, считал нужным поощрять доносителей, жаловавшихся на различные обиды, и поручить разбор жалоб «избранному верному человеку».

---

[1] *И. Т. Посошков.* Указ. соч., стр. 203.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Указ. соч., стр. 126—131; приложения, стр. 58 и сл.

Ряд проектов, подававшихся правительству, отчетливо отражали интересы купечества. В «Доношении от купечества», составленном москвичом Андреем Маркеловым, автор указывал на ущерб, наносимый купцам конкуренцией других сословий, и отмечал неравномерность налогового обложения в городах. Он писал о необходимости реформы городского самоуправления, указывал на тяжесть купеческих служеб и платежей и предлагал учредить в Москве «сборную слободскую купеческую полату», во главе которой должен быть поставлен «из купеческих знатных людей, да при том быть четырем человекам, старостам».

Промышленник «рудных дел» Даниил Воронов, будучи в заграничной командировке в Голландии, прислал доношение, в котором он предлагал ряд мер по расширению внешней торговли и развитию крупной промышленности. Как и Посошков, он писал, что западные страны не могут обойтись без русских товаров, поэтому он предлагал цены на эти товары повысить «и продавать иноземцам двойною ценою», от чего «в России пополнится от чужих стран, доброволько, многое миллионное богатство». Для содействия русским купцам и в целях ограничения торговли иноземцев он предлагал назначить «единое место для отпуска товаров», закрыв остальную границу. Казна должна ассигновать средства для учреждения суконных, полотняных, шелковых и хлопчатобумажных мануфактур. С этой целью Воронов предлагал выпустить на 5 млн. руб. кредитных знаков, которые он рекомендовал делать, очевидно для прочности, из дерева и называл «древяными друкованными заменами, или жеребьями». Другой доноситель, имя которого осталось неизвестно, также прислал из Голландии проект мероприятий для поддержки купечества. Главную причину «конечной скудости купцов», подобно другим прожектерам, он усматривал в конкуренции со стороны «высоких персон» и крестьян. Купечеству должно принадлежать монопольное право на торговлю. Неизвестный автор выражал неприязнь к «высокородным людям» и предлагал назначать в губернаторы и даже в сенаторы, «хотя и не из высокородных, но токмо бы были умные, верные и пробованные во услугах вашего величества, ибо честь не по фамилии зависит...»[1]

Эти записки и доношения указывают на процесс складывания классового самосознания зарождавшейся буржуазии. Свои интересы купечество противопоставляет интересам господствующего класса — дворянства, просит о мерах покровительства торговле и промышленности, настаивает на изменении налоговой системы, на создании купеческого самоуправления, на улучшении администрации, на некоторой демократизации ее состава. Трактат Посошкова явился лишь наиболее ярким выражением нарождавшейся буржуазной идеологии. Эти публицисты и прожектеры являлись сторонниками преобразований.

Напротив, из среды духовенства рано стали раздаваться оппозицион-

[1] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Указ. соч., стр. 134—135.

ные голоса против новшеств. Церковная реформа, а также своеобразная личная жизнь царя возбуждали недовольство отдельных представителей духовенства.

Игумен подмосковного Андреевского монастыря Авраамий представил Петру I, вероятно в конце 1696 г., свое сочинение, в котором он писал, что многие «тужат и гораздо болезнуют, и есть де о чем болезновать...» Авраамий упрекает царя в дурном выборе судей и правителей, которые «губят государство нагло, судят неправедно...» Число приказных дьяков и подьячих настолько возросло, что им «сидеть негде, стоя пишут», чиновники обогащаются, покупают вотчины и лавки. Другой темой «тетрадей» Авраамия является критика личного поведения царя, он «безмерно де стал упрям», «не слушает и совету... доброго»; не одобряет Авраамий и новых нравов и забав царского двора. Авраамий не ограничился критикой, но высказал и некоторые пожелания: он хочет, чтобы поведение царя соответствовало его высокому сану, в архиереи и священники следует посвящать «ученых разумных людей»; он предлагал принять меры для улучшения управления и суда, сократить излишние расходы на двор и в целях борьбы с дороговизной снизить внутренние пошлины[1].

Авраамий был арестован, и вслед затем были привлечены к процессу его друзья и посетители — подьячие московских приказов и вместе с ними будущий писатель Иван Посошков. Он счастливо выпутался из этого дела, но Авраамия и подьячих пытали и отправили в ссылку.

Вскоре после этого, в 1700 г., переписчик книг Григорий Талицкий составил и распространял «тетради» о пришествии антихриста в лице Петра; в них запрещалось повиноваться царю и платить подати. Его слушали с одобрением епископ тамбовский Арсений и князь И. И. Хованский, попы и монахи. Талицкий был казнен, но толки о последних временах и пришествии антихриста были широко распространены. Беглый солдат Тихов был обращен в 1705 г. в раскол дворянином Бедринским, который говорил, что «ныне царствует антихрист». Солдат бежал со службы и жил у раскольников. Тамбовский дьячок Выморков, постригшийся в монахи, составил обращение к духовенству, где писал, что оно повинуется не государю, а антихристу.

Рязанский митрополит и местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский написал в опровержение этих взглядов книгу «Знамения пришествия антихристова и кончины века». Однако рязанский митрополит сам был противником реформ, хотя маскировал свои истинные взгляды проповедями с похвалами Петру I. Он проявил вялость и бессилие, исполняя поручение обличать Талицкого, добивался получения власти патриарха и противился учреждению Синода. Яворский произнес в 1710 г. проповедь, направленную против учреждения Монастырского

[1] *Н. А. Бакланова.* «Тетради» старца Авраамия. «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 131—155; предшествующее издание см. *Ф. Сушицкий.* Из литературы петровского времени. «Филологические записки», вып. II. Воронеж, 1914.

приказа, которому были переданы хозяйственные дела церкви, и «от ярости забывал свой сан и место, где стоял». В скрытой форме, в своих проповедях, намеками, примерами и притчами, впрочем, всем понятными, он выступал против преобразований[1]. Когда новому органу надзора и контроля — фискалам — было поручено наблюдение за Патриаршим и Архиерейским приказами, то церковники увидели в этом посягательство на независимость церковного суда. Яворский произнес в 1712 г. в Успенском соборе проповедь, в которой он «кричал народу» против должности фискалов. В этой проповеди он говорил: «Того ради не удивляйтесь, что многоместная Россия наша доселе в кровных бурях волнуется». При этом Стефан с симпатией говорил о царевиче Алексее, называя его «единою нашею надеждою». Стефану Яворскому впоследствии пришлось извиняться и оправдываться перед царем за эту проповедь.

Обширное богословское сочинение Яворского «Камень веры» было направлено против лютеранства и его отражения в России. Он был неутомимым противником Дмитрия Тверитинова, отвергавшего почитание икон, отрицавшего монашество, одобрявшего Лютера, хотя он и не соглашался с основным догматом протестантизма о «спасении» одной лишь верой, а не делами. Против мнений Тверитинова восстал местоблюститель патриаршего престола, произнесший против «новой догмы» несколько проповедей. Стефан Яворский не ограничился проповедями, устроил суд из высших иерархов над Тверитиновым и его друзьями; они были осуждены и отлучены от церкви. За Тверитинова вступились, однако, сенаторы Я. Долгорукий, М. Самарин и др. На стороне местоблюстителя стоял Ф. М. Апраксин, известный своей приверженностью старине. Дело было перенесено в Петербург, где в Сенате в присутствии 100 чел. происходили горячие прения; большинство сенаторов осуждало Яворского. В деле Тверитинова отразилось некоторое проникновение идей протестантизма, а также борьба между высшей светской властью и церковью за права и независимость церковного суда.

Правительство брало на себя задачи пропагандиста реформ. Почти каждый указ сопровождался подробной мотивировкой, совершенно незнакомой русскому законодательству предшествующего XVII в. Указы первой четверти XVIII в. обычно открываются обширным предисловием поучительного содержания, в котором законодатель стремится показать целесообразность и необходимость нового закона. Указ о введении нового летосчисления мотивируется тем, что в других славянских странах также новый год празднуется с 1 января. Указ о единонаследии 1714 г. подробно разъясняет новый порядок наследования имуществ; законодатель желает доказать дворянству, что дробление имений «есть вред в государстве нашем». Рассылая косарей из только что завоеванной Лифляндии для

---

[1] *Н. С. Тихонравов.* Московские вольнодумцы начала XVIII в. и Стефан Яворский. Соч., т. II, М., 1898, стр. 180—182.

обучения русских крестьян, вместо жатвы серпами, косьбе хлебов косами, Петр в специальном указе объясняет хозяйственные выгоды нового способа. Учреждая Сенат и поручая ему заботу о денежных сборах, он бросает знаменитые слова: «деньги суть артерии войны». Учреждение коллегий сопровождается инструкциями и регламентами с объяснением новых учреждений. Многократно редактируя указ о должности генерал-прокурора, царь считает нужным в первом же пункте отметить, что генерал-прокурор обязан «хранить» свою должность «истинно, ревностно и порядочно», называет его «оком нашим и стряпчим о делах государственных». При этом в указе разъясняется, что обязанности генерал-прокурора связаны и с величайшей ответственностью, нарушение долга влечет за собой наказание его как преступника и «явного разорителя государства».

Абсолютизм XVII—XVIII вв. с его опекой над всеми сторонами жизни, общественной и частной, обосновывался идеей «общего блага», конечно, понимаемого прежде всего в соответствии с интересами господствующего класса. В манифесте о вызове иностранцев в 1702 г. было обещано управлять так, чтобы «все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Почти двадцать лет спустя в речи, произнесенной им во время празднования заключения Ништадтского мира в 1721 г., Петр говорил: «Надлежит трудитца о пользе и прибытке общем...»[1] В регламенте Камер-коллегии, этому высшему финансовому учреждению, предписывалось исходить из того положения, что «никакого государства в свете нет, которое б наложенную тягость снесть не могло, ежели правда, равенство и по достоинству в податях и росходах осмотрено будет...»[2] На деле идея общего блага прикрывала интересы господствующего класса — дворянства и отчасти купечества и не распространялась на широкие трудовые массы.

Как понимало правительство задачи государственной власти, можно видеть из введения к Генеральному регламенту, где говорится, что устройство коллегий проведено государем «ради порядочного управления государственных своих дел и исправного определения и исчисления своих приходов и поправления полезной юстиции и полиции (то есть, в росправе судной и гражданстве), такожде ради возможного охранения своих верных подданных и содержания своих морских и сухопутных войск в добром состоянии, також комерцеи, художеств и мануфактур и доброго учреждения своих морских и земских пошлин и ради умножения и приращения рудокопных заводов и протчих государственных нужд...»[3]

Здесь наряду с судом, управлением и финансами указаны новые задачи государства — содействие мануфактурам, заводам, торговле и т. п.

---

[1] *Н. А. Воскресенский.* Законодательные акты Петра I. Л.—М., 1945, № 213, стр. 156.

[2] Там же, № 415, стр. 562.

[3] Там же, № 401, стр. 482.

Такой же публицистический характер в сочетании с ярким и метким словом носит указ Сената 17 апреля 1722 г. о строгом соблюдении законов: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить, или ими играть как в карты, прибирая масть к масти...»[1] В этом указе Петр предписывал действовать на точном основании регламентов и указов.

Выходит из обычных рамок прежних указов и манифест о лишении царевича Алексея прав наследования престола. В нем говорится о заботах царя об Алексее, начиная с его детства, о приглашении к нему учителей для лучшего знания военных, гражданских и политических дел и о том, что эти старания оказались безуспешными, ибо «семя учения — на камени пало». В манифесте сообщаются подробности личной жизни царевича, говорится о его бегстве и т. д. Вместо торжественного и повелительного обращения перед нами сочетание указа с публицистическим произведением, излагающим конкретные события, которые сделали необходимым лишение Алексея прав наследника[2].

Выразительный указ Сенату, осуждающий безобразную торговлю крепостными крестьянами, остался свидетельством благих намерений, не подкрепленных действиями. В этом указе Петр с негодованием говорит о продаже крестьян «врознь, кто похочет купить как скотов, чего во всем свете не водится, а наипаче от семей—от отца или от матери дочь или сына помещик продает, от чего не малой вопль бывает...»[3] Однако самодержавный монарх на деле был представителем дворянства и лишь рекомендовал Сенату обсудить вопрос о продаже крестьян при составлении нового Уложения. Но этот указ никогда не был выполнен, ни Сенат, ни царь не настаивали на его исполнении.

В законодательстве того времени отразился также процесс «обмирщения» государственной власти. Указ, запрещающий подавать прошенья лично в руки государя, обосновывается следующими доводами: «Понеже челобитчики докучают его царскому величеству о своих обидах везде, во всяких местех, не дая покою, и хотя с их стороны лехко разсудит мочно, что всякому своя обида горка есть и несносно, но при том каждому разсудит надлежит, что (сколко их) какое их множество, а кому бьют челом одна персона есть, и та коликими воинскими и протчими несносными трудами обята, что всем извесно есть»[4].

Первая печатная русская газета «Ведомости» также являлась орудием проведения и защиты новшеств. В газете печатались реляции о русских победах и сведения об осуществлении отдельных реформ. Первый

---

[1] ПСЗ, т. VI, № 3970, стр. 656.
[2] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., № 220, стр. 164—169.
[3] ПСЗ, т. VI, № 3770, стр. 377.
[4] *Н. А. Воскресенский.* Указ. соч., № 60, стр. 65—66.

номер «Ведомостей» (2 января 1703 г.) открывается известиями об успешной работе военных заводов и о новых школах: «На Москве вновь ныне пушек медных гоубиц и мартиров вылито 400... А меди ныне на Пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд. лежит». Вслед за этим помещено сообщение о школах: «Повелением его величества московские школы умножаются, и 45 человек слушают философию, и уже диалектику окончили. В математической штюрманской школе больше 33 человек учатся и добре науку приемлют».

В 1719 г. в «Ведомостях» в связи с празднованием именин Петра I помещена сказанная по этому случаю проповедь Стефана Яворского, содержащая похвалу царю как преобразователю государства и победителю шведов.

Наряду с публицистического характера указами появлялись отдельные трактаты на политические темы, написанные по поручению правительства для объяснения важнейших правительственных мероприятий Таково происхождение двух известных сочинений Феофана Прокоповича: «Правда воли монаршей» и «Духовный регламент». Они посвящены обоснованию перемены порядка престолонаследия и отмены патриаршества.

Феофан Прокопович по окончании Киевской духовной академии уехал доучиваться в Польшу, для чего стал униатом. Затем он учился в Риме, но вынес из иезуитской школы ненависть к католицизму; вернувшись на родину, Феофан вновь обращается в православие и становится преподавателем духовной академии в Киеве. Судьбу его решило участие в праздновании полтавской победы. В Софийском соборе при большом стечении народа Феофан встретил Петра торжественной проповедью. Это был пламенный панегирик победителю шведов, по живости и воодушевлению далекий от обычных схоластических проповедей того времени. Петр был в восторге и приказал напечатать проповедь Феофана. С учреждением Синода Феофан стал его вице-президентом.

Феофан писал политические трактаты и историю царствования Петра I, его перу принадлежат курсы пиитики и риторики, он выступал также в качестве поэта и драматурга; его сочинения знали и переводили в Западной Европе. Большое значение имели его проповеди, сказанные в связи с торжествами и празднествами.

В «Слове на день Александра Невского» Феофан сравнивал Петра со знаменитым героем XIII в. Исторически правильно Феофан видел во внешней политике начала XVIII в. продолжение той борьбы в Прибалтике против захватов немцев и шведов, которую вел еще Александр Невский. По словам Феофана, при Петре была собрана «превеликая нива» там, где невский герой посеял «малое семя». Очень живо и наглядно он доказывал необходимость для России иметь сильный военно-морской флот («Слово похвальное о флоте российском»). Он сравнивал прежнее положение страны с деревней, стоящей над озером или рекой, но лишенной

лодок: «Стоим над водой и смотрим, как гости к нам приходят и отходят, а сами того не умеем». Значение внешней политики того времени Феофан освещает в слове, произнесенном при праздновании Ништадтского мира. Мощный рост России он сравнивает с неудержимым ростом дерева или с возмужанием ребенка. Он перечисляет русские победы и упоминает препятствия, с которыми пришлось бороться правительству, начиная со стрелецких бунтов и до «сыновнего восстания» царевича Алексея.

Блестящим заключительным звеном в этой цепи политических проповедей Феофана явилось слово, произнесенное на погребении Петра. «Что се есть? до чего мы дожили, о россиане? что видим? что делаем? Петра Великого погребаем!» — восклицает Феофан. Он находит вместе с тем утешение в том, что нам осталось «безмерное богатство силы и славы»[1].

Пропаганда преобразований тесно связана у Феофана Прокоповича с защитой самодержавия, обоснованием абсолютизма, чему посвящены его крупнейшие произведения. В «Слове о власти и чести царской» Феофан проводит мысль, что светская власть выше церкви, и в учении о независимости духовенства от государства он усматривает «папежский дух», то есть влияние католицизма. Эти идеи в полной мере развиты Феофаном в «Духовном регламенте», где дано обоснование церковной реформе — замены патриаршества синодом или духовной коллегией, подчиненной вместе с другими коллегиями Сенату и верховной власти. В «Духовном регламенте» дается предпочтение «соборному правленью», принципу коллегиальности перед единоличной властью патриарха. Главный довод в пользу отмены патриаршества заключается в указании на опасности политического порядка. Феофан напоминает о захвате светской власти римскими папами и, намекая на столкновение Никона с царем Алексеем, говорит: «Да не вспомянятся подобные у нас бывшие замахи!» Феофан требует от Синода искоренения суеверий: он указывает, что в житиях святых и в повестях о чудотворных иконах и нетленных мощах многое «наплутано» и не следует «вместо здравой духовной пищи отраву людем представлять». Здесь проявились рационализм, стремление Феофана к «секуляризации мысли», по выражению одного из его биографов. Учением о подчинении церкви светской власти укреплялся теоретический фундамент абсолютизма, устранялся возможный соперник абсолютной власти.

Следующий шаг в этом направлении был сделан в политическом трактате Феофана — «Правда воли монаршей». Он был написан для разъяснения указа 1722 г. о перемене порядка престолонаследия. Вместо непременного перехода царского престола к старшему сыну этим указом установлено было право царствующего государя назначить по себе любого наследника; при этом указ прямо ссылался на преступления царевича Алексея.

---

[1] *Ф. Прокопович.* Слова и речи, ч. II. СПб., 1761, стр. 127, 131

В «Правде воли монаршей» отчетливо выражены основные начала абсолютизма. Главное свойство государственной власти, по мнению Феофана,— ее верховенство, «высочайшая власть... которой деяния ничьей же власти не подлежат». Он различает три вида государства: демократию, аристократию и монархию. Феофан — сторонник наследственной монархии. Несмотря на это, в вопросе о происхождении государства он признавал также источником его «народную волю», договор народа с государем; при этом «голос народа», по его мнению, руководится «божиим мановением». Таким образом, устанавливалось два источника власти, буржуазная договорная теория соединялась у Феофана со средневековым церковным представлением о государстве. Народ не может «отставить» монарха, так как нельзя отменить воли божьей, согласно которой народ отдал власть монарху, отрекся от нее. Чтобы сделать свою мысль еще отчетливее, он прямо указывает на английскую революцию, считая «пребеззаконным делом» казнь Карла I по решению английского парламента. Здесь Феофан в завуалированной форме полемизирует с учением буржуазных юристов XVII в., признававшим за гражданами право на восстание против государя, изменившего интересам своего народа. Вместе с тем он мотивирует свою точку зрения ссылкой на «естественное право», сравнивает государственную власть с родительской властью, государство — с домом и семьей; поэтому государь, по его мнению, может лишить сына престола, как отец лишает непокорного сына наследства, что соответствует законам «естественным».

Феофан считает, что обязанностью верховной власти является «всенародная польза», именно заботы о правосудии, защите страны от неприятеля, просвещении и т. п. Он признает право государства на мелочную опеку над всеми сторонами частной и общественной жизни; в задачи власти должно входить установление «обрядов гражданских и церковных, перемены обычаев, употребление платья, домов, строения, чина и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и прочая...» Характерно, что Феофан считает необходимым подтвердить право на новшества, на крутые изменения. Защищая перемену в порядке наследования престола, он заявляет: «Аще бы и новое се дело, что же самая новость вредит: вещи новые яко же и ветхие ни от доброты, ниже от худости своея, но токмо от времене нарицаются: зло и старое — зло есть, доброе и новое—добро есть».

В двух трактатах Феофана Прокоповича («Правда воли монаршей» и «Духовный регламент»)[1] сделана, таким образом, попытка дать теоретическое обоснование утверждения абсолютистского государства помещиков и торговцев. В них нашли свое отражение передовые для того времени буржуазные идеи — об естественном праве, договорная теория происхождения государства, идея «общего блага».

---

[1] ПСЗ, т. VII, № 4870, стр. 602—643. «Правда воли монаршей», т. VI, № 3718, стр. 314—346. «Регламент или устав духовной коллегии». *Г. Гурвич.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев, 1915.

Публицистика первой четверти XVIII в. охватывала также вопросы дипломатии и внешней политики. Одним из интереснейших произведений того времени является «Рассуждение» о причинах Северной войны. В нем речь идет о справедливой войне и прочном мире и вместе с тем в этой книге впервые дается оценка достижений этого времени в целом. «Рассуждение» написано вице-канцлером П. П. Шафировым и Петром I, перу которого принадлежит послесловие, или заключение. Эта книга является обоснованием русской внешней политики и вместе с тем трактатом по международным отношениям; в ней дается исторический анализ балтийского вопроса, который правильно рассматривается как проблема защиты России от захватнических действий шведов и немцев и как настойчивое и справедливое стремление русского народа возвратить отнятые захватчиками земли[1].

Автор «Рассуждения» П. П. Шафиров был сыном переводчика Посольского приказа и также начал службу переводчиком дипломатических бумаг и иностранных книг. Его заметил крупнейший русский дипломат конца XVII в. Емельян Украинцев. Вместе с «великим посольством» в 1697 г. Шафиров был направлен за границу. По возвращении в Россию он принимал участие в заключении крупнейших дипломатических актов и в 1709 г. стал вице-канцлером. Заключив мир с турками после неудачного Прутского похода 1711 г., Шафиров остался заложником в Константинополе и смог вернуться в Россию лишь в 1714 г. Он снова ездил за границу в 1716—1717 гг. и участвовал в переговорах в Париже. Беззастенчивая страсть к обогащению его погубила; он был обвинен в хищениях, к тому же в качестве сенатора он примкнул к боярской партии, враждебной Меншикову. После ссоры в Сенате Шафиров был приговорен за допущенные им злоупотребления по службе к смертной казни, но на эшафоте помилован по указу Петра и снят с плахи.

«Рассуждение» о причинах Северной войны было написано Шафировым в тот момент, когда в руках русских уже было все восточное побережье Балтийского моря, Лифляндия, Эстляндия и Финляндия и наступила очередь дипломатии для закрепления за Россией этих земель. Оно вышло перед открытием переговоров со шведами на Аландском конгрессе и было переведено на немецкий язык для распространения в Западной Европе.

Проблемы войны и дипломатии рассматриваются в «Рассуждении» в тесной связи со всеми событиями того времени. Во вступлении, или «дедикации», подчеркнуто значение создания регулярной армии и строительства военно-морского флота, что можно «за чудо признать». В первую очередь выдвинуто значение реформы управления, раз-

---

[1] «Рассуждение, какие законные причины его величества Петр Великий император и самодержец всероссийский и протчая и протчая и протчая и начатию войны против короля Кароля XII шведского 1700 году имел, и кто из сих обоих потентатов во время сей войны более умеренности и склонности к примирению показывал...». Первое издание вышло в 1717 г., второе — в 1722 г.

РАЗСУЖДЕНІЕ
КАКІЕ ЗАКОННЫЕ ПРІЧІНЫ
ЕГО ВЕЛІЧЕСТВО
ПЕТРЪ ВЕЛІКІИ
ІМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІИСКІИ.

И протчая, и протчая, и протчая; къ начатію воины протівъ Короля Карола 12, Шведского 1700 году имѣлъ; и кто изъ сіхъ обоіхъ потентантовъ, во время сеи пребывающеи воіны, болѣе умѣренности и склонности къ прімиренію показывалъ, и кто въ продолженіи онои, съ толь велікімъ разлітіемъ крови Хрістіянскои, и разореніемъ многіхъ земель віновенъ; и съ которои воюющеи страны

Титульный лист книги П. П. Шафирова «Рассуждение» о причинах Северной войны, изд. 1722 г.

вития торговли, строительства каналов. Шафиров указывает как на причину войны на захваты шведами исконных русских земель и приводит в приложении к книге древние мирные договоры Швеции с Россией, нарушенные шведами. Швеция сравнивается с разбойником, заставившим ограбленного отдать все имение. Россия имеет право обороняться с оружием в руках и «насилие насилием, усмотря к тому удобное время, отвращать».

В «Рассуждении» подчеркивается стремление России к миру, что подтверждается неоднократными предложениями мира на «умеренных кондициях». Единственным виновником затяжки тяжелой и длительной войны является шведский король, поставивший себе целью «с престола низвергнуть» русского царя. Шафиров приводит сведения об исключительной жестокости шведов, которые ведут войну «не по обычаю политических народов». В «Рассуждении» обоснованы территориальные требования России, именно возвращение прежних владений—Ингрии и части Карелии, а также Выборга, Эстляндии и Лифляндии; русское правительство соглашалось вернуть шведам занятую русскими войсками Финляндию. В написанном самим Петром заключении к «Рассуждению» указано, что не следует стремиться к поспешному миру, миру во что бы то ни стало, надо добиваться справедливого и прочного завершения войны. После грандиозных русских побед нельзя согласиться на невыгодные условия мира, чтобы оказаться «сами себе враги и разорители».

В этом сочинении рассматривается ряд вопросов международного права, о причинах войны, о способах ведения войны, об отношении к мирному населению и к пленным и т. д.; при этом авторы исходят из принципа

соблюдения законности и справедливости в международных отношениях. Трактат Шафирова является оригинальным сочинением по международному праву. Это произведение, как отмечает новейший исследователь, «достойно занять видное место в истории международного права в России. Оно могло быть написано только человеком, в совершенстве овладевшим современной ему теорией международного права»[1].

Представителями передовой публицистики были Иосиф Турбойский, Рафаил Зборовский, Гавриил Бужинский, принадлежавшие к церковному кругу. Они шли за Прокоповичем по пути борьбы со старым, отжившим, по пути изображения нового как должного, необходимого для «общего блага».

Иосиф Турбойский — профессор философии в Московской славяно-греко-латинской академии — написал книгу, содержащую объяснение картин на триумфальных воротах в Москве в 1709 г. в честь полтавской победы («Политиколепная апофеозис»)[2]. Он рисует образ просвещенного гуманного монарха, преследующего в своей деятельности не личные, а общественные интересы; царь должен «творити право граждан своих». Он был горячим поборником мира, мирного развития жизни, но вместе с тем признавал, что бывают обстоятельства в жизни государства, когда война неизбежна. Мир создает «благополучие, веселие народов, плодов земных умножение»,— говорит Турбойский, но было бы неразумно требовать немедленного мира, нужен мир «истинный и твердый». Турбойский призывает своих сограждан вступать в общение с другими народами, призывает познавать «искусства» иных народов, но в то же время он остается свободным от преклонения перед иностранным. Он говорит, что одно пребывание за границей ничего еще не дает: «Quisquis Parisios ibit asinus, non ibi fiet equus», т. е. если «кто либо до Парижа пойдет ослом, тамо в коня не пременится...» Но, с другой стороны, «аще кто тамо пойдет изрядным жеребенком, не претворится в ленивого осла, но паче изрядным выростет конем, до тягостей политичных удобного в дому и вне отчизны ношения, аще не поленится». И Турбойский прибавляет, что дома и за границей каждый обязан всем своему уму и воле: «Quisque suae fortunae morumque fabor» — «всяк своея фортȣны и обычаев делатель бывает»[3].

Общественная мысль России первой четверти XVIII в.— часть надстройки, порожденной экономическим строем, базисом, и его обслуживающей. Публицисты того времени разрабатывали и обосновывали стоявшие на очереди вопросы, служили интересам своего класса.

---

[1] *В. Э. Грабарь.* Первая русская книга по международному праву. «Вестник Московского университета», 1950, № 7, стр. 110; *А. И. Денисов.* Гуго Гроций о праве. Вступительная статья к изданию: Гуго Гроций. О праве войны и мира, кн. 1. М., 1948.

[2] Текст об И. Турбойском написан А. В. Кокоревым.

[3] «Политиколепная апофеозис... Петра Алексеевича...» М., 1709, стр. 138, 103, 84—85.

Главной руководящей силой в России тогда было дворянство, поэтому идеология передовых представителей дворянства и бюрократии была руководящей идеологией, всего полнее разработанной и отражавшей важнейшие задачи, стоявшие перед «чиновничье-дворянской империей». Господствующий класс действовал в условиях формирования национального рынка и складывания буржуазии, а также в обстановке острой классовой борьбы между дворянством и крестьянством. Идеологи дворянства (Ф. Салтыков и др.) должны были идти навстречу интересам купечества и содействовать созданию купеческих органов. Однако в публицистике зарождавшейся буржуазии еще отсутствовали, ввиду ее слабости, какие-либо революционные мотивы. Посошков стремился обеспечить купечеству наиболее выгодные позиции в дворянско-чиновничьей империи и не шел дальше определения законом крестьянских повинностей в пользу помещиков.

Общественная мысль передовых людей народов, входивших в состав России в то время или соседних с нею, развивалась под могучим воздействием русской культуры. Особенно тесными были связи России и Украины. Украинец профессор Киевской академии Феофан Прокопович был приглашен в Петербург и стал виднейшим публицистом. Большое влияние на украинский народ оказали манифесты, в которых Петр призывал к совместной борьбе братских украинского и русского народов с иноземными захватчиками — шведами и с украинскими изменниками. Эти манифесты способствовали разоблачению изменника Мазепы и укрепляли братский союз обоих народов.

Молдавский господарь Дм. Кантемир и его сотрудник И. Некульче в своих сочинениях указывали в качестве образца для подражания на Россию и видели в Петре I идеального монарха. Они развивали мысль, что балканские народы освободятся от турецкого ига только при помощи русского народа. Деятель армянского освобождения И. Ори, приезжавший в Россию в начале XVIII в., просил помощи русского правительства и подготавливал союз с Россией. Об этом же писал грузинский царь Арчил, вынужденный эмигрировать в Россию.

В разнообразных проявлениях общественно-политической мысли этого времени отражались передовые идеи, способствовавшие движению общества вперед, и идеи реакционные, тормозившие его развитие. К числу последних относились высказывания части боярства и духовенства, цеплявшихся за старину и враждебно относившихся к неодолимым проявлениям нового. Таковы взгляды участников кружка царевича Алексея, церковные проповеди Стефана Яворского, толки о пришествии антихриста.

Представители прогрессивного направления в публицистике, напротив, поддерживали правительство, расходясь лишь в оценке отдельных сторон реформ. Целая плеяда талантливых публицистов пропагандировала реформы, иногда подсказывая правительству способы их осуществления;

публицистика выполняла важные агитационно-пропагандистские функции. Наконец, в прокламациях Булавина и его сподвижников громко прозвучал революционный голос народных масс с их ненавистью к эксплуататорам — дворянству и чиновничье-дворянскому государству.

2
ШКОЛА И ПРОСВЕЩЕНИЕ

Школа в первой четверти XVIII в. приобрела более светский характер, чем в предшествующий период. Школьное дело и программа обучения в это время были приспособлены к решению очередных задач, вставших перед государством. Обмирщение школы в известной мере отражало происшедшие изменения в положении церкви, когда последняя окончательно была подчинена светской власти и руководство просвещением стало осуществлять само государство. Важной отличительной особенностью постановки школьного дела этого времени в России является расширение самой сети школ, появление новых учебных заведений.

Реорганизация школьного дела являлась составной частью всего комплекса мер, направленных на преодоление отсталости России. Развитие промышленности и сооружение каналов, строительство регулярной армии и флота, создание бюрократического аппарата государства требовали многочисленных и хорошо подготовленных специалистов: кораблестроителей и офицеров, инженеров и чиновников, мореплавателей, картографов и др. Подготавливаемые кадры специалистов разнообразной квалификации должны были занять командные должности в аппарате дворянского государства. Естественно поэтому стремление правительства поднять культурный уровень дворянства, привить его представителям навыки, необходимые для руководства делами промышленности и сельского хозяйства, государственными учреждениями, флотом и т. д. Вместе с тем создавались школы для подготовки низшего и среднего персонала военно-административного аппарата государства: канцеляристов и аптекарей, геодезистов и мастеров и т. д.

Создание первых школ было связано с подготовкой специалистов той отрасли знаний, практическая необходимость в которой стала остро ощущаться только в первой четверти XVIII в. и относилась к мореплаванию и кораблестроению. Еще во время «великого посольства» в конце XVII в. за границей покупались учебные пособия для будущей школы, приобретались глобусы, компасы, чертежные доски, линейки; делались заказы в амстердамской типографии Тессинга на учебники.

14 января 1701 г. был издан указ, которым повелевалось быть «математических и навигацких, то есть, мореходных хитростно искуств учению» [1].

---

[1] *Ф. Ф. Веселаго.* Очерк истории морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852, стр. 5.

Под школу были отведены сначала помещения мастерских Полотняного двора в Кадашевской слободе, в Замоскворечье. Однако учителя «сказали, что им на том дворе учить тех наук учеников невозможно, для того что тот двор построен на месте низком, а надобно де тех наук двору потребну быть ради смотрения в совершенстве аризонта на месте высоком». Ввиду этого летом того же 1701 г. «вместо того двора взята под те науки Сретенская по Земляному городу башня с полатами, на которой часы боевые». Это здание, построенное в 1692—1695 гг., составляло часть укреплений Земляного города. Оно было известно под названием Сухаревой башни по имени расположенного в этой местности стрелецкого Сухарева полка. Для приспособления ее под помещение Навигацкой школы потребовалось выстроить дополнительно «над прежними полатами вновь четыре полаты»[1].

В этом помещении школа оставалась во все время своего существования. Она была подведомственна Оружейной палате в лице боярина Ф. А. Головина и дьяка Алексея Курбатова. В 1706 г., по смерти Ф. А. Головина, она была подчинена приказу Морского флота, а с 1712 г.— Адмиралтейской канцелярии. В Навигацкую школу, как она стала называться, сначала велено было принимать детей «всяких чинов» в возрасте от 12 до 17 лет, но затем, ввиду недостаточного числа учеников, стали принимать и 20-летних. Комплект учащихся был установлен в 500 человек. Не рассчитывая особенно на большое количество охотников поступить в школу, указ 1701 г. предписывал «тех наук ко учению усмотря, избирать доброволько хотящих, иных же паче и со принуждением». Ученики достаточные должны были жить на свой счет, остальные получали казенное содержание («кормовые деньги») в размере от 15 коп. в день и ниже, в зависимости от успехов.

В школе учили арифметике, геометрии, тригонометрии с их приложением к геодезии и мореплаванию, навигации и астрономии. Кроме того, ученики упражнялись в фехтовании. Так как не все поступавшие в школу умели читать, то пришлось завести класс русской грамоты, получивший название «русской школы»; класс арифметики назывался «цыфирной школой». Часть учеников, преимущественно не дворяне, прохождением этих двух классов заканчивали свое образование и поступали на службу. Дворянские дети переходили в высшие классы для обучения навигаторской науке[2].

Через два года в школе, по донесению Курбатова, было 200 учеников. Занятия арифметикой шли успешно. Курбатов сообщал в 1703 г. Головину о росте популярности школы: «а ныне многие из всяких чинов и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдают в те школы детей своих,

[1] *А. Е. Викторов*. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. 2, М., 1883, стр. 468.

[2] *Ф. Ф. Веселаго*. Указ. соч., стр. 5—12.

а иные и сами недоросли и рейтарские дети и молодые из приказов подьячие приходят с охотою немалою...»[1]

В 1698 г. были приглашены из Англии на русскую службу в качестве преподавателей профессор Эбердинского университета математик и астроном Андрей Фарварсон и специалисты по морским наукам Степан Гвин и Ричард Грейс. Они были привлечены к преподаванию в Навигацкой школе. Однако, по словам Курбатова, английские учителя относились к своим обязанностям не особенно добросовестно: «Когда временем и загуляются или, по своему обыкновению, почасту и долго проспят». Кроме того, они вовсе не были заинтересованы в том, чтобы их русские ученики возможно успешнее усваивали науку. Они были недовольны «остропонятными» учениками и заставляли их дожидаться отстающих, то есть здесь обнаружилось то же явление, которое можно было наблюдать и ранее, в XVII в., на первых русских заводах, где иностранные мастера очень неохотно передавали свои знания русским подмастерьям и даже преследовали их за проявление «излишней» любознательности.

Когда обнаружились отрицательные стороны преподавания иностранных учителей, в 1702 г. в школу был приглашен русский преподаватель Леонтий Магницкий[2]. Англичане, считавшие Магницкого нежелательным для себя конкурентом, возненавидели его, и работа в школе стала для него настолько тяжелой, что, как сообщал дьяк Курбатов, «уже просил он, Леонтий, от частаго их на него гневоимания, от школы себе свободности». Но Курбатов взял его под свою защиту, и Магницкий остался преподавателем в школе до конца своей жизни. В 1704 г. школьные занятия едва не были прерваны, так как начальник приказа Военных дел Т. Н. Стрешнев, найдя, вероятно, что ученики уже достаточно обучились, решил забрать их в драгуны, чем привел в отчаяние Курбатова: «ежели побраны они будут в драгуны или солдаты,— писал он Головину,— то уже совершенно трехлетний их труд погибнет напрасно, также и расход на них...»[3]

Одни ученики жили в школе, другие по квартирам. В школе была заведена строгая дисциплина: за проступки учеников наказывали плетьми, за пропуски уроков взимали значительный штраф, за неуплату которого виновных били «на правеже, покамест те штрафы не заплатят сполна»[4]. Трудность учения увеличивалась еще тем, что ученики плохо понимали своих преподавателей-иностранцев, с трудом объяснявшихся по-русски. Кроме того, приходилось заниматься по переводным учебникам, написанным таким языком, что понять их было не легко, даже будучи знакомым с предметом; к тому же и самые объяснения давались очень запутанно и многословно.

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, изд. «Общ. польза», кн. 3, стб. 1346.

[2] *А. Е. Викторов.* Указ. соч., стр. 468.

[3] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 3, стб. 1346—1347.

[4] *Ф. Ф. Веселаго.* Указ. соч., стр. 20.

В школе не только изучали специальные предметы, но и занимались искусством, чтобы придать некоторый внешний лоск будущим навигаторам. С этой целью из Данцига была выписана труппа актеров, которая вместе с учениками разыгрывала комедии в помещении Сухаревой башни. Эти спектакли посещались и царем.

Навигацкой школе придавалось большое значение. В одном из писем к ее начальнику, адмиралу Апраксину, Петр, заботясь о приеме новых учеников, писал: «не токмо к морскому ходу нужна сия школа, но и артиллерии и инженерству»[1]. Этими словами было верно определено значение Навигацкой школы. Она была первой школой, готовившей технически грамотных работников, и вследствие этого ее ученики посылались всюду, где только требовались образованные люди, независимо от того, близко ли это было к навигации или нет. Так, например, в 1704 г. часть ее учеников во главе с преподавателями были посланы для измерения летней дороги от Москвы до Петербурга[2]. Из Навигацкой школы выходили моряки, инженеры, гидрографы, топографы, бомбардиры, архитекторы и др. В школе не было регулярных выпусков, учеников приходилось брать из нее по мере надобности, замещая открывающиеся вакансии вновь поступающими. Ученики Навигацкой школы сделали в свое время много для русской науки, исследуя самые отдаленные местности и составляя карты, которые послужили материалом для первого полного атласа России, изданного в 1726—1734 гг. Кириловым, выучеником этой же школы. Наконец, Навигацкая школа сделала много и для распространения народного образования: первые учителя математических, или цифирных, школ были взяты из воспитанников этой школы.

В последующее время навигацкие школы были основаны и в некоторых провинциальных городах: в Новгороде, Нарве и Ревеле.

В Петербурге близость моря создавала условия, удобные для практического изучения морского дела. Было решено открыть навигацкую школу в новой столице с тем, чтобы московская школа оставалась как бы подготовительной для петербургской. В московской должны были проходить арифметику, геометрию и тригонометрию, а все остальные науки, необходимые для подготовки мореплавателя, должны были преподаваться в Петербурге.

1 октября 1715 г. был издан указ об учреждении Морской академии, или Академии морской гвардии, как она стала еще называться[3]. Директором ее был назначен состоявший на русской службе француз барон Сент-Илер. Высшее руководство академией было поручено А. А. Матвееву, с подчинением стоявшему во главе морского ведомства адмиралу Апраксину. В качестве преподавателей были переведены из московской Нави-

---

[1] *Ф. Ф. Веселаго.* Указ. соч., стр. 23.

[2] *А. Е. Викторов.* Указ. соч., стр. 483.

[3] ПСЗ, т. V, № 2937, стр. 173—176.

Навигацкая школа (Сухарева башня). Литография XIX в.

гацкой школы Фарварсон и Гвин. Для академии был отведен бывший дом Кикина, находившийся на набережной Невы, рядом с адмиралтейством. Комплект учащихся составили 305 учеников, присланных из московской Навигацкой школы, несколько человек из новгородской и нарвской школ и, кроме того, дети высшего дворянства, еще нигде не учившиеся. Указом 20 декабря 1715 г. велено было «которые есть в России

знатных особ дети, тех всех, от 10 лет и выше, выслать в школу санктпетербургскую, а в чужие краи не посылать»[1]. В дальнейшем эти недоросли из знатных фамилий составили главную часть учеников Морской академии. Ганноверский резидент Вебер писал в 1716 г.: «В это же лето окончательно устроена Морская академия, и в целой обширной России не было ни одной знатной фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына, или другого родственника, от 10 лет до 18 летняго возраста...»[2] Через год Сент-Илер, отличавшийся вздорным характером, был отставлен от заведывания академией и его место занял Матвеев, а затем Скорняков-Писарев.

Петр, часто бывавший в Адмиралтействе, нередко заглядывал и в помещавшуюся рядом Морскую академию. Ему принадлежит набросок плана преподавания в академии. Так как, кроме учеников навигацких школ, в академию поступали дворянские недоросли, «знатных особ дети», еще нигде не учившиеся, то при ней было устроено подготовительное отделение, где учили грамоте, письму, арифметике и геометрии. В старшем отделении проходились специальные науки: артиллерия, навигация и фортификация, география и воинское обучение с мушкетами, фехтование, рисование. Кроме преподавания теории, в академии производились практические занятия по кораблестроению[3].

Инструкция, данная Морской академии при ее открытии в 1715 г., вводила строгую военную дисциплину, обязательную как для учеников, так и для учителей. Утвердив эту инструкцию, Петр сделал к ней добавление: «Для унятия крика и безчинства выбрать из гвардии отставных добрых солдат и быть им по человеку во всякой каморе во время учения, и иметь хлыст в руках; и буде кто из учеников станет безчинствовать, оных бить, не смотря какой бы он фамилии ни был, под жестоким наказанием, кто поманет» (то есть сделает поблажку)[4].

Нельзя сказать, чтобы воспитанники безропотно подчинялись режиму академии. Нередки были случаи пропуска занятий, несмотря на то, что инструкция предписывала «за нехождение в школу бить батогами и вычитать за каждый день втрое против получаемого жалованья». Часты были и побеги из академии. Несмотря на отдельные недочеты, в работе академии в конечном итоге было много положительного. За сравнительно короткое время из академии вышло много хороших моряков. Кроме того, она дала таких крупных знатоков своего дела, как капитан А. И. Чириков, адмирал С. И. Мордвинов, гидрограф А. И. Нагаев и др.[5]

Почти в одно время с Навигацкой школой было открыто и другое воен-

---

[1] ПСЗ, т. V, № 2968, стр. 186.

[2] *Х. Вебер.* Записки. «Русский архив», 1883, № 7—8, стб. 1414.

[3] ПСЗ, т. VI, № 3937, стр. 535.

[4] Там же, т. V, № 2937, стр. 176.

[5] *Ф. Ф. Веселаго.* Указ. соч., стр. 55—56.

ное учебное заведение. 10 января 1701 г. состоялся именной указ: велено на новом Пушечном дворе «построить деревянные школы, и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей детей их словесной и письменной грамоте и цыфири и иной инженерной наукам...»[1] Так было положено начало Артиллерийской школе[2].

В первое время существования школы обучение в ней было поручено инженеру-иноземцу Грану. Ученики были им недовольны. По их словам, он их бил ремнем, «заставливал вместо науки ходить в денщиках за своими детьми», «всякую свою домовную работу работать», отчего они «себе учения мало приняли». Гран был отдан под суд и отставлен[3].

В первый год существования школы в ней было 180 учеников. В 1704 г. число их возросло до 300, но затем количество их стало уменьшаться, и к 1707 г. в школе осталось всего 136 человек. Далеко не все кончали школу. Вследствие разных неотложных нужд артиллерийского ведомства начальство само отрывало их от занятий. Они назначались в бомбардиры, барабанщики, пушечные писаря, пушечные ученики и на другие должности. Отдельных, вероятно, наиболее способных учеников командировали за границу, а оказавшихся неспособными переводили в мастеровые. В ведомостях школы значилось немало бежавших и пропавших без вести. Высшего разряда школы достигали сравнительно немногие (11—12 учеников).

В 1712 г. в Москве была открыта Инженерная школа, находившаяся в ведении военной канцелярии. Число учеников было установлено от 100 до 150 чел. с условием, чтобы две трети их были из дворян. Школа делилась на старшее и младшее отделения. В младшем учили арифметике, а также геометрии «сколько для инженерства надлежит». По окончании элементарного обучения ученики поступали в старшее отделение, где проходили фортификацию. Сначала дело подвигалось плохо, и в 1713 г. в школе было всего 23 ученика, вследствие чего велено было «набрать из всяких чинов людей и из царедворцевых детей» 77 чел.[4]

Как для учеников Навигацкой школы было открыто высшее учебное заведение — Морская академия, так для кончающих Инженерную школу была устроена в 1719 г. в Петербурге Инженерная рота, которой заведывал

---

[1] *Н. Е. Бранденбург.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. СПб., 1876, стр. 241.

[2] Н. В. Нечаев в статье «К 200-летию первых указов Петра I о школах» («Советская педагогика», 1951, № 6) находит возможным отнести начало Ариллерийской школы еще к 1699 г., когда А. Вейде велено было доучивать волонтеров, ездивших за границу с «великим посольством». Вместе с набранными гранатчиками и пушкарскими детьми оказалось 9 учеников; их обучал мастер Иван Зерцалов. Однако правильнее отнести основание школы к 1701 г.

[3] *А. Пруссак.* Инженерные школы при Петре I. «Военно-исторический журнал», 1940, № 7, стр. 124—125.

[4] *Н. Е. Бранденбург.* Указ. соч., стр. 248—249; *А. Пруссак.* Указ. соч., стр. 125.

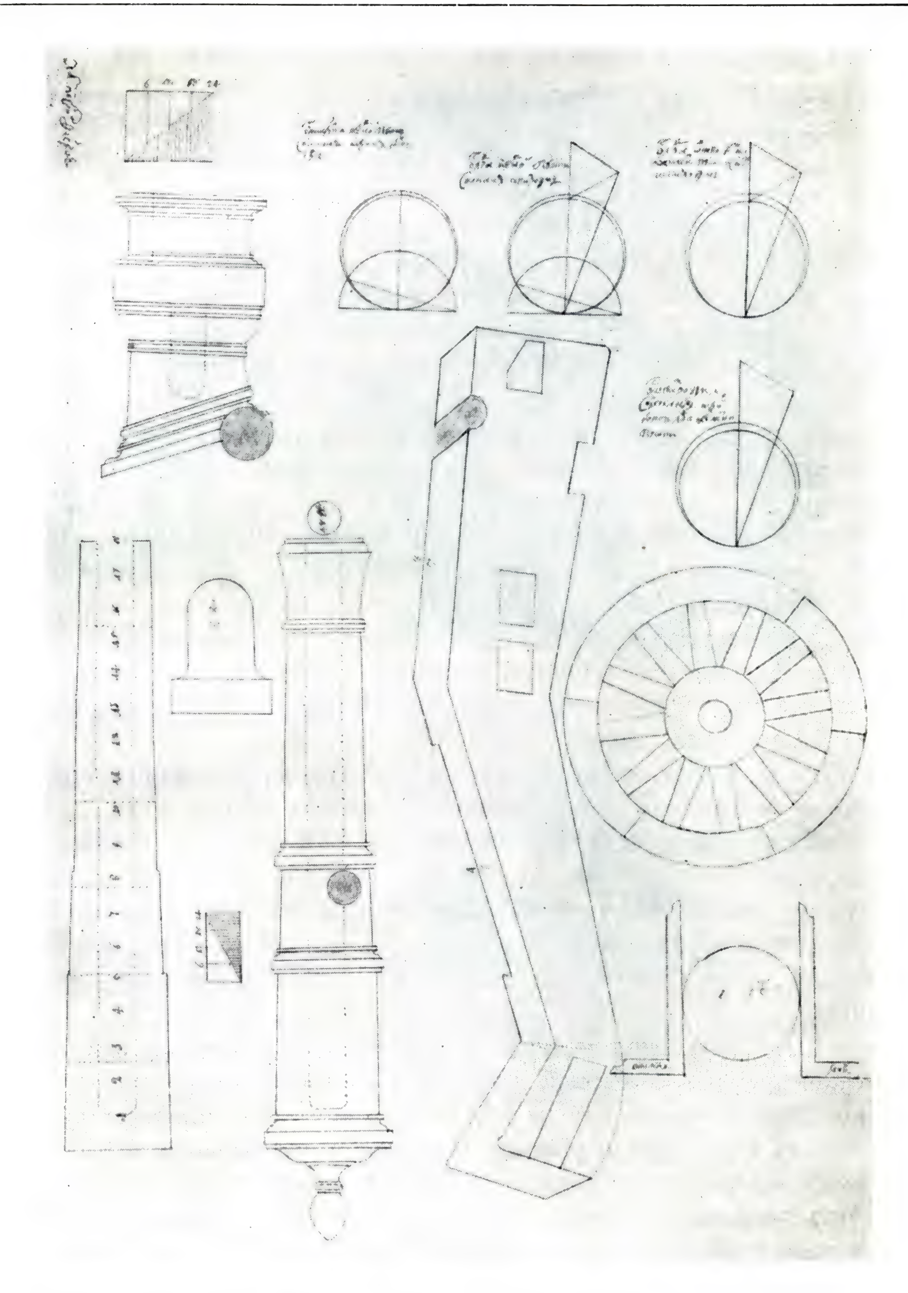
генерал-майор де-Кулон. В нее было выслано 74 чел., окончивших московскую Инженерную школу. Условия жизни и обучения учеников Инженерной роты были сходны с теми, в каких находились ученики Навигацкой и Артиллерийской школ. Они получали оклады соответственно их познаниям и использовались для посылок то к инженер-полковнику Люберасу для составления карт эстляндских и ингерманландских берегов, то в Ревель, Выборг, Ригу и другие порты.

Для увеличивающегося состава регулярной армии нужны были не только военные специалисты, но и медицинский персонал. Поэтому в 1707 г. в Москве было открыто Медицинское училище, во главе которого был поставлен доктор медицины голландец Бидлоо. 25 мая 1706 г. было повелено построить «за Яузою рекою, против Немецкой слободы, в пристойном месте» дом «для лечения болящих людей... да из иноземцев и из русских, изо всяких чинов людей, набрать для аптекарской науки 50 человек...»[1] К следующему году здание было уже готово. В первое время существования медицинскому училищу не удавалось подобрать нужного комплекта учащихся. Лишь к 1712 г. их набралось 50 человек. В дальнейшем состав их стал заполняться лицами, учившимися в Славяно-греко-латинской академии, знавшими латинский язык и, таким образом, имевшими некоторую подготовку. Ученики жили при госпитале в 32 светлицах, называвшихся «бурсами». Занятия в училище были теоретические и практические. Преподавались анатомия, хирургия и «аптекарская наука». Введена была клиническая система преподавания. Ученики должны были сопровождать директора при обходе больных в госпитале, записывали назначаемые им рецепты и «накладывали бандажи», то есть делали перевязки. Для занятий остеологией имелись скелеты и отдельные кости. Для изучения лекарственных растений при госпитале был устроен «аптекарский огород». Занятия начинались утром с «визитации» больных, потом уже происходили классы. Первый выпуск медицинского училища с торжественным экзаменом состоялся в 1713 г. В училище поддерживалась строгая дисциплина: за нарушение установленных правил учеников сажали на хлеб и воду в карцер, заковывали в кандалы, били плетьми или батогами и даже сдавали в солдаты.

Новые бюрократические учреждения нуждались в подготовленных специалистах по гражданской службе. Еще в XVII в. некоторые дьяки Посольского приказа обучали своих сыновей языкам, готовя их к службе в этом приказе в качестве переводчиков. В начале XVIII в. при Посольском приказе была устроена школа для обучения иностранным языкам. Эту школу поручили организовать переводчику Николаю Швиммеру. В ученики ему были даны шесть сыновей подьячих, с которыми он и должен был заниматься иностранными языками. Через полтора года,

---

[1] *Я. А. Чистович.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 6.

Чертеж пушки и мортиры, сделанный И. Полянским для получения звания бомбардира. На оборотной стороне чертежа резолюция Петра I: «Написать в бомбардиры».

Государственный Исторический музей

в начале 1703 г., Швиммер по какой-то причине был отставлен от преподавания, и школа перешла к жившему в Немецкой слободе пастору Эрнсту Глюку, имевшему филологическое и богословское образование. В Москву

он попал в качестве пленного, взятого в Мариенбурге в 1702 г. Вначале он преподавал иностранные языки, но затем в 1705 г. был поставлен во главе открытого на Покровке в доме боярина В. Ф. Нарышкина среднего учебного заведения. В программу открывавшейся общеобразовательной школы (гимназии) были включены разнообразные предметы: география, философия, политика, латинская риторика, языки (французский, немецкий, латинский, греческий, древневосточные), арифметика, танцовальное искусство, обучение «поступи немецких и французских учтивств», рыцарской конной езде и даже берейторское обучение лошадей[1]. Но Глюк в том же году умер, и вскоре школой стал управлять справщик Синодальной типографии Поликарпов. Преподавание общеобразовательных предметов в школе стало постепенно сокращаться, и в конце концов в ней осталось лишь обучение иностранным языкам, то есть она вернулась к первоначальному положению.

Гимназия делилась на три класса: начальный, средний и высший. Состав учеников был очень пестрым. В первое время существования школы в ее стенах обучались преимущественно сыновья знатных родителей, но постепенно в ней начинает увеличиваться число детей среднего и мелкого дворянства, военных, посадских, приказных. Все больше возрастает количество так называемых «кормовых», то есть получавших казенное содержание учеников.

В 1710 г. гимназия распалась на «четыре разноязычных школы» — цесарскую (немецкую), французскую, латинскую и шведскую, а к 1715 г. в ней осталось лишь две — немецкая и французская. Ученики постепенно стали расходиться по разным другим учебным заведениям. В 1715 г. последние учителя школы были переведены в Петербург, в открывшуюся Морскую академию, и школа окончила свое существование, успев выпустить около 250 чел. со знанием иностранных языков[2].

В XVII в. персонал московских канцелярий обучался практически, в процессе работы. В первой четверти XVIII в., в новых условиях, было решено завести особые школы для подготовки канцелярских служащих, потребность в которых увеличилась в связи с проведением реформы центральных и местных учреждений. В 1721 г. было приказано «учинить школу, где учить подьячих их делу...» В школу принимали всех желающих работать в канцеляриях. В программу ввели предметы, знание которых было необходимо «доброму подьячему»: арифметику, делопроизводство, стиль письма и т. д. Повидимому, эта школа не могла удовлетворить всем требованиям, и в 1724 г. пришлось прибегнуть к крутой мере — набрать

---

[1] *П. П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 128.

[2] «О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII в.». «Чтения ОИДР», 1907, кн. 1, стр. I—XLI, 1—244.

Школа начала XVIII в. Гравюра из «Трехъязычного букваря» Ф. Поликарпова, изд. в Москве в 1701 г.

в принудительном порядке 100 чел. из числа дворянских детей и разослать их в коллегии, «чтоб оные во обучении приказных порядков поступали...» [1]

Одновременно были приняты меры к организации школ, готовивших квалифицированные кадры для промышленности. Крупное производство, в особенности металлургическая промышленность, требовало технических навыков. В 1716 г. была основана горная школа при олонецких заводах. В нее было определено «20 человек из бедных дворянских детей». В школе ученики изучали арифметику, геометрию, рисование, артиллерию и ин-

[1] ПСЗ, т. VI, № 3845, стр. 451—452; т. VII, № 4457, стр. 250.

женерное дело. В 1721 г. горные школы создаются при уральских казенных заводах по инициативе В. Н. Татищева.

В школах обучались подьяческие дети и дети мастеровых. В декабре 1721 г. в уктусской и кунгурской школах значилось 50 учеников. Их обучали чтению, письму и арифметике. В это время уральские школы, повидимому, еще не имели профессионального характера, программа обучения не предусматривала овладения какой-либо заводской специальностью и выученики этих школ использовались в качестве канцелярских служителей и учеников в заводских цехах. С 1724 г. содержание учеников взяла на себя Берг-коллегия[1].

Одновременно правительство принимало меры к подготовке образованного духовенства. С этой целью в 1708 г. было велено «поповым и диаконовым детям учиться в школах греческой и латинских». Без окончания школы нельзя было не только занимать место священника или дьякона, но и вообще поступать на какую-либо службу; таких лиц насильно забирали в солдаты[2]. «Школы греческие и латинские», в которые должны были поступать дети духовенства, — это основанная еще в XVII в. Славяно-греко-латинская академия. С удалением братьев Лихудов греческий язык был изгнан из преподавания в академии и под управлением Стефана Яворского в ней усилился перевес в сторону латинизма. В начале XVIII в. академия стала называться чаще всего «славяно-латинскими» или просто «латинскими» школами.

В 1721 г., в связи с изданием Духовного регламента, академия была передана в ведение Синода, и Феофан Прокопович уделял ей большое внимание. С этого времени деятельность академии оживилась; она получила характер высшего богословского учебного заведения, ставшего во главе епархиальных школ[3].

В провинции существовало три типа школ: епархиальные, цифирные и гарнизонные. Они отличались друг от друга как составом учащихся, так и целями обучения.

В конце XVII в. в России уже существовало несколько школ, заведенных архиереями в их епархиях по собственной инициативе. Таковы были школы в Ростовской, Смоленской, Казанской, Рязанской епархиях. Особенную же известность получила школа в Новгороде, в которой преподавали уволенные из Славяно-греко-латинской академии братья Лихуды. Ученики этой школы открыли до 16 школ в Новгородской епархии. Духовный регламент сделал учреждение епархиальных школ обязательным, считая, что от обучения в них «лучшее и исправное священство ожи-

---

[1] *Н. В. Нечаев.* Школы при горных заводах Урала в первой половине 18 ст. М., 1944, стр. 39—41, 78; *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 200—201.

[2] ПСЗ, т. IV, № 2186, стр. 401.

[3] Там же, т. VI, № 3718, стр. 330—338.

дается». Духовенство должно было отдавать в них своих детей, достигших 10—15-летнего возраста. Не окончившим школы грозило не только лишение права занять место священнослужителя, но и включение в подушный оклад, «дабы ведая то, не пребывали в лености, но усердное имели б ко оному учению прилежание...» Число епархиальных школ к концу первой четверти XVIII в. достигло 46.

Кроме епархиальных школ, во многих городах были организованы цифирные школы. В 1714 г. велено было послать по два человека из окончивших московскую Навигацкую школу в каждую губернию, для обучения «цифири и некоторую часть геометрии» детей «дворянских и приказного чина, дьячих и подьяческих... опричь однодворцев» в возрасте от 10 до 15 лет. Под школы должны были отводиться помещения при архиерейских домах или больших монастырях. Ученье было сделано обязательным. Местные магистраты должны были наблюдать за нормальной деятельностью этих школ и дважды в год посылать в Сенат отчеты о количестве учеников и их успеваемости.

К концу первой четверти XVIII в. по губерниям было открыто до 42 цифирных школ с общим количеством учеников до 2000 чел. [1] Однако школы постепенно хирели, и в 1727 г. в них оставалось всего 500 чел. [2]

В гарнизонных школах обучались солдатские дети. Так, в 1717 г. в петербургской гарнизонной школе имелось 159 учеников. Из них обучалось: арифметике, письму и пению — 80 чел., словесной науке — 18, «писать совершенно обучались» — 8, игре на гобоях — 40 и на флейте —12 [3].

Школы этого времени можно разделить на три группы: 1) школы только для начального обучения, каким были цифирные, гарнизонные и епархиальные; 2) школы профессионального характера: Навигацкая, Артиллерийская, Инженерная, Морская академия, Инженерная рота, Медицинское училище, школа для подьячих и горные школы; 3) школа общеобразовательная (гимназия Глюка), принявшая впоследствии также профессиональный характер.

Хотя теоретически в военные, инженерные и морские училища и допускались дети людей «всяких чинов», но в силу господствовавших тогда социально-экономических условий на деле дети людей низших классов не могли идти дальше обучения элементарной грамотности. В высшие специальные учебные заведения, как Морская академия и Инженерная рота, не попадали даже дети и среднего дворянства. Эти школы

---

[1] *И. К. Кирилов* (Цветущее состояние Российского государства, кн. 2. М., 1831) на основании данных 1727 г. указывает, что цифирные школы находились в следующих местах: Москве, Новгороде, Ярославле, Пошехонье, Твери, Рязани, Костроме, Суздале, Юрьеве-Польском, Переяславле-Залесском, Владимире, Калуге, Смоленске, Воронеже, Казани, Свияжске, Астрахани, Симбирске, Вологде и Галиче.

[2] ПСЗ, т. VII, № 4457.

[3] *И. К. Кирилов.* Указ. соч., кн. 1. М., 1831, стр. 19.

стали заполняться представителями аристократии. Попытки завести общеобразовательные школы с более демократическим составом учащихся не удались. Таким образом, казенная школа если официально и была частично доступна «для всяких чинов людей», то фактически получила ярко выраженный сословно-классовый характер. Это проявилось не только в составе учащихся, но и в назначении школ. Из школ, в которых обучались главным образом дети дворян, выходили кандидаты для определения на высшие должности в бюрократическом аппарате государства; дети купечества, мелких чиновников, мастеровых наследовали профессию своих родителей — становились канцеляристами, учителями, квалифицированными мастерами и т. д. Наряду с правительственной школой продолжали практиковаться старые методы обучения детей грамоте у частных учителей, главным образом из дьячков. Школа этого времени давала преимущественно профессиональное образование. Она создавала специалистов в различных областях знания, необходимость в которых выдвигалась насущными потребностями государства.

Приступая к устройству школы, правительство на первых же порах ощутило крайний недостаток в учебниках. Было необходимо обеспечить новые школы учебными руководствами, начиная с букварей. Буквари, изданные в XVII в., в основу которых была положена узко церковная точка зрения на обучение и воспитание, не удовлетворяли новым задачам. Первым букварем с расширенным содержанием был напечатанный в Москве в 1701 г. «Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящим...», составленный Федором Поликарповым[1]. Автор был учителем Славяно-греко-латинской академии, а потом управляющим московской типографией.

В 1704 г. в Москве вышел «Букварь языка словенска, сиречь начало учения детем, хотящим учитися чтений писаний». В нем имелось предисловие о значении просвещения и вреде невежества. В 1717 г. вышло «Юности честное зерцало». В начале этой книги помещена азбука, слоги, цифры и краткие нравоучения. Это — первый букварь, носивший светский характер. Наконец, в 1720 г. в петербургской типографии было напечатано «Первое учение отроком, в ней же буквы и слоги...» В предисловии автор — Феофан Прокопович — указывал, что прежние книги для первоначального обучения писались «славенским высоким диалектом, а не просторечием», отчего и оставались непонятными для детей. В отличие от прежних авторов Прокопович вместо текстов молитв и заповедей давал их истолкования. Это было нововведением, которое возбудило сильное недовольство ревнителей старины. «Первое учение отроком» было введено в первой четверти XVIII в. во всеобщее употребление

---

[1] Сведения о вышедших книгах, см. у *П. П. Пекарского*. Указ. соч., т. II. СПб., 1862.

и печаталось массовыми тиражами. В одной только Александро-Невской типографии в течение шести лет вышло 12 изданий этой книжки [1].

После прохождения букваря учащиеся садились за грамматику. Единственным руководством в этой области в XVII в. был перепечатанный в 1648 г. учебник Мелетия Смотрицкого, составленный по образцу греческой грамматики и изданный впервые в Вильно в 1618 г. В первой четверти XVIII в. ничего существенно нового в отношении преподавания грамматики сделано не было. Выходившие в то время учебники (в 1706 г.— Копиевского , в 1721 г.— Поликарпова и в 1723 г.— Максимова) являлись в сущности перепечаткой грамматики Смотрицкого, лишь с некоторыми изменениями и добавлениями. В грамматике Максимова делались попытки объяснить правила не только книжного, как это было до того времени, но и разговорного языка. Книга Смотрицкого просуществовала в качестве учебника до 1755 г., когда появилась грамматика, составленная М. В. Ломоносовым.

В то же время выпускались словари и различные пособия для изучения иностранных языков, в первую очередь голландского, необходимого тогда при занятиях навигацией. Первые печатные учебники для изучения иностранных языков были изданы И. Копиевским в Амстердаме в 1700 г. Это были: «Номенклатор» на русском, латинском и немецком языках (другой вариант его—на русском, латинском и голландском языках) и латинская грамматика, заключающая в себе азбуку, склады и грамматику. Она изложена в форме вопросов и ответов с параллельными латинским и русским текстами. В 1704 г. в Москве был издан «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище», составленный Поликарповым и отредактированный Стефаном Яворским, Рафаилом Краснопольским и братьями Лихудами. Этот «Лексикон» продолжал служить пособием еще и в 70-х годах XVIII в.

В 1717 г. Яков Брюс составил «книгу лексикон или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык». Им же был издан лексикон с голландского языка на русский. Как видно из переписки Брюса с Петром, этот лексикон предназначался в первую очередь для самого царя, второй раз отправлявшегося заграницу [2]. Наконец, в 1724 г. в Москве

---

[1] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. II, стр. 549—550; ПСЗ, т. VII, № 4172, стр. 26.

[2] Брюс перевел в 1716—1717 гг. пространную грамматику голландского языка, изданную под заглавием: «Вилима Севела искусство нидерландского языка». Для более легкого усвоения голландского языка в 1716 г. были напечатаны с параллельными русским и голландским текстами «Разговоры дружеские Дезидерия Ерасма с приложенными общими некиими разговоров образцами и часто употребляемыми пословицами, от различных авторов избранными в употребление хотящим языка галанского учитися юношам». Эта книга была издана по распоряжению Петра, который был убежден, что иностранный язык лучше усваивается, если вместе с подлинником издавать и перевод, как об этом сказано в предисловии к «Разговорам». «Символы и эмблемы», изданные в Амстердаме в 1705 г. на русском и латинском языках, может быть, имели в виду ту же практическую цель.

был напечатан латинский словарь, составленный Иоанном Максимовичем. Кроме того, в начале XVIII в. были напечатаны немецкая азбука, вокабулы латинские, славянские и немецкие.

Особенное внимание уделялось созданию учебной литературы по математике, знание которой было необходимо в военном и морском деле. Таблица умножения, изданная в 1682 г., была перепечатана в 1714 г. гражданским шрифтом и арабскими цифрами. В рукописном виде существовал переведенный в конце XVII в. курс математики, в котором, кроме арифметики, были помещены сведения по астрономии, товароведению и астрологии. Первым учебником арифметики, вышедшим в XVII в., было «Руковедение во аритметику», составленное И. Копиевским и изданное в типографии Тессинга в Амстердаме в 1699 г. Оно было напечатано на 16 небольших страницах и заключало в себе четыре правила («адыцыя, субстракцыя, мултипликацыя и дивизия»). Цифры в нем были арабские, славянские и римские[1].

Гораздо полнее и основательнее была изданная в Москве в 1703 г. «Арифметика» Магницкого. Леонтий Филиппович Магницкий (1669—1739), происходивший из города Осташкова, был учеником Славяно-греко-латинской академии. В академии он изучил древние языки, а по окончании ее — немецкий, голландский, итальянский и основательно занимался математикой. В 1702 г. Магницкому в связи с назначением преподавателем Навигацкой школы было велено издать «на словенском диалекте, избрав от арифметики, и геометрии, и навигации, поелико возможно, годную к тиснению книгу». Магницкий работал над своей книгой в доме А. А. Курбатова, который в письме к Петру отзывался о ней с похвалой: «видится, что она далеко превосходит иноземцову (перед этим он писал об учебнике, составленном каким-то иностранцем.—*Ред.*); благоволи ее посмотреть и вели напечатать». 21 ноября Магницкий представил рукопись книги, «а велено с той книги напечатать в типографии по усмотрению исправления 2 400 книг». В январе 1703 г. книга уже вышла в свет. Магницкий в награду получил двор в Москве. Труд его, насчитывающий более 300 страниц размером в лист, носит заглавие: «Арифметика, сиречь наука числительная... типографским тиснением ради обучения мудролюбивых российских отроков и всякого чина и возраста людей». В стихах, помещенных на титульном листе, автор указывает на основной характер своего сочинения: «Зане разум весь собран и чин, природне русский, а не немчин». «Арифметика» представляет собою

---

[1] Арабские цифры давно были известны в России, но употреблялись редко и не систематически. Прежде всего они появляются на гравюрах, приложенных к различным изданиям. Так, например, в напечатанной в Москве в 1647—1649 гг. книге «Учение и хитрость ратного строя» на многих чертежах были арабские цифры. В первый раз арабские цифры систематически употреблены в «Юрнале» об осаде Нотебурга, изданном в Москве 27 декабря 1702 г. тиражом в 1000 экз., из которых «пятьсот с цифирными числами, да пять сот с русскими».

целую энциклопедию первоначальных знаний не только по арифметике, но и по алгебре, геометрии и тригонометрии. Все изложение построено с определенным практическим уклоном — содействовать подготовке морехода и торговца[1].

Магницкий сопровождал сообщаемые им теоретические сведения практическим приложением их в области геодезии, астрономии и навигации. В его книге давались указания, касавшиеся различных областей механики, например способов определения высоты стен, расчета камня на их сооружение, глубины колодцев и т. д. «Арифметика» Магницкого оставалась действующим учебником в течение полувека. В том же 1703 г. Магницкий принимал участие в составлении «Таблиц логарифмов и синусов» вместе с А. Фарварсоном и С. Гвином для московской Навигацкой школы. Книга вышла вторым изданием в 1716 г.[2]

В 1705 г. В. Киприянов издал «Новый способ арифметики» в виде гравюры на трех листах. Ряд учебников по математике был составлен преподавателем Навигацкой школы Фарварсоном, например «Тригонометрия плоская и сферическая». Кроме печатных руководств, в Навигацкой школе были в ходу и рукописные учебники Фарварсона, переписывавшиеся для учеников.

Остальные книги по математике были переводными. Из них следует назвать «Геометрию, словенски землемерие (приемы циркуля и линейки)». Ее перевод в рукописи был прислан в типографию в 1707 г. «из военного походу» с поправками, сделанными рукою Петра, «в премногих местах». Эта книга интересна еще тем, что на ней впервые был испробован вводимый Петром гражданский шрифт (в 1708 г.). В следующем году вышло второе ее издание[3].

В 1722 г. было издано краткое руководство по механике, составленное Григорием Скорняковым-Писаревым, бывшим сначала рядовым бригадиром, а впоследствии наблюдавшим за теоретическим обучением в бомбардирской роте, Морской академии и цифирных школах в провинциях. Автор принимал участие в Северной войне, был близок к Петру, производил розыск над царицею Евдокиею и царевичем Алексеем, занимал должность обер-прокурора Сената. Его «Наука статическая или механика» была первой русской книгой, посвященной специально этой дисциплине. В форме вопросов и ответов в ней даются сведения о пред-

---

[1] *А. Е. Викторов*. Указ. соч., стр. 285, 477; *Н. Г. Устрялов*. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, стр. 187; *П. П. Пекарский*. Указ. соч., т. II, стр. 72—73; *Ф. Ф. Веселаго*. Указ. соч., стр. 16—18.

[2] *В. В. Данилевский*. Русская техника. Л., 1948, стр., 137—138; *П. П. Пекарский*. Указ. соч., т. I, стр. 271; т. II, стр. 74, 371.

[3] В 1723 г. в московской типографии были напечатаны переведенные с голландского издания 1697 г. «Таблицы горизонтальные северной и южной широты восхождения солнца».

Титульный лист «Арифметики» Магницкого, изданной в Москве в 1703 г.

мете механики и о семи основных машинах для движения. Затем изложены семь задач для объяснения всех перечисленных родов машин. Скорняков-Писарев участвовал в предварительных работах по проектированию нескольких каналов и заведывал строительством Ладожского канала.

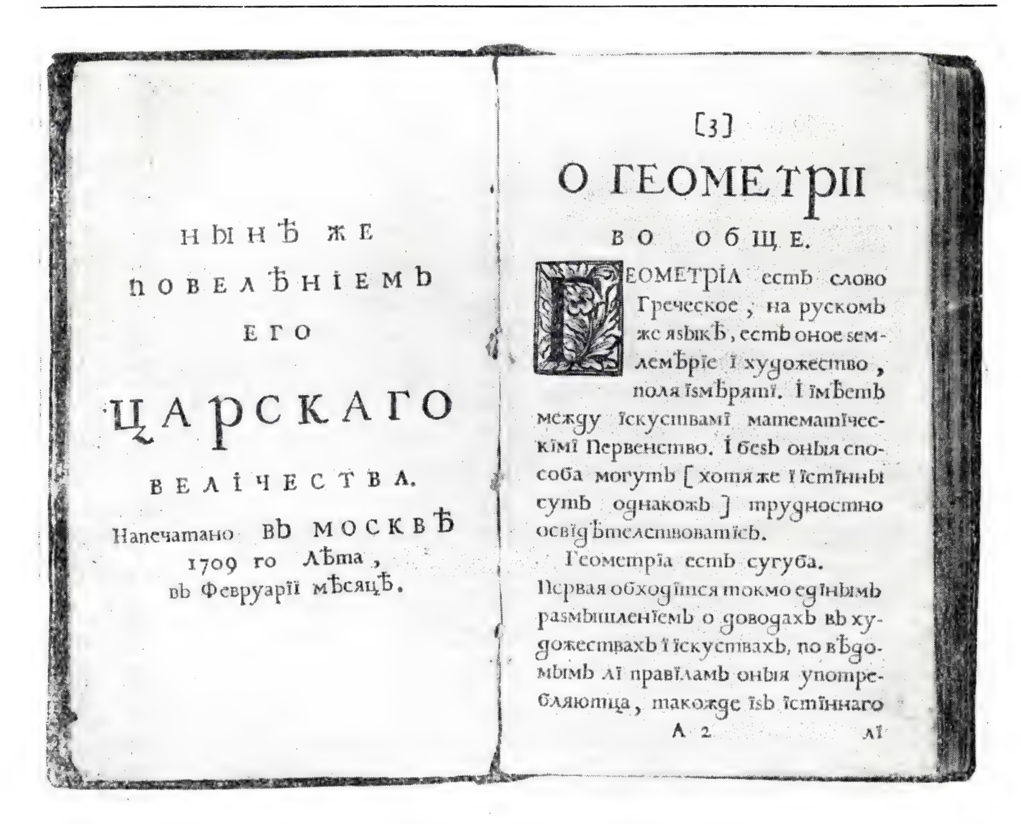
Еще до появления этой работы вышла переведенная с французского Борисом Волковым «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное», известная под сокращенным названием «книги слюзной». К этой книге, содержащей 136 страниц, были приложены гравированные на 11 листах изображения машин для углубления каналов, для поднятия из воды потонувших грузов, для устройства мостов и т. п.

В 1717 и 1724 гг. в двух изданиях вышла работа известного в то время астронома Гюйгенса «Книга мирозрения или мнение о небесно-земных глобусах». В основу ее положена система Коперника. Перевод этой книги явился попыткой пропаганды учения Коперника в России. Первое печатное изложение учения Коперника относится к 1707 г., когда «тщанием Василия Киприянова» под наблюдением Брюса была напечатана картина с изображением звездной карты обоих полушарий. По бокам картины в стихотворной форме, рассчитанной на массового читателя, рассказано о существе гелиоцентрической системы[1]. Среди ревнителей старины эти издания заслужили репутацию «богопротивных».

Ближайшую связь с астрономией имело составление календарей. Первый печатный русский календарь был издан Копиевским в Амстердаме в 1702 г. Календарь на 1709 г. был первым вышедшим из московской типо-

---

[1] *Б. Е. Райков.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.— Л., 1947, стр. 156—157.

НЫНѢ ЖЕ
ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЕГО
ЦАРСКАГО
ВЕЛІЧЕСТВА.
Напечатано въ МОСКВѢ
1709 го лѣта,
въ Февруаріі мѣсяцѣ.

[3]

О ГЕОМЕТРІИ
ВО ОБЩЕ.

Геометріа есть слово Греческое, на рускомъ же языкѣ, есть оное землемѣріе і художество, поля ізмѣряті. І імѣетъ между іскуствамі математіческімі Первенство. І безъ оныя способа могутъ [хотя же і істінны суть однакожъ] трудностно освідѣтелствоватісь.

Геометріа есть сугуба. Первая обходітся токмо едінымъ размышленіемъ о доводахъ въ художествахъ і іскуствахъ, по вѣдомымъ лі правіламъ оныя употребляютца, также ізъ істіннаго

А 2 лі

«Приемы циркуля и линейки» (второе издание «Геометрии») 1709 г.

графии. Для следующего года был издан гравированный на шести медных листах стенной, так называемый «Брюсов» календарь, собранный и напечатанный Василием Киприяновым под наблюдением Брюса. С тех пор печатные календари издавались каждый год, сначала в Москве, потом в Петербурге. В календарях давалась хронология событий, далее помещался месяцеслов, статьи о затмениях (например, в календаре на 1724 г. была помещена статья «Ведение, откуду затмения происходят»), виды на погоду, медицинские советы. Издавались также календари в лист с пробелами для рукописных заметок[1].

В качестве руководства по истории в течение всего XVII в. служил напечатанный в 1674 г. в Киеве «Синопсис». Он переиздавался много раз в XVII и XVIII вв. Последнее издание его вышло в 1836 г. Было сде-

[1] Из календарей того времени особенно интересен оставшийся в рукописи календарь на 1720 г., составленный Алексеем Изволовым, или Извольским, в отличие от многих предшествовавших ему календарей, «учиненный по меридиану и ширине царствующего сего Санктпитербурха»; никаких «остроЛогических» предсказаний в нем нет, между тем как в других календарях они были обычным явлением. *П. П. Пекарский*. Указ. соч., т. I, стр. 282, 289, 310, 313—315.

лано несколько попыток создать новый обзор собственно русской истории (Поликарпов, Скорняков-Писарев, Шафиров, Прокопович)[1].

В 1715 г. Манкиев составил «Ядро российской истории», в основе которого лежит тот же «Синопсис», но «Ядро» систематичнее «Синопсиса», уделяет больше внимания северно-восточной Руси и содержит меньше фактических ошибок. Автор пользовался русскими летописями и хронографами, а также книгой Стрыйковского. «Ядро» было представлено Петру в 1715 г., но, повидимому, не было им одобрено к напечатанию.

Учебники по всеобщей истории были переводными. Было напечатано «Введение в гисторию европейскую чрез Самуила Пуффендорфия», переведенное с латинского языка Гавриилом Бужинским (два издания в 1718 и 1724 гг.). В 1719 г. в Москве были напечатаны переведенные еще в XVII в. в сокращении Скаарда «Анналы» Барония под заглавием: «Деяния церковная и гражданская». В 1724 г. вышло еще одно руководство по всеобщей истории— «Theatrum historicum» Стратемана, переведенное с латинского Г. Бужинским, под заглавием: «Феатрон или позор исторический». В противоположность «Анналам» Барония, дающим оценку событиям с католической точки зрения, в этой книге излагалась точка зрения протестантская. Была издана также в переводе Саввы Рагузинского «Книга историография початия имени, славы и расширения народа славянского» Мавро Орбини. Из древних исторических писателей издавались в переводах Квинт Курций, Юлий Цезарь, Иосиф Флавий. Эти книги выдержали несколько изданий.

Много внимания было уделено переводам и изданию специальных руководств по военному и морскому делу.

Вышло несколько книг о строительстве, осаде и взятии крепости: две книги Боргсдорфа — австрийского инженера, состоявшего на русской службе, «Побеждающая крепость» и «Поверенные воинские приемы, како неприятельские крепости силою брать». Обе книги выдержали по два издания; «Римплиерова манера о строении крепостей», на рукописном экземпляре которой имеются поправки Петра, и др[2]. Было переведено несколько книг по артиллерии[3]. Одним из первых было издано (в 1700 г.) «Краткое собрание Льва Миротворца... показующее дел воинских обучение...» Две книги были посвящены мореплаванию: «Книга, учащая морского плавания» де-Графа и «Книга морская, зело потребная, явно показующая правдивое мореплавание по Балтийскому морю» Мансона. Кроме того, было напечатано «Новое галанское корабельное строение» (так называемая «Книга о флагах»). Ею пользовались наши

---

[1] Об этом см. главу V, § «Наука».

[2] «Архитектура воинская» Штурма; «Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте» Кэгорна (два издания); «Новая манера укрепления городов» Блонделя; наконец, «Истинный способ укрепления городов» Вобана.

[3] «Новейшее основание и практика артиллерии» Брауна; «Описание артиллерии» Бринка; «Учение и практика артиллерии» Бухнера.

Вѣдомости.

На москвѣ вновь нынѣ пушекъ мѣдныхъ гоубицъ и мартирѡвъ вылито у.
тѣ пушки, ядромъ по кд. по ні. и по ві фунтовъ. гоубицы бомбомъ пудовые и полупудовые. мартиры бомбомъ девяти трехъ и двѹ пудовые и менше. И еще многѡ формъ готовыхъ великихъ, и среднихъ къ литью пушекъ гоубицъ, и мартирѡвъ: А мѣди нынѣ на пушечномъ дворѣ, которая приготовлена къ новому литью, болше ҂м пудъ лежитъ.
Повелѣніемъ егѡ величества московскія школы оумножаются, и ме человѣкъ слушаютъ філософію, и уже діалектіку ѡкончили.
Въ математіческой штюрманской школѣ болше т члвѣкъ оучатся, и добре науку пріемлютъ.
На москвѣ ноября съ кд числа, по кд декабря родилось мужеска и женска полу тпѕ члвѣкъ.
Изъ персиды пишутъ. Индейскій царь послалъ въ дарахъ великому Гсдрю нашему слона, и иныхъ вещей не мало. Изъ града шемахи ѿпущенъ онъ въ астрахань сухимъ путемъ.
Изъ казани пишутъ, На рекѣ сокѣ нашли многѡ нефти, и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, ѿ чегѡ чаютъ немалую быть прибыли московскому гдрству.
Изъ сибири пишутъ. Въ китайскомъ гдрствѣ

«Ведомости» № 1 за 1703 г. (2 января).

моряки до 1789 г., когда вышла заменившая ее оригинальная русская книга Нагаева. Из книг, касающихся архитектуры, следует упомянуть «Правила о пяти чинех архитектуры» Виньолы, известного итальянского архитектора XVI в. Эта книга переиздавалась три раза. Все перечисленные сочинения принадлежат авторам, пользовавшимся большой известностью в свое время.

Кроме книг специального характера, переводились и издавались сочинения общеобразовательные и произведения художественной литературы — «Басни» Эзопа, «Метаморфозы» Овидия, «История о падении Трои» Гвидо-де-Колумна и др. Они вносили новые понятия в мировоззрение русского человека, содействовали «обмирщению» его взглядов.

Реляции, указы, уставы осведомляли о действиях правительства и объясняли значение реформ. Особенное значение в этом отношении имело издание «Ведомостей».

Первая русская газета появилась еще в XVII в. Это были рукописные «куранты», выходившие в Посольском приказе. Но они предназначались только для царя и некоторых его приближенных. Печатные «Ведомости», как называлась газета, которая начала выходить с января 1703 г., наоборот, были рассчитаны на широкое распространение. «Ведомости» представляли собою небольшие листки в восьмую долю листа. Они сначала печатались на Московском печатном дворе церковным шрифтом. С 1710 г. церковный шрифт был заменен гражданским. Со следующего года одни номера печатались в Москве, другие—во вновь открытой петербургской типографии, а в 1720 г. все издание было переведено в Петербург. Количество номеров в году не было определенным и зависело в значительной степени от наличия материала. В 1710 г., например, вышло 11 номеров, в 1711 г. с февраля по май — 6. Чрезвычайные события, такие, как крупнейшие победы над шведами, вызывали экстренные выпуски «Ведомостей».

Объем отдельных номеров также был различен в зависимости от сообщаемых в них известий. Этим определялась и цена каждого номера, колебавшаяся от двух до шести денег (от одной до трех копеек). Тиражи не были постоянными. Некоторые номера выходили в количестве менее 100 экз., зато другие, как, например, реляции о полтавской победе и о победе при Переволочне, были отпечатаны в количестве 2500 экз. каждая. Раскупались «Ведомости» неравномерно, в зависимости от интереса, представляемого отдельными номерами[1].

Петр принимал самое деятельное участие в их издании, отмечал те сообщения из иностранных газет, которые следовало в них поместить,

---

[1] ЦГАДА, ф. 1184, Московской конторы Синодальной типографии, № 49-а; *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. II (сведения о «Ведомостях» помещены по каждому году отдельно после списка вышедших в данном году книг). «Ведомости времени Петра Великого», вып. I — II. М., 1903—1906.

Листы гражданской азбуки 1710 г., утвержденной Петром I.
Центральный государственный архив древних актов

а также корректировал листы газеты, просматривал предназначавшиеся для перевода книги, делал на них отметки и давал указания переводчикам[1]. Книги должны были переводиться «внятно и хорошим штилем». Постепенно вырабатывались методы составления переводов. Многое было сделано для выработки русского научного языка. Так, например, Поликарпов при переводе «Географии генеральной» Б. Варения создал ряд

[1] Указ о выходе «Ведомостей» был издан 16 декабря 1702 г. (ПСЗ, т. IV, № 1921). Некоторые исследователи полагают, что дату выхода первого номера «Ведомостей»

русских географических терминов. Другие проделали такую же работу в иных областях знания: Магницкий—в математике, Шафиров и Бужинский—в гуманитарных науках.

Большое значение в развитии книгопечатания имело введение гражданского шрифта, заменившего церковно-славянскую печать с ее замысловатым начертанием букв, с титлами и со специальными обозначениями таких звуковых сочетаний, как «кси», «пси» и др. Словолитец московской типографии Михаил Ефремов создал новый шрифт, более тонкий и четкий. Образцом для него служили рукописные начертания букв русского приказного письма, присланные в Москву от Петра «из военного походу». Ефремов сделал несколько проб, пока они удовлетворили царя. «Литеры» для гражданского шрифта изготовлялись также и в Голландии. С 14 января 1708 г. в московской типографии уже начали печататься «новоизобретенными литеры разного звания гражданские книги, в том числе геометрия да азбука». «Геометрия» вышла в свет в марте 1708 г. «Азбука» содержала «изображение древних и новых письмен славянских печатных и рукописных». Окончательное формирование нового шрифта закончилось в 1710 г., когда Петр, просмотрев еще раз оттиски шрифтов и внеся в них поправки, написал на обороте переплетного листа «Азбуки»: «Сими литерами печатать исторические и манифактурные книги»[1]. С этого времени церковно-славянским шрифтом должны были печататься только богослужебные книги, для всех прочих был введен более простой шрифт. Гражданский шрифт оказал большое влияние на образование нового русского письма, гораздо более легкого и разборчивого, чем старая скоропись.

Обычным тиражом книг, выпускаемым Печатным двором, было 1200 экз. Но более ходовые книги, как, например, азбуки и календари, выходили двойным, тройным и еще большим тиражом. Лишь технические книги, снабженные дорого обходившимися чертежами и не рассчитанные на особенно широкое распространение, печатались в количестве от 200 до 500 экз.[2]

Московский Печатный двор не обеспечивал выпуска необходимого количества печатных изданий. В 1711 г. была открыта новая типография в Петербурге, печатавшая материалы официального содержания: мани-

---

надо перенести на декабрь 1702 г.— непосредственно вслед за изданием указа. Однако это мнение нуждается в документальном подтверждении. Выход отдельным изданием 27 декабря 1702 г. «Юрнала или поденной росписи» о взятии Нотебурга еще нельзя считать началом газеты. См. *П. П. Пекарский*, Указ. соч., т. II, стр. 86—88; *В. Д. Кузьмина.* Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. Стенограмма лекций, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). М., 1948, стр. 5—10.

[1] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. II, стр. 642—643; *Н. В. Баранская.* Гражданский шрифт и книга петровского времени. «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 5, стр. 56—60.

[2] ЦГАДА, ф. 1184, Московской конторы Синодальной типографии, №№ 45, 49-а, 91, 120.

фесты, указы, реляции, «Ведомости» и др. С 1714 г. при ней уже существовала книжная лавка, помещавшаяся на новом гостином дворе. Самым ходким товаром были календари, а также указы. Через несколько лет была заведена типография при Сенате, а затем при Александро-Невской лавре. Последняя предназначалась для издания узаконений по духовному ведомству и книг церковных и духовно-нравственного содержания. В 1721 г. была основана небольшая типография при Морской академии для издания учебников по наукам, преподававшимся в Академии [1].

В 1705 г. была открыта частная типография посадского человека Кадашевской слободы Василия Анофриевича Киприянова. Для печатания книг ему было предоставлено место на московском Печатном дворе, а для торговли выпускаемыми изданиями было разрешено открыть «библиотеку» (склад) против Спасского моста на Троицкой площадке (поэтому ему был присвоен титул «библиотекаря»), где издавна стояли рундуки и лари книготорговцев. Здесь Киприянов выстроил здание в два этажа с галереей наверху, украшенной скульптурой. Киприянов мог также торговать изданиями, скупавшимися им у частных лиц, причем ему были предоставлены цензурные права на приобретаемые книги и «листы». Печатались у Киприянова преимущественно календари и гравюрные листы; среди последних важное место занимали географические карты. Впрочем, он издавал и некоторые учебники. Так, например, им были напечатаны «Таблицы логарифмов» тиражом в 3000 экз. В. А. Киприянов умер в 1714 г. Его дело продолжал его сын Василий Васильевич. Ему принадлежит проект об основании в Москве бесплатной публичной библиотеки, которая должна была комплектоваться путем получения обязательных экземпляров из всех типографий. Его проект, составленный уже в конце изучаемого периода, пролежал несколько лет без движения в Синоде и не получил разрешения. После этого Киприянов выступил еще с одним предложением — сдать ему в аренду московский Печатный двор. Синод и Сенат ответили ему отказом, так как было решено произвести реорганизацию печатного дела, сосредоточив издание всех церковных книг в Москве [2].

Кроме «библиотеки» Киприяновых, продажа книг производилась на самом Печатном дворе специально приставленными к этому целовальниками, а также в лавке Печатного двора в рядах и в лавках торговых людей. Последние частью покупали книги оптом на Печатном дворе, частью брали их оттуда на комиссию. Среди покупателей книг мы встречаем и жителей Москвы: военных, приказных, стряпчих и «людей» (то есть холопов) знатных лиц, духовенство и приезжих. Для снабжения книгами

---

[1] *Р. М. Тонкова.* Петербургские типографии первой четверти XVIII в., включая академическую. «Труды Ин-та книги, документа, письма», т. V. М.—Л., 1936, стр. 111—133.

[2] *А. В. Бородин.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприяновы. «Труды Ин-та книги, документа, письма», т. V. М.—Л., 1936, стр. 53—109.

провинции Киприянов предлагал посылать издания Печатного двора на ярмарки. В 1714 г. за время с сентября по декабрь было продано в Москве оптом и в розницу 1525 азбук, в следующем году — 9796, в 1716 г. — 5670. Хорошо расходились продававшиеся отдельными листами указы правительства, особенно указ о брадобритии. Широкий спрос находили календари, которые начали выпускаться с 1709 г. и печатались в большом количестве. В 1709 г. их было выпущено 7200, в следующем—1000, в 1711—5290. Насколько быстро они раскупались, видно из материалов, относящихся к торговле Киприянова: полученные им из Петербурга 500 календарей на 1728 г. разошлись менее чем в два месяца.

О распространении интереса и любви к книге свидетельствуют многочисленные указания на частные библиотеки,существовавшие в это время. Помимо библиотек «знатных особ», которые имелись и в XVII в., теперь создаются книжные собрания у приказных, торговцев, военных, монахов. Недаром Киприянов имел в виду в качестве одного из способов комплектования предполагаемой им «всенародной» библиотеки скупку книг у частных лиц.

Для предшествующего XVII в. можно привести также немало примеров образованных людей, любителей чтения, составлявших собственные библиотеки и интересовавшихся научными вопросами; некоторые из них сами были писателями. Но этот круг был узок. Он ограничивался почти исключительно немногими представителями боярства и духовенства, интересы которых вращались все же преимущественно в сфере богословских вопросов.

В начале XVIII в. круг просвещенных людей значительно расширяется. Его составляют люди, вышедшие из разнообразных общественных слоев. Наиболее яркими представителями его являются не бояре или духовные лица, которым просвещение давалось легче благодаря условиям их жизни и образования. Шаг вперед, который сделало просвещение петровского времени по сравнению с предшествующим, особенно наглядно виден, если мы всмотримся в тех «худофамильных» людей, которые выступают теперь на поприще просвещения. Это — автор «Арифметики» и преподаватель Навигацкой школы Л. Ф. Магницкий, книгоиздатели и книготорговцы В. А. и В. В. Киприяновы, публицист крестьянин И. Т. Посошков, директор московской типографии, переводчик, составитель учебников и педагог «из простых людей» Ф. П. Поликарпов, обер-инспектор Ратуши, бывший холоп А. А. Курбатов, наконец, первый русский доктор медицины и философии сын дьяка Посольского приказа П. В. Постников. В это время получил образование ряд представителей «разночинной» интеллигенции, деятельность которых приходится уже на последующее время.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. была создана сеть общеобразовательных и специальных учебных заведений. Они были тесно связаны с жизнью, были вызваны практическими потребностями. Учрежде-

нием школ был вызван выпуск учебников и руководств, начиная с букварей и кончая работами по астрономии и фортификации. Однако школа была рассчитана на обучение в первую очередь детей дворян, чиновников и духовенства. Большое значение получило издание первой печатной газеты, введение гражданского шрифта.

Успехи в распространении просвещения явились вместе с тем шагом на пути к победе светского мировоззрения над средневековым церковным. Эти успехи подготовили последующий расцвет русской культуры.

3
НАУКА

Развитие науки в России в первой четверти XVIII в. направлялось практическими целями. Знание математики и техники нужно было для подготовки образованных военных специалистов и моряков, геологические изыскания диктовались промышленным строительством, гуманитарные науки были орудием пропаганды идей абсолютной государственной власти. Движимая практическими целями, наука в первой четверти XVIII в. достигла значительных результатов также и в различных областях теоретического знания.

Среди научных работ этого времени на первом месте по достигнутым результатам следует поставить труды в области географии. Открытие новых земель в восточной Сибири и исследования берегов и островов в Северном Ледовитом океане имели целью организацию пушных и рыболовных промыслов. Кроме того, ставилась задача отыскания морских и вообще водных путей в соседние страны. Сделанные открытия закреплялись картографическими работами, имевшими научный характер.

В начале изучаемого периода сведения о новых землях получались путем опроса населения и представителей администрации. Инструкции обязывали служилых и промышленных людей попутно с выполнением своих основных военных или торгово-промышленных заданий собирать интересовавшие правительство данные. Но наряду с этим начинается собирание материалов о новых землях путем создания специальных экспедиций.

Большое внимание было уделено открытию и дальнейшему исследованию Камчатки. Уже в XVII в. имелись о ней некоторые, правда очень неясные, представления. Первые достоверные известия о посещении ее русскими относятся к концу этого столетия.

В 1696 г. служилый человек Анадырского острога Морозко Старицын с десятью служилыми людьми «ходил внутрь Камчатки разведать, можно ли оную землю под русскую державу покорить». В следующем году на Камчатку отправилась экспедиция из Анадырского острога в составе 120 чел. Ее возглавлял приказчик острога Владимир Атласов. Атласов,

по происхождению устюжский крестьянин, организовал экспедицию на свой риск и страх и на собственные средства, «одолжаясь, займуя в кабалы...»[1] Из этого видно, что в открытии новых территорий принимало участие не только правительство, инициатива исходила и от самих русских людей. Атласов дошел до южной оконечности Камчатки и увидел самый северный остров из группы Курильских. Во время пути Атласов вел подробные записи обо всем, что видел. Они заключают в себе большой и ценный географический и этнографический материал и являются первым по времени описанием Камчатки. Экспедиция возвратилась в Анадырск летом 1699 г.[2], построив на открытой земле Нижне-Камчатский острог.

Во время похода по Камчатке Атласов узнал, что у камчадалов имеется пленник, который оказался японцем Денбеем из города Осака с острова Хондо. Он плыл в Токио, но во время бури судно его было выкинуто на берег Камчатки, к югу от реки Большой. Денбей был привезен в Москву и в январе 1702 г. представлен царю. В Сибирском приказе он дал показания о своем плавании, о Японии, Камчатке и Курильской цепи островов. Дальнейшее ознакомление с Камчаткой стало производиться непосредственно после получения донесений Атласова. К 1716 г. относится первое морское плавание на Камчатку (Охотским морем). Еще в 1713 г. правительство распорядилось послать людей «для проведывания через Ламское (т. е. Охотское) море камчацкого пути»[3].

Одновременно было предпринято обследование островов, видневшихся с берегов Камчатки. В 1711 г. Данила Анцыферов и Иван Козыревский отправились на небольших судах с южной оконечности Камчатки на первый Курильский остров — Шумшу, а затем на следующий — Парамушир. Отсюда они вернулись в Большерецк, привезя составленный ими чертеж обоих островов. Кроме того, на основании показаний курильцев и японцев Козыревский составил чертеж всей цепи Курильских островов и дал их описание.

В том же году якутский служилый человек Петр Попов, отправившийся в устье Анадыря для сбора ясака, узнал от чукчей о существовании «острова» против мыса Дежнева. Чукчи передавали, что «есть де на том острове всякой зверь, соболи, и куницы, и лисицы всякие, и песцы, и волки, и розсомаки, и медведи белые, и морские бобры... И всякой на том острову есть де лес... и называют они, чукчи, тот остров Большею Землею»[4]. Так были получены сведения об Америке.

---

[1] *Д. М. Лебедев.* География в России петровского времени. М.—Л., 1950, стр. 38—39.

[2] *Н. Н. Оглоблин.* Две «скаски» Вл. Атласова об открытии Камчатки. «Чтения ОИДР», 1891, кн. 3, отд. 1, стр. 1—18.

[3] *Л. С. Берг.* Очерки по истории русских географических открытий. М.—Л., 1949, стр. 150.

[4] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 90—91.

Наряду с исследованием восточной окраины Сибири, было обращено внимание и на ознакомление с ее внутренними районами. С этой целью была организована экспедиция во главе с Д. Г. Мессершмидтом, рассчитанная на семь лет (1720—1727). Экспедиция посетила ряд сибирских городов. Мессершмидт вел подробные дневники и записи, а также собрал огромное количество естественно-исторических и этнографических коллекций и картографических материалов, обнаружил ряд полезных ископаемых, сличал различные наречия местных жителей.

Одним из самых важных изысканий в области новых путей были поиски северного морского пути в Китай и Индию. Предположения о возможности отыскания такого пути высказывались еще при Грозном. В XVII в. было известно, что этим путем в 1648 г. прошли Федот Попов и Семен Дежнев. В первой четверти XVIII в. настойчиво ведутся поиски северного морского пути. Еще в 1719 г. были отправлены в Сибирь и на Дальний Восток геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин; им было дано, между прочим, поручение выяснить, «сошлася ли Америка с Азией». Экспедиция Евреинова и Лужина (1719—1722) опровергла неправильные представления западноевропейских географов, якобы в районе Курильских островов находится берег Америки. Русские геодезисты произвели многочисленные астрономические измерения и представили первую в мире научную карту северной группы Курильских островов[1]. В 1720 г. в Архангельске с этой целью была снаряжена новая экспедиция. Позже было приступлено к организации экспедиции Беринга. За три недели до смерти, 6 января 1725 г., Петр написал инструкцию, в которой предписывалось Берингу построить на Камчатке суда, отправиться на них на север и искать, где «Азия сошлась с Америкой». Экспедиция должна была исследовать северный морской путь. По словам «механика» А. К. Нартова, Петр высказывал мысль, что русской науке будет принадлежать приоритет в этом вопросе: «Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских?»[2]

Для расширения знаний о Китае большое значение имело посольство, направленное в 1719—1721 гг. в Китай в составе капитана Льва Измайлова с секретарями Ив. Глазуновым и Л. Ланге. Ланге, оставшийся в Пекине, собирал там сведения о Китае и соседних с ним странах.

Собирались также сведения о Средней Азии, особенно о течении реки Аму-Дарьи и о причинах, по которым изменено ее прежнее направление, о водных путях в Индию и о золотых россыпях. Территории Средней Азии намечались к включению в состав России для эксплуатации ее природных богатств, например Еркет (Яркенд), о котором ходили слухи, что около него есть золотые россыпи. В некоторой связи с этими поисками

[1] *О. А. Евтеев.* Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950, стр. 90—91.
[2] *Л. С. Берг.* Указ. соч., стр. 22—23.

стоит и поездка купца Семена Маленького в 1695 г. не только для торга, но и для изучения путей в Индию через Персию. В 1715 г. обследование путей в Индию должен был вести А. Волынский. В 1714 г. через туркмена Хаджи-Нефеса было получено сообщение о том, что «в стране, лежащей при реке Аму, добывается песочное золото и что, хотя речка эта, впадавшая прежде в Каспийское море, ради безопасности от русских, узбеками отведена в Аральское море, но, перекопав плотину, можно обратить реку в ее прежнее русло»[1]. Сообщение Нефеса подало мысль о восстановлении прежнего течения Аму-Дарьи в Каспийское море.

29 мая 1714 г. был издан указ об отправлении экспедиции во главе с князем А. Бековичем-Черкасским. Весной 1715 г. он вышел из Астрахани на 20 судах в море и в течение лета произвел описание восточного берега до Астрабадского залива и доехал до места предполагаемого прежнего впадения Аму-Дарьи в Каспийское море. Осенью 1715 г. Бекович вернулся в Астрахань. После этих предварительных разысканий в 1716 г. Бековичу-Черкасскому было поручено, дойдя до Аральского моря, отправить по Сыр-Дарье «купчину» к Яркенду (который считали находящимся на этой реке), искать пути в Индию и обратить в подданство хивинского и бухарского ханов. Кроме того, предписывалось искать путей водой и сушей в Индию, сделать описания этих путей и составить карты. При этом ставилась грандиозная задача: ехать в Индию для изучения путей в нее через Турцию, с возвратом через Китай и Бухару. Среди взятых в плен хивинцами участников экспедиции Бековича-Черкасского были пленные шведы и немцы, которые впоследствии сообщили Страленбергу некоторые сведения, использованные им в его книге и карте.

В 1718 г. был послан в Бухару через Кавказ и Персию Ф. Беневенни, вернувшийся через Хиву, и в 1725 г.— Гурьев, привезший важные сведения о Бухаре и Хиве, в частности о прежнем течении Аму-Дарьи. В 1723 г. была организована экспедиция в Индию через Мадагаскар. Она должна была установить для русского флота морские пути к Африке. Однако эта экспедиция не состоялась. В 1722—1724 гг. Иван Унковский, посланный с дипломатическими поручениями к калмыкам и проехавший с верховьев Иртыша на Или и Иссык-Куль, привез описание страны и чертеж пути.

Было положено основание экспедициям по изучению производительных сил страны. Конечно, в обстановке войн, требовавших колоссальных расходов, дорогостоящая экспедиционная деятельность могла получить только очень скромное развитие. Так, в 1717 г. Г. Шобер изучал в районе Терека почвы и теплые воды; севернее Сергиевска он открыл серные ямы. В 1720—1724 гг. Д. Мессершмидт совершил грандиозное по тому времени путешествие по Сибири, дойдя до Лены и озера Далай-Нор в Забайкалье. В 1720—1722 гг. с ним находился пленный швед Ф. Табберт (Страленберг), впоследствии давший обзор и карту тер-

[1] *Л. С. Берг.* Указ. соч., стр. 283.

ритории. Экспедиция Мессершмидта носила комплексный характер. Он подверг места, в которых был, всестороннему изучению. Между прочим, он в 1724 г. осматривал «удивительного зверя — мамонтову голову и два рога, и отчасти его зуб и ноги кость»[1].

Очень большое развитие получило картографическое дело.

Картографические работы производились в России еще в XVI и XVII вв. Стоит вспомнить, например, «Большой чертеж» и чертежи Сибири, составленные С. Ремезовым. И первый, и вторые были использованы западноевропейскими картографами, хотя оригиналы и не были напечатаны. С. Ремезов выполнил в 1701—1703 гг. «чертежи» Урала и Сибири, порученные ему в связи со строительством уральских заводов и административными изменениями на местах[2].

В изучаемое время получило широкое развитие граверное дело, причем одной из главных работ, поручавшихся граверам, было вырезывание досок для печатания карт. Но, кроме того, коренное изменение произошло в области техники получения геодезических сведений и их масштаба. Работы по картографии России производились специально обученными геодезистами, для которых в 1721 г. была составлена инструкция: «Пункты каким образом сочинять ландкарту». Перед этим, в 1720 г., был издан указ, которым повелевалось учеников, «которые в Санктпетербургской академии геодезию или географию обучили, тех послать в губернии для сочинения ландкарт...»[3] В результате работ геодезистов к началу 1725 г. составлены карты 30 уездов.

Особенно важное значение имеют картографические работы, касающиеся Каспийского и Аральского морей и окружающих их местностей.

Еще в предшествующие столетия русские плавали по Каспийскому морю для торговых целей. В 1704 г. в «Ведомостях» сообщалось, что в предшествовавшем году состоялась экспедиция в Каспийское море, «чтоб для лутчего морского ходу учинить тому всему морю вновь карту», которая и была составлена.

Следующим этапом в исследовании Каспийского моря явилась экспедиция Бековича-Черкасского 1715 г. Результатом ее были твердо установленные сведения (указанные перед этим еще Ремезовым) о том, что

---

[1] *Л. С. Берг.* Указ. соч.; *Д. М. Лебедев.* Указ. соч. Экспедиции захватили и территории, лежавшие по соседству с Россией. Так, на севере в 1711—1712 гг. была направлена на Новосибирские острова экспедиция М. Багина и Я. Пермякова, проникшая на Большой Ляховский остров. Там же в 1712 г. Стадухин и в 1714 г. Марков и Кузяков сделали попытки пройти на Медвежьи острова, но не имели успеха, а в 1724 г. прошел на Крестовский остров Амосов. В 1711 г. Д. Анцыферов и Козыревский проникли на северные звенья Курильской цепи. В 1721 г. ездили к Курильским островам Евреинов и Лужин.

[2] *А. И. Андреев.* Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. «Проблемы источниковедения», Сб. III. М.—Л., 1940, стр. 85—126.

[3] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 204.

Аму-Дарья не впадает в Каспийское море. В последующие годы продолжались исследования, уточнявшие и углублявшие добытые ранее сведения. В 1719—1720 гг. экспедицией Ф. И. Соймонова и К. Вердена составлена карта Каспийского моря, которая затем была напечатана. Она в корне изменила существовавшее до ее появления представление об очертаниях этого моря. В 1717 г., находясь в Париже, Петр сообщил Г. Делилю о составлении карты Каспийского моря. В 1721 г. она была послана в Парижскую академию «яко новая и верная». Там она произвела огромное впечатление. Делиль поспешил воспользоваться русским открытием и напечатал карту на французском языке. Работы по исследованию Каспийского моря продолжались и позднее, например в 1722 г. в связи с Персидским походом. Кроме карты, Соймоновым было составлено также описание Каспийского моря и прилегающих к нему местностей, содержащее в себе географические сведения и характеристику природных и экономических особенностей.

Еще в XVII в. имелись сведения о существовании Аральского моря. Экспедицией Бековича-Черкасского было точно установлено, вопреки западноевропейским сведениям, что Аму-Дарья и Сыр-Дарья впадают не в Каспийское, а в Аральское море, и подтверждено наличие старого русла Аму-Дарьи, идущего к Каспийскому морю.

Большое значение имели картографические работы, относящиеся к северо-восточной Азии, прежде всего к Камчатке. В результате похода Атласова Камчатка впервые стала изображаться как полуостров. Съемка ее берегов впервые была произведена Евреиновым и Лужиным в 1720—1721 гг. Евреинов в 1722 г. начертил карту Сибири, Камчатки и Курильских островов. Его исследования были использованы за границей Гоманом в атласе, изданном им в 1725 г. в Нюрнберге.

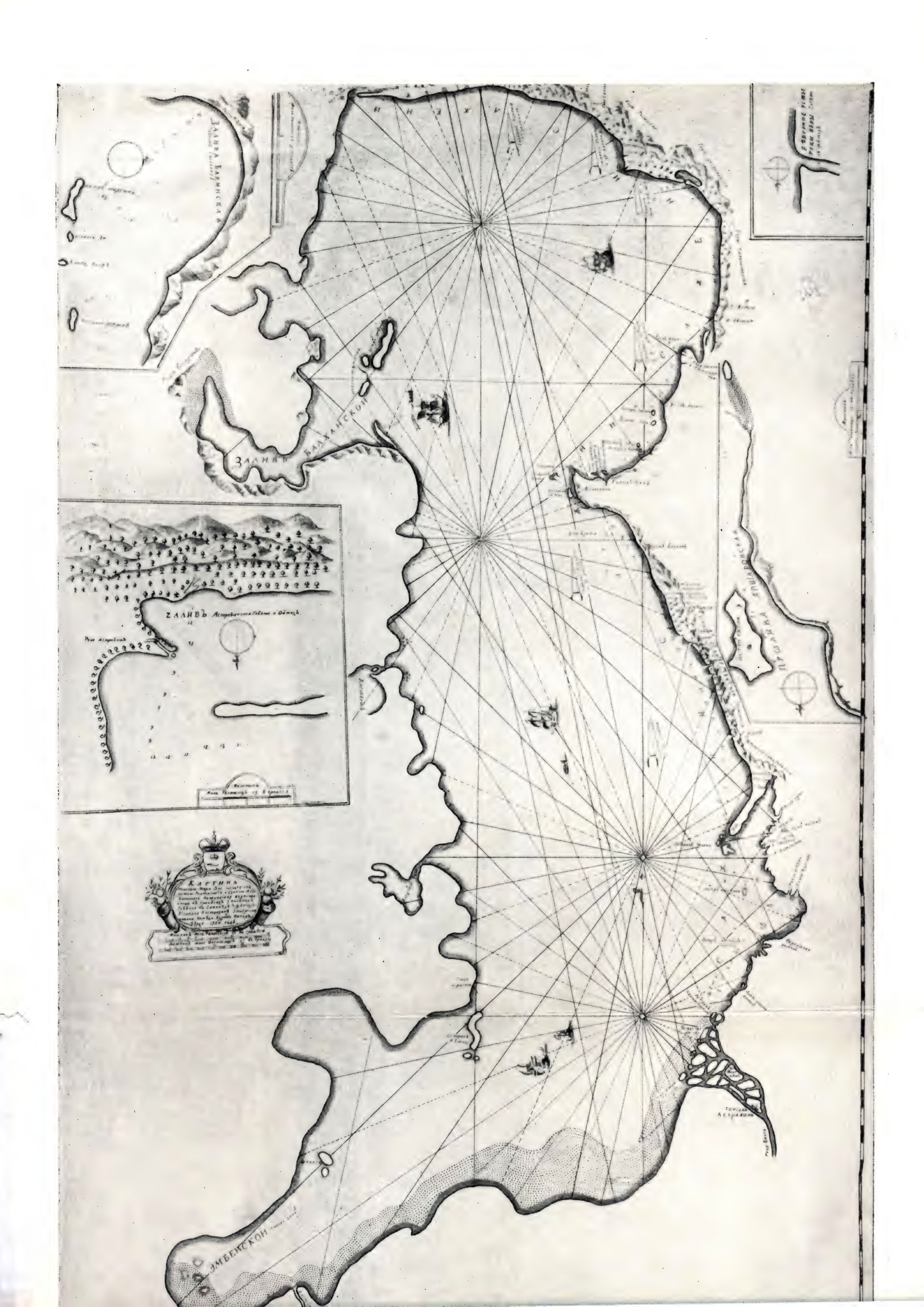
Еще в связи с Азовским походом были составлены карты течения реки Дона и Азовского моря; они были напечатаны в 1703—1704 гг. в Амстердаме. Северная война вызвала потребность в изучении берегов Балтийского моря, в результате чего появился ряд печатных карт; издавались также и карты Европы (начиная с 1701 г.).

Завершением картографических работ изучаемого времени является «Атлас Всероссийской империи», составленный И. К. Кириловым. По мысли автора, атлас должен был состоять из трех томов и включать в себя 300 карт. К третьему тому он намеревался приложить исторические и экономические карты. В первый том, вышедший в 1732 г., вошло до 12 карт отдельных областей. Труд Кирилова остался неоконченным из-за его смерти, и последующие тома не вышли в свет[1].

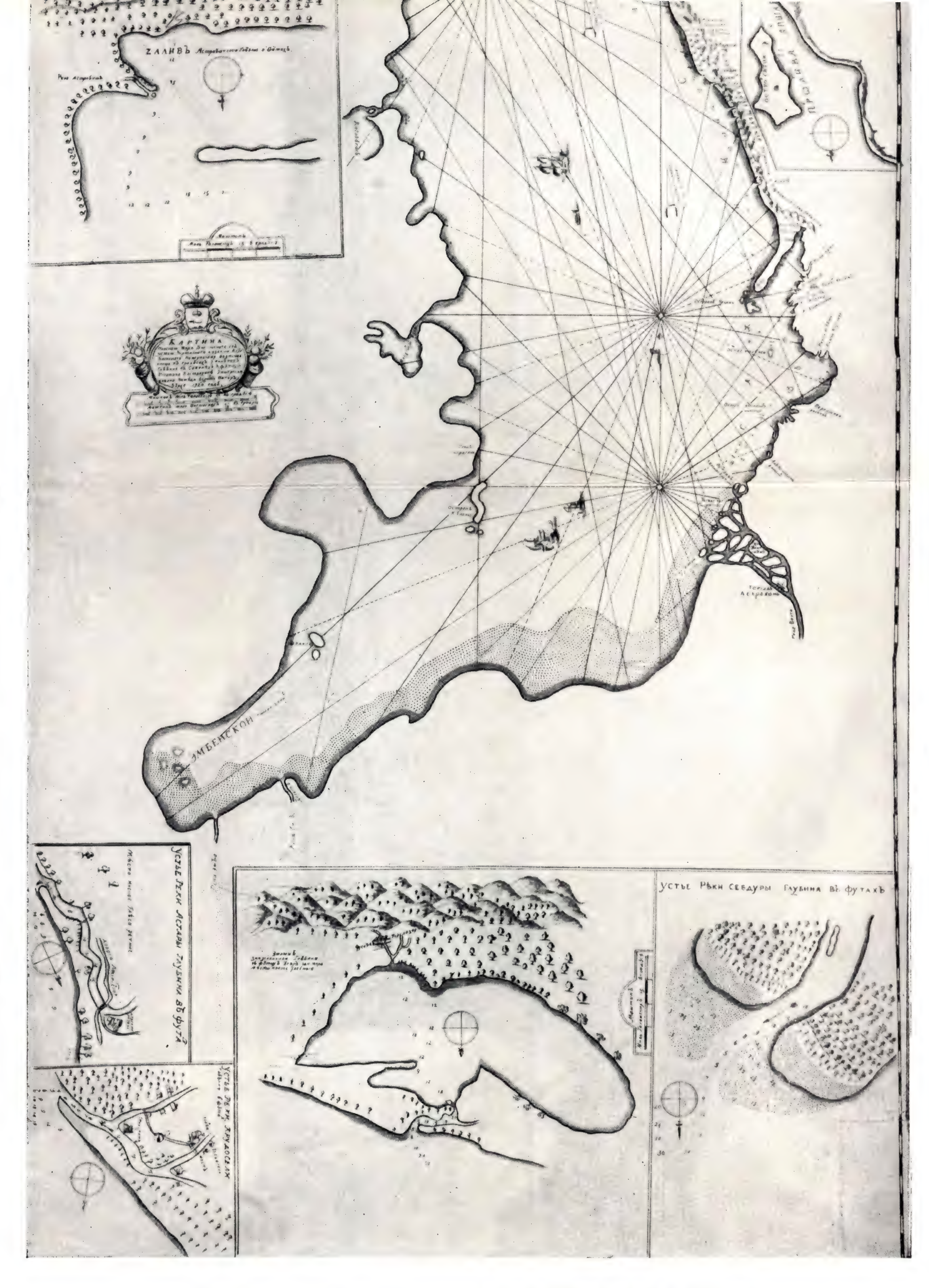
Таким образом, работы в области географии, диктовавшиеся в значительной степени насущными потребностями внутренней и внешней политики, дали большой материал для последующих научных изыска-

---

[1] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 248—249.

ЗАЛИВЪ БАЛХАНСКОЙ
ЗАЛИВЪ
КАРТИНА
ЭМБЕНСКОЙ

Карта Каспийского моря, составленная Ф. И. Соймоновым и К. Верденом и напечатанная в Петербурге в 1720 г.

ний. Карты первой четверти XVIII в. отличаются от карт предшествующего времени бо́льшей точностью и являются важным этапом в развитии русской картографии.

Результаты обширной собирательской работы, экспедиционной деятельности и картографических изысканий в различных областях географии требовали систематического изучения. По словам В. Н. Татищева, этим должен был заняться Я. В. Брюс, но за множеством других дел он передал эту работу ему, Татищеву. Труды Татищева были написаны уже в позднейшее время.

В конце XVII и в первой четверти XVIII в. велись систематические геологические разыскания, значительно расширившие сведения о недрах страны и тесно связанные с промышленным строительством. Так, в 1696 г. верхотурскому воеводе Д. Протасьеву было велено «в Верхотурском уезде осмотреть, в которых местах камень-магнит». В январе следующего года Протасьев сообщил о поисках месторождений железной руды по рекам Тагилу и Нейве. Присланные им образцы магнитного железняка с реки Тагила (с горы Высокой) и руды с реки Нейвы были отправлены для анализа как русским специалистам в Москву и Тулу, так и за границу — в Амстердам и Ригу. После того как оказалось, что уральское железо «самое доброе», решено было приступить к строительству завода на реке Нейве[1].

В последующие годы производились энергичные поиски железных и медных руд в различных районах страны, причем сведения о них получались преимущественно от местных крестьян-кузнецов. Например, в 1697 г. кунгурский крестьянин Федор Мальцов и татарин Боляк Русаев нашли медные руды в Казанском уезде. В 1702 г. знаменитое впоследствии Гумешевское медное месторождение было открыто местными крестьянами Сергеем Бабиным и Кузьмою Сулей. Бабин с братьями в последующие годы нашли медные руды на речках Решетке и Полевой. Он же указал Геннину на железные руды по реке Сысерти. В 1703 г. крестьянин Шилов открыл на восточном склоне Урала залежи медных руд. Поисками на западном склоне Урала занимались Иван Патрушев и Данила Воронов[2].

В 1703 г., во время поездки на Урал А. А. Виниуса, заведывавшего строительством заводов, крестьянин М. Селин сообщил ему о залежах магнитной руды у горы Волчьей в низовьях реки Чусовой. В 1717 г. томские крестьяне Степан Костылев и Федор Комар сообщили об открытии ими в «томских урочищах» богатых медных и серебряных руд. В 1722 г. уктусский приказчик Никита Петров и рудознатец Иван Привцын привезли на Урал образцы руд, найденных ими в верховьях

---

[1] *Д. Кашинцев.* История металлургии Урала, т. I. М.—Л., 1939, стр. 44; *В. В. Данилевский.* Русская техника. Л., 1948, стр. 37—38.

[2] *В. В. Данилевский.* Указ. соч., стр. 40—41.

рек Томи и Оби[1]. Эти находки послужили основой для создания Невьянского, Нижнетагильского и ряда других заводов.

О находках руд и других полезных ископаемых публиковалось в «Ведомостях». Так, в первом номере газеты — от 2 января 1703 г.— сообщалось: «Из Казани пишут. На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, отчего чают не малую быть прибыль...» В следующих номерах «Ведомостей» помещались известия о находках медной руды в Файмогубской волости Олонецкого уезда, о самородной меди из того же уезда, о сыске в Дудинской волости Козельского уезда «квасцовых, купоросных и серных руд»[2].

Поисками полезных ископаемых руководил Рудокопный приказ, обследовавший за время своего существования (1700—1711 гг.) 121 рудное месторождение Европейской России.

Большой интерес представляют поиски нефти, производившиеся в разных местах как в центре страны, так и на севере и на юге. Вероятно, к Поволжью относится также указание Посошкова о нахождении им нефти и серы. В своей «Книге о скудости и богатстве» он ставил перед правительством задачу систематического обследования недр страны. «И я не знаю чего бы у нас в Руси не сыскать»,— писал Посошков.

В 1721 г. мезенец Григорий Черепанов сообщил в Берг-коллегию о нефтяном источнике в Пустоозерском уезде на реке Ухте. После получения дополнительных сведений из Архангельска Черепанов был вновь послан для обследования. После 1724 г. дальнейшие поиски были прерваны. Еще ранее, во время Персидского похода, Петр приказал после взятия Баку произвести описание всех нефтяных колодцев и за выполнение этого предписания выразил благодарность генералу Матюшкину.

И. К. Кирилов в 1727 г. писал, что в районе реки Терека «между Шедрина и Червленого городков... есть колодези нефтяные». Нефть находили и в Сибири. Капитан Иван Унковский в своем путевом журнале сообщал в сентябре 1722 г. о нахождении нефти на берегах Иртыша: «проехали Каменный Яр, в котором белый камень, якобы известной. Из того камени каменное масло брали»[3].

При большом расходовании дров и древесного угля на заводах встал вопрос о необходимости поисков другого вида топлива. Это повлекло к разведкам каменного угля. Еще в 1709 г. Петр I писал, что нужен специалист, который мог бы искать каменный уголь[4].

---

[1] *Б. Б. Кафенгауз.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949, стр. 57, 112; *В. В. Данилевский.* Указ. соч., стр. 44—45.

[2] *В. В. Данилевский.* Указ. соч., стр. 36—37.

[3] *А. Е. Пробст.* Из истории организации в России добычи и переработки нефти. «Известия АН СССР. Отд-ние экономики и права», 1950, № 4, стр. 285—286, 293.

[4] ПиБ, т. IX, вып. 1. М., 1950, № 3359, стр. 331.

К изучаемому времени относится открытие основных угольных бассейнов России—Донецкого, Подмосковного и Кузнецкого. В числе рудных доносителей в Берг-коллегии служил известный рудоискатель подьячий Григорий Капустин. Он в течение восьми лет «безотлучно» ездил в поисках руд по разным местам «на своем коште», как он жаловался, получая «самое малое число денежного себе награждения». Вернувшись из экспедиции по Дону и Донцу, Капустин в 1722 г. доложил о найденном им каменном угле. Опыт использования донецкого антрацита тульскими и московскими кузнецами, которые ковали «тем каменным одним угольем топоры и подковы новые», дал положительные результаты, «кузнецы то уголье похвалили и сказывали, что от него великий жар». Вопреки отрицательному заключению иностранных «специалистов», испытывавших уголь в Петербурге, был издан в 1723 г. указ об организации широкой разведки каменного угля в Донбассе и по всей России.

В том же 1722 г. рудознатцы Иван Палицын и Марк Титов открыли уголь в районе нынешнего Подмосковного бассейна. Минеральное топливо в небольших размерах находило применение в народном хозяйстве. Уголь, добытый близ Бахмута, употребляли «на бахмуцкие соляные заводы, в казенные кузницы на латание солеваренных сковород и на прочие поделки». Подмосковным углям пытались найти применение, впрочем, безуспешное, в металлургической промышленности заводовладельцы братья Рюмины.

Одновременно в другом конце России крепостной рудоискатель М. Волков в семи верстах от Верхнетомского острога открыл залежи каменного угля в Кузнецком бассейне. Когда Берг-коллегия получила известия об открытии нового месторождения, было поручено изучить, «не возможно ль оттуда водным путем к заводам или к рудникам, каким промыслом возить (уголь.—*Ред.*), и о том рапортовать». Администрации казенных металлургических заводов на Урале в 1722 г. было предложено «иметь старание о прииске каменного угля, как и в прочих европейских государствах обходяца, дабы оным лесам теми угольями было поспорье» [1].

Таким образом, уже в первой четверти XVIII в. в различных районах нашей страны были открыты месторождения каменного угля. Однако недостаток средств, технических навыков и оборудования мешали их разработке как в это время, так и в последующие годы XVIII в.

Большое внимание в первой четверти XVIII в. уделялось поискам серы, необходимой для изготовления пороха, потребность в котором значительно увеличилась в связи с Северной войной. Сначала сера разра-

---

[1] *Е. И. Заозерская.* Поиски каменного угля при Петре I. «Известия Всесоюзного географического о-ва», т. 75, вып. 2. М., 1943, стр. 49—56; *А. А. Зворыкин.* Первооткрыватели каменноугольных бассейнов СССР. Стенограмма лекции. М., 1950, стр. 9—16; *С. В. Шухардин.* Русская наука о разработке ископаемого угля в XVIII в. М.—Л., 1950, стр. 7—10.

батывалась в Сергиевске на реке Соке. Это месторождение было известно уже в XVII в. В 1700 г. здесь был устроен казенный завод. Но сергиевская сера, добывавшаяся в незначительном количестве, была «самородной», то есть перетапливалась из серных ключей. Она не могла удовлетворить возникшей в ней потребности. До какой степени остро чувствовался недостаток в сере, красноречиво пишет И. Т. Посошков: «увидел я такую в ней нужду, что уже по домам собирали не то что фунтами, но где золотников и пять-шесть сыщетца, брали на пороховое дело»[1]. Поиски серы производились в разных местах. В 1709 г. в Девичьих горах близ Самары были обнаружены залежи серы. Качество русской серы, по отзывам современников, оказалось очень высоким: «Не хуже итальянской горючей». В следующем же году здесь был открыт серный завод.

Поиски минералов и разработка их вызвали интерес к химии. Среди дел кабинета Петра I сохранился чертеж пробирной печи. В делах Петра хранятся также «химические значки», обозначавшие различные химикалии и элементы и записи методов испытания разных руд[2].

В первой четверти XVIII в. были достигнуты успехи в аптечном деле. Аптеки имелись в Москве, Петербурге и в войсковых соединениях. Для снабжения аптек лекарствами в Петербурге, Москве и некоторых других городах существовали «аптекарские огороды», преобразованные затем в ботанические сады. При них находились лаборатории для химико-фармацевтических занятий. В этих лабораториях заканчивали практическое обучение ботанике и фармакологии аптекарские ученики и гизели (будущие аптекари)[3].

Интерес к естественным наукам выразился особенно в собирании коллекций по минералогии, металлургии, биологии, ботанике и др. Покупались и готовые коллекции, но значительное количество их было составлено во время экспедиций. Так, например, в указе, данном в связи с экспедицией Мессершмидта, предписывалось: «у всякого чину людей, русских и иноземцев, проведывать и купить разных родов зверей и птиц живых, которые во удивление человеком, такожде и хрусталь самородной, которой ломают глыбами пуда по два и больше. И тех зверей и птиц велено отсылать в Петербург ко двору его императорского величества»[4]. Мессершмидт собрал во время своей экспедиции

---

[1] *И. Т. Посошков.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951, стр. 150.

[2] П. М. *Лукьянов.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в., т. I. М.—Л., 1948, стр. 46—47, 428. Петр занимался пробирным делом еще живя под Москвой, в Преображенском. Другая лаборатория строилась в Петербурге на Васильевском острове.

[3] *Я. А. Чистович.* История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 570 и сл., 582 и сл.

[4] *П. П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 358.

громадное количество естественно-научных и этнографических материалов[1].

Была организована астрономическая обсерватория с очень хорошими телескопами и другими инструментами, необходимыми для астрономических наблюдений, а также со специальной библиотечкой. Ее устроили в Москве при Навигацкой школе; имеются известия, что А. Д. Меншиков построил обсерваторию в своем Ораниенбаумском дворце[2]. Астрономические наблюдения в Москве вели Яков Брюс и Фарварсон. Последний в особенности занимался вычислением времени и продолжительности затмений, видимых в России. По свидетельству Перри, Петр сам наблюдал затмения, делал заметки о них и потом рассуждал в присутствии бояр и придворных о причинах подобных явлений. С 1706 г. в «Ведомостях» печатались предварительные сообщения о предстоящих затмениях, дававшие возможность организовать их наблюдения на местах. В календаре на 1724 г. была помещена статья «Ведение, откуду затмения происходят». Целью ее было научное освещение в общедоступной форме причины затмения[3].

В 1722 г. было издано краткое руководство по механике, составленное Григорием Скорняковым-Писаревым, «Наука статическая или механика». Это была первая русская книга, специально посвященная механике. Она послужила основой для дальнейших теоретических работ в этой области.

Много было сделано в смысле практических мероприятий в различных отраслях механики. При этом работы изучаемой поры находили себе твердую опору в богатом опыте предшествующего времени. Только опираясь на эти достижения, возможно было приступить к сооружению таких сложных построек, как Вышневолоцкий и Ладожский каналы. Как известно, замыслы Петра шли еще дальше, он пытался, хотя и безуспешно, создать каналы Волго-Донской, Москва-Волга и др. Создание Вышневолоцкой водной системы, открывшей путь с Волги по рекам Тверце, Цне, Мсте, по озеру Ильменю и реке Волхову в Петербург, является крупнейшим достижением первой четверти XVIII в. в области строительства каналов. Ее сооружение было начато в 1703 г. под руководством голландских шлюзных мастеров. В 1709 г., когда была сделана первая попытка провести суда с Волги в Петербург, обнаружилось, что иностранные специалисты были неспособны решить сложную гидротехническую задачу. Уровень воды на водоразделе был настолько низким, что не обеспечивал сквозного движения судов без

---

[1] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 76.

[2] *В. Л. Ченакал.* Очерки по истории русской астрономии. М.—Л., 1951, стр. 48—49.

[3] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. I, стр. 282.

М. И. Сердюков. Портрет маслом неизвестного художника.
Музей в г. Калинине.

их перегрузки. В 1719 г. М. И. Сердюков, бывший приказчик купца Евреинова в Астрахани, представил составленный им проект исправления Вышневолоцкого канала. Проект был одобрен царем, и Сердюкову поручили все строительство. К 1722 г. он успешно закончил работы. Сердюков возводил гидротехнические сооружения на основе приемов, разработанных предшествовавшей русской техникой. Для обеспечения системы достаточным количеством воды на все время навигации он соорудил плотины на реках Шлине и Цне и соединил их каналом. При помощи плотины он создал большое водохранилище, которое снабжало водой обе части системы, расположенные по сторонам водораздела. Крупнейший из иностранных специалистов, работавших в России,— Вилим Геннин — должен был признать, что в России делают такие плотины, которых на Западе строить не умеют.

Развитие практической механики выразилось в новых механизмах, введенных на заводах. При их сооружении выделились русские мастера, особенно тульские: литейщик Семен Баташев, мастер Степан Трегубов. По проекту, созданному тульским мастером кузнечного, ножевого и палашного дела Марком Васильевичем Сидоровым (Красильниковым), строился новый оружейный завод в Туле. Ему помогал мастер Сергей Шелашников. Солдат Ораниенбургского батальона Яков Батищев развил проект Сидорова. Он изобрел машину для обработки ружейных стволов, которая дала возможность сократить в пять раз число рабочих на этой операции. Батищев изобрел также машину для расковки ствольных досок, употреблявшихся для изготовления стволов.

В документах того времени сохранились имена и других русских изобретателей в области механики. Таковы были, например, мастер оптических инструментов Иван Беляев и крестьянин Ефим Никонов — изобретатель «потаенных судов», то есть подводных лодок, которые могли бы

«подбити под военной корабль под самое дно». Судно по проекту Никонова было изготовлено, и в 1724 г. на Галерном дворе в Петербурге был назначен его спуск. Однако, во время спуска повредили дно, и испытание судна не состоялось[1]. В числе механиков надо назвать и И.Т. Посошкова, который занимался изобретением монетных станков и «огнестрельных рогаток». Петр I также сконструировал особой формы киль корабля, имевший преимущества при повреждениях его во время боя, сохранились чертежи проектированных им мортир нового устройства. Он увлекался токарным мастерством по дереву и кости, работая на станках, изготовленных механиком А. К. Нартовым. Коллекция его станков сохранилась до нашего времени и находится в Государственном Эрмитаже.

Андрей Константинович Нартов — самый выдающийся русский механик первой четверти XVIII в. Начало его деятельности проходило в Москве, в Навигацкой школе, где он служил токарем. В 1712 г. он был переведен в Петербург.

Нартов изобрел и изготовил токарно-копировальные, токарные, винторезный, зуборезный станки, внес усовершенствования в монетное дело, а также изобрел ряд инструментов рабочих, измерительных и пр. Крупнейшим его изобретением является самоходный суппорт. Нартова посылали за границу для ознакомления с западноевропейской техникой в области механики. В 1719 г. он писал из Лондона: «здесь таких токарных мастеров, которые превзошли российских мастеров, не нашел...» Нартов показал английским мастерам свои чертежи машин, «и оные сделать по ним не могут». Посетив после Лондона Париж, Нартов, по отзыву президента Парижской академии наук, «великие успехи... учинил в механике, наипаче же в оной части, которая касается токарного станка»[2].

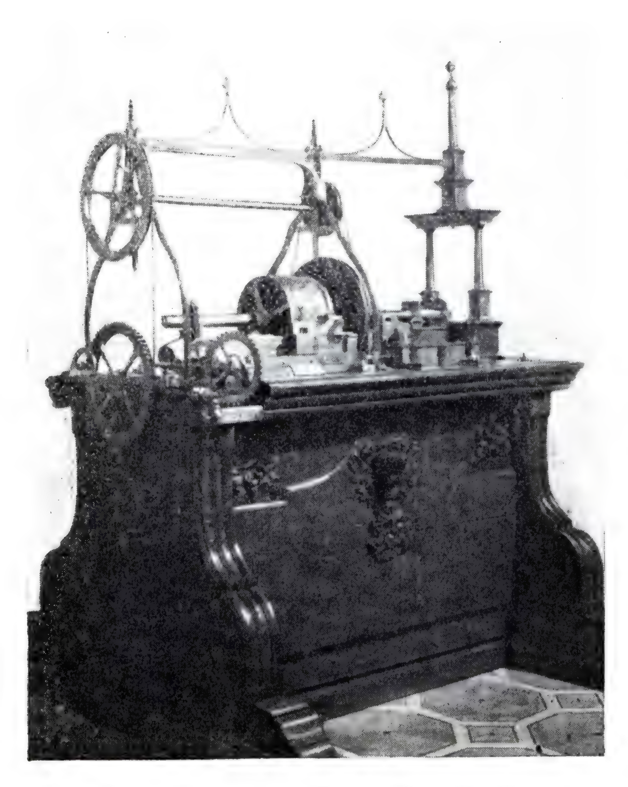
Менее успешными были попытки распространить научные знания по сельскому хозяйству. В 1723 г. Петр I поручил перевести с немецкого книгу о сельском хозяйстве и домоводстве. Заслуживает внимания его указ «труждающимся в переводе экономических книг», характеризующий отношение к иностранной литературе: «Понеже немцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит». В связи с этим из переведенной книги были удалены лишние рассказы, которые «время только тратят и чтущим охоту отъемлют». Перевод был закончен после смерти Петра, но так и не получил распространения[3].

---

[1] *В. В. Данилевский.* Указ. соч., стр. 140—141, 279—282.

[2] *В. В. Данилевский.* Указ. соч., стр. 145—146; *А. С. Бриткин, С. С. Видов.* Выдающийся машиностроитель XVIII в. А. К. Нартов. М., 1950, стр. 31, 165.

[3] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. I, стр. 213—214; *А. Львов.* Попытка Петра I к распространению среди русского народа научных сельскохозяйственных знаний. «Чтения ОИДР», 1892, кн. 2, отд. III, стр. 1—11.

Большой токарно-копировальный станок работы А. К. Нартова.
Государственный Эрмитаж.

Экспедиции, направлявшиеся в разные части страны, помимо естественно-научных задач, выполняли и иные. Между прочим им поручалось собирать материалы в области лингвистики. В самом начале XVIII в. было организовано собирание необходимых Н. Витсену для второго издания его книги лингвистических материалов по «восточным» народам, как входившим в состав государства, так и жившим за пределами (языки грузинский, корейский, крымских татар). По просьбе Лейбница, для него также собирались некоторые лингвистические сведения. Позже на Кавказе производил собирание лингвистических материалов медик Г. Шобер, работа которого, впрочем, не увидела света. В Сибири работал Д. Мессершмидт, по образованию не только натуралист, но и ориенталист. Его помощник по экспедиции Страленберг дал в своей работе опыт классификации восточных языков, а по Волге и западному берегу Каспийского моря производил исследования К. Ф. де Патрон-Бодан. Они собрали обширный материал для «восточных» языков народов Дальнего Востока, Средней Азии и Закавказья.

Были приняты некоторые меры для практического изучения восточных языков — китайского, монгольского, японского, татарского, калмыцкого, турецкого и персидского.

Сношения с Западом выдвинули необходимость издания словарей. Из них представляет особенный интерес вышедший в 1704 г. словарь греческого, латинского и славянского языков Ф. Поликарпова при участии братьев Лихудов, Стефана Яворского и Р. Краснопольского, содержащий, между прочим, утверждение, что старославянский язык является отцом всех славянских языков.

Живые потребности школы вызвали появление многих пособий:

словарей и учебников[1]. Делались попытки осуществить собирание вещественных источников для изучения старины, а также письменных памятников. В этом отношении интересны два указа: 20 декабря 1720 г. и особенно 16 февраля 1722 г.; последний предписывал «из всех епархий и монастырей, где о чем по описям куриозные,то есть древних лет рукописанные на хартиях и на бумаге церковны и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные, что где таковых обретается, взять в Москву в Синод, и для известия оные списать, и те списки оставить в библиотеке, а подлинные разослать в те ж места, откуда взяты будут, по прежнему...»[2] В 1716 г. была снята копия с так называемого кенигсбергского списка древнейшей летописи. При этом собирались рукописи не только русские, но и других народов страны, а также и зарубежных. Так, казак Морозко нашел на Камчатке несколько японских рукописей, а Мессершмидт вел собирание монгольских, тунгусских и китайских рукописей. Во время Персидского похода было составлено целое собрание восточных рукописей. Пленные шведские офицеры, сосланные в Тобольск, вывезли оттуда перевод истории турецких племен хана Абулгази, впоследствии изданный[3].

В то же время принимались меры к охране памятников старины, которые нельзя было переслать в библиотеку или кунсткамеру. Так, было приказано охранять от дальнейшего разрушения замечательные развалины Булгар. Впрочем, такие предписания действовали очень слабо, что видно, например, на судьбе тех же Булгар.

Интересно отметить внимание, с которым относились в это время к памятникам народного творчества. Свидетельством этого служат дошедшие до нас сборники народных пословиц и поговорок, составленные в конце XVII и в начале XVIII в. В библиотеке Петра имелось несколько рукописных сборников пословиц и поговорок, он хорошо знал и любил вставлять их в свою речь, как устную, так и письменную, не только частного, но и официального характера. Его собственные афоризмы по складу напоминают народные изречения.

Вместе с тем была поставлена задача разработки истории своего времени, в частности истории Северной войны. В этих целях был составлен «Журнал или поденная записка Петра Великого с 1698 года даже до заключения Ништадтского мира». Сохранилось несколько редакций «Поденной записки» с собственноручными поправками Петра. Эта работа увидела свет лишь в 70-х годах XVIII в. Еще в 1708 г. было поручено директору московского Печатного двора Ф. Поликарпову составить русскую историю от начала княжения Василия III до последнего времени, а для

---

[1] Подробнее об этом см. главу V, § 2 «Школа и просвещение».

[2] ПСЗ, т. VI, № 3693, стр. 277; № 3908, стр. 511—512.

[3] *Абуль-Гази.* Родословное древо тюрков. Перевод Г. Саблукова. Казань. 1906, стр. IX; *В. Бартольд.* История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е. Л. 1925, стр. 206—207.

образца описать ближайшие пять лет. Работа Поликарпова двигалась слабо; наконец, в 1716 г. она, видимо, была закончена, но не удовлетворила царя. Мусин-Пушкин писал Поликарпову: «История твоя российская... не очень благоугодна была». Позднее, в 1709 г., Г. Скорняков-Писарев должен был составить какой-то «летописец», о котором не сохранилось более подробных сведений. П. П. Шафировым было написано «Рассуждение» о причинах Северной войны. Над историей этого времени трудился также и Гюйссен, которым был составлен «Журнал государя Петра I с 1695 г. по 1710 г.», напечатанный в конце XVIII в. Туманским.

В 1722 г. Петр сделал в своей записной книжке заметку о том, какие вопросы следует осветить при написании истории Северной войны: «вписать в гисторию, что в сию войну сделано, каких когда распорядков земских и воинских, обоих путей регламентов и духовных; також — строение фортец, гаванов, флотов корабельного и галерного, и мануфактур всяких, и строения в Питербурхе и на Котлине и в прочих местах»[1]. Из этой краткой программы видно, что составителям истории войны ставились довольно широкие задачи.

В1713 г. было приказано собрать все отдельные реляции о сражениях и, присоединив к ним соответствующие гравюры, издать их в одном альбоме. Так составилась «Марсова книга», которая постепенно пополнялась новыми материалами, но не вышла в свет в это время. Особенно важные военные события отмечались специально заказываемыми гравюрами. Таковы: «Лесная», «Полтава», «Переволочна», «Гангут».

Самостоятельные работы по всеобщей истории принадлежат князю Дмитрию Кантемиру, отцу поэта Антиоха Кантемира. Такова его книга о религии мусульман, в русском переводе М. Ильинского с авторской латыни. В ней Кантемир подробно знакомит читателя с различными сторонами учения ислама, излагает содержание корана и вместе с тем подвергает критике и называет его «лжеплений сгромождение, басен собрание»[2]. Кантемиру также принадлежит книга на французском языке по истории Турции.

Отчасти к истории, отчасти к экономике относится любопытное «Ведение о торговле Российской», составленное князем И. А. Щербатовым, переводчиком сочинения Лоо, жившим в Париже, Лондоне и Кадиксе, для изучения торговли Западной Европы. В книге Щербатова, оставшейся в рукописи, изложены в алфавитном порядке и отдельными статьями различные сведения о русской торговле. Источниками для его работы служили законодательные материалы. Книга предваряется историческим очерком русской торговли, причем автор точно указывает, из каких источников он черпает свои сведения. К сожалению, эта работа осталась ненапечатанной.

---

[1] *П. П. Пекарский.* Указ соч., т. I, стр. 321—322.

[2] *Н. А. Смирнов.* Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 27.

Колонный зал библиотеки Академии наук в Петербурге, 1725—1726 гг. Гравюра из академического издания: «Палаты Санктпетербургской Академии наук. Библиотека и Кунсткамера», 1741 г.

Экономическая литература того времени представлена замечательным трактатом И. Т. Посошкова и многочисленными произведениями прожектеров [1].

Таковы научные достижения в России в первой четверти XVIII в. в различных областях знания. Возникла необходимость создания учреждения, которое объединяло бы и направляло всю научную работу. Идея общего образования и развития науки должна была осуществиться в устройстве Академии наук.

Мысль об организации в России Академии уже выразилась в 1718 г. в предписании Петра: «сделать академию, а ныне приискать из русских кто учен и к тому склонность имеет...» [2] Из письма известного ученого Вольфа придворному врачу Л. Л. Блюментросту, привлеченному к организации Академии, от 11 января 1721 г. видно, что в это время уже сложился проект создания Академии [3]. В следующем году помощник Блюментроста писал тому же Вольфу: «высокое намерение его императорского величества состоит в том, чтобы учредить в Петербурге общество ученых людей, которые бы трудились над усовершенствованием искусств

---

[1] Подробнее об этом см. главу V, § 1 «Общественно-политическая мысль».

[2] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. I, стр. 45.

[3] «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 1. СПб., 1885, стр. 5.

и наук»[1]. Сохранилось несколько заметок Петра, на основании которых должен был разрабатываться проект регламента Академии. Эти заметки убеждают в том, что поставленная задача решалась вполне самостоятельно. Наконец, в заседании Сената 28 января 1724 г. слушался проект о создании Академии, по исправлении утвержденный царем[2].

Замечательной особенностью проекта Академии является то, что в ней должны быть объединены научно-исследовательские учреждения, университет и гимназия: «и таким бы образом одно здание с малыми убытками тое же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания (Академия, университет и гимназия.— *Ред.*) чинят...»[3] Главное «различие», в смысле особенности русской Академии, заключалось именно в том, что в ней объединялись научно-исследовательские и педагогические функции.

Научно-исследовательская работа сосредоточивалась в трех «классах» Академии: математическом, считая в нем и географию, физическом, с «историей натуральной», и общественных наук («гуманиора»). «Классы» состояли из одиннадцати членов и секретаря для ведения протокола, составления отчетов и поддержания корреспонденции с учеными. Академики должны были следить за всеми новыми достижениями в области своей специальности, делать собственные «изобретения» и на еженедельных собраниях выступать с «мнениями» и «советами». Они должны также выполнять разные поручения, которые им дает царь. Кроме того, они готовят курсы своих наук «в пользу учащихся младых людей», с тем, чтобы они печатались на латинском языке. Переводчики, состоящие при каждом «классе», должны были переводить эти курсы на русский язык. Предусмотрены были «публичные ассамблеи», на которых академики должны были выступать с «разговорами из своей науки».

Педагогическая деятельность Академии сосредоточивалась в гимназии и университете с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским; четвертый факультет тогдашних университетов — богословский — был устранен из академического университета; проект академического устава говорит, что он «предается синоду». Этим подчеркивался светский, строго научный характер преподавания. Кроме научно-исследовательской и педагогической работы, Академия должна была содействовать развитию прикладных знаний, следить за всякого рода открытиями и выяснять их значение, а также помогать заведению или размножению «вольных художеств и мануфактур». Спустя шесть дней после обсуждения проекта Академии, на заседании Сената 28 января 1724 г. было принято постановление о сумме на содержание Академии, а на следующий день Петр подписал устав Академии; этот день можно принять за дату ее основания.

---

[1] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. I, стр. 35.

[2] ПСЗ, т. VII, № 4443, стр. 220.

[3] Там же, стр. 221.

Здание библиотеки и кунсткамеры в Петербурге.
Архитектор Г. Матарнови, 1718—1725 гг. Гравюра из академического издания «Палаты Санктпетербургской Академии наук. Библиотека и Кунсткамера», 1741 г.

В это же время были приняты меры к приглашению в Россию, в качестве академиков, известных западноевропейских ученых. Среди приглашенных был крупный математик И. Герман, физиолог и математик Д. Бернулли, физик X. Мартини, математик Н. Бернулли, астроном и географ И. Делиль и другие ученые. Переписка с приглашаемыми велась частью Блюментростом, частью русскими представителями при западноевропейских дворах. В то же время принимались меры к обеспечению Академии переводчиками из русских людей. Был составлен также проект о выделении из Академии наук и художеств, как она первоначально называлась, специальной Академии художеств.

Приглашенные для работы в Академии ученые начали съезжаться в Петербург уже после смерти Петра. Первое публичное собрание Академии состоялось в конце 1725 г., а со следующего года начались лекции в университете и занятия в академической гимназии.

Еще ранее, в 1714 г., были организованы библиотека и музей, или «кунсткамера», присоединенные затем к Академии. Первая состояла из книг и рукописей, туда же поступили собрания царевича Алексея, Виниуса, Арескина и Шафирова. Кунсткамера, открытая для обозрения в 1719 г., вначале состояла из «раритетов» и «куриозитетов», по большей части купленных за границей. В первоначальный состав кунсткамеры вошли собрания «натуралий» и анатомических препаратов, здесь же находились математические и физические инструменты, сюда же поступили «уроды» и анатомические препараты московской большой аптеки.

Принимались меры для пополнения кунсткамеры предметами, достопримечательными в том или ином отношении.

Во время Персидского похода кабинет-секретарь Макаров писал, что царь «указал отослать в куншт-камер для куриозите» деревянное блюдо с серебряным ключом города Дербента и одно из медных ядер, которыми стреляли по русским войскам. Кунсткамера была сделана общедоступной, бесплатной для посетителей. Она являлась первым естественно-историческим музеем в России.

Оба эти новые учреждения, библиотека и кунсткамера, в короткое время приобрели столько ценных предметов, что вызывали удивление лиц, знакомых со старинными собраниями Западной Европы. Так, ганноверский посланник Вебер писал: «Если будет продолжаться постоянно приращение к теперь уже драгоценной библиотеке, то в немного лет она станет на ряду с важнейшими европейскими... Превосходныя картины, которыми обладает царь, нельзя купить ни за какия деньги. Вещи, перешедшия к нему от предков его и полученныя им изо всех азиятских областей, тщательно хранимыя в Петербурге, составляют превосходнейший кабинет редкостей... Химическия и другия редкости... множество других вещей... по справедливости заставляют удивляться, каким образом такое громадное, драгоценное собрание могло быть составлено здесь в столь короткое время». Таков же отзыв и другого иностранного наблюдателя того времени — Берхгольца[1].

В связи с собиранием «раритетов» для кунсткамеры было издано несколько указов, положивших начало музейному делу в России. Из них наибольшее значение имел указ 13 февраля 1718 г., между прочим установивший, кроме обязанности предъявлять по начальству всевозможных «как человечьи, так и скотские, звериные и птичьи уроды», правила доставки и оплаты «старых вещей», «ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбьи или птичьи... также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно...»[2]

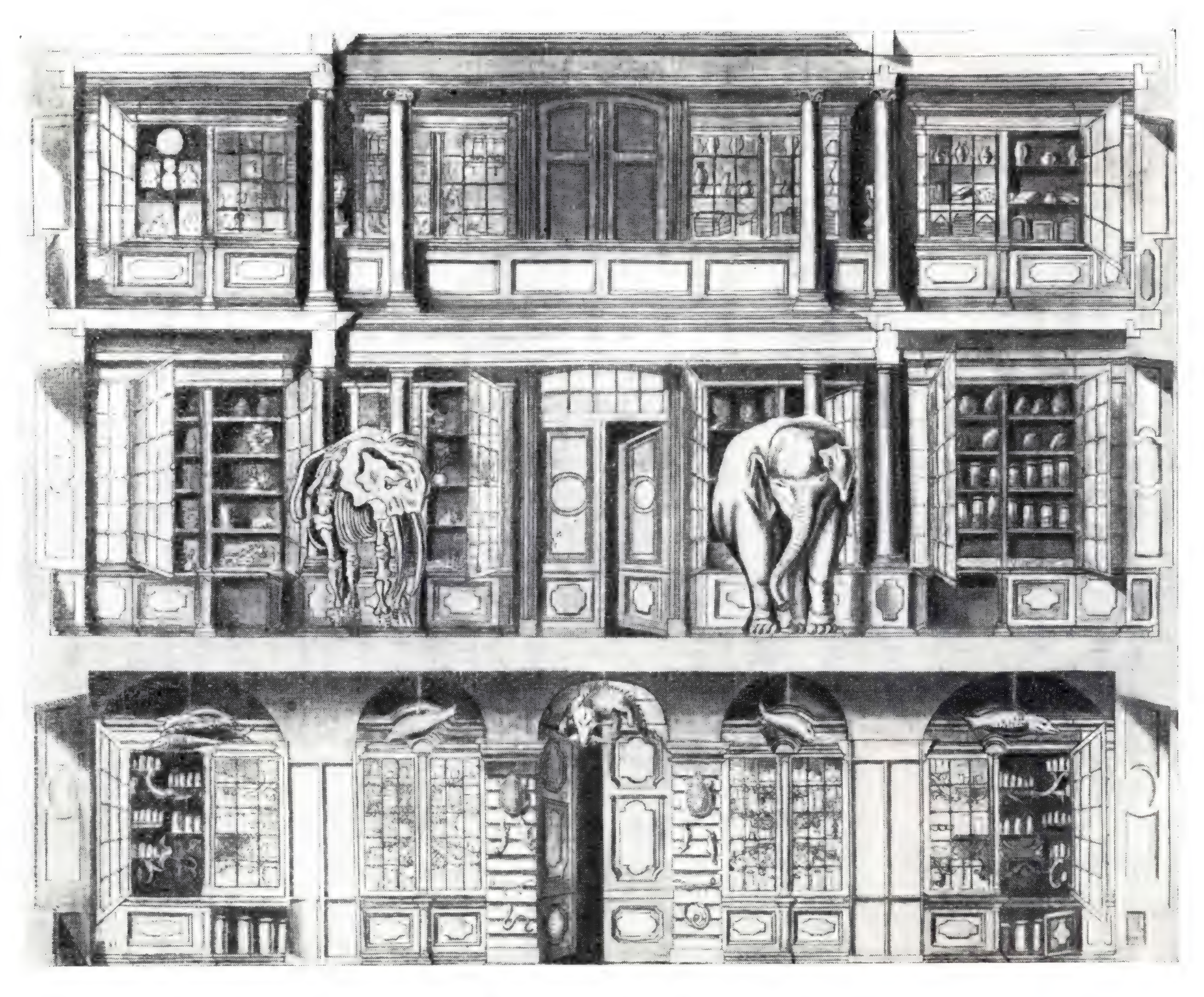
Развитие науки было обусловлено потребностями экономического и политического развития России. Распространение научных знаний было поставлено на службу преодолению отсталости страны.

В изучаемое время русская наука достигла значительных успехов. Она все больше освобождалась от влияния церкви. Русский народ выделил из своей среды немало выдающихся ученых и техников, чьи открытия и изобретения внесли большой вклад в мировую науку. Среди них

---

[1] *Х. Вебер.* Записки. «Русский архив», 1883, № 7—8, стб. 1419—1420; *Ф. В. Берхгольц.* Дневник, ч. 1. М., 1902. стр. 106—109.

[2] ПСЗ, т. V, № 3159, стр. 541—542. Подробнее о кунсткамере см. *Т. В. Станюкович.* Кунсткамера петербургской Академии наук. М.—Л., 1953.

Кунсткамера. Гравюра А. Полякова из академического издания «Палаты Санктпетербургской Академии наук. Библиотека и Кунсткамера», 1741 г.

были механики-изобретатели Нартов и Батищев, гидротехники Г. Скорняков-Писарев и Сердюков, географы Соймонов, И. Евреинов и др

В условиях феодально-крепостнического строя наука была достоянием представителей господствующего класса. Лишь немногим людям из других классов, главным образом посадским, удавалось преодолеть чинимые крепостническими отношениями препятствия, чтобы пробить себе путь в науку или к изобретательству.

4

ЛИТЕРАТУРА И ТЕАТР[1]

Первые десятилетия XVIII в. — важный этап в развитии русской литературы как литературы, предназначенной для господствующего класса, так и устного народного творчества.

Народная песня, музыка, народная пляска в течение веков подвергались преследованиям со стороны церковных и светских властей. С начала XVIII в. положение народного искусства в значительной степени изменилось: «игры и песни», еще недавно обличавшиеся как «бесовские», «сатанинские», «гудения» и «плясания», называвшиеся «хульными потехами», не преследовались[2]. Благодаря этому народ легче мог донести хранимые им национальные богатства до того времени, когда начались запись и печатание текстов, мелодий народных произведений. Народное творчество в начале XVIII в. стало оказывать мощное воздействие на русскую литературу, на формирование и развитие русского литературного языка, на его грамматический строй и словарный состав.

Плодами реформ в области культуры широкие народные массы воспользовались мало, однако все же в первые десятилетия XVIII в. они шире, чем в предшествующее время, приобщились к просвещению, культуре.

Действующая армия была охвачена патриотическим подъемом. В. Г. Белинский говорил, что у всех участников Полтавской битвы до «последнего солдата» должна была родиться «мысль, что совершается что-то великое и что он сам есть одно из орудий совершения...»[3]

---

[1] В настоящем параграфе преимущественно освещается литература первой четверти XVIII в., не затрагивая последнего десятилетия XVII в.

[2] Исполнители песен и сказок, направленных против правительства и крепостных порядков, жестоко карались. См. «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, М., 1870, стр. 342—343; вып. 9. М., 1872, стр. XLI; *А. Н. Пыпин.* Дела о песнях в XVIII в. «Известия отд-ния русского языка и словесности император. Академии наук», 1900, т. V, стр. 556, 581; *П. К. Симони.* Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 годов. «Живая старина», 1903, вып. II, стр. 226.

[3] *В. Г. Белинский.* Собр. соч., т. III, М., 1948, стр. 483.

Именно поэтому в первой четверти XVIII в. появляется так много солдатских исторических песен; в них отражены все важнейшие исторические события и лица — Азов, Нарва, Полтава, Петр, Карл XII, Мазепа, воеводы, атаманы. Народ высоко ценил борьбу Петра I за интересы Русского государства и противопоставлял его боярам. В одной из песен говорится, что Петр, не надеясь на князей, бояр, упрекает их в том, что в грозное время нападения Карла XII на Россию они оставались равнодушными к судьбе государства:

Ох вы гой еси, князья со боярами!
Пьете вы — едите все готовое,
Цвстное платьице носите припасеное,—
Ничего-то вы не знаете, не ведаете...[1]

Все надежды возлагаются при этом на славные, закаленные в боях полки:

Еще пишет король шведский ко мне грамотку,
Он будет, король шведский, ко мне кушати.
Уж мы столики разставим,— Преображенский полк,
Скатерти разстелем,— полк Семеновский... и т. д.

В ряде песен воспеваются военные подвиги Б. П. Шереметева. Когда ему сообщили, что:

Стоит силы в Красной Мызе тридцать тысяч,
С генералом с Левеноптом сорок тысяч,

он ответил:

У меня, генерала, двадцать тысяч,
А и тут, ведь, я шведа не боюся,
А под Красную Мызу становлюся![2]

В этот исторический период с особенной силой проявляется сознание народной массой своей решающей роли в строительстве государства. В одной из песен, посвященных взятию Азова, царь просит бояр дать ему совет, «как нам Азов взяти», но бояре лишь промолчали.

Тогда царь обратился к солдатам с той же просьбой, и в ответ:

Как не ярые пчолушки зашумели,
Что взговорят солдаты и драгуны,
Взять ли нам, не взять ли белой грудью[3]

---

[1] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 117—118.
[2] Там же, стр. 118, 136.
[3] *М. Д. Чулков.* Соч., т. 1, СПб., 1913, стр. 430.

Еще сильнее та же мысль о решающем значении народа, простых солдат в военных победах выражена в песне по поводу Полтавской битвы:

Распахана шведская пашня,
Распахана солдатской белой грудью;
Орана шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена шведская пашня
Солдатскими руками;
Посеяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью [1].

Былинными красками рисуются храбрые русские солдаты, разбившие наголову войско Шлиппенбаха:

Не сыра мать земля разтупилась,
Не синее море всколебалось;
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали вострые сабли,
Приклоняли булатные копья,
Гнались за шведским генералом
До самого города до Дерпта [2].

Вера народа в свои силы проявилась также в характерной песне «Государь борется с драгуном». Когда Петр предложил кому-либо из окружавших его князей-бояр побороться с ним, они разбежались. Напротив, простой солдат, молодой драгун, смело выступил как «поединщик» царя и легко победил его:

Левой рукой молодой драгун побарывал,
Правой рукой молодой драгун подхватывал,—
Не пущал царя на сыру землю[3].

В то же время в целом ряде песен этого времени народ говорил о своей тяжелой доле — о рекрутчине, пытках, о жестоких царских воеводах и т. д. Песни эти убедительно показывают, что реформы проводились за счет крепостного крестьянина, подвергавшегося тяжелой эксплуатации. Во многих песнях говорится «о воле барской» и о тяжести пожизненной в то время военной службы:

Ни ковыль-травка в поле зашаталася,
Што ни добрый молодец загулялси,
Ион ни волею, право, ни охотою:
Воля барская, служба царская
Царя белого, Петра первого [4].

---

[1] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 173.
[2] *М. Д. Чулков.* Соч., т. 1, стр. 165—166.
[3] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 38.
[4] Там же, вып. 9, стр. XXXI.

Или рассказывается о молодце, которому пришлось идти:

Во неволюшку — службу царскую
Во всегдашнюю во заботушку[1]

Ненависть народа к грабителям-воеводам ярко сказалась в песнях о князьях Репнине, Меншикове, Гагарине, которых клянут солдаты и казаки:

Ох Гагарин, ты, Гагарин!
Расканалья господин!
Заедаешь — пропиваешь
Наше жалованье...
Долговое, трудовое
Малоденежное...[2]

Интересна обширная былина, записанная в конце XIX в. на севере и изданная лишь в 1911 г. под названием «Семейная жизнь Петра I». Она начинается с рассказа о его рождении «во каменной Москве» и изображения «родильного» пира, на который звали многих королей и князей. Выросши, Петр не хочет жениться, пока отец, царь Алексей, не построит ему города Петербурга. Далее рассказывается, что Алексей стоит за старую веру; Петр сажает его в тюрьму и хочет снести ему «буйну голову», а царицу заточил в монастырь. Он нарядился в одежду плотницкую и работает в артели плотников, где стряпала кушанье «вдова прекрасная» Екатерина Алексеевна, Петр сватается к ней и везет ее в Петербург[3].

Искренним чувством проникнуты песни былинного характера, посвященные смерти Петра I («Смерть Петра», «Плач войска»). В них выражена народная дума о судьбе России, «российской армиюшки».

В дошедших до нас сказках Петру приписываются только положительные качества, его личность идеализируется. Ему противопоставляются злые, завистливые бояре, которые губят народ и стремятся погубить и самого царя: «сделали бочку, и в ней набили гвоздья и в тое бочку хотели его положить»[4].

В сказке «Как на охоту Петр ездил» беглый солдат рассказывает ему о несправедливости полковых властей: «Нычальники ни дадали мне павтара гарца круп прывиянта, дык я, як пашов с малыва начальства, мяне палками атдули, дашов до самыва бальшова,— усе палками дули...» Петр дал солдату обещание: «Я тваих павтара гарца круп узыщу, усе начальства разжалую».

---

[1] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 220 (см. также «Великорусские народные песни». Изд. А. И. Соболевским, т. VI. СПб., 1900, № 192, стр. 152).

[2] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 300, 301.

[3] *А. Марков.* Беломорские былины. М., 1901, стр. 296—303.

[4] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 342—343; *Д. Н. Садовников.* Сказки и предания Самарского края. «Записки император. русского географического общества. По отделению этнографии», т. XII, СПб., 1884, стр. 372—377.

В одной из сказок поздней записи — «Петр и матрос»— изображены глупые сенаторы и умный матрос. Никто из сенаторов не мог разрешить задачи — разделить гуся на шесть равных частей, а простой матрос остроумно разрешил ее. Петр назвал сенаторов дураками, а матроса произвел полным генералом и дал под команду ему несколько дивизий. В другой сказке жирного монаха, гордившегося своими «трудами праведными», царь послал на месяц в кузню молотобойцем и через месяц, когда монах исхудал, простил его и сказал — «Вот труды»[1].

Любовь Петра к различным ремеслам отражена в сказке, где говорится, что Петр «все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотелось всему»[2]. В другой сказке говорится, что мастеровой человек-медник дает царю совет снять с церквей колокола для отливки пушек[3].

В многочисленных песнях и сказках народная фантазия идеализировала личность Петра, стремясь сблизить его с народными понятиями о «хорошем царе».

Лирические народные песни этого времени до настоящего времени мало изучены.

Ряд песен можно отнести к этому времени, пользуясь указаниями на место действия, на исторические события (Петербург, Кронштадт, Нева, военные походы и т. д.), а также на основании того, что песни эти встречаются в рукописных сборниках середины XVIII в. или в «Собрании разных песен» Чулкова.

Основной мотив в этих лирических песнях — прощание с милым (или милой). Любящие друг друга молодец и девица расстаются вследствие призыва молодца на военную службу. В одной из песен поется о том, что милу другу «служба сказана, и дороженка широкая показана...»

Молодой матрос при расставании с любимой девицей поет:

Ах ты гой еси красна девица!
Красна девица, дочь отецкая,
Не своей волей корабли снащу,
По указу ли государеву,
По приказу адмиральскому[4].

Народные любовные песни этого времени проникнуты глубоким чувством и вместе с этим неисходной печалью, тоской:

---

[1] «Смоленский этнографический сборник» составил В. Н. Добровольский, ч. I. «Записки император. русского географического общества. По отделению этнографии», т. XX, СПб., 1891, стр. 382—383, 386—387.

[2] *Д. Н. Садовников*. Сказки и предания Самарского края, стр. 371—372.

[3] «Смоленский этнографический сборник», ч. I, стр. 384.

[4] *М. Д. Чулков*. Соч., т. 1, стр. 184, 214.

Не бушуйте вы, ветры буйные,
Не шумите вы, леса темные.
Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не слези лице прекрасное.
Уж я рада бы не плакала,
Сами плачут очи ясные,
Возрыдает ретиво сердце,
Все тужа плача по милом дружке...

Любящие друг друга молодец и девица расстаются навсегда:

Прощай радость красна девица.
Уж мне знать с тобою разстатися,
И до жизни гроба не видатися[1].

Редко встречаются песни, в которых рекрут и его возлюбленная питают надежды на лучшее будущее, если «государь... пожалует»[2].

Следует отметить песни бурлаков, выполнявших тяжелые работы по рытью Ладожского канала:

По утру та было раным рано,
На заре то было на утренней,
На восходе краснова солнышка,
Что не гуси братцы и не лебеди,
Со лузей, озер подымалися,
Поднимались добрые молодцы,
Добрые молодцы люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву;
Провожают их добрых молодцов,
Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со детками[3]

Многие из лирических песен этого времени отличаются высокой художественностью. Молодец, девица, отецкий сын, молодой матрос — это не абстрактные фигуры, а живые люди времени трудной войны, тяжелой рекрутчины, великой тяготы народной.

Молодец, получивший приказ «землюшку копати и рвы и колодези вырывати», не надеется возвратиться на родную сторону, увидеть отца,

---

[1] *М. Д. Чулков.* Соч., т. 1, стр. 184, 196.

[2] Там же, стр. 194. А. Н. Радищев знал, вероятно, рекрутские песни. Парень-рекрут говорил матери и невесте: «Перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жребий. Воля божия. Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина». *А. Н. Радищев.* Полн. собр. соч., т. 1. М.—Л., 1938, стр. 363.

[3] *М. Д. Чулков.* Соч., т. 1, стр. 204—205.

мать, молодую жену, начинает свою песню картиной рыдающей стонущей природы:

Ах далече, далече в чистом поле,
Расплачется травушка зеленая,
Унимает ее мати земля сырая,
Не плачь, не плачь трава мурава;
Не одной тебе в чистом поле тошненько,
И мне еще тово тошнее[1].

Пословицы и поговорки того времени также мало изучены. После полтавской победы широко распространилась пословица «Пропал как швед под Полтавой». Кровавая расправа Петра с восставшими стрельцами, предводители которых были повешены на зубцах Кремлевской стены, породила пословицу «Что ни зубец, то стрелец». Преследования раскольников, насмешки над ними отразились в пословицах: «Лоскут на ворот, а кнут на спину»[2], «Борода — лишняя тягота».

Из раскольничьей среды вышло много пословиц, направленных против различных новшеств бытового характера: «Кто табак пьет да курит, тот святый дух из себя турит», «Кто пьет чай, тот спасения не чай», «Кто кофей пьет, того гром убьет» и т. п.

Много пословиц появилось в связи с жестокими пытками в московских застенках — у церкви Петра и Павла в селе Преображенском и за церковью «великомученицы Варвары» у Варварских ворот: «Пришла правда не от Петра и Павла», «Правда к Петру и Павлу ушла, а кривда по земле пошла», «Кому Варвары, а мне голову оторвали», «Иди к Варваре на расправе».

Русское устное народное творчество этого времени своеобразно по своим художественным особенностям — композиции, стилю, новое содержание потребовало новой формы.

Исторические солдатские песни кратки, сжаты — это отдельные эпизоды, картины из большого полотна. Эти эпизоды, картины реалистичны, динамичны: действующие лица наделены чертами, в основном соответствующими исторической правде (безрассудная заносчивость, запальчивость Карла, коварство Мазепы): действие развертывается в определенном месте (Азов, Рига, Красная Мыза, Полтава, Москва, Петербург, Всехсвятское, улица Воскресенская, собор Петропавловский и т. п.), в определенное время («шестого месяца июля», «накануне было Петрова дни», «как во тысяча семьсот во первом году» и т. п.). В исторических песнях наблюдаются и традиционные художественные приемы, характерные для исторических песен XVI—XVII вв., механически перенесенные в XVIII в. (взятие города подкопом, хитростью).

Сказки этого времени тоже своеобразны по композиции, стилю — это бытовые сценки, тесно связанные с тогдашней современностью: действую-

[1] *М. Д. Чулков*. Соч., т. 1, стр. 429.
[2] Раскольникам при Петре I нашивали на ворот лоскут.

щие лица не сверхъестественные существа, а люди, жившие в то время; действие происходит обычно в России — в Петербурге, Москве, Туле, во дворце Петра, в кабаке, в лесу — в разбойничьем притоне и т. п.

Сказки большей частью очень кратки: они не имеют ни зачина, ни концовки, но они насыщены фактами, событиями, в них много движения.

Пословицы, поговорки, изречения, употреблявшиеся в это время (Петром, его сподвижниками), характерны своей динамичностью: «Куй железо пока горячо», «Промедление смерти подобно» и др.

В устных народных произведениях этого времени много новых слов (император, фельдмаршал, матрос, драгун, Сенат и др.), новых выражений («молодой сержант на часах стоит», «кому у нас будет Сенат судить», «солдат во строю стоит» и т. п.).

Необходимо подчеркнуть, что творцы устных народных произведений широко использовали достижения прошлого в области художественного мастерства (живописные пейзажи, яркие метафоры и эпитеты, образная речь).

Украинский и белорусский народы во время Северной войны остались верными союзу с русским народом. Партизанские отряды, украинские и белорусские, оказали большую помощь регулярной русской армии в ее борьбе со шведами. Подъем народного самосознания проявился в устном творчестве — исторических песнях, сказках, пословицах.

Большой цикл народных песен, сказаний посвящен украинскому национальному герою Семену Палию, борцу против изменников — Мазепы и мазепинцев, против шведских интервентов и польской шляхты. В песне Палий, узнав об изменническом заговоре Мазепы, бесстрашно заявляет ему:

Вперед будешь, гетмане Мазепо,
У стовба стоять.

Мазепа предательским способом схватил Палия и заключил в темницу, но и «сидячи в темници», он бесстрашно называет Мазепу изменником.

Красочно рисуется участие Палия в Полтавской битве — он, как сказочный богатырь, бьется со шведами:

Та ще хмилю та ще зелененький
На тычину не извився,
А вже Палий пид Полтавою
Из шведом побився.
Та ще хмилю та ще зелененький
Головок не схилив,
А вже Палий пид Полтавою
Тай шведив побив[1].

В белорусской сказке «Петро Велики» отразились события стрелецких мятежей. Добрый человек спрятал царицу в соломе, когда пришли

[1] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 178—187.

мятежники, здесь-то и родился Петр. Один из них вилами «парнув у салому». Петр закричал «з саломы таким громким голасам», что мятежники от страху не могли двинуться с места— «стаяць да калоцятца бы асина». Младенец оказался «хлопец у косы сажэнь вышынею»[1].

Тяга народа к чтению в течение XVIII в. удовлетворялась в некоторой степени лубочными изданиями исторического и литературного содержания.

Молодой Ф. Энгельс с увлечением писал о немецких народных книгах: «Эти старые народные книги, с их старинной речью, с их опечатками и плохими гравюрами, обладают для меня исключительной поэтической прелестью». Среди народных книг Энгельс различал, с одной стороны, такие, которые имели «...своей задачей развлечь крестьянина, когда, утомленный, он возвращается вечером со своей тяжелой дневной работы, позабавить его, оживить, заставить его забыть свой тягостный труд... обратить мастерскую ремесленника и жалкий чердак замученного подмастерья в мир поэзии, в золотой дворец...» С другой стороны, Энгельс отмечает книги, которыми прививалось средневековое суеверие: «Сказание о Фаусте низведено до уровня банальной истории о ведьмах, прикрашенной ординарными анекдотами о волшебстве...»[2]

В русском лубке XVIII в. тоже нужно различать произведения народные-прогрессивные и реакционные: к первым относятся повести легендарно-сказочного и легендарно-исторического характера, а также сатирического и юмористического содержания, ко вторым — произведения религиозно-церковного содержания.

Тексты народных картинок большей частью анонимны. Авторами текстов картинок религиозного содержания были обычно церковники — от архимандритов до церковных певчих. Тексты светских народных картинок сочинялись грамотеями из слоев, близких к народным низам, что подтверждается самым содержанием и языком (тяготение к простонародной речи, к народным сказаниям, легендам).

Авторы народных картинок широко применяли новеллу в прозаической и стихотворной форме.

Лубочные издания в изучаемое время носили официальный характер и печатались в государственной типографии. Но уже в это время, по словам Д. А. Ровинского, граверы, состоявшие на государственной службе, начали печатать картинки на свой счет в казенных типографиях и продавать их в свою пользу. С 1727 г., когда граверы были уволены с казенной службы, они стали работать исключительно на себя: с 30-х годов появляются в Москве фабрики, на которых в огромном количестве печатались лубочные издания.

В первой четверти XVIII в. напечатано несколько народных карти-

---

[1] *А. К. Сержпутовский.* Сказки и рассказы белорусов-полещуков. СПб., 1911, стр. 136—138.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. II, стр. 26, 30, 33.

нок с текстом научного характера. В 1709—1715 гг. «под назрением» (то есть под редакцией) Я. В. Брюса и «тщанием библиотекаря Василия Киприянова» был напечатан календарь, получивший название Брюсова календаря, содержавший сведения географического и астрономического характера (восход и заход солнца и луны, затмение солнца и луны и др.).

Почти одновременно с Брюсовым календарем напечатана народная картинка — «Глобус небесный или о сфере небесной», в которой в популярной форме давались научные сведения по космографии, кратко излагалась в стихах система Птоломея и Коперника.

Еще больший интерес представляет народная картинка — «Карта земли и неба 1717 года», напечатанная библиотекарем В. Киприяновым «под назрением» генерала Я. В. Брюса. В этой народной картинке пропагандировалась система Коперника: картинка предназначалась «трудолюбивым юношам, и всякого возраста, иже разумети желают течение, яко неба тако и земли по Коперникову разсуждению...»[1]

К этому времени относятся картинки исторического характера — «Мамаево побоище», дидактического — «Старый человек и смерть» — переложение известной басни Эзопа.

Наряду с указанными выше светскими картинками, дававшими народу полезные сведения, научные и исторические, продолжали печататься картинки религиозно-церковного характера («Притча о богатом и убогом Лазаре», «Притча о десяти девах», «Мучение Георгия» и др.), представляющие собой переложения библейских и житийных легенд.

Позднее появилась картинка под названием «Мыши кота погребают»— сатира на Петра и его деятельность, вышедшая из среды раскольников и реакционных слоев. В ней осмеиваются лесть, лицемерие придворных и выражена радость по поводу смерти царя, изображенного в виде кота, который, «когда в живности пребывал, по целому мышонку глотал». Сатира «Мыши кота погребают» написана живым языком, той «складной речью», какая характерна для скоморошьих творений. Автор этой картинки остался неизвестным[2].

К народной литературе относится еще один замечательный памятник — драма «Царь Максимильян», пользовавшаяся большой популярностью в широких народных массах. Литературным источником этой драмы, по мнению проф. Благого, могло послужить житие мученика Никиты, сына Максимильяна, подвергшегося жестоким мучениям со стороны отца за исповедание христианской веры[3]. Поводом к составле-

---

[1] *Д. А. Ровинский.* Русские народные картинки, кн. II., СПб., 1881, № 591, стр. 276—279; № 593, стр. 282—283.

[2] Через 35 лет знаменитый сатирик Д. И. Фонвизин изобразил погребение зверями царя-льва (басня «Лисица-казнодей»), причем показал жестокий нрав царя, подлую лесть придворных и трепет подданных — простых зверей.

[3] *Д. Д. Благой.* История русской литературы. М., 1951, стр. 85.

нию драмы «Царь Максимильян» послужило столкновение Петра с царевичем Алексеем, закончившееся арестом, судом и смертью Алексея. Однако пьеса «Царь Максимильян» не ограничивается изображением столкновения между отцом и сыном, а переходит в сатиру на царя, самоуправного, своевольного и жестокого.

Текст этой пьесы изменялся, дополнялся, сохранялся только остов драмы, вследствие чего и не могли дойти до нас старинные записи драмы «Царь Максимильян» (драма сохранилась в списках конца XIX в.).

Картинка «Мыши кота погребают» и драма «Царь Максимильян» выходят из рамок сатиры на личность Петра, в дальнейшем своем бытовании они воспринимались как протест против царского деспотизма, благодаря чему произведения эти пользовались в течение двух веков большим успехом среди широких народных масс.

* * *

Литература первых десятилетий XVIII в.— явление сложное по своему идейному содержанию и по форме. Борьба нового со старым является для нее определяющим началом. Надо учитывать, что большая часть древнерусских литературных памятников продолжала бытовать и в это время: к первым десятилетиям XVIII в. относится большое количество списков с древних письменных памятников. Ряд произведений старинной литературы, таких, например, как «Повесть о Горе-злочастии», «Повесть о Карпе Сутулове» и др., дошел до нас только в списках XVIII в. Некоторые из древнерусских произведений («Повесть об Акире Премудром», «Повесть о Петре и Февронии») переделываются в соответствии с новыми требованиями и вкусами. Древнерусские литературные произведения, бытовавшие в начале XVIII в., были очень разнообразными, начиная с аскетических поучений и кончая резкими сатирами на суд, администрацию, монашество.

В оригинальной литературе первых десятилетий XVIII в. не было единого литературного направления. Наряду с начальной стадией реалистического направления, с зарождающимся русским классицизмом сосуществовали религиозно-церковная мистика и средневековая схоластика.

В первой трети XVIII в. наблюдается многообразное и своеобразное движение в области литературных жанров, оживленно идет процесс разложения старых и зарождения новых жанров. В это время продолжают бытовать повести и произведения одического характера (панегирик, песнь, «умиленные» канты), школьная драма, эпиграммы, эпистолы и др., но вместе с этим появляются новые жанры: публицистическая ораторская речь, любовная песня, стихотворная сатира, стихотворные фацеции, исторические канты и др.

Народная картинка „Мамаево побоище" (Де

Россия в первой четверти XVIII в.

картинка „Мамаево побоище" (Деталь).

Главными центрами, в которых развивалась литература, были Киево-Могилянская академия и московская Славяно-греко-латинская академия, а основная группа поэтических кадров составлялась из лиц духовного звания — преподавателей академии. Нужно учитывать, однако, довольно многочисленную группу поэтов из других слоев населения — авторов светской рукописной литературы — любовных песен, притч, различного рода юмористических произведений и т. д.

В первой группировке ведущую роль играло прогрессивное течение (Ф. Прокопович, И. Турбойский и др.).

Среди писателей первых десятилетий XVIII в. выделялся Феофан Прокопович (1681—1736). Знаток философии и художественной литературы, античной и эпохи Возрождения, рационалист, поклонник Декарта и Бэкона, Прокопович был выдающимся русским просветителем первых десятилетий XVIII в. Однако Прокопович был воспитанником схоластической школы, являлся представителем церковной иерархии, и следы схоластики оставались в его идеологии.

Его перу принадлежат произведения самого разнообразного характера: юридические и законодательные («Духовный регламент», «Правда воли монаршей»), педагогические («Первое учение отрокам»), научно-теоретические («De arte poetica», «Rethorica»), художественные (трагедокомедия «Владимир», «Епиникион» и др.), публицистические («Слова и речи»).

Феофан Прокопович занимает видное место в истории русской литературы — он был одним из зачинателей раннего русского классицизма, учителем А. Кантемира, предшественником М. В. Ломоносова.

Прокопович в своих проповедях («Слова и речи») дает яркий образ родины, мощно растущей России: «Как незапно да вельми знатно... стала в славу и пользу возрастати Россиа! растет человек, растет древо, ведаем, да никакими очима не можем усмотрети растительнаго движения: а мир весь ясно видел, как народ российский, когда весьма ему исчезнути многии провещали, возрастал высоко и аки бы подымался, от гнушения в похвалу, от презрения в страх, от немощи в силу»[1].

В «Словах и речах» Прокоповича, проникнутых горячим патриотизмом и сочувствием к реформам, много ярких, живых образов. Излюбленная тема Прокоповича — прославление побед русской армии и пропаганда преобразований. В своем увлечении Прокопович награждал Петра всеми возможными положительными качествами, в то же время отмечая ряд черт, действительно характерных для Петра I, как страсть к знанию, трудоспособность и т. д.

В своих публицистических произведениях Прокопович часто обращался к сатире. Остро нарисованы им типы вельмож-царедворцев: «Когда слух пройдет, что государь кому особливую свою являет любовь ..,

---

[1] *Ф. Прокопович.* Слова и речи, ч. II, СПб., 1761, стр. 82.

вси к тому на двор, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, служити ему и умирати за него будто бы готовы, и тот службы его исчисляет, которых не бывало, тот красоту тела описует, хотя прямая харя, тот выводит рода древность из-за тысячи лет, хотя бы был харчевник или пирожник». «Найдет как бы похвалити и кашель господский. Услышит о болезни, господину тотчас свои ломы и шумы повествует, каков в историях хитрец Клеон, который, увидав, что Дарий себе ногу повредил, тотчас хромати начал с великим старанием».

Не менее ярко изобразил Феофан врагов нововведений, пытавшихся отстоять старое, отжившее. Они «таковаго некоего в мысли своей имеют урода, что все им грешно и скверно мнится быти, что либо увидят чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и не богопротивно, например: лучше любят день ненастливый, нежели ведро: лучше радуются ведомостьми скорбными, нежели добрыми: самаго счастия не любят... хотели бы всем человеком быти злообразным, горбатым, темным, не благополучным, и разве в таковом состоянии любили бы их»[1].

Блестящий мастер ораторского искусства Феофан Прокопович был врагом абстрактности в содержании, изысканности и витиеватости в речи, он стремился к конкретности, простоте и доступности. Прокопович обильно насыщал свою речь примерами, взятыми из истории и литературы, широко привлекал бытовые сцены.

От первых десятилетий XVIII в. до нас дошло несколько повестей («Гистория о российском матросе Василии Кориотском», «История о Александре, российском дворянине»)[2].

Василий Кориотский, бедный дворянин, матрос, благодаря личным качествам — уму, знаниям, отваге, честности, достигает на жизненном поприще высоких степеней. Если «дерзание» молодого человека XVII в.— безымянного молодца из повести «О Горе-злочастии», или купеческого сына Саввы, героя «Повести о Савве Грудцыне», закончилось полным поражением, то дерзания Василия Кориотского, наоборот, увенчались блестящей победой над самыми тяжелыми злоключениями. «Горе-злочастие» оказалось побежденным силой разума человеческого. Василий исполнен чувством собственного достоинства, к нему, по его словам, все, с кем он имел дело на Западе, относились с неизменным вниманием, уважением, любовью. «Гость (купец) его приятно увещевал, дабы от него не отлучился, и обещался во всем, яко родного сына, наследником учинить». Императору австрийскому было известно, что Василий — русский матрос и что «фамилия его небольшая», но, несмотря на это, он жалует его «своим сердцем искренним», «понеже,— заявляет цезарь,—

---

[1] *Ф. Прокопович.* Указ. соч., ч. III, СПб., 1765, стр. 34; ч. 1, СПб., 1760, стр. 241—242.

[2] Некоторые из литературоведов относят написание повести «История о Александре, российском дворянине» к 1728—1732 гг. (См. «Труды отдела древнерусской литературы», т. VII. М.—Л., 1949, стр. 422).

я вижу вас достойно разума», а затем объявляет названным своим братом: «Государь мой братец, Василей Иванович, во истину всякой чести достойной!.. И я вас, мой государь Василей Иванович, иметь буду вместо брата роднаго»[1].

Образ Василия Кориотского был в значительной степени характерным для этого времени: дворянин «небольшой» фамилии, российский матрос, благодаря «разуму» своему поднялся на высокие ступени в тогдашнем обществе.

В другой повести дворянин Александр — сын богатых родителей, но блестящие успехи его на жизненном поприще объясняются исключительно личными качествами. Будучи еще дома, он учился с таким успехом, что «от природы данной разум в нем так изострился, что философии и протчих наук достигл». Отправившись за границу и поселившись во Франции, в городе Лилле, он быстро выдвигается среди всех приезжих «кавалеров»; «красоту лица и остроту ума его усмотря, между всеми приезжими ковалерами первинством почтили». Далее изображаются непрерывные победы Александра. Он победитель сердец самых блестящих французских красавиц; прошли времена «Горя-злочастия», когда большим грехом считалось проявление любовных чувств.

Александр — храбрый витязь, прославившийся своими воинскими подвигами на весь мир; в случае обиды рыцаря «гнева и победы», то есть Александра, носившего этот девиз, за честь его «вся Европия встанет». Автор повести наградил русского «кавалера» богатырскими чертами. Александр легко побеждает славного рыцаря Тигнанора — одного из самых сильных английских «кавалеров»: он его «так силно в груди ударил, что латы просекл и из седла Тигнонора вышиб, а потом копием тупым концом ударил и поверже на землю его, яко мертва»[2].

Повесть об Александре написана, повидимому, в конце первой четверти XVIII в., после славных побед над шведами, когда сознание собственного достоинства поднялось у представителей русского общества на большую высоту. Александр — победитель в столкновении с прославленными западноевропейскими рыцарями, а английскому королю, обидевшему его, с достоинством заявляет: «Вашему величеству покорно доношу, что вы «кавалера гнева и победы» ищите, конечно, уже не сыщете, которым было вам не надлежало так ругатися и чинить, понеже во многих странах сила и кавалерство и слава всем известна».

В повести отразились также отрицательные стороны дворянского быта того времени, такие, как прожигание жизни дворянской молодежью за границей.

Главное место в литературе первых десятилетий XVIII в. принадлежало одическим жанрам. В это время часто устраивались раз-

---

[1] «Русские повести XVII—XVIII вв.» под ред. В. В. Сиповского. СПб., 1905, стр. 110, 119—120.

[2] Там же, стр. 130, 158.

личного рода публичные торжественные церемонии, во время которых играли большую роль пение и музыка. При торжествах по поводу полтавской победы, согласно описанию в «Журнале» Петра I, произносились поздравительные речи или «орации». После заключения Ништадтского мира в Москве во время торжеств у специально возведенных «триумфальных врат» также произносились речи, гремела музыка, распевались песни.

Орации, канты и песни приурочивались к торжественным событиям. Дмитрий Ростовский воспел взятие русскими войсками Нарвы:

Льва немецка вся сила изменися,
О камень твердый Петра сокрушися...
Крепкие стены Нарвы, аки Трои,
Суть сокрушенны от Роской зброи[1].

После полтавской победы Феофан Прокопович написал произведение, названное им «Епиникион» (Победная песнь). Прокопович в обычном для панегирика возвышенном тоне с широким привлечением метафор и гипербол восхваляет силу, храбрость, неустрашимость Петра и порицает и «казнит» Карла за злобу, гордость, самонадеянность, а Мазепу — за подлую измену, лукавство и трусость. И в этом произведении Прокопович проявил себя новатором. В картине боя им даны смелые, оригинальные образы: «Страшный и великий град падает железный» (вместо обычных — «тучи стрел, «дождь стрел»); «не таков во море шум слышится, егда ветр на ветр ударяет» и т. п. В то же время в описании Полтавского боя ощущается традиция, шедшая от исторических повестей XVII в.[2]

В том же 1709 г. сочинено было произведение, названное автором его «Победославной песнию»[3].

Автор «Песни» на Полтавскую победу — горячий патриот, он восторженно приветствует победу, радуется тому, что Россия осталась «непобежденна, швед ее не одолел», но в то же время он сторонник мира, его заветные мечты сводятся к тому,—

Чтоб Россия впредь достала
Мир и благоденствие,
Радость и веселие.
Да Москва всегда стояла
Несмущенна без войны,
И в соединении.

[1] «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. 8, стр. 234—235.

[2] См. картину боя в «Епиникионе» и картины боев в Исторических повестях начала XVII в. (РИБ, т. 13. СПб., 1909, стр. 30, 701, 1222 и др.). *В. Н. Перетц.* Очерки старинной малорусской поэзии. «Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук», т. VIII, кн. 1. СПб., 1903, стр. 91. Ср. концовку народной песни «Как по крутому по красному по бережку». *М. Д. Чулков.* Соч., т. 1, стр. 437.

[3] «Собрание разных записок и сочинений», изд. Ф. Туманского, ч. 8, во граде святого Петра, 1788, стр. 128—134.

Автор — поборник науки и просвещения, по его мнению, Петр велик своими победами, но еще более он прославится любовью к наукам:

К сим он простирает руки,
Сей бо добродный сок
Сердцу даст живой поток.

По своей идейно-политической направленности «Победославная песнь» характерна для изучаемого времени (призыв к защите родной земли, к борьбе за науку, просвещение). По всей «Песни» рассыпаны характерные по своей реалистичности намеки на конкретные исторические события: шведский король оставил без защиты Ингерманландию и Нарву, шведы возгордились, но все изменилось, перевернулось — «их же смех и превратился», то есть обратился на них самих. В недавнем прошлом России довелось перенести тяжелые испытания, а теперь она веселится, поздравляет Прусса (намек на союз Петра с Пруссией) и т. п.

В «Победославной песне» налицо и «богатство украшения» — обильные аллегории и олицетворения («Нам сие Полтава скажет», «Днепр сам то изрекает», «Россия веселится») и «великолепие изображений», проявляющееся в смелых гиперболах, и обращение к древнегреческим языческим божествам — Марсу, Палладе, Латоны мудрому сыну. Однако автор не выдерживает «вознесения слога» и не раз спускается к «низкому» стилю, пользуется обычной простой речью.

Вместе с тем в «Победославной песне» имеется большое количество очень тяжелых оборотов речи. По слогу своему она отчасти напоминает произведения Тредиаковского.

«Победославная песнь» не укладывается в рамки схоластического панегирика. Она выросла на базе поэзии Прокоповича и своим подходом к действительности отвечала новым требованиям.

Другое крупное произведение этого времени — «Песнь приветственная» посвящена заключению Ништадтского мира. Она написана кем-то из профессоров Славяно-греко-латинской академии и напечатана на русском и латинском языках в Москве в 1721 г. Автор «Песни приветственной» охвачен радостью по поводу заключения мира, после победы по русской земле распространилось общее ликование, народ обращается к новой жизни.

Орации, победоносные песни и исторические канты этого времени служат преддверием русской классической торжественной лирики 30—60-х годов.

Довольно широкое развитие получила в первой четверти XVIII в. бытовая и любовная лирика. Традициями своими она уходит, с одной стороны, в устную народную песню, а с другой — в религиозно-церковные песни XVII в., дошедшие до нас в рукописных сборниках. Зависимость русской книжной песни от польской и западноевропейской, кото-

рая утверждалась буржуазными историками литературы XIX и начала XX в., безусловно преувеличена.

Русская книжная бытовая и любовная лирика первой четверти XVIII в. связана с украинской книжной лирикой и с устной народной песней, что подтверждается содержанием и стилем целого ряда песен, например таких:

Фортуна злая, что так учиняешь,
Почто с милою меня разлучаешь?..
Ох, свет мой горький моея младости,
Печально сердце, не имею радости... и др.[1]

Лучшая бытовая песня того времени «То не пал туман на сине море» написана П. С. Львовым по фольклорной основе. Песня эта пошла в народ и в дальнейшем помещалась в песенниках как устная народная песня.

Несколько лучших любовных песен этого времени — «Ох, свет мой горький», «Како не лишатися веселия мне ныне»—написаны, по мнению некоторых исследователей, поэтессой княжной Прасковьей Трубецкой, близкой к семье А. Д. Кантемира. От ее песен веет непосредственностью, искренностью, горячим любовным чувством:

Мои утехи в плач ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,
Тяжка туга меня сокрушает,
Злая ж печаль жизни мя лишает....
Кого бедная сердечно любила,
Того несчастьем своим утратила.

Песни Прасковьи Трубецкой носят следы влияния народной поэзии, они сделались популярными, распевались в течение всего XVIII в.

Сочинением любовных песен увлекался в юношеские годы А. Д. Кантемир:

Довольно моих поют песней и девицы
Чистыя, и отроки, коих от денницы
До другой невидимо колет любви жало.

Песни Кантемира остались нам неизвестны. Впоследствии он сожалел о своем юношеском увлечении:

Шуток тех минулося время, и пристало
Уж мне горько каяться, что дни золотые,
Так непрочно стратил я, пиша песни тыя[2].

---

[1] «Вирши» под. ред. П. Беркова, Л., 1935, стр. 275—283.

[2] *А. Д. Кантемир.* Сочинения, письма и избранные переводы, т. 1. СПб., 1867, стр. 92.

* * *

В 1702 г. в Москве на Красной площади был построен общедоступный театр. Приглашена была немецкая труппа актеров во главе с Иоганном Кунстом, который по заключенному им контракту обязывался «царскому величеству всеми вымыслами, потехами, угодить, и к тому всегда доброму, готовому и должному быти»[1].

После смерти Кунста (1703 г.) во главе труппы стал Отто Фюрст. Труппа Кунста представляла собой ответвление труппы известного немецкого антрепренера Фельтена, театральную практику которого Кунст продолжал в Москве в Петровском театре. Репертуар труппы Кунста состоял большею частью из переделок испанских, французских, итальянских и немецких пьес[2]. Этот театр просуществовал недолго, лишь до 1707 г.

С 1707 по 1711 г. в Москве, в селе Преображенском, существовал театр при дворе царевны Натальи Алексеевны, переведенный затем в Петербург. Вход в театр Натальи Алексеевны был довольно свободный, разумеется, для привилегированной публики. В этом театре ставились пьесы религиозно-церковные и светские, переводные и оригинальные (вернее, переделки), артисты были русские[3].

В Москве, в селе Измайлове, при дворе царицы Прасковьи Федоровны тоже существовал театр[4]. Кроме того, время от времени в Москве выступали любительские труппы, состоявшие из «разных чинов людей» (подьячие, семинаристы и др.), ставившие пьесы типа «Истории о храбром рыцаре Петре Златых Ключей».

Большое значение в это время имел школьный театр. Он содействовал развитию русской оригинальной драматургии. Школьная драма — религиозно-церковное произведение — на сюжеты главным образом библейские, житийные, преследовавшие пропаганду христианской морали, религии. В России школьная драма стала развиваться с XVII в. в Киево-Могилянской, а с XVIII в.— в московской Славяно-греко-латинской академии, медицинской школе в Москве и в ряде духовных семинарий. В школьной драме широко применялись символы, аллегория, в качестве действующих лиц очень часто выступали аллегорические и мифологические фигуры, писалась драма обычно стихами.

С начала XVIII в. школьная драма в Москве начинает видоизменяться, бурная жизнь этого времени повлияла на схоластическую омертвевшую

[1] *П. П. Пекарский.* Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1862, стр. 422.

[2] См. «Московский театр при царях Алексее и Петре». Материалы, собранные С. К. Богоявленским. «Чтения ОИДР», 1913, кн. 2, стр. 145—146; *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. I, стр. 428—429.

[3] *И. А. Шляпкин.* Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. «Памятники древней письменности», т. CXXVIII, 1898.

[4] *М. И. Семевский.* Царица Прасковья, 1664—1723. СПб., 1883, стр. 172.

драму, в ней зазвучали отклики на происходившие тогда «мирские» события, а на сцене появились «мирские» лица.

В комедии «Страшное изображение второго пришествия господня на землю» отражена происходившая тогда в польском сейме борьба вокруг вопроса о союзе с Россией против Швеции. В драме «Свобождение Ливонии и Ингерменляндии», напечатанной в 1705 г., под видом побед Моисея над полчищами Амалика изображены победы Петра над Карлом XII[1].

Еще теснее связана с русской действительностью драма «Божие уничижителей... гордых уничижение», напечатанная в 1710 г. В заглавии и «предидействии» даются ясные указания на то, что в пьесе будет изображаться победа под Полтавой, посрамление гордеца Карла XII и проклятого изменника Мазепы.

Значительно дальше отошел от схоластической драмы Ф. Прокопович. В 1705 г. он написал выдающуюся для своего времени пьесу — трагедокомедию «Владимир», которая была в том же году разыграна студентами Киево-Могилянской академии. Ф. Прокопович сочинил светскую историческую драму, в качестве сюжета им взято историческое событие — замена язычества христианством при князе Владимире. Но в главном образе—Владимире—нет ни мистики, ни экзальтированности, основная черта в нем — трезвый ум государственного мужа. Прежде чем решиться на замену язычества христианством, он всесторонне обсуждает предполагаемый шаг, говорит о необходимости обсудить «трезвым разумом»[2].

Во «Владимире» Ф. Прокопович держится четкой, логически построенной композиции; желая придать пьесе стройность, компактность, он избегает всего, что могло бы излишне растягивать действие, загромождать сцену большим количеством действующих лиц. В каждом из пяти действий «Владимира»— не более четырех явлений (в первом — два, во втором — четыре, в третьем — четыре, в четвертом — два, в пятом — три), в каждом из явлений — на сцене не более пяти лиц. В своей пьесе Прокопович соблюдает единство действия и времени.

Прокопович прокладывал путь к подлинной национально-исторической тематике в русской драматургии. До него в русской схоластической драме национально-исторические черты допускались лишь под покровом символов, аллегорий религиозного характера. Национальная тематика придавала драме Прокоповича реалистические черты. Образы Курояда, Пеяра и Жеривола нарисованы так живо, что современники Прокоповича видели в них представителей тогдашней реакционной части духовенства. В пьесе «Владимир» рассыпаны живые исторические и бытовые сцены (убийство Ярополка, сцена с козлом, принесенным князем Владимиром в жертву богам, и т. п.). Прокопович отказался от привлечения греко-римской мифологии: в драме его речь идет о древнерус-

[1] *Н. С. Тихонравов.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. 2. СПб., 1874, стр. 7—11, 345—355

[2] Там же, стр. 323—324.

ских языческих божествах — Ладе, Купале, Перуне. Заслугой Прокоповича является и то, что он освободил свою драму от обычного в его время загромождения символами, аллегориями и метафорами. Хотя трагедокомедия «Владимир» в большей своей части написана высоким слогом, но она свободна от витиеватости, напыщенности и словесной украшенности, в языке трагедокомедии «Владимир» налицо украинизмы. Дань религиозно-церковной схоластике со стороны Прокоповича в этой драме очень скромна и носит чисто официальный характер (изложение христианской догматики греческим философом и хор-эпилог с апостолом Андреем и ангелами).

Трагедокомедия «Владимир» заключает в себе черты, характерные для будущей классической драматургии, как рационалистичность, соблюдение единств и т. д. «Владимир» — вершина школьной драмы, по форме своей относится к разряду схоластических драм, но по идейному содержанию далеко отстоит от них, являясь преддверием лучших классических драм середины XVIII в. («Тамира и Селим» Ломоносова).

Помимо Славяно-греко-латинской академии, в Москве был другой центр, где развивалась русская драматургия,— московский «гофшпиталь», основанный в 1706 г. и долгое время руководимый доктором Бидлоо. При госпитале была открыта медицинская школа, ученики которой набирались из разных сословий, причем значительную часть из них составляли переходившие в школу ученики Славяно-греко-латинской академии.

Бывшие питомцы академии приносили с собой известные знания и некоторую технику в области драматургического мастерства. Директор хирургической школы Бидлоо воспользовался этим и организовал школьный театр. Две лучшие («Слава российская» и «Слава печальная») из пяти известных нам по воспоминаниям современников пьес, ставившихся в госпитале, написаны учеником школы Федором Журовским, бывшим воспитанником Славяно-греко-латинской академии. Пьесы эти по форме продолжают традиции обычной школьной драмы с прологами, антипрологами, с многочисленными символами и аллегориями, но по содержанию своему, по идейной направленности они решительно отходят от школьной драмы. Журовский пишет исторические драмы, явно следуя традиции, шедшей от Феофана Прокоповича, — от его «Владимира» и публицистических «Слов и речей».

«Слава российская» Журовского невелика по объему — в ней два акта. В первом действии изображается упорная борьба России с многочисленными сильными врагами—Швецией, Турцией, Польшей, Персией, победа над ними и славный мир, во втором — прославляется «добродетель российская», то есть Екатерина I. По композиции, развитию действия «Слава российская» близка к драме «Божие уничижителей... гордых уничижение». Журовский в своей драме выступает, как и Прокопович, горячим сторонником Петра. Основной образ, запечатленный в произведениях Прокоповича, это образ возрождающейся России, растущей

и крепнущей. В драме Журовского основная тема связана с родиной. В начале пьесы она показана страдающей, плачущей, враги стараются подвергнуть ее осмеянию и поруганию. Но из борьбы Россия вышла победительницей. «Слава» выступает и возвещает на весь мир:

Услышите от мене гласы неслыханны,
Яже предлагаю вам чудеса пространны.
Прежде злыя пагубы Россию сретали,
Ныне на ню вся блага себя излияли;
Вси, иже прежде на ню роги возносиша,
Ныне ся ей покорне под нозе смириша[1].

Недавно открытая и опубликованная драма «Слава печальная»[2] представляет большой интерес для изучения драматургии этого времени. В «Славе печальной» дается общая оценка происходивших событий.

Журовский и в этой пьесе находился под сильным воздействием Феофана Прокоповича, его знаменитых речей — «Слова на погребение Петра Великого» и «Слова на похвалу памяти Петра Великого». Вторя Прокоповичу, Журовский говорил, что Петр «сокрушил, стерл врагов», «неисчетные России явил благодеяния: Россия бых прежде посмеваема, озлобляема... ныне обогащаема, почитаема, поклоняема, страшна врагам и преславна».

Прокопович восхвалял успехи в области просвещения, «неслыханная учения, хитрссти и мастерства». Журовский в «Славе печальной» почти то же самое говорит в стихотворной форме:

Не дал ли Петр России днес архитектуру,
оптику, механику, да учат структуру,
музыку, медицину, да полированны
будет младых всех разум и политизованны[3].

В своих драмах Журовский так же, как и Прокопович в «Словах и речах», не избежал риторических преувеличений в характеристике деятельности Петра.

В Киеве, а затем в Москве при постановке серьезных школьных драм вошло в обычай между действиями или явлениями вставлять небольшие сценки, которые назывались интермедиями (лат. intermediae — «междудействие»). О широком применении интермедий в школьном театре московской академии можно судить по тому, что при исполнении драмы «Божие уничижителей... гордых уничижение» разыгрывалось девять интермедий. Интермедии сначала тесно примыкали к содержанию основной пьесы, а затем получили самостоятельное место. Они носили быто-

---

[1] *М. И. Соколов.* Слава российская. «Чтения ОИДР», 1892, кн. 2, отд. II, стр. 12.

[2] *С. А. Щеглова.* Неизвестная драма о смерти Петра I. «Труды отдела древнерусской литературы», т. VI. М. — Л., 1948, стр. 376—404.

[3] Там же, стр. 386.

вой злободневный, сатирический или шуточно-развлекательный характер. На сцене выступали отсталый раскольник, невежественный дьячок, взяточник-подьячий, незадачливый лекарь, ловкий плут, мошенник и т. д. В этих пьесках допускалась широкая импровизация со стороны актеров, и потому содержание их было очень подвижным. Они отличались живой, бойкой разговорной речью, пересыпанной каламбурами и прибаутками. Интермедии имели связь со скоморошьими сценками, от них идут нити к народному лубку и к русской комедии XVIII в.

Освобождение дворянского общества от церковной исключительности отчасти связано с внедрением в русскую литературу образов античности. В школьных драмах, разыгрывавшихся в стенах Славяно-греко-латинской академии, античные боги и герои греческой и римской мифологии очень часто выступают на сцене как действующие лица.

Античная мифология, в виде картин и надписей к ним, выносится на московские улицы, площади, предлагается широким народным массам. В 1696 г. к торжествам по случаю взятию Азова в Москве были устроены триумфальные ворота, на которых имелись изображения античных богов — Нептуна, Марса. В 1703 г. по случаю взятия крепостей Ямбурга и Копорья были воздвигнуты «торжественные врата», украшенные картинами мифологического содержания, примененными к происходившим тогда военным событиям. «Учители и все учительное собрание» «славенороссийских училищ», вероятно, полагали, что картины на вратах не будут поняты населением Москвы и поэтому заблаговременно была выпущена небольшая книга с объяснениями мифологических изображений: «Аполлон и Диана состреляют сыны прегордыя Ниобы, сиречь свейские земли», то есть Швеции; «вверху написахом... победу во образе девы, ломленное оружие и главы убиенных поправшую... Геркулеса, держащего на чепи льва[1] шведского побежденного».

По случае торжеств после побед в Прибалтике, в декабре 1704 г., академией были вновь сооружены «торжественные врата», украшенные картинами мифологического содержания, объяснения к которым были даны в небольшой брошюре, составленной префектом и учителем философии московской академии Иосифом Турбойским «со всеми учителями». Авторы брошюры в предисловии убеждают зрителей не смущаться изображениями на вратах: «Ведати тебе подобает», что это «политичная, си есть гражданская,похвала труждающимся о целости отечества своего»[2].

В 1709 г. в связи с празднованием Полтавской победы, корпорацией «Еллино-славено-латинской» академии были устроены триумфальные «врата», украшенные многочисленными картинами на сюжеты, заимствованные из греко-римских мифов, сказаний Овидия, Фукидида и др. Картин и надписей к ним было так много, что для объяснения их потре-

---

[1] Лев — герб Швеции.

[2] *П. П. Пекарский.* Указ. соч., т. II. СПб., 1862, стр. 76.

бовалась довольно объемистая книга (173 стр.), названная авторами ее «Политиколепная апофеозис достохвальныя храбрости Всероссийского Геркулеса»[1]. На самых вратах под некоторыми картинами были пояснительные надписи. «Политиколепная апофеозис», представлявшая собой детальное объяснение всех картин на триумфальных вратах, несомненно, способствовала распространению в среде читающей московской публики знаний из античной мифологии.

Некоторые отдельные мотивы греко-римской мифологии проникли в народный лубок, например, в картинке «Богом сочетанный союз», гравированной в первой половине XVIII в., выводятся Эскулап, Меркурий, Купидон, Гименей, три грации; в картинке «Мелузина», гравированной не позже середины XVIII в., изображено чудовище с женской головой и рыбьим туловищем, оканчивающимся змеиным хвостом; на одной из картинок представлено похищение Плутоном Прозерпины и т. п.

* * *

До XVIII в. почти единственным видом русского светского музыкального искусства являлись богатые и разнообразные жанры устного народного песенного творчества, а также наигрыши на русских народных инструментах[2]. Основным видом профессионального письменного русского музыкального искусства было церковное хоровое пение. Полудуховная, философски-покаянная и назидательная тематика была характерна и для камерной вокальной лирики XVII в. так называемых кантов и псалмов.

Утверждение в русском искусстве в первой четверти XVIII в. светского начала проявляется и в музыкальной культуре. Интерес к различным видам светского музыкального искусства, впервые проявившийся среди образованной части русского общества еще в XVII в., заметно усиливается в первой четверти XVIII в. Среди образованной части русского дворянства, духовенства и разночинной интеллигенции возникает тяга к любительскому музицированию, как к одному из излюбленных средств заполнения досуга.

Развивается интерес к игре на клавикордах, скрипке, флейте, гобое и других инструментах. В «Духовном регламенте» содержится пожелание, чтобы семинаристы обучались игре на различных музыкальных инструментах: «и сие не трудно, ибо первого токмо нанять мастера, а от него полученные охотные семинаристы должны будут и других научить на свое место». Феофан Прокопович, организовавший у себя в доме школу для сирот и солдатских детей, считал необходимым обучать их не только

[1] Книга эта напечатана в 1709 г. в Москве.

[2] Текст до звездочек на стр. 727 написан Т. В. Поповой.

латинскому языку, грамматике и философии, но также «рисовать живопись, музыке вокальной и инструментальной»[1].

На ассамблеях — открытых танцевальных вечерах, исполнялись модные в то время галантные танцы: менуэт, контрданс, аллеманда. Уменье танцевать эти новые танцы входит в число обязательных требований, предъявляемых к воспитанию дворянской молодежи. Еще в 90-х годах XVII в. в домах московских вельмож стали устраиваться концерты, в которых выступали иностранные музыканты из свиты посла Гвариента. Позднее ежедневно происходили музыкальные собрания или концерты в доме тайного советника Бассевича, где выступала инструментальная капелла герцога голштинского, находившегося в это время в России. Посещение этих концертов, на которых исполнялись произведения выдающихся итальянских и немецких мастеров (Корелли, Тартини, Телемана), согласно особому царскому указу, было обязательным для столичного дворянства. После отъезда герцога голштинского музыканты его капеллы остались в Петербурге и были зачислены в придворный штат.

Особое внимание проявлялось к музыке военной. Появляются военные духовые оркестры, в которые входили гобои, трубы, валторны, литавры и барабаны. К 1711 г. относится указ об организации духовых оркестров при каждой воинской части. Широкое проникновение в русский быт маршевых ритмов походно-строевой музыки, исполняемой духовыми оркестрами, оказывает воздействие на музыкально-ритмический склад возникающей в этот период походной солдатской песни, а позднее и на другие жанры городского фольклора.

Выдающееся место принадлежит в это время профессиональной русской хоровой музыке, как церковной, так и светской. В 1713 г. из Москвы в Петербург переводится хор государевых певчих дьяков. Этот старейший русский профессиональный хор (организованный еще в конце XV в.) значительно увеличивается в своем составе. Помимо мужских голосов, в него вводятся детские голоса, дисканты и альты, позднее этот хор преобразуется в придворную певческую капеллу.

Высокого расцвета достигают в первой четверти XVIII в. новые формы многоголосной церковной музыки: так называемое «партесное пение»[2], характеризующееся полнозвучностью, эффектностью звучания. Возникшие в XVII в. (сперва на Украине, а затем и в русских городах) богатые и развитые формы партесного пения постепенно вытеснили древнее русское знаменное пение, в основе своей одноголосое. Новое, партесное пение было связано с развитым многоголосным аккордово-гармоническим складом. Преобладающим было четырехголосное хоровое изложение, но отдельные хоровые композиции создавались и для 8 и 12,

---

[1] *И. И. Голиков.* Дополнения к деяниям Петра Великого, т. VIII, М., 1792, стр. 27.

[2] Партесное пение (от partes — партия) — буквально: пение по партиям.

даже 24 голосов. Для записи произведений партесной музыки применялась уже не архаическая знаменная (крюковая) нотация, но линейная нотация почти современного типа.

С конца XVII и в XVIII в. большое значение приобретают концерты — особый род торжественных многоголосных композиций, исполнявшихся во время праздничной церковной службы. От обычных партесных песнопений концерты отличались монументальностью формы, мощностью звучания, богатством звуковых средств, а также виртуозным, мастерским изложением сольных партий.

Дошедшие до нас от конца XVII и первой четверти XVIII в. хоровые концерты В. Титова, Н. Калашникова и других мастеров этого величественного концертного хорового стиля свидетельствуют о высоком уровне русского композиторского мастерства. Свое окончательное завершение этот стиль впоследствии находит в хоровых композициях Д. С. Бортнянского (1751—1825 гг.) и в известной мере в торжественных оперных хорах русских композиторов конца XVIII и XIX в.

Наряду с многоголосной хоровой музыкой для церкви в первой четверти XVIII в. широкое развитие получает также светская хоровая музыка — канты панегирического характера[1]. Эти торжественные хоровые песнопения, возникшие на основе нового типа бытовой песенной лирики (канта), исполнялись большими хоровыми коллективами на официальных празднествах по случаю очередных побед русской армии и других событий государственной важности («Кант на заключение Ништадтского мира»). Панегирическим кантам был свойственен блестящий праздничный характер звучания; особенность их мелодики составляло широкое применение фанфарных оборотов.

Наряду с приветственными кантами в первой четверти XVIII в. получает развитие и бытовая песенная лирика. Мелодическая сторона лирических кантов начала XVIII в. характеризуется задушевностью, непритязательной искренностью, а порой и ясно выраженной связью с мелодическими оборотами народных песен.

Широкое распространение получает также новый вид легких любовно-лирических песенок или «арий», исполнявшихся на мелодии модных галантных танцев. О большой популярности их свидетельствуют повести этого времени, герои которых объясняются с дамами посредством арий с довольно неуклюжими, тяжеловесными и витиеватыми стихотворными текстами, исполнявшихся на мелодии менуэтов. «Песню на минувет» (то есть на мелодию менуэта) поет один из героев «Истории об Александре, российском дворянине». Развитие новых форм светской песенной лирики свидетельствует о сдвигах в мировоззрении русских

[1] Кант — название нового типа бытовой строфической песни, возникшей в XVII в. С формой канта было связано исполнение первых образцов русского и украинского стихотворства (силлабический вирш). Канты пелись на три голоса (реже на четыре или пять).

людей в связи с постепенным освобождением от оков религиозного аскетизма, призывавшего к презрению радостей земной жизни.

Изменения, происходящие в первой четверти XVIII в. в различных областях русского музыкального быта, подготовили дальнейшее развитие русской музыкальной культуры и последующее создание национальной русской композиторской школы.

* * *

В области литературного языка также происходили значительные сдвиги.

Начавшийся в XVII в. процесс складывания русской нации и русского национального языка в XVIII в. продолжался и усиленно развивался. Тот же процесс происходил в области литературного языка, как одной из форм национального общенародного языка.

Для того чтобы понять развитие языка, необходимо изучать его в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому этот язык принадлежит.

Сдвиги в области экономики, просвещения, науки имели большое значение для развития русского литературного языка. В изучаемое время в смешанный с церковно-славянским русский литературный язык хлынули, с одной стороны, потоки разговорной речи разных социальных слоев, а, с другой—иностранные слова, в результате чего язык получил очень «пестрый» характер. Однако, несмотря на всю сложность русского литературного языка того времени, одна тенденция была ясной и определенной: обогащение словарного фонда путем широкого использования народной разговорной речи.

Значение народной речи было понято Ломоносовым, и потому проблема литературного языка была им в основном разрешена, он утвердил общенародный язык как народную основу литературного языка и уяснил роль и место церковно-славянских элементов. Реформаторская деятельность Ломоносова развернулась в 40—50-х годах («Риторика», «Грамматика», «О пользе книг церьковных»). При всем величии подвига Ломоносова в области русского языка, было бы, однако, ошибочным считать, что у него не было предшественников — путь ему расчищали деятели в области культуры и литературы предыдущих десятилетий — Поликарпов, Прокопович, Кантемир, Тредиаковский, Татищев и др.

Ф. Прокопович высказывался против засилья латинского языка в области науки и литературы, выступил за права национального языка: «Под латинскою речью не разумей того, будто красноречие ограничивается пределами латинского только языка: какой бы язык ни употреблял оратор, он должен говорить так, чтобы следовать чистой употребительной речи этого языка»[1]. Прокопович говорит здесь об «отечественной»,

[1] «Rethorica», в переводе проф. Н. И. Петрова. «Труды Киевской духовной академии», 1858, март, стр. 480.

родной речи и притом «чистой, употребительной», то есть понятной, доступной. Он понимал силу простой народной речи и умело пользовался ею даже в сочинениях законодательного характера.

Еще решительнее пошел по пути сближения книжной речи с народной А. Д. Кантемир, причем следует учитывать его работу как в области художественной речи, так и научно-деловой. Также должны быть учтены в истории развития русского литературного языка труды В. К. Тредиаковского. Смелое выступление Тредиаковского за очищение русского языка от «глубокословныя славенщизны», так как «язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют», и призывы его усиленно, самоотверженно работать «в рассуждении чистоты нашего языка» оказали влияние на его современников.

Итак, литература изучаемого времени — важное звено в развитии русской литературы XVIII в. Целый ряд проблем, волновавших передовое дворянское общество в течение всего XVIII в., был поставлен в это же время в литературе (борьба за освобождение личности, служение общественному долгу, пропаганда науки, просвещения и т. д.). Реформы и войны в основном определяли тематику литературных произведений первых десятилетий XVIII в. Литература этого времени носит боевой характер, соответствующий тогдашней бурной жизни.

Устное народное творчество также развивалось в разнообразных формах, народные массы ответили на происходившие в начале XVIII в. события, выдвинув из своей среды многочисленных поэтов, авторов сказок, исторических песен, сатирических произведений в разных жанрах и т. д. Они говорят о том, что народ сознавал свою решающую роль в происходивших исторических событиях, выражал свое одобрение победам и в то же время выступал с протестом против гнета, насилия и порабощения.

5
ИСКУССТВО

В русском искусстве в первой четверти XVIII в. осуществляется имеющий исключительно важное значение перелом, происходит смена прежних, проникнутых церковностью представлений светским началом, которое и занимает ведущее место. Вместе с тем развитие художественной культуры отличается сложностью, так как, с одной стороны, завершаются процессы, которые восходят к более древним традициям, с другой — рождаются новые явления. При усилении связей с западноевропейским искусством барокко, самостоятельность и своеобразие оставались неотъемлемой частью русской художественной культуры на всем протяжении ее развития. Национальный характер русского искусства сказался в XVIII в. с не меньшей силой, чем прежде, но проявился в новых формах.

Г. И. Головкин.
Портрет маслом работы И. М. Никитина, 1720-е годы
Государственная Третьяковская галлерея.

Основной чертой русского искусства, ярко отражавшего происходившие изменения в жизни общества, становится его реалистический характер. Рост производительных сил, победносные войны, перестройка государственного аппарата, сложность всей исторической обстановки обусловили своеобразие русской художественной культуры первой четверти XVIII в. Реализм в области живописи, скульптуры и прикладного искусства позволил с большей полнотой раскрыть содержательность образов, учил глубже познавать действительность, отвечал задачам светского искусства, освобождавшего людей от влияния церковных догм и представлений.

Новое искусство вначале имело в основном утилитарное значение. Петр писал в указе об основании Академии наук: «без живописца и градировального мастера обойтиться невозможно будет, понеже издания, которые в науках чиниться будут... имеют рисованы и градированы быть»[1]. В связи с этим в первые годы XVIII в. издаются указы, касающиеся художественной практики и воспитания художников. Так, в 1707 г. был издан указ о необходимости «надзирать и ведать» художниками в «искусстве иконного и живописного изображения»[2]. В 1711 г. всех «мастеровых людей разных художеств» перевели в новую столицу. А. Нартов в 1724 г. предлагал учредить Академию художеств, «без которой художники подлинного в своих художествах основания иметь не могут, и художества не токмо чтоб для пользы государственной вновь прибавлятися, но и старые погасать могут»[3].

Для скорейшего обучения русских художников практиковались заграничные командировки. В 1716 г. за рубеж были отправлены живописцы братья Никитины, А. Матвеев, гравер С. Коровин, архитекторы И. Устинов и И. Коробов. Одновременно приглашались в Россию иностранцы, которые могли бы способствовать развитию русского искусства.

Значительная роль в изобразительном искусстве первой четверти XVIII в. принадлежит гравюре, она способствовала популяризации проводившихся реформ, говорила о возрастающей силе и культуре России и была связана с издательским делом. Уже в конце XVII в. при Оружейной палате начинают работать украинские художники Л. Тарасевич и А. Трухменский. В своих произведениях, даже церковного характера, они любят изображать пейзажи или внутренние виды различных помещений. Человеческие фигуры теряют у них прежнюю схематичность и скованность. Жесты и позы изображенных людей обнаруживают наблюдательность художников, использование ими того, что

---

[1] *Н. Н. Коваленская.* История русского искусства XVIII в. М.—Л., 1940, стр. 8—9.

[2] *В. К. Трутовский.* Боярин и оружничий Богдан Матвеевич Хитрово и московская Оружейная палата. «Старые годы», 1909, июль — сентябрь, стр. 347—348.

[3] «Материалы для истории императорской Академии наук», т. 1. СПб. 1885. № 154, стр. 76.

они видели вокруг себя. В 1711 г. при петербургской типографии М. П. Аврамов устраивает граверный класс [1]. В 1719 г. он подает проект о создании художественной школы. Рисование — основа гравюры — должно было стать главным предметом, так как «без рисунка обойтись невозможно, и именно как скулпторам, архитекторам, иконописцам, грыдоровальщикам, чеканщикам, штукаторам, лепящим фигуры, шпалерным мастерам и протчим». Забота о развитии гравюры появилась еще раньше: в 1700 г. голландский предприниматель Ян Тессинг получил жалованную грамоту на право гравировать и печатать географические карты, «чертежи, и листы и персоны».

Гравюра являлась наиболее дешевым видом распространения форм и приемов нового искусства. Очень быстро создается гравюра-лубок (худ. В. Киприянов), получившая широкое распространение. Печатание гравюр было организовано при московском Печатном дворе, а затем с основанием новой столицы — и в петербургской типографии. Первые граверы этого времени были тесно связаны с Оружейной палатой—русским художественным центром XVII в. Среди мастеров, живших на рубеже XVII—XVIII вв., известен Л. Бунин, вырезавший на меди гравюры к букварю Кариона Истомина, где буквы изображены в виде человеческих фигур в различных позах и сопровождаются предметами, названия которых начинаются с этой буквы; к гравюрам даны вирши. Помимо этого, Л. Бунин гравировал виды Соловецкого монастыря, а также и другие изображения. В начале XVIII в. начинают работать граверы братья Зубовы, И. Адольский, А. Ростовцев и другие.

В первую очередь в гравюре изображались многочисленные «баталии»— преимущественно Полтавская битва. Художников привлекают события, волновавшие тогда всю Россию. Невиданные до того триумфальные арки, торжественные марши войск, ведущих пленных, изображаются ими с большой любовью и тщательностью. В гравюрах также нашло свое отражение огромное строительство, основное внимание уделено новой столице, флоту и артиллерии.

Среди мастеров, работавших в области гравюры, почетное место принадлежит А. Зубову (умер после 1741 г.). Его гравюры позволяют судить о не дошедших до нас постройках того времени, рисуют многочисленные виды «Санкт-Питербурха», являясь документом первостепенной важности в изучении архитектуры северной столицы. Особенно известна панорама Невы с показом застройки Васильевского острова. Победно вьются флаги судов на фоне широкого простора реки. Их извивающейся линии вторит пышный орнамент с аллегорическими фигурами и витиеватыми надписями, украшающими многие гравюры того времени. Все это оживляло гравюру, придавало ей пышность и декоративность, соответствуя задаче прославления побед и преобразований.

---

[1] *Г. Л. Лебедев.* Русская живопись первой половины XVIII в. М.—Л., 1938, стр. 19.

Яков Тургенев, шут Петра I. Портрет маслом работы Г. Адольского.
Государственный Русский музей.

Ни одна книга не обходилась без гравированных изображений и чертежей. Роль их особенно велика в таких изданиях, как буквари и учебники. Например, «Арифметика» Магницкого, напечатанная в 1703 г., богато украшена аллегорическими изображениями и архитектурными мотивами с соответствующими надписями. Орнаментальное обрамление и двухцветная печать (красная с черным) говорит о еще живых традициях полиграфического искусства предшествующего времени, но характер заставок и общая простота и строгость оформления книги свидетельствуют о новых приемах русского искусства.

Гравюра проникает и в первую русскую газету. Карты также воспроизводятся гравюрным способом, что накладывает отпечаток на всю гра-

вюрную технику. Гравюры подобного рода исполняются прозрачным линейным, носящим характер чертежа рисунком, с легкой штриховкой, что отличает их от позднейшей русской гравюры. Иными чертами отличаются первые гравированные портреты, подчеркнуто пышные и декоративные. Наряду с русскими мастерами «грыдоровального» искусства в начале XVIII в. в России работают и мастера иностранцы — Шхонебек, Пикар и др. Они выполнили ряд гравюр, изображающих панораму Москвы, Кремль и многие впоследствии исчезнувшие здания.

В живописи этого периода первое место принадлежит портрету. Ему предшествовало появление в конце XVII в. так называемой «парсуны» (от слова «персона»), где все внимание зрителя привлечено фигурой изображенного, отражающей величие и представительность. В этих своеобразных произведениях соединены древнерусские приемы, идущие от иконы и фрески, с приемами светотеневой живописи. Масляная живопись с ее лисировками (просвечивание одной краски сквозь другую), с тончайшими переходами от одного цвета к другому, от света к тени, вносила существенно новые элементы в изобразительное искусство. Она давала возможность глубже раскрыть образ человека, не говоря уже о сходстве с натурой, что явилось новым словом в искусстве. Значительный размер этих портретов, где фигуры царей и родовитых бояр изображены во весь рост, говорит о расчете на помещение их на стенах парадных комнат. Фигура заполняет собой всю поверхность холста, почти касаясь головой и ногами его краев. Глубина в портрете отсутствует, все плоскостно вплоть до изображения рисунка драгоценных тканей (особенно это заметно на складках одежд). Композиция «парсуны» и ее цветовое решение говорят о декоративности общего замысла. Это связано с еще живыми, столь блестящими традициями искусства XVII в. Несмотря на стремление художников дать наибольшее сходство с оригиналом, в изображении еще отсутствует психологическая характеристика, таковы «парсуны» бояр Репниных, Прозоровских и др. Несмотря на новшества, которые обнаруживаются в «парсунах», влияние искусства предшествующего времени еще достаточно сильно. «Парсуны» писались и в начале XVIII в.

Вместе с тем в искусстве портрета в начале XVIII в. происходят значительные изменения. Реализм портрета нарождается в борьбе со старыми приемами и навыками. В первой четверти столетия в ряде портретов (портрет Нарышкиной с детьми, Якова Тургенева и др.) сохраняются элементы парсунности. Среди них портрет Я. Тургенева, принадлежащий к серии портретов лиц «Всешутейшего собора», является самым интересным. В этом портрете фигура еще развернута в плоскости, аналогично размещен пояс, жезл и т. д., что создает определенную игру линий и декоративность общего замысла. Однако в портрете Я. Тургенева имеются новые черты — несомненное сходство, стремление художника

к более углубленной характеристике человека, что будет выгодно отличать в течение всего XVIII в русскую живопись от искусства иностранцев, работавших в России. Влияние народной русской художественной культуры сказывается в колорите и введении мотивов народного искусства (пояс)[1]. Парсуны конца XVII — начала XVIII в. достаточно ярко показывают переход от древних приемов русской живописи к новым. Русский художник этого времени стремился к реалистическому воспроизведению окружающего его мира[2].

Ведущее направление в живописи возглавляют художники, чье творчество проникнуто подлинным реализмом. И. Никитину (около 1690—1741) удалось со значительным мастерством показать новые свойства русского искусства. В письме к Екатерине от 19 апреля 1716 г., адресованном в Гданск, Петр I писал о необходимости заказать Никитину ряд портретов, «дабы знали, что есть и из нашево народа добрыя мастеры»[3]. Сохранившиеся произведения Никитина позволяют говорить о разносторонности его творчества. С особой полнотой проявил себя художник в портретах Петра, канцлера Головкина и «напольного гетмана», где мастер выступает подлинным реалистом.

Высокими достоинствами обладает портрет канцлера Г. И. Головкина. Несмотря на парадность этого портрета, он отличается глубиной характеристики; на нас смотрят проницательные умные глаза; изображение настолько живо, что вполне отчетливо представляешь себе этого человека, наделенного талантом крупного государственного деятеля. Не менее совершенно и живописное качество портрета. Его колорит выдержан в теплых тонах; цвет голубой орденской андреевской ленты подчеркивает глубину коричнево-красноватых тонов. «Напольный гетман» на портрете Никитина также изображен пристально смотрящим на зрителя из-под нависших густых бровей. Художник достигает большого мастерства в передаче золотистого мерцанья шитья кафтана и светящейся тени на розоватом бархате подкладки. Портрет отличается простотой и глубиной характеристики и представляет собой одно из лучших произведений живописи того времени.

Также интересен круглый по форме портрет царя. Несмотря на отсутствие пышных одежд, характерных для портретов монархов того времени, все говорит здесь о значительности изображенного лица. Не менее значительно лицо умершего царя на портрете, выполненном И. Никитиным. Для усиления впечатления художник прибег к интересному приему — на лице, подушке и горностаевой мантии виден красноватый отблеск горящих свечей, стоящих у смертного ложа, но не изображенных художником.

---

[1] *Г. Л. Лебедев.* Указ. соч., стр. 31.

[2] *Н. Н. Коваленская.* Указ. соч., стр. 13.

[3] «Письма русских государей и других особ царского семейства. Переписка императора Петра I с государынею Петра I Екатериною Алексеевною». М., 1861, стр. 44.

Несколько по-иному сказались дарования Никитина в портретах барона С. Строганова 1726 г., в портрете царевны Прасковьи Ивановны, написанном еще в 1714 г., и др. Здесь заметна манерность поз, светская ничего не значащая улыбка оживляет лица, но колористические достоинства живописи Никитина выступают и здесь с не меньшей полнотой.

Помимо портретов, Никитин писал и «баталии». Им была написана большая, не дошедшая до нас картина Полтавской битвы. Повидимому, ему принадлежит изображение Куликовской битвы, где на переднем плане видна группа ожесточенно сражающихся всадников. Надписи на щитах, знамени и картуше в углу должны раскрыть зрителю смысл изображенного. Эта картина занимает в русском искусстве почетное место, как одно из первых произведений исторической живописи.

После смерти Петра I Никитин уехал в Москву и сблизился с консервативным кружком Аврамова. Он возвращается к приемам иконописи XVII в. («Древо дома Романовых»)[1].

С рассматриваемым временем связано по своему характеру творчество рано умершего живописца А. Матвеева (1701—1739), хотя он вернулся из-за границы после смерти Петра. Художник проявил себя в самых различных областях искусства, он писал портреты, уделял внимание декоративной живописи (роспись Петропавловского собора), пробовал свои силы в так называемой «исторической» живописи (аллегория «Живопись»).

Однако наибольших успехов он достиг в портретном жанре. Особенность его таланта, в отличие от И. Никитина, состоит в изяществе и мягкости живописи, придающих произведениям отпечаток подлинного лиризма (автопортрет с женой). Более строгим предстает мастер в портретах четы Голицыных, отмеченных не меньшим реализмом. Художник стремился по-новому раскрыть образ современного человека. Характерно мнение о художнике, высказанное, повидимому, Каравакком, что «имеет он больше силы в красках, нежели в рисунках... в персонах лучше его искусство, нежели во историях...»[2]

В изобразительном искусстве первых десятилетий XVIII в. были заложены те основы, которые развились и достигли полноты своего выражения во второй половине столетия. Вместе с тем изобразительное искусство этого времени исключительно ярко передает облик людей и историческую обстановку.

Наряду с портретом получает распространение и декоративная живопись. Она нашла применение в первую очередь в триумфальных воротах, сооружаемых в честь побед. Об этой живописи дают представление ее схематические изображения на гравюрах А. Зубова и П. Пикара. И. За-

---

[1] При Анне Иоанновне Никитин был сослан в Сибирь и не создал больше ничего значительного. Он умер при возвращении из ссылки в 1741 г.

[2] *Г. Л. Лебедев.* Указ. соч., стр. 53.

рудный украсил триумфальные ворота 1721 г. изображением панорамы Петербурга со стороны Невы, выполненной, повидимому, им самим. Позднее декоративная живопись стала с неменьшим успехом применяться и внутри зданий — во дворцах, в соборе Петропавловской крепости и др.

Прогрессивные явления в русском изобразительном искусстве связаны в первую очередь с Петербургом и Москвой, где работали русские художники, а также приглашенные иностранцы (И. Танауер в России с 1709 г., Л. Каравакк с 1716 г., А. Шхонебек с 1698 г., П. Пикар с 1702 г. и др.). В провинции же еще долгие годы живут старые традиции XVII в., о чем свидетельствуют, например, росписи Знаменского собора в Новгороде 1702 г., церкви Иоанна Предтечи в Вологде 1717 г. или иконы начала XVIII в. Несмотря на высокое мастерство, проявленное в этих произведениях, это искусство все же принадлежит прошлому.

Исключительная по красоте и виртуозности исполнения прорезная резьба иконостасов конца XVII в. с многочисленными виноградными лозами, фруктами и цветами подготовила появление на рубеже XVII—XVIII вв. скульптуры. Ее исполнителями были приехавшие еще в середине столетия белорусские мастера, отчего этот вид резьбы получил наименование «белорусской рези». Среди прибывших мастеров-резчиков выделялся Клим Михайлов, выполнивший со своими помощниками ряд первоклассных по декоративности произведений (иконостас собора Новодевичьего монастыря 1685 г. и др.).

Хотя некоторые из применявшихся мастерами-белорусами мотивов встречались ранее в русском искусстве, но никогда еще с такой живостью и знанием природы не выполнялись в резьбе цветы, фрукты и травы. Главным изменением, внесенным белорусскими резчиками, было широкое применение многочисленных колонн, покрытых ажурной резьбой; их масштабная связь с фигурой человека придала всему убранству «человеческий» характер. Иконостасы получили ярусы, что при переносе их декоративных форм во внешнее белокаменное убранство определило членение зданий на своего рода этажи («Строгановская» церковь в Горьком 1718 г.).

Не меньшую роль сыграли мастера-белорусы, работавшие в области архитектурной керамики. Мастером Игнатом Максимовым и его товарищами по искусству были выполнены изразцовые многоцветные печи. Они не только ставились во дворцах Москвы (дворец Лефорта), но и были широко распространены в провинции и в дворянских усадьбах (Коломна, Углич, Великий Устюг и др.). В начале XVIII в. многокрасочные печные «кафли» заменяются одноцветными (синяя или зелено-коричневая роспись по белому гладкому фону). Их применяют даже при настилке полов (дворец Меншикова в Петербурге). Но теперь растительные орнаментальные узоры сочетаются с изображением пейзажа и архитектуры, а главное, с жанровыми сценами нравоучительного характера. Все это говорило о происшедших изменениях, об усилении реалистических черт в искусстве

В это время появляются богатейшие наружные изразцовые украшения в виде наличников окон, карнизов, поясов и т. д. Их растительный орнамент выполнен в низком рельефе и часто чередуется с изображением птиц и зверей. Но особенно знаменательно появление изображения людей в рост, близких по масштабу к фигуре реального человека (апостолы снаружи московской церкви Успенья «в Гончарах», в Солотчинском монастыре 1691 г. и др.). Их автором был выходец из белорусского города Мстиславля Степан Полубес, получивший за свое искусство громкое звание «дворцовых ценинных дел мастер»[1]. Эти многокрасочные рельефы (составленные из трех больших изразцов) выполнены с замечательным мастерством. Они являются предтечами скульптуры последующего времени, которая в изобилии покрыла триумфальные арки, возведенные в честь русских побед. Белорусские мастера внесли в развитие русского декоративного искусства значительный вклад.

Роль круглой скульптуры в рассматриваемое время в основном сводится к декорированию архитектуры. По манере исполнения, по характеру общего замысла скульптура на рубеже XVII—XVIII вв. отличается декоративностью, весьма близкой к произведениям стиля барокко.

Первые произведения круглой пластики появились в Москве в конце XVII в. Это были резные в дереве статуи, украсившие в 1696 году первые триумфальные ворота, возведенные у Каменного моста в честь войск, взявших Азов. Обычай сооружать триумфальные арки получил затем широкое распространение и неоднократно применялся в течение всего XVIII в. Сохранившиеся изображения триумфальных ворот, построенных в честь Полтавской победы, дают возможность судить об украшавшей их деревянной скульптуре, часть которой была, повидимому, выполнена И. Зарудным и другими мастерами. Наряду с изображением святых значительное место заняла и светская скульптура в виде аллегорических воинов (пеших и конных), пленников и т. д. Фигуры привлекают к себе внимание декоративным характером силуэта (сильная жестикуляция, развевающиеся одежды) и живостью поворотов. Не менее интересны барельефы, украшающие трапезный храм Богоявленского монастыря (1699 г.), и богатейшее скульптурное убранство прославленного храма в Дубровицах (начат постройкой в 1690 г., окончен в 1704). Не менее значительна декоративная скульптура Меншиковой башни (окончена в 1707 г.). Гирлянды из цветов и плодов являются важнейшей частью наружного и внутреннего украшения. Они часто перемежаются с человеческими фигурами, даже с целыми сценами. Отдельные их мотивы находят себе близкие образцы в декоративном убранстве Киево-Печерской лавры, что говорит о связях русского и украинского декоративного искусства. Неизвестный скульптор достигает в Дубровицах высокого реализма в сцене распятия. Вместе с тем нарастает декоративность

---

[1] ЦГАДА, ф. Солотчинского монастыря, оп. 1202/1, д. 249.

Напольный гетман.
Портрет маслом работы И. М. Никитина, 1730-е годы
Государственный Русский музей

приемов. Гирлянды поддерживаются порхающими, резвящимися херувимами, похожими на амуров, отдельные фигуры отличаются эффектом своих поворотов и поз (кариатиды Меншиковой башни). В целом в скульптуре наблюдаются те же процессы, что и в живописи. Реалистичность трактовки соединяется с декоративностью, которая усиливается благодаря свойствам самой пластики.

Особенно широко применяется скульптура в Петербурге, а также в царских летних резиденциях. Летний сад в новой столице, неоднократно служивший местом веселых и пышных празднеств, украшается статуями, привезенными из Венеции. Они отличаются значительной декоративностью, в особенности на фоне зелени. Скульптуры Летнего сада составляли целые серии фигур, объединенных определенным сюжетом,— времена года, время дня («Утро», «День», «Вечер», «Ночь»), музы, нимфы и т. д. Скульптуры и барельефы украшали и многие здания раннего Петербурга, о чем говорят гравюры А. Зубова и сохранившиеся резная в дереве панель в вестибюле, барельефы на стенах Летнего дворца (А. Шлютер и др., 1713—1714 гг.), а также на воротах Петропавловской крепости (К. Оснер, 1717—1718 гг.).

Самым значительным произведением, где была применена скульптура, был грандиозный Большой каскад Петергофского дворца. Он образован из террас, грота, лестниц, спускающихся вниз, и круглого бассейна со знаменитой фигурой «Самсона», аллегорически изображающей победу над Швецией. Вода низвергается вниз по ступенчатым спускам, по их краям взлетают вверх мощные струи фонтанов, которые сочетаются с расставленными по террасам вызолоченными статуями (заменены новыми в 1800—1801 гг.). Значительный вклад в оформление петергофского каскада внес скульптор К. Б. Растрелли, приехавший из Парижа в Петербург в 1716 г. Ему принадлежат золоченые декоративные маски («маскароны») в центре каскада, отличающиеся значительным масштабом и выразительностью.

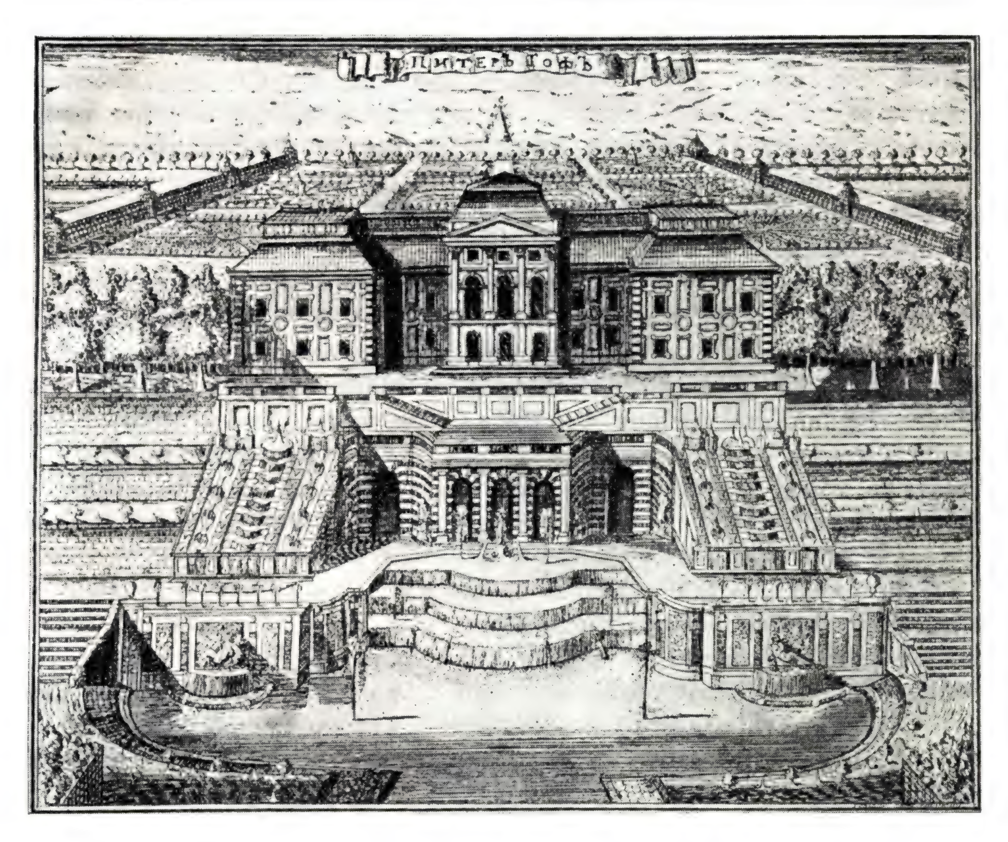
К. Б. Растрелли, для которого Россия стала второй родиной, принадлежат первые портретные бюсты и монументы. Эти произведения являются лучшими в его творчестве. Среди них выделяются бюсты Петра, Меншикова, Брюса (?), а также конная статуя Петра, начатая еще при жизни царя, но отлитая лишь в 1741 г. и поставленная перед Михайловским дворцом в конце XVIII в. В искусстве Растрелли замечательно его умение передавать в бронзе богатство различных материалов. Латы, кружева, шелк, бархат, ленты переданы с неподражаемым мастерством. Творчеству Растрелли присуща значительная декоративность, сочетающаяся с чертами подлинного реализма. Таков созданный им образ Петра, отличающийся внутренней силой и государственным умом. Не менее замечателен бюст Меншикова, в котором остро передана как надменность всесильного сановника, так и энергия, хитрость и сила характера незаурядного государственного деятеля. В последующие годы Растрелли создал замечательное произведение — группу «Анна Иоанновна с арапчонком».

Значительной декоративностью отмечена работа И. П. Зарудного. Ему принадлежит интересно задуманный иконостас Петропавловского собора, воспроизводящий им же построенную в 1721 г. триумфальную арку. Зарудный усилил декоративные элементы, в изобилии применив статуи, картуши и иные детали убранства. Его произведения положили начало новому подъему в искусстве резьбы. Работы Растрелли и других скульпторов этого времени заложили основы дальнейшего развития скульптуры, которая достигает своего исключительного расцвета во второй половине XVIII в. под резцом Ф. Шубина и И. Мартоса.

Новые формы в архитектуре проявляются в конце XVII — начале XVIII в. Развитие архитектуры в Москве было сложным и противоречивым. С одной стороны, мастера используют новые формы ордерной архитектуры (колонны, фронтоны, портики, лоджии и т. д.), но перерабатывают их согласно прежней традиции. Эти детали рассматриваются ими не как структурные элементы здания, а как части его декоративного убранства. Несмотря на это, ордера вносят существенно новое в архитектуру зданий. Появляются масштабные соотношения с фигурой реального человека, ярусность зданий близка к позднейшим этажам. Все это говорит о принципиально новых, светских в своей основе явлениях в архитектуре, что соответствовало намечавшимся изменениям в жизни страны. Кроме того, убранство здания усиливается введением ряда замысловатых, но красивых декоративных приемов, исходящих от прежнего «узорочья» XVII в. В результате создаются исключительно нарядные и пышные по декоративному убранству произведения, известные под условным названием «московского барокко». Но сложные пространственные особенности искусства барокко, основанные на планах с криволинейным очертанием и динамическим разворотом внутреннего пространства зданий, совершенно отсутствуют в русском зодчестве этого времени. Лишь в декоративном убранстве широко были использованы пластические качества и формы барочной архитектуры. Но и они были подчинены русскому орнаментальному замыслу. Тем самым в конце XVII в. русскими зодчими были выработаны глубоко национальные архитектурные приемы, воздействовавшие и на более поздние произведения.

Использование традиций в архитектуре первой четверти XVIII в., когда архитекторы обратились к ордеру (колонны, фронтоны, портики), как основе архитектурного решения, сказывается со значительной силой. Новые достижения русской архитектуры были использованы в своих целях правящим классом. Так, придворная знать, пользуясь властью и богатством, отстраивает в Москве и ее округе усадьбы и храмы. Сильвестр Медведев в одном из своих произведений говорит о подобных постройках, характеризуя их сущность: «Зданные храмы щедрую руку прославляют».

Московские зодчие конца XVII в., уделяя основное внимание строительству отдельных зданий, применяют новые градостроительные прие-

Петергофский дворец с главным каскадом. Гравюра А. П. Ростовцева.

мы, выражавшиеся в большей четкости, ясности и уравновешенности генерального плана, в подчинении объемного решения отдельных зданий определенному общему архитектурно-композиционному замыслу. Так, в построении Новодевичьего монастыря (заново отстроен в 1685—1689 гг.) главное значение получили восточно-западная и северо-южная композиционные оси. Композиция объемов и глав храмов монастыря подчинена знаменитой высокой шестиярусной колокольне, отличающейся изобретательностью своего яркого и красивого убранства. Наличие определенной «регулярности» в композиционном построении монастыря сочетается с живописностью надвратных храмов и надстроенных верхов башен XVI в.[1] То же можно сказать и о Донском монастыре, отстроенном в конце 90-х годов XVII в.

Принято считать, что формы и убранство новых произведений появились под воздействием искусства Украины. Однако это суждение является ошибочным. Источником архитектуры конца XVII в. было предшествующее московское зодчество. Так, типичная для этого времени композиция

[1] *И. П. Машков.* Архитектура Новодевичьего монастыря в Москве. М. 1949.

ярусного храма, состоящая из ряда уменьшающихся кверху «восьмериков», поставленных на «четверик» основания, исходит из композиции ворот оград. Последние сооружались вокруг городских, светских и церковных построек. Источником же декоративного убранства явились наличники и прочие декоративные детали, выполненные народными мастерами-белорусами в выдающемся произведении XVII в.— в Новоиерусалимском соборе.

В архитектуре Москвы большое значение приобрели государственные светские здания. Они наметили дальнейшее развитие русской архитектуры. Эти сооружения с особой полнотой свидетельствовали о победе светского начала над церковным, о возраставшем значении государства. Их архитектурная композиция находится под воздействием архитектуры жилого здания того времени. Таковы Сухарева башня, стоявшая у въезда в город на Земляном валу, построенная под наблюдением М. Чоглокова в 1692—1695 гг. и надстроенная в 1698—1701 гг., Земский приказ и Монетный двор 1696 г. у въезда на Красную площадь, Большой Каменный мост через Москву-реку с двумя башнями у въезда (1692 г.) и др. Большинство этих произведений обладало высокими ярусными башнями, выделявшими их среди других построек. Вместе с тем зодчие учитывали их местоположение в городе. Стены этих зданий обычно были из простого кирпича, декоративные же детали выполнялись либо из белого камня, либо из изразцов. Все это повышало декоративные свойства архитектуры.

Декоративность зодчества этого времени сказалась и в архитектуре жилых зданий, таковы царские «чертоги» в Троице-Сергиевом монастыре, а также дворец, построенный на Воробьевых горах Г. Вахромеевым в 1690 г., решенные одним объемом, в противоположность прежней сложной хоромной композиции. Обработка фасадов обоих дворцов отличается великолепием, что подчеркивало все возрастающую роль светского здания. Особенно привлекают к себе внимание изразцы и роспись цветным «бриллиантовым» рустом наружных стен «чертогов», их открытые гульбища на колоннах и широкие лестницы. Дворец Лефорта, выстроенный в 1692—1694 гг. Д. Аксамитовым, также обладал исключительно пышным наружным убранством[1], что в сочетании с высокими декоративными крышами выделяло его среди остальных столичных строений.

Не менее декоративны были храмы как в Москве, так и в провинции. Строительство ярусных храмов началось со скромной церкви в подмосковном селе Петровском-Дурневе в 1684—1687 гг. За эти годы в Москве и ее округе создаются изумительные по красоте многоярусные церкви, отличающиеся своим острым силуэтом, крестовидным планом, редким по выдумке декоративным убранством в виде богатых наличников, порталов,

---

[1] *Р. Подольский.* Петровский дворец на Яузе. «Архитектурное наследство», вып. 1. М., 1951, стр. 14 и сл.

надкарнизных украшений и т. д. Храмы в селах Фили (1693 г.) и Уборы (1693—1696 гг.) зодчего Я. Бухвостова заслуженно занимают первое место, отличаясь стройностью форм и совершенством белокаменных украшений. Наиболее же изощренный по внешнему и внутреннему убранству храм был выстроен в селе Троице-Лыкове (не позже 1704 г.). Его можно сравнить с драгоценностью, усыпанной бисером, сверкающей и переливающейся в лучах солнца[1]. Внутреннее убранство в виде золоченого резного иконостаса, ложи владельца на западной стене, обрамления резьбой оконных проемов, арок и т. п. дополняло его внешнее убранство.

Одновременно с этим типом ярусного храма создаются и другие произведения, замечательные виртуозным использованием резного белого камня, создающего драгоценный наряд памятников. Таковы пятиглавый храм Николы «Большой Крест» на Ильинке (1688 г.), пятиглавая же церковь Успения на Покровке (1696—1699 гг.) зодчего П. Потапова, миниатюрный храм Петра митрополита в Высоко-Петровском монастыре (1689—1690 гг.), храм Воскресения в «Кадашах» (1687—1713 гг.) и др. Особенно замечательна белокаменная церковь в Дубровицах (1690—1704 гг.), где со значительной силой проявляется замысел заказчика-владельца — прославление его знатности и богатства. Башнеобразный объем храма словно кружевом покрыт декоративными высеченными в камне деталями. Наряду с московским убранством конца XVII в. здесь использованы формы и западноевропейского барокко.

Не менее интересны монастырские трапезные, замечательные своим размером, пышностью архитектурного наряда и светским обличием. Из них трапезная 1686—1692 гг. Троице-Сергиева монастыря отличается своим исключительно ярким убранством и огромным залом (15×34 м).

Еще в XVII в. власти стремились упорядочить застройку столицы. Первый петровский указ, касавшийся застройки Москвы, издается в 1696 г.; им предписывалось сломать многочисленные лавки на Красной площади. С 1701 г. следует ряд указов о регулировании застройки города. В Кремле и Китай-городе, а затем и в Белом городе запрещалось строительство деревянных зданий. Это запрещение было вызвано, в первую очередь, желанием предохранить Москву от частых губительных пожаров.

Началом нового подхода к строительству в городе был указ 1704 г., требовавший, чтобы каменные строения ставились «подле улиц и переулков, а не внутри дворов»[2]. С 1712 г. дома должны были строиться уже по «линии».

Запрещение с 1714 г. построек из камня во всем государстве, кроме Петербурга, сказалось на строительстве Москвы с особой силой, так как

---

[1] *В. Н. Подключников.* Три памятника XVII в. «Памятники русской архитектуры», вып. V. М., 1945.

[2] *П. В. Сытин.* История планировки и застройки Москвы, т. 1. «Труды Музея истории и реконструкции Москвы», вып. 1. М., 1950, стр. 195—196.

подавляющее число ее строителей, начиная с кирпичников, было отослано в северную столицу. Несмотря на это запрещение, в 1718 г. издается указ, позволявший строительство лицам, которые «зачали или зачнуть строить сим годом каменное строение или мазанки, и для того строения прислать им из Петербурга архитектора». Во исполнение этого указа в 1719 г. был прислан в Москву «гезель архитекторский Михайла Земцов, и в Кремле и в Китае каменное строение и мосты (мостовые) каменные, также и деревянное строение по данным от него рисункам зачаты строить»[1]. Таким образом, в 1719 г. Москва получила своего первого главного архитектора, который отныне должен был направлять все ее строительство. Инструкция обер-полицмейстерской канцелярии 1722 г. предусматривала регулирование улиц и переулков равной повсюду ширины, обязывала смыкать друг с другом каменные дома, стоявшие по улице. Она положила начало прокладки набережных улиц, запрещала строительство черных (курных) изб, заботилась о застройке многочисленных пустырей, оставшихся от неоднократных пожаров и т. д.

Несмотря на важность перечисленных градостроительных мероприятий, значительную роль сыграли также и новые здания, воздвигавшиеся в Москве. Среди них в первую очередь должны быть названы триумфальные ворота, ставившиеся по московским улицам. Первые триумфальные ворота («порты») были сооружены живописцем Оружейной палаты П. Салтановым в 1696 г. по случаю взятия Азова. В них были в изобилии применены детали классической ордерной архитектуры, круглая скульптура и живопись[2]. Это делало ворота одним из первых произведений новой архитектуры Москвы начала XVIII в. Особенно интересны были триумфальные ворота по случаю Полтавской победы. Они вносили много нового в облик древнего города. Серия гравюр А. Зубова дает о них яркое представление. Особенно своеобразны трое ворот: «ворота триумфальные строены трудами школьных учителей», «именитого человека Строганова» и «при дворе его светлости князя Меншикова». В них использованы приемы предшествующих лет, а также применено новое декоративное убранство в виде всевозможных ордерных форм, скульптуры и живописи. Общая архитектурная композиция большинства этих триумфальных сооружений исходит из таких произведений, как Сухарева башня, ворота в Измайлове и т. п., то есть арка ворот увенчивается ярусной башенной частью, что являлось исконно русской архитектурной традицией.

Вместе с тем в архитектуре этих триумфальных ворот использованы мотивы и приемы стиля барокко. Однако, несмотря на обилие аллегорических картин, пышную барочную скульптуру и другие детали, здесь сказываются с неослабленной силой традиции русского национального

[1] *П. В. Сытин.* Указ. соч., стр. 205, 207.
[2] *М. М. Богословский.* Петр I, т. I. М., 1940, стр. 344 и сл.

зодчества. Ордерные детали и убранство также подверглись соответствующей переработке в плане усиления их декоративных качеств. Помимо этого, введены архитектурные формы предшествующего русского зодчества; так, в воротах школьных учителей венчающая часть имеет древнерусскую форму шатра. В воротах Строганова легко угадываются формы ворот оград XVII в., а детали убранства напоминают детали прославленных памятников Филей, Убор и Новодевичьего монастыря. Более строги ворота Меншикова, выполненные И. П. Зарудным, напоминающие архитектуру незадолго до того оконченного храма, носящего название «Меншиковой башни». Не менее интересны были ворота, сооруженные Зарудным в 1721 г. по случаю заключения Ништадтского мира.

Несмотря на временный характер этих зданий, их роль для новой архитектуры Москвы начала XVIII в. была исключительно велика. Триумф в связи с полтавской победой и все, связанное с этим событием, оказали значительное воздействие на замыслы художников того времени. Так, многоярусные триумфальные ворота Строганова послужили образцом для начатой в том же 1709 г. церкви Ивана Воина на Якиманке. Неизвестный зодчий перенес в его архитектурную композицию многие детали этих триумфальных ворот. Светские сооружения здесь вновь, как и в XVII в., повлияли на архитектуру храма, определив и его общий облик и детали убранства. Нарядная, праздничная архитектура этого здания заслуженно была оценена В. И. Баженовым, явившись, в свою очередь, прототипом для ряда его собственных произведений.

Лучшим образцом московской архитектуры первой четверти XVIII в. с полным правом может считаться церковь архангела Гавриила, «что на Чистом пруде», или «Меншикова башня» (1705—1707 гг.), выстроенная архитектором И. П. Зарудным. Она была окружена несохранившимися дворцовыми палатами и хозяйственными постройками А. Д. Меншикова. Над Москвой поднялась башня, превышавшая колокольню Ивана Великого и Сухареву башню. Гравюра начала XVIII в. И. Бликландта говорит о грандиозности ее шпиля, вздымавшегося над городом словно символ успехов и побед России. План «башни» и ее внешняя архитектура свидетельствуют о традициях зодчества XVII в. «Крещатый» нижний объем завершен «четвериком», на котором стояли три друг на друга поставленных «восьмерика». Шпиль, вазы, изящные колонки боковых портиков, богатое скульптурное убранство в виде растительных мотивов, гигантские волюты-контрфорсы у западного входа составляют отличительные особенности этого выдающегося по красоте сооружения (после пожара 1723 г. храм был частично переделан в завершающей части).

К творчеству И. П. Зарудного обычно относят достроенные со стороны Берсеневской набережной палаты дьяка А. Кириллова. Архитектурная композиция этого строгого, симметричного и вместе с тем нарядного

«Меншикова башня» в Москве. Архитектор И. П. Зарудный.

Церковь Петра и Павла на Новой Басманной в Москве.
Колокольня, 1745 г.

фасада говорит об изысканности приемов его автора. Пышное убранство верха дома А. Кириллова (волюты, балюстрады, постаменты, на которых некогда стояли статуи, и т. д.) тесно связано с нижней частью и торжественным входом, перекрытым красивой аркой. Этот композиционный прием свидетельствует о принципиально новом понимании архитектуры фасада здания, по сравнению с древнерусскими хоромами. Здания, созданные Зарудным, говорят о глубокой переработке форм зодчества предшествующего времени, не терявшей своего значения в свете новых задач. Об этом же свидетельствует здание кремлевского арсенала, начатое в 1704 г. Д. Ивановым и X. Конрадом. Здесь наряду с формами новой архитектуры уживаются детали, характерные для предшествующего времени, о чем можно судить по той же гравюре И. Бликландта.

Церковь в подмосковном селе Марфине. Крепостной архитектор В. Белозеров, 1707 г.

Из церковных московских построек должны быть названы церковь Петра и Павла на Новой Басманной (1705—1717 гг.), Вознесенская церковь в Варсанофьевском переулке (1709—1730 гг.), надвратная Тихвинская церковь Донского монастыря (1713—1714 гг.) и др. Несмотря на ряд новых оригинальных приемов, каждый из названных памятников обнаруживает связь с предшествующим зодчеством. Это особенно ощутимо в ярусности вертикальной композиции основных архитектурных объемов, в широких террасах на подклетах, в открытых торжественных лестницах, в отношении к ордерным формам, украшающим фасады зданий, и т. д. Красота и нарядность большинства названных храмов, так же как и мастерство выполнения, были настолько значительны, что многие осуществленные в них приемы были подхвачены и развиты следующим поколением московских зодчих.

С. Г. Строганов.
Портрет маслом работы И. М. Никитина, 1726 г.
Государственный Русский музей

Жилой дом начала XVIII в. в г. Горьком.

Среди новых светских произведений Москвы обращал на себя внимание дом князя М. П. Гагарина, построенный на Тверской в виде пышного дворца. Именно о нем говорил в своей речи в 1773 г. В. И. Баженов: «а всех домов прекраснее дом князя Гагарина на Тверской». Литография 40-х годов прошлого столетия дает приблизительное представление об этом выдающемся архитектурном произведении Москвы начала XVIII в. Несмотря на исчезновение богатого декоративного убранства дома, в его архитектуре все же видны и сложность общей композиции и стремление автора к пластическому решению объема здания, выявленному наружными лестницами, балконами и т. п. Не меньший интерес представляет достроенная в 1707 г. часть Лефортовского дворца, отличающаяся силой и суровостью ордерных форм. В подмосковной М. П. Гагарина в селе Степановском под Бронницами строится в 1703 г. собор-колокольня (в честь св. Исаакия) — величественное многоярусное здание, обработанное классическими пилястрами; оно было связано со старым храмом, выстроенным незадолго до того в формах конца XVII в. В селе Сенницах в 1707 г. под Зарайском в усадьбе того же М. П. Гагарина возводится также ярусный храм-башня, но решенный в древних традициях; он напоминает Боровицкие ворота московского Кремля.

В усадьбах Подмосковья постепенно появляются произведения новой архитектуры, где недавняя декоративная пышность заменяется более строгими и ясными формами. Таковы храм в Троекурове (1700 г.),

послуживший прототипом для церкви Петра и Павла на Басманной, храм в Марфине (1707 г.), выстроенный крепостным архитектором В. Белозеровым. Оба произведения декорированы пышными коринфскими пилястрами новой формы, наличниками на окнах и овальными медальонами. Формы и приемы новой архитектуры сказываются здесь в полной мере.

Загородные усадебные дома этого времени, повидимому, строились еще по типу старых хором, о чем свидетельствует сохранившееся описание усадебного дома М. П. Гагарина и Сенницах. Начало нового отношения к архитектуре усадебного дома сказывается в усадьбе Я. В. Брюса в Глинках 20-х годов XVIII в. Небольшой компактный дом с выступающими вперед боковыми частями здания (ризалитами) с террасами, балконами во втором этаже, парковым павильоном, караульней у въезда, с богатой декоративной обработкой стен пилястрами, оконными наличниками и арочным входом свидетельствует о дальнейшем развитии архитектурного мастерства и о принципиально новом характере постройки. В замковых камнях над окнами применены оригинальные «демонические» маски. Вековой парк, ограниченный прудом со стороны реки, сохранил регулярную планировку аллей, что также говорит о новых приемах и в садово-парковом искусстве. Сохранившиеся описания деревянных зданий в усадьбах того времени[1], несмотря на еще ощущаемое воздействие прежней хоромной композиции, также указывают на происходившие изменения. Так, хозяйственные постройки усадьбы в селе Якшино под Москвой строятся «под одну кровлю в линею». Усадебные дома в Петровском-Княжищеве и Сенницах имеют явную тенденцию к симметрии и т. д.

Не следует считать, что источником новшеств в московской архитектуре была Немецкая слобода на Яузе, заселенная преимущественно мелким ремесленным людом и отдельными предпринимателями иностранцами. Дома Немецкой слободы, судя по гравюрам, не представляли собой в архитектурно-художественном отношении ничего выдающегося. Это были небольшие домики, напоминающие дома средневековых городов Германии или Голландии.

Московская архитектура начала XVIII в. не только внутренне близка многим произведениям конца XVII в., но и начинает собой то направление в русском искусстве, которое на следующем этапе его развития будет представлено творчеством Мичурина, Евлашева, Ухтомского и Бланка.

Русская провинциальная архитектура этого времени еще сохраняет старые традиции и навыки. Духовенство стремилось не отставать от все разраставшегося светского строительства. По его заказу сооружается огромный собор в Переяславле Рязанском (Рязани) (1693—1699 гг.),

---

[1] См. «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в.». М., 1951.

Церковь Рождества (Строгановская) в г. Горьком, 1719 г.

Резная облицовка окна Строгановской церкви в г. Горьком.

выстроенный Я. Бухвостовым, замечательный своим размером, декоративными порталами и наличниками. Аналогичное строительство велось и в других городах, о чем свидетельствуют соборы в Сольвычегодске и Астрахани, Строгановская церковь в городе Горьком (окончена в 1718 г.), Казанская церковь в Устюжне Железнопольской и др.

Несмотря на традиционное завершение пятиглавием, в общем их облике легко угадывается то новое, что принесло с собой светское зодчество начала XVIII в. Их величественные объемы напоминают дома

Деревянная многоглавая церковь в селе Кижах Карело-Финской ССР

с единым массивным блоком. Я. Бухвостов в своем рязанском произведении уничтожил даже завершавшие храм традиционные декоративные кокошники, заменив их пышным карнизом. В Суздале же, например, продолжает существовать даже местная школа зодчих, здесь цепко держатся за традиции, характерные для середины XVII в., полностью игнорируя формы так называемого «московского барокко». То же можно сказать и о деревянном зодчестве. В большинстве районов, отдаленных от Москвы и Петербурга, возводятся великолепные деревянные храмы. Таков знаменитый храм погоста Кижи 1714 г., в котором

Кеврольский погост, 1712 г.

нашли свое воплощение художественные образы прошлого. Его сложный объем, увенчанный 22 главами, отражает старые представления о здании-городе, воплощенные с таким совершенством в соборе Василия Блаженного. Новые искания отразились в построенной крестьянами церкви в селе Пузы в начале XVIII в., у которой «над четыриком срублен осьмерик»[1]. Нововведением являлись также «красные» стекольчатые окна. Однако старые традиции держались в провинции еще долго. Большинство жилых зданий — городских, сельских и усадебных — напоминало постройки XVII в.

Вместе с тем новые формы архитектуры первой четверти XVIII в. проникают и в самые удаленные уголки России, о чем свидетельствует ярусная Невьянская башня на Урале, декорированная пилястрами и другими деталями ордерного убранства.

С основанием Петербурга в 1703 г. и с переносом столицы на берега Невы здесь не только развертывается строительство, но и сосредоточиваются все основные архитектурные силы страны. Петербург становится колыбелью новой русской архитектуры. Для застройки нового центра страны был издан указ 9 октября 1714 г. о запрещении каменного строительства по всей стране. Тем самым правительство стремилось сосредоточить все наличные силы от простых обжигальщиков кирпича до зодчих включительно на берегах Балтийского моря. Здесь организуется

[1] «Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства», № 9, стр. 19—20.

Царевна Прасковья Ивановна.
Портрет маслом работы И. М. Никитина, 1714 г.
Государственный Русский музей.

Вид набережной в Петербурге. Гравюра А. Зубова 1727 г.

«Канцелярия от строения», заменившая прежний приказ Каменных дел.

Особенности русской архитектуры первой четверти XVIII в. всего отчетливее проявились в Петербурге, городе нового типа, с регулярной системой улиц, кварталов и площадей. Здесь сложились новые понятия архитектурного ансамбля. Дома, ранее находившиеся в глубине дворов, заняли место вдоль улиц и проспектов. Государственный, общественный характер строительства, его практическая направленность определили общие черты архитектуры города — ее деловитость, четкость, простоту композиции, даже некоторую суровость облика большинства зданий.

Петропавловская крепость, заложенная на одном из островов дельты Невы, явилась сооружением чисто военного значения и не могла стать организующим центром города. Помимо этого вплоть до 1716 г. застройка города шла стихийно, без какого-либо плана застраивались южный и северный берега реки и Васильевский остров. Жилые здания перемежались с государственными, тут же возникали торговые и промышленные предприятия. Все это требовало в первую очередь регулирования застройки и создания единого плана города.

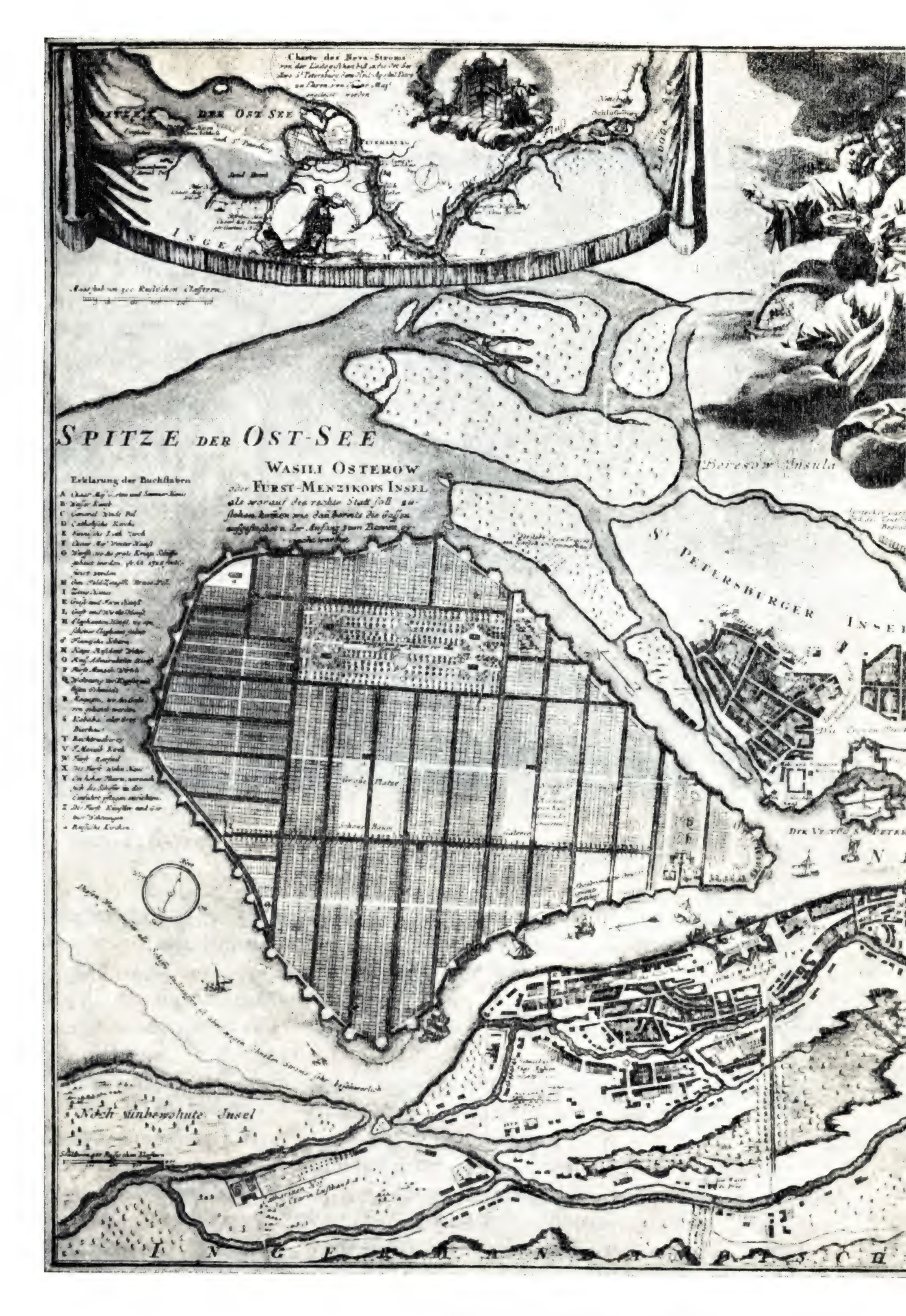
В связи с этим один из первых петербургских архитекторов, приехавший по приглашению Петра из-за рубежа, Д. Трезини, составляет первый план столицы, по которому она должна быть застроена. Его план Петербурга представляет собой равномерную сетку улиц, пересекающихся под прямым углом. Васильевский остров почти весь покрыт подобной сеткой улиц, он должен был стать основной частью города. По центральным улицам города-острова архитектор думал провести каналы. В северной части Д. Трезини запроектировал «общественное гульбище»—парк. На стрелке же Васильевского острова проектировались еще один парк и две площади, обстраиваемые общественными и государственными учреждениями[1]. По этому плану развернулась прокладка улиц и рытье каналов (позднее засыпанных). Однако строительство Петербурга шло настолько бурно, значение столицы, как центра огромной империи, настолько быстро возрастало, что план Д. Трезини скоро устарел. Составление нового плана было поручено приехавшему из Франции в 1717 г. архитектору Ж. Б. Леблону[2]. Проект Леблона был далек от действительности, он походил на проекты идеальных городов, о которых мечтали мастера Западной Европы со времен Возрождения. Нет ничего удивительного, что проект Леблона остался неосуществленным.

Васильевский остров сохранил планировку Д. Трезини. Что же касается южной стороны Невы, где развернулось основное строительство, то здесь быстро сложилась система двух улиц, скоро превратившихся в знаменитый «трезубец», сходящийся к Адмиралтейству. Вознесенский

---

[1] *С. М. Земцов.* Развитие города в XVIII в. Ленинград. Архитектурно-планировочный обзор развития города. М.—Л., 1943, стр. 13—14.

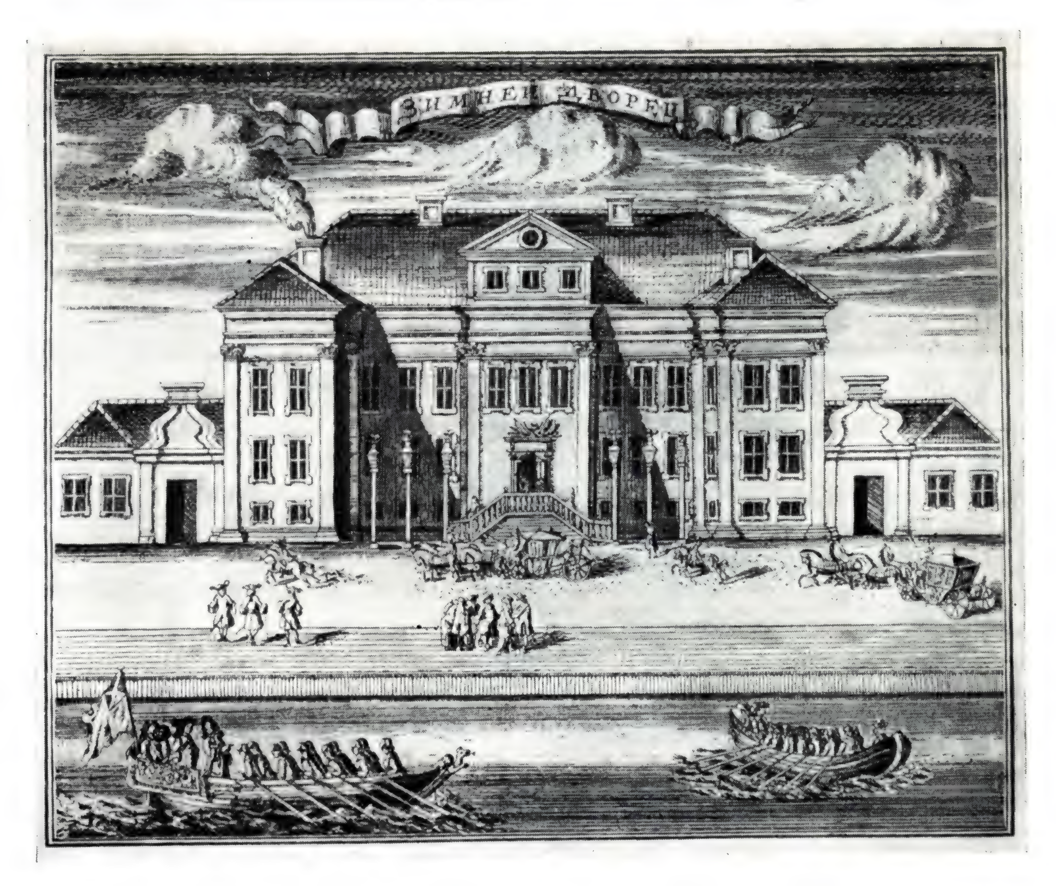
[2] *А. В. Предтеченский.* Население и быт Петербурга. Сб. «Петербург петровского времени». Л., 1948, стр. 138.

План г. Петербурга. Архитектор Д. Трезини, 171

охитектор Д. Трезини, 1716 г. Гравюра XVIII в.

Зимний дворец Петра I в Петербурге, 1711 г. Гравюра А. Зубова 1717 г.

проспект и дорога в Александро-Невскую лавру — «Невская перспектива» были первыми магистралями новой столицы. Трехчастная система лучевых улиц, известная по Версалю и Риму, получила в Петербурге совершенно новое идейное истолкование Адмиралтейство, к которому сходились новые улицы, символизировало выход России к морю, развитие торговли и флота.

Дальнейшие планировочные мероприятия осуществлялись группой русских архитекторов — Коробовым, Земцовым, Еропкиным, положивших основу новому русскому градостроению.

Первый этап застройки Петербурга, примерно до 1717 г., характеризуется усиленной постройкой зданий практического и государственного назначения — крепости, Адмиралтейства с его верфями, гостиного двора, здания 12 коллегий, библиотеки и кунсткамеры Академии наук, складов и т. д. Лишь с середины первого десятилетия XVIII в. начинает развиваться дворцовое строительство, архитектура становится более пышной и торжественной. Появляются загородные дворцовые

резиденции, украшающие окрестности Петербурга. В городе разбивается Летний сад с садовыми павильонами, цветниками и скульптурой.

Самым большим государственным зданием Петербурга того времени было здание 12 коллегий, построенное Д. Трезини (1723—1731 гг.) на Васильевском острове, близ его стрелки. Здание коллегий состояло как бы из 12 отдельных построек, соединенных друг с другом коридором. В его объемном решении проявилось воздействие здания московских приказов. Обработка произведения Д. Трезини отличается строгостью: пилястры без капителей членят стены, окна обрамлены простыми наличниками с «ушами» по сторонам. Лишь фронтоны, с некогда стоявшей на них скульптурой, более декоративны. Несмотря на ордерную основу здания, наличие в нем приемов русского национального зодчества предшествовавшего времени не было случайно. Как приехавшие иностранцы, так и первые русские архитекторы Петербурга часто использовали в своих произведениях то, что было осуществлено в Москве.

Теми же качествами обладало и здание первого Адмиралтейства (1711—1720 гг.), где в центре была помещена башня с высоким шпилем, повторенная позднее И. Коробовым, но в более разработанном виде. В этом произведении легко угадываются московские архитектурные прототипы.

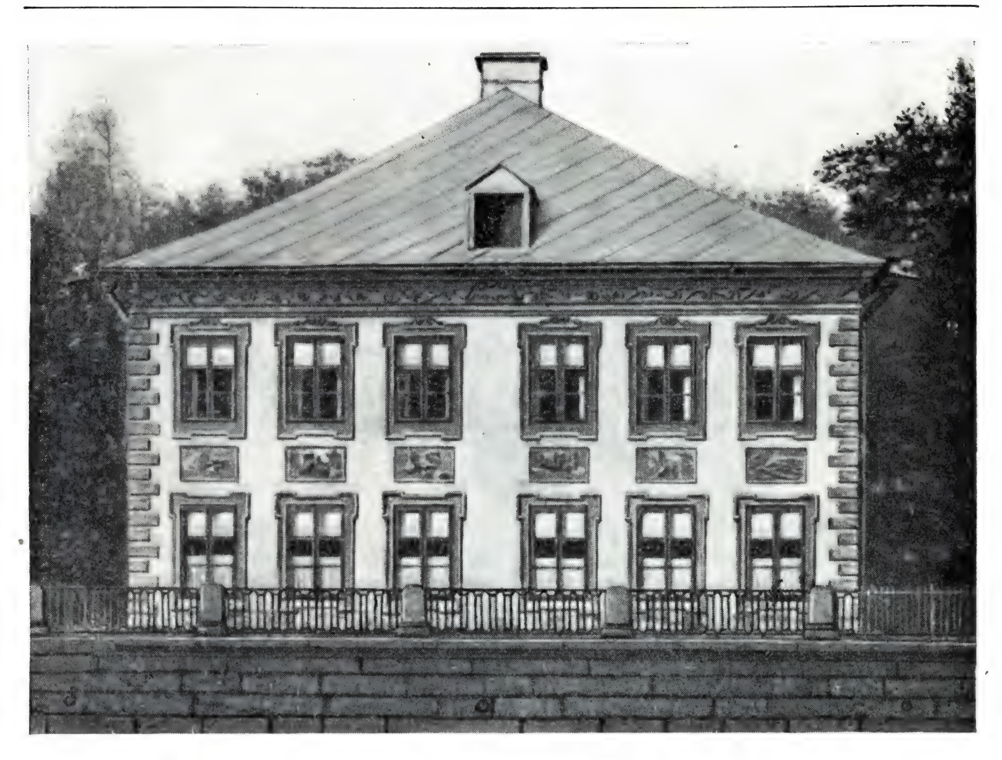
В 1712 г. была начата постройка Петропавловского собора по проекту того же Д. Трезини. Здание собора отличается суровостью и лаконичностью, лишь в колокольне, постройку которой так торопил Петр, архитектор позволил себе большую свободу. Ее общие формы были навеяны московской «Меншиковой башней». Многоярусная со шпилем колокольня Петропавловского собора высотой в 110 м определила архитектуру ряда последующих построек Петербурга и стала первым зданием, «собравшим» город вокруг себя. Петропавловская колокольня явилась тем произведением, которое неизменно связано с образом северной столицы России.

В постройке гостиного двора на Васильевском острове, осуществленной Д. Трезини, также сказалось влияние архитектуры московских зданий. Общий план двора напоминает собой трапецию. Внутренние аркады московского здания как бы раскрылись наружу, определив тем самым всю дальнейшую архитектуру подобных зданий. Ворота Петропавловской крепости и кунсткамера, выдержанная в тех же формах с башней в центре (построена в 1718—1734 гг.), и проект Александро-Невской лавры свидетельствуют о строгости, даже суровости архитектуры общественных зданий того времени.

Об архитектуре жилых зданий раннего Петербурга можно судить по панораме А. Зубова, рисункам Марселиуса, проектам типовых домов Д. Трезини и Летнему дворцу. Порядок расположения владений на набережной Васильевского острова по Большой Невке почти точно повторяет порядок владений вельмож того времени на берегу Яузы в Москве, таким образом, и здесь мы встречаемся с московскими традициями в архитектуре Петербурга. Архитектура жилых петербургских зданий имеет

А. Матвеев.
Автопортрет художника с женой. Масло. 1729 г.
Государственный Русский музей.

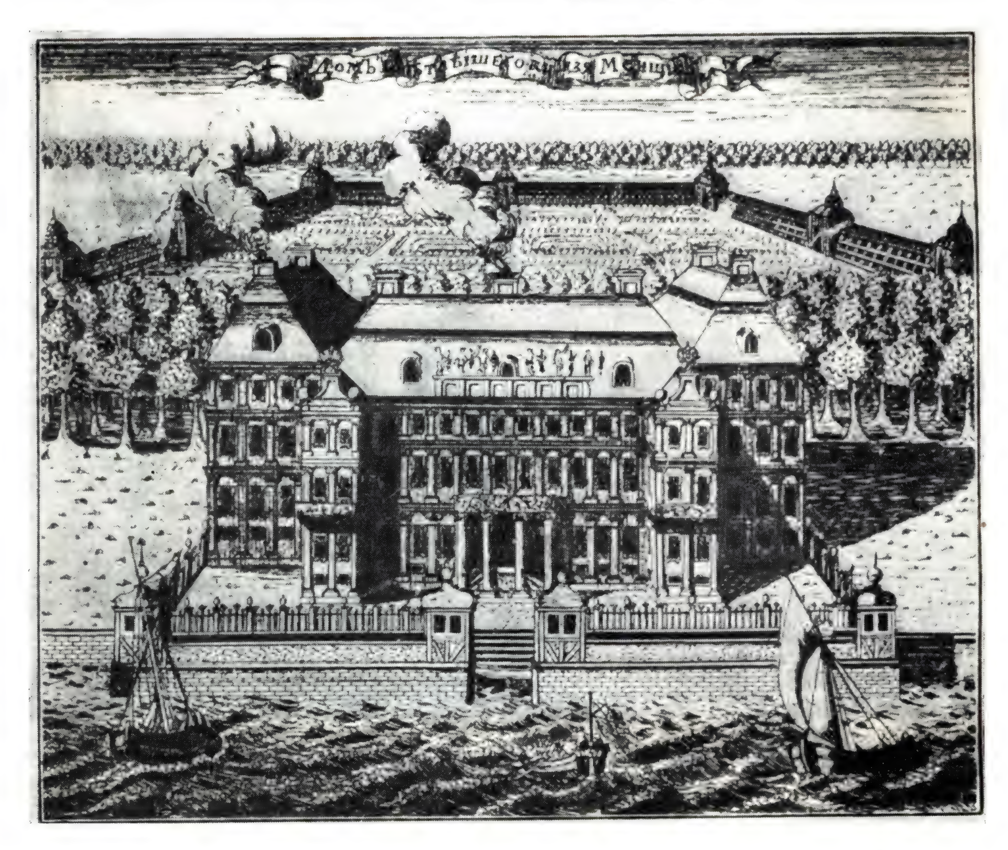
Летний дворец Петра I в Петербурге. Архитекторы Трезини и Шлютер.

«бюргерский» облик, что особенно отчетливо сказалось в Летнем дворце, построенном Д. Трезини и А. Шлютером (последнему принадлежит скульптурное убранство). Это не столько дворец, сколько небольшой двухэтажный домик городского жителя. В ряд скромно убранных комнат входит и кухня, где по голландскому обычаю собиралась семья. Отделка некоторых помещений дубовыми панелями говорит о вкусе мастера.

Аналогичные приемы внешнего и внутреннего убранства встречаются и в типовых проектах Д. Трезини и в изображении домов А. Зубова и Марселиуса. Рустованные углы, стройные пилястры и простые наличники производили впечатление трезвой ясности и простоты. Крыши с характерным изломом, чердачные помещения были единственным приемом, оживлявшим эту лаконичную архитектуру, как и яркая окраска их оштукатуренных стен [1].

Для архитектуры раннего Петербурга важное значение имели правительственные меры по застройке города. Так, в 1714 г. издается указ о постройке домов вдоль улиц, а не внутри дворов. С 1715 г. не разрешается строить без чертежа. По указу 1718 г. петербургский генерал-полицмейстер должен был следить, чтобы «никакое строение за линию или из линии не строилось, но чтоб улицы и переулки были равны и изрядны».

[1] *С. М. Земцов.* Указ. соч., стр. 20.

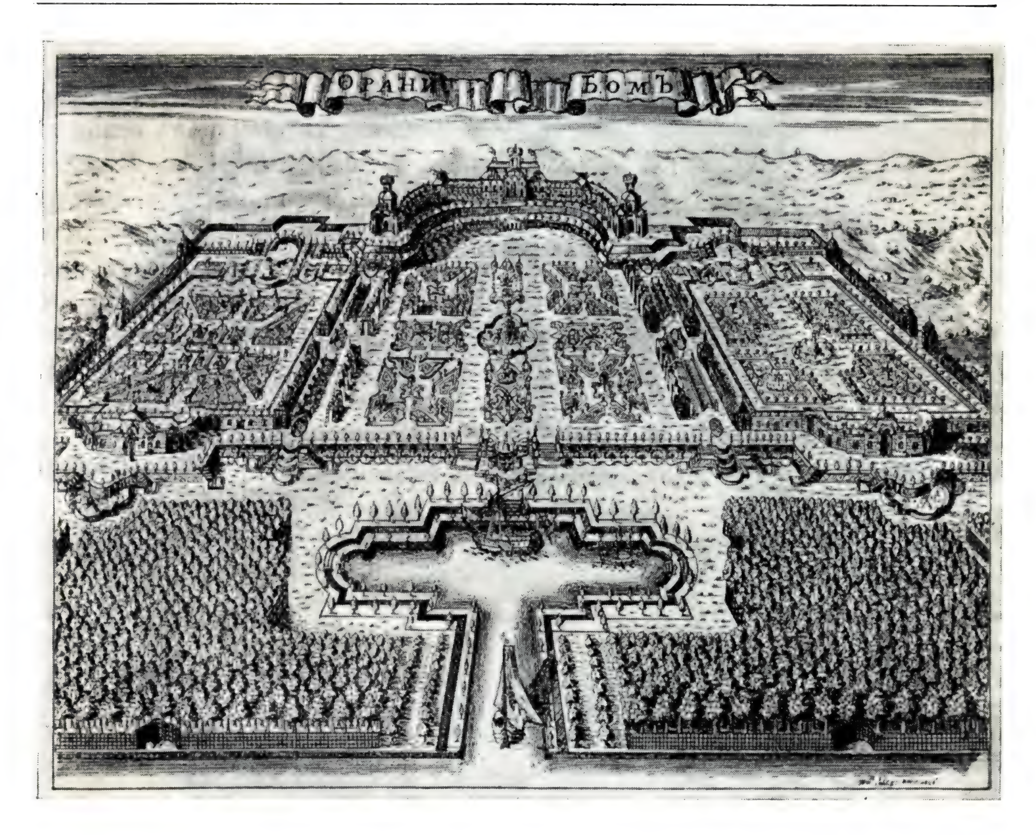

Дворец А. Д. Меншикова на Васильевском острове. Архитектор Шедель. Гравюра А. Зубова 1717 г.

В 1721 г. назначается архитектор с тремя помощниками «для устройства линейных улиц» [1].

Лишь с середины 10-х годов XVIII в. крупное дворянство и Петр начинают строительство пригородных резиденций, где «бюргерский» характер первых построек Петербурга заменяется постепенно все усиливающейся пышностью убранства, сложностью объемного построения дворцовых зданий и размахом общей планировки. Эти изменения отвечали мощи Русского государства, превратившегося в империю. В этих приемах находили свое отражение запросы новых вельмож, мечтавших превзойти строительство старой знати. Меншиков, Строгановы и др. стремятся построить себе дворцы в городе и загородные резиденции, своим обликом говорящие об общественном положении владельца. Так, в 1710—1725 гг. Г. Шедель выстраивает А. Меншикову загородную усадьбу в Ораниенбауме. Крылья дворца изгибаются дугой. В их концах появляются башнеобразные декоративные павильоны. Сам дворец

[1] *П. В. Сытин.* Указ. соч., стр. 209.

Дворец А. Д. Меншикова в Ораниенбауме. Архитектор Шедель. Гравюра А. И. Ростовцева 1717 г.

отличается по сравнению с архитектурой Петербурга сложностью объемного решения. Красивые лестницы связывали дворец с цветником-партером и гаванью, соединявшейся каналом с морем. Обработка стен многочисленными колоннами, пилястрами и иными декоративными деталями придает ораниенбаумскому дворцу нарядную пышность, которая завоевывает себе место в архитектуре 20-х годов XVIII в.

В Екатеринентале (Кадриорг) близ Таллина в 1718—1723 гг. архитектор Микетти строит пышный трехэтажный дворец, где комнаты и залы отделываются со значительной роскошью. Петр I заказывает Леблону проекты пышных дворцовых резиденций и начинает их осуществление в Стрельне (парк 1716—1717 гг.) и Петергофе (1716—1719 гг.). О красоте и характере их архитектуры можно судить по петергофскому Эрмитажу. Произведениям Леблона свойственна известная строгость. Лишь внутри зданий он позволяет себе большую свободу в декорировании стен и потолков.

Архитектура Петербурга первой четверти XVIII в., отличаясь скромностью и строгостью, кладет основу дальнейшего развития русского зодчества. Одной из существенных особенностей ее было обращение к

Образец литья из меди с украшениями из выемчатой эмали. Подсвечник начала XVIII в.

Государственный Исторический музей.

формам ордера (колонны, пилястры и т. п.), который понимался уже как основной элемент архитектуры. В целом создается новая архитектурная композиционная система. Однако вместе с тем в ряде зданий ясно сказывается преемственность с московской архитектурой конца XVII в. Русская архитектура этого времени представляет собой одно из интереснейших явлений в истории искусства. Она отразила подъем русской культуры и Русского государства; светские образы и произведения заняли ведущее место, определив дальнейшее развитие русской архитектуры XVIII в.

* * *

Не менее ценны были достижения в области прикладного искусства. В это время почти все виды народного художественного ремесла обнаруживали черты новых приемов, говорившие о дальнейшем развитии прикладного искусства. Так, в области художественной обработки металла, с одной стороны, наблюдаются традиции предшествующего времени, с другой — нарождаются черты нового. Особенно это заметно в кованых решетках, применяющихся в архитектуре. Дверная решетка церкви в селе Таболове (1705 г.) по своему рисунку тесно связана еще с художественными традициями XVII в., вместе с тем, простота повторяющегося элемента говорит о приемах нового искусства. Последнее с особой силой сказалось в рисунках решеток Марли и Эрмитажа в Петергофе (ныне Петродворце) и др., где мастер с большим искусством сочетал новые орнаментальные мотивы с вензелем Петра.

Медальон, выточенный Петром I из пальмового дерева, с изображением взятия Нотебурга.

Государственный Исторический музей.

Не меньшее мастерство проявили художники в области ювелирного дела — в басме, чеканке, черни, эмали. Если басменные пластинки, служившие орнаментальным фоном для икон и других предметов, еще во многом связаны с характером вытесненных орнаментальных мотивов прежнего русского искусства, то в чеканке и гравировке, в особенности в золотой и серебряной посуде, в значительной степени сказываются новые веяния, в особенности в орнаментальной области. Мастера, большинство которых прошло выучку упраздненной в 1711 г. Оружейной палаты, используют в своих произведениях орнаментальное богатство русской гравюры того времени, что сказывается в графичности рисунка.

Особенно ярко расцветает финифть, становящаяся в это время одним из распространеннейших видов прикладного искусства. Привлекают внимание яркие по своей красочной гамме произведения

«усольского дела». На гладком белом фоне разнообразных по форме тарелей, блюдец, ковшичков и иных предметов обихода нанесены яркими красками не только фантастические цветы, но и растения, зарисованные художником с натуры. Рисунок цветов лаконичен, он воспроизводит характерные приемы гравюры. Вместе с тем мастер обнаруживает большое искусство в области композиции, тесно связанной с формой произведения. Вместе с этими произведениями Усолья-Сольвычегодска продолжают действовать местные школы финифтяного дела — в Устюге Великом, Москве и других городах. Особенно примечательно появление живописной финифти миниатюры, где рисунок фигур обнаруживает постепенный отход от графических приемов в сторону их живописной трактовки. Зачинателями этого вида искусства — портретов-миниатюр, повидимому, являются Адольский, Муссикийский и др. Подобные произведения получают постепенно широкое распространение, занимая видное место и в оформлении новоучрежденных орденов, и в военных знаках, где широко использована финифть. Широко применялась финифть и в медном литье, развившемся на рубеже двух столетий. Многие произведения в этой области замечательны слаженностью композиции и мастерством исполнения. Медное литье в своем большинстве обслуживало церковные нужды (иконы, кресты и т. п.).

Широкое развитие ювелирного дела с его богатейшими возможностями в области орнамента сказалось и в резьбе по кости. Европейский север России (Холмогоры и др.) попрежнему оставался главным поставщиком этого вида искусства. Всевозможные ларцы, коробки, гребни и другие предметы обихода, украшенные прорезным и гравированным орнаментом, как новым, так и старым, попрежнему имели широкое распространение. Понемногу рельеф начинает увеличиваться, прежние прорезные украшения, воспроизводившие зверей и птиц «в травах», заменяются растительными завитками барочного характера, появляются геральдические мотивы.

Выше уже отмечалось большое распространение резьбы по дереву, в особенности во внутреннем убранстве дворцовых зданий и церквей. Благодаря вниманию, уделенному резьбе с относительно высоким рельефом (фрукты, цветы, декоративные картуши и т. д.), в это время возникает народная круглая скульптура. Народные мастера вырезывают почти в натуральную величину изображение Христа в темнице, сцены распятия, положения во гроб и т. д. Натуралистические элементы трактовки, сочетающиеся с неумелым выполнением человеческой фигуры, привели к изданию в 1722 г. указа, в котором изготовление подобной скульптуры запрещалось. Мастера могли резать лишь мелкие изображения в виде небольших икон, складней и т. д. Среди мастеров-резчиков по дереву примечателен Г. С. Шумаев[1], задумавший грандиозную компо-

[1] *Н. Н. Соболев.* Резные изображения в московских церквах. «Старая Москва», вып. II. М., 1914, стр. 87—107.

зицию на евангельские темы, выполненную в резном дереве. В центре его произведения расположен «горний Иерусалим» в виде типичного русского города с множеством церквей, башен, палат и т. д. Все резные изображения Шумаева ярко раскрашены, что говорит об исконной любви русских художников к многоцветности и яркости красок. Последняя проявилась и в росписи бытовой деревенской посуды, выполненной из дерева или бересты. Различные по форме чашки, туесы и другие предметы крестьянского обихода часто расписывались яркими цветами в характерной манере XVII в. (северодвинская роспись и др.). Среди этих фантастических цветов и растительных побегов часто можно встретить изображения птицы-сирина, русалок-берегинь и т. д.

Наряду с проявлением народной мифологии встречаются изображения, почерпнутые из действительности. Формы новой архитектуры, одежда, мундиры, предметы обихода и т. д. привлекают внимание народных мастеров. Изображение кораблей, войск в новой форме, мужчин и женщин, одетых в камзолы, платья с фижмами и широкополые шляпы, можно встретить на подзорах простыней, выполненных умелыми руками народных мастериц-вышивальщиц. Подобные сюжеты проникают и в набойку наряду с новыми растительными формами барочного характера. В целом в прикладном искусстве этого времени, сильнейшим образом отразившем народные вкусы и представления, ярко и своеобразно сказалось также то новое, что было внесено в культуру рубежа XVII—XVIII вв. Светское начало окончательно побеждает церковное, знаменуя рождение нового русского искусства.

Существенные изменения, происходившие в русском искусстве, и общий подъем художественной культуры России должны были сказаться во взаимоотношениях с искусством Украины и отчасти Белоруссии, находившейся еще под властью Польши.

Воссоединение Украины с Россией, а также занятие ряда белорусских городов русскими войсками в середине XVII в. вызвали, как указывалось выше, переезд части художников для работы в Москве и ее округе. Так, патриарх Никон вывозил на Валдай, а затем в Ново-Иерусалимский монастырь из-под Орши и других мест художников, работавших в области резьбы и многоцветных изразцов. Эти мастера переходят в ведение Оружейной палаты, работают в селе Коломенском, имея уже русских учеников. Благодаря их деятельности «ценинное» искусство достигает небывалого расцвета в последней четверти XVII в. Одновременно с мастерами «ценинной хитрости», как отмечено выше, приезжают из Белоруссии резчики по дереву. В лице Клима Михайлова, Андрея Федорова, Герасима Окулова, Осипа Андреева Москва получила видных художников-декораторов[1], создателей «белорусской рези», нашедшей большое распространение в русском искусстве рубежа XVII—XVIII вв.

[1] *С. В. Бессонау.* Беларускія мастацкія майетры із Масквы XVII столодзя, Весці Акадэміі навук Беларусской ССР. Серия исторычная, № 1. Мінск, 1947, стр. 75—81.

Художественные связи с Украиной были еще многообразнее и отличались своим постоянством. Различные источники неоднократно упоминают привоз в Москву изданных на Украине книг. Их орнаментация, а также отдельные иллюстрации могли оказать влияние на развитие русского искусства последних десятилетий XVII в. В Киеве работали художники, имена которых мы потом встречаем в Москве, их роль в области «парсуны» была, повидимому, весьма значительна. Украинские архитектурные формы также отразились в Москве. Не менее существенным было воздействие сложившейся архитектуры Москвы конца XVII в. на архитектуру Украины. Прославленные московские зодчие, как О. Старцев, Д. Аксамитов и др., едут на Украину и развивают там энергичную архитектурно-художественную деятельность. О. Старцев строит в Киеве Никольский собор, Д. Аксамитов работает в Батурине и Киеве. Наряду с посылкой мастеров-зодчих на Украину туда отправлялись детали для образца[1]. Московские архитектурные формы воздействовали на развитие украинского декоративного убранства на рубеже XVII—XVIII вв. (Киев, Чернигов и др.). В Москве в 1690 г. появляется украинец И. П. Зарудный, ставший затем видным московским зодчим. В его произведениях неоднократно встречаются украинские мотивы.

Позднее этот процесс, углубляясь, приводит к появлению таких замечательных художников, как Левицкий, украинец по происхождению. Русские художники—Антропов, Растрелли и Мичурин создают замечательные произведения: Андреевскую церковь в Киеве, церковь в Василькове и собор в Козельце (А. Квасов). Взаимное влияние украинской и русской художественной культуры явилось весьма плодотворным, обогатив русское и украинское искусство замечательными произведениями прославленных художников.

* * *

Итак, время преобразований имело большое значение для развития русской культуры.

Яркий расцвет переживала публицистика. Трактаты Феофана Прокоповича, проекты Ф. Салтыкова, «Рассуждение» Шафирова, мотивировочная часть указов Петра и первая печатная газета выражали интересы и взгляды передовой части господствующего класса, в них защищались и обосновывались преобразования; интересы нарождавшегося купечества выразил Посошков. Положительное отношение народа к блестящей внешней политике отчетливо проявилось в фольклоре, в солдатских песнях, сложенных на военные победы. Революционные требования крестьянства и его ненависть к дворянству отразились в воззваниях крестьян и казаков на Дону.

---

[1] *Р. Подольский.* Указ. соч., стр. 30.

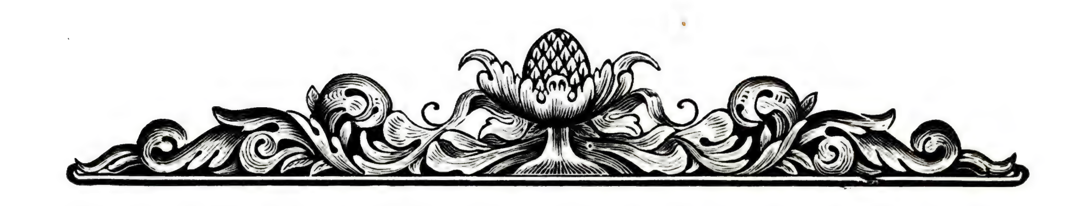
Важнейшее значение имело создание сети светских и профессиональных школ, выпуск руководств по различным отраслям знания. В области науки особенно значительны были успехи географии. Основанием Академии наук было положено начало дальнейшему развитию русской науки, культурные реформы подготовили появление величайшего русского ученого М. В. Ломоносова. Вместе с тем достижения в науке и просвещении охватывали преимущественно дворянство, напротив, в крестьянстве в значительной степени продолжает господствовать попрежнему церковное мировоззрение.

В литературе следует отметить появление светской повести, рисующей новых людей из дворянской молодежи. Возникает театр в форме существовавшего короткое время общедоступного театра и сменившего его школьного театра, а также придворных спектаклей. Драмы того времени носят светский характер, пропагандируют преобразования, связаны с жизнью. Литература и театр этого времени являлись зачатками будущей реалистической литературы и искусства.

В живописи русские художники ярко проявили себя в области портрета. Газета и разнообразные учебники сопровождались иллюстрациями в виде многочисленных гравюр. В архитектуре Москвы и Петербурга на основе национальных русских традиций были созданы новые формы. Отрицательной чертой преобразований в области культуры явилось излишнее увлечение «иностранщиной».

В целом преобразования подготовили дальнейший подъем русской культуры в XVIII—XIX вв. Вместе с тем они имели большое значение для создания той психической общности, которая является одним из признаков складывающейся русской нации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой четверти XVIII в. происходило ускоренное развитие производительных сил и укреплялась экономическая и политическая независимость нашей Родины. Это была борьба с отсталостью как в хозяйственной жизни, так и в отношении военного дела, государственного управления и культуры. Но вместе с тем следует иметь в виду классовую ограниченность этих достижений, усиливших господство дворянства и крепостнический гнет,— успехи достались дорогой ценой.

В экономическом развитии России прежде всего следует отметить строительство крупных промышленных предприятий. За четверть века было создано 180—200 крупных промышленных предприятий на Урале, в Карелии, Москве, Петербурге и других районах. Менее яркие изменения прослеживаются в сельском хозяйстве. На базе роста общественного разделения труда происходит более заметная специализация районов сельского хозяйства. В вотчинном хозяйстве нечерноземных районов преобладание оброка проявляется сильнее, тогда как на черноземном юге развивается барщинное хозяйство; расширяются районы возделывания льна и конопли, предпринимаются попытки улучшить породы скота. Рост промышленности и отчасти сельского хозяйства сопровождался усилением торговых связей, как внутренних, так и внешних.

В социально-экономическом развитии России в первой четверти XVIII в. с большей силой, чем в предшествующем столетии, проявились элементы первоначального накопления [1]. Под первоначальным накоплением Маркс понимал «накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» [2]. Сущность первоначального накопления состоит в отделении непосредственных производителей от средств производства и концентрации богатств, превращаемых в капитал. Экспроприация земли, «кровавое

[1] Необходимо отметить слабую изученность этой проблемы на материалах истории России.

[2] *К. Маркс.* Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 718.

законодательство» против рабочих, рост налогов, торговля, протекционизм, колониальная система — таковы методы первоначального накопления. При этом Маркс подчеркивает, что история первоначального накопления «в различных странах имеет различную окраску, пробегает различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»[1].

Своеобразие первоначального накопления в России состояло в том, что оно протекало при сохранении крепостнических отношений. Крепостное право задерживало экспроприацию мелких производителей, а также препятствовало превращению разорившихся крестьян в свободных продавцов рабочей силы. Кроме того, крепостное право давало возможность помещику контролировать накопление капиталов верхушкой крестьянства и затем изымать в свою пользу часть накопленных богатств в форме повышенного оброка. Существенная особенность первоначального накопления в России, далее, состояла в том, что колониальный грабеж имел здесь меньшее значение, чем для Англии и Голландии.

Крупные денежные богатства накапливались в сфере развивавшегося всероссийского рынка. Используя местные особенности и различия в ценах, позволявшие производить неэквивалентный обмен, купцы наживали огромные денежные богатства. В то же время неэквивалентный обмен разорял мелких производителей города и деревни.

Одним из источников первоначального накопления в России первой четверти XVIII в. был государственный бюджет. Налоговые поступления с 1680 по 1724 г. увеличились в три раза. Огромные доходы давала монетная операция, проведенная в первые годы XVIII в., а также соляная, винная, табачная и прочие казенные монополии.

Утроение бюджета тяжелым бременем ложилось на плечи трудового населения, крестьян и посадских. Крестьяне искали заработков в неземледельческих промыслах. Нередко обедневший крестьянин полностью порывал с сельским хозяйством и, оставаясь крепостным помещика, работал по найму в городе, на водном и гужевом транспорте, на мануфактуре. Значительное число крестьян бежало на окраины государства: на Дон, Урал, в Сибирь.

Возросший бюджет позволял государству расходовать крупные суммы на строительство промышленных предприятий, переданных затем в частные руки. Кроме того, первоначальный капитал попадал к промышленникам прямо из казны в форме субсидий на строительство мануфактур. Крупные денежные суммы получали от государства подрядчики, поставлявшие в казну снаряжение, обмундирование и продовольствие. Подрядчики и купцы, становясь посредниками между рынком и производством, эксплуатировали непосредственных производителей.

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. 1, стр. 721.

Государство шло навстречу требованиям промышленников и, выдавая привилегии на строительство мануфактур, ограничивало или запрещало ввоз соответствующих товаров из-за границы. Протекционистский характер таможенного тарифа 1724 г., достижение благоприятного внешнеторгового баланса ставили русское купечество в более выгодные условия, чем прежде, и также способствовали его обогащению. Протекционизм и монополии обогащали нарождавшуюся буржуазию за счет народных масс.

Часть накопленных купечеством капиталов вкладывалась в промышленность. В рассматриваемое время впервые появляются владельцы промышленных предприятий, вышедшие из среды крупных торговцев (Щеголин, Микляев), разбогатевших ремесленников (Демидов, Баташев) и верхушки крестьян (Миляковы). Однако накопление капиталов, как и перемещение их из сферы обращения в производство, протекало относительно медленно.

По свидетельству современников, рабочие на некоторых мануфактурах получали не более того, во что обходилось содержание арестанта. Экспроприированных производителей приучали к дисциплине крупного предприятия жестокими истязаниями и штрафами. Отход крестьян на заработки не обеспечивал мануфактуры достаточной рабочей силой. Поэтому государство создавало кадры рабочей силы для мануфактур посредством ряда мероприятий, как-то: приписка крестьян к заводам, разрешение промышленникам покупать для заводов крепостных крестьян, направление на заводы рекрутов, осужденных, военнопленных, нищих, бродяг и т. д.

Таким образом, в России первой четверти XVIII в. происходили процессы, свойственные эпохе первоначального накопления: разорение части непосредственных производителей и накопление капиталов у купцов и промышленников. Активная роль государства в этом процессе сказалась в том, что оно «фабриковало фабрикантов» феодально-крепостническими методами — создавало недостающие кадры для мануфактур, а также организовывало некоторые торгово-промышленные компании в принудительном порядке.

Господство феодально-крепостнической системы, активная роль надстройки в развитии промышленности оказывали влияние на социально-экономическую природу русской мануфактуры, сочетавшей элементы капиталистических и феодальных отношений.

Отмечая успехи уральской металлургии в XVIII—XIX вв., В. И. Ленин указал на два этапа ее развития— первый, когда крепостнические отношения еще способствовали росту уральской промышленности, помогли ей высоко подняться (XVIII в.), и второй, когда они ему препятствовали, служили причиной упадка Урала в XIX в.[1]

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 424.

Господство феодальных отношений придавало мануфактурному производству, которое развивалось в России в первой четверти XVIII в., некоторые особенности. Они проявлялись, в частности, в социально-экономической характеристике мануфактуры, подвергавшейся сильному воздействию окружавшей феодально-крепостнической среды.

Дворянство являлось господствующим классом России, ему принадлежало основное богатство общества феодальной формации — земля. В интересах дворянства были слиты обе формы феодального землевладения — поместье и вотчина — в одну, под названием недвижимых имуществ.

Крепостная зависимость, обеспечивавшая поступление в пользу дворян прибавочного продукта, усилилась в связи с проведением подушной переписи, ростом пожалований и т. п.

Рост феодальной эксплуатации и процесс накопления капиталов у купцов, промышленников и верхушки крестьян сопровождались обострением классовой борьбы. В 1705 г. вспыхнуло восстание в Астрахани, в 1707—1708 гг. разгорелась антифеодальная борьба на Дону, в 1705—1711 гг. происходило восстание в Башкирии. Крестьяне поднимались также в центральных и южных уездах. Восстания были подавлены путем жестокой расправы с крестьянами и посадскими людьми. Появились новые виды классовой борьбы на мануфактурах, связанные с выступлениями работных людей против владельцев промышленных предприятий.

Российская империя первой четверти XVIII в. представляет собой абсолютистское государство помещиков и нарождавшегося класса торговцев с бюрократическими учреждениями. Бюрократический Сенат сменил аристократическую Боярскую думу, немногочисленные коллегии заменили собой устарелые приказы. Церковь вместо патриарха управлялась «духовной коллегией», или Синодом, наравне с другими коллегиями и Сенатом, подчиненным императору. Две областные реформы, создание губернского деления и «провинций» с целой системой местных учреждений завершили складывание аппарата чиновничье-дворянской империи.

Изменения в экономике страны позволили в относительно короткий срок реорганизовать армию и значительно повысить ее боевые качества, а также создать заново военно-морской флот.

На основе рекрутской системы комплектования вооруженных сил была создана большая, отлично обученная регулярная национальная армия, обеспеченная единообразным вооружением, снаряжением и обмундированием. В основу боевой подготовки войск и проведения военных действий были положены единые принципы. Для создания подготовленного командного состава были организованы специальные школы (бомбардирская школа при Преображенском полку, математическая и артиллерийская школы и др.).

Внешнеполитические задачи, стоявшие перед Россией этого времени, заключались в возвращении берегов Балтийского и Черного морей. Начав с борьбы за выход к южным морям, с Азовских походов, русское правительство перешло затем к решению балтийской проблемы. В 1708—1709 гг., когда враг вторгся в пределы России, война приобрела народный характер, крестьяне создавали партизанские отряды, уничтожали мелкие подразделения агрессора и разрушали его коммуникации.

Под Лесной 28 сентября 1708 г. русские войска нанесли жестокое поражение корпусу Левенгаупта, двигавшемуся на Украину для соединения с основными силами шведов. В сражении под Полтавой 27 июня 1709 г. русские войска одержали блестящую победу над врагом. Армия противника была уничтожена, и лишь немногочисленному отряду шведов во главе с Карлом XII удалось спастись бегством в Турцию.

Полтавская победа имела решающее значение для всего хода Северной войны. Вслед за Полтавой русская армия одерживает победы на побережье Финского и Рижского заливов, заняв в 1710 г. Выборг, Ревель и Ригу. Поражение Швеции определилось совершенно отчетливо, но в это время Карлу XII при помощи англо-французской дипломатии удалось склонить к войне против России Турцию. Таким образом, России пришлось вести военные действия на двух фронтах — на юге против Турции и на севере против Швеции. Прутский поход окончился неудачей, но его результаты не могли оказать влияния на исход Северной войны. Вскоре русские войска заняли почти всю Финляндию с Гельсингфорсом и Або. Одержанная русским галерным флотом морская победа у мыса Гангут в 1714 г. вместе с разгромом шведов под Полтавой обеспечили господство России на суше и на Балтийском море. Война закончилась Ништадтским миром, возвратившим России земли на балтийском побережье.

Одновременно с попытками преодолеть экономическую и военную отсталость России осуществлялись мероприятия по развитию культуры и просвещения. Растущей промышленности, реорганизованной армии и вновь созданному бюрократическому аппарату государства были необходимы обученные офицеры, знающие свое дело чиновники, квалифицированные мастера. В этот период было положено начало специальному образованию, созданы горные училища, медицинская школа, школы для обучения инженерному и военно-морскому делу. Кроме того, организуется сеть школ в провинциях. В это же время составлялись учебники, политические трактаты, издавалась газета, введено современное летоисчисление. В конце первой четверти XVIII в. создается Академия наук. Характерной чертой просвещения этого времени является связь его с хозяйственными и политическими задачами. Были организованы поиски полезных ископаемых, проводилось изучение Сибири и разыскание торговых путей. Распространение образования

подчинялось укреплению положения дворянства и верхов купечества. Оно было доступно преимущественно этим классам.

Изучаемый период можно разбить на четыре этапа. Первый этап относится к последнему десятилетию XVII в. В это время ведется строительство мануфактур; крупнейшими событиями являются Азовские походы и подготовка к Северной войне.

Второй этап особенно наглядно проявился в развитии внешней политики, в военном деле и в ходе войны со Швецией. Он охватывает время с 1699 по 1709 г. В эти годы происходит городская реформа, создается регулярная армия, начинается строительство Балтийского флота, возникает новая столица Санкт-Петербург. На эти годы падает самый напряженный период Северной войны, закончившийся разгромом шведов под Полтавой.

Третий этап начинается переломом в международном положении России в 1709 г., с восстановления после Полтавы союза с Данией и Польшей против Швеции, и заканчивается в 1715 г. К концу этого этапа, с занятием Финляндии и морской победой под Гангутом, военные действия в основном закончены, и на очередь становятся дипломатические задачи. Вместе с тем проводятся административные реформы (Сенат и губернская реформа).

Четвертый этап охватывает 1716—1724 гг. Он характеризуется тем, что на первый план выдвигаются задачи дипломатии, законодательства, промышленного строительства и торговли. В этот период проводится систематическая подготовка реформы государственного аппарата, возникают коллегии, новые местные учреждения, реорганизуется Сенат, проводятся перепись населения и финансовая реформа. Двумя конгрессами, сперва Аландским, затем Ништадтским, завершается Северная война, вслед за нею проводится Персидский поход. Административная и финансовая реформы укрепили дворянско-чиновничье государство, обеспечили усиление нажима на крестьянство со стороны помещиков и предоставили некоторые льготы купечеству.

К концу первой четверти XVIII в. отсталость России от передовых западноевропейских государств была уменьшена, производительные силы страны развивались быстрее, чем в предшествующее время. Неизмеримо выросла роль России в международных делах.

Однако реформы не ликвидировали отсталости России, ибо они осуществлялись в узких рамках феодально-крепостнического строя и в конечном итоге были направлены на его укрепление. Ни феодальной аристократии, ни буржуазии не под силу было разрешить задачу ликвидации отсталости.

В длительном процессе складывания русской нации изучаемое время является важным этапом. Начало этого процесса относится еще к XVII в.—времени складывания всероссийского рынка и буржуазных связей.

Общность территории, один из признаков нации, была достигнута еще в предшествующее время. Укрепление внешнеполитического положения России в системе европейских государств в первой четверти XVIII в., безопасность западных границ, а также южных рубежей от грабительских набегов крымских татар являлись важными предпосылками для экономического и политического развития страны и формирования русской нации.

Экономическая общность, другой признак нации, усиливалась в изучаемое время в связи с ростом общественного разделения труда. Специализация отдельных районов, строительство промышленных предприятий и каналов создавали благоприятные условия для развития обмена, укреплялся всероссийский рынок.

На складывание нации оказывали влияние также надстроечные явления. Усиление централизации государства в результате установления абсолютной монархии, организация регулярной армии и флота, а также мобилизация людей на строительные работы и переселение ремесленников из одного района в другой способствовали формированию языковой и психической общности людей. Однако прочность и систематичность экономических связей в условиях крепостнических отношений и господства феодальной собственности на землю имели еще узкие границы. Натуральный характер помещичьего и крестьянского хозяйства ограничивал емкость внутреннего рынка.

В рассматриваемое время происходили некоторые сдвиги в области характерной для нации общности языка. Первая четверть XVIII в. является важным этапом в складывании литературного языка, освобождении его из-под влияния церковно-славянского языка. Происходившее во многих сферах жизни «обмирщение» способствовало распространению светской литературы, содержавшей больше элементов народной речи, чем церковно-славянский язык. Даже в проповеди Ф. Прокоповича, не говоря уже о публицистических произведениях И. Т. Посошкова, проникают элементы народного языка. Успехи в просвещении, распространение печатной литературы, учебников, указов и газеты — выполнили известную роль в складывании общенародного языка русской нации и литературного языка, хотя в первой четверти XVIII в., как и в последующий период XVIII в., этот процесс протекал медленно. Отдельные представители верхушки дворянства и бюрократии засоряли язык иностранными словами.

Психическая общность, или «национальный характер», является исторической категорией. И. В. Сталин отмечает, что «„национальный характер" не представляет нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни, но, поскольку он существует в каждый данный момент,— он накладывает на физиономию нации свою печать»[1].

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 296

Победоносные войны, упорный труд в сельском хозяйстве и промышленности и ожесточенная борьба с эксплуататорами создавали условия для проявления замечательных свойств русского национального характера: ясного ума, стойкости и терпения. Победы под Азовом и Полтавой, Гангутом и Гренгамом, руководящая роль России в Северном союзе способствовали развитию национального самосознания русского народа, поднимали на более высокую ступень его патриотизм, укрепляли общность «психического склада, проявляющегося в общности культуры».

На почве, подготовленной русской культурой предшествующего времени, продолжают развиваться устное народное творчество, литература и искусство. Вместе с тем в сложном процессе развития этих традиций обнаруживаются черты новых, исторически более прогрессивных явлений.

Литература и искусство высвобождались из узких рамок церковного миросозерцания, становились на реалистический путь изображения действительности. Это сказалось в светском характере повестей, отражавших современные события, в архитектуре зданий гражданского назначения, в реализме портретной живописи, передававшей выразительные черты русского человека. Патриотическая направленность русской культуры не исключала ее классового содержания. Наряду с народным искусством, устным творчеством, архитектурой существовали литература, искусство, архитектура эксплуататорских классов, находившиеся в более благоприятных условиях для своего развития.

В это время складывались те противоречия и те особенности социально-экономической и культурной жизни, которые полнее развились в последующий период, в XVIII и частью в XIX вв.

Таким образом, историческое значение процессов, происходивших в конце XVII и первой четверти XVIII в., состоит прежде всего в развитии производительных сил, в строительстве мануфактур, каналов, в расширении торговли и т. п.; прогрессивный характер имели создание регулярной армии, возникновение военно-морского флота, реформы государственного аппарата; достижения во внешней политике привели к окончательному решению в пользу России вековой балтийской проблемы. В области культуры реформы привели к созданию ряда общих и специальных учебных заведений, к развитию технических знаний, созданию Академии наук. Возникает театр и светская живопись, нового расцвета достигают архитектура, литература и публицистика.

Однако прогрессивные явления достались народу дорогой ценой — дальнейшим ростом угнетения крестьянства; культурными и другими достижениями воспользовались главным образом господствующий класс и отчасти купечество.

Феодально-крепостнический строй оказался еще способным обеспечить некоторый подъем производительных сил, но крепостнические отношения ограничивали его размах, господствующий класс—дворянство не мог преодолеть отсталости страны, как не могла ее преодолеть и буржуазия. Только два столетия спустя пролетариат, совершив Великую Октябрьскую социалистическую революцию, овладев властью, создал условия для невиданного культурного и материального подъема народных масс.

СОКРАЩЕНИЯ:
А.—Амстердам
Б.—Березина, Г.—Горки
К.—Кривая лука, уроч.
Н.Б.—Ново-Богородицкий
О.—Ораниенбаум
Перт.—Пертоминский мон.
С.—Сестрорецкий
Ст.—Стародуб
Ш.—Шклов
Шл.—Шлиссельбург (Нотебург)
Шт.—Штеттин
100 0 100 200 300 400 500 км
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
ДАНИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Копенгаген
Мальмё
Карлсгамн
Стокгольм
Эрегрунд
о. Гренгам
о. Вакгольм
Аландские о-ва
Ништадт
Або
Таммерфорс
Пелкина
Нейшлот
Лаппола
Гельсингфорс
м. Гангуд
Выборг
Кексгольм (Корела)
Кронштадт
С.-ПЕТЕРБУРГ 16/V 1703 г.
ИНГРИЯ
ЭСТЛЯНДИЯ
Ревель
Нарва
Пернов
Дерпт
Гуммельсгоф
Эрестфер
ЛИФЛЯНДИЯ
Рига
Псков
Новгород
КУРЛЯНДИЯ
Либава
Митава
Гемауертгоф
Биржи
Ковно
Полоцк
Вильно
Сморгонь
Гродно
Борисов
Минск
Головчино
Смоленск
Могилёв
Лесная
Добров
Брянск
Почеп
Глухов
Путивль
Курск
Чернигов
Батурин
Нежин
Киев
Ромны
Гадяч
Лебедин
Харьков
Полтава
Переволочна
Сечь (до 1709 г.)
Каменный Затон
Кизи-кермен
Бендеры
Фальчи
Умань
Чигирин
Белая Церковь
Каменец
ПОДОЛЬЕ (тур. в 1672–99 гг.)
УКРАЙНА
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
БЕЛОРУССИЯ
Острог
Жолквы
Рава
Яворов
Львов
Брест
Дзенциолы
Варшава
Прага
Радом
Люблин
Клишов
Краков
Калиш
Фрауштадт
Познань
Торунь
Гданск
Эльбинг
Кенигсберг
ВОСТ. ПРУССИЯ
1712 г. Меншиков
БРАНДЕНБУРГ
ПОМЕРАНИЯ (шв.)
Штральзунд
о. Рюген
о. Борнгольм
МЕКЛЕНБУРГ
Висмар
Гамбург
Травендаль
ГОЛШТИНИЯ (дат.)
Бремен
Ольденбург
НИДЕРЛАНДЫ
Саардам
Ганновер
Брауншвейг
Берлин
Кельн
Кобленц
Майнц
Франкфурт
Альтранштадт
Лейпциг
Дрезден
САКСОНИЯ
СИЛЕЗИЯ
БОГЕМИЯ (ЧЕХИЯ)
Прага
МОРАВИЯ
БАВАРИЯ
Мюнхен
Зальцбург
АВСТРИЯ
Вена
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
ТИРОЛЬ
РЕСП. ВЕНЕЦИЯ
КРАЙНА
Триест
ВЕНГРИЯ (австр. с 1526 г.)
ВЕНГРИЯ (австр. с 1687–1699 гг.)
Офен
Пешт
СЕМИГРАДЬЕ (австр. с 1687–1699 гг.)
СЛАВОНИЯ
Карловиц
Темешвар
БАНАТ (австр. с 1718 г.)
Белград
СЕРБИЯ
МОЛДАВИЯ
Яссы
ЗАПОРОЖЬЕ
Н. Б.
Кодак
СЛОБОДСКАЯ УКРАЙНА
Орёл
Ст. Оскол
Белгород

РОССИЯ в 1694—1725 гг.

94—1725 гг.

Границы государств в 1694
Внутригосударственные гр... герцогства и т. д.)
Границы административных
Территория Русского госуд...
Территория правобережног... XVII в. в сфере русского
Азовское приморье, присо... и возвращенное после П...
Территории, присоединенны...
Границы Российской импер...
Дания и Норвегия к началу
Швеция
Польша и Саксония
Прусское королевство
Границы владений император... Габсбургов с 1718 г.
Границы Турецкой империи... и на Кавказе) в 1725 год
КАБАРДА Народы северного Кавказа... от Турецкой империи
Бийск 1709 Даты основания городов. к
Губернские города в конце
Строительство (неоконч.) В...
Металлообрабатывающие з...
Укрепленная черта
Новая Земля
о. Вайгач
Пустозерский острог
Обдорск
Березов
Сургут
Туруханск
Кетский острог
Нарым
Томск
Верхо-Томск... остро...
Чердынь
Соль Камская
Верхотурье
Тобольск
Алапаевский 1704
Невьянский 1698
Ирбит
Егошихинский 1723
Тагильский 1716
Екатеринбург 1721
Долматов мон.
Уктусский (нач. XVIII в.)
Коркина слобода (Ишим)
Царево Городище (Курган)
Челяба
Оса
Кунгур
Уфа
Варзи
Сергиевск 1703
Соловаренный городок
Сакмарский городок 1725
Чаусский острог (Колывань) 1713
Каинский острог 1722
Омск 1716
Черлаковский форпост 1720
Железинская 1717
Коряковский форпост (Павлодар)
Ямышевское 1715
Семиярская 1720
Семипалатная (Семипалати...
Колыванский
Усть-Каменно... (Усть-Камено...
Бийск 1709
Эксп. Бухгольца в 1714-16 гг.
Эксп. Лихарева в 1720 г.
САМОЕДЫ
(НЕНЦЫ)
ЭВЕНКИ
(ТУНГУСЫ)
ОСТЯКИ
(ХАНТЫ)
ВОГУЛЫ
(МАНСИ)
ТАТАРЫ
КОМИ-ЗЫРЯНЕ
КОМИ-ПЕРМЯКИ
...МУРТЫ
...ОТЯКИ)
БАШКИРЫ
КАЗАНСКАЯ ДОРОГА
ОСИНСКАЯ ДОРОГА
СИБИРСКАЯ ДОРОГА
НОГАЙСКАЯ ДОРОГА
КАЗАКИ
БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ
КАЛМЫ...
КАЗАХИ
КАРА-...
Обь
Иртыш
Енисей
Печора
Уса
Кама
Чусовая
Тура
Тавда
Исеть
Конда
Тобол
Ишим
Тара
Омь
Пур
Таз
Тым
Кеть
Вах
Белая
Самара
Сакмара
Илек
Тургай
Иргиз
оз. Чаны
СЕВЕРНЫЙ ...

Границы государств в 1694 г.
Внутригосударственные границы (королевства, княжества, герцогства и т. д.)
Границы административных округов, областей и районов
Территория Русского государства в 1694 г.
Территория правобережного Запорожья, состоявшего к концу XVII в. в сфере русского влияния
Азовское приморье, присоединенное к России в 1696 г. и возвращенное после Прутского похода 1711 г.
Территории, присоединенные к России при Петре I
Границы Российской империи в 1725 г.
Дания и Норвегия к началу Северной войны
Швеция " " "
Польша и Саксония " " "
Прусское королевство " " "
Границы владений императорского австрийского дома Габсбургов с 1718 г.
Границы Турецкой империи (с ее приобретениями в Запорожье и на Кавказе) в 1725 году
КАБАРДА Народы северного Кавказа, находившиеся в зависимости от Турецкой империи
Бийск 1709 Даты основания городов, крепостей и заводов
Губернские города в конце первой четверти XVIII в.
Строительство (неоконч.) Волго-Донского канала („слюзное дело")
Металлообрабатывающие заводы
Укрепленная черта
Каналы
Верфи
Туруханск
Сургут
Кетский острог
Нарым
Красноярск
Канск
Томск
Верхо-Томский острог
Кузнецк
Абаканский острог 1707
Минусинский острог 1707
Тобольск
Эксп. Бухгольца в 1714-16 гг.
Эксп. Лихарева в 1720 г.
Чаусский острог (Колывань) 1713
Каинский острог 1722
Коркина слобода (Ишим)
Омск 1716
БАРАБИНСКАЯ СТЕПЬ
оз. Чаны
Бийск 1709
Черлаковский форпост 1720
Железинская 1717
Колыванский 1723
Коряковский форпост (Павлодар)
Ямышевское 1715
Усть-Каменная 1720 (Усть-Каменогорск)
Семиярская 1720
Семипалатная 1718 (Семипалатинск)
оз. Зайсан
КАЛМЫКИ
КАЗАХИ
ТАТАРЫ
ОСТЯКИ
ВОГУЛЫ
САМОЕДЫ
ЭВЕНКИ (ТУНГУСЫ)
Енисей
Пур
Таз
Обь
Иртыш
Кета
Чулым
Тара
Омь
Томь
Бия
Катунь
Тобол
Ишим
Тургай
Тавда
Конда
Ирбит
Исеть
Долматов мон.
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Медвежьи о-ва 1710
ЧУКЧИ
(ЛУОРОВЕТЛАНЫ)
Нижне-Колымск

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА 1700-1721 гг.
ПОХОДЫ КАРЛА XII:
Под Копенгаген в апреле—августе 1700 г.
Под Нарву и в Польшу (осень 1700—1702 гг.)
К Гродно в конце 1705 г., блокада там русской армии и поход в Саксонию против кор. Августа II (лето 1706 г.)
Из Саксонии к Полтаве (авг. 1707—май 1709 г.) и
бегство после поражения 27 июня 1709 г.
Путь вспомог. корпуса ген. Левенгаупта (авг.—сент. 1708 г.)
ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ВОЙСК:
Концентрация русских войск в Гродно на зиму 1705—06 гг. и выход из блокады на Украину (март—апрель 1706 г.)
Места зимовок русских войск в 1706—07 гг.
Пункты сосредоточения русских главных сил в начале похода Карла XII в Россию (осень 1707 г.)
Движение русских главных сил от Головчина к Полтаве (1708 г. VII. 3—1709. V)
Концентрация русских войск летом 1716 г. в Копенгагене для проектировавшегося десанта в Швецию
Стоянка русского корпуса в Мекленбурге (1716. III—1717. VI)
Приблизительные границы продвижения русских войск в Финляндии к концу 1714 г. (Эта территория была возвращена Швеции при заключении мира)
Походы русского флота и сухопутных войск на окрестности Стокгольма в 1719—1721 гг.
Демонстрация английского флота в 1719—1721 гг. против России
Место боя во время Прутского похода (1711. VII. 9—10)
ВОССТАНИЯ
Район и пункты Астраханского восстания 1705—06
Основной район восстания на Дону (1707—08 гг.) и восставших после победы над казачьей старшин
Царицын Города в Поволжье захваченные повстанцами
Район верховых казачьих городков, назначенных к в наказание за восстание
ЭКСПЕДИЦИИ
(В ПОИСКАХ ПУТИ В ИНДИЮ)
Путь кн. Ал-дра Бековича-Черкасского в Средн. Азию
" Бухгольца в Среднюю Азию 1714—16 гг.
" Лихарева к верховьям Иртыша 1720 г.
Копенгаген
Карлскрона
С. ПЕТЕРБУРГ 16/V 1703 г.
ЭСТЛЯНДИЯ
Нарва
Перков
Дерпт
Гуммельсгоф
Эрестфер
Рига
Новгород
Псков
Либава
КУРЛЯНДИЯ
Митава
Гемауертгоф
Биржи
Ковно
Вильно
Сморгонь
Полоцк
Гродно
Неман
Минск
Борисов
Головчино
Смоленск
Вязьма
Могилёв
Лесная
Брянск
Почеп
Орёл
Глухов
Путивль
Курск
Батурин
Нежин
Киев
Ромны
Гадяч
Лебедин
Харьков
Полтава
Переволочна
Белая Церковь
Чигирин
Умань
Каменец
Черниговь
Брест
Дзенциолы
Варшава
Прага
Радом
Люблин
Краков
Клишов
Калиш
Познань
Фрауштадт
Торунь
Гданск
Эльбинг
Кенигсберг
ВОСТ. ПРУССИЯ
БРАНДЕНБУРГ
Берлин
Лейпциг
Альтранштадт
Дрезден
САКСОНИЯ
СИЛЕЗИЯ
БОГЕМИЯ
(ЧЕХИЯ)
Прага
МОРАВИЯ
БАВАРИЯ
Мюнхен
Зальцбург
АВСТРИЯ
Вена
ШТИРИЯ
КАРИНТИЯ
Триест
КРАЙНА
РЕСП. ВЕНЕЦИЯ
ТИРОЛЬ
ВЕНГРИЯ (австр. с 1526 г.)
ВЕНГРИЯ (австр. с 1687-1699 гг.)
СЕМИГРАДЬЕ (австр. с 1687-1699 гг.)
Офен
Пешт
Тисса
Карловиц
Темешвар
БАНАТ (австр. с 1718 г.)
Белград
СЕРБИЯ (австр. в 1718-39 гг.)
МАЛАЯ ВАЛАХИЯ
ВЕЛИКАЯ ВАЛАХИЯ
Бухарест
Браилов
Галац
МОЛДАВИЯ
Яссы
Фальчи
Прут
Днестр
Бендеры
БУДЖАК
Очаков
Кизи-кермен
Сечь
Каменный Затон
Кодак
Н. Б.
ЗАПОРОЖЬЕ (до 1709 г.)
ПОДОЛЬЕ (тур. в 1672-99 гг.)
Острог
Жолквы
Рава
Яворов
Львов
УКРАИНА
РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ
БЕЛОРУССИЯ
Припять
Днепр
Перекоп
КРЫМ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Керчь
Бахчисарай
Балаклава
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Константинополь
Синоп
Кызыл-Ирмак
БОЛГАРИЯ
Дунай
ЧЕРНОГОРИЯ
Скутари
Рагуза
Зара
СЛАВОНИЯ
ХОРВАТИЯ
Сардам
НИДЕРЛАНДЫ
Ольденбург
Бремен
Гамбург
Ганновер
ГАННОВЕР
Брауншвейг
Кельн
Кобленц
Майнц
Франкфурт
ГОЛШТИНИЯ (дат.)
Травендаль
Висмар
Штральзунд
о. Рюген
о. Борнгольм
МЕКЛЕНБУРГ
ПОМЕРАНИЯ (шв.)
Шт.
1712 г. Меншиков
Мальме
о. Эланд
о. Готланд
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Новгород
Ст. Оскол
Белгород
Троицк на Таганроге

ВОССТАНИЯ
нкты Астраханского восстания 1705—06 гг.
айон восстания на Дону (1707—08 гг.) и резиденция
х после победы над казачьей старшиной
оволжье захваченные повстанцами
овых казачьих городков, назначенных к уничтожению
ие за восстание
ЭКСПЕДИЦИИ
(В ПОИСКАХ ПУТИ В ИНДИЮ)
-дра Бековича-Черкасского в Средн. Азию 1716—17 гг.
льца в Среднюю Азию 1714—16 гг.
ева к верховьям Иртыша 1720 г.
Лодейное Поле
(Нотебург)
С.-ПЕТЕРБУРГ
16/V 1703 г.
Нарва
Псков
Новгород
Соль Вычегодская
Устюг Вел.
Сухона
Чердынь
Соль Камская
Верхотурье
КОМИ-ПЕРМЯКИ
Вологда
Вышний Волочек
Тверь
Кострома
Ярославль
Юрьевец
Переяславль Залесский
Троицкий мон.
Владимир
Унжа
Ветлуга
Вятка
Хлынов (Вятка)
Егошихинский 1723
Чусовая
Алапаевский
Невьянский 1698
Тагильский 1716
Екатеринб 1721
Уктусский (нач. XVIII в.)
Оса
Кунгур
УДМУРТЫ (ВОТЯКИ)
МАРИ (ЧЕРЕМИСЫ)
ТАТАРЫ
ЧУВАШИ
Полоцк
Головчино
Могилёв
Лесная
Смоленск
Вязьма
МОСКВА
Макарьев
Ниж. Новгород
Волга
Казань
Варзи
Сарыш
Кама
Челяба
ОСИНСКАЯ ДОРОГА
СИБИРСКАЯ ДОРОГА
КАЗАНСКАЯ ДОРОГА
Уфа
БАШКИРЫ
НОГАЙСКАЯ ДОРОГА
Солеваренный городок
Белая
Кашира
Тула
Брянск
Орёл
Почеп
Ораниенбург
Козлов
Лапецкий
Тамбов
Красенский (Кирсанов)
МОРДВА
Симбирск
Ширяевский
1720
Самара
Сызрань
Сергиевск 1703
Бьлярск
Глухов
Путивль
Чернигов
Батурин
Нежин
Киев
Ромны
Курск
Усмань
Воронеж
Петровск 1698
Гадяч
Лебедин
Ст. Оскол
Белгород
Харьков
Полтава
Переволочна
Чигирин
Павловск
Борисоглебск
Саратов
Сакмарский городок 1725
ЯИЦКИЕ КАЗАКИ
Яицкий городок
Илек
СЛОБОДСКАЯ УКРАИНА
Решетниково
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
Медведица
Иловля
Дмитриевск (Камышин)
Донецкая
Шульгин городок
Паншин городок
Царицын
ЗАПОРОЖЬЕ
Н. Б. Кодак
Сечь (до 1709 г.)
Кизи-кермен
Каменный Затон
Троицкая на Таганроге
Черкасск
Азов
Черный Яр
НОГАИ
КАЛМЫКИ
Калмыковский фортпост
Гурьев
Эмба
Красный Яр
Астрахань
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Перекоп
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Керчь
Кубань
АДЫГЕ (ЧЕРКЕСЫ)
Кума
ТЕРСКИЕ КАЗАКИ
Терский городок
КАБАРДА
ЧЕЧНЯ
СВАНЫ
АБХАЗИЯ
ОСЕТИЯ
МЕГРЕЛИЯ
ИМЕРЕТИЯ
ГУРИЯ
КАРТЛИЯ
КАХЕТИЯ
Тбилиси
ЛЕЗГИНЫ
Креп. св. Креста
Тарки
ДАГЕСТАН
Дербент
Синоп
Трапезунд
Карс
Ереван
Гандже
Кура
Шемаха
Баку
АРМЕНИЯ
КАРАБАХ
Аракс
АЗЕРБАЙДЖАН
Ленкорань
Ардебиль
Тавриз
Решт
ГИЛЯНЬ
МАЗАНДЕРАН
Астрабад
Казвин
ПЕРСИЯ
К ТУРЦИИ с 1724-25 г.
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
укр. св. Петра
укр. Александровское
укр. Красноводское
Эксп. кн. Бековича-Черкасского в 1717 г.
Эксп. кн. Бековича-Черкасского в 1716-17 гг.
ТУРКМЕНЫ
ХИВИНСКОЕ
Ургенч
Атрек

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В 1694–1725 гг.
200 0 200 400 600 800 км
Территория Камчатки, присоединенная при Петре I (окончательно подчинена в 1730-х гг.)
Территория чукчей (луороветланов), присоединенная в 1720-х гг.
Земли уступленные Китаю по Нерчинскому договору 1689 г.
Путь экспедиции на Камчатку Вл. Атласова и его разведывательных отрядов (1697–98 гг.)
Кяхта 1721
Чердынь
Кама
Соль Камская
Верхотурье
Алапаевский 1704
Невьянский 1698
Ирбит
Тагильский 1716
Егошихинский 1723
Чусовая
Кунгур
Оса
Екатеринбург 1721
Исеть
Долматов мон.
Уктусский (нач. XVIII в.)
Царево Городище (Курган)
Челяба
Уфа
Белая
Солеваренный городок
Сергиевск 1703
Самара
Сакмара
Сакмарский городок 1725
Казанская дорога
Осинская дорога
Сибирская дорога
Ногайская дорога
Коми-пермяки
Вогулы
Татары
Башкиры
Казаки
Тобольск
Тура
Тавда
Конда
Тобол
Ишим
Коркина слобода (Ишим)
Эксп. Бухгольца в 1714–16 гг.
Эксп. Лихарева в 1720 г.
Тара
Омь
Омск 1716
Чаусский острог (Колывань) 1713
Каинский острог 1722
Барабинская степь
оз. Чаны
Обь
Томск
Бийск 1709
Черлаковский форпост 1720
Железинская 1717
Коряковский форпост (Павлодар)
Ямышевское 1715
Семиярская 1720
Семипалатная
Колыванский
Калмыки
Илек
Тургай
Иргиз
Эмба
Казахи
Кара-калпаки
Гурьев
Эксп. кн. Бековича-Черкасского в 1717 г.
Бековича-Черкасского в 1716–17 гг.
Аральское море
Сыр-Дарья
Аму-Дарья
Ургенч
Хива
Хивинское ханство
(Хорезм)
Узбеки
Туркмены
укр. Александровское
укр. Красноводское
Каспийское море
Атрек
Астрабад
Мазандеран
(Иран)
Северный
Жиганск
Лена
Оленек
Верхоянск
Юкагиры
(Одулы)
Вилюй
Вилюйск
Якутск
Олекминск
Алдан
Юдома
Мая
Охотск
Охотское
Удский острог
Якуты
Красноярск
Енисей
Верхн. Тунгуска
Нижн. Тунгуска
Нижнеудинск
Иркутск
Витим
Верхнеудинск
Кяхта 1721
Селенга
Нерчинск
Онон
Серебряные заводы
Албазин
Амур
Даурия
Буряты
Монголы
Маньчжуры
Китай
Гиляки

Томск
Абаканский острог 1707
Минусинский острог 1707
Верхо-Томский острог
Томь
Кузнецк
Тобольск
Эксп. Бухгольца в 1714–16 гг.
Эксп. Лихарева в 1720 г.
Тара
Чаусский острог (Колывань) 1713
Каинский острог 1722
Т А Т А Р Ы
Омь
Ирбит
Коркина слобода (Ишим)
Б А Р А Б И Н С К А Я С Т Е П Ь
оз. Чаны
Обь
Бия
Бийск 1709
Омск 1716
Далматов мон.
Черлаковский форпост 1720
Железинская 1717
Катунь
Колыванский 1723
Коряковский форпост (Павлодар)
Ямышевское 1715
Усть-Каменная 1720 (Усть-Каменогорск)
Тобол
Ишим
Семиярская 1720
Семипалатная 1718 (Семипалатинск)
К А Л М Ы К И
оз. Зайсан
Тургай
К А З А Х И
КАРА-КАЛПАКИ
Сыр-Дарья
Амударья
Хива
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Медвежьи о-ва 1710
ЧУКЧИ
(ЛУОРОВЕТЛАНЫ)
Нижне-Колымск
Средне-Колымск
Анадырский острог
Оленек
Лена
Яна
Индигирка
Анадырь
Жиганск
Верхоянск
Ю К А Г И Р Ы
(О Д У Л Ы)
Верхне-Колымск
КОРЯКИ
Пенжинское
Гижигинское
Колыма
Я К У Т Ы
Вилюй
Вилюйск
Верхн. Тунгуска
Нижн. Тунгуска
Красноярск
Енисей
Якутск
Олекминск
Нижнеудинск
Алдан
Юдома
Охотск
КАМЧАДАЛЫ
Нижне-Камчатск
Верхне-Камчатск 1697
Мая
Б У Р Я Т Ы
Иркутск
Витим
Олекма
Удский острог
Уда
О Х О Т С К О Е М О Р Е
Большерецк
Верхнеудинск
Кяхта 1721
Нерчинск
Албазин
Д А У Р Ы
Серебряные заводы
Селенга
Онон
М О Н Г О Л Ы
ГИЛЯКИ (НАНХИ)
МАНЬЧЖУРЫ
о. Сахалин
Курильские о-ва 1711
К И Т А Й
Амур
ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В 1694–1725 гг.
200 0 200 400 600 800 км
Территория Камчатки, присоединенная при Петре I (окончательно подчинена в 1730-х гг.)
Территория чукчей (луоровелтанов), присоединенная в 1720-х гг.
Земли уступленные Китаю по Нерчинскому договору 1689 г.
Путь экспедиции на Камчатку Вл. Атласова и его разведывательных отрядов (1697–98 гг.)
Открытие морского пути на Камчатку из Охотска Кузьмой Соколовым в 1716 г.
Первая разведка Курильских островов Дан. Анцыферовым и Ив. Козыревским в 1711 г.
Вторая разведка Курильских островов по указу Петра I геодезистами Ив. Евреиновым и Фед. Лужиным в 1720–21 гг.
Разведка Шантарских островов казаками из Удского острога в 1712 г.
Кяхта 1721 Пункты, основанные при Петре I, и острова, при нем открытые (с датами)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Указатели составлены Е. А. Яновской.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] Принятые сокращения: г. — город; г-к — городок; м-ко — местечко; д. — деревня; с. — село; с-цо — сельцо; у. — уезд; оз. — озеро; р. — река; м-рь — монастырь; губ. — губерния; о-в — остров; п-ов — полуостров.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Подбор иллюстраций произведен Н. А. Баклановой
Схемы №№ 29, 30, 31 составлены Б. Г. Слицаном.
Схемы №№ 53, 57, 67 и карты редактированы К. В. Кудряшевым.

СПИСОК КАРТ

Карты №№ 1 и 4 составлены И. А. Голубцовым, карта № 2 составлена К. Н. Сербиной, карта № 3 составлена В. П. Лысцовым.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВУА — Военно-ученый архив
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЖМНПр.— Журнал министерства народного просвещения
л.— лист
ОДРиА — Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР в Ленинграде
оп.— опись
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
ПиБ — Письма и бумаги Петра Великого
РПД — Реестры персидского двора
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
Сб. ВИМ — Сборник военно-исторических материалов
стб. — столбец
ТИРВИО — Труды императорского русского военно-исторического общества
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
ЦГВИА — Центральный Государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный Государственный исторический архив Ленинграда
Чтения ОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

Рецензентами и консультантами по отдельным главам тома были *В. Н. Зубов*, *Н. Н. Коваленская*, *А. В. Чернов*, *К. Н. Щепетов*. В редактировании тома на начальном этапе работы принимали участие *Т. К. Крылова* и *В. И. Лебедев*.

Техническая подготовка текста к печати и организационная работа выполнены *М. Д. Курмачевой* при участии *М. М. Зайцевой*, *З. Н. Бочкаревой*, *Т. С. Майковой*, *А. П. Виноградовой*, *Н. П. Малолетовой*, *В. Г. Шерстобитовой*.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четвертая

Внешняя политика

Глава пятая

Русская культура

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *Л. А. Никифоров*

Технический редактор *А. А. Киселева*

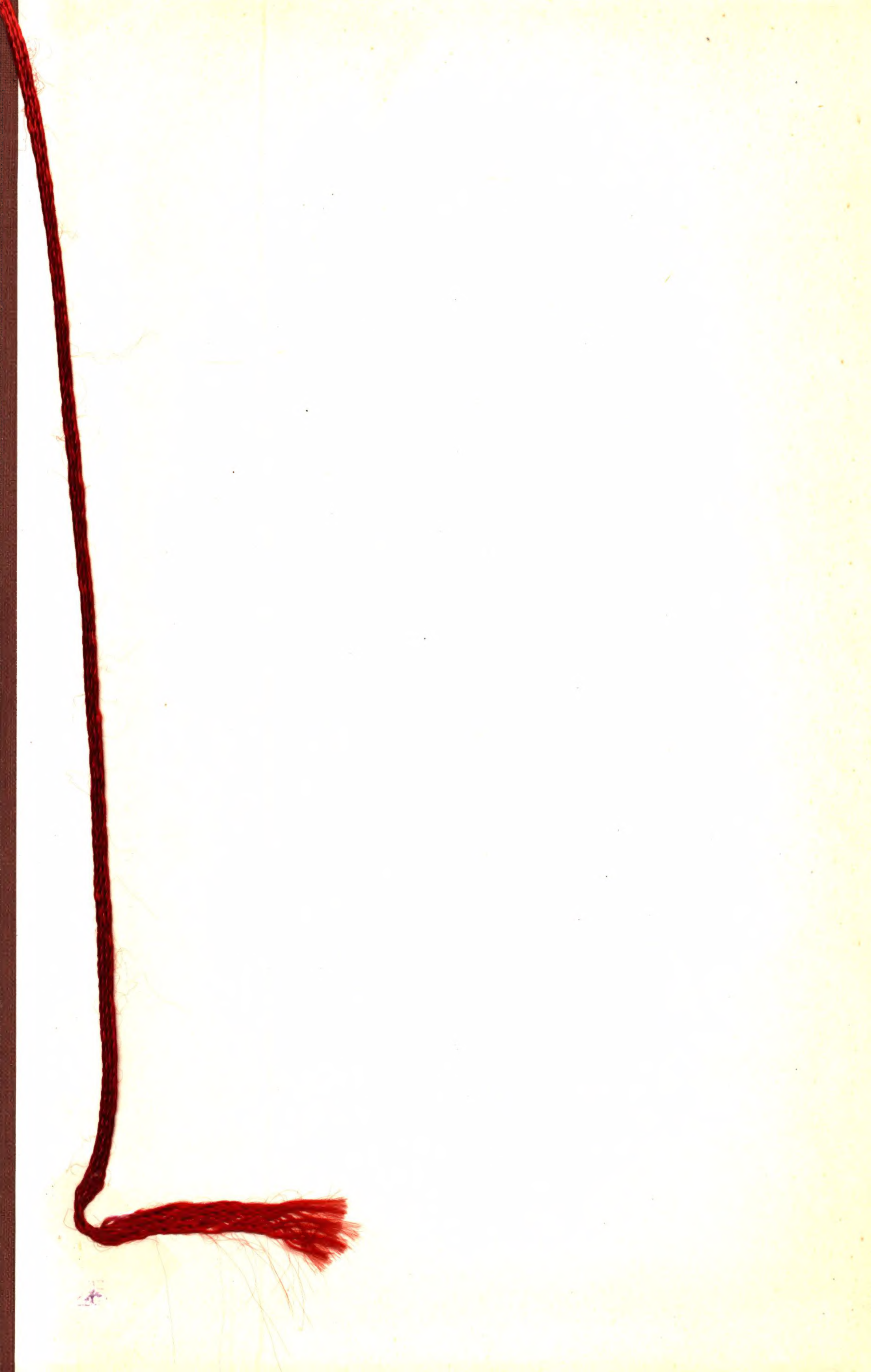
*

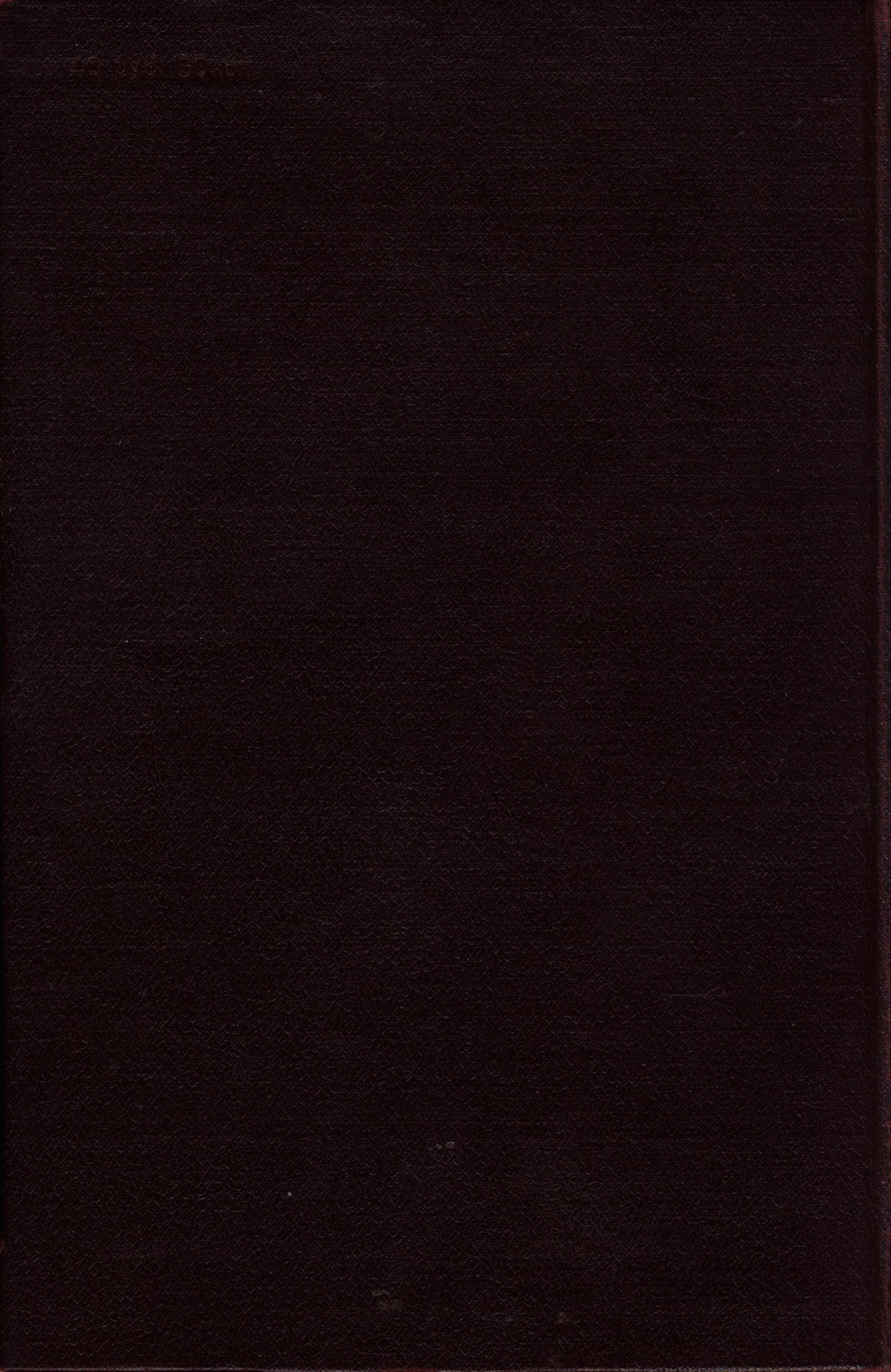
РИСО АН СССР № 1-45Р. Т-05124. Издат. № 215
Тип. заказ № 2005. Подп. к печ. 31/VII 1954 г.
Формат бум. $70\times108^1/_{16}$. Бум. л. 25,5+17 вклеек
Печ. л. 69,87+17 вклеек.
Уч.-издат. л. 59,1+3,1 вкл.-62,2 Тираж 20 000.
Цена по прейскуранту 1952 г. 40 р. 50 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
91	подпись под рисунком	Н. А. Демидов	Никита Демидов
95	подпись под рисунком	Эллингер	Эллигер
99	подпись под рисунком	А. П. Ростовцева	А. И. Ростовцева
189	5—6 сн.	Новгородском уезде	Нижегородском уезде
194	11 св.	отцов, знатных чинов	отцов знатных чинов,
203	3 св.	И. Б. Куракина	Б. И. Куракина
315	17 св.	Ватранга	Эреншильда
367	15—16 св.	каких земли	как их земли
404	8 сн.	московский вице-губернатор Корсаков	петербургский вице-губернатор Римский-Корсаков
421	3 сн.	— 430	— до 6 абзаца стр. 429
463	1 св.	Фридрих II	Фридрих III
500	2—3 св.	Адъютант Меншикова	Адъютант Петра I
533	23 сн.	7 июня	7 июля
545	1 сн.	стр. 550	стр. 547
555	1 сн.	стр. 571	до 8 абзаца стр. 567
578	6 св.	Фридриха-Вильгельма	Фридриха I
590	12 св.	Фридрих-Вильгельм	Фридрих I
646	5 св.	объяснением	объяснением задач
674	13 св.	Скаарда	Скарги
696	18 сн.	М. Ильинского	И. И. Ильинского
705	18 св.	что Алексей	что сын Петра Алексей
733	1 сн.	государынею Петра I	государынею
739	подпись под рисунком	А. П. Ростовцева	А. И. Ростовцева
742	22 сн.	П. Салтановым	Б. Салтановым

40 руб. 50 коп.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

XVIII в.

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР